

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ,
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Ежегодник

Выпуск 4

Часть 1

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления, *А.А. Акаев* – иностранный член РАН, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ФС РФ, *С.Д. Бодрунов* – д.э.н., профессор, президент Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, *Н.Н. Бордюжа* – председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, *А.А. Быков* – д.э.н., профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, *В.В. Гончаров* – к.э.н., директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *Ю.В. Гуляев* – академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *В.В. Иванов* – член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, сопредседатель, *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН, сопредседатель, *С.В. Кузнецов* – д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН, *Ю.Г. Лаврикова* – д.э.н., директор Института экономики УрО РАН, *Е.Б. Ленчук* – д.э.н., директор Института экономики РАН, *И.А. Максимцев* – д.э.н., профессор, ректор СПбГЭУ, *О.С. Сабден* – д.э.н., президент Союза ученых Казахстана, *О.Н. Слоботчиков* – к.полит.н., профессор, ректор Института мировых цивилизаций, *А.В. Смирнов* – академик РАН, директор Института философии РАН.

Редакционная коллегия

А.В. Акимов – д.э.н., зав. отделом Института востоковедения РАН, *В.А. Алешин* – профессор Академии военных наук, *С.Н. Алтысбаева* – д.э.н., профессор, директор Центра аналитических исследований и прогнозирования Института экономических исследований Министерства национальной экономики Республики Казахстан, *Е.Л. Андреева* – д.э.н., профессор, профессор РАН, зам. директора Института экономики УрО РАН, *Г.А. Ваганян* – д.э.н., к.т.н., профессор Российско-Армянского (Славянского) государственного университета, *М.Д. Валовая* – д.э.н., профессор, Российский экономический университет, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *З.А. Дадабаева* – д.полит.н., в.н.с. Института экономики РАН, *С.М. Дедков* – к.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *С.И. Коданева* – к.ю.н., доцент РАНХиГС, с.н.с. ИНИОН РАН, *О.С. Крюкова* – д.филол.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.М. Межевич* – д.э.н., профессор СПбГУ, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, *А.Н. Михайленко* – д.полит.н., профессор РАНХиГС, *Дж.А. Мусаева* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории, Международный университет Алатао, Бишкек, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, ученый секретарь Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, *В.В. Перская* – д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, директор института исследований МЭО Финансового университета, *А.А. Попков* – к.э.н., доцент, *С.А. Семедов* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС, *Т.В. Сичкарь* – к.т.н., доцент, декан факультета дизайна и журналистской деятельности Института мировых цивилизаций, *С.К. Смирнова* – д.полит.н., первый заместитель Генерального секретаря – руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии, *Т.Б. Уварова* – д.и.н., зав. сектором ИНИОН РАН, *М.К. Файзуллоев* – д.э.н., декан экономического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, *М.В. Шатохин* – д.э.н., профессор, и.о. проректора по научной работе Института мировых цивилизаций, *Л.В. Шемберко* – зав. сектором ИНИОН РАН, *Д.Г. Шкаев* – н.с. ИНИОН РАН, *Л.В. Шкваря* – д.э.н., профессор РУДН, *М.А. Шульга* – д.полит.н., профессор, Киевский Национальный университет, *И.З. Ярыгина* – д.э.н., профессор, Финансовый университет.

Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 4. Ч. 1 /
Б 79 РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2021. – 739 с.
ISBN 978-5-248-00987-9

Рассматриваются национальные и общерегиональные интересы стран Большой Евразии, интеграционные процессы на евразийском пространстве, приоритеты и механизмы международного сотрудничества, стратегии социально-экономического и научно-технологического развития, приоритетные программы и проекты, национальная идентичность, проблемы межнациональных отношений и межкультурной коммуникации, процессы и перспективы формирования единого научно-образовательного пространства в Большой Евразии. В ежегоднике представлены материалы Третьей международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!».

Для специалистов в области международных отношений, государственного управления, научно-технологического развития и сотрудничества, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные интересы России и других стран Большой Евразии в изменяющемся мире

Агаев И.Г.

Китайско-американские отношения и влияние торговых войн между ними на отношение Китая со странами Большой Евразии 10

Алымкулов М.С., Наматов Н.А.

«Большая игра» Российской и Британской империи в Центральной Азии 15

Ануфриева Л.П.

Правовое регулирование евразийской интеграции в свете теории международного права 18

Арсентьева И.И.

Большое евразийское партнерство после 2020 года: проблемы и перспективы развития проекта в посткарантинном мире 23

Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Рахимова Г.Д.

Гражданское общество и правовое государство 27

Бабосов Е.М.

Основные тренды формирования транснациональной идентификации в интеграционных процессах функционирования Евразийского союза 30

Балякин А.А., Жулего В.Г.

Геополитическая катастрофа – как она выглядит? 35

Белостоцкий А.А.

Устойчивость национальных бюджетов государств в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 41

Горда О.С.

Внешекономическая экспансия КНР в развивающиеся страны 45

Захаров В.К.

Создание мировых макросов и ответное сосредоточение России 51

Иванова Т.Л.

Формирование механизма стратегического планирования и управления устойчивым развитием социально-экономических систем 58

Ирхин Ю.В.

Развитие и повышение роли посткейнсианских принципов и подходов в государственной политике в условиях мирового пандемического и структурного кризиса 65

Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Васильева Л.С.

Украинская геополитика «не разглядела» коронакризис 71

Каленова Т.С., Тілеукеш Н.Б.

Казахстан в системе глобального гражданского общества 76

Капустина М.А.

Формирование интегративной концепции Большой Евразии: системный подход к правовому обеспечению национальной безопасности на евразийском пространстве 79

Карякин В.В.

Россия и Китай в геополитической регионалистике евразийского пространства 82

Керим Г.

Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1991–2018 гг.) 86

Ковалев С.Г.

Миропорядок Большой Евразии и технологическая суверенность России 96

Козут В.Г., Нурышев Г.Н.

Республика Беларусь в геополитическом измерении 102

Крылова И.А.

Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире 106

Лазоркина О.И.

«Оздоровление» демократии в результате комплексного воздействия COVID-19 111

Лексин В.Н.

Новые стратегические решения о развитии российской Арктики и проблемы их реализации в условиях неопределенности и риска 115

Малюта А.Н., Логвиненко В.П.	
Теория и практика современной демократической концепции	121
Маслакова-Клауберг Н.И.	
Геополитические вызовы на евразийском пространстве: Нагорный Карабах	124
Москаленко В.А.	
«Мягкая сила» Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии	128
Муратов А.В.	
К вопросу о сущности мирового финансового кризиса и путях его преодоления посредством внедрения технологии блокчейн	133
Некрасов С.Н.	
Мировые войны и глобализация как исторический шанс России между красным и либеральным проектами	136
Омиржанов Е.Т., Аблаев Д.Т.	
Экологическая функция государства и ее влияние на устойчивое развитие сельского хозяйства	138
Оспанова А.О.	
Общественное мнение как способ формирования общественного сознания	141
Павлов П.В., Защитина Е.К.	
Формирование «Русского мира» в международном пространстве посредством экспорта услуг высшего образования	143
Петрищев Е.В.	
Международные политические коммуникации как средство подрыва евразийского интеграционного проекта (на примере современной Белоруссии)	148
Райнхардт Р.О.	
Влияние пандемии 2020 года на научно-дипломатические связи России с зарубежными странами: предварительная оценка	151
Саипова К.Д.	
Динамика формирования многонациональности в последнее десятилетие советского господства (на примере Узбекистана)	154
Соколова Р.И.	
Глобальная неопределенность мира: риски и шансы для Евразии (цивилизационный аспект)	156
Старовойтов В.Г.	
Глобальные вызовы, угрозы и риски для стран Евразии	161

Интеграционные процессы и сотрудничество в современном мире

Алиева Р.Р.	
Совершенствование и развитие сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в гуманитарной сфере	163
Бройде З.С.	
Территориально-отраслевое трансграничное сотрудничество в паневразийском пространстве по принципам Зеленого роста и европейского Зеленого соглашения	170
Гликман О.В.	
Роль международного права в обеспечении интересов России в рамках энергетического сотрудничества с евразийскими государствами	176
Горда А.С.	
Стратегические направления развития экономической интеграции в рамках ШОС	181
Давиденко Л.М.	
Формирование комплексной инфраструктуры инновационно-технологического сотрудничества хозяйствующих субъектов стран ЕАЭС	187
Давыденко Е.В., Колесникова Т.В.	
Таможенно-тарифное регулирование ЕАЭС в контексте развития интеграционных процессов: проблемы и перспективы	191
Дадабаева З.А.	
Перспективы и приоритеты экономического сотрудничества ЕАЭС и ШОС со странами Центральной Азии	194
Евченко Н.Н.	
Внешнеэкономическое сотрудничество ЕАЭС – ЕС: стратегия, динамика и условия развития	198
Ершова И.В., Жура С.Е.	
Правовая модель построения международного научно-технического сотрудничества на примере стран СНГ	204
Ефименко С.В.	
Опыт скоординированного социально-экономического развития в рамках региональных интеграционных объединений	207
Жильцов С.С.	
Роль ЕАЭС в экономической интеграции на постсоветском пространстве	211

Журавель В.П.

Международное арктическое сотрудничество организации «Северный форум»: трансформация от Аляски к Якутии	214
Иванов Г.В.	
Основные предпосылки формирования региональных объединений в евразийском интеграционном пространстве ..	218
Исраилова Э.А.	
Приоритетные направления евразийской интеграции	225
Kalenova T.S., Kenpeil Zh.	
Integration processes in the Eurasian space: The role of Turkic-speaking countries	227
Каленова С.А.	
Формирование общего научно-технологического пространства между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в рамках ЕАЭС	229
Куценко Н.А.	
Трансграничное сотрудничество и развитие конкурентоспособности	232
Лушников О.В.	
Евразийская интеграция: истоки и перспективы	236
Марышев А.А.	
Сопряжение интеграционных потенциалов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках формирующегося Большого евразийского партнерства	242
Медынская И.В.	
Евразийская интеграция образования, науки и бизнеса в условиях цифровизации – драйвер инновационного развития	244
Наркевич Л.В., Наркевич Е.А.	
Состояние и перспективы развития межрегионального сотрудничества России и Беларуси	248
Саенко Л.В.	
Проблемы и перспективы развития механизма оказания международной правовой помощи по семейным и гражданским делам	256
Салита С.В.	
Необходимость формирования конкурентной стратегии в условиях экономической интеграции	259
Сальников В.И.	
Цивилизационные аспекты интеграции постсоветского пространства	262
Селиванов А.И.	
Смыслы бытия человека будущего как стержень духовно-культурной интеграции стран и народов Евразии	265
Серенко И.Н.	
Российско-Пакистанские отношения в контексте процессов евразийской интеграции	271
Ткаченко И.Ю.	
Перспективы внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества России со странами ШОС	275
Устинова Л.Н.	
Формирование условий для создания механизмов инновационно-технологического взаимодействия при сотрудничестве со странами Большой Евразии	280
Чепель С.В.	
Климатические риски и усиление вклада «зеленых» технологий в социальное развитие: возможности кооперации стран Большой Евразии	283
Шугуров М.В.	
Вопросы стратегического регулирования научно-технологической интеграции в рамках Евразийского экономического союза	287
Якубова Э.Т.	
Приоритетные направления международного сотрудничества регионов Узбекистана со странами ЕАЭС	294

Цивилизационная и национальная идентичность

Ангелина Э.А.	
Духовно-нравственные ценности в контексте глобально-интеграционных процессов	297
Арбатская М.Н.	
«Меч хризантемы» или доктрина модернизации власти в банзазированной стране рисоводов	300
Бегалинов А.С.	
Некоторые аспекты глобализации и медиавоспитания в современном обществе	310
Бегалинова К.К., Ашилова М.С., Бегалинов А.С.	
Духовность, образование как факторы модернизации общества	313
Бойченко М.И.	
Европейские ценности и национальные интересы: концептуальные пути сближения	317

Вольтер О.В.

Русская православная церковь и российские исламские организации: применение политики «мягкой силы» в процессе формирования политической и межкультурной коммуникации в системе современных международных отношений	319

Газнюк Л.М.

Феномен пандемии: культурно-антропологические смыслы	323

Журба (Белов) А.Н.

Манифест евразийской цивилизации	328

Игнатович А.Е.

Мусульмане Большой Евразии: проблемы национальной безопасности	336

Карпиленя Н.В.

Об исторических, политических и этнологических процессах в русской цивилизации: развитие идей Л.Н. Гумилева	338

Климович А.В., Жук С.А.

Вызовы западной цивилизации: антропологический аспект (в контексте концепции Ф. Фукуямы)	350

Кожемяков А.С.

Идентичность <i>versus</i> глобализация: проблемы и перспективы становления «единого человечества»	356

Козьякова М.И.

Палимпсест и апокриф: идентичность в глобальной медиасреде	362

Кокумбаева Б.Д., Бегалинова К.К.

О некоторых аспектах духовного пространства Великой степи в культурной истории казахов	367

Косиченко А.Г.

В какой мере нравственность и ценности человека влияют на реальные процессы современности?	373

Красиков В.И., Махаматов Т.М.

Методологический ресурс исламского космополитизма в эпоху глобализации	378

Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.

Особенности восприятия и оценки политики идентичности массовым сознанием (на примере Республики Казахстан)	381

Небренчин С.М.

Состояние и перспективы российско-китайских межкультурных коммуникаций	389

Одиноченко В.А.

Концепция промежуточного положения Беларуси: проблема актуальности	393

Спиридонова В.И.

Историческая и современная интерпретация дилеммы «цивилизация»-«варварство»	397

Сухарев А.В., Лаврова В.А.

Роль этнических аспектов ментальности в профилактике межэтнических конфликтов	403

Чернякова Н.С.

Этническая идентификация как элемент межэтнической коммуникации	406

Эралиева А.А.

Миграция и связанный с ней процесс культурной идентичности	410

Яковенко А.В.

Сложности идентичности в условиях современного технологического развития	412

Модернизация экономики и инновационно-технологическое развитие

Авдеева Т.В.

Цифровая экономика и цифровое неравенство: современные проблемы и перспективы	416

Алпатов В.В., Крестников И.Ф., Сосунова И.А.

Российская космонавтика: социальная отдача и снижение риска ракетно-космической деятельности для стран Большой Евразии	421

Аюпова З.К., Естемесов М.Ж.

Современные правовые механизмы регулирования инвестиций в сельское хозяйство	429

Аюпова З.К., Кураинов Д.У., Рахимова Г.Д.

О развитии цифровой экономики в Республике Казахстан	432

Беляков Г.П., Багдасарян Н.А.

Законы-программы как эффективный инструмент реализации приоритетных направлений научно-технологического развития: опыт США и возможности использования в России	435

Виногоров Г.Г.

Проблемы разработки методики анализа эффективности работы майнинг-фермы	441

Виногоров Г.Г.

Внедрение в практику работы субъектов хозяйствования стран-членов ЕАЭС составления нефинансовой отчетности	446

Воронин С.М.	
Инновационные аспекты реализации промышленной политики в Республике Беларусь	449
Давтян А.К.	
Роль менеджера в управлении организацией	452
Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г., Джабиев В.В.	
Социальное измерение модернизации экономики Республики Южная Осетия	455
Имомов В.А.	
Изменение показателей рынка труда в условиях пандемии	460
Киракосян Н.Л., Саргсян К.Н.	
Менеджмент и лидерство в армянском бизнесе	462
Котилко В.В.	
Теория и практика формирования информационно-аналитических систем	464
Кочкорбаева М.Д.	
Устойчивый туризм: сущность и необходимость развития в странах ЕАЭС	466
Куделя Л.В.	
Искусственный интеллект как залог лидерства в бизнесе и предпринимательстве	471
Мазилев Е.А.	
Проблемы и направления повышения эффективности системы финансирования системы НИОКР в России	475
Manucharyan M.G.	
The development of innovative economy in Armenia: Trends and problems	480
Некрасов А.Г., Сеницына А.С.	
Цифровая эволюция процессов жизненного цикла цепей поставок	483
Новоселова Л.В.	
Актуальные направления и инструменты стимулирования экономической жизни в Китае	493
Панамарева О.Н.	
Тренды коэволюции техники, технологий и общества как генеральный вектор формирования цифровой экосистемы морских транспортных узлов России	498
Петров А.А.	
В Китае создается цифровая диктатура или общество всеобщего благоденствия	504
Половян А.В., Шемякина Н.В., Пономаренко А.А.	
Развитие цифровой инфраструктуры с использованием механизма государственно-частного партнерства	524
Попов М.И., Рахманова И.А., Голубцова О.А.	
Механизмы обеспечения конкурентоспособности экономик стран Большой Евразии	529
Романова А.А., Романов П.А.	
Воздействие стихийных факторов на процесс инновационной трансформации экономики	533
Руднев Ю.А.	
Долгосрочные тенденции в энергопотреблении стран Евразии	536
Скороход Н.Н.	
Экономическое содержание интеллектуальной собственности как отражение и фактор новой экономики	542
Сливицкий А.Б.	
Опыт научного, экспертного и информационного обеспечения мониторинга авиационной деятельности	545
Стеценко И.П.	
Производственная отрасль Тайваня в период пандемии	553
Ярашова В.К.	
Методы повышения эффективности логистики в международных рейтингах	556

Наука и образование

Абдильдин Ж.М., Абдильдина Р.Ж.	
Задачи образования в контексте современного инновационно-технологического развития	560
Алонци Р., Любин В.П.	
Изучение в России европейской интеграции и политики ЕС и реализация международного проекта «UTMOST»	563
Бейлин М.В.	
Цифровые технологии и трансформация образовательного процесса	568
Бондарь Т.Е.	
Проблемы становления интеграционного взаимодействия «Наука – образование – практика» в Республике Беларусь	573
Курсанова Н.П., Кузьминых О.Б.	
Использование проектной деятельности при подготовке бакалавров направления «туризм» (на примере проекта «Жемчужное ожерелье Евразии»)	576
Копылова Н.А.	
Стратегические приоритеты развития российского образования в контексте построения цифровой экономики	579

Kurmanbay D.S., Bobrova V.V.

On the relevance of introducing English language teaching to children with ASD in the educational process of development centers 581

Лапина С.В.

Социологическое образование и социологические исследования в новой социальной реальности 583

Миловзорова М.Н.

Критерии отбора молодежи в научные школы в целях безопасного инновационно-технологического развития территорий 586

Небродовская-Мазур Е.Ю., Матвеева И.П., Мазур Д.В.

Кадровый потенциал современной российской науки в рамках интеграционного сотрудничества со странами ЕАЭС и другими странами Большой Евразии 590

Петросянец Д.В.

Системный анализ развития экосистем инноваций в российских университетах СЗФО 594

Сливицкий А.Б.

Приоритеты образования, определяемые задачами модернизации и инновационно-технологического развития 601

Соболевская Ю.В.

О влиянии юридической науки на конституционные изменения в Российской Федерации (опыт контент-анализа) 608

Субанов Т.Т., Зарипова Д.

Планирование стратегии развития вуза на основе экстраполяции выборочных данных 613

Сухарев О.С.

Институциональные проблемы развития российской науки и возможности их преодоления 616

Урмина И.А.

Актуализация документального научного наследия российских нобелевских лауреатов с целью повышения престижа отечественной науки – из опыта информационно-выставочных мероприятий архива РАН 626

Фарберович О.В., Фарберович О.В.

Наука и журналистика в тандеме на основаниях квантовой механики: на примере достижений в области нанотехнологий общества Макса Планка (Германия) и Техниона (Израиль) 631

Хилтухина Е.Г.

Роль философии в образовательном процессе глобализационного общества 635

Демографические процессы и здравоохранение

Имомов В.А.

Изменение демографических процессов: тенденции, вызовы и перспективы 637

Кузина Н.В.

Потоки внешней миграции в эпоху пандемии (I полугодие 2020 г.) в субъектах Российской Федерации как показатель социального благополучия, ресурс демографии и экономического развития региона: правовое и неправовое поле 640

Морозов А.В.

Формирование здорового образа жизни как актуальная проблема современной цивилизации 653

Набибуллаева Р.З.

Тенденции развития системы здравоохранения Узбекистана 656

Радовель М.Р.

Факторы демографического благополучия в России и других странах СНГ (корреляционно-каузальный анализ) 660

Сидоркина З.И.

Молодежь как стратегический ресурс в социально-экономическом развитии Дальнего Востока 665

Симченко Н.А., Сафонов В.В.

Возможности использования искусственного интеллекта при оказании медицинских услуг 668

Регионы и города

Алиджанова А.Х.

Межрегиональное сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан в торгово-экономической, гуманитарной и социальной сферах 670

Амикишиева Н.Т.

Роль автомобильного транспорта в развитии горных районов и его влияние на трансграничное сотрудничество 673

Арбатская М.Н., Сюй Линьчун

Система сельского местного самоуправления в «новой нормальности» Китая: этапы развития и модели выборов 676

Баранов Н.А.

Политическая онлайн-мобилизация в современных мегаполисах в условиях «цифрового тоталитаризма» 687

Бирюков А.Л., Савостова Т.Л.

Межрегиональное сотрудничество в Арктике в условиях меняющейся международной парадигмы 690

Кибалов Е.Б., Малов В.Ю.	
Проблема экологии Ангаро-Енисейского региона: варианты решения в современном контексте	693
Мамадалиева Э.Р.	
Особенности и перспективы социально-экономического развития приграничных районов Узбекистана	702
Набибуллаева Р.З.	
Инвестиции в здравоохранение в регионах Узбекистана: на примере Ферганской, Джизакской области и города Ташкента	705
Наркевич Л.В., Степанова В.В.	
Туристическая индустрия как фактор устойчивого регионального развития	712
Петенко Т.А.	
Кластеризация – фактор конкурентоспособного и эффективного развития АПК	719
Рахимова Д.Н., Усманов М.С.	
Стратегии инновационного и технологического развития городов и регионов Узбекистана	722
Савина Н.В.	
Ретро-маршруты как фактор устойчивого развития туризма дестинации	726
Сайдахмедов Х.М.	
Развитие и эффективное использование экономического потенциала приграничных регионов Узбекистана	729
Сергунин А.А.	
Стратегии корпоративной социальной и экологической ответственности в Российской Арктике: теоретические аспекты	732
Скоробогачева Е.А.	
Культурное наследие как фактор устойчивого регионального развития Русского Севера	736

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Агаев И.Г.

к.и.н., Бакинский государственный университет

Igbal64@rambler.ru

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЫХ ВОЙН МЕЖДУ НИМИ НА ОТНОШЕНИЕ КИТАЯ СО СТРАНАМИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: Китай, Россия, США, торгово-технологическая война, Большая Евразия, Один пояс один путь (ОПОП), Экономический пояс Шелкового Пути (ЭППП), ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Keywords: China, Russia, USA, Greater Eurasia, trade and technology war, One belt one road (OBOR), Silk Road Economic Belt (SREB), EEU, SCO, BRICS.

Введение

Китайско-американские торгово-экономические отношения имеют давнюю историю. Отправной точкой считается Китайско-американский договор от 1844 г. подписанный в Ванся. Это был первый неравноправный договор. До 1948 г. США настойчиво боролись за расширение своего влияния в Китае. Доктрина Хэлла – яркий пример сказанному. На Вашингтонской конференции шла борьба за ограничение японских особых интересов. Договор «9-и держав» закрепил американский принцип открытых дверей и в дальнейшем расширил американскую экспансию в Китае. В 20-е годы вложения США в Китае выросли 4 раза¹. После захвата Манчжурии Японией Чан Кайши окончательно переметнулся на сторону США и последние заняли первое место во внешней торговле Китая. Если удельный вес США во внешней торговле Китая был в 1935 г. 19,6 процентов к общему объему, то в 1947 г. он составил 50,1 процента. В экспорте Китая в соответствующие годы цифра незначительно уменьшается с 26,4 до 23,3 процента к общему объему, но значительно опережая другие страны². С целью получения дальнейших преференций Вашингтон отказался от права экстерриториальности американских граждан и закрепил его в соглашении от 11 января 1943 года³. Но 4 ноября 1946 г. между двумя странами был подписан «Договор о дружбе, торговле и мореплавании» который возрождал систему неравноправных договоров.

После провозглашения КНР торговля с США прекращается. КНР развивает торгово-экономические отношения с СССР, который сыграет огромную роль в становлении нового государства. Китай займет особое место во внешне-торговом взаимодействии стран социалистического лагеря. Но в 60-х годах внезапно ухудшаются отношения между двумя странами и этим обстоятельством умело воспользуются США. Меняется геополитическая ситуация в мире и Китай устанавливает дипломатические отношения с США и с Японией. Но до начала 80-х годов торговых отношений КНР с США фактически не было. Они устанавливаются с начала 80-х годов. Этому способствовали экономические реформы Дэн Сяопина, который ратовал за переход к открытой внешнеэкономической политике.

В 70-е годы в двусторонних отношениях преобладал политический компонент. Шли переговоры на разных уровнях, чтобы окончательно отторгнуть Китай от СССР. США предприняли следующие шаги в этом направлении: Китай был переведен в категорию «дружественных» стран; получил режим наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле. США становятся основным торговым партнером Китая. Тяньаньмэнские события 1989 г. стали причиной осложнения двусторонних отношений. Используя экономические санкции в отношении Китая, США хотели повлиять на развитие внутриполитических процессов в КНР. Но уроки истории на примере гонконгских событий показали, что это было не что иное, как способ давления на Китай, чтобы получить дополнительные преференции для США. США беспокоило не столько нарушение прав в Китае, сколько растущая мощь Китайской экономики. Это были первые серьезные попытки США ограничить китайское влияние на американском рынке. По мнению Н. Котлярова, «в отличие от начального этапа развития отношений важным фактором выработки экономической политики США в отношении КНР становятся интересы американского бизнеса, обусловленные необходимостью повышения конкурентоспо-

¹ Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. 2 книга (1917–1945 гг.). – М.: Мысль, 1973. – С. 17.

² История экономического развития Китая 1840–1948 гг. / Перевод с китайского Н.А. Симония и Я. Цветковой. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 84.

³ Xiaoyuan Liu. China and the issue of postwar Indochina in the second World War // Modern Asian Studies, Cambridge University Press. 1999. – Vol. 33, N 2, May. – P. 452.

способности на китайском рынке»¹. Однако удержание Китая в качестве стратегического партнера, исходя из геополитических соображений, было важнее незначительных потерь американского бизнеса. Отметим, что Китай в этот период предпринимал определенные усилия по расширению географической структуры внешнеэкономических связей. Партнерами Китая становятся страны Юго-Восточной Азии. Но и с Российской Федерацией торговые отношения развивались по восходящей линии. Стремительно развивается процесс интеграции приграничных районов Китая и России. С каждым годом этот процесс поднимался на более высокий уровень и отвечал различным экономическим и политическим интересам приграничных районов двух стран.

После установления нового мирового порядка США начали наверстать упущенное в торговле с КНР, хотя Китай также начал проводить активную экспорто-ориентированную политику, направленную на усиление позиций на американском рынке. Экономические отношения превратились в важную составную часть двустороннего взаимодействия. Б. Клинтон даже впервые употребил в отношении КНР выражение «стратегический партнер». В годы его правления США отказались от принятия резолюции с осуждением КНР на заседании Комиссии ООН по правам человека и приняли решение о продлении Китаю еще на год статуса РНБ в области торговли².

Умело используя статус «дружественной страны» и РНБ, Китай стал важнейшим торговым партнером США. И если до 1993 года дефицит в двусторонней торговле имел именно Китай, то в последующие годы происходил рост положительного сальдо КНР в торговле с США. Но с приходом в Белый дом Дж. Буша геополитическая плоскость в Азиатско-Тихоокеанском Регионе (АТР) начинает меняться. США желает, чтобы Китай вошел во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) и утратил статус РНБ. Вопрос о предоставлении РНБ в отношении КНР становится инструментом воздействия на правительство Китая в целях увязки экономических аспектов двусторонних отношений с якобы политическими процессами внутри Китая. Если в предыдущее годы РНБ предоставлялся Китаю автоматически и данный вопрос носил чисто формальный характер, то после 1993 г. года проблема РНБ становится камнем преткновения в системе экономических отношений. Американскую сторону начал беспокоить не только растущий дефицит в двусторонней торговле, но и растущая экономическая мощь Китая как страны экспортера. Частое применение односторонних решений в отношении китайского экспорта привело к трениям в торгово-экономической сфере. Вступление в ВТО признавалось единственным выходом из создавшегося положения. Оно инициировалось китайской стороной, несмотря на пессимистические прогнозы скептиков. Китай хотел получить возможности использовать механизмы ВТО для защиты своих торговых интересов. К тому же к началу 2000-х годов Китай вошел в шестерку ведущих экспортеров мира. Китай получил возможность участвовать в формулировании правил, регулирующих международную торговлю. Главное заключалось в том, что члены ВТО не смогут предпринимать на своих рынках дискриминационные меры в отношении китайских товаров. Но были и минусы для Китая. США и другие участники ВТО могли в течение 12 последующих лет ограничивать рост импорта из Китая, вызывающего перекосы на их рынках³. Однако Китайское правительство застраховало себя, вступая в другие экономические организации. В 2001 г. была создана Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). Главными задачами организации было провозглашено развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства. Будучи инициатором и членом ШОС Китай начал постепенную экспансию в Центральную Азию (ЦА).

В 2002 г. КНР стал крупнейшим кредитором США, а Банк Китая – вторым после Японии покупателем гособлигаций США. Это обстоятельство смягчило существующие трения между двумя государствами. Кроме того, перенос американских устаревающих производств в Китай в поисках дешевой рабочей силы дал обратный эффект. Китай имел возможность обновлять технологическую базу и налаживать выпуск высокотехнологичных изделий. И это стало причиной дальнейшего углубления разногласий в области технологий двойного значения.

В 2004 г. Китай вышел на первое место в мире по количеству привлеченных прямых иностранных инвестиций, опережая США (53 млрд. в 2003 г. против 40 млрд. долларов). Через год общий экспортно-импортный объем составил 72,65 млрд. долларов, увеличившись на 19,3 процента по сравнению с предыдущим годом⁴. Но из-за открытости экономики все большее влияние на нее также оказывали перемены мировой экономической конъюнктуры. Особенно воспользовались этим США. Игры по заранее установленным правилам в ВТО ударили по машиностроительному отраслю и сельскому хозяйству, где американские компании и фермеры получили заметную преференцию.

В результате уже в 2002 году товарооборот составил 60,4 млрд. долларов. Но, несмотря на то, что Китай заменил РНБ на режим нормальных торговых отношений (РНТО) на постоянной основе темпы интеграции Китая в мировую экономическую державу ускорились. В первом десятилетии XXI в. независимо от уровня китайско-американских торговых отношений вырос товарооборот со странами ШОС. Если в 1999 году товарооборот с РФ составлял лишь 6,85 млрд. долларов, в 2002 году – 12 млрд., в 2006 г. – 33 млрд. долларов⁵. Со странами ЦА товарооборот Китая в 1992 г. составил 459 млн. долл., а в 2003 г. он достиг 4,06 млрд. долларов⁶.

¹ Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США. Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора экономических наук. – М., 2004. – С. 23. – <https://www.disscat.com/content/ekonomicheskie-otnosheniya-krn-s-ssha/read>

² Китай и США: Приручение Дракона. 19 июня, 1998. – https://zn.ua/politcs_archive/kitay_i_ssha_priruchenie_drakona.html

³ Вступление Китая в ВТО / Дальневосточное отделение РАН. – <http://www.febras.ru/partnery/kitaj/212-economics1.html>

⁴ Чжао Чэньюй. Последствия вступления Китая в ВТО для экономики страны // Проблемы мировой экономики. – <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-vstupleniya-kitaya-v-vto-dlya-ekonomiki-strany>

⁵ Филатова Д. Товарооборот России и Китая в 2007 году может превысить \$40 млрд. 2007. – 10 августа. – <https://rb.ru/article/tovarooborot-rossii-i-kitaya-v-2007-godu-mojet-prevysit-40-mlrd/4746147.html>

⁶ Басен Ж. Экономические интересы Китая в Центральной Азии // Экономические стратегии – Центральная Азия. – М., 2006. – № 1. – С. 50. – <http://www.inesnet.ru/article/ekonomicheskie-interesy-kitaya-v-centralnoj-azii/>

Образование ШОС, китайско-российское сближение, открытый призыв к установлению многополюсного мира со стороны лидеров КНР и РФ, в Вашингтоне восприняли недружелюбно. Каждый шаг Китая в сторону Евразии признавался американской администрацией по геополитическим соображениям угрозой национальным интересам США. Не пройдет и десяти лет с момента объявления Китая стратегическим партнером США, как Дж.У. Буш назовет его «стратегическим соперником».

В 2007 г. Китай стал крупнейшим в мире экспортером. Китай экспортировал почти на 60% больше, чем США. Четверть мировых инвестиций в основные фонды приходилась на Китай, что на 40% больше чем инвестиций в США. Китай занимает лидирующую позицию в мировой экономике, поэтому любые изменения в китайской экономике могут отразиться на всех странах¹.

Учитывая это обстоятельство, Б. Обама также взял антикитайский курс, изолируя его в АТР. К этому шагу подтолкнула его и реализация проекта «Один пояс один путь» (ОПОП). Но он не осмелился открыто объявить торговую войну. Это слишком дорого обошлось бы США, если учесть что последние были замешаны в разных прокси-войнах во всем мире. Но это не помешало Белому дому иногда пытаться ставить Поднебесную на свое место. Особенно после того как Китай в 2014 г. стал крупнейшей экономикой мира по номинальному объему ВВП (14,2 трлн.) после США и занял первое место по паритету покупательной способности (27,4 трлн.)². Особо неприятной для США была идея председателя КНР Си Цзиньпина о совместном строительстве ОПОП. Большинство китайских экспертов расценивают этот шаг как «марш на запад» который «является своеобразной компенсаторной реакцией Пекина на проводимую Вашингтоном политику «разворота в Азию» и оказываемое в этой связи давление со стороны США на ближайшее стратегическое окружение КНР»³.

Еще в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин обратился к странам Евразии с предложением совместно развивать проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а в октябре предложил странам АСЕАН совместно развивать проект Морского Шелкового пути XXI века (МШП)⁴. Некоторые эксперты сомневались в экономической обоснованности ЭПШП. По мнению Зотова, «за 2015 г. 90 % китайского внешнеторгового грузооборота осуществлялся морским путем»⁵. Но инициатива Китая почти сразу была воспринята большинством его западных соседей, выступивших с проектами сопряжения с ней собственных планов развития⁶.

В 2016 г. ОПОП Китая охватил более 60 стран с населением более 3,3 млрд. человек⁷. В случае реализации ОПОП Китай серьезно усилил бы свою роль в международной экономической системе. К тому же, открытие торгового маршрута через Евразию позволит КНР существенно снизить зависимость от транспортных путей, проходящих через Южно-Китайское море и Малаккский пролив, которые могут оказаться уязвимыми в случае обострения отношений с США. ОПОП является определенным альтернативным проектом, который призван минимизировать влияние США в АТР и усилить значение Китая в многостороннем сотрудничестве вне АТР⁸.

В 2015 году США начали переговоры о «Транстихоокеанском партнерстве» – пакте о свободной торговле, к которому присоединились страны Южной и Северной Америки и Азии. Антикитайская риторика ясно звучит в речи Обамы: «Мы не можем позволить Китаю устанавливать правила мировой экономики. Эти правила должны устанавливать мы»⁹. Это было фактически прелюдией будущих войн, который начнет Д. Трамп.

Ответ Китая не заставил себя долго ждать. На Уфимском саммите БРИКС Китай и РФ выступили с инициативой переход в рамках БРИКС на торговлю в национальных валютах и это было отражено в Уфимской декларации. Важнейшим итогом саммита стало создание нового Банка развития с капиталом 100 млрд. долл. По мнению аналитиков, «Саммит БРИКС в Уфе стал переломным моментом, после которого в мире начнет формироваться новая финансовая система»¹⁰.

К тому же в 2016 г. МВФ решил включить юань в корзину валют, которые имеют так называемые специальные права заимствования. Этот шаг также раздражал США. Эстафетная палочка в борьбе против Поднебесной перешла новому президенту Д. Трампу. В апреле 2017 г. Д. Трамп принял Си Цзиньпина в Белом доме. Обсуждались двусторонние отношения. Но ровно через год Трамп объявил о повышении тарифов на товары из Китая на сумму около 50

¹ Влияние Китая на Европу и ЦА. 2016. – С. 34. – <http://documents1.worldbank.org/curated/en/971861468479046990/pdf/104605-WP-RUSSIAN-PUBLIC.pdf>

² Байкал М. Взаимное доверие – Взаимная поддержка. – Баку: ГАНУН, 2019. – С.-189.

³ Jin Kai. China two front diplomacy: «Go West» and «Leap East» // The Diplomat. – <http://thediplomat.com/2014/09/china-two-front-diplomacy-go-west-and-leapeast/>

⁴ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства ЭПШП и МШП / Посольство КНР в России. 2015. – 23 апреля. – <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aal1/t1257296.htm>

⁵ Зотин А. Один пояс, много тупиков. Зачем Китаю нужен новый Шелковый путь. – <https://carnegie.ru/commentary/70057>

⁶ Песцов С.К. Большая Евразия: что скрывает фасад вдохновляющей идеи. – С. 10. – <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshaya-evraziya-chto-skryvaet-fasad-vдохновляющей-идеи/viewer>

⁷ By James Villafuerte (ADB), Erwin Corong (Purdue University) and Juzhong Zhuang (ADB) The one belt, one road initiative – Impact on Trade and Growth // 19th Annual Conference on Global Economic Analysis. June 2016. – <https://www.gtap.agecon.purdue.edu/resources/download/8280.pdf>

⁸ Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2014. – № 6. – С. 63. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22753864>

⁹ США вышли из Транстихоокеанского партнерства: что дальше? 2017. – 24 января – <https://www.bbc.com/russian/features-38729182>

¹⁰ Путин возглавил восстание БРИКС. 2015. – 11 июля. – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2111638>

млрд. долларов США, и Китай обнародовал контрмеры, нацеленные на такое же повышение стоимости товаров из США¹.

Началась открытая фаза торговых войн. В чем причина торговой войны? По мнению экспертов, каждый год США импортировал из Китая товары на сумму 539,5 млрд. долларов, а экспортировал на сумму 120,3 млрд. Д. Трамп, будучи бизнесменом, изучал структуру и характер китайско-американских торговых отношений, убытки США и хотел пополнить за счет увеличения тарифов на товары, импортируемые из Китая. Д. Трамп хотел убедить Си Цзиньпина пересмотреть все торговые договоры. Вероятно, Си Цзиньпин ссылаясь на правила, установленные ВТО, и отказал ему в этом. Именно после этой встречи Трамп начал в своих выступлениях грозить ВТО выходом из нее США. В августе Д. Трамп наложил дополнительные тарифы на импортируемые из Китая товары на сумму в 200 млрд. долларов². В ответ Китай принял меры по увеличению товарооборота со странами БЕ и в апреле 2017 г. провел Первый форум ОПОП³. Накануне АБИИ предоставил кредит для девяти проектов в рамках ОПОП на сумму 1,7 млрд. долларов. На форуме Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай намерен создать открытую платформу сотрудничества, и развивать открытую мировую экономику⁴. Одновременно Китай начал увеличить товарооборот со странами ЦА и РФ. За 2018 год товарооборот с пятью странами ЦА составил более 41,7 млрд.⁵ Сокращение товарооборота с США положительно сказалось на китайско-российских торговых связях. В 2018 году товарооборот России с Китаем составил 108,2 млрд. долл. увеличившись на 24,51% по сравнению с 2017 годом. Примечательно что, сальдо торгового баланса России с Китаем в 2018 году сложилось положительное в размере 3,847 млрд. долл., в то время как по итогам 2017 г. оно было отрицательным в размере 9,12 млрд. долл.⁶ Это свидетельствует о том, что Россия частично начала замещать на китайском рынке американские товары.

2019 год оказался более насыщенным: 1 января КНР откладывает введение тарифов на автомобили и запчасти, снижает тарифы на солнечные панели из КНР; 1 июня КНР повышает тарифы на товары из США на 60 млрд.; 15 июня США повышают тарифы на товары из КНР на 400 млрд.; 1 сентября США повышают тарифы на товары из КНР на 400 млрд.; 17 сентября КНР отменяет тарифы на американские товары на 2 млрд.; 13 декабря США и КНР заявили, что согласовали первую фазу торгового соглашения. Но из-за субъективных причин этого достичь не удалось. Тогда Пекин поспешно провел второй форум ОПОП для поиска новых рынков для своих товаров. Форум с участием 37 лидеров государств, в том числе президента РФ В. Путина и глав государств ЦА проходил в апреле в Пекине. В ходе форума представители компаний подписали соглашения на сумму более 64 миллиардов долларов⁷. Си Цзиньпин еще раз затронул принцип открытости: «В рамках расширения открытости устранены практики, идущие вразрез со справедливой конкуренцией»⁸. Все участники оценили Китайскую концепцию как соответствующую актуальным принципам построения отношений между государствами. Все стороны в ходе форума пришли к консенсусу по 283 проектам. В ответ Трамп объявил, что повысит тариф на товары, импортируемые из Китая, с 10 до 25 процентов. Кроме того, он запретил импорт дронов, выпускаемых китайскими компаниями. Истинным намерением Трампа был запрет на продажу всех продуктов мобильного оператора Huawei. То, чего опасались США в течение последнего десятилетия, произошло. Речь идет о технологиях двойного назначения. Годами Китай стремился импортировать наукоемкую продукцию из США. Но, несмотря на определенный прогресс, технологические ограничения в отношении КНР сохранились. Они касались, прежде всего, технологий «двойного назначения». Ограничения могли временно отменяться только в случае, когда это отвечало национальным интересам США. Но времена изменились, и Китай сам производил не только запчасти Apple, но и собственные операционные системы.

5 мая Си Цзиньпин прибыл в Санкт-Петербург для участия в Экономическом форуме. После форума были подписаны более 30 соглашений. Си Цзиньпин в Совместном Заявлении подчеркивал, что будет усердно работать с Россией в рамках проекта ОПОП. В дни форума Huawei подписал договор с российской фирмой МТС. Согласно межправительственному соглашению, счета будут вестись в национальной валюте. Этот вопрос был обсужден и в Бишкеке на Саммите стран ШОС, где Китай играл весомую роль. Китай реализацию ОПОП связывает с ШОС и ЕАЭС. Продвижение Китая в сторону России и ЦА не одобрили США, которые, обвинив Китай в манипуляции с юанем, удвоили пошлины на 10% общим объемом 300 млрд. долларов. На угрозы США о запрете Android Китай ответил симметрично. Гендиректор Huawei Ричардсон представил Harmony OS – новую операционную систему. Он также сообщил американским журналистам, что в случае ограничений со стороны США на использование Android, он предпочтет работать с Google и Microsoft. Открытая война перешла на другую плоскость.

¹ Xinhua Headlines: The U.S. is wrong about proposed tariff against China. – Xinhua | 2018-04-05 00:54:09

² Дональд Трамп угрожает вывести США из состава ВТО. 2018. – 31 августа. – <https://www.bbc.com/russian/news-45365618>

³ Стратегия экономического развития ОПОП // Россия Сегодня. 2017. – 15 мая. – <https://inosmi.ru/infographic/20170515/239348942.html>

⁴ ОПОП. Основные тезисы речи Си Цзиньпина // Россия сегодня. 2017. – 17 мая. – <https://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html>

⁵ Рост китайского влияния в странах Центральной Азии вызывает отторжение и беспокойство. Как эффективно уравновесить влияние Пекина? // Международная политика и общество. 08.04.2020. – <https://www.ipg-journal.io/regiony/azija/na-puti-k-pax-sinica-1035/>

⁶ Отчет о внешней торговле между Россией и Китаем в 2018 году. 2019. – 9 февраля. – <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2018-g/>

⁷ На форуме ОПОП подписали соглашения на 64 млрд. долларов // Риа новости. 2019. – 27 апреля. – <https://ria.ru/20190427/1553109201.html>

⁸ Пан или пропал: куда заведет Россию Шелковый путь. Китай и Россия будут строить ОПОП // Газета.ru. 2019. – 26 апреля. – <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/26/12324529.shtml?updated>

В канун Бишкекского Саммита в Гонконге начались волнения против законопроекта об экстрадиции. Сенат быстро принял акт о демократии в Гонконге. В действие был запущен Тяньаньмэнский сценарий. США начали использовать Гонконг как некий инструмент давления на КНР.

С ноября 2019 г. наблюдались улучшения в переговорном процессе с США. Стороны согласились отменить дополнительные тарифы. США продлили разрешение американским компаниям сотрудничать с Huawei. Достигнуто перемирие. Но в Вашингтоне опасались, что новая китайская технология 5G будет представлять угрозу безопасности США и может быть использована в целях шпионажа. Поэтому США были против импорта китайских технологий. В декабре Трамп заявил, что стороны достигли прорыва в переговорах. Пекин отложил введение повышенных пошлин на американские машины и запчасти. В феврале 2020 г. Вашингтон отменил повышенные тарифы на солнечные батареи из Китая. Но переговоры забуксовали. США хотели, чтобы Huawei отказался разрабатывать технологии 5-го поколения и перестал производить смартфоны. Торговая война превратилась в технологическую войну. Все это положительно отразилось на взаимоотношениях КНР со странами БЕ. Так, после Бишкекского саммита Си Цзиньпин прибыл в Москву. Главы России и Китая затронули вопросы торгово-экономического сотрудничества. В Китае уже заявили о необходимости развития партнерства между странами на фоне санкционной политики США¹. В том же году вступили в силу российско-китайское соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Расширились российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Но 2020 г. начался с пандемии коронавируса. Трамп назвал ее китайской. Пандемия еще больше застопорила торговые связи между США и Китаем. Трамп начал борьбу против китайского сервиса ТикТок. По его версии, КПК с помощью тиктока собирает персональные данные об американцах, и шпионит за ними. Главной причиной противоречий было то, что Пекин существенно потеснил экономическое лидерство США. Если раньше между странами были противоречия, связанные с торговой сделкой, то позже США вывели технологические и экономические противоречия с Китаем на более высокий уровень. После долгого разбирательства ВТО встала на сторону Китая. ВТО признала противоречащим правилам коммерции повышение Штатами в 2018 и 2019 годах пошлин на китайские товары². Администрация Д. Трампа напирала на то, что тарифы, введенные на китайские товары на сумму свыше 200 млрд. долл., были оправданы тем, что Китай якобы вынуждал американские компании передавать технологии и интеллектуальную собственность КНР как условие доступа на китайские рынки.

На этом фоне российско-китайские торговые связи укреплялись. В 2019 году товарооборот России с Китаем составил 110,9 млрд. долл., увеличившись на 2,43% (2,635 млрд. долл.) по сравнению с 2018 годом. Сальдо торгового баланса России с Китаем хотя и уменьшилось на 30,75% по сравнению с 2018 годом, но сложилось в размере 2,664 млрд. долл. В 1 полугодии 2020 года товарооборот России с Китаем составил 48,025 млрд. долл., уменьшившись на 3,95% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. Сказались последствия пандемии. Но по доле в российском экспорте в 1 полугодии 2020 года Китай занял 1 место³.

В 2020 г. торгово-технологическая война США и КНР вступила в свою последнюю фазу. Пандемия COVID-19 еще больше раскрыла противоречия в отношениях США и Китая. США обвиняют Китай в распространении инфекции, требуют возместить нанесенный ущерб, определяя его астрономической величиной. Вероятно, таким образом, США хочет списать свои долги Китаю по гособлигациям. Противоборство продолжается. Трамп проиграл не войну, а выборы. Судьба же китайско-американских торговых связей в будущем решится после инаугурации нового президента.

Заключение

Итак, отношения между КНР и США остаются на прежнем уровне – продолжается торговая война на фоне пандемии коронавируса. Постсоветские страны Большой Евразии, используя сложившуюся благоприятную геоэкономическую ситуацию, развивают торгово-экономические отношения с КНР, и этот процесс обрел необратимый характер. Эти страны прилагают усилия для пополнения китайских рынков после торговой войны с США. Сотрудничество продолжается и в рамках более глобальных проектов – ЭПШП, ШОС, ЕАЭС. Несмотря на все попытки Запада раздуть мелкие противоречия между РФ и КНР, в геоэкономической плоскости координация между двумя гигантами Евразии по общим стратегическим интересам устраивает и Россию, и Китай.

По нашему мнению, страны Большой Евразии должны:

- Прилагать все усилия для того, чтобы быть экономически менее зависимыми от стран Запада, диверсифицируя все основные торговые каналы.
- Опираясь на общие исторические и культурные связи, прилагать больше усилий для развития торгово-экономических и политических отношений с КНР.
- Использовать китайскую инициативу ЭПШП для развития сотрудничества не только с Китаем, но и между собой.
- Искать новые точки соприкосновения в торгово-экономической и транспортной сфере в рамках ЭПШП, ШОС и ЕАЭС.
- Искать новые форматы сотрудничества во благо Большой Евразии.

¹ «Идем рука об руку»: переговоры лидеров России и Китая. 05.06.2019. – https://www.gazeta.ru/politics/2019/06/05_a_12395767.shtml

² ВТО встала на сторону Китая в споре с США // Независимая газета. – М., 2020. – 16 сентября. – https://www.ng.ru/economics/2020-09-16/4_7965_wto.html

³ Отчет о внешней торговле между Россией и Китаем в 2020 году. 2019. – 9 февраля. – <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kitaem-v-1-polugodii-2020>

Алымкулов М.С.

д. филос. н., профессор, Международный университет Кыргызстана

Наматов Н.А.

PhD, профессор, член Королевского Азиатского общества, член Парижского Азиатского общества

«БОЛЬШАЯ ИГРА» РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: Британия, Россия, геополитика, Большая игра, Бжезинский.

В начале XIX века около 2000 миль отделяли Британскую Индию и периферийные районы царской России. Большая часть территории в Центральной Азии все еще не нанесена на карту. Города Бухара, Хива, Мерв, Коканд и Ташкент были практически неизвестны иностранцам. Когда российская экспансия стала угрожать британским интересам на индийском субконтиненте, две великие империи начали тонкую игру в разведку, шпионаж и дипломатию в регионе. Всегда существовала угроза конфликта, но между сторонами никогда не было прямой войны. Центром деятельности был Афганистан¹.

Хотя «Большая игра» часто используется в качестве ссылки на конфликт между Великобританией и Россией в Афганистане, в Персии и (позже) в Тибете между этими странами также было сильное соперничество. Британия была встревожена российской экспансией в Закавказье. Гюлистанский договор (1813 г.) и Туркманчайский договор (1828 г.) привели к существенным территориальным завоеваниям Российской империи. Чтобы сдержать экспансию России, англичане провели модернизацию персидской армии. Между Персией и Россией произошел ряд дипломатических конфликтов, в некоторой степени спровоцированных британским посольством в Тегеране. Один из них даже привел к убийству российского посла Александра Грибоедова.

К началу XX века Северный Иран стал практически протекторатом Российской империи. Центр Большой Игры сместился значительно на восток. Британцы были впечатлены полувоенными экспедициями Николая Пржевальского, Петра Козлова и других русских исследователей, которые осмелились изучать обширные пространства Джунгарии и Синьцзяна. Британия опасалась того, что Россия аннексирует эту отдаленную часть империи Цин. С целью противодействия этому Британия организовала небольшую экспедицию в Тибет, изгнав Далай-ламу из Лхасы в 1904 году.

Российский протекторат в Центральной Азии

С XVIII века Россия вступила в отношения с местными ханами Центрально-азиатского региона к востоку от Каспийского моря. Однако только в XIX веке внимание России было привлечено к этим полупустынным равнинам у подножия Туркестанских гор, где выращивали скот, табак и коноплю, изготавливали шелк, а в горах были знаменитые золотые прииски. С 1834 г. российское правительство оккупировало восточное побережье Каспия, а затем предприняло неудачный поход против Хивинского ханства (1839 г.). Российские военные действия были направлены на обеспечение связи между Оренбургским фортом (на реке Урал) и Омским фортом в оккупированном казаками регионе, т.к. этот путь в Сибирь подвергался частым набегам со стороны агрессивных кочевников. Эта попытка России привлекла внимание Англии, так как ее индийские и афганские владения находились в непосредственной близости от Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств.

Крымская война заставила Россию отложить запланированное проникновение, чтобы укрепить свои сибирские границы на юге (в то время у русских в руках уже были казахские степи). Однако российские потребности в хлопке и других ресурсах Туркестана существенно возрастали. В связи с этим в 1865 году Россия попыталась оккупировать или завоевать Ташкент (1865), Бухару (1866) и старый имперский город Самарканд (1868). Хива пала в 1873 году, а затем и Коканд в 1876 году. Генерал Скобелев взял в 1880 г. крепость Геок-Тепе в Туркменистане, а оазис Мерв был захвачен в 1884 году.

Чтобы обеспечить владение и контроль над своей обширной территорией и облегчить поселение, Россия построила Закавказскую железную дорогу (1883–1886), которая из Москвы достигает Туркестана и простирается до Каспийского моря и Транссибирской магистрали (1891–1904), которая пересекает Западную и Восточную Сибирь и заканчивается во Владивостоке, на побережье Тихого океана, общее расстояние 9330 км.

С 1873 года Россия начала попытки экспансии в направлении Персии (современный Иран) и Афганистана. Русские хотели получить доступ к Индийскому океану через Афганистан; Англия же стремилась сделать его буферным государством для защиты Индии от русского экспансионизма.

¹ Ásia Central: Afeganistão e suas relações com os territórios britânicos e russos // World Digital Library. – <https://www.wdl.org/pt/item/11751/>

Российско-британское соперничество в Афганистане

С британской точки зрения, экспансия Российской империи в Среднюю Азию грозила уничтожить «жемчужину короны» Британской империи, Британскую Индию. Англичане опасались, что царские войска будут доминировать в среднеазиатских ханствах, а Эмират Афганистан может стать плацдармом для российского вторжения в Индию¹. Именно с учетом этого британцы в 1838 году развязали первую англо-афганскую войну и попытались навязать марионеточный режим в Афганистане при Шуджа-шахе. Режим был недолгим и оказался неустойчивым без британской военной поддержки.

В 1842 британский гарнизон был вынужден покинуть Кабул из-за постоянных нападений мирных жителей. Британцы ограничились своими амбициями в Афганистане после этого унижительного отступления из Кабула. После индийского восстания 1857 года последующие британские правительства рассматривали Афганистан в качестве буферного государства.

Русские во главе с Константином Кауфманом, Михаилом Скобелевым и Михаилом Черняевым продолжали неуклонно продвигаться на юг через Центральную Азию в Афганистан. В 1865 году Ташкент был официально аннексирован. Самарканд стал частью Российской империи в 1868 году, в том же году потеряла свою независимость и Бухара. Российский контроль был распространен на северный берег реки Амударьи. В письме королеве Виктории премьер-министр Бенджамин Дизраэли предложил «очистить Центральную Азию от москвичей и отбросить их за Каспий»².

Вторая война англо-афганская была почти такой же катастрофической как и первая для англичан, и до 1881 года они снова отступили из Кабула. Окончание войны оставило Абдур-Рахмана на троне, который согласился позволить британцам контролировать внешнюю политику Афганистана, одновременно укрепляя свои позиции на троне. Он преуспел в подавлении внутренних восстаний и взял большую часть страны под центральный контроль.

В 1884 году возник еще один кризис, когда русские войска захватили Мервский оазис и сражались с афганскими войсками в районе оазиса Панджшех. На грани войны британцы решили признать российское владение северной территорией Амударьи свершившимся фактом.

Без учета мнения афганцев по этому вопросу в 1885 и 1888 годами совместная англо-российская пограничная комиссия утвердила, что русские покинут самые дальние территории, захваченные их наступлением, но сохраняют Панджшех. В соглашении была обозначена постоянная афганская граница в северной части Амударьи. В 1893 году Британия достигла соглашения с Россией о демаркации остальной части границы и процесс завершился в 1895 году.

«Большая игра» движется на Восток

В 1890-х годах среднеазиатские ханства Хивы, Бухары и Коканда стали русскими вассалами. Центральная Азия оказалась под контролем царя, и противостояние империй («Великая игра») переместилось в восточный Китай, Монголию и Тибет. В 1904 году англичане вторглись в Лхасу. Далай-лама отправился в изгнание в Китай и Монголию.

В 1906 году царь Николай II отправил секретного агента в Китай для сбора сведений о реформе и модернизации династии Цин. Задание было поручено Карлу Густаву Эмилю Маннергейму, тогда полковнику русской армии, который отправился в Китай с французским синологом Полем Пеллио. Маннергейм представлял себя этнографическим коллекционером, используя финский паспорт³. В течение двух лет Маннергейм прошел через Пекин, Синьцзян, Ганьсу, Шэньси, Хэнань, Шаньси и Внутреннюю Монголию. На священной буддийской горе Утайшань он даже встретил 13-го Далай-ламу⁴. Однако в 1907 году Россия и Великобритания заключили англо-российское соглашение, положив конец классическому периоду «Великой игры».

В преддверии Первой мировой войны обе империи были встревожены возросшей активностью Германской империи на Ближнем Востоке, в частности, проектом строительства немецкой железной дороги Берлин-Багдад, которая откроет Месопотамию и Персию для немецкой торговли и технологий. Министры Александр Извольский и Эдвард Грей договорились разрешить свои давние конфликты в Азии, чтобы эффективно противостоять продвижению Германии в регионе.

Англо-русская конвенция 1907 года положила начало следующему классическому периоду «Великой игры». Русские признали, что политика Афганистана находится исключительно под британским контролем, если британцы гарантируют сохранение режима. Россия согласилась вести все политические отношения с Афганистаном через британцев. Британцы согласились с тем, что они будут поддерживать нынешние границы и решительно противодействовать любым попыткам вмешательства на территории России.

Персия была разделена на три зоны: британская зона на юге, русская зона на севере страны и узкая нейтральная зона, служащая буфером⁵. Что касается Тибета, две державы согласились сохранить территориальную целостность этого буферного государства и иметь дело с Лхасой только через Китай, державу сюзерена⁶.

¹ When Will the Great Game End? – orientalreview.org

² Mahajan S. British Foreign Policy, 1874–1914. 2001. – P. 53.

³ Tamm E.E. The Horse That Leaps Through Clouds: A Tale of Espionage, the Silk Road and the Rise of Modern China. 2011. – P. 4.

⁴ Ibid., p. 353.

⁵ Lloyd T.O. Empire: The History of the British Empire. 1996. – P. 142.

⁶ Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. 1992. – P. 520.

Концепция «Большой Игры»

Центральная Азия долгое время была предметом соперничества великих держав. В течение XIX века Англия опасалась, что другая европейская держава может воспользоваться политическим упадком исламской Азии. Это была Франция. Затем настала очередь России продвигаться по караванным путям старых завоевателей, угрожая установить новую мировую монархию. Англия, со своей стороны, была обеспокоена последствиями похода Российской империи в Южную Азию. В последней четверти XIX века в Европе было широко распространено убеждение в том, что следующая великая война – неизбежная война – станет последней конфронтацией между Англией и Россией.

Царская Россия XIX века рассматривалась англичанами с некоторой двойственностью. С одной стороны, они были убеждены в культурной и технологической отсталости России. С другой стороны, огромные размеры Российской империи и ее экспансионистские амбиции были источником беспокойства для британцев. Англия опасалась, что «жемчужина короны» – Индия – попадет в руки русских. Эти страхи усилились после аннексии Российской Империей Центральной Азии. Британцы полагали, что захват Афганистана станет следующим шагом в реализации стратегии России, после чего Россия захватит и Индию.

В связи с этим Англия начала первую англо-афганскую войну (1839–1842), которая стала одним из первых и наиболее важных конфликтов Великой игры, закончившимся поражением англичан, которые в итоге не смогли установить свой режим в Афганистане. После унижительного отступления из Кабула английские амбиции в отношении Афганистана уменьшились. Тем не менее, Афганистан расценивался Британией как ключ в стратегии сдерживания российского экспансионизма.

В конечном счете, «Большая игра» связана с колониальным и стратегическим соперничеством между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии в XIX веке, что привело, среди прочего, к созданию современного Афганистана в качестве буферного государства.

Большая игра состояла из трех основных этапов. Первый начался от экспансии Российской империи на Кавказе и в Центральной Азии в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков, что встревожило Ост-Индскую компанию. Компания направила офицеров для изучения сухопутного маршрута к северной границе Индии. В течение XIX века британское правительство стремилось более активно участвовать в решении проблем Центральной Азии, превратив «Большую игру» в важный компонент обеспечения безопасности империи, а также внешней и колониальной политики. Эта первая фаза Большой Игры завершилась в 1907 году подписанием англо-русской конвенции. Вторая фаза Великой игры длилась около десяти лет – с 1907 по 1917 год. Используемые методы были практически такими же, как и на предыдущем этапе: использование агентов под прикрытием, которые пытались манипулировать местными племенами и населением.

Наконец, третий этап Великой игры последовал за русской революцией 1917 года, когда большевики под руководством В.И. Ленина установили контроль над бывшими царскими владениями. Независимо от индивидуальных целей или судьбы различных субъектов, главная цель – безопасность и власть двух империй – оставалась неизменной.

Ануфриева Л.П.

д.ю.н., профессор, Московский государственный юридический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹

Ключевые слова: евразийская интеграция, ЕАЭС, принципы интеграции, организационно-правовые формы, правосубъектность, право сообществ, международная правосубъектность, «наднациональность», международные организации, международные организации региональной экономической интеграции.

Keywords: Eurasian integration, EAEU, principles of integration, institutional and legal forms, legal capacity, community law, international legal entity, «supranationality», international organizations, international organizations of regional economic integration.

В связи с расширением и неуклонным укреплением в мировом масштабе интеграционных процессов обостряются и потребности науки в специальной разработке проблем экономической интеграции с позиций теории международного права. В условиях интенсификации международных обменов и соответственно возрастания их влияния на факторы внутригосударственного и международного значения, затрагивающие различные стороны жизни человеческого общества, указанный вызов науке вряд ли может быть поставлен под сомнение с точки зрения объективности его возникновения и актуальности. Это объясняется прежде всего тем, что на современном этапе многие цели, стоящие перед государствами, уже не могут быть достигнуты с помощью простого сложения их усилий – речь должна идти об их умножении.

Вместе с тем в юридическом плане и по сей день не устранен ряд существенных вопросов: куда должны быть включены нормы, регулирующие межгосударственные отношения интеграционного типа; каковы принципы интеграции; распространяется ли на интеграционные объединения международное право, и не возникает ли по мере укрепления связей внутри такого образования некой третьей – не могущей быть отнесенной ни к международному, ни к внутригосударственному праву, – системы права, т.е. «права интеграции»; каково его место в глобальной юридической системе и обоснованно ли предложение так называемого «интеграционного права» в качестве научного понятия² и т.д.

При этом стоит сразу подчеркнуть, что вряд ли можно разделить положения, встречающиеся у отдельных авторов относительно «глобального права»³ в каких бы то ни было его форматах: будь то предложения так называемых «агрегированных» подсистем – «интеграционного», «транснационального коммерческого» и т.д., – или «вариации» на тему «глобального права», в том числе и с дополнительным выдвижением как предельно общих конструкций: «всемирного права», «мирового права», так и снижающих уровень обобщенности терминов – например, «глобального административного права». Последнее не может восприниматься иначе, как противопоставление международному праву.

Но сначала о сущности и истоках евразийской интеграции на современном этапе. Трактуя вопросы евразийской интеграции и ее правовой регламентации, так или иначе нужно вести речь о региональной экономической интеграции, значит, в свете этого важно сопоставить конкретные примеры рассматриваемого явления: «право евразийской интеграции» и «право европейской», «южноамериканской», «андской», «североамериканской» и т.п. интеграции⁴.

Право евразийской интеграции производно от его материальной основы – самой интеграции, – которая представляет собой широкое понятие, относящееся к весьма неоднозначному феномену⁵. С учетом сказанного, хотя это и будет выглядеть не очень точно с исторической, географической, политологической и правовой точек зрения, мас-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060 А.

² Ответы на некоторые из обозначенных вопросов и критику словосочетания «интеграционное право», равно как и связанных с этим иных выдвигаемых в последнее время в отечественной юридической литературе понятий см.: Ануфриева Л.П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. – № 10. С. 193–201.

³ См.: Коршунов А.Н. Идея глобального права: философско-методологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010; Фархутдинов И.З. Международное или Глобальное право? // Юрист-международник. 2004. – № 4. – С. 12–31; Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. – № 4.

⁴ В правовой науке осуществляется дифференциация более узких категорий, относящихся по большей мере к фактическим региональным образованиям интеграционного типа: «коммунитарного права» и права отдельных автономных объединений – «права ЕС», МЕРКОСУР, «права Андского сообщества наций», «права ЕАЭС», СНГ и др. Подробнее об этом и о праве ЕАЭС см.: Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. – М., 2015. – № 11. – С. 59–69.

⁵ См.: Толстых В.Л. Размышления о евразийской интеграции // Sumus ubi sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека. Liber amicorum в честь профессора Л.П. Ануфриевой. – М.: Проспект, 2016. – С. 277–279.

штабом евразийской интеграции в нынешних условиях служат все же рамки Евразийского экономического союза. При этом важно еще раз подчеркнуть: понятно, что приведение евразийской интеграции и «права евразийской интеграции» к вышеуказанному «общему знаменателю» на основе подхода к явлениям со строго географическими, историческими, организационно-правовыми и иными мерками, конечно же, невозможно по объективным показателям. Прежде всего нельзя сбрасывать со счетов те политические, экономические и правовые процессы, которые происходили и ныне происходят в рамках Содружества Независимых Государств, а ранее в ЕврАзЭС. Правда, надо сразу отметить, что полноценного движения по пути интеграционного сотрудничества применительно к СНГ странам-участницам достичь так и не удалось. Да и пример ЕврАзЭС, по мнению некоторых специалистов, не может в полной мере дать материала для утверждений об «интеграционной» сущности и направленности процессов его зарождения. В частности, А.Я. Капустин считает, что ЕврАзЭС по своим институционно-правовым характеристикам не выделялось среди других ММПО, что оно не ставило своей задачей формирование какого-либо интеграционного сообщества, а преследовало более скромную цель – «продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства». В связи с этим отметим произведенный автором отрыв указанных организационно-правовых форм интеграции – ТС и ЕЭП – от самой интеграции, что является неприемлемым. В то же время промежуточный характер ЕврАзЭС объясняет некоторым образом причины, почему сегодня в принципе реально говорить о евразийской интеграции именно в контексте ЕАЭС. С другой стороны, вряд ли можно не принимать во внимание и политико-экономические объединительные процессы, в которых так или иначе участвуют государства постсоветского пространства за рамками межгосударственных образований стран – бывших республик Советского Союза (например, в ШОС, АТЭС, АСЕАН). Тем более не стоит вторгаться в глубину проблем, связанных с различными подходами к рассматриваемому явлению и истокам идеологии «евразийской интеграции», а также «евразийства» как такового, трактуемого в трудах еще российских историков, философов и поэтов «Серебряного века» (Л.Н. Гумилева, Н.А. Бердяева и др.). Однако заметим в этой связи, что категория «право интеграции» («право евразийской интеграции») оправданно требует подойти к ней с нестандартных позиций, учитывающих, собственно говоря, и исторические «корни» евразийства, и даже отступающие от «этатизма» взгляды на природу права вообще. В данном случае нелишне вспомнить и теорию права в целом Р. Дворкина¹, признанную «интегративной» теоретиками права, как вмещающую в себя естественно-правовые и позитивистские начала², и концепции отрицания нормативности международного права³. При этом далеко не со всем, что встречается в международно-правовых трудах сегодня, можно согласиться, особенно когда речь идет о трактовке характера, причинах возникновения и импульсов, «подпитывающих» евразийскую интеграцию, и оценках существующей реальности. Так, В.Л. Толстых пишет: «Евразийская интеграция является не только волюнтаристским проектом, но и объективной необходимостью, обусловленной незавершенностью советского проекта и действием острых и во многом схожих вызовов, с которыми столкнулись постсоветские государства. Для многих людей... евразийская интеграция является светлой надеждой. Если официальный проект и имеет какие-либо шансы на успех, он должен соответствовать этой надежде и выражать глобальные исторические тенденции. Размышления о евразийской интеграции, однако, приводят к неутешительным выводам: в лучшем случае интеграция выглядит чисто экономическим мероприятием, способным стимулировать международную торговлю и ничего больше, в худшем — она является большим симулякром»⁴.

Приведенные констатации вызывают ряд замечаний по причине не только некоторой неясности предмета, к которому они относятся, но и явной внутренней противоречивости. Во-первых, сразу же подчеркнем, что стремление к интеграции отражает объективную глобальную тенденцию, распространяющуюся по сфере ее охвата на все континенты. Во-вторых, автор не уточняет, о каком этапе и какой форме евразийской интеграции идет речь. В-третьих, «объективность потребностей» в интеграции, подмеченная самим автором, никак не согласуется с квалификацией «официального проекта» в качестве «волюнтаристского».

И впрямь, если иметь в виду создание первоначально зоны свободной торговли, затем Таможенного союза, Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС, а в современный период «общего рынка» и в перспективе оформления валютного, платежного и расчетного союзов в рамках Евразийского экономического союза, то в условиях не стихающих волн мировых экономических и финансовых кризисов назвать это чьей-то «прихотью», «волюнтари-

¹ См.: Дворкин Р.Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 392 с.

² В частности, В.С. Нерсисянц относил теорию Дворкина именно к интегративным концепциям правопонимания, направленным на преодоление антагонизма между «юснатурализмом» (*jus naturalis*) и позитивизмом (см.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – С. 734; см. также: Сердюк И.В. Моральное обоснование права в работах Р. Дворкина // Новітні наукові дослідження держави і права – 2012: збірник наукових праць / За ред. П.М. Шапірка, О.В. Козаченка. – Миколаїв: Ліон, 2012. – [www. http://textarchive.ru/c-2482918-p40.html](http://textarchive.ru/c-2482918-p40.html). Об «интегративной теории права» Р. Дворкина подробнее см.: Moll J.S. La Concepción del Derecho como Integridad: Ronald Dworkin // Ciencia Jurídica. 2015. – Vol. 4, N 2, julio-diciembre. – P. 117–36.

³ Cp.: Williams F. Sanctions under the Covenant // II 77 BYBIL (1936); Williams G. International Law and the Controversy Concerning the Word «Law» // II 22 SYBIL (1945).

⁴ Толстых В.Л. Размышления о евразийской интеграции. Указ. соч., с. 273–274. Обратим внимание: «симулякр» и «симуляция» – однокоренные слова. Но «симуляция» или «симулирование» означают «подстраивание» под что-то, а под симулякром понимают «копию», оригинал которой в реальном мире отсутствует. Вместе с тем отрицать наличие евразийской интеграции как части объективного мира не приходится. Следовательно, и восприятие евразийской интеграции как «симулякра», т.е. якобы отсутствующего явления, несостоятельно.

стским решением» затруднительно¹. Если в чем и нужно упрекнуть «архитекторов» евразийской интеграции, то, как кажется, в излишней поспешности при планировании реализации последнего этапа – создания общего рынка и экономического союза. В скобках отметим: имеет место инверсия форм интеграции: сначала ЕЭП, затем общий рынок, хотя и логически, и экономически, а, значит, и юридически должно быть наоборот! Да и для экономического союза требуется немало предшествующих «достижений»: наличие единой платежной, валютной, расчетной и т.п. систем, и оформление соответствующих союзов. Подготовка к унификации правовых норм – сближение и гармонизация – должна проходить не на стадии экономического союза, а на более ранних этапах сотрудничества. На стадии экономического союза право государств-участников должно быть не просто «сближено» или «гармонизировано», а унифицировано, что обеспечивается соответствующей стадией продвижения интеграции. В этом плане стоит вспомнить практику СЭВ, в котором даже без постановки амбициозной цели создания «общего рынка» в 80-е гг. был взят курс на разработку «общих положений обязательственного права» стран-членов Совета.

Нелишне указать также на то, что на достижение целей создания «общего рынка» в случае с европейской интеграцией ушли десятилетия, ибо еще в Римском договоре можно найти свидетельства подобных намерений, а экономический союз реально и формально-юридически был провозглашен лишь в Маастрихтском договоре 1992 г., т.е. спустя 35 лет после заключения договора о ЕЭС. В ситуации же с евразийской интеграцией строительство единого экономического пространства, общего рынка и экономического союза (а он предполагает также функционирование валютного, платежного, расчетного союзов, равно как и кредитной системы), заняло менее пяти лет. Между тем в оценках подобного рода, думается, ключевое значение должны иметь, во-первых, принцип историзма при подходе к явлению, а, во-вторых, принцип соответствия определенной идентичности: ЕЭС – *собственно свой продукт некоего этапа в сотрудничестве интеграционного типа определенных государств*, а ЕврАзЭС и ЕАЭС – *продукт своего этапа со своей идентичностью*.

При этом сопоставление европейской и евразийской интеграций очевидно демонстрирует кардинально различающиеся темпы в поступательном движении интеграции применительно к тождественным используемым организационно-правовым формам. В данной связи нельзя, пожалуй, не сказать справедливости ради, что большинство «индикаторов» евразийской интеграции пока существует только на бумаге. Кроме того, налицо несомненное расхождение с теми образцами интеграции и интеграционного объединения, которые в течение длительного времени находились перед глазами международного сообщества и воплощались в западноевропейской интеграции. В этом плане бесспорно справедливы утверждения о том, что «государствам бывшего СССР предстояло пройти свой непростой путь к восприимчивости идеи интеграции, не похожий на западноевропейский»².

Требование объективности заставляет, несомненно, также признать и то, что приведенные тезисы о волюнтаризме с определенной долей резонности могли бы быть в какой-то степени адресованы образованию СНГ в драматичных условиях свершившегося исторического факта прекращения существования (распада) СССР. В этом случае, бесспорно, политическая воля, «объединительные» политические решения превалировали только внешне, как некоторое прикрытие центробежных сил, особенно на первоначальной фазе конструирования и реализации объединения бывших союзных республик в «содружество». В то же время тогда об истинной интеграции в экономическом, политическом и формально-юридическом смысле никто не задумывался, хотя реальные шаги вновь образованных государств свидетельствуют как раз об обратном. Это вполне уместно было бы назвать, с одной стороны, «интуитивным» строительством интеграционного взаимодействия, а, с другой, – претворением в жизнь объективных насущных задач и интересов. Поясним: тотчас же после исчезновения Советского Союза с политической карты мира самыми первыми многосторонними международными договорами между странами СНГ были Заявление правительств Республик Беларусь, Российской Федерации и Украины «О координации экономической политики» от 8 декабря 1991 года, а также соглашения в важнейших областях хозяйствования и международных связей, в частности, «Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства» (заключено в г. Минске 12.12.1991 – 25.12.1991), затем последовали документы, оформляющие двустороннее сотрудничество в сферах железнодорожного, автомобильного и т.д. сообщения, связи и коммуникаций (например, «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о принципах сотрудничества и условиях взаимоотношений в области транспорта» от 23 марта 1992 года), за которыми последовали соответствующие действия. В свете этого представляется неоправданным считать указанное движение государств друг к другу для совместного решения ключевых проблем, стоявших перед ними, «симулякром», «волюнтаристским проектом» хотя бы потому, что его обусловленность самой действительностью является очевидной: налаживание совместного сотрудничества на постсоветском пространстве (за пределами стран Балтии), при всех имевшихся центробежных силах на первоначальных этапах его становления, думается, продиктовано лишь одной причиной – наличием общей истории и государственности у соответствующих участников рассматриваемого процесса.

¹ Достаточно привести некоторые данные юридического и фактологического характера: подписание 9 декабря 2010 г. 3 государствами-членами ТС документов по созданию Единого экономического пространства (ЕЭП), среди которых был План действий на 2010-2011 годы; заключение 18 ноября 2011 г. тремя государствами-членами ТС Договора о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), сменившей Комиссию ТС, и Декларации о евразийской экономической интеграции. Этот акт провозгласил переход с 1 января 2012 г. к новому этапу интеграции – ЕЭП, основанному на нормах и принципах Всемирной торговой организации (ВТО) и открытому на любом этапе своего формирования для присоединения других государств. Конечной точкой данного этапа являлось заключение договора о создании к 2015 г. Евразийского экономического союза, что и произошло в действительности. Ныне – по прошествии 5 лет – Союз насчитывает не три, а пять государств.

² См.: Капустин А.Я. Там же.

Отрицание юристами-международниками интеграционных характеристик объединений государств в евразийском пространстве варьирует по уровню обобщений, теоретической направленности и существу суждений, соседствуя к тому же с различными квалификациями смежных явлений, на чем представляется целесообразным остановиться особо.

В активно проводящихся ныне обсуждениях значится ряд сугубо теоретических вопросов, имеющих, разумеется, немалое прикладное значение. Одним из них является вопрос о правовом статусе и правовой природе интеграционного объединения («международная организация» или не международная организация, «классическая» международная межправительственная организация (ММПО) или «особое формирование», «правосубъектная» с точки зрения международного права или «неправосубъектная» и т.д.). Среди разнообразия позиций в отечественной литературе присутствует мнение о том, что предшественники ЕАЭС – ЕврАзЭС и прежде всего ТС и ЕЭП – не обладали международной правосубъектностью: «В международно-правовом смысле подобное межгосударственное экономическое объединение может рассматриваться как специфический международно-правовой режим, основанный на международном договоре (или группе международных договоров), цели которых достигаются путем соблюдения международных обязательств, принятых их государствами-участниками. Специфика подобного международно-правового режима состоит в том, что его участники соглашаются использовать специфические методы имплементации своих международных обязательств, целью которых является сближение национального законодательства государств-участников путем унификации и гармонизации в сферах, регулируемых указанными международными соглашениями»¹.

Трактовка правовой природы договора, учреждающего нынешний ЕАЭС, и самого Союза, в позициях доктрины нередко чрезмерно усложняется. В частности, в них усматривается двойственность характера: например, А.Я. Капустин различает правоотношения «внутри организации», которые квалифицируются им в качестве «первичных правоотношений» – это отношения между государствами-членами по поводу участия в работе и деятельности органов ЕАЭС, а также их отношения с указанными органами и отношения между органами, и «вторичные правоотношения», которые касаются «реализации прав и обязанностей, вытекающих из второй и третьей частей Договора и иных международных договоров в рамках Союза, и решений органов ЕАЭС, регулирующих отношения по поводу функционирования экономических механизмов регулирования экономики». Автор именует «вторичные правоотношения» имеющими смешанный характер (международно-правовой и национально-правовой), поскольку их реализация предполагается в рамках национальных правовых систем государств-членов ЕАЭС.

Существо изложенного взгляда, к сожалению, не дает оснований для его поддержки. Прежде всего, трудно смириться с ощущением, вызывающим бесспорные сомнения в их оправданности, присутствия некоторой «переклички», имеющейся здесь, с конструкцией Г. Харта «первичности» и «вторичности» норм применительно к понятию «право»², которая, кстати, весьма воспринята теорией западноевропейской интеграции. Кроме того, нельзя согласиться и с тем, что международная правосубъектность ЕАЭС как бы «распадается на куски», «дробится» («международная организация» и «экономический союз»), в зависимости от структуры его учредительного акта – Договора о ЕАЭС со всеми его частями и приложениями, и от того, какие нормы заключены в нем. В любой международной организации в силу института членства его участников государства вступают в разнообразные отношения, в том числе и отношения обеспечения ее целостности и единства при выступлении вовне как институции (т.е. в сфере установления компетенции, формирования и работы органов и т.п.), и, собственно, функционирования объединения как такового (реализации целей, функций и задач). Последнее обусловлено характером рассматриваемой институции. Если это «международная организация региональной экономической интеграции», как указано в п. 2 ст. 1 Договора о ЕАЭС, то нормы, регулирующие отношения участников не просто по широкой координации экономической деятельности государств, но их совместные согласованные действия в указанной области, и возникающие, следовательно, на их основе *правоотношения*, являются неотъемлемой составляющей деятельности данной международной организации, являющейся экономическим союзом. Будь это какой-нибудь «международный региональный союз электросвязи», его учредительный договор аналогичным образом предусматривал бы и наличие определенных органов, и нормирование их работы, и деятельность организации в целом благодаря совместным усилиям государств-членов, только сфера его деятельности была бы значительно уже, а цели, компетенция и функции организации были бы, естественно, другими: международная институция, преследующая цель координации связей государств-членов, и таковая, рассчитанная на интеграционное сотрудничество, закономерно разнятся между собой, но правосубъектность организации, ее международно-правовая личность ни в том, ни в другом случаях не может отрицаться.

И уж, разумеется, никак нельзя присоединиться к авторскому мнению о «смешанном характере» так называемых «вторичных правоотношений», поскольку-де их реализация предполагается в рамках национальных правовых систем государств-членов ЕАЭС. Это обстоятельство вряд ли нуждается в пространном пояснении – зададим лишь один вопрос: а разве в иных случаях, когда речь не идет об интеграционных образованиях, национально-правовая сфера государств-членов остается не затронутой таким сотрудничеством и нормами, регулирующими его, из которых возникают соответствующие международные обязательства государств? Ответ на него однозначен, – нет! Вывод напрашивается сам собой: тезис ошибочен.

Если освещение вопроса о месте правового регулирования евразийской интеграции в глобальной нормативной системе закономерно требует основательного погружения в понятия «интеграция» и, в частности, «евразийская инте-

¹ См. Капустин А.Я. Там же.

² Cp.: Hart H. L. A. The Concept of Law / Clarendon Law Series. Oxford University Press. 1961.

грация»¹, равно как и в категорию «глобальная нормативная система», то анализ последней первостепенным образом исходит из учета ее встроенности в общемировую международную систему, которая в свою очередь включает в себя политическую, экономическую, финансовую, социальную и т.д. системы, охватывающие все государства, международные межправительственные и неправительственные организации, интеграционные объединения, неправосубъектные образования, юридические лица, индивидуумов и т.д. В глобальную нормативную систему входят разнообразные правила поведения, направленные на упорядочение различных взаимосвязей между составляющими системы (нормы нравственности, морали, этики, религиозные, корпоративные и проч.) и, наконец, юридические предписания. Таким образом, лишь определенная часть глобальной нормативной системы состоит из правовых регуляторов, в объеме которых международно-правовые нормы присутствуют только в некоторой степени. В числе последних значатся и правила поведения субъектов международного права, регулирующие отношения между участниками интеграционных образований – государствами – и интеграционными образованиями или третьими сторонами между собой. С учетом этого нормы «права евразийской интеграции» в качестве ее регуляторов, присутствуя в глобальной системе вообще, а также и в глобальной нормативной юридической системе, занимают место, обусловленное рядом ключевых обстоятельств: это, во-первых, то, что интеграция имеет региональный характер; во-вторых, факт, что евразийская интеграция развивается в рамках институционально оформленного образования, которое юридически провозгласило целью объединение государств; в-третьих, ЕАЭС обладает статусом международной правосубъектной организации, не имеющей так называемой «наднациональной» или «надгосударственной» природы; в-четвертых, «право евразийской интеграции», будучи явлением, опосредствуемым международными договорами и/или актами органов международной организации, закономерно составляет часть международного права. Высказанные положения опираются на позитивное право, и именно статью 1 Договора о Евразийском экономическом союзе, где непосредственно устанавливается, что «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью».

В заключение целесообразно остановиться на генезисе евразийской интеграции. Ряд исследователей настаивают на «внешних» факторах, которые, по их мнению, обуславливают интеграцию вообще и таковую в евразийском пространстве. Однако в противовес этому у авторов все же получается, в частности, что ключевое место при этом надо отвести институциональным механизмам, которые с точки зрения «устройства» интеграции, являются «внутренними» факторами. Наибольшую «скорость» интеграционных процессов они усматривают в интеграции в рамках ЕАЭС, хотя в их расчетах фигурирует также и Союзное государство между Россией и Республикой Беларусь². В то же время есть еще один момент в конструкциях упомянутых авторов: ссылки на «принцип взвешенного голосования» в ЕвразЭС и Комиссии Таможенного союза, зафиксированный в Договоре о Комиссии от 6 октября 2007 г., демонстрируют как раз обратное – «внутренние» факторы определяют ход современной евразийской интеграции. Приведенный же тезис о «приоритете действия внешних факторов», очевидно, базируется на результатах изучения истоков западноевропейской интеграции, ибо является неоспоримым фактом, что идеи единой Европы и реализация интеграционных устремлений возникли не в последнюю очередь вследствие сложностей международной обстановки и попыток Франции решить острые внешнеполитические проблемы, обусловленные «германским вопросом», созданием ядерного оружия и т.д., путем нахождения «новой формулы» французской политики³.

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть, что право евразийской интеграции, будучи неразрывно связанным с политическими, экономическими и юридическими формами осуществления сотрудничества государств-участников отражает в себе как договорные, так и институциональные средства интеграции. В силу этого право евразийской интеграции не может быть отделено от международного права, которое в свою очередь составляет неотъемлемую часть глобальной юридической системы. В этом плане недочеты формулировок или подходов, зафиксированных в соглашениях или иных международных актах как инструментах правового регулирования интеграции, отсутствие порою последовательности принимаемых решений органами интеграции или государствами-членами, и т.п., не должны заслонять «классическую» международно-правовую природу и сущность как самих интеграционных объединений, с тем или иным успехом действующих в евразийском пространстве, так и оформляющих их международных договоров.

¹ См.: в этой связи: Ануфриева Л.П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. – № 10. – С. 193–201.

² См.: Лукьянова В.Ю., Плюгина И.В. Институциональные основы функционирования интеграционных объединений на евразийском пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. – № 1. – С. 79.

³ См. в этой связи: Болдырева О.М. Организационные основы начального этапа европейской интеграции // История государства и права. 2012. – № 3. О роли Жана Монне в осуществлении западноевропейской интеграции на начальном ее этапе см.: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5372

Арсентьева И.И.

д.полит.н., в.н.с. Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ПОСЛЕ 2020 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТА В ПОСТКАРАНТИННОМ МИРЕ

Ключевые слова: *Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, пандемия, экономический кризис, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Россия, Китай, США.*

Keywords: *Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, pandemic, economic crisis, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Russia, China, USA.*

Введение. Главной целью проекта Большой Евразии (Большого евразийского партнерства) является сопряжение интеграционных процессов на евразийском материке путем создания партнерств различных форматов. Считается, что термин «Большая Евразия» в его современном, политэкономическом, понимании ввел в научный дискурс эксперт брюссельского Центра европейских политических исследований М. Эмерсон. В 2013 г. в своей работе «На пути к Большой Евразии» он писал, что эта концепция охватывает страны в пределах евразийского суперконтинента, повестка дня которых в узком смысле включает вопросы развития смежных территорий (энергетические и транспортные коридоры, торгово-экономические отношения, трансграничные проблемы и т.д.), а в более широком смысле затрагивает сферы стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей¹.

Спустя два года эксперты Валдайского клуба С.А. Караганов и Т.В. Бордачев предложили использовать взамен устаревшей, по их мнению, концепции Большой Европы концепцию Большой Евразии. В трактовке С.А. Караганова, она представляет собой концептуальную рамку, задающую вектор взаимодействия государств континента посредством движения к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванному преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства².

Данная концепция была взята на вооружение российскими властями. На официальном уровне Россия представила свое видение Большой Евразии в ходе Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г. В своем выступлении российский президент В.В. Путин заявил, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура – Большого евразийского партнерства с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, других заинтересованных государств и объединений³. Схожие заявления неоднократно делал тогдашний президент Казахстана Н.А. Назарбаев. Но все же в большей степени это российский проект или, как определил его Т.В. Бордачев, «великий поход» Москвы за создание в регионе нового международного сообщества⁴.

Однако если отбросить в сторону теоретические разработки и декларируемые политические намерения, многие детали и практическая реализация проекта до сих пор остаются неясными. Кроме того, настоящей проверкой на прочность стал 2020 г. в связи с пандемией COVID-19. Жесткие карантинные ограничения, введенные по всему миру, нанесли серьезный урон торгово-экономическим и транспортным коммуникациям. В этой связи возникают сомнения, выдержит ли проект, реализация которого и так находилась под вопросом, испытание эпидемией, критически снизившей возможности выхода за пределы национальных границ.

Проект «Большая Евразия» в 2020 г. По мнению многих (прежде всего, российских) экспертов, ключевым вектором Большого евразийского партнерства должно стать сопряжение двух интеграционных полюсов – Евразийского экономического союза и китайского Экономического пояса Шелкового пути. Поэтому кратко рассмотрим, как называются на них введенные в связи с пандемией ограничения.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Договор, подписанный в 2014 г. Россией, Казахстаном и Белоруссией, а затем присоединившимися к организации Арменией и Киргизией, предполагает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Понятно, что при проведении противоковидных мероприятий по этим свободам был нанесен ощутимый удар. Согласно официальным данным, в странах Союза с января по сентябрь 2020 г. объемы гру-

¹ Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Большая Евразия. – <http://gea.owasia.org/wp-content/uploads/2018/02/Towards-a-greater-Eurasia.pdf>

² Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. – М., 2017. – 30 мая. – <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evraziyi/>

³ Путин объявил о создании большого Евразийского партнерства // Российская газета. – М., 2016. – 17 июня. – <https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozdanie-bolshogo-evrazijskogo-partnerstva.html>

⁴ Бордачев Т. Большая Евразия: что еще не сделано? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2019. – 30 декабря. – <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshche-ne-sdelano/>

зоооборота снизились на 6,6%, а пассажирские перевозки на 43,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹. Взаимная торговля «евразийской пятерки» в первом полугодии в стоимостном выражении сократилась на 14,1%, а внешняя торговля на 16,2% относительно первого полугодия 2019 г. Главной причиной стали карантинные ограничения, спровоцировавшие падение спроса на основные экспортные товары государств ЕАЭС. Например, в условиях сокращения транспортных передвижений снизился спрос на топливо. К тому же упали мировые цены на нефть; так, стоимость российской нефти снизилась более чем на 50% по сравнению с декабрем 2019 г.²

Еще одной крайне значимой проблемой для стран ЕАЭС стал миграционный вопрос. Введенные в рамках карантинных мероприятий ограничения на перемещение рабочей силы имеют множество негативных последствий как явных, очевидных уже сегодня, так и латентных, действие которых проявится в будущем. И, как отмечает Д.В. Полетаев, директор московского Центра миграционных исследований, постепенное снятие барьеров вряд ли приведет к полному восстановлению имевшихся до пандемии возможностей для миграции³.

Следует признать, что сомнения по поводу способности Союза выстроить эффективную антикризисную стратегию имеют под собой основания. Ситуация осложняется политическими факторами – нестабильная обстановка в Белоруссии и Киргизии, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе и др. Средства массовой информации постоянно подливают масло в огонь заголовками: «Евразийский союз шатает от коронавируса», «Коронавирус залихорадил ЕАЭС: партнеры выдвинули друг другу массу претензий», «Убьет ли коронавирус ЕАЭС» и т.п. Однако необходимо учитывать, что в условиях пандемии практически все существующие на сегодняшний день интеграционные объединения демонстрируют разобщенность, а государства, закрывшись в своих границах, предпочитают решать проблемы самостоятельно. В то же время приведенная выше статистика показывает, что внешняя торговля государств ЕАЭС падает быстрее, чем внутренняя. К тому же в первом полугодии взаимная торговля продовольственными товарами выросла на 2,5%, а продажи непищевой сельхозпродукции – на 13%⁴. А это означает, что Евразийский экономический союз при недопущении дезинтеграции внутреннего рынка и гибкой оптимизации имеющихся в наличии ресурсов способен хотя бы частично смягчить для своих участников негативные последствия практически неизбежного мирового экономического кризиса.

Экономический пояс Шелкового пути (ЭППП) – китайская интеграционная инициатива по созданию разветвленной сети трансевразийских экономических коридоров, является частью более масштабного проекта «Один пояс, один путь»/«Пояс и путь» (вторая часть – «Морской Шелковый путь XXI века»), направленного на формирование глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры. Идея впервые была официально озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. По состоянию на ноябрь 2020 г. Китай в рамках проекта подписал более 200 различных документов о сотрудничестве с 138 странами и 31 международной организацией.

В июне 2020 г. китайская сторона сделала заявление о том, что пандемия COVID-19 негативно сказалась на реализации примерно 60% проектов (серьезно пострадали около 20%, еще 40% затронуты в той или иной степени), однако ни один из них не был прекращен; оставшиеся 40% осуществляются в обычном режиме⁵. В итоге за первые три квартала 2020 г. торговля со странами-участницами «Пояса и пути» достигла 963,42 млрд. долл., а объем прямых нефинансовых инвестиций Китая в эти страны увеличился на 29,7% в годовом выражении, составив 13,02 млрд. долл. Наиболее крупные проекты – строительство железных дорог в Лаос и Таиланд, высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг, железнодорожной магистрали Венгрия-Сербия⁶. При этом в целях адаптации к новым реалиям происходит ускорение темпов цифровизации и внедрения новых технологий. Так, например, пандемия «выявила недостатки инфраструктуры в сфере здравоохранения и телекоммуникаций. Ответом... стали инициативы “цифрового Шелкового пути” и “Шелкового пути здоровья”, которые могут сыграть весомую роль в глобальном и региональном посткоронавирусном восстановлении»⁷.

Если говорить о сотрудничестве со странами «евразийской пятерки», то, по данным Китайской железнодорожной корпорации, в первом полугодии 2020 г. число грузовых поездов, которые курсируют между Китаем и европейскими странами через Россию и Казахстан, увеличилось на 36% в годовом исчислении. Несмотря на незначительное снижение (около 6%) взаимной торговли, Китай остается главным партнером государств-членов ЕАЭС в Азии: в январе-августе 2020 г. на него приходилось 20,1% их внешнеторгового товарооборота. При этом китайские инвестиции в страны Союза выросли на 7,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Комментируя эти цифры, заместитель министра коммерции КНР Ван Шоувэнь отметил: «Темпы снижения товарооборота между КНР и ЕАЭС

¹ За 9 месяцев грузооборот в ЕАЭС снизился на 6,6% // РЖД-Партнер. 2020. – 19 ноября. – <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/za-9-mesyatsev-gruzooborot-v-eaes-snizilsya-na-6-6/>

² Евразийская «пятерка» оказалась вполне устойчивой к кризису // Ритм Евразии. 2020. 26 сентября. – <https://www.ritm-eurasia.org/news--2020-09-26--evrazijskaja-pjaterka-okazalas-vpolne-ustojchivoj-k-krizisu-51077>

³ Полетаев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // Российский совет по международным делам. 2020. – 7 мая. – <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/>

⁴ Пандемия коронавируса способствовала росту торговли продовольствием и сельхозпродукцией в ЕАЭС / Евразийская экономическая комиссия. 2020. – 26 августа. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-08-2020-02-01.aspx>

⁵ В КНР заявили, что пандемия негативно отразилась на 60% проектов инициативы «Пояс и путь» // ТАСС. 2020. – 19 июня. – <https://tass.ru/ekonomika/8766085>

⁶ Инициативу Китая по строительству «Пояса и пути» поддержали 138 стран // ИА REGNUM. 2020. – 18 ноября. – <https://regnum.ru/news/economy/3118227.html>

⁷ «Пояс и путь» выработал иммунитет. Важнейшая китайская интеграционная инициатива отметила седьмой день рождения // Российская газета. – М., 2020. – 7 сентября. – <https://rg.ru/2020/09/07/poias-i-put-vyrabotal-immunitet-k-covid-19.html>

значительно ниже в сравнении с другими странами, и мы видим перспективы не только по скорому восстановлению товарооборота до предпандемийного уровня, но и более быстрому его наращиванию. Такие возможности может открыть заключение между нашими странами соглашения о свободной торговле»¹.

Таким образом, Китай в сегодняшней крайне непростой ситуации смог увидеть для себя новые возможности. При этом очевидно, что его способность быстро адаптироваться к нестабильной международной обстановке, вырабатывая эффективные ответы на вызовы и угрозы, породит новые проекты в рамках «Пояса и пути» и привлечет новых участников.

Перспективы развития проекта после 2020 г. В настоящее время мир живет в условиях сверхвысокой неопределенности. Сегодняшний кризис, вызванный фактором, который не смогли спрогнозировать ни ученые, ни политики, стал во всех смыслах уникальным. В результате по всему миру принимаются различные меры, призванные предотвратить дальнейшее распространение COVID-19 – от частичных ограничений в свободе перемещения граждан, работе различных учреждений до полного локдауна и введения режима чрезвычайной ситуации. Процессы глобализации в их традиционном понимании дали сбой, усилились тенденции изоляционизма, резко возросла роль национальных государств. До окончания пандемии трудно прогнозировать, что может случиться даже в ближайшее время. Тем не менее, попытаемся это сделать. К тому же некоторые последствия для Большого евразийского партнерства вырисовываются уже достаточно определенно.

Если понимать под Большой Евразией российский проект, предполагающий, что одним из ключевых центров интеграции станет Евразийский экономический союз, то приходится с сожалением констатировать, что его позиции очень уязвимы. Причем пандемия в данном случае является не причиной, а лакмусовой бумажкой и катализатором негативных процессов (в этой связи уместно вспомнить выражение: «Где тонко, там и рвется»). Как уже отмечалось, проблемы были и до 2020 г., в плане практического наполнения российская концепция Большого евразийского партнерства с самого начала испытывала значительные трудности.

По мнению некоторых российских экспертов, наиболее оптимальным вариантом позиционирования Большой Евразии является макрорегиональное международное сообщество, в основе конструирования которого лежат не история или цивилизационная общность и даже не количество экономических проектов и взаимозависимость, а особое качество и интенсивность политических отношений между образующими его государствами, прежде всего, между Россией и Китаем². С этим утверждением можно было бы согласиться, но возникает вопрос: готова ли китайская сторона к строительству Большой Евразии на паритетной основе, с учетом российских интересов? Очевидно, что паритет возможен при условии, если участвуют партнеры с примерно одинаковыми возможностями. Если же говорить о перспективах сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП, то приходится признать, что их масштабы несопоставимы, а возможности Китая (прежде всего, финансовые) намного больше. Поэтому ЕАЭС в данном случае скорее будет являться наиболее значимым участником северного трансевразийского коридора ЭПШП (Китай-Центральная Азия-Россия-Европа) как части беспрецедентного по масштабам интеграционного проекта КНР.

Если же понимать под Большой Евразией сопряжение интеграционных процессов на евразийском материке путем создания торгово-экономических партнерств различных форматов, то можно констатировать, что в настоящее время этот процесс действительно происходит, причем под явной эгидой КНР. Помимо тех успехов, на которые было указано выше, особо стоит выделить подписанное 15 ноября 2020 г. соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли «Всестороннее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП). Кроме Китая, оно включает 10 государств АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию. Накануне подписания документа Д.В. Мосяков в беседе с журналистами «Независимой газеты» подчеркнул: «ВРЭП – зона свободной торговли, которую пропагандировал Китай... Если соглашение будет подписано, это станет важным фактором интеграции в Восточной Азии... А то, что Россия не упоминается, можно объяснить слабостями и недостатками нашей внешней политики в этом направлении...»³

Вполне вероятно, что закономерным следствием сегодняшних событий станет смена глобального лидера и окончательное закрепление КНР на сверхдержавных позициях. Как отмечает Ф.А. Лукьянов, это обусловлено тем, что Китай раньше других выходит из эпидемиологического форс-мажора. На фоне сложностей, которые переживают США и Европа, китайское руководство обретает уверенность в своей идейно-политической правоте. Именно этого не хватало до недавнего времени Пекину, привыкшему оперировать экономическими категориями, уклоняясь от серьезных геополитических баталий. Теперь же китайская тональность обретает стальные идеологические нотки⁴.

Справедливость этой оценки доказывает онлайн-конференция «Новый евразийский мультилатерализм: ответ Китая и России», которая состоялась 3 ноября 2020 г. в рамках проекта Валдайского клуба Think Tank⁵. На мероприятии обсуждались современное состояние и перспективы развития ситуации в мире и Большой Евразии. Китайские

¹ Сопряжение ЕАЭС с Китаем и Европой – ключевая идея Большого Евразийского партнерства / Евразийская экономическая комиссия. 2020. – 27 октября. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-10-2020-4.aspx>

² Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Вып. 148: Россия в формирующейся Большой Евразии. – М., 2019. – С. 16–53.

³ Крупнейшую зону свободной торговли создадут без России // Независимая газета. – М., 2020. – 12 октября. – https://www.ng.ru/world/2020-11-12/1_8013_china.html

⁴ Лукьянов Ф. Евразия после пандемии // Российская газета. – М., 2020. – 15 апреля. – <https://rg.ru/2020/04/15/lukianov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izolitsiia-nevozmozhna.html>

⁵ Онлайн-конференция «Новый евразийский мультилатерализм: ответ Китая и России» / Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2020. – 3 ноября. – <https://ru.valdaiclub.com/events/own/konferentsiya-otvet-kitaya-i-rossii/>

спикеры в своих выступлениях неоднократно подчеркивали, что пандемия COVID-19, которую Китай победил, а Соединенные Штаты до сих пор не смогли, свидетельствует о закате угрожавшей миру американской гегемонии. Прежняя западнцентричная модель глобализации в скором времени будет сдана в архив, ее место займет новая евразийцентричная модель, в орбиту действия которой постепенно будут вовлекаться страны Европейского союза и других континентов.

Для государств формирующейся Большой Евразии изменение геополитической стратегии КНР открывает как новые возможности, так и порождает новые риски. С одной стороны, очевидно, что взаимодействие с первой экономикой мира по ППС и, скорее всего, уже в ближайшем будущем первой по номинальному ВВП¹ открывает доступ к ее финансовым ресурсам, а трансевразийские проекты Китая в рамках «Пояса и пути» выгодны практически всем участникам. Риски обусловлены, в первую очередь, усилением экономической зависимости от Поднебесной и всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Дополнительный риск связан с вовлечением в орбиту геополитической борьбы КНР и США, которая грозит перейти в открытую форму и может вновь, как во времена холодной войны, расколоть мир. При этом главный вопрос заключается в том, какую модель отношений с другими участниками Большой Евразии выберет Китай – гегемонию или лидерство. Неотъемлемой чертой первой являются диктат и подавление; лидерство же предполагает наличие общих интересов у лидера и тех, кто за ним следует, добровольное признание его авторитета. На наш взгляд, есть основания полагать, что Китай все же выберет внешнеполитическую модель, отличную от той, которую явили миру США, поскольку до сих пор он демонстрировал большую способность к просчитыванию вероятных последствий своих действий. Тем более, что китайская дипломатия, исходя из традиций своей политической культуры, не мыслит категориями «здесь» и «сейчас». Интересную мысль в этой связи высказывает С.А. Михеев: «Все, к чему прикасаются китайцы, становится китайским... Если... чего-то и стоит опасаться, так это именно того, что китайцы не теряют своей идентичности на протяжении веков. Они дружат с вечностью. В этом и есть главная китайская угроза и главный урок, который Китай преподносит и России, и всему миру»².

¹ Китай может стать первым в мире – при любом исходе событий // РИА Новости. 2020. – 31 октября. – <https://ria.ru/20201031/kitay-1582348146.html>

² Михеев С.А. Китайская угроза как она есть // Политком.Ру: информационный сайт политических комментариев. 2006. – 19 июля. – <http://politcom.ru/3091.html>

Аюпова З.К.

д.ю.н., профессор, Казахский национальный аграрный университет, Алматы

Кусаинов Д.У.

д.филол.н., профессор, Казахский национальный педагогический университет, Алматы

Рахимова Г.Д.

к.филол.н., доцент. Казахский национальный педагогический университет, Алматы

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, правовая система, права граждан, правовое регулирование, частное право, позитивное право.

Keywords: law-abiding state, civil society, legal system, citizens' rights, legal regulation, private law, positive law.

Правовое государство и гражданское общество существуют в единстве. Перманентные противоречия между ними порождают конфликтные ситуации, которые между правовым государством и развитым гражданским обществом разрешаются, как правило, мирными средствами, с помощью правовых механизмов. Гражданское общество и правовое государство являются подсистемами общей правовой системы и по-разному воздействуют на развитие правовой системы, обратное же воздействие правовой системы на них отличается по нормативным комплексам, методам и средствам.

Основные положения концепции правового государства включают в себя верховенство гражданского общества над государством, подчинение государства контролю гражданского общества; первенство права над политикой и законом; верховенство закона над административным актом и административным усмотрением; четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; свободу деятельности индивидов и их объединений по принципу «разрешено все, что не запрещено»; гарантию защиты интересов меньшинства; прямое юридическое действие конституционных норм; подведомственность суду любого спора о праве, между кем бы он ни возникал; в идеале правовое государство – неполитическое государство.

Правовое государство признает нормы поведения, выработанные в гражданском обществе, и подчиняется им. Эти нормы становятся важнейшим элементом правовой системы, средством воздействия, формой контроля гражданского общества над государством, подчинения государства гражданскому обществу. В правовом государстве наступает предел «команде» государства, а законодательный процесс основан на естественно-правовых принципах, справедливости, здравом смысле и сложившихся в гражданском обществе правопритязаниях.

Положение о том, что право – это не столько орудие принуждения, подавления и репрессий, сколько всеобщая мера человеческой свободы, равенства и социальной справедливости, выражает системные факторы общественного развития, среди которых одной из главных является правовая система в совокупности многочисленных ее элементов.

Проблема «общество – государство», отчуждение последнего – древняя, как человек и общество. Вопрос об отчуждении государства невозможно отделить от отчуждения человека. Кроме всего прочего, ни в одной точке приложения своих сил (государство, право, работа, семья, мораль, искусство и т.д.) человек не востребуется весь, как целостное существо. В этом – драматизм, естественный и неустрашимый, отчуждения человека. Другими словами, полная системность отсутствует в положении человека, и лишь как идеал существует стремление к разностороннему и гармоничному его развитию, а вместе с ним и общества, в том числе в их отношении к праву и государству.

Как реакция на отчуждение государства с древности возникает желание, если не избавиться от него полностью, то хотя бы «минимизировать», стремление к справедливому, демократическому, правовому государству, которое мыслилось как элемент большой общественной системы, само представляя также единую гармоничную систему.

Сейчас соотношение «общество – государство» чаще рассматривается как сложная субординация «гражданское общество» и «правовое государство»¹.

По большому счету, гражданское общество и правовое государство – каждое само по себе – представляют относительно автономную систему, в правовом отношении являются подсистемами общей и единой правовой системы. Последняя является также определенным опосредующим звеном их взаимосвязи и взаимодействия, будучи одновременно их продуктом при формировании и фактором их надлежащего существования и развития в правовых содержаниях и форме.

Итак, гражданское общество – это преимущественные пространство, среда, объект, сфера правового регулирования естественного и частного права как правовых подсистем общей и единой системы права. В правовом государстве преобладают подсистемы позитивного и публичного права. Конечно, такое разделение представляет что-то вроде

¹ Бондаренко Е.О. Значение гражданского общества в современном государстве // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. – № 1–2 (123). – С. 175.

общей тенденции, резкого непроходимого разделения не существует, оно имеет изрядную долю относительности. Гражданское общество не может игнорировать позитивное право – правовые законы, издаваемые государством, тем более, что делегирует в законодательные органы своих представителей, которые принимают участие и в издании законов частного права¹. Взаимоотношения гражданского общества и правового государства в значительной степени регулируются нормами публичного права, с их помощью государство осуществляет охрану и защиту прав и свобод граждан, а также многочисленных институтов гражданского общества.

Философ К.С. Гаджиев приводит следующую дефиницию: «Гражданское общество – это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовных сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных. Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные, профессиональные и иные объединения, ассоциации, организации и т.д. Гражданское общество отождествляется в целом со сферой частных интересов, потребностей и т.д. частных индивидов»².

В приведенном определении охвачено многое, но, на наш взгляд, упущены правовые черты гражданского общества, то, что данное понятие, главным образом, правовое; гражданское общество не бывает без правового государства; функционирование многочисленных объединений, ассоциаций, организаций граждан невозможно без правового регулирования и др.

Также можно отметить, что перечислив социальные, социокультурные и духовные сферы, К.С. Гаджиев упускает существенную сферу жизнедеятельности гражданского общества – экономическую, где в немалом объеме реализуются частные интересы и потребности индивидов, регулируемые, в основном, системой частного права, а именно гражданским правом и примыкающими к нему отраслями права и законодательства, объединяемых в особую систему гражданским процессуальным правом.

Остановимся на двух правовых рефлексиях о гражданском обществе. Правоведы, следуя за древнеримскими юристами, воздерживаются от точного формулирования того, что они понимают под гражданским обществом нашего времени, и либо намечают основные правовые параметры анализируемого понятия, либо выделяют те основные признаки и свойства, без которых невозможно существование гражданского общества.

Так, профессор З.М. Черниловский полагает, что при составлении любой формулы, относящейся к гражданскому обществу как таковому, должно приниматься в расчет, что:

- 1) гражданское общество не существует до государства и вне государства;
- 2) именно государство, в пределах которого существует данное гражданское общество, дает ему должную защиту в том, что относится к благосостоянию граждан и их особым целям, если последние не противоречат законам;
- 3) от государства гражданское общество вправе требовать защиты жизни, здоровья, безопасности и пр.;
- 4) на государство ложится обязанность осуществления социальных программ, могущих смягчить противоречие между материальным достатком одних и нищетой других;
- 5) государством, его внешней политикой и оборонной мощью могут быть обеспечены само существование данного сообщества, его материальное и духовное сближение с другими народами как в материальном, так и в духовном отношениях³.

Суммируя перечисленные пять признаков, свойств, параметров-функций и возможностей гражданского общества, можно сказать, что в характеристике анализируемого понятия, данной З.М. Черниловским, преобладает государствоведческий подход и почти отсутствует правовой анализ гражданского общества. Только есть одно словосочетание «вправе требовать» и фраза «если (цели) не противоречат законам», но оба они в данном контексте не несут серьезного правового содержания. Более того, делается некий акцент на утверждении патерналистской роли государства по отношению к гражданскому обществу, хотя и выражено это весьма неопределенно, давая возможность для разноречивого толкования и понимания. Речь идет о фразе: «государство ... дает (гражданскому обществу) должную защиту ... благосостояния граждан...».

Перечисленным пяти пунктам характеристики гражданского общества противоречит следующее добавление, или пояснение З.М. Черниловского: «общество должно взаимодействовать с государством и влиять на его политику, сохраняя за собой верховный суверенитет в отношении к государству, его учреждениям, его ответственности, назначения на государственную службу и устранения от нее»⁴. Здесь уже вместо зависимости гражданского общества от государства, высказанной в пяти пунктах, утверждается совершенно противоположное – «верховный суверенитет» гражданского общества по отношению к государству, с чем мы полностью солидарны. Впрочем, такую субординацию гражданского общества сейчас отстаивают многие правоведы.

В истории общественной мысли гражданское общество связано с идеей свободы и, в частности, с правовыми свободами, признаваемыми за каждым человеком. Однако естественные права и свободы различны по своему харак-

¹ Авцинова Г.И., Супряга И.А. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте обеспечения общественной безопасности России // PolitBook. 2019. – № 1. – С. 126.

² Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. – М., 2001. – № 7. – С. 30.

³ Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 2002. – № 6. – С. 142.

⁴ Там же, с. 150.

теру. Есть личные, частные права и свободы, в их осуществлении достаточно проявления индивидуальной воли. Но выявляются такие права и свободы, когда действительно могут пересечься интересы многих людей и их общностей, что может привести к «войне всех против всех». Это публичные (общественные) права и свободы. Е.И. Трошкин считает, что они могут быть реализованы не непосредственным образом, а через политические институты и государство¹.

«Презумпция естественного права» – очень ценное положение, отражающее одну из существенных черт правового государства и гражданского общества, достойное, возможно, в будущем быть записанным в конституциях. Но положение об «опосредованном способе воплощения свободы» вызывает сомнение. Главный смысл и значение гражданского общества ведь и состоит в том, что в нем через политические институты и государство будет воплощаться минимальное количество интересов и потребностей человека, гражданских прав и свобод. Коренной массив последних должен реализоваться именно непосредственно через самоуправленческие начала по законам, основанным на принципах естественного права. Поэтому гражданское общество, в основном, должно взаимодействовать только с законодательной властью, минуя чиновничьи кабинеты, бюрократические препоны.

В заключение отметим, что гражданское общество не может развиваться по единой схеме. Когда речь идет об инициативе снизу, о массовом творчестве, то формы самореализации личности и формирования ассоциаций могут быть многообразными и неодинаковыми по соотношению приоритетов и степени развития тех или иных гражданско-правовых институтов, составляющих единую более или менее гармоничную систему.

¹ Трошкин Е.И. Коллективизм или гражданское общество // Социологические исследования. – М., 2011. – № 7. – С. 54.

Бабосов Е.М.

д. филос. н., академик НАН Беларуси, профессор Института социологии НАН Беларуси, Минск
babosov@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: ЕАЭС, союзное государство, евразийская интеграция, транснациональная идентификация, идентичность, антиконституционные протестные действия.

Keywords: Eurasian Economic Union, union state, Eurasian integration, transnational identification, identity, anti-constitutional protest actions.

Экономической основой ЕАЭС является успешное развитие экономики стран, входящих в данное межгосударственное объединение. Объем товарооборота во взаимной торговле в рамках данного объединения в 2019 году составил 61 млрд. долларов, или 101,3% к уровню 2018 года. Средняя цена на товары единого рынка снизилась на 0,4%. Кроме улучшения социально-экономических показателей важную роль в развитии стран ЕАЭС выполняет создание и активное действие договорно-правовой базы многостороннего сотрудничества в различных сферах – заключено 215 таких договоров. Это существенно важно для пространства и общих правил экономических взаимодействий на внешних рынках с населением 170 млн. человек в масштабах совокупного экономического потенциала, превосходящего 4% глобального ВВП. Очень значимо создание антикризисного фонда с капиталом 10 млрд. долларов. Нельзя не учитывать принципиальную значимость приобретения правительственными структурами стран-участников межгосударственного объединения практического опыта руководства данным интеграционным сообществом.

Важнейшим фактором и конкретным воплощением интеграционной социодинамики в широком пространстве ЕАЭС становится реальная коммуникация между гражданами входящих в него стран. Примечательно, что более 80% граждан Армении и Кыргызстана, свыше половины жителей Беларуси и Казахстана поддерживают постоянные связи с родственниками, друзьями, коллегами других стран, входящих в данное интеграционное объединение, прежде всего в России. Жить и работать большинство граждан государств Союза предпочитают на просторах ЕАЭС. На этих просторах создаются и работают транснациональные компании, корпорации – к тому же создается и действует единая система идентификации участников внеэкономической деятельности¹.

Социально-экономическим и общественно-политическим ядром ЕАЭС, его активно действующим стержнем на протяжении второго десятилетия XXI века является союз Беларуси, России и Казахстана. Своеобразие и сложность осуществления интеграционного союза этих трех государств определяется тем, что в данных суверенных государствах, возникших на развалинах рухнувшего Советского Союза, происходит не только смена социально-политических режимов, но и коренное изменение общественного строя. Как раз в этом и заключается первая отличительная особенность интеграционного взаимодействия трех стран. Вторая очень существенная особенность этого сценария интеграционной динамики детерминирована тем, что политическая демократизация началась в названных странах до того, как сложились элементы современного рынка. Третья особенность данной модели интеграции заключается в том, что реализация ее ключевых задач происходит при одновременном разрешении не во всем совпадающих во времени проблем: изменение старой общественно-политической системы и проведение коренной экономической реформы, призванной обеспечить переход к социально ориентированной рыночной экономике, осуществляется по разнотемным трендам. Четвертая особенность предопределяется тем, что выбран путь быстрой, радикальной, ни за кем не следующей и никого не догоняющей, самостоятельно осуществляющейся по собственной модели развития своеобразной модернизации. Пятая особенность интеграционного варианта развития России, Беларуси и Казахстана по пути их социально-политического, экономического и социокультурного сближения и сплочения воплощается в *этатизме*, т.е. в решающей роли государства в реформировании и обновлении всей социально-политической и экономической системы, в действии мобилизационного механизма функционирования государства. Шестая особенность этой модели вырисовывается в становлении принципиально новой системы социальной стратификации общества, отличительными чертами которой становится возрастание значимости научно-интеллектуальной элиты и частного предпринимательства в переходе трех союзных стран в информационное общество, базирующееся на инновационной экономике. Седьмая особенность данной модели проявляется в том, что это межгосударственное интеграционное объединение функционирует на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ. Восьмая ее особенность заключается в том, что интеграционные процессы охватывают не только экономическую сферу (что является в них решающим), но и включают в свою орбиту

¹ См. доклад «Евразийская экономическая интеграция» / Евразийский банк развития. 2019. – № 52.

также политическую и социокультурную интеграцию. Наконец, девятая отличительная черта данной модели состоит в формировании и функционировании наднациональных политических структур, играющих важную конструктивную роль в осуществлении объединительских процессов (рис. 1).

Основными скрепами, соединяющими в единое экономическое пространство колоссальный рынок с более чем 170 млн. потребителей, со свободным перемещением капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, становятся согласованные действия в решающих институциональных областях: в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сферах сельскохозяйственных субсидий, а затем в выработке и реализации единой визовой и миграционной политике, базирующейся на единых стандартах и требованиях к товарам и услугам.

Рисунок 1.
Модель интеграционных процессов ЕАЭС

Если дать обобщенную оценку создаваемой модернизационной интеграционной модели геостратегического трехстороннего взаимодействия, то следует подчеркнуть, что получает благоприятное социально-политическое и экономическое пространство для своего эффективного функционирования *наднациональное объединение*, имеющее все необходимые предпосылки и возможности, чтобы превратиться в один из полюсов современного многополярного мира и одновременно стать одним из мощных центров сосредоточения силы в этом динамично и противоречиво развивающемся мире. Поскольку данное межгосударственное объединение является в своей сущности наднациональным, постольку его принципиальное своеобразие заключается в наличии *надгосударственных структур*. Важнейшие из них: Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Совет командующих пограничными войсками государств участников ЕАЭС, Межпарламентская Ассамблея, Анти-террористический центр ЕАЭС, Исполнительный Секретариат, Экономический совет, Экономический суд ЕАЭС. Однако функционирование надгосударственных структур ни в коем случае не означает какого-либо ущемления или недооценки национальных интересов. В условиях нарастающей глобальной нестабильности и развертывания глобальных турбулентных процессов создание и функционирование наднационального межгосударственного объединения обуславливается собственными национальными интересами каждой суверенной страны и складывающимся стратегическим схождением исторических судеб и перспектив развития народов этих стран.

Особое значение в интеграционной модернизации России, Беларуси и Казахстана имеет оставшаяся от Советского Союза производственная специализация, общее языковое пространство, традиционные научно-образовательные и культурные связи. Интеграционные трансформации в этих государствах могут быть успешными и эффективными только в том случае, когда станут эффективными объединенные усилия этих стран в обеспечении их коллективной безопасности, что имеет судьбоносное значение в ситуации нарастающей неустойчивости глобального экономического, финансового, научно-технического, информационного развития, порождающей источники новых вызовов и угроз. В этом контексте важную конструктивную и сдерживающую роль выполняет Организация Договора о коллективной безопасности, активными действующими акторами которого являются и Россия, и Беларусь, и Казахстан. Эта международная организация за последние пять лет осуществила целый ряд мероприятий по обеспечению безопасности. В частности, в ее структуре создан и функционирует центр по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, центр информационных технологий, в котором ведется подготовка специалистов в сфере информационных противодействий

идеологическим атакам. Осуществляется выявление преступных группировок, специализирующихся на торговле людьми. Регулярно проводятся совместные военные учения, способствующие повышению боеспособности и боеготовности вооруженных сил трех государств, их стратегическому, тактическому и оперативному взаимодействию. По инициативе Беларуси начата подготовка миротворческого потенциала Организации Договора о коллективной безопасности, оснащение коллективных сил оперативного реагирования самым современным вооружением, новейшими, эффективно действующими средствами связи, отработка полной готовности интернациональных частей этой организации к совместным действиям, включая возможность быстрой переброски по воздуху, что повышает эффективность возможного противодействия потенциальным военным вызовам и угрозам. Достигнута договоренность о создании коллективных сил оперативного реагирования, в том числе и на чрезвычайные ситуации.

Интеграционное взаимодействие России, Беларуси и Казахстана осуществляется по принципам синергетического сложения и умножения сил экономических, политических, финансовых, научно-технических, социокультурных, но одновременно оно все более отчетливо приобретает характер открытого разомкнутого проекта, открытого для вступления в Единое экономическое пространство других суверенных стран-участниц.

Краеугольным принципом формирования и успешного функционирования не декларативного, а реально и эффективно действующего интегративного объединения модернизированного типа России, Беларуси и Казахстана, а впоследствии Армении, Таджикистана и других стран в Едином экономическом пространстве, а затем и в Евразийском союзе может и должно быть равенство партнеров. Причем желательно, чтобы такое равенство было многогранным и всеобъемлющим. Оно должно включать и равенство условий хозяйствования на всем интегративном экономическом пространстве, и равный доступ к единой энергетической и транспортной системам, и единые правовые установления в социальной сфере. Лишь в таком случае интеграционные взаимодействия будут прочными, взаимоприемлемыми и эффективно действующими. Хорошо скоординированная и взаимодействующая во всех своих компонентах интегрированная социально-экономическая система позволит создать прочную основу для единого экономического пространства и надстраиваемой над ней интегрированной социально-политической системы, реализующей свои функции и задачи посредством деятельности надгосударственных административно-исполнительных органов.

Следует подчеркнуть, что все более многосторонняя и глубокая интеграция в рамках межгосударственного союза России, Беларуси и Казахстана ни в коей мере не означает игнорирования национальных интересов какой-либо из этих стран, либо ущемления национальных суверенитетов. Сохранение и упрочнение суверенитета – это тот незыблемый фундамент, на котором выстраивается и действует любой вариант межстрановой интеграции.

Разрабатывая интеграционную стратегию и претворяя ее в эффективно реализуемую практику, партнеры по Единому экономическому пространству и присоединяющиеся к ним страны выражают готовность развивать интеграционные взаимодействия в осях координат Восток–Запад, Север–Юг. Речь идет прежде всего о возможности и желательности развития интеграционных взаимодействий с Евросоюзом. Это позволит объединенными взаимными усилиями создать гармоничную экономическую и человеческую интеграцию на огромном пространстве от Атлантики до Тихого океана. Такая интеграционная деятельность может стать надежной и эффективной лишь в том случае, когда она охватывает не только общий рынок товаров и услуг, общий рынок рабочей силы, но и общее научно-техническое, образовательное и социокультурное пространство, будет находить реализацию в широком цивилизационном и межкультурном диалоге, в содружестве национальных культур, мировых культурных ценностей.

Этот многоаспектный процесс представляет собой развертывание социального взаимодействия конкретного индивида с определенной социальной группой, социальным статусом, типом или ролью поведения. Говоря иными словами, он немыслим без и вне субъектно-индивидуального начала, но осуществляется, атрибутируется, проявляется только в объектно-реализуемых взаимодействиях с вполне определенной социальной группой или общностью. Этот субъектно-объектный характер идентификационного процесса как раз и несет в себе исходное начало его структурно-стратификационной роли.

Дело в том, что идентификация в своем содержательном наполнении выступает не только в качестве адекватизации индивидом самого себя, но и как процесс аналогизации его определенному социальному объекту, представленному чаще всего той или иной социально-структурированной общностью – семья, трудовой коллектив, религиозная община, субкультурная группа и т.п.

Такая адекватизация индивида с социальной общностью происходит на основании каких-либо деталей сходства или тождества, включенности в одни и те же, либо похожие процессы и виды деятельности или же на основании какой-либо дифференциации существенного различия. Этот процесс можно интерпретировать как специфическую форму социализации индивида, проявляющуюся в принятии субъектом определенных условий и предписаний вхождения в социальную группу или организацию, социальный институт. В нем, с одной стороны, проявляются сущностно типические особенности «Я», представляющего собой специфически индивидуальное выделение субъектом познания и действия самого себя среди других личностей из социального окружения, но, с другой стороны, воплощаются адекватизируемые этим индивидом особенности, ценностные ориентации, смысложизненные установки и типы деятельности, характерные для того социально-структурного объединения людей, в который он включается и стремится своими поступками соответствовать принятым в нем нормам поведения.

Идентификация – это процесс отождествления индивидом самого себя с другими индивидами, социальными группами и/или общностями, ценностными стандартами и образцами поведения. Она формируется, закрепляется либо трансформируется в результате социального взаимодействия и помогает индивиду овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать определенные социальные нормы и роли. Объектами данного процесса могут быть различные социальные общности, а также герои художественных произведений. Идентификация является социально-психологическим механизмом социализации личности, формирования и развития ее социальных качеств.

Такое понимание идентификации позволяет концептуализировать понятие «идентичность», являющееся результатом развития охарактеризованного процесса.

Идентичность – это субъективное переживание человеком своей индивидуальности в качестве тождественной самой себе целостности. Она представляет собой не свойство, а отношение, формирующееся, закрепляющееся, а иногда и трансформирующееся только в процессе социального взаимодействия. Идентичность может проявляться по отношению к социальным феноменам трех уровней: а) человечество в целом и общечеловеческое в каждом конкретном его представителе; б) определенная социальная общность людей (национальная, территориальная, профессиональная, социокультурная, конфессиональная, возрастная, половая и др.); в) отдельная личность в конкретной уникальности своего реального существования. В субъективном восприятии каждого индивида в большей или меньшей степени представлены все три уровня. Идентичность современного человека определяется его сознательной ориентацией на определенный образ жизни, конкретную систему ценностных предпочтений и образцов поведения, в которых он формирует свою тождественность с определенной социальной группой, культурой, политической системой.

Стратегической значимостью в существовании интеграционных процессов функционирования Евразийского Союза обладает сложный и многогранный феномен транснациональной идентичности. Его можно сформулировать следующим образом: транснациональная идентичность – это комплекс идейно-политических и социокультурных ориентаций и предпочтений личностей и социальных групп, предполагающих возможность отождествимости их носителей (субъектов) с определенным этнонациональным сообществом.

В условиях современного модернизирующегося информационного и цифровизирующегося общества, в котором существенно возрастает значимость креативности мышления и действия людей во всех сферах жизнедеятельности, исходным началом исследования различных типов идентификации является выявление социологическими характеристиками основных параметров становления и действия личностной идентичности различных индивидов. Когда мы анализируем самоидентификацию, осуществляющуюся в жизнедеятельности конкретных индивидов, то речь идет не только о тождественности личности самой себе, но и об ее целостности, способности оставаться самой собой при любых обстоятельствах и в любых отношениях с другими людьми. В этих характеристиках проявляются сущностные, типические особенности «Я», представляющего собой специфически-индивидуальное выделение субъектом познания и действия самого себя среди других личностей из окружающей социальной среды, с учетом своей индивидуально-социальной целостности, а также временных рамок прошлого, настоящего и будущего. Чем органичнее связаны эти три темпоральных модуса бытия личности, тем более социально развитой и интересной для других становится данная личность.

Очень важно, что большинство населения трех интегрирующихся стран поддерживает развитие интеграционных связей между ними. Проведенный в 2020 году социологический опрос в Беларуси зафиксировал, что две трети населения республики (66,4%) с одобрением относятся к разворачиванию интеграции Беларуси, России и Казахстана в Единое экономическое пространство, причем 34,9% респондентов поддерживают такое интеграционное объединение полностью. Еще более высокий уровень поддержки этой интеграционной конфигурации зафиксирован социологами в Краснодарском крае: поддерживают ее 70,8% его жителей, причем полностью – 41,1% респондентов.

Мощным локомотивом интеграционных процессов в стратегическом треугольнике: Беларусь–Казахстан–Россия является Союзное государство Беларуси и России. Оно добивается не только высокого уровня индустриальной капитализации, но и обеспечения социальных гарантий населения, его медицинского обслуживания и широкого доступа к образованию, серьезных успехов в осуществлении военно-оборонительной политики и многих других сфер общественного развития. Все это становится мощным долговременным действующим фактором как качественных позитивных экономических, социокультурных и политических преобразований в данных странах, так и обеспечения международной безопасности.

Нельзя оставлять без внимания и реагирования тот факт, что у ЕАЭС имеются как зарубежные, так и внутренние (в гораздо меньшей степени) недоброжелатели. В период подготовки, проведения и, главным образом, после состоявшихся в августе 2020 года президентских выборов в Беларуси была осуществлена тщательно спланированная, хорошо организованная акция по инициативе и при немалой финансовой поддержке, с привлечением наемных боевиков из России, Украины и других стран, влиятельных политических и финансово-промышленных кругов стран Запада, направленная на то, чтобы вырвать эту страну из системы евразийской интеграции. Следует напомнить, что американское агентство по международному развитию (USPID) в 2019–2020 годах выделило 8,5 млн. долларов на «поддержку демократии», «многопартийности», и «свободы СМИ» в Беларуси. А реальными организаторами хорошо оплаченных антипрезидентских, антиправительственных, антиомоновских провокационных протестных выступлений в Беларуси стали американские сотрудники пропагандистского информационного центра под Варшавой и подобного же рода центры в Чехии и Литве. Они развернули против Беларуси «гибридную войну» с предполагаемым перерастанием ее в «цветную революцию», преследующую цель организовать в стране гражданскую войну и низвергнуть президентскую власть. В соседней Польше на уровне премьер-министра со всеми почестями принимали в сентябре 2020 года в качестве «пани президента» Светлану Тихановскую – белорусскую домохозяйку, набравшую во время президентских выборов 10,09% голосов избирателей. Такой провокационный акт вызвал недоумение и критику большинства белорусов, тем более, что избранный Президент А.Г. Лукашенко победил на выборах, набрав более 80% голосов.

Вопреки логике и здравому смыслу антигосударственными белорусскими оппозиционными группировками, финансируемыми из стран Запада, спираль провокационных действий разворачивалась и в октябре, и в ноябре 2020 года. Блуждающая по западноевропейским странам С. Тихановская (разумеется, не за свои деньги) утверждает, что 2020 год следует признать годом «рождения новой, свободной Беларуси». Другой лидер белорусской оппозиции Павел Латушко, сбежавший в соседнюю Польшу, мечтает о создании правительства за пределами нашей страны, а затем

добавляет: «Наш путь к свободе оказался марафоном – но мы уже не сойдем с дистанции. Никто, кроме нас, не освободит наших родных из тюрем и не вернет домой всех, кому пришлось уехать. К той жизни уже не вернуться»¹.

В такой послевыборной ситуации властные структуры и правоохранительные органы республики, в противодействии протестным выступлениям «маршам солидарности» действовали решительно и жестко: только в первую неделю после президентских выборов было арестовано 6,5 тысяч организаторов и активных участников уличных беспорядков в Минске и других городах республики. Организаторы проведения несанкционированных протестных действий призывали к забастовкам и невыполнению законов страны (например, к неуплате налогов, к невыполнению приказов органов правопорядка), использовали антигосударственную символику, в частности, бело-красно-белые флаги, под которым во время Великой Отечественной войны совершались страшные преступления против белорусского народа. Они проводили инструктаж молодых людей, обучали тому, как действовать во время уличных выступлений, прыгать ногами вперед на щиты омонцовцев, готовить и использовать коктейли Молотова. Через социальные сети и телеграмм-каналы транслировались призывы к неповиновению властям. В своем стремлении придать антигосударственным действиям скоординированной организованности, группа активных участников протестных выступлений заявила о создании так называемого «координационного совета», основная цель которого – «организация и передача власти». Поборники антиконституционной «смены власти» требуют, чтобы Беларусь вышла из ЕАЭС, из ОДКБ и всех других интеграционных объединений на территории бывшего СССР. Если бы это осуществилось, страна превратилась бы в марионетку стран Запада и кандидата в члены НАТО, а враждебные России танки оказались бы под Смоленском. Разумеется, в противодействии осуществлению такого разворота событий Президент Беларуси А.Г. Лукашенко распорядился существенно усилить группировку вооруженных сил на Западной границе страны, а Президент России В.В. Путин предупредил о подготовке резервных сил для помощи Беларуси.

Проведенные в последнее время в России и Беларуси социологические исследования убеждают, что у Союзного государства существует перспективное будущее как у стержневого, стратегического важного звена евразийской интеграции. Белорусский экспорт в Россию составляет 15 миллиардов долларов в год. По товарообороту в 2019 г. то доля Российской Федерации составляла практически половину в Беларуси – 48 процентов. Поэтому народы наших стран всеми своими помыслами, стремлениями и практическими действиями всячески поддерживают упрочение и развитие Союзного государства Беларусь – Россия, равно как и в целом евразийскую интеграцию стран-участниц ЕАЭС.

Если учитывать обобщенные данные по всем участвовавшим в опросе белорусским респондентам, то оказывается, что примерно половина из числа опрошенных положительно оценивают участие Беларуси в Союзном государстве, в ЕАЭС, в СНГ и перспективы евразийской интеграции. Но существует достаточно существенная дифференциация в таких оценках в зависимости от включенности опрашиваемых в ту или иную возрастную когорту. К примеру, участие Беларуси в Союзном государстве одобряет 46,2% респондентов из лиц старше 65 лет, но только 19,8% молодых людей моложе 25 лет. Перспективы развития Союзного государства высоко оценивают представители самой старшей возрастной группы (43,3%), но только 18,8% лиц самой младшей возрастной группы, а на перспективу развития ЕАЭС смотрят оптимистично соответственно 45,5 и 19,6%.

Сходные тенденции в развитии общественного мнения фиксируют и социологические опросы, осуществленные в Российской Федерации. Проводимое в России в сентябре 2020 года социологическое исследование показало, что 37,0% опрашиваемых респондентов из самой старшей возрастной когорты (старше 65 лет) утверждают, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления. Такой же позиции придерживаются 14,9% молодых людей в возрасте 25 лет (в 2,5 раз меньше). В то же время 83,2% респондентов самой младшей возрастной группы (до 25 лет) респондентов полагают, что Беларусь должна быть независимым государством и выстраивать свои отношения с Россией на основе межгосударственных договоров. Такую точку зрения разделяют 55,1% респондентов самой старшей возрастной когорты (старше 65 лет). Считают целесообразным вхождение Беларуси в состав Российской Федерации в качестве ее субъекта 1,9% молодых людей в возрасте 25 лет и 7,5% (почти в четверо больше) респондентов самой старшей когорты. Существенные различия между людьми различных возрастов выявлены в оценках вхождения Беларуси в состав государств-членов Евразийского экономического союза и государств-членов Европейского Союза. Среди российских респондентов хотели бы видеть Беларусь через 5–10 лет членом ЕАЭС 6,5% людей молодых возрастов и 21,3% самых пожилых людей (в 3,3 раза больше), а членом ЕС 30,5% лиц самой молодой когорты и только 6,4% людей самых пожилых возрастов (в 4,8 раза меньше).

Разумеется, все эти различия необходимо учитывать при организации и проведении идейно-воспитательной работы среди различных возрастных групп населения.

¹ Аргументы и факты в Беларуси. – Минск, 2020. – № 44 (670), 3 ноября. – С. 2; № 45 (679), 10 ноября. – С. 2.

Балякин А.А.

к.ф.-м.н., начальник отдела многостороннего научно-технического сотрудничества,

НИЦ «Курчатовский институт»

Balyakin_AA@nrcki.ru

Жулего В.Г.

к.ф.-м.н., главный советник Администрации президента НИЦ «Курчатовский институт»

Zhulego@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА – КАК ОНА ВЫГЛЯДИТ?¹

Ключевые слова: моделирование сложных систем, демография, математические модели, прогнозирование, социально-экономическое развитие.

Keywords: complex systems modeling, demographics, mathematical models, foresight, socio-economic development.

2020 год характеризуется ростом проявлений социально-экономической нестабильности практически во всех странах мира. Одной из очевидных причин является пандемия коронавируса, из-за которой многие страны ввели жесткие карантинные меры. В результате даже те страны, где наблюдался умеренный экономический рост, вступили в рецессию. Это, в свою очередь, вызвало опасный рост уровня протестного движения, что вынуждает нас вернуться еще раз к обсуждению причин и механизмов возникновения кризисных ситуаций.

Изучение механизмов возникновения социальной напряженности, приводящих к серьезному изменению существующих жизненных практик, представляет собой научную задачу, имеющую непосредственную практическую ценность. К сожалению, на данный момент, принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании и предупреждении социальных конфликтов как на региональном, так и на федеральном уровнях управления, что и приводит к росту протестных движений и возникновению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах².

Проблема прогнозирования социально-экономической кризисов или политической нестабильности уже имеет определенную историю, определенные успехи в этом направлении связаны с методами форсайта и/или математического моделирования социально-экономических процессов. Если же говорить собственно о социологии, то здесь на сегодня сформировалось два основных подхода³: это, во-первых, методы социологического исследования с целью выявления настроений граждан и, во-вторых, методы статистического анализа объективных показателей экономической, социальной, политической жизни и др., предупреждающих о зонах напряженности точнее, чем социологические опросы (многочисленная литература содержится в ссылках⁴).

Важность прогнозирования социальной динамики и поиск решения глобальных рисков и вызовов зафиксированы в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации⁵, а текущие требования российского законодательства прямо устанавливают необходимость при принятии управленческих решений опираться на результаты научного прогнозирования социально-экономических процессов⁶.

Авторами ранее был предложен подход, оперирующий демографическими параметрами как показателями социально-экономического развития. Как оказалось, стратогическая модель долгосрочной динамики народонаселения («фоновое» развитие общества) дает хорошие, т.е. достаточно точные прогнозы роста народонаселения по странам⁷, а

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-010-00576.

² Тучков Е. В. Социальная напряженность в регионах Центра России: Механизмы диагностики и регулирования. Автореф. канд. социол. н. – Орел, 2000. – 30 с.; Кузина Н.В. Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики // Международный правовой курьер. – <http://inter-legal.ru/prognostirovanie-zon-sotsialnoj-napryazhennosti-na-osnove-analiza-dannyh-regionalnoj-statistiki-1>. DOI: 10.34790/IL.2020.17.58.001

³ См. подробное обсуждение в: Кузина Н.В. Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики // Международный правовой курьер. – <http://inter-legal.ru/prognostirovanie-zon-sotsialnoj-napryazhennosti-na-osnove-analiza-dannyh-regionalnoj-statistiki-1>. DOI: 10.34790/IL.2020.17.58.001

⁴ Акинин П.В., Кузьмин Д.С., Маньшин Р.В. и др. Диагностика социальной напряженности в обществе: Региональный аспект / Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. – Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 239 с.; Ефимов К.М. Моделирование Акинин П.В., Кузьмин Д.С., Маньшин Р.В. и др. Диагностика социальной напряженности в обществе: Региональный аспект / Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. – Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 239 с.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

⁶ Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁷ Zhulego V.G., Balyakin A.A. Chaos Modeling and Simulation (CMSIM) 3: «2-Phase Model for Population Growth». 2015. – Р. 193–204; Балякин А.А., Жулего В.Г., Гаджимурадов Т.А. Подходы к изучению региональных демографических трендов: риски и вызовы для России // Цифровизация экономических систем: теория и практика. – СПб.: Политех-Пресс, 2020. – 796 с. (Раздел 3.4, с. 341–364).

полученные прогнозы могут служить дополнительными критериями приближения или возникновения кризисных ситуаций.

Предложенный нами подход в аспекте учета влияния демографических процессов на социальноэкономическое развитие общества, хотя и имеет свою специфику, перекликается с моделью макроэкономической динамики Гущина-Малкова (где описаны экономические циклы роста ВВП США)¹, моделью великой дивергенции/конвергенции Коротаяева², и моделью роста народонаселения Капицы³. Опираясь на эти подходы, нами была предложена общая модель социодемографической динамики, при конструировании которой мы руководствовались следующими принципами:

- отказ от простоты, если она противоречит реальности,
- опора на реальные процессы хозяйственного управления,
- отказ от концепции «статического» равновесия,
- определение структуры модели и ее параметров непосредственно из реального поведения субъектов,
- верификация модели как итеративный процесс большой размерности со многими вариантами и возможностями, позволяющий легко включать новые нелинейные зависимости,
- включение «развития» системы как необходимого элемента модели с возникновением новых диссипативных структур, проявляющих тенденцию к повышению уровня организации.
- замена оптимизационного подхода принятием решений на основе неполной информации,
- перенос цели математического моделирования с выбора альтернатив на улучшение экономического поведения,
- возможность описания процессов взаимной трансформации потоков энергии, вещества или информации.

Именно в этом ключе мы и строим свои модели. Ретроспективный анализ показывает, что наши предыдущие расчеты прогнозов роста народонаселения для ряда стран показали хорошее согласие с наблюдаемыми статистическими данными. В частности, ранее нами были рассчитаны прогнозы для стран Прибалтики, Украины, Белоруссии и некоторых других стран. В настоящей работе мы сопоставляем данный прогноз со статистическими данными за последние 4 года. Обсуждение полученных результатов и их соотнесение с наблюдаемой динамикой и составляет суть настоящей работы. Отмечаемое неуклонное падение численности населения ряда стран вкупе с неутешительными демографическими прогнозами (на основании моделей, доказавших свою валидность) и приводит авторов к формулировке «геополитической катастрофы».

Геополитическая катастрофа

Основная идея использовавшейся авторами модели динамики населения состоит в разделении общества на две относительно независимые страты: городского и сельского населения, причем у каждой страты имеется собственная динамика роста и, кроме того, идет процесс миграции из села в город (урбанизация), а также наличествует миграция между странами⁴.

Ниже приведены результаты численного моделирования на перспективу на основании нашей модели, проведенного в 2014 г. Кругами указаны статистические данные, использовавшиеся при построении расчетов, квадраты – статистические данные, приведенные для сравнения с расчетными значениями (подробнее приведены на врезках к каждому рисунку). Даются данные для населения городской и деревенской страт, и суммарное значение населения (сумма «города» и «деревни»).

На основании полученного прогноза и статистических данных за последние 4 года (показаны на рис. 1–7), можно сделать некоторые важные выводы о динамике процессов:

- Во-первых, во всех постсоветских странах с 1991 г. начинаются резкие перемены в динамике роста народонаселения;
- Поведение графиков указывает на то, что вблизи точки 1991 г. имела место «геополитическая катастрофа» – только во времена войн страны демонстрируют такие резкие перемены в динамике роста народонаселения⁵;
- Во всех без исключения странах происходит замедление роста народонаселения;
- Характер изменения сельской страты и городской – разный, городское население оказалось значительно более чувствительно к переменам;
- Данные графики позволяют придать некоторый новый смысл такому понятию, как «демографический переход»: на графиках видна точка, в которой численность городской и сельской страты сравниваются, а далее городское население начинает превышать сельское. Начиная с этого момента, общую динамику роста все в большей степени определяет городская страта, и именно это приводит сначала к замедлению роста численности населения, а затем – к

¹ Guschina Yu.A., Malkov S.Yu. Modeling of the macroeconomic dynamics // Труды третьей международной конференции «Математическое моделирование социальной и экономической динамики» MMSSED-2010. – С. 85–87.

² Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование Мир-Системы. Демография, экономика, культура. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2007.

³ Капица С.П. Общая теория роста населения Земли. – М., 1999.

⁴ Zhulego V.G., Balyakin A.A. Chaos Modeling and Simulation (CMSIM) 3: «2-Phase Model for Population Growth». 2015. – P. 193–204.

⁵ В реферативных целях мы приводим здесь график роста народонаселения Индии (рис. 7) – где процесс развивается естественным образом, и подобная «геополитическая катастрофа» отсутствует.

его сокращению. Все это дает основание назвать точку пересечения роста сельского и городского населения «точкой демографического перехода»¹;

- Точка демографического перехода характеризует процесс урбанизации стран, или, по другому, «индустриализации». Из приведенных стран процесс урбанизации раньше всех начался в Эстонии, потом в Латвии, затем в России, Украине, Литве и Белоруссии²;

- Единственной страной, в которой процесс урбанизации не остановился, является Белоруссия, что говорит о том, что она одновременно является наименее пострадавшей страной в указанной «геополитической катастрофе». С другой стороны, это «замедление» катастрофы может означать лишь ее «откладывание»: в случае ошибочных управленческих решений Белоруссия должна будет в относительно сжатые сроки повторить путь других постсоветских стран;

- Самое быстрое восстановление первоначальных трендов показывает Россия – сравнение прогноза со статданными показывает, что развитие России переходит с умеренно-пессимистического сценария на умеренно-оптимистический;

- Смена траектории развития в России началась около 2005 г. с момента принятия решения о «выдаче материнского капитала». Принятая мера демонстрирует свою эффективность.

- Все остальные постсоветские страны, кроме Белоруссии, развиваются по пессимистическому сценарию – численность населения сокращается угрожающими темпами, так что на горизонте жизни одного поколения в этих странах наступит депопуляция (особенно плохо дела обстоят в Литве и Латвии);

- Для Эстонии можно дать умеренно пессимистический сценарий развития – в последние годы наметились позитивные тренды, при условии их закрепления депопуляции можно будет избежать.

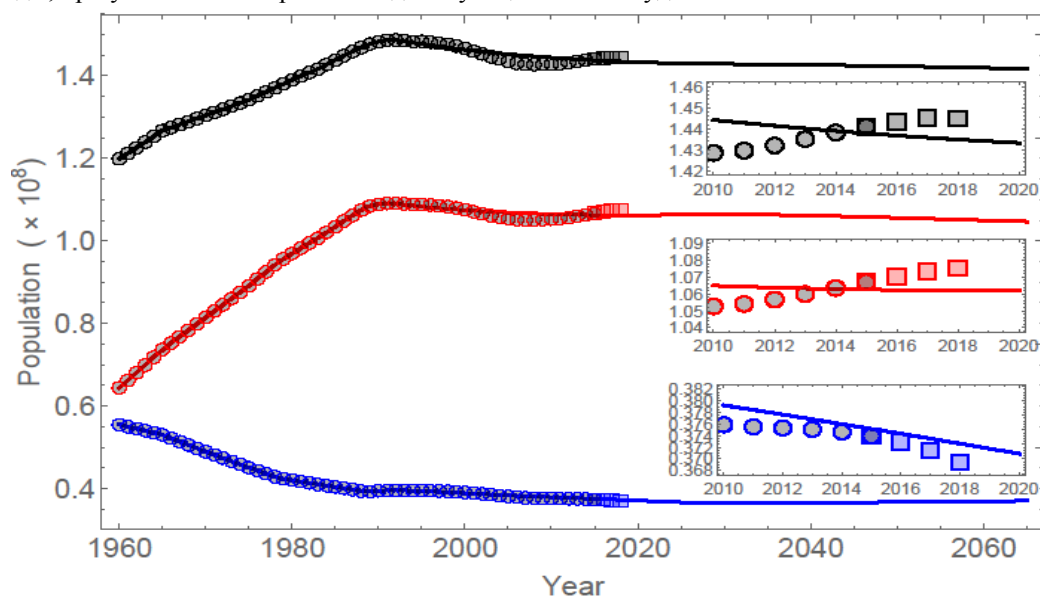

Рисунок 1.

Прогноз роста народонаселения России до 2060 г. и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

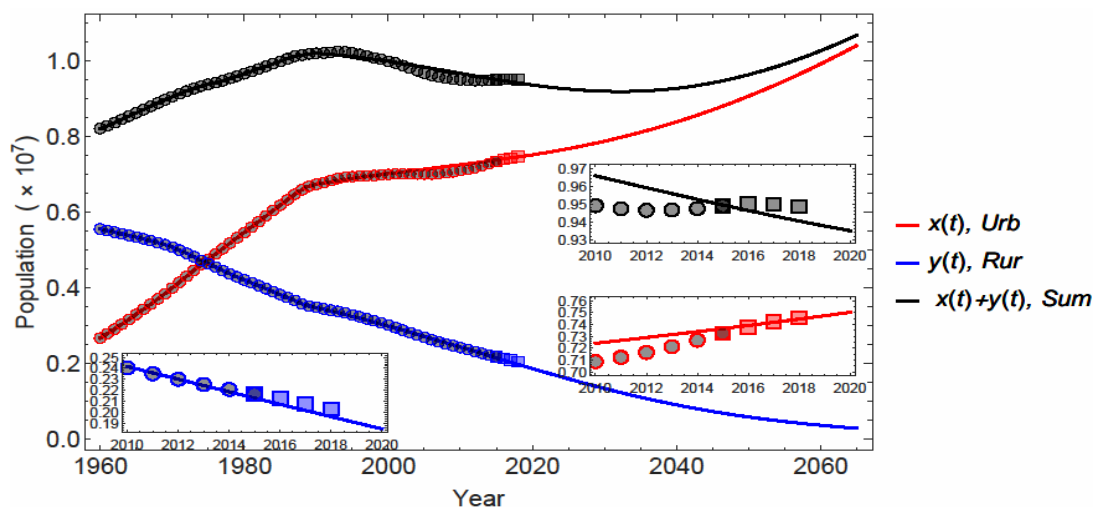

Рисунок 2.

Прогноз роста народонаселения Белоруссии до 2060 г. и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

¹ Таким образом наша модель позволяет уточнить понятие «демографического перехода», т.е. определить его начало.

² Для Индии точка демографического перехода по прогнозу будет вблизи 2060 г.

Графики для России показывают, что она преодолела первоначальный негативный тренд депопуляции и вышла на новый нейтральный тренд, более того, статданные за последние 4 года показывают смену тренда – начинается рост народонаселения. В 2015 году мы рассматривали три сценария развития для России, ближе всего к наблюдаемым данным оказался нейтральный сценарий, однако последние статистические данные указывают выход на позитивный сценарий роста.

Наиболее безболезненно перемены перенесла Белоруссия – на численности сельского населения перемены не отразились, а городское после непродолжительной стагнации снова стало расти, что говорит о продолжающейся индустриализации страны.

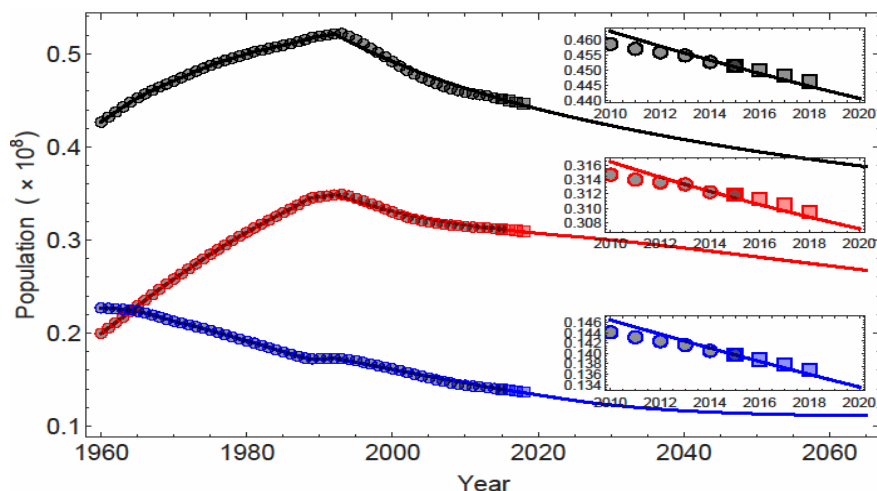

Рисунок 3.

Прогноз роста народонаселения Украины и ретроанализ с 2015 до 2020 г.

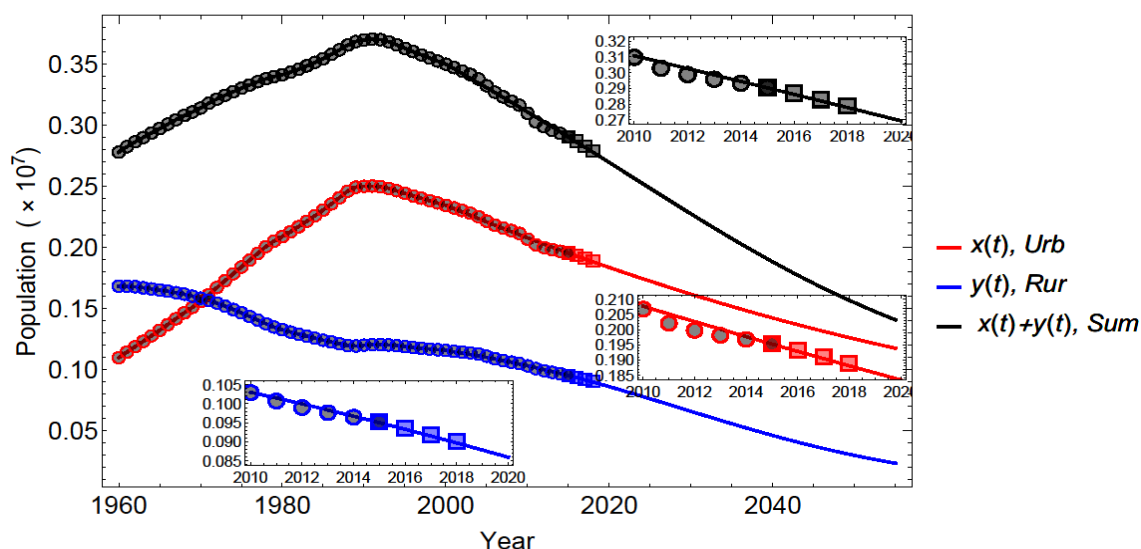

Рисунок 4.

Прогноз роста народонаселения Литвы и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

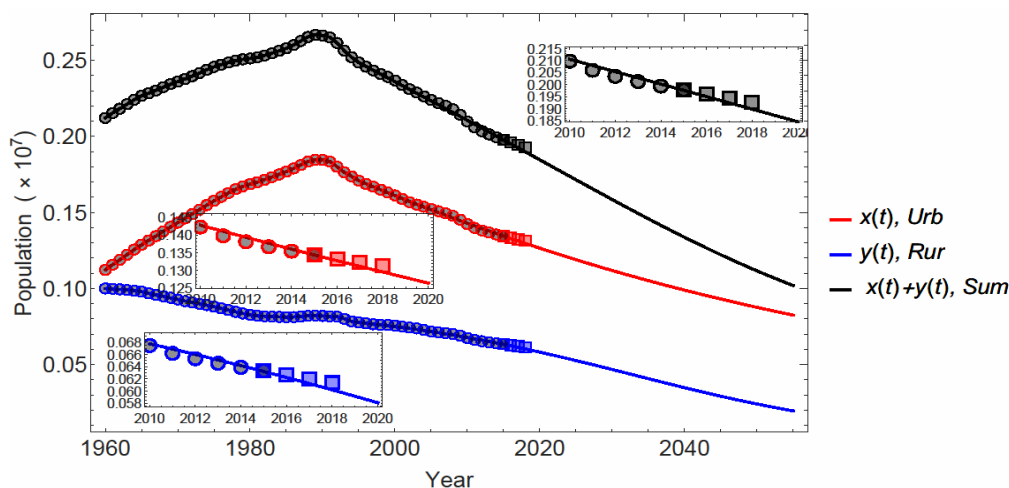

Рисунок 5.

Прогноз роста народонаселения Латвии до 2060 г. и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

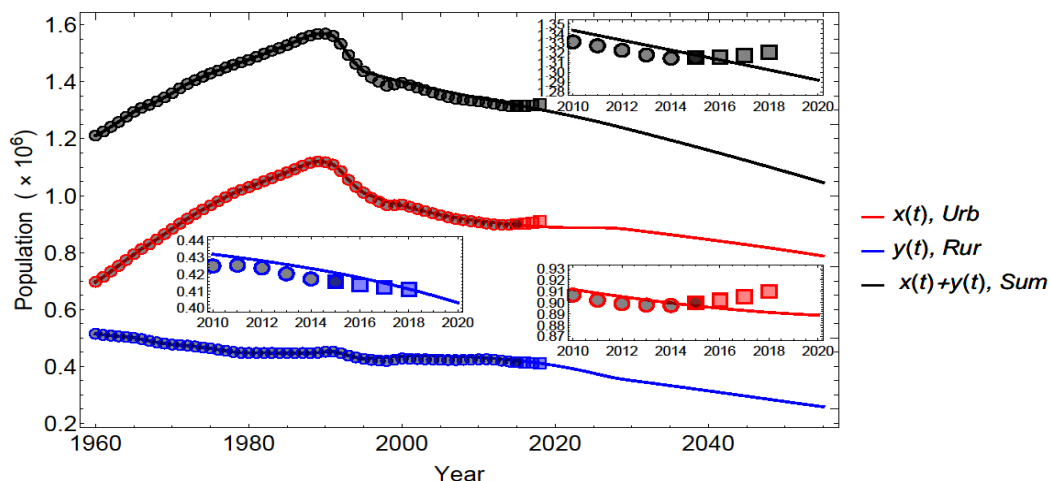

Рисунок 6.

Прогноз роста населения Эстонии до 2060 г. и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

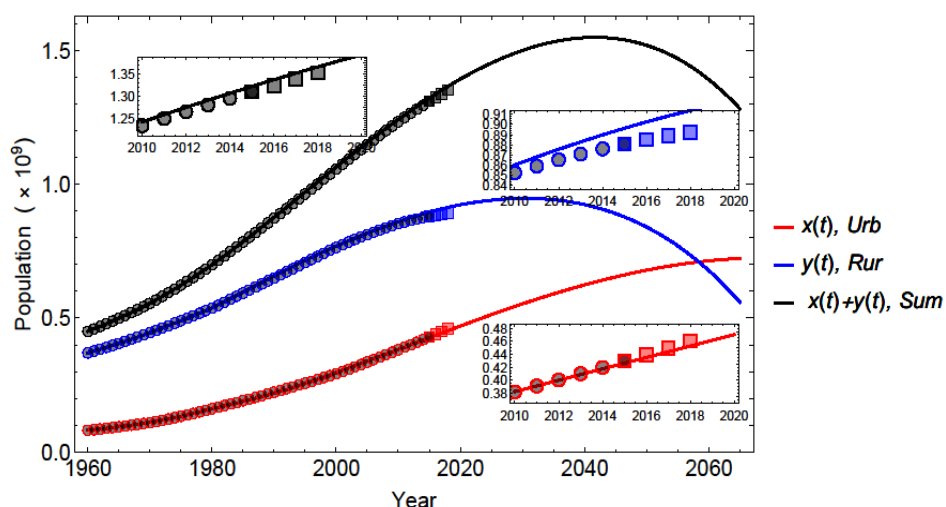

Рисунок 7.

Прогноз роста населения Индии до 2060 г. и ретроанализ с 2015 до 2020 гг.

Точка демографического перехода в Индии наступит между 2050 и 2060 гг.

В реферативных целях приводим также прогноз для Индии (рис. 7). В этой стране, в отличие от Китая, не вводилась жесткое регулирование рождаемости, и не происходило никаких внутренних или внешних конфликтов, соответственно, ее можно использовать для сравнения как страну, не пережившую геополитическую катастрофу.

В целом все постсоветские государства демонстрируют в той или иной мере резкое изменение в динамике роста населения: устойчивое движение к депопуляции в Украине, быстрая депопуляция в Литве и Латвии, стабилизация и смена тренда в Эстонии, относительная стабилизация в России. Полученные данные количественно иллюстрируют «геополитическую катастрофу». Наблюдаемые на данном историческом этапе резкие изменения в динамике населения сопровождают либо войны, либо распады государств. И воспроизводимые здесь графики очень наглядно демонстрируют эти процессы¹.

Выводы

Все изученные постсоветские страны демонстрируют тенденцию к депопуляции населения, причем как в сельской стране, так и в городской. Это может свидетельствовать о продолжающемся социально-экономическом кризисе в этих странах.

Не во всех этих странах демографический кризис привел к протестным выступлениям населения, что объясняется тем, что активная часть населения Прибалтики мигрировала в ЕС. В то же время в Украине прошла череда «майданов», которая привела с одной стороны к открытию границ с ЕС (хотя и не полноценному), а с другой стороны – с резкому упадку промышленного производства и массовому закрытию предприятий. Итогом стал «сброс» лишнего активного населения, и практически окончательная потеря Украиной перспектив к изменению популяционной динамики. Белоруссия пока сохраняет устойчивое развитие и демонстрирует продолжающийся процесс индустриализации,

¹ Графики роста населения (хотя и в совершенно другом масштабе) напоминают всплески сейсмоактивности при регистрации землетрясений, это и наводит на мысль называть это явление геополитической катастрофой

который, однако, как показывает практика соседей, легко может быть нарушен ошибочными политическими решениями¹.

Такая специфическая динамика роста народонаселения в Украине и Прибалтике дает нам основания назвать эту ситуацию «институциональной ловушкой», в которую попали эти страны. Предполагалось, что принимаемые в этих странах меры (новые законы, присоединение к ЕС и т.д.) решат структурные и экономические проблемы в этих странах, на практике же они привели деиндустриализации и депопуляции этих стран. Это и дает основания называть эту ситуацию «институциональной ловушкой», так как эти проблемы не разрешимы в рамках принятых в этих странах институций.

Наряду с нашими прогнозами несколько раньше была опубликована работа А.В. Коротаева, где изучалась социально-политическая динамика Центр-Периферия², и где была сформулирована модель «процессов великой дивергенции и великой конвергенции». В работе на основе этой модели были получены прогнозы развития по группам развитых и развивающихся стран (Центр и Периферия). Было показано, что в этой модели конвергенции/дивергенции в развитии Периферии наступает этап, когда она ускоренно догоняет Центр по доходу на душу населения, т.е. должна происходить конвергенция стран с различным уровнем развития. В то же время, наши расчеты прогнозов в модели популяционной динамики применительно к Прибалтике показали быструю депопуляцию этих стран, которая должна произойти на горизонте жизни одного поколения, т.е. Периферия становится безлюдной, происходит рост уровня жизни, при отсутствии таковой! Причины депопуляции две: первая – падение рождаемости с ростом уровня жизни, вторая – миграция населения «за образованием» и «за высокооплачиваемой работой». Статистические данные хорошо подтверждают этот вывод.

Описанная ситуация в системе ЕС, когда глобальные тренды приводят к депопуляции Периферии, названа нами примером институциональной ловушки. Возникновение такой ловушки исторически обусловлено распадом ранее единой страны, когда экономический уклад и все исторические и экономические связи резко оборваны, а новые «институции» еще не проверены временем и недостаточно хорошо изучены последствия их введения.

В этом случае активная часть населения стремится перебраться в страны (регионы) с устоявшимися и функционирующими институтами. В результате работоспособное население Периферии стремительно покидает ее и оседает в Центре, где и уровень жизни, и уровень образования населения выше. Как показывает практика, молодежь, которая едет в Центр за «образованием», остается там навсегда, так как хорошо обученные молодые люди с европейским менталитетом легко находят работу по месту учебы и адаптируются в обществе, возвращение на родину в этой ситуации – это скорее исключение, а не правило (возвращение в ловушку). Таким образом «свобода передвижения рабочей силы» и есть конечная причина депопуляции Периферии.

Для того, чтобы понять, что же будет происходить в этой системе с экономикой на самом деле, необходимо совместное рассмотрение модели роста экономики и демографической моделей, а если быть точнее, то необходимо сконструировать общую модель социо-эконо-демографической динамики общности типа ЕС, учитывающей как социальные, так и экономические и демографические особенности функционирования сложных систем. Такая задача нами поставлена и решается в рамках работ по проекту РФФИ № 20-010-00576. Общая модель по необходимости оказывается довольно сложной, однако есть основания считать, что именно в такой постановке прогнозы модели будут реалистичными, и полезными.

Таким образом, авторы считают необходимым развивать описанный в настоящей работе подход, который опирается не только (и не столько!) на статистические наблюдения параметров, но принципиально важно – на моделирование социо-эконо-демографической динамики в их взаимосвязи. И только такой подход позволит избежать противоречивых выводов, с одной стороны, и позволит выработать эффективные рекомендации для управления этими процессами.

¹ Отсутствие объективных причин для протестного движения в Белоруссии говорит о чисто «политтехнологической» природе кризиса, который можно считать результатом «гибридной войны».

² Коротаев А.В. Математическое моделирование процессов великой дивергенции и великой конвергенции // Первая российская конференция «Социофизика и социоинженерия». – М., 2015. – С. 16–18.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
a.a.belostotskiy@yandex.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Ключевые слова: национальные бюджеты, бюджетные ресурсы, доходы и расходы бюджетов, меры антикризисной поддержки, дефицит бюджетов, межбюджетные трансферты, сбалансированность бюджетов, государственный долг.

Настоящая ситуация с пандемией коронавируса COVID-19 в течение 2020 года бросила вызов государственным финансам стран мира, их бюджетным системам, финансовой устойчивости и в целом проводимой финансово-бюджетной политике.

Для сдерживания распространения коронавируса, а также последующего сглаживания негативных тенденций для экономики в зарубежных странах задействуют достаточно большой объем финансовых ресурсов, например, объем антикризисных программ в Германии составляет 37% ВВП, в Италии – 20% ВВП, в Великобритании – 16% ВВП, во Франции – 14% ВВП, в США – 12,4% ВВП¹.

Общий объем прямых фискальных мер в целях поддержки экономики и населения в связи с распространением коронавируса по ключевым странам составил почти 5 трлн. долл. США, а с учетом налоговых отсрочек, госгарантий и квазифискальных операций – более 11 трлн. долл. США.

В результате во всех ключевых странах бюджет в 2020 году прогнозируется с существенным дефицитом, в том числе в странах, стремившихся в 2019 году к положительному фискальному балансу.

Результатом синхронного роста дефицита бюджетов в 2020-2021 гг. станет резкое повышение уровня задолженности к ВВП – как в развивающихся, так и в развитых странах. По прогнозам МВФ, государственный долг в мире в целом после роста в 2019 году на 1,6 п.п., в 2020 году вырастет на 18,7 п.п. и достигнет 101,5% глобального ВВП – самого высокого уровня за всю историю.

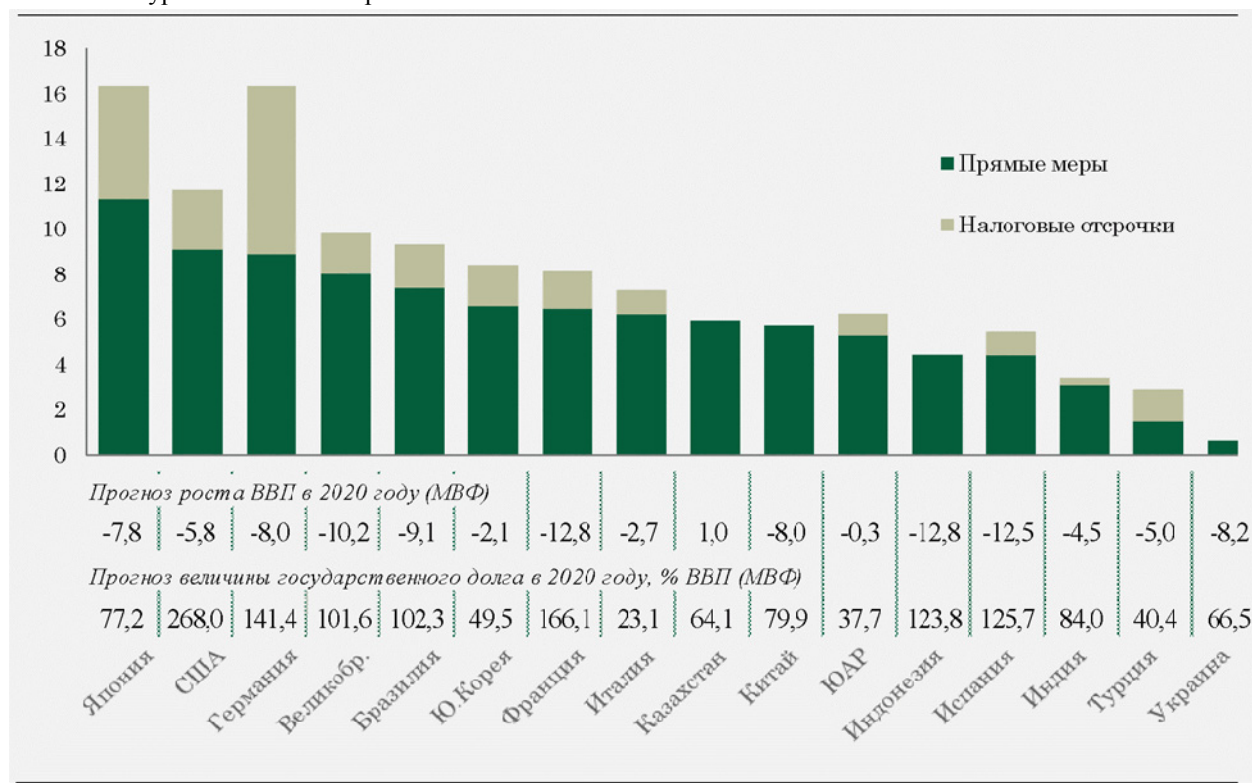

Рисунок 1.
Фискальные меры по борьбе с последствиями Covid-19, % ВВП

¹ Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. Апрель 2020 / Институт исследований и экспертизы ВЭБ РФ. – <http://www.inveb.ru/>

Результатом смягчения фискальной политики и роста долга по всему миру стало снижение суверенных рейтингов ведущими рейтинговыми агентствами. По данным Fitch Ratings количество понижений рейтингов за четыре месяца 2020 года достигло рекорда: рейтинги были понижены для долговых обязательств 29 стран (рис. 1).

Дополнительные опасения рейтинговых агентств вызывает растущий на протяжении нескольких лет и находящийся на историческом максимуме корпоративный долг. Экономический спад и ухудшение условий для заимствований на финансовых рынках уже привели в 2020 году к самым высоким темпам дефолтов по корпоративным облигациям со времен мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., а количество дефолтов в развитых странах (кроме США) превзошло уровень прошлого кризиса.

Чрезвычайно высокий долг может стать опасным для развития мировой экономики вследствие повышения уязвимости к риску рефинансирования и ужесточения финансовых условий, приводящего к росту расходов на обслуживание долга и дестабилизации и без того слабых государственных финансов, а также способствующего росту стоимости заимствований для частных заемщиков.

В этой связи по мере восстановления экономической активности для всех стран критически важно вернуться к соблюдению сбалансированных принципов бюджетной политики, обеспечивающих экономическую и финансовую стабильность.

Мировые монетарные власти в ответ на ухудшение экономической ситуации также пошли на беспрецедентное смягчение денежно-кредитной политики как по каналу процентных ставок, так и посредством кратного расширения программ предоставления ликвидности и выкупа активов. Антикризисные пакеты также включали макропруденциальные меры для снижения давления на капитал банковской системы, вызванного ухудшением положения заемщиков и предоставлением отсрочек выплат кредитов¹.

В современных условиях запланированные финансовые ресурсы первого пакета мер антикризисной поддержки государства, направляемые на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19 составят в РФ 2,8% ВВП или 3,1 трлн. рублей, что включает как прямые расходы бюджета, так и меры государственной поддержки, помимо этого будут задействованы средства ФНБ в размере 2 трлн. рублей, чтобы покрыть выпадающие нефтегазовые доходы федерального бюджета из-за снижения цен на нефть. И, несмотря на второй пакет мер государственной поддержки, согласно которому будет осуществляться перераспределение средств внутри действующего бюджета, объема выделяемых финансовых ресурсов в сложной эпидемиологической обстановке может быть недостаточно. Этого можно достичь изменением бюджетного правила путем поднятия цены отсечения до 50–55 долл./бар., с тем, чтобы замещать доходы, не относящиеся к нефтегазовым, а также предусмотреть прямые выплаты населению и предоставить налоговые каникулы для малого и среднего бизнеса.

В условиях ограничительных мер 2 кв. 2020 года практически для всех сфер и отраслей национальной экономики оказался очень тяжелым, в том числе и для промышленного производства. В частности, во втором квартале прогнозируется спад экономики на 8%, при этом в апреле, по данным Росстата, снижение промышленного производства составило 6,6%, что сопоставимо по объему с кризисом 2015 года – тогда такое падение произошло за полгода.

По данным ЦБ РФ восстановление экономики будет достаточно медленным и за 3–4 квартала не будет отыграно снижение 2 квартала, в результате чего падение ВВП составит 4–6% в 2020 году, затем прогнозируется восстановительный рост экономики на 2,8–4,8% в 2021 году и 1,5–3,5% в 2022 году, в этом случае мы выйдем на уровень ВВП 2019 года к первому полугодию 2022 года.

Пакеты мер антикризисной поддержки в России представлены на рис. 2.

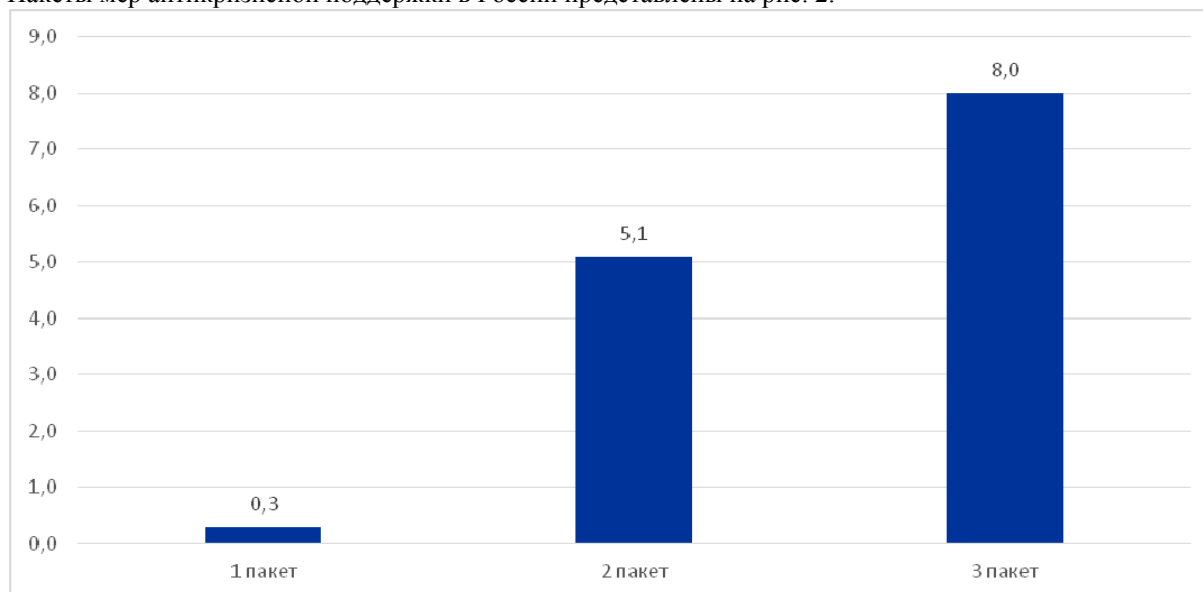

Рисунок 2.
Пакеты мер антикризисной поддержки, трлн. рублей

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов / Министерство финансов РФ. – <http://minfin.ru/>

Поддержка субъектов РФ, расширение их доходной базы и обеспечение устойчивости их бюджетов, наряду с повышением прозрачности и предсказуемости планирования межбюджетных трансфертов оставались в 2019–2020 гг. приоритетом государственной политики в сфере межбюджетных отношений¹.

В целях стимулирования субъектов РФ к повышению эффективности мер государственной поддержки при расчете налогового потенциала (для целей распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности) не учитываются стимулирующие налоговые расходы, обусловленные льготами по налогу на прибыль и имуществу организаций, оценка совокупного бюджетного эффекта по которым принимает положительное значение².

В целом, реализованные в 2014–2019 гг. меры по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов и ограничению роста их долга принесли результаты:

- государственный долг субъектов снизился до 2113,0 млрд. рублей (22,5% налоговых и неналоговых доходов);
- консолидированные бюджеты субъектов в течение 2018–2019 гг. были исполнены с профицитом (510,3 и 4,7 млрд. рублей в 2018 и 2019 гг. соответственно).

В то же время распространение коронавирусной инфекции в 2020 году оказало значительное влияние на динамику доходов и расходов региональных бюджетов. Так, за первые 8 месяцев 2020 года налоговые и неналоговые доходы регионов снизились на 7% к прошлому году, при этом география влияния кризиса на доходы субъектов неравномерна: так, в ресурсодобывающих регионах сокращение превысило –12,2% к 2019 году, в то время как в столичных агломерациях сложилась более устойчивая динамика (–5,1%)³.

В целях создания условий для устойчивого и сбалансированного исполнения региональных бюджетов в связи со сложной экономической ситуацией ввиду распространения коронавирусной инфекции в 2020 году были предусмотрены дополнительные меры поддержки бюджетов субъектов РФ в части:

- дополнительных трансфертов в целях компенсации снижения поступлений доходов (300,0 млрд. рублей) и оказания помощи пациентам с коронавирусной инфекцией (68,2 млрд. рублей);
- введения возможности превышения предельных значений показателей дефицита и госдолга;
- переноса на 2 года срока погашения реструктурированной задолженности, проведенной в 2012 и 2013 гг., до 2034 года: с погашением ежегодно в 2025–2034 годах равными долями (ранее с 2023 по 2032 годы);
- продления периода погашения реструктурированной в 2017 году задолженности до 2029 года и изменение объемов погашения задолженности: в 2020 году освобождение от погашения задолженности, в 2021–2024 гг. погашение в размере 5% суммы задолженности ежегодно, в 2025–2029 гг. ежегодно равными долями от остатка суммы задолженности (с возможностью досрочного погашения). При этом высвобождаемые от погашения в 2020 году средства подлежат направлению на финансирование мероприятий, связанных с профилактикой и устранением последствий распространения коронавирусной инфекции, а также на компенсацию снижения доходов в 2020 году (по сравнению с 2019 годом);
- освобождения субъектов РФ, нарушивших соглашения по итогам 2019 года от досрочного погашения части бюджетных кредитов в 2020 году;
- увеличения в 2020 году срока предоставления бюджетных кредитов на пополнение остатка средств на счете бюджета (казначейских кредитов) с 90 до 180 дней;
- введения возможности предоставления в 2020 году между субъектами РФ «горизонтальных бюджетных кредитов» на срок до трех лет;
- расширения случаев внесения изменений в сводную бюджетную роспись бюджета субъекта РФ (местного бюджета) без внесения изменений в закон (решение) о бюджете;
- ускорения и упрощения административных процедур, связанных с предоставлением целевых межбюджетных трансфертов⁴.

Динамика дефицита бюджета субъектов РФ представлена на рис. 3.

Поддержка регионов остается приоритетом государственной политики в сфере межбюджетных отношений. В данном аспекте планируется реализация следующих задач:

- предоставление бюджетам субъектов РФ нецелевой финансовой поддержки с сохранением действующих подходов к распределению дотации на выравнивание и формирование дополнительных доходных источников поступлений в консолидированные бюджеты субъектов, включая:
- сохранение до 2024 года механизма централизации 1 п.п. налога на прибыль в качестве источника увеличения объемов дотации на выравнивание и поэтапная передача в бюджеты субъектов акцизов на нефтепродукты с доведением к 2024 году норматива до 100%;
- поэтапный переход к 2023 году на зачисление 50% норматива акцизов на крепкий алкоголь исходя из объемов розничных продаж крепкой алкогольной продукции и создание механизмов реализации инвестиционных проектов в регионах и стимулирование экономического развития;
- запуск механизма финансирования бюджетных инвестиций в объекты транспортной, инженерной, энергетической и коммунальной инфраструктуры (в целях реализации новых инвестиционных проектов) за счет средств, высвобождаемых в 2021–2024 гг. в результате реструктуризации бюджетных кредитов;

¹ Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – <http://www.government.ru>

² Федеральное казначейство: официальный сайт Казначейства России. – <http://roskazna.ru>

³ Государственная Дума РФ: официальный сайт. – <http://duma.gov.ru>

⁴ Министерство экономического развития РФ: официальный сайт. – <http://economy.gov.ru/>

- списание задолженности по бюджетным кредитам за счет дополнительного поступления налогов от реализации новых инвестиционных проектов и учет при предоставлении межбюджетных трансфертов перспективных отраслей экономики регионов;
- установление в соглашениях о предоставлении субсидий, предусмотренных в целях софинансирования осуществления закупок обязательств по соблюдению минимальной доли отечественных товаров при их осуществлении.
- предоставление финансовой поддержки, направленной на стимулирование субъектов к достижению национальных целей развития;
- повышение качества управления региональными и муниципальными финансами и соблюдение надлежащей финансовой дисциплины;
- усиление ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, невыполнение условий межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов;
- повышение предсказуемости предоставления целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджетов субъектов РФ (в т.ч. увеличение объемов распределенных на 3 года межбюджетных трансфертов и сокращение сроков их доведения)¹.

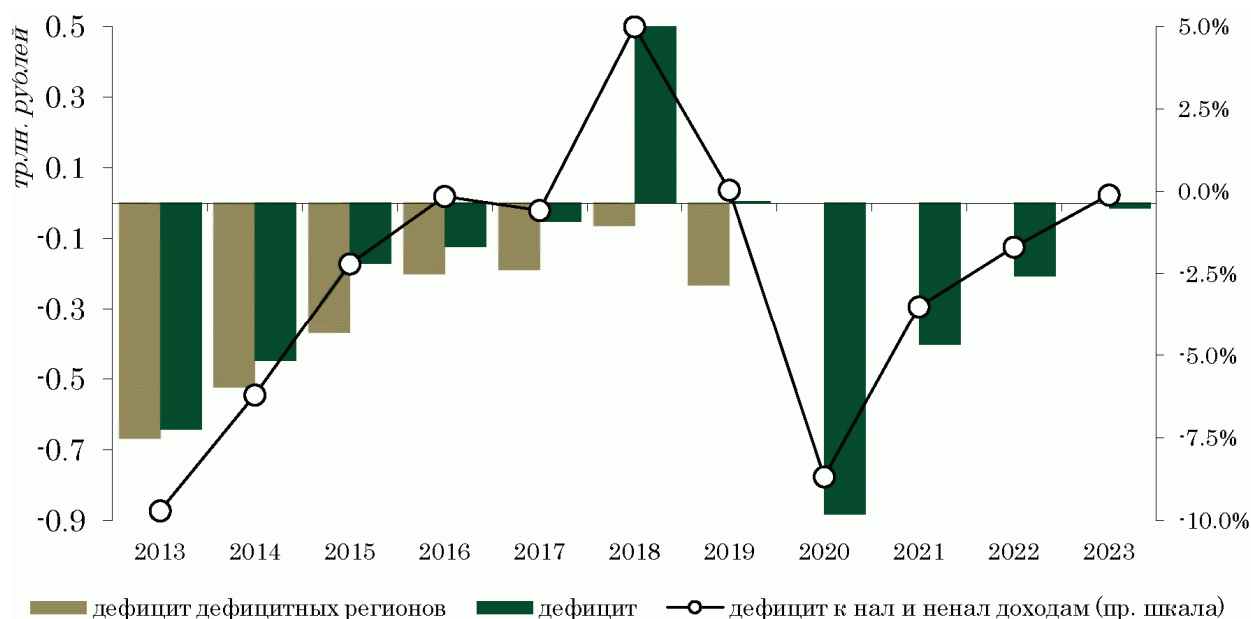

Рисунок 3.
Динамика дефицита бюджета субъектов РФ

Учитывая, что на снижение ВВП значительное влияние оказало падение экспорта на 12–15%, а также, то что в базовый прогноз заложена средняя цена нефти марки Urals на уровне \$27 за барр. в 2020 году при том, что в апреле цена Urals снижалась до 11,5–12,0 долл./барр, что составило минимальный уровень с 1999 года, в такой ситуации есть вероятность что экономические процессы будут восстанавливаться медленнее чем планировалось, несмотря на снижение ключевой ставки на 0,5 п.п. до 5,5%.

В этих условиях происходящий кризис нельзя недооценивать, так как он может сильно тормозить темпы восстановления национальных экономик государств мира, бюджетную обеспеченность территорий, влиять на социально-экономический уровень жизни населения, поэтому уже сейчас необходимо усилить работу по финансированию мер государственной поддержки мероприятий в условиях борьбы с распространением пандемии коронавируса COVID-19.

¹ Счетная палата Российской Федерации: официальный сайт. – <http://www.ach.gov.ru>

Горда О.С.

к.э.н., доцент, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КНР В РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Ключевые слова: внешнеэкономическая экспансия, Китай, развивающиеся страны, внешнеэкономические отношения, инициатива «Пояс и путь», прямые зарубежные инвестиции.

Keywords: foreign economic expansion, China, developing countries, foreign economic relations, Belt and Path Initiative, direct foreign investment.

Со времени начала в Китае реформ и политики открытости в 1979 г. страна прошла поступательные этапы процессов экономических преобразований, которые привели к существенной трансформации внутренней экономики, коренным образом изменили жизнь населения, одновременно превратив Китай в чрезвычайно влиятельного игрока на мировой экономической и политической арене. На первых этапах экономических реформ правительство Китая поощряло политику привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что превратило страну в «мировую фабрику», опирающуюся в основном на использование дешевой рабочей силы. В то время как многонациональные корпорации получали выгоду и увеличивали прибыли из-за снижения производственных затрат за счет более низкой заработной платы и худших условий труда, приток ПИИ стал основным фактором, обусловившим беспрецедентные темпы экономического роста. Связанные с этим реформы и реструктуризация экономики привели к появлению крупных китайских компаний, в том числе многонациональных (зачастую в государственной собственности), которые начали наращивать свою экспансию за рубежом. Если 20 лет назад только две компании из Китая входили в список «Global Fortune 500», то через 10 лет их было уже 22, а сейчас – более сотни компаний входят в список, а три китайские компании входят в пятерку крупнейших многонациональных компаний в мире¹.

До последнего времени официально ключевым приоритетом китайской экономической политики называлось привлечение ПИИ, но постепенно произошло смещение акцента на прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ) из Китая. В начале 2000-х гг. Правительство страны провозгласило начало стратегии внешнеэкономической экспансии, поощряя китайские предприятия инвестировать в зарубежные страны. С середины 2000-х гг. ПЗИ Китая значительно выросли, а сейчас объем зарубежных инвестиций превышает объем полученных прямых иностранных инвестиций.

После создания специальных экономических зон и вступления Китая в ВТО, следующим раундом экономической экспансии стала Инициатива «Пояс и путь», которую предложил Си Цзиньпин. Это очень весомый и амбициозный шаг в усилении той роли, которую Китай играет на глобальной экономической и политической арене, и его воплощение скажется на жизнях миллионов людей по всему миру. Инициатива «Пояс и путь» была предложена в 2013 году. С этого времени был проведен ряд научных исследований с целью оценки влияния этого проекта на мировую экономику и политику.

Предложенный проект стал логическим итогом поиска источников дальнейшего экономического роста Китая, так как развитие экономики страны сдерживается ограниченной емкостью внутреннего рынка, размеры которого несопоставимы с рынками «сверхпотребления» наиболее богатых стран мира. Реализация проекта направлена, с одной стороны, на решение внутриэкономических проблем развития КНР (в первую очередь западных и северо-западных территорий – Нинся-Хуэйского автономного и Синьцзян-Уйгурского автономного районов, провинций Шэньси, Ганьсу и Цинхай), а с другой стороны, ориентирована на экономическую экспансию в евроазиатское пространство².

Теоретические основы изучения явления экономической экспансии и выделение глобальных геоэкономических лидеров мировой экономики заложили И. Валлерстайн, Ч. Киндлебергер, Р. Гилпин, С. Стрэндж, Р. Когейн, Р. Кокс и др. Процесс превращения Китая в регионального, а затем и глобального геоэкономического лидера исследовали Дж. Вон, С. Янь, М. Ли, С. Ли, Т. Шоу, К. Перейра, Х. Невес, Чж. Се, Дж. Эгню и др. Среди авторов, исследовавших отношения экономической экспансии в контексте взаимодействия между отдельными фирмами, следует выделить А. Родриго, Е. Гейслера, Х. Луо, Д. Шена, Б.Барнса, Б. Дейла, Д. Волкера, К. Немпсона и ряд других. Влияние политических связей на экономическую экспансию на уровне фирм как в мировом масштабе, так и в китайской экономике изучали С. Джонсон и Т. Миттон, Дж. Фен, Т. Вон, Э. Гомес и К. Фома, Т. Чжан, Х. Ли, А. Куаджиа и А. Миан, Ч. Бай и др.

Несмотря на значительный научный задел специфика и перспективы глобальной внешнеэкономической экспансии Китая в развивающиеся страны, требует дальнейших исследований, особенно в контексте ее стратегического

¹ Global Fortune 500. – <https://fortune.com/global500/>

² Горда А.С., Горда О.С. Реализация проекта «Евразийский экономический пояс шелкового пути: возможности и угрозы для стран ЕАЭС и ШОС» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2015. – Т. 1, № 1 (67). – С. 56–66.

направления и влияния на развитие отдельных национальных экономик. Необходима детальная концептуализация стратегий взаимовыгодного и долгосрочного внешнеэкономического сотрудничества между Китаем с одной стороны, и развивающимися странами, с другой стороны, на основе выделения факторов, влияющих на формирование стратегий внешнеэкономической экспансии КНР и прогнозной оценки возможных положительных и отрицательных последствий наращивания экономического влияния Китая. Кроме того, остаются недостаточно изученными вопросы дальнейшей внешнеэкономического сотрудничества Китая и России, с учетом реализации китайской инициативы регионального сотрудничества «Пояс и путь», в которой в настоящее время России не принимает должного участия, теряя ряд возможностей для получения конкретных преимуществ в мировой экономике.

Существуют различные подходы к трактовке внешнеэкономической экспансии: во-первых, как процесса целенаправленной агрессивной внешнеэкономической политики, которая сейчас активно практикуется некоторыми развивающимися странами; во-вторых, как пассивного накопления экономического воздействия, возникающего как «побочный эффект» при быстром экономическом росте. В глобальном экономическом измерении внешнеэкономическая экспансия состоит из нескольких ключевых элементов:

1) текущий и прогнозируемый размер экономики страны и ее внешнеэкономических операций (для оценки этого измерения экспансии используются рыночные индикаторы: объем ВВП, темпы роста ВВП, объем основных внешнеэкономических операций, относительная доля страны-лидера во внешнеэкономических операциях (торговле, инвестициях и т.п.) третьих стран и т.д.);

2) готовность отдельных стран к международной экономической кооперации, разработке и внедрению совместных договоренностей (международных экономических норм) или продвижения других совместно согласованных действий (для измерения используются такие показатели как вектор Шепли, индекс Бенжара, показатель Колемана и т.п.);

3) так называемая «мягкая сила», то есть неэкономические методы воздействия на конкурентов и партнеров.

В настоящее время можно выделить две научно-теоретические школы, которые по-разному оценивают вопросы стратегического направления внешнеэкономической экспансии КНР. Первая научная школа (Ф. Хойянь, Р. Швеллер, П. Сяоу), которая делает ставку на успешное «привлечение» Китая в международную экономическую систему, утверждает, что Китай не склонен к изменению действующей системы, и он в своих действиях придерживается «правил игры». Вторая школа настаивает, что государства, по сути своей, стремятся изменить существующую систему и максимизировать свою власть, пытаются доминировать над международным порядком и перерабатывать его (Дж. Миршаймер, Д. Палмер, М. Спетальник).

С нашей точки зрения, экономический подъем Китая, политические и геополитические возможности, которые этим обусловлены, добавляют новый слой эмпирической сложности и теоретического вызова существующим теориям внешнеэкономической экспансии. Очевидно, что для анализа стратегии КНР за последние 30 лет приходится сочетать традиционные теоретические взгляды – например, теорию гегемонистической стабильности и мир-системную теорию – которые рассматривают экспансию в либерально-институциональном аспекте, со взглядами неограмшианцев, которые отмечают сочетание государственной власти с социально-экономической структурой капитализма (вопрос, который является чрезвычайно актуальным при анализе экономической модели Китая).

Этапы формирования стратегии внешнеэкономической экспансии КНР можно разделить на две основные группы: до 2010 года Пекин последовательно воплощал на международной арене стратегию «сдержанного роста», в рамках которой Китай наращивал участие в международном разделении труда, совершил переход от экономической модели «стаи гусей» на основе динамических сравнительных преимуществ к новой горизонтальной региональной интеграции во главе с Китаем, стал основным драйвером роста региональной торговли и экономической интеграции, превратившись в глобального лидера в международной торговле товарами и во вторую по величине экономику в мире.

С 2010 года Пекин неожиданно стал более агрессивным и бескомпромиссным в своей риторике и внешней политике, оставил «сдержанную» стратегию и перешел к стратегии «стремление к победам», которая может быть описана как решительное стремление Китая как можно мощнее влиять на ситуацию в мире. После 2010 года быстро растущий спрос Китая на энергоносители усилил конкуренцию и обострил конфликты в мировой экономике. Рыночные показатели Китая влияют на глобальные финансовые и сырьевые рынки, китайская валюта увеличила свое влияние в региональном и глобальном масштабе, мировые финансовые учреждения стали чувствительными к монетарной политике Пекина, а воздействие прямых инвестиций из Китая ощущается во всем мире.

В рамках формулировки основных характеристик стратегии глобальной внешнеэкономической экспансии Китая представляется возможным определить ее основные инструменты, охватывающие пять сфер: интенсивный рост внешнеторговых операций; прямые зарубежные инвестиции; Инициатива «Пояс и путь»; многосторонние финансовые учреждения; интернационализация юаня.

Для понимания и теоретического обоснования развития процессов внешнеэкономической экспансии КНР следует учитывать специфические взаимосвязи, которые сложились во внутренней экономике страны, а именно влияние государственного регулирования на принятие решений предприятиями по объемам и направлениям международной экономической экспансии, в частности, в виде ПЗИ. Это влияние осуществляется не только благодаря административному регулированию и экономическим инструментам политики, но также и за счет такого специфического для Китая канала, как сращивание власти и бизнеса. Имеющиеся эмпирические свидетельства показывают, что политические связи играют важную роль для деятельности компаний, в частности для привлечения финансирования, необходимого для развития внешнеэкономической деятельности. Особенно важно их влияние в странах со слабой институциональной средой.

Ретроспектива развития прямых зарубежных инвестиций Китая находится изначально под сильным влиянием правительственной политики и может быть примерно разделена на 5 этапов. ПЗИ Китая появляются в 1979 г. в рамках

долгосрочной стратегии развития и до 1985 года остаются под строгим контролем государства. Потоки ПЗИ Китая в этот период очень незначительны: лишь несколько государственных корпораций имели разрешение осуществлять зарубежное инвестирование. С 1986 г. правительство Китая начинает поощрять зарубежное инвестирование. Больше предприятий как государственной, так и частной форм собственности, превращаются в многонациональные. В течение 1986–1991 гг. ежегодные потоки ПЗИ постепенно растут.

С 1992 года наблюдается всплеск ПЗИ, вместе с быстрой либерализацией внутреннего рынка Китая, которая вызвала опасения относительно бегства капиталов за границу и потенциальной потери государственных активов, что привело к введению более строгого порядка выдачи разрешений на осуществление ПЗИ. Соответственно, с 1995 г. темпы роста ежегодных объемов ПЗИ Китая замедлились и в течение 1995–2000 гг. они оставались практически на одном уровне. И наконец, с 2001 г. с началом политики выхода на мировые рынки, наряду со вступлением страны в ВТО и ростом спроса на китайские товары в мире, начинается стремительный рост потоков ПЗИ Китая, который продолжается до сих пор.

Сложная правительственная система регулирования ПЗИ включает несколько различных государственных институтов, определяющих размер и направления потоков ПЗИ Китая. Государственное регулирование ПЗИ в Китае охватывает различные аспекты, в частности: изучение и одобрение капиталовложений, поощрение определенных видов инвестиционных проектов, систему контроля обмена валюты, управление активами государственных предприятий, процедуры мониторинга инвестиционной деятельности. По мере того, как правительственная политика по ПЗИ менялась от строгого ограничения оттока капитала из страны до поощрения зарубежных инвестиций, система регулирования приспосабливалась к этим изменениям. Процесс формирования государственной политики регулирования зарубежных инвестиций в КНР можно разделить на следующие этапы:

- 1) строгое ограничение ПЗИ Китая до середины 80-х годов XX;
- 2) внедрение правительством регулирования ПЗИ в середине 80-х годов XX в.;
- 3) правительственные меры для поощрения ПЗИ в 90-х гг. XX в.;
- 4) начало реализации правительственной стратегии экспансии с начала 2000-х гг.;
- 5) переход к стратегии «стремление к победам» с 2010 года.

По мере ослабления правительственного контроля за ПЗИ они начинают все больше и больше определяться собственными коммерческими мотивами предприятий Китая, а не правительственным политическим курсом. Чтобы быть одобренным и реализованным, проект ПЗИ в Китае должен соответствовать двум критериям: предприятие Китая должно считать этот проект прибыльным и целесообразным, а правительство согласиться, что этот проект соответствует интересам страны. Основные инвесторы в зарубежные страны – это крупные государственные предприятия. Для них заинтересованность правительства может быть более важной, чем экономические расчеты. С учетом весомой роли правительства в экономике Китая, ПЗИ следует рассматривать как часть грандиозного процесса экономических реформ и политической деятельности, а не как чисто предпринимательские операции.

Особенности китайского процесса интернационализации требуют дополнения общей теории иностранного инвестирования несколькими специфическими факторами: очень быстрая интернационализация; интернационализация, которая достигается через организационные (а не технологические) инновации; развитие стратегических инноваций, которые позволяют фирмам использовать их поздний выход на рынок и периферийный статус как преимущество. Мотивы прямых иностранных инвестиций Китая чрезвычайно многогранны, но на основе анализа существующих исследований в этом направлении и эмпирических свидетельств, представляется возможным выделить следующие основные типы:

- 1) инвестиции с целью добычи природных ресурсов;
- 2) инвестиции с целью получения доступа к рынку;
- 3) инвестиции с целью получения доступа к стратегическим активам, таким как высокие технологии, бренды, сети распределения и т.д.;
- 4) инвестиции с целью диверсификации;
- 5) инвестиции с целью повышения эффективности.

Политические связи, наряду с производительностью, являются важным фактором, влияющим на решения по осуществлению ПЗИ для китайских фирм, официально зарегистрированных на бирже. Предприятие с хорошими связями с властью имеет гораздо больше шансов превратиться в новую многонациональную корпорацию по сравнению с аналогичным предприятием без таких связей. Человеческий капитал также является важным фактором, влияющим на ПЗИ фирмы. Фирмы больше выигрывают от наличия политических связей, если они размещены на территории с менее развитым финансовым рынком, или имеют более высокие потребности во внешнем финансировании, связанном с технологиями, присущими их отрасли. Основной канал, через который политические связи влияют на ПЗИ – заемное финансирование, которое является результатом финансовых ограничений и большого объема начальных капиталовложений, необходимых для осуществления фирмой первоначальных ПЗИ.

Исследование факторов, влияющих на выбор страны для осуществления ПЗИ китайскими многонациональными корпорациями с использованием как микро- так и макрохарактеристик, показывает, что предельные политические связи являются более высокими для стран с более высокими затратами на вхождение, что соответствует гипотезе о том, что политические связи облегчают получение внешнего финансирования в условиях ограничений ликвидности и высоких затрат на вхождение. Анализ показал существование сильных мотивов для компаний Китая для вхождения в страны, хорошо обеспеченные капиталом, квалифицированной рабочей силой и природными ресурсами. Предприятия Китая также с большей вероятностью будут инвестировать в страны, в которых налажены прочные политические свя-

зи с Китаем, выраженные через проекты гуманитарной помощи, которые предлагает Китай развивающимся странам – потенциальным реципиентам инвестиций.

Среди основных факторов, которые обуславливают специфику внешнеэкономической политики Китая в отношении развивающихся стран следует выделить высокий уровень экономического роста, членство во Всемирной торговой организации, рост потребности в энергоресурсах, положительный имидж Китая в глазах развивающихся стран, уменьшение влияния Запада. Среди ограничивающих факторов, которые в основном связаны с уровнем развития экономики КНР, в первую очередь, стоит выделить: рыночную экономику «дикого капитализма»; эксплуатацию рабочей силы; недостаточную защищенность работников, упадок социальной системы и системы здравоохранения; общую ориентацию на максимизацию прибыли; ухудшение экологических условий; недостаточную корпоративную ответственность и прозрачность; недостаток опыта демократического управления.

Инициатива «Пояс и путь» может оказать существенное влияние на мировую торговлю и глобальное экономическое развитие в ближайшие годы, обеспечить стратегические возможности для Китая и стран-участниц, укрепить экономические отношения между азиатским и европейским континентом и открыть пути в Африку и Южную Америку. Ожидается, что Инициатива «Пояс и путь» поможет улучшить транспортную, энергетическую и коммуникационную инфраструктуру в связанных странах в ближайшие десятилетия, при условии реализации и финансирования государственными и частными инвестиционными ресурсами. Среди реальных последствий инициативы, существенными являются также соображения по региональному развитию и геостратегические аспекты. Следует отметить, что за последние несколько лет вовлеченность стран-участниц возросла. Анализируя реакцию экономических показателей Китая на Инициативу «Пояс и путь», можно сделать вывод, что промышленное производство и данные о занятости сигнализируют о продолжении умеренного роста ВВП. При этом существует и ряд стран, для которых участие в Инициативе может иметь определенные негативные последствия и вызвать сопротивление такой форме внешнеэкономической экспансии КНР.

Одним из важнейших направлений внешнеэкономической экспансии Китая является регион Латинской Америки и Африки. Последствия экспансии Китая различны для разных стран и регионов. С одной стороны, Мексика, Центральная Америка и Карибский регион столкнулись с мощным притоком китайских товаров на рынок США, который свел на нет все преимущества, которые эти страны имели от соглашений о свободной торговле с США и специальных инициатив для карибских государств. С другой стороны, Южная Америка, особенно Чили, стали основными бенефициарами от растущего спроса на сырье. Южная Америка превратилась в одного из крупнейших поставщиков Китая. Однако стоит отметить, что экспорт из Южной Америки в Китай является очень концентрированным, например, в случае Чили, три четверти всего экспорта в Китай составляет лишь один товар – медь.

Анализ взаимодействия различных латиноамериканских стран с Китаем показал, что влияние Китая может быть разным для разных стран. Например, для некоторых стран (Бразилия, Аргентина, Перу, Коста-Рика, Куба) Китай превратился во второго по значению внешнеэкономического партнера. Совместные торговые интересы, связанные с ресурсами, дополняются притоком китайских инвестиций, которые планируется увеличить в будущем. Перу и Чили, которые создали зоны свободной торговли с Китаем, рассматривают их как своеобразный мост через Тихий океан, который усилит их связи со странами Юго-Восточной Азии.

С другой стороны, Боливия и страны Центральной Америки являются исключением из общей тенденции интенсификации внешнеэкономических связей с Китаем. И если Боливия косвенно попадает в зону интересов Китая, что может привести к улучшению взаимоотношений в ближайшем будущем, то в отношении стран Центральной Америки трудно сделать какие-то конкретные выводы и точные прогнозы. На пути развития их связей с Китаем вплоть до 2017 г. стояли политические вопросы признания Тайваня.

Еще одним классическим примером внешнеэкономической экспансии Китая в развивающиеся страны можно считать его отношения со странами Африки. Отношения Китая и стран Африки развивались в течение десятилетий от идеологически и политически детерминированных к все более экономически обусловленным. Эволюция отношений Китая и Африки аналогична эволюции отношений Китая и других зарубежных стран, но в то же время эти отношения отражают уникальные характеристики Китая более четко, чем отношения с любым другим регионом. В последние годы наблюдалось значительное оживление в отношениях Китая и Африки. Новым в отношениях является сильный коммерческий импульс и экономические соображения, которые подкрепляются экономическими успехами Китая и усилением его участия в мировой экономике.

Одним из основных факторов заинтересованности Китая в экспансии на Африканском континенте является доступ к природным ресурсам. Однако, независимо от присутствия ресурсов, в сотрудничестве Китая с африканскими странами важную роль играет также инфраструктура, финансовый и телекоммуникационный сектора, причем приходят на африканские рынки не только государственные компании Китая. Частные компании, такие как «Хуавей», один из крупнейших производителей телекоммуникационного оборудования в Китае, по всему африканскому континенту пытается обеспечить свое присутствие.

Китайские компании признают перспективность растущего рынка Африки с 1 млрд. потенциальных потребителей. Африканцев привлекает низкая стоимость китайской продукции, а для китайских предприятий Африка – это выход из насыщенного отечественного рынка. Кроме дополнительной прибыли и рабочей силы, Африка предоставляет возможность получить необходимый опыт в ведении международного бизнеса. Но все же роль Африки как рынка не столь значительна как ее роль в качестве поставщика ресурсов.

Расширение влияния Китая на африканские страны поставило вопрос о природе этих отношений. Критики обвиняют Китай в проведении меркантилистской политики, с основной целью – получить быстрый и большой доход несмотря на социальные или экологические последствия своей деятельности. Официально Пекин отвергает подобные

обвинения, ссылаясь на невмешательство во внутренние дела стран-партнеров. Китай отмечает, что отношения с Африкой не имеют ничего общего со старым или новым колониализмом, поскольку полученные в Африке прибыли Китай инвестирует в местную африканскую экономику. Африканские государства, как правило, соглашались с этой точкой зрения, поскольку именно сотрудничество с Китаем позволяет им достигать неплохих показателей экономического роста.

На сегодня Китай не заинтересован в территориальной экспансии, в экспорте своей рабочей силы (хотя количество китайцев в Африке постоянно растет), или в «привлечении» других стран к китайской модели развития. Цели Китая носят как экономический, так и политический характер. Кроме доступа к полезным ископаемым Китай стремится ограничить отношения Тайваня и Африки (4 африканские страны все еще признают независимость Тайваня).

Эмпирические детерминанты ПЗИ Китая в странах Африки включали классические экономические факторы, некоторые факторы, специфичные для отношений Китай-Африка и факторы китайской правительственной политики, которые сказываются на ПЗИ Китая. Некоторые из классических экономических факторов подтвердили свою значимость для ПЗИ Китая в Африку. Согласно стратегии поиска ресурсов, на китайские ПЗИ влияет наличие полезных ископаемых в стране. Однако Китай не принимает решения относительно вложения инвестиций, основываясь на объемах производства энергии в стране. ПЗИ Китая негативно реагируют на рост политического риска. Решение по осуществлению инвестиций Китаем в африканские страны может приниматься в два этапа. На первом этапе власти Китая изучают возможного африканского партнера и решают, инвестировать или нет. На втором этапе, если решение об инвестициях было положительным, определяется размер инвестиций, которые будут вложены в данную африканскую страну.

Китай не обязательно будет выступать конкурентом США или Европы в Африке. Хотя многие американские исследователи считают иначе, но цель Китая – не опередить США или Европу, не получить политические очки в борьбе за мировое господство. Однако Китай, как правило, стремится увеличить количество лояльных к нему государств мира. Китай лишил американских, европейских и японских дипломатов многих рычагов управления в Африке южнее Сахары.

Экономическая экспансия Китая сопровождается дипломатической. В отличие от менее заинтересованных стран Запада, Китай открыл отдельные посольства в 38 из 48 стран Африки южнее Сахары. Состоялся обмен военными атташе с 14 странами. В некоторых странах был открыт Институт Конфуция, а в ЮАР частично финансируется научно-исследовательский институт. Президент Зимбабве Роберт Мугабе издал указ об обязательном изучении китайского языка в Зимбабвийском университете. Во всех африканских странах предоставляются специальные стипендии для обучения в Китае, коммунистическая партия финансирует международные визиты делегаций из и в Африку.

Еще одним важным инструментом внешнеэкономической экспансии Китая в страны Африки является предоставление различных видов официальной помощи в целях развития. Помощь Африке со стороны Китая в XXI в. перестала быть альтруистской, теперь она имеет коммерческие цели. В основном эта помощь направляется в инфраструктуру там, где в этом заинтересованы именно китайские компании. Поэтому часто это вызывает протесты африканских профсоюзов и неправительственных организаций. Однако помощь Китая действительно важна для африканских стран, особенно в таких сферах, как здравоохранение, образование, сельское хозяйство, техническая помощь, урегулирование конфликтов.

Сравнение стратегий экономической экспансии Китая в Латинской Америке и Африке дает возможность выделить ряд общих черт: в сфере внешнеторговых отношений доминирует вывоз из этих регионов сырья, экспорт готовой продукции, что приводит к значительным торговым дефицитам у стран региона. ПЗИ сосредоточены в отраслях добычи природных ресурсов, или в объектах связанной инфраструктуры, тогда как инвестиции из обоих регионов в Китай практически отсутствуют. Оба региона заинтересованы не только в инвестициях в научные разработки, но и в связанном с ними трансфере технологий и опыта. В обоих регионах Китай демонстрирует готовность к подписанию большего количества двусторонних соглашений о ЗСТ.

При этом стратегии внешнеэкономической экспансии Китая в страны Африки и Латинской Америки характеризуются также рядом отличий, связанных со спецификой экономической среды стран этих регионов. Так, в частности, внешнеэкономическая экспансия Китая в Африке происходит более быстрыми темпами и с минимальными препятствиями, при этом часто нанося ущерб национальной экономике стран реципиентов. Китай склонен завозить в Африку своих рабочих и поддерживать существующие коррупционные схемы, но при этом рассматривает этот регион как потенциальную производственную базу.

Сотрудничество с Китаем для многих стран Африки стала толчком для экономического роста. В Латинской Америке экспансия развивается значительно более медленными темпами, страны региона за некоторыми исключениями слабее привязаны к Китаю, имеют более диверсифицированную географическую структуру внешнеэкономических связей, лучше защищают свои экономические интересы. Однако регион пострадал от процессов деиндустриализации, обусловленных недавними высокими ценами на сырьевые товары, не сумев использовать их для реформирования и повышения конкурентоспособности своих экономик, кроме того наблюдаются негативные процессы нелегальной миграции и трафика наркотиков.

Готовность Китая сотрудничать с различными странами, в частности с развивающимися странами, независимо от их политического режима, стабильности или респектабельности в глазах мировой общественности, дает Китаю мощное преимущество. В инвестиционный портфель Китая входят чрезвычайно разнообразные страны, что значительно снижает риск одновременного наступления кризисных явлений, которые могут негативно сказаться на отношениях с ними.

С нашей точки зрения, можно ожидать, что в будущем сохранится тенденция к расширению внешнеэкономической экспансии Китая в развивающиеся страны посредством использования двух основных инструментов – двусторонней торговли и инвестиций. Вряд ли третьи страны смогут вмешаться в этот процесс, поскольку и США и ЕС заняты собственными проблемами. У них нет ни желания, ни возможности помешать Китаю углублять свои отношения с развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки. В результате Китай получит значительное влияние как политическое, так и экономическое, когда станет в течение следующего десятилетия весомым партнером для большинства развивающихся стран.

Захаров В.К.

д.ф.-м.н., профессор МГУ
zakharov_valeriy@list.ru

СОЗДАНИЕ МИРОВЫХ МАКРОСОВ И ОТВЕТНОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ РОССИИ

Ключевые слова: ном, государство, держава, империя, макрос, амальгамация номов, интеграция номов, устроительные этапы, мальтузианство, природно-народное постоянство, межномовая и межгосударственная эксплуатация, амальгамационные уровни межгосударственной эксплуатации, экзистенциальные проекты, личный эгоизм, общественный альтруизм.

Часть 1. Процесс исторической амальгамации

Ном как субъект мирового исторического процесса

В статье¹ и в книге² было показано, что субъектом мирового исторического процесса является социально исторический организм, обобщенно названный **номом**. Ном является *трехуровневым системным популяционным обществом*, устроенным в виде совокупности *основных (под)систем*, связанных друг с другом в единую систему и зависящих друг от друга так, что без каждой из этих систем ном существовать не может. Основными системами нома являются: *содержательная, обеспечительная, учетная, совокупная распорядительная и верховная системы*.

Этапы мирового исторического процесса

Ном, как субъект мирового исторического процесса, проходит ряд вынужденных объединительных *устроительных этапов* своего развития. Этапы эти не произвольны: каждый вытекает из предыдущего и влечет за собой последующий. Эти устроительные этапы мы условно обозначим так: *этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап сверхдержавы (империи) и этап надимперии*.

Человеческую популяцию назовем *популяцией данного устроительного этапа* или короче *этапной популяцией*, если ее сложными деталями, как системы, являются только номы данного устроительного этапа и номы некоторых предыдущих устроительных этапов.

Археспособ номовой амальгамации состоит в том, что при исчерпании ойкумены популяции данного устроительного этапа и при сохранении враждебности содержательной среды вынужденно начинается достаточно кратковременное и бурное (в сравнении с длительным и спокойным предыдущим этапом размножительного экстенсивно-интенсивного расселения популяции по своей ойкумене) восстановительно-приспособительное изменение бытия популяции, окончательным результатом которого становится образование в новой популяции, как системе, таких более крупных и более сложных деталей, как номы следующего устроительного этапа, которые получаются *амальгамацией* (т.е. объединением с воспроизведением строения и основных видов деятельности и управления) некоторых номов старой популяции. Начальные стадии номовой амальгамации называются *номовой кооперацией* и *номовой интеграцией*.

В результате амальгамации в появившихся более крупных номах воспроизводится в главнейших чертах прежнее, но в деталях более усложненное строение, обусловленное расщеплением и обособлением прежде объединенных деятельностей.

В применении к современности указанный археспособ также можно именовать *археспособом государственного объединения*.

Надустроительный этап, на котором пробуждается и воспроизводится археспособ номовой амальгамации, можно назвать *этапом номовой амальгамации*. Амальгамация номов, достигнутая в конце этого этапа, во-первых, чрезвычайно расширяет ойкумену амальгамированной популяции и, во-вторых, приводит к новому воспроизводству архетипа малосемейного размножительного порождения и воспитания потомства в амальгамированной популяции и архетипа размножительного природно-ресурсно-обеспеченного экстенсивно-интенсивного расселения амальгамированной популяции по своей ойкумене, и поэтому приводит к «засыпанию» археспособа номовой амальгамации.

Таким образом, на этапе номовой амальгамации происходит *революционный переход от данного эволюционного устроительного этапа к следующему эволюционному устроительному этапу*.

Археспособ номовой амальгамации в человеческой истории воспроизводился многократно, приводя к амальгамации племен в *простые государства*, простых государств в *державы*, держав в *сверхдержавы (империи)*. Номы по-

¹ Захаров В.К. Государственность и государственное управление как архетипы // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. – № 24. – С. 1–18.

² Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 62–119.

следних трех устроительных этапов: простого государства, державы и империи – обычно называются *государствами*. Подавляющее большинство существующих сейчас номов являются государствами, а среди них подавляющее большинство является державами.

Бытийные общества, приближающиеся по строению и деятельности к ному, называются *квазиномами*. Квазиномы являются переходными стадиями либо к номам, либо от номов. Квазиномом, изменяющимся по направлению к ному, является Европейский Союз.

Часть 2. Межнотовая эксплуатация

Амальгамация и природно-народное постоянство

Амальгамация номов популяции обеспечивает связь во времени между количественным ростом популяции и сохранением количества доступных жизненно необходимых природных ресурсов на одного члена возрастающей популяции, которую можно описать как *прерывистое постоянство с кратковременными перерывами*. В статье¹ и в книге² было дано развернутое описание этого процесса.

Если посмотреть на результаты роста населения относительно роста природных средств существования, достигаемые человечеством в ходе описанного выше эволюционно-революционного амальгамационного развития, то можно заметить следующую закономерность.

Определим *природный приход (ресурс) за данный год для данной группы населения* как измеряемую в какой-либо мере (например, в килограммах) массу вещества, изымаемого человечеством из природной среды за этот год и используемого данной группой населения. Природный приход за данный год для всего населения земного шара назовем *мировым природным приходом за данный год*. Мировой природный приход за данный год, поделенный на среднее число жителей на Земле за этот год, назовем *мировым природным приходом на душу населения за данный год*.

С большой долей уверенности можно утверждать, что уже в глубочайшей древности возник и закрепился *архетип мирового природно-народного равновесия*, который состоит в том, что человечество осуществляет свое бытие в природной среде так, что годовой мировой природный приход на душу населения планеты остается практически неизменным во времени.

Никакими научно-техническими революциями, новыми технологическими укладами, новыми способами бытия, социальными революциями, новыми формациями и цивилизациями человечеству не удавалось увеличить годовой мировой природный приход на душу населения всей планеты. А значит, это и не удастся в обозримом будущем.

Архетип мирового природно-народного постоянства является ярким представителем целого (*архе*)кода *мировой природно-народной ограниченности*, согласно которому человечество в целом не могло, не может и, значит, в обозримом будущем не сможет обогащаться за счет прогрессивного ограбления (прогрессивной эксплуатации³) природы на душу населения всей планеты.

Архекод межнотовой эксплуатации

Поскольку оказалось, что прогрессивное ограбление своей нотовой природной среды невозможно, человечество исторически пошло также по пути ограбления одних номов другими номами как внешними, так и внутренними, т.е. по пути безвозмездного изъятия (т.е. извлечения и присвоения) одними номами средств для собственного бытия из внутренней природной и надприродной среды других номов. Еще на этапе малой семьи начал создаваться *код межнотового ограбления (межнотовой эксплуатации)*. На родовом этапе он закрепился и с тех пор стал архекодом бытия человечества⁴.

Архекод межнотовой эксплуатации является первичным, самостоятельным и не зависящим от широко вмененного и великолепно использованного в целях развала конкурирующих империй «англосаксонскими демиургами мира»⁵ *архекода межсословной внутринотовой эксплуатации*. Связь между двумя этими архекодами описана в статье⁶.

Иерархия амальгамационных уровней мировой межнотовой эксплуатации

История человечества показывает, что в основном более крупные номы и квазиномы следующего устроительного этапа оказываются более мощными игроками в мировой межнотовой борьбе, чем номы и квазиномы предыдущих устроительных этапов.

¹ Захаров В.К. Архетипический процесс глобального равновесия // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – М.: МАКС Пресс, 2009. – № 2. – С. 167–183.

² Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 62–119.

³ От греческих слов «ἐξω» и «πλούτος», означающих «наружу» и «богатство».

⁴ Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 62–119; С. 25–39.

⁵ Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190.

⁶ Захаров В.К. Межклассовая напряженность в капиталистическом государстве и способы ее снятия // Всероссийская научная конференция «Глобальные тенденции развития мира (14 июня 2012г.). Материалы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 123–138.

В итоге на каждом этапе номовой амальгамации происходит надстраивание нового более высокого уровня мировой межнормовой эксплуатации при сохранении всех предыдущих уровней.

Так исторически возникает *иерархия (соподчиненность) амальгамационных уровней мировой межнормовой эксплуатации*. Эта иерархия не предполагает всенепременность для каждой разноуровневой пары норм. Она существует лишь в обобщенном виде для большинства взаимодействующих разноуровневых пар норм. Например, в настоящее время некоторые простые государства эксплуатируют оставшиеся племена, некоторые державы эксплуатируют и тех, и других, а некоторые империи эксплуатируют и тех, и других, и третьих. Межнормовая эксплуатация «снизу вверх» является скорее исключением.

Часть 3. Глобализация и макрорегионализация

Проект (либералистской) глобализации

К XX веку способы добывания ресурсов и способы сбыта произведенных товаров и отходов производства внутри держав и империй почти полностью исчерпали себя. В связи с исчерпанием державно-имперской ойкумены пробудился археспособ государственного объединения (амальгамации) и наступил постимперский надустроительный этап, начавшийся с двух мировых войн.

После второй мировой войны амальгамация происходила сразу по двум направлениям: создание всемирного квазинома и создание нескольких макрорегиональных квазиномов. Мир как бы «пробовал» будущее сразу по двум направлениям, оставляя окончательный выбор за практикой.

Разыгрывая экономическое соревнование с СССР в 60-х годах прошлого века¹, США свернули научно-техническое развитие в добывающих и производящих отраслях, вынесенных постепенно после Второй мировой войны в Германию, Италию, Японию, Южную Корею, Тайвань, Турцию, Испанию, страны Юго-Восточной Азии, Китай, Индию и т.д., и сконцентрировались на научно-техническом развитии в информационной сфере и в сфере воздействия на массовое сознание, совершив там научно-техническую революцию.

Опираясь на достижения этой революции, внутри полномощной американо-британской консорции² выделилась (*финансово-информационная*) консорция глобалистов. Она создала глобальные долларовую и информационную системы и начала вменять во второй половине XX века в мировое сознание нужную ей *фантропию (либералистской) глобализации*, основанную на глобальной валюте и глобальном информационном пространстве и провозглашающую свободное передвижение товаров, денег, знаний, умений, сведений, услуг, труда, людей и пр. между всеми государствами мира. Эта консорция расширилась до сверхполномощной американо-британской суперконсорции. На основе первоначальной фантропии этой суперконсорцией был создан и воплощен либералистско-глобалистский мировой проект.

Создание мировых макросов

Одновременно с глобализацией стали возникать более крупные, чем империи, макрорегиональные квазиномы, названные в работе³ *макросами*. Возник *Северо-Американский макрос*, имеющий в качестве центра США и включающий в себя Канаду, Мексику, Японию, Южную Корею, Тайвань и пр.

В 1887 году Британская империя, как настоящий ном, не смогла удержаться на достигнутом государственно-объединительном уровне и была вынуждена преобразоваться снова в квазином – Британское содружество наций (с 1946 года просто Содружество наций).

После двух неудачных для Европы мировых войн с англосаксонским (британо-американским) миром на европейской территории возник *Европейский макрос* – Европейский Союз (ЕС), который продолжает амальгамировать в себя осколки СЭВ и СССР⁴.

К началу XXI стало ясно, что на создание глобального макроса у финансово-информационной консорции либералистских глобалистов США и Великобритании не хватило сил, а ставка на глобализм стала приводить к деиндустриализации самих этих государств.

Если такие макрорегиональные кооперационные экономические объединения (*кооперанты*), как внецивилизационный производственно-торговый кооперант во главе с Китаем, мусульманско-цивилизационный добывающе-торговый кооперант во главе с Саудовской Аравией и индо-цивилизационный производственный кооперант во главе с

¹ Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рex Americana». – М.: Вече, 2003.

² Консорция – смысло-ценностное общество, имеющее перед собой привлекательно-возможностный образ будущего (фантропию) и ставящее перед собой цель создания этого будущего. Консорция называется полномощной, если она имеет вменительные, воплотительные и подавительные средства для достижения своей цели (Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617; Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38).

³ Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190.

⁴ Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 931.

Индией еще только-только начинают проглядываться с неясными перспективами¹, то Северо-Американский и Европейский макросы уже обрели свои предварительные очертания.

Издержки и закат глобализации

В начале XXI века стало ясно, что провозглашенный, вмененный и воплощенный сверхполномощной финансово-информационной американо-британской суперконсорцией либералистско-глобалистский мировой проект привел не только к значительным успехам для государств англосаксонского мира, но и к значительным непредвиденным издержкам, пришедшим к ним с некоторым запозданием по сравнению с успехами. Рассмотрим лишь некоторые из этих издержек.

Одним неприятным последствием осуществленной глобализации явилась трудно контролируемая миграция, приведшая к изменению состава столичного населения не в пользу WASP'ов (White Anglo-Saxon Protestants). Оказалось, что в сознании и подсознании чужеродных переселенцев есть свои собственные старые «кумиры», вовсе не подлежащие забвению. И новые англосаксонские «кумиры» вовсе не являются привлекательными для переселенцев. Большие затраты на адаптацию переселенцев путем замещения старых родных «кумиров» новыми неродными не дают особых результатов.

Другим неприятным последствием стало то, что возможностями «глобализации по-американски» воспользовалась КНР с ее созданной с помощью американцев двухсистемной синтетичностью хозяйственной деятельности² и дирижистско-либералистским синтетичным управлением. Поэтому наряду с «глобализацией по-американски» стала разветвляться непредвиденная обширная и с трудом сдерживаемая «глобализация по-китайски», окормляемая собственным китайским мировым проектом «Пояс и путь». Вследствие этой второй конкурирующей глобализации англосаксонский мир, во-первых, стал терять часть своих внешних доходов, перешедших к китайцам, и, во-вторых, стал слишком зависеть от китайского промышленного производства.

Третьим неприятным последствием стало то, что широко заявленный и вмененный американцами «прогрессивный» переход «развитого» мира к (постиндустриальной) сервисной экономике и осуществленный перевод индустриального производства на периферию англосаксонского мира стал приводить к появлению «ржавых промышленных поясов» внутри англосаксонских государств и, тем самым, стал вызывать недовольство глубинных WASP'ов, которые в течение нескольких столетий индустриализации пользовались замечательными плодами «высокопроизводительного» промышленного труда и «свободной» торговли производимыми товарами со всем миром.

Именно опора на указанных британских и американских WASP'ов, составивших значительную часть англосаксонской суперконсорции, позволила англосаксонскому миру в целом обрести к концу XX века мировое господство. Поэтому ослабление этой «индустриальной» опоры при недостаточности и шаткости «постиндустриальной» опоры может привести к потере этого господства.

Борьба между Северо-Американским и Европейским макросами за Великобританию. Возможное создание Американо-Британского макроса. Фантропия (дирижистской) макроизоляции

По-видимому, перечисленные и другие проявившиеся издержки и неприятные последствия частично осуществленной глобализации привели WASP'ов Великобритании и США к попытке создания и осуществления **альтернативного** объединительного проекта.

При определении «правильности» изменения Европы нужно учитывать наличие материкового геонмоса Германии и островного геонмоса Великобритании³. Извечное противостояние между материковой геоформацией и островной геоформацией показывает, что существование Великобритании в Европейском Союзе (как неотип бытия мирового общества) несовместимо со стереотипом указанного противостояния. Естественнее для Великобритании продолжать строить свой собственный метрополюно-колониальный содружественный макрос, включающий в себя и вторую (родственную) метрополию – США, хотя и конкурирующую, но, тем не менее, входящую в одну бытийную цивилизацию с тем же самым островным геонмосом, не смотря на видимую квазиконтинентальную расположенность.

Поэтому часть знати Великобритании (по-видимому, вместе с королевским домом) и поддерживающий ее глубинный народ, состоящий из WASP'ов, поддерживает устремление WASP'ов США вырвать Великобританию из ЕС и

¹ Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. – М.: Норма, 2006; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. – М.: Магистр, 2007.

² Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2012. – № 3. – С. 34–43; Захаров В.К. Второй НЭП как способ государственного управления российской экономикой // I Международная научно-практическая конференция «Государственное регулирование экономики: политико-экономические аспекты» (21–22 ноября 2013 г.). Сборник научных трудов. – М.: Государственный университет управления, 2014. – С. 154–160; Захаров В.К. Воссоздание синтетичной экономики в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 11, ч. 2. – С. 237–243; Захаров В.К. Обеспечение устойчивого развития России посредством воссоздания параллельной системы управляемой хозяйственной деятельности // Международный конгресс «Производство, наука и образование России: системный подход» (ПНО-III) (26–27 ноября 2016 г.). Сборник материалов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. – С. 767–778.

³ Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. – С. 59–60; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 77–78.

создать *Американо-Британский макрос*, расширив Северо-Американский макрос путем объединения с (Британским) Содружеством наций.

Накопленное в веках британское политическое умение «управлять миром» путем создания, вменения и воплощения мировых проектов¹, а также экономическое умение быть финансовым центром мира может уравновесить экономическое и военное превосходство США в этом (на первый взгляд подчинительном) возможном объединении.

Отмеченная выше слаженная устремленность части англосаксонского мира на создание такого обширного и могущественного макроса привела к отчетливому выделению внутри него (*неоиндустриальной*) *консорции макроизоляционистов*, т.е. сторонников перехода от (либералистской) глобализации к (*дирижистской*) *англосаксонской макроизоляции*. Привлекательно-возможностная *фантропия* (*дирижистской неоиндустриальной*) *макроизоляции* провозглашает интересы неоиндустриального англосаксонского мира первостепенными. Поэтому в случае устойчивой победы сторонников такой изоляции из текущего тотально и однородно глобализуемого по-американски мира будет явно выделен передовой *англосаксонский (неоиндустриальный) макромир*. Он будет противопоставлен остальному отсталому традиционному миру.

Свободное передвижение всего и вся (т.е. товаров, денег, знаний, умений, сведений, услуг, труда, людей и пр.) между этими мирами будет ограничено и заменено на строго поднадзорное (*дирижистское*) передвижение, выгодное англосаксонскому миру.

Внутри этого передового мира провозглашаемый ранее тотальный либерализм может быть оттеснен провозглашением и вменением *целевого дирижизма* как нового англосаксонского проекта. Целевой дирижизм необходим для того, чтобы, во-первых, сделать бытие передового мира менее уязвимым от любого непредсказуемого изменения мировой конъюнктуры (мирового стечения обстоятельств) по типу коронавирусной пандемии 2020 года, во-вторых, чтобы отвязаться от тактически «экономически эффективной», но стратегически сковывающей производственной зависимости от Японии, Китая, Индии и пр., в-третьих, чтобы уйти в неоиндустриальный отрыв от отсталого мира на совершенно новой технологической основе². Ясно, что сделать все перечисленное, оставаясь в рамках прежнего тотального либерализма практически невозможно.

Однако отметим, что первый англосаксонский индустриальный отрыв был основан не на демократии и либерализме, а на управляемом (*дирижистском*) ограблении внешнего мира, описанном в книге³, и на освоении сначала угля, а затем нефти и газа как новых источников энергии⁴. Поэтому возможному будущему Британо-Американскому макросу придется искать и новые источники энергии (или наоборот снижать в нем энергопотребление посредством изобретения и внедрения новых энергосберегающих технологий), и новые виды внешнего ограбления, и новые мировые объекты для этого ограбления. Будут ли этими объектами ЕС, Китай, Россия, Индия и пр., сейчас предсказать невозможно. Другое предсказание о будущем мира изложено в книге⁵.

Современная межгосударственная эксплуатация и макросы

Выше было описано, как исторически возникает соподчиненность амальгамационных уровней мировой междоумовой эксплуатации.

Независимо от того, будет или не будет создан описанный выше предполагаемый Британо-Американский супермакрос, ясно, что в настоящее время самыми мощными действующими единицами среди всех государств и квазигосударств современного мира становятся описанные выше уже созданные Европейский и Северо-Американский макросы. Поэтому именно они наряду со сверхдержавным Китаем будут самыми большими бенефициарами в будущей мировой многоуровневой межгосударственной эксплуатации.

А для остальных современных государств и квазигосударств державного и имперского устроительных этапов возникает принципиально новое геополитическое положение, в котором они еще никогда не находились. И новой задачей для них в этом тяжелом положении является занятие и отстаивание своего более успешного (и желательно более справедливого) места в современной иерархии мировой межгосударственной эксплуатации.

¹ Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190; Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38.

² Гэйлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969; Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. – СПб.: Институт нового индустриального развития, 2013; Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России. – СПб.: Институт нового индустриального развития, 2014; Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. – М.: Культурная революция, 2019.

³ Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 518, 521, 529, 697.

⁴ Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 128–132.

⁵ Фридман Дж. Следующие 100 лет – Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010.

Куда двинется экспансия макросов?

На надустроительном этапе номовой амальгамации осознанно ускоряется развитие производительных «сил». Именно это позволяет обеспечить размножительное содержательно-ресурсно-обеспеченное экстенсивно-интенсивное расселение амальгамированной популяции по своей расширившейся ойкумене¹.

Поэтому на первом этапе своего предстоящего бытия Европейский и Северо-Американский макросы будут осуществлять интенсивное развитие и расселение в рамках своей прежней метаевропейской (имперской) ойкумены, увеличивая плотность ее заселения. Для этого развития указанным макросам потребуются неосвоенные природные ресурсы России. И доступ к ним они будут стараться получить принудительно-добровольным образом посредством освоения этих ресурсов либо «совместно» с Россией, либо за счет ее расчленения на относительно слабые мелкие государства².

На следующем этапе своего предстоящего бытия при исчерпании интенсивного расселения указанные макросы, опираясь на созданную технологическую мощь, вынуждены будут перейти к экстенсивно-интенсивному развитию и расселению в рамках своей новой более широкой *макросной (постимперской) ойкумены*. При этом Северо-Американский макрос совместно с (Британским) Содружеством наций и соперничающий с ними Европейский макрос, опираясь на свою возросшую технологическую и военную мощь, не позволят друг другу отселяться на свои территории.

Придется указанным квазиномам снова как столетия назад расселяться по своей еще не освоенной и не подчиненной потенциально существующей макросной ойкумене. К огромному сожалению, в этой ойкумене наиболее подходящей по климату, по расовому составу, по цивилизационному и религиозному сходству и по другим обстоятельствам частью для расселения указанных квазиномов является территория бывшего Советского Союза.

Часть 4. Экспансия макросов и сосредоточение России

Противостоять описанной макросной эксплуатации и экспансии Россия может только путем обретения своего собственного экзистенциального проекта. Рассмотрим, на каких общественных основаниях должен основываться собственный российский бытийный замысел. Для этого мы будем опираться на представление об обществе, развитое в некоторых наших работах³.

Эгоистический и альтруистический коды общества и их гармоничный

Среди всех обширных кодов бытия общества выделяются *код обращенности к себе* и *код причастности к обществу*. Их еще можно называть *эгоистическим* и *альтруистическим* модусами общества. Склонности к обращенности к себе и к причастности к обществу на уровне сознания обычно осознаются обществом в виде известных общих поведенческих установок «*Я должен преуспевать!*» и «*Общество должно преуспевать!*», соответственно. Эти установки оказывают огромное воздействие на многие сферы бытия общества.

Склонности к эгоизму и к альтруизму присутствуют в каждом обществе в слаженном неразрывном соединении (гармоничном синтезе). Это значит, что не существует и не может существовать обществ, в которых присутствует только одна склонность, т.е. все члены общества склонны только к эгоизму или только к альтруизму. Эти склонности проистекают из сознания и подсознания общества. Поскольку они имеют врожденную подсознательную составляющую, их можно уничтожить, только уничтожив само общество.

Поэтому можно сделать обобщающий вывод о том, что синтез склонности к обращенности к себе и склонности к причастности к обществу является извечным и вечным. Используя более вмененные иноязычные понятия, можно сказать, что синтез эгоизма и альтруизма является извечным и вечным. Этот синтез придает обществу бидинамическую адаптивность (парно подвижную приспособляемость) к изменениям его содержательной среды.

Государства и общества, которые освоили эту бидинамическую адаптивность, оказываются наиболее успешными в мировой межгосударственной эксплуатации.

Уроки трех Российских устроительных проектов

Пренебрежение исконной эгоистическо-альтруистической гармоничностью общества сыграло роковую роль в судьбе России после Смуты 1598–1618 годов.

¹ Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: Onebook.ru, 2016. – С. 74–75; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. С. 95–96.

² Фридман Дж. Следующие 100 лет – Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010.

³ Захаров В.К. Основы социоментологии // Методология современной психологии. – М., Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2020. – Вып. 11. – С. 36–46; Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617; Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 39–45; Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190. Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38.

После Смуты дворянством в основном иностранного происхождения был создан особый общественный строй – *крепостнический*, провозглашавший приоритет эгоистического кода для властного дворянского сословия и альтруистического кода для подвластного крестьянского сословия.

Однако уже к концу XIX века царской России стало не хватать средств на удержание дворянского правления в стране. В феврале 1917 года это правление при помощи британской консорции¹ было свергнуто, и власть захватило столичное горожанство, которое в царское время сложилось в качестве обслуживающего поддворянского слоя также в основном иностранного происхождения.

После октября 1917 года в Советском Союзе коммунистической частью столичного горожанства постепенно был создан новый общественный строй – *социалистический*, провозглашавший приоритет альтруистического кода для подвластного рабоче-крестьянского сословия.

Построение «коммунизма для столичного горожанства» происходило за счет введения нового социалистического колхозного закрепощения и безжалостной эксплуатации крестьянского населения, составлявшего вначале 85% населения страны. Поэтому после его исчезновения в последней четверти XX века Советскому Союзу стало не хватать средств на удержание коммунистического правления в стране.

В 1991–1993 годах это правление при помощи англосаксонской (британской и североамериканской) либералистско-глобалистской суперконсорции² было свергнуто, и власть захватило либерально-компрадорское столичное горожанство, окончательно сложившееся после 1987 года.

В отличие от отклоняющих революций 1917 года после возвращающей революции 1991–1993 годов, названной уклончиво «перестройкой», либерально-компрадорской частью столичного горожанства в России был создан другой общественный строй – *либералистический*, провозглашавший приоритет эгоистического кода для всего общества.

Построение «либерализма для компрадорского столичного горожанства» происходило за счет безжалостного разграбления «народного достояния», доставшегося от СССР. Поэтому после исчерпания этого достояния в начале XXI века либералистической России стало не хватать средств не только на удержание либерально-компрадорского правления в стране, но даже на удержание самой страны от дальнейшего распада.

И только после осознания нависшей опасности для сохранения приобретенных достояний и передачи их по наследству дальновидная часть властной России взялась за укрепление геополитической мощи страны. Поэтому после 2013 года Россия была вынуждена постепенно переходить к *державному патриотизму*.

Из сказанного выше следует, что с точки зрения исконной слаженности в российском обществе склонности к эгоизму и склонности к альтруизму во всех трех рассмотренных исторических проектах эти склонности оказались крайне разлаженными. И все проекты оказались неустойчивыми.

Поэтому правомерно заключить, что исконная слаженность склонности к эгоизму и склонности к альтруизму является той сущностью российского общества, пренебрежение которой приводило к его неустойчивости. Более того, разница временной протяженности (300–70–25 лет) осуществления указанных проектов показывает, при каком проекте разлаженность оказывалась самой опасной.

Исконная эгоистическо-альтруистическая гармоничность общества как основа объединительного устроительного проекта для России

Из сказанного выше следует, что с точки зрения исконной слаженности в российском обществе склонности к эгоизму и склонности к альтруизму во всех трех рассмотренных исторических проектах эти склонности оказались крайне разлаженными. И все проекты оказались неустойчивыми.

Поэтому правомерно заключить, что исконная слаженность склонности к эгоизму и склонности к альтруизму является той сущностью российского общества, пренебрежение которой приводило к его неустойчивости. Более того, приведенная выше разница (300–70–25 лет) временной протяженности осуществления указанных устроительных проектов показывает, что при компрадорско-либералистическом проекте разлаженность оказалась самой опасной для правящей верховной системы, поскольку провозглашение приоритета всеобщего личностного эгоизма привело к обвалному распаду всей системы государственного управления.

Собственный привлекательный и объединительный бытийный замысел для России будущего должен обязательно быть основан на сочетании склонности к обращенности к себе и склонности к причастности к стране, при этом это сочетание должно быть совершенно одинаковым как для властного слоя, так и для подвластного народа.

По-видимому, в качестве собственного наименее разлаженного исторического образца следует выбирать докрепостническую Владимирскую Русь (Великое княжество Владимирское).

¹ Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустроения общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617; Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38; Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190.

² Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустроения общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617; Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38. Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределенность мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190.

Иванова Т.Л.

д.э.н., профессор, ДонАУиГС
3264223@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: глобализация, глокализация, «новая экономика», неоклассический и новый неоклассический синтез, концепция стратегирования, ноосферная парадигма, социально-экономическая система, социо-экономико-экологическое устойчивое развитие, мультипарадигмальный подход к устойчивому развитию, цели социоэкономического, техногенно-экологического, социокультурного развития и нового государственного управления, стратегия устойчивого развития, механизм стратегического планирования, управления и реализации стратегии.

Keywords: globalization, glocalization, «new economy», neoclassical and new neoclassical synthesis, the concept of strategizing, noospheric paradigm, socio-economic system, socio-economic and ecological sustainable multi-paradigm approach to sustainable development, goals of socio-economic, technogenic-ecological, socio-cultural development and new public administration, sustainable development strategy, mechanism for strategic planning, management and implementation of the strategy.

Одним из доминантных факторов развития общественных отношений в современном мире является сложный и противоречивый процесс глобализации национальных экономик. Научный подход к глобализации позволяет выявить ее двойственный характер, отражающий единство универсализма и встречного вектора общественного развития – регионализации. Возникают такие полярные грани данного явления, как интеграция и фрагментация, глобализация и «территоризация», которые актуальны в контексте противоположности их содержания, значимости и превалирования в конкретных исторических условиях. Наряду с эволюционно оформленным центростремительным движением общественно-политических и социоэкономических систем в сторону глобализации отслеживаются такие центробежные потоки, как стремление к выявлению региональных различий, утверждение национальной идентичности, традиций и ценностей локальных экономик и т.п. В целом они определяются как «региональная реакция на глобальные процессы» и одновременно формируют *пан-идеологию* как идею объединения территорий и объектов общественного мироздания и *мер-идеологию* (от греч. *meros* – «часть»), которая лежит в основе сепаратистских и национально-освободительных движений¹.

В контексте экономических трансформационных процессов, укрупненно представленных на рис. 1, они охватывают микро-, макро- и метаэкономический уровни и реализуются в новых воплощениях, которые в трудах исследователей получили название процессов *глокализации* (*Glocalization*), или *глобальной локализации*. Глокализация объединяет в себе тенденции глобализации и локализации и основана на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости в региональном масштабе². Сложнейшая задача ученых заключается в необходимости углубленно исследовать их составные части для определения дальнейшей конфигурации мирового общественного порядка.

Одновременно мировое сообщество входит в эпоху так называемой «новой экономики» (*new economy*), или «экономики знаний» (*knowledge economy*), которую П. Друкер характеризует следующим образом: «Когда мы говорим о новой экономике, мы имеем в виду мир, где люди работают мозгами, а не руками. Мир, в котором инновации важнее, чем массовые продукты. Мир, в котором быстрые изменения происходят постоянно. Мир, настолько же отличный от индустриального века, насколько тот отличался от аграрного. Мир, настолько иной, что его возникновение можно описать только словом «революция»!»³.

В современной «новой» экономике, которая одновременно обретает черты глокализации, органично соединились два начала, которые можно определить как «условно-негативные» и «условно-позитивные» импульсы воздействия на состояние социально-экономических систем (СЭС). С одной стороны, существует насущная необходимость модернизации национальных экономик и их структурных частей, ставшая очевидной во второй половине XX века. Потребность в ней обусловлена неотвратимыми угрозами возникновения неустойчивых, нелинейных состояний, которые приводят к неизбежному возникновению точек бифуркации с их революционным и непредсказуемым характером.

¹ Окунев И. Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира // Космополис. 2008. – № 1 (20). – С. 173–179.

² Овсянникова Т.А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. – <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ili-glokalizatsiya-strategiya-razvitiya-lokalnyh-kultur>

³ Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. – М., 1994. – 380 с.

ром, проявившимся в первых десятилетиях XXI века. Общий кризисный фон развития мировой цивилизации и региональные флуктуации различной амплитуды действия со всей очевидностью выявляют нарастающие антагонизмы национальных экономических интересов, которые в конечном счете ведут к глобальной нестабильности. С другой стороны, дуалистическая природа кризисного состояния общества формирует запрос на решение проблем, вытекающих из этой природы и требует ответа на вопрос: означает ли растущая многомерность социально-политических и экономических движений и многополярность мира, признаваемая прежде всего Россией и странами БРИКС, крах сложившегося экономического порядка или, напротив, она ведет к его качественно новому состоянию и переходу к более высокому уровню стратегической устойчивости СЭС?

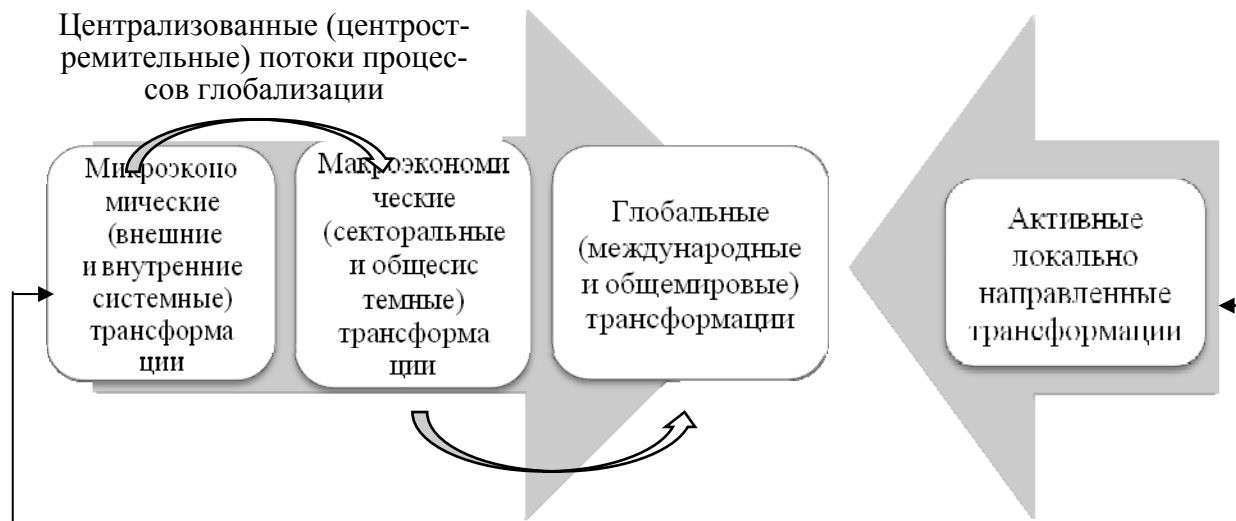

Рисунок 1.
Основные типы трансформаций по направлениям движения и масштабу проявлений

Настоящие и грядущие структурные сдвиги, симптомы которых ярко проявляются как на мета- и макроэкономическом, так и на региональном и микроэкономическом уровнях, со всей остротой ставят задачи дальнейшего совершенствования методологических основ экономической теории и приводят к зарождению ряда новых направлений ее развития. В экономическом мейнстриме Запада до 70-х годов XX в. доминантное положение занимал *неоклассический синтез* (*Neoclassical Synthesis*, или *NS*)¹, представлявший единый *неоклассическо-кейнсианский* вектор, объединяющий постулаты *классической школы* буржуазной политической экономии с его центральной идеей самодостаточности рыночного механизма, и *неокейнсианства*, в котором государство рассматривается как высокоэффективный регулятор «провалов» рынка. В экономической науке синтез означал в основном господство кейнсианства в макроэкономике и неоклассицизма – в микроэкономике. В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. основные школы нового классического направления и нью-кейнсианства тесно переплелись в *новом неоклассическом синтезе* (*New Neoclassical Synthesis*, или *NNS*). В стремлении обеспечить консенсус в способах объяснения колебаний экономического цикла и сопровождающих их флуктуаций в функционировании СЭС новый неоклассический синтез в качестве «рабочей» гипотезы макроэкономической науки выбрал сложные модели динамического вероятностного общего равновесия (*Dynamic Stochastic General Equilibrium*, или *DSGE*), в основе которых лежит, в частности, базовая модель теории реального бизнес-цикла (*RBC*), предшествующая появлению *DSGE*-моделей для определения равновесных состояний, динамического варианта *IS*-кривой, новокейнсианской кривой Филиппа, уравнения Тейлора и др.²

Новый неоклассический синтез в настоящее время правомерно обретает универсальный характер, однако в нем также преобладают методология и концепции рыночной экономики как социального проекта либерализма. Параллельно как в теории, так и на практике, происходит медленный, но достаточно четко определяемый возврат к пониманию недопустимости отказа от принципов общегосударственного долгосрочного планирования и регулирования, которые были взяты на вооружение ведущими западными странами, такими, как Франция, Япония и др., еще в период после второй мировой войны и одновременно преданы забвению странами, перешедшими к моделям рыночного трансформирования национальных экономик в конце XX века. Как идеологема данные принципы могут быть применены по отношению ко всем странам, в то же время существуют значительные общественно-политические, социально-экономические, культурно-ментальные, этнические, религиозные и прочие отличия между странами постсоветского пространства и экономиками Запада, свидетельствующие в пользу того, что принципы, методы, инструментарий государственного планирования должны быть адаптированы к исторически сложившимся условиям функционирования отдельных национальных экономик. Очевидны несовместимость и равноправие в одной модели общественного

¹ Чувелева Е.А. Неоклассический подход к разработке решения по оздоровлению национальной экономики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. – Т. 3, № 2. – С. 167–182.

² Шульц Д.Н., Ощепков И.А. Некоторые аспекты построения и использования динамических стохастических моделей общего равновесия (*DSGE*) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. – № 4(31). – С. 49–65; Столбов М. Современная макроэкономика: основные вызовы и возможные векторы изменений // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2012. – № 3. – С. 15–28.

развития двух противоположных хозяйственных систем – планово-директивной и рыночной экономики, в то же время цинично игнорировать накопленный позитивный опыт директивного и индикативного общегосударственного и регионального планирования в соответствующих формах и размерах в условиях новой экономики.

Проблемы выбора вида и типа планирования являются органической составляющей современной *концепции стратегирования*¹, им посвящены научные труды многих ученых, а совокупность поставленных в них вопросов весьма широка. Среди зарубежных ученых-классиков в области разработки методологии стратегического планирования и управления, лежащего в основе стратегирования, следует назвать плеяду исследователей, а именно: И. Ансоффа, Г. Минцберга, А. Чендлера, А. Томпсона, М. Портера, М. Мескона, Ф. Котлера и др. В отечественной науке получили известность имена таких отечественных ученых, как А.Г. Аганбегян, Е.М. Бухвальд, В.А. Климанов, Б.Н. Кузык, В.Н. Лексин, П.А. Минакир, В.Е. Селиверстов, А.Н. Швецов и др., системно и последовательно исследовавших подходы, принципы и методы стратегического планирования и управления, которые сегодня органично включены в единый комплекс стратегирования.

Г.Б. Клейнер приводит следующее определение: «Стратегическое управление – это целостное управление, альтернатива партикулярному, фрагментированному управлению»². Стратегическому управлению как неотъемлемой составляющей стратегирования присуще обобщенное, системное и одновременно комплексное представление объекта стратегического планирования и его позиционирование в окружающей среде. Акцентируя внимание на динамическом характере стратегирования, ученый так отражает данное свойство предмета исследований: «Стратегическое управление СЭС – это системное развитие во времени сложной СЭС. Стратегия – обобщенная пространственно-временная модель функционирования и развития объекта планирования»³.

Понятие «стратегирование» происходит от однокоренного слова «стратегия» и в широком смысле означает образ действия, мастерство и искусство достижения поставленных целей. В монографии «Искусство государственной стратегии» государственный деятель и ученый Дж. Малган утверждает: «Государственная стратегия – это систематическое использование государственными ведомствами находящихся в их распоряжении ресурсов и властных полномочий с целью достижения общественно значимых целей. В данном контексте слово «государственная» в равной мере относится к людям, к обществу и к формальным властным полномочиям государств»⁴.

Однако, с нашей точки зрения, в государственном воздействии на экономику в рамках новой парадигмы стратегирования опасны две крайности: отказ от целесообразного государственного регулирования, особенно в тех сферах, где вмешательство государства обосновано на генетическом уровне, и зарегулированность экономических процессов, которые с большей эффективностью управляются с применением современных рыночных механизмов. Вычленив из целостного экономического организма те области, которые требуют государственного вмешательства, помогает социально-экономическое прогнозирование и осуществляемое с использованием его результатов сценарное моделирование будущего поведения социально-экономических систем.

В основе создания новых экономических моделей, способных предупреждать и элиминировать реальные угрозы и опасности современной макротурбулентности, лежат постулаты объединения в единое целое и реализация на практике идей *стратегической устойчивости*, обеспечения социо-экономико-экологического *равновесия* и принципа *универсальности устойчивого развития*, которые выдвигают на первый план принципы, подходы и методы формирования и применения парадигмы стратегического планирования, мониторинга и управления, совместимые в концепции комплексного стратегирования⁵. Устойчивое развитие в формате такой парадигмы должно максимально использовать преимущества как механизмов самоорганизации социоэкономических систем, так и целесообразного государственного регулирования экономики в рамках комплекса стратегирования.

На рис. 2 представлены элементы механизма стратегического планирования устойчивого развития и управления им на основе мультипарадигмального синтеза, реализуемого в формате ноосферной концепции и нового государственного управления, получившего название *New Public Management (NPM)*, ориентированное на получение результата и качество предоставления государственных услуг.

Мультипарадигмальное знание, как утверждает В.И. Ксенофонтов, может быть эффективно адаптировано к особенностям регионального развития⁶, а в целом представляет собой совокупность парадигм ряда смежных наук, принципы, постулаты, инструментарий которых органично дополняют друг друга и весьма актуальны для достижения стратегических целей развития экономики на всех возможных уровнях управления ею. Согласно Томасу Куну, одному из самых влиятельных философов науки XX в., который ввел определение *парадигмы* как общепризнанной совокупности понятий, теории и методов исследования, разделяемой научным сообществом на определенном временном отрезке и являющейся моделью постановки проблем и их решений, смена парадигм представляет собой закономерный процесс, однако имеющий скачкообразный, революционный характер.

¹ Иванова Т.Л. Концептуальные основы и приоритеты стратегического планирования и управления // Россия: тенденции и перспективы развития. – М., 2020. – Ч. 1. – С. 104–110.

² Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. – М.: Дело, 2008. – С. 568.

³ Клейнер Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды. – М.: Наука, 2016. – С. 855.

⁴ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Пер. с англ. Ю. Каптуревского под научн. ред. Я. Охонько. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – С. 37.

⁵ Зельднер А.Г. Место стратегирования в понятийно-категориальной системе прогнозирования // Экономика и политика. Серия: Экономические науки. 2012. – № 8(93). – С. 7–15.

⁶ Ксенофонтов В.И. Мультипарадигмальная модель экономического развития региона // Terra Economicus. 2010. – Т. 8, № 3, ч. 2. – С. 167–173.

Она осуществляется как *эволюционным путем*, то есть последовательно и постепенно, посредством кумулятивных накоплений, так и *революционным*, при котором новая идея или новая теория, возникшая, на первый взгляд, неожиданно, спонтанно, овладевает умами определенного сообщества ученых. В единстве их использование олицетворяет *междисциплинарный подход* к устойчивому развитию в рамках *человекоцентризма* как новой идеологии общественного развития, в качестве цели которой выступает не стремление к накоплению материальных благ, а обретение духовных, моральных и нравственных ценностей и знаний, обогащение культуры и науки, которые остро встают на повестке дня.

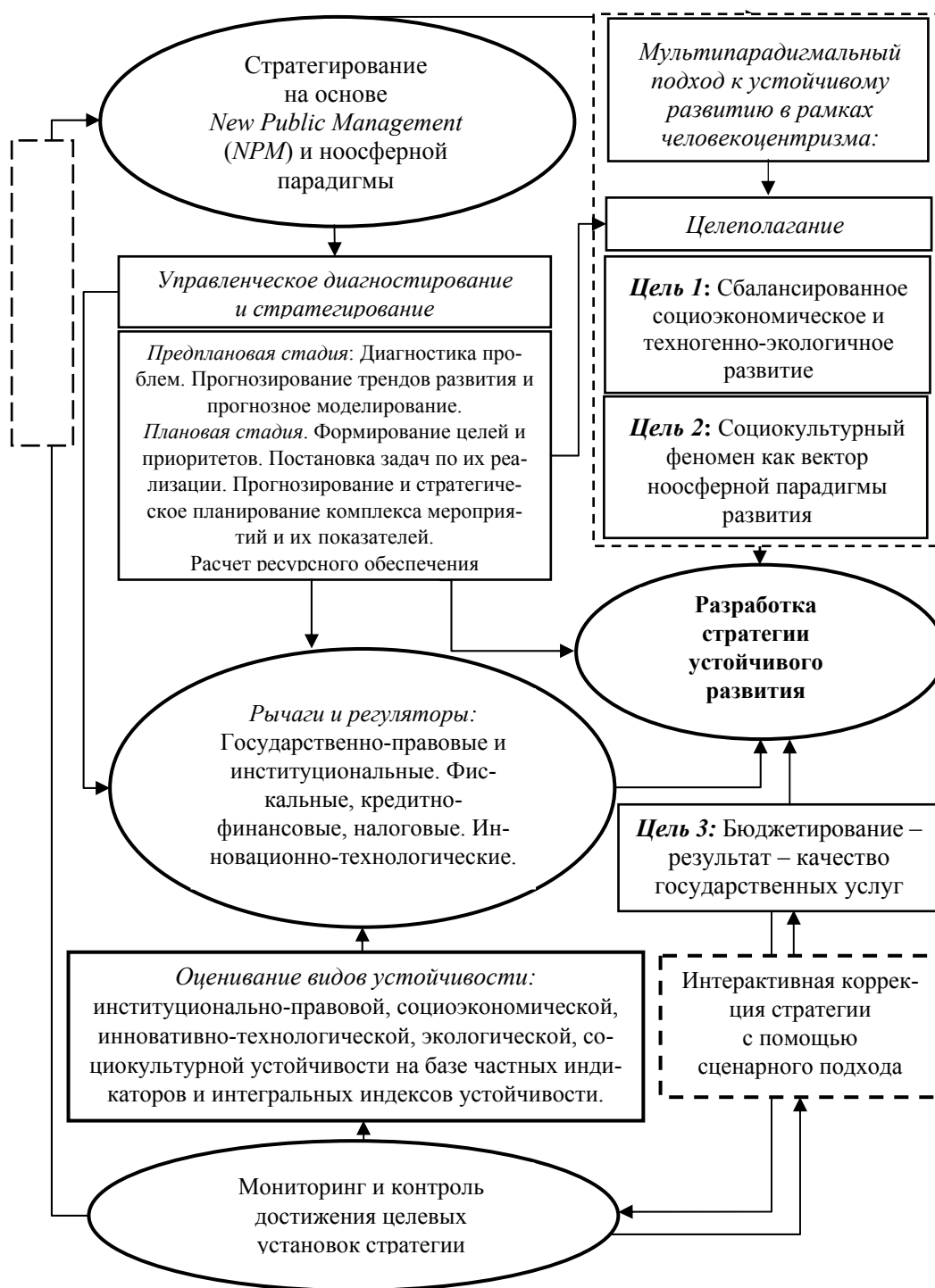

Рисунок 2.

Механизм стратегического планирования устойчивого развития и управления им на основе мультипарадигмального подхода

Стратегирование на основе *New Public Management (NPM)* и ноосферной парадигмы включает следующие агрегаты:

управленческое диагностирование и стратегирование на предплановой стадии, когда осуществляется диагностика проблем, прогнозирование трендов развития и прогнозное моделирование, и на *плановой стадии*, на которой формируются цели и приоритеты, ставятся задачи по их реализации, разрабатываются стратегические планы, комплекс мероприятий по их осуществлению и совокупность результативных показателей;

целеполагание, ядром которого являются такие укрупненные цели, как: сбалансированное социоэкономическое и техногенно-экологичное развитие; социокультурный феномен как вектор ноосферной парадигмы развития; государственное бюджетирование, ориентированное на результат и качество государственных услуг;

выделение разновидностей устойчивости, в качестве которых выступают институционально-правовая, социоэкономическая, инновационно-технологическая, экологическая, социокультурная устойчивости, оцениваемые с помощью частных индикаторов и интегральных индексов устойчивости;

разработка стратегии устойчивого развития, механизма ее мониторинга и контроля с целью интерактивной коррекции стратегии, в частности, на основе сценарного подхода¹, внесение стратегических изменений в комплекс стратегирования и стратегию устойчивого развития.

Главными регуляторами процесса стратегирования являются государственно-правовые и институциональные, фискальные, кредитно-финансовые, налоговые, инновационно-технологические рычаги и институты, которые реализуют гибкую и адаптивную политику стратегического планирования и управления устойчивым развитием.

На рис. 3 сделана попытка обобщить агрегаты и детализированные элементы предлагаемой мультипарадигмы, которая базируется на теоретико-методологических основах совокупности наук. Целями указанного мультипарадигмального подхода является попытка рассмотреть императивы устойчивого развития экономики в контексте взаимосвязи его социальной, экономической и экологической составляющих, делая акцент на первых двух из них.

Рисунок 3.
Агрегаты и элементы мультипарадигмы устойчивого развития экономики

Принимая за аксиому утверждение, что стратегические решения по вопросам охраны окружающей среды должны быть органической частью универсального императива экономического развития, подчеркнем значимость социоэкономических аспектов общественного прогресса, которые кардинально модернизируют как экономическую составляющую жизнедеятельности СЭС, так и ее экологический контекст. При таком подходе появляется целостный объект – социоэкономическая система, которая может быть описана различными качественными характеристиками – социальными, экономическими и экологическими. Разработка основных принципов и основ парадигмы стратегиче-

¹ Лычкина Н.Н. Стратегическое планирование и имитационное моделирование развивающихся социально-экономических систем // Социально-экономические системы: проблемы и решения. 2017. – № 8. – С. 116–122.

ского планирования и управления экономикой позволяет раскрыть большие возможности применения на практике достижений и преимуществ одновременно постиндустриальной цивилизации, регионализма, информатизации, когнитивного ресурса и синергетического подхода, постулаты которых заложены в совокупности родственных научных дисциплин, представленных на рис. 3. Принципы синергетики позволяют осуществить синтез отдельных разрозненных элементов парадигмы, таких как «цель», «ресурс», «средство», «мотив», «метод», «способ», положений и методов научных дисциплин и создают предпосылки имплементации их в концепты мультипарадигмы, позволяющей реализовать идею устойчивого развития посредством их комплексного междисциплинарного синтеза.

В синергетической экономике возникает проблема разработки парадигмы максимальной самоорганизации особых, целостных эмерджентных макроэкономических образований и субъектов, выступающих объектами сложно-структурированных и многоуровневых социоэкономических взаимодействий. В настоящее время она формируется в отдельную *сетевую человекоцентричную парадигму* (см. рис. 3), в которой можно выделить ряд основополагающих направлений для дальнейшего развития методологии междисциплинарного синтеза, развернутого в научной работе «Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер» исследователей Р. Баджо и М.Ю. Шерешевой¹ и уместного для некоторого научного обобщения в рамках данной статьи:

1. *Подход в контексте экономической социологии*, родоначальником которой принято считать М. Грановеттера, соединяющий богатый арсенал социологических исследований с современными идеями и научными положениями экономической теории. В частности, М. Вебер актуализировал понятие «понимающей» социологии, в которой конституирующим признаком социального является не инстинктивное реагирование на социально-экономические изменения, а идеи, убеждения, мировоззрение человека, или субъективный смысл, который подлежит пониманию, декомпозиции на отдельные составляющие и их дальнейшему системному синтезу². *Экономическая социология* изучает всю совокупность социально-экономических процессов в формате рынков, регионов, территорий или государства не с позиций «экономического человека», эгоистичного, изолированного и чрезмерно рационального, а как «социального человека», для характеристики которого Адам Смит использовал термин «справедливый человек». Он является актором, активным участником формальных и неформальных сетей, превращающим человеческий капитал в действенный фактор формальных и неформальных сетей и на этой основе определяющим современную экономическую диалектику.

2. *Подход в контексте политологии*, не являющийся предметом изучения в данной работе, однако чрезвычайно важный, поскольку включение концепции социального капитала в экономический анализ произошло благодаря идеям политологов, в частности, Р. Патнэма, Р. Леонарди и Р. Нанетти, обогатило этнографические и качественные контексты теории сетей, позволило исследовать, как паттерны связей в социальных системах влияют на распределение различных видов ресурсов.

3. *Подход с позиций синтеза экономики и управления*, в формате которого возникает сетевое взаимодействие и сетевая парадигма устойчивого развития, берущий начало в широко известной работе А. Маршалла «Принципы экономической теории». В ней проводится идея, что устойчивые сетевые взаимодействия экономических агентов, тесно связанных между собой и осуществляющих совместную деятельность, своими последствиями имеют положительные экстерналии в формах обмена важной информацией, доступа к специализированным поставщикам ресурсов, продуктов и услуг, к квалифицированному персоналу.

4. *Управленческий подход* в контексте сегодняшнего дня отличает пристальное внимание к стратегическому планированию и управлению, стержнем которого являются *стратегии устойчивого развития*, а также *механизм управления* ими, выявления на этой основе доминантных конкурентных преимуществ, возникающих благодаря пересечению деятельности входящих в сеть объектов и позволяющих обеспечить их конкурентоспособное положение на рынке.

5. *Подход с позиций механизма регулирования и координации*, обеспечивающий согласование и осуществление стратегий, а также гибкую адаптацию, целесообразное упорядочение и системно-ситуативную синхронизацию действий, выполняемых связанными между собой агентами сети. Экономический и управленческий подходы к изучению сетей выступают как единый блок исследований, являющийся богатейшим источником симбиоза не только полезных наработок и идей, но и методов их имплементации на практике.

6. *Подход социальных сетей и институтов* как драйвера развития социального капитала, деловых взаимоотношений, позволяющих создавать модели социально-экономических систем разного уровня управления и сложности, а также включать в экономический анализ проблемы встроенности (*embeddedness*), превалирования, справедливости, сбалансированного взаимодействия субъектов в бизнес-сетях.

Выводы. Методологическими основами современной мультипарадигмы стратегического макроэкономического планирования и управления устойчивым развитием национальной экономики, в том числе на региональном уровне, созданной на пересечении ряда векторов независимых парадигм, должны быть экономическая теория, национальная экономика, макро- и микроэкономический анализ; экономическая социология, политология, право, инновационная экономика и синергетика; теория стратегического планирования и управления и комплекс стратегирования; экономико-математическое моделирование и другие.

Разработка ведущих принципов и основ мультипарадигмы стратегического планирования и управления национальной экономикой на иерархических уровнях управления ею позволит раскрыть большие возможности применения

¹ Баджо Р., Шерешева М.Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 6. Экономика. 2014. – № 2. – С. 3–21.

² Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 546 с.

на практике достижений и преимуществ концепций постиндустриальной цивилизации, регионализма, институционализма, информатизации, когнитивного ресурса и синергетического подхода.

Объединяющей наукой становится синергетика, которая позволяет синтезировать глобальные цели концепции устойчивого развития и обеспечить принципы самоорганизации сложных социоэкономических систем. Важнейшим направлением методологического и гносеологического освоения теории больших саморазвивающихся систем становится *экономическая синергетика*, в которой согласно содержанию данного исследования можно выделить формирование задач нескольких уровней сложности:

1. Изменение *типа экономического роста*, целью которого становится инновационно-ориентированное и одновременно техногенно-экологичное устойчивое развитие, а фундаментальным основанием – человекоцентричная парадигма.

2. Способность сложных синергетических систем к *самоорганизации и саморазвитию*, требующих новых методологических подходов к пониманию их сущности и их моделирования на основе новых *критериев социальности* человека и общества, новых принципов экономической рациональности во взаимосвязи с идеями *социализации и социокультурного феномена* развития, а также поиска и выбора конкретно *национальных и региональных подходов* к управлению устойчивым развитием.

3. В целом проблема приобретает масштабы формирования *метапространственной парадигмы*, реализуемой в конкретно-исторических условиях, а также синтеза методов управления социо-экономико-экологическими процессами, продиктованных необходимостью разработки *стратегии национального развития* исходя из целей устойчивого долгосрочного развития экономики.

4. С синергетических позиций, формирование универсальной концепции устойчивого динамичного развития требует учета в мультипарадигмальном подходе к ее разработке методологических основ самоорганизации сложных хозяйственных систем, которая тесно связана с проблемой активизации локальных социохозяйственных структур *на региональном и территориальном уровнях* и предоставления им полномочий по решению комплекса экономических, социальных, экологических, гуманитарных вопросов.

5. Формирование современной методологии устойчивого динамичного развития национальной экономики связано с глубинными процессами ее реструктуризации в целом, что актуализирует необходимость разработки *парадигмы стратегического планирования и управления* ими на уровне регионов.

В работе обосновано, что экономический рост и устойчивое развитие в первую очередь зависят от направленности стратегических императивов и финансирования структурно-инновационной перестройки национальной экономики. Инновационно-ориентированный сценарий, сочетающий в себе важнейшие цели социоэкономического, техногенно-экологического, социокультурного устойчивого развития, должен стать основой разработки и внедрения стратегических планов и долгосрочных макроэкономических программ государства, а его эффективная реализация предусматривает первоочередное финансирование в рамках концепции нового государственного управления (*New Public Management, NPM*) и ноосферной парадигмы развития.

В этой связи механизм стратегирования социально-экономического развития регионов, территорий и экономики, который базируется на подходе междисциплинарного синтеза, идея и некоторые наработки которого представлены в данной статье, обретает все большую актуальность и значимость, поскольку позволяет пополнить арсенал методов исследования процессов устойчивого развития и комплексного стратегического управления открытыми динамичными СЭС вкладом в него методологических принципов и инструментария совокупности научных дисциплин.

Ирхин Ю.В.

д. филос. н., академик Академии гуманитарных наук РФ, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор РАНХиГС
Irkhine@mail.ru

РАЗВИТИЕ И ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ПОСТКЕЙНСИАНСКИХ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ПАНДЕМИЧЕСКОГО И СТРУКТУРНОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: цифровая трансформация, современное государственное управление, мировой пандемический и структурный кризис.

Keywords: global pandemic and structural crisis. digital transformation, modern public governance .

1. Мировой пандемический и структурный кризис: вызовы современному государственному управлению

На состояние и развитие современного государственного управления действует ряд новых факторов, связанных с противоречиями глобализации, повышением роли национальных государств, достижениями в сфере коммуникации, изменившейся политико-экономической картиной мира и формированием новой политической и экономической «нормальности», санкционной политикой США и ЕС, актуализацией идей нового национализма и популизма, острой конкуренцией государств и/или их групп по основным проблемам экономического и технологического генезиса.

Особенно серьезным явилось воздействие на государственное управление всей совокупности процессов и последствий всемирного пандемического, экономического и, впервые в XXI веке, структурного кризиса общественного производства, проявляющихся в снижении темпов экономического развития, кризисе ряда традиционных секторов экономики, быстром развитии высокотехнологических секторов, увеличении количества бедных и снижении жизненного уровня среднего класса, усилении дифференциации доходов между различными социальными слоями, повышении роли экологии и здравоохранения, принципов гуманизма и др.

Особенностью пандемического кризиса, наряду с большим количеством заразившихся и погибших от COVID-2019, резким падением экономического производства, ростом безработицы, является актуализация необходимости глубоких структурных изменений в логике индустриальной революции 4.0.

Соответственно, возрастающую роль в изменяющемся и усложняющемся мире приобретает управление коммуникационными процессами в быстро изменяющейся социальной и политической среде, эффективное использование цифровых технологий в государственном управлении, дистанционное управление и взаимодействие. В программе «Цифровая экономика Российской Федерации», соответствующих Постановлениях Правительства РФ раскрывается взаимосвязь между быстрым развитием инновационных технологий и новыми требованиями к уровню и качеству государственного управления¹.

Принципиально важно использовать испытанные временем государственные макроэкономические и политические стратегии преодоления бедствий мировых кризисов и их последствий, особенно, кейнсианские (пост- и неокейнсианские) модели, принципы и подходы, с учетом современных условий.

Указанные обстоятельства требуют от органов государственного управления, других институтов управления, во многом пионерских, инновационных, эффективных, социально продуманных и быстрых решений. Немаловажно заметить, что именно от качества государственного управления в любой стране во многом зависит не только преодоление последствий кризиса, но и ее конкурентоспособность (в широком смысле этого понятия), и даже – будущее.

2. Неокейнсианская парадигма государственного управления в условиях мирового кризиса

В условиях кризисного развития, существующие модели государственного управления в силу объективной необходимости и учета исторического опыта преодоления всемирных экономических кризисов начинают опосредоваться неокейнсианскими подходами.

¹ См.: Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

В это сложное время большинство ученых и управленцев, в той или иной мере, как бы «становятся кейнсианцами», используют или популяризуют те или иные аспекты учения Джона Мейнарда Кейнса¹. Актуализируются, применяются подходы и его последователей (нео- и посткейнсианство)².

Почти сто лет назад Дж.М. Кейнс написал в предисловии к своему гениальному труду следующие слова: Я назвал эту (свою) книгу «Общая теория занятости, процента и денег», акцентируя внимание на определении «общая». Книга озаглавлена так для того, чтобы мои аргументы и выводы противопоставить аргументам и выводам классической теории, на которой я воспитывался и которая, как и 100 лет назад, господствует над практической и теоретической экономической мыслью правящих и академических кругов нашего поколения. Я приведу доказательства того, что постулаты классической теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить эту теорию в практической жизни³. В своих письмах Кейнс рассматривал экономику не столько как «науку о мышлении в терминах моделей», сколько как «искусство выбора соответствующих моделей» (моделей, соответствующих постоянно меняющемуся миру).

Эти слова Кейнса не потеряли своей актуальности и сегодня. Действительно, современная неолиберальная (неоклассическая) экономическая мысль гораздо лучше описывает экономические и иные процессы в условиях стабильного и успешного развития, но гораздо труднее находит рациональные ответы на острые вызовы и вопросы общества в периоды экономических кризисов.

Во время Великой депрессии 1930-х годов Кейнс стал инициатором революции в экономическом мышлении, бросив вызов идеям неоклассической экономической теории, согласно которым свободные рынки в краткосрочной и среднесрочной перспективе автоматически обеспечат полную занятость, если работники будут гибкими в своих требованиях касательно размеров заработной платы. Он утверждал, что совокупный спрос (общие расходы в экономике) определяет общий уровень экономической активности, и что неадекватный совокупный спрос может привести к длительным периодам высокой безработицы. Кейнс выступал за использование фискальной и денежно-кредитной политики для смягчения негативных последствий экономических спадов и депрессий. Он подробно изложил эти идеи в своем фундаментальном исследовании «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованном в 1936 г. В середине и конце 30-х годов западные страны приняли ключевые рекомендации Кейнса. В послевоенный период его учение также стояло в центре дискуссий и разработки макроэкономических и фискальных подходов многих государств.

Кейнс был одновременно философом, экономистом и исследователем нравов. Он не переставал задаваться вопросом о конечных целях экономической деятельности. Кейнс считал, что тяга к богатству – «любовь к деньгам», по его выражению, – оправдана лишь постольку, поскольку она позволяет «жить хорошо». А «жить хорошо» – это, по Кейнсу, не значит «жить богато», это значит «жить праведно». Для Кейнса единственным оправданием экономической активности человека является стремление к нравственному совершенствованию мира.

Кейнс неплохо знал экономику и политику СССР, который он трижды посетил (в 1925, 1928 и 1936 гг.); изучал НЭП и последующую индустриализацию страны. (Женой Кейнса была русская балерина дягилевской антрепризы Лидия Лопухова, с которой он познакомился на первых послевоенных сезонах в Лондоне в 1921 г. и женился в 1925 г. Брак, по всей видимости, был счастливым, хотя супруги не могли иметь детей по медицинским показателям у Лопуховой. Жена пережила Кейнса и умерла в 1981 г.). Кейнс был в целом успешным инвестором. В 1946 г. (год смерти Кейнса) его инвестиционный портфель оценивался в 400 тыс. фунтов стерлингов (сегодня это 11,2 млн.), а стоимость коллекции книг и предметов искусства составила 80 тыс. фунтов стерлингов (2,2 млн. ф. стерл.).

Как глава британской делегации, Кейнс участвовал в разработке международных экономических институтов, созданных после окончания Второй мировой войны (Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд), но не все его предложения были приняты. Влияние Кейнса начало ослабевать в 1970-х годах, отчасти из-за стагфляции (которую он не изучал), а также из-за критики кейнсианской политики М. Фридманом и другими монетаристами, которые оспаривали способность правительства эффективно регулировать экономический цикл с помощью мер фискальной политики.

Однако наступление мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. вызвало новый всплеск теоретического и практического интереса к учению Кейнса. Кейнсианская экономическая теория обеспечила теоретическую основу для экономической политики, предпринятой в ответ на кризис президентом США Бараком Обамой, премьер-министром Великобритании Гордоном Брауном и другими главами правительств. Память об этом, относительно недавнем кризисе, его последствиях и наступлении COVID-19 уже не вызывали сомнений в актуализации и важности учения Кейнса и его последователей.

Итак, ключевые понятия, концепты и принципы кейнсианства в макроэкономической и макрополитической парадигмах, кейнсианская аналитика в целом, включают необходимость:

¹ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Эксмо. 2007. – 960 с.

² См. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение Мастера / Пер. с англ. О. Левченко; Науч. ред. О. Замулин. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – С. 44-46.

³ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Эксмо, 2007. – С. 14.

– ведущей роли государственного, умного регулирования экономики и соответствующих сфер общества, постоянная финансовая и иная (снижение налогов, отсрочка платежей и т.д.) поддержка предпринимателей и различных общественных групп;

- строгого учета инфляции, ее снижения;
- контроля за безработицей, мер по ее уменьшению;
- ежеквартального пересмотра процентной ставки, ее удержания на низком уровне;
- учета спроса-предложения (целенаправленное формирование эффективного спроса);
- анализа и учета темпов развития/падения экономики (доходов и сбережений),
- измерения ожиданий рынка;
- анализа качества институтов, их необходимых трансформаций и др.¹

Разумеется, эти принципы и подходы используются в разной степени в различных странах, в зависимости от целого ряда факторов, включая временные.

Так, они могут быть более или менее социальными, иметь национальные особенности, различную степень использования технологий в государственном управлении, разную финансово-валютную стратегию (качество национальной валюты и количество золотовалютных запасов, уровень государственного долга) и многое другое.

Важность ключевого тезиса кейнсианской теории о необходимом и умном повышении роли государства в условиях кризисного и посткризисного развития в современных условиях отмечал известный американский исследователь Нассим Талеб. Он является автором актуальных трудов по проектированию и прогнозированию общественно-экономических процессов: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости»², «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса»³ и др.). Н. Талеб полагает, что «Мы нуждаемся в государстве, чтобы оно обеспечивало главную ценность – безопасность людей. В период пандемии государство должно брать на себя управление всеми мерами, которые позволят добиться этой цели»⁴.

Журнал Time, включивший в 1999 г. Дж. Кейнса в ряд самых важных людей XX века, отмечал, в частности, значение его радикальной идеи о том, что если правительства в определенные периоды развития будут тратить деньги, которых у них пока нет, то это может вывести общества из кризиса и даже «спасти капитализм»⁵.

Понятно, что учение Джона Кейнса не сводится только к усилению роли государства и его экстраординарной финансовой поддержке экономики и спроса в периоды кризисов. Однако, необходимость опережающей государственной финансовой политики (в разных формах) в кризисных ситуациях, очевидна. Не случайно, в экономической и политической теории и практике утвердился тезис о «вертолетных деньгах», необходимых в определенных условиях.

В подобной ситуации на первый план среди антикризисных мер выдвигаются программы поддержки доходов населения, и одной из главных становится концепция безусловного базового дохода (ББД), восходящая к идеям Т. Мора, Т. Пейна и общей логике Дж. Кейнса об эффективном спросе. Кроме того, ББД дает гражданам возможность не покидать без нужды жилище, поэтому падают и темпы распространения болезни.

В условиях пандемического кризиса многие страны пошли по пути практически автоматической выплаты определенных фиксированных сумм большинству граждан (1200 долл. в США и Гонконге, 930 в Японии, 530 евро в Испании или 200 долл. в Сингапуре, несколько сотен долл. в Пекине и соответствующие суммы в крупных городах КНР). В некоторых государствах прямая финансовая поддержка имела более целевой и социально направленный характер: например, в Российской Федерации, это дополнительное финансирование материнства и детства (до 18 лет включительно), пенсионеров 65+, выплата зарплаты или ее части временно не работавшим государственным служащим и работникам сфер бизнеса, которые не смогли перейти в силу условий труда на удаленное взаимодействие и др.

Важнейшим направлением государственной политики в России в период кризиса по отношению к бизнесу (крупному, среднему, малому, самозанятым) явились крупные, комплексные меры по их финансовой поддержке. Среди них: мероприятия по снижению налогов (страховых взносов и др.), сдвиг времени (более полугодя) для уплаты налогов, кредиты, в том числе с условием ограничения увольнений работников, финансовая поддержка предприятий области культуры, туризма и др. Были сформированы общенациональные финансовые фонды для преодоления кризиса. Большое внимание было уделено финансовой поддержке регионов: от разрешений на увеличение величины их задолженности до предоставления им как федеральных кредитов, так и усиленного финансирования на сумму более 100 млрд. рублей, а также еще более значительной суммы выделяемой в рамках реализации программ Национальных проектов. Был повышен подоходный налог с 13 до 15% с суммы, превышающей 5 млн. руб. в год. Это даст бюджету несколько десятков миллиардов рублей, которые пойдут в специальный фонд по охране здоровья тяжелобольных детей.

В России принят Общенациональный трехэтапный план восстановления экономики в 2020–2021 гг., предполагающий прирост ВВП в 2021 г. в 2,5%, а безработицу ниже 5%. Примерная стоимость финансирования дополнительных мероприятий по преодолению кризиса в России по этому плану и примыкающим мероприятиям – 5 триллионов рублей (или большая часть ФНБ).

¹ См. Загадки кейнсианства. Джон Мейнард Кейнс // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. Т. 4. Век глобальных трансформаций / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. – М.: Мысль, 2004. – С. 129–158.

² См. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд. доп. – М.: КоЛибри, 2020. – 180 с.

³ См. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, 2020. – 583 с.

⁴ Талеб Н.Н. Антихрупкость, с. 127.

⁵ Carter Z.D. The Price of Peace. Money, Democracy and the life of John Maynard Keynes. – N.Y.: Random House Publishing Group, 2020. – P. 15.

Соответствующие фонды по поддержке бизнеса и общества сформированы в США (2 трлн. долл.), ЕС (5 трлн. евро) и т.д.

В России проводится взвешенная макроэкономическая (финансовая) политика. Обеспечены низкая учетная ставка и инфляция; государственный долг не превышает 20%, золотовалютные запасы составляют более 580 млрд. долл.

В условиях пандемического кризиса в меньшей степени, по сравнению с кризисными условиями 2008–2009 гг., используется политика национализации ключевых корпораций и банков. Однако и она имеет место. Например, государство ФРГ приобрело контрольный пакет акций «Люфтганзы».

Особую роль во время пандемического кризиса стали играть информационные корпорации, технологии «цифрового правительства», дистанционная работа и т.п. Достаточно сказать, что кризис гораздо слабее затронул информационные производства, ТНК, предприятия и учебные заведения, эффективно использующие цифровые платформы. С 2005 г. численность людей работающих удаленно, в мире выросла на 140%, а в 2020 г. – десятикратно и продолжает увеличиваться быстрыми темпами. Численность российских граждан, использующих дистанционную форму работы, выросла в сотни раз и составила к концу 2020 г. более 26 млн. человек. Повсеместно (на период кризиса) на дистанционное обучение перешли вузы и школы (старшие классы). Очень важно, что правительство России резко снизило налоги на все высокотехнологические предприятия.

Технологии «цифрового государства» позволяют быстро и повсеместно решать многие вопросы, особенно там, где уже существовали определенные материальные, организационные и кадровые предпосылки. Например, в России почти 96% родителей (10,5 млн. заявлений на 15 млн. детей) обратились за финансовой помощью в поддержку детей до 18 лет включительно, именно через портал государственных услуг и получили ее в течение трех дней; двум миллионам пенсионеров г. Москвы Пенсионный фонд РФ автоматически перечислил на их счета буквально в течение одного дня дополнительное финансирование в условиях их добровольной самоизоляции, большинство врачей, работающих непосредственно с больными коронавирусом, оперативно получили надбавки, но полностью вопрос был решен через 10 дней, после доработки нормативных (нецифровых!) документов и т.д.

Кризис, в частности, показал, что любой гражданин страны может оперативно пользоваться всем объемом своих прав (особенно, социально-экономических) только будучи зарегистрированным в электронной системе государственных услуг (или подобных службах) и хотя бы минимально владея цифровыми компетенциями.

В управлении желательно учитывать современные тренды:

- все большая ориентация на цифровое дистанционное взаимодействие, работу, обучение, услуги и т.д.;
- стандартизация потребления и потребность решать задачи в одном окне;
- рост повышения доверия к бизнесу;
- принятие пассивного контроля над данными граждан, для повышения уровня жизни;
- пересмотр ценностно-смысловых ориентаций в сторону локализации и глокализации, патернализма, аутентичной культуры;
- эвристика и мышление по шагам, правильным шаблонам, быстрым рецептам и др.

С точки зрения трансформации государственной службы должен развиваться «цифровой менталитет»: принятие цифровой реальности, умение в ней эффективно работать, продвинутое цифровые навыки и современное персональное развитие управленцев; возникнет единая цифровая платформа взаимодействия для государственных служащих, бизнеса и граждан; актуализируется предиктивный анализ и станет широко использоваться искусственный интеллект,кратно сократятся (станут автоматическими) рутинные операции и др.¹

Реализовать цифровую трансформацию государства достаточно сложно. Желательно организовать плановый процесс перехода от сложившихся методов управления к перспективным. Его необходимо координировать и поддерживать на самом высоком уровне². У всех участников проекта «государство как цифровая платформа» должна быть выстроена система выработки необходимых компетенций. Проблема эффективности управленческих кадров неразрывно связана с формированием современных управленческих компетенций, умением работать в «платформенно-цифровых» технологиях и др.³

3. Управленческий потенциал информационных глобальных корпораций в период пандемического кризиса

Сегодня в государственно-управленческих и бизнес-структурах цифровые платформы стали привычными коммуникативными структурами для проведения видеоконференций. С декабря 2019 г. по середину 2020 г. число пользователей Zoom выросло в 20 раз (с 10 до 200 млн. в день!). Кроме того, управление и обучение все чаще дополняются технологиями виртуальной реальности (VR-технологии – для обучения персонала и тренингов). В мире бизнеса существует уже 35 типов цифровых платформ, которые позволяют работать с командой в виртуальной реальности и каж-

¹ Ирхин Ю.В. Эффекты использования цифровых технологий в модернизации государственного управления в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – Вып. 15, ч. 1. – С. 111–115.

² См.: Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М., 2018. – С. 56–60.

³ Ирхин Ю.В. Лидеры России: новые кадры для решения новых задач // Вопросы политологии. – М., 2019. – Вып. 4, т. 9. – С. 640.

дая решает свой тип задач: переговоры, воркшопы, конференции, нетворкинг, тимбилдинги, взаимодействие с 3D объектами и др.

Лауреат Нобелевской премии Жан Тироль, выступая на Московском международном экономическом форуме, проведенном под эгидой руководства Академии наук РФ и Вольного экономического общества России в 2019 г., отметил, что «Очень скоро большие данные и искусственный интеллект в корне преобразят нашу систему образования, здравоохранения, занятости, характер финансового посредничества, потребительские товары и услуги, политическую жизнь и многое другое. Все эти изменения могут оказаться к лучшему, а могут – и к худшему»¹.

Особым направлением развития информационной экономики и управления выступает так называемый «капитализм платформ», его принципы, роль информационных, глобальных мегакорпораций. Платформенные информационные компании привлекли огромные объемы инвестиций, позволив на время решить проблему вложения избыточно-го капитала и поддержки финансового рынка, возникшую после кризиса 2008–2009 гг.

Платформы – это цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать. Они позиционируют себя как посредники, соединяющие между собой различных пользователей: покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и др.² Выделяются несколько основных типов платформенных компаний: рекламные (Google, Facebook), облачные (Amazon, Salesforce), индустриальные (Predix, MindSphere), продуктовые (Spotify, Pandora), бережливые (Uber, Airbnb, TaskRabbit) и др.³

Самые большие возможности по сбору данных – у мировых корпораций, которые владеют сразу несколькими сервисами. У того же Facebook сейчас – более 2,5 млрд. активных пользователей. При этом компания владеет и другими сервисами: Instagram – более 1 млрд., WhatsApp – более 2 млрд. и другие. Но еще большим влиянием обладает Google: почтой Gmail пользуется 1,5 млрд. человек в мире, еще 2,5 млрд. – мобильной ОС Android, больше 2 млрд. – YouTube. И это не считая приложений Google-поиска и Google Maps, магазина Google Play и браузера Chrome. Через персональный онлайн-банк Google сможет знать о его владельце буквально все. Кстати, Яндекс в этом плане тоже достаточно эффективен, но он охватывает пока только русскоязычную аудиторию.

Понятно, что с помощью больших данных компании, в первую очередь, хотят таргетировать рекламу. То есть предлагать продукты, услуги или отдельные опции только нужной аудитории и даже настраивать продукт под конкретного пользователя. К тому же реклама в том же Facebook и на других крупных площадках становится все дороже, и показывать ее всем подряд совсем не выгодно. Данные о потенциальных клиентах из открытых источников активно используют страховые компании, частные клиники и работодатели. Первые, к примеру, могут изменить условия страховки, если увидят, что вы часто ищете информацию по определенным заболеваниям или лекарствам, а работодатели – оценить, не склонны ли вы к конфликтам и асоциальному поведению.

Одним из основных источников дохода для большинства компаний платформенного типа является монетизация данных. Для сбора данных применяются продукты и сервисы, предоставляемые пользователям бесплатно (социальные сети, поисковые системы, различные приложения). После сбора и обработки данные используются для привлечения рекламы непосредственно на платформы (Google, Facebook) или продаются другим компаниям. На рынок поступают все новые продукты, способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов («умные часы», медицинские гаджеты, «умные колонки» и т.д.). Системы гражданского контроля над данными технологиями не существует, поэтому сбор данных различными способами осуществляется без согласия и должного информирования пользователей. Эту новую модель извлечения прибыли иногда называют «капитализм наблюдения».

Понятно, что банки, имеющие соответствующее оборудование, собирают максимальное количество данных, от которых во многом зависит ответ банков на просьбы клиентов о кредитах и т.п., причем ответ обычно выдается практически автоматически.

Государства используют колоссальные базы данных как для разработки соответствующей экономической и социальной политики, обеспечения соответствующих услуг посредством цифрового правительства, так и для оценки возможного политического поведения многих граждан.

Широкое использование цифровых платформ становится важнейшим технологическим фактором коммерческого, да и политического успеха. Сегодня крупнейшие по капитализации корпораций составляют преимущественно цифровые компании (Amazon, Apple, Alphabet (структура Google), Facebook, Microsoft и др.). Это результат способности концентрировать доступ к информации о глобальных Интернет-аудиториях и сетях пользователей, умения ее эффективно использовать (см. табл. 1. – выделены первые пять крупнейших мега-корпораций)⁴.

В Российской Федерации также повышается роль и капитализация информационных платформенных корпораций: Сбер, Mail.ru, Мегафон и др.

В глубоком переосмыслении нуждается антимонопольная политика в информационной сфере. Цифровые гиганты становятся монополистами по предоставлению доступа к информации, что будет искажать функционирование рынка, вести к известным монополистическим злоупотреблениям. Только за 2019–2020 гг. были возбуждены правовые (штрафные) иски почти против всех ведущих цифровых кампаний США по обвинениям как в монополизации

¹ Тироль Ж. Наше цифровое будущее // Труды Вольного экономического общества России. – М.: Вольное экономическое общество России, 2019. – Т. 218. – С. 113.

² См.: Томин Л.В. Отношения государства и корпораций в эпоху «капитализма платформ» // ПОЛИТЭК. 2019. – Т. 15. № 4. – С. 483–493.

³ См.: Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – С. 48–50.

⁴ Тироль Ж. Наше цифровое будущее // Труды Вольного экономического общества России. – М.: Вольное экономическое общество России, 2019. – Т. 218. – С. 110.

рынков, так и в контроле над информацией. В этих условиях повышается роль государственного и общественного управления и/или контроля в указанной сфере.

Таблица 1

Сравнительная капитализация глобальных цифровых корпораций

Корпорация № п/п с 1 по 10	Объем в млрд. долл.	Страна	Корпорация № п/п с 11 по 20	Объем в млрд. долл.	Страна
1. Apple	924	США	11. Booking Holdings	101	США
2. Amazon	783	США	12. Salesforce.com	94	США
3. Microsoft	753	США	13. Baidu	84	КНР
4. Google (Alphabet)	739	США	14. Xiaomi	75	КНР
5. Facebook	538	США	15. Uber	73	США
6. Alibaba	509	КНР	16. Didi Chuxing	56	КНР
7. Tencent	483	КНР	17. JD.com	52	КНР
8. Netflix	152	США	18. Airbnb	31	США
9. Ant Financial	152	КНР	19. Meituan-Dianping	30	КНР
10. eBay + PayPal	133	США	20. Toutiao	29	КНР

Формирование «информационных платформ» оказало существенное и позитивное влияние на планы развития и социодинамику крупных городов. Так, например, власти ряда городов эффективно используют «умные» технологии. В частности, используются двойники. Так, в Сингапуре цифровой двойник города запустили 1 января 2019 г. В «цифру» сначала перевели данные кадастрового учета, затем данные об инфраструктуре: водоснабжении, транспорте, телекоммуникациях, утилизации отходов и т.д. Компании, обращаясь в муниципалитет с различными инициативами, вначале апробируют их на цифровом двойнике. Например, если компания хочет открыть в Сингапуре супермаркет (молл), то она должна предоставить городским властям цифровой двойник своего проекта. Власти проверяют ее проект, совместив его с цифровым двойником города. Так власти смоделируют, как отразится пиковый приток посетителей этого супермаркета, скажем, в 25 тыс. человек, на городском трафике, не приведет ли такой поток посетителей к пробкам и др. Моделируются и чрезвычайные ситуации: смогут ли люди выбраться из такого супермаркета, если случится какая-то беда. Чем больше элементов, из которых состоит город, переводится в цифровую форму, тем больше возможностей дает модель для планирования его развития и мониторинга повседневных ситуаций. Важно, что цифровой двойник можно создавать постепенно – нет необходимости все сразу переводить в цифровую форму. В 2019 г. рынок цифровых двойников достиг \$3,8 млрд. долл., а к 2025 г., он увеличится до \$36 млрд. долл.

В целом, алгоритмизация процесса принятия решений в различных сферах подчас создает ситуацию непрозрачности и неподконтрольности действий государственных или рыночных акторов для гражданина, поскольку «алгоритмические системы – это и есть пресловутые «черные ящики», которые не всегда раскрывают то, как они их произвели. Эта непрозрачность мешает нам понять, действуют ли алгоритмы, которые с нами работают, в соответствии с нашими ценностями. Это требует совершенствования правовых основ деятельности цифровых платформ.

Пандемический кризис, создав огромное количество проблем (падение производства, увеличение безработицы и др.) и унеся сотни тысяч жизней, явился, в то же время, стал катализатором структурных реформ. Существуют мировой мегатренд и сдвиг к цифровому сообществу. Это видно на примерах информационных корпораций, цифровых платформ и технологий, массового перехода к удаленной работе, дистанционному обучению, удаленным медицинским консультациям и т.д. Есть много областей, где мы вынуждены переходить в цифровой мир из-за эпидемии. И когда она закончится, государство и компании продолжат пользоваться всеми этими инструментами, поскольку они эффективнее, удобнее, иногда – дешевле.

Сейчас, со всей очевидностью, зарождаются элементы новой постреальности, связанные с принципиально новыми цифровыми технологиями и их противоречивым воздействием на общество. Роль государственного управления в этих условиях состоит в том, чтобы учитывая наметившиеся тенденции структурных технологических и иных преобразований, умно направлять и контролировать их совместно со всеми акторами общественного развития, в целях как ускорения экономического роста, так и повышения благосостояния всех граждан и их безопасности.

Казеннов С.Ю.

к.э.н., в.н.с. ИМЭМО РАН

Кумачев В.Н.

с.н.с. ИМЭМО РАН

Васильева Л.С.

н.с. ИМЭМО РАН

УКРАИНСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА «НЕ РАЗГЛЯДЕЛА» КОРОНАКРИЗИС

Ключевые слова: турбулентность, милитаризация, курс на конфронтацию, позиция Запада, ограничители, Крым, Донбасс, фактор России, несостоявшиеся выгоды и потери, ошибочность стратегии.

Прежде всего, коронакризис (КК) – это обобщенное обозначение нынешнего этапа глобального системного кризиса, в котором COVID-19 – знаковое проявление данного кризиса, спусковой крючок, катализатор происходящих сегодня процессов, в том числе дестабилизирующих, разрушительных, а также необдуманных, недальновидных решений и поступков. Политика в условиях коронакризиса требует особой тщательности, выверенности, поскольку время КК отличается турбулентностью, неопределенностью, изменчивостью. И кто-то может опрометчиво расценить данную ситуацию как удобный момент для «ловли в мутной воде» («КК все спишет»), сведения внешнеполитических счетов, удовлетворения геополитических и иных амбиций, осуществления реваншистских намерений и т.д. И даже для отвлечения особой активностью на внешнеполитическом ринге внимания собственного населения от все более сложных в условиях КК внутренних социально-экономических проблем. При этом делается предположение, что сегодня каждый занят решением своих проблем, и некие вольности просто не заметят (или сделают вид, что «не заметили»). А то и, наоборот, избирается действие по принципу «главное – ввязаться в бой», полагая, что кто-то из партнеров и союзников, более сильных и стоящих обычно за спиной, с легкостью поддержат любые шаги, в том числе авантюрные, если они направлены на противодействие «общему противнику». То есть оценит инициативу младшего партнера по достоинству, усилит всякого рода подпитку, а то и сам примет непосредственное участие.

Подчеркнем, такая логика не лишена оснований, где-то она срабатывает, не будем уточнять, где. Но если не все факторы верно учтены, оценены, в том числе и в плане возможного отпора подобной активности, то все это может оказаться самой большой стратегической ошибкой, со всеми вытекающими, самыми негативными последствиями. Мы полагаем, что это как раз сценарий для современной Украины и ее руководства с учетом нынешнего вектора политики Киева. Это напрямую относится к летне-осеннему (2020 г.) ралли Украины в оборонной и военно-политической сфере, на первый взгляд, достаточно впечатляющему.

Напомним, был проведен ряд двусторонних и многосторонних совместных учений разного вида, уровня, состава с участием вооруженных сил Украины (ВСУ) и представителей до 15 стран, большинство из которых – члены НАТО. Это, например, регулярные учения «Си Бриз», «Объединенные усилия – 2020», некоторые другие. Осуществлены совместное десантирование подразделений ВСУ и британских сил особого назначения, на шумевшие пролеты стратегических бомбардировщиков Б-52 с авиабазы с Британских островов до Азовского моря в сопровождении украинских истребителей с имитацией выхода на пуск крылатых ракет по целям на территории РФ и т.д. Силами НАТО опробован и освоен ряд полигонов и баз на Украине. Инструкторы из США, Канады, Великобритании участвуют в подготовке персонала ВСУ (на территории Украины в качестве инструкторов или боевиков присутствуют представители 35 стран). В этот же период Украиной были заключены соглашения в области обороны и безопасности, военнотехнического сотрудничества (ВТС) с теми же партнерами, например, на их участие в создании баз ВМС Украины на Черном и Азовском морях, другой инфраструктуры. Это включает также поставки вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), в частности, больших ракетных катеров из Великобритании на сумму 1,6 млрд. долл. и т.д.

Подтверждена «Люблинская уния» (Польша-Литва-Украина), предусматривающая создание объединенного контингента ВС, появилась так называемая Крымская платформа с участием западных партнеров, а также всякого рода Общества друзей Украины. В. Зеленский нанес несколько «удачных» визитов в западные столицы для демонстрации поддержки своей политики в области обороны, заточенной против России. Однако, как будет видно из изложенного ниже, для обороны и безопасности самой Украины это создает скорее новые проблемы, но отнюдь не дополнительные реальные гарантии. Тем более, если речь идет о реализации каких-либо реваншистских замыслов в режиме блицкрига в отношении Крыма и Донбасса, а также о поддержке интеграционных планов Украины, ее более тесного взаимодействия с мировой экономикой, получения финансовой помощи со стороны Запада.

Еще один аспект такой политики – стремление купировать негативную ситуацию на внутриукраинском фронте, поиск дополнительной опоры для киевских властей, завоевание популярности у определенной части украинского общества. И дело не только в ухудшении эпидемической ситуации, хотя на начало ноября 2020 г. число заболевших COVID-19 на Украине превысило 670 тыс. чел. Положение в экономике очень сложное, несмотря на определенную

адаптацию населения к последствиям революционной вакханалии. Украина стоит на пороге активации очень чувствительного Закона о продаже земли. Иллюзорные ожидания от прихода к власти команды В. Зеленского испарились, причем по всем направлениям – крымскому вопросу, миру (или победе) на Донбассе, ожиданиям в экономике, обеспечению законности и порядка, «справедливости». Различные политические группы угрожают киевским властям новым Майданом. Одно из проявлений и последствий КК – глубочайшая психолого-поведенческая травма общества, помноженная на повседневные трудности, что ведет к росту погромных настроений, усилению нестабильности. Отсюда во многом и стремление переключить внимание общества на внешнюю и оборонную политику, демонстрация «успехов» хотя бы на этом поприще, проведение провоцирующих маневров у границ РФ, ура-патриотическая риторика, опасения показаться недостаточно сильными и решительными. И здесь же – новые призывы к миру, «штрафы» за несанкционированные обстрелы Донбасса, приказ демонтировать созданную ВСУ, вопреки договоренности с Донбассом, некую передовую инфраструктуру в нейтральной зоне. Впрочем, тут же – переход к угрозам, отказ от выполнения Минских соглашений, стремление их переписать, трактовать в свою пользу и прочие метания, новые обстрелы. И все это происходило на фоне подготовки к местным выборам (25 октября 2020 г.), достаточно важным на Украине, которые можно считать своего рода лакмусовой бумагой доверия лично В. Зеленскому и его партийной коалиции.

Теперь по поводу «массированных инвестиций» в украинскую экономику, гарантии на которые В. Зеленский якобы получил в ходе своего осеннего сближения с Западом, в качестве «взноса» последнего в общую безопасность. Инвесторы наверняка серьезно подумают, прежде чем вкладывать средства в страну, известную своей коррупцией, безобразным управлением, непредсказуемой, с перевозбужденным населением, а в свете последних установок все больше превращаемую в прифронтовое государство. Если Запад и раскошелится, то только на обеспечение минимальной стабильности, на выживание режима (меняющихся режимов), но не более того, там умеют считать деньги. Украине было прямо заявлено, что Запад для нее – это не бесплатный банкомат. Что касается неких предвыборных заверений для Украины со стороны США, то выборы там уже прошли. Лишних денег для Украины нет и у США, тем более в условиях КК и повышенных социальных обязательств со стороны Белого дома, кто бы в нем в итоге не оказался. При «осторожных» демократах если что и изменится серьезно в отношении Украины, то это риторика, но не суть политики. Призывы прибалтийских стран создать для Украины новый «План Маршалла» по тем же причинам не возымеют действия, тем более, если они обращены к Европе, уже порядком уставшей от Украины с ее перманентной революцией.

Более того, Запад очень мешает Украине реализовать остатки своего технико-технологического потенциала на международной арене. Так, Киев до недавнего времени рассчитывал получить значительные дивиденды от расширения связей с Пекином, в том числе в сфере ВТС, в инфраструктурных проектах. Однако Запад, прежде всего США, по сути наложили вето на подобное партнерство, особенно в технологической сфере, в частности, для таких структур, как Южмаш, Мотор-сич, Антонов и других. Опыт же сотрудничества украинского ВПК с самим Западом пока был малоуспешным, например, по военно-транспортному самолету А-400. Когда Запад получил из Украины интересные его еще советские технологии, на этом «партнерство» практически прекратилось. Напомним, что до начала «оранжевых всполохов» на Украине треть внешнеэкономических связей Киева и такая же доля ВТС Украины приходилась на технико-экономически совместимую Россию. В целом же по сравнению даже с началом этого десятилетия экспорт ВВСТ Украины сократился более чем в два раза, хотя ряд украинских технологий, в том числе чувствительных, распространяется по серым схемам.

Так что, проводя нынешнюю политику военно-политического придатка Запада, Украина не получает ожидаемых выгод для собственной экономики и граждан. В Киеве не хотят признать, что эта политика сокращает для Украины возможности не только геополитического, но и экономического маневра, причем и в отношениях с самим Западом. Пока шло соперничество за влияние на Украину, последняя собирала дань такого соперничества и с Запада, и с России, торговала своей лояльностью, многовекторностью. Причем экономическая подпитка от восточного соседа была очень значительной – за все постсоветское время она составляла, в разных формах, десятки млрд. долл. (есть и еще более внушительные оценки такой подпитки). Россия фактически оплачивала дрейф Украины на Запад. Сегодня этот источник для Украины практически иссяк, а Запад, решив что Украина у него «в кармане», не спешит осуществлять необязательные траты. Поэтому несостоятельны надежды Киева на то, что в плане экономической поддержки Украина станет «новой Польшей», в которую Запад за 30 лет, по разным каналам и в разной форме, действительно вложил очень значительные средства, эквивалентные сотням млрд. долл. Во-первых, чтобы окончательно ликвидировать даже память о бывлой российской зависимости, превратить Польшу в передовой рубеж борьбы с Россией. Во-вторых, чтобы сделать ее своего рода «примером для подражания», лицом Запада в борьбе за влияние на постсоветском пространстве. Если Украина и претендовала ранее на эту роль (вспомним хотя бы организацию ГУУАМ), то сегодня Киев явно выбрал неверное время, чтобы повторить этот «польский путь», даже в режиме «экономкласса». Скандальная попытка «поучаствовать» в событиях в Белоруссии подтвердила реальные возможности Киева в данном качестве.

Сегодня стало модным обвинять Россию за «неумелую» политику на постсоветском пространстве, в частности, на украинском направлении. Правда, критики не предлагают, даже в ретроспективе, взамен ничего реалистичного. И все же согласимся, модель «либерал-империализма», «смотрящего» от Запада за распадом СССР не сработала и не могла сработать. Россия не стала для бывших «братских республик» моделью нового развития ни в экономическом, ни в цивилизационном отношении, не стала и ядром реинтеграции. А использование тезиса об «общем великом прошлом» воспринимается очень по-разному. Запад же весьма прагматично использовал тезис З. Бжезинского, согласно которому без Украины масштабные и эффективные реинтеграционные процессы на постсоветском пространстве будут очень затруднены, и сделал все для претворения этих «заветов» в жизнь. Подчеркнем, что России крайне необхо-

дима работающая, привлекательная комплексная идеология развития для ее практического применения не только на постсоветском пространстве, но и для успешного существования в полицентричном мире будущего.

Остановимся на взаимодействии в оборонной сфере Украины и Турции. В ходе визита В. Зеленского в Турцию (октябрь 2020 г.) достигнуты или подтверждены договоренности о ВТС в области совместного производства БПЛА, авиатехники, некоторых видов и продуктов ВМТ, в том числе корабельных двигателей, по ряду других позиций и технологий. Выделим военно-политическую составляющую, в первую очередь по сотрудничеству в зоне Северного Причерноморья. Турция активно курирует ареал компактного «крымско-татарского» расселения на Херсонщине, где, как считается, имеются тренировочные лагеря с турецкими инструкторами для местных активистов. В турецких СМИ, в аналитических кругах регулярно пробрасывается идея о неизбежности вхождения Крыма в зону политического и административного контроля Анкары, заметим, отнюдь не Киева. Возросшая активность Турции вокруг Крыма – это, скорее всего, даже не «разделение труда» в рамках НАТО, а игра именно в собственно турецких интересах как нового-старого регионального гегемона.

Есть ли у России весомые меры против подобного развития событий? Их достаточно, взять хотя бы возможное возобновление активного взаимодействия с определенными курдскими силами, анализ узких мест турецкой геополитики по другим азимутам, по экономическим вопросам. Современный мир таков, что в нем подчас причудливо пересекаются, соседствуют партнерство по одним аспектам и противоборство, причем жесткое, по другим. Что касается Москвы, то В. Путин с полным на то основанием заявил, что проблемы принадлежности Крыма для РФ не существует, и что у России достаточно средств для надежной его защиты от любых посягательств. И наконец, не будем сбрасывать со счетов и отношение украинского общества к возможному усилению турецкой экспансии. Для многих это окажется не меньшим, а то и большим вызовом, чем «москальский», вспомним хотя бы картину «Письмо турецкому султану».

При всей бурной «оборонной» деятельности последнего времени и напористой риторике Киев должен отдавать себе отчет, что не будет в состоянии реинтегрировать в состав украинского государства не только Крым, но и Донбасс, тем более сделать это военно-силовым путем. Ни страны НАТО, ни Турция, ни кто-нибудь другой не пойдут с Киевом в одних рядах, а то и в первых шеренгах, на штурм Перекопа или Дебальцево. Хотя бы и с учетом того, что в этом случае неизбежно полномасштабное вовлечение РФ в конфликт, при его абсолютной вероятности горизонтальной и вертикальной эскалации «до очень больших высот». Да и в Киеве никто из вменяемых политиков не захочет так рисковать, даже с учетом склонности к авантурным шагам на фоне КК и смены караула в Белом доме США. Более того, даже если кто-то в Киеве, под влиянием радикалов, для обеспечения их политической поддержки, и станет отдавать подобные приказы, то западные «старшие товарищи», скорее всего, их сами и остановят. Вялотекущие действия, беспокоящие обстрелы Донбасса, перемежаемые временными перемириями, будут продолжаться. Но энтузиазм «добровольцев» (их активная общая численность несколько тысяч человек), даже финансово подпитываемых кураторами, все же постепенно должен выдыхаться. Часть из этих «пассионарных борцов», опасных для самой киевской власти, уже утилизирована на Донбассе в ходе боестолкновений или разделила судьбу небезызвестного «Сашко с автоматом». Многие из них, утратив прежние иллюзии и идеалы, осознав бесполезность военным путем реинтегрировать Донбасс, уже вполне влились в «мирную жизнь» в тылу, обросли экономическими интересами, создали политические партии и группировки, используются в качестве охранно-штурмовых сил поддержки для решения каких-либо экономических и иных вопросов. Но в целом находятся под контролем кураторов во властных, олигархических и других структурах, используются для провокаций на Донбассе по заданиям того же Киева.

Военный бюджет Украины, по разным оценкам, от 3 до 7 млрд. долл., в пересчете с гривны с ее изменчивым курсом, с поправкой на паритет покупательной способности, внешнюю подпитку и прочие факторы. Заметим, что за зарубежную военную помощь, в денежном или натуральном виде, еще придется расплачиваться из казны или иным способом, например, в режиме «прокси-действий». ВСУ имеют общую численность около 250 тыс. чел., 1/6 этого контингента дислоцирована в зоне, прилегающей к Донбассу (общая протяженность извилистой линии соприкосновения – 430 км). ВСУ, безусловно, переоснащаются, совершенствуются, мотивируются, но не настолько, чтобы осознать себя способными на какую-либо серьезную антироссийскую или даже антидонбасскую авантюру по модели операций в Сербской Краине. Так, значительная часть украинской (бывшей советской) авиации не имеет достаточных комплектов и запчастей, поставлявшихся ранее Россией. Хотя для поднятия боевого духа о возможности подобного блицкрига, на фоне «вдохновляющих» событий в Нагорном Карабахе, при всей непохожести данного конфликта постоянно говорится. Поставки в ВСУ ВВСТ собственного производства постепенно налаживаются, но они весьма ограничены (на сумму 0,8-0,9 млрд. долл. в год). Поставки из-за границы, в том числе вооружений б/у, осуществляются в первую очередь для демонстрации поддержки и оснащения сил, которые могут быть задействованы в качестве вспомогательных в интересах НАТО.

Для Запада главная цель партнерства с Украиной – военно-силовое огораживание РФ, осуществление на нее комплексного геополитического давления, недопущение каких-либо реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, в том числе в отношении Украины. А сама Украина используется в качестве инструмента реализации данных задач для получения дополнительных рычагов в отношениях с РФ. Попутно решается вопрос консолидации западных оборонных и военно-политических структур в условиях глобальной нестабильности, для чего требуется и консолидация статуса общей главной угрозы, на которую назначена Россия после возможного ослабления противостояния США и Китая. При этом, как уже говорилось, вряд ли кто-то на Западе вздумает напрямую воевать с Россией за тот же Крым, ввязываться в жесткую военно-силовую конфронтацию на центральном (европейском) рубеже. Сегодня противостояния, как правило, носят гибридный характер, причем в режиме «прокси-войн», конфликтов малой интенсивности, с максимальным задействованием «мягкой силы», «цветных», киберинформационных средств. При

этом имея задачу нанесения ущерба самим себе, не провоцируя РФ на нелимитированные ответные действия, причем с применением соответствующих сил и средств не только по территории Украины, но и по инфраструктуре, критически важным для обороны объектам на территории самих стран НАТО.

Исповедуя подобный подход, как считается, с использованием фактора Украины можно попытаться на десятилетия вперед сковать определенную часть военного потенциала России на украинском направлении, ослабить внимание Москвы к другим регионам и зонам, чувствительным для Запада, поставить шлагбаум на путях взаимодействия России и Европы. Среди регионов, где Россия выступает как все более жесткий конкурент и оппонент Запада, – Арктика, Восточное Средиземноморье, Северная Африка. Особое беспокойство Запада вызывает возвращение России в Индо-Тихоокеанский регион, новое закрепление в арабском мире. Активность Украины и ее спецслужб на белорусском направлении заставила Москву осуществить упреждающие действия и тем самым притушить этот очаг нестабильности. Кстати, мы считаем, что совсем не случайно наряду с всплеском ярко выраженной военно-силовой активности Украины произошло воспламенение конфликтов разного вида по периметру России, в ее геополитическом предполье.

Теперь несколько слов о попытках Киева сыграть на Будапештском меморандуме. Со времени его подписания мир имеет дело по сути с совсем другой Украиной с точки зрения международного права, отнюдь не преемницей ранее существовавших соглашений и достигнутых договоренностей. Более того, если в Киеве не поймут, что практически единственным путем сохранения Украины в ее нынешних границах является ее федерализация (не только по национально-этническим, но и по экономическим, идеологическим причинам), то процесс распада Незалежной, заданный 2013–2014 гг., будет только продолжаться и усиливаться. Что касается шантажа не только и не столько России, но и Запада по поводу обладания ядерным оружием, его создания, тем более кооперации с другими странами, например, с Турцией, то никому из нынешних спонсоров Киева это не понравится. Неизбежна вереница майданов, инспирируемых отнюдь не Москвой, с приведением к власти более вменяемых политиков. Так что Киеву не следует «заманиваться на святое», тем более в условиях КК с его необузданными нравами и амбициями.

Что же получила сама Украина в результате этого «выброса» оборонного сознания В. Зеленского, кроме статуса передового рубежа Запада в противостоянии России, плацдарма для размещения сил и средств НАТО, кроме возможности стать полем очень серьезного испепеляющего боя? В целом, по нашему мнению, осуществляя масштабные геополитические представления в условиях КК, Киев произвел даже не холостой выстрел, а выстрел себе в ногу, при всей пропагандистско-информационной внушительности происходящего. Для внутренней аудитории, по крайней мере для ее значительной части, это скорее не успех, а повод для повышенного беспокойства за собственную безопасность, в том числе экономическую. Ведь массированные усилия в военном строительстве предполагают отнюдь не только спонсорские вложения, но и серьезное финансирование «пушек» за счет «масла». А эти настроения в обществе создают дополнительные проблемы и для Украины, и для нынешней киевской власти. Как известно, украинский электорат не придал значения «патриотическим усилиям» нынешней власти. Для объединения украинской нации происходящее скорее минус, чем плюс. Военно-политическое взаимодействие с Западом никак не сказывается пока, особенно в эпоху коронакризиса, на экономической интеграции (нет достаточных общих интересов), а следовательно, и на ожиданиях украинской экономики. Даже призывы В. Зеленского к Западу усилить санкции против России «по просьбе Украины» не возымели должного действия. В итоге у Киева «доходов» от происходящего оказывается меньше, чем «расходов», при очевидном понижении уровня безопасности. Тем более, если в Киеве расценят упрочение «доверительных отношений» с Западом в качестве карт-бланша для попыток силового «освобождения» Донбасса и Крыма.

Как последние демонстрации Киевом бурной активности в оборонной и военно-политической сфере, а также итоги президентских выборов в США, способны повлиять на отношения Украины и России и ситуацию на Донбассе? На наш взгляд, на Украине еще очень сильны ультранационалистические, прозападно-бандеровские настроения, это нужно учитывать. Но все же антироссийская доминанта как главный мотор построения национального государства начинает давать сбой – кончается завод. Народ все больше устает от майданной движухи, мешающей нормальной жизни и работе. Тезис Л. Кучмы (он же – название его известной книги) «Украина не Россия» оказался скорее звонким, чем верным: а что такое Украина без России? Отсюда – отмечаемый сегодня кризис украинской идентичности, необходимость реформирования украинской национальной идеи, возможно, на новых принципах (принцип «Европа и кружевные трусики» не работает).

Однако вместо этого Киев выбирает оборонно-мобилизационный курс с ужесточением внутренней цензуры, блокированием информационных потоков и Интернета, принятием радикальных, по сути «антидонбассовских» законов, в том числе включающих пункты об интернировании, приступает к новому раунду психологического давления, угроз и обстрелов Донбасса и прочее. Делается все для извращения Минских соглашений, невозможности их реализации. Все это резко понижает возможность достижения примирительных решений по Донбассу. Россия, со своей стороны, не позволит «заморозить» этот конфликт в его нынешнем состоянии: шесть лет вполне достаточно, чтобы отделить возможное от невозможного, безвозвратного. И понять безальтернативность процесса интеграции ДНР и ЛНР, экономической и политической, в направлении России, при обеспечении последней для них надежного зонтика безопасности, в том числе в военно-силовом отношении. Иной позиции «не поймут» уже в России. Более того, если какая-либо российская власть, например, после 2024 г., попытается «разменять» Донбасс на некие геополитические фантомы (обещание «снять санкции» в перспективе, признать временный статус Крыма в составе РФ и т.д.), это обернется для Кремля большими проблемами с российским обществом. Донбасс – это не Венесуэла и даже не Сирия, его «сдача» будет воспринята как серьезнейшее геополитическое поражение, удар по «имперскому сознанию», как прелюдия распада уже самой России по «принципу домино».

Конечно, между Россией и Украиной возможны локальные размены, они происходят даже между жесткими оппонентами. Например, это твердые и выполнимые гарантии безопасности для Донбасса со стороны Киева, снятие водной блокады для Крыма, гарантии для украинских товаров на российских рынках (инициатива В. Медведчука на встрече с В. Путиным) и продукции из России, с Донбасса на рынках Украины, логистические и инфраструктурные гарантии для транзита украинских грузов через РФ, для поставок углеводородов из России и через территорию России на Украину и через Украину, а значит, и гарантии для «украинской трубы», гарантии прохода по Керченскому проливу и многое другое, была бы добрая воля. Все это может происходить только на взаимной основе, в доверительной обстановке, без обвинений и шантажа со стороны Украины, без попыток использовать против РФ всякого рода провокации, в том числе со стороны западных кураторов Украины, в рамках ведения гибридных войн. Недопустимо использование в целях давления на Россию международных инструментов и площадок, например, схемы Нормандской четверки, где и сегодня призывы Киева к «модернизации» Минских соглашений уже не находят понимания.

В Киеве должны четко сознавать: давление на Россию, в том числе с акцентом на поддержку Запада – бесперспективно, лишает российско-украинские отношения даже малейших возможностей для маневрирования. Проблема государственной принадлежности Крыма закрыта навсегда, блицкриг в отношении Донбасса, с геноцидом и выдавливанием населения невозможен, по отмеченным выше причинам, хотя бы потому, что несколько сот тысяч жителей Донбасса имеют российские паспорта. А «перехитрить» Россию с использованием навыков студенческого театра не получится. Ожидания Киевом выборов 2024 г. в РФ или каких-либо более ранних событий, с уходом В. Путина, который якобы и является главным препятствием на пути перезагрузки российско-украинских отношений, совершенно безосновательны.

Если же когда-то в будущем и встанет гипотетический вопрос о реинтеграции Донбасса в тело Украины, то это может случиться только при кардинальных изменениях отношений Украины и России (и Украины к России). Причем в рамках «очень мягкой» конфедерации, с общей экономикой, но подчеркнута разделенной, а то и просто нестыкуемой политикой как внешней, так и внутренней, самостоятельными оборонными и административными структурами. Будем откровенны: такие подвиги нереальны при нынешней украинской власти, господствующих умонастроениях в украинском обществе, все большей вовлеченности Украины в антироссийскую деятельность Запада, в первую очередь блока НАТО. И это при том, что выход Украины из перманентного кризиса, ставящего под вопрос будущее украинской нации, возможен только с участием и при поддержке России. И отсутствие необходимости растрачивать потенциал и душевные силы на противостояние с той же Россией, Донбассом очень бы этому способствовало.

Возможно, что В. Зеленский, приходя к власти, действительно хотел сделать что-то «хорошее» для Украины, российско-украинских отношений, ситуации в Донбассе. Но неверное «прочтение» ситуации, складывающейся в условиях коронакризиса, недостаточный учет возможностей, ограничителей, последствий затянули киевскую власть в привычную (и удобную) конфронтационную колею. Ну а пока Украина – страна все менее единая, все более зависимая и подверженная внешнему влиянию и конъюнктуре, договоренностям за ее спиной и за счет ее интересов. С искаженными представлениями о подлинных национальных интересах, при отсутствии выверенной, долговременной геополитической стратегии, под сенью сценографического пиара и возрастающего напускного официального оптимизма.

Каленова Т.С.

к.и.н., доцент кафедры политологии Евразийского национального университета, Нур-Султан
kalenovats@mail.ru

Тілеукеш Н.Б.

студент Евразийского национального университета, Нур-Султан
tleykesh_nazerke@mail.ru

КАЗАХСТАН В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: глобальное гражданское общество, Казахстан, казахстанское общество, глобальные процессы, неправительственные организации.

Keywords: global civil society, Kazakhstan, kazakh society, global processes, non-governmental organizations.

Появление глобального гражданского общества многие исследователи рассматривают как неизбежный результат процесса глобализации. Взаимозависимость акторов мировой политики и экономики напрямую ведет к развитию подобных связей во всех остальных сферах жизнедеятельности. Несмотря на то, что становление первых международных неправительственных организаций относят к середине XIX века, возникновение термина «глобальное гражданское общество» приходится на рубеж XX–XXI веков. Именно поэтому данный термин до сих пор не имеет общепринятого определения¹.

В настоящей работе под данным понятием мы подразумеваем совокупность международных неправительственных организаций, различных добровольческих объединений, социальных движений, сетей, структур и других групп гражданского общества, действующих на наднациональном, трансграничном уровне вне зависимости от правительств и государств. «Глобальное гражданское сообщество обладает отдельным и самостоятельным *raison d'être* (смыслом существования), делающим его отличным от государственных систем и глобального рынка»². В исследовании ЮНИСЕФ 1999 года отмечается, что глобальное гражданское общество в своей деятельности предполагает трансграничное общение; имеет глобальную организацию; работает на основе надтерриториальной солидарности³.

Казахстан, являясь полноправным членом мирового сообщества, вовлечен наряду со всеми независимыми государствами в процесс глобализации. Республика стремится активно участвовать в различных экономических, социальных, культурных и других объединениях. Сфера гражданских отношений не стала исключением, однако внимание, уделяемое ей, не столь велико в сравнении с другими направлениями. В результате гражданское общество нашей страны представлено на общем глобальном уровне в сравнительно малом масштабе. Об этом свидетельствуют статистические данные и мировые рейтинги. Так, по данным на март 2018 года в Казахстане количество зарегистрированных НПО составляло 22 938⁴, в то время как в США в 2017 году их насчитывалось более 1,5 млн⁵. В нашей республике на одну организацию приходилось около 796 человек, в Соединенных Штатах – примерно 216 человек.

Штаб-квартиры подавляющего большинства НПО (72%) находятся в странах западного мира, из них 36% – в Северной Америке и 33% – в Европе⁶. Большая часть подобных организаций зарождается и базируется в названных регионах, к которым Казахстан не относится.

Стоит также отметить, что согласно мировому рейтингу лучших неправительственных организаций 2012–2013 года, составленному организацией «The Global Journal», в лидирующей сотне нет ни одного НПО, базирующегося в Казахстане. Отметим, что в этом списке помимо американских и европейских объединений представлены организации из Кении, Бангладеш, Индии, Камбоджи, Колумбии и других стран⁷. Оказавшиеся в данном перечне НПО – это организации международного уровня, имеющие офисы и представительства в различных странах и представляющие часть глобального гражданского общества.

Таким образом, в построении и создании глобального гражданского общества Казахстан, или, вернее сказать, казахстанское общество, пока еще не занимает ведущих позиций и не играет активной роли. Вместе с тем, отдельные попытки движения в этом направлении нашей страной предпринимались. Так, в рамках созданной по инициативе первого президента РК Нурсултана Назарбаева Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в 2019 году в ка-

¹ Иванов В.Г. Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики // Вестник Российского университета дружбы народов. – М., 2011. – № 1. – С. 69.

² Кубанкина Е.С. Глобальное гражданское общество: понятие и его структура // Дискурс – Пи. 2014. – С. 151.

³ Jan A.S. Global Civil Society: Changing the World? // CSGR Working Paper. 1999. – N 31/99. – P. 2.

⁴ Калымжанова А. Мифы и правда об НПО. – www.factcheck.kz/glavnoe/mify-i-pravda-ob-npo/

⁵ <https://www.state.gov/non-governmental-organizations-ngos-in-the-united-states/#:~:text=It%20does%20not%20include%20political%20parties.&text=Approximately%201.5%20million%20NGOs%20operate,development%2C%20and%20many%20other%20issues>

⁶ Зонова Т.В. Сохранятся ли НПО в будущем? – URL: www.mgimo.ru/about/news/experts/243121/

⁷ <https://gtmarket.ru/ratings/global-top-100-best-ngos>

захстанской столице состоялся форум национально-культурных центров стран-членов СВМДА. Одно из пленарных заседаний форума было посвящено роли гражданского общества в укреплении общественного согласия. Казахстанская сторона отметила, что одним из глобальных трендов развития гражданского общества является акцент на развитие социальной сплоченности для решения глобальных проблем в обществе, подчеркнув, что Казахстан движется в этом направлении¹. Иначе говоря, власти страны обозначили, что республика намерена стать частью глобального гражданского общества. Доказывает это тот факт, что в 2019 году началась разработка нового документа – «Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстане до 2025 года». Одним из пунктов концепции является применение международного опыта, а также мировых стандартов, критериев и принципов развития гражданского общества. В связи с этим учитываются характерные для настоящего времени общемировые тенденции в данной сфере, среди которых отмечено участие институтов гражданского общества в глобальной Повестке дня².

Справедливо будет отметить и то, что, с приходом к власти президента Касым-Жомарта Токаева был осуществлен ряд важнейших инициатив. В частности, главой государства объявлена политика так называемого «слушающего государства», в рамках которой осуществляется ряд проектов. В частности, в стране был создан Национальный совет общественного доверия, председателем которого является непосредственно сам президент. В Совет в качестве членов вовлечены многие известные гражданские активисты, яркие представители гражданского общества Казахстана.

Принятие названных изменений и нововведений в стране вселяет надежду на дальнейшее усиление роли гражданского общества внутри Казахстана, что в свою очередь послужит основанием его расширения далеко за пределы республики.

Если же рассматривать вопрос с другой стороны, насколько глобальное гражданское общество влияет на Казахстан и стремится вовлечь его в свои процессы, то можно снова обратиться к исследованию Татьяны Зоной. Деятельность международных НПО, которые в большинстве случаев базируются в Северной Америке и Европе, как утверждает профессор, в основном направлена на проблемы в странах Африки, Ближнего Востока и Азии. Основываясь на данных, приведенных доктором Т. Зоной, можно сказать, что наша страна является объектом, на который направлена деятельность довольно большого количества международных неправительственных организаций и общественных объединений. К ним относятся объединения по защите прав и свобод граждан, по решению экологических проблем, по продовольственной безопасности, по экономическому развитию и другие. Из уже упомянутого рейтинга 100 лучших международных неправительственных организаций многие имеют связи с Казахстаном, и часть из них имеют филиалы в нашей стране. Это, в первую очередь, связано с наличием в казахстанском обществе различного рода проблем, которые не в полной мере решаются правительством, или которые власти не способны решить самостоятельно. Согласно данным правительства Казахстана за 2016 год, основные направления деятельности международных неправительственных организаций в стране – это поддержка независимых СМИ (11%), экология (9%), гражданское образование (9%), защита прав и продвижение интересов целевых групп (9%), инициативы в области эффективного управления (9%), защита социально уязвимых групп населения (9%)³. Среди иностранных НПО, признанных казахстанским руководством наиболее активными в своей деятельности на территории республики, лидирующими являются американские организации.

Немаловажным моментом является вопрос финансирования неправительственных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Казахстана. Вероятно, что подобные объединения, получая финансовую поддержку, в своей работе учитывают и интересы своих спонсоров. По данным министерства общественного развития Казахстана, ежегодное иностранное финансирование НПО в стране по состоянию на 2018 год составляло около \$13,6 млн. Из почти 200 казахстанских организаций, имеющих финансовую поддержку, 70% получают ее из США и от международных организаций⁴.

Исходя из вышесказанного, следует, что Казахстан, несомненно, вовлечен в глобальные процессы развития гражданского общества. Однако в этой системе он играет скорее роль объекта или пассивного участника, нежели субъекта или активного актора. Страна в связи с наличием различных проблем, требующих помощи негосударственных структур для своего решения, попадает в поле зрения мировых и зарубежных неправительственных объединений и общественных движений. Однако гражданское общество самой страны не столь активно выходит на мировой уровень и фактически не принимает участия в решении проблем других государств. Чтобы в корне изменить сложившуюся ситуацию Казахстану потребуется достаточно долгий срок. Руководству страны необходимо начать реформацию не только политической сферы жизнедеятельности, но и социально-политической. Первые шаги в этом направлении, как отмечалось ранее, осуществляются уже сегодня. Правительство страны поставило перед собой задачу до 2025 года:

- внедрить и закрепить в обществе принцип «ответственного гражданина», который заботится о городе и стране;
- перейти от выборочных примеров для подражания для молодого поколения к ролевым моделям во всех сферах жизни;
- продвигать национальную культуру не только в пределах страны, но и за рубежом;
- создать сильное гражданское общество и единую нацию на основе гражданской идентичности.

¹ <https://assembly.kz/ru/news/v-nur-sultane-sostoyalsya-forum-natsionalno-kulturnykh-tsentrov-stran-svmda/>

² <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=2966275>

³ <https://primeminister.kz/ru/news/na-territorii-kazahstana-predostavlyaut-granti-dlya-npo-165-organizatsii-13765>

⁴ <https://ru.sputnik.kz/economy/20181127/8252915/kazakhstan-npo-finansirovaniye.html>

Достижение перечисленных целей властями может стать «триггером» для усиления роли Казахстана в глобальном гражданском обществе. Однако требуемые в стране изменения не ограничиваются лишь данными четырьмя пунктами. Помимо прочего, нужно укреплять международные связи в данном направлении, что является немаловажным фактором укрепления роли нашей страны в мировом сообществе.

Капустина М.А.

к.ю.н., доцент, Университет при МПА ЕвразЭС, Санкт-Петербург
mkapustina@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *Большая Евразия, евразийская интеграция, национальная безопасность, общеевразийское пространство, системный подход, правовое обеспечение.*

Keywords: *Greater Eurasia, Eurasian integration, national security, Eurasian space, systems approach, legal support.*

Современная концепция Большой Евразии формируется в условиях конкуренции и сотрудничества, регионализации и взаимодействия государств, расположенных на огромной территории Евразийского континента, разных по своей культуре и политико-экономическому статусу. Интеграционные процессы, которые происходят в XXI веке на евразийском пространстве, неразрывно связаны с историей народов, населяющих континент на западе от Атлантического и на востоке до Тихого океана. На них оказывают влияние географические факторы, связанные с расположением стран, соответственно, в европейской и азиатской частях континента, в отдаленных от океанов центральной материковой части и прибрежных регионах. Немаловажное значение имеют и климатические особенности северных и южных территорий Евразии, омываемых Северным ледовитым и Индийским океаном. Сегодня евразийская интеграция представляет собой весьма сложное по своему содержанию явление. Для России – это одно из стратегических направлений обеспечения национальной безопасности в сфере обеспечения стабильности и равноправного партнерства в международных отношениях¹.

Концепция Большой Евразии охватывает, как представляется, три важных компонента: современное понятие евразийского пространства, процессы интеграции в различных сферах жизнедеятельности и стратегию обеспечения национальных интересов. Обсуждение понятия евразийского пространства должно вестись в цивилизационном, геополитическом и экономическом аспектах. При этом как раньше, так и сейчас культурная, государственная, хозяйственная деятельность направлена на развитие Евразии, которое невозможно без своей гуманитарной составляющей. Народы Большой Евразии, осваивавшие огромный континент со времен скифов – человеческий капитал, исторически определяющий хозяйственно-экономический потенциал евразийского пространства, становление мультикультурной евразийской цивилизации.

Значение государственного регулирования в развитии евразийского пространства не должно затмевать и приносить ущерб ценности человека, человеческого капитала народов Большой Евразии. Концептуально акцент должен делаться не на количестве межгосударственных соглашений, совместных регулятивных актов в той или иной сфере деятельности, а на обеспечении принципа «человечности» в процессах, протекающих в Большой Евразии. На актуальность формирования пространства евразийской интеграции в общегуманистической плоскости обращает внимание Яковенко А.В.: «весь исторический опыт добавляет аргументов в пользу отказа от целесообразности планировать, а тем паче пытаться осуществлять значимые действия по созданию предпосылок к более гуманному миропорядку, поскольку, как правило, итогом оказываются очередные драматические войны со всей их страшной атрибутикой последствий. Но правда заключается и в другом. По какой-то до конца неведомой причинности человечество обречено искать, прорабатывать, обсуждать и пробовать созидать идейные основы, организации и институты, отстаивающие исключительную важность человекообразного, как сегодня принято говорить, подхода к эволюции»².

В цивилизационном аспекте евразийское пространство – это цивилизационное единство в культурном разнообразии евразийских народов. Нельзя исключить из этого пространства антропогенную сферу освоения суши и водного пространства материка, техногенную сферу использования техники и технологий, экологическую сферу безопасности жизнедеятельности человека. В этом смысле формирование евразийского пространства неразрывно связано с научно-техническими достижениями, в частности, с развитием транспортного (водного, автомобильного, железнодорожного, воздушного) сообщения, освоением мирового океана и Арктической зоны, промышленным производством товаров и продуктов питания и др. Сегодня пространство Большой Евразии характеризуется не только географическими, климатическими факторами, но и экологическими показателями, определяющими качество жизни человека.

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗРФ, № 1 (ч. II), 04.01.2016, ст. 212.

² Яковенко А.В. Евразийская интеграция: от общегуманитарного к общегуманистическому пространству // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. Вып. 3, ч. 1 / Отв. ред.: Герасимов В.И. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – С. 271–273.

Исторически важную роль в становлении евразийской цивилизации играла миграция населения – во многом стихийная, хотя и подлежащая государственному регулированию и контролю в целях обеспечения национальных интересов. Сохранение культурной идентичности народов евразийской цивилизации актуализирует проблему языка общения представителей разных народов и культур. Таким языком в ходе исторического развития евразийского пространства, как представляется, стал русский язык – один из мировых языков современности. Русский язык обеспечивает взаимопонимание народов Большой Евразии, способствует общению представителей евразийских народов в самых разных сферах жизнедеятельности. Россия организует целый ряд культурных и образовательных программ, направленных на поддержку русского языка, его изучение. Русский язык важен не только с точки зрения миграционных процессов, но и с позиции евразийской интеграции в целом.

Процессы интеграции на евразийском пространстве наблюдаются в различных сферах жизнедеятельности. Важную роль в интеграционных процессах, протекающих в современной Большой Евразии, играет Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Как отмечает Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Тигран Саркисян, за время существования ЕАЭС сформирована интеграционная модель многостороннего взаимодействия: функционирует общий рынок товаров и услуг, сотрудничество ведется в десятках секторов экономики, обеспечена практически неограниченная свобода передвижения инвестиций, формируется рынок капитала, который охватывает весь спектр финансовых услуг¹. Более восьмидесяти процентов товаров на рынке ЕАЭС выпускаются в соответствии с едиными требованиями к безопасности и качеству продукции. В 2019 г. Европейской экономической комиссией ООН в сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией и Китайским национальным институтом стандартизации подготовлено уже третье издание англо-русско-китайского глоссария терминов «Упрощение процедур торговли»². Одним из центральных вопросов экономической интеграции является единое таможенное регулирование. Оно обеспечивается на основе Таможенного кодекса ЕАЭС 2017 г. Таможенный кодекс ЕАЭС не только унифицировал таможенные процедуры, но и значительно упростил их, сократил время выпуска товаров в свободное обращение и регистрации таможенной декларации.

Страны-участницы ЕАЭС сотрудничают в сферах здравоохранения, социального обеспечения, образования. Интеграционные процессы привели к созданию в ЕАЭС общего рынка лекарственных средств, медицинских изделий. В ЕАЭС взаимно признаются дипломы, что способствует свободе движения трудовых ресурсов.

Евразийская интеграция, в какой бы сфере она не осуществлялась, нуждается в юридическом оформлении. Взаимодействие в языковой и культурной области, решение общих для Большой Евразии экономических и политических задач опосредовано правовым инструментарием, оформляется юридическими документами: национальным законодательством и международными правилами, нормами писаного и неписаного права. В наши дни само правотворчество на евразийском пространстве представляет собой интеграционный процесс. Право создается, с одной стороны, в ходе взаимодействия непосредственных участников отношений в различных сферах евразийской интеграции, например, неписанные нормы юридических обычаев, правовые традиции, характерные для отдельных сфер экономики. С другой стороны, стандарты поведения формируются в результате целенаправленной регулятивной деятельности национальных и наднациональных органов, например, Евразийской экономической комиссии, которая призвана на основе единого правового регулирования обеспечить деятельность межгосударственного интеграционного образования – ЕАЭС.

Концепция Большой Евразии во многом определяется интеграционными процессами в сфере правового регулирования общественных отношений на евразийском пространстве – юридической интеграцией, методологически опирающейся на системный подход. Юридическая интеграция предполагает универсализацию правовых форм и средств решения вопросов в самых разных сферах жизнедеятельности на евразийском пространстве при сохранении суверенности стран Большой Евразии, их национальных политико-правовых систем. В основе юридической интеграции лежат единые принципы правового общения, получившие свое подтверждение в международной практике, в частности, в документах ООН. Кроме того, юридическая интеграция в XXI в. исходит из необходимости формирования сложной системы юридического инструментария. Такая система включает в себя помимо традиционных правовых средств методы воздействия, обоснованные в других областях знания. Причина состоит в том, что в современном мире социальные отношения тесно связаны с естествознанием, техникой и технологиями. Складывается впечатление, что почти не осталось гуманитарных задач, решение которых не требовало бы применения компьютеров, информационных технологий, программного обеспечения. В результате требуется системный подход.

Преимуществом системного подхода является возможность гармонично включить достижения естествознания, информационные технологии в интегрированную систему правового регулирования на евразийском пространстве. Формирование интегративной концепции Большой Евразии на основе современного системного подхода позволит использовать в регулировании различных сфер жизнедеятельности не только апробированные методы управления, но и методы системной динамики, теории игр, эвристического программирования, имитационного моделирования, программно-целевого управления, социальных инноваций, которые включают в себя элементы структурно-функционального анализа, математические дисциплины, психологические и лингво-социальные приемы и другие. Цель регулирования, по Т. Парсонсу, – исключить нежелательные для общества конфликты, резкие перемены и т.п. Важнейшим признаком нормального состояния социальной системы Т. Парсонс считал ее равновесие, обеспечивае-

¹ Правовой портал Евразийского Экономического Союза. – http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/3071-ЕЭК%20Брошюра%20ЦИФ_17.pdf

² Правовой портал Евразийского Экономического Союза. – http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/ECE_TRADE_377Rev.2_01.pdf

мое средствами социального контроля, например, реакцией на поступки людей со стороны окружающих, деятельностью политических субъектов, и, конечно, средствами правового регулирования. Усвоение субъектами социальных стандартов, норм, ценностей обеспечивает своего рода «превращение» общепринятых правил во внутренние мотивы поведения отдельных индивидов. Таким образом, социальные стандарты определяют характер и содержание поведения субъекта, приводят к согласованности действий разных субъектов.

Тяготение к интеграционному праву – характерная черта юридических исследований, начиная с XX века. Так, по мнению Дж. Холла, нормы существуют в психологических состояниях и одновременно получают свое внешнее проявление в поведении субъектов. Дж. Холл указывал на необходимость различения функционального предназначения норм как средств выражения значений и фактического характера норм¹. Юридические нормы, регулирующие фактические отношения между субъектами, могут быть как устными обыкновениями, так и правилами, закрепленными в документах национального и/или международного характера. Содержание правового регулирования на евразийском пространстве определяется, таким образом, не только деятельностью национального законодателя, но и в результате деятельности наднациональных органов, например, Евразийской экономической комиссии, судебных инстанций, например, Суда ЕАЭС.

В рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве следует обратить внимание на обеспечение национальных интересов, особенно в ситуациях правовой неопределенности, пробелов, коллизий и противоречий между разными видами правил. Надо заметить, национальные интересы на общевразийском пространстве в современных условиях обеспечиваются в условиях продолжающейся милитаризации в Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах. Межгосударственные отношения в Большой Евразии выстраиваются все еще с учетом значения вооруженных сил, военно-политического потенциала стран-участниц евразийского диалога. При таком положении дел определение критериев общепризнанности стандартов поведения в евразийском пространстве проблематично. Отношения между государствами, народами в рамках евразийского сообщества являются по своей природе международными отношениями. Поэтому признание регулятивных стандартов общеобязательными должно происходить на евразийском пространстве в конвенциональном порядке согласования позиций участников евразийской интеграции.

Таким образом, сложность и проблематичность определения Большой Евразии во многом детерминирована именно сохранением множества самобытных культур на евразийском пространстве, несмотря на противоборство, войны, переселение народов, исчезновение когда-то существовавших государств и возникновение новых стран и их союзов. Правовое обеспечение национальных интересов на евразийском пространстве охватывает все сферы жизнедеятельности общества, поэтому должно быть системным, последовательным и целостным. В частности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015 г. определила русский язык средством «обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации», основой «развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве»². В целях стратегического обеспечения национальных интересов поддержка русского языка является составной частью Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, 2018 г.³

С точки зрения национальных интересов интегративная концепция Большой Евразии должна включать вопросы, связанные с экосистемами, производственной сферой и экологическим контролем. Правовое обеспечение национальных интересов в сфере экологии и технобезопасности направлено на общественные отношения в промышленных отраслях, в сфере производства товаров, предоставления различных услуг (например, транспортировка) и научно-исследовательской деятельности, такой как освоение Арктики и использование ядерной энергии. Системный подход к обеспечению национальных интересов на евразийском пространстве требует установления стандартов поведения на основе синтеза выводов гуманитарного знания и естествознания о принципах добросовестного и ответственного поведения. Поэтому задача последовательного и всеобъемлющего обеспечения национальной безопасности на евразийском интеграционном пространстве может быть решена на основе сложного алгоритма системного подхода.

¹ Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3. – С. 741.

² Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. – № 1 (ч. 2), ст. 212.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. – № 45, ст. 6917.

Карякин В.В.

к.в.н., преподаватель, Военный университет Министерства обороны РФ

РОССИЯ И КИТАЙ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: проект Большая Евразия, евразийские императивы России, политика Китая в Евразии, ЕАЭС и ШОС в Евразии, экономический пояс Шелкового пути,

Keywords: Great Eurasia Project, Russian Eurasian imperatives, China politics in Eurasia, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization in Eurasia, Silk Road Economic Belt.

Введение

После ухода СССР с исторической арены создалось впечатление, что возобладала «западная» ориентация России с анонсированием проекта Большой Европы, который предполагал вхождение представителей российской элиты в политические организации Европы.

При этом речь шла не об участии России в формировании Большой Европы, а об интеграции России в существующие европейские политические и экономические структуры. А если выразится точнее, то речь шла о встраивании в американский проект глобализации. Однако уже в первом десятилетии XXI века началось охлаждение России в отношениях с «западными партнерами». Сегодня это «охлаждение» достигло состояния, сходного с периодом «холодной войны».

В этих условиях российский «поворот к Востоку» воспринимался значительной частью российского экспертного сообщества как вынужденная мера, вызванная сложившейся мировой политической конъюнктурой.

Высказывания первых лиц государства по поводу приоритета восточного направления для России трактуются не столько как обозначение долговременного направления российской политики, сколько в качестве очередной кампании, которую в среднесрочной перспективе планируется завершить.

Основания для подобного восприятия есть, так как обсуждение поворота на России на Восток активизировалось после усиления давления на Россию странами Запада, что, по мнению экспертного сообщества, вынудило Москву двигаться в восточном направлении.

Императивы евразийской ориентации России

Но здесь необходимо обратить внимание на фундаментальные процессы, которые отнюдь не в 2013–2014 гг. стали причиной переориентации России на Восток. Причины эти, как представляется, коренятся в евразийской природе нашей страны, где благодаря особенностям пространственной организации и расселения в Северной Евразии, крайне значимыми остаются традиции, идущие от кочевых империй и Византии. Это делает европейский вектор далеко не самым значимым¹.

Евразийская сущность России, ее пребывание в двух цивилизационных пространствах, весьма противоречивых по своей сути, и не связанных между собой политически и культурно, на протяжении всей истории российской государственности создавали проблемы, которые до сих пор не удалось решить. Это обусловлено тем обстоятельством, что гигантская, многоконфессиональная Россия не может вписать себя ни в Восток, ни в Запад.

Однако современный мир стремительно меняется. Восточная Азия, еще недавно бывшая отсталой мировой периферией, местом экспорта технологий и капиталов, превращается в новую «мастерскую мира», оставляя западным лидерам роль рантье, проживающих богатства, накопленные предшествующими поколениями. В Азии на наших глазах формируются не только центры производства, технологического развития, но и собственные центры потребления, превращая «Азию для Европы» в «Азию для Азии». И здесь возникает актуальный вопрос, в каком качестве Россия сможет включиться в это движение: в качестве поставщика сырья, необходимого региону, или в качестве одного из драйверов экономического прогресса.

Данные обстоятельства определяют актуальность проекта «Большой Евразии», целью которого является институциональное превращения географического понятия в эффективно действующий хозяйственный и политический организм.

В силу компактного пространственного расположения, наличия основы для формирования евразийской транспортной инфраструктуры, огромного опыта поликультурного бытия Россия способна стать пространством геополити-

¹ Dragneva R., Wolczuk K. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? // Chatham House Briefing. – P. 9. – <https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/185165>

ческой «сборки» Большой Евразии. Императивом для России является роль сопрягающего звена между Востоком и Югом, Югом и Западом данного мегарегиона. Торговля и наиболее короткий логистический маршрут доставки товаров до потребителей может стать основой для формирования евразийского цивилизационного проекта. При этом речь идет не о гегемонии супердержав, а о гармонизированном единстве стран и народов в сфере политики, экономики и культуры¹.

Основа данного проекта закладывается на Дальнем Востоке России. Строятся точки сопряжения со странами Восточной Азии, реконструируется Транссиб, призванный стать несущей инфраструктурой Большой Евразии, создаются условия для осуществления торговых операций и инвестирования, условия для создания высокотехнологичных производств и добычи полезных ископаемых.

Но только вышеуказанных факторов не достаточно. К сожалению, проект обращения России к своей евразийской сущности воспринимается населением и значительной частью российской элиты в качестве регионального проекта, касающегося исключительно Дальнего Востока России. Это странное понимание вызывает наибольшее количество вопросов, в том числе у самих жителей Дальнего Востока. Сегодня наступает период, когда крайне значимо подключение к процессу поворота к Востоку всей страны. Необходимо формирование мостов по всем азимутам евразийских границ. Экономические предпосылки для их формирования самые благоприятные. Неблагоприятными являются культурные факторы. Азия для подавляющего большинства населения России воспринимается как чужой и опасный мир. Необходимо рациональное восприятие культуры и менталитета азиатских народов. Без этого невозможно понять Азию и определить путь России на Восток.

Евразийский проект России немыслим не только без усилий в экономической сфере и развития транспортной инфраструктуры, но и без просветительской деятельности. Богатая история взаимоотношений России со странами Азии является сферой интересов востоковедов. Для массового сознания населения России это история освоения пустых малозаселенных пространств. Ее борьба и герои освоения восточных пространств остаются на периферии исторической памяти народа. В сфере мифов и домыслов продолжает оставаться история и культура Азии. Трудно представить себе образованного человека в России, который не знал бы, кто такой Шекспир. Зато вполне можно представить человека, не подозревающего о существовании Арсеньева и Пржевальского.

Азия – это пространство, где (в отличие от Европы) значительную роль, играют не формальные договоренности, а межличностное доверие и социальные сети. «Быть в Азии» – для России означает иметь мощные и постоянно действующие сети лояльности. Необходимо создавать сети межличностного общения с выходцами из России, проживающих в этих странах, а также из иностранных партнеров, с которыми имеется высокий уровень межличностного доверия и понимания. Опираясь на социальные сети горизонтальных коммуникаций можно создать эффективно действующее сообщество проводников политики России на евразийском континенте.

Но это относится к отдаленной перспективе. Если рассматривать политику России в контексте современной геополитической регионалистики, следует отметить, что Москва совершила поворот на Восток, движимая как внутренними побуждениями к экономическому развитию, так и растущей значимостью Азии в глобализованном мире.

Разрыв отношений с Западом в 2014 г. лишь дал дополнительный импульс азиатскому вектору российской внешней политики. В результате этого Китай превратился в ключевого партнера России, взаимодействие с которым обеспечило устойчивый рост политических, экономических и оборонных связей. Россию и Китай также объединяет сходство взглядов: недопустимость унилатерализма, уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела. Несмотря на асимметрию потенциалов в этом партнерстве, оно продолжает укрепляться, лишь немного не дотягивая до союзнических отношений. Перемены проявились не только в результате поворота России на Восток, который связывают, прежде всего, с Китаем, но также и с формированием концепции Большой Евразии.

Данная концепция опирается на многовековую идею уникальности географического положения России как связующего моста между Европой и Азией. Подтверждением этому является выступление президента России Владимира Путина на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г., где он анонсировал проект создания Большой Евразии от Атлантики до Тихого океана, в рамках которого должно осуществляться сотрудничество с Китаем, Индией, странами Европы, Южной Кореей, Пакистаном и Ираном.

При этом, как отмечено выше, отношения с Китаем стали главными в реализации евразийского партнерства, которое планировалось достичь путем объединения ЕАЭС и китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем должно было стать основой для всеобъемлющего евразийского партнерства².

От концептуализации к реализации проекта Большой Евразии

Теперь, когда Владимир Путин сформулировал свое видение Большой Евразии, важно рассмотреть реализуемость данной инициативы и вызовы, которые внутренняя, региональная и глобальная ситуации поставят перед Москвой.

Усилия России по созданию Большой Евразии включают два аспекта: укрепление двусторонних связей России с государствами азиатского региона и улучшение многосторонней координации между членами ЕАЭС, ШОС, АСЕАН

¹ Доклад «Геоэкономика Евразии». – http://iwep.kz/files/attachments/article/2015-11-16/doklad_geoekonomika_evrazii_.pdf#overlay-context=

² Кто будет контролировать транспортный коридор между Евросоюзом и Китаем? - <http://kapital.kz/economic/41564/kto-budet-kontrolirovat-transportnyj-koridor-mezhdu-evrosoyuzom-i-kitaem.html>

и ЕС. Обе эти цели создают для Москвы серьезные вызовы, преодоление которых будет иметь решающее значение при реализации данного проекта.

При выстраивании двусторонних отношений со странами евразийского континента России необходимо приложить значительные усилия, чтобы охватить территории, включающие регионы Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной, Центральной, Западной Азии и Европы.

Восточный вектор российской внешней политики не является новым явлением. Он находился в латентном состоянии до разворота на Восток после событий на Украине.

Однако реализация анонсированного поворота имела неоднозначные результаты. В России начали опасаться чрезмерной зависимости от Китая и угрозы экономической экспансии Пекина. Вследствие возрастающей экономической мощи Китая он стал центральным игроком в политической жизни евразийского континента. В этих условиях Россия вынуждена искать баланс между выстраиванием стратегического партнерства с восходящей сверхдержавой и стремлением к тому, чтобы асимметрия потенциалов не оказывала негативного влияния на реализацию ее собственных национальных интересов. Это станет еще более сложной задачей, если сбудутся предсказания об обострении соперничества между США и Китаем, что создаст дополнительные угрозы для глобальной стабильности и безопасности¹.

США, Индия, Япония, Австралия и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) имеют собственное видение конфигурации азиатско-тихоокеанского региона (АТР). В последней редакции американской Стратегии национальной безопасности Китай и Россия названы ревизионистскими державами. Однако страны АТР отказываются принимать подобный подход и отстаивают собственное понимание своей роли в делах данного региона.

Государства данного региона демонстрируют готовность принять концепцию АСЕАН в целом, хотя в их интерпретациях есть различия, поскольку средние государства стремятся избежать конфликтных ситуаций и оказывать влияние на поведение региональных держав.

Это говорит о том, что если Россия хочет построить Большую Евразию, ей придется участвовать в региональных дебатах, несмотря на ее сдержанное отношение к концепции построения АСЕАН как конкурирующей структуры. Как отмечают некоторые ученые, Россия выиграла бы от принятия идей, не являющихся конфронтационными по своей природе, например, выдвигаемыми АСЕАН и Индией. В складывающейся ситуации огромное значение для России могут иметь связи с Японией и Южной Кореей. Являясь державой, которая больше не устанавливает правила в Азии, Россия должна будет восстановить свое взаимодействие с региональными игроками.

Усугубление биполярного соперничества между США и Китаем осложняет российское присутствие в регионе. Хотя отношения с КНР в высшей степени важны для России, ей придется продемонстрировать свою независимость от этой восходящей державы, особенно если она захочет, чтобы ее признавали в Восточной Азии самостоятельным субъектом международной политики. Ухудшение отношений с Соединенными Штатами ограничило возможности России в Юго-Восточной Азии, что привело к сокращению масштабов сотрудничества России со странами данного региона.

Помимо преодоления проблем, связанных с улучшением двусторонних отношений, российское видение Большой Евразии должно учитывать динамику многосторонних отношений, которые она стремится использовать для достижения своих политических целей. К последним относятся отношения в рамках ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и ЕС, сложные взаимоотношения стран в данных организациях требуют от Москвы искусного лавирования для налаживания связей с ними.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был создан в 2015 г. Его членами в настоящее время являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Узбекистан, желая сохранить тесные экономические связи с Россией и Китаем, подал заявку на получение статуса наблюдателя, прежде чем принять решение о членстве. Таджикистан выразил заинтересованность в присоединении, Туркменистан продолжает придерживаться нейтральной позиции по отношению к данной организации. Корни ЕАЭС исторически уходят в Таможенный союз, образованный в 1995 г., впоследствии переросший в Евразийский союз, который, как предполагалось в 2011 г., должен был стать мощной наднациональной ассоциацией, одним из полюсов современного мира, выступая в качестве моста между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом. С момента своего образования ЕАЭС стал главной стратегической инициативой России в регионе в экономической сфере и координационным центром ее экономических взаимодействий с государствами и многосторонними институтами.

Однако Москве не удалось убедить членов ЕАЭС двигаться в направлении политической интеграции, поскольку последние по-прежнему настороженно относятся к любым политическим объединениям и неизменно сопротивляются шагам, которые могут поставить под угрозу их суверенитет. К тому же государства-члены ЕАЭС стремятся диверсифицировать собственную внешнюю политику. Например, Казахстан, помимо двусторонних отношений с Китаем, поддерживает связи с США и Евросоюзом, которые являются для него основными инвесторами. Белоруссия, несмотря на свою зависимость от России, сопротивляется формированию более тесного Союзного государства с Россией, стремясь к налаживанию сотрудничества с США и ЕС².

В настоящее время торговля внутри ЕАЭС остается на относительно низком уровне. И это несмотря на соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией и Ираном. Ведутся переговоры по данной проблеме с Индией, Египтом и Израилем. Во время саммита «Россия – АСЕАН» в 2018 г. был подписан меморандум о

¹ Бекова А. Международная экономическая интеграция и ее формы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. – № 1. – С. 131.

² Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Global Journal of Emerging Market Economies. 2014. – Vol. 6, N 1, January.

взаимопонимании по расширению экономического сотрудничества между двумя организациями, что свидетельствует о ведущей роли России в ЕАЭС.

В свою очередь, АСЕАН приветствует налаживание связей с государствами региона, поскольку сотрудничество способствует предотвращению конфликтов. Однако, учитывая слабые экономические связи России с государствами данного региона, страны АСЕАН сомневаются в способности ЕАЭС и России запустить достаточное число проектов для укрепления экономических связей и диверсификации торговли¹.

Что касается ШОС, то эта организация оказывала ограниченное влияние на региональную безопасность из-за недоверия между ее государствами-членами. Включение Индии и Пакистана в организацию, несмотря на отдельные преимущества, делает достижение внутренней сплоченности еще более сложным ввиду напряженного характера индо-пакистанских отношений. Принимая во внимание взаимное стремление Индии и Китая влиять друг на друга, формирование общей повестки дня ШОС для сотрудничества с ЕАЭС будет непростой задачей, в особенности учитывая активное сотрудничество ЕАЭС в реализации проекта Нового шелкового пути на фоне открытого противодействия со стороны Индии. Пока непонятно, на каких условиях возможно достижение соглашения о сотрудничестве между ШОС и ЕАЭС. Ранее Россия отклонила предложение Китая о необходимости сосредоточиться на экономических проблемах путем создания банка и зоны свободной торговли в рамках ШОС, стремясь акцентировать внимание стран ШОС на вопросах безопасности.

В данном ключе для Российской Федерации большую актуальность приобретает сопряжение потенциала Евразийского союза и китайского проекта Экономического пояса «Шелкового пути». Тесное партнерство с КНР воспринимается российской стороной и в контексте создания геополитического альянса между Пекином и Москвой с целью отстаивания концепции многополярного мира. Последнее обстоятельство говорит о том, что в ближайшем будущем наиболее перспективным выглядит сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути². А идея развития единого экономического пространства с ЕС становится для Москвы проектом отдаленного будущего, если она не осталась в прошлом.

Впрочем, геополитические противоречия могут стать основным сдерживающим фактором в реализации идеи Большой Евразии в целом. Приходится констатировать, что прокладка новых транспортных маршрутов, способных существенно изменить сложившийся статус-кво в геоэкономике региона, как правило, сопровождается конфликтом интересов. Несмотря на многочисленные призывы с различных международных трибун, к сожалению, никто из крупных игроков пока не проявляет готовность отказаться от принципов игры с нулевой суммой³.

Заключение

Несмотря на то, что прозвучало достаточно много заявлений о концепции «Большой Евразии», конкретные детали реализации данного проекта остаются неясными. Независимо от того, идет ли речь о специфике сближения между ЕАЭС и ОПОП, или о сотрудничестве с другими международными структурами, данная концепция остается довольно расплывчатой. Рецессия и обвал цен на нефть угрожают серьезно ослабить и без того стагнирующую российскую экономику. Если внутренние структурные реформы так и не будут проведены, это будет иметь далеко идущие последствия для грандиозного внешнеполитического проекта Москвы. Экономическая слабость уже помешала успешному «развороту к Востоку», и продолжение движения по тому же пути может подорвать ее способность добиться своих целей на территории Евразии.

Обоснование концепции «Большая Евразия» выглядит вполне логичным и убедительным. Ее суть состоит в том, чтобы использовать географическое положение России для ее превращения в центр динамично развивающегося огромного региона. Однако в отсутствие сбалансированной многовекторной внешней политики и мощного внутреннего экономического роста реализовать ее будет довольно сложно. Хотя Китай, очевидно, останется главным торговым и внешнеполитическим партнером России в краткосрочной и среднесрочной перспективе, ей необходимо укрепить свой внутренний потенциал и сформировать коалиции по всем направлениям как двусторонние, так и многосторонние, которые станут плацдармом для более широкого видения Евразии. На данный момент «Большая Евразия» остается незавершенным проектом в условиях эволюционирующего мирового порядка⁴.

Рецессия и падение цен на нефть угрожают усугубить проблемы российской экономики, уже борющейся с низкими темпами роста и стагнирующими доходами. Если не будут проведены структурные реформы, это будет иметь далеко идущие последствия для ее стратегических внешнеполитических концепций. Слабость российской экономики препятствует успешной реализации ее поворота на Восток, и сохранение этих тенденций подорвет способность России успешно действовать в Евразии. В то же время можно предположить, что разветвленная система транспортных коридоров будет способствовать снижению геополитических противоречий.

В целом следует отметить, что на данный момент проект «Большая Евразия» находится в стадии концептуальной разработки, и, несмотря на смелость данной идеи, она столкнется с рядом противоречий после формирования нового регионального мироустройства. Если Россия не сможет ответить на эти вызовы, ей придется пересмотреть свои внешнеполитические цели в обновленном формате.

¹ Соломонова И. Сдержать Китай: 7 фактов о Транстихоокеанском партнерстве. – <https://slon.ru/posts/57518>

² Межевич Н. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате? – http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6590#top-content

³ Соломонова И. Сдержать Китай: 7 фактов о Транстихоокеанском партнерстве. – <https://slon.ru/posts/57518>

⁴ Popescu N. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely // Chaillot Paper. 2014. – N 132, 9 September. – P. 41.

Керим Г.

ДВА, МВА, доцент Университета Айдын, факультет экономики и управления, Стамбул

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1991–2018 гг.)

Ключевые слова: *Китай, ЕАЭС, ШОС, Казахстан, Таджикистан и Киргизская Республика.*

Рассматривая политику современного Китая по отношению к странам-соседям из бывшего советского пространства в Центральной Азии, необходимо определить основные тенденции силы и особенности китайского подхода к относительно новым независимым государствам Центральной Азии, а также ответ на китайскую инициативу Астаны, Ташкента, Душанбе, Бишкека и Ашхабада.

Из пяти новых независимых государств Азии три (Казахстан, Таджикистан и Киргизская Республика) имеют общую границу с Китаем, которая составляет 3700 км. После распада СССР в Средней Азии сложилась благоприятная ситуация для Китая: Центральная Азия вышла из-под контроля России и стала открытой для влияния Китая и других стран.

В январе 1992 года Китай установил официальные дипломатические отношения с пятью новыми независимыми государствами. На данном этапе Китай проводит в регионе сдержанную и осторожную политику, никого специально не выделяя. Однако политические и экономические реалии, такие как рост угрозы исламского фундаментализма в регионе, необходимость координации общей политики и оперативной деятельности китайских спецслужб с коллегами из соседних стран по уйгурскому сепаратизму в Тибете и другие вопросы заставили Китай активизировать соответствующие связи. Во всех официальных документах правительства Китая говорится о «равноправных и дружеских отношениях» со всеми новыми государствами Центральной Азии. Однако из Пекина с середины 1990-х годов становится заметной тенденция к определенной дифференциации в отношениях со странами Центральной Азии – некоторые из них стали «приоритетными государствами», которым уделялось первостепенное внимание с точки зрения политических и экономических связей, а другие вошли во «второй эшелон».

Такая избирательность не была связана с какими-либо историческими «обидами» или субъективными настроениями китайского руководства, а объяснялась объективным стратегическим расположением новых государств на западных границах Китая и сложной политической ситуацией, сложившейся в регионе, которая характеризуется растущей угрозой исламского экстремизма, развитием глобализации и стремлением Запада занять доминирующее положение в центре Азии, а также многовекторностью и неоднозначностью (а иногда и непредсказуемостью) внешней политики молодых азиатских государств.

В приоритетную группу вошли государства, имеющие общую границу с КНР (Казахстан, Таджикистан и Киргизская Республика) и общую заинтересованность в обеспечении национальной безопасности в регионе в условиях надвигающейся угрозы глобального исламского терроризма. Афганский конфликт привел к гражданской войне в Таджикистане, спровоцированной исламскими боевиками. В этот же период проходят две российско-чеченские кампании, и именно в эти годы исламский терроризм приобрел системный и всеобъемлющий характер, охватывающий все страны региона.

Незаконный оборот наркотиков из Афганистана через Центральную Азию и Россию на Запад стал неисчерпаемой финансовой основой агрессивной и жесткой радикализации региона. В то же время афганский конфликт, особенно после изгнания талибов в 1999 году афганскими силами «Северного альянса», стимулировал поиск светскими правительствами Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и других стран адекватного ответа на вызов фундаменталистов. В 1996 году уже существовала организация «Шанхайская пятерка» в составе России, Киргизии, Казахстана, Таджикистана и Китая.

Возможно, организаторы «Шанхайской пятерки» 1996 года не основывали свою деятельность на полномасштабной концепции стратегической безопасности, ограничившись решением локальных проблем – демилитаризацией приграничных территорий, поимкой контрабандистов и др. Однако растущие террористические угрозы на Северном Кавказе, в Средней Азии и Китае (Синьцзян-Уйгурский район) подтолкнули эти страны к формированию новой региональной системы безопасности – государства блока объединились в целях борьбы с терроризмом и национальным сепаратизмом. Именно для решения этих задач 14 июня 2001 года в Шанхае на встрече лидеров шести стран – Китая, России, Узбекистана, Казахстана, Киргизской Республики, Таджикистана – была создана Шанхайская организация сотрудничества.

После подписания документа о создании в Бишкеке (Киргизская Республика) Единого антитеррористического центра (ЕАТС ШОС), договора о безъядерной зоне в Центральной Азии и включения Узбекистана в организацию в качестве полноправного члена можно констатировать, что в регионе появилась новая структура межгосударственной безопасности, основанная на достаточно значимой геополитической концепции. После событий 11 сентября 2001 г. и

завершения американской операции в Афганистане возникли новые политические реалии вокруг и внутри ШОС, к которым можно отнести:

- создание единой антитеррористической коалиции под руководством США, включающей Россию, Китай и страны Центральной Азии;
- завершение фазы афганской антитеррористической операции, ввод миротворческих сил в Афганистан и формирование временного правительства Хамида Карзая;
- ухудшение индийско-пакистанских отношений;
- растущая обеспокоенность мусульманского мира, связанная с операциями против Ирака и других «государств-изгоев»;
- признание Соединенными Штатами того, что основные угрозы их национальной безопасности исходят со стороны стран «оси зла» (Ирак, Иран и Северная Корея);
- усиление военно-политического присутствия США в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, создание военных баз и других структур, продвижение военно-политических интересов США в Казахстане через союзника по НАТО – Турцию.

Эти процессы вызывают серьезную озабоченность Китая и России, поскольку они существенно изменяют систему международных отношений в Центральной Азии, сложившуюся в 1991–2001 гг. В связи с этим перед ШОС возникает ряд принципиально новых проблем, требующих своего решения.

В каком направлении будет развиваться ШОС? Будет ли она идти по пути географического расширения (явный интерес к ней сегодня проявляют Индия, Пакистан, Иран, Монголия и даже Япония), претендуя на перспективу роли азиатского НАТО? Либо она будет развиваться в рамках уже сложившейся системы Россия – Казахстан – Киргизская Республика – Узбекистан – Таджикистан – Китай с упором на развитие экономической и гуманитарной сфер?

Какова будет стратегия и тактика ШОС против военного присутствия США в регионе и, в частности, на территории государств-членов ШОС? В политике ШОС изначально присутствовали антинатовские подтексты, и сегодня с учетом результатов операции в Афганистане и существующего российско-американского альянса в борьбе с международным терроризмом, который поддерживает и Китай, необходимо переосмыслить ряд моментов.

В стратегическом плане Китай и Россия не заинтересованы рассматривать США «как врага», несмотря на непоследовательность национальной противоракетной обороны и другие вопросы. ШОС, исходя из общей логики, должна активизировать политическое сотрудничество с Соединенными Штатами в Центральной Азии для установления мира в Афганистане и поддержания стабильности в соседних регионах.

Общая ситуация в регионе не должна кардинально осложнять отношения в геостратегическом «треугольнике» Россия – США – Китай, все стороны, объективно заинтересованы в поддержании баланса сил и единой коалиции против терроризма. Некоторые американские эксперты считают, что Китай не будет пытаться нарушить стабилизацию отношений между Китаем и США, чтобы вытеснить американские войска из Узбекистана и Киргизской Республики. В условиях роста экономической и гуманитарной помощи Афганистану со стороны международного сообщества для ШОС есть реальный шанс сделать предложение основным донорам (США, Япония, ЕС и др.) о создании открытой региональной структуры под эгидой Организации Объединенных Наций.

Идея открытого регионализма может служить не только для восстановления и демократизации Афганистана, но и для развития региона Центральной Азии. В противном случае большая часть помощи будет направлена на восстановление незаконного оборота наркотиков, продажу оружия и создание агрессивных племенных режимов, которые неизбежно начнут новую фазу гражданской войны в Афганистане, которая затронет соседние страны южного региона СНГ.

Несмотря на энергичные заявления руководителей ШОС о необходимости долгосрочных программ и придания им экономической ориентации, эта перспектива пока кажется неясной. Между государствами в рамках ШОС, к сожалению, сегодня нет диверсификации экономических отношений как на двустороннем уровне, так и в рамках шести государств.

Только Китай реально влияет на экономику региона, активно реализует нефтегазовые и транспортные проекты в Казахстане, Туркменистане и других странах. Что касается экономической политики России в регионе, то она очень слабая. К тому же Евразийский союз имеет практически те же цели и задачи, которые представлены в экономическом блоке ШОС.

В 2010-е годы в Центрально-азиатском регионе целенаправленно и активно формировались региональные экономические структуры.

Яркий пример тому – проект воссоздания Шелкового пути – древнего торгового пути между Европой и Китаем. После подписания соглашения между Пакистаном, Китаем, Киргизской Республикой и Казахстаном об экономическом транзите через их территорию стала реальностью идея возрождения этой древней магистрали. Сторонам потребовалось более шести лет переговоров и взаимных консультаций для решения многих проблем по открытию транзитного движения по маршруту протяженностью 3726 км от Алма-Аты до пакистанского порта Карачи и далее до побережья Аравийского моря.

Соглашение было заключено в марте 1995 года, и каждый из участников проекта взял на себя и к настоящему времени в целом выполнил обязательства по созданию необходимой инфраструктуры на национальных участках дороги и обеспечению ее безопасной эксплуатации, особенно на высоких горных перевалах. Фактически решены проблемы с выдачей виз и разрешений, пересечением границы, обучением водителей грузовиков. Пекин рассматривает Центрально-азиатский регион не только как транзитную территорию в сообщении Восток – Запад, но и как важного

экономического партнера, который может содействовать успеху программы развития экономики Северо-Западного Китая.

Механизмы энергетической дипломатии

С конца 1990-х годов Центрально-азиатский регион приобретает для Китая стратегическое значение как с экономической, так и с геополитической точки зрения. Это связано с рядом факторов, включая быстрое экономическое развитие Китая, который в силу экстенсивного развития экономики и отсутствия собственных природных ресурсов превратил Китай в нетто-импортера энергии. В то же время уровень технологического развития Китая не позволяет существенно снизить потребление энергии за счет внедрения новых энергосберегающих технологий, поэтому единственный способ решить проблему – увеличить импорт энергии. Это предопределило рост интереса КНР к странам Центральной Азии и активизацию ее внешней политики в этом регионе, а также превращение стран Центральной Азии в «естественных» энергетических партнеров КНР. Таким образом, в последние годы, одновременно с растущим значением Центрально-азиатского региона во внешнеполитической стратегии КНР, наблюдается «экономизация» внешней политики Китая в отношении этого региона (акцент Китая на экономическое сотрудничество и попытки решить политические задачи экономическими методами).

В рамках этой внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Пекин уделяет особое внимание энергетическому аспекту, поскольку получение доступа к относительно дешевым ресурсам Центральной Азии является одним из приоритетных интересов КНР по отношению к рассматриваемому региону и напрямую связано с задачей обеспечения собственной энергетической безопасности. Как известно, с 1993 года Китай стал нетто-импортером нефти, а в 2003 году Китай стал второй страной в мире (после США) по потреблению нефти и нефтепродуктов. По имеющимся оценкам, к 2020 году зависимость Китая от импорта нефти составит 60%.

В то же время Китай на 30% зависит от импорта природного газа. Растущая зависимость Китая от импорта энергоносителей (прежде всего нефти и газа) связана не только с ростом ВВП и быстрым развитием промышленности, но и с изменениями в структуре энергопотребления. В частности, в последние годы Китай пытается частично заменить уголь и сырую нефть более перспективными источниками энергии – природным газом и альтернативными источниками энергии. При этом в настоящее время оба этих вида энергоносителей занимают довольно скромное место в структуре энергопотребления Китая, в частности, на природный газ приходится 3% потребления первичной энергии, а на альтернативные источники энергии – менее 2% в энергопотреблении страны.

Кроме того, в Китае замедляются темпы добычи собственной нефти. В частности, крупнейшие нефтяные месторождения, такие как Дацин, Шэнли, Ляохэ, Чанцин, Цилинь и Даган, в значительной степени истощены, разработка «остаточных» нефтяных залежей требует больших инвестиций и внедрения новых дорогостоящих технологий. Другими факторами, которые будут определять дальнейший рост энергопотребления и растущую зависимость Китая от их импорта, китайские эксперты считают рост уровня жизни населения, поскольку с увеличением ВВП на душу населения резко возрастает потребление энергии; растущую автомобилизацию страны, которая ведет к повышению спроса на бензин и дизельное топливо; урбанизацию, поскольку быстрый рост городского и дорожного строительства неизбежно влечет за собой рост потребления энергии. Следует отметить, что Китай придерживается «стратегического подхода» к вопросам нефтегазовой политики. Это означает, что обеспечение страны нефтегазовыми ресурсами рассматривается в первую очередь как залог обеспечения национальной безопасности¹.

Таким образом, энергетическая политика и интересы КНР в энергетической сфере обеспечиваются комплексом внешнеполитических, дипломатических, военных и экономических мер, причем акцент делается именно на внешнеполитических мерах. Такой подход к энергетической политике проявляется в ряде конкретных мер, в частности, в жестком государственном контроле за всем комплексом разведки, добычи, транспортировки, переработки и сбыта нефти и нефтепродуктов внутри страны, а также в жестком регулировании участия в этом процессе иностранных нефтяных корпораций. Этот подход касается и уставного капитала крупнейших нефтяных компаний страны, лицензионных условий на разведку и добычу нефти в Китае, привлечения иностранного капитала, реализации крупных инвестиционных проектов в области добычи нефти и т.д. «Стратегический подход» к энергетической политике проявляется также в очевидной геополитической подоплеке крупномасштабных проектов с участием китайского капитала для добычи и транспортировки энергии.

Говоря об энергетической стратегии Китая, нельзя не упомянуть ряд стратегических задач, которые страна ставит перед собой в области энергетической безопасности.

Во-первых, Китай стремится не допустить потери способности к самообеспечению энергоресурсами и чрезмерной зависимости от конъюнктуры международного рынка. Эта задача является частью стратегии «опоры на собственные силы» и включает усиление геологоразведки и рациональное освоение уже разведанных энергоресурсов (особенно нефти и газа), а также улучшение структуры потребления энергии, повышение эффективности добычи и добычи нефти для более эффективного удовлетворения потребностей внутреннего рынка, повышения энергоэффективности и увеличения энергосбережения и рационального использования энергоресурсов, внедрение новых энергосберегающих технологий, улучшение структуры производства.

¹ <http://www.foreignaffairs.com/articles/139425/damien-ma/chinas-search-for-a-new-energy-strategy>; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под редакцией и с предисловием А.В. Торкунова, науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 721–723; Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 62–64.

Во-вторых, Китай работает над созданием дополнительных резервов энергии, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста. Эта задача предполагает создание стратегических запасов нефти и газа, проведение стратегического энергетического планирования, привлечение капитала, инвестиций и технологий извне для повышения качества разработки существующих месторождений и ряд других мероприятий.

В-третьих, Китай стремится получить гарантии реализации своих национальных интересов и укрепления своих позиций на мировом энергетическом рынке.

Эта задача предполагает дальнейшую реструктуризацию и интернационализацию крупных государственных нефтегазовых предприятий таким образом, чтобы повысить их конкурентоспособность на международных рынках, а также создать благоприятные условия для работы китайских нефтегазовых корпораций в других странах (в первую очередь в России). Исходя из поставленных задач, Китай определяет следующие направления своей энергетической стратегии:

- создание стратегических запасов нефти (создание пяти «стратегических энергетических баз национального значения» в провинции Шаньси, на востоке Внутренней Монголии, в СУАР и на юго-западе Китая;

- дальнейшее освоение собственных нефтегазовых месторождений в рамках стратегии «самообеспечения» энергоресурсами (основной упор делается на ускоренное освоение запасов нефти и газа; освоение новых месторождений угля; использование гидроресурсов страны);

- энергосбережение и снижение энергопотребления (одно из основных направлений энергетической политики; которое подразумевает всестороннее развитие энергосберегающих технологий и внедрение их в промышленное производство);

- изменение структуры промышленного производства (подразумевает ускоренное развитие высоких технологий);

- оптимизация структуры потребления энергии и развитие возобновляемых источников энергии (замена традиционных источников энергии, таких как уголь и нефть, возобновляемыми источниками энергии; реформирование структуры потребления энергии таким образом, чтобы в ней преобладали новые отрасли энергетики);

- поощрение научно-технического прогресса в энергетическом секторе (внедрение новых технологий в процесс производства энергии для повышения энергосбережения и энергоэффективности; поощрение фундаментальных исследований в отраслях, тесно связанных с энергетикой; поощрение инноваций в области технологий обогащения угля, нефти разведка и др.);

- диверсификация поставщиков нефти и газа (риски, связанные с импортом нефти и газа из традиционных стран-партнеров, таких как страны Ближнего Востока и Персидского залива, а также чрезмерная зависимость от этих стран подталкивают Китай искать новых партнеров в других регионах, энергетическое сотрудничество с которыми будет связано с меньшими рисками и затратами);

- политика «выезда за границу» (одно из ключевых направлений энергетической дипломатии КНР, предполагающее не только импорт сырья и энергии из других стран, но и активные инвестиции в разведку и разработку нефтяных и газовых месторождений за рубежом);

- привлечение иностранных инвестиций (в основном в сферу добычи и переработки китайских энергоресурсов, а также в разработку месторождений на территории КНР);

- улучшение экологической ситуации (принятие мер по борьбе с изменением климата и загрязнением окружающей среды, в том числе контроль выбросов парниковых газов, осуществление строгого экологического мониторинга экологических проектов, совершенствование существующих правовых норм, развитие низкоуглеродной экономики и др.).

В рамках своей энергетической стратегии Китай рассматривает страны Центральной Азии как важных и перспективных энергетических партнеров, и развитие энергетического сотрудничества с этими странами является одним из ключевых направлений политики в отношении этого региона. Важное место, которое страны Центральной Азии занимают в энергетической стратегии Китая, определяется рядом политических и экономических факторов.

Во-первых, перспектива этого региона как источника энергии для китайской экономики обусловлена международной ситуацией и рядом геополитических рисков, с которыми Китай сталкивается в процессе импорта энергоносителей из других регионов мира.

Во-вторых, поиск альтернативных маршрутов энергоснабжения также является одной из стратегических задач Китая. Эта задача связана с существующей проблемой обеспечения безопасности ключевых морских транспортных маршрутов, и в первую очередь с проблемой Малаккского пролива. Малаккский пролив имеет стратегическое геополитическое значение для КНР, поскольку почти 80% внешней торговли Китая осуществляется через него, и более 50% нефти, импортируемой в Китай, идет по этому морскому пути. По мнению Китая, в этом регионе существует «дефицит безопасности», поскольку угроза военной блокады Малаккского пролива некоторыми государствами региона (при поддержке США) сохраняется, а сам Китай не имеет достаточно мощного военно-морского флота для обеспечения своих интересов.

В третьих, Китай уже имеет партнерские отношения со странами Центральной Азии на достаточно высоком уровне. Китай является ключевым экономическим игроком в регионе (помимо России), и он активно развивает экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии в таких сферах, как торговля, инвестиции, строительство инфраструктуры, кредиты для экономического развития или реализация совместных проектов. Кроме того, между странами региона и КНР существуют достаточно стабильные политические отношения, которые характеризуются относительно активным сотрудничеством, регулярным обменом визитами на официальном уровне и отсутствием значительных нерешенных политических проблем, которые тормозили бы развитие отношения (например, территориаль-

ные споры). Более того, можно утверждать, что существует определенная взаимодополняемость экономических интересов Китая и стран региона: странам Центральной Азии нужны китайские инвестиции для разработки своих нефтегазовых месторождений, а также для развития соответствующих отраслей; Китаю нужны новые рынки для своей продукции, а также новые источники импорта энергии.

Кроме того, как КНР, так и страны Центральной Азии (за исключением Туркменистана) являются членами Шанхайской организации сотрудничества, которая является важной многосторонней площадкой для расширения сотрудничества и многостороннего развития отношений между Китаем и странами региона (в том числе в области энергетики).

В-четвертых, Центральная Азия – относительно стабильный регион, в котором, хотя и сохраняются определенные вызовы безопасности (связанные с деятельностью террористических групп и непосредственной близостью политически нестабильного Афганистана), но на нынешнем этапе эти факторы не являются серьезным препятствием для конструктивного развития отношений с Китаем.

В первую очередь это связано с тем, что названные проблемы не так остры, как в некоторых других регионах мира, а также с тем, что между Китаем и странами Центральной Азии существуют достаточно эффективные механизмы сотрудничества и координации усилия по борьбе с угрозами региональной безопасности (например, Региональная антитеррористическая структура ШОС). Большое значение имеет тот факт, что среди представителей политических элит стран Центральной Азии нет откровенно враждебного отношения к КНР, а во внешнеполитической риторике этих стран, в отличие от некоторых стран, открыто не встречаются антикитайские высказывания.

Привлекательность энергоресурсов Центральной Азии для Китая определяется еще и тем, что экономическое и энергетическое сотрудничество с государствами Центральной Азии вносит свой вклад в программу развития северо-западных провинций Китая. Это сотрудничество может предоставить новые рабочие места в СУАР, что, по мнению китайских властей, должно помочь стабилизировать ситуацию в регионе. Наконец, развитие энергетического сотрудничества и связей в ряде других сфер со странами Центральной Азии соответствует стратегии КНР по обеспечению мирного окружения. В этом контексте Китай рассматривает расширение своего влияния в странах Центральной Азии как одну из центральных геополитических целей в регионе.

Для продвижения своих интересов в Центрально-азиатском регионе и реализации целей, поставленных в энергетической стратегии, Китай использует целый ряд экономических и политических инструментов и механизмов. Во-первых, поскольку Китай заинтересован в получении прямого доступа к энергоресурсам региона, основное внимание уделяется «финансовым» инструментам: предоставлению льготных кредитов, часто целевых или долгосрочных, или с возможностью их погашения путем экспорта товаров или энергоносителей; заключение межгосударственных долгосрочных контрактов через крупные госкорпорации; покупка акций ключевых энергетических компаний в странах Центральной Азии (что фактически дает Китаю контроль над энергетическим сектором той или иной страны); приобретение прав на разработку нефтяных и газовых месторождений. Помимо вышеупомянутых механизмов, Китай сотрудничает со странами региона через механизмы энергетической дипломатии, которые Китай применяет в других регионах мира.

Китай продвигает свои интересы в основном через три государственные нефтегазовые корпорации, которые являются основой энергетического сектора КНР и основными механизмами его энергетической политики. Эти три корпорации включают Китайскую национальную нефтяную корпорацию (CNPC), Китайскую нефтехимическую корпорацию (Sinopec) и Китайскую национальную оффшорную нефтяную корпорацию (Китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация – CNOOC).

В целом энергетическое сотрудничество со странами региона носит многогранный характер и развивается по ряду направлений, таких как совместная разработка месторождений; строительство трубопроводов; строительство электростанций; инвестиции Китая в соответствующие отрасли стран Центральной Азии (включая помощь в модернизации энергетических объектов); предоставление китайской стороной льготных кредитов, а также технологий и оборудования, необходимых для разработки и эксплуатации месторождений углеводородов и ряда других. В настоящее время Китай делает акцент на строительстве нефте- и газопроводов, связывающих месторождения Центральной Азии с западными регионами КНР и получении прав на разработку месторождений углеводородов китайскими компаниями. Что касается развития сотрудничества в энергетической сфере на двустороннем уровне, руководство Китая уделяет особое внимание развитию отношений с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, которые обладают богатыми энергоресурсами, а Казахстан является геополитически наиболее важным энергетическим партнером в Центральной Азии. В то же время уровень энергетического сотрудничества с Киргизской Республикой и Таджикистаном значительно ниже по ряду объективных причин, в том числе и в связи с отсутствием значительных запасов нефти в этих странах.

Китай и Туркменистан

Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером Китая в регионе, а энергетика является приоритетным направлением двустороннего экономического сотрудничества. Туркменистан является крупнейшим экспортером природного газа в Китай среди стран Центральной Азии, на его долю приходится 4,3% всего газа, импортируемого Китаем. Сотрудничество в области энергетики между КНР и Туркменистаном начало развиваться практически сразу после распада Советского Союза.

Одним из первых энергетических проектов в 1990-х годах был проект строительства газопровода Туркменистан – Китай – Япония к берегу Тихого океана протяженностью около 8 тыс. км и пропускной способностью около 30 млрд.

кубометров газа в год¹. Предполагалось, что этот трубопровод должен стать частью разветвленной сети газопроводов, соединяющих Туркменистан, Казахстан и Узбекистан с Китаем, Японией и Южной Кореей, а точнее, он должен был соединить туркменское газовое месторождение Даулетабад со странами-потребителями Восточной Азии через территории Узбекистана и Казахстана.

Однако этот проект так и не был реализован, так как считался слишком дорогостоящим. Одним из ключевых совместных проектов Китая и Туркменистана в области энергетики является газопровод «Средняя Азия – Китай». Этот газопровод изначально планировался как двусторонний проект КНР и Туркменистана, но со временем он превратился в разветвленную сеть трубопроводов, связывающих Китай с основными производителями природного газа в регионе. Этот газопровод имеет протяженность 1800 км и соединяет газовые месторождения Туркменистана с СУАР через территории Узбекистана и Казахстана.

В 2006 году был подписан договор о строительстве этого газопровода, само строительство началось в 2007 году, а в 2009 году трубопровод был сдан в эксплуатацию. Проект финансировался в основном китайской стороной путем предоставления Туркменистану кредитов на несколько миллиардов долларов. Эти кредиты были инвестированы в разработку месторождения Южный Иолотань-Осман и в строительство газопровода, и в то же время погашались за счет поставок газа. Основная часть работ была проделана CNPC совместно с туркменскими компаниями и компаниями транзитных стран. Следует отметить, что договоренность о реализации этого проекта имеет стратегический характер, поскольку, с одной стороны, подразумевает заключение долгосрочного контракта на закупку природного газа, по которому Китай будет импортировать 30 млрд. куб. газа в год из Туркменистана на 30 лет; с другой стороны, он также несет в себе элементы политического партнерства, поскольку подразумевает, что Китай будет содействовать развитию инфраструктуры и решению различного рода дипломатических вопросов, которые могут возникнуть между Туркменистаном, Казахстаном и Узбекистаном во время строительства газопровода.

В 2010 году Китай заключил соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о соединении газопровода Средняя Азия – Китай с энергетическими и трубопроводными системами этих двух стран и, таким образом, обеспечил транспортировку природного газа по этому газопроводу в Казахстан и Узбекистан и обратно. Объем импорта казахстанского и узбекского газа по этому трубопроводу достигает 10 миллиардов кубометров в год. Кроме того, есть проекты по расширению сети газопровода Средняя Азия – Китай. Также планируется построить четыре «ответвления» от магистрального газопровода: по территории Туркменистана, Казахстана и Узбекистана; через северные районы Таджикистана и Афганистана; через Казахстан, Узбекистан и Киргизскую Республику; и через территорию Туркменистана до Каспийского моря.

Помимо реализации крупных совместных проектов, двустороннее энергетическое сотрудничество предполагает участие китайского капитала в разработке и эксплуатации туркменских нефтегазовых месторождений. В этой связи следует подчеркнуть, что Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) фактически является единственной иностранной компанией, которая имеет право разрабатывать газовые ресурсы Туркменистана, не связанные с шельфовыми месторождениями, после того, как Китай и Туркменистан подписали Соглашение о разделе продукции в 2007 г. в отношении проекта Багтыярлык. CNPC также участвует в разработке нефтегазового месторождения Котурдепе и газового месторождения Гунорт-Йолотен. Важным аспектом двустороннего энергетического сотрудничества является инвестирование Китая в развитие энергетического сектора Туркменистана, а также предоставление Китаем достаточно выгодных кредитов, направленных на развитие необходимой инфраструктуры, разработку месторождений, модернизацию соответствующих технологий и др. В целом можно констатировать, что сотрудничество с Туркменистаном в энергетической сфере носит разнообразный и многогранный характер и имеет стратегическое значение для КНР.

Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером Китая в Центрально-азиатском регионе и крупнейшим поставщиком природного газа на китайский рынок. Более того, Китай становится ключевым энергетическим партнером Туркменистана, постепенно отодвигая в сторону двух других основных партнеров страны – Россию и Иран, что все больше укрепляет экономические (а через них и политические) позиции КНР в этой стране.

Китай и Казахстан

По ряду параметров (географическое положение, ресурсный потенциал, динамика экономического развития, численность населения) Казахстан превосходит другие государства Центральной Азии, а значит, в глазах Китая углубление отношений с Казахстаном имеет значительный потенциал и имеет стратегическое значение.

Китай и Казахстан активно развивают двусторонние политические контакты. С 1996 по 2002 год между высшими должностными лицами двух стран проведено восемь встреч, в том числе три с официальным визитом президента Н. Назарбаева в Китай, а спектр казахстанско-китайских отношений сейчас достаточно широк. Он включает в том числе вопросы территориального разграничения и уточнения границ.

В апреле 1994 г. было подписано, а в сентябре 1995 г. вступило в силу Соглашение между Казахстаном и Китаем о делимитации казахстанско-китайской границы протяженностью 1700 км. Дополнительным соглашением по казахстанско-китайской границе от 4 июля 1998 г. были разделены спорные участки у реки Сарычилда и перевалов Чаган-Обо и Баймурза. В декабре 1999 года во время визита в Китай президента Н. Назарбаева в Пекине был подписан Договор о китайско-казахстанской границе. Подписанием этого документа фактически закончился долгий переговорный процесс, и граница получила юридическое оформление. В Казахстане по вопросу границы нет единого мне-

¹ Petersen A. Central Asia's New Energy Giant: China. 2013. – <https://www.theatlantic.com/china/archive/2013/06/central-asias-new-energy-giant-china/277338/>

ния. Лидер казахстанской оппозиции А. Кажегельдин заявил, что «заключение договоров о границе с Китаем – самая большая ошибка Назарбаева».

Развивается и военно-техническое сотрудничество между Казахстаном и Китаем. Казахстан обладает мощным военно-промышленным комплексом, который остался в стране после распада Советского Союза, что позволяет ему уверенно чувствовать себя в этой непростой сфере взаимоотношений. Развитие военных связей Китая с Казахстаном является одним из приоритетов казахстанско-китайских отношений.

Однако наиболее приоритетным направлением двустороннего сотрудничества является экономика. Среди стран Центральной Азии Казахстан является ведущим торговым партнером Китая: объем торговли между двумя странами достиг 23,981 миллиарда долларов. Доля Китая в общем товарообороте Казахстана составляет около 18% (17,86% экспорта и 18,39% импорта). Помимо торговли, стороны активно развивают приграничное сотрудничество, кооперацию. Ключевым аспектом экономического сотрудничества между Китаем и Казахстаном является сотрудничество в области энергетики.

КНР и Казахстан являются стратегическими энергетическими партнерами по нескольким причинам. Во-первых, из всех стран Центральной Азии Казахстан обладает наибольшим экономическим потенциалом и наиболее стабильной экономической и внутривластной ситуацией. Во-вторых, важным фактором является непосредственная географическая близость двух стран и наличие протяженной общей границы, что значительно облегчает транспортировку энергоресурсов и снижает риски, связанные с транзитом энергоресурсов через третьи страны.

В-третьих, существует взаимодополняемость в энергетическом секторе Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района, который является одним из крупнейших нефтегазодобывающих регионов Китая, что стимулирует двустороннее сотрудничество в области энергетики. Казахстан также является крупнейшим поставщиком нефти в КНР в регионе Центральной Азии, на его долю приходится около 4,42% всей нефти, импортируемой Китаем. Одним из первых таких проектов стало строительство нефтепровода протяженностью 3000 км, соединяющего Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и каспийское побережье Казахстана.

Соглашение о строительстве этого газопровода было заключено в 1997 году. Общая стоимость проекта составила 9,5 миллиарда долларов. В 2004 году было завершено строительство первой очереди в Западном Казахстане; в 2006 году был введен в эксплуатацию второй участок, который пролегал от побережья Каспийского моря через центральные районы Казахстана и заканчивался в Китае; а в 2009 году заработала третья секция, соединившая первые два участка газопровода.

Нефтепровод Атасу-Алашанькоу пропускной способностью 20 миллионов тонн нефти в год можно считать ключевым двусторонним энергетическим проектом. Соглашение о строительстве этого нефтепровода было подписано в 1997 году, однако реализация проекта началась только в 2001 году. Первый участок нефтепровода (Атырау – Кенкияк) был введен в эксплуатацию в 2003 году. В 2004 году началось строительство второй очереди нефтепровода. Атасу-Алашанькоу, а в 2009 году был введен в эксплуатацию третий участок Кенкияк-Кумколь-Атасу, который соединил первые два участка и месторождения в западной части Казахстана с китайским нефтеперерабатывающим заводом Душанзи. Трубопровод принадлежит совместному казахстанско-китайскому трубопроводному предприятию, акциями которого владеют CNPC и КазМунайГаз.

Другой важный энергетический проект – участие Казахстана в изначально двустороннем проекте Туркменистана и Китая по газопроводу Средняя Азия-Китай. Участие Казахстана в этом проекте было согласовано в 2007 году, тогда же была достигнута договоренность о строительстве казахстанской ветки от газопровода Средней Азии в Китай. Реализация этого проекта была завершена в 2010 году, и на данный момент Казахстан экспортирует по этому газопроводу в Китай до 10 миллиардов кубометров газа в год, а также обеспечивает газом южные регионы страны¹. Важным аспектом энергетического сотрудничества между Китаем и Казахстаном является участие китайского капитала в разработке ряда месторождений в Казахстане, в частности, Узгенского нефтяного месторождения, Узеньского нефтегазового месторождения, Кенкиякского нефтяного месторождения, Жанажолского нефтяного месторождения, нефтегазового месторождения Северные Бузачи. Китайскими компаниями также принадлежит право на разведку Адаянского, Атырауского, Бегайдарского Восточно-Каспийского, Коль-Жанского, Сазанкурукского и Федоровского месторождений.

Китайской стороне также принадлежит значительная часть акций крупных нефтяных компаний, что позволяет ей фактически контролировать значительную часть энергетического сектора Казахстана. Например, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) полностью контролирует Актобе-Мунайгаз, который является вторым по величине производителем нефти в Казахстане. CNPC также принадлежит 50% акций «Мангистау-Мунгаз» и контрольный пакет акций «ПетроКазахстан», CNODC стала единственным акционером крупной нефтегазовой компании Айдан Мунай. В 2006 году китайский фонд CITIS выкупил активы Nations. Благодаря планомерным действиям по установлению контроля над ключевыми нефтегазовыми компаниями в Казахстане, к 2008 году Китай фактически контролировал пятую часть добычи нефти в этой стране.

Страны активно развивают сотрудничество в области электроэнергетики и атомной энергетики. Китайские компании China National Nuclear Corp. (CNNC) и China Guangdong Nuclear Power Corp. (CGNPC) участвуют в разработке трех урановых месторождений в Казахстане – Ир-Коль, Семизбай и Жалпак. В обмен на право китайских компаний участвовать в разработке этих месторождений Казахстан получил право инвестировать в атомную энергетику Китая, а казахстанский Казатомпром получил право участвовать в строительстве АЭС в Китае. Согласно договорен-

¹ Ibragimova G. Nuclear power in Central Asia: are there any prospects? // Security Index. 2010. – N 4 (95). – P. 84–85; Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009; Kaukenov A. Kazakh-Chinese economic relations: mechanisms and principles // Kazenergy. 2009. – № 2.

ностям между двумя странами, уран с этих месторождений экспортируется в Китай, где происходит его обогащение, а затем возвращается в Казахстан, где Казахский Ульбинский металлургический завод производит урановые таблетки, используемые в ядерных реакторах. Кроме того, в 2007 году стороны заключили соглашение о расширении и углублении стратегического сотрудничества в области производства ядерного топлива для китайских АЭС, а также ресурсного обеспечения ядерной энергетики Китая. По условиям этого соглашения Казахстан фактически является основным поставщиком ядерного топлива для китайской компании CGNPC.

Подводя итоги, можно констатировать, что энергетическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем носит стратегический характер и развивается по многим направлениям. Активное развитие различных аспектов энергетического сотрудничества (нефть и газ, электроэнергетика, атомная энергетика и др.) демонстрирует высокую заинтересованность сторон в дальнейшем углублении сотрудничества.

Китай и Киргизская Республика

5 января 1992 года между Китаем и Киргизской Республикой установлены дипломатические отношения. Правительства двух стран договорились развивать отношения дружбы и сотрудничества, основанные на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, а также мирного сосуществования. Следуя принципам мирного сосуществования, Китай и Киргизская Республика начали новый этап в истории своих отношений.

Киргизская Республика (население 5 миллионов человек) отличается большим этническим разнообразием: киргизы составляют 55% населения, узбеки – 13%, а количество русских за последние годы уменьшилось с 20 до 15%. Страна богата полезными ископаемыми, но географически «зажата» между Казахстаном и Китаем, что в конечном итоге определяет ее региональные интересы. В отличие от Казахстана, отношения Китая и Кыргызстана во многом зависят от «исламского фактора».

Энергетическое сотрудничество не играет центральной роли в отношениях между Китаем и Киргизской Республикой. С одной стороны, с первой половины 1990-х годов вопросы безопасности, особенно борьба с исламским радикализмом и экстремизмом, занимали центральное место в отношениях между двумя государствами. Несмотря на существенное изменение геополитической ситуации в регионе за последние 25 лет, вопросы безопасности, борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом, борьбы с трансграничной преступностью и незаконным оборотом наркотиков по-прежнему остаются приоритетными в повестке дня КНР для Киргизской Республики. С другой стороны, второстепенное значение энергетического сотрудничества в двусторонних отношениях связано с довольно скудными природными ресурсами Киргизской Республики, которая, в отличие от Казахстана или Туркменистана, не является одним из основных экспортеров энергоресурсов в регионе.

Углеводороды добываются в Киргизской Республике, но годовая добыча нефти не превышает 100 тысяч тонн, что не представляет серьезного интереса для Китая и объективно не способствует развитию энергетического сотрудничества. Однако нельзя утверждать, что Киргизская Республика не представляет серьезного экономического интереса для Китая. С начала 2000-х годов активно развивается торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами. Кроме того, Китай является крупнейшим торговым партнером Киргизской Республики, который импортирует широкий спектр промышленных и других товаров из КНР. Торговля, являясь основой экономических отношений двух стран, выгодна как для КНР, так и для Киргизской Республики, поскольку для Китая Киргизская Республика является одним из рынков сбыта китайской продукции, а Киргизская Республика получает достаточно большую прибыль за счет реэкспорт дешевой китайской продукции в другие страны Средней Азии.

Приграничная торговля – важный аспект экономического сотрудничества между двумя странами, а именно развитие торговли между Киргизской Республикой и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (товарооборот с СУАР составляет 80% от общего объема двусторонних торговых отношений). Несмотря на то, что энергетика не является краеугольным камнем отношений между Китаем и Киргизской Республикой, энергетическое сотрудничество имеет место, в том числе в нефтегазовой сфере. В частности, в 2002 году Китай и Киргизская Республика подписали соглашение о сотрудничестве в разработке нефтегазовых месторождений, расположенных в южной части Киргизской Республики. Кроме того, в 2014 году китайская сторона получила право участвовать в разработке месторождений Майлуу-Суу, Восточный Избаскент, Чангыр-Таш и Чыычик.

Кроме того, Китай активно участвует в строительстве газопровода Киргизская Республика – Китай, который фактически является ответвлением газопровода Средняя Азия – Китай (так называемая четвертая нитка газопровода, которая должна проходить по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Киргизская Республика – Китай).

Киргизская Республика обладает богатыми гидроресурсами, что создает возможности для развития сотрудничества в области гидроэнергетики, строительства гидроэлектростанций и производства электроэнергии. Фактически, сотрудничество в области производства и транспортировки электроэнергии является ключевым аспектом энергетического сотрудничества между Китаем и Киргизской Республикой. Сотрудничество в этой сфере имеет большое значение для Китая, поскольку быстрорастущая экономика Китая сталкивается не только с дефицитом энергоресурсов, но и электроэнергии, что создает проблемы для развития промышленности в западных регионах КНР. Для решения этой проблемы, помимо увеличения импорта энергии и строительства новых электростанций, Китай развивает сотрудничество в области транспортировки электроэнергии из государств, которые не сталкиваются с проблемой дефицита электроэнергии. В этом контексте большое внимание уделяется импорту электроэнергии из соседних государств, в том числе из Киргизской Республики.

С 2004 года Киргизская Республика экспортирует электроэнергию в Китай через пограничные пункты Торугарт и Иркештам по линиям электропередачи. Объем отпуска электроэнергии составляет около 1 млн кВт/ч в год. Кроме того, Китай и Киргизская Республика сотрудничают в строительстве новых электростанций. В частности, в 2006 году стороны подписали Протокол о намерениях о долгосрочном сотрудничестве между Государственной электросетевой компанией Китая и Киргизскими компаниями ОАО «Электрические станции» и ОАО «Национальные электрические сети Киргизской Республики». Этот документ подразумевает сотрудничество в области строительства и реконструкции электрических сетей и электростанций.

Важную роль в стимулировании развития энергетического сотрудничества играют китайские инвестиции и кредиты. Таким образом, можно отметить, что, несмотря на слабую ресурсную базу Киргизской Республики и относительно низкий уровень энергетического сотрудничества (по сравнению с другими странами Центральной Азии) на текущем этапе, есть основа для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в области энергетики. В среднесрочной перспективе ожидается рост активности КНР в энергетическом секторе Киргизской Республики. Для самой Киргизской Республики дальнейшее развитие энергетического сотрудничества с Китаем принесет существенные дивиденды, поскольку будет способствовать притоку китайских инвестиций в перспективные отрасли Киргизской экономики, создаст возможность получения соответствующих технологий из Китая и будет стимулировать развитие таких отраслей, как гидроэнергетика и электроэнергетика.

Китай и Таджикистан

Таджикистан и Китай имеют общую границу протяженностью более 500 километров. После основания Таджикистана в 1992 году в результате распада СССР КНР заявила о необходимости подписать новый договор о границе и пересмотреть некоторые демаркационные линии. В мае 2004 года в соответствии с соглашением, подписанным правительствами Китая и Таджикистана, был открыт первый контрольно-пропускной пункт на китайско-таджикской границе – КПП Карасу. 6 октября 2011 года завершился процесс передачи под юрисдикцию Китая 1515 квадратных километров таджикской территории, что составляет 5,5% от всех спорных территорий.

Китайско-арабские стратегические отношения

Особого внимания заслуживают отношения Китая с арабскими странами. В настоящее время Лига арабских государств занимает седьмое место среди торговых партнеров Китая. По прогнозам, объем китайско-арабской торговли достигнет 600 миллиардов долларов.

Столь впечатляющие показатели имеют реальную основу: с 2004 года действует Форум китайско-арабского сотрудничества; в 2010 году была принята Тяньцзиньская декларация «Китайско-арабские стратегические отношения в интересах всестороннего сотрудничества и совместного развития»;

Стратегические отношения установлены с рядом арабских стран (Египет, Турция, Алжир, Саудовская Аравия, ОАЭ); создан механизм стратегического диалога с Советом сотрудничества стран Залива. Показательно, что Мухаммед Мурси, став президентом Египта в 2012 году, посетил Пекин с первым официальным визитом за пределами региона, где заключил восемь двусторонних соглашений на сумму около 2 миллиардов долларов. Усиление ориентации на Китай было продолжено при новом президенте Египта, идейном противнике М. Мурси. В декабре 2014 года Абдель Фаттах ас-Сиси посетил Китай, подписав в общей сложности 25 соглашений¹.

На встрече, состоявшейся в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества в июне 2014 года, председатель Си Цзиньпин призвал своих арабских коллег модернизировать стратегические отношения, углубляя двустороннее сотрудничество в различных областях, от финансов и энергетики до космических технологий. Совершенно очевидно, что Китай, активизируя экономические контакты со странами Ближнего Востока, усиливает влияние в регионе в целом и постепенно становится одним из гарантов его социально-экономического развития. Специалисты образно называют ближневосточную линию КНР «тихой» и «мягкой» дипломатией, или «дипломатией терпения». Более того, главный принцип проводимой Пекином политики – невмешательство во внутренние дела любого государства.

Проблемы и перспективы ближневосточной политики Китая

Несмотря на успехи ближневосточной политики КНР, есть ряд причин, препятствующих укреплению ее позиций в регионе. Во-первых, конфликтогенный потенциал самого Ближнего Востока объективно усложняет политику любого внерегионального актора.

Во-вторых, влияние так называемого «американского фактора»: нельзя отрицать, что влияние Вашингтона на Ближнем Востоке несколько снизилось, но он по-прежнему остается наиболее заметным игроком на ближневосточной шахматной доске. Понятно, что растущая активность Китая в регионе вызывает у американского истеблишмента не энтузиазм, а желание проводить политику сдерживания².

¹ Кокарев К. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. – <http://geopolitics.by/analytiks/k-voprosu-ob-interesah-kitayana-blizhnem-vostoke>

² Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 3 (24). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm>

В-третьих, еще одним фактором, который в определенной степени препятствует проникновению Китая на Ближний Восток, является низкий интерес китайцев к исламской культуре.

В-четвертых, как уже отмечалось, ближневосточная политика КНР основана на принципах невмешательства и нейтралитета. Именно в этом плане заключаются ключевые отличия внешней политики Китая от американской и даже российской. Но, по некоторым оценкам, такая политическая линия не совсем соответствует статусу ведущей мировой державы. Кроме того, сама ситуация на Ближнем Востоке не предполагает пассивной позиции. Однако китайцы, как правило, предпочитают не форсировать события, обоснованно полагая, что когда китайские инвестиции достигнут значительных объемов, их партнеры, в том числе на Ближнем Востоке, станут более сговорчивыми в других областях. Китайская дипломатия, основанная на традициях своей политической культуры, не мыслит категориями «здесь и сейчас».

Китайцы в течение многих веков не утратили своей идентичности. Они дружат с вечностью. Это главная китайская угроза и главный урок, который Китай преподает всему миру¹.

¹ Михеев С. Китайская угроза как она есть. 19.07.2006. – <http://forum.politcom.ru/3091.html>

Ковалев С.Г.

д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

МИРОПОРЯДОК БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СУВЕРЕННОСТЬ РОССИИ

Ключевые слова: *мировой порядок, технологический суверенитет.*

Keywords: *world order, technological sovereignty.*

Социально-производственная жизнь индивидов, отдельных стран и их воспроизводство протекает в планетарном социально-природном и космическом пространстве, составляющим естественную сферу обитания человека и человечества.

В мгновенный период времени это достаточно устойчивая сфера, но уже в краткосрочный и тем более в долгосрочный период всегда наблюдаются как хаотичные, так и упорядоченные динамические изменения. Перемены – важнейший признак и фактор социального бытия. В истории человечества существуют периоды, когда интенсивность перемен резко нарастает, их импульс носит незатухающий, а нарастающий характер, сфера распространения становится не обособленной, не локальной, а охватывает глобальные социально-территориальные пространства. А их последствия коренным образом изменяют жизнь не только отдельных индивидов, их групп, коллективов, но и целой страны, а иногда и группы стран или всего мира. Изменения имеют качественные и количественные характеристики: вектор, сферы распространения, цели, силы, субъекты и объекты, способы осуществления (хаос, целерациональность), инструменты воздействия, последствия (созидательные, разрушительные). Кардинальная смена миропорядка – это смена его глубинных оснований, изменение в мировых производительных силах, и изменения в мировых производственных отношениях.

Важнейшая проблема мирового сообщества и современного российского социума – изменение технологической основы воспроизводства и развития, протекающая во всех частях планетарного пространства. Ее актуализация связана с целым рядом обстоятельств и процессов. Во-первых, меняется планетарная ноосферная и социальная среда воспроизводства жизни. Во-вторых, нарастают противоречия между срезами (сферами) и внутри срезов воспроизводства жизни: биологический, социальный, производственный, властный, причем это касается как отдельных стран, так и мира в целом. В-третьих, ускоряется смена технологических основ воспроизводства жизни – эволюция технологических укладов, появление принципиально новых «не природных технологий». В-четвертых, нарастает опасность техногенных катастроф. В-пятых, для России остро стоит вопрос-ответ на вызовы геополитики и разработки стратегии ее суверенного выживания на основе технологического прорыва. Обостряется межстрановая конкуренция, и возрастают угрозы для суверенного воспроизводства.

Россия как историческое образование в лице Российской Империи, СССР, Российской Федерации пространственно расположена на севере континента Евразия. Вглядываясь в итог тридцатилетних трансформационных изменений и перемен в Российской Федерации – самого крупного территориального и экономического осколка СССР, его ядра, – констатируем, что новая страна обрела государственную суверенность, стала одной из крупнейших держав мира, но при этом в ней сложился специфический вид олигархического капитализма – державный и колониальный одновременно. При этом надо здраво оценивать реалии – современная Россия хотя и крупная, этнически и культурно достаточно однородная страна, но значительно уступает СССР, который обладал более значительным человеческим, экономическим, военным потенциалом, был социально однородным, самодостаточным и независимым в международных отношениях. Россия теснее вписана в сложившийся мировой порядок. Все пертурбации в нем ее напрямую затрагивают, а расположение в Евразии, крупнейшей части мирового континентального пространства, исторически наиболее развитой и активной его части, делают ситуацию лишь более острой.

Расположение Российской Федерации в северной части пространства Большой Евразии – континента, объединяющего две части света – Европу и Азию, образующего вместе с тесно к нему прилегающими Африкой и Северной Америкой суперконтинентальное пространство, в определенной степени предопределяет объективные условия, возможности и пределы ее развития. В таком континентальном ракурсе она – центр данного пространства, центр своеобразного континентального географического и геополитического многоугольника, а значит, и мира.

Российская Федерация как конвергентный мутант социализма в капитализм производит вид здорового, жизнеспособного социального образования, но это внешний образ. Любая государственная модификация становится исторической жизнеспособной реальностью тогда, и только тогда, когда развивается на собственной основе – цивилизационной, социально-политической, технологической. Соответственно, у Российской Федерации две альтернативы – либо создать собственную технологическую базу для долгосрочного независимого развития, либо уйти в историческое небытие: из субъекта, тысячелетней державы, превратиться в субстрат истории, заняв позицию мировой полупериферии, что с высокой долей вероятности означает сползание к статусу объекта для неоколониальной экспансии.

Большая Евразия обладает рядом особенностей. Во-первых, это наиболее крупное и густонаселенное территориальное пространство и наиболее исторически насыщенное и экономически развитое континентальное пространство. Во-вторых, это очень неоднородное этническое, культурно-религиозное, экономическое пространство, место крупнейших транснациональных инвестиций. В-третьих, это быстро развивающееся, но при этом сильно противоречивое, милитаризованное, миграционное пространство, в котором есть определенные разделы между государствами Западной и Восточной Европы, Северной Евразии (РФ), Средней Азии, Ближнего Востока, Юго-восточной Азии, а также Китаем и Японией. Российская Федерация, обладая самой крупной территорией, соответственно, и воздушно-космическим и ресурсно-природным пространством, а также морским пространством (имеет выход в Северно-Ледовитый, Тихий, Атлантический океаны), объективно вынуждена прилагать большие усилия по его освоению, удержанию, сохранению и обеспечению своего территориального суверенитета. Фактически – это «мост», соединяющий запад и восток, юг и север континента, а потенциально и межконтинентальный мост, соединяющий Евразию с Аляской (США) и Канадой. А в военной геополитике – кто удерживает мост, тот и осуществляет тактический и стратегический контроль территории. По периметрам границ Российской Федерации складываются две конфликтные дуги: северная и западно-юго-восточная, по которым интересы РФ пересекаются с интересами других стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Данные дуги образуют своеобразное кольцо Анаконды, на Западе – атлантический НАТО, на Востоке – формирующийся потенциальный тихоокеанский альянс: США, Австралия, Индия, Япония, а по центру – Турция, одна из сильнейших в военном плане стран НАТО. Кроме того, РФ зажата тремя сложившимися зонами свободной торговли: атлантической – ЕС, Канада; североамериканской – США, Канада, Мексика; тихоокеанской, формирующейся из стран Юго-восточной Азии, Австралии, Новой Зеландии под эгидой Китая. Соответственно, усиливается конкуренция за контроль над постсоветским пространством. Развал Российской империи, а затем и СССР привел с одной стороны, к появлению новых суверенных государств, с другой стороны, он стимулировал стремление Запада и других крупных региональных держав к геополитическому контролю над территориями, перспективными с точки зрения реализации их интересов. Соответственно, все бывшие социалистические, постсоветские, включая РФ, страны стали объектом пристального геополитического интереса и геоэкономической экспансии.

Выделим две фундаментальных предпосылки смены миропорядка и ряд следствий вытекающих из них.

Во-первых, изменения в техническом базисе и организации материального производства, появление принципиально новых средств производства – новых источников энергии, технологий, материалов, средств передачи информации. Появляются технологии, реализующие принцип синтеза био, нано, когно, инфо в техно, ведущие к иному способу производства благ. Не просто автоматизированные машины производят автоматизированные машины, а появляются принципиально новые технологии, использующие иные физико-химические и биологические принципы действия. Используются безлюдные технологии, когда человек физически выводится из пространства производственного процесса, сохраняя функцию конструирования и цифрового моделирования. Постепенно искусственный интеллект будет вытеснять людей из рутинных, повторяющихся видов деятельности. Если настанет эпоха воспроизводства искусственным интеллектом самого себя, то эра биологического человека закончится. К счастью, в ближайшем будущем, а хотелось бы верить, что и в отдаленном, это утопия. Но ясно одно – доступ к наиболее современным технологиям во все века был уделом избранных, и такое положение сохранится и усилится. Кто отстал, тот отстал навсегда.

Во-вторых, процессы концентрации экономической, а как следствие, и политической, власти в мире не тормозятся, а ускоряются как в разрезе стран, так и в разрезе предпринимательских субъектов и структур. Мир был поделен между крупнейшими игроками уже к концу XIX века, далее шли процессы и этапы передела, причем в них участвовали не столько страны, сколько крупнейшие финансовые, производственные, цифровые корпорации, роль которых резко возросла в последние годы (этим корпорациям удалось привлечь наиболее значимый интеллектуальный и человеческий потенциал, с использованием которого они получают сверхвысокие доходы от операционной деятельности).

Процесс концентрации и централизации мирового капитала – это реалии наших дней. Идут мировые процессы не просто концентрации собственности, а экономической власти. Контроль за бизнесом не требует 100% участия в капитале, хватает намного меньшего пакета акций, перекрестного владения ими. Сформировавшийся механизм трастов, различных фондов позволяет концентрировать экономическую власть в узком сегменте мировых элитарных групп.

Выделим и рассмотрим еще несколько тенденций формирующегося мирового порядка. Во-первых, процесс глобализации мира протекает в форме становления крупных региональных блоков. Примером может служить формируемая китайская зона единой судьбы человечества на основе проекта Нового Шелкового пути.

Во-вторых, размывание суверенитета национальных государств протекает как сверху – в результате усиления наднациональных структур управления, так и снизу – в результате усиления крупнейших транснациональных компаний, формирующих свои логистические империи.

В-третьих, осуществляется процесс трансформации мировой финансовой системы в сторону большей централизации эмиссии денег, расчетов, контроля за валютными обменами, предоставления кредитных средств, уплаты налогов. Происходит не просто вытеснение наличных расчетов безналичными, а запуск единого мирового электронного эмиссионного механизма – мировой электронной валюты, распространяемой по всему миру из единого центра без реального обеспечения, путем открытия соответствующих электронных счетов. Своего рода общепланетарная ФРС, выражающая волю планетарного правительства. Возможно, этот процесс получит и региональное измерение. Характерно, что Китай уже сыграл на опережение – анонсировал выпуск национальной электронной денежной единицы (электронный юань).

В-четвертых, происходит процесс тотальной цифровизации на основе создания корпоративных и государственных баз данных, их объединения, спутникового Интернета и других средств связи, квантовых компьютеров, штрих кодов товаров, вытеснения традиционного документооборота во всех сферах деятельности и др.

В-пятых, развивается процесс формально свободного передвижения всех групп населения по всему миру. В реальности у каждого человека свои статусные возможности, и соответственно, ограничения в передвижении. Характерна в этом отношении разрабатываемая китайская модель электронного контроля социальной мобильности и развития личности.

COVID-19 – вестник перемен, знамение, олицетворяющее приход нового будущего. Это феномен раздутый средствами массовой информации до вселенской проблемы для всего человечества. Вирус хоть и опасный, но не сверхопасный по возможностям передачи, распространения и по последствиям в случае заражения. История знает и более опасные инфекции, периодически поражающие человечество. В этом плане COVID-19 олицетворяет процесс становления пока еще плохо осознанного нового социально-природного порядка. COVID-19 можно рассматривать в нескольких срезах: 1) вирус как вирус; 2) вирус как общепланетарная болезнь, условно подпадающая под понятие пандемия; 3) вирус как источник фобии, охватившей человечество; 4) вирус как новый объект в вирусологии, инфекционной медицине, фармакологии, разработке вакцин; 5) вирус как спусковой крючок мирового кризиса; 6) вирус как фактор, трансформирующий модели социального поведения, потребления, расселения населения; 7) вирус как фактор тектонического сдвига в глубинной планетарной и государственной власти; 8) вирус как импульс в разработке, внедрении новых технологий в различных сферах жизни и жизнедеятельности: медицине информатизации социальных и производственных процессов, мировых и государственных коммуникациях.

Техносфера – важнейшая составляющая жизни человека и человечества -подвержена эволюционным и революционным изменениям. Перемены – ее визитная карточка: постоянно меняются и технические средства, используемые для производства благ, и информационные средства, применяемые в производственных процессах, в управлении социумом. В более широком понимании технологическая сфера – это все производительные силы общества, все то, что используется в материальном его воспроизводстве, она определяет и общественное разделение труда, и технологические уклады, и квалификацию людей. Совокупность технологий, имеющихся в распоряжении общества, во многом предопределяет его конкурентоспособность, структуру общественного производства и структуру совокупного общественного продукта. Соответственно, технологический суверенитет страны – важнейший параметр ее воспроизводственной безопасности и исторического будущего. В основе суверенитета лежит система технологических процессов, которыми реально или потенциально обладает страна, используя их в общественном производстве материальных и нематериальных благ.

Технологическое суверенное развитие (техногенез) – это поступательный, длительный процесс, охватывающий многие сферы. И, соответственно, самодостаточность в нем требует согласованных усилий государства и бизнеса и выработки целостной воспроизводственной политики, основанной на ценностях технологической независимости и технологического лидерства. Технологическое суверенное развитие – это не только обладание целостной системой: собственное образование – собственная наука – собственное производство, но и обладание возможностью принятия самостоятельных решений по выбору научных и технических приоритетов, а также решений по использованию иностранных изобретений и технологий на территории страны, привлечения нужных специалистов. Технологическая суверенность во многом зависит от внешних условий. Скажем, в начале нулевых годов XXI века у Российской Федерации возникло окно возможностей – наличие крупных валютных средств, достаточно свободный доступ к новым, передовым иностранным технологиям. Возможно, окно откроется и в будущем в связи с нарастанием противоречий между США и Китаем.

По признаку суверенности технологии можно разделить:

а) по происхождению: 1) разработаны и используются в Российской Федерации; 2) разработаны за рубежом и используются в Российской Федерации; 3) разработаны и используются за рубежом, а в Российскую Федерацию поставляют продукты, созданные на их основе;

б) по использованию: 1) гражданские технологии; 2) военные технологии; 3) технологии двойного назначения;

в) по приоритетности: 1) важные для суверенного воспроизводства всего общества; 2) важные для отдельных отраслей экономики; 3) важные для отдельных предприятий;

г) по масштабности затрат: 1) требует долговременных крупных затрат в научные исследования, в проектирование технологических процессов и создание техники, в подготовку кадров; 2) не требуют масштабных долговременных затрат;

д) по необходимости формирования массового платежеспособного спроса для окупаемости затрат в новые технологии: 1) необходим массовый глобальный спрос; 2) достаточно внутреннего национального спроса.

Достижение технологической суверенности страны обусловлено:

1. Возможностями по созданию новых технологических процессов: а) уровень фундаментальной, прикладной науки и НИОКР; б) подготовка кадров и закрепление их в стране.

2. Наличием емкого рынка (либо внутреннего, либо внешнего) для продуктов, изготовленных с помощью новых технологий (либо собственные, либо лицензионные) при условии конкурентоспособности их технических и иных параметров.

3. Возможностями воплощения новых технологических проектов в новые производственные технологии: а) либо собственная сырьевая база, собственная техника и комплектующие изделия, собственные кадры и собственная их подготовка; б) либо возможности получения необходимых проектных технологических составляющих из-за рубежа.

4. Возможностями регулирования собственного технологического развития: а) поощрение создания и использования новых технологий, необходимых стране; б) ограничение распространения зарубежных экологически и социально вредных технологий, а также технологий, по которым есть собственные возможности создания и которые необходимы для обеспечения национальной безопасности, в том числе из-за нестабильности внешнего рынка.

5. Возможностями законодательного гарантирования права интеллектуальной собственности, прав ноу-хау и иных прав, связанных с новыми технологиями (и в разрезе субъектов: индивиды, предприятия и в разрезе суверенных государств: собственная страна, другие страны).

Обеспечение реальной технологической суверенности – сложная задача для любой страны. Технологическое развитие имеет внутренние закономерности, вытекающие из особенностей научно-технического прогресса в индустриальную и постиндустриальные эпохи: с одной стороны, это социально-экономическая, институциональная среда и факторы ее эволюции, с другой стороны, сам внутренний процесс эволюции техники – закономерности научных открытий, изобретений, становления технологических укладов. Перефразируя К. Маркса можно сказать, важно не то, что производят, а то, как, где и кто. Мировой и национальные хозяйственные порядки во многом определяют роль техносферы в обществе.

Место страны в мировом разделении труда, достигнутый уровень развития частично обусловлены историческим прошлым, частично ролью инерции в общественном воспроизводстве, а частично – видением будущего, его желательным образом.

Изменить структуру экономики и ее технологическое состояние сложно, и часто данный процесс наталкивается на внешнее и внутреннее активное противодействие. Структурно-технологические сдвиги в сторону новых укладов для Российской Федерации и нужны, и возможны. Дилеммы в выборе нет – либо технологический рывок, либо технологическая зависимость.

При всей условности, понятие технологический уклад выражает очень значимую вещь – это производительный, технологический базис, на котором зиждется производство благ. В настоящее время гипотетически насчитывают 7 укладов, причем иногда упрощенно считают, что один уклад сменяется другим, в реальной экономической действительности они сосуществуют параллельно, дополняя друг друга, меняется лишь удельный вес и роль в экономике того или иного уклада. Смена технологических укладов – многофакторный процесс, это и закономерности научно-технического прогресса, и закономерности циклического развития рыночной капиталистической экономики (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные циклы), это и страновое неравномерное развитие и экспорт производительного капитала, это и государственное регулирование, и финансирование технологического производственного развития.

События последних лет (санкции) и месяцев (COVID-19) показали, что российское общество уязвимо не только социально, но и технологически. Недостаточная социально-экономическая устойчивость – изначальное родимое пятно российской экономики: федеральное устройство страны и управления, неоптимальная структура производства по многим параметрам, прежде всего сдвиг в сторону сырьевых отраслей, недостаточное развитие социальной и коммуникационной инфраструктуры, чрезмерное социальное расслоение и бедность населения.

Но к этому добавилась усиливающаяся зависимость не только от конъюнктуры мирового рынка, но и от возможности доступа к новым технологиям и, прежде всего к технологиям, олицетворяющим 5, 6, 7 технологические уклады.

Исторический опыт свидетельствует – в мире мало кому удавался рывок от технологической отсталости к опережающему поступательному (особенно без внешней помощи) развитию, от догоняющего к прорывному развитию, однако успешный опыт ухода из мировой полупериферии в сегмент развитых стран все же имеется. Экономическое состояние прошлого не всегда определяет экономическое состояние будущего. Пример СССР, современного Китая, Сингапура, Австралии это подтверждает. Безусловно, мир двадцатых годов XXI века сокращает возможности социально-экономического рывка, но полностью их не блокирует, окно возможностей сохраняется, противоречия между странами в современном мире дают шанс.

Исторический опыт СССР свидетельствует, что многое в траектории развития связано с политической волей, адекватной реакцией на внешнеполитические обстоятельства, с противодействием опасностям, исходящим из внешней среды, с готовностью общества к технологическому рывку и сопряженным с ним трудностями.

СССР начал реализовывать цели достижения технологической суверенности начиная с середины 30-х годов, а более последовательно – с середины 40-х XX века, причем не для экспорта пролетарской революции, построения социализма в отдельно взятой стране, но прежде всего для повышения собственной безопасности, индустриализация страны являлась не целью, а средством самосохранения страны.

Из внешнеполитического и внешнеэкономического анализа правительство СССР сделало вывод – если война неизбежна, то неизбежны ограничения доступа на мировые рынки, а значит, нужны собственные передовые промышленные и военные технологии, позволяющие выпускать отечественную продукцию из собственного сырья на собственной базе в больших масштабах. До этого момента преобладала точка зрения, что нужные товары и технологии можно приобрести и за рубежом в обмен на золото, сырье, зерно даже в условиях проведения капиталистическими странами политики сдерживания строительства социализма в СССР.

Современная Российская Федерация столкнулась с аналогичной ситуацией – тридцать лет активной политики трансформации социально-экономического строя, вхождения страны в Западный мир, сближения с элитами экономически развитых стран, сдачи державных интересов не привели к желаемой цели – стать частью Большого Запада.

При этом сам Западный мир сильно изменился по сравнению с 90-ми годами XX века – он стал более конкурентным, агрессивным, турбулентным, менее однополярным – появились сильные геополитические игроки, преследующие собственные интересы. Причем большинство новых игроков находится в пространстве Большой Евразии.

Для Российской Федерации, многополярность мира (учитывая протяженность ее границ, размер территории) чревата потенциальными угрозами ее безопасности.

Соответственно, трудности доступа к новым технологиям, их внедрения в производство не исчезнут и, вероятно, возрастут, ситуация окажется подобной той, в которой находился СССР с начала пятидесятых годов XX века, особенно по изделиям двойного назначения. Списки КОКОМ и ныне никто не отменял. В этой связи невозможно отрицать необходимость самодостаточности технологического развития. Но вопрос не в том, что это надо делать, а в том, что осуществить и как осуществить.

Проблема лежит в плоскости:

1. Какова желаемая и достижимая степень технологической суверенности? Отдельные отрасли? Отдельные виды технологий?

2. Каковы возможности обеспечения, достижения технологической суверенности? Достижима ли она в принципе? Достижима в условиях поддержки, нейтральности внешней мировой среды?

3. Где взять передовые технологии? Создать самим? Заимствовать за границей, обеспечив мощный интерес для их передачи?

4. Каков механизм обеспечения реализации политики технологической суверенности?

При этом подход должен быть системным – акцент необходимо сделать на комплексные технологии, и комплексный инструментарий их воплощения – от разработки до конкретного потребителя конечной продукции. Важно адекватно оценить используемый инструментарий, в том числе эффективность технологических платформ как внутри страны, так и в разрезе международной кооперации, прежде всего, в рамках ЕАЭС.

5. Какой необходим режим функционирования экономики? Обычный для уже сформированной, имеющейся экономики? Вмонтирование в него специальных, целевых экономических механизмов? Мобилизационный для отдельных секторов, отраслей? Иные подходы?

Из приведенного перечня альтернатив видно, что существует множество вопросов, на многие из которых пока нет ответа.

Современный мир – это мир глобальных цепей поставок. Российская Федерация уже вмонтирована в эту разветвленную паутину, но ей, как правило, отводится или начало цепи – поставка сырья, комплектующих, либо побочные ветви – место сборки готового изделия из компонентов иностранного производства и его реализации на российском рынке.

В результате в стране сложилась дихотомическая, двухконтурная модель производства: 1) контур, работающий на собственных технологиях на собственный рынок; 2) контур, работающий на иностранных технологиях, в т.ч. полученных на основе прямых иностранных инвестиций и на собственный, и на иностранный рынок. И как следствие многоконтурная модель рынка: а) внутренний рынок российских товаров, произведенных преимущественно на отечественной технологической основе; б) внутренний рынок российских товаров, произведенных по иностранным технологиям. А также внешний рынок: а) экспортный, состоящий из товаров как произведенных в стране на отечественной технологической основе, так и из товаров, произведенных в стране на иностранной технологической основе; б) импортный, состоящий из товаров потребительского назначения и товаров производственного назначения.

Понятно, что доля товаров, происхождение которых основано на зарубежных технологиях, высока и продолжает возрастать. Тогда как требуется, чтобы возрастала доля товаров российского происхождения во всех контурах – и производственном, и рыночном. Политика импортозамещения и экспортонаращивания в своей сути правильная, если иметь в виду развитие производства, а не просто замену одних иностранных поставщиков на других. И если она не носит декоративного и декларативного характера.

Ясно, что самое сложное – не провозглашение цели производственного суверенитета, а ее достижение. Опыт ряда стран в том числе СССР, послевоенной Франции, США и Китая последних лет, взявших курс на реиндустриализацию (США) и самодостаточное технологическое развитие (Китай) позволяет лучше осмыслить проблему технологической суверенности.

СССР, обладая большим экономическим потенциалом, данную задачу до конца не решил. Хотя стране удавалось вести исследования по всему спектру наук и создавать (или иметь потенциальную возможность создать) все основные технологии, имеющиеся в мире. Стремление конкурировать по всему спектру технологий, прежде всего в военно-промышленной сфере, приводило к экономическому сверхнапряжению всей страны. При этом в гражданских отраслях ситуация складывалась хуже – мы проспали две научно-технические революции, в микроэлектронике и в компьютерных технологиях. Но в целом советский опыт позитивен и ценен, он требует критического переосмысления и использования. Особенно в областях: 1) институционального обеспечения технологической независимости и формирования целевых программ; 2) целевого проектирования новых технологий; 3) государственного целевого финансирования крупных проектов; 4) целевой подготовки рабочих кадров, ИТР по новым специальностям; 5) импортно-экспортной политики в сфере высоких технологий.

Однако следует заметить, что исповедание в экономической политике житейского принципа – привлекать все лучшее из-за рубежа, а свое лучшее у себя же и придерживать – во многих случаях было не оправдано и сдерживало экспорт собственных передовых технологий. Этот подход вел к потере потенциальных рынков и валютных поступлений, тормозил развитие высокотехнологичных производств, их конкурентоспособность.

В качестве иллюстрации советского опыта рассмотрим его институциональную составляющую. В основе организации научно-технологической деятельности лежали 3 принципа: 1) выделение паритетов и приоритетов; 2) формирование организационной структуры под цели; 3) персональная ответственность и руководителей, и исполнителей.

Была создана целерациональная организация вышеназванной деятельности с четким вертикально-горизонтальным построением: 1) директивно-координационное, 2) структурно-организационное, 3) функциональное.

Был создан многомерный контур взаимодействия между руководящими правительственными и исполнительными органами и организациями, с одной стороны, и отраслевыми министерствами и производственными предприятиями, с другой стороны. Взаимодействие шло по нескольким линиям:

1) ГКНТ – АН СССР – НИИ – ВУЗ.

2) ГОСПЛАН – МИНИСТЕРСТВА – ПРЕДПРИЯТИЯ.

3) Перекрестное 1) и 2), а также Госбанк, специализированные банки и внешнеэкономические организации.

Проводилась единая государственная политика по сбору научно-технической информации и технологических достижений по всему миру. Утверждались собственные научно-технические приоритеты, устанавливались задания по фундаментальным и прикладным научным исследованиям, НИОКР, техническим проектам и их документации, их передаче в производственные отрасли, разрабатывались планы обновления действующих и строительства новых предприятий, внедрения новой техники и технологий.

Все плановые задания увязывались с финансовым и кадровым обеспечением. Для подготовки профильных кадров специально создавались узкоспециализированные высшие, средние, начальные профессиональные учебные заведения. Кроме того был создан адекватный поставленной задаче механизм финансирования. В его основе – планы научных исследований и перечни важнейших строек. Стройки в зависимости от важности финансировались либо из союзного, либо из республиканских бюджетов. Стройки местного значения – из областных. Использовался и кредитный механизм – кредиты Промстройбанка на закупку нового технологического оборудования, на пополнение оборотных средств. Для закупки оборудования за рубежом министерствам выделялись целевые валютные средства. Расчеты шли через сеть советских заграничных банков.

Иной, но также позитивный опыт накоплен и в США, а именно два уровня проведения технологической политики: федеральный и корпоративный. Первый уровень – это общенациональные приоритеты, исследования, программы и их государственная поддержка за счет средств федерального бюджета, а также политика передачи военных технологий в гражданские сектора. Второй уровень – это стратегические интересы крупных компаний, удержание позиций на рынках (национальном и зарубежном) на основе корпоративных НИОКР, разработки и применения новых технологий, выпуска новых товаров, корпоративной политики создания собственных исследовательских структурных подразделений, их тесного сотрудничества с университетами и венчурными фирмами, государственной поддержки конкурентоспособности на зарубежных рынках.

Для Российской Федерации достижение технологической самодостаточности в условиях тесно взаимосвязанного мира очень важно и по причине обеспечения ее конкурентоспособности в Большой Евразии.

Для РФ технологическая самодостаточность требует решения триединой задачи:

а) выделения приоритетных сфер для технологического рывка; б) формирования внутреннего и внешнего спроса на новые технологии и их продукцию; в) создания государственного механизма поддержки их разработки и внедрения.

Учитывая, что технологический рынок требует огромных средств, приоритет надо отдавать технологиям в сфере воспроизводства жизнедеятельности человека (высокие технологии в медицину, в производство и переработку аграрной продукции); оборонной промышленности; в ключевые области передового машиностроения; в глубокую переработку углеводородного сырья; в отдельные точечные направления будущих технологических укладов.

В целом, можно сделать вывод: наблюдаемая мировая корона-одержжимость – это провозвестник долговременного процесса становления новейшего мира. А значит, от России требуются усилия во многих сферах общественной жизнедеятельности, включая и обеспечение технологической независимости.

Когут В.Г.

к.полит.н., руководитель кафедры евразийской интеграции Санкт-Петербургского государственного экономического университета

vgkogut@gmail.com

Нурышев Г.Н.

д.полит.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

g.nuryshev@yandex.ru

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ключевые слова: *талассократия, теллуократия, геополитическая миссия, геополитическая экспансия, турбулентные процессы, гибридная война, неконвенциональные действия.*

Keywords: *thalassocracy, tellurocracy, geopolitical mission, geopolitical expansion, turbulent processes, hybrid war, unconventional actions.*

Анализируя современное евразийское геополитическое пространство, на наш взгляд, следует обратить внимание на происходящие турбулентные геополитические процессы в Республике Беларусь. Именно через нее проходит сегодня восточный вектор геополитических экспансий современной талассократии, которая, реализуя концепцию «петли анаконды» вокруг России, опирается на «белорусский балкон»¹. Это превращает Беларусь в объект жесткого геополитического соперничества. Через республику проходит геополитическая ось Атлантика – Тихий океан, что ассоциирует страну с уникальным геополитическим мостом, связывающий Запад с Востоком. Геополитическое положение Беларуси определяется также нахождением на водоразделе Черного и Балтийского морей, на пути из Северной Европы и Прибалтики на Украину, в Южную Европу и на Ближний Восток на основе речных систем Немана, Западного Буга, Западной Двины, Припяти и Днепра, обеспечивающих тесные связи между портами Черного и Балтийского морей.

Специфика геополитического положения Республики Беларусь, по экспертным оценкам, определяется не только ролью поставщика чистого кислорода для воздушного бассейна Европы, но и обусловлена фактором радиоактивного загрязнения ее большой территории из-за аварии на Чернобыльской АЭС. Поэтому не случайно в белорусском геополитическом дискурсе выделяется концепция Ю.В. Шевцова и А.Н. Зайцева, методологической основой которой стал анализ влияния на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Беларусь последствий катастрофы на ЧАЭС как геополитического явления. В результате, по их мнению, Беларусь превратилась в государство, существующее в экстремальной ситуации, в состоянии экологической катастрофы с беспрецедентными социокультурными последствиями, включая превращение белорусского общества в качественно иное образование, объективно не поощряющее либеральные ценности и требующее высокой степени концентрации власти².

Исторически, оценивая геополитическое положение Беларуси, следует обратить внимание на тот факт, что территория страны оказала влияние на формирование белорусов как людей «лесной цивилизации». Именно на это обстоятельство обращает внимание исследователь Гродненского государственного университета Н.Н. Гончаров, подчеркивая, что «здесь надо искать источник неприятия, консервативности белорусов в отношении чего-то нового, необычного, пассивности, как ответа на внешние влияния. Это хорошо видно в организации внутренней жизни людей, их реакции на опасности, войны и т.д.»³. Поддерживая эту точку зрения, член-корреспондент НАН Беларуси В. Бобков отмечает, что у белорусов «первые позиции в рейтинге качеств по-прежнему занимают гостеприимство, трудолюбие, доброта, терпимость, «памяркоўнасць»...». Национальный характер народа свидетельствует о его неиссякаемых жизненных силах, огромных возможностях и резервах, что поднимает нас на достаточно высокую ступень в европейском и мировом сообществе народов»⁴.

Определяя геополитическое положение страны, профессор Военной академии Республики Беларусь Н.В. Карпилена выдвигает свою геополитическую аксиому: «Кто контролирует Беларусь, Украину, тот управляет западной частью «сердечной земли» (Heartland); кто управляет западной частью «сердечной земли» (Heartland), тот управляет главной западной частью «Мирового острова»»⁵. Но если Запад, по его мнению, будет управлять Республикой Бела-

¹ Нурышев Г.Н., В.Г. Когут. Актуальные проблемы геополитики. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 57–59.

² Шевцов Ю.В., Зайцев А.Н. Геополитика Беларуси. – <http://www.studfiles.ru/preview/5248910/>

³ Гончаров Н.Н. Республика Беларусь в современной системе геополитических координат // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – Гродно, 2014. – № 2. – С. 139.

⁴ Бобков В. Беларусь в геополитическом измерении. – https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_175147.pdf

⁵ Карпилена Н.В. Россия и Европа: взгляд из Беларуси // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов н/Д, 2015. – № 2. – С. 174.

русь и единой Украиной (с Крымом), то у него появится возможность править миром, так как цивилизация Суши может перестать существовать из-за распада самой России. Поэтому Н.В. Карпилена считает, что Беларусь, оказавшись на стороне Запада, станет жертвой в расширении Польши и исчезновении белорусского этноса¹. Он уверен в том, что мир для Республики Беларусь лежит через Союзное государство, ОДКБ, ШОС или иное подобное геополитическое объединение, преследующее цели мирного цивилизационного сосуществования. Только так можно остановить гражданскую войну в Украине и не допустить превращения ее в мировую².

Отсюда идеологема стратегии строительства многополярного мира, на взгляд Н.В. Карпилены, базируется на постулате: «Россия – то Евразия, целый континент-мир, отличный как от Запада, так и от Востока»³. Поэтому ученый считает, что «ближе всего к теории многополярности находится неоевразийство как мировоззрение, планетарный тренд и проект стратегической, геополитической, экономической интеграции евразийского материка от Атлантики до Владивостока»⁴.

Геополитическая миссия Республики Беларусь, по заключению современного белорусского исследователя А. Дзерманта, состоит в том, чтобы стать «одной из точек сборки и опор северного континентального пространства»⁵. Он считает, что разделение на Запад и Восток необходимо преодолеть объединяющим Севером, частью которого и является Республика Беларусь. В связи с этим, по мнению исследователя, польский геополитический проект «Междуморья», известный также как «Intermarium», «Балто-Черноморский союз» или «Новая Речь Посполитая» чреват угрозой новой большой войны в Европе⁶.

В Польше никогда не забывали об утраченных в 1939 г. землях на территории Беларуси. Поэтому в настоящее время сбор имущественных и земельных претензий бывших польских владельцев заметно активизировался. Но попытки простого присоединения «потерянных земель» могут быть расценены в Европе как участие в разрушении территориальной целостности страны. В связи с этим нашим польским соседям удобнее поглотить не отдельную часть Беларуси, а постепенно всю ее целиком за счет процесса хаотизации ее культурно-политического пространства, смены культурно-исторического кода, перманентного «ополячивания» народа и создания новой геополитической реальности.

По экспертным оценкам, ключевая роль в реализации этого курса будет принадлежать католицизму, который исповедует не только польское меньшинство, но и немалая часть белорусов, что явилось следствием очевидного попустительства со стороны идеологического руководства страны. Не случайно особую активность в католическом прозелитизме в Беларуси проявляет делегированный из Варшавы архиепископ Минский и Могилевский Тадеуш Кондрусевич⁷. Католические ксендзы стали активными участниками мемориальных мероприятий Союза поляков, проводимых в честь боевиков Армии Крайовой, которые орудовали на белорусской территории. Ксендзы оправдывают их преступления против белорусов, занижают вклад Красной армии и белорусских партизан в освобождение республики от немецко-фашистских захватчиков. БКЦ внесла свою существенную лепту в политический и конфессиональный раскол белорусского общества⁸.

Сегодня у Союза поляков во главе с Анжеликой Борыс в Беларуси несколько десятков так называемых Польских домов, которые играют роль региональных центров польской культуры, и почти сотня аффилированных польских спортивных, скаутских, творческих и культурно-просветительских организаций⁹. Перманентному «ополячиванию» способствует также бесплатное обучение в Польше немалой части белорусской молодежи по «программе Калиновского». Кроме того, сотни тысяч граждан Беларуси получили так называемые «карты поляка», которые предоставляют очень приличные возможности на территории Польши. Такие граждане представляют уже, по сути, «пятую колонну» в республике, стремясь к объединению с Польшей. На Беларусь активно вещают несколько радиостанций, а также телеканал «Белсат» и телеграмм-каналы «Nexta» и «Nexta.live»¹⁰.

В польской геополитической экспансии в Беларусь особую остроту приобретает вопрос о Гродненской области, расположенной рядом с польской границей и входившей в 1921–1939 годах в состав Польши. Поэтому на территории

¹ Карпилена Н.В. Россия и Европа: взгляд из Беларуси // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов н/Д, 2015. – № 2. – С. 174.

² Карпилена Н.В. Геополитика как неснимаемый цивилизационный дуализм Суши и Моря: краткая история и современность // Вестник Военной академии Республики Беларусь. 2016. – № 1 (50). – С. 45.

³ Карпилена Н.В. Россия и Европа: взгляд из Беларуси // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов н/Д, 2015. – № 2. – С. 174.

⁴ Карпилена Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – С. 213.

⁵ Дзермант А. Проект «Цитадель». – <http://xportal.pl/?p=7902>

⁶ Дзермант А. Альтернатива для Междуморья. От Лиссабона до Владивостока. – https://imhoclub.by/ru/material/beloruskaja_alternativa

⁷ Проект «Великая Польша» – как барьер между Россией и Германией. – <https://www.fondsk.ru/news/2020/09/08/proekt-velikaja-polsha-kak-barer-mezhdu-rossiej-i-germaniej-51790.html>

⁸ Гулевич В. Белорусская католическая церковь против Лукашенко. – <https://www.fondsk.ru/news/2020/09/04/beloruskaja-katolicheskaja-cerkov-protiv-lukashenko-51760.html>

⁹ Там же.

¹⁰ «Хитрые поляки, хитрый Лукашенко» или «польско-белорусская реальность», как она есть. – <https://zen.yandex.ru/media/id/5e692d5bb577ad15720eebaf/hitrye-poliaki-hitryi-lukashenko-ili-polskobeloruskaia-realnost-kak-ona-est-5f4d0d6a9d1beb3aa2a9f565>

области проживает значительное количество поляков (24,8%). А в Вороновском районе области число поляков уже составляет 80,77%¹.

Усилению белорусского вектора геополитической экспансии способствует и принятая совсем недавно «Декларация об основании Люблинского треугольника», которую подписали 28 июля 2020 года министры иностранных дел Польши, Украины и Литвы в польском городе Люблин. Декларация предусматривает, что эти государства будут углублять связи со странами «Инициативы трех морей». Еще в начале XX века после завершения Первой мировой войны глава польского государства Ю. Пилсудский предложил концепцию «Междуморье», проект создания конфедерации в составе Польши, Беларуси, Литвы, Латвии, Молдавии, Румынии, Украины, Чехословакии, Эстонии и Югославии. Эта геополитическая концепция была направлена на польское доминирование и создание «санитарного кордона» между Советской Россией и странами Западной Европы.

Следует отметить, что создание новой Люблинской группы весьма символично. В 1569 году была подписана широко известная ныне Люблинская уния, которая положила начало Речи Посполитой. Новая Люблинская группа также ставит перед собой далеко идущие геополитические цели. Не случайно в настоящее время уже создана объединенная бригада имени Константина Острожского, одного из активных деятелей польско-литовской истории, включающая вооруженные силы Польши, Украины и Литвы².

В Варшаве проект «Троеморье» («Инициатива трех морей») рассматривают как шанс вернуться к той «золотой поре», когда Речь Посполитая включала земли Литвы, Украины, Белоруссии и частично Латвии. Именно под этим углом здесь рассматривают Преамбулу Конституции, где написано, что Конституция Республики Польша вводится как основной закон для государства, «продолжая наилучшие традиции Первой и Второй Республики»³. А в этих «наилучших традициях» белорусская территория входила в состав Польши.

Так в современных условиях осуществляется попытка возрождения пропольской геополитической модели. Поэтому в 2016 году и появился промежуточный проект под эгидой США — «Инициатива трех морей» как объединение 12 государств, расположенных между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Через этот проект Польша стремится усиливать свое геополитическое влияние в регионе, создав буфер между Российской Федерацией и Восточной Европой⁴. Примечательным является и тот факт, что транспортные магистрали «Троеморья» идут в меридиональном направлении, отсекая при этом Россию от Европы. Это настоящий контрпроект по отношению и к «Северным потокам 1–2», и к другим широтным магистралям в этой части Старого Света⁵.

В настоящее время у Варшавы стратегическим дополнением к проекту Междуморье (Intermarium) является концепция геополитического доминирования в Балтийском море (*dominium maris Baltici*), что создает для военного и политического давления на Россию через Беларусь дугу нестабильности от Балтики до Черного моря. При этом Варшава в оперативную зону польского флота включает не только Балтийское море, но и Арктику, Северное, Норвежское, Черное, Средиземное моря с соответствующей акваторией Атлантики. Так концепция геополитического доминирования в Балтийском море позволяет Польше превратить скандинавские страны в дополнительное северное геополитическое звено проекта «Междуморье»⁶.

Одним из элементов выстраивания американско-польского геополитического проекта стали недавние события в Беларуси в формате т.н. «цветной революции». Еще в V столетии до н.э. известный древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы, касаясь искусства достижения геополитических целей, писал: «Пусть на улицах вражеской столицы шепчутся, что князь обворовывает народ, советники его предали, чиновники спились, а воины голодные и босые. Пусть жители калечат имя своего князя и произносят его неправильно... Пусть им при сытой жизни кажется, что они голодают. Пусть состоятельные жители завидуют тем, кто в княжестве Вэй пасет скот. Разжигайте внутренний пожар не огнем, а словом, и глупые начнут жаловаться и проклинать свою родину. И тогда мы пройдем через открытые ворота...»⁷.

Не сложно догадаться, что подобный сценарий был смоделирован и для Республики Беларусь. Но на выборах Президента Республики Беларусь победу А.Г. Лукашенко обеспечила основная часть теллуократически ориентированного белорусского общества, которая выступает за союз с Россией, понимая, что любые геополитические игры с Европой или США приведут к гибели государства. К тому же большинство белорусов по своей ментальности придерживается обывательского принципа «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Как показывает современная история, ударной силой любой «цветной революции» является талассократически ориентированная молодежь. Такая молодежь вышла и на улицы Беларуси. Ей оказывает помощь и небольшая часть прозападной белорусской политической элиты. Несомненно, события в Беларуси обусловлены и ее внутривнутриполитическими и экономическими проблемами. Но внутривнутриполитические энтропийные процессы вызваны геополитической

¹ Павленко С. Польша развивает наступление на белорусском направлении. — <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/31/polsha-razvivaet-nastuplenie-na-beloruskom-napravlenii-51735.html>

² Смирнов Д. Почему у Белоруссии только два пути – в Союзное государство или в Речь Посполитую. — <https://www.izh.kp.ru/daily/217167/4268272/>

³ Конституция Республики Польши. — <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>

⁴ Что стоит за созданием Люблинского треугольника у границ Беларуси? — <https://www.belvpo.com/114883.html/>

⁵ Павленко С. «Троеморье» как американская альтернатива связям Европы с Россией и Китаем. — <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/01/troemore-amerikanskaja-alternativa-svjazjam-evropy-s-rossiej-i-kitaem-52165.html#2211>

⁶ Новый польско-шведский союз против России. — <https://www.fondsk.ru/news/2020/10/03/novyyj-polsko-shvedskij-sojuz-protiv-rossii-51973.html>

⁷ Сунь-Цзы. Искусство войны. — https://www.bookol.ru/starinnoe/drevnevostochnaya_literatura/80461/fulltext.htm

экспансией внешних акторов, включая Польшу, Чехию, Украину, США, Евросоюз с помощью, прежде всего, иностранных НКО, НПО, различных фондов и т.д.¹

Геополитическая агрессия со стороны этих стран сегодня представляет собой гибридную войну с использованием системы обычных, нерегулярных и асимметричных средств на фоне постоянных манипуляций в политической, идеологической и других сферах. Среди них на передний план выходит информационное воздействие на белорусское общество. На эти цели, по имеющим данным, Варшава тратит более 5 миллионов долларов США. Сюда входит поддержка радио и телевидения, телеграм-каналов, блоггеров-оппозиционеров, включая активистов украинского Майдана, организация специальных курсов для «потенциальных экспертов». А экономической составляющей гибридной войны являются санкции со стороны западных государств, вводимые в отношении Беларуси. В военную составляющую входит усиливающееся открытое демонстрирование боевого потенциала НАТО у границ республики.

Для ведения гибридной войны Польша имеет развитые и хорошо подготовленные разведывательные службы, силы специальных операций и войска территориальной обороны, которые готовы к неконвенциональным действиям, а также предназначены и для действий в тылу противника. Войска территориальной обороны Польши имеют конкретные зоны ответственности в приграничных районах. Поэтому они занимаются доскональным изучением территории, ресурсов и потенциала Беларуси. Для этих целей против Беларуси негласно привлекается секретное спецподразделение «Черные пауки» – Центральная группа психологических действий (Centralna Grupa Działañ Psychologicznych), которая расквартирована в г. Быдгоще и подчиняется Управлению разведки и электронной борьбы (Zarząd Rozpoznania i Walki Elektronicznej) сухопутных сил Войска Польского².

Офицеры этого спецподразделения входят в командный состав войск спецназначения НАТО, размещенных у границ России и Беларуси. Эти подразделения в своих психологических операциях умело используют социальные сети «для инициирования систематических изменений политического характера». С ними связана деятельность белорусских телеграмм-каналов NEXTA и NEXTA Live, вещающих из Варшавы и распространяющих инструкции по тактике уличных протестов. В этих целях польские спецслужбы активно сотрудничают также с костелами и польской диаспорой³.

В настоящее время события в Беларуси анализируются и прогнозируются на основе синергетической парадигмы, в соответствии с которой внутривнутриполитические проблемы надо помножить на проблемы, связанные со второй волной пандемии, мировым экономическим кризисом, результатами американских выборов. Принимая во внимание определенное сходство между стилем правления президентов А.Г. Лукашенко и В.В. Путина, ряд экспертов считает, что события в Беларуси-2020 – это репетиция процессов в России-2024⁴.

Принципиальным отличием Беларуси от России в этом вопросе является жесткая позиция А.Г. Лукашенко, который не дал олигархам (в том числе российским) разграбить свою страну, сохранил промышленность и сельское хозяйство, культуру, образование и медицину. Он понимает, что стратегические активы в частных руках сразу сломают всю выстроенную им модель белорусской государственности. На этом фоне при поиске национальной идентичности и национальных героев выплывает фигура Булак-Булаховича, кровожадного палача, банды которого свирепствовали на белорусской территории во время Гражданской войны. Поэтому в глазах белорусского народа А.Г. Лукашенко остается Батькой с правом на применение насилия при наведении порядка в стране⁵.

Таким образом, анализируя современные турбулентные процессы в Республике Беларусь в геополитическом измерении, следует отметить, что напряженная ситуация в стране рассматривается, прежде всего, не как внутривнутриполитический конфликт, а как геополитическая экспансия извне в виде гибридной войны. Не случайно геополитические противники и, в первую очередь «варшавско-вильнюсский сговор», попытались направить удар на рабочий класс и промышленные предприятия, на то, на чем и стоит Республика Беларусь, «квинтэссенция евразийского баланса и яркий образец стабильности и благополучия, суверенности и независимости»⁶. В этих условиях особое значение приобретает разработка белорусского геополитического проекта в контексте интеграции России и Беларуси в Союзное государство⁷.

¹ Коц А. Минск-2020 все больше похож на Киев-2014. А «картофельная революция» – на Майдан. – <https://www.spb.kp.ru/daily/217167/4268325/>

² Астровский Н. Кто дестабилизирует ситуацию в Беларуси? – <https://www.belvpo.com/115835.html/>

³ Гулевич В. Польские «Черные пауки» против Белоруссии. – <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/19/polskie-chernye-pauki-protiv-belorussii-51652.html>

⁴ Маржецкий С. Белоруссия-2020: в Минске проходит «репетиция» 2024 года в России. – https://topcor.ru/15987-belorussija-2020-v-minske-prohodit-repeticija-2024-goda-v-rossii.html?utm_source=politobzor.net

⁵ Смирнов Д. Почему у Белоруссии только два пути — в Союзное государство или в Речь Посполитую. – <https://www.izh.kp.ru/daily/217167/4268272/>

⁶ Щекин Н. Беларусь не должна стать чьей-то второсортной колонией. – <https://sb-by.turbopages.org/sb.by/s/articles/filosofiya-nashego-budushchego.html>

⁷ Когут В.Г. Республика Беларусь в евразийском пространстве: современный геополитический дискурс. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 263–264.

Крылова И.А.

д. филос. н., в. н. с. Института философии РАН

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова: глобализация, нетрадиционные войны, «невоенные» средства борьбы, информационное воздействие, информационная война, информационно-психологическая война, концентрические операции, «цветная революция», технологии «управляемого хаоса», дезинтеграционные процессы.

Keywords: globalization, non-traditional wars, «non-military» means of struggle, information impact, information war, information-psychological war, conscientious operations, «color revolution», technologies of «controlled chaos», disintegration processes.

Введение

18 лет назад была выдвинута идея о возникновении в условиях глобализации нового типа «нетрадиционных» войн, в которых ставка делается на разрушение других государств «невоенными» средствами борьбы и новыми видами оружия¹. В частности, речь шла о так называемых информационных войнах, когда без применения военной силы путем информационного воздействия возможно достижение победы над противником². Прошедшие десятилетия подтвердили правильность данных выводов³.

В XXI веке информационные войны являются новым видом противоборства стран с использованием информационных технологий (без применения военной силы) с целью получения максимального преимущества во всех областях жизнедеятельности «страны-объекта». Специфика информационно-психологических войн состоит в том, что в условиях происходящей ныне структурной перестройки мировой экономики и обострения международной военно-политической обстановки, они представляют важнейший фактор дезинтеграционных процессов в современном мире.

В мировой научной литературе не существует однозначного понимания сущности «информационной войны». Так, известный американский профессор по вопросам национальной безопасности Ст. Бланк пишет, что если США и большинство западных стран феномен «информационной войны» и «информационных операций» рассматривают как новые стратегические возможности для разрушения инфраструктуры, пунктов военного командования и управления войсками противника, то Россия (наряду с этим) считает их новым средством ведения широкомасштабной политической войны для изменения сознания всего мирового сообщества⁴.

И. Дарчевская на основе анализа концепции информационной войны в рамках Военной доктрины Российской Федерации приходит к двум выводам. Во-первых, что под информационной войной понимаются открытые или скрытые боевые действия, проводимые как обычными, так и косвенными методами с использованием военных и гражданских структур. Во-вторых, что понятие информационной войны употребляется в России в двух смыслах: в широком – как «неядерное сдерживание» (то есть противоборство в различных сферах: политической, экономической, дипломатической, гуманитарной, военной), а также в узком – как элемент поддержки боевых действий⁵.

В настоящее время отечественными авторами также даются неоднозначные определения понятия информационной войны и предлагаются различные классификации типов информационных войн. В частности, по мнению Н.Р. Мехтиева, существует два типа информационных войн – открытые и закрытые. Если к первому типу относятся медиавойны, главными субъектами информационного противостояния которых являются как глобальные массмедиа, так и новостные национальные и региональные корпорации, то ко второму – кибервойны, представляющие хакерские атаки не только между отдельными странами или коалициями государств, но также между различными «Интернет-сообществами»⁶. По мнению автора, существуют и так называемые «сетевые войны», особенность которых состоит в сочетании открытого и закрытого типов информационных войн. «С одной стороны, через инфраструктуру таких

¹ Крылова И.А. Проблема безопасности России в контексте глобалистики. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 211.

² Крылова И.А. Угрозы безопасности: новые векторы // Пути к безопасности / ИМЭМО РАН. – М., 2004. – Вып. 3/28. – С. 28-37.

³ Крылова И.А. Новые виды войн и безопасность России // Знание. Понимание. Умение. 2016. – № 3. – С. 58–71.

⁴ Blank St. Russian Information Warfare as Domestic Counterinsurgency // Journal of the National Committee on American Foreign Policy. 2013. – Vol. 35. – P. 31–44. – <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10803920.2013.757946>

⁵ Darczewska J. The anatomy of Russian information warfare. The Crimean operation. A case study // Point of View. Warsaw. 2014. – N 42. – P. 5–36. – https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy-of-russian-information-war-fare.pdf

⁶ Мехтиева Н.Р. Информационная война как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. – М., 2017. – № 3. – С. 80.

платформ, как Facebook или Twitter, транслируются и внедряются в общественное мнение картины мира, создаваемые крупными массмедиа, – пишет Н.Р. Мехтиева. – С другой стороны, те же социальные сети служат удобным объектом для хакерских атак закрытого типа и несанкционированного получения конфиденциальной информации»¹.

При этом Н.Р. Мехтиева подвергает критике определение понятия информационной войны, которое приводит в своей статье Г.Б. Корсаков, относительно военной стратегии США. «Под этим термином понимается комплексное информационное воздействие на систему государственного и военного управления противника, – подчеркивает Г.Б. Корсаков, – которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для США решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование структуры управления противника»². Н.Р. Мехтиева считает, что наряду с милитаристским аспектом, который отмечает Г.Б. Корсаков, феномен информационной войны имеет также «гражданское» измерение, что выражается в информационном воздействии (нередко агрессивном) глобальных СМИ на психологическое состояние и сознание населения.

На наш взгляд, необходимо различать информационно-техническую войну (к которой относятся и кибервойны) и информационно-психологическую войну. В данной статье будет выявлена специфика информационно-психологической войны, конспирологических операций, их связь с «цветными революциями», а также с технологиями «управляемого хаоса» как фактора дезинтеграционных процессов в современном мире.

Информационно-психологическая война

Информационно-психологическая война относится к войнам «нового поколения», в которой информационные ресурсы и технологии используются в качестве нового вида оружия для изменения индивидуального и общественного сознания. «Современное информационное оружие, – считает В.И. Самохвалова, – это оперирование системами представлений о мире, о человеке, о характере цивилизации и путях ее развития, о наиболее человечески значимых ценностях»³. Путем «внедрения» в сознание человека ложных представлений об окружающей действительности можно кардинальным образом изменять и «переформатировать» общественное сознание. Широчайший диапазон информационно-психологического оружия позволяет не только скрывать и искажать важнейшую информацию, но и полностью дезинформировать население. В конечном счете, информационно-психологическое оружие направлено на трансформацию индивидуального и массового сознания, что может вызвать социальное недовольство населения, дестабилизацию социально-экономической ситуации в обществе, низвержение политического руководства и изменение существующего в стране режима. В этом случае победа над «страной-объектом» одерживается не военным, а «мирным» путем. Особенность информационно-психологической войны состоит в получении исключительных преимуществ во всех областях жизнедеятельности побежденного государства, которое попав под «внешнее управление», на длительное время фактически превращается в «донора» страны-агрессора.

По существу, именно так – «изнутри» без военных действий, в результате предательства политического руководства был уничтожен Советский Союз – вторая экономика мира, развитая промышленность и сельское хозяйство, национальная система образования и науки, культура и оборонный комплекс страны. Россия попала на долгие годы под «внешнее управление», утратила политический суверенитет, в значительной степени была подорвана национальная безопасность. Более того, уничтожение СССР, распад социалистического лагеря, СЭВ и Варшавского Договора свидетельствуют о том, что информационно-психологические войны ведут к разрушительным дезинтеграционным процессам в современном мире. После уничтожения СССР произошла серьезная дезинтеграция как во взаимоотношениях новой России со странами бывшего СЭВ, так и с бывшими советскими республиками. В результате, прежних союзников и партнеров Россия потеряла, а новых не приобрела. Первые вынуждены были, оказавшись в новой геополитической ситуации, ориентироваться на соседние развитые страны Западной Европы, что привело их к фактической утрате политического суверенитета и экономической независимости. Что касается бывших советских республик, то несмотря на осознание после распада СССР необходимости реинтеграции (точнее говоря, новой интеграции), объединения их политических, экономических, оборонных и культурных ресурсов для выхода из кризиса и обеспечения дальнейшего поступательного развития не произошло. Став независимыми государствами, многие некогда единые республики в новой геополитической обстановке стали руководствоваться собственными национальными интересами, нередко отличными от интересов российских. Более того, усилился национализм, взаимные претензии и междоусобицы.

К сожалению, в XXI веке в результате усиления информационного давления Запада на Россию дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве продолжают. Так, в 2014 г. после украинского «Евромайдана» и вхождения Крыма в Российскую Федерацию против нашей страны США и странами Евросоюза была развязана крупномасштабная информационно-психологическая война, главной целью которой является дестабилизация социально-экономической ситуации в России, инициация социального недовольства и «цветной революции» для свержения «режима Путина». Преследуя свои геополитические интересы, США и другими западными странами с целью ослабления Российской Федерации были введены антироссийские санкции (ущерб от которых для самих стран ЕС оценивается более чем в 1 трлн. евро). Начав информационно-психологическую войну против нашей страны, западные СМИ всевозможными средствами стараются изобразить Россию «страной-агрессором», а также «демонизировать» Президента Российской Федерации.

¹ Мехтиева Н.Р. Информационная война как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. – М., 2017. – № 3. – С. 86.

² Корсаков Г.Б. Роль информационного оружия в военно-политической стратегии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2012. – № 1 (505). – С. 49.

³ Глобалистика. Энциклопедия. – М.: ЦПП «Диалог»; Радуга, 2003. – С. 388.

Одним из видов современной информационно-психологической войны, где объектом выступают ценностные установки народонаселения «страны-объекта», являются консциентальные операции. Специфика консциентальных операций состоит в централизованном информационном воздействии на население противника СМИ и Интернета, который в силу глобализации информационных потоков позволяет обеспечить доступ не только к географическому, но и непосредственно к социокультурному пространству другого государства (поскольку пространство информационных коммуникаций – едино). Современная действительность свидетельствует о том, что средства массовой информации и Интернет представляют ныне наиболее мощную «легальную» силу в воздействии «нужными» потоками информации на общественное сознание и духовную сферу – мировоззрение, ценности и идеалы, эстетические взгляды и культурные предпочтения, социальную и личностную ориентацию.

Представляется, что способность человека противостоять агрессивным информационно-психологическим воздействиям во многом зависит от его убеждений, личностной и гражданской позиции, которые в значительной степени формируются средствами массовой информации. Как известно, ценностные установки личности обусловлены культурой народа. А культура является основой любой цивилизации. Поэтому главная цель консциентальных операций заключается в полном разрушении культуры противоборствующей стороны. То есть, в конечном счете, в уничтожении иной цивилизации.

Такая цель ставилась и при уничтожении СССР, когда была разрушена российская цивилизация, несмотря на то, что отношения с бывшими советскими республиками были провозглашены приоритетным направлением внешней политики новой России и имели не только геоэкономическое, геополитическое, но и огромное цивилизационное значение. В результате, русский народ оказался самым разделенным народом в мире. Сегодня запрещение русского языка (и русской культуры) на государственном уровне в ряде бывших советских республик: на Украине, в Литве, Латвии и Эстонии является ярким примером уничтожения «Русского мира», а значит, и российской цивилизации, что закономерно приводит к дезинтеграционным процессам.

Отсюда следует, что повышение информационной культуры (которое является задачей государства), представляет надежную защиту от манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. Это особенно актуально для России, социокультурное пространство которой уже 30 лет является объектом консциентальных операций Запада, которые являясь мощным средством «переформатирования» индивидуального и общественного сознания, представляют серьезный фактор дезинтеграции и «цветных» революций в современном мире.

Информационно-психологические войны и «цветные революции»

Происходящие в последние годы в разных странах так называемые «цветные революции» во многом – результат новейшего информационно-психологического воздействия на сознание населения суверенных государств, используемого для насаждения «западной демократии» и «общеевропейских ценностей» в целях свержения политических режимов и лидеров, неугодных США и Западу. Речь идет об информационно-психологических войнах – войнах нового поколения, когда преимущество в глобальном информационном пространстве позволяет организовать «цветную революцию», а не вести настоящие боевые действия.

Как правило, сценарий всех «цветных революций» во всех странах практически одинаков. Примером могут служить многочисленные «цветные революции», инициированные на постсоветском пространстве. Причем подобные социальные «перевороты» могут быть вызваны не только политическими, экономическими, этническими, но и сугубо религиозными причинами. Так, например, многие «цветные революции» в бывших советских республиках Центральной Азии отличались определенной спецификой, а именно – радикальным исламизмом. Главной целью подготовленных США «цветных революций» во всех странах является социальный «взрыв» суверенного государства «изнутри» с помощью информационных средств и технологий. «Одной из задач “цветных революций” является вывод субъекта интервенции из той зоны, в которой доминирует “главный соперник” воздействующей стороны, – справедливо отмечает Г.А. Арутюнян. – В постсоветском пространстве наиболее радикальным методом решения этой задачи является создание конфликтной ситуации между страной, где произошла “цветная революция” и главным “условным противником” – Россией»¹.

В качестве примера можно привести «цветную» революцию 2003 г. в Грузии. В 2008 г. произошел военный конфликт между Грузией и Российской Федерацией, после которого дипломатические отношения между двумя странами были разорваны. В 2013 г. когда М. Саакашвили покинул пост Президента Грузии, взаимоотношения между Грузией и Россией были возобновлены, но в 2019 г. вновь произошло их обострение. Инициированные в 2019 г. события в Грузии свидетельствовали о намерениях США и ряда западных государств вновь разжечь антироссийскую истерию и спровоцировать новую «цветную революцию» в этой стране, что вынудило Российскую Федерацию принять жесткие ответные меры о запрете туризма (ущерб от которых составил для Грузии более 750 млрд. долл.). Следует признать, что никаких интеграционных российско-грузинских процессов за прошедшие годы со времен распада СССР не происходит. Этому препятствует так называемый «кавказский фактор», создающий условия не только для дестабилизации региональных отношений, но и для углубления дезинтеграционных процессов между Россией и Грузией. Власти Грузии полагают, что российская политика в отношении их страны нарушает ее национальный суверенитет и территориальную целостность. Этим объясняется, почему Грузия отказывается признавать два Договора: «Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве» (2014 г.) и «Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия» о союзнничестве и стратегическом партнер-

¹ Арутюнян Г.А. Гибридные технологии дезинтеграционных процессов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 2. – С. 42.

стве» (2015 г.). И так как Грузия (как и Украина) продолжает получать военную помощь от Соединенных Штатов Америки, дезинтеграционные процессы с Российской Федерацией лишь усиливаются.

«Цветные» революции, произошедшие во многих странах, показали, что современные информационные ресурсы являются мощным средством информационно-психологических войн и играют огромную роль в политической мобилизации населения. Как правило, для их инициации широко используются Интернет, социальные сети, а также мобильная связь, которые позволяют быстро «организовывать» несанкционированные митинги, уличные шествия и беспорядки, привлекая при этом западные и национальные либерально-прозападные средства массовой информации. Как правило, подобные мероприятия сопровождаются попытками всевозможных провокаций не только мирного, но и вооруженного характера, которые приводят к массовым человеческим жертвам (например, на Украине), организованных специально подготовленными людьми.

В этом смысле самым ярким примером мобилизационного воздействия информационных технологий на общественное сознание населения и его «переформатирование» является организация «Евромайдана» на Украине (США «вложили» в это около пяти млрд. долл.). Свержение законной власти и политического лидера привело не только к кровопролитию и гибели населения, но и к дезинтеграционным процессам с Россией. Поскольку Украина представляет собой «осколок» российской-советской империи и часть некогда единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, это нанесло серьезный удар по ее промышленности, тесно связанной с Российской Федерацией и Беларусью; сельскому хозяйству, ориентированному на поставки в Россию, а также научно-техническому потенциалу, созданному в советский период. В этой связи стоит напомнить книгу «Великая шахматная доска» З.Бжезинского, в которой он указывал на важность полного «отрыва» Украины от России, поскольку был убежден, что выведение ее из сферы российского влияния, сделает абсолютно невозможным восстановление территориального и государственного единства и мощи российской империи. Поэтому развязанная США гражданская война на Украине и информационно-психологическая война против России являются, по существу, воплощением на практике рекомендаций З. Бжезинского. Естественно, что зарубежными исследователями дается своя интерпретация «Евромайдана» и событий 2014 г. на Украине, которые трактуются как фактическая аннексия Крымского полуострова Россией¹. При этом подчеркивается особая роль информационных операций России в достижении этой цели². В частности, И. Дарчевская в своей работе «Анатомия российской информационной войны. Крымская операция, кейс-стади» пишет, что информационная война для России – это эффективное средство борьбы, используемое государством не только во внутренней, региональной и международной политике для достижения своих целей, но и для обеспечения геополитического превосходства в соперничестве между «Евразийской цивилизацией» и «возглавляемой США Атлантической цивилизацией», что и дало ей основание для аннексии Крыма³.

Следует отметить, что если военный конфликт между Российской Федерацией и Грузией длился всего пять суток, то военные действия на востоке Украины продолжаются уже более пяти лет. В конечном счете, информационно-психологическая антироссийская война США и Евросоюза привела к серьезным дезинтеграционным процессам в отношениях России с Грузией и Украиной, что нанесло серьезный удар по экономике этих государств.

Известно, что на Западе давно идет подготовка «цветной революции» в России. В частности, корпорация «RAND» вновь спрогнозировала «цветную революцию» в Российской Федерации⁴. В значительной мере, западные санкции были введены для обострения социально-экономической ситуации в России, которая привела бы к ухудшению социально-экономического положения в стране, усилению недовольства населения, смене политического лидера и распаду страны на «осколочные» государства. Надо сказать, что попытки организовать протестные митинги и несанкционированные уличные шествия неоднократно предпринимались в России, прежде всего, в Москве (в частности, блогером-правозащитником А. Навальным, прошедшим «стажировку» в Йельском университете США). В частности, 7 февраля 2020 г. в Москве готовился масштабный митинг, посвященный так называемому «Конституционному перевороту», который, однако «провалился». В этой связи в США и странах Евросоюза началась настоящая информационно-психологическая истерия. Западные СМИ писали о том, что поправки в «Конституцию Российской Федерации» лишь укрепят «кремлевскую власть», поскольку их целью является продление на неограниченное время президентских полномочий Президента России В. Путина. По имеющейся информации, США выделяют на подготовку подобных несанкционированных митингов и создание «пятой колонны» среди политических и деловых кругов, а также интеллектуальной элиты в России около 10 млрд. долл. ежегодно⁵.

В последнее время в США и странах Евросоюза во главе с Германией вновь развязана информационно-психологическая война против России в связи с якобы «отравлением» боевым отравляющим веществом – «Новичком» (новой более сильной модификации, чем в «деле Сипалей» в Великобритании) А. Навального (причастного к организации массовых митингов в Хабаровске). При этом ФРГ (будучи несuverенной страной, как и все страны ЕС) и лично канцлер А. Меркель, которая приняла на лечение «опального российского блогера», под давлением США не только призвала страны Евросоюза к ужесточению санкций в отношении России, но и к остановке строительства трубопро-

¹ Darczewska J. The anatomy of Russian information warfare. The Crimean operation. A case study // Point of View. – Warsaw, 2014. – N 42. – P. 5–36. – https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy-of-russian_information-war-fare.pdf

² Jaitner M., Mattsson H.A. Russian Information Warfare of 2014 // 7th International Conference on Cyber Conflict Architectures in Cyberspace. 26–29 May 2015. – Tallin, 2015. – P. 39–52. – <https://eeexplore.ieee.org/abstract/document/7158467>

³ Darczewska J. The anatomy of Russian information warfare. The Crimean operation. A case study // Point of View. – Warsaw, 2014. – N 42. – P. 5–36. – https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy-of-russian_information-war-fare.pdf

⁴ Корпорация «RAND» планирует гибридную войну против России. – <http://ru/news/66804.html>

⁵ Пантин В. Наиболее вероятный прогноз развития политических и военных конфликтов в период 2014–2018 гг. – <http://voenpens.com/blogs/4985/1106/2014>

вода «Северный поток» (который построен на 97%). Не предоставляя нашей стране никаких доказательств отравления «берлинского пациента» так называемым «Новичком», Германия требует от России возбуждения уголовного дела и расследования в связи с произошедшим инцидентом в нашей стране. Более того, по аналогии со «списком Магницкого» подготовлен «список Навального» и выработаны новые санкции против Российской Федерации. Неудивительно, что Германия, которая еще в 2016 г. официально назвала Россию главной угрозой¹, заняла в «деле Навального» такую позицию. К обвинениям в адрес России присоединился и Президент Франции Э. Макрон, имевший конфиденциальный телефонный разговор с Президентом России В. Путиным относительно А. Навального, содержание которого оказалось опубликованным в газете «Le MOND» (что нарушает все дипломатические нормы). Сам А. Навальный в интервью заявил, что за его отравлением стоит лично Президент В. Путин, но он все равно после «лечения» в Германии собирается вернуться в Россию. Несмотря на всю абсурдность и карикатурность ситуации, история с мнимым отравлением оппозиционного российского блогера ядом из группы запрещенных военных химических веществ вызвала в западном мире настоящий информационный взрыв. Но главное – на базе супер-мема «Новичок» был создан новый стереотип: Россия является не только «страной-агрессором», но и «страной-отравительницей», против которой необходимо выработать новые антироссийские санкции.

Наряду с этим совокупный Запад активно поддерживает массовые протесты в республике Беларусь (предложив даже изменить название страны), связанные с президентскими выборами А. Лукашенко, которые считаются фальсифицированными. За последние 20 лет США «вложили» миллиарды долларов в «переформатирование» сознания населения этой страны, прежде всего молодежи, с целью дестабилизации политической и социально-экономической ситуации в Беларуси. К сожалению, к этому привела и так называемая «многовекторная» политика самого Президента А. Лукашенко. Существует потенциальная опасность, что при поддержке США и стран ЕС (прежде всего, Польши и стран Балтии), а также при определенных объективных условиях массовые митинги в Беларуси могут перерасти в «цветную революцию» (которой на Западе уже подобрали название – «Белые росы»). Хотелось бы надеется, что продолжающиеся массовые протесты населения не приведут к «цветной» революции, дезинтеграционным процессам и распаду Союзного государства России и Беларуси, в чем заинтересованы США и страны Запада (о чем красноречиво свидетельствуют принятые Европарламентом две резолюции: «по делу Навального» и «непризнанию итогов Президентских выборов в республике Беларусь»). Все свидетельствует о том, что «коллективный» Запад продолжит дестабилизировать внутривнутриполитическую и социально-экономическую ситуацию в этой стране. Происходящие события в республике Беларусь подтверждают вывод о том, что для предотвращения «цветных революций» необходимо недопущение политической мобилизации населения и инициированных уличных протестов еще на этапе подготовки таких акций их организаторами. «Следует помнить, – справедливо подчеркивает А.С. Брычков, – что “цветные революции”, в виде “взрыва государства изнутри” невозможны, если в государстве проводится взвешенная внутренняя и внешняя политика (внешняя политика есть продолжение внутренней)»².

По мнению западных и отечественных специалистов, так называемые «цветные революции» непосредственно связаны с технологиями «управляемого хаоса». «В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий, – подчеркивает В.Е. Лепский. – Это – мировая информационно-психологическая война»³. Опасность состоит в том, что технологии «управляемого хаоса», в конечном счете, приводят к разрушению противоборствующего государства, изменению политического курса, а также дезинтеграционным процессам в современном мире. В связи с резким обострением международной военно-политической обстановки, обусловленным сменой мирохозяйственных и технологических укладов, можно прогнозировать возрастание роли информационно-психологических войн как фактора дезинтеграционных процессов в современном мире.

Существующая реальность показывает, что на постсоветском пространстве не только происходят новые «цветные революции» (например, в Киргизии), но также усиливаются дезинтеграционные процессы (вплоть до вооруженных столкновений) между некогда братскими советскими республиками. Об этом свидетельствует разгоревшийся вооруженный конфликт, в частности, между Азербайджаном и Арменией из-за неразрешенной проблемы Нагорного Карабаха, что может иметь далеко идущие глобальные последствия (особенно при вмешательстве третьих стран, например, Турции, стремящейся к созданию «Большого Турана»). России удалось урегулировать данный военный конфликт и прекратить кровопролитие, введя миротворческий контингент российских войск. Однако очевидно, что для окончательного решения проблемы Нагорного Карабаха потребуются значительные дипломатические усилия.

Таким образом, информационное воздействие может не только обеспечить успех в «горячей» войне, но во многих случаях даже заменить ее. Информационные технологии представляют собой новое информационное оружие. Причем информационно-психологические войны являются ныне не только мощным средством политической мобилизации населения, концентрированных операций, инициации «цветных революций», связанных с технологиями «управляемого хаоса», но и фактором усиливающихся дезинтеграционных процессов в современном мире.

¹ Правительство Германии внесло Россию в список угроз (2016). // Интерфакс. – <https://www.interfax.ru/world/511847>

² Брычков А.С. Цветные революции в России: возможность и действительность // Россия в условиях изменяющегося мира: философия осмысления и перспективы будущего / Отв. ред. В.Н. Ксенофонтов, М.Ш. Гунибский. – М.: Проспект, 2018. – С. 121.

³ Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – М.: Когито-Центр, 2016. – С. 103–104.

Лазоркина О.И.

к.и.н., доцент, Белорусский государственный университет

«ОЗДОРОВЛЕНИЕ» ДЕМОКРАТИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОМПЛЕКСНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ COVID-19

Ключевые слова: демократия, Ф. Фукуяма, здравоохранение, COVID-19, социальная солидарность, стрессоустойчивость.

*Болезнь не сваливается на голову как гром среди ясного неба.
Она является результатом постоянных нарушений законов природы.
Постоянно расширяясь и накапливаясь, эти нарушения, внезапно прорываются
в виде болезни, но сия внезапность только кажущая.*

Гиппократ

Медицинская терминология последовательно укрепляет свои позиции в научном, экспертном и политическом дискурсе. Такая тенденция сохранится как минимум до конца 2020 года. Спектр вопросов, которые вынесены кровотоком из глубин пандемии COVID-19, напоминает дремучие джунгли капилляров, в которых запутались СМИ и простые граждане, почти профессионально оперирующие медицинскими терминами. Информационный поток стремительно несет нас в будущее, не позволяя слишком долго задерживаться в настоящем. В сценариях будущего COVID-19 сродни тромбу, который повернет многие процессы вспять и навсегда разрушит или изменит привычный ход вещей и заставит пересмотреть систему ценностей.

«Демократия в опасности»

Едва ли не главным вопросом, который сегодня актуализируется в экспертном дискурсе, является усиление полномочий государства в условиях пандемии. В длинном шлейфе этой проблемы переплетаются права человека, общественные и личные блага, соблазн усиления личной власти и эрозия демократических ценностей. По сути, сегодня ставится вопрос о «сильном государстве», о вкусе власти, действующем как магнит на политических лидеров. Вкупе они подтачивают здоровый организм в условиях пандемии и по логике вещей должны неминуемо запустить процесс разрушения. Сегодня эта проблематика подается под новым соусом «пандемия», но является ли она таковой на самом деле? В начале 2000-х гг. американский философ и политолог Ф. Фукуяма уже поднимал этот вопрос и весьма обстоятельно давал на него ответ. Переосмысление роли государства, особенно в сфере внутренней политики, не только войдет в повестку дня, но и скорее всего станет одной из самых обсуждаемых тем. Ф. Фукуяма понимал под «сильным государством» прежде всего эффективное государство. Правильное функционирование государственных учреждений помогает снимать ряд не только внутренних, но и внешних проблем современных государств. Кроме того, есть сферы, в которых государственный сектор просто обязан превалировать. И сегодня это как никогда очевидно.

Ф. Фукуяма выделил минимальные, промежуточные и активные функции, которые входят в компетенцию государственного сектора. Среди минимальных, которые он называет общественными благами, наболевшая для всех сегодня проблема – здравоохранение. Расширение сферы приложения государственной активности не означает автоматически создание авторитарного или тоталитарного государства. Модернизация государственного сектора может развиваться двумя путями. Один из них в сегодняшних условиях приобретет актуальность. Это путь мирных политических реформ, которые опираются на коалицию социальных групп.

Однако Ф. Фукуяма рассматривал данную проблему в так называемых мирных условиях. В период кризиса, именно государственный сектор выходит на передовую, потому что общественные блага должны обеспечиваться именно им, так, по крайней мере, начинают думать практически все слои населения. «Да делайте же что-нибудь, делайте», примерно такие призывы слышатся со всех сторон. Кроме того, население нуждается в успокоении и утешении. В этой ситуации, правительство берет на себя ответственность, что автоматически расширяет круг его полномочий. Конечно же, с оговоркой, что это временные меры. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временные меры. В этой связи и разворачивается сегодня дискуссия относительно перераспределения функций в государствах и о начале системного кризиса.

Ответ на вопрос, насколько серьезными могут быть последствия, возможно следует искать в истории государств, которые образуют сегодня Европейский союз. Среди них ученые и эксперты выделяют «старые» и «молодые» демократические государства. Предположить, что пандемия в состоянии разрушить систему жизнедеятельности «старых» демократий, которая по кирпичику закладывалась в течение столетия с лишним, конечно, можно, но с большой натяжкой. Седина может распространиться, но сила духа вряд ли может развеяться очень быстро.

Костяк «молодых» демократий составляют страны, которые вошли в ЕС в 2004 г. Пожалуй, самой амбициозной является Вышеградская группа. И вот здесь можно предположить смещение в плоскость человеческих слабостей. Европейский «колокол» пробудился по вине Президента Венгрии Виктора Орбана. Принятый им пакет государственных мер, направленных на противостояние пандемии, сочли не просто чрезмерным. В них увидели «нулевого» пациента, который может подать плохой пример для остальных. Польша, Чехия и Словакия отреагировали на кризис быстро и оперативно, полагаясь вначале на свои силы и только затем обращаясь к общим европейским структурам. Социалистическое прошлое научило их держать «порох сухим».

Однако прежде чем предполагать опасность, которая может исходить от амбиций их лидеров, нелишним будет вспомнить их путь в Европейский союз. Они сделали свой выбор раньше – в 1999 г. Оценивая свой шаг по вступлению в НАТО, Польша говорила о том, что они не просто сделали выбор между Востоком и Западом, ими руководило глубокое желание наверстать упущенное в цивилизационном пути развития. Польша, по образному выражению Я. Качиньского, является оплотом свободы в Европе. У нее есть шанс стать хранителем демократических ценностей Европы. В этом упорном желании занять подобающее ей место в Европе и мире просто утонут личные амбиции лидеров. Чехия, Словакия и Венгрия не так страстны в своих высказываниях, но их кровоток не может пойти вспять, потому что свобода и демократия для них не пустые слова или предвыборные лозунги. Это их история и память о событиях 50–60 гг. XX в.

В деле сохранения демократии нельзя забывать о США. Как показывает исторический опыт, чем сложнее условия, тем крепче и жизнеспособнее США. Сегодня они говорят о пандемии как о вызове нации. И абсолютно уверены в том, что они победят. Иначе просто и быть не может. 16 апреля 2020 г. Государственный департамент США представил «План действий Правительства США в поддержку международных мер по реагированию на COVID-19». Угроза возникновения инфекций признается повсеместной. Пакет мер, получивший красноречивое название «SAFER» позволит воспользоваться достижениями и финансовой помощью США в целях повышения потенциала международных партнеров. Вместе мы восстановимся и станем сильнее, гласит документ.

Модернизация государственного сектора – это уже неизбежность. Но на современном этапе государства имеют возможность использовать лучшие практики, благодаря тому, что накоплен огромный опыт реформ. И это не будет однозначно «дедемократизацией», а скорее «перезагрузкой государственности».

«Скорость» как мерило солидарности

Солидарность в Европейском союзе, а вернее ее отсутствие, стала предметом обсуждения СМИ и далеко идущих выводов о слабости самой системы. Однако полезно было бы вспомнить, что солидарность – это уже состояние, а не процесс. Это значит, что европейское сообщество уже прошло путь к пониманию единения на основе моральных принципов сопереживания, сочувствия, взаимной симпатии в результате приверженности единым нормам и ценностям. И скорость принятия решений и оказания помощи не может и не должна быть критерием оценки состояния солидарности в ЕС.

В этой связи быстрота реакции и незамедлительная помощь со стороны Российской Федерации вызвали противоречивые чувства у европейцев. В ответ прозвучали упреки в холодности, рассудочности и «замороженности» души европейских чиновников. А на лицо простая и древняя как мир проблема непонимания слов и действий участниками процесса коммуникации. Россия, которую обвинили в зарабатывании политических очков, ничем не нарушила привычный для нее ход вещей. Вот только оперировать нужно народом – русскими. А пословица «снять последнюю рубашку» и сделать это, не задумываясь, сразу вполне понятно объяснит российскую помощь. А европейский дух в это время искал «план Мольтке, который, увы, не лежал в третьем ящике стола». И так должно быть. Мир прекрасен именно своим разнообразием.

Политики даже во сне работают над своим имиджем. И в обычных условиях мы все понимаем, что так и должно быть. Но не хотим ли мы слишком многого от них сейчас? Если мы их оцениваем как простых смертных, тогда не нужно требовать от них спасти наш мир. Каждое выступление лидеров государств просеивается сквозь сито, СМИ представляют информацию, которая с их точки зрения наиболее полно осветит проблему и, не будем наивными, поднимет рейтинг издания.

«*Enfant terrible*» Восточной Европы – Беларусь – в рейтинге по упоминанию страны в СМИ заняла лидирующие позиции. Представленное выражение, некогда введенное в литературный обиход Жаном Кокто, для европейской аудитории означает чаще всего наличие детской прямоты и откровенности, чудаковатости у взрослых. В нашем постсоветском сознании это выражение ассоциируется только с княгиней Мягкой из романа Л. Толстого. Она славилась своей простотой, грубостью в выражениях и обращении, но она говорила простые вещи, имеющие смысл, которые мало кто решался назвать своими словами. Несомненно, что «особый метод» Швеции, основанный на рекомендациях и доверии, в этом контексте рассматривается вполне адекватно, хотя и вызывает легкую критику.

Все смешалось в доме Облонских – пандемия, солидарность, авторитарные замашки, экономический кризис, выборы в США, санкции, сделка ОПЕК+, падение китайской экономики, вакцина и ежедневные данные Университета Дж. Хопкинса о количестве зараженных и умерших. В этой новостной пучине можно было бы вспомнить высказывание знаменитого Парацельса «*страх ослабляет человека и отдает его на растерзание болезням*». Но оно с легкой руки журналистов запустило новый маховик дискуссий, в которых будет трепетать каждый обнаженный нерв. Поэтому так важно сегодня говорить об ответственности. Особенно тех, кто работает с массовой аудиторией. Ведь складывается впечатление, что реакция и действия правительств (правильные или неправильные – это отдельная тема) олицетворяет собой и качества людей, представителями которых они являются. Логичным является вопрос о том, на каком

уровне отсутствует эта самая солидарность? Солидарность – это не заезд «Формулы-1», а ежедневная кропотливая работа по избавлению от бед страждущих.

Стрессоустойчивость как критерий оценки современного состояния и прогнозов на будущее

Непредсказуемость развития событий, которые сегодня именуются «черными лебедями», требует переосмысления концепций развития внутренней и внешней среды государств. В критических условиях государства должны иметь своего рода базовый набор «защитных средств», которые позволят им выжить в любых условиях. Система может быть повреждена, но не разрушена.

Организм государства, как и организм человека, состоит из множества клеток, которые выполняют самые разные функции. А нормальное состояние внутренней среды организма поддерживается и контролируется иммунной системой. Иммунитет защищает организм от внутренних и внешних влияний и обеспечивает сохранение постоянства внутренней среды.

В отношении государства таким иммунитетом может стать концепция «стрессоустойчивости». Под ней понимается способность государств реформироваться, сопротивляясь внутренним и внешним кризисам, сохранять и восстанавливать свои функции. Ключевой характеристикой «стрессоустойчивости» является объединение в единую систему угроз и ресурсов, которые позволяют с ними справиться. В системе государства такого рода баланс достигается на имеющемся уровне или на качественно ином. «Стрессоустойчивость» – это своего рода матрица, где все части взаимосвязаны. Чужеродные тела вызывают внутреннее возмущение в системе, но основные клетки иммунной системы производят перегруппировку элементов и устанавливают равновесие. Однако такого рода подход требует понимания того, что все ресурсы системы должны поддерживаться на одинаковом уровне, иначе они не смогут стать тем резервом, который может быть задействован в условиях угрозы.

Ситуация с пандемией показала, что критическая инфраструктура (здравоохранение) приняла на себя всю тяжесть кризиса, оказалась неподготовленной и всерьез угрожает государствам прекращением выполнения жизненно важных функций. Многие страны столкнулись с проблемой отсутствия ресурса резерва. А значит, система управления как таковая слаженной системой не является. Схожая проблема наблюдается и в международном сотрудничестве. Перед лицом масштабного кризиса координирующие международные структуры (ВОЗ) оказались неподготовленными и не обладающими ресурсом адаптации к вызову.

Одной из важных проблем, с которой столкнулись государства в условиях пандемии, стал страх населения перед малоизученным, непредсказуемым «врагом». Уровень нервозности и напряжения населения возрастает в геометрической прогрессии. Единственной тактикой, которая была использована государствами для решения этой проблемы, стала публикация данных о количестве зараженных и умерших. Взвесив все риски, большинство стран пошло по пути «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Сложно сказать сегодня, насколько этот шаг эффективен в снижении уровня напряжения. Это вопрос для будущих исследований и краеугольный камень в концепции стрессоустойчивости.

Второй по значимости проблемой, вызванной влиянием пандемии, стал нарастающий экономический кризис. Экономической терминологией население планеты жонглирует не менее виртуозно, чем медицинской. Главное отличие заключается лишь в том, что такого рода кризисы нам знакомы, они предсказуемы, «вакцина» есть.

«Греческий хор» экономистов уже вынес свой вердикт. Страницы печати запестрели терминологией, которая бросает вызов медицине. Но даже невооруженным глазом видно, что сценариев выхода из этой ситуации предлагается более чем достаточно. Вопрос заключается лишь в том, как воспользуются этими советами государства. И вот здесь вновь проблема плавно перетекает в область полномочий государственного сектора. В крайней точке она выходит на роль лидеров государств, которые должны взять на себя ответственность, принять решение и отвечать за последствия. Сложность и уникальность текущей ситуации заключается в том, что необходима кооперация как на внутригосударственном уровне, так и международном.

Кто же может стать ее основными субъектами-участниками? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности и связан он с кругом проблем, которые были спровоцированы пандемией и рассмотрены выше. Итак, государственный сектор, бизнес и гражданское общество – вот три кита, которые смогут сформировать «стрессоустойчивость» государства и в дальнейшем позволять системе адекватно реагировать на вызовы и угрозы.

Самая сложная задача у первого участника. Привычная жизнь основательно подорвана пандемией, но основные проблемы еще впереди. Профессия политика вскоре станет сродни профессии хирурга. Чтобы организм вернулся к здоровому состоянию, рану необходимо очистить. Да, причинив боль и страдание, ради будущего выздоровления. Сегодня для лидеров государств пришло время принятия неординарных, возможно, даже непредсказуемых решений. Страх, разочарование, ожидание преимущественно худшего можно победить только удивлением. Ничто так не может сплотить общество как чувство сопричастности к принятию решений, определению общей задачи и совместное ее выполнение. Однако каждый из элементов системы должен уметь не только работать в команде, но и обладать навыками самоорганизации. Родить здорового ребенка можно только тогда, когда все подсистемы организма функционируют слаженно.

Выводы

Станет ли пандемия раковой опухолью, которая запустит механизм разрушения систем ценностей, государственного управления, мирового порядка в целом? Несмотря на огромное количество пессимистичных прогнозов, иммунная система, как известно, обладает определенным запасом устойчивости. Особую прочность ей придает иммуно-

логическая память, которая проявляется как ускоренный и усиленный специфический ответ на повторное появление «врага». Уже сегодня эксперты отмечают важный положительный эффект пандемии – снижение агрессивности противостояния ведущих держав. Эта тенденция, очевидно, будет краткосрочной, но позволит пересмотреть отношения друг с другом с учетом новых реалий. Время верных друзей, надежных союзников уже давно ушло в прошлое. И совсем не COVID-19 стал тому причиной. Партнерство, основанное на принципах умеренности, взвешенности и прагматизма, может стать платформой стратегического взаимодействия или, по крайней мере, окном для сохранения диалога. Соперничество между государствами неизбежно, ибо его отсутствие будет противоречить самой Природе.

Очевидно, что «метаболизм» демократии нуждается в ускорении. И вирус COVID-19 может стать новым видом питательного вещества, которое с одной стороны приведет систему к состоянию стресса, а с другой будет способствовать ее оздоровлению, усилению иммунитета, повышению работоспособности, качества и продолжительности жизни.

За оценкой духовного состояния общества лучше всего обратиться к поэтам. *«Больные люди всегда порядочнее здоровых: только больной – действительно Человек, члены его рассказывают историю своих страданий, они одухотворены»* – Генрих Гейне.

Лексин В.Н.

д.э.н., профессор, гл.н.с ФИЦ «Информатика и управление» РАН

НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ О РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА

Ключевые слова: *Арктическая зона Российской Федерации, государственная политика, стратегия, вызовы и угрозы, тотальная турбулентность.*

Keywords: *Arctic zone of the Russian Federation, state policy, strategy, challenges and threats, total turbulence.*

С начала XXI в. в общественном мнении все более укрепляется убежденность в том, что Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗРФ) имеет и в перспективе будет иметь особое значение для страны – геополитическое, природно-ресурсное, экономическое и социальное. На территории АЗРФ уже сейчас в расчете на одного жителя создается валового регионального продукта в 3,5 раза больше, чем в среднем по России, добывается более 80% горючего природного газа и 17% нефти (включая газовый конденсат), производится седьмая часть мировых объемов никеля и платины, десятая – кобальта, 40% палладия, а разработка одного из крупнейших и богатейших в мире Томторского месторождения позволит полностью удовлетворить потребности страны в редкоземельных элементах и выйти на мировой рынок этого продукта. С каждым годом становятся все более существенными и по сути инновационными достижения АЗРФ в обеспечении обороноспособности страны, в создании практически заново самой высокоширотной транспортной магистрали мира – Северного Морского Пути, в развитии отечественного судостроения и т.д. Но не менее велики и проблемы функционирования уникального и не имеющего аналогов в мире социально-экономического комплекса АЗРФ, с перечисления которых, как правило, начинаются все обобщающие материалы о состоянии и перспективах ее развития. Это – и экстремальные природно-климатические условия, и недостаточная развитость транспортной и социальной инфраструктуры, и высокая чувствительность экологических систем российской Арктики к внешним воздействиям, и все более проявляющиеся аномально высокие темпы климатических изменений, и полная зависимость ряда населенных пунктов от дальнепривозных поставок топлива, продовольствия и иных жизненно необходимых товаров, и ряд других общеизвестных обстоятельств. В последнее время заметно осложнились внешнеполитические и внешнеэкономические условия функционирования АЗРФ. Все это заставляет считать АЗРФ территорией повышенных рисков любой деятельности.

Российская Арктика не обделена вниманием руководства страны к разработке стратегических направлений развития этой территории. Напомню, что после утверждения в 2008 г. Президентом РФ «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»¹ (далее – «Основы-2020») и «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»² (далее – «Стратегия-2020») и опубликования указов Президента РФ о сухопутной территории Арктической зоны Российской Федерации³ Правительство РФ в 2014 г. приняло постановление о государственной программе социально-экономического развития АЗРФ на период до 2020 г.⁴, а в 2017 г. – фактически новый вариант этой программы⁵. Все эти документы были обстоятельно прокомментированы в монографии и серии статей по арктической проблематике, опубликованных автором совместно с академиком Б.Н. Порфирьевым в 2014–2018 гг. Однако самые фундаментальные решения о судьбе российской Арктики были приняты в 2020 г. Они подводили итоги предыдущего периода, намечали конкретную программу действий на период до 2035 г. и подчеркивали риски ее выполнения.

Первый из этих документов, – Указ Президента РФ, – предложил принципиально новую версию принятых 12 лет назад «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике» в очередном временном интервале –

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969).

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ 8 февраля 2013 г. № Пр-232).

³ Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» и указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

⁴ Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 ».

⁵ Постановление Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».

с 2020 до 2035 год и с акцентом на проблемы национальной безопасности¹ (далее – «Основы-2035»). В конце октября этого года на тот же период и с тем же вниманием к проблемам национальной безопасности указом Президента РФ была подписана новая стратегия развития Арктики² (далее – «Стратегия-2035»). В этом отношении показательны прямые сопоставления «параллельных мест» в ранее принятых и принятых в последнее время документах.

В «Основах-2020» в разделе «Национальные интересы Российской Федерации в Арктике» к ним отнесены «а) использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны, б) сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, в) сбережение уникальных экологических систем Арктики и г) использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике». В «Основах-2035» первыми в перечне национальных интересов названы «а) обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации и б) сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства». И за этими формулировками ясно прослеживается то новое в усложнении внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации в последние годы, что резко повысило неопределенность и риски арктической деятельности. Симптоматично и введение в текст «Основ-35» ранее отсутствовавшего раздела «Основные угрозы национальной безопасности в Арктике» и, главное, раздела «Основные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике», куда включены «а) попытки ряда иностранных государств пересмотреть базовые положения международных договоров, регулирующих хозяйственную и иную деятельность в Арктике, и создать системы национального правового регулирования без учета таких договоров и региональных форматов сотрудничества, б) незавершенность международного правового разграничения морских пространств в Арктике, в) воспрепятствование осуществлению Российской Федерацией законной хозяйственной или иной деятельности в Арктике со стороны иностранных государств и (или) международных организаций, г) наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала в регионе и д) дискредитация деятельности Российской Федерации в Арктике». Эти различия прослеживаются в текстах принятой в феврале 2013 г и в последнее время «Стратегий».

В «Стратегии-2020» ни в разделе «Основные риски и угрозы, цель Стратегии», ни в разделе «Текущее состояние социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации характеризуется наличием следующих рисков и угроз» ничего не говорилось о «рисках и угрозах» внешнеполитического и внешнеэкономического характера (так же, как и о рисках стратегического развития АЗРФ в связи с общей неустойчивой социально-экономической ситуацией в России в целом) и только в ст. 7 последним из пунктов, раскрывающих содержание «приоритетных направлений развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» названо «обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации в Арктике». И поэтому в отсутствии перечня внешних угроз может показаться недостаточно аргументированным, но, по сути, абсолютно правильно включенным в «Стратегию-2020» текст ст. 18. Привожу его в сокращении: «В целях обеспечения военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации предусматриваются: а) обеспечение благоприятного оперативного режима в АЗРФ, включая поддержание необходимого уровня боеготовности группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в соответствии с существующим и прогнозируемым характером военных опасностей и военных угроз Российской Федерации в Арктике; б) всестороннее обеспечение боевой и мобилизационной готовности на уровне, необходимом и достаточном для решения задач недопущения силового давления и агрессии против Российской Федерации и ее союзников, обеспечения суверенных прав России в Арктике и возможностей беспрепятственного осуществления всех видов ее деятельности, в том числе в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации в Арктике, нейтрализации внешних и внутренних военных опасностей и военных угроз в мирное время, обеспечения стратегического сдерживания, а в случае вооруженного конфликта – отражения агрессии и прекращения военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации; в) совершенствование структуры, состава, военно-экономического и материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, развитие инфраструктуры их базирования, а также системы оперативного оборудования территории в интересах развертывания группировки войск (сил), предназначенной для выполнения задач в Арктике; г) совершенствование контроля воздушного пространства и надводной обстановки; д) использование технологий двойного назначения в интересах комплексного решения задач обороны, безопасности и обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации».

В дополнение к этому в «Стратегии-2035» одной из важнейших особенностей, определяющей «специальные подходы к... обеспечению национальной безопасности в Арктике» назван «рост конфликтного потенциала», в связи с чем «в Арктической зоне располагаются объекты стратегических сил сдерживания в целях недопущения агрессии против Российской Федерации и ее союзников». Сам же «рост конфликтного потенциала» признается требующим «постоянного повышения боевых возможностей группировок войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в Арктической зоне», а решение задач в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы России должно быть обеспечено «путем реализации мероприятий,

¹ Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

² Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

предусматриваемых государственной программой вооружения, в рамках государственного оборонного заказа и государственных программ Российской Федерации». В связи с утверждением в «Стратегии-2035» о «росте конфликтного потенциала» нельзя не отметить нарастающего ощущения угроз устойчивому функционированию АЗРФ. Ведь всего за три года до принятия новой «Стратегии» во вступительном слове к участникам IV Международного арктического форума (Архангельск, 29–30 марта 2017 г.) Президент РФ заявил: «Россия исходит из того, что в Арктическом регионе нет потенциала для конфликтов. Международные нормы четко определяют права как прибрежных, так и других государств и служат прочной основой для совместной работы в решении любых проблем, в том числе таких чувствительных, как разграничение континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, предупреждение нерегулируемых промыслов в его центральной части, замкнутой исключительными экономическими зонами Соединенных Штатов, Канады, Дании, Норвегии и России»¹.

Анализируя рассмотренные «Основы-2035» и «Стратегию-2035» нельзя забывать о том, что в восьмимесячный промежуток времени между их опубликованием (в июле 2020 г.) был принят закон о государственной поддержке предпринимательской деятельности в АЗРФ², почти не комментировавшийся в экспертном сообществе, в научных изданиях и в СМИ. И напрасно, поскольку этот закон при том, что целями его принятия традиционно названы «экономическое развитие, стимулирование и активизация инвестиционной и предпринимательской деятельности и создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в АЗРФ», содержит немало принципиально важных новаций. Сразу замечу, что его предмет, зафиксированный в ст. 1 как «определение правового режима зоны» (нигде далее в тексте не упоминается), сформулирован намного шире названия закона, а в п. 2. ст. 2 впервые сказано, что в состав АЗРФ помимо установленных в указе Президента РФ ее географических объектов входят «земли и острова, которые в будущем могут быть открыты». Появляется новый исключительно важный актор арктической деятельности «резидент» зоны – индивидуальный предприниматель или являющееся коммерческой организацией юридическое лицо, государственная регистрация которых осуществлена в АЗРФ и которые заключили соглашение об осуществлении инвестиционной деятельности в этой зоне и включены в реестр ее резидентов³. Вся АЗРФ объявляется территорией применения детально прописанной таможенной процедуры свободной таможенной зоны, для чего АЗРФ «приравнивается к особой экономической зоне».

При том, что существует специализированное федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, в законе 193-ФЗ назван некий «уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития АЗРФ» и вводится институт «управляющей компании», которая в соответствии с законом о территориях опережающего социально-экономического развития в РФ «определена Правительством РФ для обеспечения функционирования территорий опережающего социально-экономического развития на территории Дальневосточного федерального округа (!?), или ее дочернее общество». И названный орган, и управляющая компания наделены большими административными полномочиями. Так, в соответствии со ст. 5 именно «уполномоченный орган» выдает разрешения на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства и реконструкции объектов инфраструктуры АЗРФ (за исключением объектов обороны и безопасности, использования атомной энергии и объектов, строительство которых осуществляется в границах особо охраняемых природных территорий), застройщиками которых являются резиденты этой зоны или управляющая компания, предоставляет для этого земельные участки, находящиеся в федеральной собственности, утверждает порядок ведения реестра резидентов АЗРФ³, утверждает форму и порядок предоставления ими различных документов и, главное, осуществляет контроль за деятельностью управляющей компании. В свою очередь, «управляющая компания» в соответствии со ст. 6 осуществляет прием заявок на заключение соглашений об осуществлении инвестиционной деятельности и заключает эти соглашения, ведет реестр резидентов Арктической зоны и «осуществляет иные функции», причем допускается передача функций «на основании соглашения, заключаемого между уполномоченным федеральным органом и соответствующим высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, хозяйственному обществу, в котором не менее пятидесяти одного процента акций (долей) принадлежит указанному субъекту РФ или некоммерческой организации, единственным учредителем которой является данный субъект РФ». Закон устанавливает «в целях учета потребностей и интересов граждан РФ, проживающих в АЗРФ, защиты прав и свобод граждан РФ и прав общественных объединений, некоммерческих организаций при осуществлении государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере развития АЗРФ» и новый институт – «общественный совет Арктической зоны» с полномочиями осуществления мониторинга процессов взаимодействия между резидентами АЗРФ и коренными малочисленными народами, проживающими в этой зоне, участия в разработке мероприятий по охране окружающей среды в АЗРФ и подготовки предложений «уполномоченному федеральному органу» и «управляющей компании» по вопросам повышения эффективности их «деятельности по управлению Арктической зоной (!?)». «уполномоченный федеральный орган» утверждает состав этого совета из представителей действующих на территории АЗРФ общероссийских и региональных объединений (ассоциаций), а также некоммерческих организаций и должен функционировать на основании положения, утвержденного тем же «органом».

¹ В Архангельске открылся IV Международный Арктический форум. – news29.ru/m...forum_2017/Vladimir_Putin_na...forume...

² Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». – kremlin.ru/acts/bank/45677

³ Лицо, утратившее статус резидента АЗРФ, вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, располагаться по своему усмотрению принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом, находящимся в этой зоне.

Практически значимы перечисленные в главе 4 закона меры государственной поддержки предпринимательской деятельности в АЗРФ, включающие предоставление резидентам зоны льгот по налогам, возмещение части расходов по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и иные меры поддержки этих резидентов, особые условия предоставления земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также осуществления градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства и реконструкции объектов капитального строительства, причем полномочия органов местного самоуправления муниципального района, городского округа в этой сфере могут быть перераспределены между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ. Все это, естественно, требует особого порядка осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Арктической зоне и корреспондирует с положениями закона о защите интересов резидентов АЗРФ.

Закон 193-ФЗ фактически перераспределил функции и институты управления развитием АЗРФ и создал новую структуру организации хозяйственной деятельности на территории зоны, и крайне удивительно, что это не нашло ни малейшего отражения в утвержденной через 3 месяца после этого Президентом РФ «Стратегии-2035». В ст. 8 этого документа сказано, что «в 2019 году система государственного управления реорганизована с учетом вызовов, связанных с развитием Арктической зоны и обеспечением национальной безопасности: утвержден новый состав и расширены полномочия Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, образовано Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, принято решение о расширении компетенции институтов развития Дальнего Востока на Арктическую зону». И ни слова об уже названных «угрозах и рисках» и о мерах их предотвращения или снижения, что особенно важно в связи с кардинальным изменением статуса и организационных структур, располагающихся на территории АЗРФ и призванных обеспечивать ее устойчивое функционирование.

Перечисленные угрозы и риски реализации одного из самых амбициозных мегапроектов современной России, который был ранее назван «переохождением российской Арктики»¹, реально существуют и дополнительно усиливаются проявлениями турбулентности, понятия все чаще используемого в обобщенных оценках специфических особенностей нашего времени. Это понятие (от лат. *turbulentus* – бурный, беспорядочный) в начале XX в. уверенно перешло из словаря физики и механики в лексикон политологии, экономики, социологии, философии и других наук, а затем – и в публицистику и, утвердившись в исследованиях преимущественно мировой политики и поведенческих установок («социальная турбулентность»), оно распространилось и на характеристики многих других аспектов общественного бытия, которому стало свойственно усиление нестабильности и увеличение рисков во всех сферах человеческой деятельности. В последнее десятилетие появились теории, характеризующие и объясняющие причины неустойчивости процессов мирового развития и «кризис глобальной внешнеполитической среды»², а политики стали использовать понятия «мировой анархии»³ и «турбулентности»⁴, которое утвердилось даже в государственных документах⁵. Это понятие распространено и за рубежом, например, оно используется в обширной монографии бывшего председателя Совета учредителей Федеральной резервной системы США⁶ и в трудах Джеймса Н. Розенау – крупнейшего американского специалиста в области политологии и международных отношений. В 2003 г. вышел его часто и заслуженно цитируемый труд о турбулентности в мировой политике⁷, первая и концептуально значимая глава которого в русском переводе опубликована в учебнике-хрестоматии О.В. Сафроновой⁸. Оригинальные концепции турбулентности в мировой политике предложили Х. Мауль⁹ и ряд других зарубежных авторов.

В научных кругах России феномен турбулентности в разных аспектах и с различной глубиной исследовался весьма широко: известные автору публикации принадлежат более чем тридцати ученым. К этой тематике неоднократно обращался Д.С. Полулях, (МГУ им. М.В. Ломоносова) который назвал турбулентность отличительной чертой «по-

¹ Обоснованию этого понятия посвящена серия ранее упомянутых публикаций автора доклада и академика Б.Н.Порфирьева.

² Пантин В.И. Первая половина ХХIв. – «эпоха турбулентности» в мировом развитии // История и современность. 2008. – № 2. – С. 3–9; Цыганков П.А. Глобальная неопределенность и внешняя политика России // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Русайнс, 2015.

³ Путин спрогнозировал усиление признаков мировой анархии. – <http://lenta.ru/news/2014/10/24/putin1>; См. также Владимир Путин: Россия и Иран продолжат сотрудничество, несмотря на турбулентности в международных отношениях. – <https://russian.rt.com/article/32879>; В.В.Путин: турбулентность мировой экономики приобрела длительный характер. – <http://news.mail.ru/politics/798673110>

⁴ Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166; См. также: Лавров С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? – http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/263A1015041B1BBA4425797500416F7A

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. – http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f

⁶ Greenspan A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World. – New York: The Penguin Press, 2007. – 554 p. В русском переводе – Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. – М.: Альпина Паблишер; Юнайтед Пресс, 2017. – 520 с.

⁷ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 480 p. См. также Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 467 p.

⁸ Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике // Сафронова О.В. Теория международных отношений. Электронный учебник / Кафедра международных отношений Нижегородского гос. ун-та, ННГУ. 2001.

⁹ Maull H.W. World Politics in Turbulence // Internationale Politik und Gesellschaft Online. 2011. – N 1. – P. 11–25.

стбиполярного миропорядка...и современной мировой политики, отражающей динамику изменений миропорядка», характеризующуюся «перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируемые действиями отдельных акторов мировой политики»¹. В ранее защищенной диссертации Д.С. Полулях справедливо отмечал, что «должна изучаться практическая сторона турбулентности: то, как акторы управляют турбулентностью и реагируют на нее»². Этот аспект вопроса применительно к российской политике рассматривался в работах Д.В. Ефременко³, в ряде публикаций А.И. Агеев обращал внимание на то, что «совершившаяся в нашей стране в 1980–1990-е годы интеллектуально-политическая капитуляция перед стихией рынка – это проявление духовного малодушия, геополитического легкомыслия и некомпетентности тогдашних элит в понимании законов действия турбулентности»⁴, Е.А. Евдоченко исследовала теоретические и прикладные вопросы турбулентности глобальной экономической среды⁵, в статье М.С. Негровой термин «социальная турбулентность» использован в анализе тех эмерджентных эффектов, которые несет в себе этот процесс⁶, а Н.С. Розов представил убедительные соображения о стратегии развития России в контексте порождаемого турбулентностью нового миропорядка⁷. Характеризуя теперешнюю (шестую) «эпоху турбулентности», Н.С. Розов выделяет среди свойственных ей явлений рецидивы военных акций и аннексий, нарушающих нормы международного права, конфликты по поводу миграционного кризиса, демократических принципов и финансовой политики, терроризм, продолжающиеся угрозы со стороны международных криминальных сообществ и сетей, киберпреступность, рост ксенофобии, сдвиг в направлении политики закрытых дверей и протекционизма, существенное снижение авторитета, роли и влияния ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций. Вряд ли требуются доказательства того, что все это нарушает, казалось бы, незыблемые основы ведения не только политической, но и любой хозяйственной деятельности и особенно осложняет управление мега-проектами – сложнейшего синтеза политических, научно-технических, инвестиционных, внешнеэкономических и иных решений в транснациональном и национальном масштабах.

Обобщая мнения ранее упомянутых отечественных и зарубежных ученых относительно частных и глобальных проявлений турбулентности и опираясь на собственные исследования, уместно предложить следующую трактовку понятия «тотальная турбулентность», где важнейшим смысловым дополнением к слову «турбулентность» становится определение «тотальная» как производное от фр. *total* и лат. *totalis* (весь, целый, полный), то есть, как характеристика чего-то целостного, всеобщего, всеобъемлющего и всеохватного. В связи с этим «тотальная турбулентность» понимается, прежде всего, как целостное явление системного характера, все компоненты которого объединены общими причинно-следственными связями. К числу наиболее значимых компонентов этой своеобразной системной общности относятся: быстрота смены ее состояний и неупорядоченность ее ответных реакций⁸, приближение к порогу ее чувствительности к самостоятельным внутренним трансформациям и к воздействиям внешней среды, высокая изменчивость в поведении ключевых и даже второстепенных акторов и, главное, нескончаемая неопределенность скрепляющих механизмов миропорядка и исчезновение прежних закономерностей его функционирования.

Причинами и условиями формирования ситуации тотальной турбулентности логично считать, во-первых, свойственное постиндустриальному миропорядку ускорение и расширение ареалов передачи любой информации, провоцирующее хаотическое взаимодействие массы акторов. Во-вторых, это – обретение и ощущение транснационального характера не только последствий изменения климата или последней пандемии, но и таких явлений, как, например, терроризм, наркоторговля и валютные кризисы. В-третьих, – сокращение возможностей прямых и результативных действий правительств по решению таких национальных проблем, как безработица, сокращение рынков сбыта и т.п. в связи с несбалансированными интересами и действиями прямых и косвенных участников соответствующих событий. В-четвертых, – возрастание противоречий между централизацией и децентрализацией управления в самых различных организационных и политических системах. В-пятых, – повсеместное усиление явлений «социальной турбулентности», замечательно охарактеризованных более полувека назад⁹, и до наших дней развиваемых в различных исследованиях.

В работах, выполненных в 2014–2019 гг. совместно с академиком РАН Б.Н. Порфирьевым последовательно обосновывалась необходимость идентификации начавшихся преобразований на территории АЗРФ как стратегическо-

¹ Полулях Д.С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка // Политическая наука / ИНИОН РАН. – М., 2017. Special issue. – С. 245–260.

² Полулях Д.С. Турбулентность в современной мировой политике: дискурс и практика. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата политических наук – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016.

³ Ефременко Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики // Политическая наука. – М., 2012. – № 1. – С. 51–68; он же: В ожидании штормовых порывов: внешняя политика России в эпоху перемен // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 2. – С. 3–20.

⁴ Агеев А.И. Нюансы турбулентности // Прогнозы и стратегии. 2008. – № 1; 2009. – № 1.

⁵ Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление // Прогресс. 2014. – № 5–6. – С. 112–119.

⁶ Негрова М.С. О турбулентных процессах передела пространства-времени: перспективы и опасения // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. 2013. – № 1. – С. 106–110.

⁷ Розов Н.С. Образ будущего миропорядка и стратегия России // Политическая конспектология: журнал междисциплинарных исследований. 2012. – № 1. – С. 82–96.

⁸ Дж.Н. Розенау по этому поводу пишет: «поддержанные технологиями, которые почти мгновенно передают информацию, турбулентные ситуации имеют тенденцию характеризоваться быстрой реакцией, настоятельными требованиями, временными союзами, резким изменением политики, то есть тем, что быстро, хотя и беспорядочно, направляет ход событий по ложному пути конфликта и сотрудничества».

⁹ Emery F.E., Trist E.L. The causal texture of organizational environments // Human Relations. 1965. – Vol. 18, N 1. – P. 21–32.

го мегапроекта переосвоения российской Арктики, который «по своей значимости может быть сравним с историческими атомным и космическим проектами»¹. И «Основы-2035», и «Стратегия-2035» фактически являются развернутыми программами реализации именно такого мегапроекта, и не удивительно, что в них столь значительное место отведено угрозам и рискам его выполнения. Последние постоянно возрастают, и немалую мультиплицирующую роль в этом играют вышеназванные процессы тотальной турбулентности, ломающие все нормативные порядки внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Примеров этого относительно реализации российского арктического мегапроекта – множество, они общеизвестны, и я напому только два из них.

В октябре 2019 г. Министерство обороны США представило конгрессу «Арктическую доктрину», направленную на блокирование российского Северного морского пути. В документе указывается, что Арктика «имеет прямое отношение к национальной безопасности США», а главная задача Вашингтона – «развертывание более смертоносной устойчивой, гибкой боевой группировки, способной обеспечить конкурентное преимущество в этом ключевом регионе»². В мае того же года, выступая в центре арктических исследований (Рованими, Финляндия) Государственный секретарь США Майкл Помпео заявил: «Мы обеспокоены претензией России на международные воды Северного морского пути, в том числе новыми планами по его соединению с китайским «Морским шелковым путем». Москва уже незаконно требует от других стран запрашивать разрешение на проход по Северному морскому пути; требует, чтобы российские лоцманы находились на бортах иностранных судов, и угрожает применить военную силу и потопить те суда, которые не согласятся с их требованиями. Эти провокационные действия являются частью характерного для России агрессивного поведения в Арктике»³.

Напому, что «провокационные действия» России, о которых говорит бывший Госсекретарь США, это – подписанный Президентом РФ в конце декабря 2017 г. закон, который внес изменения в Кодекс торгового мореплавания РФ, согласно которым только судам, плавающим под государственным флагом РФ, разрешено осуществлять лоцманскую проводку, санитарный, карантинный и другие виды контроля, защиту и сохранение морской среды во внутренних морских водах и (или) в территориальном море РФ, ледокольную и ледовую лоцманскую проводку в акватории Северного морского пути, морские перевозки нефти, природного газа, газового конденсата и угля, добытых на территории РФ и (или) на территории, находящейся под ее юрисдикцией, хранение нефти и нефтепродуктов, природного газа (в том числе в сжиженном состоянии), газового конденсата и угля, если такое хранение осуществляется на судне в акватории Северного морского пути⁴.

Цитированное заявление Госсекретаря США – характерный образец западной политической риторики, за которой, как правило, следуют конкретные нарушения любых договоренностей и норм международного права. Это наглядно проявилось в действиях вокруг реализации одного из компонентов российского арктического мегапроекта – строительства газопровода «Северный поток-2». К этому стоит добавить непрекращающуюся санкционную войну Запада с Россией, существенно осложнившую и продлившую ранее намеченные сроки работ в АЗРФ, предполагавших использование ряда видов импортного оборудования. Можно не сомневаться в том, что угрозы и риски реализации «Стратегии-2035» в ближайшие годы будут нарастать, и наряду с объективными трудностями в этом будут играть немалую роль отмеченные явления тотальной турбулентности. Выход из этой ситуации только один – последовательно продолжать политику укрепления экономического и политического суверенитета нашего государства.

¹ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Государственное управление развитием Арктической зоны Российской Федерации: задачи, проблемы, решения. – М.: Научный консультант, 2016. – С. 11–33.

² «Арктическая доктрина» США: Северный морской путь будет заблокирован. – ria.ru/20191018/1559911797.html

³ Речь Государственного секретаря США Майкла Помпео. – translations.state.gov/2019/05/...

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» и Федеральный закон «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2017 № 450-ФЗ. – Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286768/

Малюта А.Н.

д. филос. н., профессор, академик МАФО, президент Международного союза «Звездный путь».

Логвиненко В.П.

главный академический координатор Международной академии фундаментального образования, D.Ed., профессор, академик МАФО генеральный директор Сетевого консорциума непрерывного образования consortium@live.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Ключевые слова: демократизация, мультикультурализм, междисциплинарность, интердисциплинарность, кадровая подготовка, методология, теоретическое осмысление, фундаментальное образование.

Keywords: democratization, multiculturalism, multidisciplinary, interdisciplinarity, methodology personnel training, theoretical understanding, fundamental education.

На данном этапе развития цивилизации намечился опасный для ее дальнейшего существования разлом. Если окончание «холодной войны», расширение численности стран, развивающихся в рамках «третьей волны демократизации», повышение авторитета ООН и других международных организаций создало предпосылки для межгосударственного сотрудничества, выдвижения на повестку дня принципов гуманизма, культуры мира и разработки принципов их распространения, то упомянутый разлом возник на оставшихся противоречиях «холодной войны» и особенно усугубился в связи с кризисом постмодернистских воззрений.

Становится очевидным, что демократия как базовый принцип организации общественной жизни, форма политического режима и правления при посредстве народа, имеющая истоки в Древней Греции и Древнем Риме, проявила свою уязвимость, в том числе с позиций теоретической обоснованности. Отмеченная еще в прошлом веке семантическая многозначность термина «демократия» так и не обрела четкого теоретико-методологического контура. На современном этапе понятие «демократия» зачастую используется как некий маркер тоталитарной антисистемы, теоретические основы которой представляет собой кейсы эклектических воззрений отдельных авторов, набор идеологем или технологий, основанных на применении закономерностей воздействия на человека, группы, коллективы и сетевое общество.

Ситуационный анализ, показывает, что реально разговоры о демократии – это дымовая завеса, прикрывающая отнюдь не демократические реалии, за которой наблюдаются: процветание коррупции, хищения в особо крупных размерах, вывоз капитала, «утечка мозгов» и т.д. Подобная ситуация не способствует реальной демократизации, а приводит к несимметричному расслоению общества на далеко не равные, плохо совместимые между собой части: небольшая часть (3–5%), представленная олигархатом на постсоветском пространстве; предпринимательский слой, занимающий по разным оценкам от 20 до 35% населения и остальная часть с неустойчивым доходом и плавающими показателями. О последней части можно уверенно сказать, что она вполне может рассматриваться как «охлос», понимаемый в греческом смысле слова (др.-греч. ὄχλος «толпа»), полностью выпадающий из процесса демократизации в греческой традиции, когда понятие демократии распределялось между зажиточными гражданами, число которых не превышало десяти процентов от всех жителей государства. В современных социально-экономических условиях, по оценке современного реформатора Ли Куан Ю (Сингапурское чудо): «В вопросах демократии важно помнить, что для создания открытой политической конкуренции и свободных СМИ нужно, чтобы 40–50% населения принадлежали к среднему классу, т.е. имели доход выше \$5000 в месяц и были хорошо образованны.» Если принять эту цифру за основу, то к охлосу придется отнести и значительную часть предпринимательского слоя населения. В такой ситуации говорить о наличии демократизации вообще не приходится.

Эксперты отмечают, что сегодня на практике мы наблюдаем манипуляторную демократию, ее декорацию, учитывая, что потеряно доверие к ее институтам, в том числе партиям как институтам политики, которые больше походят на квази-образования. В мире наметилась тенденция к усилению персонифицированной власти как более эффективного средства влияния на современные вызовы.

В монографии «Социологическая картина развития мира: теория» отмечена существенная особенность понятия «демократия»... За десятки веков со времен Аристотеля и Платона государство рассматривалось со всех сторон и различными методами, но полного и верифицированного ответа до сих пор нет. В чем причина? Здесь плотная зависимость понятий: государство, общество, власть, демократия, но основой всех дефиниций является понятие «социального».

Для обеспечения демократизации на деле необходимо провести предварительную работу и к числу необходимых для этого действий можно отнести следующие:

– Остановить отток капитала из страны, что также требует создания ряда специфических условий.

– Обеспечить необходимую специальную кадровую подготовку, оговоренную в материалах Римского клуба, в частности по формированию холистического мышления, на основе которого можно более полно понимать мир и принимать более продуктивные решения.

– Резко увеличить долю участия населения в современных социально-экономических процессах, доведя ее до уровня не менее 80%. Сама эта задача также требует подготовительной работы и должна начинаться с поднятия уровня инициативы населения, не участвующих в бурной деятельности активистов гражданского общества и не имеющих доступа к организационным ресурсам из-за коррупционных схем и прочих явлений современного социума.

В целом для решения задач демократизации нужны более серьезные проработки по их пониманию и способам реализации и систематическое повышение грамотности всего населения в системе непрерывного образования.

Когда говорят об участии всех в реализации социальных процессов как базовом признаке демократизации, то зачастую этот призыв остается пустым лозунгом, маскирующим яростную борьбу за власть отдельных индивидуумов с целью удовлетворения собственных интересов. К тому же реально управлять и вести реальные процессы в условиях конкретной практики действительно могут только отдельные индивидуумы, наделенные всей полнотой власти, а не население в целом. А для того, чтобы руководство этих индивидуумов удовлетворяло потребностям населения, ему необходимо в своих заявлениях, решениях и поступках обобщать и учитывать всю совокупность потребностей, желаний и инициатив, возникающих у социальных групп, с которыми имеют дело эти индивидуумы. Такой подход мы называем не прямым, а опосредованным управлением, который вполне приемлем для реализации на практике при наличии достаточно образованного населения и действительного взаимного доверия между властными структурами и населением в целом.

Наряду с проблемами демократизации следует отметить и оговорить связанную с ней мультикультурную проблематику, решение задач которой на сегодняшний день находится еще на более низком уровне понимания. В частности, не предложены обоснованные ответы на вопросы:

– Чем может быть регламентировано, описано, объяснено и понимаемо явление мультикультурализма?

– Какие принципы могут быть положены в основу гармоничного сосуществования и взаимодействия различных культур?

– Как связать различные правовые нормы с цивилизационным самопроявлением различных этносов и их традициями?

– Можно ли совместить искусственные правила бытия (юридические нормы) и современные научные закономерности, адекватно описывающие сложные разнокачественные процессы и явления?

– Насколько уместен диктат в мультикультурных взаимодействиях и попытка упростить эти процессы за счет резкого уменьшения этнического и культурного разнообразия? Каковы последствия такого вмешательства?

Подобные и аналогичные им вопросы требуют вдумчивого осмысления и теоретической проработки прежде, чем будут приниматься и внедряться в практику какие-либо решения по указанной проблематике.

В приведенном контексте следует также помнить о решениях «Рио+20» (Конференция ООН по устойчивому развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012 года), учитывать и реализовывать их на практике.

В частности, в соответствии с международными ориентирами и рекомендациями различных конференций сохранение разнообразия важно рассматривать как условие развития. Однако это игнорируется при создании современных государственных, политических и других союзов. При этом не следует путать и противопоставлять друг другу необходимость сохранения разнообразия, с одной стороны, и не менее обоснованную необходимость унификации (максимальное уменьшение разнообразия) для целого ряда процессов и явлений современного социума, в том числе консолидации общества, с другой стороны.

Необходимым требованием к реализации всех указанных выше позиций является их актуальность, универсальность, непрерывность и хронотопность (от *χρόνος* «время» и *τόπος* «место») – «закономерная связь пространственно-временных координат», понимаемая по Ухтомскому как соответствие чего-либо требуемому месту в требуемое время¹

Вместе с тем в течение двадцати лет социально-экономическая практика опирается на продиктованные воззрениями постмодернизма околонучные подходы к анализу и прогнозированию процессов развития, а также на системные методы 2 поколения на основе аппарата формализации, взятого из других научных направлений (математика, физика, кибернетика), в частности математического моделирования, применение которого настолько насыщает системную методологию процессами математизации, что убивает саму суть системного подхода. Ибо как обосновал профессор К. Бейли² – методы описания систем, сами должны быть системными. А этого в применяемых средствах формализации системных подходов просто нет... Человек поставлен перед интеллектуальным вызовом. В связи с этим целесообразно остановиться на проблемах образования, и особенно на проблемах фундаментального образования. Невозможно не согласиться с утверждением, что проблема фундаментального образования «лежит в русле широкой и многоаспектной проблемы качества современного образования»³. Однако, на наш взгляд, то что называется фундаментальным образованием должно соответствовать следующим требованиям:

•содержать совокупность универсальных базовых понятий и определений, приемлемых для адекватного применения и понимания в любой сфере знаний вне зависимости от их качественной разновидности. Обозначим это требование термином «**универсальность понятий**»;

¹ Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – С. 128.

² Beiley K. Sociology and the New Systems Theory: Toward Theoretical Synthesis. – Albany: SUNY, 1994.- 372 p.

³ Максимова В.И. Акмеологические критерии фундаментального образования. –

- такой же универсальностью должна обладать совокупность базовых закономерностей, сформулированных на основе указанных выше универсальных понятий;

- сохранять актуальность, под которой следует понимать не устаревающее во времени содержание введенных понятий и закономерностей.

Наиболее близко указанным требованиям соответствуют концептуально-методологические разработки, часто называемые междисциплинарными, или, по нашему мнению, более точно интердисциплинарными. Их отличие заключается в том, что междисциплинарность предполагает обеспечение или наличие связи между частными научными подходами без внедрения в их понятийные и закономерностные формы, а интердисциплинарность пронизывает (либо позволяет структурировать) любую совокупность рассматриваемых частных направлений, позволяя оценивать их и оперировать ими за счет своих (интердисциплинарных) универсальных понятий и закономерностей, которые в конкретных частных дисциплинах могут рассматриваться как фундаментальные. Примером такого интердисциплинарного подхода может служить системная методология третьего поколения – Инвариантное моделирование, базирующееся на теории ГДС¹.

Применение указанного подхода позволяет привести к общему знаменателю различные частные научные направления, адекватно оценивать их научно-практические возможности вне зависимости от качественного направления практической деятельности, в том числе и в сложных социальных процессах. При этом достигается эффект ухода от ошибок редукционизма, физикализма и т.п.

Указанный фундаментальный аспект в своем практическом воплощении резко влияет на повышение эффективности выполняемых работ, повышает КПД, обеспечивает лучшее взаимопонимание разнопрофильных специалистов и экономит расходуемые ресурсы.

Следует отметить невозможность прогнозирования и осознания новых тенденций развития мирового сообщества, в том числе процессов демократизации, без опоры на указанное выше фундаментальное образование.

Также немаловажным и приоритетным является вопрос подготовки специалистов, обладающих универсальным видением и пониманием, деятельность которых должна быть гармонично сочетаема с работой узко ориентированных профессионалов.

Поэтому дополнительная к узко профессиональной подготовке, фундаментальная основа является той необходимой составляющей, без которой в современных условиях рассчитывать на успех в проблематике современного курса не представляется возможным. Указанное требование является приоритетным и необходимым, в первую очередь, для первых лиц, т.е. лиц, принимающих решение. Отметим, что существующая подготовка резерва лидеров и лучших управленцев на сегодняшний день в недостаточной мере учитывает указанный выше фактор фундаментальности, тем самым заранее программируя снижение результативности деятельности указанных лиц.

Для цифрового поколения наличие фундаментального образования является единственной панацеей, позволяющей сформировать на его основе современное новое мышление, не утратив при этом личной способности к индивидуальной мыслительной деятельности и понимания сути происходящего.

На этой же основе возможно формирование современной концепции демократизации.

¹ Малюта А.Н. Гиперкомплексные динамические системы. – Львов: Вища школа, 1989. – 120 с.; Малюта А.Н. Закономерности системного развития. – К.: Наукова думка, 1990. – 136 с.; Малюта А.Н. Система деятельности. – К.: Наукова думка, 1991. – 208 с.

Маслакова-Клауберг Н.И.

к.полит.н., с.н.с. Института мировых цивилизаций
mnleo@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

Ключевые слова: «Карабахский конфликт», регион Нагорного Карабаха, «Минская группа» ОБСЕ, урегулирование конфликта, военно-политическая эскалация, политико-дипломатические методы, противоречия, международное признание, национально-государственные идеи, геополитический анализ.

Keywords: «Karabakh conflict», Nagorno-Karabakh region, OSCE Minsk group, conflict resolution, military-political escalation, political and diplomatic methods, contradictions, international recognition, national-state ideas, geopolitical analysis.

Спустя 30 лет после распада Советского Союза на Евразийском пространстве остается ряд неурегулированных и «замороженных конфликтов», напоминающих о себе периодически возникающими очагами политической напряженности в этих регионах. Возникновение опасных ситуаций в них полностью зависит от общей геополитической ситуации в мире, и прежде всего, от уровня противостояния Запада и современной России. Среди них особо следует выделить – «Карабахский конфликт», «грузино-абхазский конфликт», «грузино-южноосетинский конфликт», «конфликт в Приднестровье» и др.¹.

Распад СССР представлял собой сложный процесс «геополитической трансформации» всего постсоветского пространства, осуществлявшийся без учета исторических и этнокультурных особенностей бывших советских республик, а лишь по национально-территориальному принципу. В 2005 году Президент России В.В. Путин в послании Федеральному собранию назвал распад Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой XX века»². Для многих миллионов людей бывшего Советского Союза это стало трагедией, прежде всего, в гуманитарном и этнополитическом смысле.

Следует учитывать, что на мировой политической карте мира появились новые суверенные государства, не имевшие до этого опыта собственной государственности. В новых условиях они были вынуждены приспосабливаться к новым геополитическим реалиям и выстраивать свои международные отношения с более крупными игроками. В результате постсоветское пространство стала полем геополитической борьбы за сферы влияния со стороны западных стран и США, которые руководствовались, прежде всего, собственными экономическими интересами в этих регионах³.

Ситуация в Нагорном Карабахе привлекла к себе международное внимание в начале 90-х годов XX века, когда после распада СССР на территорию Нагорного Карабаха стали претендовать два суверенных государства – Армения и Азербайджан. При этом каждая из сторон предъявляла свои исторические и международные права на эту территорию.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха является классическим примером этнополитического конфликта, который принял затяжной и кровопролитный характер. С точки зрения международного права в нем выражаются противоречия между двумя фундаментальными принципами Устава ООН – «правом народа на самоопределение» и «территориальной целостностью государства». Следует отметить, что проведенный в декабре 1991 году в самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республике референдум о независимости был бойкотирован местными азербайджанцами и не получил международного признания. В результате этот межнациональный конфликт вышел за рамки локальной проблемы Нагорного Карабаха и перерос в «открытую международную конфронтацию» между Азербайджаном и Арменией.

Предпринятые рядом международных организаций (ООН, СНГ, ОБСЕ и Организация Исламская конференция) попытки урегулировать этот конфликт политико-дипломатическими средствами не привели к желаемому результату. Однако были приняты решения на международном уровне, подтверждающие принадлежность Нагорного Карабаха к Азербайджану как его неотъемлемой части. Среди наиболее значимых международных документов следует отметить следующие: четыре резолюции ООН (822, 853, 874 и 884 от 1993 г.), «Бишкекский протокол» (1994 г.), Резолюцию 62 243 Генеральной Ассамблеи ООН «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» (62-я Генассамблея ООН, 2008 г.), резолюции Организации Исламская Конференции (в 2003 г.), «Мадридские принципы» (2007 г.),

¹ Лапкин В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 12.

² Интервью В. Путина «The Financial Times» в преддверии саммита G-20. 27.06.2019. – <https://tass.ru/politika/6603347>

³ Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельства и последствиях / Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. – М., 2019.

«Майендорфскую декларацию» (2008 г.) и др. Особое место в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта занимает «Минская группа» ОБСЕ (сопредседатели – Россия, Франция, США), посредническая деятельность которой так и не привела к ощутимым результатам.

Нагорный Карабах остается многогранным этнополитическим конфликтом, который следует рассматривать с разных сторон – с исторической, этнополитической, религиозной, а также геополитической.

Главный вопрос состоит в том – почему «Карабахский конфликт» приобрел такой острый «геополитический накал» именно сегодня?

Это связано с тем, что с начала XXI века мир находится на стадии «глобального противостояния» и геополитической трансформации. Об этом говорил Президент России В. В. Путин, выступая на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2020 года, подчеркивая, что общество стоит на пороге «эпохи тектонических сдвигов» во всех сферах¹. В этот период в ряде стран стали возникать новые национально-государственные идеи на основе великодержавности и историзма. Так, в Польше в кругах национально настроенной политической элиты получила популярность идея о возрождении «Великой Польши» или «Великой Речи Посполитой» с территорией «от моря до моря» (от Балтийского моря до Черного моря). Некоторые восточноевропейские государства (Болгария, Румыния, Словакия, Чехия и др.), а также Украина также пошли по пути определения своих национально-государственных идей на основе принадлежности к «общеевропейской цивилизационной модели», отрицая какую-либо историческую связь с Россией. Именно в этот период на евразийском пространстве стали обостряться «замороженные» и многочисленные межэтнические конфликты, которые стали рассматриваться некоторыми странами как возможность расширения зон своего политического влияния и включения их в орбиту своих национальных интересов. Таким образом, «Карабахский конфликт» превратился из регионального «замороженного конфликта» в Южном Кавказе в «большую геополитическую борьбу» между несколькими игроками за передел на евразийском пространстве.

Одним из главных участников «Карабахского конфликта» является Азербайджан, имеющий поддержку со стороны международных организаций, в том числе ООН и ОБСЕ, которые рассматривают Нагорный Карабах как неотъемлемую часть Азербайджана. Кроме того, на стороне Азербайджана выступает Турция как один из сильных геополитических игроков в современном мире. Свою поддержку Азербайджану она аргументирует девизом «Два государства – одна нация», подчеркивая историческую общность двух народов. Современная Турция занята воплощением своей национальной идеи – созданием сильного турецкого государства на основе политической идеологии неоосманизма. Кроме того, Турция себя видит лидером большого «тюркского мира», отстаивая идею «шесть государств – одна нация». В орбиту «тюркского мира» помимо самой Турции входят Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан. Идеи пантюркизма появились в начале 90-х годов, когда премьер-министр Турции Сулейман Демирель говорил о том, что у его страны возникла уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ». Для реализации этих целей было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА). В последнее время появились сообщения о том, что в перспективе планируется придать этому «тюркскому союзу» военную составляющую, создавая «Армию Великого Турана».

В реализации этого амбициозного плана Турция столкнется, в первую очередь, с противодействием со стороны России, поскольку пять «постсоветских государств» исторически входят в ее орбиту влияния. Кроме того, многие из них являются членами таких международных организаций как СНГ, Евразийский экономический союз и ОДКБ. С другой стороны, Турция как член НАТО войдет в конфликт со своими западными союзниками во главе США, которые вряд ли будут защищать геополитические планы Турции. О важности «карабахского вопроса» во внешнеполитической стратегии Турции ярко свидетельствует тот факт, что она готова поддержать Азербайджан как политическими, так и военными средствами, не считаясь с мнением НАТО и Евросоюза.

Пока для реализации столь амбициозного геополитического плана у Турции не хватает политических и экономических ресурсов. Тем не менее, расширение своего влияния на «Большом Кавказе» и в Азии признается Турцией одной из приоритетных внешнеполитических целей.

Вторым участником конфликта является Армения, которая рассматривает Нагорный Карабах как исконную территорию проживания армян (начиная со II в. до н. э.), а также «нациообразующим вопросом», поскольку ее уход из этого исторического региона ставит под вопрос существования армянской нации на Кавказе. В этом конфликте Армения рассчитывает на помощь России как своего стратегического союзника. Кроме того, Россия на протяжении веков выполняла свою историческую миссию в качестве «гаранта стабильности на Кавказе».

Несмотря на проводимую Арменией после бархатной революции 2018 года политику евроатлантического партнерства, она остается военно-политическим и экономическим союзником России на Кавказе. Армения входит в Евразийский экономический союз и является членом ОДКБ. Кроме того, на территории Армении располагается российская военная база Гюмри, которая осуществляет боевое дежурство в рамках Объединенной системы противовоздушной обороны стран СНГ. Следует учитывать, что Россия для Армении является одним из основных инвесторов в экономику, а газовый монополист «Газпром Армения» полностью принадлежит российскому «Газпрому».

За последние два года внешнеполитический курс Армении в отношении России подвергся некоторым корректировкам. Так, 16 июля 2020 года Парламент Армении принял законопроект «Об аудиовизуальных медиа», предусматривающий изъятие из бесплатной государственной сетки вещания иностранных каналов. Под «информационную зачистку» попали ведущие российские каналы, которые, по мнению армянского руководства, «несут угрозу нацио-

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/64261>

нальной безопасности страны»¹. Таким образом, евроатлантический вектор внес свои изменения в российско-армянские отношения, при этом общечеловеческие взаимоотношения сохраняются на высоком дружеском уровне.

Во внешней политике Армения придерживается линии европейского стратегического партнерства, неоднократно заявляя о том, что вступление в ЕС видится как одна из долгосрочных целей. Армения уже участвует в ряде европейских программ – «Европейской политики соседства», «Восточном партнерстве», а также заключила в 2015 году соглашение «О всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС»².

О стратегической значимости сотрудничества Армении с США говорит тот факт, что в Армении находится самое большое на постсоветском пространстве американское посольство. Следует учитывать, что в США существует большая армянская диаспора, которая является одной из эффективных этнических лобби в стране. Одной из главных целей армянского лобби является международно-правовое признание Нагорно-Карабахской республики.

В «Карабахском конфликте» есть как «видимые», так и «невидимые» геополитические игроки. Среди «невидимых» игроков (но «первого ряда») важную позицию занимает Иран. На протяжении веков Османская и Персидская империи были государствами, борющимися за контроль над большим кавказским регионом. Обе страны стремятся играть роль лидера в исламском мире. Так, Турция позиционирует себя как лидер исламского мира суннитского толка, а Иран – как центр шиитского направления ислама. При этом отношения между странами строятся на основе конкуренции и возможного сотрудничества. Среди современных площадок конкурентной борьбы следует отметить иракское и сирийское направления. Следует также учитывать, что в Иране в регионе «Иранского Азербайджана» (провинции Западный, Восточный Азербайджан и Ардебиль) проживает 15–30 млн. азербайджанцев (18–42% населения Ирана), которые, в основном, являются мусульманами-шиитами³.

Главным форматом переговорного процесса по мирному урегулированию «Карабахского конфликта» является «Минская группа» ОБСЕ. Ее нынешний состав при трехстороннем сопредседательстве (Россия, Франция и США) существует с 1997 года. Несмотря на предпринимаемые этой группой усилия, разрешить конфликт политико-дипломатическими методами не удавалось. Конфликтующим сторонам предлагались на рассмотрения различные варианты решения «карабахской проблемы» – «пакетный», «поэтапный» и «смешанный». Однако ни одна из сторон их не приняла.

Так, в 2007 году конфликтующим сторонам были предложены для рассмотрения т.н. «Мадридские принципы», которые предусматривали возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана; предоставление Нагорному Карабаху временного статуса, гарантирующего его безопасность и самоуправление; открытие коридора между Арменией и Нагорным Карабахом; определение в будущем правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления; международные гарантии безопасности, включающие операции по поддержанию мира и обеспечение права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания. Однако конфликтующие стороны так и не приняли эти предложения⁴.

В марте 2008 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с требованием немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджана. В том же году была подписана Майендорфская декларация, предусматривающая обеспечение стабильности и безопасности в регионе карабахского конфликта на основе принципов и норм международного права.

Россия как сопредседатель Минской группы предпринимала и самостоятельные действия в формате трехсторонних встреч президентов России, Армении и Азербайджана, предлагая варианты урегулирования вопроса. В этой связи следует отметить «Казанскую Формулу» как наиболее результативную в разрешении «карабахского вопроса». Главный принцип этой «формулы» – перемирие путем взаимных уступок. «Казанская Формула» предлагала конфликтующим сторонам следующее: Армения передает Азербайджану 7 районов вокруг Нагорного Карабаха; Азербайджан вместе с Турцией снимает экономическую блокаду с Армении и Нагорного Карабаха; вводится демилитаризация границы Нагорного Карабаха и Азербайджана; вводятся войска нейтральных стран по мандату ОБСЕ по границе Нагорного Карабаха как гарантия безопасности; Нагорный Карабах получает временный статус, а окончательное решение его судьбы передается будущему поколению. В целом, по ее принятию не было жесткой конфронтации, однако радикальные националистические настроения в конфликтующих странах не позволили найти необходимый компромисс в этом вопросе⁵.

Нежелание «конфликтующих сторон» принять один из вариантов в урегулировании «карабахского конфликта» привел к фактическому «замораживанию» конфликта.

Начавшийся в сентябре 2020 года вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе заставил мировое сообщество вновь вернуться к этому вопросу. В октябре 2020 года в Совместном заявлении сопредседателей «Минской группы ОБСЕ» (России-США-Франции) прозвучало резкое осуждение обострившейся ситуации в Нагорном Карабахе. Однако это заявление было запоздалой реакцией на обострившийся конфликт. Так, Президент Турции Р. Эрдоган назвал это заявление неприемлемым, поскольку, по его мнению, в течение долгого времени «Минская группа» пренебрегала этой проблемой.

¹ <https://vz.ru/world/2020/7/18/1050423.html>

² Минасян С. Армения и программа ЕС «Политика европейского соседства» // Центральная Азия и Кавказ. 2005. – № 6 (42).

³ Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2019. – Т. 12, № 4.

⁴ Бабаян К.К. Мадридские принципы Нагорно-Карабахского урегулирования // Вестник РУДН. – М., 2014. – № 2.

⁵ Марков С. Казанская формула Карабахского урегулирования – наиболее приемлемая -российский политолог. 04.09.2018. – <http://interfax.az/view/742841>

Хотя Совместное заявление продемонстрировало общую позицию сопредседателей «Минской группы», однако в нем отразились и расхождения их позиций в этом конфликте.

Для России приоритетным является скорейшее и мирное разрешение «карабахского конфликта», поскольку конфликт развивается фактически у границ России. Кроме того, в самой России проживает около двух миллионов армян и такое же количество азербайджанцев. Россия не может допустить «большой войны» на Южном Кавказе с возможным участием военных структур НАТО и ОДКБ. Еще одной проблемой для России является усиление военно-политического влияния Турции в регионе «Большого Кавказа» и на Каспии.

США и Франция как сопредседатели «Минской группы ОБСЕ» в данный момент заняты своими внутригосударственными проблемами и фактически не уделяют внимания «карабахскому вопросу». Франция пока не может справиться в собственной стране с затянувшимися демонстрациями, снижающими рейтинг французского президента. Поэтому Президент Франции Эммануэль Макрон старается больше заниматься международными делами, позиционируя себя как лидер Европейского Союза, отодвинув на второй план Канцлера ФРГ Ангелу Меркель. Тем самым он пытается улучшить президентский рейтинг у себя в стране. Для США президентские выборы фактически вытеснили на второй план многие международные проблемы, в том числе и «карабахский вопрос». Однако они начинают понимать, что Турция ведет собственную игру в Нагорном Карабахе, нарушая тем самым единство НАТО. Кроме того, в США и во Франции проживают большие диаспоры армян и азербайджанцев, которые могли бы стать очагами нестабильности в этих странах. Фактически, обе страны позиционируют себя как миротворцы, ограничиваясь пока лишь политическими заявлениями.

Для многих стало неожиданностью опубликование 10 ноября 2020 года Совместного заявления Президента России, Президента Азербайджана и Президента Армении о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. Подписанное тремя сторонами Соглашение о мире предусматривает ввод российских миротворцев, вывод армянских сил из прилегающих к Нагорному Карабаху районов, а также оставление под контроль Азербайджана части территории Нагорного Карабаха, в том числе г. Шуша.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод – кровопролитное столкновение в Нагорном Карабахе удалось оставить при посредничестве России, которая по-прежнему «держит в руках» ситуацию на Южном Кавказе. Безусловно, конфликт только остановлен, но не решен. Потребуется еще много политико-дипломатических механизмов для ее разрешения. Россия смогла утвердиться на Кавказе в роли «гаранта стабильности», одержав дипломатическую победу в «карабахском вопросе».

Высказывается также недовольство со стороны стран НАТО, которые обеспокоены усилением России в Нагорном Карабахе и в Белоруссии, а также размещением новых ракет «от Крайнего Севера до Сирии и Ливии». Но это, как говорят, уже другая история. Приходится констатировать, что введение против России многочисленных санкций только укрепило ее как в экономическом, так и военном плане. И ее дипломатическая победа в Нагорном Карабахе свидетельствует о том, что Россия начала укреплять свои международные позиции и набираться опыта одерживать победы в сложных «политических партиях».

Москаленко В.А.
соискатель, МГИМО

«МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: Центральная Азия, Турция, интеграция, «мягкая сила», политический статус, неоосманизм, пантюркизм.

Keywords: Central Asia, Turkey, integration, «soft power», political status, Neo-Ottomanism, Pan-Turkism.

Страны Центральной Азии (ЦА) – бывшие республики СССР в ЦА (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) существенно изменили свой политический статус после выхода из состава СССР в 1991 году и обретения независимости. С приобретением нового политического положения (в новом политическом качестве) страны ЦА изменили свои социально-политические запросы, которые получили отражение в формировании собственных внешнеполитических концепций.

В 90-е годы XX века и нулевые годы XXI века страны ЦА пытались реализовать во внешней политике различные сценарии:

- сохранение стабильных партнерских отношений со всеми ведущими странами, отстаивая свою независимость (Казахстан на протяжении всего периода с 90-х г.г. XX века до двадцатых годов XXI века);
- поиск тесной кооперации и партнерства с ведущими странами мира (США, ЕС, РФ, КНР) с признанием приоритета за одной из стран с помощью:
 - ✓ военно-авиационного сотрудничества Узбекистана и Киргизии с США (американские авиационные базы заработали в 2001 году в Узбекистане (Карши-Ханабад, закрыта в 2005 г.) и Киргизии (Бишкек, перепрофилирована в Центр транзитных перевозок в 2009 г. и закрыта в 2014 г.);
 - ✓ использования своего особого геополитического статуса. Занимая положение между Севером и Югом, Западом и Востоком, РФ и КНР, Центрально-азиатский регион выступает «мостом» между ними), выполняя транзитную функцию;
 - ✓ ведущей роли экспорта углеводородов (Казахстан и Туркменистан по данным Всемирного банка и Международного Валютного фонда в третьем квартале первой сотни по рейтингу стран (соответственно, 54 и 73 места из 185);
 - ✓ наличия богатых природных ресурсов – твердых полезных ископаемых (железная руда, уголь, руды металлов, самородные металлы), неметаллических полезных ископаемых, гидроминерального сырья (минеральные соли, йодобромные промышленные воды, целестин, бентонитовые и каолиновые глины и др.), водных ресурсов;
- непоследовательная многовекторность направлений внешней политики стран ЦА со странами-соседями – Афганистаном, Ираном, и другими странами – региональными державами – Саудовской Аравией, Японией, ОАЭ, Катаром;
- ориентация на нейтральную, внеблоковую внешнюю политику – Таджикистан пытается поддерживать отношения одновременно с РФ, США и КНР, что не смогла сделать Киргизия в 2005-2020 гг.;
- направленность стран ЦА на их востребованность со стороны глобальных держав – США, КНР и РФ – в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в странах ЦА как оплоте защищенности и устойчивости всего азиатского региона. В этой ситуации происходит борьба глобальных держав за лидирующие позиции в Центрально-азиатском регионе, включая соперничество за природные и геополитические ресурсы, транспортно-коммуникационные маршруты, использующая различные методы, включая «недипломатические» (монетарные, «политика обещаний и угроз» и др.);
- пролонгирование монополитичности и советского зависимо-управленческого опыта лидеров стран ЦА как ведущей линии внешней политики независимой страны ЦА – первоначально на протяжении первых десяти-двадцати лет независимости этих государств их внешнюю политику формировали лидеры, которые состоялись как руководители советских социалистических республик СССР, умеющие четко и эффективно решать задачи ЦК КПСС в этих республиках, не знающие методов работы в независимом суверенном государстве и не умеющие договариваться с такими же руководителями центрально-азиатских республик;
- осуществление особого характера государственности стран ЦА во внешней политике этих стран¹, а именно – этнонационализм как выражение национализма², при котором особое внимание придается национальному языку,

¹ Звягельская И.Г. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные вызовы в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 4–5.

² Абашин С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов / С.Н. Абашин // Национализм в мировой истории / Под. ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. – М.: Наука. 2007. – С. 362.

древней истории народа, культуре, что приобретает главное значение в политике элит страны, провозглашающих формирование идентичности народа через традиционные для него ценности – ислам и консервативное сознание, связанные с этноисторическими мифами¹, обращением к прошлому и к историческим корням², созданию псевдоисторических мифов, приукрашающих историю страны и народа и восстановление утраченных или несуществующих ранее древних цивилизационных связей³. Примеры этого:

✓ в Узбекистане в пантеоне героев лидирующее положение занял воитель Тимур, а в Таджикистане – героизировалась Саманиды – представители персидской суннитской династии, основавшей крупное средневековое государство в ЦА, даже местная денежная единица была переименована из рубля в сомони;

✓ Киргизия в рамках ООН инициировала принятие резолюций ООН: празднование 3000-летия города Ош и 2200-летия киргизской государственности, «Празднование тысячелетия кыргызского национального эпоса «Манас» 1995», «Международный год гор 2002», «Устойчивое развитие в горных районах», «Оказание содействия бедным горным странам по преодолению препятствий в социально-экономической и экологической областях», «Устойчивое горное развитие», «Празднование Года кыргызской государственности», «Всемирный день социальной справедливости», «О роли международного сообщества в предотвращении радиационной угрозы в Центральной Азии» и по зоне, свободной от ядерного оружия в ЦА, объявления 11 декабря – Международным днем гор, 20 февраля – Всемирным днем социальной справедливости;

➤ продолжение дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА⁴;

➤ позитивная динамика разрешения проблем национального суверенитета как основа роста политического статуса стран ЦА;

➤ размытость и зыбкость привычных понятий, выражающихся в явлении «гибридизации» во внешней политике стран ЦА⁵.

Позитив этих сценариев заключается в следующем. Во-первых, в странах ЦА начали формироваться внешнеполитические концепции независимых стран, учитывающие принципы взаимовыгодного международного сотрудничества. Во-вторых, в этих внешнеполитических концепциях проявились как финансовые, так и политические запросы стран ЦА и их руководящих элит. В-третьих, эти концепции имеют свою самобытность и оригинальность, так как их формирование происходило за очень короткий период и в процессе деятельности – «с колес». Страны ЦА пытались в этом процессе самоидентифицироваться и разорвать с советским прошлым, считая, что провозглашения разрыва с советским прошлым и в настоящее время с РФ как правопреемницей СССР достаточно для того, чтобы обеспечить себе достойное место в международной политике.

Исходя из этого, можно резюмировать, что страны ЦА привлекательны для Турции с нескольких позиций⁶.

Возрождение ислама как самого важного фактора существования государства в странах Центрально-азиатского региона совпало со стремлением Турции к восстановлению связей тюркоязычного мира на территории всей ЦА, а вместе с этим возрождение неоосманизма во главе с Турцией как наследницей Османской империи.

Это позволило Турции повлиять на подготовку служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания для стран ЦА в учреждениях на территории Турецкой Республики, что способствовало проведению пропаганды истории и культуры религии ислама на территории стран ЦА через возрождение общих советов, организаций по вопросам образования, культуры и религии как всего населения, так и подрастающего поколения. К этому направлению относится не только обучение в турецких светских и исламских образовательных учреждениях, но и организация либо подобных, либо филиалов турецких на территории стран ЦА через систему грантов, бесплатного и дистанционного обучения, онлайн-обучения.

Примером может служить Тюркский совет (образован 3.10.2009 г., Нахичевань, Азербайджан) или Совет сотрудничества тюркоязычных государств, который является крупной международной платформой, созданной для продвижения диалога и сотрудничества стран тюркского мира⁷. На данный момент в него входят Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан.

Причина основания Тюркского совета – это склонность к наращиванию (утраченного когда-то Османской империей) влияния в регионе ЦА. Турция первой в мире признала независимость стран ЦА, и установила дипломатические отношения с ними в 1991–1992 гг.: с Казахстаном 2.03.1991 г., с Киргизией 18.12.1991 г., с Таджикистаном 29.01.1992 г., с Туркменией 29.02.1992 г., с Узбекистаном в апреле 1992 г. Во всех странах ЦА были открыты посольства Турции, а в Турции – посольства этих стран. Турция видела в странах ЦА свои родные тюркоязычные народы (кроме Таджикистана), имеющие общую историю, культуру и религию. Поэтому и в дальнейшем Турция пыталась

¹ Панарин С.А. Центральная Азия: интеграционный потенциал и перспективы миграции // Научные доклады. Вып. 11. Миграции русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. – М.: Московский центр Карнеги, 1996. – С. 25.

² Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука. 2003. – С. 498.

³ Дробижева Л.М. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. – М., 2008. – № 6. – <https://centrasia.org/newsA.php?st=1229672160>

⁴ Звягельская И.Г. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные вызовы в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 4-5.

⁵ Там же, с. 94–105.

⁶ Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – М., 2014. – Т. 9, № 2.

⁷ Efeğil E., Akçalı P. Orta Asya'nın Sosyo-kültürel Sorunları: Kimlik, İslam, Milliyet Ve Etnisite. – İstanbul, 2013. – 240 p.

строить отношения со странами ЦА на основе этой общности. Так, например, туркмено-турецкие отношения стали развиваться по принципу «два государства – один народ», базируясь на культурно-историческом родстве двух народов. Это было основой в отношениях с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном.

Для стран ЦА признание их независимости со стороны Турции позволяло двигаться в сторону роста национального суверенитета, давало уверенность в этом движении, показывало пример другим государствам мира. Они видели в Турции потенциального инвестора для новых проектов. Поэтому после установления дипломатических отношений между странами ЦА и Турцией начались государственные и официальные визиты первых лиц, высокопоставленных чиновников и общественных деятелей с целью знакомства и налаживания деловых отношений.

После установления независимости государств в Центрально-азиатском регионе турки начали активно развивать связи с регионом, называя его своей прародиной и рассматривая центрально-азиатские страны как историческую родину тюркских народов. Взаимоотношения Турции со странами ЦА способствовали росту международного и регионального авторитета Турции не только в этом регионе, но и на Ближнем Востоке, во всем мире, который после восьмидесятих годов XX века был слаб и не всегда признавался соседями по региону, и тем более в мировом масштабе, что не устраивало правящую турецкую элиту¹.

За последние тридцать лет опыт создания региональных организаций у Турции и центрально-азиатских стран накоплен достаточный. Были созданы следующие государственные и общественные Советы и организации:

- ❖ в апреле 1993 г. подписано Соглашение об основных принципах дружественных отношений между Таджикистаном и Турцией; в 1996 г. в Душанбе начало работать Турецкое агентство по международному сотрудничеству, и утверждена Программа культурного обмена с Турецкой Республикой на 1996–1998 гг.;

- ❖ создан Межгосударственный Высший совет стратегического сотрудничества Киргизии и Турецкой Республики.

В настоящее время Турция надеется стать лидером среди стран с тюркоязычным населением, и помощь в этом может оказать Тюркский совет, которому политическое руководство Турции придает большое значение, заявляя, что по демографическому и экономическому потенциалу Тюркский совет вполне способен конкурировать с другими организациями региональной интеграции².

Совет сотрудничества тюркоязычных государств (2009, Стамбул) занимается энергетическими и экономическими проблемами стран-членов этого Совета – Азербайджана, Турции, Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана. На IV саммите Совета (июнь 2014 г.) в Бодруме (Турция) обсуждалась проблема транспортировки каспийских углеводородов в Европу, в результате принята декларация «Тюркский совет – современный Шелковый путь»³. Это продолжение работы над проектом «Шелковый путь» (2008 г.), разработанным Министерством промышленности и торговли Турции для участников – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Главной целью этого проекта является связь европейских и азиатских рынков, учитывающей проблемы транспорта, безопасности, логистики, пограничных таможенных процедур⁴.

В экономической сфере сотрудничества Турция со странами ЦА взаимодействует разнопланово. Так растет сотрудничество Турции и:

- ❖ Узбекистана – объем товарооборота в 2019 году составил 2,5 млрд. долларов, показав рост в 22,7 процента по отношению к 2018 году, который в краткосрочной перспективе должен увеличиться до 5 млрд.;

- ❖ Казахстана – в 2019 году товарооборот составил 3,13 млрд. долл., казахский экспорт в Турцию включает пшеницу, медь, газ, нефть, алюминий и цинк, импорт – электрооборудование, машины, текстиль, мебель и другие товары; В Казахстане работает свыше двух тысяч компаний с турецким капиталом;

- ❖ Туркменистана – товарооборот в 2019 года составил 944 млн. долл., по сравнению с 2018 годом вырос на 216 млн.; Турция реализует в Туркменистане крупномасштабные проекты в промышленной, туристической, инфраструктурной сферах объемом турецких инвестиций – 1,3 млрд. долл.; за 2013-2016 гг.; Турция построила в Ашхабаде международный аэропорт (стоимость более 2 млрд. долл.), в 2018 г. открыт международный морской порт в г. Туркменбаши, что позволит отправлять грузы по маршруту «Шелковый путь» из стран Азии и Тихого океана в страны Европы через порты РФ, Азербайджана и Ирана; Турция пригласила Туркменистан принять участие в проекте Трансанаатолийского газопровода (TANAP) – поставки газа из Азербайджана через ТР в Европу;

- ❖ Киргизии – 400 компаний с киргизско-турецким капиталом работают в Киргизии, а в Турции – 100 киргизских фирм; структура турецкого импорта в Киргизию – бытовая техника, электроприборы, минеральные масла, каучук, пластиковые товары, цветные металлы, текстиль, трикотаж, обувь, ковры, строительные материалы, оборудование, ювелирные изделия, чистящие средства и др., экспорт в Турцию – продукция сельского хозяйства и животноводства, хлопок, бобовые, алюминий, медь, сухофрукты;

¹ Turkish foreign policy in Central Asia and the Caucasus within the context of the «new great game» and energy security. 2010. – 128 p.

² Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. – Т. 12, № 2. – С. 14–29.

³ Косоруков А.А., Барто Е.В. Великий шелковый путь в конкурентном пространстве мировой политики // Национальная безопасность / Nota bene. 2016. – № 2. – С. 191 – 211. DOI: 10.7256/2454-0668.2016.2.15141. – https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15141

⁴ Turkish foreign policy in Central Asia and the Caucasus within the context of the «new great game» and energy security. 2010. – 128 p.

❖ Таджикистана – в 1996 г. в Душанбе начало работать Турецкое агентство по международному сотрудничеству, и была утверждена Программа культурного обмена с Турецкой Республикой на 1996–1998 г. г.; за период с 1992 по 2006 гг. – президенты двух стран виделись 13 раз.

За тридцать последних лет из стран Центрально-азиатского региона более качественные отношения сложились у Турции с Казахстаном, которому предлагается сформировать единое политико-экономическое пространство для всех тюркских государств (не только центрально-азиатских) – с общим рынком, единой региональной энергосистемой, системой транспортировки энергоресурсов. Этот «тюркский проект» зазвучал с новой силой в октябре-ноябре 2020 года в связи с новой активизацией армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. Он созвучен идеи председателя КНР Си Цзиньпина о включении центрально-азиатских государств в экономический пояс Великого Шелкового пути (2013 г.).

Вызывает интерес внимание и желание Турции наладить военно-политическое взаимодействие с центрально-азиатскими странами. По инициативе Турции была учреждена Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом (ТАКМ)¹ (январь 2013 г., г. Баку, Азербайджан), которая считает своей целью сотрудничество входящих в нее государств в деле противодействия организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных групп.

Таким образом, Турция не предлагает крупные и масштабные планы странам ЦА, отдает предпочтение продвижению элементов «мягкой силы» – коммерческие, культурные и образовательные программы. При этом она опирается на формально негосударственные, но активно поддерживаемые турецким правительством структуры. В качестве примера приведем действующие в ЦА организации, созданные по предложению Н. Назарбаева:

- ❖ Парламентская ассамблея тюркоязычных стран;
- ❖ Совет старейшин;
- ❖ Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры;
- ❖ Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), основана в 1993 г. в Алматы, которая по принципам работы приближается к ЮНЕСКО, занимается деятельностью в культурно-просветительской сфере и решением проблем политических и торгово-экономических отношений между тюркоязычными странами ЦА;
- ❖ Фонд исследования тюркского мира «Туран», который оказывает финансовую помощь российским студентам при поступлении в турецкие образовательные учреждения;
- ❖ «Turkvision» – музыкальный конкурс песни, по аналогии с Евровидением, на котором выступают представители тюркоязычных стран и регионов.

Мягкая сила (от англ. soft power) или «мягкая власть»², понимается как форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Конечно, ни о какой политической власти Турции в странах ЦА речь не идет, поэтому термин «мягкая сила» понимается в данном случае как выступление Турции в качестве актора и мотиватора политических процессов в Центрально-азиатском регионе.

Главным проводником «мягкой силы» Турции в Центрально-азиатском регионе является язык, образование, культура и религия, которые играют ключевые роли во внешней политике, дипломатии и бизнесе Турецкой Республики и центрально-азиатских государств³. Но отметим, что основной акцент был сделан на сотрудничестве и развитии дружественных отношений с центрально-азиатскими государствами как представителями одного тюркского народа и одной религии – ислама. Поэтому в турецкой политической среде появилось такое понятие, как «новый стиль дипломатии», означавшее выдвигание на первый план не военной силы Турции, а ее «гражданско-экономической мощи» и использование «мягкой силы» в качестве главного механизма политики, или по выражению А. Давутоглу «невидимой силы», которую он связывал с дипломатическим и посредническим успехом страны⁴.

Характерным примером проводника «мягкой силы» во внешней политике является Институт (Фонд) имени Юнуса Эмре, который открывает Центры турецкой культуры в мире и координирует их деятельность. Такой Центр был открыт в Казахстане в марте 2010 года, в 2011 г. обучалось около 200 человек, некоторые прошли стажировку в Турцию за счет центра. Центр готовил ряд крупных мероприятий в качестве подарка Казахстану на 20-летие независимости. В 2011 году Центр работал над переводом десяти казахских книг на турецкий язык⁵.

В Киргизии на одну российскую школу приходится десять турецких, несмотря на напряженность между странами, которая возникла из-за деятельности террористических организаций фетхуллахистов (ФЕТО).

¹ ТАКМ – аббревиатура по первым буквам названий государств-членов – Турции, Азербайджана, Кыргызстана, Монголии, последняя в марте 2014 г. покинула организацию, и ее место занял Казахстан.

² Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 10. – С. 9–15.

³ Зубков А.И. Мягкая сила Турции: феномен «Softpower» как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. – М., 2015. – № 2. – С. 52–62; Надеин-Раевский В.А. Идеинная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2016. – № 2 (47). – С. 22–31.

⁴ Алиева А.И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. – № 3. – С. 63–94.

⁵ Аватков В.А. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции / В.А. Аватков, Е. Е. Чулковская // Геополитика и безопасность. 2013. – № 2(22). – С. 116–123.

Еще в 1990-е годы Турция предлагала создать единый тюркский алфавит, но тогда это не получилось. Однако впоследствии цель Анкары все же осуществилась – Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан перешли с кириллицы на латиницу. Казахстан обещает сделать это к 2025 году.

После обретения странами ЦА независимости в 1990-е годы в своих выступлениях турецкие политики начали обсуждать возможности для «восстановления тюркского единства», а в СМИ появлялись новые термины: «узбекские турки», «киргизские турки» или просто – «внешние турки», для которых активно создавались образовательные программы, на которых молодым выходцам из ЦА и Азербайджана рассказывали о преимуществах турецкого пути развития. За последние 20 лет турки предоставили 26 тысяч стипендий для тюркоязычных студентов как на территории самой Турции, так и в местных филиалах.

Появился лозунг, провозглашенный Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом: «Одна нация – пять государств (Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан)», а в перспективе (когда и Туркменистан примкнет) «одна нация – шесть государств», что позволит значительно усилить совместное сотрудничество в Центрально-азиатском регионе.

В этом мы видим главное направление и цель «мягкой силы» Турции в Центрально-азиатском регионе – Турция стремится стать лидером тюркского мира, и наиболее радикальные турецкие националисты уверены, что все тюрки должны объединиться с Турцией и жить по турецким правилам. В этом направлении Турция ведет очень активную работу и осуществляет экспансию через науку и образование, через стратегию выстраивания особых коммуникационных связей с тюркоязычным миром и турецкую идеологию по распространению своего влияния.

Интеграционные процессы в странах ЦА имеют свою специфику – нет единого понимания интеграции, национальный колорит в управлении народным хозяйством (этнонационализм и наличие советского прошлого как зависимости от центра), нехватка материальных средств и научно-технических и управленческих ресурсов в самом регионе, что порождает зависимость стран ЦА от глобальных держав (США, КНР, РФ) и объединений (ЕС, ЛАГ, НАТО) и др.

Наблюдая эти процессы, Турция на правах «родной тюркской сестры» пытается помочь странам ЦА. Также с каждым годом Турецкая Республика увеличивает товарооборот со странами ЦА, параллельно используя «мягкую силу», и тем самым наращивает свое региональное влияние. В этом может быть и отрицательный фактор влияния «мягкой силы» Турции в Центрально-азиатском регионе – общая работа всех образовательных, языковых и культурных проектов может привести к унификации тюркской культуры, превращая ее в аутентично турецкую¹. И это может мешать интеграции стран ЦА. Страны ЦА являются состоявшимися государствами, имеют свои собственные интересы, политические и экономические цели и задачи, поэтому обдуманно рассматривают различного рода сотрудничество, вследствие чего турецкое присутствие в регионе назвать безусловным лидерством нельзя².

Турция демонстрирует странам ЦА «пример успешного функционирования светской политической системы с элементами демократии западного типа, которой удалось в условиях доминирования в обществе приверженцев ислама провести рыночные преобразования»³. Это также может рассматриваться как определенный ресурс «мягкой силы» – как демонстрация построения национального государства европейского образца, но с высоким уровнем религиозности и ориентацией на европейские ценности и права человека.

Поэтому Турция предлагает образовательную и идеологическую подготовку лиц, приближенных к политическим элитам разных стран ЦА. Но и здесь можно отметить негативный результат влияния турецкой «мягкой силы» в Центрально-азиатском регионе. Политические элиты стран ЦА имеют возможности подготовки как самих политических элит, так и подрастающего поколения в ведущих образовательных учреждениях Европы, США, РФ. Кроме того, есть определенный национальный опыт подготовки и образования кадров, учета интересов кланов, родов и национальных семей в каждой стране ЦА. Более того, Турция не может обеспечить странам ЦА и высокий инвестиционный или ресурсный потенциал как глобальные державы (США, ЕС, РФ, КНР)⁴.

Кроме этого, в странах ЦА деятельность турецких организаций (например, ТЮРКСОЙ) вызывает не только настороженность, но и отвержение проникновения (вмешательства) Турции не только в культурную и экономическую, но и в идеологическую сферу жизни ЦА. Народы ЦА сопоставляют это с угрозой распространения смешанных с исламом идей пантюркизма, что представляет вызов устоявшейся во всех центрально-азиатских государствах светской парадигме⁵.

Таким образом, влияние Турции в Центрально-азиатском регионе происходит по алгоритму внедрения «мягкой силы», использования языка и культуры в целях установления взаимовыгодных внешнеполитических и экономических отношений с этими странами. Турция имеет большой потенциал для подобного рода деятельности. Однако поиск новых форм и методов влияния «мягкой силы» со стороны турецкой элиты не всегда приводит к желаемым результатам, имеет как позитивные, так и негативные факторы влияния как для самой Турции, так и для стран ЦА.

Только соблюдение приоритета национальных интересов каждой страны ЦА и уважение интересов других государств может помочь интеграционным процессам в Центральной Азии. Несистемная и непоследовательная деятельность Турции по организации влияния «мягкой силы» в странах ЦА также будет дезинтегрировать политические и экономические проекты центрально-азиатских стран.

¹ Исаков А.С. Агональный характер мягкой силы современной Турции // Дискурс-Пи. 2017. – № 3–4. – С. 142–149.

² Малышева Д.Б. Центрально-азиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.

³ Там же, с. 66.

⁴ Yazıcı B. Sıcak Nokta: Orta Asya Orta Asya'da Yeniden Yapılanma Ve Terör. – İstanbul, 2003. – 152 p.

⁵ Fedorenko V. The New Silk road initiatives in Central Asia / RETHINK Institute. – Washington (DC), 2013. – P. 1–36. – <http://www.rethinkinstitute.org/wp-content/uploads/2013/11/Fedorenko-The-New-Silk-Road.pdf>

Мурашов А.В.
amurtcwt@gmail.com

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА И ПУТЯХ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН

Ключевые слова: кризис, Федеральная резервная система, доллар, национальная валюта, блокчейн, криптовалюта, пандемия, технологический уклад, спрос, предложение, ВВП, PRIZM.

Keywords: crisis, Federal reserve system, dollar, national currency, blockchain, cryptocurrency, pandemic, technological structure, demand, supply, GDP, PRIZM.

Россия вступает в новую эпоху, которая определяется трансформацией технологического и мирохозяйственного укладов. Затяжной характер многочисленных изменений говорит, в том числе, о сложности и многофакторности таких процессов как централизация и децентрализация мировой финансовой системы. По мнению С.Ю. Глазьева, «распространение нового технологического уклада кардинальным образом меняет всю систему управления глобальными социально-экономическими процессами»¹. Цифровизация – объективный глобальный процесс, в том числе, в экономическом срезе. В конкретном преломлении это означает возрастающую роль технологий блокчейн и криптовалюта. В настоящей статье мы обращаемся к проблеме преодоления экономических кризисов путем использования передовых цифровых решений в рамках нового технологического уклада.

Как свидетельствуют многочисленные исследования, мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. и усугубившийся рядом обстоятельств для нашей страны в 2014 г., а для всего остального мира – в 2018–2019 гг. (ввиду пандемии COVID-19), иллюстрирует стремительную деградацию всей совокупности капиталистических взаимоотношений.

О том, что мы имеем дело с проблемой, не укладывающейся в рамки либеральной экономической теории, свидетельствует тот факт, что ни один из инструментов монетарной политики, обычно эффективных в отношении циклических кризисов перепроизводства, сегодня не достигает ожидаемого эффекта, а зачастую ухудшает ситуацию.

Постепенно, с середины XIX в. кредитование из понятного инструмента обеспечения предпосылок для дальнейшего роста экономики перерождалось в источник получения сверхдоходов лицами и структурами, приближенными к эмиссионному центру, каковым для большинства стран на сегодняшний день является Федеральная резервная система (ФРС) США.

Кредит в классическом виде создавал актуальную почву для экономического роста за счет заимствования потребительского спроса в будущем. Однако данная схема экономических взаимоотношений сохраняла жизнеспособность только до момента, пока кредитные средства были обеспечены ликвидностью.

В настоящее время мировая экономика зачастую насыщается не реальными, полновесными деньгами, а бумажными эмиссиями ФРС. Такое положение позволяет еженедельно вбрасывать в экономику миллиарды новых, ничем не обеспеченных долларов, которые не только обесценивают огромную денежную массу, но и подрывают стабильность десятков национальных валют по всему миру.

В результате основными выгодоприобретателями этой неограниченной эмиссии становятся представители банковского сообщества. Из института экономического развития они превращаются в дестабилизирующее начало, перераспределяя жизненно важные ресурсы планеты в свою пользу, в том числе и с помощью искусственно создаваемых кризисов, в рамках которых они становятся обладателями новой собственности – за счет ничем не обеспеченных денежных средств.

Эффективно противостоять этому процессу возможно лишь в одном случае: национальная валюта должна быть независимой от доллара и при этом обладать достаточной инвестиционной привлекательностью для соседних стран, что автоматически делает ее региональной резервной валютой.

К сожалению, российский рубль в текущем состоянии еще не способен претендовать на данные позиции. Отечественная финансовая система по-прежнему сохраняет значительную зависимость от американского доллара. С нашей точки зрения, даже активные действия Центробанка не способствуют эффективному целевому развитию экономики, поскольку сам ЦБ де-факто является элементом системы под патронажем Международного валютного фонда и ФРС.

Частным банковским структурам, в свою очередь, невыгодно вкладывать средства в реальный сектор российской экономики, поскольку он (даже в теории) не способен обеспечить такой прибыли, как спекуляции на валютном рынке.

¹ Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. – М.: Книжный мир, 2019. – С. 138.

Очевидно, что ужесточение санкционной политики Запада по отношению к России в очередной раз должно привести власть и общество к осознанию необходимости опираться на собственные силы и свою национальную валюту, имеющую ясное обеспечение и при этом избавленную от прямого влияния ФРС и доллара, при осуществлении внутренней и внешней экономической деятельности.

С нашей точки зрения, быстро и эффективно достичь такой независимости можно только путем введения в обращение цифрового рубля, что позволит на порядок повысить прозрачность и отслеживаемость всех взаиморасчетов, зафиксировать движение денег от момента эмиссии до конечного держателя. Результатом кумулятивного эффекта такой цифровизации станет победа над коррупцией, когда исчезнет сама возможность движения крупных денежных масс в серой зоне экономики. На наш взгляд, наилучшим воплощением технологии блокчейн для создания цифрового рубля является авторская разработка PRIZM.

В книге «Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах» экономист С.Ю. Глазьев так описывает сущность криптовалюты: «Принципиальным отличием недавно появившихся цифровых денег (криптовалют) от используемых в настоящее время является не их безбумажная (электронная) форма, а отсутствие банков в качестве их эмитентов. Фактически они не являются банкнотами (банковскими нотами), их эмиссия осуществляется посредством компьютерного алгоритма, защищенного от копирования средствами криптографии. Если связанные с обращением банкнот безналичные деньги по своей сути означают не более чем права требования владельцев счетов в банках к получению денег, то цифровые деньги имеют однозначную идентификацию и жесткую привязку к своему владельцу. Их обращение обеспечивается не банками, а компьютерной сетью (в настоящее время, как правило, Интернетом) посредством многократной фиксации всех операций в распределенном реестре (блокчейн). Проходя через множество транзакций, каждая цифровая денежная единица сохраняет свою уникальность и всегда идентифицируется компьютером на предмет своей принадлежности» (там же, с. 97).

В идеале, согласно экономической теории, объем производимой продукции должен совпадать с объемом потребления. Перепроизводство само по себе не имеет практического смысла, поэтому важно применять корректные механизмы наращивания объемов создаваемых товаров и услуг. Такая цель может быть достигнута путем повышения покупательной способности населения, захвата или увеличения рынков сбыта продукции, в том числе, в других странах.

Очевиден тот факт, что финансовые элиты западных государств успешно реализовали модель повышения покупательной способности через потребительское кредитование. Однако со временем данный механизм выхолащивается и перестает работать, подобную картину мы наблюдаем уже сегодня. При этом США продолжают вбрасывать на мировой финансовый рынок гигантский объем новых, ничем не обеспеченных, денежных средств. Спрос при этом не увеличивается, и отсутствует рост ВВП.

В отличие от доллара, с криптовалютой подобные действия осуществить невозможно. Прежде всего, по той причине, что в блокчейн прослеживается история каждой цифровой монеты с момента ее появления. Во-вторых, неограниченная эмиссия исключена без изменения правил (исходного кода). Такие изменения невозможны без участия и согласия держателей нодов (технических узлов) по всему миру, если исходный код нацелен на децентрализацию, и к нодам открыт публичный доступ.

Задача финансовой системы состоит в осуществлении кровеносной функции в экономике, обеспечении циркуляции активов между звеньями производственной цепочки. Система должна быть прозрачной, открытой, справедливой и наделять равными правами всех участников. Именно такие возможности предоставляют цифровые валюты на основе технологии блокчейн.

В идеале, возвращение денег в оборот в рамках производственного контура возможно только через конечного производителя или продавца (при наличии спроса). Отсутствие такового выражается в недополученной выручке, что прерывает цепочку обращения денежных средств. Под конечным потребителем мы подразумеваем того, кто приобретает товар или услугу для собственных нужд, не желая увеличивать стоимость ради перепродажи. Конечной же целью любых продаж является продление цепочки промежуточного спроса до потребления конечным потребителем. Именно так происходит рост ВВП на каждом производственном этапе данной цепочки. Отсутствие или исчезновение конечного спроса исключает и промежуточный спрос. При этом объем промежуточного спроса может сильно варьировать от отрасли к отрасли при общем сравнимом конечном спросе. Общий объем товаров и услуг, в денежном выражении поступающий на рынок, ограничен конечным спросом и интервалом времени, на котором он учитывается. С нашей точки зрения, кризис последних лет вызван тем, что финансовые структуры попытались учесть спрос слишком отдаленного будущего.

Естественное сокращение текущего конечного спроса, как и интервала времени, на котором он учитывается на рынке, неминуемо вызовет сокращение мирового ВВП. Поскольку ВВП – это добавленная стоимость и выражает перераспределенный конечный спрос, при ее общем мировом сокращении усиливается противостояние стран, в котором главным трофеем являются рынки сбыта. В таком соревновании в ход идут не только санкции, таможенные и торговые барьеры, но также войны, революции и искусственно создаваемые кризисы.

По этой причине криптовалютные инструменты оказываются наиболее прозрачными и выгодными для всех участников мировой финансовой системы, кроме, разумеется, сложившегося олигархата во главе с ФРС США. Блокчейн как технология уже сегодня опережает время, предлагая такие решения, которые не только отвечают насущным потребностям, но могут служить драйверами развития мировой экономики на ближайшие десятилетия.

Отказ от централизации означает прерывание злокачественной цепочки необеспеченных эмиссий и возвращение к правильной модели спроса-предложения на рынке. Очевидным образом, децентрализация мировой финансовой системы вызывает глобальный синергетический эффект, отвечает интересам всех производителей и потребителей,

способствует внедрению механизмов саморегуляции и открытого рынка, создает необходимые условия для развития национальных экономик, роста ВВП, благосостояния населения и становления качественно новых институтов развития в социальной и экономической сферах.

Некрасов С.Н.

д. филос. н., профессор УрФУ; гл. н. с. УрГАУ, г. Екатеринбург

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС РОССИИ МЕЖДУ КРАСНЫМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ ПРОЕКТАМИ

Ключевые слова: *нано-био-инфо-когни-моделирование, война смыслов, утопия благодати, антиутопия благополучия, гуманизм, глобальный проект, захват будущего, инновационная держава, смысловая контрреформация.*

Объявленная Западом третья мировая гибридная война будет идти в сферах нано-био-инфо-когни-моделирования. Нано- предполагает миниатюризацию элементной базы вычислительной техники, здесь лидируют США и КНР. Био- предполагает создание искусственных вирусов как боевого поражающего генокод оружия различных этносов и наводящих панику и разрушение экономической жизни масс и континентов. Инфо- предполагает конкуренцию в области «big data», «Интернета вещей» между «Хуавэй» и «Майкрософт» с элементной базой «Интел». Когни- предполагает конкуренцию смыслов и глобальных проектов: китайский проект будущего планеты как «содружества общей судьбы человечества» и американский проект трансгуманизма, создания управляемого искусственного человека и сокращения населения планеты. Сказанное означает, что война цивилизаций и классов, красного Китая и синего либерального Запада (на штабных картах до сих пор Красные – это наши, Синие – противник) перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами. Эти два государства обращаются к своим народам и к народам планеты с донесением своего смыслового послания будущему. Фактически, здесь сталкиваются социалистическая прогрессивная утопия благосостояния – для всех за счет упорного труда и науки – и буржуазная реакционная антиутопия конца истории.

Какова роль буржуазной России, РФ в этом раскладе сил в начале столкновения дракона и орла, какое место отводится медведю? Как сделать так, чтобы медведь выступил как «витязь в тигровой шкуре», а не козел в шкуре медведя? Сегодня РФ планирует свою роль в качестве охранника, блюстителя порядка на просторах Евразии, защищающего тыл Китая. Китая, понимаемого как единое общество, живущее по принципу «одна страна – две системы»: красный Китай или КНР и белый Китай, республика Китай на Тайване. Вскоре мы увидим на сессиях ШОС и БРИКС прояснение позиции РФ в холодной войне США, объявленной КНР. Либо Россия остается «часовым Евразии» как и Советский Союз, а значит, надежным тылом китайской экспансии в мир, либо она станет передовым ударным отрядом американских глобальных монополий. Беда России в том, что помимо национальных проектов, она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Возможно, таким проектом, исходящим из глубин русской истории, станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства для единой планеты? Такой проект предполагает превращение России в промышленную инновационную державу.

Очевидно, что буровую и кладовую планеты легко захватят более сильные хищники, и потому, как пишет М. Калашников, «будущей России необходимо стать не «кладовой и буровой планеты, а прежде всего промышленно-инновационной державой»¹.

Управление смыслами предполагает, что люди не просто живут и трудятся, ведут животное существование. Они ведут человеческую жизнь и осмысляют свои действия, а не зарабатывают деньги или таскают камни. Если государство не объясняет, зачем людям следует выращивать и собирать урожай, разводить домашних животных, то будет объяснять другое государство и другая власть. Такова ситуация в условиях глобализации, где индивиды для прикрепления к земле и ее освоения должны получить высшие смыслы своего существования.

Эпоха индустриального общества заканчивается волнами финансового кризиса, связанного с пределами роста по сырью и исчерпанием потенциала системы управления обществом на основе накачки потребления деньгами. Что сопровождается сменой технологического уклада, несущего высокую технологию управления уже не обществом, а сознанием людей.

В постиндустриальном обществе экономики знаний основным богатством станет понимание смыслов бытия в форме способности людей выстраивать ряды (цепочки) последовательных шагов из любого исходного положения к желаемому результату. Согласно лозунгу «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Ибо через смыслы можно управлять всем процессом бытия.

Поскольку захват будущего через создание новых жизненных смыслов предполагает освобождение личности от информационной зависимости в культуре мира информационного потопа, необходима информационная контрреформация². Такая историческая процедура не представляет собой информационную контрреволюцию. Напротив, она по-

¹ Калашников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? – М.: Яуза-пресс, 2009. – С. 292.

² Некрасов С.Н. Для восстановления культуры личности нужна информационная контрреформация в культуре эпохи информационного потопа // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов XI Международ-

звонит прошедшим ее горнило, пройти на новый Ноев ковчег, которым имеет все шансы стать Россия. Следующим этапом взаимодействия новых людей ковчега станет конфронтация социальных и этических систем¹. Преодоление конфронтации ценностных систем возможно в цивилизационном неоиндустриализме, который позволит уйти от язв капиталистического развития. Развитие жизненных смыслов не может быть спонтанным и требует тщательного управления, поскольку возможно направление развития в сторону фашистских корпоративных смыслов, неолиберальной идеологии потребительства и иных вариантов теологической, то есть светской государственной идеологии². То есть нужна научная культурологическая экспертиза смыслообразования. Свой вариант экспертизы мы уже предложили на культурологических конгрессах России. К сожалению, культурологическая ассоциация страны приказала долго жить и конгрессы более не проводятся. Однако актуальность культурологической экспертизы только возросла в связи с отсутствием глобального проекта страны, государственной идеологии, что ставит вопрос особо остро – это суверенная страна или торговая компания предлагающая нефть и газ на экспорт?

Сегодня наша страна вновь на переломном рубеже истории. При этом основной опасностью для нашего государства является региональный сепаратизм и отсутствие собственного глобального проекта: есть провалившийся либеральный проект вхождения в Европу от Лиссабона до Владивостока и отвергнутый в 1991 г. красный проект. Именно это вызывает наибольшее беспокойство граждан – непонятно, в какой стране мы живем, какова сверхзадача этой страны, страна ли это или торговая компания, продающая нефть и газ и в зависимости от этого выстраивающая свою внешнюю и внутреннюю политику. Речь идет о нашей духовной безопасности, которую может дать только наличие признанных народом высших ценностей – ценностей, за которые можно сражаться и умирать.

РФ должна стать исторической Россией – войти в Европу или стать Большой Евразией, восстановить красный проект или принять участие в западном либеральном проекте строительства нового Вавилона, проекта Нового Халифата, проекта Вечный Израиль, проекта Великая Европа и т.п. Однако реализации любого из этих проектов мешает источник сепаратизма – гипертрофированный центр – Москва, федеральные партии, которые не борются за регионы, не представляют их интересы. Отпадают края – Север и Дальний Восток. Безопасность народа и создание глобального проекта России требуют, чтобы Государственная Дума и Сенат в новых исторических условиях принятых поправок к Конституции жестко формировались на основе регионального представительства, то есть регионов и селян, и прямых выборов их представителей в органы государственной власти.

Либерал Ф. фон Хайек говорил о конце истории, наступающем с гибелью деревни. История человечества завершается, поскольку формируется глобальное атомизированное общество, где «все люди-враги». Напротив, история получает новый импульс при формировании общества-семьи, где «все люди-братья», как считали народники, и как было записано эпитафией в первоначальном варианте «Манифеста коммунистической партии», написанном для «Союза справедливых» – союза немецких ремесленников за границей. Этот лозунг был заменен классиками марксизма на лозунг Интернационала – «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Однако образование СССР по модели государства-семьи позволило И.В. Сталину обратиться со словами «братья и сестры», и это обращение не было лицемерием, оно отражало самосознание народа на огромных пространствах Евразии, где власть заботится о народе, а общественное благосостояние распределяется в интересах большинства трудящихся. Там, где нет братьев и сестер, человека ждет одиночество, страх и страсть к смерти, абсурд существования.

Поскольку атлантизм и индивидуализм проигрывают, исторически побеждает тихоокеанство – красный проект единой судьбы человечества с азиатским способом производства, двухконтурным денежным обменом, накоплением богатства без расширенного воспроизводства предметов потребления. В новом мире главное – не забыть быть человеком. Человек разрушается в антагонистическом обществе через отчуждение, и это показал молодой К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», а впоследствии в «Капитале» он показал, как осуществляется дегуманизация человека и как ее можно преодолеть революционной практикой, когда люди как братья будут жить в едином человеческом общезнании. Вопрос о братстве прямо связан с марксизмом и его теорией классовой борьбы и социальной революции. Признавая, например, социальную ренту одним из видов нетрудовых и, следовательно, несправедливых источников обогащения конкретных категорий граждан, К. Маркс выступал за ее перераспределение в пользу общества в целом: «мир хижинам – война дворцам». Впрочем, и о мирных способах он тоже не забывал. Выход в подлинную историю из предыстории человечества начинается сегодня и представляет собой эпоху борьбы капитализма и коммунизма не только на фронтах цифрового общества, но в первую очередь в душах людей.

ной научной конференции, 16-17 апреля 2020 г., г. Магнитогорск / Под общ. ред. В.А. Жилиной. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. – С. 92–97. См. также: Некрасов С.Н. Глава 7. Информационный потоп и необходимость информационной контрреформации // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования: монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. – С. 114–125.

¹ Некрасов С.Н. Конфронтация социальных и этических систем и ее преодоление в цивилизационном неоиндустриализме // В Валеевские чтения: научно-философское наследие Дамира Жаватовича Валеева: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию со дня рождения доктора философских наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, основателя башкирской этической школы Д.Ж. Валеева (г. Уфа, 24 апреля 2020 г.) / Отв. ред. З.Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 70–75.

² Некрасов С.Н. Культурологическая экспертиза и диалог культур в мире постглобализации // Научные труды КубГТУ. 2020. – № 3. – С. 676–685.

Омиржанов Е.Т.

к.ю.н., доцент, КазНАИУ

Аблаев Д.Т.

магистрант, КазНАИУ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: сельское хозяйство, окружающая среда, экосистема, экологические ресурсы, продовольственная безопасность, биоразнообразие, сельскохозяйственная инфраструктура.

Keywords: agriculture, environment, ecosystem, ecological resources, food security, biodiversity, agricultural infrastructure.

На современном этапе развития общества, в период экономических реформ и бурного индустриального роста произошло резкое ухудшение качества окружающей природной среды, что заставило большинство стран, в том числе и Республику Казахстан, задуматься о проблемах экологии и важности их незамедлительного решения. В этой связи повышается значимость экологической функции государства, реализация которой способствует достойному существованию человека в экологически благоприятной, пригодной для жизни окружающей среде и, в конечном счете, выживанию человечества как биологического вида. Любое государство обладает реальными возможностями обеспечивать необходимый уровень охраны окружающей среды, экологических прав и свобод граждан¹.

Появление экологической функции в системе функций государства является следствием необходимости в государственно-правовой охране природы. До этого времени вопросы использования и охраны природы решались в рамках экономической деятельности государства и рассматривались как проявление его экономической функции. Обострение экологической обстановки, возрастание роли и значения сферы взаимодействия общества и природы привели к необходимости появления в числе функций государства самостоятельной экологической функции.

Акцентируя внимание на одном из аспектов экологической функции – обеспечении экологической безопасности, А.В. Голяшев и Л.М. Григорьев предлагают под экологической функцией государства понимать «осуществляемое в экологической сфере объективно-необходимое целенаправленное, законодательно-обусловленное направление (сторону) государственной деятельности по обеспечению экологической безопасности общества», подчеркивая при этом, что проблемы охраны окружающей среды в большей степени должны осознаваться как проблемы обеспечения экологической безопасности².

Главное назначение экологической функции государства состоит в том, чтобы обеспечить научно-обоснованное соотношение экологических и экономических интересов общества, создать необходимые гарантии для реализации права человека на чистую, здоровую и благоприятную для жизни окружающую среду. С самого начала индустриальной эпохи ей были присущи черты, содержащие в себе зародыши будущих негативных последствий: расточительное использование сырьевых и энергетических ресурсов, загрязнение почвы, атмосферы, рек и морей промышленными отходами. Противоречия между обществом и природой в настоящее время достигли своей кульминации.

Экологическое направление деятельности государства рассматривается и развивается сейчас в основном в рамках экологического права. По мнению С.В. Бошно, «к большому сожалению, можно констатировать, что исследователи теории государства и права, за редким исключением, не уделяют сейчас должного внимания экологической функции государства»³.

Экологическая функция государства представляет собой одну из функций современного государства – стратегическое направление его деятельности, характеризующее сущность и назначение государства как особой управляющей системы в сфере экологических отношений⁴.

Сельское хозяйство – это один из важнейших экономических видов деятельности, который играет важную роль для постоянного обеспечения источников существования, производства пищевых продуктов и обеспечения доходов. Сельское хозяйство как вид деятельности зависит от внешних условий окружающей среды, так как требует использования товаров и услуг, предоставляемых самой экосистемой, и таких экологических ресурсов, как земля, почва, вода, энергия. На сельское хозяйство приходится большая часть потребления воды в мире. Устойчивое сельскохозяйствен-

¹ Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. – М.: ТЕИС, 2014. – С. 34–53.

² Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. – М.: Аналитический центр, 2014. – <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>

³ Бошно С.В. Теория государства и права. – М., 2017. – С. 58.

⁴ Байрамов Ф.Д., Аббасов Ф.Н. К вопросу о понятии «функции государства» // История государства и права. 2015. – № 5. – С. 8–11.

ное производство способствует сохранению долговременной продовольственной безопасности. Политика стимулирования и поддержки устойчивого сельского хозяйства с сохранением земельных и водных ресурсов, биоразнообразия и экосистем, при усилении устойчивости к условиям изменения климата и стихийным бедствиям была согласована на международном уровне, так как она необходима для сохранения природных экологических процессов.

В гонке за увеличением объемов продукции растениеводства сельское хозяйство превратилось в отрасль промышленности, в которой все больше и больше используются антропогенные ресурсы в виде химических удобрений, пестицидов и генномодифицированного материала (ГМО) предприятий всех форм собственности. Отсутствие этих условий является одной из главных причин кризисной ситуации в агропромышленном комплексе страны.

При развитии сельскохозяйственного производства в последние десятилетия биоразнообразие почти не принималось во внимание. Многие современные сельскохозяйственные практики, нацеленные на увеличение объема производства зерновых культур, привели к упрощению земледельческих систем и биоразнообразия, и сейчас все больше повышается необходимость принятия мер по охране существующего биоразнообразия.

Сельское хозяйство одновременно влияет и само оказывается под влиянием изменений климата. Оно вызывает выбросы парниковых газов в результате уменьшения стоков углеродов (при вырубке лесов и освоении заболоченных территорий), стимулирования выбросов метана (при культивировании риса и выращивании жвачных животных), освобождения закиси азота от азотных удобрений и выделения двуокиси углерода машинами и транспортом. В свою очередь, в результате климатических изменений сельское хозяйство испытывает изменения в условиях водообеспеченности, повышенное температурное воздействие, изменения в распространении насекомых вредителей и болезней, повышенный уровень вымывания питательных веществ из почв.

Также важное значение имеют, особенно в отношении влияния на процесс изменения климата, выбросы вредных веществ в воздух и атмосферу в результате изменения характера землепользования в процессе сельскохозяйственной деятельности (например, рубка лесов), использования горючих материалов для выработки энергии и целей транспортировки в сельском хозяйстве, а также как результат пищеварительных функций скота (выделение метана). В процессе сельскохозяйственной деятельности в окружающую среду могут выделяться вещества, разрушающие озоновый слой, в частности метилбромид, который широко используется во многих странах в качестве почвенного и структурного фумиганта для контроля за насекомыми-вредителями. Проблему для санитарного состояния окружающей среды представляют остаточные продукты от веществ, используемых в сельском хозяйстве, таких как удобрения и пестициды. Остаточные вещества в почвах от использования агрохимикатов играют существенную роль при определении качества, плодородности и уровня загрязнения почв.

Экологическое и социальное развитие отныне должно рассматриваться как тесно взаимосвязанные аспекты, а не как отдельные основные направления устойчивого развития. Такой комплексный подход превращает стремление к экологической устойчивости в магистральное направление развития, характеризующееся повышением качества и количества рабочих мест, усилением социальной интеграции и сокращением масштабов бедности. Достижение положительных результатов вполне возможно, однако для этого требуется разработать такие политические меры для каждой конкретной страны, которые бы позволили не упустить возможности и принять меры по преодолению проблем, выявленных в результате интеграции элементов, связанных с окружающей средой, социальным развитием и достойным трудом, а также обеспечили гладкий и справедливый переход к устойчивой экономике. В действительности, в наибольшем выигрыше могли оказаться развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком.

Для устойчивых предприятий и рынков труда экологически более чистая экономика как путь к устойчивому развитию является необходимостью, а не вопросом выбора. Резкий рост потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды будет усугублять растущее истощение запасов пресной воды и плодородных земель и приведет к тому, что скорость сокращения биоразнообразия и изменения климата достигнут неприемлемого или даже неуправляемого уровня. Чрезмерное использование природных ресурсов, таких как лесные и рыбные резервы и чистая вода, а также растущий уровень загрязнения, в том числе выбросами парниковых газов (ПГ), приобретают планетарные масштабы. Урон, который ухудшение экологической обстановки наносит экономике и обществу, может свести на нет все достижения в области развития и борьбы с бедностью, полученные за последние десятилетия.

Нерешенные социальные проблемы, такие как безработица (особенно среди молодежи), а также образование, здравоохранение, санитария и инфраструктура усложняют решения экологических проблем. Проблемы работающей бедноты и низкого качества рабочих мест по-прежнему затрагивают сотни миллионов людей по всему миру, в то время как широко распространенное отсутствие базовой социальной защиты повышает уязвимость многих людей перед экологическими и экономическими потрясениями.

За счет сочетания таких инструментов, как рыночные механизмы, нормативные правовые акты, государственные инвестиции, политика в области госзакупок и информационно-пропагандистские мероприятия, правительства могут осуществлять поддержку предприятий и создавать благоприятную среду, содействующую распространению зеленой практики на производстве, инвестициям в новые зеленые продукты и услуги, а также в создание рабочих мест. Тем не менее, этот переход подразумевает наличие как преимуществ, так и потерь для занятости, в особенности когда необходим глобальный сдвиг в рамках модели экономического развития крупных компаний, отраслей и целых стран.

Переходные процессы могут вызвать сдвиг не только в общем уровне занятости и в ее структуре, но и оказать влияние на качество занятости. В результате появления новых технологий, процессов и практики содержание работы и профиль многих занятий меняются уже сейчас, как и условия труда. Создаваемые в ходе этого процесса рабочие места должны не только быть зелеными, но и отвечать требованиям достойного труда, то есть занятость на них долж-

на быть продуктивной, предоставлять адекватные доходы и социальную защиту, обеспечивать соблюдение прав работников и предоставлять им право голоса в принятии решений, затрагивающих их жизнь.

Во многих отраслях экономики имеются весьма широкие возможности и реальная потребность в увеличении качества занятости за счет улучшения условий труда, безопасности и гигиены труда, а также оплаты труда в целях повышения экологической устойчивости экономики. В этом отношении выделяются сельское хозяйство, утилизация и переработка отходов, а также строительная индустрия, хотя причины этого для каждой из этих отраслей разные, как и варианты достижения необходимого улучшения ситуации.

Сельское хозяйство – это главный потребитель и один из основных загрязнителей водных ресурсов, а также основной фактор деградации земель и сокращения биоразнообразия. Данные свидетельствуют о том, что с этими экологическими проблемами можно бороться при наличии сильных стимулов к поддержке и подготовке фермеров к освоению методов ведения сельского хозяйства, отличающихся низким уровнем воздействия на окружающую среду. Пакеты политических мер по развитию устойчивого сельского хозяйства, включающие повышение профессиональных навыков и квалификаций, развитие предприятий и производственно-сбытовых цепочек, организацию и выделение инвестиций в систему социальной защиты и в инфраструктуру, могут привести к значительному увеличению уровня производства и доходов, особенно среди малых фермерских хозяйств в развивающихся странах.

Одной из наиболее серьезных глобальных угроз, которая усугубляет экологические проблемы, такие как дефицит воды и сокращение биоразнообразия, является изменение климата. В среднесрочной и долгосрочной перспективе изменение климата приведет к увеличению среднемировой температуры, к изменению режима выпадения осадков и к подъему уровня моря. В краткосрочной перспективе последствия изменения климата – это воздействие непредсказуемых изменений погоды и усиления экстремальных погодных явлений.

В заключение отметим, что экологическая функция государства включает в свое содержание деятельность по распоряжению в интересах общества природными ресурсами, находящимися в собственности государства, а также деятельность, направленную на обеспечение рационального использования природных ресурсов с целью предупреждения их истощения, на охрану окружающей среды от деградации ее состояния, соблюдение, охрану и защиту экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц. Обратим внимание на то, что здесь в содержание включается новый и очень важный элемент – охрана и защита экологических прав, под которыми принято понимать признанные и закрепленные в законодательстве права физических лиц, обеспечивающие удовлетворение потребностей человека при взаимодействии с природой.

Оспанова А.О.

докторант Евразийского национального университета, Нур-Султан
asem_enu_81@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: *массовое сознание, общественное мнение, массовая коммуникация, средства массовой информации (СМИ), социальное и экономическое управление, общественное сознание.*

Keywords: *mass consciousness, public opinion, mass communication, mass media, social and economic management, public consciousness.*

Общественное мнение – форма массового сознания, в которой проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности.

Общественное мнение выражается публично и оказывает влияние на функционирование общества и его политической системы. Именно возможность гласного, публичного выражения мнения населения по злободневным проблемам общественной жизни и влияние этой высказанной вслух позиции на развитие общественно-политических отношений отражает суть общественного мнения как особого социального института. Оно представляет собой совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу, затрагивающему группу людей.

В настоящий момент эта точка зрения отражена в большинстве научных трудов и считается общепризнанной.

Один из современных исследователей общественного мнения Г. Чайлдз в своей работе «Общественное мнение: природа, формирование и роль» (1965 г.) в поисках наиболее точного определения этого феномена дал ему более 50 различных определений. К наиболее существенным и точным можно отнести следующие определения:

- Общественное мнение – это мнения, способы поведения, которые нужно выражать или обнаруживать публично, чтобы не оказаться в изоляции; в противоречивых, меняющихся обстоятельствах или в возникших зонах напряжения можно выразить свою позицию, не опасаясь изоляции.

- Общественное мнение – это согласие между представителями одной человеческой общности по вопросу, имеющему важное эмоциональное или ценностное значение, которое должны уважать и индивид, и правительство под угрозой быть отвергнутым или свергнутым – по крайней мере, в виде компромисса в публичном поведении.

Общественное мнение часто подвергается различного рода манипуляциям со стороны средств массовой информации. Под манипуляцией в данном случае подразумевается преднамеренное искажение информации с целью скрытого управления людьми. Манипулятивный характер воздействия на общественное мнение обусловлен стремлением управлять массовым сознанием в политических интересах. Эта тема приобретает актуальность в рамках информационно-психологических войн, которые все чаще возникают в современном мире. Страны, участвующие в информационном противостоянии, пытаются управлять общественным мнением страны-оппонента или хотя бы ввести в заблуждение субъект общественного мнения своего противника. Стоит отметить, что это явление, как часть информационной войны, достаточно прочно вошло в систему общественных отношений современных политических коммуникаций. Для принятия решения государственным и общественным деятелям, как авторам политической жизни, сегодня недостаточно анализа проблемы узким кругом профессионалов и экспертов, необходимо одобрение общественности, населения всего государства, жителей его отдельных территорий.

Общественное мнение возникает только при соблюдении ряда условий, а именно при наличии социальных интересов людей. В центре интересов находятся проблемы, имеющие важное практическое значение, затрагивающие экономические, политические, духовные интересы людей. Общественное мнение может сложиться только в ситуации спорности, дискуссионности, оно обусловлено различием в оценках, суждениях, характеристиках и т.д. Динамичность общественного мнения, включенность в него эмоциональных оценок действительности, непосредственная форма его выражения может послужить в определенный момент стимулом для создания стихийной группы и ее массовых действий. Общие черты различных типов стихийных групп позволяют говорить о сходных средствах коммуникативного и интерактивного процесса в этих группах. Общественное мнение, представленное в них, дополняется информацией, полученной из разных источников.

Общественное мнение складывается вокруг субъекта и объекта общественного мнения. Субъект – это большинство граждан, различные классы и слои общества, нации и отдельные личности. В рамках этих общностей формируется общественное мнение. Объект общественного мнения – вопрос, проблема, по поводу которой складывается общественное мнение. Это важные вопросы, затрагивающие различные стороны жизни. Общественное мнение может рассматриваться в структуре общественных отношений через такие категории, как: 1) «деятельность», точнее коллек-

тивно заинтересованная деятельность; 2) «социальный институт», что подразумевает социальную силу, воздействующую через определенные механизмы¹.

С обретением независимости в Казахстане наступает эпоха переоценки ценностей. Структура общественного сознания довольно сложная, в ней выделяют два основных и главных уровня – обыденно-практическое сознание и научно-теоретическое сознание. Как правило, обыденно-практическое сознание связывают с социальной психологией, научно-теоретический уровень – с идеологией как важнейшей его частью. По носителю или субъекту общественного сознания выделяют – индивидуальное, групповое и массовое. Соответственно носителем индивидуального сознания является отдельный человек, индивид, группового сознания – социальная группа, носителем массового сознания – группа людей, объединенная какой-либо идеей, целью. Многие социологи выделяют сознание толпы и сознание массы. Следует иметь в виду, что толпа собирается для достижения определенной цели, имеет определенного лидера или руководителя для совместной деятельности, например, на митинге или демонстрации. Масса может олицетворять собой все население общества как абстрактное понятие, вспомним понятие «народные массы». Общественное сознание представляет собой совокупность разнообразных духовных явлений, отражающих все сферы жизни общества. Выделяют основные формы общественного сознания – мораль, искусство, религия, философия, наука, политика, право. Сравнительно недавно стали выделять экологическое, экономическое и другие виды и формы общественного сознания. Все эти виды, формы и уровни общественного сознания взаимодействуют и постоянно влияют друг на друга. Особое место занимает идеология как система идей и теорий, ценностей и норм, идеалов и тенденций. Идеология способна развивать или тормозить существующие общественные отношения².

В заключение можно сделать следующие краткие выводы. Массовое сознание – это специфический элемент общественного сознания. Специфика его состоит в том, что оно включает в себя распространенные в обществе идеи, взгляды, представления, иллюзии, социальные чувства. В нем переплетаются обыденно-психологический и теоретико-идеологический уровни общественного сознания. При этом массовое сознание формируется как под влиянием непосредственных условий жизни, так и в результате целенаправленного воздействия через идеологию, средства массовой информации. Следовательно, носителем массового сознания является масса – ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования). Формой массового сознания выступает общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение той или иной общности, или совокупности общностей к происходящим событиям и бытующим явлениям.

¹ Киселева О.В, Науметова Ю.Э. Формирование общественного мнения и способы манипулирования им в различных целях // Международный журнал экспериментального образования. 2017. – № 6. – С. 91–95.

² Эволюция общественного сознания и формирование новой системы ценностей в условиях обретения и укрепления суверенитета. – iph.kz>doc

Павлов П.В.¹

д.э.н., д.ю.н., профессор, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, Ростов-на-Дону

Защитина Е.К.²

к.э.н., ассистент ЮФУ, Ростов-на-Дону

ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОГО МИРА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ ЭКСПОРТА УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: «мягкая сила», «русский мир», экспорт услуг высшего образования, международная торговля.

Keywords: «soft power», «russian world», export of higher education services, foreign trade.

Одной из основных задач внешней политики является не только укрепление позиций на международной арене, но и создание благоприятных условий для социально-экономического развития страны. Это возможно делать за счет двух основных механизмов – «жесткой силы» (в основном применение военной силы, политических инструментов и механизмов экономического регулирования) и «мягкой силы» (пропаганда, интернационализация и продвижение науки, культуры и искусства, образования, технологий, инноваций и др.)³. При этом именно высшее образование является одним из самых важных инструментов «мягкой силы», так как именно в студенческие годы возможно сформировать определенное мировоззрение и взгляды среди молодежи, в том числе с погружением в культуру страны.

В связи с этим, а также в связи с экспоненциально возрастающим объемом студентов, желающих обучаться за рубежом, правительства многих стран, в том числе и Российской Федерации, уделяют большое внимание процессам интернационализации, интеграции и последующей глобализации услуг высшего образования, происходящим под влиянием геополитических, социально-экономических и культурно-образовательных предпосылок (рис. 1). Нарращивание экспорта услуг высшего образования позволяет не только привлекать в Россию таланты из разных стран, но и реализовывать внешнюю политику с применением «мягкой силы» и привлекать дополнительные поступления в бюджеты различных уровней.

В зависимости от способа предоставления образовательной услуги существует классификация видов экспорта услуг высшего образования: потребление обучающимися образовательной услуги за рубежом, разработка и реализация всех видов трансграничных образовательных программ и курсов обучения, коммерческое присутствие образовательного учреждения в иностранных государствах, перемещение физических лиц. Можно сказать, что все эти перечисленные виды можно классифицировать как элементы «мягкой силы», формирующие «русский мир». В связи с этим наибольший интерес вызывают именно те государственные организации (например, Россотрудничество) и вузовские структуры (филиалы, представительства, совместные и сетевые университеты), которые находятся непосредственно за границей.

Указом Президента Российской Федерации⁴ в 2008 году вместо Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) с целью осуществления мероприятий международного гуманитарного сотрудничества, а также формирования положительного имиджа и объективных представлений о Российской Федерации. На настоящий момент в мире действует 92 представительства Россотрудничества (российские центры науки и культуры, а также агентства в составе посольств) в 79 странах мира: 28 представительств в странах Европы; 27 представительств в странах Азии; 16 представительств в Странах СНГ, Абхазии и Южной Осетии; 12 представительств в странах Америки; 9 представительств в странах Африки (рис. 2).

¹ Профессиональные интересы и направления деятельности: особые экономические и офшорные зоны, специальные налоговые режимы, таможенное администрирование, глобализация мировой экономики и место России в ней, развитие форм внешнеэкономической деятельности. E-mail: pavel.pavlov20@gmail.com

² Профессиональные интересы и направления деятельности: экспорт услуг высшего образования, мировая экономика, особые экономические зоны. E-mail: elenazashitina@gmail.com

³ Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. – <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3C B44>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020/page/1>

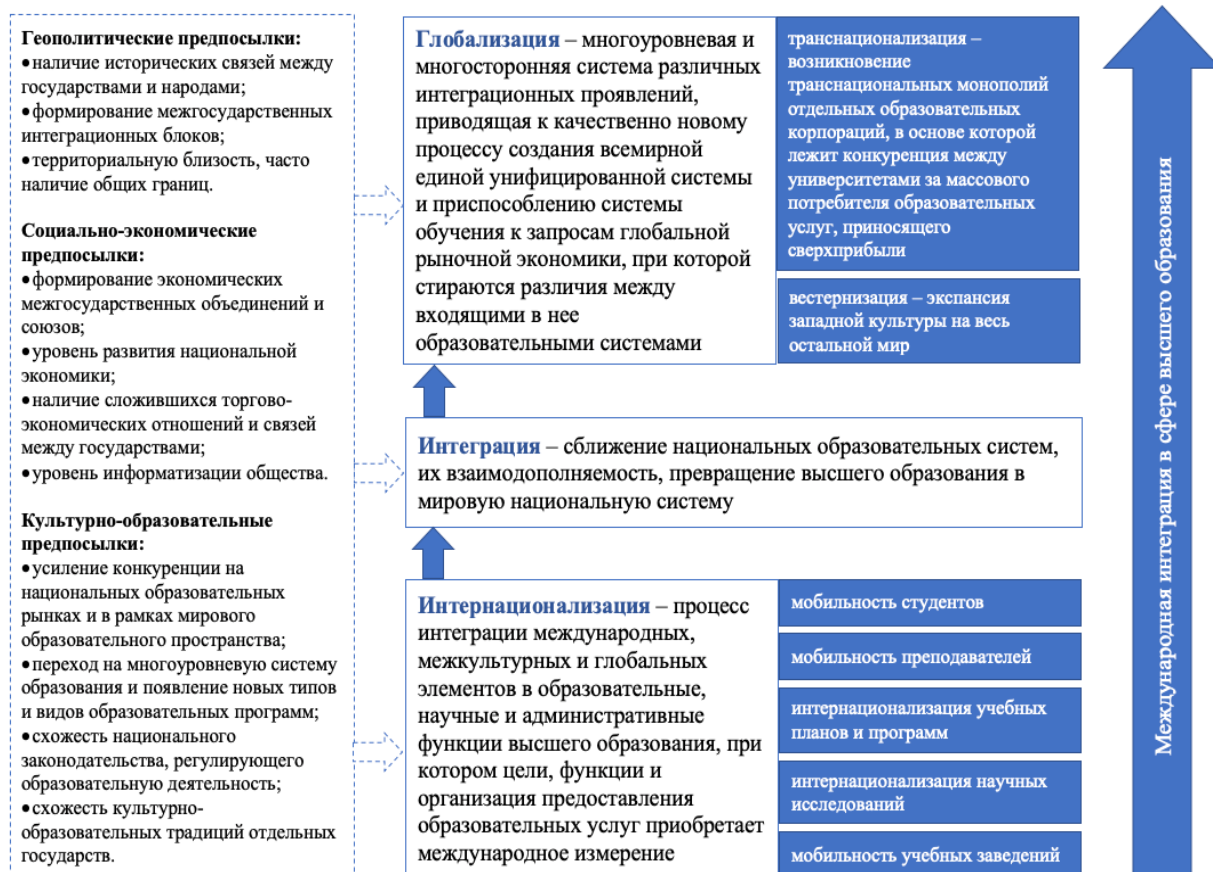

Рисунок 1.
Предпосылки и особенности интернационализации, интеграции и глобализации рынка услуг высшего образования¹

Рисунок 2.
Карта распределения зарубежных представительств Россотрудничества по странам мира²

Деятельность Россотрудничества реализуется по 11 основным блокам, новыми из которых являются следующие: «Сохранение исторической памяти – 75 лет Великой Победы»; «Меры по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19», а наиболее значительным – блок «Образование и наука». Все тематические блоки включают в себя базовые проекты, которые реализуются во всех представительствах (рис. 3), а также индивидуальные проекты, реализуемые в конкретных представительствах силами сотрудников или совместно с представителями

¹ Защитина Е.К. Влияние интернационализации высшего образования на увеличение несырьевого экспорта страны: дис. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д., 2019. – 233 с.

² Информационный портал «Россотрудничество». – <https://rs.gov.ru/contacts/inworld>

ми вузов по большей мере в рамках направления «Образование и наука» (в том числе, размещение информации о вузе, проведение обучающих программ, специализированных конкурсов, мероприятий по отбору на квоту, организация летних и зимних школ, выставок, встреч с потенциальными поступающими).

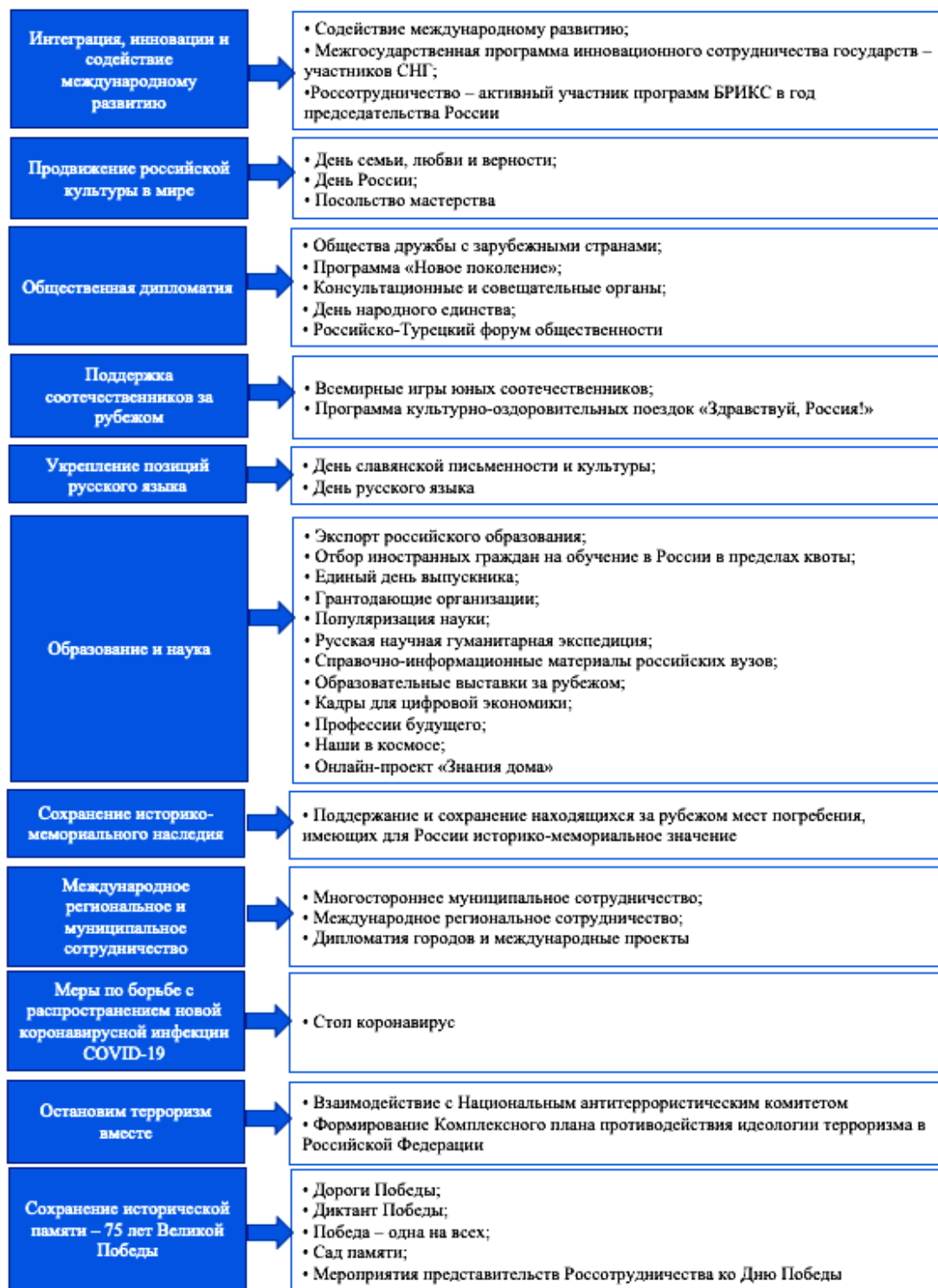

Рисунок 3.
Деятельность Россотрудничества (блоки), направленная на формирование «русского мира» за границей¹

Одним из механизмов привлечения наиболее мотивированных и талантливых обучающихся в Российскую Федерацию можно считать выделение государственных стипендий на обучение иностранных граждан, отбором которых также занимается Россотрудничество. Анализируя данные последних шести лет можно сделать вывод, что общее количество квот с 2014/2015 учебного года по 2019/2020 учебный год увеличилось на 286 единиц (или на 2,4%) с 11 849 единиц до 12 135 единиц. При этом наибольшее количество квот было в 2016/2017 учебном году – 13 493 единицы. Если проводить постранный анализ, то традиционно наибольшее количество квот отводится гражданам стран СНГ, Грузии, Абхазии и Южной Осетии (страна-лидер в 2019/2020 учебном году – Таджикистан: 630 квот, или 17,6%

¹ Составлено авторами по данным: Информационный портал Россотрудничества. <https://rs.gov.ru/contacts/inworld>

в регионе) и стран Азии (страны-лидеры в 2019/2020 учебном году – Вьетнам: 965 квот, или 27% в регионе; Китай: 955 квот, или 26,8% в регионе), а наименьшее – гражданам стран Семерной Америки и Океании (страна-лидер в 2019/2020 учебном году – США: 20 квот, или 74,1% в регионе) и стран северной Европы (страна-лидер в 2019/2020 учебном году – Финляндия: 20 квот, или 85% в регионе). При этом стоит отметить стремительный рост (практически на 30%) за рассматриваемый период выделяемых квот для граждан стран Азии, что говорит в том числе о наращивании экономических и политических связей с данным регионом (рис. 4).

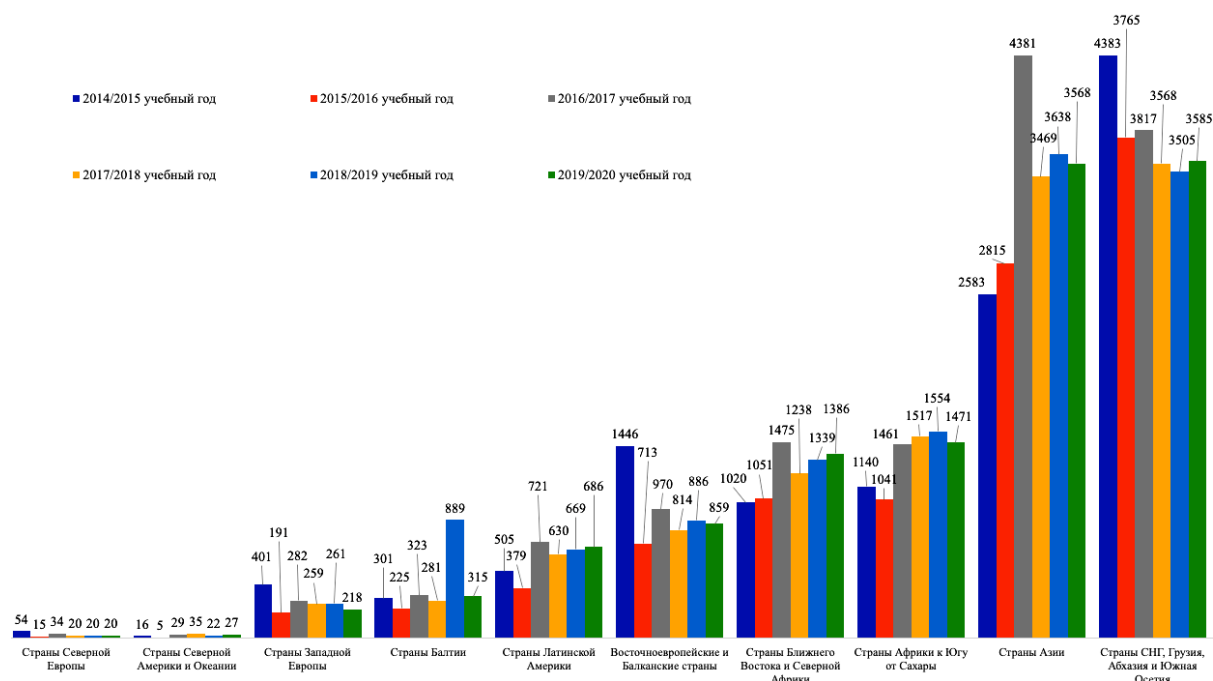

Рисунок 4.

Динамика распределения количества государственных стипендий на обучение иностранных граждан по странам мира с 2014/2015 по 2019/2020 учебные годы¹

Одним из типов интернационализации высшего образования, расширения присутствия российских университетов на международной арене и, как следствие, вариантов экспорта услуг высшего образования является коммерческое присутствие образовательного учреждения в иностранных государствах. Данный вид экспорта является наиболее материальным и трудозатратным в связи с тем, что требует длительных согласований нормативно-правовой базы, непосредственной организации присутствия и последующего содержания образовательного учреждения в иностранном государстве. Несмотря на это в мире по данным на 2018/2019 учебный год функционировало 87 филиалов вузов Российской Федерации, в том числе сетевых университетов, образованных консорциумами университетов, в которых обучалось 44 544 студентов. По сравнению с 2014/2015 учебным годом в отчетном произошло снижение количества филиалов (с 99 до 87 филиалов – на 12%) и количество обучающихся в них (56 939 до 44 544 человек – на 22%).

На наш взгляд, несмотря на то, что интернационализация высшего образования на основе открытия филиалов за рубежом и работы в рамках сетевых университетов, а также представительств Россотрудничества и школ, ведущих образовательную деятельность на русском языке (в основном расположены при российских посольствах), представляет собой небольшую долю относительно больших объемов экспорта услуг высшего образования, она может рассматриваться как один из первоначальных элементов по продвижению «русского мира» за счет «мягкой силы» за границей, а также как определенный механизм продвижения основных образовательных программ, реализуемых в Российской Федерации. В связи с этим авторами был предложен ряд механизмов как на макроуровне, так и на микроуровне по наращиванию объемов экспорта услуг высшего образования за счет интернационализации на основе открытия филиалов:

- на макроуровне (государство): создание нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность; заключение договоров с зарубежными странами и создание единого образовательного пространства по принципу торговых союзов (прообраз действующих сетевых университетов); выделение дополнительного финансирования для помощи вузам, РЦНК, школам; выделение дополнительных квот;
- на микроуровне (вуз): разработка адаптированных, конкурентных в стране присутствия образовательных программ; заключение соглашений между вузами; выделение финансирования для коммерческого присутствия образовательного учреждения в иностранных государствах; разработка плана маркетинга и оценка целесообразности действий вуза.
- В целом, связь всех типов интернационализации и необходимых механизмов для их интенсификации, направленных на экспорт «русского мира» и реализацию «мягкой силы», можно представить в виде схемы (рис. 5)

¹ Составлено авторами по данным: Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 10 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. – 557 с.

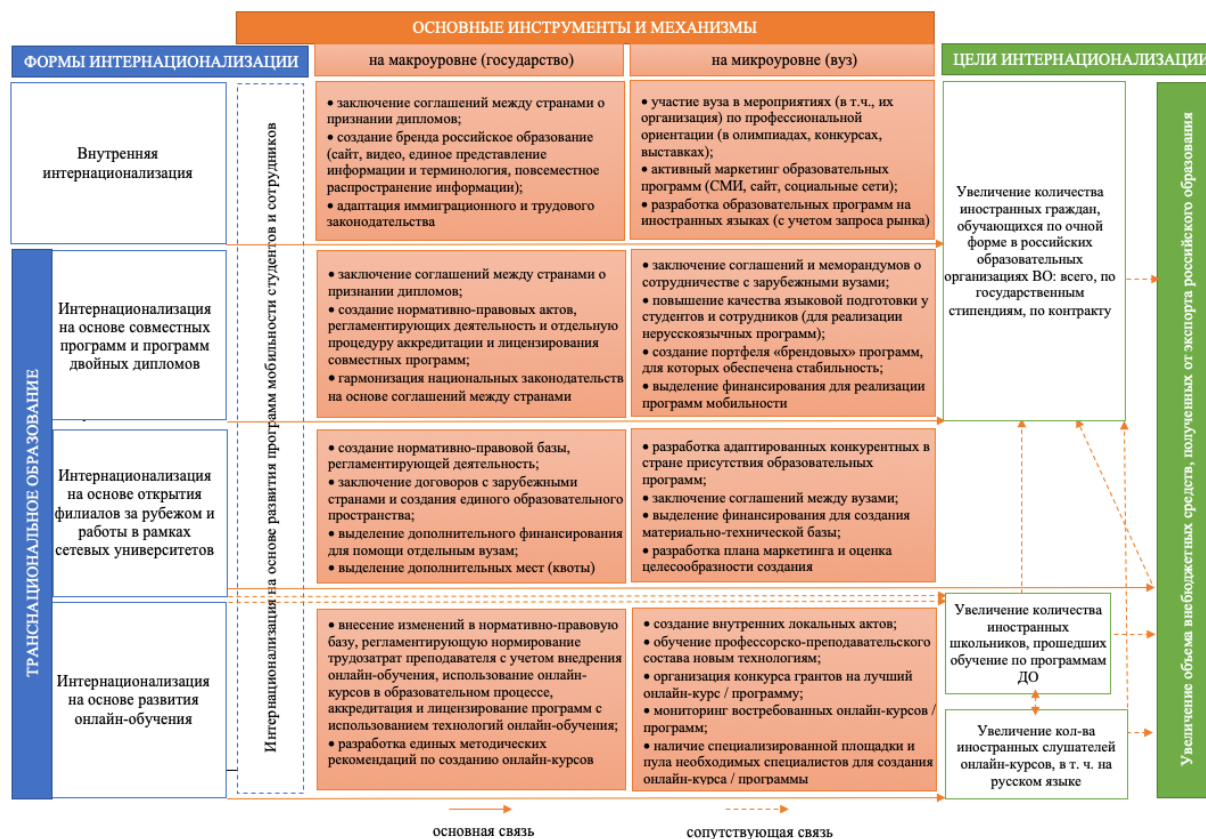

Рисунок 5.

Механизмы по наращиванию объемов экспорта услуг высшего образования и расширению влияния «русского мира» и «мягкой силы» через его интернационализацию¹

Таким образом можно сделать вывод, что, имея все необходимые конкурентные преимущества, Российская Федерация сможет не только продвигать идеи «русского мира», но и получать дополнительное финансирование от экспорта услуг высшего образования.

¹ Защитина Е.К. Влияние интернационализации высшего образования на увеличение несырьевого экспорта страны: дис. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д., 2019. – 233 с.

Петрищев Е.В.

сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПОДРЫВА ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ)

Ключевые слова: международные политические коммуникации, постсоветское пространство, евразийский интеграционный проект, Союзное государство, Евразийский экономический союз.

Keywords: International political communications, post-Soviet space, Eurasian integration project, Union state, Eurasian economic Union.

Процессы интеграции на постсоветском пространстве, вызванные желанием народов и естественным образом трансформированные в политическую волю руководства суверенных государств, обусловлены геополитическими факторами. Географическое соседство и многовековая общая история обуславливают не только идейную и культурную идентичность России и Белоруссии, но подвигают их к созданию системы коллективной безопасности в рамках проекта Евразийского экономического союза и Союзного государства.

Интеграционные процессы сталкиваются с противодействием ведущих акторов международных отношений, в первую очередь, представленных государствами атлантической цивилизации. В истории есть масса примеров этого как в период монархической России, так и во времена противостояния социалистического блока со странами Запада. Противостояние осуществлялось с применением различных средств политического, экономического и военного характера, что наблюдается и в настоящее время, с определенным смещением приоритетов в область международных политических коммуникаций.

Принципиальные изменения в геополитическое противоборство в Восточной Европе внес экстенсивный рост доступности информационных каналов глобальной системы телекоммуникаций, обусловив перенос противостояния в информационную сферу. Субъекты информационного воздействия получили возможность не только доводить сообщения, в том числе, деструктивного характера, до целевой аудитории, но и оценивать реакцию, выражаемую на страницах сети Интернет и социальных медиа. Последняя используется как обратная связь в системе обеспечения информационно-идеологического доминирования.

Интеграционные процессы между Россией и Белоруссией вызывают озабоченность западных политических акторов как не соответствующие стратегическим интересам Северо-атлантической цивилизации. Попытки насадить антироссийские настроения отмечаются на продолжительном временном отрезке, причем субъектами воздействия выступают зарубежные «мозговые центры», прозападные НКО, в последние годы пользующиеся негласным покровительством части политических элит.

Так, на протяжении 2018-2019 гг. отмечается тесное сотрудничество между правительственными кругами Белоруссии и ведущими аналитическими центрами США, работу которых координирует Джеймстаунский фонд. Напомним, что Джеймстаунский фонд был создан при участии представителей американского разведсообщества для работы с перебежчиками из СССР. В настоящее время эта организация, являясь партнером официального Минска, участвует в формировании положительного имиджа главы Белоруссии в США¹.

Стоит отметить, что в белорусской информационной сфере после кризиса международных отношений 2014 г. ведется активная работа по дискредитации политики интеграции в рамках Евразийского экономического союза и Союзного государства. Аналитический центр «Агентство социального инжиниринга» в 2019 году опубликовал документ, озаглавленный «Анализ работы Запада в Беларуси». Работа представляет собой глубокий анализ деятельности политических сил, решающих задачи по корректировке идеологического вектора Республики Беларусь². Методология анализа предполагала качественную оценку инструментов и структуры СМИ, использованных для распространения информационных волн по резонансным информационным поводам, отнесенным к антироссийской направленности. Анализ проводился с учетом такого количественного показателя, как «показы», позволяющего оценить заинтересованность целевой аудитории и с использованием разработанной экспертами аналитического центра «матрицы влияний».

В ходе анализа был сформулирован ряд выводов, а именно:

1. Белоруссия находится в сфере регулярного информационного воздействия со стороны западных политических сил, причем все более активизируется участие в нем белорусского сетевого сообщества (так называемых «топ-блогеров»).

¹ Стратегия США – склонить Беларусь к развороту на Запад. – <https://www.fondsk.ru/news/2019/01/23/strategia-us-sklonit-belarus-k-razvorotu-na-zapad-47489.html>

² Анализ работы Запада в Беларуси. – https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2019/03/Analiz_raboty_zapada_v_Belorusii.pdf

2. Относительно низкий уровень политического и бытового национализма в Белоруссии в совокупности с высокой резистентностью общества к националистическим идеям вынудил зарубежных «интересантов» скорректировать риторiku, иницируя националистические настроения в качестве производных от русофобского идейно-политического контекста. При этом основным инструментом распространения деструктивных националистических идей становится пространство социальных сетей, вследствие их популярности у молодежной возрастной категории.

3. Смысловое наполнение информационного воздействия подбирается из числа резонансных тематик или событий, причем для обеспечения максимального привлечения внимания целевой аудитории эффективно практикуется публикация «приуроченных» материалов.

4. Приоритетным вектором русофобской пропаганды остается популяризация марионеточной «Белорусской народной республики», созданной германскими оккупантами в 1918 г. БНР, как и даты связанные с ней, используются для культивирования белорусского национализма, в том числе, за счет пропаганды ее псевдогосударственной символики.

Тематика БНР заслуживает особого внимания, поскольку динамика изменений ее восприятия в обществе и отношения к ней властей являются яркой иллюстрацией изменения статуса от исходно неприемлемого понятия до уровня, близкого к политической норме.

Напомним, что в период с 1999 до 2010 года празднование «Дня Воли» в Белоруссии было под запретом, как и сопутствующая националистическая символика. Руководство страны проводило целенаправленную политику борьбы с националистическими проявлениями в белорусском обществе. В период с 2011 по 2015 отмечалась, наряду с консолидацией оппозиционной части общества, в том числе части творческой интеллигенции по вопросу распространения белорусского языка, повышенная активность оппозиционных медиа, в том числе и сетевых. С 2015 по 2018 годы за националистическую символику перестают штрафовать, ее популярность растет, власти разрешают праздновать столетие БНР. Период 2018–2020 гг. отмечен рядом знаковых событий, включая заявления официальных лиц о годовщине БНР как «главном празднике страны», разрешение отмечания «Дня Воли» на местном уровне.

В ходе всей кампании идеологическую поддержку осуществляли различные субъекты информационного воздействия за счет ресурсов сети Интернет, наибольшую активность проявляли так называемые «топ-блогеры» белорусского Интернет-сегмента. Определенная успешность кампании, по авторскому мнению, была достигнута за счет не только агрессивного информационного воздействия, но и за счет лояльного отношения официальных властей, их недостаточно последовательной политики пресечения националистических проявлений в сфере политической коммуникации. Следует объективный вывод, что инспирируемые Западом тенденции разобщения России и Беларуси имеют определенную перспективу, что доказало протестное движение после президентских выборов 2020 г. Начинаясь как стихийный протест против вероятных фальсификаций, в течение нескольких недель оно превратилось в явную демонстрацию русофобских и проатлантических настроений части белорусского общества.

Общий план по сдерживанию России предусматривает окружение РФ «поясом конфликтов» – враждебных стран и очагов напряженности, формирование которых требует применения технологий информационного и информационно-психологического противоборства. На основе анализа мнений западных аналитиков, в том числе, представителей RAND Corporation, следует вывод об агрессивном характере моделей применения «мягкой силы» в отношении именно стран ОДКБ – Армении и Беларуси.

Со стороны России и ее союзников в последние годы отмечается координация усилий по противостоянию современным угрозам, транслируемых через каналы политических коммуникаций, по линии коллективной безопасности в рамках ОДКБ, членом которой являются оба субъекта Союзного государства. Так, 27 ноября 2014 года постановлением Парламентской Ассамблеи ОДКБ приняты Рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения информационно-коммуникационной безопасности. Актуальность задачи установления общих на уровне ОДКБ подходов к правовому обеспечению информационно-коммуникационной безопасности обосновывается системообразующим характером информационной сферы¹. Стратегической целью обеспечения безопасности в общем алгоритме сближения законодательства обозначено обустройство единого безопасного информационного пространства на основе информационных пространств государств-участников ОДКБ. В числе угроз информационно-коммуникационной безопасности было обозначено деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государство, оказываемое с использованием информационно-коммуникационной структуры².

Направления коллективного обеспечения информационной безопасности, указанные в Рекомендациях, в целом обозначены достаточно точно и с необходимой полнотой, при этом в части, касающейся противодействия деструктивному воздействию на личность, требуется внесение дополнительной ясности.

На основе вышеизложенного сделаем следующие выводы:

1. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве сопровождаются активным противодействием со стороны политических акторов западного мира, причем в современных условиях значимая роль в противостоянии отводится гуманитарной сфере.

¹ Цыбаков Д. Л., Заслонкина О. В. Политика ОДКБ по защите информационно-психологической сферы коллективной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. – Т. 10, № 4. – С. 136–144.

² Приложение к постановлению ПА ОДКБ от 27 ноября 2014г. № 7–6. – http://www.paodkb.ru/upload/iblock/c07/rekomendatsii-po-sblizhen-i-garmoniz.-natsion.-zak_va-gos._chlenov-odkb-v-sfere-obesep.-inf._kommunik.-bezop..pdf

2. Анализ информационных кампаний, проведенных в отношении информационного пространства Евразии, позволяет сделать вывод о значимой роли ресурсов сети Интернет в организации внешнего деструктивного воздействия через международные политические коммуникации.

3. Меры по противодействию деструктивным воздействиям в настоящее время носят преимущественно запретительный характер, закрепляемый законодательно. Такие меры могут носить лишь ограниченную эффективность, поскольку не предусматривают организации регулярного сотрудничества с институтами гражданского общества Российской Федерации и Белоруссии в деле противодействия угрозам в информационной сфере.

Райнхардт Р.О.

к.э.н., доцент МГИМО МИД России, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай»
don.reinhardt@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ 2020 ГОДА НА НАУЧНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА¹

Ключевые слова: научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество, пандемия 2020 года.

Изменения форм и механизмов научной дипломатии под воздействием «большого вызова» в виде продолжающейся пандемии начали наблюдаться в конце февраля 2020 г. Одним из первых «звонков» стала новость о переносе 63 Пагуошской конференции ученых, запланированной на 1–5 марта 2020 г., на весну 2021 г.² В рамках данного мероприятия планировалось обсудить проблемы региональных конфликтов и ядерных рисков. Следует отметить, что предыдущая Пагуошская конференция была проведена в 2017 г., а с учетом текущей динамики эпидемиологической ситуации нет гарантий, что следующая действительно может состояться в 2021 г.

Само по себе Пагуошское движение ученых, выступающих за мир, ядерное разоружение и международную безопасность, начало которому было положено в 1955 г., представляет собой классический кейс научной дипломатии. СССР с самого начала присоединился к этому движению, создав в 1957 г. национальный Пагуошский комитет и наградив в 1960 г. идеолога «пагуошцев» Сайруса Итона Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». На протяжении советского периода отечественные ученые принимали активное участие в деятельности данной организации, при этом СССР трижды (в 1960, 1969, 1988 гг.) предоставлял площадку для проведения ее ежегодных конференций. Начиная с 1990-х гг. вовлеченность российской стороны несколько снизилась, и страна уже не выступала хозяйкой встреч ученых-ядерщиков. При этом в 1995 г. Пагуошское движение и один из его основателей Джозеф Ротблат были удостоены Нобелевской премии мира.

В ключе новейших трансформаций стоит обратить внимание на следующее. Во-первых, для последних нескольких лет был характерен некоторый спад деловой активности Пагуошского движения – хотя бы в связи с отсутствием проводимых ранее на ежегодной основе конференций. Во-вторых, пандемия не повлекла за собой его адаптации к новым условиям (переход в онлайн-формат). В то время как большинство университетов и даже школ, не говоря уже о научно-исследовательских центрах, в период карантинов и самоизоляции продолжили работать в цифровом пространстве, ведущие физики-ядерщики (!) предпочли занять выжидательную позицию.

Такая тактика может косвенно свидетельствовать о том, что дело не в «большом вызове» пандемии, но, скорее, в определенной ригидности самого актора. Экстраполяция данной тенденции и анализ поведения других объектов исследования (российские и зарубежные проводники научной дипломатии, а также их объединения) позволяют сделать вывод о том, что сам по себе названный «большой вызов» не привел к появлению новых проблем непосредственно в исследуемой сфере, но он является катализатором уже наблюдавшихся в ней ранее процессов. Иными словами, адекватно оценивая всю трагичность происходящего, человеческие жертвы в том числе среди ученых, а также урон, нанесенный среди прочего и сектору НИР, можно констатировать, что продолжающаяся пандемия представляет собой механизм своего рода «естественного отбора» не только в медицинском смысле (против чего должны приниматься и принимаются меры), но и в отношении субъектов научно-дипломатической среды.

И здесь, в отличие от темы общих мер, носящей дискуссионный характер, «профилактика» и «терапия» видятся очевидными. Прежде всего, это **цифровизация**, дальнейшее освоение онлайн- и гибридных форм взаимодействия членами научно-исследовательского и экспертного сообществ. Те из них, кто и раньше обладал склонностью к такого рода инновациям, уже получили значимое и даже капитализируемое конкурентное преимущество. Другие, с меньшим адаптационным потенциалом, нуждаются в поддержке со стороны лиц, принимающих решения в области научной политики, равно как и коллег в широком смысле. В этом заключается один из главных приоритетов научной дипломатии ближайшего времени – изменение собственных форм организации труда и взаимодействия с партнерами в совокупности с оказанием помощи в этом процессе партнерам, в том числе зарубежным.

Из этого вытекает второй важный пункт текущей повестки – **международная информационная безопасность**. На низовом уровне многие ученые, участвующие в онлайн-конференциях, уже столкнулись с таким банальным явлением, как подключение к ним неприглашенных гостей. Разумеется, это лишь верхушка айсберга, и чем сложнее и значимее процессы в рамках научно-дипломатического взаимодействия, тем большего внимания и ресурсов требует

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-78-10123.

² Об изменении срока проведения 63-й Пагуошской конференции ученых / Российский Пагуошский комитет при Президиуме Российской академии наук. – <http://pugwash.ru/publications/PugwashConf63/4689.html>

обеспечение должного уровня их секьюритизации. И если раньше данная тематика была одним из предметов теоретических и практико-ориентированных исследований, то сейчас она непосредственно влияет на само их проведение. В экономических терминах, это по сути становится расходной статьей НИР и НИОКР. Наиболее прямой путь к ее снижению в фундаментальном измерении – одна из задач научной дипломатии.

Наконец, третье важное направление перестройки научной дипломатии на современном этапе предполагает постепенный **отход от геополитического восприятия** ее в качестве инструмента влияния и отстаивания национальных интересов. Как показывает практика – особенно в период пандемии – односторонние решения в критических ситуациях обладают ограниченной эффективностью. В нынешних беспрецедентных условиях на первый план выходит не соперничество, предполагающее противостояние (пусть даже с использованием «мягкой» или «умной силы»), а сотрудничество государств перед лицом острейшей глобальной проблемы. Разработка и системное внедрение вакцин невозможны без «научных дипломатов». Такая до некоторой степени вынужденная, возможно, временная, однако объективная смена парадигм уже была обозначена министром иностранных дел С.В. Лавровым в апреле 2020 г.¹ Как ни парадоксально, по сути это предполагает полный пересмотр основополагающих принципов Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) 2019 г.

В свете описанного положения, представляется целесообразной формулировка ряда рекомендаций для лиц, принимающих решения в области научной политики и ее дипломатического сопровождения.

Оптимизация отечественной научно-дипломатической системы предполагает комплекс взаимосвязанных мер, касающихся нескольких государственных структур и федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ). Прежде всего, как отметил в упомянутом выступлении министр иностранных дел С.В. Лавров, «МИД не занимается оркестрированием научных связей»². Та же логика применима и к другим ФОИВ. Их роль сводится к административно-техническому сопровождению научно-дипломатических контактов и устранению барьеров для МНТС. Иначе говоря, к выполнению не регулирующей или координирующей, но вспомогательной функции. Для ее эффективной реализации представляются уместными такие шаги, как:

- создание профильных подразделений в МИД, Россотрудничестве, их зарубежных представительствах, на регулярной основе курирующих тематику научной дипломатии, включая участие России в международных научных альянсах (ГИС, ОИЯИ, EuroHORC и др.);
- внедрение аппаратов научных атташе в рамках загранпредставительств указанных органов для активизации работы с «научными диаспорами»;
- включение в состав Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию представителей МИД и подведомственных ему организаций (Россотрудничество, Дипломатическая академия);
- создание в МИД внутреннего совета научных дипломатов – по аналогии с Советом молодых дипломатов³, который также может участвовать в профильных проектах первого;
- системное подключение к процессу принятия решений в исследуемой сфере Министерства науки и высшего образования, а также Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций.

Последнее представляется крайне необходимым в обозначенном ключе обеспечения международной информационной безопасности. Связующим звеном со стороны МИД здесь может выступать созданный в декабре 2019 г. профильный департамент (ДМИБ). Именно слаженная работа в рамках связки названных ФОИВ (МИД-Минобрнауки-Минцифры) способна дать осязаемые плоды при разработке и реализации таких проектов, как, например, внедрение «паспорта ученого» – по аналогии с «паспортом болельщика» во время Чемпионата мира по футболу 2018 г.⁴ В то же время не имеет смысла ограничивать данное направление консульско-визовой проблематикой, но нужно расширять его на цифровое пространство.

Более гибкой с точки зрения инновационного процесса представляются научная дипломатия на уровне университетов. Среди конкретных мер в данных области допустимо выделить:

- разработку и запуск специальных образовательных продуктов (МВА, магистратура, курсы повышения квалификации) по подготовке научных атташе на базе МГИМО, Дипломатической академии и РУДН по примеру успешно реализуемой Школой бизнеса и международных компетенций МГИМО программы по подготовке сельхозатташе⁵;
- внедрение целевой онлайн-аспирантуры для действительных сотрудников ЦА и РЗУ МИД, включающей специализированные курсы по научно-дипломатической подготовке, с последующими защитами диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук в рамках действующей нормативно-правовой базы⁶, привлечение к участию в таких защитах ведущих зарубежных специалистов;
- создание на базе ведущих университетов сетевого исследовательского центра проблем научной дипломатии для субстантивной и оперативной коммуникации членов российского научно-экспертного сообщества.

¹ Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния // ТАСС, 21.04.2020. – <https://tass.ru/politika/8294685>

² Там же

³ Совет молодых дипломатов МИД России. – <https://smd-mid.ru/>

⁴ Райнхардт Р.О.: «Научная дипломатия как площадка для диалога физиков и политиков» // МГИМО-Университет, 13.05.2020. – <https://mgimo.ru/about/news/inno/raynkhardt-nauchnaya-diplomatiya-kak-ploshchadka-dlya-dialoga-fizikov-i-politikov/>

⁵ МГИМО выпускает первых сельхозатташе / Школа бизнеса и международных компетенций МГИМО, 29.06.2020. – <https://mba.mgimo.ru/news/mgimo-vypuskaet-pervykh-selkhozattashe>

⁶ Правительство утвердило особенности дистанционной защиты диссертаций во время коронавируса / Правительство России / Новости, 27.05.2020. – <http://government.ru/news/39760/>

В совокупности данные меры и результаты имплементации «лучших практик» (передового опыта) могут способствовать оптимизации работы сектора и лечь в основу пересмотра основополагающих принципов действующей Концепции МНТС 2019 г., которая, думается, уже не отвечает новейшим пандемийным и постпандемийным реалиям.

Саипова К.Д.

к.и.н., доцент, Национальный университет Узбекистана
kamola_nuz@rambler.ru

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОГО ГОСПОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные конфликты, социальная политика, Ферганские события, многонациональность, национальные меньшинства, этническая структура.

Кризис 80-х годов в экономике и последовавшие за ним значительные изменения в социальной жизни вызвали взрыв национального самосознания и массовые этнополитические выступления. Подобные масштабные процессы, без сомнения, имели глубокие корни и долгий процесс развития. В период перестройки, гласности и суверенизации национально-территориальных образований обнажились многие пороки коммунистического режима, его национальной политики. Постепенный распад СССР был связан с обвальными межнациональными конфликтами во многих союзных и автономных республиках, в том числе и в Узбекистане¹.

Начавшийся процесс возрождения узбекского народов, раскрепощения национальной энергии встретили неприятие и активное противодействие со стороны Центра. Декларируемое лидерами национальных движений культурно-языковое самоопределение и частичная экономическая самостоятельность трактовались руководством СССР как проявления политического национализма и сепаратизма. Одним из первых признаков дезинтеграционных процессов и проявлений национал-сепаратизма стали волнения в Узбекистане, вызванные чистками партийного руководства брежневского призыва, обвиненного в коррупции.

Мало у кого из специалистов были сомнения в наличии проблем в области межнациональных отношений. Да и в ряде выступлений Ю.В.Андропова, К.У.Черненко, М.С.Горбачева об этом прямо говорилось. Уже меньше говорили о нациях-народах, а больше о республиках как субъектах федерации. Страна подошла к периоду перестройки с множеством острейших национально-этнических проблем. Но говорить об этом в открытой печати было не принято².

8 апреля 1989 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», и впервые в состав преступления по этому закону была включена статья XI: «Нарушение национального и расового равноправия», согласно которой действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установления прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности наказываются лишением свободы на срок до трех лет. Те же действия, совершенные должностным лицом, — до пяти лет³. Но эта и другие статьи на практике не работали.

В результате началось проявление межнациональных проблем в ряде республик — Киргизии, Казахстане, Азербайджане, Армении и Узбекистане, которые показали остроту национальных проблем и отсутствие механизмов их разрешения. В 1989 года в материалах Съезда народных депутатов и на XIX партийной конференции, состоявшейся летом 1988 года, национальные и межнациональные процессы были подвергнуты достаточно подробному анализу. Говорилось об успехах и ошибках⁴. Была поставлена задача коренного обновления национальных отношений и национальной политики. Огромное значение имела резолюция «О межнациональных отношениях», принятая партийной конференцией, которая констатировала, что «в рамках перестройки политической системы следует осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению демократических принципов»⁵.

Все эти события, конечно, не могли не коснуться и тех народов, которые не по своей воле оказались на землях Узбекистана, и не повлиять на общую динамику демографического состояния республики. С 1985 года начинается отток трудовых кадров из Узбекистана в родные края. Резкое снижение численности населения рабочих кадров в возрасте от 20 до 59 лет, наблюдалось среди кадров славянского происхождения. Между 1970 и 1980 годами население

¹ Козьменко В.М., Цай В.И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х — 1991 г. // Вестник РУДН. — М., 2012. — № 2. — С. 124.

² XXVI съезд КПСС: стенографический отчет. Т. 1. — М.: Политиздат, 1981. — С. 73–75; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. Издание 9-е, дополненное. — М.: Политиздат, 1987. — С. 247–263.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 8 апреля 1989 года. — <http://www.zaki.ru/pages.php?id=1738>

⁴ Козьменко В.М., Цай В.И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х — 1991 г. // Вестник РУДН. — М., 2012. — № 2. — С. 126.

⁵ Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. — <http://www.ru-90.ru-резолюции-xix-всесоюзной-конференции-кпсс>

этой категории увеличивалось из года в год на 1,7%, а в 1985 году прирост составил только 0,7% в год¹. Основная линия миграции протянулась из Узбекистана в Россию, Белоруссию и Украину².

К тому же советская власть не учитывала значимость экономических проблем в социально-экономической и политической жизни страны. Возник недостаток питания и промышленных товаров. При этом доходы населения выросли на 21,5%, что породило скрытую инфляцию и тотальный дефицит³.

Основываясь на имеющихся данных, можно сделать вывод, что нестабильность в социально-экономической жизни и неуверенность в завтрашнем дне республики стали дополнительными причинами миграционного оттока населения из Узбекистана.

Еще одним важным событием, повлекшим за собой большой отток национальных меньшинств Узбекистана, явились трагические события в Фергане. Здесь длительное время нарастали социальные и национальные противоречия. Существовавшие «кадровые перекосы» имели характер глубокого этносоциального неравенства. Это оказало влияние на рост безработицы в Узбекистане. Так, в 1989 году только в Ферганской долине было 70 тыс. безработных.

С 7 июня 1989 года начался массовый вывоз турков-месхетинцев в Казахстан, Ставрополье, Краснодар. К 18 июня удалось эвакуировать 16 282 турка-месхетинца.

Положение смягчилось после принятия Постановления Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных акций против народов, подвергавшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»⁴, согласно которому советское правительство признало себя виновным по отношению к депортированным народам.

Необходимо было в кратчайшее время «принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям»⁵. Однако реализация данного Постановления выполнялась халатно. Национальные меньшинства не раз обращались в Центр по проблемам реализации их прав.

В январе 1990 года была организована государственная комиссия под председательством А.А. Громыко (председатель Верховного совета СССР) по проблемам крымско-татарского народа. По предложениям комиссии Совет Министров СССР 11 июня 1990 года принял Постановление № 666 «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область». В соответствии с данным постановлением правительством страны выделено 20 млн. руб. на финансирование первоочередных мер.

В Узбекистане предпринимались практические меры по содействию и помощи крымским татарам. В частности, проводился подбор семей для поэтапного переселения в Крым; гласное и демократическое распределение среди них «Приглашений», дававшее право на получение по приезду семей в Крым земельных участков для индивидуального жилищного строительства; согласование списков, а в последующем – визирование документов выезжавших крымских татар в исполкомах местных Советов народных депутатов Узбекистана; встреча и прием представителей семей, получивших «Приглашение», в Крыму и оказание им помощи в оформлении документов, связанных с получением земельных участков, оплаты проезда, получения ссуд для строительства, а также строительных материалов. В 1989–1990 гг. из Узбекистана выехало 250 тыс. крымских татар.

Основной миграционный поток из Узбекистана составляли не лица русской национальности, а крымские татары, немцы и представители других народов, когда-то насильственно переселенные в республику. Позиция Республики Узбекистан состояла в неизменной поддержке справедливых требований об организованном и быстром возвращении депортированных народов на историческую родину.

Таким образом, в 80-е годы XX века в этнической структуре Узбекистана возникли новые тенденции: сокращается численность ряда этнических групп в связи с выездом за пределы постсоветского пространства, численность некоторых групп возрастает в связи с въездом из других республик, наблюдается некоторый приток узбекского населения из-за пределов республики.

¹ Демографические процессы в СССР в 20-80-е годы (современная зарубежная историография). – М.: АН СССР, 1991. – С. 26.

² Васильев В. Дорога от родного порога // Труд. 1990. – 30 октября.

³ Тимофеев Г.А. На переломе «перестройки»: экономика и общество СССР в 1989 году // Вестник Чувашского университета. История и исторические науки. 2006. – № 6. – С. 89.

⁴ Постановление Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных акций против народов, подвергавшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». – <http://ndkt.org/postanovlenie-verhovnogo-soveta-sssr-ob-otmene-zakonodatelnyh-aktov>

⁵ Там же.

Соколова Р.И.

д. филос. н., в. н. с. Института философии РАН

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ МИРА: РИСКИ И ШАНСЫ ДЛЯ ЕВРАЗИИ (ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: *неопределенность, глобализация, кризис, перелом, мировой порядок, эпоха беспорядка, цивилизация, цивилизационный код.*

Keywords: *uncertainty, globalization, crisis, fracture, world order, epoch of disorder, civilization, civilizational code.*

В последние годы многие исследователи и эксперты констатируют состояние неопределенности в мире вследствие нарушения принципов взаимодействия между странами, крушения имевшихся представлений об его устройстве. Сегодня выражение «мировой порядок», понимаемое именно как установление неких взаимоприемлемых правил и норм, взаимного сдерживания, наличия уравнивающих друг друга сил, опирающихся на универсальные принципы этичного поведения, а также концепций, обосновывавших их, как это было в середине прошлого века, утратило свой первоначальный смысл.

В конце XX в. у Запада в связи с исчезновением СССР появилась возможность нарушить это равновесие, отбросив при этом все принципы и нормы. Как писали тогда П. Бергер и Т. Луман, «На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определения реальности»¹. Эта тенденция продолжилась и в XXI в. Поэтому «мировой порядок» приобрел другой смысл и когда употребляется, то означает лишь констатацию существующего статуса кво со всеми его проблемами, произволом, цинизмом, двойными стандартами. Такую ситуацию довольно четко определил в 2011 г. американский экономист и политолог Рэндалл Швеллер, введя для нее более точный термин – «эпоха беспорядка». В этом же ключе высказался и Немецкий банк (Deutsche Bank), опубликовавший обширную работу под соответствующим названием «The Age of Disorder – the new era for economics, politics and our way of life» («Эпоха беспорядка – новая эра для экономики, политики и нашего образа жизни»)². Но еще раньше британский социолог З. Бауман квалифицировал это состояние как противоположный дискурс, «изображающий мир как сферу нестабильности, изменений, лишенных определенного направления, как область спонтанности и вечного экспериментирования с неопределенными и практически непредсказуемыми последствиями и в итоге как полную противоположность представлениям о порядке» и еще: «“новый мировой беспорядок”, прозванный глобализацией, имеет один подлинно революционный эффект: обесценение порядка как такового»³.

В настоящее время данная тенденция реализуется во всем многообразии ее проявлений. Очевидно, что человечество входит в стадию противостояния между силами деструкции, дегуманизации и теми силами, которые пытаются защититься от них и выдвинуть альтернативы, апеллирующие к своим традициям и ценностям. Постоянный представитель России при ООН Василий Небензя в интервью RTVI 25.09.2020 не исключил скорого раскола в международных отношениях в результате развития противостояния между США и Китаем. «Сейчас то, что происходит, как-то немного пахнет тем, что мир может просто разделиться через какой-то разлом»⁴, – отметил Небензя.

Важнейшим фактором фундаментальной трансформации мировой цивилизации является также кардинальное изменение информационной среды. На протяжении истории она постоянно менялась, но эти изменения затрагивали только ее содержание, т.е. представления людей о мире в результате накопления новых знаний. Теперь же с появлением Интернета изменилась структура информационной среды, что по своей значимости сравнимо с изобретением письменности, печатного станка, радио и т.д., знаменовавших собой переход человечества в новую эпоху существования. Однако отличие предыдущих эпох от нынешней состоит в том, что структурные изменения в прошлые эпохи появлялись через очень большие промежутки времени, и люди успевали адаптироваться к ним. Например, от появления письменности до печатного станка проходили тысячи лет. При дальнейших структурных изменениях время все больше и больше ужималось и теперь за короткий промежуток времени совершается грандиозная трансформация среды. Происходящие изменения затрагивают не только материальные основы жизни человека, но и все то, что связано со сферой его духовно-нравственного существования – идеи, смыслы, идеалы, ценности, которые подвергаются деструкции, разрушению и отрицанию. В результате воздействия новых глобальных технологий мировосприятие и поведение людей характеризуются поверхностностью, безысходностью, чувством утраты понимания и перспективы существования.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 178–179.

² Большая война неизбежна: Запад спланировал будущее без России. – <https://tsargrad.tv/articles/bolschaja-vojna-neisbezna-zapad-splaniroval->

³ Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity Press, 2001. – P. 36; Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2005. – С. 43.

⁴ Небензя предупредил о возможности раскола в системе международных отношений. – <https://tass.ru/politika/9555907>

ния. Это не просто нестабильный мир, это **цивилизационный слом**, отрывающий людей от их корней и проявляющийся в той или иной степени во всех уголках мира.

В целом общемировая ситуация приобретает характер нагромождения и столкновения друг с другом различных тенденций, принципов и целей, мало зависящих от глубинных оснований цивилизаций, являя собой картину всеобщего хаоса и пугающей неопределенности, поскольку старые модели жизни исчезают, а новые еще не сформировались. Ничего подобного по глубине и масштабам радикальных изменений в истории человечества ранее не наблюдалось и поэтому воспринимается общественным сознанием во всем мире как движение в неизвестное и неопределенное будущее. Причем речь идет не о каких-то локальных, частных явлениях, а о кризисе самого способа бытия человека, государств, цивилизаций, т.е. речь идет о парадигмальном кризисе существования этого мира и его переходе в новое качественное состояние. В политическом плане данное состояние инспирируется Западом, который постоянно стремится к глобальному расширению и поглощению других государств.

Как отмечает И. Следзевский, «исторически ключевую роль в этом процессе, бесспорно, сыграла поднимающаяся европейская цивилизация Нового времени как особый цивилизационный проект, предназначенный для всего мира»¹. Но сегодня Запад сам переживает явный кризис, слабея из-за внутренних противоречий и формирования альтернативных геополитических центров силы. Европа и США стали стремительно терять свои многочисленные преимущества и авторитет. Развернувшийся кризис на Западе полностью подтверждает прозрение Данилевского, сделанное им еще в XIX в. о том, что Запад вступил на нисходящий путь развития и неумолимо движется к завершению своего победного шествия, хотя «явление полного разложения форм европейской жизни – будь то в виде гниения или брожения, еще не замечается»².

Но сегодня это стало очевидным и современная ситуация полностью подтверждает прозрение Данилевского. Об этом свидетельствует огромное количество публикаций с соответствующим содержанием и характерным названием на самом Западе. «Смерть Запада»³ – таково название книги известного американского политика и публициста Патрика Бьюкенена. В разных вариациях эта формулировка встречается во множестве других публикаций. Так, в заявлении НАСА говорится: «Если не произойдет немедленного и радикального изменения направления, западная цивилизация рухнет в ближайшие десятилетия»⁴. На пугающие перспективы для западной цивилизации указывают не только философы и социологи, но и известные политики западных стран. Например, бывший министр иностранных дел ФРГ Е.Фишер опубликовал посвященную данной теме книгу «Упадок Запада: Европа в Новом мировом порядке 21 в.»⁵ А бывший президент Франции Н. Саркози констатирует не только упадок западной цивилизации, но и смещение «мировой оси» на Восток. В Экстренном заявлении Римского клуба, озвученным его *сопредседателем* Андерсом Вийкманом на основании последних докладов экспертов относительно ситуации в мире и перспектив на ближайшее будущее, говорится: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен!». Называя 2020 г. годом фактической смерти Старой системы, он заявил, что «без коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации – отживших норм капитализма, финансовых спекуляций, догм материализма и упрощенного понимания мира – миру грозит полная социально-культурная дезорганизация и системная катастрофа»⁶.

Западные элиты хорошо понимают сложившуюся ситуацию, осознавая, что у Запада остается очень мало времени на удержание своего ключевого положения в мире. Поэтому Запад оказывает активное давление на незападные страны, в том числе на Россию, устраивая постоянные провокации и попытки ее дискредитации. Это проявилось, в частности в событиях в Белоруссии, в деле Навального и других, в которых большую роль играют США.

Вступление мира в эпоху хаоса и глобальной неопределенности концептуализируется в различных теориях, характеризующих разные грани этого явления и выражающихся в емких формулах: «новая современность», «постэкономическая эпоха», «мировой хаос», «новое варварство» и др. Этот процесс, несомненно, имеет и цивилизационное измерение как в смысле общечеловеческой цивилизации, ибо затрагивает весь мир, так и в смысле локальных цивилизаций как культурно-исторических общностей с присущими им картинами мира, системами ценностей и идеалов. Уникальность данного явления состоит в том, что в непрерывном развитии цивилизации (во всем смысле этого понятия), которое часто сопровождалось периодами острых напряжений и конфликтов, но в итоге находивших некое приемлемое разрешение, наступил невиданный ранее в истории перелом, когда меняется все, причем не только на глобальном уровне, но и на уровне отдельных цивилизаций. Все локальные цивилизации оказались вовлеченными в этот процесс глубочайших изменений под влиянием глобализации, которая была нацелена в цивилизационном плане на то, чтобы «установить универсальный социальный порядок, основанный на синтезе (гибридизации) западных и местных культурных форм, поиске и обретении в процессе их глобального взаимодействия “средних позиций” между приятным и агрессивным сопротивлением, глобальной однородностью и провинциальной изоляцией»⁷.

Однако в последние десятилетия выявилось, что глобализация не только не сняла напряженность между устремлениями универсализма и локализма, но обострила их и стимулировала алармистские настроения в связи с ослаблением локальных цивилизаций, позиций государств, их представляющих, деградацией человека. Ускоренная дина-

¹ Следзевский И. Цивилизационные процессы современного мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2020. – Т. 64, № 1. – С. 67.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 201.

³ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М., 2007.

⁴ NASA: Zivilisationskollaps unausweichlich. – <https://krisenfrei.com/nasa-zivilisationskollaps-unausweichlich/>

⁵ Fischer J. Der Abstieg des Westens: Europa in der neuen Weltordnung des 21. Jahrhunderts. 2018.

⁶ Экстренное заявление Римского клуба. – <https://mitgard=edem/org/?p=9147>

⁷ Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. – Oxford: Oxford. University Press, 2002. – P. 16.

мика мирового развития ведет к «слому цивилизаций»¹, ибо в условиях глобализации «трансграничные отношения допускают и предполагают массовые миграции не только людей, но и социальных отношений и культур из одних цивилизационных систем в другие, что ломает все привычные рамки и ограничения социокультурных взаимодействий и отношений, создавая условия для формирования в рамках формально целостных национально-государственных единиц самостоятельных, параллельных обществ»². Все это, в конечном счете, привело к небывалому переломному моменту истории, «о смысле которого, – как писал А.И. Неклесса, – можем лишь догадываться»³.

Кардинальная трансформация мира привела к тому, что сейчас мы стоим на пороге новой, не менее серьезной смены парадигмы. Если теория Коперника, заложившая основы современной науки, имела отношение к физической вселенной, то набирающая сегодня силу тенденция к пробуждению народов и переменам затрагивает сферу человеческого сознания, что может стать фундаментом для такого эволюционного скачка, которого человечество еще не знало. Эта трансформация сопровождается большими рисками для локальных цивилизаций, последствия которых еще не вполне ясны и в должной мере не просчитываются.

Каждая цивилизация реагирует на эту ситуацию по-разному, в зависимости от своих духовно-нравственных и цивилизационных кодов. Иными словами, все зависит от того, какой цивилизация является в своей глубинной сущности, какими свойствами обладает и в какой степени способна противостоять негативным тенденциям. Например, в Китае и мусульманских странах реакция на происходящие сдвиги в отличие от Америки и Европы, не столь заметна. Однако разразившаяся пандемия коронавируса и ее губительные последствия для мировой экономики серьезно усугубили негативные тенденции, остро поставив вопрос о необходимости новой модели построения будущего. В связи с этим американский профессор Дж. Гелбрейт заявил: «Сейчас все вспоминают о прошлых кризисах, предыдущих потрясениях. Но сегодня ситуация другая, жизнь не вернется в прежнее русло. И нужно помнить историю западного мира, и видеть, как Азия победила нынешнюю пандемию, опыт Южной Кореи, Сингапура и Тайваня. Все это свидетельствует, что капитализм и децентрализация последних 40 лет, возможно, не выдержат этого кризиса, придется выстраивать новую систему, возможно, нужно будет выстраивать государственный социализм или принимать какие-то гибридные решения»⁴. Это высказывание довольно симптоматично, подобные мысли можно встретить, например, у Дэвида Лайбмана, профессора университета Нью-Йорка: «Нужно взять преимущества социализма, центрального планирования и активного вмешательства государства, и использовать это. Я не предлагаю, чтобы мы вернулись к какой-то старой форме социализма, но можно взять какую-то новую, видоизмененную форму. Мы сейчас находимся в ситуации кризиса, и промышленного кризиса, в том числе. И с этим кризисом можно справиться только коллективными мерами»⁵.

Для большинства людей ясно лишь одно, что старый мир стремительно рушится, и что сейчас идет закладка нового образа мира и будущей цивилизации. В этой связи возникает важный вопрос: каким должен быть новый мир, и какой может быть модель его устройства? Некоторая ясность в данном вопросе имеется лишь относительно разных частей Евразии, что обусловлено наличием более устойчивой цивилизационной платформы, сохраняющей свои фундаментальные культурные принципы и преемственность, несмотря на наличие в прошлом периодов упадка, войн и конфликтов. Речь идет прежде всего о Китае, а также о некоторых странах Юго-Восточной Азии, обладающих большими возможностями для альтернативного «восточного» развития. Экономические успехи, которые они демонстрируют, являются ярким тому подтверждением, на что неоднократно указывал в своих работах академик С. Глазьев. Он отмечает, что в КНР, Индии и других странах формируется новый, интегральный мирохозяйственный уклад, сочетающий стратегическое и индикативное планирование с рыночной самоорганизацией, государственный контроль за денежным обращением с кредитованием частных предприятий, государственную собственность на объекты инфраструктуры с частной собственностью в конкурентных отраслях. Этот уклад сочетает преимущества социалистической и капиталистической экономики. То есть, по сути, в КНР построена образцовая модель нового мирохозяйственного уклада с прагматичной идеологией, ориентированной на рост народного благосостояния, государство выступает в нем как дирижер, гармонизирующий интересы различных социальных групп на основе критериев роста общественного благосостояния. В этой модели снимается противоречие между капитализмом и социализмом, а отношения между трудом и капиталом перестают быть антагонистическими, так как регулируются и направляются социалистическим государством. В Индии также можно видеть социалистические мотивы в государственной идеологии и практике управления, хотя политически она является самой большой в мире демократией с развитым частнопредпринимательским сектором⁶.

Что касается России, то она оказалась в более сложной ситуации, чем другие страны Евразии, из-за активного западного влияния и давления. Поэтому перед ней во весь рост встала задача осмыслить насущные проблемы и сформировать в новых условиях проект цивилизационного развития в качестве фундамента для дальнейшего существования

¹ Субъект во времени социального бытия. Историческое выполнение пространственно-временного континуума. – М., 2006. – С. 67.

² Следзевский И. Цивилизационные процессы современного мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2020. – Т. 64, № 1. – С. 68.

³ Глобальное сообщество: Картография постсовременного Мира. – М., 2002. – С. 45.

⁴ Американский экономист считает, что после пандемии.... – <https://tass.ru/ekonomika/8243699>

⁵ Лайбман Д. Недостаток планирования // «Ковид-19» и осмысление мировых трансформаций XXI века. – <http://freeconomy.ru/themes/modeli-razvitiya/kovid-19-i-osmyslenie-mirovyh-transformatsij-xxi-veka.html>

⁶ См., например, Глазьев С.Ю. Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии // Труды Вольного экономического общества. – М., 2019. – С. 130–131.

ния и определения своего места в меняющемся мире. И это, пожалуй, самая трудная задача, поскольку вырабатывать ориентиры проекта приходится в условиях неопределенности и неоднозначности протекающих процессов как внутри России, так и вовне. Хотя общая экономическая и политическая ситуация в России в целом улучшилась, укрепился ее суверенитет и упрочилась позиция на международной арене, тем не менее многие ее деформации все еще сохраняются. Прежде всего проблематичным является обеспечение духовной безопасности страны из-за фактического плюрализма российского общества, которое таким образом оказалось открытым и беззащитным для любых деструктивных воздействий на массовое сознание. Сформировавшаяся новая российская реальность с ее беспрецедентным упадком культуры и нравственности, тотально воздействующем на все стороны общественной и природной жизни, вызвала существенные изменения в поведении и психологии человека, особенно молодого поколения. Широко распространенным стал тип эгоцентричного индивида с примитивными стандартизированными потребностями и инфантильным мировосприятием.

Большой проблемой в решении задачи создания проекта цивилизационного развития является, в частности, состояние современной российской философии. В силу своей специфики именно философия призвана играть ключевую роль в решении этой задачи, ибо она как ни одна другая наука более всех приближается к жизни человека и общества. В своих выводах она должна опираться на огромный социально-исторический опыт человечества, на весь комплекс социально-культурных ценностей и фактов многообразного материального и духовного мира. Однако современная российская философия в основном обращена к западной философии, там черпает свои темы и вдохновение, ориентируясь на евро-американский рационализм и западные стандарты мышления. В результате сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на свою большую востребованность в сложных условиях современной ситуации, она не сформулировала основы национального мировоззрения в новой России. Вследствие чего не стала и важнейшим фактором цивилизационной идентичности России, при том что другие факторы либо почти уничтожены (бытовая культура), либо очень ослаблены (религиозная традиция). И хотя имеются некоторые попытки развивать философию в направлении воссоздания основ отечественной философии, в целом она пока далека от того, чтобы обращаться к смыслам, проблемам и целям российской цивилизации. Как об этом говорил, например, русский мыслитель и философ XIX в. И.В. Киреевский, слова которого полезно вспомнить сегодня: «Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаваться из текущих вопросов, из господствующих настроений и частного бытия»¹. К тем немногим философам, которые развивают подобные мысли, относится и ныне покойный современный философ С.С. Хоружий: «Что значит быть русским философом сегодня?... Необходимо заново обрести пространство мысли и координацию в нем или, иными словами, восстановить контекст; и это значит – вернуться к тому, на чем все оборвалось, разглядеть, что же мы собирались сделать, что успели, что осталось впереди... И лишь тогда сможешь идти дальше – после перерыва... Обрести вновь полноценное пространство мысли, опаматоваться, оглядеться – действительно, абсолютная необходимость. Однако как действовать, как двигаться в возвращенном пространстве?»². Справедливости ради, можно отметить, что в рамках проекта российского цивилизационного развития, над которым, в частности, ведется работа в Институте философии РАН, определенные, пока еще скромные шаги, в этом направлении все же делаются.

Разрешить противоречия между цивилизационной духовной традицией России и существующей социально-экономической практикой, как полагает академик Глазьев, возможно двумя способами: либо духовная традиция будет сломлена доминирующей хозяйственной практикой, либо последняя будет приведена в соответствие с духовной традицией. Опыт показывает: эффективно противостоять деструктивным практикам можно, используя еще до конца неосмысленные возможности, которые заключены в историческом и культурном наследии России. В долгосрочном стратегическом плане большую роль в этом может играть государственная система образования (при условии ее возвращения в русло отечественных образовательных стандартов и ценностей), а также опора на традиционные религиозные и культурные институты. Содержащиеся в российской культурной матрице ценности, по мнению Глазьева, содержат также благоприятные предпосылки для подъема инновационной активности и технологического скачка на новую длинную волну экономического роста в XXI веке³.

Сложная международная ситуация требует безотлагательных мер для оживления российской культурной матрицы. Представляется, что возвращение человеку понимания того, кто мы, куда и зачем идем, может осуществиться через пробуждение его цивилизационных кодов, которые будут способствовать духовно-нравственному оздоровлению как отдельного человека, так и государства в целом. Следует заметить, что понятие «цивилизационный код» вызывает различные нарекания из-за его политическо-идеологических ассоциаций с автаркией, «особым путем», «почвенничеством». Однако научное исследование этого понятия свидетельствует о том, что оно является базисным не только во многих отраслях научного знания, но и для всей научной парадигмы последних десятилетий. Как отмечает А.В. Щипков, «применение понятия “цивилизационный код” является достаточно продуктивным и в известном смысле более точным, чем более привычное – “культурно-исторические особенности”». Оно позволяет разложить разнообразный историко-культурный материал на удобные для анализа цепочки семантических последовательностей. Этот подход позволяет описывать не только устойчивые уровни содержания национальных, наднациональных, конфессиональных традиций и идентичностей, но и многие проявления культурной динамики – вплоть до различий эволюционных и революционных моделей развития»⁴.

¹ Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Из русской думы. – М., 1995. – Т. 1.

² Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – М., 1994.

³ Глазьев С. Образ общего будущего. – https://zavtra.ru/blogs/obras_obshego_budusshego

⁴ Щипков А.В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. – М., 2018. – № 7.

Важным научным подтверждением значимости цивилизационных кодов являются исследования академика Д. Ушакова, директора Института психологии РАН, который утверждает, что «через столетия жизнь предков сказывается на менталитете современных людей»¹. То есть речь идет по существу о цивилизационных кодах, хотя этот термин и не употребляется, но ученый придает большое значение менталитету именно как носителю цивилизационных кодов: «Менталитет упорен, и мы должны понимать, что у него есть собственные закономерности и, изменив экономику, мы не можем автоматически изменить менталитет»². Изучая взаимодействия менталитета и социально-экономических процессов, Д. Ушаков и его коллеги полагают, что «исследования в этой области в конце концов приведут к перевороту в сфере, которая называется “научное управление обществом”». Мы поймем, что для того, чтобы управлять обществом, нужно принимать во внимание сознание и менталитет людей»³.

Поэтому не случайно со стороны некоторых культурно-просветительных центров таких, например, как Изборский клуб, озабоченных судьбой российской цивилизации, предпринимаются попытки выделить цивилизационные коды российского общественного организма и даже сформировать их в виде некой таблицы, наподобие таблицы Менделеева. Смысл подобных попыток состоит в том, чтобы соединить разорванные, а порой конфликтующие между собой пласты национальной истории и национального сознания, сформировав тем самым национальную идентичность, о необходимости которой так много говорят. Для этого есть необходимые предпосылки, ибо сознание человека определяется не только положением в тот или иной момент истории, но и унаследованной от прошлых поколений системой кодов, составляющих ценностное ядро российской цивилизации, которое глубоко укоренено в сознании народа и является очень устойчивым.

Хотя цивилизационные коды существуют, как правило, в метафорическо-символическом виде, тем не менее, они обладают смысловой нагрузкой социальной направленности и скрывают в себе большой объем наследственной информации. Представляется, что создание такой таблицы могло бы исходить из довольно логичной мысли: если таблица Менделеева является расшифровкой становления физической реальности, а молекулярная генетика – биологической, то и социум, который является неотъемлемой частью природы, тоже должен иметь систему кодов, раскрывающей наследственную информацию, связанную с самосохранением, воспроизведением и развитием общества. Эта информация касается различных аспектов бытия – духовно-нравственных, политических, экономических. В процессе передачи наследственной информации от поколения к поколению происходит кодировка самосознания народа, и закладываются основы его миропонимания. Тем самым, таблица кодов может представлять собой своего рода идеологию, но с преобладанием иррационального элемента, апеллирующего к глубинам духа и самосознанию народа, и вместе с тем быть результатом рациональной деятельности.

Однако вопрос заключается в том, как возможно оживление кодов в условиях российской современности, создающей для этого много трудностей и препятствий. Так, например, код общинности, соборности ассоциируется сегодня больше с религиозным православным учением, и поэтому воспринимается современным секуляризированным сознанием как некий архаизм. И это не случайно: в «новой» России политическая сфера, экономика, культура и образование сформированы по западным лекалам и находятся под большим влиянием Запада. Поэтому термины, имеющие сугубо русское происхождение, порой не встречают должного понимания, что является одним из проявлений неосознанного космополитизма. Кроме того, ведется настойчивая и последовательная информационная война, имеющая своей конечной целью разрушение России. В действительности же вкладываемое в нее содержание в практическом плане более соответствует потребностям постиндустриального общества, чем культивируемый Западом эгоизм.

Таким образом, человечество в целом и Россия, в частности, находятся на переломном этапе в истории развития цивилизации. Ситуация достаточно драматичная в силу стоящих сложных проблем. Она таит в себе как большие риски, так и определенные возможности. Их решение пока только нащупывается, но ясно одно: они станут центральными для общественной мысли и политической практики будущих десятилетий.

¹ В научном управлении обществом произойдет переворот. – https://www.kommersant.ru/doc/451983?utm_referrer=https%3A%2F...

² Там же.

³ Там же.

Старовойтов В.Г.

д.э.н., директор Центра мониторинга и оценки экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ И РИСКИ ДЛЯ СТРАН ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: международная экономическая интеграция, Евразийский экономический союз ЕАЭС, Большое Евразийское партнерство, Большая Евразия, Астана клуб, рейтинг «Топ 10 рисков для Евразии».

Keywords: international economic integration, the Eurasian economic Union EEU, Greater Eurasian partnership, Greater Eurasia, Astana club, rating «Top 10 risks for Eurasia».

В последние десятилетия прослеживается усиление межстрановых центристических процессов в международных экономических отношениях. При этом интеграционные процессы, развернувшиеся практически во всех регионах мира, представляют собой качественно новую форму межгосударственного взаимодействия, которая характеризуется взаимовыгодностью, общей направленностью к возникновению межгосударственных и надгосударственных начал.

Международная экономическая интеграция — это достаточно высокая, эффективная и перспективная ступень развития мировой экономики, качественно новый и более сложный этап интернационализации хозяйственных связей. На этой ступени происходит не только сближение национальных экономик, но и обеспечивается совместное решение экономических задач¹.

На постсоветском пространстве уже несколько лет как создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС, до 2015 года ЕврАзЭС).

В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Армении.

Мегапроект «Большое евразийское партнерство» предусматривает на всем евразийском материке создание сети зон свободной торговли, межблоковых торгово-экономических партнерств и сопряжение региональных интеграционных процессов.

Идея создания Большого евразийского партнерства (БЕП) была сформулирована 3 декабря 2015 года, когда в Послании Президента России Федеральному Собранию была выдвинута инициатива о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН и ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС².

Вновь тему БЕП Владимир Путин актуализировал в ходе Санкт-Петербургского экономического форума в 2016 году. «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура», — объявил Путин. «Предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений», — перечислил он³.

На сегодняшний день, несмотря на незначительное снижение торгового оборота вследствие пандемии, Китай остается главным стратегическим и торговым партнером государств-членов ЕАЭС в Азии, занимая первое место во внешнеторговом обороте. В январе-августе 2020 года на Китай приходилось 20,1% внешнеторгового товарооборота ЕАЭС. С учетом падения деловой активности в мире вплоть до середины второго квартала текущего года, сокращение взаимного товарооборота между ЕАЭС и КНР на 6,3% можно считать незначительным.

Сопряжение ЕАЭС с Китаем, с одной стороны, и с Европой, с другой стороны, является ключевой идеей Большого Евразийского партнерства.

Современный мир требует координации усилий всех участников международных отношений. Только так можно дать ответ на глобальные вызовы, руководствуясь рациональными экономическими решениями.

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем — важное достижение для реализации стыковки китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС.

¹ <http://refleader.ru/jgeyfsqasyfsrna.html>

² <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542>

³ Там же.

Совместными усилиями сторон реализация соглашения создаст политическую среду для региональной экономической интеграции и сделает институциональные дивиденды ощутимыми для взаимовыгодного сотрудничества¹.

Российская Федерация заинтересована в развитии равноправного сотрудничества с зарубежными странами и является ответственным участником многосторонней торговой системы.

Вместе с тем, деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, которая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации, является для нее значимой глобальной угрозой².

Следует отметить, что одной из основных площадок по обсуждению актуальных вопросов безопасности и стратегического будущего новой формирующейся геополитической и геоэкономической реальности Большой Евразии стал Астана клуб. Как правило, в работе международных форумов Астана клуба принимают участие представители государственных структур, различных международных организаций, известные политики, дипломаты, ученые, бизнесмены, эксперты и др.

Так, в заседаниях пятого форума приняла участие многочисленная российская делегация. Из них, *в состав спикеров юбилейного форума вошли директор Российского института стратегических исследований Михаил Фрадков, Председатель Комитета Госдумы РФ, Председатель правления НКИ БРИКС Вячеслав Никонов, Главный экономист Евразийского фонда стабилизации и развития при ЕАБР Евгений Винокуров, Председатель наблюдательного совета Исследовательского института «Диалог цивилизаций» Владимир Якунин и Председатель Совета ПИР-Центра Евгений Бужинский.*

В рамках пяти сессий участники Клуба обсудили наиболее острые проблемные тренды в развитии мегаконтинента, наметили новые возможности для межрегионального сотрудничества, а также обозначили сценарии ближайшего будущего.

В концептуальном плане все дискуссии были сосредоточены вокруг главной темы: «Большая Евразия: на пути к новой архитектуре глобального сотрудничества». В условиях деградации и разрушения сложившихся прежде правил и институтов, были определены новые контуры миропорядка, в центре которого находится мегаконтинент Евразия, преобразующийся на наших глазах в единое взаимосвязанное целое. Этот аналитический продукт является результатом исследований Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при участии более 30 ведущих мировых экспертов на основе опроса более 1000 респондентов из 60 стран.

Вниманию участников и широкой общественности также было представлено второе издание рейтинга «Топ-10 рисков для Евразии 2020», автором которого является Институт мировой экономики и политики.

Топ-10 глобальных рисков Евразии в 2020 году

1. Афтершоки («повторный сейсмический толчок») от президентских выборов в США 2020 года
2. Глобальная экономическая рецессия
3. Эскалация противостояния США и Китая
4. Новый этап глобальной гонки вооружений
5. Обострение борьбы за технологическое доминирование
6. Военная кампания против Ирана
7. Ядерный кризис на Корейском полуострове
8. Новый всплеск терроризма
9. Волна агрессивного национализма и популизма
10. Масштабные проблемы из-за климатических изменений³

Представленные глобальные риски во многом совпадают с перечнем глобальных рисков от других аналитических структур, в частности Давосского экономического форума.

Как показала практика, форсайт-аналитика по глобальным рискам Евразии, представленная ИМЭП в первом выпуске рейтинга рисков за 2019 год, показала свою высокую востребованность среди экспертов и СМИ.

С большой уверенностью можно утверждать, что и Топ-10 глобальных рисков Евразии 2020 года привлечет к себе повышенное внимание специалистов и будет использован для решения существующих проблем и обеспечения развития мегаконтинента Евразия.

¹ <https://www.tks.ru/reviews/2020/10/28/01>

² Указ Президента РФ №208 от 13 мая 2017 года «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

³ <https://eurasiarisks2020.astanacub.kz/>

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Алиева Р.Р.

д.и.н., доцент Института экономики и торговли Таджикского государственного университета, г. Худжанд
rafoat50@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: русский язык, учебные программы, повышение квалификации, сотрудничество в гуманитарной сфере, культура, образование, духовные ценности.

Keywords: russian language, training programs, professional development, cooperation in the humanitarian sphere, culture, education, spiritual values.

Приобретение Таджикистаном статуса независимого государства стало новой точкой отсчета и для двусторонних таджикско-российских отношений. Характерной чертой этих отношений, основанных на принципах стратегического партнерства, является их многогранность. Они охватывают практически все ключевые сферы сотрудничества, в том числе и гуманитарную, которая занимает особое место в общей системе межгосударственных связей.

Совместное проживание на территории единого Союзного государства объединило наши государства в острых геополитических противостояниях XX века. Многие десятилетия жизни российского и таджикского народов в общем цивилизационном пространстве предопределили сохраняющиеся обширные гуманитарные связи.

Накоплен огромный положительный опыт взаимодействия в приумножении исторических традиций доброго общения между нашими странами и народами, создана соответствующая договорно-правовая база и сформированы действенные механизмы реализации такого сотрудничества. Сотрудничество, осуществляемое в этих областях в исследуемый период, было направлено, в первую очередь, на то, чтобы сохранить единое научно-культурное и образовательное пространство между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией.

Правовой основой российско-таджикского культурного сотрудничества является Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Российской Федерацией о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, информации, спорта и туризма от 10 мая 1995 г., а также Договор о союзническом взаимодействии между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией от 16 апреля 1999 года¹.

Одним из приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества остается укрепление позиций российско-го образования, продвижение российских образовательных услуг и расширение сотрудничества между образовательными учреждениями двух стран.

Примером сотрудничества наших стран в сфере образования является успешное открытие в Душанбе Российско-Таджикского (Славянского) университета, учредителями которого в 1997 году выступили Правительства Российской Федерации и Республики Таджикистан².

Сегодня Российско-Таджикский (Славянский) университет, подготавливает специалистов на пяти факультетах по 13 специальностям. Первоначально, профессорско-преподавательский состав этого вуза состоял всего из 76 преподавателей, а сейчас он насчитывает 449, из них 19 докторов наук с ученым званием профессора, 78 преподавателей имеют ученую степень кандидата наук и ученое звание доцента. Все они являются авторами учебников, монографий, методических пособий. С момента открытия университета, только за 1996–2016 годы университет выпустил 5449 специалистов, прекрасно владеющих не только своей профессией, но и в совершенстве знающих русский язык. В университете издается научный журнал «Вестник университета», на страницах которого со своими научными изысканиями выступают студенты и преподаватели³.

Российско-Таджикский (Славянский) Университет является центром притяжения русскоязычного населения, здесь обучаются юноши и девушки и из других стран Центрально-Азиатского региона и СНГ. На базе университета проводятся международные научные и практические конференции. Студенты университета участвуют в республиканских и международных олимпиадах, спартакиадах, семинарах. Все студенты РТСУ в совершенстве осваивают и таджикский язык.

¹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством РТ о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма (19.09.1995) // Бюллетень международных договоров. 1996. – № 6. – С. 31–36; Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республики Таджикистан, ориентированном в XXI век (16.04.1999) // Дипломатический вестник. 1999. – № 5. – С. 60–62.

² Саидов З. Внешняя политика Республики Таджикистан на современном этапе. – Душанбе, 2000. – С. 256.

³ Камолова М. Посол России: Наши народы прожили вместе полтора столетия и за это время обогатили друг друга // Народная газета. 2018. – 19 декабря.

жикский – государственный язык Республики Таджикистан. Русскоязычные студенты в университете составляют 50% от общего числа всех студентов.

С первых лет деятельности университета в рамках официальных визитов в Республику Таджикистан в гостях у студентов бывали многие ведущие политические и государственные деятели Российской Федерации: Е. Белов, Г. Селезнев, С. Миронов, Б. Грызлов и другие. Председатель Совета Федерации С.М. Миронов избран почетным доктором Российско-Таджикского (Славянского) университета¹.

Являясь крупным совместным образовательным проектом Российской Федерации и Республики Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет ныне стал одним из лучших образовательных учреждений Республики Таджикистан, научно-образовательным центром международного уровня, который вносит серьезный вклад в формирование единого евразийского образовательного пространства, сочетающего лучшие национальные традиции и принятые мировые стандарты. Ежегодно более 300 студентов получают диплом об окончании этого самого престижного в республике университета. Его выпускники успешно работают на государственной службе, в крупных отечественных и зарубежных компаниях, банках и других предприятиях. Они являются востребованными в различных международных организациях, за их счет постоянно подкрепляется кадровый потенциал таджикской дипломатии, науки и образования, других отраслей национальной экономики².

Фактором укрепления двустороннего сотрудничества на гуманитарном направлении в сфере образования являются также филиалы МГУ им. М.В. Ломоносова, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Московского энергетического института, которые действуют в Душанбе. Обучение в филиалах ведется по российским образовательным программам бакалавриата, обеспечивающим подготовку специалистов по наиболее востребованным специальностям. Создание филиалов российских вузов в Таджикистане широко востребовано и перспективно для молодежи Таджикистана.

Учебный процесс в таких университетах базируется на образовательных стандартах обоих государств – учредителей и предполагает принятие в рамках этих образовательных учреждений, общих для двух стран стандартов образования, единых процедур сертификации качества образовательных услуг, аудита процессов подготовки и аттестации профессиональных кадров, проведения квалификационных экзаменов, развития образовательной инфраструктуры, более свободного перемещения знаний и их носителей через границы государств – России и Таджикистана.

Успешно реализуются совместные российско-таджикские образовательные программы с участием ведущих российских вузов, в т.ч. Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Московского государственного университета культуры и искусств, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, РУДН и др. Развиваются прямые межвузовские контакты. Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ) сотрудничает с Московским государственным открытым педагогическим университетом им. М.А. Шолохова, Российским новым университетом, Саратовским госуниверситетом русского языка им. А.С. Пушкина, Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ), Кубанским госуниверситетом, госуниверситетами Астрахани, Башкирии, Волгограда и Оренбурга. Примером плодотворного сотрудничества является совместный проект по подготовке пособия по совершенствованию навыков общения на русском языке и повышению уровня культурно-языковой и социальной адаптации к проживанию на территории Российской Федерации. Большое внимание уделяется открытию центров изучения таджикского языка в вузах России (например, Центр изучения таджикского языка в МГЛУ).

Перспективной сферой сотрудничества остается взаимодействие в области аттестации научных кадров высшей квалификации, так как Таджикистан по-прежнему входит в юрисдикцию ВАК РФ³.

Важнейшим фактором расширения российского гуманитарного присутствия и сохранения национальной идентичности наших соотечественников в республике остается русский язык. Таджикистан является одной из тех стран, где русский язык не подвергся гонению, более того, его статус закреплён в Конституции республики как язык межнационального общения, и государственная политика направлена на расширение и улучшение изучения и преподавания русского языка⁴.

В условиях, когда интенсивнее стали развиваться политические, экономические и культурные связи Республики Таджикистан с другими зарубежными странами ближнего и дальнего зарубежья, нельзя обойтись без знания русского и других иностранных языков. Во всех странах СНГ народы поняли, что альтернативы русскому языку как общему средству межнационального общения и делового сотрудничества со всеми странами мира, а особенно со странами СНГ нет, и не может быть, хотя параллельно идет интенсивное изучение английского, китайского, арабского и других языков мира.

Русский язык как мировой язык широко используется руководителями нашего государства как на уровне обмена информацией через средства массовой информации, так и на уровне политических и научных форумов, совещаний, конференций, встреч, а также личных контактов. Все это, несомненно, способствует развитию многосторонних связей между отдельными независимыми государствами, интенсификации обмена научными, культурными и другими духовными ценностями, связывает нашу культуру с мировой.

¹ Россия-Таджикистан: 20 лет поступательного взаимодействия // Бизнес и политика. 2012. – 12 апреля.

² Выступление Президента на торжественном собрании по случаю 15-летия образования Российско-Таджикского Славянского университета // Народная газета. 2011. – 21 сентября.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (12.02.1997); Абдуллаев Р. Русский язык в национальных школах // Народная газета. 2012. – 24 октября.

⁴ Конституция РТ. Основы конституционного строя. – Душанбе: Ганч, 2016. – С. 71.

Однако в республике в связи с интенсивным оттоком русскоязычного населения с начала 90-х годов, сокращением объема часов в программах средних общеобразовательных школ по русскому языку и литературе, отсутствием возможности общения на русском языке (особенно в сельской местности), знание русского языка значительно ослабло. Раньше часть этих проблем в образовании в определенной степени успешно решалась службой в рядах Вооруженных сил, когда за два года несения воинской службы можно было научиться хорошо говорить по-русски, приобрести в учебных центрах войсковых частей (на русском языке) специальность, которая могла пригодиться и в гражданской жизни после демобилизации. Это касалось тех, у кого не было ранее навыков и возможностей общения, не считая уроков русского языка и литературы в школе.

В условиях изменившейся языковой ситуации в 1991–2000 гг. резко снизился интерес обучаемых к русскому языку как учебному предмету в общеобразовательных школах и вузах. С сокращением речевой среды на русском языке у учащихся исчезла объективная потребность в русскоязычном общении, мотивировавшая прежде учебную деятельность. Деление классов на уроках русского языка, что всегда было обязательным при изучении неродных языков было отменено в годы гражданского противостояния (1995) с мотивировкой «в связи с социальной нестабильностью». Кроме того, из учебного плана средних школ, где русский язык изучается как неродной, были изъяты уроки русской литературы, что очень обеднило содержание обучения. В результате кардинального изменения статуса русского и таджикского языков, уровень практического владения русским языком даже у городских учителей резко снизился¹. Интерес к русскому языку в республике стал неуклонно повышаться лишь на рубеже веков, когда отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией приобрели реальные формы. Правительство и Минобразования Республики Таджикистан с этого времени стали придавать задачам освоения русского языка и сохранения позиций русского языка в образовательной сфере приоритетное значение, во всех таджикских школах введено его обязательное изучение.

Интерес к русскому языку возрос и у молодежи республики, которая стала связывать перспективу своей дальнейшей жизни с возможностью получить образование и работу в России, для которых необходимо знание русского языка, который не препятствует развитию государственного языка, а наоборот, помогает его развитию, связывает нашу культуру с мировой.

Русский язык становится не только языком международного и межнационального общения, но и фактором, стабилизирующим этносоциальные взаимосвязи и укрепляющим сотрудничество между народами. Повышенный интерес к русскому и другим языкам четко виден в опросе, проведенном известным ученым Республики Таджикистан А.Х. Пулатовым, согласно его результатам 62% респондентов, участвовавших в массовом опросе, сообщили, что любят говорить на русском языке. В полученных ответах на вопрос: На каких языках Вы читаете газеты, журналы и книги? – 64% респондентов ответили, что читают на русском языке и 37% – на таджикском. На вопрос: Как Вы оцениваете принятие русского языка в качестве государственного? положительно ответили 35% таджиков².

Углубление образовательно-воспитательных функций русского языка в современных условиях определило повышенное внимание государства и педагогической общественности нашей республики к проблемам совершенствования форм изучения и обучения русскому языку.

Новый импульс усилению роли русского языка как языка межнационального общения дает Указ Президента республики от 4 апреля 2003 года «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан»³. В данном постановлении подчеркнута особая роль изучения двух языков – русского и английского, поскольку общий фонд духовных, экономических, политических, социальных, нравственных и других ценностей формируется в процессе сближения национальных культур, их влияния и взаимообогащения.

Согласно указу, Правительство Республики Таджикистан приняло государственную программу «О совершенствовании преподавания и обучения русского языка в Республике Таджикистан на 2004–2014 гг.» Данная программа была направлена на расширение и улучшение изучения и преподавания русского языка, а также на подготовку специалистов для средних и высших школ, переводчиков, издание словарей, разговорников, программ и учебников, методических рекомендаций на русском и английском языках. Предусматривались также совершенствование профессиональной подготовки учителей названных предметов и организация Ученого Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности: «Методика преподавания русского языка» – 13.00.02.

В рамках этой программы в большинстве вузов страны были проведены круглые столы, семинары, дискуссионные клубы по научным и историческим вопросам, по проблемам изучения и преподавания русского языка в Таджикистане.

Закономерности усвоения русского языка как неродного, методические и психолингвистические особенности этого процесса, стали предметом обсуждения и среди учителей школ и преподавателей национальных вузов республики. Так, преподаватели кафедры русского языка и литературы Российского-Таджикского (Славянского) университета, в полной мере осознавая трудности, переживаемые современной таджикской школой в изучении русского языка, отсутствие учебников, программ, дополнительных дидактических материалов, всегда старались оказать эффективную помощь учителям республики, в первую очередь учителям русского языка школ г. Душанбе. Усилиями преподавателей этого Университета были разработаны учебники, методические рекомендации и пособия по совершенствованию преподавания русского языка в школах с таджикским языком обучения. Преподаватели Таджикско-Российского уни-

¹ Абдуллаев Р. Русский язык в национальных школах // Народная газета. 2012. – 24 октября.

² Пулатов А.Х. Этносоциальные отношения в Центральной Азии. – Худжанд, 2004. – С. 205.

³ Указ Президента Республики «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» // Народная газета. 2003. – 9 апреля.

верситета, часто выступали с лекциями перед городскими и сельскими учителями, а также принимали участие в организации и проведении школьных и вузовских олимпиад по русскому языку¹.

На основе рекомендаций преподавателей кафедры русского языка и общего языкознания РТСУ при Институте повышения квалификации Министерства образования Республики Таджикистан ежегодно стали проводить краткосрочные курсы по повышению знаний и навыков в преподавании русского языка для учителей национальных школ республики. По окончании курсов слушателям выдают сертификат. Позднее на базе этих курсов был открыт Институт повышения квалификации учителей русского языка и литературы средних школ Таджикистана².

Действенную помощь в решении названных проблем в области пропаганды и обучения русскому языку оказывают не только Российско-Таджикский (Славянский) университет, но и Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова, Кулябский государственный университет и другие высшие учебные заведения страны.

Следует отметить, что в республике в результате миграционных процессов, резкого уменьшения русскоязычной речевой среды, кардинального изменения статуса русского и таджикского языков, уровень практического владения русским языком даже у городских учителей резко снизился. В сельских школах кадровые проблемы еще сложнее: здесь все чаще преподают русский язык или вчерашние выпускники школы, или учителя с огромным стажем, давно не проходившие повышения профессиональной квалификации; встречаются учителя с высшим и средним образованием другого профиля, даже не педагогического.

Прояснили ситуацию со знанием русского языка в республике и научные социологические исследования, проводимые деканом филологического факультета РТСУ доцентом Х.Д. Шамбезода. Его исследованиями установлено, что таджикско-русское двуязычие как владение таджикским (родным) и русским (неродным) языками резко уменьшилось, выросло русско-таджикское двуязычие, то есть количество русских людей, применяющих в социальной сфере общения таджикский язык. Резкое сокращение общения на русском языке среди детей и подростков отрицательно сказалось на формировании практических коммуникативных навыков у таджикских школьников и студентов – на умении говорить по-русски и понимать русскую речь со слуха. Соответственно, в условиях отсутствия русской речевой среды падает эффективность обучения языку в средней школе и вузе³.

В настоящее время в Таджикистане наблюдается повышенный интерес к его изучению. В 2015 году Правительство страны приняло новую шестилетнюю Программу по изучению и преподаванию русского языка. На основе Государственной программы русский язык в сфере образования Таджикистана используется во всех учебных заведениях, реализующих программы дошкольного, среднего, высшего профессионального и послевузовского образования. В общеобразовательных школах Таджикистана изучение русского языка начинается со 2 класса. Количество уроков русского языка несколько увеличилось, и составляет во II–V и IX и XI – 4 урока в неделю. Это больше, чем в Узбекистане и Туркмении. Каждый вторник в школах является днем русского языка. Во многих дошкольных учреждениях воспитательный процесс осуществляется на русском языке⁴.

В шести вузах Таджикистана функционируют факультеты русской филологии, где обучаются более четырех тысяч будущих преподавателей русского языка и литературы, а число групп с русским языком обучения составляет более трех тысяч, в которых обучаются более тридцати одной тысячи студентов. В неязыковых группах высших учебных заведений обучение русскому языку продолжается в течение 3–4 семестров⁵.

По данным Минобразования РТ, в стране действуют 17 средних школ с русским языком обучения, а в 166 школах русский используется наряду с таджикским языком⁶. В Республике Таджикистан действует пять российских средних школ: три школы Министерства обороны России в Душанбе, Курган-Тюбе и Кулябе, школа при РТСУ и филиал СШ № 83 г. Ногинска Московской области в г. Нуреке, а также СШ № 13 в г. Худжанде Согдийской области. В двадцати семи школах, в том числе в школе при Российско-Таджикском (Славянском) университете, а также в более ста тридцати классах при общеобразовательных учреждениях страны обучение полностью ведется на русском языке⁷.

В школах «русские» классы и группы в дошкольных учреждениях переполнены по причине высокой востребованности. Неуклонно растет спрос на школы с обучением на русском языке, на новые современные учебники, наглядные и учебно-методические пособия, мультимедийные средства обучения. О возросшем интересе к изучению русского языка говорит и тот факт, что дети в 2018 году в школу поступали по конкурсу, который насчитывал 40 человек на одно место.

Российская сторона всемерно содействует изучению русского языка в средних общеобразовательных школах и вузах РТ. Регулярно на повышение квалификации в ведущие вузы России направляются таджикские преподаватели русского языка, осуществляется обмен научными и учебно-методическими материалами, студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и научно-педагогическими работниками.

¹ Гусейнова Т. О позициях русского языка в образовательной сфере // Народная газета. 2014. – 18 августа.

² Огромный интерес к русскому языку // Минбари халк. 2008. – 30 ноября.

³ Сафарова Р.С. Некоторые актуальные проблемы функционирования языков в условиях многоязычия суверенного Таджикистана // Русский язык и литература в школах Таджикистана. – Душанбе, 2011. – № 2. – С. 17.

⁴ Кадыров К.Б., Кодирова Б.А. Интерес к изучению русского языка в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. – № 3/3. – С. 182.

⁵ Там же.

⁶ Речь Президента РТ Эмомали Рахмона на церемонии вручения Почетного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Дипломатия Таджикистана. Ежегодник. – Душанбе: УИ МИД РТ, 2009. – С. 305.

⁷ Абдуллаев Р. Русский язык в национальных школах // Народная газета. 2012. – 24 октября.

Повышение информативно-коммуникативной роли русского языка, поддерживается не только миграционными связями с Россией и стремлением нашей молодежи к повышению образовательного и культурного уровня, но и необходимостью использования русского языка в межнациональном общении, управлении государством и экономикой. На русском языке, начиная с середины первого десятилетия, осуществляются устные и письменные коммуникации, проводятся социокультурные мероприятия, выпускается русскоязычная литература. Русский язык наряду с таджикским является рабочим языком на международных, межвузовских научно-теоретических и практических конференциях. Акты Президента и Правительства Республики Таджикистан принимаются на таджикском и русском языках. Русский язык и его изучение стало играть значительную роль в формировании политической культуры, сознания и мировоззрения граждан Таджикистана также благодаря оперативному освещению фактов и событий современной действительности.

Русскоязычная речевая среда в Таджикистане поддерживается и другими факторами. Издаются десятки газет и журналов на русском языке: «Народная газета», «Азия – Плюс», «Аргументы и факты в Таджикистане», «Дайджест – пресс», «Вечерка», «Аладдин» для детей и др. Литературный журнал «Памир», научный журнал «Известия Академии наук ТР» и научные журналы при каждом крупном вузе для публикации результатов научных исследований и научно-методический журнал для учителей русского языка «Русский язык и литература в школах Таджикистана», также издаются на русском языке.

Несмотря на попытки со стороны властей в 90-х годах сократить эфирное вещание на русском языке российское телевидение в РТ легкодоступно через кабельные сети. Российские телепередачи пользуются большой популярностью благодаря высокой доле в них развлекательных программ и сравнительно высокому их качеству. В FM-радиопрограммах доминирует российская музыка, чрезвычайно популярны и российские фильмы на DVD. Российская продукция, в отличие от западных аналогов, ориентируется на культурные привычки населения, сложившиеся в советскую эпоху¹.

В Таджикистане есть возможность смотреть каналы российского телевидения. В 2003 г. на основе принятого Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке и условиях приема и распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Республики Таджикистан (16.04.1999)², была построена телевизионная передающая станция, наличие которой позволило транслировать ежедневно на всю территорию республики 2 программы российского телевидения с раннего утра до позднего вечера. Таджикское телевидение также имеет 2 канала, где на русском языке показывают «Новости», художественные, публицистические и документальные фильмы.

Вещание государственного радиоканала «Голос Душанбе» на русском языке осуществляется ежедневно, причем каждый час выходит выпуск новостей. В рамках русскоязычного вещания данного радиоканала раз в неделю по вторникам в 11.00 выходит еженедельная получасовая передача «Россия – Таджикистан: мост дружбы». Есть еще две программы на радио: «Радио Таджикистана» и «Русское радио – Ориент», вещание которых ведется на русском языке.

Что касается удельного веса информации 10 национальных агентств и центров РТ «Ховар», «Азия – Плюс», «Вароруд», «Инфоркон», «Авеста» и др., то можно отметить, что только за первое полугодие 2019 г. из 3969 информационных материалов, опубликованных центральным государственным информационным органом РТ «Ховар», 1400 было подготовлено на русском языке, а остальные после подготовки на других языках были переведены на русский язык, 12 республиканских газет имеют сайты на русском языке³.

В республике в русском драматическом театре им. В.В. Маяковского, Государственном академическом театре оперы и балета им. С. Айни, а также в республиканском театре кукол спектакли ставят на русском языке.

Российская сторона всемерно содействует изучению русского языка в средних общеобразовательных школах и вузах РТ. Регулярно на повышение квалификации в ведущие вузы России направляются таджикские преподаватели русского языка, осуществляется обмен научными и учебно-методическими материалами, студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и научно-педагогическими работниками. Университетам, колледжам, лицеям, гимназиям, общеобразовательным школам на постоянной основе оказывается помощь в предоставлении учебно-методической и справочной литературы, наглядных пособий по русскому языку и литературе.

В Таджикистане 2007, 2012 и 2015 годы были объявлены Международным Годом Русского языка. В его рамках в областных центрах и городах республики на высоком уровне проводились десятки мероприятий по пропаганде русского языка на всех уровнях образовательной системы. Проводились праздники русского языка, конкурсы, Недели, Декады русского языка, конференции и т.д. которые свидетельствуют о том, что народ Таджикистана проявляет заинтересованность в изучении русского языка и русской культуры.

Так, в рамках года русского языка в Худжандском государственном университете им. академика Б. Гафурова в декабре 2018 года была проведена Неделя русского языка под девизом «Русский язык – язык мира, дружбы и сотрудничества», а также конференции и фестиваль русской песни под девизом «Вера. Надежда. Любовь»⁴.

¹ Расулов Г. Таджикистан: активизация международных отношений // Экономика Таджикистана: Стратегия развития. – Душанбе, 2004. – № 4. – С. 129–130.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке и условиях приема и распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Республики Таджикистан (16.04.1999) // Дипломатический вестник. 1999. – № 5. – С. 70–72.

³ Камолова М. Посол России: Наши народы прожили вместе полтора столетия и за это время обогатили друг друга // Народная газета. 2018. – 19 декабря.

⁴ Русский язык и его благородная миссия // Согдийская правда. 2018. – 5 января.

Укрепление позиций русского языка происходит также в результате реализации совместных культурологических и других проектов, проведения масштабных образовательных, научно-методических и культурно-просветительских мероприятий, направленных на пропаганду русского языка. Среди них викторины, конкурсы и радиопрограммы по русскому языку в эфире, олимпиады для школьников, праздники, образовательные и книжные выставки, а также создание совместных российско-таджикских авторских коллективов для подготовки и издания учебников и учебно-методических пособий нового поколения по русскому языку и литературе.

Русский культурный центр «Надежда», созданный в 1990 году на базе ассоциации учителей школ г. Ходжента Согдийской области, стал инициатором множества мероприятий по сплочению русскоязычного населения г. Худжанда и Согдийской области.

Так, в июле 2014 года, 30 школьников, в возрасте от 14 до 17 лет, победители республиканских и международных олимпиад и творческих конкурсов на знание русского языка, истории и культуры России совершили 10-дневную поездку по «Золотому кольцу» России, маршрут: Москва, Санкт-Петербург – Великий Новгород – Пушкинские горы – Псков – Москва. Для старшеклассников, учащихся школ и классов с русским языком обучения из различных регионов Таджикистана была предусмотрена обширная экскурсионная программа – посещение музеев, памятников архитектуры и исторических мест¹.

Благодаря огромным усилиям посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан ежегодно из Российской Федерации в общеобразовательные учреждения с русским языком обучения и библиотеки РТ поставляются комплекты учебной литературы и мультимедийных издания, а также около полумиллиона экземпляров учебников и художественной литературы. В рамках федеральной целевой программы «Русский язык», реализуемой Министерством образования и науки Российской Федерации, Министерству образования Таджикистана в 2015 году было передано 56 комплектов современных компьютеров и мультимедийных проекторов. В 2016 году школам и классам с обучением на русском языке, а также библиотекам республики передано свыше 60 тыс. экз. учебников, учебных пособий и художественной литературы на русском языке. В 2017 года фондом «Русский мир» Россотрудничества в Республике Таджикистан факультетам русской филологии вузов республики были переданы учебники, учебные видеоролики, диски с художественными фильмами по одноименным произведениям русских поэтов и писателей².

Так, Посольство России в Таджикистане в 2014 году передало только хукумату Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) 5727 экземпляров учебно-методической и художественной литературы на сумму более 1 миллиона рублей. Данная литература передана на безвозмездной основе для дальнейшего распределения среди общеобразовательных школ ГБАО³.

Образовательным учреждениям Таджикистана – университетам, колледжам, лицеям, гимназиям, а также общеобразовательным школам оказывается постоянная помощь в обеспечении их учебно-методической и справочной литературой, наглядными пособиями по русскому языку. Оказывается значимая поддержка факультетам русского языка и литературы в ТГНУ и РТСУ⁴.

В реализации программы принимают участие АНО «Русская гуманитарная миссия» (932 538 экз.), фонд «Русский мир» (20 000 экз.) и Россотрудничество (10 000 экз.). В августе 2015 года при содействии «Русского центра» Таджикского национального университета и Министерства образования и науки Республики Таджикистан 32 538 учебников (10,38 тонн) учебников были переданы в лицей Таджикского национального университета, школу № 21 Шахринавского района, в школы № 1 и № 3 г. Вахдат, школы № 2 и № 11 Курган-Тюбе, а также в школу № 75 г. Турсунзаде, где преподавание ведется на русском языке⁵.

Всего, за последние десять лет Россия безвозмездно предоставила более миллиона экземпляров учебников, учебных пособий и художественной литературы для школ и библиотек Таджикистана⁶.

Взаимообогащению двусторонних отношений способствует деятельность Русского центра Фонда «Русский мир». Следует отметить, что Русский центр фонда «Русский мир», учрежденный указом Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 г., реализует проект по созданию сети русских центров, деятельность которых направлена на сохранение и популяризацию русского языка и российской культуры. С идеей создания фонда с целью повышения роли русского языка, одного из ведущих в мире выступили многие российские ученые. Были определены главные задачи новой организации – не только развитие русского языка в России, но и всемерная поддержка его развития и изучения в других странах. Учредителями фонда как некоммерческой организации стали МИД и Министерство образования и науки России. Финансируется он из бюджета, а также из средств общественных организаций, компаний, частных лиц.

Особое значение фонд «Русский мир» придает созданию русских центров в странах Содружества, в других государствах мира, на всех континентах. В ряде государств уже открыты русские центры. Отрадно, что первые такие центры созданы и в Республике Таджикистан.

В июне 2008 года в столице РТ – Душанбе состоялось открытие первого Русского центра Фонда «Русский мир» на базе Таджикского государственного института языков с участием руководителя Фонда «Русский мир» Н. Никонова⁷.

¹ Маннонов Б. Москва ждет школьников на отдых // Ленинабадская правда. 2014. – 28 июля.

² Маннонов Б. Россия экспортирует образование в СНГ // Ленинабадская правда. 2017. – 19 ноября.

³ ИБ Дипломатия Таджикистана. 2016. – №16. – С. 75.

⁴ Лякин-Фролов И. Россия никогда не оставит братский таджикский народ // Согдийская правда. 2014. – 4 января.

⁵ Россия привезет в Таджикистан учебники и пособия на русском языке // Народная газета. 2017. – 30 августа.

⁶ Лякин-Фролов И. Россия никогда не оставит братский таджикский народ // Согдийская правда. 2014. – 4 января.

⁷ Сулейманов Э. Сотрудничество Республики Таджикистан с Российской Федерацией // Согдийская правда. 2011. – 11 июня.

В рамках III Форума творческой и научной интеллигенции стран СНГ в Душанбе в сентябре 2008 г. состоялось открытие второго Русского центра Фонда «Русский мир» в Российско-Таджикском (Славянском) университете и третьего в государственном педуниверситете им. С. Айни, который стал очень популярным у студентов и преподавателей этого старейшего вуза республики.

В церемонии открытия центров Фонда «Русский мир» приняли участие представитель Президента РФ по вопросам гуманитарного сотрудничества с государствами-участниками СНГ Д. Полпыева, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в РТ Р. Абдулатипов, Ректор РТСУ М. Имомов, Ректор МГУ В. Садовничий¹.

В новом, прекрасно оборудованном центре «Русский мир» РТСУ, который является самым большим на всем пространстве СНГ, (общая площадь 200 кв. м), отремонтированного на средства фонда, созданы все условия для занятий по изучению русского языка и русской литературы, истории, достижений России во всех областях культуры. В библиотеке центра с уютным читальным залом более тысячи изданных российскими издательствами книг по различной тематике: художественная литература, учебники, словари, атласы, методические пособия. Есть кинозал с новейшей аппаратурой, с новыми кинофильмами, с аудио и видеокассетами. С их помощью можно отправиться на экскурсию в Эрмитаж, Русский музей, в Музей изобразительного искусства им. А.С. Пушкина, побывать в древних городах России. Оборудован компьютерный класс с выходом в Интернет для бесплатного обучения студентов и преподавателей.

В Русских центрах есть все возможности для изучения русского языка, литературы, приобщения к сокровищам русской культуры. Отныне возможностями русских центров могут бесплатно пользоваться студенты и преподаватели, а также все, кто интересуется русским языком, культурой, историей, и наукой России. Фонд «Русский мир» будет обеспечивать пользователей центра бесплатным доступом к электронным версиям центральных российских СМИ.

Целесообразно отметить, что в Таджикистане функционируют центры по интенсивному изучению русского языка, организованные национальными кадрами. Решению многих проблем в области развития и совершенствования преподавания русского языка в Таджикистане способствует деятельность созданного в сентябре 2011 года Учебно-методического центра русского языка (УМЦ РЯ) в РЦНК и Института повышения квалификации учителей (ИПК) при Российско-таджикском (Славянском) Университете.

Сотрудничество между Таджикистаном и Россией в сфере культуры, науки и образования выходит на новый качественный уровень. Это сотрудничество направлено на сохранение единого научно-образовательного и культурно-гуманитарного пространства между Россией и Таджикистаном.

Есть все условия, включая политическую волю руководства двух стран, чтобы придать этой тенденции стабильный и необратимый характер. Развитие сотрудничества в гуманитарной сфере, несомненно, будет способствовать укреплению дружбы наших народов, взаимообогащению культур и явится важным фактором укрепления международного сотрудничества.

¹ Камолова М. Посол России: Наши народы прожили вместе полтора столетия и за это время обогатили друг друга // Народная газета. 2018. – 19 декабря.

Бройде З.С.

к.т.н., с.н.с., директор Гос. НТЦ «Экоресурс», Черновцы
zinoviy.broyde@gmail.com

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЕ ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПАНЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПО ПРИНЦИПАМ ЗЕЛЕННОГО РОСТА И ЕВРОПЕЙСКОГО ЗЕЛЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ

Ключевые слова: посткризисные технологические решения, Паневразия регионов, Европейское Зеленое соглашение, территориально-отраслевая Циркулирующая экономика, транстерриториальное сотрудничество, материально-энергетический баланс жизненных циклов продукции, товаров и услуг, лучшие доступные технологии (BAT), устойчивое Паневразийское развитие.

Keywords: post-crisis technologic solutions, Pan-Eurasia of Regions, European Green Deal, territorial-sectorial Circulating Economy, Trans-territorial cooperation, Material-Energy Balance of Production, Goods & Services Life Cycles, Best Available Technique (BAT), Sustainable Pan-Eurasian Development.

Пандемический кризис и необходимость разработки стратегий посткризисного развития меняют видение многих актуальных проблем – от глобальных до индивидуально-личностных. Это уже коснулось базовых для демократического общества свобод перемещения людей, товаров, услуг, капиталов и информации. Также становится очевидной необходимость разворота массового сознания от «демократического контроля», окончательно заикливающегося на выборах кампаниях и правах меньшинств, к насущности не менее важного «демократического осознания» вызовов реальности. Нарастающие противоречия естественных и выдуманных материально-энергетических и информационных потребностей, с одной стороны, и ресурсно-экономических и эко-безопасностных ограничений природного и антропогенного характера, с другой, требуют пересмотра устоявшихся взглядов для эффективного и безопасного использования доступных ресурсов и возможностей¹.

В предыдущих работах² основное внимание уделялось внутреннему и трансграничному взаимодействию регионов, муниципалитетов и общин как основной составляющей их территориального развития и безопасности. Однако сегодняшние проблемы требуют более глубокого анализа, учитывающего особенности антропоцентрического восприятия окружающего нас мира.

В языке оригинала Библии такому восприятию отвечает понятие סביבה – «свива», означающее внешнее окружение – от свивальника младенца до окружающей среды (тот же корень у слов обстоятельство, причина, вихрь, вращение). Его греческий аналог οἶκος – «ойкос» объединяет «дом» и «ойкумену» – вселенную, с чем соотносятся знания о хозяйствовании – «экономика», об окружающей среде и биоценозах – «экология» и о бережном отношении к ресурсам – «экономика».

В этом контексте разработка/обновление и применение технологий как целенаправленное преобразование человеческих, энергетических, материальных, биологических, информационных и иных природных и антропогенных ресурсов, является главным механизмом взаимодействия человека с различными объектами природно-антропогенной окружающей среды. При этом происходит перманентное изменение «суммы технологий» в каждом конкретном отраслевом (секторальном) и пространственно-территориальном страте. Для системного анализа совокупности этих факторов – от ближайшего окружения человека до глобального уровня³ все шире используются соответствующие геопространственные данные и информационные системы (ГИС).

¹ Бройде З. Возможности оценки техногенно-экологических аспектов безопасности на уровне отраслей, регионов и в межгосударственных отношениях // Пограничные районы на постсоветском пространстве: нетрадиционные аспекты безопасности / Фонд Макаруров. – Киев, 1997. – С. 89–99. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Safety%201996.pdf>

² Бройде З. Механизм трансграничного сотрудничества в Карпатском регионе // Транскордонні території України (Проблеми розвитку). – Київ: Держбуд України, 1999. – С. 152–159. – <http://ukros.ru/archives/4125>; Бройде З., Беспалов Ю. Общие проблемы устойчивого пространственного развития и пути их решения в контексте экономического интегрирования Украины, России, Беларуси и расширения ЕС // Тез. докл. на II Международном экономическом форуме (Белгород, 2003 г.). – <http://ukros.ru/archives/4153>; Бройде З. Чернівці на шляху від унікального минулого до «Широї Європи Регіонів» // Чернівці в контексті урбаністичних процесів XVIII–XX ст. – Чернівці: Зелена Буковина, 2008. – С. 222–236. http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/On_way_to_Wider_Europe_of_Regions.pdf; SWOT 1: Analysis and Planning for Cross-border Co-operation in Central European Countries // Institute of International Sociology of Gorizia (ISIG) / Council of Europe. 2009. – <http://isig.it/wp-content/uploads/2012/11/SWOT-1-Analysis-and-Planning-for-Cross-border-Co-operation-in-Central-European-Countries-2010.pdf>; Transfrontier Dimension of the Ukrainian Regional Policy // Proceedings of EU Open Days 2010. – Brussels, 2010. – P. 65. – http://www.eurosfair.prdd.fr/7pc/doc/1303887075_proceedings_opendays_2010.pdf; Бройде З. Паневразия регионов – Буковинский кластер. – Черновцы, 2013. – <http://ukros.ru/archives/4395>

³ <http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/Scope%20of%20Transfrontier%20Cooperation.pps>

Исходя из такого восприятия¹, в статье рассмотрены приоритеты и задачи Европейского Зеленого Соглашения, одобренного Еврокомиссией и Европарламентом 11–12 декабря 2019 года в развитие инициированного ОЭСР в 2009 году «Зеленого роста». На Всемирном форуме «Давос-2013» стоимость необходимой для этого «Зеленой инфраструктуры» была оценена в \$4 триллиона. Изначально «запуск» Зеленого соглашения был назначен ЕС на март 2020 года с инвестированием более €1 триллиона для превращения до 2050 года в экологически-нейтральный континент не только ЕС, а всей Европы, которая простирается до Урала и Кавказа. Главным показателем определена минимизация выбросов парниковых газов согласно Парижскому протоколу, подписанному в 2015 году для реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятой на «Саммите Земли» Рио-92. Нисколько не умаляя важности выполнения этой задачи, следует, все же, констатировать, что сокращение выбросов парниковых газов и адаптация к изменениям климата смягчают, но не решают неблагоприятные для человечества проблемы, для чего эти задания должны быть дополнены более синергетичными технологическими подходами².

Нарастание кризиса, спровоцированного пандемией, и плюрализм взглядов на посткризисное развитие привели к интегрированию Зеленого соглашения в новые парадигмы ЕС: «Next Generation – Следующее поколение» и «Just Transition – Справедливый переход» (что можно перевести и как «Немедленный переход») для регионов и городов. Приоритеты Зеленого соглашения предусматривают ориентирование во внутренней и внешней политике ЕС на декарбонизацию энергетики, перевод основных грузопассажирских транспортных потоков с автодорог на железнодорожные и водные сообщения и ряд других подходов, основанных на «Circular Economy». Как будет показано далее, это понятие следует воспринимать как «Циркулирующую экономику» и как реальный механизм выполнения Зеленого соглашения.

Официально данный подход был инициирован Законом ФРГ о циклической экономике и отходах «Kreislaufwirtschafts- und Abfallgesetzes, KrW-/AbfG», принятым 27.09.1994 в соответствии с главой 34, раздела 4 «Повестки дня XXI», также одобренной Саммитом Рио-92. Формирование такого емкого понятия имеет длительную практическую, научную и нормативно-правовую предысторию, так же как его осознание и воплощение в последние десятилетия.

Ретроспектива. Следование природным безотходным процессам, с замыканием циклов обращения продуктов человеческой деятельности, природных явлений и жизнедеятельности человека и животных, реализуется с древнейших времен как, например, использование разливов Нила или ирригация в Азии. Примерами также могут служить применение для стирки (вместо нынешних поверхностно-активных моющих веществ) смеси урины с вулканическим пеплом, а также уринотерапия. Агросфера и связанные с ней уклады жизни донныне сохраняют элементы природного кругообмена, например, при компостировании, использовании отходов земледелия и животноводства в строительстве, равно как и кондиционирование итальянскими разработчиками свиных фекалий для повторной утилизации неусвоенной органики.

Научная основа, необходимая для понимания сущности Циркулирующей экономики, была заложена в XIX веке формированием понятий:

а) экологии (Э. Геккель 1866 г.) и биоценоза (К. Мебиус, 1877 г.);

б) феноменологической термодинамики с определением равновесных состояний гетерогенных систем по экстремумам их термодинамических потенциалов (П. Дюгем и Д. Гиббс, 1880-е гг.).

Потребовалось столетие для появления понятия «биогеоценоз» и математического аппарата с компьютерным обеспечением и техническими возможностями сбора и обработки информации, необходимой для изучения и моделирования процессов Циркулирующей экономики по территориально-отраслевому принципу. В научно-производственной сфере примером перехода от линейных решений к системным (по определению Еврокомиссии³) может служить замена первоначальных расчетов и сопоставления отдельных химических реакций (на основе которых в XIX–XX вв. создавались нынешняя химическая промышленность и ряд других отраслей) непосредственным моделированием химико-технологических процессов, в частности, химико-термической обработки (ХТО)⁴. Так, компьютерный термодинамический анализ выявляет равновесные (квазиравновесные) состояния в процессах ХТО и последующей эксплуатации композиционных материалов⁵ вместо традиционного полуэмпирического – полурасчетного подбора компонентов и режимов поверхностного упрочнения⁶. Это принципиально меняет весь научно→производственно→эксплуатационно→утилизационный жизненный цикл продукции, товаров и услуг. Теперь целенаправленная оптимизация позволяет разрабатывать все более «замкнутые» технологические решения, в частности:

¹ Бройде З. Территориальные аспекты национального развития: от локального до глобального уровня // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14, ч. 2. – М., 2019. – С. 15–21. – <http://ukros.ru/archives/20804>

² Broyde Z. Technological Dynamic Synergy with Climate Change in Carpathian Area of EU Macroregional Strategies // Presentation on III Meeting of the Carpathian Convention Working Group on Adaptation to Climate Change 13.03.2014 in Vienna. – <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-124/events/third-meeting-of-the-carpathian-convention-working-group-on-adaptation-to-climate-change.html>

³ Demonstration of systemic solutions for the territorial deployment of the circular economy. – https://ec.europa.eu/info/files/circular-economy-11_en

⁴ Broyde Z., Turov V. Use of computer for automated thermodynamic calculation of chemicothermal treatment processes // Metal Science and Heat Treatment. 1984. – Vol. 26, N 1. – P. 9. – <https://link.springer.com/article/10.1007/BF00712857>

⁵ Badrak S., Broyde Z., Turov V. Thermodynamic analysis of the siliconization of iron alloys // Sov. Powder Metallurg. Met. Ceram. 1983. – Oct. 22 (10). – P. 861. – <https://link.springer.com/article/10.1007/BF00790869>

⁶ Бройде З. и др. Силицирование сталей с использованием хлоридов железа // Тез. докл. III Всес. межвуз. конф. по проблемам ХТО металлов и сплавов. – Минск, 1977. – С. 91. – https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/09/369/9369849.pdf

- выявлять среди промышленных и коммунальных отходов новые ингредиенты ХТО, которые более эффективны, чем традиционно используемые компоненты¹;
- замыкать газо-энергетические потоки в процессах с «кипящим слоем»²;
- объединять разные процессы обработки (например, литье и ХТО) в единую технологию формирования и поверхностного упрочнения изделий³;
- выстраивать целостные научно-технологические цепочки разработки новых материалов с продолжением формирования их функциональных свойств в процессах изготовления и эксплуатации изделий, вплоть до их утилизации⁴.

Подобная «технологическая целесообразность» издавна полуинтуитивно применялась и для территориально-отраслевых решений, становясь фактором регионального развития, например, для Буковины⁵. Одной из первых попыток применения такого подхода в СССР на региональном уровне было создание совнархозов в 1959–1965 годах. Элементы Циркулирующей экономики несложно увидеть в циклической модели развития лесодеревообрабатывающей отрасли на территории речного бассейна, отраженной в фильме «Инженер Прончатов» по повести В. Липатова, а также в доводке научных разработок до бизнес-уровня внедренческой фирмой «Красный факел», созданной на базе научно-исследовательских институтов Новосибирского Академгородка в 1960-х гг.

Поворот от линейного видения техногенного развития к Циркулирующей экономике прослеживается в последовательно принятых стандартах:

- ГОСТ СССР 17.0.0.04-90 «Охрана природы. Экологический паспорт промышленного предприятия. Основные положения» для оценки воздействия «суммы технологий» предприятия на окружающую среду и здоровье людей;
- ГОСТ СНГ 17.0.0.05-93 «Единая система стандартов в области охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов. Технический паспорт отхода» для «внутренней» пооперационной оценки материально-энергетического баланса каждого процесса производства с целью выявления «лучших доступных технологий» (BAT – по определению Директивы 96/61/ЕС «Интегрированное предупреждение и контроль загрязнений» – IPPC).

Одновременно в 1993 году аналогичные возможности (в контексте сегодняшних приоритетов Зеленого соглашения и Циркулирующей экономики) были предложены для энергетики как в отраслевом аспекте – в докладе Правительства РФ для UNECE⁶, так и для устойчивого территориального развития⁷. Их последующая отработка продолжилась в проекте ЕС⁸ и отражена в протоколе намерений с концерном EON⁹. Сопоставление такого подхода с аналитическим обзором¹⁰, опубликованным через 20 лет после вышеупомянутых инициатив, свидетельствует об его актуальности для дальнейшей реализации Европейского Зеленого соглашения и внедрения Циркулирующей экономики, например, в сегодняшних предложениях по использованию крупнейшего в Европе гидро-энерго-аккумулирующего комплекса на Днестре¹¹ для стабилизации и повышения надежности функционирования энергосистемы ЕС.

Уже на момент принятия упомянутых ГОСТ 17.0.0.05-93 и инициатив в сфере энергетики, еще до вышеуказанного Закона ФРГ, была предложена система стандартизации¹², охватывающая ряд ключевых аспектов сегодняшней Циркулирующей экономики. Основные стандарты этой системы, утвержденные в 1999 году, учли десятилетний путь США от борьбы с последствиями загрязнений ОС (Recovery Act, 1980) к чрезвычайному планированию и контролю (Emergency Planning and Community Right-to-Know Act, 1986) и предотвращению загрязнений (Pollution Prevention Act, 1990), опыт совместного законодательства ФРГ, Австрии и Швейцарии, а также Франции по обращению с отходами. Параллельно этим работам в СССР отрабатывалось использование значительно больших объемов отходов в качестве

¹ А.с. на изобретение № 952999 Связующее обмазки для химико-термической обработки изделий. – <http://www.findpatent.ru/patent/95/952999.html>

А.с. на изобретение № 1104189 Обмазка для химико-термической обработки стальных изделий <http://www.findpatent.ru/patent/110/1104189.html>; А.с. на изобретение № 1398451 Способ химико-термической обработки стальных изделий.

² А.с. на изобретение № 1353051 Установка с кипящим слоем.

³ Решение о выдаче патента РФ по заявке на изобретение №4946359/02(051676) Способ химико-термической обработки отливок в литейных формах, проницаемых для жидкостей и газов.

⁴ Бройде З. Трибологические аспекты создания и исследования градиентных функциональных материалов // Трение и износ. 1993. – Т. 14, № 1. – С. 150. – http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Gradient_Fuctional_Materials.pdf

⁵ Bukovinian Cluster of the «Europe of Regions». – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Bukovinian%20cluster.pdf>

⁶ Об экологически целесообразном подходе к развитию энергетики. ENVWA/Sem.6/R.23. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/On_Environmenally_advisable_approach.pdf

⁷ Бройде З., Дятлов В. Можливості системного підходу до енергоресурсозбереження, енерго-виробництва і енергоспоживання на регіональному та державному рівнях // Тез. МНТК. 1993. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Systemic%20Energy%20territorial%20cycles-1993.pdf>

⁸ Энергетический план для Черновцов. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Systemic%20Energy%20territorial%20cycles-1993.pdf>

⁹ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Protocol_of_intention_%20107_05_2008.pdf

¹⁰ Плакиткин Ю. Закономерности инновационного развития мировой экономики. Энергетические уклады XXI века. – СПб.: РАЭН, 2012. – 120 с. – <https://search.rsl.ru/ru/record/01005466596>

¹¹ <https://drive.google.com/drive/folders/1OVnNPOLGoESRpZ2WvE5nG9BnmY7bIoiA> (6 Energy)

¹² Бройде З. Проблемы стандартизации в области охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов // Стандарты и качество. 1994. – № 4. – С. 29; № 6. – С. 31. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Standardization_in_Environmental-Resource%20sphere_1994.pdf

вторичных ресурсов, которое было инициировано УкрНИИ планирования и нормативов в системе Госплана и затем обрабатывалось с ВПКТИ Ресурсосбережения Госснаба¹.

Для надлежащего научно-технического и кадрового обеспечения внедрения этих инновационно-инвестиционных решений разрабатывались соответствующие научно-методический² и технико-экономический³ подходы, как основа системы инженерно-экологического образования для базовых специальностей вузов⁴.

Перспективы. Разработки, ориентированные на оптимизацию ресурсно-энергетических циклов и минимизацию отходов путем использования ВАТ продолжались по проектам ЕС⁵ с оценкой методами технологического предвидения UNIDO⁶ и обсуждением на МНТК WasteTech в 1999–2011 гг.⁷

Для богатых стран, территориальных и бизнес-структур выявляемые таким путем лучшие технические решения доступны через рынок ВАТ, регулируемый в странах ЕС соответствующими нормативно-правовыми, экономическими и социальными инструментами⁸. Для развивающихся стран стандарты и первичный учет отходов и упаковки способствуют выбору наиболее подходящих из имеющихся научно-технологических решений, улучшая использование доступных ресурсов территориальными структурами и предприятиями⁹.

Магистральным направлением для Циркулирующей экономики в сфере мобильности, является задекларированный профильным Комиссаром ЕС 11.12.2019 перевод основных грузопассажирских потоков с автодорог на мультимодальные железнодорожные и водные перевозки¹⁰. Для целей Зеленого соглашения особое значение имеет максимальное использование и дальнейшее развитие одной из самых густых в Восточной Европе транспортных сетей вокруг географического центра европейского континента на историческом перекрестье «Шелкового пути» и «из варяг в греки»¹¹. Здесь среди ряда ключевых задач существует необходимость восстановления и развития трансграничных железнодорожных перевозок по существующей колее 1520 мм через Жмеринку – Черновцы – Коломыю – Рахов до Чопа – Ужгорода с продолжениями через Словакию, Венгрию и Румынию в Центральную Европу и к Средиземноморью¹², которые еще в 1919 году рассматривались как кратчайший путь с востока через Карпаты до Будапешта¹³. Всестороннее обсуждение этих возможностей с представителями заинтересованных стран и регионов в рамках проектов TEM/TER UNECE, Центрально-европейской Инициативы, при подготовке Транспортного протокола Карпатской конвенции, Стратегии ЕС для Дунайского региона и на европейских железнодорожных саммитах¹⁴ выявило широкие возможности реализации соответствующих проектов, в частности, современных контейнерных перевозок с одновременным развитием новообразованных объединенных территориальных общин¹⁵, при поддержке WRD, инструментами финансирования ЕС и путем государственно-частного партнерства.

Объем настоящей работы не позволяет детальнее останавливаться на этих и других направлениях формирования Циркулирующей экономики, в частности, в агро-производственном¹⁶ и лесо-деревообрабатывающем¹⁷ секторах, в т.ч. для предотвращения истощения водных ресурсов и опустынивания, рисков чрезвычайных паводковых затоплений и загрязнений¹⁸, а также для эффективного сочетания потенциала трансграничного сотрудничества, культурного мультиэтнического наследия и туристических возможностей с другими аспектами устойчивого социально-экономического территориально-отраслевого развития – от отдельных коммун до макрорегиональных структур¹⁹.

¹ Сборник трудов ВНИПКИ Ресурсосбережения при Госснабе СССР. – М., 1991. – С. 92–98.

² Бройде З. Об общности решений экологических и ресурсных проблем. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/ECORES1992.doc>

³ Бройде З. О системе переходных решений. – http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Transition_solutions_system.pdf

⁴ Бройде З. Создание новых профессионально-экологических специализаций на основе базовых учебных специальностей вузов. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/ECOSPEC.rtf>

⁵ Ecoprofit. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Ecoprofit1999brochure.pdf>; Harmonization UA State & Regional Waste Treatment Legal Basis with EU Standards. – <http://ekopro.biz/04101901E.pdf>; Promotion BAT implementation for Waste Minimization & Resource Conservation. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/WasteBarSEPSBrochure.pdf>

⁶ Pilot project on Technology Foresight for Regional Innovation & Investment Development in Euroregion “Upper Prut”. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Technology_Foresight_2002.pdf

⁷ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Wastes_Treatment_and_BAT_revealing.pdf

⁸ <https://eippcb.jrc.ec.europa.eu/reference/>

⁹ <http://chernivtsy.eu/portal/f/mv/mvk2013004-133-d.doc>

¹⁰ <https://twitter.com/AdinaValean/status/1204788263359328257>

¹¹ Бройде З. Проблемы устойчивого пространственного развития транспортных систем в зоне новых границ ЕС и НАТО. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Sustainable_Transport_System_on_new_EU_and_NATO_border_2003.pdf

¹² <http://comeuroint.rada.gov.ua/uploads/documents/29422.pdf>

¹³ <https://search.rsl.ru/ru/record/01001553275>. – С. 82–112.

¹⁴ <http://www.railwaypro.com/wp/?p=10945>

¹⁵ Можливості розвитку системи транспортних сполучень і прикордонної інфраструктури України у контексті розширення TEN-T мережі ЄС. – <https://mtu.gov.ua/news/30768.html>

¹⁶ Broyde Z. Green Agricultural Infrastructure – Answering Climate Change & European integration challenges. – <http://ru.calameo.com/read/001133349178f58a43e46>. – P. 193.

¹⁷ <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-forests/events/fourth-meeting-of-the-wg-on-sustainable-forest-management.html>

¹⁸ <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailcop/events/cop4-fourth-meeting-of-the-conference-of-the-parties-to-the-carpathian-convention-copy.html>

¹⁹ <http://comeuroint.rada.gov.ua/uploads/documents/29482.pdf>

Даже беглый обзор возможных подходов к пандемически-глобализированным проблемам¹ (остроумно озглавленный журналистами «Экономика нагревает планету» с подтекстом обоих значений слова «нагревает») свидетельствует о безуспешности попыток их самостоятельных (иногда, взаимоисключающих) решений отдельно взятыми странами и регионами.

Симбиотичность очерченных проблем и возможностей создает предпосылки как для преодоления сегодняшних противоречий, так и для последовательного перехода от длительного противостояния к территориально-макрорегиональному трансграничному сотрудничеству. Его перспективы неоднократно демонстрировались и обсуждались на представительных форумах как Паневропейской², так и Евразийской³ парадигм. При этом, начиная с первых шагов европейской и евроатлантической политики соседства, исходя из предшествующего опыта расширения ЕС в Синем и Красном «бананах», делались попытки прогнозирования дальнейшего формирования перспективных зон возможной кооперации и вероятного соперничества⁴ с целью опережающего выявления общих интересов и соответствующих механизмов сотрудничества, например, для Черноморского региона⁵. В частности, исходные предложения для Центрально-Восточноевропейского «Зеленого банана»⁶ сегодня интенсивно актуализуются в Инициативе Триморья⁷.

Для такого сотрудничества существует широкий спектр имеющихся международных инструментов, апробированных и на востоке, и на западе макроконтинента – от Мадридской конвенции 1980 года с дополнительными протоколами и Ассоциации европейских пограничных регионов до современных, макрорегиональных Балтийской и Дунайской стратегий ЕС, Инициативы Триморья, ШОС, БРИКС и т.п. Это особенно важно для Евразийского макроконтинента, где разворачиваются накопившиеся противоречия и сосредоточены возможности для их, если не преодоления, то переориентирования в конструктивное русло сотрудничества⁸. На Востоке и Западе это пространство симметрично связано через океаны с Американским макроконтинентом. Историческое циркулирование в них и между ними людских, материально-энергетических, товарных, информационных, инновационно-технологических потоков и инвестиционного капитала периодически меняется от относительно стабильного (напоминающего «стоячую волну») до нарастающих «цивилизационных возмущений». Современное состояние ресурсно-экологических и информационно-коммуникационных проблем катализирует поиск новых подходов к устойчивому развитию, особенно в Паневразийском пространстве. Об актуальности такого поиска свидетельствуют опубликованные 15.01.2020 в New York Times и проанализированные⁹ данные о разогреве поверхности Земли, где из зон массового обитания и антропогенной деятельности максимальный перегрев выявлен на соседствующих территориях Украины, России, Беларуси, Польши, Словакии, Венгрии, Румынии и Молдовы вокруг географического центра Европейского континента и территории Чернобыльского поражения. При этом простая оценка последствий глобального потепления не выходит за пределы школьных знаний.

Так, нагрев тропосферы объемом около 6×10^{16} куб. м на 1 градус Цельсия увеличивает содержание воды примерно на 1 грамм в каждом кубическом метре. Т.е. увеличение доли этой составляющей кругооборота пресной воды в приземном слое можно оценить приблизительно как 60 куб. км воды. В общем количестве конденсированной пресной воды (которое не превышает 3% от общего объема остальных соленых вод мирового океана), состоящем из тающих льдов и снега на 69%, подземных вод на 30% и около 1% поверхностных и почвенных вод, объем воды во всех реках мира составляет примерно 2100 куб. км. Т.е. при нагреве околосредней части атмосферы (в которой содержится 90% накопленной во всей тропосфере пресной воды) в нее отводится дополнительно 3% общего объема воды в реках. Среди множества последствий этого факта, которые можно предвидеть – наблюдаемое качественное и количественное изменение характера паводковых явлений. От преобладавшего ранее более равномерно распределенного по территории выпадения атмосферной влаги с последующим подъемом уровня воды в бассейнах рек (floodplane), все чаще механизм наводнений изменяется на локализованные осадки возрастающей интенсивности (в силу одновременного растущих турбулизации атмосферы и содержания в ней воды). Это приводит к верховым (потоковым) наводнениям (flashfloods), которые значительно усиливают речные паводки и все чаще превосходят их. В зонах интенсивной застройки территорий и в зависимости от природного и техногенно-измененного рельефа, а также покрытия и/или уплотнения грунта, такие urban floods характеризуются возрастающей мощностью водных потоков по улицам-«лоткам» с накоплением воды в зонах ее недостаточного отвода.

Ориентиры для совместного поиска совместимых решений заложены, в частности, в 27 главу раздела V Соглашения об ассоциации ЕС и Украины. В частности, статья 448 этого документа гласит: «Стороны (имеются в виду ЕС,

¹ Бройде З. Экономика нагревает планету // День. 18.03.2020. – <https://day.kyiv.ua/ru/article/ekonomika/ekonomika-nagrevayet-planetu>

² <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-spatial-planning/events/workshop-towards-a-eu-strategy-for-the-carpathian-region-148.html>; <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Brochure%20III%20CEI-Bucovina%202008.pdf>; http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/IV_CEI-Bukovina_Recomendations_2010.pdf

³ <http://2011.forumstrategov.ru/eng/program/stol4.html>; http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/AEBR_Annual_Conference_Kursk_22-24_September_2011.pdf; https://eabr.org/upload/iblock/c6d/broyde_transgranichnoe-sotrudnichestvo-v-evrazii.pdf

⁴ Бройде З. Східний напрям транскордонного співробітництва у «Ширшій Європі Періонів». – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/Eastern_direction_Europe_of_Regions_2005.doc

⁵ Odessa Declaration on the Black Sea Euroregion. – <https://rm.coe.int/168071ad7b>

⁶ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Logistic_challenges_in_Green_Banana_it.pdf

⁷ <https://3seas.eu/about/objectives>

⁸ Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л. Б. Вардомский. – СПб.: Алетей, 2019. – 288 с.

⁹ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Green_Safety_for_Economy_overheating_the_Planet.pdf

его фундаментальные институты и страны-члены – с одной стороны, и Украина – с другой) будут укреплять и содействовать развитию трансграничных и региональных элементов, как то транспорта, энергетики, коммуникационных сетей, культуры, образования, туризма, здравоохранения и других сфер, охватываемых настоящим соглашением, которые оказывают влияние на трансграничное и региональное сотрудничество. Особенно Стороны будут содействовать развитию трансграничного сотрудничества для модернизации, оснащения и координации служб чрезвычайных ситуаций».

Одной из быстро актуализирующихся предпосылок скорейшей выработки и применения системных решений для Паневразии, на наш взгляд, является возвращение (после второй половины XX века) к проблемам «угольных» регионов и трансграничный обмен лучшей практикой между ними. Актуальность именно этой проблемы подчеркивалась 20 лет назад при инициировании ныне действующего Закона Украины «О трансграничном сотрудничестве»¹.

Уже имеющиеся многоплановые наработки, включая затронутый выше опыт их реализации (или игнорирования), позволяют сегодня надлежащим образом оценить перспективность фундаментального подхода Циркулирующей экономики на постсоветском пространстве Паневразии и согласованно принять соответствующие решения.

¹ Бройде З. Субрегіональне транскордонне співробітництво як елемент розбудови Україною державної регіональної політики та інтеграції до сучасної Європи. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/Subregional_Transfrontier_Cooperation_2001.rtf

Гликман О.В.¹

к.ю.н., доцент МГИМО МИД России
glikman@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В РАМКАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ЕВРАЗИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Ключевые слова: международное право, энергетика, международное энергетическое право, Содружество независимых государств, Евразийский экономический союз, международные договоры Российской Федерации в сфере энергетики.

Keywords: International Law, energy, International Energy Law, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union, Treaties of the Russian Federation in the field of energy.

Международное право – важнейший инструмент международного сотрудничества и дипломатии. Оно «развивается под влиянием совокупности внешнеполитических курсов государств»². Международное право, представляющее собой систему правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения, постоянно развивается параллельно с национальным правом государств. При этом «международное право является не только юридическим, но и важным политическим и моральным фактором»³.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 72/119 от 7 декабря 2017 г. «Верховенство права на национальном и международном уровнях» подчеркнута роль международного права как «нерушимой основы более мирного, процветающего и справедливого мира». В современной международно-правовой доктрине отмечается, что «растет понимание необходимости использования международно-правового потенциала для противодействия угрозам глобальной стабильности», а также «формирование международного правосознания, признающего важную роль норм и принципов международного права»⁴.

1. Взаимосвязанность развития энергетики, международного энергетического сотрудничества и норм международного права

В XXI веке увеличился объем международного сотрудничества в сфере энергетики, в котором участвуют государства, международные организации и органы, юридические лица различных государств, выступающие инвесторами или уполномоченными организациями по реализации межгосударственных энергетических проектов. Соответственно увеличился и объем международно-правовых норм, преимущественно двустороннего и регионального характера; усовершенствованы механизмы сотрудничества в различных отраслях энергетики; созданы новые международные организации и форумы международного сотрудничества (ФСЭГ, ИРЕНА, МЭФ и др.); отдельным вопросам энергетики уделяется большее внимание в рамках деятельности различных международных организаций общей компетенции; возросло число споров, рассмотренных международными арбитражными органами в сфере энергетики.

В практике и науке признается наличие «международного энергетического права», которое может быть определено как совокупность международно-правовых норм, регулирующих исследование и разработку природных ресурсов для производства различных видов энергии (энергетических товаров), их использование в мирных целях, включая торговлю ими, их транспортировку, строительство и эксплуатацию энергетических объектов, а также создание энергетических рынков⁵. При этом универсальный международный договор, определяющий общие для всех государств правила поведения в данной сфере, до сих пор отсутствует.

Связь между развитием энергетики, международного энергетического сотрудничества и нормами международного права неизбежна и неразрывна. В последние годы государствами и экспертами отмечаются кардинальные изменения в мировой энергетике, развитие альтернативных источников энергии, появление новых цифровых технологий и

¹ Профессиональные интересы: общие вопросы международного права, международное энергетическое право, международные договоры Российской Федерации в сфере энергетики.

² Колосов Ю.М. Международное право, внешняя политика и дипломатия // Международное право: учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. отношения, 2005. – С. 26.

³ Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2000. – С. 258.

⁴ Капустин А.Я. Международный договор и международный правовой порядок: некоторые концептуальные подходы / Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андрюченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография. – М.: ИЗИСП; Статут, 2018. – С. 26.

⁵ См.: Гликман О.В. Международное энергетическое право в системе международного права //Международный правовой курьер. 2020. – № 1–2 (37–38), февраль – апрель. – С. 72–77.

их использование в энергетике¹, важность обеспечения энергоэффективности, взаимосвязанность развития энергетики с общим экономическим развитием, необходимость защиты окружающей среды и обеспечения соблюдения коллективных и индивидуальных прав человека в процессе энергетической деятельности. Все эти аспекты так или иначе отражаются в современных международно-правовых и политико-правовых актах в сфере энергетики.

Среди 17 целей в области устойчивого развития, сформулированных государствами членами Организации Объединенных Наций в 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, – обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель № 7). Для достижения этой цели поставлены такие задачи, как увеличение доли энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе, удвоение глобального показателя повышения энергоэффективности, активизация международного сотрудничества в целях обеспечения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики, расширение инфраструктуры и модернизация технологий для современного и устойчивого энергоснабжения в развивающихся странах.

Эффективное осуществление энергетической политики, развитие энергетической дипломатии², обеспечение энергетической безопасности России сегодня невозможно без применения и прогрессивного развития норм международного права, учитывающего изменения в энергетическом секторе.

2. Российский поход к роли международного права в международных отношениях

В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» была поставлена цель «добиваться утверждения верховенства права в международных отношениях». При этом в рамках региональных задач в отношениях с Европейским союзом была закреплена задача «развивать взаимовыгодное энергетическое партнерство в целях создания единого энергетического комплекса Европы, добиваясь строгого соблюдения имеющихся двусторонних и многосторонних договорных обязательств». В Азиатско-Тихоокеанском регионе не было уделено такого же особого внимания энергетическому сотрудничеству; был применен другой подход – сформулирована задача «углублять равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» с ключевыми государствами данного региона, включая Китай, Индию, Вьетнам, Японию, Республику Корея.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640, основана на верховенстве права в международных отношениях, которое «призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом» (п. 26). В Концепции была отмечена качественная трансформация, происходящая в сфере энергетики, связанная с внедрением новых технологий добычи трудноизвлекаемых запасов углеводородов, расширением использования возобновляемых источников энергии, с одной стороны, и «ужесточение необоснованных ограничений и введение других дискриминационных мер в этой сфере», с другой. Согласно Концепции российский курс направлен на укрепление сотрудничества с ведущими производителями энергетических ресурсов, развитие «равноправного диалога со странами-потребителями и странами транзита таких ресурсов, исходя из того, что для гарантированного осуществления поставок энергетических ресурсов требуется обеспечение стабильности спроса на них и надежности их транзита» (п. 11). Россия преследует цель добиваться «адекватного учета российских интересов и подходов при выработке в рамках крупнейших международных форумов коллективной позиции по наиболее актуальным аспектам международного развития и мировой экономики», включая вопросы энергетической безопасности (п. 40).

Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 216, к внешнеэкономическим вызовам энергетической безопасности отнесены «перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион» и «изменение международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики». В перечень внешнеэкономических и внешнеполитических угроз энергетической безопасности включены «использование иностранными государствами... международно-правовых... механизмов в целях нанесения ущерба топливно-энергетическому комплексу Российской Федерации и ее экономике в целом», а также «дискриминация российских организаций топливно-энергетического комплекса на мировых энергетических рынках путем изменения международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики, в том числе под предлогом реализации климатической и экологической политики или диверсификации источников импорта энергоресурсов».

В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 года № 1523-р, закреплены две задачи в сфере международных отношений (повышение эффективности участия в глобальной энергетической повестке; развитие системы поддержки российского экспорта...), а также ключевые меры, которые должны обеспечить выполнение этих задач. Несмотря на то, что в данном акте не уделено должного внимания роли международного права, выполнение указанных задач и реализация данных мер невозможны без эффективного использования норм международного права.

¹ См.: Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологические и энергетические проблемы четвертой промышленной революции: правовые аспекты // Lex russica. 2019. – № 10. – С. 53–62.

² См.: Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. – М.: ООО «Ист Брук», 2005. – С. 153–432.

3. Международно-правовое регулирование многосторонних отношений России с другими евразийскими государствами в сфере энергетики

Сотрудничество в сфере энергетики в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Итогами многостороннего сотрудничества в сфере энергетики в рамках СНГ, объединяющего в настоящее время 11 государств, являются:

а) многосторонние международные договоры по следующим вопросам: изучение и использование недр и минерально-сырьевых ресурсов; энергоэффективность и энергосбережение; электроэнергетика, включая обеспечение параллельной работы электроэнергетических систем, транзит электрической энергии, взаимопомощь в случаях аварий на электроэнергетических объектах, мирное использование атомной энергии¹;

б) решения Совета глав правительств СНГ в сфере энергетики, отражающие состояние региональных секторов энергетики, цели и направления энергетического сотрудничества, предусматривающие соответствующие планы мероприятий по общим вопросам энергетики, в области использования атомной энергии в мирных целях, по вопросам использования возобновляемых источников энергии, инновационного развития энергетики²;

в) типовые (модельные) законодательные акты³, принимаемые Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ), в работе которой участвуют 9 государств (не участвуют Туркменистан и Украина). Типовые (модельные) законодательные акты МПА СНГ по своей правовой природе не являются международными договорами, они направляются парламентам государств-участников, которые учитывают их в своей деятельности. Тем самым, такие акты влияют на развитие законодательства государств-участников, способствуют его гармонизации и унификации.

В рамках СНГ действуют органы, наделенные специальной компетенцией в сфере энергетики и недропользованию: Комиссия государств – участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях, в которой участвуют 9 государств (не участвуют Молдова и Туркменистан); Межправительственный совет по разведке, использованию и охране недр и Электроэнергетический совет, в которых участвуют 7 государств (не участвуют Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и Украина).

Сотрудничество в сфере энергетики в рамках ЕАЭС. Пять государств (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия) в рамках раздела XX Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и дополнительных протоколов (приложения 21–23 к Договору) предприняли дополнительные шаги по укреплению взаимодействия в сфере энергетики. Согласно ст. 79 Договора к целям энергетического сотрудничества членов ЕАЭС отнесены: 1) эффективное использование потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов и 2) обеспечение национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты). Именно в этих целях члены ЕАЭС: 1) развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики; 2) проводят скоординированную энергетическую политику; 3) осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов⁴. Высшим Евразийским экономическим советом были приняты концепции и программы по трем указанным рынкам.

Сотрудничество в сфере энергетики прикаспийских государств (России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Ирана). Отдельного международного договора об энергетическом сотрудничестве прикаспийских государств нет. На первом этапе после распада СССР, когда заключение многостороннего договора по Каспию не представлялось возможным, впервые вопросы разграничения дна Каспия для целей недропользования и эксплуатации трансграничных месторождений были урегулированы в двусторонних международных договорах России с Казахстаном⁵ и Азербайджаном⁶.

Из многосторонних международных договоров прикаспийских государств следует выделить Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. и протоколы к ней⁷, а также Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. (пока не вступила в силу), которая закрепила разграничение акватории Каспийского моря на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство (ст. 5), а дно и недра Каспийского моря – на секторы «по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнан-

¹ Например, Соглашение о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов от 27 марта 1997 г., Договор об обеспечении параллельной работы электроэнергетических систем государств – участников СНГ от 25 ноября 1998 г. и Протокол от 30 мая 2012 г.; Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии от 26 июня 1992 г. и Протокол от 12 февраля 2014 г.

² Например, Решение Совета глав правительств СНГ от 1 июня 2018 года «О Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в области инновационного развития энергетики и разработки передовых энергетических технологий и Плана первоочередных мероприятий по ее реализации».

³ Например, Модельный закон о недрах и недропользовании для государств участников СНГ от 7 декабря 2002 г.; Модельный закон об основах развития биоэнергетики 20 мая 2016 г.

⁴ См.: Гликман О.В. Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза / О.В.Гликман, А.У.Назарова // Право и управление. XXI век. 2020. – № 1 (16). – С. 28–35.

⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. и протоколы к нему.

⁶ Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г.

⁷ В частности Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью 2011 г. и Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 2018 г.

ных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр» (ст. 8). Конвенция 2018 г. урегулировала вопросы проведения морских научных исследований, создания, эксплуатации и использования искусственных островов, установок и сооружений, прокладки подводных кабелей и трубопроводов по дну Каспийского моря.

Необходимость альтернативы Договору к Энергетической хартии (ДЭХ). Европейские государства стремятся сохранять лидирующие позиции в процессе создания многосторонних международно-правовых норм вопреки позиции России и других государств, обладающих большими запасами энергетических ресурсов и являющихся крупнейшими поставщиками или потребителями товаров и услуг в различных отраслях энергетики. В ДЭХ участвуют 50 государств (европейские страны, Монголия, Япония, Йемен), ЕС и Евратом. Россия временно применяла ДЭХ до 1 октября 2009 г. – 20 августа 2009 г. направила депозитарию ДЭХ (МИД Португалии) уведомление о намерении не становиться участником ДЭХ и Протокола. Кроме того, 17 апреля 2018 г. Россия официально подтвердила, что не рассматривает себя в качестве стороны подписавшей ДЭХ и указанный Протокол.

Одновременно в 2009 г. Россией был предложен «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы)», в котором выдвинута инициатива разработки проекта универсального международного договора с участием государств различных регионов, охватывающего все аспекты энергетического сотрудничества – конвенции по обеспечению международной энергетической безопасности. Несмотря на то, что эта инициатива, к сожалению, не получила поддержки других государств, она заслуживает большого внимания и поддержки со стороны российских политиков и ученых, ее необходимо продвигать в сотрудничестве с заинтересованными евразийскими государствами.

4. Двусторонние международные договоры России с другими евразийскими государствами в сфере энергетики

Двусторонние международные договоры России с государствами Евразии в различных отраслях энергетики (нефтяной, газовой, атомной, электроэнергетике) занимают наибольший объем среди всех международных договоров России в сфере энергетики.

1. Международные договоры о сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса или энергетической сфере заключены с отдельными государствами (например, с Китаем, Республикой Корея, Вьетнамом). Такие международные договоры закрепляют общие направления и области двустороннего межгосударственного энергетического сотрудничества, отражая наиболее актуальные вопросы и специфику двусторонних отношений. Они направлены на совместное содействие деятельности организаций данных государств в различных отраслях энергетики, закрепляют институциональный механизм, включая назначение уполномоченных органов и создание специальных двусторонних органов (подкомиссий или рабочих групп действующих экономических комиссий по энергетике). Впоследствии на их основе заключаются международные договоры о сотрудничестве в отдельных отраслях энергетики или осуществлении отдельных энергетических проектов.

2. Международные договоры о сотрудничестве в области нефти и газа¹ регулируют:

– направления и области двустороннего сотрудничества в соответствующих секторах энергетики (например, с Индией 2010 г., Казахстаном 1997 г., Молдовой 1993 г. о сотрудничестве в нефтегазовой сфере и с Республикой Корея 2006 г. в области газовой промышленности);

– разведку, добычу, переработку нефти и газа, совместную эксплуатацию месторождений² (с Вьетнамом о сотрудничестве в области геологической разведки и добычи нефти и газа в рамках совместных компаний «Вьетсовпетро» и «РУСВЬЕТПЕТРО» 1991–2016 гг.; Казахстаном относительно Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения 1995 г. и трансграничного газоконденсатного месторождения Имашевское 2010–2013 гг.);

– поставки газа, нефти и нефтепродуктов (например, с Арменией 2013–2020 гг. о поставках природного газа и нефтепродуктов; Киргизией 2016–2019 гг. о поставках нефти и нефтепродуктов, Китаем 2014 г. о поставках природного газа по «восточному» маршруту);

– строительство трубопроводов (например, с Польшей 1993–2010 гг. о создании системы газопроводов для транзита российского газа через территорию Польши и поставках в Польшу; Австрией 2010 г. о газопроводе на территории Австрии («Южный поток»); Турцией 2016 г. по проекту газопровода «Турецкий поток»);

– транзит, транспортировку, экспорт (например, с Азербайджаном 1996 г. о транзите азербайджанской нефти через территорию России, Беларусью 2007–2018 гг. об экспорте нефти и нефтепродуктов; Казахстаном 2013 г. о транспортировке российской нефти через территорию Казахстана в Китай);

– куплю-продажу предприятий (например, с Арменией 2013–2018 гг. об «АрмРосгазпром», с Беларусью 2011 г. о «Белтрансгаз») и др.

3. Международные договоры о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии закрепляют:

– общие правила сотрудничества (например, рамочные договоры с Арменией 2000 г., Бангладеш 2010 г., Великобританией 1996 г., Венгрией 2014 г., Индией 2010 г., Казахстаном 1994 г., Киргизией 2012 г., Китаем 1996 г., Рес-

¹ См.: Гликман О.В. Международные договоры России, регулирующие сотрудничество в нефтегазовом секторе // Газовый бизнес. Журнал Российского газового общества. – М., 2012. – Октябрь. – С. 18–27.

² См.: Гликман О.В. Международные договоры Российской Федерации, регулирующие разведку и разработку трансграничных месторождений // Право и управление. XXI век. 2018. – № 1 (46). – С. 54–61.

публикой Корея 1999 г., ОАЭ 2012 г., Сирией 1999 г., Турцией 2009 г., Узбекистаном 1997 г., Чехией 1994 г., Японией 2009 г.);

- строительство АЭС, энергоблоков, реакторов (например, с Арменией 2010 г., Бангладеш 2011 г., Беларусью 2011 г., Вьетнамом 2010 г., Индией 2008 и 2012 гг. («Куданкулам»), Ираном 1992 г., Китаем 1992–2018 гг. (энергоблоки Тяньваньской АЭС, демонстрационный реактор на быстрых нейтронах), Турция 2010 г. («Аккую»);

- создание международных центров, научных проектов (с Казахстаном 2007 г. (Международный центр по обогащению урана), Таджикистан 2008 г. (Международный научно-исследовательский центр «Памир-Чакалтая»);

- ввоз в Россию облученного ядерного топлива (с Беларусью 2010, Венгрией 2008 г., Вьетнамом 2012 г., Латвией 2007 г., Ливией 2009 г., Польшей 2009 г., Румынией 2009 г., Сербией 2009 г., Узбекистаном 2012 и 2014 гг.);

- оперативное оповещение в случае ядерной аварии (с Беларусью 2013 г., Польшей 1995 г., Турцией 2009 г., Финляндией 1995 г.) и др.

4. Международные договоры о сотрудничестве в области электроэнергетики вовсе немногочисленны, заключены с государствами СНГ и регулируют следующие аспекты:

- направления и области двустороннего сотрудничества в области электроэнергетики (с Азербайджаном 1995 г., Беларусью 2011 г., Киргизией 1996 г., КНДР 2015 г., Молдавией 1996 г.);

- обеспечение параллельной работы единых энергетических систем (с Азербайджаном 2003 г., Казахстаном 2009 г., Украиной 2012 г.);

- строительство и эксплуатацию объектов электроэнергетики (с Казахстаном 2009 г. (блок Экибастузской ГРЭС-2), Киргизией 2012 г. (Камбаратинская ГЭС-1 и Верхне-Нарынский каскад гидроэлектростанций) (прекратили действие), Таджикистаном 1994 г. (Рогунская ГЭС) и 2004–2009 гг. (Сангтудинская ГЭС-1).

Заключение

Приведенные примеры международных договоров России с другими государствами Евразии позволяют сделать следующие выводы.

1. Практика России свидетельствует об увеличении объемов международного энергетического сотрудничества с различными государствами Евразии и усилении роли международного права в регулировании такого сотрудничества в XXI веке.

2. Международно-правовое регулирование энергетического сотрудничества России с другими государствами Евразии развивается параллельно в многостороннем и двустороннем формате. При этом объект и цели отраслевых региональных и двусторонних международных договоров существенно отличаются.

3. В рамках многостороннего сотрудничества в сфере энергетики особое значение имеют не только международные договоры, но и решения органов региональных международных организаций, оказывающие существенное влияние на проведение единой энергетической политики, формирование региональных энергетических рынков, унификацию и гармонизацию законодательства государств-участников.

4. Двусторонние международные договоры преобладают по числу и играют уникальную роль не только в установлении общих рамок и принципов сотрудничества в различных отраслях энергетики, но и позволяют осуществлять различные энергетические проекты и виды деятельности (разведка, добыча, поставки и транспортировка энергоресурсов, строительство энергетических объектов, обмен информацией и др.).

5. Вышеуказанные региональные и двусторонние международные договоры России (столь развитая договорная практика) являются существенным аргументом в пользу формирования и развития международного энергетического права и его подотраслей (международного нефтяного права, международного газового права, международного атомного права, электроэнергетического права) в рамках сотрудничества России с другими государствами Евразии. Учитывая не только общие тенденции развития энергетики, но и сохранение принципиальных различий в отраслях энергетики, можно предположить дальнейшую фрагментацию норм международного права, регулирующих международное сотрудничество в отдельных отраслях энергетики.

6. Для России крайне важно развивать договорно-правовое регулирование с государствами Евразии, разделяющими позиции России по ключевым глобальным вопросам в сфере энергетики, продвигая собственные международно-правовые инициативы. Закрепление принципов и механизмов сотрудничества в международных договорах с данными государствами создает возможность в дальнейшем использовать такие подходы в качестве альтернативы западноевропейским подходам. Затронутые международные договоры и практика их реализации влияют на формирование региональных международных обычаев в сфере энергетики в данном регионе. В дальнейшем такие подходы могут использоваться для отстаивания позиций в процессе энергетического сотрудничества на универсальном уровне.

7. В рамках нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере энергетики необходимо большее внимание уделить нормам международного права как инструменту энергетической дипломатии России и достижения целей и задач, сформулированных в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. Следует разработать механизмы оценки эффективности международных договоров в сфере энергетики, проанализировать, в какой степени они позволяют избегать риски, обеспечивать рентабельность проектов, долгосрочное присутствие России и российских энергетических компаний на энергетических рынках Евразии.

Горда А.С.

к.э.н., доцент, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ШОС

Ключевые слова: региональная интеграция, экономическое сотрудничество, Шанхайская организация сотрудничества, приоритеты экономического сотрудничества.

Keywords: regional integration, economic cooperation, Shanghai Cooperation Organization, priorities of economic cooperation.

Рост ШОС, усиление ее влияния на региональном и на глобальном уровнях не устраняет существование диспропорций в развитии отдельных стран-членов, связанных с противоречиями целей и мотивов экономического развития отдельных стран, что затрудняет определение и реализацию стратегических приоритетов углубления экономической интеграции в ШОС. В настоящее время представляется возможным выделить следующие направления экономического сотрудничества, участие в которых обеспечивает получение экономических выгод странам-членам ШОС: торгово-инвестиционное, межбанковское, транспортно-логистическое, энергетическое.

Так, для Китая экономические выгоды заключаются в возможности увеличения товарооборота со странами ШОС (прежде всего, использование их энергетических ресурсов), а также обеспечение выхода на рынки стран Западной Европы для укрепления позиций на международной арене. Сейчас Китай своим приоритетным направлением сотрудничества в рамках ШОС считает торгово-инвестиционную деятельность и реализацию инфраструктурных проектов, которые рассматриваются как источник поддержки стремительного развития китайской экономики. Это проявляется, прежде всего, в процессе реализации экономического проекта нового Шелкового пути (ЭПНШП) за счет повышения лояльности других стран-членов ШОС относительно создания транспортно-логистических систем на территориях соответствующих стран.

Экономическими выгодами для России от сотрудничества со странами ШОС являются перспективы усиления влияния на развитие стран Центральной и Средней Азии, а приоритетом – обеспечение контроля над энергетическими ресурсами, монополизация каналов их транспортировки в другие регионы, участие в реализации масштабных инфраструктурных проектов.

Заинтересованность других среднеазиатских государств-членов ШОС заключалась в объединении своих потенциалов вокруг России и Китая в результате снижения их сырьевой ориентации благодаря импорту высокотехнологичной продукции из этих стран. Сейчас они считают перспективным налаживание экономических отношений и многостороннего сотрудничества также с Индией, Пакистаном и странами-наблюдателями и партнерами по диалогу для обеспечения притока масштабных инвестиций в свою экономику, развития энергетической и инфраструктурной сферы.

Геоэкономическое пространство стран-членов ШОС имеет большой потенциал для стратегического экономического роста, обусловленный следующими объективными факторами:

- развитие системы транспортно-логистических коммуникаций на интеграционном пространстве ШОС обеспечивает странам-членам выход к смежным регионам (в Европу – на западе и в Азиатско-Тихоокеанский регион – на востоке) и возможности стратегического торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с ними;
- огромный инвестиционный и торговый рынок стран-членов ШОС предоставляет возможности для создания совместных предприятий в сфере малого и среднего бизнеса, обеспечивает странам-членам долгосрочные конкурентные преимущества;
- взаимный обмен и использование значительных запасов энергетических и других ресурсов странами-членами ШОС открывает дополнительные перспективы развития внутренней и внешней экспортной деятельности ШОС;
- на основе привлечения инвестиционных ресурсов в пределах интеграционного объединения распространяются возможности проведения геологической разведки, добычи, переработки и транспортировки минеральных ресурсов в странах-членах;
- проведение активной политики по реформированию экономик стран ШОС по всем сферам должно способствовать наращиванию притока капиталов из других государств и регионов мира.

Но, как уже было отмечено, из-за диспропорций в экономическом развитии, торгово-экономической дифференциации, несбалансированности коммуникационно-логистической структуры, несогласованности относительно мотивов интеграции и незавершенности политических преобразований, страны-члены ШОС имеют определенные экономические риски и несут экономические потери.

Важным риском для стран-членов ШОС являются диспропорции в структуре экспорта, что приводит к увеличению зависимости от внешних поставок высокотехнологичной продукции для стран Центральной Азии. Кроме того, вызывает вопросы экономическая целесообразность взаимных поставок странами одних и тех же видов продукции.

Важным негативным фактором развития ШОС являются недостатки существующего экономического механизма взаимодействия стран-членов. Отсутствие консенсуса между государствами-членами по вопросу долгосрочных перспектив развития экономической интеграции в рамках ШОС, различия в интересах и подходах ключевых игроков к деятельности ШОС стали одной из основных причин превалирования двустороннего сотрудничества над многосторонними форматами взаимодействия. В течение всего периода существования ШОС преимущественно развиваются двусторонние отношения между странами, что сужает возможности развития ШОС и эффективность объединения в целом. Преимуществом многосторонних проектов в ШОС является возможность создания системы сдерживания и противовесов для обеспечения потенциальных условий формирования баланса обеспечения экономических интересов всех стран-участниц, что будет сдерживать возможные амбиции той или иной стороны.

Крупные совместные проекты существуют в основном на бумаге, а реализация «пилотных» проектов тормозится в связи с отсутствием механизма их финансирования, что обусловлено разноречивостью экономических устремлений стран-участниц из-за разной степени их вовлеченности в международное разделение труда в условиях глобализации, а также различиями в структурах и функционировании хозяйственных систем стран-участниц ШОС. В результате сохраняется разрыв между экономическим потенциалом ШОС и его практической реализацией.

Институциональная незрелость и несовершенство государственного аппарата, задачей которого является создание привлекательных условий для участия бизнеса в проектах ШОС, обуславливают отклонение и убыточность многих задекларированных инициатив. Это общая проблема для стран-членов ШОС, что приводит к экономическим потерям. Наблюдается тенденция переноса центра тяжести в решении экономических и финансово-кредитных проблем развития из государственных ведомств на деловые и финансовые круги, что может обострить разногласия в экономическом развитии отдельных стран.

Таким образом, можно отметить, что развитие ШОС открывает широкие возможности для практического применения новых методов и форм экономического сотрудничества. Ключевыми экономическими выгодами стран-членов является содействие торговым отношениям, энергетическому сотрудничеству, формированию благоприятного инвестиционного климата, обеспечению регионального разделения труда. Однако неравномерность в экономических потенциалах отдельных стран-членов обостряет диспропорции и способствует возникновению рисков и экономических убытков в результате их сырьевой ориентации, низкого финансового запаса прочности, неразвитости институциональных структур, а также противоречий интересов лидеров организации – Китая и Российской Федерации¹.

Указанные проблемы могут быть решены за счет реализации перспективных направлений стратегического развития ШОС в пределах принятой в 2015 г. «Стратегии развития ШОС до 2025 года»², основанной на положениях Хартии ШОС³ и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС⁴.

Разработка стратегии стала необходимой для понимания и определения возможностей и вариантов дальнейших действий государств-членов ШОС и потенциальных кандидатов для вступления в организацию, а также для осознания потенциала организации по отношению к другим механизмам межгосударственного сотрудничества. Положительным в предложенной Стратегии является закрепление задач по дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы ШОС, повышению эффективности механизмов взаимодействия и укрепления мер по практическому сотрудничеству с наблюдателями и партнерами по диалогу. Сформулированные в документе задачи являются базовыми, обуславливающими качество развития всех направлений сотрудничества между странами-членами, наблюдателями и партнерами ШОС.

В отдельном разделе рассматриваются аспекты торгово-экономического сотрудничества, определенные в Стратегии как элемент «обеспечения стабильности на пространстве ШОС» и инструмент «достижения устойчивости организации на длительную перспективу»⁵. Отмечается необходимость принятия согласованных мер, направленных на дальнейшее расширение взаимовыгодного взаимодействия между странами с помощью «формирования благоприятного инвестиционного и делового климата, поддержки деловых инициатив, реализации проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развития инфраструктуры». Отмечается необходимость привлечения к участию в реализации отдельных проектов на территории ШОС «заинтересованных правительственных структур и деловых кругов государств-наблюдателей и партнеров по диалогу», что является необходимым при реализации многих многосторонних проектов, особенно в транспортно-логистической сфере⁶.

При этом в Стратегии, в частности, отмечается, что в перспективе ШОС должна стать многопрофильной региональной организацией, которая не предусматривает создание наднациональных институтов управления, что, с нашей точки зрения, ограничивает возможности в создании эффективных наднациональных механизмов по координации кредитно-денежной и транспортной политики ШОС. Закрепив это положение, руководители ШОС констатировали отход от традиционных моделей региональной экономической интеграции, предпочтя интеграцию «снизу-вверх» че-

¹ Фадеева И.А. Экономические выгоды и потери стран ШОС. – https://law-journal.ru/files/pdf/201702/201702_44.pdf

² Шилина М.Г. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества как акт «мягкого права» в межгосударственном экономическом взаимодействии // Международное право. 2016. – № 4. – С. 27–38. – http://author.nbpublish.com/wl/article_20521.html

³ Хартия Шанхайской организации сотрудничества – 07.06.2002, Санкт-Петербург. – <https://lex.uz.ru/docs/2054961>

⁴ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. – <http://cis.minsk.by/page/10058>

⁵ Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли. – <https://globalaffairs.ru/articles/shanhajskaya-organizacziya-sotrudnichestva-v-poiskah-novoj-rol-i/>

⁶ Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. – <http://docs.cntd.ru/document/420390140>

рез обеспечение активности частных экономических субъектов. Такой подход к управлению деятельностью ШОС в экономическом аспекте предполагает создание на базе ШОС международного объединения¹, предусматривающего осуществление отдельных интеграционных мероприятий в разноскоростном и дифференцированном порядке (не включая все страны-члены). Что, с нашей точки зрения, безусловно, не дает возможности уменьшить разногласия в экономическом развитии стран-членов ШОС.

Таким образом, в Стратегии определены направления экономической деятельности стран ШОС, направленные на обеспечение выхода организации на глобальный уровень взаимодействия. Но необходимо отметить, что как и большинство документов ШОС, Стратегия носит декларативный характер, в ней не определен потенциал стран-членов ШОС по реализации стратегических направлений, не проведен анализ возможностей реализации их как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективах, не конкретизировано участие отдельных стран-членов ШОС в реализации предложенных направлений, цели и мотивы, которыми они руководствуются.

Поэтому целесообразным представляется обоснование стратегических направлений развития ШОС с учетом факторов внешней и внутренней среды, а также целей и мотивов стран-членов ШОС (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение экономических целей и мотивов сотрудничества стран-участниц ШОС

Страна	Краткая характеристика целей и мотивов
Китай	Увеличение товарооборота со странами ШОС, обеспечение экономического выхода на рынки стран западной Европы, использование энергетических ресурсов стран Средней Азии, торгово-инвестиционная деятельность, реализация инфраструктурных проектов
Россия	Обеспечение контроля над энергетическими ресурсами стран Средней Азии, монополизация каналов их транспортировка в другие регионы, участие в реализации масштабных инфраструктурных проектов, торговая деятельность, доступ к материальным, валютно-финансовым, торговым, инвестиционным и другим ресурсам стран ШОС
Таджикистан	Развитие торговых связей, увеличение инвестиционных поступлений и транспортных магистралей, льготное кредитование
Киргизская Республика	Увеличение финансирования развития инфраструктурных проектов, транзит российской нефти, развитие торговых связей
Узбекистан	Увеличение поступлений инвестиционных ресурсов, промышленное сотрудничество, развитие торговых связей
Казахстан	Увеличение экспорта казахской нефти и газа на Запад через российские трубопроводы, получение льготных кредитных ресурсов, развитие торговых связей
Пакистан	Увеличение торгово-экономических потоков, оптимизации и строительство новых транспортных маршрутов
Индия	Интенсификация внутрирегионального разделения труда, повышение инвестиционной привлекательности, улучшение транспортно-логистических сетей, участие в крупных инфраструктурных проектах, стимулирование развития областей высоких технологий, медицинских и образовательных услуг, развитие торговых связей

Источник: составлено автором.

Сопоставление факторов внешней и внутренней среды для определения стратегических приоритетов развития ШОС осуществим с помощью составления матрицы SWOT-анализа (табл. 2).

Таблица 2

SWOT-анализ стратегических направлений развития ШОС

	Возможности	Угрозы
	Создание общего для всех стран-членов ШОС правового поля; увеличение объемов торговли с другими странами мира при условии роста экономического потенциала стран ШОС; уменьшение транзакционных затрат внешнеторговых операций; оптимизация транспортно-логистической деятельности; создание действенных механизмов финансово-инвестиционной поддержки для стран-членов ШОС.	Рост расхождений в нормативно-правовом регулировании отдельных стран ШОС; обострение конкуренции на внешних рынках ШОС, усиление противодействия США и ЕС; обострение санкций к отдельным странам ШОС со стороны мирового сообщества; финансовый кризис, ослабление национальных валют стран ШОС; колебание цен на сырьевые ресурсы; экологические катастрофы, ухудшение экологического состояния региона

¹ Voronina T.V. Evolution of forms and mechanisms of regional economic integration development // Regional economics: theory and practice. 2011. – N 5 (188). – P. 57–63.

Сильные стороны	Значительные земельные, сырьевые и человеческие ресурсы; рост доли ВВП ШОС в ВВП мира; развитая транспортно-логистическая система; рост количества двусторонних соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству стран; открытие новых совместных предприятий; значительные торговые потоки между странами-членами ШОС, промышленный и сельскохозяйственный потенциал; создание Банка развития и Делового совета ШОС; содействие реализации совместных проектов; огромный инвестиционный и экономический рынок; налаженные коммуникационные связи между странами.	Расширение стран-участниц ШОС, увеличение влияния организации в мире за счет увеличения масштабов деятельности, развития транспортно-логистических систем, повышения глобальной конкурентоспособности – реализация мер по формированию статуса мирового лидера	Создание условий сокращения разногласий между странами участниками ШОС, формирование фондов поддержки многосторонних проектов развития, повышение конкурентоспособности стран-членов ШОС
Слабые стороны	Существенные расхождения в масштабах экономик, уровнях ВВП, численности населения, площади, структуры промышленности, экспорта и импорта, в темпах экономического развития, в нормативно-правовых системах стран-членов ШОС; реализация в основном двусторонних договоров, незначительное количество многосторонних договоров; неравномерность финансирования проектов; несогласованность целей интеграции стран; институциональная незрелость и несовершенство государственного аппарата; торможение реализации «пилотных» проектов; отсутствие эффективного механизма финансирования проектов; сырьевая ориентация отдельных национальных экономик.	Создание благоприятных условий экономического роста стран-участниц ШОС, развитие транспортно-логистических систем, совершенствование механизмов финансирования многосторонних проектов, повышение конкурентоспособности ШОС на глобальном и региональных рынках за счет оптимизации транзакционных затрат	Содействие экономической стабильности стран-участниц ШОС, формирование фондов поддержки многосторонних проектов, поддержка конкурентоспособности стран-членов ШОС на региональных рынках за счет оптимизации транзакционных затрат

Источник: составлено автором.

Таким образом, по результатам исследования обоснован выбор стратегических приоритетов развития ШОС в кратко- и долгосрочной перспективах. Исходя из проведенного анализа в краткосрочной перспективе целесообразной будет реализация стратегических приоритетов развития, соответствующих использованию возможностей внешней среды для нивелирования влияния слабых сторон внутренней среды: создание благоприятных условий экономического роста стран-участниц ШОС, развитие транспортно-логистических систем, совершенствование механизмов финансирования многосторонних проектов, повышение конкурентоспособности ШОС на глобальном и региональных рынках за счет оптимизации транзакционных расходов.

В долгосрочной перспективе целесообразной будет реализация стратегических приоритетов развития, соответствующих использованию возможностей внешней среды для развития сильных сторон внутренней среды: расширение ряда стран-участниц ШОС, увеличение влияния объединения за счет увеличения масштабов его деятельности, развитие транспортно-логистических систем, повышение глобальной конкурентоспособности, то есть реализация мер по формированию статуса мирового лидера.

Общей тенденцией для всех стран ШОС является рост доли экспорта и уменьшение доли импорта из стран-членов объединения, что свидетельствует об их значительном экспортном потенциале. Исходя из этого можно предложить матрицу взаимной заинтересованности стран ШОС по отдельным видам продукции (табл. 3).

Таблица 3

Матрица взаимной заинтересованности стран ШОС по отдельным видам продукции

Страны-экспортеры ШОС	Страны-импортеры ШОС							
	Китай	Индия	Россия	Казахстан	Киргизская Республика	Таджикистан	Узбекистан	Пакистан
Китай	0	1, 2, 5, 6, 9, 10, 15	1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15	1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15	1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15	1, 2, 5, 6, 9, 10, 12, 15	1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15	1, 2, 4, 6, 9, 10, 12, 15
Индия	1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14	0	1, 2, 3, 8, 9, 12, 13, 14	1, 2, 3, 6, 8, 9, 12, 13, 14	1, 2, 3, 6, 9, 8, 12, 13, 14	1, 2, 3, 6, 8, 9, 12, 13, 14	1, 2, 3, 6, 8, 9, 12, 13, 14	1, 2, 3, 6, 8, 9, 12, 13, 14
Россия	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11	0	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15	1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11
Казахстан	6, 8, 14, 15	6, 8, 14, 15	6, 8, 14, 15	0	6, 8, 14	6, 8, 14	6, 8, 14	6, 8, 14
Киргизская Республика	4, 7, 8, 14	7, 8, 14	4, 7, 8, 14	2, 4, 7, 8, 14	0	1, 2, 4, 7, 8, 14	1, 2, 4, 7, 8, 14	7, 8, 14
Таджикистан	4, 6, 7, 8, 14, 15	4, 6, 7, 8, 14	4, 6, 7, 8, 14, 15	4, 6, 7, 8, 14, 15	4, 6, 7, 8, 14, 15	0	4, 6, 7, 8, 14, 15	4, 6, 7, 8
Узбекистан	6, 7, 8	6, 7, 8	6, 7, 8, 9, 10	6, 7, 8, 9, 10	6, 7, 8, 9, 10	6, 7, 8, 9, 10	0	6, 7, 8
Пакистан	4, 14	4, 14	4, 14	4, 14	4, 14	4, 14	4, 14	0

Условные обозначения: 1 – Машины и оборудование; 2 – Транспорт; 3 – Инструменты; 4 – Текстиль; 5 – Обувь; 6 – Металлы; 7 – Драгоценные металлы; 8 – Минеральная продукция; 9 – Химическая продукция; 10 – Пластмассы; 11 – Древесина и изделия из древесины; 12 – Бумага и целлюлоза; 13 – Продукты питания; 14 – Продукты растительного происхождения; 15 – Продукты животного происхождения; 16 – Животные и растительные продукты переработки; 17 – Оружие.

Источник: составлено автором.

С целью исследования влияния внешнеторговых операций внутри ШОС на ее экономическое развитие на основе данных за 2001–2018 гг. был проведен расчет коэффициента корреляции Пирсона, показывающий степень зависимости экспортно-импортных операций между странами ШОС и уровнем ВВП соответствующей страны:

$$r_{xy} = \frac{\sum(x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum(y_i - \bar{y})^2}} \quad (1),$$

где x – соответствующее значение экспорта или импорта со страной-партнером; y – соответствующее значение ВВП отдельных стран мира.

При $r_{xy} \geq -1$ – обратная линейная зависимость, при $r_{xy} \leq 1$ – прямая линейная зависимость, а при $r_{xy} = 0$ линейная зависимость отсутствует.

Результаты расчета коэффициента корреляции ВВП стран ШОС и объемов их экспорта и импорта за период 2001–2018 гг. приведены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты расчетов коэффициента корреляций ВВП стран ШОС и объемов их экспорта и импорта за период 2001–2018 гг.

Страна/регион-партнер	Анализируемая страна											
	Китай		Россия		Таджикистан		Кыргызстан		Узбекистан		Казахстан	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Китай	–	–	0,953	0,937	0,967	0,535	0,824	–0,047	0,918	0,880	0,960	0,889
Индия	0,718	0,981	0,863	0,874	0,894	0,380	0,286	0,249	0,909	0,480	0,940	0,641
Казахстан	0,595	0,830	0,925	0,965	0,972	0,702	0,924	0,886	0,738	0,829	–	–
Кыргызстан	0,102	0,971	0,487	0,980	0,537	0,602	–	–	0,457	0,241	0,953	0,891
Пакистан	0,876	0,953	0,969	0,445	0,674	0,143	–0,516	0,063	–0,361	–0,367	0,083	0,312
Российская Федерация	0,927	0,910	–	–	0,933	–0,277	0,944	0,414	0,849	0,207	0,944	0,856
Таджикистан	0,582	0,883	–0,367	0,942	–	–	0,645	0,469	–0,614	–0,009	0,563	0,960
Узбекистан	0,883	0,963	0,715	0,932	–0,343	–0,343	0,371	0,929	–	–	0,959	0,908
Мир	0,940	0,950	0,985	0,984	0,975	0,561	0,900	0,717	0,889	0,763	0,956	0,934
Вместе страны ШОС	0,963	0,885	0,969	0,970	0,980	0,444	0,879	0,819	0,870	0,772	0,968	0,935
Другие страны мира	0,937	0,944	0,972	0,975	0,899	0,324	0,894	–0,047	0,903	0,607	0,913	0,926

Источник: рассчитано автором.

На основе анализа значимости корреляционных связей ВВП стран ШОС и объемов их экспорта и импорта можно сделать вывод, что экспортно-импортные операции стран-членов ШОС имеют высокое либо очень высокое прямое влияние на ВВП, поэтому стимулирование экспортно-импортных операций будет способствовать их экономическому росту.

По результатам проведенного исследования с целью улучшения торгово-экономических связей стран-членов ШОС могут быть предложены следующие векторы и направления перспективного экономического и интеграционного взаимодействия.

1. Вектор транспортно-логистического взаимодействия, направленный на уменьшение стоимости и продолжительности осуществления внешнеторговых операций:

– развитие транспортно-логистического обеспечения стыковок транспортных узлов на границах стран-членов ШОС;

– гармонизация и унификация транспортно-логистических операций, введение единых норм их проведения;

– осуществление таможенной оптимизации, снижение таможенных ставок для стран-участниц ШОС;

– ускорение графиков работ на всех пропускных пунктах, введение современных информационных технологий для предоставления информации, оформления транспортной документации и т.п.;

– разработка и внедрение водительского удостоверения, действительного во всех странах ШОС;

– обеспечение строительства мультимодальных логистических узлов, высокоскоростных автомагистралей;

– создание промышленных кластеров вдоль транспортных магистралей;

– внедрение общей системы управления транспортом на территории всех стран-членов ШОС;

– обеспечение диффузии современных транспортно-логистических технологий по всем странам ШОС;

– разработка новых транзитных коридоров и т.п.

2. Вектор инновационно-инвестиционного взаимодействия, направленный на обеспечение стимулирования инвестиционной активности стран ШОС:

– обеспечение создания банка совместных проектов, направленных на экономическое и технологическое развитие стран ШОС;

– разработка механизма справедливого распределения и привлечения финансовых ресурсов для финансирования совместных проектов;

– определение приоритетных направлений финансирования актуальных проектов, которые соответствуют целям большинства стран-участниц ШОС;

– содействие научно-техническому развитию и финансированию высокотехнологичных проектов, касающихся развития большинства стран ШОС;

- обеспечение контроля за выполнением всех этапов реализации проектов, финансируемых за счет ресурсов совместного Банка ШОС;
- обеспечение разработки и реализации совместных энергетических, инфраструктурных, информационных проектов, развития промышленности;
- обеспечение консультирования по разработке и финансированию совместных проектов стран ШОС;
- обеспечение условий создания совместных предприятий с участием среднего и малого бизнеса;
- содействие развитию технопарков, промышленных кластеров и т.п.

В будущем экономическое и интеграционное взаимодействие стран-членов ШОС в направлении реализации их экономической стратегии должно занять главное место в деятельности этого объединения, что будет способствовать экономическому росту в каждой стране и объединения в целом, созданию экономической основы для реализации его интеграционного потенциала, сглаживанию разногласий среди стран-участниц, а в перспективе – превращению его в мощный мировой политический и экономический центр.

Давиденко Л.М.

к.э.н., доктор PhD, ассоциированный профессор (доцент), Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар; Омский государственный университет davidenkolm@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ СТРАН ЕАЭС¹

Ключевые слова: инновации, технологическая интеграция, цифровая экономика.

Keywords: innovation, technological integration, digital economy.

Введение. Инновационно-технологическое развитие хозяйственных субъектов представляется возможным при тесном взаимодействии участников социально-экономических процессов в лице промышленных компаний, государственных структур, образовательных и научно-исследовательских учреждений. В силу общих подходов к системе корпоративного управления и платформенного взаимодействия особенно ценным является опыт формирования комплексной инфраструктуры инновационно-технологического сотрудничества в странах-партнерах по ЕАЭС.

Традиционные подходы инновационно-технологического взаимодействия дополняются инструментами активизации стейкхолдерского фактора как рычага ускоренной адаптации сотрудников компаний, населения регионов к цифровой реальности. Тем не менее, постоянно возникают «узкие» места, обусловленные низкой квалификацией персонала, несоответствием имеющейся материально-технической базы уровню цифровых технологий, которые целесообразно осваивать уже в настоящий момент. Поэтому формирование устойчивых связей между активными участниками инновационно-технологического процесса ставится в приоритетные задачи развития крупных компаний и их структурных подразделений.

1. Предпосылки формирования комплексной инфраструктуры инновационно-технологического сотрудничества хозяйствующих субъектов. В качестве главных причин для формирования устойчивых внутрихозяйственных связей, ориентированных на повышение уровня инновационности и технологичности производства, можно назвать необходимость удовлетворения потребности в высококвалифицированных кадрах, сложившуюся технологическую цепь создания добавленной стоимости в отраслевых кластерах, межгосударственные отношения по вопросам совместной разработки программ научно-технологического развития. В качестве примера таких отношений можно привести российские региональные связи подготовки кадров для малого и среднего бизнеса, когда на рынке труда объединяются государственные и негосударственные образовательные учреждения, инновационные компании и партнеры, учебно-деловые и бизнес-центры, профильные департаменты региональных органов государственной власти, бизнес-инкубаторы и технопарки² [1].

В качестве эффективных производственно-ориентированных связей используются механизмы налаживания тесного научно-технологического сотрудничества в промышленных кластерах, например, в казахстанском нефтехимическом кластере Павлодарской области (рис. 1, табл. 1).

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной прикладной НИР «Исследование потенциала инновационно-технологического развития экономики регионов Республики Казахстан и разработка возможных сценариев их экономического роста». Номер государственной регистрации 0119РКИ0283 и Международного проекта «Erasmus + TALENT Project 2018 – 2021» – Establishing Master Programmes in HRM and Talent Development in Central Asia (Создание магистерских программ по управлению персоналом и развитию кадрового потенциала в Центральной Азии). Номер регистрации 598690-EPP-1-2018-1-BE-EPPKA2-SBHE-JP.

² Руднева Л.Н. Подготовка кадров для малого и среднего бизнеса в регионах Российской Федерации: проблемы и решение // Проблемы устойчивого развития в отраслевом и региональном аспекте: материалы международной научно-практической конференции, 15 октября 2020 года. В 2-х томах. Т. 2 / Отв. ред. Е.А. Корякина. – Тюмень: ТИУ, 2020. – С. 88–92.

Рисунок 1.

Участники нефтехимического кластера Павлодарской области, Казахстан (разработка автора)

Таблица 1

Информационные ресурсы как связующий инструмент инновационно-технологического сотрудничества на уровне нефтехимического кластера Павлодарской области, Казахстан

Субъекты	Информационные параметры взаимодействия	Целевые задачи
ТОО «Павлодарский нефтехимический завод» (ТОО «ПНХЗ»), 100% акций принадлежат АО «Национальная компания «КазМунайГаз»»	Технологии производства автомобильных бензинов различных марок, дизельного топлива, нефтяного топлива (мазута), углеводородных сжиженных газов, вакуумного газойля, технической серы, битумов (строительный, дорожный, кровельный сорта), нефтяного кокса	Совершенствование технологического процесса производства высококачественной продукции, соответствующей мировым стандартам экологической безопасности
ТОО «УПНК-ПВ» – завод по производству прокаленного нефтяного кокса	Инновационные технологии прокатки твердого остатка вторичной переработки нефти – сырого нефтяного кокса, технологии складского обслуживания, позволяющие хранить 10-ти суточный запас сырья	Развитие взаимосвязанных производств нефтепереработки и цветной металлургии путем обеспечения потребности рынка в прокаленном нефтяном коксе – компоненте для производства алюминия на Казахском электролизном заводе, а также развитие экспортных операций в России и Китае
ТОО «Компания Нefтехим LTD»	Инновационные технологии производства полипропилена и МТБЭ (метил-трет-бутилового-эфира) – кислородсодержащего высокооктанового компонента для получения неэтилированных, экологически чистых автомобильных бензинов / высокие значения октановых чисел – 115-135 по исследовательскому и 98-100 по моторному методу	Углубление технологического передела нефтехимии, рост экспорта в Россию, Турцию, Украину, Китай, Западную Европу
АО «КИНГ» – услуги в проектировании и комплексном научно-инженеринговом обеспечении объектов нефтегазовой, энергетической отраслей на территории страны	Национальные технологии разработки крупных проектов в нефтегазовой отрасли путем трансфера инновационных мировых и отечественных технологий	Координация действий отраслевых организаций, таких как Национальная Палата предпринимателей «Атамекен», «KAZENERGY», Союз инженеринговых компаний Республики Казахстан, Казахстанская ассоциация энергоаудиторов

Примечание: разработано автором по источникам [<https://www.pnhz.kz/>; <https://www.upnk.kz/>; <https://nephtechim.kz/>; <http://www.king.kz/>].

2. Генерация идей как основа инновационно-технологического сотрудничества. Процесс инновационно-технологического роста сопровождается зарождением и развитием идей. Так называемый «банк идей», как правило, создается внутри промышленных объединений, имеет целевую поддержку со стороны менеджмента корпораций пу-

тем развития талантов среди сотрудников с целью коммерциализации их бизнес-идей. Например, в «банке идей» государственной корпорации АО «Национальная компания “КазМунайГаз”» зарегистрировано 6133 пользователя; на конец 2020 года внесено 539 рационализаторских предложений, 193 из которых получили одобрение, профинансированы и внедрены в производство. Важно отметить, что наряду с персоналом, непосредственно занятым на производстве, к процессу генерации активно подключаются образовательные учреждения, функционирующие в местах присутствия промышленных компаний. В частности, Инновационный Евразийский университет выступил с инициативой подготовки высококласных специалистов в области управления человеческими ресурсами, которые, как никогда, востребованы в настоящее время, когда трудовые коллективы Павлодарской области – крупнейшего промышленного региона – должны адаптироваться к цифровой реальности, иметь устойчивый психологический климат в условиях пандемии. Такая практика объединения промышленного и человеческого капитала с успехом распространяется по всему миру и заслуживает особого внимания в переходные этапы развития мировой экономики (табл. 2).

Таблица 2

Интеграция промышленного и человеческого капитала в целях устойчивого развития экономики

Направления интеграции	Механизмы реализации	Исследователи
Создание сложных и высокоэффективных интеллектуальных энергетических и управляющих систем производственного назначения	Создание качественной рабочей среды функционирования персонала путем непрерывного дистанционного мониторинга основных технологических параметров, выявления угроз промышленного шпионажа, непрерывного профессионального развития персонала в рамках Федеральной программы развития качества нефтепереработки (опыт США)	А.В. Корнеев ¹
Оптимизация бизнес-процессов инновационных проектов в кластерах	Организация научного, технического, кадрового, технологического, информационного обеспечения в процессе построения сети коммерциализации инноваций	Н.М. Тюкавкин, А.В. Макарачева, Д. Джонах ²
Объединение производственных и торговых предприятий	Построение межотраслевого производственного баланса в рамках модели «Анализ территориальных многоотраслевых объектов» обеспечивающих потребности региона, включая импортные и экспортные операции	Т.Л. Самков (T.L. Samkov) ³

3. Направления инновационно-технологического сотрудничества хозяйствующих субъектов в условиях цифровой экономики. В последнее время сотрудничество хозяйствующих субъектов приобретает ответные признаки на вызовы цифровой экономики, необходимость постепенного перехода к интеллектуальному производству, внедрению дистанционного управления производственными подсистемами в условиях катаклизмов. В табл. 3 предложен анализ основных подходов в области цифровизации инновационно-технологического развития системы хозяйственных связей.

Таблица 3

Характеристика инновационно-технологического развития хозяйственных связей в условиях современных вызовов

Направление	Характеристика	Исследователи
Построение «умных» систем управления предприятиями ТЭК	Разработка и внедрение компьютеризированной системы оценки текущего состояния сложной системы, формирование рекомендаций по ее совершенствованию на основании анализа показателей системы и подсистем	М.В. Покушко, А.А. Ступина, И. Медина-Було, Е.С. Дресвянский ⁴
Планирование, строительство и управление цифровыми городами	Инвестиционная программа проектирования системы обмена данными в рамках информационной инфраструктуры и несовершенной среды, создание модернизированной версии умного города «Smart Coast»	Шуай Дао (S. Tao), Хайбинь Лю (H.B. Liu), Сонгтао Ван (ST. Wang), Чунхэ Ли (CH. Li) ⁵
Система совершенствования и повышения эффективности ТЭК на всех этапах производства, распределения и потребления электроэнергии	Оценка потенциала конкурентных резервов, определение вероятности неравномерного экономического развития в будущем, ограниченного возможностями предприятий ТЭК	А.П. Дзюба ⁶

¹ Корнеев А.В. Человеческий фактор и инновационные технологии при освоении нефтегазовых месторождений в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2016. – № 6 (558). – С. 103–111.

² Тюкавкин Н.М., Макарачева А.В., Джонах Д. Модульно-сетевая инфраструктура обеспечения инновационной деятельности промышленных кластеров // Недвижимость: экономика, управление. 2019. – № 2. – С. 27–31.

³ Samkov T.L. Reflection of Production and Energy Inter-Sectoral Relations in the Model of Analysis of Territorial Multisector Objects (ATMO) // Problemele Energeticii Regionale. 2020. – N 3. – P. 116–131. – DOI: 10.5281/zenodo.4018993

⁴ Покушко М.В., Ступина А.А., Медина-Було И., Дресвянский Е.С. Исследование метода анализа среды функционирования и его применение для оценки эффективности предприятий топливно-энергетического комплекса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2020. – Т. 5, № 2 (16). – DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

⁵ Tao S., Liu H.B., Wang S.T., Li C.H. Construction of Smart Coastal Cities Based on Digital Government // Journal of Coastal Research. 2020. – N 110. – P. 154–158. – DOI: 10.2112/JCR-SI110-037.1

⁶ Дзюба А.П. Тенденции и структурные особенности развития мирового топливно-энергетического комплекса // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: экономические науки. 2020. – № 1 (23). – С. 53–66.

Цифровая трансформация на уровне отраслей	Внедрение технологий, изменяющих производственный цикл, начиная с автоматизации и заканчивая масштабным внедрением технологических решений по повышению производительности, оптимизации затрат, росту качества и надежности системы межхозяйственных отношений	Инна С. Лола (Inna S. Lola,), Мурат Бакеев (M. Bakeev) ¹
Платформенное моделирование информационной системы ЕАЭС	Элементы организационно-экономической системы сбора, хранения и анализа информации о трансграничных финансовых потоках	П.В. Давиденко, Л.М. Давиденко ²
Техническое и технологическое оснащение предприятий	Структурирование механизмов диагностики данных по обоснованию управленческих решений	А.Е. Миллер, Л.М. Давиденко ³

Заключение. Инфраструктура инновационно-технологического сотрудничества хозяйствующих субъектов стран ЕАЭС соответствует современным требованиям, предъявляемым к функционированию интегрированных структур, причем вызовы внешней среды выступают в качестве стимулирующей силы, приводящей к усилению цифровой активности промышленных компаний, поиску инновационных технологий со стороны НИИ, учреждений высшей школы, государственных структур. Национальные приоритеты в развитии кластерных образований совпадают с целями построения межгосударственных партнерских отношений, что особенно ценится в условиях спада мировой экономики и ухудшения эпидемиологической обстановки. Траектории совместного развития участников ЕАЭС определены, поэтому основными задачами социально-экономического роста являются поддержание начатых реформ в области цифровизации, развитие человеческого капитала и технологизация интегрированных хозяйственных структур.

¹ Lola I.S., Bakeev M. Pilot Study of Industry 4.0 and digital Technology Prevalence in Russian manufacturing Companies // Management and Production Engineering Review. 2020. – Vol. 11, N 3. – P. 26–37. – DOI: 10.24425/мпер.2020.134929

² Давиденко П.В., Давиденко Л.М. Проектирование и реализация информационной базы данных для отслеживания финансовых потоков // Инновационные технологии: теория, инструменты, практика (InnoTech-2019): XI Международная Интернет-конференция молодых ученых, аспирантов и студентов, с 15 ноября по 31 декабря 2019 г. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2020. – С. 37–41.

³ Миллер А.Е., Давиденко Л.М. Оценка текущей и перспективной технической/технологической оснащенности в соотношении с ресурсной базой предприятий // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. – Т. 18, № 1. – С. 5–13. – DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).5-13

Давыденко Е.В.¹

к.э.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Колесникова Т.В.²

к.э.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, таможенно-тарифное регулирование.

Keywords: Eurasian Economic Union, integration, customs and tariff regulation.

Одной из ведущих тенденций развития мировой экономики, несмотря на условия пандемии коронавирусной инфекции, деглобализации и усиления протекционизма, является активизация интеграционных процессов. Интеграционные процессы способствуют повышению конкурентоспособности национальных экономик, созданию условий для стабильного экономического роста и повышения уровня благосостояния входящих в интеграционную группировку государств. В контексте пандемии, стоит согласиться с тезисом государственного секретаря Союзного государства Г. Рапаты «Чем сложнее ситуация, тем интенсивнее должна быть работа по поиску путей сближения и консолидации любых существующих сообществ» и профессора МГИМО А. Стоппе «Роль интеграционных объединений существенно повышается в эпоху непредсказуемости и турбулентности, потому что их политика более предсказуема в силу консенсусности принимаемых в их рамках решений, нежели даже политика отдельных их членов»³.

Примером наиболее значимой интеграционной группировки на территории евразийского пространства является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сформированный на базе Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и действующий с 1 января 2015 года⁴. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем и перспектив таможенно-тарифного регулирования ЕАЭС в условиях углубления интеграционного процесса.

Неотъемлемым признаком «качественных» интеграционных процессов служит их постепенность, что наглядным образом проявляется на примере ЕАЭС. В табл. 1 прослежена история развития интеграционного процесса на территории евразийского пространства. В таблице показано, что по мере углубления интеграции и продвижения от одной стадии интеграционного процесса к другой происходит формирование единого экономического пространства, образование наднациональных органов, идет гармонизация и унификация норм законодательства, в том числе таможенно-тарифного.

Таблица 1

Этапы интеграционных процессов на территории евразийского пространства⁵

Ключевые даты	Событие	Государства-участники
январь 1995 года	Соглашение о создании Таможенного союза	Россия, Белоруссия, Казахстан
26 февраля 1999 года	Договор о создании Таможенного союза	Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан
2000 год	Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)	Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан
2003 год	Соглашение о формировании Единого экономического пространства	Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан
6 октября 2007 года	Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза	Россия, Белоруссия, Казахстан
январь 2010 год	Таможенный союз начинает работу	Россия, Белоруссия, Казахстан
июль 2010 год	Таможенный Кодекс Таможенного Союза	Россия, Белоруссия, Казахстан
2014 год	Договор о создании ЕАЭС	Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения (с 2015 года)
2018 год	Таможенный Кодекс ЕАЭС	Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения

¹ Профессиональные интересы: зарубежное инвестирование, Россия и Китай в мировой экономической системе, международное инновационное предпринимательство, ЕАЭС. E-mail: davvas@mail.ru

² Профессиональные интересы: международная конкурентоспособность экономики Китая, российско-китайские экономические отношения, «Один пояс, один путь», налогово-бюджетное регулирование, ЕАЭС. kolesnikova-tv@mail.ru

³ Роль интеграционных объединений существенно повышается в эпоху непредсказуемости и турбулентности. – <https://www.postkomsg.com/activities/events/226361/>

⁴ Евразийский экономический союз. – www.eaeunion.org

⁵ Составлено на основе: История создания и развития ЕАЭС: от ЕврАзЭС через ТС и ЕЭП / Агентство РСТ 23.04.2019. – <https://www.rctest.ru/news/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-caes-ot-evrazes-cherez-ts-i-eep.html>

С самого начала интеграционных процессов на территории бывшего СССР основная идея интеграции виделась не только в создании зоны свободной торговли и таможенного союза, но и в реализации более глубоких форм интеграционного объединения. Соответственно формирование и развитие Таможенного союза на постсоветском пространстве постепенно встраивалось в формат более тесной интеграции. Так, 6 октября 2007 года на базе ЕврАзЭС (предполагающего закрепление принципа «четырёх свобод» – свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, что соответствует такому этапу интеграции как общий рынок) была сформирована единая таможенная территория и создан Таможенный союз, а также образован наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. С 2010 года Таможенный союз начал свою работу и был введен в действие единый Таможенный кодекс для государств-членов Союза – Таможенный кодекс Таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана¹. С июля 2011 года таможенный контроль сохранился лишь на внешних границах Союза, таким образом идею Таможенного союза можно считать реализованной в полной мере.

В 2012 году Комиссия Таможенного союза была упразднена, а ее функции перешли к созданной тогда же Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Создание ЕАЭС предопределило необходимость внесения изменений в существующую архитектуру интеграционной документации. 1 января 2018 года вступил в силу Таможенный Кодекс ЕАЭС², тем самым отменив предыдущую редакцию. Соответственно, в настоящее время применительно к ЕАЭС, можно говорить о существовании ЕАЭС как общего экономического союза и Таможенного союза ЕАЭС. Следовательно, все государства, которые вступают в ЕАЭС, автоматически вступают в Таможенный Союз ЕАЭС. На сегодняшний день в состав ЕАЭС входят пять государств: Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия.

Таможенный союз как этап интеграции имеет ключевой целью развитие экономики государств-членов за счет улучшения условий торговли путем формирования единого таможенного пространства, отмены внутренних таможенных пошлин, проведения единой таможенной политики по отношению к третьим странам. Таким образом, эффективность функционирования Таможенного союза ЕАЭС и таможенно-тарифного регулирования на практике должна подтверждаться конкретными цифрами. По данным табл. 2 за период 2015–2019 годы можно проследить снижение темпов роста взаимной торговли ЕАЭС как по ЕАЭС в целом, так и по отдельным государствам-членам, что можно объяснить уменьшением первоначального эффекта от интеграции, преобладающим значением внешней торговли для ряда государств-членов ЕАЭС по отношению к взаимной торговле, существующими проблемами унификации таможенно-тарифного регулирования в рамках ЕАЭС. В 2020 году ситуация немного изменилась – внешняя торговля ЕАЭС падала быстрее, чем внутренняя, что говорит о том, что в кризисных условиях страны переориентировались на ЕАЭС как «островок стабильности». Например, в январе-июне 2020 года взаимная торговля ЕАЭС сократилась на 14,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом внешняя торговля ЕАЭС за этот же период упала на 16,2%³. На наш взгляд, устранение проблем в таможенно-тарифном регулировании ЕАЭС, имплементация всеми государствами-членами ЕАЭС новых таможенных инструментов и унификация практики применения данных инструментов будут способствовать росту темпов взаимной торговли, потенциал которой еще не исчерпан.

Таблица 2

Темпы роста взаимной торговли ЕАЭС в 2015–2019 гг. (в процентах к предыдущему году)⁴

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Россия	78,1	93,0	129,4	112,3	96,7
Беларусь	68,0	103,4	119,9	102,1	99,7
Казахстан	71,6	76,8	133,9	114,9	100,2
Армения	79,1	153,7	145,0	120,6	108,4
Кыргызстан	64,3	109,0	121,1	118,3	97,8
ЕАЭС	74,6	94,2	127,4	110,1	97,3

Несмотря на существующие проблемы в таможенно-тарифном регулировании, интеграционные процессы в ЕАЭС продолжают развиваться. В мае 2020 года Высший Евразийский Экономический Союз в целом одобрил Стратегию развития евразийской экономической интеграции на период 2020–2025 гг. – важный документ, устанавливающий основные ориентиры интеграционного развития ЕАЭС на ближайшие пять лет – с необходимостью внесения в него доработок⁵. Особое внимание в документе уделяется вопросам завершения формирования общих рынков без барьеров, изъятий и ограничений, формированию института цифровой таможни и цифровой трансформации таможенного администрирования. Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года по таможенному направлению включает в себя такие вопросы как совершенствование Таможенного Кодекса ЕАЭС, унификация электронного документооборота, обеспечение единых стандартов таможенных операций и проведения таможенного

¹ Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/

² «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/

³ Шустов А. Евразийская «пятерка» оказалась вполне устойчивой к кризису // Ритм Евразии 26.09.2020. – <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-09-26--evrazijskaja-pjaterka-okazalas-vpolne-ustojchivoj-k-krizisu-51077>

⁴ Составлено на основе: Статистика внешней и взаимной торговли товарами / Евразийская экономическая комиссия. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx

⁵ БЕИС в целом одобрил Стратегию развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. 19.05.2020. – www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-05-2020-3.aspx

контроля. Среди неурегулированных вопросов Стратегии развития евразийской экономической интеграции до 2025 года выделяются своей остротой тарифы на транзит газа, некоторые политические аспекты Стратегии, например, расширение полномочий ЕЭК, расширение наднационального регулирования и др.¹

Сложным и актуальным вопросом в рамках ЕАЭС можно назвать необходимость повышения эффективности технического и таможенного регулирования. В частности, в последнее время уделяется повышенное внимание имплементации странами ЕАЭС Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли. Данное соглашение встроено в Таможенный Кодекс ЕАЭС, тем не менее, с учетом переходных периодов для отдельных государств-членов не всегда внедрение положений Соглашения проходит гладко. Достоинство данного Соглашения состоит в том, что оно предусматривает использование наиболее прогрессивных и эффективных на сегодняшний день инструментов таможенного регулирования, в частности развитие института уполномоченного экономического оператора, системы управления рисками для целей таможенного контроля, предварительных решений по классификации товаров, сокращения сроков выпуска товаров и др.

Таким образом, Таможенный Кодекс ЕАЭС будет подвергаться изменениям, связанным с учетом современных достижений международного опыта таможенного регулирования, решений ВТО, которые носят обязательный характер для стран-членов ВТО.

Применительно к теме исследования нельзя не отметить вероятность расширения Евразийского экономического союза путем присоединения стран к данной интеграционной группировке. Процедура вступления любого государства в ЕАЭС возможно в соответствии со статьей 108 Договора о ЕАЭС², а детали данного процесса оговорены в Порядке принятия в ЕАЭС новых членов и прекращения членства в ЕАЭС³. Кандидатом на вступление в Союз можно считать Молдавию, являющуюся наблюдателем при ЕАЭС с мая 2018 г.⁴ Дальнейшее взаимодействие этой страны и Союза зависит как от позиции ЕАЭС, так и от вектора внешнеэкономического и политического развития Молдавии при избранном в ноябре 2020 г. президенте.

Заинтересованность в участии в Евразийском экономическом союзе проявляется со стороны Узбекистана, подавшего заявку о получении статуса наблюдателя. Для Узбекистана рынок ЕАЭС имеет важное значение: 30% внешней торговли страны приходится на страны Союза, причем товарооборот со странами ЕАЭС увеличился на 60% за 4 года с 2016 по 2019 гг. и составил 8,4 млрд. долл.⁵ Присоединение Узбекистана к Всемирной Торговой Организации⁶, а также статус наблюдателя, сближение необходимых норм законодательства в аспекте таможенно-тарифного регулирования, движения трудовых ресурсов, услуг и капиталов могут привести в дальнейшем к включению этой страны в ЕАЭС при определении взаимного выигрыша всех участников. При реализации данного сценария несомненным плюсом будет отсутствие торговых барьеров и присоединение к общему рынку труда, что может способствовать сокращению безработицы в Узбекистане.

Кроме того, существуют и перспективы вступления Азербайджана⁷ и Таджикистана⁸ в ЕАЭС. Однако с учетом геополитических и экономических разногласий, членство этих государств в ЕАЭС представляется более отдаленной перспективой.

Вместе с тем, обращая внимание на интерес ряда стран к участию в Евразийском экономическом союзе, следует подчеркнуть необходимость проведения полноценного анализа потенциальных положительных и отрицательных результатов расширения интеграционного объединения в контексте таможенно-тарифного регулирования как для действующих членов ЕАЭС, так и для государств-кандидатов. Усиление интеграционных процессов, отражающееся в унификации отдельных сторон экономического законодательства и мер регулирования движения товаров, услуг, рабочей силы и инвестиционных потоков, осуществляемое на сегодняшний день в ЕАЭС, требует взвешенного подхода к расширению Союза, построенного на глубоком анализе, и учитывающего долгосрочные цели развития Евразийского экономического союза.

¹ ЕАЭС сошелся на противоречиях // Коммерсант. – М., 2020. – № 87, 20 мая. – <https://www.kommersant.ru/doc/4349312>

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

³ Порядок принятия в Евразийский экономический союз новых членов и прекращения членства в Евразийском экономическом союзе (утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 25). – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0128760/scd_19102015_25_doc.pdf

⁴ Отношения Молдовы и ЕАЭС: каковы перспективы сотрудничества. – <https://ru.sputnik.md/economics/20200605/30491034/otnosheniya-moldova-eaes-kakovy-perspektivy-sotrudnichestva.html>

⁵ ЕЭК рассмотрела просьбу Узбекистана о получении статуса наблюдателя при ЕАЭС. – <https://uz.sputniknews.ru/economy/20200905/14914508/EEK-rassmotrela-prosbu-Uzbekistana-o-poluchenii-statusa-nablyudatelya-pri-EAES.html>

⁶ Узбекистан возобновил встречи по ВТО. – <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/08/wto/>

⁷ Какие выгоды может дать Азербайджану вступление в ЕАЭС. – <https://az.sputniknews.ru/expert/20200504/423818125/azerbaijan-eaes-soyuz-russia-belarus.html>

⁸ Позиция Таджикистана по вступлению в ЕАЭС не изменилась, – МИД. – <http://avesta.tj/2020/02/19/pozitsiya-tadzhikistana-po-vstupleniyu-v-eaes-ne-izmenilas-mid/>

Дадабаева З.А.

д.полит.н., в.н.с. Института экономики РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И ШОС СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, ЕАЭС, ШОС, Центральная Азия, интеграция.

Keywords: economic cooperation, EAEU, SCO, Central Asia, integration.

Большая Евразия – это активно развивающийся ареал международного сотрудничества, географическое расположение стран обуславливает межгосударственный транзит, являющийся определяющим фактором евразийской интеграции и расширяющий участие интеграционных объединений на мировом рынке трансконтинентального взаимодействия. Перспективы ЕАЭС и ШОС в условиях усиливающейся экономической мощи Китая в странах Центральной Азии, являются предметом научных дискуссий отечественных и зарубежных исследователей.

Анализ сотрудничества больших и малых стран, являющихся членами крупных международных региональных организаций в Евразии, представляет особый интерес с точки зрения места и роли, которую они играют в региональных процессах.

Экономическое сотрудничество устоявшейся международной организации Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и по историческим меркам достаточно молодого интеграционного объединения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приводит к синергетическому эффекту роста торгово-экономического сотрудничества, ускорению внутрирегионального инфраструктурного развития и конечно, политическому сближению стран. Вместе с тем, динамика региональных интеграционных процессов показывает, что наряду с определенными достижениями существует целый комплекс проблем и противоречий.

Роль ШОС в евразийской интеграции

Самостоятельность и ответственность, роль, которую стремится играть ШОС для поддержания экономической стабильности и политической безопасности на евразийском пространстве, привлекает к ней новых членов. ШОС создавалась как организация, деятельность которой была направлена на разрешение территориальных споров между Китаем, Россией и странами Центральной Азии (ЦА), образование новой пограничной инфраструктуры для совместной борьбы с сепаратизмом и экстремизмом, создание в ЦА зоны, свободной от ядерного оружия. Все это стало весомыми факторами развития организации. И в настоящее время основные направления взаимодействия по линии ШОС выстраиваются в соответствии с имеющимся уровнем экономического развития стран, геополитическими предпочтениями, существующими угрозами безопасности. Они действуют в трех основных направлениях: «сотрудничество в области поддержания региональной безопасности, экономическое сотрудничество, культурное и гуманитарное сотрудничество»¹.

ШОС превратилась в значимый фактор региональной геополитики, она обладает достаточным потенциалом для поддержания экономической стабильности и политической безопасности на евразийском пространстве. Но в последние годы организация потеряла прежнюю динамику. Это тем более важно, что Китай приступил к реализации мегапроекта Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) с участием многих стран Евразии.

Принцип равенства всех членов ШОС, закрепленный в ее Хартии, со временем вступил в противоречие с практической деятельностью этой организации, которая до вступления в организацию в 2017 г. Индии и Пакистана фокусировалась в основном на проблемах Центрально-азиатского региона. И как справедливо подчеркивает Кулинцев Ю.В.: «присоединение Пакистана и Индии к ШОС сыграло важную роль на пути трансформации однополярного мира в многополярный, где одним из плюсов становятся государства, объединенные новыми евразийскими интеграционными инициативами»².

На наш взгляд, трудно спорить с тем, что ШОС имеет двойное значение в ЦА. С одной стороны, организация является механизмом продвижения российской и китайской политики в регионе. С другой, для стран ЦА членство в ШОС обеспечивает, стабильность региональной политической и экономической системы, возможность «ламинировать» между Россией и Китаем, эффективно используя китайские инвестиции в экономику и российскую гуманитарную и военную помощь.

¹ Шурубович А.В. Шанхайская организация сотрудничества: новый этап развития // Мир перемен. – М., 2015. – № 3. – С. 127.

² Кулинцев Ю.В. Большое Евразийское партнерство: проблемы сопряжения с международными интеграционными проектами (на примере Шанхайской организации сотрудничества и инициативы «Экономического пояса Шелкового пути»). Диссертация на соискание ученой степени к.полит.н. 2020. – С. 121.

Стратегия развития ШОС отражает подходы самых сильных стран организации, с учетом мнения остальных участников, в соответствии с принципом консолидированного принятия решений. Причем каждая из стран-участниц, будучи заинтересованной в деятельности организации, имеет в ней особые интересы.

ШОС стала первой организацией в регионе, в рамках которой Китай приступил к экономической экспансии в страны ЦА. Начиная с 1992 г. Китай постепенно активизировал свое экономическое присутствие в регионе. С 2000-х гг. Китай нарастил свое влияние практически на всех сферах жизнедеятельности стран ЦА. Так товарооборот Китая со странами Центральной Азии вырос с 1,5 млрд. долл. в 2001 г. до 46,5 млрд. долл. в 2019 гг.¹

Для стран Центрально-азиатского региона в рамках организации появилась возможность координировать позиции по международным проблемам, связанным с изменением климата, окружающей средой и продовольственной безопасностью в условиях многополярного мира с целью уменьшения влияния ЕС и США.

При всех достижениях в обеспечении безопасности в ШОС не наблюдается серьезного расширения многостороннего экономического сотрудничества, отношения между членами организации базируются на двустороннем формате. Только при прокладке трубопроводов и строительстве железнодорожных и автомобильных дорог, т.е. развитии инфраструктуры, согласование носит многосторонний характер. Правда, при ближайшем рассмотрении и оно оказывается двусторонним. Дело в том, что строительство осуществляется в основном на китайские деньги и китайскими рабочими, а чтобы проложить любые коммуникации из Китая через ЦА в Южную Азию и Европу требуется согласовать позиции всех заинтересованных приграничных стран. В остальных случаях Китай заключает двусторонние соглашения. Полноценное же многостороннее сотрудничество, на наш взгляд, возможно только при условии формирования в рамках ШОС Зоны свободной торговли, которой пока нет.

Против этого выступает Россия, что и привело к выдвижению более широкой китайской инициативы – ЭПШП, способствующей закреплению позиций Китая в ЦА. Был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути (ФШП), проект «Экономический пояс Шелкового пути».

Китай динамично развивает торгово-экономические отношения практически со всеми центрально-азиатскими странами. Он находится на 2 месте после России в их торговом обороте и на 1 месте по инвестициям в традиционных для себя отраслях, в частности во всех видах строительства, в возведении инфраструктурных объектов и др.

Но соперничество в этой сфере, скорее тормозит, чем ускоряет сотрудничество. «Члены ШОС часто говорят об экономике, но роль и значение двух проектов – «Один пояс, один путь» Китая и Евразийский экономический союз – отбирают у ШОС роль основной правительственной площадки для обсуждений вопросов торговли и инвестиций»².

Осуществление стратегических планов ЭПШП делает роль Китая еще более весомой в Евразии. А это влечет определенные риски и для России, и для стран ЕАЭС. Китай может стать не только экономическим, но и идейным лидером стран региона и может решить региональные проблемы по существу. На первый взгляд, интересы Китая тесно переплетаются с интересами стран ЦА по развитию пространства. Но нельзя отрицать и тот факт, что развитие транспортно-логистической инфраструктуры государств ЦА – это не альтруистский проект Китая. «Главная цель – привязать к себе государства региона товарами, кредитами и технологиями и втянуть их в зону свободной торговли с Китаем, тем самым сделав для них безальтернативным выбор в пользу Китая»³.

Интеграция в ЕАЭС, интересы стран

В таком случае ЦА становится ядром отношений в рамках ШОС и ЭПШП. У России же, в отличие от Китая, в настоящее время эффективное инвестиционное сотрудничество с республиками осуществляется в рамках СНГ и ЕАЭС. Страны, не входящие в Союз, более тесно сотрудничают с Китаем.

Основная цель ЕАЭС – построение качественно новой экономики, основанной на эффективном функционировании общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; создание условий для стабильного развития стран с разным уровнем экономики в интересах повышения жизненного уровня населения; проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной тарифной политики. Взаимодействие и сотрудничество в рамках ЕАЭС направлены, в том числе, на развитие единых транспортных, энергетических и информационных систем, на создание общей системы мер государственной поддержки производственной и научно-технологической кооперации.

С 2015 г. ЕАЭС пережил несколько периодов подъема и спада торговых отношений, у стран до настоящего времени остаются нерешенные вопросы и взаимные претензии по тарифному регулированию. И Евразийская комиссия (ЕЭК) пока не стала полноценным инструментом модернизации национальных экономик и повышения их конкурентоспособности в мире. Интеграция, даже самая умеренная, предполагает передачу определенных прав единым органам интеграционного объединения, что означает добровольное ограничение суверенитета в определенных областях развития, ЕЭК и должна была стать таким органом для стран ЕАЭС. Но об успешной интеграции говорить преждевременно, острые проблемы между странами решаются, как правило, в двустороннем формате.

¹ Нежданов В. Эхо коронакризиса: Китай наращивает экономическое влияние в Центральной Азии. 2020. – 17 августа. – <https://eurasia.expert/kitay-narashchivaet-ekonomicheskoe-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>

² Клиффорд К. Саммит ШОС: сложная геополитика на огромном пространстве. – <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sammit-shos-slozhnaya-geopolitika/>

³ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). – М.: Научный эксперт, 2016. – С. 105.

Трансграничное сотрудничество в рамках ЕАЭС буксует в том числе из-за отсутствия системообразующих проектов, стимулирующих развитие интеграции на уровне малого и среднего бизнеса, а межрегиональная интеграция пока происходит только на уровне крупных предприятий-экспортеров. Результат интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве определяется многими факторами и зависит от трансформации экономики, уровня рыночных реформ, политики правящих кругов стран – членов интеграционных организаций, осознания народами важности сближения, политического влияния третьих стран.

Проблемы и противоречия евразийской интеграции концентрируются на внутренних и внешних факторах взаимодействия, взаимных инвестициях в странах СНГ, моделях валютно-финансовой интеграции, последствиях и внешнеторговых эффектах членства России, Беларуси и Казахстана в ЕАЭС. У РФ пока остаются механизмы двустороннего взаимодействия с каждой из стран ЦА, которые имеют свои болевые точки развития. Например, водно-энергетические проекты в Киргизии и Таджикистане не реализуются в силу недостаточных финансовых возможностей России. Эти проекты можно было бы реализовать, создав Центрально-азиатский целевой Фонд единого Евразийского водного (энергетического) консорциума.

В значительной степени имеющиеся проблемы связаны с неравномерностью социально-экономического развития стран-членов, различиями в интеграционном потенциале, противоречиями в законодательствах стран. Особую роль в этих процессах играют национальные интересы государств, которые они пытаются отстаивать в рамках интеграционного объединения.

В частности, *Россия заинтересована* в сохранении и укреплении интеграционных связей с бывшими советскими республиками. Исторические, геополитические и геоэкономические предпосылки позволяют ей обеспечить оптимальный баланс интересов новых независимых государств на постсоветском пространстве, что, в свою очередь, может ускорить переход на инновационный путь развития экономики России и стран ЕАЭС в целом. Сотрудничество в военно-технической сфере и по линии спецслужб, базируется на договорах и соглашениях разного формата о сотрудничестве в рамках ОДКБ и ШОС, связывающих Россию и вновь образованные государства Центральной Азии.

Интересы Белоруссии связаны с развитием торгово-экономических связей на евразийском пространстве, с интенсификацией сотрудничества в области энергетики и транспорта, с реализацией межгосударственных целевых программ.

Интересы Казахстана состоят в создании более крупного рынка для казахских производителей и потребителей, в содействии росту экономики посредством сокращения барьеров на пути перемещения товаров, капитала и рабочей силы, доступа к услугам. У Казахстана возникают условия для выработки единых подходов и координации действий по основным международным вопросам, для консолидации совместных усилий для противодействия глобальным вызовам и угрозам современности.

Интересы Киргизии основаны на понимании того, что страна находится в затруднительном экономическом положении и, конечно, нуждается в интеграции с более развитыми соседями. Ее интересы, прежде всего, состоят в решении проблем агропромышленного сектора. Для приобретения относительной независимости, учитывая большой гидроэнергетический потенциал, ей необходима помощь в строительстве гидроэнергетических станций. Существенную роль играет сотрудничество в социально-гуманитарной сфере: развитие культурных, образовательных, научных проектов, особое место занимает координация действий в отношении проблем трудовой миграции.

Интересы Армении заключаются в возможностях интеграции страны в общие системы регулирования в сфере финансов, в развитии транспортных путей, в получении дополнительных инвестиций в национальную экономику и, в частности, в энергетику.

Отметим, что в СНГ многие принятые решения и Декларации так и не нашли своего воплощения в жизнь. Произошло это, прежде всего, из-за нежелания некоторых стран ограничивать свой суверенитет и учитывать должным образом интересы партнеров, из-за сомнения в выгоде сближения. За такой разноскоростной интеграцией стоят объективные интересы стран в различных областях.

ЕАЭС – ШОС – ЦА перспективы сотрудничества

России важно иметь свой план по экономическому развитию Евразии. Россия особенно нуждается в преодолении пространственных дисбалансов экономического развития за счет создания транзитных коридоров с Китаем. Не имея собственных крупных инвестиционных проектов по их совместному решению на территории ЦА, она рискует столкнуться с интересами стран региона в формировании их собственного источника транзитных доходов при реализации ЭПШП. Если Россия не активизирует свою экономическую политику в Центрально-азиатском регионе, то она может оказаться в стороне от формирующегося многополярного мира.

Транспортные маршруты ЭПШП неравномерно затрагивают страны региона, в частности, Таджикистан в них участвует незначительно. В связи с этим было бы целесообразно разработать систему транспортно-инфраструктурных проектов с участием России, которые принесли бы реальную пользу при соблюдении паритета интересов всех заинтересованных стран. Но на это потребуются дополнительные финансовые затраты со стороны РФ. Кроме того, Россия, обладая серьезными научными и технологическими заделами в области телекоммуникаций, может совместно со странами ЦА создать Единый центр, обеспечивающий создание общей электронной инфраструктуры и реализацию перспективных проектов в цифровой экономике.

На фоне непростых отношений России и Китая с Западом нет альтернативы тесному сотрудничеству РФ, КНР и стран ЦА в рамках Евразийского экономического пространства. Именно в этом направлении и может сработать со-

пряжение ШОС и ЕАЭС, «для координации экономического взаимодействия, где ШОС могла бы стать связующим звеном между инициативой ЭПШП и ЕАЭС»¹.

¹ Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. – М., 2014. – № 7. – http://igpi.ru/bibl/other_articl/1406820606.html

Евченко Н.Н.¹

Д.Э.Н., профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕАЭС – ЕС: СТРАТЕГИЯ, ДИНАМИКА И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, стратегия, тенденции, внешняя торговля, экспорт, импорт, Российская Федерация, Нидерланды, Германия, Китай, взаимная торговля, торговля с третьими странами, доля в экспорте/импорте, условия роста внешней торговли и сотрудничества, значение ЕАЭС для бизнеса.

Keywords: EAEU, EU, strategy, trends, foreign trade, exports, imports, Russian Federation, Netherlands, Germany, China, mutual trade, trade with third countries, share in exports/imports, foreign trade & cooperation growth conditions, importance of EAEU for business.

Сотрудничество и внешнеэкономические связи ЕС и ЕАЭС как крупнейших в мировой экономической системе интеграционных объединений, соседствующих в Евразии, привлекают внимание ученых и практиков, играют важную роль для разработки и реализации внешних инвестиционных и торговых стратегий предприятий, организаций, компаний. Суть международной экономической интеграции, выраженная в углублении внешнеторгового и иного международного сотрудничества, проявилась в переходе от более простых к достаточно многовекторным и многофункциональным процессам.

В целях минимизации государственных и частных расходов предпринимателей на ведение внешней торговли еще в далеких девяностых руководителями РФ были поставлены задачи расширения таможенной территории и упрощения процедур перемещения товаров. Функционирование ЕАЭС как интеграционного объединения укладывается в исторически короткий процесс, однако подготовка к его созданию велась на протяжении более чем двух десятилетий. Процесс становления крупного интеграционного объединения и расширения экономического пространства на территории СНГ прошел несколько этапов.

История и этапы создания ЕАЭС

На первом этапе (в 1994 г.) в целях создания нового механизма интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве и движения к потенциальному экономическому союзу странами СНГ была образована Зона свободной торговли². Тем не менее, данная форма международной экономической интеграции оказалась недостаточно приемлемой, поскольку в течение года половина государств-участников вышла из проекта. Вскоре президент Казахстана Н. Назарбаев предложил идею «евразийской» интеграции в «Проекте о формировании Евразийского Союза Государств». В дальнейшем идея развилась в договоренности о таможенном союзе и 6 января 1995 г. Россия и Белоруссия подписали соглашение о Таможенном союзе (ТС), затем к нему присоединились Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

В 1999 г. стороны заключили договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП), в соответствии с которым обязались завершить формирование ТС и перейти к построению «общего рынка».

10 октября 2000 г. в Астане подписан договор об образовании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии. В 2006 г. в ЕврАзЭС вступил Узбекистан, однако спустя два года вышел из него³. С образованием ЕврАзЭС старый Таможенный союз – образца 1995 г. – прекратил свою деятельность.

В 2006 г. президентами государств ЕврАзЭС было принято решение о создании Нового Таможенного союза, в пределах которого во взаимной торговле действовал бы единый таможенный тариф, не применялись пошлины и ограничения экономического характера кроме специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Началось активное строительство правовой базы нового объединения.

6 октября 2007 г. Россия, Белоруссия и Казахстан подписали договор о создании единой таможенной территории и формировании ТС⁴. Был образован наднациональный орган управления – комиссия Таможенного союза.

¹ Сферы научно-консультационных интересов: Европа, государства Центральной и Восточной Европы, внешняя торговля РФ и регионов, несырьевой экспорт, институты развития ВЭД, международное инвестиционное сотрудничество, стимулирование ВЭД малого и среднего бизнеса. E-mail: natayevch@yandex.ru

² Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 «О создании зоны свободной торговли». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/

³ История экономической интеграции евразийских государств. Досье. – <https://tass.ru/info/1222521>

⁴ Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан в г. Душанбе 06.10.2007). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93361/

Новый ТС начал свою работу в январе 2010 г., когда вступил в силу Единый таможенный тариф трех стран. С июля того же года на территории государств-членов ТС был введен единый Таможенный кодекс, с июля 2011 г. весь таможенный контроль вынесен на внешний контур союза. На внутренних границах сохранен пограничный и миграционный контроль.

27 ноября 2009 г. в Москве президенты России, Белоруссии и Казахстана приняли решение о переходе к более глубокой форме экономической интеграции – Единому экономическому пространству (ЕЭП), основанному на принципах и нормах Всемирной торговой организации. ЕЭП предусматривало устранение барьеров во взаимной торговле, создание общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, проведение согласованной валютной политики. 9 декабря 2010 г. была подписана Декларация о формировании ЕЭП на пространстве Таможенного союза трех стран. ЕЭП начало действовать с января 2012 г., когда вступили в силу базовые соглашения.

В Декларации о формировании ЕЭП от 9 декабря 2010 г. было заявлено, что «развивая Таможенный союз и ЕЭП, ЕврАзЭС движется к новой форме интеграции – Евразийскому экономическому союзу».

Осенью 2011 г. лидеры России, Казахстана и Белоруссии выступили с программными статьями о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

29 мая 2014 г. в Астане по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета президенты России, Казахстана и Белоруссии подписали Договор о ЕАЭС. Три государства приняли обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики.

3 октября 2014 г. президент РФ Владимир Путин подписал закон о ратификации договора. 10 октября 2014 г. в Минске по итогам заседания совета глав государств СНГ Высший Евразийский экономический совет одобрил присоединение Армении к ЕАЭС.

Казахстан ратифицировал договор о Союзе 14 октября 2014 г.

23 декабря 2014 г. в Москве на заседании Высшего Евразийского экономического совета был подписан договор о присоединении Киргизии к ЕАЭС.

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан в Астане 29 мая 2014 года¹. Согласно договору, ЕАЭС начал работу с 1 января 2015 г., одновременно ЕврАзЭС прекратил свою деятельность².

Таким образом, формирование и нормативно-правовое оформление ЕАЭС заняло более 10 лет, и уже более пяти лет функционирует данное объединение. При этом постоянно продолжает формироваться развернутая институциональная основа наднационального уровня управления крупным интеграционным объединением. Постоянно расширяется круг зон ответственности, передаваемых на уровень ЕАЭС, совершенствуется законодательная база, укрепляется значимость объединения в мире.

Актуальность, цель и задачи исследования

Каков же эффект присутствия в мире нового интеграционного объединения с точки зрения его участников? Насколько эффективны усилия по созданию ЕАЭС как инструмента роста объемов внешней торговли бизнеса государств-членов? Какие тенденции можно выделить, исходя из динамики внешней торговли как внутри ЕАЭС, так и за его пределами – с третьими странами?

Целью настоящего исследования выступает выявление и сравнение тенденций развития внешнеторговой динамики интеграционных объединений – Таможенного союза и ЕАЭС – в ходе проведения сравнительного анализа за соответствующие равные пятилетние периоды их функционирования: 2010–2014 гг. и 2015–2019 гг. (первая задача). В целях формирования точек обеспечения взаимовыгодных условий сотрудничества, расширения применения механизмов «мягкой силы», второй, достаточно самостоятельной задачей настоящего исследования является изучение потенциала и фокуса внимания к ЕАЭС со стороны бизнеса как ЕС, так и РФ, политиков, экспертов, консультантов, которые проявляются в публичном поле, во время опросов, конференций и форумов. Полученные выводы могут быть использованы органами управления ЕАЭС при разработке стратегии развития интеграционного объединения в среднесрочной перспективе.

В настоящее время задачами развития сотрудничества в рамках ЕАЭС, участия Российской Федерации в деятельности интеграционного объединения занимается Министерство экономического развития.

Из перечня стратегических направлений в отношении интеграционного объединения, которые находятся в фокусе внимания системы управления РФ в ЕАЭС, наиболее перспективными представляются формирование безбарьерной среды для бизнеса, техническое регулирование и стандартизация продукции; нормативное регулирование цифровой среды и цифровая прослеживаемость движения товаров на территории всех государств ЕАЭС. Кроме того, в числе значимых аспектов развития объединения следует выделить и одобрение Советом Федерации РФ закона о создании национальной системы регистрации товарных знаков ЕАЭС, создание общей системы фискального мониторинга за оборотом товаров во взаимной торговле, единое климатическое регулирование на пространстве ЕАЭС. Анализ вышеуказанных направлений развития объединения позволяет заключить, что в перспективе актуализируются как проблематика формирования новых правил ведения бизнеса, создания общего единого пространства защищенной применяе-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_IAW_163855

² История экономической интеграции евразийских государств. Досье. – <https://tass.ru/info/1222521>

мыми в мире инструментами торговли, расширение использования информационных технологий, так и вырастет значимость внешней торговли для наполнения бюджета государств-членов ЕАЭС.

Результаты исследования

Рассмотрим результаты изучения тенденций и динамики внешнеторговых потоков, формируемых бизнесом государств ЕАЭС. Согласно рабочей гипотезе настоящего исследования, доступный статистический ряд данных за полные годы определяется объемами внешней торговли товарами (экспорт и импорт) Таможенного союза (2010–2014 гг.) и ЕАЭС (2015–2019 гг.).

Учитывая инерционность международных торговых процессов, выявлять долгосрочные тренды необходимо на достаточном временном интервале. На рис. 1 и рис. 2 представлена динамика изменений по нескольким показателям.

Идентификация предложенных для анализа показателей обусловлена следующими основаниями:

1) поскольку одной из задач создания интеграционного объединения являлось именно преодоление внутренних торговых барьеров в целях роста объемов экспорта и импорта, то важно проследить изменения объемов взаимной торговли в рамках государств ЕАЭС;

2) в торговле государств ЕАЭС с ЕС весомое, часто – искажающее воздействие на объемы внешней торговли оказывает деятельность ключевого внешнеторгового партнера. В нашем случае при экспорте – Нидерландов, при импорте – Германии. Поэтому было решено изучить отдельно их влияние на динамику внешнеторговых процессов «ЕС-ЕАЭС», выделив в самостоятельный показатель на рис. 1 и 2. Тем самым, в целях исключения двойного счета при анализе из экспорта в государства ЕС исключены поставки в Нидерланды, при импорте из ЕС – поставки из Германии;

3) в торговле государств ЕАЭС с третьими странами весомое и искажающее воздействие на объемы торговли оказывает деятельность единственного ключевого внешнеторгового партнера – Китая, по которому приведены самостоятельные траектории экспорта-импорта. Поставки в Китай и из Китая исключены из объемов торговли с третьими странами в целях избегания двойного счета.

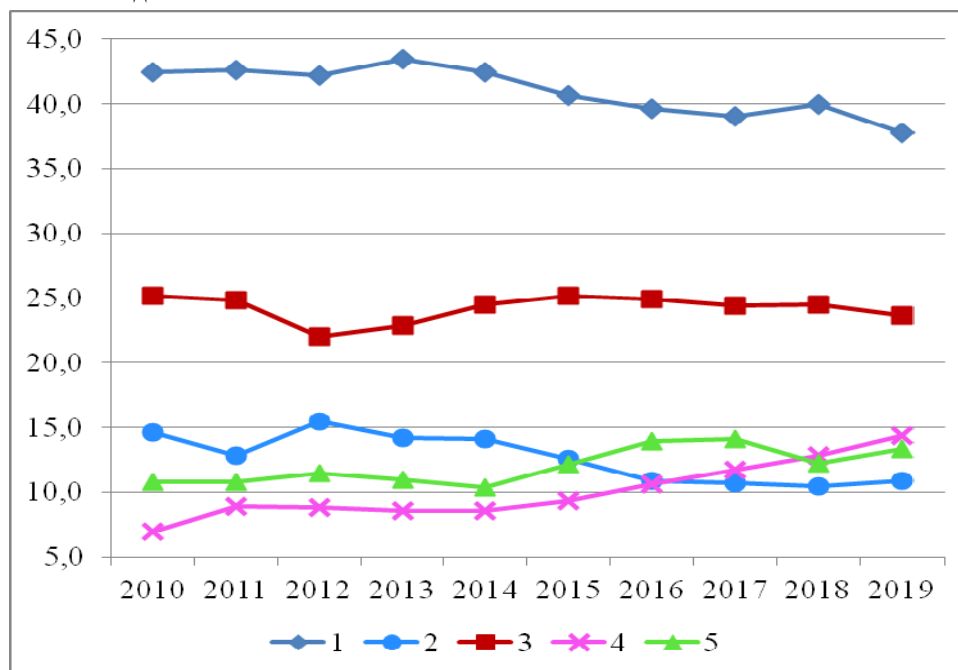

Рисунок 1.

Экспорт ЕАЭС: в государства ЕАЭС, в ЕС, в третьи страны, в Нидерланды, в Китай, % от всего¹

На рис. 1 цифрами обозначены:

1. Экспорт в ЕС, без Нидерландов.
2. Экспорт в Нидерланды – наиболее крупный партнер ЕАЭС по экспорту в ЕС.
3. Экспорт в третьи страны, без Китая.
4. Экспорт в Китай – самый крупный партнер по экспорту в третьи страны.
5. Экспорт в рамках взаимной торговли товарами в рамках ЕАЭС (поставки в государства ЕАЭС).

Анализ информации, представленной на рис. 1, показывает, что наиболее динамично в рамках функционирования ТС-ЕАЭС экспорт развивался в Китай (рост с 7,0 до 14,4%) в 2010–2019 гг. Также увеличение экспорта (+2,6%) произошло во взаимной торговле в рамках ТС-ЕАЭС (с 10,8 до 13,4%).

¹ Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2015–2019 гг. Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2016–2020 гг.; Внешняя торговля товарами государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства за 2011–2014 гг.: Стат. бюлл.; Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2012–2015 гг.; Россия в цифрах. 2011– 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. – М.

Незначительное падение экспорта государств ТС-ЕАЭС произошло в торговле с третьими странами, без учета поставок Китая (с 25,2 до 23,6%).

Экспорт ТС-ЕАЭС в Нидерланды снизился на 3,8%, с 14,7 до 10,9%, а экспорт ТС-ЕАЭС в Евросоюз – без Нидерландов – снизился с 42,4 до 37,7%.

Таким образом, наиболее значительные потери в структуре экспорта стран ТС-ЕАЭС произошли при поставках товаров в ЕС, в целом – на 8,5%.

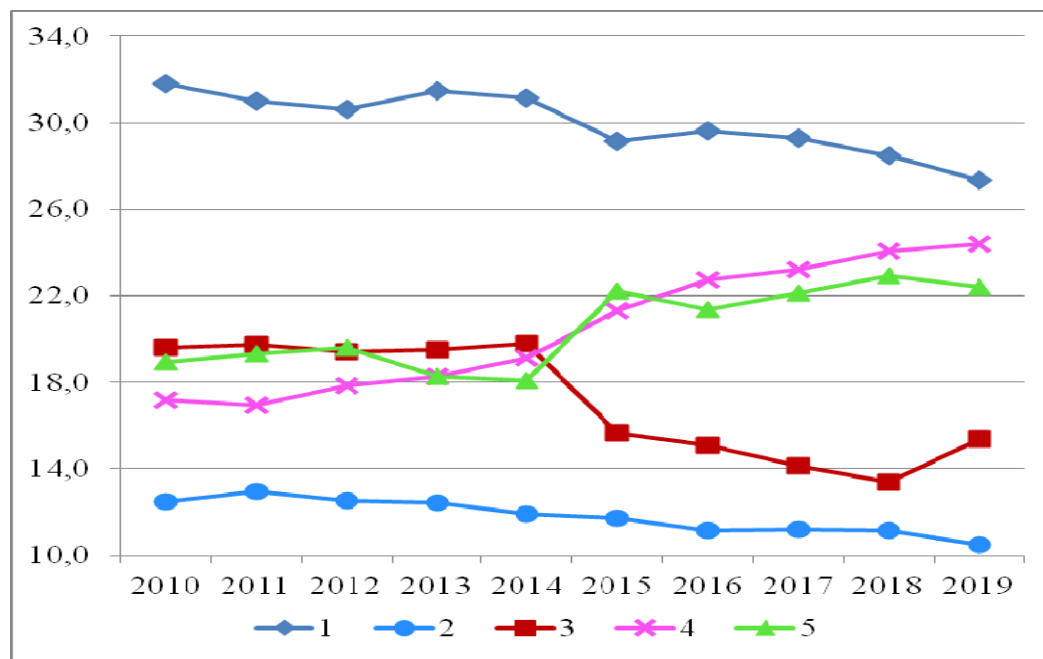

Рисунок 2.

Импорт ЕАЭС: из государств ЕАЭС, из ЕС, из третьих стран, из Германии, из Китая, % от всего¹

На рис. 2 цифрами обозначены:

1. Импорт из ЕС, без Германии.
2. Импорт из Германии – наиболее крупного партнера по импорту ЕС.
3. Импорт из третьих стран, без Китая.
4. Импорт из Китая – наиболее крупного партнера по импорту из третьих стран.
5. Импорт в рамках взаимной торговли товарами в ЕАЭС (поставки в государства ЕАЭС).

Анализ информации, представленной на рис.2 свидетельствует, что за период 2010–2019 гг. импорт ЕС демонстрирует более устойчивые темпы изменений, чем экспорт. Из ЕС в ЕАЭС импорт упал на 6,5% по сравнению с падением экспорта – на 8,5% (рис. 1). Наиболее динамичным оказался импорт из Китая +7,2%, идентично экспорту в Китай.

Взаимный импорт в рамках ТС-ЕАЭС увеличился на +3,5%, что превышает темпы роста взаимного экспорта. Импорт из третьих стран (без Китая) снизился на 4,2%.

Структура направлений внешнеторговых товарных потоков в процентах, представленная и проанализированная по данным рис. 1 и рис. 2, характеризует их общее изменение ТС-ЕАЭС за 2010–2019 гг. Представляется сложным выявление динамики изменений не только в структуре, но и в абсолютных значениях направлений товарных потоков, т.е. для анализа важны объемы поставок, а не только их структура (табл. 1). Также представляется важным разделить динамику внешней торговли ТС и ЕАЭС по временным периодам в силу разных условий ее осуществления.

Таблица 1

Среднегодовые значения отдельных направлений внешнеторговых товарных потоков ТС и ЕАЭС, млрд. долл. США, и их доля в общем объеме, %, в 2010–2014 гг., 2015–2019 гг.

	Экспорт				Импорт			
	2010–2014 гг.		2015–2019 гг.		2010–2014 гг.		2015–2019 гг.	
	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%	млрд. \$	%
Взаимная торговля	59,9	10,9	53,0	13,2	59,9	18,8	53,0	22,2
ЕС	313,8	56,9	203,7	50,5	138,8	43,7	94,9	39,9
Третьи страны	178,0	32,3	147,3	36,3	119,3	37,5	90,5	37,9

Примечание: Источники информации для табл. 1 приведены в ссылке для рис. 1.

По данным табл. 1 в абсолютном выражении среднегодовые объемы экспорта ЕАЭС по сравнению с экспортом ТС наиболее существенно упали при торговле с ЕС – минус 110,1 млрд. долл. США, или падение на 35,1%.

¹ Источники информации для рис. 2 приведены в ссылке для рис. 1.

Импортные поставки из ЕС в ЕАЭС (по сравнению с ТС) снизились на 43,9 млрд. долл. США, или на 31,6%. Тем самым, наиболее существенные потери объемов внешней торговли ЕАЭС в сравнении с ТС пришлось на ЕС. Аналогично оказались сниженными объемы и взаимной торговли, и поставок ЕАЭС в третьи страны (табл. 1).

Более детальный анализ динамики экспорта/импорта по отдельным направлениям в рамках ЕАЭС приведен в табл. 2 и табл. 3.

Таблица 2

Динамика роста экспорта ЕАЭС, к предыдущему году и в 2015–2019 гг., %

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2015 гг.
Взаимная торговля	94,2	127,4	110,1	102,2	135,1
ЕС	78,1	123,7	128,6	90,5	112,5
Третьи страны	85,0	127,3	131,0	95,7	135,6

Примечание: Источники информации для табл. 2 приведены в ссылке для рис. 1.

Таблица 3

Динамика роста импорта ЕАЭС к предыдущему году и в 2015–2019 гг., %

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2015 гг.
Взаимная торговля	94,2	127,4	110,1	102,2	135,1
ЕС	97,7	122,1	104,1	99,7	123,7
Третьи страны	100,3	121,4	106,7	111,1	144,3

Примечание: Источники информации для табл. 3 приведены в ссылке для рис. 1.

Минимальных объемов внешняя торговля ЕАЭС достигла в 2016 году, а затем происходило ее наращивание, с незначительным снижением поставок в 2019 году. Таким образом, в целом динамика внешней торговли ЕАЭС сохраняет положительный вектор, хотя и на значительно более сниженных объемах, чем в начале текущего десятилетия.

Опросы предпринимателей о проблематике ЕАЭС

В экономической литературе (как русскоязычной, так и зарубежной), как представляется, не так широко распространена аналитика создания и функционирования ЕАЭС, а проблема взаимодействия «ЕС-ЕАЭС» может быть отнесена к относительно редко избираемым темам научных исследований и аналитических работ. Тем не менее, для бизнеса крайне интересна публикация результатов опросов по проблематике ЕАЭС, взаимодействия ЕС-ЕАЭС.

Например, важно мнение бизнеса о том, что в отношении упрощения сертификации и гармонизации существующих производственно-технологических процессов нормы ЕС и ЕАЭС в значительной мере соответствуют друг другу. «В ЕАЭС нормы электротехники соответствуют международным и европейским стандартам на 85%, электроника на 80%, метрология – 40%, добыча и переработка нефти, газа и смежные производства – 70%»¹.

Иностранные и российские бизнесмены положительно оценивают создание ЕАЭС в своей деятельности. Так, в 2017 году глава московского представительства Объединения торгово-промышленных палат Германии Шепп М. провел с коллегами опрос среди 800 бизнесменов из России, Германии, Беларуси и Казахстана: 70% опрошенных уже сейчас видят конкретную пользу в действиях ЕАЭС, хотя в 2015 г. аналогичный ответ давали только 20% респондентов. Каждый четвертый респондент видит выгоду в облегчении таможенного режима и контроля. 24% считают, что рынок расширился благодаря действиям ЕАЭС. Еще 11% убедились в снижении расходов на логистику².

Более половины участников опроса на Неделе российского бизнеса-2019 отметили, что «евразийская интеграция непосредственно влияет на их бизнес (30%), а 27% обозначили опосредованное влияние ЕАЭС – через партнеров, контрагентов, потребителей продукции»³.

Основные выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что ЕС остается важным, во многом – ключевым, партнером ЕАЭС во внешней торговле. Однако как его доля в структуре торговли, так и абсолютные объемы торговли существенно снизились. Причины взаимной потери рынков ЕС-ЕАЭС связаны со сложными политическими процессами, взаимными санкциями. Для ЕС партнерство с ТС-ЕАЭС представляется не очень значительным: в экспорте ЕС их доля составляла от 1,5% (2015) до 3,0% (2011), в импорте – от 3,4% (2016) до 6,9% (2011). Возможно, при отмене санкционных барьеров, расширении возможностей доступа товаров на рынки выявленные тенденции изменятся, и доступ товаров ЕАЭС на европейский рынок восстановится.

Период становления ЕАЭС (2015–2019) показал, что по внешнеторговому обороту взаимные поставки наиболее динамично наращивались в третьи страны (+79,6 млрд. долл. США), из которых на Китай пришлось 68,7%. ЕС во

¹ Международная Конференция по развитию сотрудничества на территории от Лиссабона до Владивостока. – https://forum.spb.com/news/news/1konferentsiya-po-razvitiyu-sotrudnichestva-na-territorii-ot-lissabona-do-vladivostoka/?sphrase_id=62293

² Там же.

³ Бизнес государств ЕАЭС все больше встраивается в интеграционные процессы. – https://www.economy.gov.ru/material/news/biznes_gosudarstv_eaes_vse_bolshe_vstraivatsya_v_integracionnye_processy.html

внешней торговле государств ЕАЭС прирастил +44,8 млрд. долл. США, а во взаимной торговле прирост составил +32,0 млрд. долл. США.

В перспективе следует более активно стимулировать взаимную торговлю государств ЕАЭС и диверсифицировать поставки в ЕС и третьи страны. Мировая практика показывает, что существенная зависимость от единственного партнера означает появление новых проблем, часто – диктат партнера. Усиление позиций Китая на рынках ЕАЭС становится проблемной не только для России, но и для государств ЕАЭС в целом. Следовательно, необходима согласованная политика заинтересованных сторон в анализе, выявлении положительных и негативных сторон быстрого роста объема внешней торговли с Китаем, формулирование национальных внешнеэкономических интересов интеграционного объединения в отношении и Китая, и ЕС. Поскольку пока такая политика не выражена, каждый их членов ЕАЭС выстраивает собственную траекторию с данными крупными участниками мировой торговли.

Ершова И.В.

к.ф.н., доцент, Высшая школа экономики, управления и права, САФУ, Архангельск

Жура С.Е.

к.э.н., доцент, Высшая школа экономики, управления и права, САФУ, Архангельск

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, правовая модель, национальная академия наук.

В настоящее время актуальным становится вопрос построения различных моделей межсубъектного взаимодействия. Практический интерес представляет построение правовой модели международного научно-технического сотрудничества (далее МНТС) на примере стран СНГ. Предполагается, что в рамках построения подобной модели необходимо исследовать нормативную правовую базу, регулирующую сферу научно-технического сотрудничества стран СНГ, исследовать институты, способствующие научно-техническим разработкам, проанализировать межинституциональную активность данных структур (например, проведение совместных конференций, саммитов, опубликование статей, монографий, академической мобильности, проведение грантовых конкурсов и т.п.), определить сильные и слабые стороны построения МНТС.

Анализ нормативной базы стран СНГ позволил констатировать наличие унифицированного законодательства, регулирующего сферу научно-технического сотрудничества. Нормативные акты содержат цель, приоритетные направления научного сотрудничества (на уровне национальных законодательств), формы государственной поддержки, а также непосредственно нормы, регулирующие сферу научно-технического сотрудничества.

Исследование сферы международного сотрудничества в научно-технической деятельности показывает, что в большинстве законов четко прописываются формы международного научно-технического сотрудничества (например, проведение совместных научных исследований и разработок, проведение международных конгрессов, конференций, симпозиумов, мобильность научных, научно-педагогических, научно-технических кадров, совместная подготовка специалистов, студенческие обмены, взаимный обмен научной информацией и др.), а также права субъектов, осуществляющих данный вид деятельности (например, право на участие в выполнении международных научно-технических программ и проектов, право на заключение договоров, соглашений и контрактов с иностранными и международными научными сообществами, организациями, ассоциациями и союзами, участие в деятельности иностранных и международных сообществ и др.).

Отметим, что правовые модели межинституциональных взаимодействий строят многие страны, в их число входят и страны ЕС. Основываясь на приоритетных сферах научно-технических исследований, ЕС разрабатывает «дорожные карты» международного сотрудничества в сфере науки и инноваций и выделяет ряд стран, объединенных в блок «Восточное партнерство». В «Восточное партнерство» входят Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. Приоритетными направлениями сотрудничества между ЕС и странами Восточного партнерства являются социальные проблемы, демография, благосостояние, окружающая среда и климат, безопасная и чистая энергетика. На основании вышеизложенного указанные страны были выбраны для проведения настоящего исследования.

В Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине в сфере науки функционируют аналогичные организации. Как правило, Академии наук являются государственными научными учреждениями, включающие в свой состав ряд научно-исследовательских институтов, однако могут быть организованы и на основах самоуправления (например, Национальная академия наук Грузии¹). Так, во всех странах действуют Академии наук как важнейшее звено механизма МНТС. Сравнивая имеющиеся в Академиях наук структурные единицы, отметим, как правило, наличие подразделений физико-математических и технических наук, химических наук; наук о Земле; биологических наук; общественных наук (Национальная академия наук Азербайджана² и ряд других), отделение аграрных наук (например, в Национальной Академии наук Беларуси³). В рамках национальных академий наук страны СНГ стремятся не только интегрироваться в общеевропейское научное пространство, но также и сохранить свою самобытность (например, в Академии наук Армении есть отделение арменоведения и общественных наук⁴).

В функционал академий наук, среди прочего, входит осуществление международного научного и научно-технического сотрудничества, развитие взаимовыгодных связей с академиями наук и другими научными организа-

¹ Национальная академия наук Грузии. – http://science.org.ge/?page_id=2491&lang=en

² Национальная академия наук Азербайджана. – <http://science.az/pages/nauchnyie-otdeleniya-nana>

³ Национальная академия наук Беларуси. – <https://nasb.gov.by/rus/about/otdeleniya-nauk/>

⁴ Национальная академия наук Республики Армения. – <https://www.sci.am/divs.php?langid=3>

циями зарубежных стран, выполнение межгосударственных научных и научно-технических программ и проектов, участие в деятельности международных научных и научно-технических организаций и ассоциаций. Однако далеко не всегда Академии наук наделены полной автономией при принятии решений в проведении научной политики, поэтому это может сыграть не самую позитивную роль в развитии национальной науки.

Для более успешной имплементации общепринятой модели «университеты-наука-производство» создается ряд научных баз, целью которых является повышение эффективности внедрения передовых достижений науки в производство.

Финансирование научных проектов возможно посредством государственных и негосударственных фондов. Например, Национальный научный фонд Руставели призван обеспечить создание единой системы финансирования науки, а также мониторинг деятельности заинтересованных сторон по государственным научным грантам и представление в Министерство образования, науки, культуры и спорта отчета о новых научных продуктах и ожидаемых экономических эффектах по данным, основанным на грантовом финансировании¹ (Грузия). БРФФИ – это государственная некоммерческая организация, не имеющая членства, предметом деятельности которой является финансирование проведения и апробации результатов фундаментальных, в том числе ориентированных фундаментальных, научных исследований, направленных на решение научных проблем, связанных с практическими приложениями (Беларусь²).

Для выявления предпосылок построения правовой модели МНТС стран СНГ нами был проведен SWOT-анализ сильных и слабых сторон, а также имеющегося потенциала в сфере международного научно-технического сотрудничества.

В качестве сильных сторон можно отметить стремление сохранить национальную идентичность в науке (Азербайджан) при вовлеченности в интегративные процессы с европейскими странами; прикладной характер исследований (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина); Национальные академии наук имеют разветвленную структуру, охватывающую прикладные и фундаментальные исследования (Азербайджан), при этом Академия наук может быть консультативным органом правительства (Грузия); наличие государственного фонда финансирующего национальные научные исследования (Азербайджан, Беларусь и др.); в странах могут быть созданы учебно-научные кластеры (Молдавия), а также используются возможности государственно-частного партнерства (Армения); в государстве разработана и имплементируется долгосрочная стратегия «Наука и технологии» на 2018–2040 гг. (Беларусь).

Слабыми сторонами в построении правовой модели МНТС может считаться отсутствие развитой системы научно-исследовательских баз, центров (имеются единичные базы, относящиеся к Национальным академиям наук); незначительная партнерская база для МНТС, ориентация в большей степени на блок стран СНГ. Вызывает настороженность снижение государственного финансирования научных исследований, инфраструктурных объектов (Армения), а также незначительная роль, которая отводится исследовательской и инновационной деятельности в рамках системы государственной политики (Молдавия). Как негативный фактор, затрудняющий МНТС, упоминается недостаточное финансирование системы исследований и инноваций, низкий приоритет исследований и инноваций в государственной политике и в отраслевых программах, следствием чего является устаревшая материальная база и исследовательская инфраструктура, которая не связана с международной инфраструктурой. Низкая вовлеченность молодых кадров в проведение исследований детерминирована низкими зарплатами научных сотрудников (Молдова, Украина), а также сокращением численности сотрудников Академии наук.

В качестве внешних возможностей странами СНГ рассматриваются сотрудничество со странами ЕС, Россией, Японией, Китаем. Сотрудничество рассматривается в политической, торгово-экономической, оборонной сферах, в области безопасности и в культурно-гуманитарной сферах. Страны активно используют возможности проводить исследования в международных группах. Важным направлением является участие в рамочной программе Горизонт 2020, а также использование финансирования для проведения исследований из европейских фондов, либо посредством подачи на зеркальные гранты (например, РФФИ и БРФФИ).

Изучив официальные сайты, нормативную базу, в рамках нашего исследования авторы пришли к следующим заключениям. Страны СНГ имеют логично структурированную нормативную основу под МНТС. В странах есть достаточно развитая инфраструктура, материально-техническая база (национальные академии наук, научно-исследовательские институты, научно-исследовательские центры), финансирование, которое ученые получают либо со стороны государства, либо через специальные государственные и частные (негосударственные) фонды, либо через фонды ЕС и иные, либо через подачу заявок на зарубежные, как правило, европейские научно-исследовательские гранты, зеркальные с РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) гранты. Практикуется государственно-частное партнерство в рамках проведения исследований. При этом слабыми сторонами проводимой политики в сфере МНТС является отсутствие автономии при принятии решений национальной Академией наук, либо указание на недостаточное финансирование исследовательских программ.

Основными угрозами представляются как ограничение участия российских исследователей из-за проводимой государством санкционной политики, так и снижение финансирования исследований из-за падения темпов роста национальных экономик в период распространения COVID-19. Важной угрозой является закрытие границ, что приводит к ограничению мобильности исследователей, сокращению количества проводимых исследований и научных мероприятий.

¹ Национальный научный фонд Руставели. – <https://www.mes.gov.ge/content.php?id=80&lang=eng>

² Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований. – https://fond.bas-net.by/obsved_.html

Сильными сторонами в контексте МНТС является сохранение национальной самобытности в науке, наличие национальных Академий наук, разветвленной сети научно-исследовательских организаций, стремление части государств к интеграции в европейское исследовательское пространство, относительная самостоятельность Академий наук при принятии решений в рамках проведения научных исследований, курирование сферы МНТС со стороны министерств, а также наличие национальных фондов для финансирования научных исследований. При этом страны активно используют финансирование из европейских фондов либо зеркальные гранты с РФФИ.

Слабыми сторонами в сфере МНТС являются: незначительная роль, которая отводится сфере науки и МНТС; слабо развитая исследовательская инфраструктура, недостаточное финансирование со стороны государства, сокращение численности научных сотрудников (возрастной фактор, отсутствие финансирования, закрытие научно-исследовательских организаций); зависимость от получения финансирования из европейских фондов; незначительная партнерская база; снижение государственного финансирования НТС; низкая эффективность при применении результатов, полученных при проведении исследований, незначительная преемственность между сектором науки (проводимых исследований) и промышленности (например, в Молдавии).

Ефименко С.В.

аспирант, Белорусский государственный экономический университет, Минск

ОПЫТ СКООРДИНИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Ключевые слова: *Европейский Союз, Содружество Независимых Государств, социально-экономическое развитие, Союзное государство Беларуси и России, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, США, Канада, Япония, Республика Корея.*

Keywords: *European Union, Union of Independent States, socio-economic development, Union State of Belarus and Russia, Shanghai Cooperation Organization, Association of South East Asian Nations, USA, Canada, Japan, Republic of Korea.*

В настоящее время интеграция является неотъемлемой частью экономического развития каждой страны. Интеграционные связи, формирующиеся на протяжении десятилетий, позволили сформировать множество экономических союзов и объединений, что привело к ускорению международной глобализации и формированию политических и финансовых институтов взаимодействия между странами на наднациональном уровне, а также усилению экономической устойчивости.

После Второй мировой войны социально-экономическое развитие стран Западной Европы позволило увеличить количество и качество общественных и частных благ (товаров, работ, услуг) предоставляемых населению, в том числе и полученных при взаимовыгодном обмене с другими территориями, и обеспечило перераспределение финансовых средств между территориями при наличии межбюджетных отношений. Создание сферы социально-экономического развития привело к появлению программ социально-экономического развития в области здравоохранения; культуры, физкультуры и спорта; социальной защиты молодежи, пенсионеров, инвалидов; промышленного производства и сокращения безработицы; сельскохозяйственного производства и сокращения безработицы в сельской местности; использования топливно-энергетических ресурсов; рационального использования природных ресурсов (земли, воды, лесов и т.п.); транспорта и связи; торговли, бытового обслуживания и др.

Вторая половина XX века ознаменовалась созданием и последующим развитием различных интеграционных объединений с целью устойчивого экономического развития, с уклоном в развитие социальной сферы и создание финансовых институтов, позволяющих укрепить взаимодействие в рамках интеграционного объединения не только на национальном, но и на региональном уровне. Одним из первых интеграционных объединений, включающих в себя целые страны и субъекты хозяйствования как на национальном, так и региональном уровне, стал ЕС. ЕС является высокоразвитым и во многом уникальным интеграционным объединением, успешно адаптирующимся к условиям глобализации и регионализации. Политика единой Европы направлена на стратегию развития европейского пространства в тесном взаимодействии с окружающими странами и регионами.

Европейский Союз является классической моделью поэтапного пятиступенчатого развития, включающей создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического и валютного союза и (на завершающей стадии) политической интеграции. В этой схеме каждая предшествующая ступень понимается как логическая предпосылка к последующей, а направлением региональной интеграции считается поступательное движение от экономического к политическому объединению (союзу)¹.

Его особенностью можно признать обмен опытом на региональном уровне, свободную презентацию инноваций в любой из стран-членов, сотрудничество отдельных городов, развитие внешних связей и стремление регионов участвовать и принимать решения во внутренней и внешней политике. Это позволило Европе начать объединение «снизу» в сферах экономики, экологии, культуры, развития технологий и производства, что стало одной из главных особенностей Европейского союза.

Однако данная модель интеграции продемонстрировала и недостатки, ставшие причиной ослабления роли ЕС и выхода из него Великобритании. Изначально страны данного союза прошли все основные интеграционные формы – от таможенного союза до формируемого единого союза как единого экономического, валютного и политического. Однако последние расширения Союза привели к существенному перераспределению голосов в институциональных органах ЕС, ослаблению позиций ведущих стран при принятии решений, перераспределению финансовых ресурсов в пользу новых членов Союза, к противоречиям внутри ЕС, необходимости содействия повышению уровня экономического развития новых стран-членов, что может сказаться на динамике и содержании процессов европейской экономической интеграции. Вследствие этого произошло ослабление позиций основных экономических игроков Союза, проявились излишняя инертность экономической политики, внутренние противоречия относительно внешней политики и

¹ Семак Е.А. Международная экономическая интеграция: учеб. пособие. – Минск: Белорусский. гос. ун-т, 2012. – 78 с.

общая слабость в противостоянии неожиданным угрозам, включая коронакризис и иммиграцию из Северной Африки и Ближнего Востока.

Используя Европейский опыт, формировался и СНГ. В отличие от ЕС, СНГ формировалось под давлением обстоятельств распада Советского Союза и необходимостью создания его альтернативы в целях налаживания новых экономических и политических связей на постсоветском пространстве. Основной акцент делался на развитии экономического сотрудничества в целях создания общего экономического пространства, процесс интеграции включал такие этапы как: создание зоны свободной торговли на основе ликвидации таможенных пошлин, усовершенствование таможенного законодательства, унификация таможенных документов с поэтапным сближением транспортных тарифов; введение единого внешнего тарифа за счет создания таможенного союза, с последующим проведением общей внешней торговой политики; создание общего рынка; и наконец валютный союз на основе общей денежно-кредитной, валютной и налоговой политики¹.

Одновременно было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли в целях реализации поставленных задач. К 2003 году на Ялтинском саммите СНГ было подписано Соглашение о Едином экономическом пространстве в целях консолидации взаимных экономических связей и сокращения их издержек в рамках свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и лиц².

Далее на постсоветском пространстве были сформированы Союзное государство России и Беларуси, ЕАЭС, ГУАМ и другие.

Другим примером интеграционного объединения может послужить ШОС. ШОС создавалась с целью обеспечения военной безопасности стран-участниц. В подписанной Декларации определены основные цели интеграции³:

- укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- поощрение эффективного сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях;
- совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка.

На практике основной упор делается на обеспечении безопасности и борьбу с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Был заключен ряд соглашений по противодействию терроризму, а также разработка и принятие Конвенции по борьбе с ним, включающая принципы сотрудничества государств в рассматриваемой области, а также обмен информацией, выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, разработку согласованных мер по предупреждению и пресечению деяний, обмен опытом, информацией, нормативно-правовыми актами и прочим.

Помимо мер, принятых для обеспечения безопасности, позже были созданы предпосылки для экономической интеграции. Так были созданы три неправительственные структуры, направленные на совершенствование сотрудничества в области экономики и образования, а именно⁴:

- 1) Межбанковское объединение ШОС (2005 г.);
- 2) Деловой совет ШОС (2006 г.), объединяющий представителей делового сообщества государств-членов;
- 3) Форум ШОС (2006 г.) – многосторонний общественный консультационно-экспертный механизм, в состав которого входят научные учреждения государств-членов.

Кроме того, ШОС осуществляет сотрудничество и установление партнерских связей с ООН, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и др.

Серьезными обстоятельствами, тормозящими развитие и углубление сотрудничества ШОС, являются различные уровни экономического развития, состояние инфраструктуры, устойчивость национальной валюты в каждой стране, различия законодательств государств-членов ШОС, политические ограничения, таможенные и иные барьеры.

К числу значимых интеграционных объединений следует отнести и БРИКС. Особенностью БРИКС стало географическое расположение стран-участниц, некоторые из которых не имеют общих сухопутных границ, но обладают прочными позициями в глобальной экономике и позиционируют себя не конкурентами на мировом рынке, а союзниками на фоне реформирования мировой экономики. Пристальное внимание по отношению к странам БРИКС объясняется серьезным ростом их глобальной политической роли и экономического веса в современном мире⁵. Благодаря обширным территориям, энергетическим и природным ресурсам, численности населения и огромному экономическому потенциалу, страны БРИКС оказывают существенное влияние на мировое развитие. Существенный экономический подъем стран БРИКС с момента основания оказал глубокое влияние на экономику развитых и развивающихся стран. Однако в последнее время наблюдается замедление темпов экономического роста стран-участниц. Одна из причин – снижение мировых цен на нефть. Этому также способствовало и замедление экономического роста Китая, являюще-

¹ Байдурун М. С. Проблемы и перспективы экономического развития стран СНГ в условиях интеграции и глобализации // Региональные проблемы преобразования экономики: сб. ст. – Махачкала, 2014. – С. 209–210.

² Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП). – М., 2003. – <http://kremlin.ru/events/president/news/29387>

³ Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии / М.В. Данилович [и др.]. – Минск: Белорусский. гос. ун-т, 2012. – 14 с.

⁴ История развития, статус и основные направления деятельности ШОС. – Минск, 2013. – <http://forsecurity.org/istoriya-razvitiya-status-i-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-shos>

⁵ Проблемы и риски динамичного развития стран БРИКС / Б.А. Акаева // Журн. клуб. Интелпрос. – М., 2017. – № 1. – С. 7.

гося одним из самых крупных потребителей нефти и металлов в мире. Однако страны БРИКС остаются выгодными рынками сбыта и источниками привлечения иностранных инвестиций.

Благодаря устойчивому росту экономик стран БРИКС, обеспечению активного стимулирования внутреннего спроса, устранению социального неравенства, проведению структурных экономических реформ внутри стран-участниц, а также более тесной торговой и финансовой кооперации между странами-участницами, данное объединение остается перспективным в плане социально-экономического развития.

Одним из самых ранних по времени образования интеграционных объединений является АСЕАН, первоначально состоящая из пяти государств: Сингапура, Таиланда, Филиппин, Индонезии и Малайзии. Позднее в нее вошли Бруней, Вьетнам, Лаос, Союз Мьянма и Камбоджа. Усиление роли Китая в данном регионе и развитие рыночных отношений побудили данную группировку стран к активному решению ряда чрезвычайно важных задач. К ним относятся: формирование особой структуры управления; формирование зоны свободной торговли и зоны инвестиций; введение единой валюты и создание развернутой экономической инфраструктуры.

Одной из целей этого интеграционного образования является обеспечение военно-политической стабилизации в регионе Юго-Восточной Азии. Благодаря расширению АСЕАН, произошло повышение экономического потенциала данной группировки, что содействовало стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии во второй половине XX века. Однако, несмотря на поставленные задачи по формированию зон свободной торговли, взаимное экономическое сотрудничество развивалось ограниченно, а фактической экономической интеграции не могло быть в условиях низких уровней экономического развития стран-участниц и степени взаимозависимости, взаимодополняемости и наличия спорных территорий. Принятие Декларации согласия и программы действий в 1976 г. на Балийском саммите способствовало формированию следующих аспектов взаимодействия¹: свободный доступ на региональный рынок топлива и продовольствия; сотрудничество в области производства; торговое сотрудничество с третьими странами; согласование и представление взаимных экономических интересов АСЕАН на международной арене.

Изначально отношения в рамках АСЕАН носили ограниченный характер, однако позднее страны АСЕАН заключили двухсторонние соглашения о либерализации внутренних финансовых рынков, что привело к повышению их зависимости от внешних факторов. Прежде всего либерализация стала причиной появления спекулятивных портфельных инвестиций, роста доли краткосрочных кредитов и опасности коррупции. Правительства этих стран не имели широкого опыта контроля фондовых рынков, поэтому снижение эффективности промышленного производства привело к проблемам погашения внешних займов, конкуренции с китайским рынком дешевой рабочей силы, снижению процентных ставок по инвестициям в технологичные производства в США, длительному спаду в экономике.

В начале XXI века проблемы в экономической сфере затронули каждую страну АСЕАН, но в различной степени. Новые члены АСЕАН не имели развитого фондового рынка и конвертируемой валюты. После 2008 года стало очевидно, что необходима более сложная стратегия адаптации к изменениям внешних условий, основывающаяся на внешних и внутренних ресурсах, включая региональную экономическую интеграцию, государственную политику, и качество рабочей силы.

В отличие от интеграционных объединений, включающих в себя как минимум несколько стран, двухсторонние отношения государств позволяют проводить более углубленную интеграцию на гораздо более выгодных условиях. Одним из лучших примеров двухсторонних соглашений является Союзное государство Беларуси и России.

Основными целями создания Союзного государства Беларуси и России стало стремление повысить уровень жизни, укрепить отношения между Беларусью и Россией в политической, экономической, социальной и других областях, обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие этих стран на основе материального и интеллектуального потенциалов².

Беларусь является самым надежным внешнеполитическим союзником России. В свою очередь Российская Федерация остается гарантом независимости республики и главным рынком сбыта белорусского экспорта.

Именно строительство Союзного государства стало толчком для создания Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана и формирования ими единого экономического пространства. Благодаря Союзному государству был нарабатан большой опыт по интеграции в различных сферах.

Существующая система социально-экономических отношений Беларуси и России имеет огромный потенциал для развития и в рамках Союзного государства, и в рамках других интеграционных образований. Однако в данный момент существующая более двадцати лет экономическая система нуждается в совершенствовании. Кроме того, несмотря на время, прошедшее с момента создания Союзного государства, многие условия договора так и не были выполнены. Наличие протекционизма в политике России и Беларуси является существенным барьером для экономического взаимодействия двух стран.

Представляется очевидным, что Союзному государству следует проводить более согласованную промышленную политику, создать благоприятные условия для ведения малого и среднего предпринимательства в обеих странах; развивать новые формы экономического управления на основе более современных технологических платформ; провести налоговую реформу; сформировать прозрачную среду для конкуренции в отраслях экономики.

Примером двусторонних социально-экономических взаимоотношений являются и отношения США и Канады. Оба государства сохраняют финансовую и политическую независимость, однако успешно взаимодействуют в реализации многих совместных экономических проектов. Одним из совместных проектов стало освоение северных территорий США и Канады с целью разработки нефтяных месторождений.

¹ Мисько О.М. Международная экономическая интеграция: учеб. пособие. – СПб.: ИТМО, 2015. – 130 с.

² Итоги интеграции. – М., 2019. – <http://www.embassybel.ru/belarus-russia-relations/sojuz/live/>

Совершенно иначе выглядит ситуация во взаимоотношениях Республики Корея и Японии. Корея долгое время находилась в составе Японии в качестве колонии, что привело к некоторой напряженности в их отношениях. Однако и Япония, и Республика Корея, вместе с США, во время «холодной войны», находились в состоянии военного союза. С распадом СССР, внутренние противоречия существенно усложнили взаимоотношения между странами. У стран есть территориальные споры, остается также не до конца решенным вопрос о компенсациях гражданам Республики Корея, пережившим войну. Однако, несмотря на сложные отношения между странами, Корейский полуостров остается для Японии самым удобным рынком сбыта.¹ Республика Корея в последние годы практически догнала Японию по показателям экономического роста и ВВП на душу населения, тем самым переводя «вертикальные отношения к горизонтальным».

¹ Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы. – М., 2019. – <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-mezhdu-yaponiei-i-yuzhnoy-koreey-problemy-tendentsii-perspektivy>

Жильцов С.С.¹

д.полит.н., зав. кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, профессор РУДН

РОЛЬ ЕАЭС В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *Евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения.*

В 2021 году исполнится 10 лет, когда Россия, Белоруссия и Казахстан поддержали проект евразийской интеграции, который впоследствии был реализован на практике. В ноябре 2011 года три страны подписали декларацию «О евразийской экономической интеграции», в которой провозглашалась задача к 2015 году создать Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

В России, Белоруссии и Казахстане большое внимание уделялось разработке механизмов совместного противодействия экономическим и политическим вызовам. Страны учитывали сильную взаимную зависимость друг от друга. Так, Белоруссия сильно зависела от восточного соседа². Более половины внешнеторгового оборота Белоруссии обеспечивалось Россией, четверть банковских активов контролировалась российскими финансовыми группами, и более половины внешнего долга за последнее десятилетие было привлечено из России³. Схожая ситуация наблюдалась и в российско-казахстанских отношениях.

В феврале 2012 года начала работать Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), в мае того же года был одобрен план работы по подготовке проекта Договора об ЕАЭС. В последующие годы страны подписали дополнительные соглашения о создании Таможенного союза и Единого экономического пространства. В итоге была создана законодательная база, устранены противоречия в торгово-экономической сфере. В результате 29 мая 2014 года Россия, Казахстан и Белоруссия подписали договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В статье 4 Договора цели организации определены следующим образом: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики»⁴.

Свою деятельность ЕАЭС начал 1 января 2015 года в соответствии с решениями, принятыми президентами России, Белоруссии и Казахстана, а также на основе подписанных документов, которые определили порядок вхождения в интеграционное объединение Армении и Киргизии.

ЕАЭС изначально представлял собой интеграционный проект, востребованный лишь частью стран постсоветского пространства. Такие страны, как Украина и Грузия не рассматривали даже потенциальной возможности участия в ЕАЭС. Соответственно, на постсоветском пространстве ЕАЭС выступал в качестве цели интеграции только для ряда государств, которые видели в этом выгоды. Так, страны-члены ЕАЭС рассматривали свое участие через призму своих геополитических и экономических интересов. В Белоруссии и Казахстане, столкнувшихся с экономическими трудностями, ЕАЭС рассматривался в качестве возможности решения накопившихся проблем. К важнейшим задачам Казахстана и Белоруссии в рамках ЕАЭС относились вопросы торгово-экономического сотрудничества. За счет получения доступа к российскому рынку капитала и сбыта Казахстан рассчитывал снизить зависимость экономики от опережающего развития нефтегазового сектора и преодолеть сырьевую ориентацию промышленного производства и экспорта. Казахстан был заинтересован в создании устойчивых торгово-экономических отношений с партнерами по евразийской интеграции. Это позволяло Казахстану рассчитывать на расширение рынков сбыта для производимых в стране товаров⁵. Белоруссия планировала создать дополнительные возможности для доступа своей продукции на российский рынок. Россия также видела в ЕАЭС потенциальные экономические возможности. Россию привлекало взаимо-

¹ Сфера научных интересов: проблемы постсоветского пространства, Каспийский регион, Центральная Азия, водные ресурсы, Украина. E-mail: sergej-z71@yandex.ru

² Шурубович А.В. Евразийская интеграция в восприятии белорусов // Россия и новые государства Евразии. – М., 2014. – № 1. – С. 9-25.

³ Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом // Проблемы постсоветского пространства. – М., 2015. – № 1. – С. 12.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. – М., 2014. – 680 с.

⁵ Башмаков А.А. От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции: сборник научных трудов. – Алматы: КИСИ при президенте РК, 2013. – С. 182–189.

действие в топливно-энергетической, космической сферах, судостроении, машиностроении, сельском хозяйстве¹. Наконец, Армения и Киргизия рассматривали «евразийскую интеграцию через призму решения экономических проблем, отстаивания геополитических интересов»².

Экономические проблемы и геополитический фактор играют большую роль в определении внешнеполитического вектора стран-участников ЕАЭС. Страны, входящие в интеграционное объединение, оказались под мощным прессингом со стороны внерегиональных государств. После распада СССР их усилия были направлены на установление контроля над постсоветским пространством, получение доступа к ресурсам бывших советских ресурсов. При этом ключевой задачей Запада и Китая было противодействие реинтеграции стран постсоветского пространства, особенно при лидирующей роли России.

Для других стран постсоветского пространства, поддерживающих интеграционный проект ЕАЭС, односторонняя ориентация на внерегиональные государства показала свою ущербность. Соответственно, экономическая слабость и политическое давление со стороны ЕС, США и Китая подталкивало Белоруссию и Казахстан, а затем и Армению и Киргизию, искать новые формы сотрудничества, в том числе, и с Россией. По этой причине, Китай искал различные пути снижения уровня вовлеченности Казахстана и Киргизии в евразийскую экономическую интеграцию. Развитие ЕАЭС противоречит интересам Китая, который заинтересован в дальнейшем наращивании своего влияния в Центральной Азии. Таможенный союз может изменить экономические условия для Китая в Центральной Азии.

Большие усилия к созданию препятствий для реализации интеграционного проекта ЕАЭС прилагают западные страны³. Так, еще до создания ЕАЭС, в 2012 году, когда стали обсуждаться конкретные шаги по развитию евразийской интеграции, Хиллари Клинтон, в тот период Государственный секретарь США, заявила, что «Вашингтон постарается найти эффективные способы, чтобы замедлить или предотвратить развитие евразийской интеграции»⁴.

Развитие ЕАЭС определяется уровнем торгово-экономических отношений между его участниками. ЕАЭС находится в начале своего становления, что неизбежно порождает конфликты между его участниками. Тем не менее, в последние годы страны ЕАЭС делали акцент на расширении экономического взаимодействия, рассматривая евразийскую интеграцию в качестве необходимого условия для последующего развития национальных экономик и достижения политической стабильности. 1 января 2018 года вступил в силу Договор о таможенном кодексе Евразийского экономического союза, который был подписан в апреле 2017 года⁵. Постепенно складывается положительная динамика макроэкономических показателей⁶. Как отмечал казахстанский эксперт В. Додонов, «в ЕАЭС наметились позитивные тенденции»⁷. Очевидно, что преимущества от интеграционных процессов не могут быть получены мгновенно. Создание ЕАЭС лишь создало новые возможности для стабилизации экономической ситуации в странах, участвующих в евразийской интеграции. В перспективе реализация амбициозных планов может позволить провести модернизацию и реиндустриализацию.

Дальнейшее расширение ЕАЭС в краткосрочной перспективе маловероятно. Все страны, которые были заинтересованы в сохранении тесного сотрудничества со странами постсоветского пространства, свой выбор сделали. Остальные постсоветские страны ориентируются на укрепление отношений с западными государствами, и пока нет предпосылок для смены их внешнеполитических приоритетов⁸.

Подводя итог, можно констатировать; реинтеграция постсоветского пространства является необходимым условием развития России, что снижает угрозы формирования вокруг ее границ «санитарных коридоров», способных ограничить ее возможности влияния на постсоветском пространстве. Кроме того, ЕАЭС можно рассматривать в качестве инструмента решения противоречий между странами постсоветского пространства. Еще в 2015 году одной из целей развития ЕАЭС до 2030 года, провозглашенной Евразийским экономическим советом, было обеспечение макроэкономической устойчивости, достижение макроэкономических показателей предсказуемости проводимой экономической политики, повышение технологического уровня и диверсификация производства и экспорта, поддержание устойчивого состояния платежных балансов и снижении внешней задолженности государств Союза⁹. В условиях пандемии и обострения межгосударственных отношений, серьезных потерь в странах ЕАЭС, перспективы евразийской интеграции будут связаны с экономическим развитием отдельных стран-участников Евразийского экономического союза, в

¹ Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. – М.: Восток – Запад, 2010. – С. 117–131.

² Неймарк М.А. Русский мир и геополитика // Проблемы постсоветского пространства. – М., 2015. – № 2(4). – С. 78–100.

³ Шуцунь В., Цинсун В. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // Проблемы национальной стратегии. 2013. – № 3. – С. 91.

⁴ Готов ли Евразийский союз к расширению? 13.07.2016. – <http://eurasia.expert/gotov-li-evraziyskiy-soyuz-k-rasshireniyu/>

⁵ ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов / Авторский коллектив: Павлюшина В., Бриллиантова В. Под рук. Григорьева Л. // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ. – <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19000.pdf>

⁶ Чуфрин Г. Международные организации экономического сотрудничества на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. – М., 2019. – № 4. – С. 9–20.

⁷ Додонов В.Ю. Основные тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС // Проблемы постсоветского пространства. – М., 2020. – Т. 7, № 3. – С. 347–364.

⁸ Вардомский Л. Евразийская интеграция и большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. – М., 2019. – № 3. – С. 9–26.

⁹ Алексеев Е. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов / Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск. 2017. [Е.С. Алексеев, И.С. Глотова, А.В. Девятков]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2017. – С. 6.

первую очередь, России. Экономическая ситуация в мире, падение цен на нефть в 2020 году также оказали негативное влияние на российскую экономику. Как отмечала А. Мигранян, ситуация, сложившаяся «в российской экономике в условиях низких цен на основные энергоносители и экономических потерь из-за обвала спроса и деловой активности при борьбе с COVID-19 требует кардинальной смены экономической модели расширенного потребления, системы кредитных отношений и собственно архитектуры взаимного сотрудничества»¹.

¹ Мигранян А.А. Потенциал развития экономического сотрудничества России со странами ЕАЭС и СНГ // Проблемы пост-советского пространства. – М., 2020. – Т. 7, № 3. – С. 327–345.

Журавель В.П.

к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН, член Научно-экспертного совета при Государственной комиссии по вопросам развития Арктики
zhvalery@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ФОРУМ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТ АЛЯСКИ К ЯКУТИИ

Ключевые слова: Северный Форум, Арктический совет, Арктическая зона Российской Федерации, арктические регионы, Якутск, Республика Саха (Якутия).

Keywords: Northern Forum, Arctic Council, Arctic zone of the Russian Federation, Arctic regions, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia).

К истории «Северного Форума»

Установлению и развитию международных связей и кооперации арктических регионов содействовал ряд крупных международных конференций в последней четверти XX в. Это Форум по окружающей среде в северных регионах, который состоялся в декабре 1974 г. в японском городе Саппоро. В сентябре 1979 г. в канадском городе Эдмонтон состоялась конференция, на которой руководители 22 провинциальных, региональных и муниципальных органов власти обсудили вопросы улучшения качества жизни в северных регионах. 600 представителей северных регионов в сентябре 1990 г. в городе Анкоридж на Аляске на конференции «Сотрудничество в меняющемся мире» предложили основать постоянную региональную организацию, занимающуюся вопросами Арктики.

Этому способствовало и потепление отношений Советского Союза со странами мирового сообщества, которые в настоящее время входят в Арктический совет. Все это послужило основой для создания 8 ноября 1991 г. международной неполитической организации региональных губернаторов «Северный Форум», воплотивший в своей деятельности стремление стран и регионов зоны Севера и Арктики к развитию международной кооперации. Инициаторами его образования стали региональные правительства провинции Хоккайдо (Япония), штата Аляска (США), а также Магаданской и Камчатской областей Советского Союза. Данная организация тесно связана с деятельностью Уолтера Дж. Хикла, бывшего в те годы губернатором штата Аляска, который дважды избирался на этот пост и приложил огромные деловые и личные усилия по ее созданию и укреплению¹. В 1992 г. Секретариат Форума начал свою деятельность в городе Анкоридж. С первых лет деятельности Форум стал весьма представительной международной площадкой, объединяющей глав регионов, которые в своей деятельности заботились об улучшении качества жизни населения Севера, поддерживали и реализовывали совместные социально-экономические инициативы в северных регионах и на международной арене².

На сегодняшний день в состав Форума входят: Акурейри (Исландия), Аляска (США), Кангвон (Республика Корея), Лапландия (Финляндия), а также российские субъекты РФ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Красноярский край, Хабаровский край, Приморский край, Магаданская область, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа.

Высший орган «Северного Форума» – Совет губернаторов, который определяет политику организации. Коллегиальным исполнительным органом является Комитет региональных координаторов, в который входят представители регионов, назначаемые членами Совета губернаторов от своих регионов. В рамках Форума действуют 10 рабочих групп по: региональной адаптации и изменению климата; защите окружающей среды и сохранению биологического разнообразия; развитию энергетики на Севере; строительству жилья для Арктики; развитию транспорта на Севере; деловому сотрудничеству на Севере; культуре; здоровью на Севере и социальным вопросам; культуре; образованию и науке, оценке качества жизни населения в регионах Арктики.

В 90-е и начале 2000-х годов деятельность «Северного Форума» была успешной и масштабной, о чем свидетельствуют публикации ряда авторов³, которые в разных должностях участвовали в деятельности этой организации.

¹ Уолтер Дж. Хикл (Wally J. Nickel) — американский бизнесмен, государственный и общественный деятель, губернатор штата Аляска в 1966–1969 и 1990–1994 гг., министр внутренних дел в администрации президента США Р. Никсона в 1969–1970 гг., основатель «Института Севера» (Institute of the North) в штате Аляска и создатель благотворительного фонда, обеспечивающего его финансирование до настоящего времени.

² Официальные документы Северного форума // The Northern Forum. – <https://www.northernforum.org/ru/the-nf-ru/official-documents-of-nf>

³ Там же.

Харлампьева Н.К. История создания и деятельности международной неправительственной организации «Северный форум» // Вестник Югорского государственного университета. 2006. – Вып.2. – С. 112–119; Погодаев М.А. Роль международной организации

Но впоследствии Форум столкнулся с определенными трудностями, вызванными серьезными проблемами в отношениях между размещенным на Аляске секретариатом Форума и канцелярией губернатора Аляски. Власти штата стали проявлять все меньший интерес к его деятельности, что в конечном счете привело к тому, что губернатор Аляски Сара Пэйлин решила сократить финансовую поддержку форума в 2009 г. В сложившихся обстоятельствах стало ясно, что «Северный Форум» не сможет более эффективно исполнять свой мандат. К сожалению, в этот период начала заметно снижаться роль Форума в решении вопросов поддержки и усиления международной кооперации арктических регионов в целях их устойчивого развития.

Секретариат Форума покинул Аляску в 2012 г. и в 2013 г. его офис был открыт в городе Якутске. Это один из редких примеров того, как РФ поддержала и взяла на себя ответственность за деятельность международной организации. Следует отметить, что Республика Саха (Якутия) в состав Форума вступила в сентябре 1993 г. в лице ее Президента М.Е. Николаева, который был избран вице-председателем организации. В декабре этого года в Якутске был создан Ассоциированный секретариат «Северного Форума». Наряду с Уолтером Дж. Хиклом М.Е. Николаев считается одним из отцов-основателей Северного Форума, так как Якутия осуществляла активную деятельность в организации в течение всего времени членства в ней. В Секретариате в Анкоридже в 1990-х гг. была учреждена специальная должность представителя Якутии, которую занимала А.Н. Божедонова.

Российский этап в деятельности «Северного Форума»

Вынужденный перенос секретариата Форума в Россию потребовал совершенствования работы его Исполнительного комитета, определения источников финансирования, новых подходов в деятельности с учетом изменения обстановки в мире, повышения интереса целого ряда государств к проблемам освоения и развития Арктики и ее северных территорий.

Предпочтение в тематических мероприятиях было отдано устойчивому развитию северных регионов, которое стало его стратегическим проектом. Принято решение о превращении Форума в такую международную платформу (площадку), которая бы занималась конкретно проблемами Северо-Восточной части Арктики и Севера. На этой основе предполагалось значительно укрепить роль и авторитет самого Форума как международной организации, выражающей интересы целого ряда азиатских стран к Арктическому региону. В основу деятельности была положена реализация 17 Целей устойчивого развития ООН, которые были утверждены в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН. При этом обращено особое внимание на три его главных направления — экономику, экологию и население. На все это, к сожалению, ушло целых 6 лет, хотя соответствующая организаторская деятельность между странами и в рамках проектов внутри организации продолжалась. В 2018 г. был проведен первый конкурс проектов Северного Форума, на котором регионами-членами был поддержан проект Автономной некоммерческой организации «Ресурсный центр поддержки «Университет Арктики»» по созданию в Якутии международной площадки «Северный форум по устойчивому развитию» (СФУР), целью которого стало привлечение внимания к деятельности международной организации «Северный Форум». Также одной из первоочередных задач нового проекта стало обсуждение актуальных проблем северных регионов для дальнейшего пополнения банка проектов для их реализации в рамках деятельности международной организации.

Первое заседание «Северного форума по устойчивому развитию» в России после длительного перерыва состоялось в Якутске с 24 по 28 сентября 2019 г. В его работе приняли участие представители 14 регионов Российской Федерации и 14 стран, включая 6 приполярных стран (Канада, США, Исландия, Финляндия, Норвегия и Швеция), 3 азиатских (Китай, Республика Корея и Япония), а также ученые из Германии, Великобритании, Франции, Литвы и Швейцарии, в общей сложности — около 700 человек. Для обсуждения вопросов по устойчивому развитию Севера за эти дни прошли мероприятия на 30 площадках, на которых были обсуждены вопросы участия российских арктических субъектов в международном арктическом взаимодействии и сотрудничестве с зарубежными регионами и городами на Крайнем Севере. На данном Форуме удалась попытка организаторов приблизить азиатские страны к Арктике (КНР, Республику Корея и Японию), ответить на их интерес к арктическим проблемам, привлечь их к российским проектам по освоению арктических территорий и развитию Северного морского пути.

Второе заседание «Северного форума по устойчивому развитию» проходило в Якутии с 27 по 30 сентября 2020 г. Было зарегистрировано более 1000 участников. Среди иностранных участников были представители 20 стран, в том числе Канады, США, Китая, Японии, Республики Корея, Монголии, Индии, а также европейских государств: Исландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Великобритании, Испании и Нидерландов. В работе приняли участие ученые и должностные лица из Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии.

Организаторами Форума выступили Правительство Республики Саха (Якутия), международная организация «Северный Форум» и Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

Успешно были рассмотрены 4 блока тематических вопросов: транспортная инфраструктура на Севере и в Арктике (главная тема); человек в Арктике; управление арктическими территориями; глобальное партнерство в интересах развития Севера. Впервые в 2020 г. был проведен Молодежный «Северный Форум».

За четыре дня форума было проведено 52 самых разнообразных мероприятий, объединенных темой Севера и Арктики. В условиях сохранения рисков распространения COVID-19 все мероприятия проходили в онлайн формате и транслировались на сайте форума, на ютуб каналах Северного Форума и Росконгресса. Генеральным информационным партнером стал специальный проект МИА «Россия сегодня» Интернет-портал Arctic.ru. Согласно концепции Форума, каждое мероприятие проводится по заявкам партнеров. Таким образом в 2020 г. партнерами-соорганизаторами стали такие организации, как Проектный офис развития Арктики (ПОРА), Российский совет по международным делам, Корейский морской институт, Университет Хоккайдо, АНО «Агентство по привлечению инвестиций», Агентство стратегических инициатив, Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике и др.

Важной частью Форума было пленарное заседание на тему «Транспортная инфраструктура на Севере и в Арктике», где эксперты международного уровня обсудили возможности развития транспортной доступности Арктической зоны. В заседании, которое прошло в онлайн формате, приняли участие глава Республики Саха (Якутия) Айсен Николаев, председатель научного форума «Арктический круг», президент Исландии в 1996–2016 гг. Оулавюр Рагнар Гримссон и руководитель Федерального агентства воздушного транспорта Минтранса России Александр Нерадько.

Северо-Восточный федеральный университет поделился опытом реализации различных проектов, в том числе развития тематических сетей и работы многоязычного Интернет-портала для интеграции языков и культуры коренных народов Севера и Арктики в мировое информационное пространство.

На всех мероприятиях были затронуты актуальнейшие вопросы устойчивого развития практически всех сфер деятельности. В настоящее время идет анализ выступлений и предложений, которые прозвучали на семинарах, сессиях, круглых столах, конференциях, выставках, лекториях и в ходе дискуссий. Вот только несколько предложений, которые предусматривают проведение научных исследований.

По итогам сессии «Правовые аспекты жизнеобеспечения и устойчивого развития Северных и Арктических территорий» руководителям регионов предложено инициировать исследование по формированию цифрового центра компетенций по арктическому законодательству.

Участники семинара «Продовольственная безопасность Арктики и Севера» предложили организовать совместные научные исследования по изучению традиционного питания в арктических условиях, разработке технологических карт по питанию детей дошкольного возраста, школьников и нуждающихся в лечении людей.

Участники круглых столов «Дети Арктики» и «Какие кадры нужны для регионов Арктической зоны?» обратили внимание на проведение комплекса исследований по профессиональной ориентации детей и педагогического образования их родителей, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, а также изучения состояния целевой подготовки специалистов из коренных малочисленных народов Севера.

На Форуме шла речь об инвестиционной привлекательности арктических районов, путях внедрения государственно-частного партнерства в развитии Арктики, росте малого и среднего бизнеса, об адаптации оленеводства к изменениям климата, развитии технологий создания транспортных средств высокой проходимости, удешевлении стоимости строительства дорог, возобновлении работы постов гидрометеорологического наблюдения на побережье Северного Ледовитого океана и арктических островах, разработке новой методики трехсуточного прогнозирования экстремальных природных явлений и штормовых предупреждений в Арктике и др.

В вопросах международного сотрудничества обращалось внимание на анализ политики государств в Арктическом регионе в вопросах приграничного экономического взаимодействия, изучение передового опыта работы арктических университетов по подготовке кадров для работы в Арктике, а также в реализации целей устойчивого развития ООН, обмене данными научных исследований по оценке изменений климата.

В завершение второго заседания «Северного форума по устойчивому развитию» в онлайн формате было проведено очередное заседание Ленского клуба с участием заместителя министра по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ Александра Крутикова, глав и губернаторов регионов Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны РФ.

Прошедший Форум способствовал объединению государственных структур, общественных объединений, представителей науки, образования и бизнеса арктических стран и субъектов Арктической зоны России и мира в решении проблем устойчивого развития регионов Севера и Арктики.

Заключение

«Северный Форум» имеет статус международной организации, аккредитованной ООН. К сожалению, столь высокое его положение недостаточно учитывается во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности РФ. Подтверждением этого является то, что в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, где определяются основные задачи в сфере развития международного сотрудничества (пункт 16), «Северный Форум» даже не упоминается в отличие от Арктического совета, прибрежной арктической «пятерки» и Совета Баренцева/Евроарктического региона.

Кроме того он имеет статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете с 1998 г., принимает участие в деятельности Экономического и Социального Совета ООН, участвует в Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Программе развития ООН (ПРООН). В 2021 г. исполняется 30 лет со дня его образования. Это серьезная вежа, чтобы оценить текущие проблемы его деятельности, т.к. именно на нем в значительной степени держатся международные экономические и научные связи арктических регионов мира, который были ограничены санкциями против нашей страны.

РФ в период председательства в Арктическом совете (2021–2023 гг.) следует в полной мере использовать возможности «Северного Форума» для решения проблем устойчивого развития арктических территорий, для укрепления потенциала нашей страны в Арктике, усиления экономической деятельности в регионе.

По сравнению с первым заседанием Форума, второе несмотря на распространение коронавирусной пандемии прошло с большим количеством участников и более плодотворным обсуждением вопросов арктической проблематики. Вместе с тем следует отметить, что авторитет организации по сравнению с 90-ми годами XX века снизился. Причиной тому является противостояние ведущих арктических государств в Арктическом регионе, а также несовершенство деятельности Секретариата организации и его основных структур. По сравнению с международным форумом «Арктика-территория диалога» «Северному Форуму» не хватает практических проектов, которые смогли бы заинтересовать его участников. Без участия и внимания федеральных органов власти, на наш взгляд, данную проблему решить будет очень трудно.

Иванов Г.В.

к.э.н., Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: региональная интеграция, региональные объединения государств, евразийское интеграционное пространство.

Keywords: regional integration, regional states of states, Eurasian integration space.

На современном этапе развития мировой экономики к числу основных приоритетов развития мирового хозяйства относят объективную необходимость и потребность построения в регионах интеграционных объединений государств, отвечающих, как минимум, двум требованиям: во-первых, всеобщей, комплексной и надежной безопасности регионов; во-вторых, устойчивому росту экономик региональных объединений и экономик стран-участниц таких объединений.

Базовыми принципами функционирования региональных объединений государств как субъектов мировой экономики являются: верховенство международного права, неприменение силы или угрозы применения силы, уважение территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества.

Следует отметить, что региональные объединения весьма разнообразны по географическому расположению, составу участников и степени реализации интеграционного потенциала. Кроме того, они имеют различную силу экономических связей, а также отличаются уровнями интеграции рынков капитала, товаров, услуг и трудовых ресурсов.

В экономическом плане региональные объединения государств создаются для получения определенных выгод (эффектов) для всех его участников. При этом в первоочередном порядке предусматривается, как правило, решение триединой задачи:

- повышение конкурентоспособности регионов в рамках функционирования региональных объединений – европейского, североамериканского, латиноамериканского («Глобальный Юг»), африканского, Тихоокеанской Азии, Большой Евразии, Ближнего Востока;
- формирование экспортного потенциала конкурентоспособной продукции и услуг – как основы роста национальных экономик всех участников региональных объединений;
- обеспечение достойного уровня жизни граждан, проживающих на территории региональных объединений.

Сводный анализ зарубежных практик функционирования основных региональных объединений и реализации стратегических целей и задач их развития отражен в табл. 1.

Таблица 1

Сводный анализ зарубежных практик функционирования основных региональных объединений и реализации стратегических направлений их развития¹

Приоритетные цели интеграционного потенциала	Региональные объединения	Примеры реализации интеграционного потенциала
Совместное развитие системообразующих для всех стран регионального объединения отраслей экономики	COMESA, EU, ECOWAS, SADC, ECCAS, SACU, UEMOA, CARICOM, SAARC	Реализация договора об учреждении Европейского объединения угля и стали, предусматривающего совместное согласованное развитие угольной и сталелитейной отраслей промышленности Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга послужила основой создания Европейского Союза, как наиболее эффективно функционирующего интеграционного объединения. Достаточно отметить, что в начальной стадии своего развития ежегодные темпы роста ВВП в регионе с 1950 по 1960 годы составляли в среднем 5% в год, а к 1975 году ECSC концентрировало почти 90% выплавки стали, 100% добычи угля и 50% добычи железной руды в Западной Европе
Развитие отраслей, представляющих интерес для всех стран регионального объединения	NAFTA, CAEU, GAFTA, CCASG, SPARTECA, SAARC, OECS	Примером такого объединения является развитие в странах ANZCERTA (Австралии и Новой Зеландии) отраслей животноводства, в частности, скотоводства и овцеводства, обеспечивающих ведущие позиции по экспорту шерстяного волокна и другой продукции животноводства

¹ <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/>

Совместное развитие взаимодополняемых отраслей национальных экономик	UNASUR, ASEAN	На основе соглашения о сотрудничестве между Бразилией и Аргентиной в рамках интеграционного объединения MERCOSUR осуществляется совместное производство грузовых и легковых автомобилей, при этом сборка осуществляется в Аргентине с использованием комплектующих из Бразилии (Бразилия поставляет 46% автомобильных частей, деталей и механизмов). Готовая продукция реализуется в основном на внутреннем рынке объединения
Совместное развитие отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения	COMESA, MERCOSUR, ASEAN, SPARTECA	В настоящее время в рамках NAFTA реализуются многочисленные проекты в сферах машиностроения, производства строительных материалов, энергетике, сельском хозяйстве, где инвестиции и технологии поставляют в основном США и Канада, а рабочую силу – Мексика. Характерной особенностью периода после вступления в силу соглашения NAFTA стал устойчивый рост в экспорте Мексики доли продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате доля США в экспорте мексиканских товаров достигла 80%, при этом 85% экспорта составляет промежуточная и конечная промышленная продукция
Развитие отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения	EU, CAEU, GAFTA, ANZCERTA	Типовым примером такого объединения является Европейский Союз. В нем: на производстве машиностроительной, электротехнической и автомобилестроительной продукции специализируются Германия, Италия и Франция; на производстве продовольствия – Италия, Испания, Греция; на производстве мясомолочной продукции – Дания и Нидерланды; на производстве одежды, обуви и бытовой техники – Италия, Испания и Германия; на производстве сельскохозяйственного оборудования – Нидерланды; на производстве рыбпродуктов – Дания; на производстве лесоматериалов – Финляндия; на добыче каменного угля – Польша и Германия
Совместное развитие импортозамещающих отраслей	ASEAN	Примером совместного развития импортозамещающих отраслей является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Импортозамещающая политика в отраслях легкой и пищевой промышленности, электротоваров, электронной аппаратуры, промышленного оборудования, тяжелого машиностроения ASEAN, направленная на снижение зависимости внутренних рынков от продукции японского производства, учитывала не только национальные интересы, но и потребности мирового рынка. После насыщения внутреннего рынка продукция не менее успешно стала поставляться и в третьи страны. В результате отрицательное сальдо платежного баланса стран ASEAN в торговле с Японией снизилось, а объединение ASEAN стало ведущим мировым экспортером данной продукции на мировой рынок
Совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли	COMESA, MERCOSUR, UNASUR, ASEAN, ECOWAS, SADC, ECCAS, SACU, CCASG, SAARC, OECS	Примером совместного развития инфраструктуры для расширения внутренней и внешней торговли является Восточноафриканское сообщество (EAC), в котором наблюдается высокая концентрация стран, не имеющих выхода к морю, что являлось непреодолимым препятствием на пути расширения торговых связей, а также экономического роста и развития этих стран

Среди основных региональных объединений реализации интеграционного потенциала следует выделить EU – как модель равнотемпной интеграции; ASEAN – как модель «треугольников интенсивного роста», объединяющих приграничные районы нескольких соседних стран; COMESA, MERCOSUR – как модель многоуровневой интеграции. При этом перспектива дальнейшего развития интеграционных процессов региональных объединений связана либо с углублением интеграции, т.е. созданием наднациональных норм и институтов, унификации законодательства и национальных органов, либо с расширением интеграции за счет принятия новых членов в региональное интеграционное объединение при сохранении текущей степени развития общего рынка и движения ресурсов.

Зарубежная практика функционирования региональных объединений свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования теоретико-методологических основ развития интеграционных процессов. Отличительная особенность зарубежных теоретических концепций заключается в их целостности, системности и последовательности, жесткой регламентации сфер и направлений экономической деятельности, то есть в верховенстве интересов и выгод коллективных интересов всех участников объединения над частными национальными, а также в доминировании экономической составляющей над политической.

Развитие теоретико-методологических основ начало активно воплощаться в практику формирования региональных объединений после принятия Генерального соглашения по тарифам и торговле 30 октября 1947 г., а также изложения пяти форм региональной экономической интеграции (табл. 2).

Основные характеристики форм и этапов региональной экономической интеграции

Формы и этапы	Характерные черты форм и этапов региональной интеграции				
1. Зона свободной торговли	Упразднены тарифы и квоты в торговле между странами-участниками (далее – УТК)				
2. Таможенный союз	УТК	Общий внешнеторговый тариф (далее – ОВТ)			
3. Общий рынок	УТК	ОВТ	Свобода движения факторов производства (далее – СДФП)		
4. Валютный и экономический союз	УТК	ОВТ	СДФП	Гармонизация валютной и экономической политики (далее – ГВЭП)	
5. Полный валютный и экономический союз	УТК	ОВТ	СДФП	ГВЭП	Полная унификация экономической и валютной политики

Как видно из табл. 2 экономическая интеграция идет поэтапно, от более простой, к более высокой форме экономического сотрудничества.

Исходной формой интеграционного объединения государств является «зона свободной торговли», которая подразумевает устранение всех барьеров в торговле между странами-участниками при их сохранении в торговле с третьими странами.

В рамках таможенного союза страны-участницы вводят единый таможенный тариф в отношении торговли с третьими странами. Стадия ТС представляет собой достаточно серьезный уровень развития интеграционных процессов. Многие интеграционные объединения в силу объективных причин часто либо останавливаются на ЗСТ из-за неготовности (или невозможности) перейти на ТС, либо «перескакивают» этот этап. Ярким примером может служить НАФТА, где следует учитывать огромные различия в размерах экономик стран-участниц, в частности США и Мексики.

Общий рынок – качественно более высокая форма интеграции в силу того, что либерализация затрагивает не только товарные, но и рынки факторов производства. Таким образом, в рамках ОР устанавливаются так называемые «четыре свободы»: свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Вполне естественно, что такое продвинутое переплетение экономик не может быть эффективным без координации ключевых политик, в первую очередь проведения общей экономической политики, а впоследствии и введения единой валюты в рамках объединения, которые осуществляются в рамках экономического союза и экономического и валютного союза соответственно.

По мнению аналитиков, политический союз подразумевает объединение всех политик, в том числе унификацию внешней политики, и фактически приводит к образованию нового государства федеративного или конфедеративного типа.

В обобщенном виде этапы экономической интеграции отражены в табл. 3.

Таблица 3

Сравнительные формы этапов региональной интеграции, которые могут пройти страны – участники региональных объединений¹

№ п/п	Общее количество стадий региональной интеграции с учетом:	
	зарубежной практики государств-членов объединений	практики объединившихся государств в евразийском интеграционном пространстве
1.	доинтеграционное сотрудничество стран	
2.	зона преференциальной торговли	зона преференциальной торговли
3.	зона свободной торговли	зона свободной торговли
4.	таможенный союз	таможенный союз
5.	общий рынок	единое экономическое пространство (общий рынок)
6.	экономический союз	экономический союз
7.	экономический и валютный союз	
8.	политический союз	

Итоговая диаграмма результативности зарубежной практики в форме диаграмм динамики ВВП отдельных региональных объединений с 2011 по 2019 годы отражена на рис. 1.

В настоящее время наиболее высокая степень международной экономической интеграции достигнута в рамках Европейского Союза (ЕС), прошедшего все этапы интеграционного процесса и находящегося ныне в состоянии трансформации экономического и валютного союза в политический.

Европейский союз – организация, которая объединяет 27 европейских стран, которая имеет ряд характерных для государства признаков, включая свою символику: Флаг, Гимн и Девиз – «Единство в многообразии», официально принятую в 2000 г. и символизирующую как многообразие европейских культур и наций, так и общую цель ЕС – достижение мира и процветания.

Официальное определение: «ЕС – это объединение европейских государств, уникальное международное образование, сочетающее признаки международной организации и государства». То есть, все страны, входящие в Евросоюз, хотя и являются независимыми, но подчиняются одинаковым правилам: в них действуют одинаковые программы обучения (разница только в языке преподавания), одинаковые стандарты медицинского обслуживания, одинаковые

¹ <https://ru.qwe.wiki/wiki/>

пенсионная и судебная системы и т.п. Таким образом, законы Евросоюза действуют во всех странах ЕС. Благодаря этому в ЕС существует:

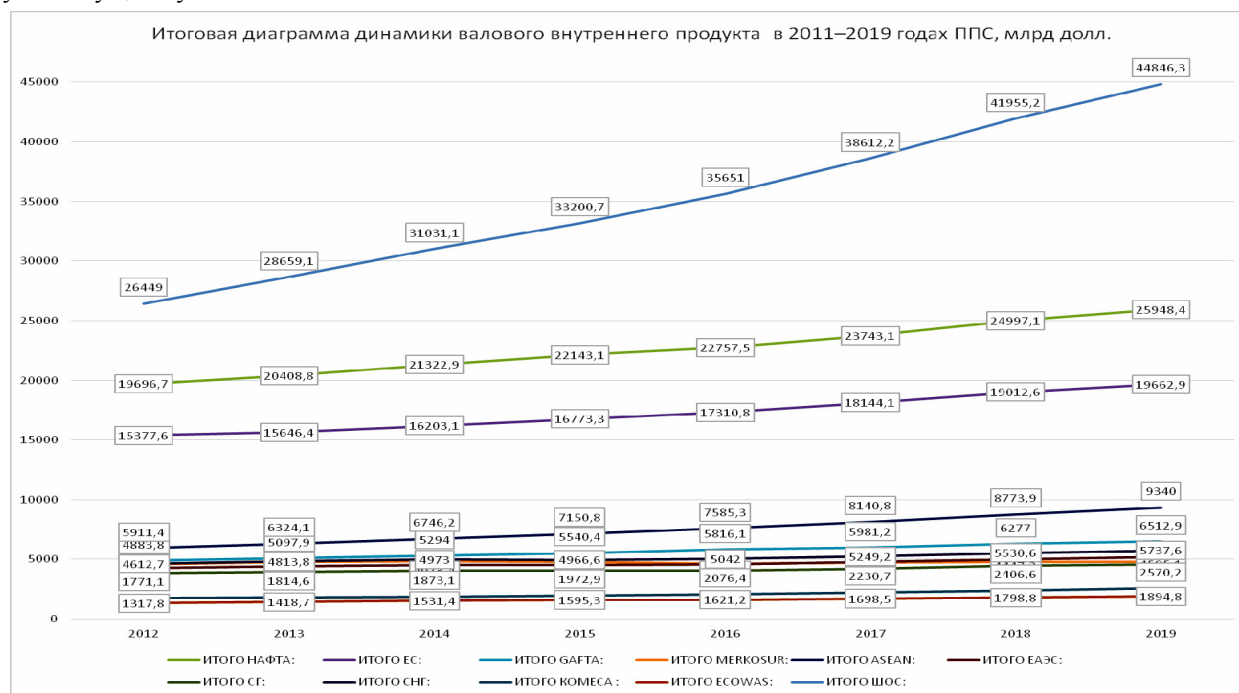

Рисунок 1.
Динамика ВВП отдельных интеграционных объединений в 2011–2019 гг.¹

- свободный рынок со свободным перемещением товаров и услуг;
- единое образовательное пространство: школьники и студенты могут менять страну обучения без каких-либо ограничений; диплом об образовании, полученный в одной стране, признается в любой другой без ограничения;
- единое социальное пространство: жители могут лечиться и получать социальные пособия в любой стране

19 стран ЕС ввели в обращение единую валюту Евро (они образуют «еврозону»). В ЕС создана система органов надгосударственного управления. Важнейшими из них являются: Совет ЕС – в форме сессий на уровне глав государств и правительств не реже двух раз в год, а также Совет министров на уровне различных министерств (иностран-ных дел, экономики, финансов, отраслевых министерств). На уровне этих органов управления принимаются решения, определяющие стратегию развития интеграционного объединения; Комиссия ЕС – исполнительный орган, некий ана-лог правительства, призванный осуществлять реализацию решений Совета ЕС; она включает в свой состав основных руководителей (комиссаров), ведающих определенными функциональными и отраслевыми сферами управления; Ев-ропейский парламент (Европарламент) – избирается с 1979 г. прямым голосованием граждан стран-членов ЕС; при-нимает бюджет ЕС, контролирует деятельность КЕС и разрабатывает для нее поручения по конкретным вопросам раз-вития интеграции; Система европейских банков; Европейский суд; Европейский социальный фонд; Европейский фонд регионального развития и др.

Необходимо отметить, что ЕС – это не только региональный, но и глобальный субъект мировой экономики. Бо-лее 50 стран мира имеют различные экономические договоры с ЕС и пользуются теми или иными преимуществами и льготами в торговых, финансово-кредитных и иных экономических отношениях с этой интеграционной группиров-кой; это особенно относится к европейским странам, не входящим в ЕС.

В настоящее время, несмотря на имеющиеся различия подходов и противоречия в рамках ЕС, достаточно ин-тенсивно развиваются процессы трансформации этой интеграционной экономической группировки в политический союз. Важнейшее значение имеет при этом введение института единого гражданства, усиление принципа обязатель-ности решений надгосударственных органов и проведение единой внешней политики.

На основе проведенного анализа можно говорить о наличии следующих тенденций в зарубежной практике ре-гиональной интеграции:

- поэтапная синхронизация процессов экономического и социального развития стран-участников региональ-ных объединений, относительное сближение значений макроэкономических показателей развития стран-участниц;
- углубление взаимозависимости экономик стран-участниц, усиление их интегрированности в разных сферах международного сотрудничества;
- устойчивый рост ВВП, доли сферы услуг в совокупном ВВП, производительности труда и «зеленых» техно-логий;
- рост масштабов производства, наукоемкости технологий и продукции, снижение их материалоемкости на ос-нове построения экономики знаний, базирующейся в том числе и на искусственном интеллекте;
- существенная активизация внутренней и внешней торговли товарами и услугами.

¹ Статистическая база данных Конференции ООН по торговле и развитию / ЮНКТАД: – <http://unctadstat.unctad.org/>

Вместе с тем, как известно, на определенном этапе развития ЕС существовал ряд серьезных проблем, и не все стратегические цели интеграционного объединения были достигнуты. Достаточно отметить неудачу с Лиссабонской стратегией развития ЕС на 2000–2010 гг., которая, помимо других целей, предусматривала технологический прорыв стран Евросоюза на мировой арене, превращение его в самое конкурентоспособное и динамичное, «основанное на знаниях, экономическое пространство в мире».

Кроме того, о серьезных проблемах в развитии зарубежных интеграционных объединений свидетельствует и выход Великобритании из Евросоюза в 2020 году.

Таким образом, шаблонно использовать опыт зарубежных практик функционирования региональных объединений в евразийском интеграционном пространстве вряд ли целесообразно, вместе с тем отдельные элементы зарубежной практики функционирования региональных объединений заслуживают внимания и, в определенной мере, могут учитываться и использоваться в евразийском интеграционном пространстве.

С учетом основных тенденций, происходящих в последнее время в сфере международных отношений, а также на основе анализа информационных ресурсов по данному вопросу можно ориентироваться на комплекс приоритетных инициатив, предусматривающий дальнейшее развитие внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (см. табл. 4).

Таблица 4

Комплекс приоритетных инициатив, предусматривающий дальнейшее развитие внешнеэкономической деятельности ЕАЭС¹

№ п/п	Содержание мероприятий	Сроки реализации мероприятий
<i>Краткосрочная перспектива до 2023 г.</i>		
1.	Развитие института наблюдателя при ЕАЭС. Кроме Молдовы в этом формате ЕАЭС мог бы работать, как минимум, с двумя постсоветскими странами: Таджикистаном и Узбекистаном.	до 2023 г.
2.	Разработка Стратегии углубленного сопряжения форматов ЕАЭС и СНГ и выработка конкретных планов сотрудничества ЕАЭС с каждой из стран СНГ	
3.	Подписание унифицированного Соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Сербией	
4.	Подписание соглашений о ЗСТ или торгово-экономическом партнерстве ЕАЭС с Индией и отдельными странами АСЕАН	
5.	Выработка Стратегии сопряжения ЕАЭС с индоиранской инициативой международного транспортного коридора «Север-Юг» («Пряного пути»). Принятие «дорожной карты» и учреждение трехстороннего проектного офиса по реализации проекта.	
6.	Интенсификация диалога профильных рабочих групп, обозначенных в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС – Китай с целью активизации сотрудничества в сферах, представляющих повышенный интерес для Республики Беларусь и государств-членов ЕАЭС (инвестиции в реальный сектор, промышленная кооперация, транспорт, цифровая экономика)	
7.	Использование председательства Республики Беларусь (2020 г.) в органах ЕАЭС для проведения мероприятий, направленных на развитие сотрудничества ЕС с ЕАЭС с учетом их участия в программе ЕС «Восточное партнерство»	
8.	Взаимодействие с международными экспертными центрами по изучению вызовов и возможностей общего экономического пространства ЕС – ЕАЭС (универсальная рекомендация, применимая для средне- и долгосрочного сотрудничества)	
9.	Выработка конкретной Стратегии целей, задач, принципов, содержания (конкретных проектов) сопряжения ЕАЭС с ЭПШП	
10.	Учреждение совместной комиссии ЕАЭС – Китай по вопросам гармонизации «мягкой» инфраструктуры ЭПШП (упрощение таможенных процедур, гармонизация технических регламентов, стандартов и транспортно-сопроводительных документов, создание системы «единого окна», цифровизация)	
<i>Среднесрочная перспектива до 2025 г.</i>		
1.	Инициирование трехстороннего партнерства между ЕС, ЕАЭС и странами «Восточного партнерства», в том числе подписавшими Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (AA/DCFTA)	до 2025 г.
2.	Использование председательства Республики Казахстан (2021 г.) и Республики Кыргызстан (2020 г.) в органах Союза для реализации инициатив, направленных на укрепление сотрудничества ЕАЭС и сопредельных стран СНГ, а также на придание большей динамики взаимодействия в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.	
3.	Изучение возможности Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР) для финансирования проектов в странах СНГ и ближнего зарубежья, направленных на дальнейшее улучшение качества евразийской интеграции	
4.	Учреждение «Большого евразийского партнерства» на базе ШОС в качестве неформальной межгосударственной организации с участием ЕАЭС, Китая, Индии, Ирана, Пакистана, Турции и других стран Большой Евразии	
5.	Углубленная проработка стратегии Сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и ее имплементация в нормативно-правовую базу ЕАЭС	
6.	Разработка и подписание меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве между ЕЭК и отдельными странами Европы (при координации с МИДами стран Союза)	

¹ ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина, Ю.К. Кофнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2019. – Т. 21, № 1. – С. 7–33.

<i>Долгосрочная стратегия до 2030 г.</i>		до 2030 г.
1.	Продолжение разработки стратегии сопряжения ЕАЭС и ЭПШП	
2.	Содействие вступлению Молдовы, Таджикистана и Узбекистана в ЕАЭС	
3.	Учреждение «Евразийского диалога ЕАЭС» (по аналогии с Программой ЕС «Восточное партнерство») с целью более глубокого сопряжения форматов ЕАЭС, СНГ и ближнего зарубежья	
4.	Изучение возможностей использования ресурсов ЕАБР и ЕФСР для финансирования проектов, обладающих интеграционным потенциалом, в странах «Евразийского диалога»	
5.	Подписание соглашения о комплексном и глубоком торгово-экономическом партнерстве ЕАЭС – ЕС (асимметричная ЗСТ, дополненная сотрудничеством в секторальных и кросс-секторальных направлениях)	
6.	Начало реализации глобальной стратегии сопряжения нескольких интеграционных форматов в границах «Большой Евразии» – ЕАЭС, ИПП, ШОС и АСЕАН, соотнося ее с долгосрочными целями внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь	

Таким образом к числу основных предпосылок формирования региональных объединений в евразийском интеграционном пространстве следует отнести ряд объективных процессов, происходящих в мировой экономике, включая развитие процессов глобализации, которые содействуют формированию экономики интеграционных объединений на основе усиления роли и значимости региональных торговых соглашений в условиях ужесточения конкурентной борьбы за рынки сбыта между регионами в мировом масштабе.

Сопутствующими предпосылками активизации процессов интеграции в евразийском интеграционном пространстве являются: наличие значительного ресурсного потенциала евразийского региона, территориальная расположенность государств и наличие общих границ, сопоставимый уровень экономического развития интегрирующихся евразийских государств по основным макроэкономическим показателям, технологическая общность, совместимость хозяйственных механизмов и др.

Отметим, что в настоящее время политика санкций, торговых войн, пандемия, протекционизм и ряд других факторов оказывают негативное воздействие на мировую экономику и эффективность развития региональных объединений. Исходя из оценки нынешней ситуации, при выборе стратегии развития евразийской интеграции следует учитывать:

- несовершенство интеграционных конструкций;
- преждевременность и возможную бесперспективность шаблонного копирования и применения зарубежной практики (опыта) в евразийском интеграционном пространстве.
- персонафицированность (то есть индивидуальность) выбора стратегии развития интеграции в евразийском интеграционном пространстве.

В евразийском интеграционном пространстве, в том числе на территории бывших постсоветских республик, повышается востребованность теоретических концепций региональной интеграции, которые могли бы лечь в основу экономической политики независимых государств в области формирования и развития региональных объединений на основе активизации интеграционных процессов и роста эффективности национальных экономик.

С учетом анализа теоретико-методологической основы зарубежной практики функционирования региональных объединений в мировой экономике рекомендуется:

- принятие единой долгосрочной концепции развития региональных объединений в евразийском интеграционном пространстве на период до 2035 года, с учетом особенностей развития национальных экономик и с определением конечной цели их формирования.

Справочно

Такой целью (ориентиром) может стать интеграционная конструкция под условным названием «Соединенные штаты Евразии», по аналогии с Соединенными штатами Европы или Америки;

– разработка и реализация секторальных программ (дорожных карт) среднесрочного (до 2030 г.) и краткосрочного (до 2025 г.) развития региональных объединений на основе научно-обоснованного подхода с учетом тенденций развития цифровых технологий и экономики знаний, базирующихся на искусственном интеллекте с использованием элементов природоподобных технологий. Такие программы, в первоочередном порядке, могут включать соответствующий комплекс мер, предусматривающих развитие:

- сельскохозяйственного, промышленного, транспортного и строительного комплексов;
- социальной сферы, включая развитие образования, здравоохранения, связи, туризма и др.;
- научно-исследовательского и инновационного обеспечения.

Особого внимания заслуживает опыт зарубежных региональных объединений в сферах финансовых и бюджетно-кредитных отношений, «зеленой энергетики» и экологии, в обеспечении конкурентоспособности, разработки и реализации региональной политики.

– формирование правомочности или правосубъектности наднациональной конструкции региональных объединений в евразийском интеграционном пространстве как субъекта мировой экономики, которая включает три позиции:

- 1) разграничение полномочий между наднациональным органом управления и государствами-участниками;
- 2) выполнение представительных функций регионального объединения на международной арене;
- 3) координацию деятельности всех участников регионального объединения в соответствии с нормами международного права.

При этом могут быть приняты во внимание отдельные элементы опыта ЕС в части правомочности наднациональной конструкции ЕС как регионального объединения в европейском интеграционном пространстве.

При формировании наднациональных конструкций на постсоветском пространстве рекомендуется учитывать тот факт, что одним из основных сдерживающих факторов развития интеграции в евразийском интеграционном пространстве является наличие негативного опыта углубленной интеграции бывших постсоветских стран в рамках СССР. Наднациональные органы управления (конструкции) в рамках СССР по оценкам ряда исследователей не всегда и не в полной мере учитывали особенности развития и потребности национальных экономик, что в итоге способствовало распаду самого крупного регионального объединения государств в евразийском интеграционном пространстве.

Дальнейшее развитие и углубление интеграционных процессов в евразийском пространстве рекомендуется вести на основе учета опыта зарубежных практик в части:

- укрепления и поощрения всего спектра форм инвестиционного сотрудничества, включая стимулирование притока инвестиций в национальную экономику, покупку акций, создание совместных производств и другие формы организации совместной хозяйственной деятельности;

- стимулирования сотрудничества в области создания информационных технологий нового поколения, новых производств по выпуску высокоточного оборудования, биофармацевтической продукции и медицинского оборудования, железнодорожного транспортного оборудования, авиационно-космической техники, новых материалов, электрических автомобилей и оборудования, современных сельскохозяйственных машин, высокопроизводительного оборудования для инновационных проектов.

С учетом анализа практик зарубежных региональных объединений, приоритетным направлением в сфере экономического сотрудничества в евразийском интеграционном пространстве является первоочередная реализация комплекса мер по переходу к цифровым технологиям и искусственному интеллекту, базирующемуся на природоподобных технологиях, что в перспективе обеспечит эффективное развитие национальных экономик всех участников евразийского интеграционного пространства.

Исраилова Э.А.

д.э.н., доцент, профессор кафедры «Мировая экономика» Ростовского государственного экономического университета

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, международная экономическая интеграция, взаимодействие стран постсоветского пространства, сотрудничество стран.

Keywords: Eurasian Economic Union, international economic integration, interaction of post-Soviet countries, cooperation of countries.

На постсоветском пространстве ЕАЭС является наиболее перспективным объединением. Евразийский экономический союз можно назвать успешным проектом; несмотря на то, что пока достигнуты не все цели, намеченные при его создании, экономические показатели его участников демонстрируют реальную эффективность интеграции. К сотрудничеству с ЕАЭС проявляют интерес многие страны, поскольку это динамично развивающийся «молодой» проект с долгосрочной перспективой, направленной на групповые методы поддержки и стимулирования различных уровней и областей экономики.

Подобно ЕС, где энергетика стала одной из движущих сил европейской интеграции, инициатива общего энергетического рынка может сыграть свою роль в процессе евразийской интеграции. К 2025 году предполагается создание общего рынка нефти, нефтепродуктов и газа¹.

Этот союз будет включать население около 182 миллионов человек, и представлять богатые ресурсами страны, которые в совокупности владеют 14,6% мировой добычи нефти и 17,3% добычи природного газа. Хотя неясно, как быстро этот интегрированный рынок возникнет, любой шаг реформы поставит ЕС перед новой политической дилеммой в его более широком соседстве: общий евразийский энергетический рынок может либо построить новые мосты в регионе, либо углубить фрагментацию энергетических рынков и, следовательно, ухудшить текущее состояние дел между ЕС, странами Восточного партнерства и Россией.

В то время как торговля нефтью и газом между богатыми ресурсами Россией и Казахстаном относительно невелика, белорусская экономика весьма зависит от доступа к российским углеводородам, и на Россию приходится 49% всего внешнеторгового оборота Беларуси.

В настоящее время важнейшей тенденцией мирового производственного процесса является углубление технологической направленности промышленной кооперации между государствами в разных ее формах. Технологичный динамизм высокоразвитых государств обеспечивается их ориентацией на высокотехнологичные области, а также стабильной модернизацией экономики за счет внедрения перспективных инноваций.

Международный опыт свидетельствует, что государства, которые опираются на инновационную стратегию, добиваются существенных успехов в экономическом росте. Организация партнерских связей между странами с особым акцентом на технологическое сотрудничество способствует росту научно-технического, производственного и ресурсного потенциала, позволяя реализовать конкурентные преимущества, определяемые синергетическими эффектами, масштабом, соседством и т.д.

Нужно заметить, что польза от участия в ЕАЭС распределяется между участниками союза довольно неравномерно. Большинство специалистов считают, что различия в бизнес-среде государств, переориентация экспортных потоков, различие в налогообложении и ряд прочих факторов не позволяют получать те эффекты, которые ожидают государства ЕАЭС.

Значимой отраслью для сотрудничества стран ЕАЭС является и атомная энергетика, в которой технические и кадровые ресурсы ведущих государств-членов Евразийского союза соответствуют уровню лучших мировых практик. Главную роль в этом контексте играет производственная и научно-техническая кооперация государств².

В частности, ПАО «Армяно-российская горнорудная компания» удачно проводит общие геологоразведочные буровые работы на урановых месторождениях. В соответствии с прогнозами, запасы урана в Армении довольно велики – по имеющимся оценкам они составляют от 10 до 60 тысяч тонн. Добытый уран перерабатывается в Международном центре по обогащению урановой руды в городе Ангарске. Такое совместное производство позволяет государствам обеспечивать себя необходимыми ресурсами и развивать стратегически важную отрасль.

Российская компания «Росатом» участвует в строительстве атомной электростанции на территории Беларуси.

¹ Нерсисян Л.К. Препятствия и барьеры в ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5.

² Винокуров Е.Ю. Опыт региональных интеграционных объединений: уроки для ЕАЭС // Евразийская интеграция. 2015. – № 2. – С. 92–97.

Между Россией и Казахстаном существует соглашение о развитии технологического сотрудничества в черной и цветной металлургии.

Главными факторами формирования благоприятной бизнес-среды для развития технологической кооперации являются:

- обмен активами между большими предприятиями и перекрестная собственность;
- создание общих предприятий с участием местных государственных или частных компаний;
- производственная кооперация без консолидации собственности и формирования стратегических альянсов в отдельных отраслях экономики.

В странах ЕАЭС созданы благоприятные условия для развития внутриотраслевого и межотраслевого сотрудничества.

Среди отраслевых приоритетов развития технологического партнерства в рамках Евразийского экономического союза с экспортным потенциалом можно выделить:

- для России – машиностроение, сельское хозяйство, атомная энергетика, космическая промышленность, химическая и нефтехимическая промышленность, металлургия, оборонно-промышленный комплекс;
- для Казахстана – сельское хозяйство, нефтегазовое машиностроение, горное машиностроение;
- для Беларуси – пищевая промышленность, химическая промышленность, машиностроение и др.;
- для Армении – сельское хозяйство, ювелирная промышленность, металлообработка, машиностроение;
- для Кыргызстана – сельское хозяйство, станкостроение, цветная металлургия.

Проводимая в настоящее время в Российской Федерации реформа налогообложения нефтяного сектора – так называемый налоговый маневр – направлена на ликвидацию экспортных пошлин к 2024 году и замену их налогами на добычу полезных ископаемых.

Технологическое сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза увеличит степень локализации в отраслях промышленности, даст возможность странам ЕАЭС разумно распределять ресурсы и продвигать свою продукцию как на внутреннем (в рамках ЕАЭС), так и на мировом рынке.

Если рассмотреть направления взаимодействия государств-членов ЕАЭС с учетом их национальных экономических интересов, то в этом контексте стратегически важным является развитие производственно-сбытовых цепочек в регионе, а также расширение партнерских связей между государствами-членами, что создает возможности для создания специфических отраслевых ниш за счет специализации и роста национального промышленного потенциала государств-членов ЕАЭС.

Такая ориентация в будущем будет способствовать развитию и коммерциализации результатов НИОКР, технологическому совершенствованию и повышению конкурентоспособности стран-членов Евразийского союза на мировом рынке.

Kalenova T.S.

k.h.s., associate professor, Eurasian National University, Kazakhstan, kalenovats@mail.ru

Kenpeil Zh.

student, Eurasian National University, Kazakhstan

k_janarbek@yahoo.com

INTEGRATION PROCESSES IN THE EURASIAN SPACE: THE ROLE OF TURKIC-SPEAKING COUNTRIES

Keywords: *Eurasia, Turkic-speaking states, Kazakhstan, Turkey, integration, post-Soviet countries, Kazakhstan's Eurasian project, Eurasian Economic Union.*

Ключевые слова: *Евразия, тюркоязычные государства, Казахстан, Турция, интеграция, постсоветские страны, казахстанский евразийский проект, Евразийский Экономический Союз.*

The republics of the former USSR declared independence in 1991. The countries such as Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Uzbekistan and Azerbaijan have been among these countries, which are considered as «Turkic-speaking countries». After the declaration of independence, they began to establish diplomatic relations with each other and with long-standing states. At that time, Turkey was one of the first Turkic-speaking countries to recognize Kazakhstan's independence.

After gaining independence, each state defined and legitimized its borders. Furthermore, security issues began to arise at the regional and state borders. Security cannot be achieved through the efforts of one country alone, but through the search for regional security mechanisms. States must work together to enhance cooperation to save regional security. The most effective way to implement this activity is the creation or membership of regional and international organizations. The Eurasian Economic Community has been this kind of organization. The founder of this organization was the first President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev.

On March 29, 1994, during the official visit of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to Russia, spoke at the M.V. Lomonosov Moscow State University about the idea of creating a Eurasian Union of States for the first time. The new integration union was then called the Eurasian Union. But at that time, Russia showed little interest and remained silent. In 1995, when E. Primakov came to power, the issue of the Eurasian Union began to rise again.

It has not been easy to move the issue forward since the idea of the Eurasian Union was put forward. Many activities have been carried out. Analyzing the experience of the European Union, N.A. Nazarbayev considers it necessary to create a number of «coordinating structures outside national structures»: the Commission on Economy, the Commission on Raw Resources, the Fund for Economic and Technical Cooperation, the Investment Bank, etc.

Thus, the idea of European Union integration was put forward by the then Prime Minister of Russia Vladimir Putin in October 2011.

The Eurasian Economic Union, the EAEU, was established on May 29, 2014 by the heads of state of Kazakhstan, Russia and Belarus. Approved by the parliaments of the member states, the Union entered into force on January 1, 2015.

On January 2, 2015, Armenia officially joined the EAEU. In August 2015, the accession of Kyrgyzstan to the Eurasian Economic Union was completed. Thus, the second Turkic-speaking country joined the EAEU and began to contribute to the integration development of the Eurasian economic project¹.

The EAEU creates favorable conditions for the development of trade and agro-industrial complex of Kyrgyzstan. In terms of integration, Kyrgyzstan has also justified the confidence of the EAEU. This can be seen in the achievements of Kyrgyzstan in the field of agricultural products and light industry. According to the EEC, in January-June 2016, compared to the same period in 2015, agricultural production in the Kyrgyz Republic increased by 2,9%.

It is known that before the establishment of the EAEU, Kazakhstan and Kyrgyzstan contributed to the joint solution of regional issues.

In particular, it was decided to prepare a draft agreement on the establishment of the Interstate Integration Association in 2000. The Eurasian Economic Community was established.

2003 – The Agreement on the Establishment of the Common Economic Space was signed. 2006 – The heads of state, members of the EurAsEC decided to intensify work on the establishment of the Customs Union in the «triple» format.

Each country has its own peculiarities and its own limitations. In this regard, we can say that the EAEU was created as a result of the prudent policy of the President.

President Nursultan Nazarbayev summarizes the four main reasons for the creation of the Eurasian Union. They are: firstly, integration can only be pragmatic in nature, based primarily on economic needs. Secondly, the idea of multilayer and

¹ <https://primeminister.kz/kz/news/reviews/euraziyalyk> 25.10.2020

integration at different speeds. Thirdly, security cannot be ensured by the efforts of one country alone, but by the need to find regional security mechanisms. Fourthly, the voluntariness of integration.

This is how the President expresses his views on the Eurasian Union. «My idea of the Eurasian Union proposes a civilized solution to interethnic and interstate issues and contradictions. Integration of peoples, preservation of political independence and ethnic unity, modern statehood is truly a conscious and civilized formula for the peaceful development of the Eurasian space».

We cannot say that under Islam Karimov there were close ties between the EAEU and Tashkent. The first version of the EAEU in 2008 was a two-year membership in the Eurasian Economic Community, and in 2012 it was a six-year membership in the Collective Security Treaty Organization.

But after Mirziyayev, Uzbekistan is exploring «cooperation» with the EAEU. Deputies and senators also said that they would discuss the issue in detail and express their views. President Mirziyayev also noted that the country's transit potential can be increased from the current 7 million tons to 16 million tons and the need to introduce quality products to new markets.²

Uzbekistan may become an observer and then a member of the EAEU. In case of accession, it is clear that the EAEU will be replenished with another Turkic-speaking state and will have its own impact on strengthening Eurasian integration.

The question may arise as to the importance of Kazakhstan for the Eurasian Union. The Republic of Kazakhstan is one of the most geographically distinguished countries in the Eurasian region, located at the junction of nine roads. Thus, we can say that Kazakhstan is a bridge connecting two continents, Europe and Asia. Currently, the region is cooperating with other countries and gaining prestige in the world community from year to year.

Kazakhstan is one of the richest countries in the world in terms of mineral resources. Of the 55 different minerals in the world (29 of which are metals), 39 are extracted in Kazakhstan. Relatively high rates are produced only in Russia – 49, China – 45, Australia and the United States – 42, Brazil – 41 different minerals. On the one hand, Kazakhstan is the raw material base of the Eurasian Economic Union.

In the first nine months of 2019, mutual trade of Kazakhstan with the EAEU countries amounted to 14752.4 million US dollars, a decrease of 1.2% compared to January-September 2018, according to the Statistics Committee of the Ministry of National Economy. Including exports – 4434.5 million US dollars (2.8% less), imports – 10317.9 million US dollars.

92.3% of the total foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan with the EAEU countries is trade with the Russian Federation.

Trade with the Kyrgyz Republic is 4%, the Republic of Belarus – 3.6%, the Republic of Armenia – 0.1%.

Minerals, metals and metal products and chemical products are exported. The EAEU countries mainly transported vehicles, equipment and metal products. Organizations created on the initiative of Turkic-speaking countries play an important role in the development of integration processes in Eurasia. In particular; TURKPA, TURK KENESI, TURK AKEDEMISI and TÜRKSOY to promote Turkish culture and art were established.

Currently, TÜRKSOY is an international organization. Thanks to this organization, not only Turkic-speaking countries, but also the world became interested in Turkic culture and art. The main goal of the organization is to promote a new balance in international relations and the formation of new cultural relations at the regional and global levels.

To establish friendly relations between the Turkic-speaking peoples and countries, to study, publicize, develop, preserve the common Turkic culture, language, history, art, customs and traditions, to pass them on to future generations, to narrate them¹.

The main purpose of TURKPA (TURKPA) is to strengthen friendship and cooperation with the fraternal states and to master the possibility of harmonizing legislation, which is one of the priority areas of partnership, without exchanging parliamentary experience.

The Cooperation Council of Turkic Speaking States (TURKISH COUNCIL) was established in 2009 as an international intergovernmental organization to promote comprehensive cooperation between Turkic-speaking countries. It consists of four founding states: Azerbaizhan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Turkey.

The Council seeks to serve as a new regional tool for the development of international cooperation on the Eurasian continent, especially in Central Asia and the Caucasus, through the development of deep relations and cooperation between Turkic-speaking countries².

On May 25, 2010, the Turkic Academy was opened in the Palace of Peace and Reconciliation in Nur-Sultan, the capital of the Republic of Kazakhstan.

The purpose of the Academy is to become a unique center for the study of the history, language, literature and culture of the Turkic world from ancient times to the present day. Moreover, the development of science and education of the scientific community of the Turkic peoples, as well as the creation of conditions for the initiatives of leaders of other Turkic-speaking countries and bring them together³.

Currently, it is planned to create a financial fund to strengthen the economy among the Turkic-speaking countries. The head office will be in Kyrgyzstan. Turkey is the initiator of the establishment of these organizations. In conclusion, the integration organizations established in the Eurasian space with the Turkic-speaking countries in the economic, political and cultural spheres make a significant contribution to strengthening cooperation, peace and security in the region.

¹ <https://kk.wikipedia.org/wiki>

² <https://www.turk-pa.org/kz/content/cooperation/turkiccouncil>

³ <https://www.turk-pa.org/kz/content/cooperation/turkicacademy>

Каленова С.А.

д.э.н., профессор, Университет «Туран», Алматы

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН В РАМКАХ ЕАЭС

Ключевые слова: научный потенциал, инновации, евразийские технологические платформы, финансирование науки, интеллектуальный потенциал, конкурентное преимущество.

Keywords: scientific potential, innovations, Eurasian technology platforms, science financing, intellectual potential, competitive advantage.

Формирование общего научно-технологического пространства между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в рамках ЕАЭС мы рассматриваем как одно из приоритетных и перспективных направлений развития и расширения сотрудничества между двумя странами.

Для развития сотрудничества в области высоких технологий и инноваций имеются как предпосылки в виде имеющегося научного, интеллектуального потенциала, так и необходимые технические объекты, и что не менее важно, взаимный практический интерес сторон.

В целях объединения научного и промышленного потенциалов и разработки уникальных инновационно-ориентированных продуктов в ЕАЭС принято Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ (ЕТП) в контексте формирования и развития новой инновационной экономики. Сформированы и определены в качестве приоритетов 11 направлений ЕТП¹:

- космические и геоинформационные технологии;
- евразийская биомедицинская технологическая платформа;
- фотоника;
- евразийская суперкомпьютерная технологическая платформа;
- евразийская светодиодная технологическая платформа;
- технологии добычи твердых полезных ископаемых и углеводородов;
- технологии экологического развития;
- Евразия био;
- технологии пищевой и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса – продукты здорового питания;
- евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа;
- промышленные технологии «легкая промышленность».

Представленные 11 направлений евразийских технологических платформ, на наш взгляд, актуальны и практически необходимы для диверсификации промышленного сотрудничества стран-членов ЕАЭС, в том числе России и Казахстана с целью совместного решения задач всего цикла инноваций «идеи-разработка-внедрение-коммерциализация».

Для успешного использования механизма ЕТП в процессе построения общего научно-технологического пространства государственным органам необходимо предпринимать меры, направленные на формирование инновационной инфраструктуры, стимулирования спроса на научную продукцию.

В государственной поддержке нуждается, прежде всего, наука наших государств. Для того чтобы наука была востребована в свете современных тенденций, необходимо чтобы ее разработки были сопряжены с практическими потребностями крупных национальных компаний, предприятий среднего и малого бизнеса. Государство должно побуждать с помощью косвенных рычагов экономического регулирования научные организации и институты наших стран к сотрудничеству с бизнесом.

Фактором, стимулирующим научно-инновационное, промышленно-технологическое сотрудничество и разработки всех заинтересованных сторон, может стать общее снижение чрезмерного налогового бремени.

Отметим, что в развитых странах наряду с прямой государственной поддержкой широко распространены именно косвенные меры, прежде всего налоговое стимулирование. Впервые в 1966 г. налоговые скидки были предоставлены японским компаниям. В США их ввели в 1981 году. В 80-е гг. и в начале 90-х годов прошлого века налоговые привилегии, стимулирующие организацию и финансирование собственных научно-исследовательских подразделений, получают компании большинства развитых стран.

¹ http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Pages

Планируемый в Казахстане масштабный рост затрат на науку только за счет увеличения бюджетного финансирования не обеспечить. Прямая финансовая поддержка государства должна дополняться сильными налоговыми стимулами и льготами для инвестиций частного бизнеса в эту сферу. В действующем Налоговом кодексе на предприятия и организации сферы науки не распространяются специальные налоговые режимы, и они осуществляют выплаты налогов на общих основаниях, лишь две статьи определяют особенности налогообложения организаций науки.

Если посмотреть на этот вопрос с точки зрения мирового опыта, то видно, что налоговые льготы становятся обязательной частью, обязательным элементом научной политики. С их помощью происходит движение финансовых средств в сферу разработок инноваций, новых технологий, ноу-хау и НИОКР в целом. К примеру, в Японии сумма льгот достигает 2/3 бюджетного финансирования, в Нидерландах – почти равна ему.

С учетом мирового опыта необходимо существенно расширить перечень льгот в налогообложении сферы науки в Казахстане:

- необходимо ввести особый порядок налогообложения научно-исследовательских организаций, установить льготы по корпоративному налогу путем вычета из его объема 100% расходов организации на НИОКР;
- налоговый кодекс должен поощрять техническое перевооружение научных организаций, учитывая при этом, что научное оборудование имеет короткие сроки морального износа; целесообразно распространить на научное (лабораторное) оборудование повышенные нормы амортизации (40%);
- следует предусмотреть освобождение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, проектно-технологических работ, научно-технических разработок и продукции от налога на добавленную стоимость, независимо от того, выполняются ли эти работы в рамках госзаказа или в рамках заказа со стороны частного сектора, в том числе по грантам зарубежных и частных фондов;
- целесообразно освободить научные организации от налога на землю, используемую ими для научных и научно-экспериментальных целей.

Особо следует сказать о той роли, которую могли бы сыграть иностранные инвесторы в развитии науки Казахстана. Участие иностранного капитала в финансировании науки характерно для всех развитых стран. Так, удельный вес зарубежных компаний в финансировании НИОКР частным бизнесом в США в середине 90-х годов составлял 18%, в Великобритании на долю иностранных источников приходилось в это время 14% общих расходов на НИОКР.

Конечно, следует изучать возможности поиска новых источников финансирования разработок и внедрения инноваций. Речь идет о рисковом финансировании, необходимости развития венчурного финансирования инноваций и стартапов.

В целом, мы полагаем, что особое значение для развития инновационной деятельности и сотрудничества Казахстана и России в данной области имеет ее стимулирование посредством различных налоговых льгот и преференций. Несмотря на очевидные преимущества налогового стимулирования инновационной деятельности, в Казахстане значимость этого направления инновационной политики недооценивается. Представляется, что налоговые льготы сфере науки в Казахстане будут способствовать разворачиванию исследований по новым направлениям, связанным со Стратегией вхождения Казахстана в число 30 наиболее конкурентоспособных стран мира.

Таким образом, анализ возможностей и перспектив государственного регулирования, направленного на развитие и расширение сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС позволил сделать следующие выводы. В условиях интенсификации и углубления международных экономических отношений между странами спектр сотрудничества Казахстана и России довольно широк, что объясняется взаимодополняемостью наших экономик, совпадением национальных интересов, многовековой историей и дружбой. Кризисные потрясения в свою очередь оказывают негативное воздействие на состояние торгово-экономических, финансово-кредитных, инвестиционных, научно-технических связей не только казахстанско-российских отношений, но и в целом на развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

С учетом необходимости совместного противостояния глобальным экономическим флуктуациям, а также имея в виду потенциальные синергетические эффекты, которые могут и должны в принципе принести меры, предпринимаемые нашими странами по извлечению выгод от региональной интеграции, мы поддерживаем тезис о важности регулирующей роли государства в процессе налаживания интеграционных взаимодействий стран-членов ЕАЭС как фактора обеспечения ее качественного углубления.

В качестве основных целей государственного регулирования развития и углубления интеграции между Казахстаном и Россией в рамках ЕАЭС отметим:

- обеспечение национальных интересов и безопасности стран-партнеров по Союзу;
- обеспечение устойчивого социально-экономического развития экономик наших стран и повышение уровня жизни граждан Союза;
- сохранение и воспроизводство природных ресурсов, используемых для промышленного развития отраслей стран-союзников;
- повышение конкурентоспособности, наукоемкости и инновационности продукции стран-членов ЕАЭС.

Реализация указанных целей требует решения следующих задач государственного регулирования, направленного на развитие и расширение сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС:

- поддержка макроэкономической стабилизации;
- обеспечение производственных нужд качественным сырьем и материалами, удовлетворение потребностей населения качественными продуктами, товарами и услугами;
- сближение уровней жизни населения стран-партнеров, гармонизация законодательства по всем направлениям сотрудничества, унификация требований и стандартов в сфере товарообращения;

- защита интересов национальных товаропроизводителей, экспортеров от воздействия внешних факторов;
- создание благоприятных условий для сотрудничества наших стран с использованием механизмов и инструментов экономического, административно-организационного, нормативно-правового характера;
- увеличение объемов финансирования совместных программ и проектов, направленных на реализацию интеграционных потенциалов стран Союза;
- мониторинг, анализ, оценка и выработка рекомендаций по вопросам справедливого тарифного ценообразования на промышленную продукцию и услуги стран-членов ЕАЭС.

Определим основные принципы государственного регулирования, направленного на развитие и расширение сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС:

- соответствие требованиям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и другим международным соглашениям;
- приоритетность развития сфер и отраслей экономик стран-союзников, имеющих потенциал роста;
- доступность, адресность, прозрачность и эффективность мер государственной поддержки и стимулирования развития внешнеэкономических связей;
- развитие оптимальных форм взаимодействия субъектов промышленного, торгового, инновационного, инвестиционного сотрудничества.

Стоит отметить, что приоритетными направлениями, также требующими сбалансированного и разумного государственного регулирования, являются приграничное сотрудничество, туризм, финансовая сфера, рынок фармации и лекарств, нефтехимия и такие отрасли, как кремневая, электротехническая, машиностроение, биотехнология, космос, строительная, стекольная, мебельная, арматурная и другие.

Предложенные нами некоторые меры, на наш взгляд, способны повлиять на положительное решение задач, поставленных Президентами Республики Казахстан и Российской Федерации, по расширению и углублению региональной экономической интеграции и росту конкурентоспособности наших стран.

Куценко Н.А.

к.э.н., доцент, Луганский государственный университет

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: *трансграничное сотрудничество; экспорт; конкурентоспособность; методы управления; организационно-экономический механизм.*

Keywords: *cross-border cooperation; export; competitiveness; management methods; organizational and economic mechanism.*

Трансграничное сотрудничество при наращивании экспорта и возрождении отечественного производства на традиционных рынках играет важную роль. В целях повышения конкурентоспособности необходимо повышение эффективности и масштабов экспортной деятельности государства на условиях расширения ассортимента экспортной продукции, а также улучшения качества, усовершенствования товарной и географической структуры экспорта, использования современных форм внешнеэкономического сотрудничества.

Роль государства заключается в мобилизации ресурсов страны, определении приоритетов хозяйственного развития, формировании эффективного организационного и экономического механизма защиты отечественных товаропроизводителей.

Указанный механизм должен действовать на трех уровнях управления: государственном, региональном и на предприятиях. Производство и реализация продукции на экспорт – главная задача трансграничного сотрудничества в условиях развития конкурентоспособности.

Рассматриваемая тема связана с решением задач международного разделения труда, совершенствования внешнеэкономической деятельности, таможенного регулирования, упорядочения законодательной базы в условиях развития трансграничного сотрудничества.

Высокое качество товаров является основополагающим фактором в международной конкурентной борьбе. На создание благоприятных условий для повышения конкурентоспособности направлена государственная внешнеэкономическая политика высокоразвитых стран мирового сообщества. К основным направлениям совершенствования трансграничного сотрудничества относят: определение приоритетов внешнеэкономической деятельности и формирование экспортного потенциала.

Трансграничное сотрудничество в условиях развития конкурентоспособности предполагает создание механизма рыночной инфраструктуры поддержки экспорта, направленного на создание надежных и эффективных систем финансирования, страхования экспорта, действенных механизмов продвижения товаров на международные рынки, надежного технического сервиса и т.д.

Развитие экономики государства предопределяет высокую степень открытости и необходимость прилагать все усилия для обеспечения интенсивного трансграничного взаимодействия, интеграции с внешним миром в целях обеспечения национальных интересов государства, формирования благоприятных внешних условий для осуществления экономических и политических преобразований.

Реализация национальных интересов обеспечивается, главным образом, путем развития дружественных, взаимовыгодных отношений с сопредельными государствами, ведущими мировыми державами и интеграционными объединениями международного сообщества.

Курс на развитие трансграничного сотрудничества в условиях развития конкурентоспособности глубоко оправдан с точки зрения как политической целесообразности, так и экономической целесообразности. Единое экономическое пространство – это достаточно емкий рынок для сбыта продукции, а возможность работать на нем позволяет решить большинство экономических проблем, обеспечить экономическую стабильность и устойчивость государственности.

Самым главным направлением трансграничного сотрудничества является сотрудничество в социально-экономической сфере. В настоящее время наиболее значимыми направлениями интеграции в экономической сфере являются создание совместных предприятий и развитие кооперационных связей.

В качестве элемента трансграничного сотрудничества следует рассматривать создание дистрибьюторских сетей и фирменных магазинов предприятий в зарубежных странах.

Наращивание экспорта на традиционных рынках для скорейшего возрождения отечественной экономики является основной задачей программы развития и реализации экспортного потенциала и трансграничного сотрудничества, а стратегической задачей – повышение эффективности и масштабов экспортной деятельности на основе расширения ассортимента и улучшения качества продукции, усовершенствования товарной и географической структуры экспорта, использования прогрессивных форм международного торгово-экономического сотрудничества. Главной задачей этой

программы должно стать формирование благоприятных экономических, организационных, правовых и других условий для развития экспортного потенциала и повышения эффективности его использования, а также создания механизмов предоставления финансовых, налоговых, информационно-консультативных, маркетинговых, дипломатических и других видов помощи отечественным экспортерам.

Механизм организационного и экономического обеспечения защиты предприятий-производителей и экспортеров отечественной продукции правомерно рассматривать как составную часть общего хозяйственного механизма трансграничного сотрудничества (рис. 1).

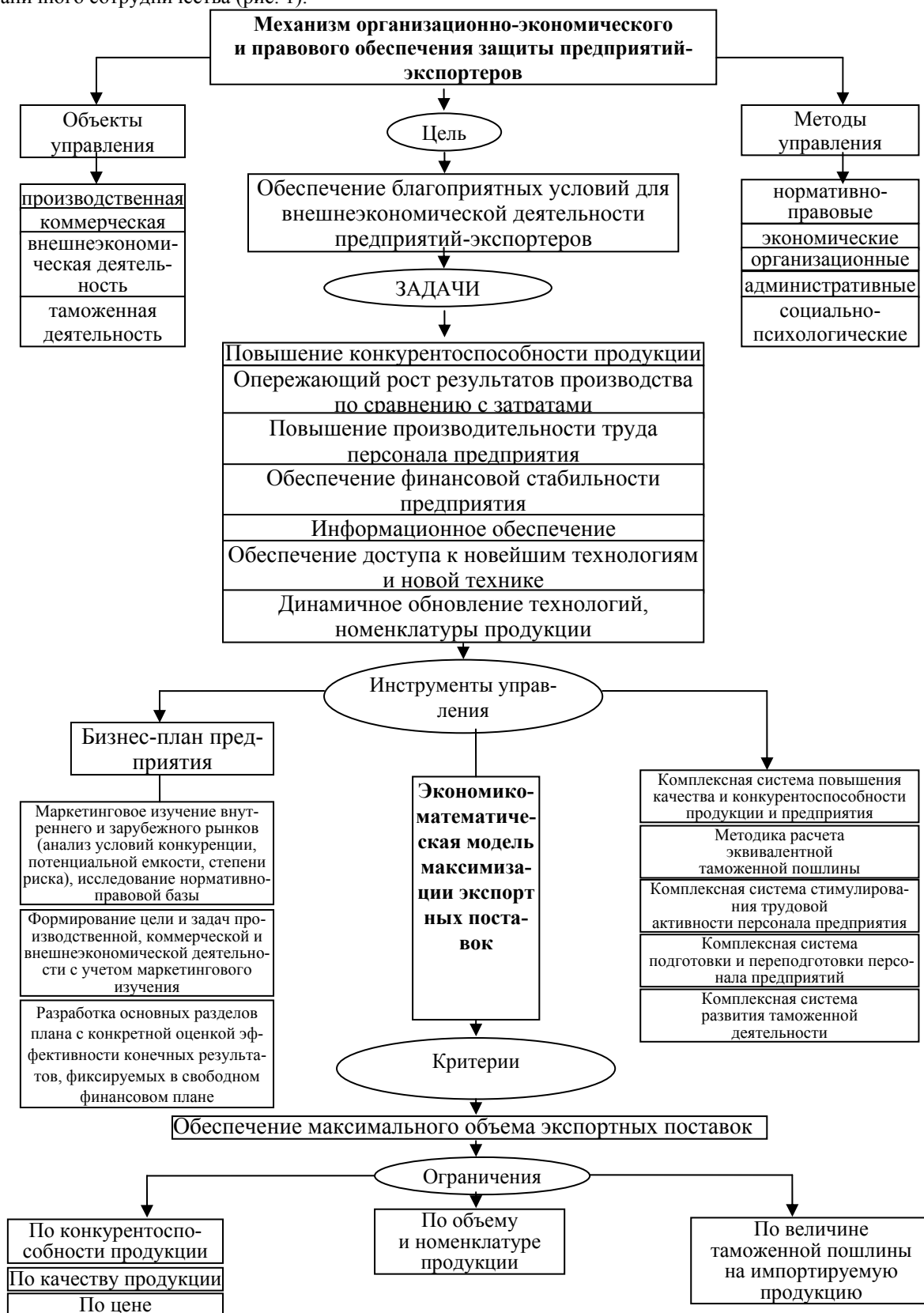

Рисунок 1.
Основные элементы и звенья механизма обеспечения защиты предприятий-экспортеров в условиях развития конкурентоспособности

Главной целью механизма организационно-экономического и правового обеспечения защиты предприятий-экспортеров продукции и услуг является создание благоприятных условий для внешнеэкономической деятельности отечественных фирм, объединений, предприятий. Соответственно объектами управления являются производственная, коммерческая, внешнеэкономическая и таможенная деятельность. К используемым методам управления в данном случае относятся нормативно-правовые, экономические, организационные, административные, социально-психологические (в процессе управления персоналом).

Для достижения главной цели на уровне предприятий решаются следующие задачи:

1. Повышение конкурентоспособности и качества продукции.
2. Опережающий рост результатов производства по сравнению с затратами.
3. Повышение производительности труда персонала предприятия.
4. Обеспечение финансовой стабильности предприятия.
5. Информационное обеспечение.
6. Повышение конкурентоспособности и качества продукции.
7. Обеспечение доступа к новейшим технологиям и новой технике.
8. Динамичное обновление технологий, номенклатуры продукции.
9. Повышение квалификации персонала фирм (менеджеров, рабочих).

К инструментам рассматриваемого механизма относятся: бизнес-план предприятия; комплексная система повышения качества продукции; усовершенствованная автором методика расчета эквивалентной импортной пошлины; система стимулирования трудовой активности персонала предприятий; комплексная система подготовки и переподготовки персонала предприятий и комплексная система развития таможенной деятельности.

Основными направлениями разработки бизнес-плана предприятия являются следующие:

- маркетинговое изучение внутреннего и зарубежного рынков, включающее анализ условий конкуренции, определение потенциальной емкости, степени риска, исследование нормативно-правовой базы ВЭД;
- формирование цели и задач производственной, коммерческой и внешнеэкономической деятельности с учетом маркетингового изучения рынков;
- разработка основных разделов бизнес-плана с конкретной оценкой эффективности конечных результатов, фиксируемых в сводном финансовом плане.

Важным инструментом организационного и экономико-правового обеспечения защиты предприятий-экспортеров следует считать комплексную систему повышения качества и конкурентоспособности предприятия. Отметим что, структуру системы управления конкурентоспособностью предприятия формируют восемь программно-целевых комплексных блоков, отражающих необходимые действия, конкретные организационные, экономические, технико-технологические мероприятия в их взаимосвязи и взаимозависимости. К ним относятся следующие:

- выбор конкурентных стратегий развития;
- достижение управленческой синергии в системе внутрифирменного менеджмента;
- реформирование системы управления персоналом и трудовой мотивацией;
- комплексный подход к повышению качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции;
- системный подход к диверсификации и планированию производства;
- реорганизация системы внутрифирменного финансового менеджмента;
- информационное обеспечение системы внутрифирменного управления.

Формирование эффективного механизма развития и реализации экспортного потенциала предполагает решение следующих задач:

- обеспечение функционирования механизмов кредитования и страхования экспорта с участием государства, а также предоставление государственных гарантийных обязательств относительно экспортных кредитов;
- широкое привлечение деловых кругов к проведению совместных мероприятий по стимулированию экспорта;
- организация оперативной работы государственных органов для активного продвижения экспортной продукции на внешние рынки и защиты интересов отечественных экспортеров за рубежом.

Экспортная ориентация товарной политики с целью более активной интеграции предприятий в современное экономическое пространство объективно предопределяет необходимость приведения всей нормативно-технической базы и системы подготовки к требованиям международных стандартов.

Предложенный механизм организационного и экономического обеспечения защиты отечественных предприятий-экспортеров продукции реализуется на основе коммерческого, системного подхода к решению поставленной задачи с использованием следующих инструментов: бизнес-плана предприятия; системы повышения качества продукции; усовершенствованной методики расчета эквивалентной импортной пошлины; систем стимулирования трудовой активности персонала предприятий, подготовки и переподготовки персонала предприятий, развития таможенной деятельности.

В комплексе экономических мер по стимулированию экспорта наиболее эффективным способом является финансовое содействие государства отечественным экспортерам продукции, в том числе с привлечением средств государственного бюджета, с использованием механизмов кредитования экспорта, страхования экспортных кредитов, предоставления государственных гарантий.

Учитывая современное состояние экономики и актуальность проблем развития экспортного потенциала, доминантными задачами в области финансового содействия экспорту являются:

- предоставление государством гарантийных обязательств относительно кредитных ресурсов, которые привлекаются уполномоченными банками для обеспечения оборотными средствами организаций, ориентированных на экспорт своей продукции;

- предоставление государственных гарантийных обязательств и страхование экспортных кредитов от коммерческих и политических рисков для обеспечения защиты экспортеров.

Кредиты должны предоставляться на длительный период с учетом продолжительности цикла изготовления экспортной продукции, включая закупку сырья и материалов. Среди других направлений финансового содействия, которые могут оказать значительное стимулирующее влияние на развитие отечественного экспорт, целесообразно было бы рассмотреть возможность применения на практике следующих мер:

- предоставление государственных гарантий банкам, которые финансируют экспортные поставки на основе коммерческого кредита;

- обеспечение гарантий относительно кредитов для участия в международных тендерах и торгах;

- страхование операций по освоению внешних рынков;

Совершенствование системы страхования экспортных кредитов и предоставления государственных гарантий требует создания специального экспортно-импортного общества. Такое общество за счет перераспределения рисков могло бы повысить уровень возвращения государственных экспортных кредитов, а также обеспечить пополнение собственных средств, которые в будущем можно было бы использовать для экспортного страхования в условиях ограниченной государственной поддержки.

Эффективная защита отечественных производителей должна основываться на поддержке, в первую очередь, конкурентоспособных отечественных предприятий химической, металлургической и машиностроительной промышленности для накопления ими финансовых ресурсов, развития маркетинга и других материальных и нематериальных активов, важных для выхода на внешние рынки. При таком подходе защита внутреннего рынка выступает как важный элемент национальной экспортной стратегии. В свою очередь, создание механизма защиты и поддержки отечественного экспортера создает долгосрочные стимулы к модернизации и повышению конкурентоспособности национальной экономики, которая закономерно становится менее восприимчивой к давлению импорта.

Для реализации предложенного механизма защиты и поддержки отечественных предприятий-экспортеров продукции необходимы бюджетные ежегодные ассигнования, объемы которых целесообразно определять исходя из существующей мировой практики, откорректировав их с учетом состояния экономики и сформированной структуры экспорта.

Лушников О.В.

к.и.н, доцент, директор Центра евразийских исследований, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
oleglushnikov@ya.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *евразийская интеграция, Большая Евразия, евразийская идея, геополитика, геоэкономика, евразийство.*

Keywords: *Eurasian integration, Greater Eurasia, Eurasian idea, geopolitics, geo-Economics, Eurasianism.*

Евразийская идея как цивилизационная основа объединения единого географического, этнокультурного и экономического пространства Евразии зародилась задолго до осмысления и озвучивания этой идеи в российской исторической и общественно-политической мысли. На протяжении всей древней и средневековой истории в среде евразийских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем евразийским народам. Многовековая история совместного проживания в едином пространстве евразийского мира славянских, тюркских, финно-угорских, монголо-маньчжурских и кавказских народов, стала фундаментом «Рах Eurasica». Идейной основой евразийской интеграции на протяжении тысячелетней истории континента были принципы безопасности, экономического процветания и сохранения развития этнокультурного своеобразия народов, составляющих евразийскую цивилизационную общность.

Опыт масштабной интеграции в **индоиранский, скифо-сарматский, гуннский, тюркский, монгольский и российский периоды** показал, что геополитическое, экономическое и этнокультурное тяготение Евразии к созданию единого пространства при эффективности используемых принципов объединения «**общеевразийского дома**» приводили к возникновению на евразийских просторах великих мировых держав. Осмысление исторической практики **великих евразийских держав** в исторической и общественно-политической мысли привело к оформлению целостной **евразийской цивилизационной концепции**¹.

Квинтэссенцией евразийской идеи стали труды авторов евразийского общественно-политического движения в русской эмиграции XX в. (**Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев и др.**). Структуру евразийской идеи в классический период целесообразно рассмотреть через ее «географо-экономические», «культурно-исторические» и «политико-правовые» аспекты.

К географо-экономическим аспектам евразийской идеи относится, прежде всего, «**теория месторазвития**» (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский). «Месторазвитие» понималось евразийцами как взаимосвязанный ряд положений о **пространственной детерминации Евразии**, и ее связи с экономической, хозяйственной, исторической и культурной деятельностью населяющих ее народов².

«Теория месторазвития» стала в свою очередь фундаментом для концепций «**экономической безопасности**» и «**функционального хозяйнодержавия**» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев). Экономическая безопасность России как континентальной державы виделась евразийцам в приоритетном внимании к налаживанию экономических связей со своими ближайшими соседями и к развитию собственной экономики, через рациональное размещение производительных сил с учетом особенностей природно-климатических зон и расположения полезных ископаемых и энергетических ресурсов³. Сбалансированная система государственного (эксплуатация природных ресурсов, транспорт, оборонная промышленность, банковский сектор и т.п.), и частного (сельское хозяйство и др.) начал в экономике и необходимость планового хозяйства получила у евразийцев название «функционального хозяйнодержавия». Если частное предпринимательство выступает у евразийцев как «активный двигатель» усовершенствования хозяйственной деятельности, то государственное хозяйство играет аналогичную роль в отношении социальной направленности экономики. В представлениях евразийцев, собственность должна подчиняться идее общего блага и быть функциональной, т.е., во-первых, служить интересам не только нескольких лиц, но и всей страны, во-вторых, орудиями производства имеет право владеть только тот, кто может добиться реальных производственных результатов. Вершиной «**хозяйнодержавия**», как гармоничной соборной связи «**хозяина-личности**» и «**хозяина-общества**», стал евразийский идеал

¹ Лушников О.В. Евразийская идея в России. Истоки и перспективы. – Пермь: ЦЕИ ПГТТУ, 2019.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Айрис-пресс, 2002; Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.

³ Савицкий. Указ. соч., с. 418.

«добротного хозяина», по-хозяйски относящегося к окружающей среде, производству, и ставящего целью не беспринципную погоню за прибылью, а заботу о благосостоянии людей¹.

Культурологические аспекты евразийской идеи – это **поликультуроцентризм, самобытность и «симфоническая личность»** (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, В.Н. Ильин, Р.О. Якобсон, В.Н. Иванов, Л.П. Карсавин). Евразийский поликультуроцентризм знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма». Взамен «европоцентристским лекалам» деления народов на «культурные» и «некультурные», евразийцы предлагают дифференцированное рассмотрение культуры через категории «культурной среды», «эпохи» ее существования и «отрасли» культуры и доказывают, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных»². В противоположность нивелирующим тенденциям начинающихся процессов глобализации, евразийцы утверждали, что долг каждой национальной культуры – это самопознание и уважение к своей самобытности, культурной традиции и своей истории. При этом они отмечали, что заимствование чужих технологий не так опасно как заимствование чужой культуры, в конечном итоге оборачивающееся деградацией, т.к. там, где процесс качественного обновления культурной традиции через превращение ее в неотъемлемый духовный элемент личного бытия прерывается, культура умирает и остается один косный, бездушный быт³.

Для обоснования самобытности социально-этнической и психологической основы евразийско-русской общности евразийцы привлекали огромные пласты знаний истории, археологии, этнографии, исторической географии, этнологии, языкознания. Раскрывая связь месторазвития Евразии с ее культурой, они указывали на диалектическое взаимодействие славянского (русские, украинцы, белорусы) и туранского (угро-финны, тюрки, монголы, маньчжуры) элементов, составляющих основу евразийской культуры и цивилизации⁴. **Евразийцы подчеркивали необходимость равноправного отношения всех составляющих Евразию народностей.** Культуроцентризм привел евразийцев к отказу от национализма (деления евразийских народов на русских и инородцев, ущемления по национальному признаку) и замене его концепцией **федеративного общеевразийского дома** (Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев)⁵.

Особое место в культурологическом аспекте евразийской идеи занимает теория «симфонической личности», которая объединила религиозно-философские и культурологические воззрения евразийцев и дала системность в описании Евразийской цивилизации как целостного объекта. «Симфоническая (соборная) личность» культуры понимается евразийцами как комплекс объединенных общей идеей и иерархически организованных «личностей» (индивид – социальная группа – народ – цивилизация)⁶.

Исторический аспект евразийской идеи (Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, В.Н. Иванов, М.Г. Торновский, Э. Хара-Даван, С.Н. Пушкирев, Н.Н. Алексеев, М.В. Шахматов) раскрывает общность исторической судьбы народов Евразии, их естественную совместимость, **историческую «спаянность» территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств**⁷. Исторический подход евразийцев отличался панорамностью взгляда на развитие России в контексте всемирной истории. Для них Россия – не «отсталая» «периферийная» часть Европы, а составообразующая часть Евразии – главного театра действий мировой истории, по отношению к которому вся приморская часть большого Евро-Азиатского континента (Европа, Иран, Индия, Индокитай, Корея) – окраина. Именно поэтому корни российской государственности евразийцы видели не в Киевской Руси, распавшейся на ряд воюющих друг с другом суверенных государств еще в XII в., а во Владимирско-Московском княжестве, ставшем преемником сильного централизованного евразийски ориентированного Монгольского государства⁸.

Одним из краеугольных камней исторической концепции евразийцев стали **циклы объединения и дезинтеграции евразийских государств**, представлявшие собой последовательный ряд попыток (скифы, гунны, тюрки, монголы, русские) создания единого всеевразийского государства⁹. Главный двигатель истории евразийцы видели в диалектическом взаимодействии земледельческой и кочевой культур (Леса и Степи), а также в борьбе за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Особой ролью здесь евразийцы наделяли кочевые народы Евразии, которые являлись посредниками между средиземноморской и китайской и индийской цивилизациями, и инициировали процессы объединения народов¹⁰.

В методологическом отношении евразийцы придерживались многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций («автаркий», «симфонических личностей», «культурно-исторических зон»)¹¹. Исторический процесс рассматривался ими как проявление некоей «жизненной энергии», заложенной в народе и оказывающей

¹ Савицкий. Указ. соч., с. 219.

² Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 370.

³ Трубецкой. Указ. соч., с. 109.

⁴ Савицкий. Указ. соч.; Трубецкой. Указ. соч.; Якобсон Р.О. Избранные труды. – М., 1985.

⁵ Алексеев Указ. соч.; Бицилли П. М. Два лика евразийства // Между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Ин-т философии РАН, 1993. – С. 279–291; Трубецкой. Указ. соч.

⁶ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Философия истории. – СПб.: Комплект, 1993. – С. 30.

⁷ Бицилли. Указ. соч., с. 279–291; Вернадский Г.В. Начертание; Он же. Сфера Евразии. – М.: КМК, 2005; Савицкий. Указ. соч.; Трубецкой. Указ. соч.

⁸ Вернадский Г.В. Сфера Евразии, с. 240; Трубецкой. Указ. соч., с. 225; Савицкий П.Н. Указ. соч., с. 334; Иванов В.Н. Мы. На Западе и на Востоке. – СПб., 2005. – С. 195.

⁹ Вернадский Г.В. Начертание, с. 24; Савицкий. Указ. соч., с. 303.

¹⁰ Савицкий. Указ. соч., с. 341.

¹¹ Трубецкой. Указ. соч., с. 117.

влияние на окружающую географическую и этническую среду, формируя индивидуальное «месторазвитие». Эта мысль была позже развита **А. Тойнби** в теории «**вызова и ответа**»¹ и **Л.Н. Гумилевым** в «**теории пассионарности**», оказав существенное влияние на последующее развитие евразийской идеи².

«Политико-правовые» аспекты евразийской идеи включают в себя концепции «**Государства Правды**», «**правообязанностей**», «**демотии**» и «**идеократии**» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, М.В. Шахматов, В.Н. Иванов). Исходя из исторически сложившихся в государствах Евразии опыта, традиций, идеалов и саморазвития российско-евразийской государственно-правовой культуры, евразийцы разработали свое видение органичной политическо-правовой системы России. Концепция «государства Правды» рассматривает предназначение власти с точки зрения нравственного начала, идеи духовного подвига и служения общественному благу³. Концепция «правообязанностей» раскрывает диалектический характер взаимоотношений общества и индивидуума⁴. «Демотия» – «органическая демократия», являлась евразийской версией социально-ориентированного государства с широким участием народа в его управлении⁵. Концепция «идеократии» рассматривалась евразийцами как подчинение государственной и социальной жизни идеалу, вытекающему из культуры, религии и духа нации и государства, остающегося постоянным, несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы⁶. Мыслители классического периода развития евразийской идеи подчеркивали общий характер политической структуры всех евразийских государств, необходимым признаком которых всегда являлась сильная централизованная власть и объединяющая все общество идея.

Всесторонний анализ и междисциплинарная систематизация евразийскими авторами оснований евразийско-российской цивилизационной общности помогли им отказаться от панславизма и идеализации славянской старины славянофилов, увидеть своеобразие России в ее восточных корнях, отметить многонациональный характер российской культуры и российского государства, определить оптимальные параметры его политического и экономического развития. Благодаря этому, **потерпев поражение как эмигрантское политическое движение 1920–1930-х гг., евразийство сохранилось как идейное течение, оказывающее влияние на современность**. Идеи классиков плодотворно развивались не только в эмиграции, но и в СССР, где в 1960–1980-е гг. знамя евразийской идеи было поднято этнологом и историком Л.Н. Гумилевым, чье творчество стало мостом от классиков к современности.

Вызовы современности потребовали дальнейшего развития идей классиков евразийской мысли как в науке, так и в практической политике России и соседних стран. Евразийские идеи и риторика активно используются как многочисленными партиями и движениями («Международное евразийское движение», «Евразийское движение РФ», «Молодежь Евразии», «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия» и др.), так и государственными деятелями и политиками первого ранга (В.В. Путин, Н.А. Назарбаев и др.)⁷. Евразийская идея активно применяется сегодня в многонациональных и поликонфессиональных регионах РФ как механизм предотвращения конфликтов и гармоничного сосуществования представителей разных народов и культур. За последние годы сделан мощный прорыв к евразийской интеграции как на региональном (ЕАЭС, ОДКБ), так и на континентальном и международном уровнях (ШОС, БРИКС, Большое евразийское партнерство и др.). Но современное евразийство является скорее общим идейным направлением, чем единой научной школой.

Евразийская теория сегодня представлена самыми разнообразными (порою находящимися в состоянии полемики) течениями и позициями современной общественно-политической мысли. Весомый вклад в развитие евразийской мысли внесли сотрудники многих институтов РАН и ведущих вузов страны. Их усилиями проводятся многочисленные научно-практические конференции и «круглые столы» по проблемам евразийства, издаются научные журналы, созданы факультет Евразии и Востока в Челябинском госуниверситете, евразийские кафедры в Казанском, Томском университетах, НИУ ВШЭ.

Среди теоретиков современной евразийской мысли особое место занимают развивающие идеи евразийской цивилизации исследователи классического евразийства, последователи концепций Л.Н. Гумилева и Г.В. Вернадского, и примыкающие к ним аналитики этнических, политических, культурных, языковых и других современных общественных процессов на пространстве Евразии. Это направление в целом можно назвать «цивилизационным евразийством».

Представители данного направления критикуют навязываемую ныне упрощенную монокультурность мира в форме нового общемирового порядка. Исходя из подразделения мира на ряд цивилизаций, они дают методологическое обоснование полицентризма и многолинейности социально-исторического процесса, идеи параллельного сосуществования и развития различных цивилизаций как исторически сложившихся геоэтнокультурных систем, общностей людей, объединенных особенностями культуры, психики, сознанием своего единства, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты⁸.

По мнению **Б.С. Ерасова** и **И.Б. Орловой**, сведение разнообразия культур и цивилизаций к единой унифицирующей модели противостоит природе. Каждая культура, каждый народ имеют основания и право следовать собствен-

¹ Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989.

³ Шахматов М.К. Государство правды. – М., 2010.

⁴ Алексеев. Указ. соч., с. 183; Карсавин Л.П. Основы политики // Евразийство: мысли о России. – Тверь, 1992. – С. 52.

⁵ Алексеев. Указ. соч., с. 165.

⁶ Савицкий. Указ. соч., с. 127; Трубецкой. Указ. соч., с. 518.

⁷ Путин В.В. Выступление на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>; Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, проблемы, перспективы. – М.: ФРСРПН, 1997.

⁸ Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б.С. Ерасова. – М., 1998. – С. 185.

ными историческими путями. Евразийская цивилизация есть самоценностная величина, ее основы достойны уважения не в меньшей степени, чем основы иных цивилизаций¹.

В основе цивилизации лежат три вида системообразующих связей: пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка; социальные и социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей. В соответствии с этим определением Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система – **Евразийская цивилизация**².

Б.С. Ерасов, констатируя тот факт, что **ликвидация СССР как единого государства на пространстве Евразии создала хаос**, в котором стали преобладать процессы архаизации, проявившейся в политической, социальной и цивилизационной сферах, предлагал искать баланс, некое единство между Западом и Востоком внутри России, которое могло бы возродить Россию как сильное евразийское государство. При этом Б.С. Ерасов подчеркивал, что существует объективная предрасположенность евразийских народов к различным формам интеграции. А также то, что «Россия – не единственный носитель евразийского единства. Устранение ее в этом качестве способно повлечь за собой появление других претендентов»³.

Профессор **Э.А. Баграмов** считает, что в идеи классического евразийства 1920-х годов нужно вложить сегодня конкретное экономическое и политическое содержание. «Евразийство сегодня – это модель равноправного сотрудничества народов, достигших высокого уровня самосознания и цивилизованности и движимых стремлением утвердить социальный и межнациональный мир»⁴. Желательный выход для России – принять **обновленное «евразийство»** в контексте интеграции и сотрудничества в составе СНГ. «В условиях глобализации интеграция – единственная разумная стратегия развития»⁵.

Профессор А.С. Панарин отмечал, что для восстановления евразийского «полюса силы» должна быть четко сформулирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач, реально волнующих людей в настоящее время. В качестве таковых он предлагал две смыслообразующих идеи:

1) идея синтеза консервативного цивилизационного содержания с постиндустриальным проектом (аналог путей развития, пройденных Японией, Южной Кореей и другими странами Тихоокеанского региона).

2) «культуроцентризм и постэкономизм, дающий новые приоритеты земной цивилизации в целом (поддержка экологического, социокультурного и социально-политического равновесия мира, для предотвращения глобальной экологической катастрофы)»⁶.

В качестве возможных общевразийских идейных приоритетов можно привести и «Пять исторических принципов интеграции Евразии» от ЕДРФ: 1) Культурный плюрализм; 2) Коллективная безопасность; 3) Общее экономическое пространство; 4) Верховенство закона и социальной справедливости; 5) Приоритет духовных ценностей⁷.

Вызовы современности – глобализация, с одной стороны, и всплеск этничности – с другой, являются серьезными проблемами для сохранения национальных государств. Представители современного «геополитического евразийства» для их решения предлагают создание открытых «больших пространств», основанных на интеграции нескольких государств, объединенных культурной, исторической и цивилизационной общностью.

Геополитическим приоритетом России в наступившем столетии они видят создание евразийского стратегического блока с гибким и дифференцированным мировоззрением и многоуровневым членством. «Интеграция стран СНГ в новое, более сплоченное стратегическое образование, должна основываться на глобальных геополитических задачах, а не на сиюминутных социально-экономических интересах и раскладе сил в политических элитах»⁸.

Вслед за П.Н. Савицким и другими классиками евразийской мысли 1920-х гг., современные евразийцы-геополитики предлагают в общественном устройстве опору на традиции, «демократию соучастия», отражающую качественную структуру евразийского общества (представительство этносов и религиозных конфессий), сопряженную с определенной долей единоначалия, выраженную в стратегической области, и золотую середину между гипериндивидуализмом буржуазного Запада и гиперколлективизмом социалистического Востока⁹.

Важной геополитической концепцией стала идея В.Л. Цымбурского о «тихоокеанском плацдарме» в глубине евразийского материка, в опоре на три транспортных линии: 1) действующий и модернизируемый Транссиб; 2) северный вариант Шелкового пути, заворачивающий от станции Дружба на китайско-казахстанской границе к северо-

¹ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. – М.: Норма, 1998. – С. 108.

² Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. – [http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский внешнеполитический сайт.htm](http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский_внешнеполитический_сайт.htm)

³ Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройстве Евразии // Евразия. Народы. Культуры. Религия. 1997. – № 1–2. – С. 34.

⁴ Баграмов Э.А. От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия. Культуры. Народы. Религии. 2001. – № 1–2. – С. 83.

⁵ Там же, с. 85.

⁶ Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // Социальная теория и современность. Вып. 18: Евразийский проект модернизации России: «за и против». – М.: Рос. академия гос. службы при Президенте РФ, 1995. – С. 19–20.

⁷ Программа ЕДРФ. Рабочая тетрадь №1. Неоклассическое евразийство: идеология ЕДРФ. – М.: ЕДРФ, 2016.

⁸ Дугин А.Г. Евразийство на старте тысячелетия. – <http://www.Eurasia.org>

⁹ Дугин А.Г. Основные принципы евразийской политики // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. 10. Восток. Евразийство. Геополитика. 2001. – № 1. – С. 18.

западу и идущий через казахские степи в наше Приуралье до встречи с Транссибом; 3) перспективная линия от Индийского океана, в иранских портах, направляющаяся в Восточную и Северную Европу по восточному побережью Каспия, а дальше через Россию. Сближаясь в урало-сибирской коммуникационной сердцевине России – ее «скрепе», эти дороги соединяли бы регион, обеспечивающий целостность нашей страны и при этом не имеющий доступа к морям, с тихоокеанским пространством и делали бы из него оплот геоэкономической экспансии АТР на Запад¹.

Идею «евразийского моста» развивают и представители третьего направления современных евразийских идей – «геоэкономического евразийства». Они видят особую роль России-Евразии в мировой экономике, позиционируя ее не только как мост между Востоком и Западом, но и как третье звено мировой экономической системы. «Если в прошлом вклад России в мировую культуру объяснялся тем, что русская культура стала сплавом европейских и азиатских веяний, то в XXI в. предназначение России заключается в том, чтобы своим экономическим развитием связать напрямую Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский экономические регионы, тем самым, построив недостающее звено глобальной экономической системы»².

Для развития России и стран ЕАЭС в качестве нового центра геоэкономики, министр по интеграции и макроэкономике Евразийского союза Евразийской Экономической комиссии, академик С.Ю. Глазьев считает важным: 1) создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию; 2) формирование каналов финансирования производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции; 3) «настройку» макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий для осуществления научно-технической и инновационной деятельности³.

В докладе «О дополнительных мерах по нейтрализации угроз экономической безопасности РФ в условиях международных санкций», академик представил межведомственной комиссии Совета безопасности РФ стратегию действий по повышению долгосрочной конкурентоспособности российской экономики и достижению «модернизационного рывка» через увеличение промышленного производства на 30–35%, увеличение доли расходов на образование, здравоохранение и социальную политику с 6,5 до 40%, в рамках перехода к «экономике знаний», что увеличивает коэффициент накопления на 35–45%⁴.

В работах экономистов школы академика Н.Н. Моисеева⁵, просматривается раскрытие на новом этапе идей евразийцев-классиков в области развития в России социально ориентированной смешанной частно-государственной экономики.

Отдельное направление современных геоэкономистов-евразийцев представляют сторонники макроконтинентальной экономической интеграции Евразии, представленные исследователями «Евразийского сектора» ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, сотрудниками Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Евразийского банка развития (ЕАБР), представителями Российского совета по международным делам (РСМД), Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и аналитического клуба «Валдай»⁶.

Так в своих многочисленных работах *Е.Ю. Винокуров, И.Н. Тимофеев и др. отмечают, что* региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Чтобы в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности усилить эффект от интеграции, по мнению авторов, *необходимо* осуществить меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства ЕАЭС (завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидировать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза; эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество)⁷; расширить количество участников Евразийского Союза, создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве (*сопряжения с проектом «Один пояс – один путь» («Экономический пояс Шелкового пути» КНР)*⁸, *ЕАЭС и ЕС, ЕАЭС и АСЕАН, ЕАЭС и Япония, ЕАЭС и Корея*), выстроив отношения, в том числе, и с ключевыми торгово-инвестиционными партнерами⁹.

¹ Цымбурский В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды». Остров Россия // Полис. – М., 2003. – № 2. – С. 17.

² Системные подходы России. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Колл. авторов под руков. акад. РАН Д.С. Львова. – М., 1999. – С. 196.

³ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России. – СПб., 2011.

⁴ Глазьев С.Ю. О дополнительных мерах по нейтрализации угроз экономической безопасности РФ в условиях международных санкций // Официальный сайт Сергея Глазьева. – <http://www.glazev.ru/>

⁵ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1997; Институциональная экономика: учеб. пособие / Под рук. акад. Д. С. Львова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 3–31.

⁶ Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: ЛЕНАНД, 2012; Евразийская интеграция: сборник научных трудов: ежегодник. Вып. 1. – СПб.: СПбГУП, 2014; Долгов С.И. Общее экономическое пространство – новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. – № 9. – С. 31; Калачян К.К. Региональная экономическая интеграция как часть мирового процесса интеграции. Международно-правовые аспекты. – М.: МАКС Пресс, 2003.

⁷ Тимофеев И.Н., Алексеенкова Е. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения. – М.: МГИМО, 2015. – <http://eurasian-movement.ru/archives/1091>

⁸ Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2015. – <http://valdaiclub.com/publication/77920.html>

⁹ Винокуров Е.Ю., Либман А.А. Евразийская континентальная интеграция. – СПб., 2014.

Развитию последнего служит и анонсированный в 2018 г. В.В. Путиным проект Большого Евразийского партнерства (БЕП). В рамках этого пространства планируется сформировать системы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов, создание общего финансового и единого энергетического рынков, разработать единые правила торговли товарами и услугами, а также сформировать общий рынок транспортных услуг и единую транспортную систему¹.

Создание БЕП, по мнению С.Е. Караганова, – это перспективная цель стратегического взаимодействия, основанного на принципах взаимоуважения, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, неприсоединения к военным блокам, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран, а также взаимной выгоды и бесприоритетности для всех участвующих сторон².

Согласно расчетам экспертов, примерно к 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС должна превратиться во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и БРИКС. А к 2040 г. может быть образовано Большое Евразийское партнерство для всего континента³.

На основе сравнительного анализа взглядов представителей рассмотренных направлений современного евразийства можно выявить следующие актуальные аспекты Евразийской идеи:

1) Самоидентификация России и стран ЕАЭС как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью.

2) **Развитие** многополярного мира, **создание вместо американоцентричного глобального мирового порядка** цивилизационного и геополитического полицентризма, поддерживающего через систему стратегических альянсов (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, БЕП, «Один пояс – один путь» и др.), экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира.

3) **Воссоздание и развитие единого экономического, образовательного, культурного, и политического пространства**, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии, на основе культурного плюрализма (**культуроцентризм**, регионализм, федерализм) и уважения территориальной целостности и национального суверенитета стран (стратегия общеевразийского дома «Евразии наций»).

4) **Признание** единственно перспективным для Евразии **самостоятельного развития**, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности (этико-гуманистический традиционализм, принципы верховенства закона и социальной справедливости) и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским регионом).

¹ Путин В.В. Большая Евразия – проект, устремленный в будущее // Большая Евразия. – 2018. – № 1. – С. 4.

² Караганов С.Е. От поворота на Восток к Большой Евразии. – <http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>

³ Мэннинг Е., Роберт А., Чхень Жиминь, Сон Гой, Флегонтова Т. Экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2017. – С. 18.

Марышев А.А.

к.полит.н., Евразийская экономическая комиссия

СОПРЯЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ ЕАЭС, ШОС И АСЕАН В РАМКАХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, Большое Евразийское партнерство, формирование новых «центров силы».

Keywords: Trans-Pacific Partnership, Transatlantic Trade and Investment Partnership, Great Eurasian Partnership, formation of new «centers of power».

Началом эпохи регионализации принято считать начало 90-х гг. прошлого века, когда неожиданно, практически в одночасье не стало одного из двух «центров силы»¹ – Союза Советских Социалистических Республик. В результате единственным крупным актором международных отношений стали Соединенные Штаты Америки. США насколько поверили в свое преимущество, что заявили о конце истории². Начался этап «однополярного мира»³. В связи с этим Соединенными Штатами Америки была предпринята попытка пересмотра существующего мирового порядка. В частности, США попытались нивелировать деятельность общепризнанной мировой организации – Организации Объединенных Наций и его постоянного действующего органа – Совета Безопасности, на который возложена ответственность за поддержание международного мира и безопасности⁴. Эта роль Соединенными Штатами Америки была отведена Организации Североатлантического альянса (НАТО), которая в обход резолюции Совбеза ООН начала бомбардировку Югославии в 1999 году. Начало бомбардировки Югославии и разделение ее на несколько независимых государствам стало первой волной построения однополярного мира. Второй волной нового, по мнению американцев, более справедливого мира стала серия оранжевых революций⁵ в непосредственной зоне влияния другого, ослабленного актора международной политики – России. По идее, нивелировать или вовсе свести на нет попытки оранжевых революций на постсоветском пространстве должно было Содружество независимых государств (СНГ) – самое крупное на постсоветском пространстве интеграционное объединение⁶. К сожалению, в силу исторических особенностей и невозможностью реализации наднациональных полномочий СНГ не справилось с этой функцией⁷. К примеру, на встрече глав правительств стран СНГ, проходившей 3 июня 2005 г. в г. Тбилиси, грузинская делегация активно пыталась сосредоточить внимание участников на необходимости скорейшего урегулирования конфликтных ситуаций в Абхазии и Южной Осетии, а украинская – на требовании о безотлагательном решении вопроса о зоне свободной торговли без изъятий и ограничений.

Другой крупный актор международной политики – Европейский союз также не смог в полной мере стать самостоятельным игроком на международной арене, поскольку его внешняя политика не отличалась последовательностью и во многом осуществлялась под руководством Соединенными Штатами Америки. Так, вопрос о включении новых постсоветских стран в состав ЕС закончился вхождением в него Латвии, Литвы и Эстонии в 2004 году, а Украина и Грузия несмотря на проводимую ими проевропейскую политику не смогли приблизиться к членству в Европейском союзе, хотя данное намерение было даже включено в Конституцию Украины⁸.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые Соединенными Штатами Америки попытки построения однополярного мира, конца истории не случилось, напротив, мир от «однополярности» стал медленно, но неуклонно двигаться к «многополярности»⁹. Начали формироваться новые международные межправительственные интеграционные объединения¹⁰. К сожалению, деятельность многих международных объединений была непоследовательной. Так, если «идеальную» степень интеграции принять за 100, то у Европейского союза этот показатель равен 91, у Евразийского экономического союза – 69, а у Ассоциации государств Южно-Восточной Азии (АСЕАН) и Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) – 42–43¹¹.

¹ Лукин В. «Центры силы»: концепции и реальность. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 14–15.

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York, 1992. – P. 442.

³ Hopf T. Common-sense Constructivism and Hegemony in World Politics // International Organization. 2013. – Vol. 67, Spring. – P. 317–354.

⁴ Статья 24 Устава Организации Объединенных Наций.

⁵ Оранжевая революция. Украинская версия. Коллектив авторов. – М.: «ЕвроВосток, 2005.

⁶ Москалькова Т.Н. СНГ: история и перспективы. – М.: ГД РФ, 2012. – С. 5.

⁷ Статья 1 Устава Содружества независимых государств.

⁸ Статья 102 Конституции Украины.

⁹ Monteiro N. Unrest Assured. Why Unipolarity is not Peaceful // International Security. 2011. – Vol. 36, N 3. – P. 13.

¹⁰ Дергачев В.А. Геополитика. – М.: Русская геополитическая энциклопедия, 2004. – С. 110.

¹¹ Командный счет. – <https://rg.ru/2018/09/18/tatiana-valovaya-est-okno-vozmozhnostej-dlia-razvitiia-integracii-eaes.html>

Таким образом мир подошел к новому этапу международных отношений – объединению усилий международных межправительственных интеграционных объединений. Сегодня наиболее известными «мегапроектами» являются Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, в которых Россия не принимает участие. С таким положением дел в международной политике Российская Федерация смириться не сможет и поэтому она выступила с инициативой создания Большого Евразийского партнерства (БЕП).

Примечательно, что первоначально идея БЕП включала в себя попытку объединения интеграционных потенциалов двух крупнейших, с точки зрения интеграционного потенциала, международных организаций – Европейского союза и Евразийского экономического союза. Более того, с такой инициативой еще в 2015 году выступил Евразийский экономический союз, выпустив соответствующие Директивы¹, которые были направлены коллегам из Европейского союза. К сожалению, реализовать эти Директивы до сих пор не удалось, хотя в конце 2019 года началось техническое взаимодействие двух исполнительных органов интеграционных объединений – Европейского союза и Евразийской экономической комиссии. Но речь о полноценном взаимодействии пока не идет.

В этом же году Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, выступил с предложением переосмысления идеи Большого Евразийского партнерства, которую можно определить как концепцию континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанных на доверии и всеобщем стремлении к безопасности². При этом уникальность БЕП состоит в том, что Партнерство является абсолютно открытым проектом.

Идея, выдвинутая С. Карагановым, была поддержана Президентом России В.В. Путиным в декабре 2015 года, который предложил начать реализацию Большого Евразийского партнерства с консультаций представителей Евразийского экономического союза, Ассоциации Юго-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества. Локомотивом интеграционного взаимодействия стал Евразийский экономический союз, который 6 декабря 2018 года принял Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов³, в которой зафиксировал стремление к формированию Большого Евразийского партнерства, которое будет обеспечено на основе скоординированной работы по вопросам сопряжения интеграционных процессов на евразийском пространстве, включая либерализацию торговых отношений между участниками, совместное развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

Идея Большого Евразийского пространства была конкретизирована в Стратегических направлениях развития ЕАЭС до 2025 года⁴. В соответствии с данным документом работа по БЕП будет осуществляться путем позиционирования ЕАЭС как одного из центров формирования интеграционного контура БЕП в рамках международных форумов и дискуссионных площадок, реализации комплекса мер по сопряжению ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – Один путь» как первого этапа формирования Партнерства и определения приоритетных проектов отраслевого сотрудничества, реализуемых и планируемых к реализации странами ЕАЭС и КНР в рамках проекта Сопряжения. При этом в рамках формируемого БЕП не планируется создание новых наднациональных органов интеграции.

В целом необходимо отметить, что идея формирования Большого Евразийского партнерства является своевременной инициативой «интеграции интеграций», создания нового, уникального «мегапроекта», инициированного научным, высшим и интеграционным руководством (ЕАЭС) под руководством России. Уникальность БЕП, в отличие от Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства, состоит в ненавязывании своих идей и принципов, что полностью соответствует идее недискриминационного, открытого проекта. Отличительной особенностью является отсутствие планов создания новых интеграционных органов, что позволяет максимально гибко подходить к формированию Большого Евразийского партнерства. Несмотря на то, что в настоящее время основными акторами реализации Большого Евразийского партнерства являются Евразийский экономический союз, Ассоциация государств Южно-Восточной Азии и Шанхайская организация сотрудничества интерес к данному «мегапроекту» проявляет также и Европейский союз, что говорит о перспективности БЕП.

¹ Памятная записка «Евразийский экономический союз – Европейский союз: контуры сотрудничества». Одобрена Евразийским Межправительственным Советом 8 сентября 2015 года в г. Гродно (Беларусь).

² Большое евразийское партнерство. – <https://we.hse.ru/news/209460195.html>

³ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 года).

⁴ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Одобрены в целом решением Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 года № 1

Медынская И.В.

д.э.н., доцент, профессор СПбГЭУ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ – ДРАЙВЕР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *Евразийская интеграция, инновационное развитие, цифровизация, интеграция образования, науки и бизнеса, драйвер.*

Keywords: *Eurasian integration, innovative development, digitalization, integration of education, science and business, driver.*

Инновационные тенденции социально-экономического развития стран-участниц Евразийского экономического пространства связаны с увеличением доли несырьевого экспорта и диверсификацией экспортной деятельности, которая проявляется в условиях цифровизации в поддержке экспорта новаторских, конкурентоспособных услуг. Особую актуальность приобретает возрастание роли инновационных процессов во всех сферах производственно-хозяйственной деятельности¹. Усиление международной конкуренции товаров и услуг оказывает воздействие на проблему эффективного внедрения научно-технологических разработок, тем самым способствуя инновационному развитию стран-участниц Евразийского экономического союза.

На современном этапе эволюции мирового хозяйства успешное развитие научно-образовательных систем стран Большой Евразии должно быть связано с интеграционными процессами, позволяющими достигать синергетических эффектов за счет объединения и координации².

Для интеграции образования, науки и бизнеса в рамках Большой Евразии имеется целый ряд объективных аргументов – это единое научно-образовательное и бизнес-пространство, и многие аспекты социально-экономической направленности. Исходя из этого, интеграции образования, науки и бизнеса в рамках Евразийского союза – это традиции сотрудничества в едином языковом пространстве, а также взаимовыгодное инновационное развитие различных отраслей стран-участниц этого объединения.

Евразийская интеграция науки, образования и бизнеса – это взаимодействие, сотрудничество, объединение и интернационализация инновационной хозяйственной деятельности, новая целостность экономик. В создание новых совместных продуктов, процессов и услуг синергетический эффект приносит объединение ресурсов стран-участниц этого образования³. Поэтому, процесс формирования евразийского научно-образовательного сотрудничества сетевых университетов обусловлен, прежде всего, необходимостью сделать образование более адекватным современным экономическим требованиям, динамике развития рынка труда.

В современных условиях инновационного развития процесс евразийской экономической интеграции достиг стадии зрелости, при которой содержательное наполнение единого экономического пространства совместными видами сложной хозяйственной деятельности становится не менее важным, чем углубление и расширение интеграционных форм.

Евразийские интеграционные объединения сегодня уже приносят конкретную практическую отдачу в цифрах прироста ВВП и взаимной торговли. Динамика среднего ежегодного роста числа студентов из стран ЕАЭС, СНГ и КНР за период с 2014 по 2020 год составляет около 15%⁴. Снижение темпов роста численности иностранных студентов в 2019 и 2020 годах связано с пандемией коронавируса. В условиях COVID-19 цифровизация будет способствовать инновационному развитию и расширению международного научно-образовательного сотрудничества университетов в рамках евразийской интеграции науки, образования и бизнеса. Информационно-коммуникационные технологии предоставляют бизнес-структурам возможность отвечать глобальным тенденциям модернизации экономики и адаптироваться к современным условиям трансформирующегося мирового хозяйства⁵. Таким образом, в условиях цифровизации евразийская интеграция станет реальным драйвером экономического роста стран ЕАЭС, способствующим оздоровлению экономик и увеличению объемов международной торговли инновационными услугами.

¹ Медынский С. Евразийская интеграция в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. 2019. – № 3 (71). – С. 55.

² Медынская И.В. Евразийская интеграция науки, образования и бизнеса: генезис и инновационное развитие // Проблемы современной экономики. 2019. – № 1(69). – С. 193.

³ Там же, с. 192.

⁴ Евразийская экономическая интеграция. Цифры. Факты. – http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf

⁵ Медынская И.В. Современные тенденции и проблемы экспорта образовательных услуг в условиях евразийской интеграции // Дискурс. 2018. – № 2. – С. 61.

Интеграция стран Большой Евразии качественно повышает уровень открытости национальных экономик, создает единое инновационно-информационное пространство, обуславливает диверсификацию международного движения технологий.

Реализация евразийских интеграционных процессов может оказывать существенное влияние на организационную структуру компаний путем создания кросс-функциональных групп, объединяющих специалистов разного направления, что также способствует повышению эффективности реализации инновационной стратегии в условиях цифровизации. Кроме того, евразийская интеграция приводит к снижению конкуренции, превращая конкурентов в партнеров.

В условиях цифровизации активно развивается синергизм с научно-техническими, образовательными и бизнес-структурами государств-членов ЕАЭС по использованию ресурсного подхода к управлению, концентрируя ограниченные ресурсы на реализации стратегий использования возможностей внешней среды за счет имеющихся сильных сторон.

Информационные научно-образовательные ресурсы должны значительно расширить преимущества инновационной информации бизнес-структур стран-участниц Большой Евразии. Тем самым использовать уникальную конкурентоспособность инновационно-информационной среды, сопряженную с современной телекоммуникацией.

На современном этапе развития мировой экономики в условиях цифровизации существенную роль играют сетевые интегративные формирования научно-образовательных и бизнес-структур стран Большой Евразии. Являясь драйверами инновационного процесса, они способствуют быстрому развитию процессов глобализации и интеграции. Евразийская интеграция открывает новые возможности странам-участницам этого процесса и активизирует сотрудничество и взаимодополняемость.

Создание благоприятной инновационной среды – это комплексный процесс ее трансформации и повышения качества новых продуктов и услуг, конечным результатом которого является укрепление репутации на евразийском рынке и развитие экспорта в условиях цифровизации.

Важной составляющей интеграционного процесса является финансирование сетевых формирований, которое обеспечит успешное продвижение научно-конструкторских разработок и инноваций.

В современных условиях евразийские интеграционные процессы должны быть познаны и изучены в ключевых стратегиях евразийской паритетности, в результате которой одним из основных направлений совершенствования научно-исследовательской деятельности в рамках евразийского экономического пространства является увеличение эффективности коммерциализации результатов НИР, повышение привлекательности международных научно-исследовательских проектов как для внутренних, так и для внешних инвесторов, а также развитие сотрудничества с бизнес-структурами¹. Рост потребностей в инновационно-информационной деятельности неизбежно приведет к институционализации новых форм товаров и услуг.

Поэтому для усиления взаимного сотрудничества в инновационной сфере государств-членов Большой Евразии необходимо оценить уровень их инновационного развития и имеющийся ресурсный потенциал для совместных научно-технических разработок.

Актуальность проблемы евразийской интеграции в условиях цифровизации определяется тем, что процессы реализации стратегии инновационного развития характеризуются существенной вариативностью. Взаимодействия всех участников евразийского интеграционного процесса могут существенно меняться по содержанию и требовать использования современных методов принятия решений в зависимости от конкретной ситуации и условий, возникающих в этом процессе.

Несмотря на положительные тенденции интеграции стран Большой Евразии, можно выделить и ряд существующих на сегодняшний день вопросов финансово-правового сотрудничества (рис.1).

Комплексная оценка эффективности реализации интеграционного процесса стран Большой Евразии в условиях цифровизации осуществляется на основе оценки степени выполнения мероприятий по инновационной государственной программе интеграции; оценки эффективности реализации по инновационной государственной программе интеграции.

Таким образом, для оценки эффективности процесса интеграции науки, образования и бизнеса необходимо проводить мониторинг и диверсификацию данного направления на евразийском пространстве, который позволит своевременно выявлять проблемные области в части разработок, корректировать стратегические планы в направлении более эффективной коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности и своевременно реагировать на изменение окружающей бизнес-среды.

Успех реализации каждого этапа интеграции определяется наличием стратегии евразийской интеграции и системных мер по реализации стратегических мероприятий, признанием интернационализации в качестве одной из миссий научно-образовательных и бизнес-структур, а также однозначной позицией руководства в отношении приоритетности инновационной деятельности.

В условиях интеграции в рамках Большой Евразии, необходимо активизировать деятельность между университетами, во-первых, в экономической сфере, а именно, по повышению конкурентоспособности образовательных услуг. Во-вторых, в сфере образования и науки (расширение и модификация образовательных услуг, создание возможности

¹ Медынская И.В. Роль экспорта образовательных услуг в новой архитектуре международных экономических отношений пространства Большой Евразии // Архитектура финансов: новые решения в условиях цифровой экономики: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции 22–24 марта 2018 года / Под науч. ред. И.А. Максимцева, В.Г. Шубаевой, И.В.Евстафьевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 220.

реализации союзного научно-технического потенциала). В-третьих, в инновационно-информационной сфере – улучшение качества международного информационного позиционирования стран-участниц Большой Евразии.¹

Рисунок 1.

Финансово-правовые вопросы сотрудничества евразийских сетевых формирований образования, науки и бизнеса в условиях разработки инновационной программы

Стратегия инновационной политики Евразийского экономического союза направлена на совместное преодоление кризиса, подъем и развитие экономики, повышение уровня жизни людей. Совокупный эффект от реализации данной стратегии должен в максимальной степени соответствовать экономическим интересам всех государств-членов ЕАЭС.

Основным фактором интенсивного экономического роста в настоящее время являются инновации, которые становятся доступными своему потребителю только в случае их успешной коммерциализации.

Коммерциализация результатов научных исследований и разработок в условиях евразийской интеграции представляет собой процесс вовлечения их в экономический (коммерческий) оборот в различных сегментах национальных и глобального рынков.

Модель совершенствования системы управления процессами интеграции науки, образования и бизнеса направлена на упрощение и очищение деятельности интегративного формирования от проектов, не создающих ценности (рис. 2). Она интегрирует систематизированные инновационные перспективные предложения.

Данная модель позволяет сформировать видение рациональных инновационных технологий работы интеграционного объединения.

Формирование Евразийского научно-образовательного и бизнес-пространства требует создания общего рынка инновационных услуг, в том числе и образовательных услуг. Новый подход к регулированию рынка образовательных услуг должен быть направлен не только на решение возникших в связи с политической нестабильностью на мировой арене проблем, но и на восстановление динамического равновесия спроса и предложения, повышение гибкости евразийского рынка образовательных услуг и поиска новых возможностей привлечения иностранных граждан.

Решение проблем, особенно в современной ситуации, связанной с пандемией коронавируса будет способствовать формированию концепции устойчивого, стабильного развития евразийского научно-образовательного и бизнес пространства в условиях цифровизации.

Международное сотрудничество сетевых интеграционных формирований образования, науки и бизнеса на евразийском направлении в новых условиях инновационного развития является одним из основных стратегических приоритетов не только России, но и всех стран Большой Евразии.

¹ Медынская И.В. Современные тенденции интеграции образования, науки и бизнеса в рамках Евразийского экономического союза // Евразийский научный форум-2017 / Под ред. М.Ю. Спириной: Сб. научн. статей. – Ч. 1. – СПб.: Изд-во Ун-та при МПА ЕврАзЭС, 2018. – С. 275.

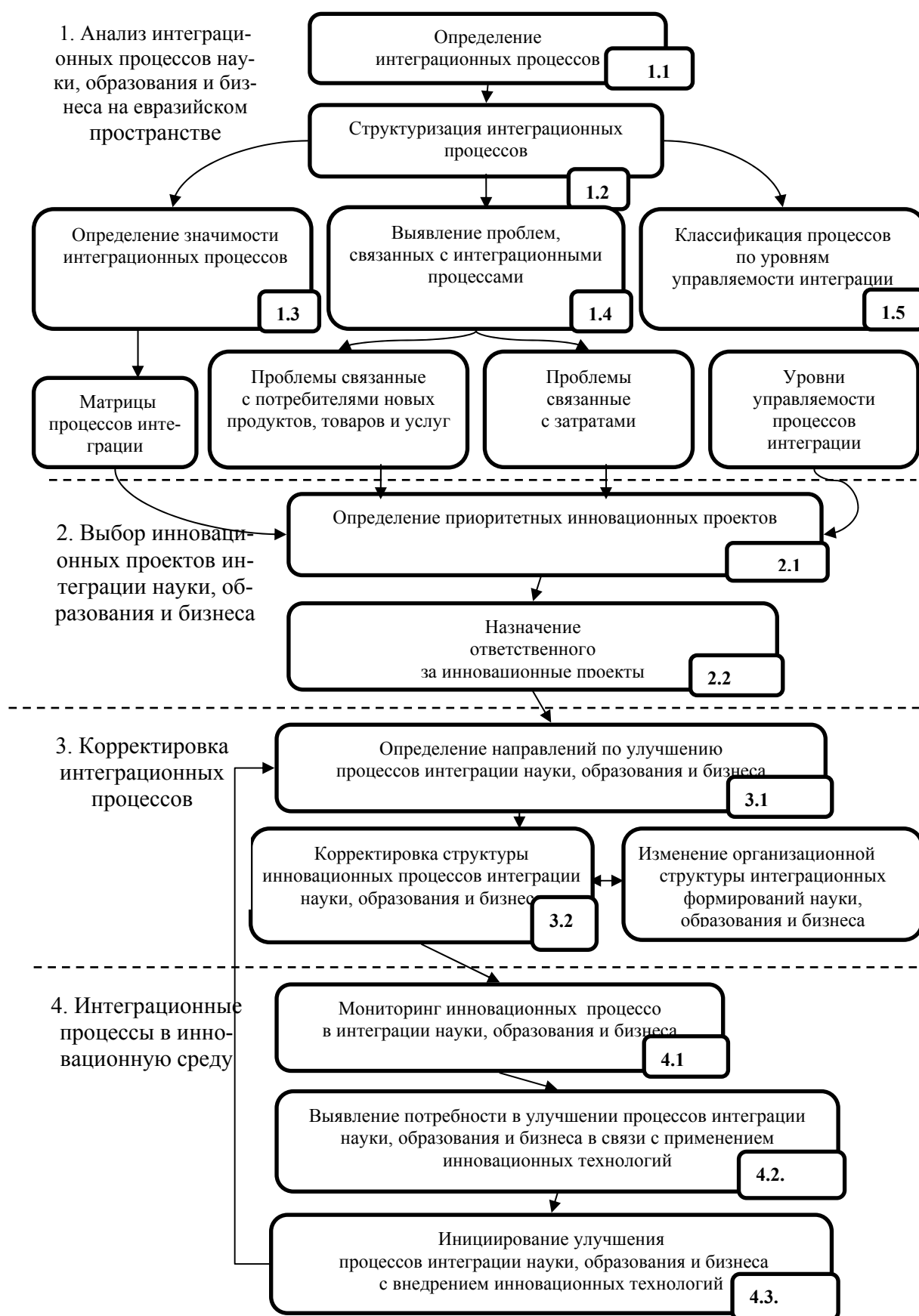

Рисунок 2.
Модель совершенствования системы управления процессами интеграции науки, образования и бизнеса на евразийском пространстве в условиях цифровизации¹

¹ Медынская И.В. Евразийская интеграция науки, образования и бизнеса: генезис и инновационное развитие // Проблемы современной экономики. 2019. – № 1(69). – С. 193.

Наркевич Л.В.

к.э.н., доцент, Белорусско-Российский университет, Могилев

Наркевич Е.А.

студент, Белорусско-Российский университет, Могилев

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, региональное развитие, межрегиональное сотрудничество.

Keywords: foreign trade turnover, regional development, interregional cooperation.

Важность двусторонних межрегиональных связей сложно переоценить. Достаточно упомянуть, что они не только расширяют географические рамки сотрудничества, выводя его за пределы столиц, но и постепенно придают ему новое качественное состояние. Сегодня международная деятельность регионов содействует конкретизации содержания соглашений, заключаемых на межправительственном уровне, вносит заметный вклад в укрепление приграничного взаимодействия, способствует расширению контактов в самых различных областях. На результаты внешнеэкономической деятельности Могилевской области определяющее влияние оказывали объемы экспортных операций стран Содружества Независимых Государств. Диаграмма на рис. 1 показывает, что значительные объемы товаров направлялись в Российскую Федерацию: в 2019 г. – 64,4% областного объема экспорта товаров в страны СНГ, Украину – 8,6%, Казахстан – 1,6%.

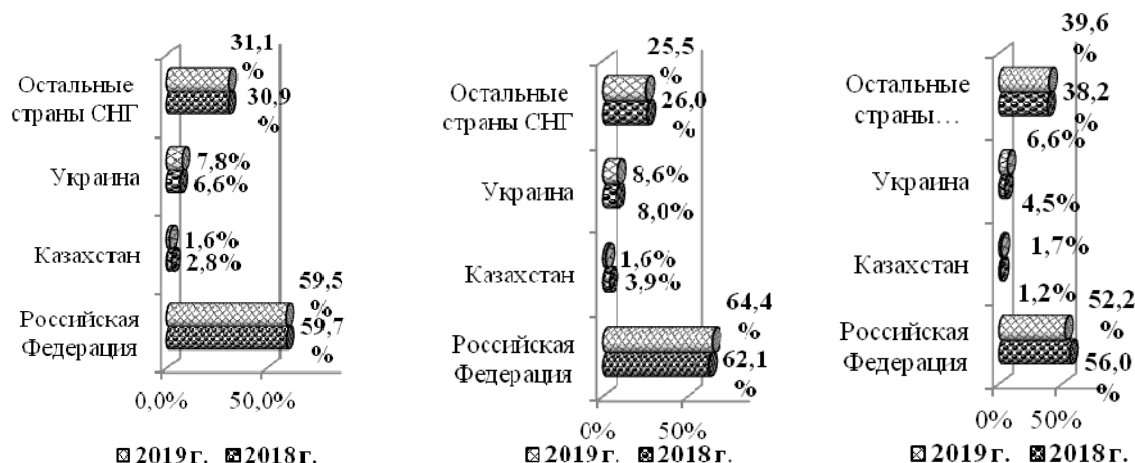

Рисунок 1.
Динамика структуры внешней торговли товарами Могилевской области в рамках интеграции стран СНГ¹

В 2016 г. на них приходилось 84,6% областного объема экспорта, в 2012 г. – 85,8%. Следует отметить, что товары поставлялись на рынки всех стран-участниц СНГ, их основной объем был сосредоточен на Российской Федерации, Украине и Казахстане (доля этих стран составляла 97,7% от экспорта в СНГ). Структурная динамика указывает на значительные изменения внешнеторгового сотрудничества на рынках стран СНГ: в значительной мере выросли пропорции поставок в остальные страны СНГ, в группу которых отнесены Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. По итогам 2019 г. экспорт Могилевской области в страны СНГ составил 1744,2 млн. долл. и по отношению к 2015 г. увеличился на 22,5%, в том числе экспорт в Российскую Федерацию возрос на 19,2%.

Объемы отгрузки продукции предприятиями области в страны вне СНГ вырос в 2,10 раза; в страны ЕС – в 2,11 раза (табл. 1).

¹ Статистический ежегодник Могилевской области, 2020. – <https://mogilev.belstat.gov.by/upload/iblock/1ca/1ca510513e1eb844d713b3af96f719bc.pdf>

Трендовый анализ экспорта товаров Могилевской области¹

География экспорта	Цепные темпы изменения в % к предыдущему году				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт в страны СНГ	73,0	106,9	110,5	92,7	111,8
в том числе					
– экспорт в Российскую Федерацию	73,2	106,7	107,7	90,5	114,6
Экспорт в страны вне СНГ	84,9	109,6	134,4	134,4	106,5
Экспорт в страны ЕС	85,9	111,4	138,1	128,8	106,6
Всего экспорт	74,5	107,3	114,2	100,2	110,5

На протяжении последних пяти лет торговые отношения с зарубежными партнерами развивались достаточно стабильно: установлена тенденция роста экспортных поставок в страны СНГ (в том числе в Российскую Федерацию), в страны вне СНГ, страны ЕС. Среднегодовой темп роста за 2015–2019 гг. по рассматриваемым направлениям экспорта соответственно составил: 105,2% (РФ 104,5%); 120,50%; 120,55%. Наибольший прирост получен по экспорту в страны ЕС: соответственно базисный 111,2%; цепной – 106,6%. Снижение объемов экспорта товаров к предыдущему году было отмечено в 2018 г. в страны СНГ (в том числе в Российскую Федерацию): соответственно на 7,3% (9,5%). География внешнеторгового оборота области характеризуется следующими показателями. В 2019 г. зарегистрированы объемы экспортно-импортных операций со 113 странами мира. Товары поставлялись на рынки 99 государств, импортировалась продукция из 87 стран. Из общего объема экспорта области в январе-ноябре 2019 г. на долю стран ЕАЭС приходилось 66,3% (в январе-ноябре 2018 г. – 66%), из них на долю Российской Федерации – 64,2% (61,6%), стран ЕС – 19,4% (20,2%), остальных стран – 14,3% (13,8%). Импорт из стран ЕАЭС составил 54,1% общего объема импорта (в январе-ноябре 2018 г. – 58%), из них из Российской Федерации – 52,4% (56,6%), стран ЕС – 21,8% (23,6%), остальных стран – 24,1% (18,4%)².

В рамках анализа экспортного потенциала изучена динамика и структура экспорта товаров Могилевской области по странам – основным торговым партнерам в 2019 г. Лидирующим контрагентом по экспорту традиционно остается Россия: доля российского рынка в объемах экспорта в 2010–2019 гг. колебалась в диапазоне 68–75%. На территорию страны организациями области в 2019 г. было отгружено товаров на 1466,1 млн. долл., что на 14,58% выше уровня 2018 г. Экспорт товаров в страны вне СНГ в сравнении с 2013 г. значительно вырос – на 86,7% и составил 23,4% экспорта области. Основная часть продукции направлялась в Германию (13,8 % от экспорта стран вне СНГ), Литву (17,6%), Польшу (17,2%), Латвию (7,6%), Нидерланды (4,8%), Китай (5,0%), Чехию и Италию (по 2,0; 2,5%), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки (по 1,4% в каждую страну). На снижение объемов экспорта товаров повлияло сокращение поставок товаров в Бельгию, Болгарию, Испанию, Пакистан, Польшу, Румынию, Словению, Венгрию, Италию, Латвию. Структура внешней торговли товарами Могилевской области с отдельными странами в 2016 / 2019 гг. представлена на рис. 2.

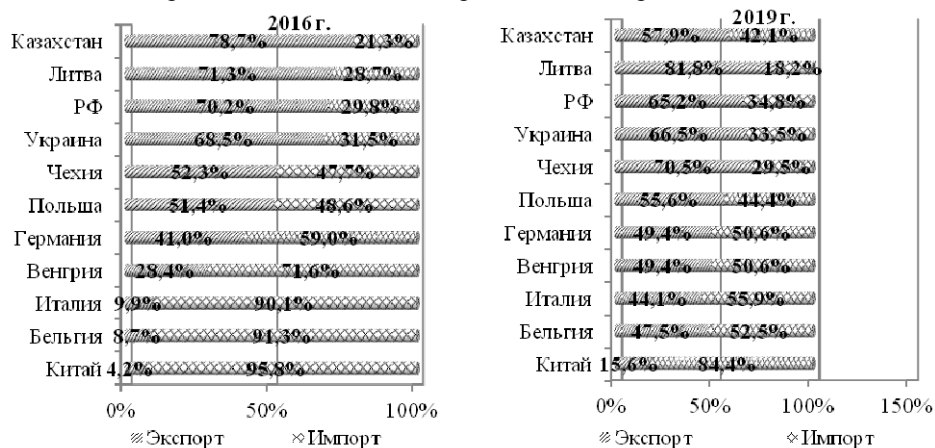

Рисунок 2.

Структура внешнеторгового оборота Могилевской области в 2016/2019 гг. по странам, %

Отмечено, что в 2019 г. в торговле с Казахстаном, Россией, Литвой, Украиной, Чехией, Польшей преобладает экспорт; по остальным торговым партнерам в значительной мере представлен импорт. Наибольший удельный вес импорта в структуре внешнеторгового оборота приходится на Китай (84,4%); Италию (55,9%). В обороте 2019 г. с Кита-

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

² Социально-экономическое положение Могилевской области в январе-декабре 2018 г.: доклад. – Могилев: Главное статистическое управление Могилевской области, 2019. – 171 с.

ем, Бельгией, Италией, Венгрией относительно 2016 г. установлен значительный рост доли экспорта относительно импорта¹

Уровень концентрации экспорта Могилевской области показал высокий уровень концентрации внешнеторгового оборота, в частности экспорта и импорта. В 2019 г. на долю пяти стран приходился 81% областного экспорта товаров, на долю двадцати стран – 95%, что свидетельствует о высокой степени концентрации и зависимости экспорта товаров от основных торговых партнеров. Аналитические данные диаграммы указывают на высокую зависимость объемов экспортно-импортных операций от 5 стран, к которым отнесены Российская Федерация, Казахстан, Украина, Германия, Польша. Экспорт потребительских товаров в 2019 г. составил 27% и вырос на 3 п.п. относительно базиса; доля экспорта продовольственных товаров определена в размере 17,1%; непродовольственных товаров – 9,9%. Основу импорта продовольственных товаров составляют закупки фруктов, пива солодового и масла подсолнечного. Среди непродовольственных товаров преобладает одежда текстильная, вещества поверхностно-активные, моющие и чистящие средства, ткани из синтетических комплексных нитей. Стоимостной объем ввезенных инвестиционных товаров в 2019 г. составил 125,5 млн. долл. и снизился на 6,3%. Ключевые товары этой группы – металлоконструкции из черных металлов, их импортировано на 3,2% меньше, чем в 2018 г. Прирост стоимостного объема импорта наблюдается по промежуточным и потребительским товарам в 2019 г.

Экспорт услуг организаций области в январе-ноябре 2019 г. составил 85,4 млн. долл. и по сравнению с январем-ноябрём 2018 г. увеличился на 9,1%, импорт – 52,5 млн. долл. (на 2,7%). Сальдо внешней торговли услугами сложилось положительное и составило 32,9 млн. долл.; основу для роста обеспечили транспортные услуги и услуги ИТ-сферы (телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги). Экспорт услуг без учета организаций, подчиненных республиканским органам государственного управления, составил 65,5 млн. долл., или 126,2% к уровню января-ноября 2018 г. (прогноз на 2019 год, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2018 г. № 989, – 105%). В 2019 г. экспорт услуг в страны СНГ составил 63,1% общего объема экспорта услуг, в страны вне СНГ – 36,9%, импорт услуг из стран СНГ – 33,4% общего объема импорта услуг, из стран вне СНГ – 66,6%.

Важным аспектом сотрудничества Могилевской области является развитие внешнеторговых отношений с Россией на региональном уровне. Российский рынок является крупнейшим для экспортных поставок продукции области. На территорию страны организациями области в 2019 г. было отгружено товаров на 1466,1 млн. долл., что на 14,6% выше уровня 2018 г. (пропорции 2016 г.: отгружено товаров на 1312,3 млн. долл., что на 6,7% выше уровня 2015 г.). Могилевским областным исполнительным комитетом заключено 25 соглашений с правительствами регионов Российской Федерации, в том числе: Белгородской, Брянской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Курской, Ленинградской, Новгородской, Новосибирской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Тульской, Тюменской областями, Ханты-Мансийский автономным округом – Югрой, Восточно-административным округом г. Москвы, Москвой и Санкт-Петербургом².

На уровне сотрудничества городов и районов Могилевской области с регионами Российской Федерации заключено 75 документов международного характера. В текущем году Могилевской областью обеспечен устойчивый рост экспортных поставок в 6 из 7 федеральных округов, 57 из 75 российских регионов. Структура экспорта и импорта товаров в 2016–2017 гг. по федеральным округам Российской Федерации приведена на рис. 3.

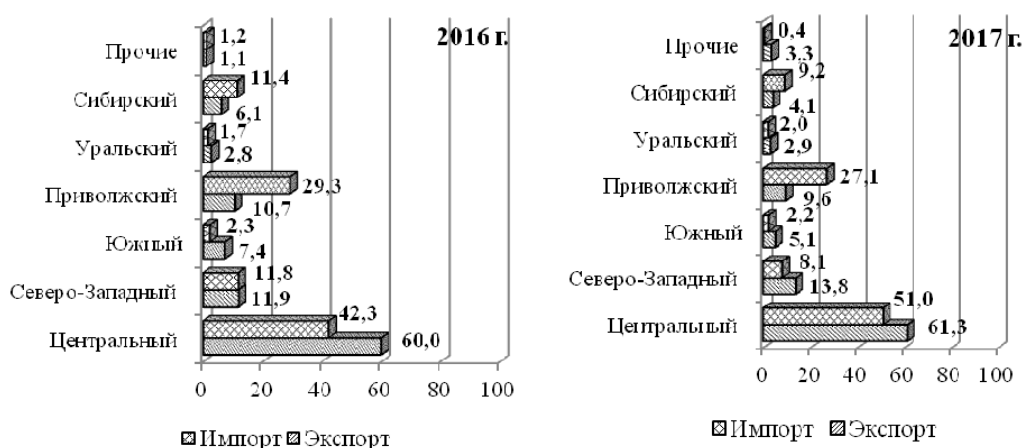

Рисунок 3.
Структура экспорта и импорта Могилевской области по федеральным округам Российской Федерации в 2016–2017 гг., %

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области [Электронный ресурс]: <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>. – Дата доступа: 10.10.2020.

² Социально-экономическое состояние регионов и перспективы их развития. – <http://ptm.by/wp-content/uploads/2020/03/%D0%95%D0%94%D0%98-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82-2020.pdf>

В 2017 г. внешнеторговый оборот с Центральным федеральным округом составил 1217,22 млн. долл. (57,9% от общего объема торговли с Российской Федерацией), из него экспорт – 865,86 млн. долл. (61,3% от общего объема экспорта в Россию, рис. 3). Объем импорта на территории данного географического сегмента российско-белорусского приграничья определен в размере 351,35 млн. долл., что составляет 51% объема импорта в Россию). Экспорт продукции организациями области осуществлялся в восемь федеральных округов России. Удельный вес Северо-Западного федерального округа составил 13,8%, что в значительной мере обусловлено активным сотрудничеством с Псковской и Ленинградской областями. На долю первых трех федеральных округов приходится в 2017 г. 80,1% (в 2016 г. 79,3%) областного экспорта товаров в Российскую Федерацию, что свидетельствует о высокой степени зависимости экспорта товаров от основных партнеров¹. Отмечены значительные результаты межрегионального сотрудничества Приволжского, Южного, Сибирского, Уральского, Дальневосточного, Северо-Кавказского федеральных округов: удельный вес экспорта Могилевского региона в рассматриваемые округа соответственно составил 9,6; 5,1; 4,1; 2,9; 1,9; 1,4%. По сравнению с 2016 г. в 2017 г. наблюдался рост экспорта по всем федеральным округам, за исключением Южного и Сибирского федеральных округов. Ведущие позиции в плане сотрудничества с российскими партнерами традиционно занимают регионы Центрального, Приволжского и Северо-Западного федеральных округов; на их долю приходится 80,1% областного экспорта товаров в Российскую Федерацию. Основные объемы межрегионального сотрудничества Могилевской области приходятся на Московскую область, г. Москву, Ленинградскую область, г. Санкт-Петербург, Смоленскую, Калужскую, Псковскую области (экспорт осуществлялся в 77 российских регионов). Отмечена положительная структурная динамика оборота с данными регионами: прирост удельного веса соответственно составил 5; 17; 7; 1 п.п. В 2017 г. наибольший объем экспортных поставок Северо-Западного федерального округа – 94 % (182,0 млн. долл.), приходился на г. Санкт-Петербург (56%; 108,7 млн. долл.), Ленинградскую область (24%; 47,4 млн. долл.), Псковскую область (8%; 15,4 млн. долл.), Калининградскую область (24%; 10,6 млн. долл., рис. 4).

В данном географическом сегменте Могилевская область импортировала продукцию в основном из Вологодской области, Ленинградской области, г. Санкт-Петербурга: соответственно 23; 21; 45% от общего объема импорта округа.

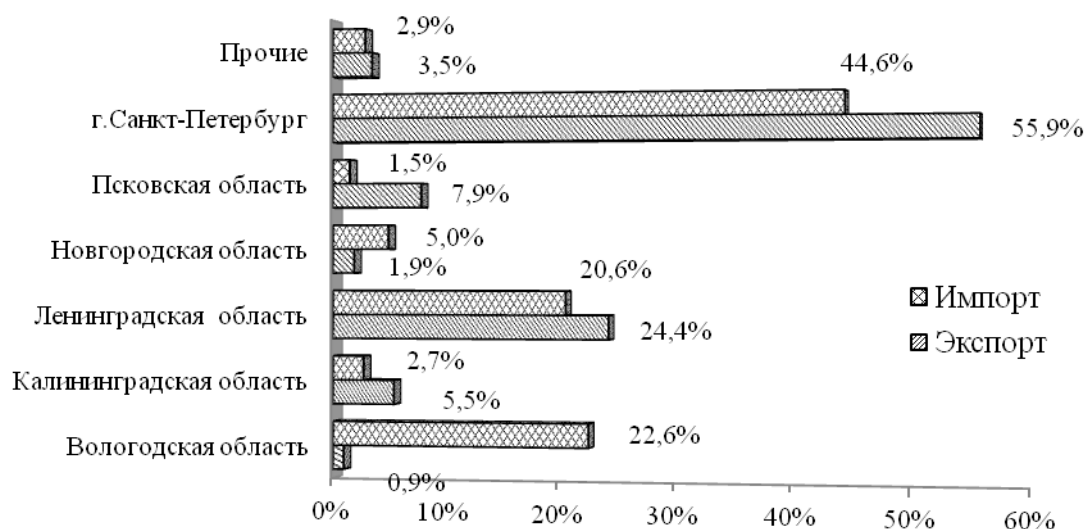

Рисунок 4.

Структура экспорта и импорта по областям Северо-Западного федерального округа, %²

Определенным этапом построения и первичным звеном модели единого экономического пространства России и Беларуси является приграничное сотрудничество государств. Структура торгового оборота характеризуется следующими данными: доля экспорта соответственно 75,3 %, импорта – 24,7 %. Характеристика уровня экономической связанности регионов российско-белорусского приграничья приведена на рис. 5.

В 2017 г. объем внешней торговли Могилевской и Смоленской областей составил 181,3 млн. долл., что соответствует 8,6% общего объема товарооборота с Российской Федерацией общего объема внешнеторгового оборота, и вырос на 20,5% по сравнению с 2016 г.; экспортные поставки составили 136,68 млн. долл. (темп роста 121,8%), импортные – 44,7 млн. долл. (темп роста 116,4 %). Отмечена положительная структурная динамика внешнеторгового оборота в приграничных регионах России: рост удельного веса внешнеторгового оборота, экспорта и импорта продукции за 2016–2017 гг. соответственно в рамках сотрудничества со Смоленским регионом на 0,6; 1,2 п.п. (импорт незначительно снизился в долевом участии на 0,3 п.п.); по Брянскому региону прирост доли составил 0,1; 0,5; 0,2 п.п. В 2019 г. значительно выросли поставки в Российскую Федерацию следующих товарных групп: продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 30,6%; металлов, изделий из них – на 83,3%; машин, оборудования, транспортных средств – на 54,1%. Наибольшее снижение поставок в регионы России просматривается по следующим товарным группам: минеральные продукты (темп снижения 98,9%); продукция химической промышленности, каучук (99,3%);

¹ Гомелько Т.В. Основные направления и перспективы развития Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках интеграционных процессов: монография / Т.В. Гомелько, Л.В.Наркевич, Г.А.Смирнова, И.Ю. Черненко. – Смоленск: Маджента, 2019. – 229 с.

² Там же.

кожевенное сырье, пушнина и изделия из них (77,0%); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (59,4%); текстиль, изделия из него, обувь (96,5%)¹.

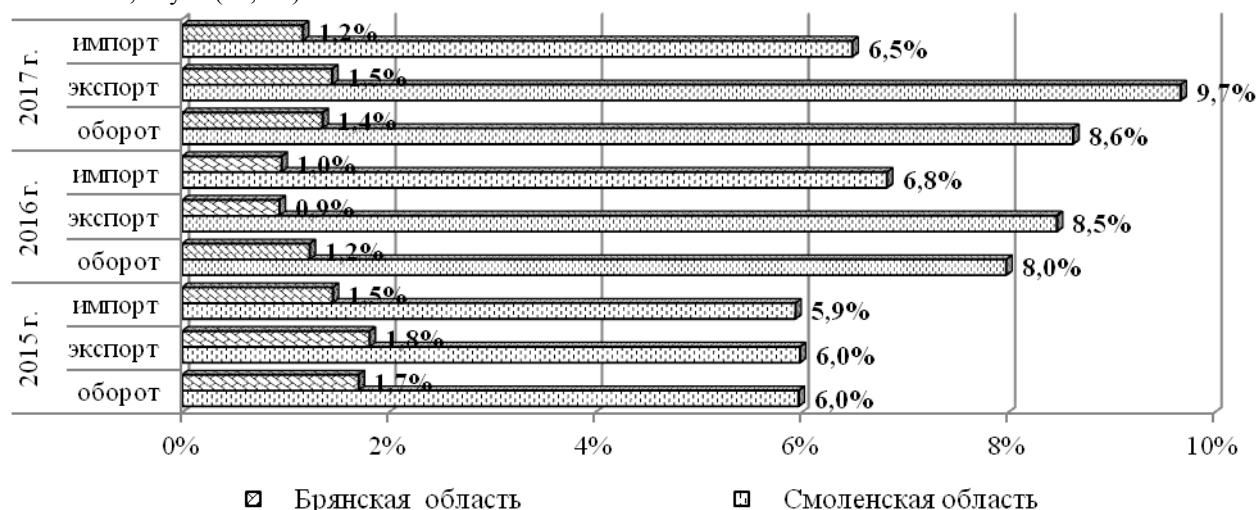

Рисунок 5.
Структурная динамика внешнеторгового оборота Могилевской области
в приграничных регионах России, %

Могилевская область граничит со Смоленской и Брянской областями. С этими регионами подписаны соглашения о сотрудничестве. Дополнительно Могилевским горисполком подписано соглашение о сотрудничестве с г. Брянском и г. Смоленском. Наиболее эффективным инструментом приграничного сотрудничества рассматривается побратимство городов. Заинтересованность в более полном использовании экономического потенциала областей и районов обеспечивает взаимовыгодные контакты, выводит на поиск внутренних и внешних ресурсов. Города-побратимы Могилевской области: Москва, Вологда, Тула, Смоленск, Брянск, Псков, Вязьма, Кострома, Волгоград, Пенза, Железнодорожск, Курск и другие. В настоящее время в Могилевской и Смоленской областях реализуется Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества независимых государств. Реализация Конвенции о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ осуществляется организациями Могилевской области в пределах компетенции по основным направлениям деятельности, закрепленным указанным документом. Взаимовыгодность сотрудничества Могилевской области со Смоленской и Брянской областями подтверждается аналитической информацией по результатам обработки статистических данных.

В структуре экспортных поставок Могилевской области в приграничные районы в 2018 г. основными составляющими являются продовольствие и сырье для его производства, продукция химической промышленности, машины, оборудование и транспорт. Преобладают продовольственные товары и сырье для их производства, на долю которых в 2018 г. приходилось 15,21% общего его объема, основная часть которых представлена молочной и мясной продукцией². Особый интерес для оценки внешней торговли представляет анализ экспорта и импорта, сальдо внешнеторгового оборота по районам Могилевской области с точки зрения интенсивности развития приграничного сотрудничества. В рамках приграничного российско-белорусского сотрудничества на межобластном уровне активно развиваются различные формы внешнеэкономической деятельности, в том числе в виде производственной кооперации в промышленном секторе и сельском хозяйстве, торгово-посреднической деятельности, в сфере услуг (туризм, транспортно-логистический комплекс, торговля, строительство и инженерные услуги). В хозяйственном аспекте приграничные районы Смоленской и Брянской области в целом являются депрессивными, имеющими в основном неконкурентоспособные отрасли обрабатывающей промышленности, нерентабельное сельское хозяйство и недостаточно развитую транспортную инфраструктуру, что не способствует устойчивым внешнеэкономическим связям. Активность районов Могилевской области в развитии интеграционных процессов наглядно представлена на рис. 6.

¹ Статистический ежегодник Могилевской области, 2018. – <https://mogilev.belstat.gov.by/upload/iblock/077/0776faee6cb1158d27b80bd2ad68e40b.pdf>

² Статистический ежегодник Могилевской области, 2020. – <https://mogilev.belstat.gov.by/upload/iblock/1ca/1ca510513e1eb844d713b3af96f719bc.pdf>

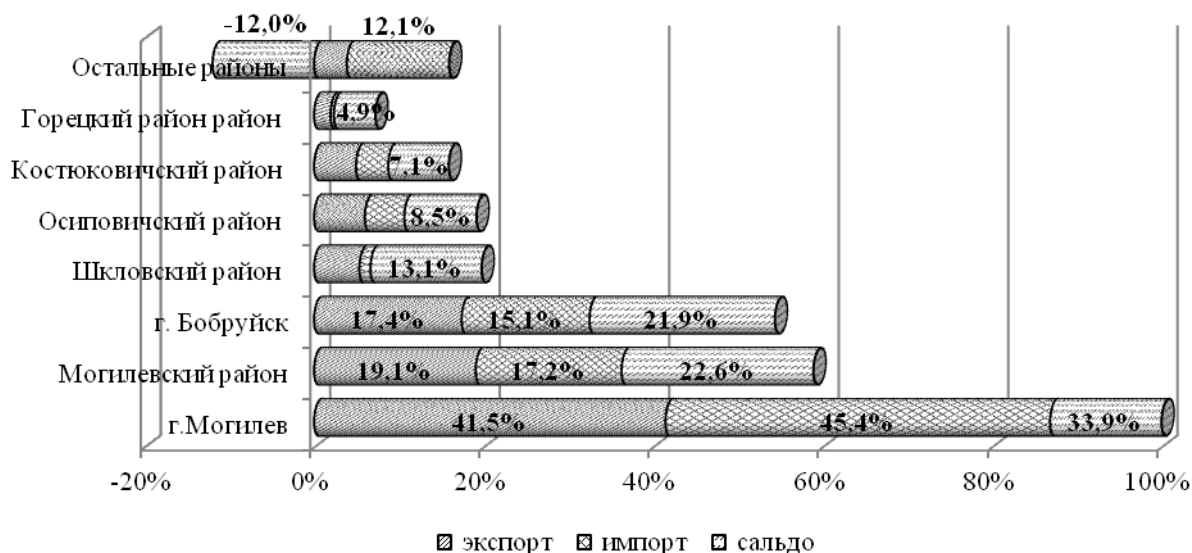

Рисунок 6.

Структура внешней торговли товарами по городам и районам Могилевской области в 2019 г.

Анализ статистических данных и структуры внешнеторгового оборота Могилевской области по районам в 2019 г. позволяют выделить группы по критерию вклада во внешнеторговый оборот с Российской Федерацией и чистый экспорт. Первая группа с наибольшим объемом внешнеторгового оборота и долей в чистом экспорте могилевского региона от 5 до 34% включает¹:

- г. Могилев и Могилевский район (удельный вес в экспорте 2019 г. 41,46; 19,07%). Внешнеторговый оборот в 2017 г. составил соответственно 1 624 494,3; 692 288,3 тыс. долл. Данный регион ориентирован на экспорт мясомолочной продукции (ОАО «Бабушкина крынка», ОАО «Могилевский мясокомбинат»), изделий из камня, химических нитей (ОАО «Могилевхимволокно»), пластмасс, древесины;

- г. Бобруйск (удельный вес экспорта 2019 г. 17,41%): в 2019 г. оборот составил соответственно 622 669,9 тыс. долл. Бобруйск специализируется на экспорте изделий из резины (ОАО «Белшина»). Основными импортируемыми товарами являются каучук и резина. В 2019 г. значительно вырос экспорт продукции в данных сегментах в связи с расширением географии экспортных поставок как на территории России, так и в страны дальнего зарубежья;

- Шкловский район (удельный вес экспорта 2019 г. 5,34%): оборот 2019 г. определен в размере 141 312,3 тыс. долл. Район ориентирован на экспорт мясомолочной продукции и изделий из бумаги, картона. Импортирует район в основном массу из древесины, пластмассы;

- Осиповичский район (удельный вес экспорта 2019 г. 5,98%). Внешнеторговый оборот в 2019 г. составил 206 260,1 тыс. долл.; чистый экспорт – 66 089,1 тыс. долл. Экспортирует район в основном мясо и пищевые мясные субпродукты, молочную продукцию, овощи и клубнеплоды, хлеб и мучные кондитерские изделия. Основным составляющим импорта является овощи, фрукты и орехи, какао-масло, органические химические соединения, пластмассы и изделия из них;

- Костюковичский район (удельный вес экспорта 2019 г. 7,13%). Оборот района составил 169 671,4 тыс. долл., в том числе экспорт – 112 556,6 тыс. долл. Экспортирует в основном портландцемент (ОАО «Белорусский цементный завод»). Основными импортируемыми товарами являются соль, сера, камень;

- Горецкий район. Внешнеторговый оборот составил 44 065,2 тыс. долл., что выше относительно 2015 г. на 72,7%; относительно 2018 г. – на 8,7%. Район ориентирован на экспорт молочной продукции (ОАО «Молочные горки»). Импортирует изделия из черных металлов, жиры и масла животного происхождения.

Данная группа районов представляет 96,1% всего экспорта, 87,9% импорта Могилевской области. Чистый экспорт представленного кластера покрывает отрицательное сальдо Чаусского и Чериковского районов.

Вторая группа районов Могилевской области формирует 1,95% экспорта; 0,77 импорта; 4,23 % положительного чистого экспорта; включает 6 районов²:

- Климовичский район (удельный вес экспорта, импорта, чистого сальдо соответственно 0,37; 0,07; 0,94%). Оборот в 2019 г. составил 9371,7 тыс.долл.; основным экспортируемым товаром являются алкогольные и безалкогольные напитки, мука. Район в основном импортирует средства наземного транспорта, изделия из стекла;

- Кричевский район (удельный вес экспорта, импорта, чистого сальдо соответственно 0,61; 0,47; 0,89%). Внешнеторговый оборот в 2019 г. составил 20 940,2 тыс. долл., что значительно ниже уровня 2015/2018 гг.: на 40,2/40,4%; экспорт снизился соответственно на 48,2/50,1% (в 2 раза) Основной экспортируемый продукт – железобетонные изделия, цемент, шифер (ОАО «Кричевский завод ЖБИ», ОАО «Кричевцементношифер»). Химические продукты составляют основной импорт;

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. – <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

² Там же.

– Бобруйский район (удельный вес экспорта 2019 г. 0,31%): в 2019 г. оборот составил 8910,1 тыс. долл. Бобруйский район специализируется на экспорте мясомолочной продукции. Основными импортируемыми товарами являются пластмассы;

– Кличевский район (удельный вес экспорта 2019 г. 0,24%): оборот 2019 г. определен в размере 6090,9 тыс. долл. Район ориентирован на экспорт сельскохозяйственной продукции; импортирует район в основном массу из древесины, пластмассы;

– Круглянский район (удельный вес экспорта, импорта, чистого сальдо соответственно 0,23; 0,04; 0,58%). В 2019 г. внешнеторговый оборот составил 5817,8 тыс. долл.; чистый экспорт – 4500,8 тыс. долл. Район экспортирует пластмассы и изделия из них, древесину и изделия из нее, изделия из черных металлов; импортирует район стекло и изделия из него, древесину и изделия из нее;

– Кировский район (удельный вес экспорта, импорта, чистого сальдо соответственно 0,20; 0,02; 0,54%).. Внешнеторговый оборот составил 4752,1 тыс. долл. Основными товарами для экспорта являются овощи и продукты их переработки. Основные составляющие импорта – механические устройства.

Третья группа районов Могилевской области представлена районами с незначительным внешнеторговым оборотом, положительным (удельный вес ниже 0,5% чистого экспорта Могилевской области) и отрицательным сальдо (Чаусский и Чериковский районы). В данном сегменте формируется 1,91% экспорта; 11,30% импорта; приведенные пропорции определяют отрицательное сальдо внешнеторгового оборота. К группе отнесены следующие районы: Бельничский район; Мстиславский район; Славгородский район; Дрибинский район; Глусский район; Чаусский район; Быховский район.

К числу важнейших экспортных позиций районов Могилевской области относятся: предметы одежды; текстильные материалы, пропитанные, с покрытием; вата, войлок, фетр; химические волокна; химические нити; каучук, резина, изделия из них; изделия из камня, гипса, цемента; хлопок; пластмассы и изделия из них; мясо и пищевые мясные субпродукты; молочные продукты, яйца, мед. Основная импортированная продукция: ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства; черные металлы; бумага; пластмассы и изделия из них; каучук, резина; продукты неорганической химии; алкогольные и безалкогольные напитки, уксус; жиры и масла животного или растительного происхождения.

Отмечено увеличение натуральных объемов экспорта по отдельным позициям стратегических товаров; среднегодовой прирост за 2000–2019 гг. (за последние 20 лет) установлен по следующим товарным позициям: изделия из цемента, бетона или искусственного камня (16,4%); цемент (15,0%); тара пластмассовая (19,2%); плиты древесностружечные (51,1%); металлоконструкции из черных металлов (40,8%); вагоны грузовые железнодорожные или трамвайные (22,8%); лесоматериалы продольно-распиленные (15,9 %); нетканые материалы (7,7%); говядина (33,3%); мясо и пищевые субпродукты домашней птицы (26,7%); молоко и сливки сгущенные и сухие (10,0%); масло сливочное (10,8%); сыры и творог (11,3%)¹.

Определено незначительное снижение экспорта товаров, таких как: полиацетали и полиэфиры простые прочие, смолы эпоксидные; мягкие кровельные материалы; черные металлы, ткани хлопчатобумажные и другие. Установлено существенное снижение импортов товаров (указан темп снижения за 2018–2019 гг.), таких как: мясо и пищевые субпродукты домашней птицы (темп снижения за 2018–2019 гг. 62,9%); масло подсолнечное (50,9%); каучук натуральный (3,9%); пероксид водорода (62,5%); углерод (99,8%); кислоты ациклические монокарбоновые ненасыщенные, их производные (81,9%); ткани синтетические с добавлением хлопка плотностью более 170 г/м² (77,5%) и прочих товаров.

Отмечен прирост объемов импортных операций в следующих группах товаров: полиамиды (темп роста 197,7%); рыба свежая или охлажденная (256,8%); какао-порошок без добавок сахара (112,4%); уголь каменный (128,5%); газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие (194,0%)².

Таким образом, мониторинг статистических данных по результатам аналитической информации позволяет определить наиболее важные направления взаимовыгодного сотрудничества Могилевской области с регионами России, в том числе в приграничных районах Могилевской, Брянской и Смоленской областей. Как для России, так и Беларуси сотрудничество дает ряд экономических выгод: увеличение емкости внутреннего рынка товаров, продукции и услуг; возможность использования чрезвычайно выгодного геоэкономического положения Беларуси с ее развитой инфраструктурой; восстановление и создание новых технологических связей российских и белорусских предприятий по производству конкурентных позиций товаров; обеспечение перевозок, связанных с логистическими товаропотоками. Проанализировав структуру экспорта области и ее территориальное распределение, можно определить основные направления развития экспорта Могилевской области в рамках белорусско-российской интеграции:

– проведение согласованной макроэкономической политики государств относительно развития внешнеэкономической деятельности регионов;

– наращивание конкурентных преимуществ белорусской продукции, удовлетворяющей требованиям зарубежного потребителя;

– систематическое обновление ассортимента в соответствии с запросами рынка с целью диверсификации товарной структуры экспорта;

¹ Социально-экономическое состояние регионов и перспективы их развития. – <http://ptm.by/wp-content/uploads/2020/03/%D0%95%D0%94%D0%98-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82-2020.pdf>

² Статистический ежегодник Могилевской области, 2020. – <https://mogilev.belstat.gov.by/upload/iblock/1ca/1ca510513e1eb844d713b3af96f719bc.pdf>

- проведение агрессивной маркетинговой политики с целью снижения риска потерь зарубежных рынков, активизация работы по поиску новых альтернативных потребителей продукции, диверсификации поставок;
- организация работы по проведению на системной основе мониторинга зарубежных рынков, создание отраслевого банка данных маркетинговой информации в целях оперативного принятия соответствующих управленческих решений в рамках доступности;
- создание логистических центров развития внешнеэкономической деятельности регионов;
- разработка долгосрочных прогнозов сотрудничества Могилевской области с регионами Российской Федерации на базе региональных центров;
- развитие инфраструктуры единого экономического пространства.

Внешнеэкономическая деятельность Могилевской области может развиваться по многим направлениям, способствуя развитию и укреплению хозяйственных, культурных, гуманитарных связей между приграничными территориями в условиях белорусско-российской интеграции, способствовать созданию и эффективному развитию экономической и социальной инфраструктуры на приграничных территориях.

Совместное решение экономических, транспортных, энергетических, коммунальных, экологических, социально-демографических, гуманитарных и других проблем может реализоваться на основе совместно или согласованно разрабатываемых проектов. Администрация Могилевской области разработала предложения для сотрудничества и инвестирования на территории региона. Перечень инвестиционных предложений на территории Могилевской области включил¹: СЭЗ «Могилев»: проект «Организация производства на свободном земельном участке общей площадью 3,5 га, обеспеченном прилегающими инфраструктурными объектами, с возможностью подключения к магистральным инженерным сетям (газоснабжения, водоснабжения, тепловой сети, сети связи и т.п.)»; Могилевский горисполком: проект «Строительство аквапарка – универсального комплекса по оказанию высококачественных физкультурно-оздоровительных и развлекательных услуг в городе Могилеве»; Бельничский, Глусский, Кличевский, Хотимский райисполкомы: проект «Создание производства на основе природного сырья (сапропель, торф, трепел)»; Бельничский, Быховский, Кировский, Кличевский, Костюковичский, Краснопольский, Кричевский, Мстиславский и Чериковский райисполкомы: проект «Создание производства, базирующегося на освоении месторождения минеральных и (или) пресных вод»; Глусский, Круглянский, Кличевский райисполкомы: проект «Производство на промышленной основе (заготовка и переработка) ягодных культур (клюквы, голубики и др.) и грибов»; Глусский, Костюковичский, Круглянский, Климовичский, Мстиславский и Чаусский райисполкомы: проект «Строительство животноводческого комплекса замкнутого цикла по выращиванию и переработке КРС»; Дрибинский, Кличевский райисполкомы: проект «Создание предприятия полного цикла по выращиванию мяса кроликов с последующим производством диетических мясных полуфабрикатов и консервов»; Круглянский райисполком: проект «Строительство комплекса по выращиванию и переработке мяса индейки в Круглянском районе».

Реализация перечисленных проектов, ориентированная на рост конкурентных позиций Могилевской области в формате внешнеэкономической деятельности, обеспечит новый уровень межрегионального сотрудничества и устойчивое развитие региона.

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. – <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

Саенко Л.В.

к.ю.н., доцент, Поволжский институт (филиал) ВГУЮ, Саратов
saenko7@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО СЕМЕЙНЫМ И ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Ключевые слова: институт международной правовой помощи, семейные отношения, Министерство юстиции Российской Федерации.

Keywords: Institute of international legal assistance, family relations, Ministry of justice of the Russian Federation.

Неоднозначный правовой характер носит развитие международных отношений на современном этапе. Но, несмотря на сложности, возникающие на публичном, межгосударственном уровне, количество личностных – часто-правовых отношений увеличивается достаточно динамично, о чем свидетельствует обширная практика правоприменения. В реализации отношений, осложненных иностранным элементом, порой фигурирует целый ряд существенных проблем. Междисциплинарный институт правовой помощи призван решать такого рода вопросы, а их теоретическое осмысление поможет на более качественном уровне осуществлять гражданам и организациям свои права и законные интересы. Обсуждение же и поиск путей решения сложившихся противоречий будет полезен как с точки зрения практики реализации конкретных мер по оказанию международной правовой помощи, так и с точки зрения возможных путей развития данного института в целом. Актуальность рассматриваемой темы, касающейся вопросов оказания международной правовой помощи в современных условиях, обусловлена объективной необходимостью поддержания и развития экономических, правовых и иных связей между государствами, эффективного регулирования возникающих при этом отношений, защиты конституционных прав граждан. Правовая помощь, являясь неотъемлемой частью международных отношений, регулируется нормами международного частного права и играет важную роль при реализации учреждений различных государств своих задач и функций.

Оказание международной правовой помощи является одним из ключевых направлений в деятельности Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России), что подтверждают и статистические данные. Так, в прошлом году в Минюст России поступило более 100 тысяч международных документов (а за 11 месяцев 2020 года – уже более 95 тысяч документов). Среди них: судебные поручения; ходатайства о признании судебных решений; ходатайства об истребовании документов о государственной регистрации актов гражданского состояния; ходатайства об истребовании копий наследственных дел и материалов по ним; запросы компетентных органов, включая документы для сведения; обращения граждан и юридических лиц и другое. Лидируют в этом списке ходатайства об истребовании документов о государственной регистрации актов гражданского состояния, их число в год составляет более 35 тысяч. На втором месте судебные поручения, их в аналогичном периоде поступает более 30 тысяч.

Стоит отметить, что в любой деятельности есть проблемные зоны и здесь, пожалуй, можно обозначить следующее. Довольно часто Минюст России сталкивается с затягиванием сроков исполнения поручений нашими зарубежными партнерами. Так, в одном из государств вопрос выплаты алиментов был настолько затянут, что к моменту его исполнения ребенок уже достиг совершеннолетия.

Другой проблемной зоной является отсутствие практики признания решений российских судов в ряде иностранных государств. Определенные сложности возникают в связи с признанием решений наших судов в Испании и Германии. В некоторых государствах для признания судебных решений требуются дополнительные процедуры. Например, в Италии признание судебных решений осуществляется только через уполномоченных адвокатов.

В своей деятельности Минюст России сталкивается и с техническими проблемами, среди которых отсутствие перевода поступивших международных документов на русский или английский языки, рукописное неразборчивое заполнение бланков поручений. Следует отметить и нарушение порядка взаимодействия по международным договорам о правовой помощи.

Наряду с названным стоит обратить внимание на более фундаментальные вопросы, в частности, проблему устаревшей договорной базы. За время действия таких договоров в ряде государств изменилось законодательство, и некоторые положения международных договоров в настоящее время не применимы.

Пересмотра требуют и двусторонние консульские конвенции, имеющие значение для рассматриваемых вопросов.

Заслуживающим внимания в этой связи представляется предложение по введению электронного документооборота в сфере оказания международной правовой помощи. Отметим, что в Европейском союзе данная процедура реализована и функционирует.

Существуют мнения, что переход на электронный документооборот можно было бы осуществить, к примеру, в рамках Евразийского экономического союза.

Самым, пожалуй, распространенным фактором оказания международной правовой помощи являются отношения в рамках семейного права. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранных граждан – один из новых институтов для семейного права России. Введение в действие разд. VII СК РФ «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» привело к реальному соответствию современного семейного законодательства Российской Федерации основным положениям и требованиям международного права. После введения в действие новой редакции кодекса прошло уже два десятилетия. Однако до сих пор, на фоне непрерывного роста международных связей в различных сферах общественной жизни, включая и семейные отношения, сохраняется ряд неразрешенных вопросов. В такой ситуации перед законодательными и правоприменительными органами возникают проблемы, требующие своего урегулирования и скорейшего разрешения.

В современном мире международная правовая помощь характеризуется существенным расширением круга ее субъектов. Как и любой другой субъект международных правовых отношений, Российская Федерация является носителем прав и обязанностей в области международной правовой помощи, в том числе по гражданским и семейным делам.

Как уже отмечалось ранее, в основе процесса оказания международной правовой помощи лежат специальные двусторонние и многосторонние договоры, которые заключаются между основными субъектами международного права (суверенными государствами). Так, в лице своих уполномоченных органов, государства должны оказывать взаимную помощь друг другу (включая гражданские и семейные дела), проводя определенные процессуальные действия, признавая и исполняя судебные решения, исполнительные надписи. Нельзя не отметить и факторы предоставления друг другу сведений о составе актуального на день обращения внутреннего законодательства и практики его применения как действующего, так и действовавшего на их территориях.

Участие государств во взаимном процессе оказания международной правовой помощи можно считать одной из важнейших форм сотрудничества в международном масштабе, основная цель которого – обеспечение законных прав граждан. Несмотря на тот факт, что значительная часть договоров заключена еще в СССР, все они действуют по настоящее время, не составляет исключения и сфера семейных отношений.

Следует констатировать в связи с этим, что механизм оказания правовой помощи по семейным делам представляет собой урегулированный нормами права, реализуемый правоприменителями (органами Министерства юстиции Российской Федерации, иными государственными органами, нотариатом) прозрачный процесс, включающий в себя определенные принципы, задачи, методы и способы. Поэтому следует согласиться с мнением К.Е. Михайленко о необходимости «комплексного подхода к изучению правовых основ межгосударственного регулирования оказания правовой помощи по гражданским и семейным делам в контексте уже накопленного международного опыта»¹. Требуется также дальнейшее научное осмысление и проработка механизма реализации норм международного права в Российской Федерации, которые регулируют процесс оказания взаимной правовой помощи.

Следует также обратить внимание и на комплекс Гаагских конвенций по вопросам семейного права, членом которых Российская Федерация не является. Семейные отношения, осложненные элементом иностранного права, подлежат также и двусторонним договорам о правовой помощи. Такие договоры, например, заключены в рамках Минской конвенции. В них регулируются отношения по вопросам сотрудничества между органами юстиции, правовой защиты, определения и разграничения компетенции судов и применения права, процессуальных прав иностранцев, исполнения поручений о правовой помощи, признания и исполнения решений по гражданским и семейным делам.

Подчеркнем, что в нашем государстве функции, включающие в себя взаимодействие с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в рамках законодательства Российской Федерации, по вопросам оказания правовой помощи по делам, проистекающим из гражданских, семейных, уголовных и иных правоотношений, возлагаются на Министерство юстиции РФ и соответственно на его территориальные органы. Минюст России при выполнении международных договоров об оказании правовой помощи в пределах своей компетенции взаимодействует с центральными органами юстиции (министерствами юстиции) иностранных государств.

Оказание международной правовой помощи представляет собой достаточно сложный процесс, поэтому при практической его реализации возникает множество проблем, приводящих порой к некоторым нарушениям. Самыми распространенными в сфере оказания международной правовой помощи по семейным делам можно назвать следующие нарушения: ненадлежащее оформление запросов об оказании международной правовой помощи, в частности, несоблюдение требований международного договора по форме и содержанию запроса, а также наличию перевода; направление запросов, исполнение которых выходит за рамки объема правовой помощи, предусмотренного международным договором; неверная ссылка на международный договор; нарушение порядка сношений, установленного международным договором; несоблюдение требований международных договоров по оформлению документов при направлении ходатайства взыскателя (в частности по алиментным обязательствам) о признании и разрешении принудительного исполнения решения российского суда на территории иностранного государства; истребование документов о регистрации актов гражданского состояния лицами, не уполномоченными на осуществление подобных действий и др.²

¹ См.: Михайленко К.Е. Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (на примере стран СНГ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 5.

² См.: Информация по результатам проведенного анализа и обобщения типичных нарушений, допущенных территориальными органами Минюста России, другими компетентными органами, находящимися в пределах соответствующего федерального округа, при осуществлении международной правовой помощи : информационное письмо Главного управления Министерства юстиции РФ по Нижегородской области от 8 сентября 2014 г. № 52/10-16729 // ГУ Минюста России по Нижегородской обл. официальный сайт. – <http://to52.minjust.ru/>

Минюстом на постоянной основе проводится системная работа, направленная на взаимодействие с компетентными органами. В целях информирования населения, органов ЗАГС, нотариата и судейского сообщества на Интернет-сайтах Минюста России размещается актуальная информация по вопросам оказания международной правовой помощи.

Учитывая изложенное, в целях активизации надлежащего исполнения обязательств Российской Федерации в соответствии с международными договорами о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и иным делам, представляется необходимым:

1) обеспечить выработку механизма по сокращению сроков исполнения поручений и ходатайств, поступающих из иностранных государств. Его, в частности, могут составлять, наряду с двусторонними соглашениями и договоренностями, нормы модельных нормативных правовых актов;

2) при обращении граждан об истребовании личных документов с территории иностранных государств оказывать им непосредственное содействие в соответствующем оформлении заявлений;

3) в заявлении указывать подробную информацию, необходимую для рассмотрения запроса, в том числе и наименование и адрес организации, в отношении которой запрашиваются сведения.

Салита С.В.

д.э.н., профессор, Луганский государственный университет

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: конкурентная стратегия; экономическая интеграция; синергетизм; конкурентные преимущества; государственная политика; новая технология; технологическая стратегия.

Keywords: competitive strategy; economic integration; synergy; competitive advantages; public policy; new technology; technology strategy.

Для успешного развития государства в условиях интенсификации международного экономического взаимодействия возникает необходимость разработки действенной конкурентной стратегии экономической интеграции в глобальное экономическое пространство. Рассмотрим составляющие конкурентной стратегии как элементы единой интеграционной политики государства, направленной на достижение целей успешного позиционирования государства в системе международных отношений.

Развитие глобальной экономической интеграции, совершенствование механизма внедрения конкурентной стратегии ведут к дифференциации ее составляющих как на уровне отдельных субъектов хозяйствования, так и на национальном уровне. Под механизмом внедрения конкурентной стратегии понимается совокупность процессов, организационных структур, конкурентных преимуществ, методов и инструментов (социальных, экономических, политических и т.д.), направленных на получение конкурентных преимуществ в глобальном экономическом пространстве как отдельными производителями, так и национальной экономикой в целом. Под инструментами конкурентной стратегии понимаются средства влияния государства на процессы хозяйствования, призванные усилить позиции отечественных производителей в частности и экономики в целом на глобальных рынках в условиях внедрения в интеграционные процессы. Универсальность используемых инструментов обуславливает то, что сами составляющие конкурентной стратегии, различающиеся по целям, могут включать одинаковые методы, инструменты и механизмы получения конкурентных преимуществ в условиях интеграционных процессов¹. Можно выделить ряд составляющих конкурентной стратегии, способных обеспечить успешную интеграцию государства в глобальное пространство хозяйствования. Конкурентные стратегии по критерию источника получения конкурентных преимуществ можно разделить на несколько групп (рис. 1).

Рисунок 1.

Конкурентные стратегии по критерию источника получения конкурентных преимуществ в условиях экономической интеграции

¹ Липов В. Транзиционная впадина, институциональное напряжение и комплементарная обусловленность институциональных изменений в социально-экономических системах / Постсоветский институционализм: десять лет спустя: моногр. В 2 т. – Донецк: ДонНТУ, 2013. – Т. 1. – С. 224–242.

Группа рыночных стратегий ориентируется на обеспечение диверсификации и расширение рынков сбыта, поставок сырья и материалов для внедрения экономики в глобальную интеграцию. Для любого государства поддержка отечественного товаропроизводителя и успешное функционирование рынков сбыта продукции является приоритетным направлением развития экономики.

Прогрессивной и важной составляющей рыночной стратегии повышения международной конкурентоспособности государства является поддержка и стимулирование усилий производителей, направленных на формирование новых товарных и географических рынков продукции отечественных товаропроизводителей. Одно из приоритетных направлений рыночных стратегий развития государства связано с диверсификацией источников обеспечения и снабжения дефицитными, прежде всего энергетическими, ресурсами. Эта составляющая формирования конкурентоспособного развития государства в условиях экономической интеграции связана с необходимостью переориентации бизнес-структур на внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий, диверсификацию источников обеспечения сырьем и комплектующими, трансформацию технологических процессов и продуктовой линейки в сторону сокращения зависимости от дефицитных ресурсов и опоры на те, по которым государство имеет конкурентные преимущества в современных условиях.

В современных условиях ценовые стратегии основываются на усилении конкурентоспособности экономики государства за счет формирования ценовых, стоимостных, валютных преимуществ, а также преимуществ благодаря переходу от участия в глобальных системах создания и перераспределения стоимости как стороны, принимающей задаваемые извне ценовые условия, к участию в качестве стороны, которая сама их инициирует, определяет стоимостные характеристики отдельных составляющих глобальных цепочек создания добавленной стоимости и конечного продукта. Экономическая интеграция дает возможности выхода на международный уровень ценовой конкуренции. Ценовая конкуренция это:

- минимизация расходов за счет географической диверсификации производства; трансфертного ценообразования, валютного, пространственного, временного, налогового арбитража;
- совершенствование логистических операций.

Критерием определения конкурентной стратегии является характеристика рынков, на которых национальные производители вынуждены вступать в ценовую конкуренцию. Конкуренция по цене товара или услуги в силу целого ряда причин представляется наименее перспективным и привлекательным видом конкурентной борьбы в условиях экономической интеграции. Формирование конкурентной стратегии в значительной степени зависит от экономической политики государства. Ведущую роль в этом играют макроэкономические факторы:

- способность государства влиять на стоимость факторов производства;
- способность и заинтересованность экономических субъектов в применении новых технологий;
- потенциал использования эффекта экономии на росте масштабов производства.

Создание стоимостных преимуществ для отечественных производителей – это задача макроуровня, результат экономической политики государства. Одной из разновидностей ценовой конкуренции можно считать валютную конкуренцию. Снижение курса национальной валюты – распространенная практика улучшения состояния платежного и торгового балансов. Эффективная тактика ценовой стратегии во многом опирается на качественную организацию работы национальной финансовой системы, доверие к национальной денежной единице. В условиях экономической интеграции возникает потребность в разработке стратегии финансовой поддержки национальной конкурентоспособности (в формировании соответствующей институциональной инфраструктуры, условий налогообложения и внешнеэкономического взаимодействия).

Стоимостные, валютные и финансовые конкурентные стратегии неразрывно связаны со стратегиями создания условий для получения отечественными товаропроизводителями преимуществ в условиях глобальной интеграции. Соответственно источниками могут стать природно-ресурсный потенциал страны (географическое положение, возобновляемые и невозобновляемые природные ресурсы, ландшафт, климат), социокультурная среда (особенности национальной культуры, институциональной среды), технико-технологический и инфраструктурные потенциалы. Ключевое значение приобретает способность максимально использовать сильные стороны и минимизировать влияние слабых.

Одной из значимых можно считать производственную стратегию повышения конкурентоспособности отечественного товаропроизводителя, основанную на трансформации процессов производства, в том числе за счет его реорганизации, отраслевой и территориальной диверсификации, формировании кластерных структур, цепочек создания добавленной стоимости, включения в глобальные производственные системы, использования эффектов синергетизма. Эти стратегии призваны ориентировать отечественных товаропроизводителей на получение преимуществ путем реорганизации и совершенствования процессов производства, в частности организационных принципов; на основе перехода от его локализации на одном предприятии и в одном месте к распределению элементов производственного процесса в пределах страны, региона, территории; формирования национальных и международных кластерных систем, глобальных производственных систем с привлечением многих независимых товаропроизводителей, координации взаимодействия участников и обеспечения продвижения продуктов на рынках в условиях экономической интеграции.

Основными составляющими производственных стратегий являются стратегии, основанные на использовании эффектов от расширения масштабов производства и синергии. Стратегии использования масштабов производства при экономической интеграции базируются на стимулировании перехода от производства товаров, характеризующихся эффектом сокращения отдачи производства, к товарам, обеспечивающим ее расширение. Соответственно в условиях экономической интеграции по мере расширения объемов выпуска, средние расходы на каждую дополнительную единицу товара лишь сокращаются. Поэтому создавая новую технологию, новый уникальный продукт, производитель

получает шанс сформировать свой рынок, на котором он может устанавливать условия взаимодействия с потенциальными потребителями.

В свою очередь технологические стратегии предполагают опору на переход от разработки использования конкурентных преимуществ в технологиях производства товаров и услуг к новым технологиям, которые за счет высокой эффективности и низкой себестоимости самостоятельной разработки обеспечивают не только монопольное положение на рынке, но и вынужденное согласие потребителей на сохранение контроля со стороны разработчика за их использованием, что позволяет на глобальном уровне управлять потребительскими предпочтениями и желаниями потенциальных клиентов. Успешная долгосрочная конкурентная стратегия отечественных товаропроизводителей в этой сфере должна ориентироваться на создание условий и стимулов для подготовки профессионалов, способных осваивать, производить, использовать и продвигать на глобальные рынки конкурентоспособные высокотехнологические продукты. Наличие специалистов – это одно из условий, обеспечивающих доступность технологий и возможность их использования. Механизмом реализации этой стратегии в условиях экономической интеграции могут стать: модернизация технологий производства; кардинальная трансформация существующего товара; создание нового товара. Все это должно основываться на внедрении новых и усовершенствовании существующих технологий.

Стратегии расширения объекта экспортной деятельности предполагают поддержку и стимулирование государством перехода отечественных товаропроизводителей от стратегий продвижения на международном уровне конкретных товаров к стратегиям продвижения товарных линий, а затем – к стратегиям разработки комплексных продуктов и стратегиям продвижения долгосрочных комплексных программ. В первых двух случаях речь идет о создании благоприятных условий для деятельности предприятий на внешних рынках. В этом случае инструментами государственной поддержки могут быть:

- льготное кредитование экспортеров;
- налоговые каникулы;
- льготное налогообложение инвестиций в основные фонды предприятий-экспортеров;
- внедрение норм ускоренной амортизации соответствующего оборудования.

Поэтому по мере усложнения структуры продвигаемого продукта усиливается значение поддержки государством отечественных товаропроизводителей на внешних рынках.

Государство должно помогать в поиске потенциальных партнеров, налаживать взаимодействие с ними, предоставлять юридическую поддержку, организовывать координацию и сотрудничество отечественных товаропроизводителей производителей в продвижении их продукции на определенных сегментах глобального рынка в условиях экономической интеграции.

Следовательно, конкурентная стратегия микроэкономических субъектов в условиях экономической интеграции становится средством глобальной конкуренции государств, инструментом геоэкономической стратегии формирования моделей хозяйствования, режимов поддержки отечественных товаропроизводителей на внешних рынках, способных обеспечить рост качества жизни граждан и достойную позицию государства в условиях глобальной экономической интеграции. Создание конкурентной стратегии в условиях экономической интеграции государства в международное экономическое пространство требует комплексного подхода, предполагает охват и учет широкого спектра возможных источников, инструментов, методов и механизмов получения конкурентных преимуществ на глобальных рынках. Необходимым условием достижения успеха является формирование действенной конкурентной стратегии развития государства в условиях глобальной интеграции.

Сальников В.И.

к.и.н., доцент, Воронежский государственный университет
vyachs@yandex.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: Евразия, интеграционные процессы, постсоветское пространство, Русский мир, цивилизационный подход.

Keywords: civilizational approach, Eurasia, integration processes, Russian world, the post-Soviet states.

Одной из особенностей современного мира, по мнению С. Хантингтона, является то, что на смену «столкновению идеологий» пришло «столкновение цивилизаций»¹ – исторически сложившихся общностей довольно больших размеров, объединенных историко-культурными традициями, религией, языком, материальной и духовной культурой; наличием соответствующей самоидентификации, территории, государственно-правовых институтов, экономического пространства, сети коммуникаций и социальной инфраструктуры. Хантингтон таких цивилизаций применительно к современному миру насчитывал восемь (западная, исламская, синская, индуистская, православная, японская, буддистская, латиноамериканская, африканская)². Но, в силу особой роли, которую играл Запад в мировой экономике и политике в канун окончания Холодной войны, и его стремления навязать остальному миру свои цивилизационные принципы, ученый видел самое серьезное грядущее столкновение в столкновении между Западом и остальным миром³, ставшее одним из базовых противоречий глобализации.

Однако глобализация не означала только вестернизацию. Ряд цивилизаций (исламская, синская, японская, индуистская и др.) сумели воспользоваться ее инфраструктурой и открытостью и расширить свое влияние, несмотря на экономическое, политическое и технологическое доминирование Запада⁴, что позволило заговорить не только о конфликте, но и о «диалоге цивилизаций»⁵.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., угроза «горячей войны» на Ближнем Востоке и на востоке Украины, ухудшение отношений коллективного Запада с Россией и Китаем и разного рода угрозы (международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, противоречия между Центром и Периферией, экологические угрозы, эпидемии и особенно коронавирусная пандемия) заставили заговорить о кризисе глобализации и даже о постглобальном мире⁶... Но означает ли это, что мы живем в «постцивилизационном» мире?

Если взять постсоветское пространство, то на нем православная, исламская, буддийская цивилизации сталкиваются/контактируют с западной и друг с другом.

Что касается православной цивилизации, земное бытие которой было тесно связано с исповедующими православие народами Южной и Восточной Европы и государственностью, восходящей к Византийской империи, то на постсоветском пространстве ее позиции относительно сильны в России, Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Грузии, Армении, а также на русскоговорящих территориях Прибалтики и Казахстана. И хотя православие оказывается существенная государственная поддержка, говорить о полноценной субъектности этой цивилизации нельзя. Сказываются последствия гонений на Православие в XX веке и разногласия между поместными церквями, еще более обострившиеся после признания Константинопольским Патриархатом и рядом других православных церквей «православной церкви Украины».

Исламская цивилизация на постсоветском пространстве активизирует свое влияние не только на территориях, чье население традиционно исповедует ислам (государства Центральной Азии, Азербайджан, национальные республики Северного Кавказа и Поволжья в РФ), но и там, где существует значительная исламская диаспора, например в России, где насчитывается 20 миллионов мусульман⁷. Но говорить об ее полноценной субъектности мы тоже не можем в силу отсутствия единства мусульманской уммы, разделенной по направлениям, мазхабам и юрисдикциям. И

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

² Там же, с. 22–23.

³ Там же, с. 281.

⁴ Многоликая глобализация = Many Globalizations: cultural diversity in the contemporary world: культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Л. Бергера, С.П. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 378 с.

⁵ Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 2. – С. 141–156.

⁶ Дугин А. Постглобальный порядок. Неизбежность // Геополитика.ру. 2020. – 19 марта. – <https://www.geopolitica.ru/article/postglobalnyu-poryadok-neizbezhnost>

⁷ Сухая статистика – в России сегодня мусульман больше чем православных // ГолосИслама.RU. 2015. – 30 мая. – <https://golosislama.com/news.php?id=26836>

даже в государствах, где население традиционно исповедовало ислам, на настоящий момент конфессиональное уступает этническому и секулярному.

Что касается буддийской цивилизации, то на постсоветском пространстве ее анклавы существуют в Бурятии, Забайкальском крае, Калмыкии, Туве, Алтае – там, где коренное население традиционно исповедовало буддизм. Эта религия распространена также в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах – главным образом среди интеллигенции. Поэтому влияние ее локально.

Западная цивилизация до недавнего времени очень активно распространяла свое влияние на постсоветском пространстве через НАТО, ЕС, Совет Европы, Восточное партнерство, Болонский процесс, фонды и НПО... В евроатлантическую «Большую Европу» втянуты страны Балтии, Украина и Грузия; втягиваются Молдова, Белоруссия, Армения, Азербайджан и даже Казахстан. В самой России немало сторонников европейского выбора. До президентства Трампа, Брексита и пандемии коронавируса западная цивилизация была довольно консолидирована и обладала значительными экономическими, технологическими и интеллектуальными ресурсами «жесткой», «мягкой» и «умной» силы, создавая по всему миру сети своих «симпатизантов» и «агентов влияния». Однако с ослаблением Запада его экспансия уменьшается. Чем и пытаются воспользоваться как сторонники самобытности, так и незападные цивилизации.

Так синская (китайская) цивилизация распространяет свое влияние на постсоветское пространство через проект «Новый шелковый путь», который является серьезным конкурентом ЕАЭС¹.

По мнению автора, слабость ЕАЭС во многом обусловлена отсутствием цивилизационных скреп для этой международной организации, осуществляющей региональную экономическую интеграцию. При отсутствии общего цивилизационного единства государствам с разными уровнями развития весьма трудно преодолеть технологическое отставание, вызванное разрывом экономических связей после распада СССР. Первые трудности на этом пути могут пустить ко дну этот «интеграционный корабль». Что наглядно демонстрирует опыт трудно идущей интеграции постсоветского пространства на основе евразийского проекта, в котором отсутствует панидея, необходимая для проектов такого масштаба.

На взгляд автора, несмотря на многовековую общую историю и тесно связанные экономики, Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия имеют серьезные цивилизационные различия. Россию, Белоруссию и Армению объединяет принадлежность к православной цивилизации, а казахов и киргизов – ислам и общие этнические корни. Общие этноконфессиональные и культурно-цивилизационные корни русских и белорусов и кириллический алфавит Казахстана и Киргизии могли бы способствовать более тесной интеграции, но влияние западной цивилизации препятствует этому. Так в Белоруссии при государственной поддержке активно внедрялись идея литвинства и восприятие истории Речи Посполитой чуть ли не как «золотого века». Разумеется, вхождение в состав Российской империи, как и идея общерусского единства, не говоря уже о принадлежности к Русскому миру, благодаря такой исторической политике, воспринимаются негативно. Такая политика при полной «болонизации» системы образования и влиянии униатов на Белорусскую Православную Церковь объективно привели к созданию массовой базы для «цветной революции» в этой стране, успех которой мог бы стать тяжелым ударом по Русскому миру и евразийской интеграции². Хочется надеяться, что чудом устоявший режим Лукашенко сделает из этого должные выводы и продолжит интеграцию в Союзное государство Белоруссии и России, к которому могут присоединиться и другие страны.

То же самое и с Казахстаном, чьи власти объявили о переходе на латиницу, где выдавливаются русские и русскоязычные и негативно оценивается период нахождения казахов в составе Российской империи и СССР. Проводя политику многовекторности, Казахстан активно включен и в интеграционные проекты, связанные с «Новым шелковым путем», с тюркским и исламским миром, а также с ЕС³.

Армения под влиянием американской и французской диаспор, несмотря на завязанность своей экономики на Россию и ЕАЭС, также не прочь интегрироваться в евроатлантические структуры. Особенно, после прихода к власти команды Н.В. Пашиняна, которая даже после миротворческой помощи России в урегулировании карабахского конфликта и спасения Армении от полного разгрома продолжает интеграцию в НАТО⁴.

На Киргизию, тесно связанную с Россией, Казахстаном, Китаем и Турцией, западное влияние из пятерки стран-членов ЕАЭС самое малое. Но, как и Казахстан, Киргизия также активно интегрируется с Китаем и тюркским миром. И как показала третья киргизская «революция», влияние Турции, также как и англосаксов, в этой стране усиливается⁵...

Выгодна ли России, как «стержневому государству» Евразии, такая интеграция? На этот счет есть разные точки зрения. На одном полюсе находятся те, кто считает, что Россия вообще не нуждается ни в каких интеграционных проектах. На другом – те, кто стремятся восстановить единую государственность, объединяющую максимум территорий постсоветского пространства, причем любой ценой. Между ними – множество частных мнений о пропорциях и направлении такой интеграции. Что касается позиции автора, то он, будучи сторонником более тесной интеграции

¹ Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза / С.П. Глинкина, М.О. Тураева, А.А. Яковлев. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 59 с.

² Из века в век переходя... «Белоруссия, судьба Русского мира и славянского единства» // 41 канал Воронеж. 2020. – 7 октября. – https://www.youtube.com/watch?v=JPaz99jhQWQ&feature=emb_logo

³ Тургамбаев А. Основные этапы развития внешней политики Республики Казахстан // Международная жизнь. – М., 2019. – № 7. – <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2212>

⁴ Козуров Д. Пашинян задумал организовать армию Армении по натовскому типу: политолог объяснил, что это значит // Комсомольская правда. – М., 2020. – 16 ноября. – <https://www.vrn.kp.ru/daily/21712087/4322518/>

⁵ Ожидаемый бунт: кумовство, цифровизация и Турция спровоцировали беспорядки в Киргизии // РИА Катюша. – М., 2020. – 6 октября. – http://katyusha.org/view?id=15250&fbclid=IwAR3xe5eEJb6b9QH7-DHB31EZJfmR6Cq-2kp-_cHuYoixm-MfF8RvZpzNGA0

постсоветского пространства, придерживается той точки зрения, что Россия, как наиболее мощное государство постсоветского пространства, не должна оплачивать лояльность соседей. Совместными усилиями мы должны делать лучше жизнь наших граждан, а, если потребуется, нести необходимые издержки.

А для успешной конкуренции с другими цивилизациями народы государств постсоветского пространства должны осуществить *интеграцию на основе собственного цивилизационного проекта*, синтезирующего западный динамизм и восточную созерцательность, традиции и новации, духовную высоту идей «Москвы – III Рима» и «III Интернационала», «цветущие сложности» Древней Руси, Орды, Великого Княжества Литовского, Российской Империи – выработав трезвое отношение ко всякого рода иноцивилизационным заимствованиям и перестав поддерживать разного рода химеры, мешающие нашему единству, особенно, русофобские. Ибо без синтеза евразийства и Русского мира такого проекта не создать!¹

И совсем не обязательно включать все эти территории в состав единого государства – достаточно создать союз государств, спаянных культурно-цивилизационным единством, в который могут войти и непризнанные государства (ПМР, ДНР, ЛНР, Абхазия, Арцах, Южная Осетия), возникновение которых вызвано распадом союзного государства. Особенно, если учесть желание последних, в отличие от их «материнских государств», вступить в ЕАЭС² ...

И было бы прекрасно, если эта интеграция будет идти не только на уровне элит, но и на уровне простых людей. Через массовое движение с международным статусом, имеющее целью более тесную интеграцию народов и государств постсоветского пространства. Что сделало бы эту интеграцию необратимой...

¹ Дзермант А. Русский мир и Евразийский союз. Почему между ними нет противоречий // Однако. 2014. – 12 сентября. – <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-mir-i-evraziyskiy-soyuz-pochemu-mezhdu-nimi-net-protivorechiy/>

² Сальников В.И. Непризнанные государства как фактор интеграции/дезинтеграции постсоветского пространства // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы IV Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 мая 2019 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 205–206.

Селиванов А.И.

д. филос. н., профессор, РГУ нефти и газа (НИУ)

СМЫСЛЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО КАК СТЕРЖЕНЬ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН И НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *духовность, разум, смысл бытия, будущее, народ, элита, государство, Евразия.*

Новое «собрание земель» на просторах Евразии – лишь дело времени. Поэтому базовые аспекты нового порядка, который организует народы и культуры нашего «хартленда» в будущем, основные подходы к конструированию будущего различными социальными группами и слоями в России, странах Евразии и в мире целесообразно обсуждать уже сегодня, в точке бифуркации, которую проходит Евразия и весь мир¹.

Такое обсуждение идет в самых разных политических, деловых и научных кругах, организациях, учреждениях.

Однако необходимо заглянуть вглубь – вглубь дискуссий, вглубь души народов и культур, вглубь духовности различных социальных групп (в том числе элит) и сокрытых в них *смыслов*. Именно там можно найти ответы на вопросы о том, что сможет обеспечить благополучие и развитие стран и народов евразийского континента – а что препятствует и будет препятствовать этому, что сделает счастливыми людей на этой части планеты – а что будет мешать этому. Потому что объединяют и разъединяют именно смыслы бытия, в том числе смыслы человека будущего и смыслы будущего бытия.

Прежде чем перейти непосредственно к проблеме содержания смыслов (3 раздел статьи), есть необходимость сделать два методологических введения – 1) о диалектике субъективного и объективного в социальных процессах и 2) о содержании понятия смысл и его месте в комплексе духовности человека, в системе ощущения комфортности бытия, его истинности, в мотивации его действий или бездействий.

1. Диалектика объективного и субъективного в социальных процессах

Человеческий мир давно, уже с конца XIX века, ушел от примитивных (инстинктивных, неосознаваемых) форм реализации и разрешения противоречий, социальных конфликтов и борьбы за власть, собственность и т.д. Человек стал взрослее, стал духовно и интеллектуально богаче. Он осмысляет себя, свои поверхностные и заглубленные ценности, цели, духовные устремления; он сознательно формулирует (и скрывает) свои помыслы, оценивает свои интересы, ставит цели, видит обстоятельства и условия, союзников и противников. Мир человека очень во многом *раскрылся* и открылся самому себе-человеку – человек стал более понятен себе, доступен для понимания самим собой, имея в себе различные мировоззренческие (философские и религиозные) и научные инструменты познания себя-личности и себя-общества. Это первый важный момент.

Это совсем не значит, что всякий человек как личность и человек как социальная группа стал полностью открыт другому. Наоборот, многие моменты духовных устремлений, замыслов *намеренно* не афишируются, глубоко скрываются, камуфлируются молчанием или ложью или потоками бессмысленной информации для достижения собственных целей. Поэтому понять истину о человеке (личности или группе) теперь не менее сложно, чем раньше, а быть может и еще сложнее. И это второй момент.

Наконец третий момент. Понимание человеком себя открыло возможности управления человеком-обществом через воздействие на его индивидуальное и коллективное сознание, психику, духовность, ценности, цели, мотивы. Открыло возможности через направляемое разумом воздействие на духовные компоненты культуры активно воздействовать на социальную реальность и ее динамику.

XIX век открыл человеку законы развития, в том числе общества. Символами признания жесткой объективности этих законов, «самоорганизации истории» стали объективный идеалист-диалектик Г.В.Ф. Гегель и диалектик-материалист К. Маркс. Хотя именно Марксу принадлежит знаменитое: «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его».

Начало XX века как вершина эпохи Просвещения открыло людям *диалектику* сочетания объективных закономерностей и субъективного воздействия (гениальных индивидов и организованных ими групп) в развитии социальной реальности. Социальная динамика предстала как диалектическое сочетание (в разных пропорциях в разные исторические эпохи и периоды) объективно-социального (неуправляемого) и субъективно-социального (управляемого на осно-

¹ Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Новая реальность, самоорганизация и управление будущим. Мир находится в точке бифуркации // Завтра. 15.11.2019. – https://zavtra.ru/blogs/novaya_real_nost_samoorganizatsiya_i_upravlenie_budushim; Неклесса А.И. Поезд в будущее: транзит современной цивилизации. Доклад на Гражданском форуме БРИКС. Москва, 23–25 сентября 2020 г. / Приложение к журналу «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Осень 2020. – <http://www.intelpros.ru/portret-v-izdaniy/portret-v-izdaniy-neklessa/42487-borba-za-budushee.html>

ве ценностей, разума и воли). Социальный мир (как и природный мир в целом) предстал как *в определенной степени* управляемый. Первыми это поняли в эпоху расцвета Просвещения в начале XX века коммунисты, свершившие великую революцию под руководством В.И. Ленина и осуществившие грандиозное строительство под руководством И.В. Сталина. Поэтому самыми великими символами эпохи диалектики управления являются В.И. Ленин и И.В. Сталин с коммунистической партией.

Но XX век продемонстрировал также мощные возможности активного действия таких социальных субъектов, которые действуют *вопреки* объективной закономерности. Такими стали проекты по укреплению капитализма в различных странах и в мире – создание ФРС и подчинение государства США финансовой олигархии; сохранение капитализма в Европе и противопоставление его советскому строю через установление нацистского «нового порядка»; послевоенная американская агрессивная активность по декоммунизации Европы; агрессивная активность американского капитала на планете во второй половине XX и в начале XXI века. Теоретиком-символом такой «над-объективной субъективности» можно считать К. Поппера, а символами-практиками реализации этого подхода – его учеников З. Бжезинского и Дж. Сороса, а также Д. Рокфеллера и созданные им интеллектуальные структуры – Центр Рокфеллера, Римский клуб и другие, символами-организациями стали структуры мировой капиталистической финансовой системы (ФРС, МВФ, ВБ, ВТО, различные клубные организации буржуазных элит – клуб 300, Бильдербергский клуб, Третейская комиссия и т.д.).

Практика XX и начала XXI веков показала, что а) в социальном мире существует именно *диалектика* объективного и субъективного в управлении процессами, б) мощностные управляемых и неуправляемых процессов находится в разные периоды в разных соотношениях и потому степень управляемости может повышаться (особенно в периоды бифуркации), либо понижаться, в) субъективные усилия могут совпадать по содержанию и направлению действия с объективными процессами, и тогда происходит усиление и ускорение процессов, а могут не совпадать и даже быть противоположными – и тогда объективные процессы замедляются, тормозятся. Вопрос о том, могут ли быть объективные закономерности полностью остановлены или перенаправлены субъективными управленческими усилиями, сложен, пока однозначного ответа нет. Однако понятно, что современная социальность перестала быть лишь игрой объективных сил и слепых (неосознаваемых) смыслов. И хотя это совершенно не отменяет объективных законов и закономерностей, но открывает возможность корректировать формы проявления законов и закономерностей, создавать варианты форм, удлинять или укорачивать тренды и т.д. Это относится как к закономерностям феноменальности процессов (например, смены пяти общественно-экономических формаций как европейская закономерность), так и к законам сущности процессуальности (законам единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количества и качества, отрицания отрицания). При этом появляется все больше доказательств того, что остановить объективное развитие любого социального объекта, его самореализацию в пространстве и во времени можно лишь уничтожив его сущностное ядро (его «лицо») либо уничтожив весь объект целиком (нацию, культуру, цивилизацию) – последнее совершается либо как объективно-закономерный процесс саморазложения объекта, либо как результат воздействия внутренних или внешних сил, меняющих сущность либо уничтожающих объект. Есть все основания полагать, что объективный процесс самореализации социального объекта субъективными воздействиями может лишь ускоряться, замедляться, корректироваться по формам реализации, но не может изменяться по направлению. Попытки изменения сущности объекта и направления его развития приводят лишь к его уничтожению.

XX век показал также и необходимость мощных интеллектуальных структур для организации субъективного управления. Наиболее новаторскими и потенциально эффективными были проекты компьютеризированного управления С. Бира в Чили в эпоху С. Альенде, проект В.М. Глушкова (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации (ОГАС)), а практически эффективными стали Римский клуб и его детище «Международный институт прикладного системного анализа» (МИПСА), Институт Санта-Фе, корпорация РЕНД и другие.

2. Смысл как сущность коллективного субъективного духа и действия

Коллективное субъективное действие направляется и руководится субъективной духовностью, которая включает в себя разум, мировоззрение, ценности, интересы, цели, мотивы, волю и другие известные компоненты. Именно духовные компоненты в современную эпоху становятся ключевыми аспектами, определяющими настоящее и будущее человечества, его различных социально-культурных частей. Как элегантно-витиевато выразился по этому поводу А.И. Неклесса, в современном мире имеет место «культурная гравитация», «магнетизм, присущий нематериальным активам нации – оригинальному мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль особой склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Социокультурный капитал вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI в.»¹.

Представляется целесообразным выделить особые компоненты духовности – *смыслы*, понимая под ними заглубленные основания субъективного духа и действия индивидуального и коллективного субъекта. Утверждение о существовании смыслов может быть по-разному оценено в различных философских, научных и религиозных концепциях. Однако есть основания полагать, что данный феномен существует, он требует осмысления, а использование отражающего его теоретического конструкта (понятия) существенно уточняет и углубляет познание глубинной сущности идеальной и материальной деятельности исторического человека.

¹ Неклесса А.И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – М., 2015. – № 1. – С. 93.

Смысл – это заглубленные аспекты духовности, которые представляют собой *органический комплекс, связывающий ценности с метафизическими основами мировоззрения в ответе на вопрос «для чего бытие человека?»*, представление человека и социальных групп (слоев) о его (человека) главных призваниях (предназначениях) в мире, об идеале личного и социального бытия («хочу, чтобы так было», мечта-бытие, идеал-бытие, «мне-нравится-бытие») как способе реализации этого призвания и достижения удовлетворения от этой реализации как высшего блаженства (счастья, чувства духовного/физического/психического удовлетворения). Смыслы – это метафизические запросы, глубинные духовные чаяния и ожидания народов-культур, народов-цивилизаций. Понятно, что смыслы и идеалы-мечты при этом не всегда явны, не всегда последовательны и порой в себе противоречивы. Но в них есть доминанты, есть границы, есть «можно», «нужно», «нельзя», которые очерчивают границы, задают своеобразную «матрицу» личности, субкультуры социальной группы, культуры общества.

В до-просвещенческую эпоху смыслы были полностью подчинены религиям. Религии и сегодня продолжают предлагать свои варианты смыслов, чаще всего интерпретируемых как замыслы божьи. Однако просвещенный человек, руководствуясь собственным разумом и осмысленными ценностями, должен мыслью и чувствами понимать собственные смыслы, смыслы иных людей и культур (субкультур), уметь создавать и корректировать смыслы. Поэтому не прав субъективный идеализм, который неправомерно индивидуализирует осмысление духовных феноменов, не правы позитивизм и прагматизм, которые изначально отрицают эти высшие компоненты духовности, примитивизируя человека, не правы постпозитивизм и постмодернизм, которые закрепляют изменчивую феноменальность и субъективность без заглубления в сущности духа. Объективно сущие компоненты индивидуальной и коллективной духовности, в том числе на глубинном уровне (уровне смыслов и идеалов) – есть.

Смысл носит *субъективный* характер у индивида и *объективный (надличный)* у социальных групп (слоев), представляя собой элемент коллективного сознания и коллективной психики (коллективного бессознательного).

Смысл коррелирует с двумя другими феноменами – целью и идеалом, будучи не тождественным им. Различие этих феноменов в вопросах, на которые они отвечают. Смысл – ответ на вопрос «*для чего?*» («ради чего?»), идеал – на вопрос «*какой?*», цель – на вопрос «*к чему идти?*». Можно считать, что между ними существует генетическая связь – смысл порождает итоговую форму-идеал и цель.

Принципиальный момент. Современность с высоты своего сознания позволяет утверждать, что коллективный смысл является основанием (духовной квинтэссенцией) *традиции* того или иного социального объекта¹. При этом каждая культура дает свой специфический ответ на смыслополагающие вопросы, формирует свою «кристаллическую решетку» смыслов бытия посредством конкретных (в этой культуре выросших) *ответов* на эти великие вопросы, которые являются достаточно постоянными (потому абсолютными и вечными) в рамках этой культуры и существуют в ней как целостная система, определяющая духовную и социально-практическую жизнь (а потому и судьбу) данного народа или социальной группы (слоя). В *настоящем* смысловые глубины духа реализуются через *оценку реальности*, ее соответствие/несоответствие смыслам и идеалам, степень комфортности личного и социального бытия, стремление изменить реальность либо переживание о ее несоответствии смыслам. В отношении *будущего* – это стремление построить нечто или ожидание от будущего реализации смысла и идеалов, соответственное формирование образа будущего, ожиданий от будущего (надежд и отчаяний).

Смыслы социально-культурно привязаны к конкретной социальной группе в ее историко-культурном контексте (к народу, слою, группе), то есть имеют социально-групповую (в том числе классовую) принадлежность. Этим обусловлено то, что разные социальные группы могут нести в себе различающиеся во многих компонентах смыслы, которые порождаются в каждой культуре также постоянно в том или ином слое в социальной иерархии. Так, российские элиты и их дети вот уже столетия, несмотря на *смену пород*, своими вожделениями устремлены на Запад, тогда как японские и китайские – в самих себя, в свою страну.

Смыслы имеют духовно-метафизические и социально-реальные компоненты. Посредством последних они реализуются (опредмечиваются в жизни общества), становясь традицией. Поэтому социальное строительство – это ресурс и инструмент реализации смыслов, а также способ «проверки» реальности на истинность, на соответствие смыслам.

Полагая смыслы заглубленными основаниями коллективного субъективного духа и действия (бездействия), можно глубже и точнее понять происходящее и предвидеть будущее. Поскольку появляется «точка отсчета» реагирования на сущее и творения сущего человеком различных культур – связанный со смыслом ответ на вопрос «какой исход в будущем более желателен или приемлем (минимально приемлем) или неприемлем?».

3. Смыслы человека будущего для стран Евразии

В евразийском конструировании будущего в настоящее время заинтересованы многие страны и разные социальные группы внутри нашей страны и за рубежом – как в странах самой Евразии, так и во всем мире. Каждая социальная группа устремлена к реализации собственных смыслов/замыслов, ценностно-мировоззренческих установок, интересов и целей, несет в себе, предлагает/навязывает их странам и народам Евразии. На основе каких же смыслов возможно эффективное развитие в будущем стран и народов Евразии, их эффективная интеграция?

Мыслимы четыре основных цивилизационных вектора-смысла: русский, западный, мусульманский, китайский.

Китайский смысл-вектор пока не стоит на повестке дня и лишь издали настораживает Евразию, внедряясь в нее лишь своими транспортными и сырьевыми проектами. *Мусульманский смысл-вектор* искусственно будоражится

¹ Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004. Глава 1 § 3.

небольшим количеством активистов, особенно с опорой на тюркские регионы, но на деле принимается лишь подавляющим меньшинством самих этих народов. Реальная альтернатива пока такова – *прозападный смысл-вектор развития*, которым уже треть века вновь соблазняют элиты и народы Евразии, и *русский смысл-вектор*, на которых поэтому нужно остановиться.

Прозападный смысл-вектор. Буржуазный либерализм – это вырожденный вариант Просвещения, превратившийся на почве индивидуализма в свою противоположность, теперь фактически отвергающий Просвещение, знание, вновь возвращая людей в эпоху незнания¹, а элиты – в сферу кастово-сектантских средневековых форм социального бытия. Забываются (истираются из памяти людей) равенство и справедливость, свобода разума (на смену которой приходит свобода чувств, эмоций, инстинктов, социальная свобода как свобода от общества и всех его ограничений в пользу безграничных прав индивида). Научное знание превращается в знание для избранных, для элит (Римский клуб, Центр Рокфеллера...), в сектантскую науку и в тайну для всех остальных – для народа-быдла. Романтические смыслы научных элит и элит искусства стремительно подчиняются смыслам богатых элит.

Особенно важно то, что западные элиты теперь (всегда) для себя видят и формируют одни смыслы, для остального *своего* народа – другие (дифференцировано по слоям), для *других* народов и стран – третьи. Западным элитам имманентна сегрегация на уровне смыслов, замыслов, ценностей и соответственно – целей и форм социальной реализации.

Метафизический смысл западной элиты – собственная избранность и даже «богоизбранность», величие, превосходство, вседозволенность, азарт и страсти до inferнальных забав и реальных войн, изысканная эстетика быта и – низменность, второсортность простого народа. В принципе, это – генеральный метафизический смысл всяких элитных групп, но в особенности, в рафинированном виде – западных буржуазных элит, имеющих вполне примитивный дух позитивистских счетоводов и не имеющих высокого духа (как некоторая часть элит феодально-дворянских и советских).

Социальные смыслы западных элит: для себя-элит – власть, богатство, надзаконность, исключительный доступ к истине и знанию, управление миром на основе науки и мистики (закрытого знания) во благо самих себя; для простого народа – «эффективное потребление», научная безграмотность, «просто жизнь» без смыслов, а в перспективе – даже без продления рода. Для *простого западного человека* с его искусственно культивируемым и развиваемым индивидуализмом и прагматизмом *до их предела по их же внутренней логике* высшие смыслы настоящего и будущего сгенерировались следующим образом – безмерное эмоционально-насыщенное, экспрессивное материальное, духовно-эмоциональное (наслаждения, эмоции, развлечения) и информационное *личное потребление*, формальное недопущение мешать потреблению другого (толерантность, мультикультурализм), отсутствие идентичности (в том числе социально-групповой и половой идентичности) за пределами *индивидуальной идентичности*, ликвидация морали и государства как социальных ограничителей. Свобода выражения собственной индивидуальной самости, самоосуществления, крайний индивидуализм вне всякой социальности идентичности, свобода выбора до задыхания и вылупленных глаз, до оправдания потребления без границ для индивида, в том числе всех возможных извращений, до беспредельности, до ликвидации всех ограничений со стороны общества и других индивидов, до самости внутренне положенной и никем не контролируемой. Свобода самоосуществления здесь достигла своего предела, уродства, инвалидности в бесполости и в пределе биологического продолжения рода в транс-пост-гуманизме, который стремится сделать людей новыми скопцами. И эта самость теперь претендует на власть на планете, бросая вызов человеку-обществу: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным... Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен, мы же заселим и унаследуем землю» – такова «манифестация персонального суверенитета»². Буржуазный мир заигрался в индивидуализм до нарушения нормы в соотношении естественного и искусственного и подошел к решению дилеммы «быть или не быть человеком» в пользу варианта «*не быть человеку*». Индивидуализм уничтожает, расчеловечивает человека не только в духовном смысле, но теперь и в смысле биологическом, ставит предел человеку и как индивиду, и как роду человеческому, вызывая ему на смену киборгов как «более совершенных индивидов»³.

За этим пределом западная культура утрачивает себя, обращаясь из истины – в ложь, из потребления – в обжорство, из удовольствия и наслаждения – в наркотическое одурманивание и извращения, из развлечения – в их информационные суррогаты на тик-ток, из человеческой – в античеловеческую. Неконтролируемая самость, как показывает история и современность, постепенно превращает человека в зверя, в анти-человека. Поэтому вне социальности и культурных ограничений человек перестает быть собственно человеком и уже не имеет права называться человеком. Он просто индивид, он – вне общества, вне человечества и по сути не есть человек.

Другой принципиальный момент. Места элитам и народам *незападных стран* в смысловой сетке *даже такой* западной культуры вообще не просматривается за пределами жизни около мусорных контейнеров западной цивилизации. Запад всегда и навсегда считает все народы мира (и Евразии) варварскими и подлежащими либо уничтожению и утилизации, либо покорению и рабско-колониальному подчинению, источнику природных и человеческих ресурсов.

Наконец, смыслы настоящего в прозападном элитарно-либеральном проекте и особенно в России обращены в прошлое. И если в свое время А.И. Герцен про Европу (да и Россию) написал: «Внизу и вверху разные календари. Навверху XIX век, а внизу разве XV»⁴, то теперь можно утверждать обратное – «внизу», в народах и культуре Евразии –

¹ Кутырев В.А. Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона») // Философия хозяйства. 2020. – № 5. – С. 157–172.

² Неклесса А.И. Поезд в будущее: транзит современной цивилизации, с. 9.

³ Дугин А. Мужчин отменяют первыми / Изборский клуб. 7.11.2020. – <https://izborsk-club.ru/19989>

⁴ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. – М.: Правда, 1975. – С. 211.

XXI век, а наверху, в их элитах – скорее опять XVII век. Отринув социалистический вариант развития, буржуазная элита (особенно в России) не смогла предложить народу ничего нового, перспективного и предложила реставрацию старого допросвещенческого варианта социального устройства, отказ от Просвещения. В России – с криминальным и компрадорским душком.

Такие смыслы и социальные формы их реализации агрессивно проталкиваются Западом в весь мир и в страны Евразии через наши собственные буржуазные элиты. Глубинные смыслы скрываются информационно-пропагандистскими потоками информации, которые формируют «смыслы для народа». Настоящее западного буржуазного мира зашло в тупик, ведет к деградации, к своему логическому завершению и самоуничтожению и этот смысл-вектор не может быть эффективным для будущего.

Русский смысл-вектор исторически предлагает *альтернативу Западу*.

Эта альтернативность была во всех трех «великих единениях» Евразии – в татаро-монгольский период, в период Руси-России и в период СССР, которые представляли собой самостоятельные культурно-исторические образования, но которые при всем различии и исторической дистанции между ними, связаны духовно-культурной ценностно-смысловой преемственностью.

Метафизический смысл русского духа – создать и спасти интеллектуального и духовно возвышенного человека посредством социального действия. Наш смысл глубоко гуманистичен в своей природе. Человек не имеет права перестать быть человеком, не должен разучиться мыслить, разучиться удивляться, видеть *чудо бытия* и *чудо в бытии*.

И сегодня этот смысл как никогда ранее совпадает с глубинным запросом человечества, в интересах которого дилемму «быть или не быть человеку» необходимо решить в пользу «человеку быть». Именно *спасение человека* становится теперь (должно стать) генеральным смыслом человеческой цивилизации. Для этого необходимо бежать от индивидуализма, искать будущую коллективную духовность и социальность со всем ее позитивом и негативом как *меньшим злом* по сравнению с отменой человека, с заменой человека – псевдо-человеком (трансгуманизм и все формы извращенной гендерности), не-человеком и анти-человеком. Видимо, человеку нужно было дойти до этого предела, чтобы ужаснуться и *вновь пойти земным человеческим путем*.

Русский метафизический смысл востребует социальное бытие, в котором должны доминировать ценности и деятельность, возвышающие душу, поднимающие ее над плотью. Поэтому принципиально важными являются: в экономике – производство, созидание и творчество, а не потребление; в социальности – совестливая справедливость и равное право каждого в обретении себя-человека; в культуре, образовании и науке – усиление мощи человеческого разума и т.д. Наиболее оптимальным типом социального устройства является будущий (новый) коллективистский советский социализм, обеспечивающий достаточный (разумный) уровень потребления и высокий уровень духовного развития.

В XX веке именно Россия подняла брошенное Европой знамя Просвещения как синтеза научного знания, свободы и справедливости. Она продемонстрировала народам всего мира, что сами народы должны считать себя, свою историю и культуру в их самобытности достойными уважения, признания, справедливости и равенства в мире, в том числе с Западом. Россия и русская культура доказали, что простой человек так же высок, а иногда и выше в духе своем, чем элиты – это доказали художественные произведения, наука, искусство, но главное – доказали Ленин, социалистическая революция, антиколониальные революции и войны начала XX века. Россия доказала это Западу многократно – мирными и военными средствами.

А в течение XX века простой народ в мире еще сильнее развился. И видя потенциал простого народа, в России еще «Пушкин посвятил всю нацию в дворянское достоинство» (А.С. Панарин). Теперь у простого человека российской и евразийской цивилизации высокие *социальные смыслы, ценности и цели*: собственное достоинство и право на достойную жизнь, высокая мораль, справедливость, совесть, знание, творческая самореализация, умеренное потребление, коллективные ценности, семья – вот те смыслы и ценности, возросшие в традиционных культурах народов Евразии под влиянием истории, под влиянием Просвещения, под влиянием русского метафизического смысла, теперь уже с его научностью и материалистической диалектикой. Именно эти смыслы открывают новые перспективы для человека будущего в Евразии, новые земные смыслы-цели: углубление познания земного мира, углубление познания человека, углубление познания космоса, управление бытием на основе разума и во благо человека и природы.

Для реализации социального устройства, основанного на этих смыслах, необходимо постоянное умножение человечества, сильное государство, постоянное усиление мощности науки, потому ориентир на творчество и здоровье нации – это стратегическая цель. Для ее реализации необходимо отказаться от индивидуализма в его предельности и конечности, от антисоциальности, от искажения полов, от капитализма с его «свободной» форме (в пользу *быть в форме «в ежовых рукавицах» государства*, как в Китае или Белоруссии или Иране).

Первейшие условия для этого – самостоятельная национально-государственная стратегия, регулируемая открытость/закрытость экономики, границ, информационного пространства, новые принципы мирового устройства. Применительно к евразийской интеграции С.Ю. Глазьев так обозначил базовые политические принципы грядущего нового антикапиталистического мирового устройства как альтернативы буржуазному «вашингтонскому консенсусу»: добровольность, взаимовыгодность, равноправие и прозрачность¹. Они вкупе с принципами справедливости и Просвещения должны рассматриваться как универсальные для конструирования нового евразийского мира. Поэтому Евразии нельзя соглашаться на антигосударственную социальную перспективу, которую предлагает индивидуализм в его современном постмодернистском варианте, в котором «национальная государственность, утрачивая былые основания, пози-

¹ Глазьев С.Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства. М., 2018. – С. 6–7. – <http://www.eurasian-sp.ru/wp-content/uploads/2018/10/glaziev-su.pdf>

ции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур», «крах земных империй, ветхость авторитарных уродств»¹. Тогда как судьба больших человеческих общностей (народов), государств, коллективного человечества – это интегральный социальный смысл, альтернативный индивидуализму с его античеловеческим тупиком. И единственный организующий смысл, который позволит строить эффективное будущее народов Евразии и близок их смыслам – это *русский смысл*.

¹ Неклесса А.И. Поезд в будущее: транзит современной цивилизации, с. 4, 10.

Серенко И.Н.

к.полит.н., с.н.с. Института востоковедения РАН
serenko9@mail.ru

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *Пакистан, Россия, двустороннее взаимовыгодное сотрудничество, евразийская интеграция, БЕП, ЕАЭС, КПЭК, ШОС.*

Keywords: *Pakistan, Russia, bilateral mutually beneficial cooperation, Eurasian integration, GEP, EAEU, CPEC, SCO.*

Подводя итоги внешнеполитической деятельности РФ в 2019 г., глава МИД РФ С.В. Лавров среди основных достижений внешнего ведомства страны выделил успешную реализацию российской концепции по формированию Большого Евразийского партнерства. При этом он также подчеркнул необходимость сохранения приоритетности данного направления в повестке дня российской дипломатии и в 2020 г., ведь, по его обоснованной оценке, «за «Большой Евразией» будущее»¹. Примером тому могут служить российско-пакистанские отношения. В современных условиях усиления процессов евразийской интеграции они начинают выходить на новый уровень взаимовыгодного партнерства, как отражение включенности этих государств в создание общей структуры экономики и безопасности на обширном пространстве Большой Евразии. Исторически их развитие за более 70-летний период межгосударственного взаимодействия носило турбулентный характер с периодическими подъемами и спадами в их двусторонних связях. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященных эволюции межгосударственных отношений России (правопреемницы СССР) и Пакистана².

Совместному продвижению Российской Федерации (РФ) и Исламской Республики Пакистан (ИРП) на треке евразийской интеграции способствует скоординированная имплементация российского проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с перспективой создания БЕП и китайской инициативы «Один пояс, один путь» с ее флагманским проектом Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК)³. Вполне понятно, что выстраивание в рамках российско-китайского стратегического сотрудничества многополярной Евразийской структуры невозможно без постепенного инкорпорирования в нее геостратегически важного в азиатском макрорегионе пакистанского партнера с имеющимся у него выходом к южным морям и обладающим огромным человеческим потенциалом (население 220 млн. человек). При этом стоит отметить, что Пекину в этой складывающейся межстрановой триаде взаимодействия удалось установить двусторонние отношения приоритетного стратегического партнерства как с Россией, так и с Пакистаном. Межгосударственное же взаимодействие Москвы и Исламабада представляет собой запоздавшую попытку наверстать упущенные ранее возможности по налаживанию двустороннего взаимовыгодного сотрудничества⁴. Анализируя складывающуюся ситуацию, пакистанские эксперты приходят к обоснованному выводу, что Россия «осознает важность географической локации Пакистана и стремится оказать Пакистану помощь в его плавной интеграции в многополярную Евразийскую структуру, выстраиваемую в рамках китайско-российского стратегического сотрудничества»⁵. Однако, как представляется, стремление России по созданию долгосрочного российско-пакистанского сотрудничества детерминирует ее внешнеполитический «взгляд на Восток», как таковой в целом⁶. И он, конечно же, нацелен на успешную реализацию концепции РФ по формированию Большого Евразийского партнерства.

¹ Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, полученные к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году. – https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3995958#9

² Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы / Отв. ред. С.Н. Каменев. – М.: ИВ РАН, 2018. – 408 с.

³ Серенко И.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор в интеграционных процессах Евразии // Вестник экономики, права и социологии. – Казань, 2019. – № 3. – С. 172–175.

⁴ Серенко И.Н. Россия-Китай-Пакистан: внешнеполитический вектор региональной интеграции // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Сборник материалов X международной научно-практической конференции. Благовещенск – Хэйхэ, 2-4 июня 2020 г. – Вып. 10. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – С. 945–950.

⁵ Shabbir Ahmed. Emerging Dynamics of the Race for Regional Integration // CPEC: A Precursor to Regional Economic Growth and Stability / Ed. by Zafar Iqbal Cheema. China Studies and Information Center (CSIC), Strategic Vision Institute (SVI). – Islamabad, 2019. – P. 211.

⁶ Галищева Н.В. «Взгляд на Восток»; экономическое сотрудничество России и Пакистана // Азия и Африка сегодня. – М., 2019. – № 2. – С.17–22.

Необходимость налаживания многопланового российско-пакистанского взаимодействия с перспективой выхода на новый уровень стратегического партнерства в условиях усиления евразийской интеграции находилась в центре внимания участников состоявшейся в Исламабаде 27 марта 2019 г. международной конференции «Пакистано-российские стратегические отношения: перспективы сотрудничества». Она была организована пакистанским исследовательским Институтом Стратегического видения (Strategic Vision Institute – SVI). Автору данной статьи довелось выступить на этой дискуссионной площадке в качестве приглашенного докладчика на актуальную тему: «Изменение геополитической динамики и политика России в Южной Азии»¹. Была, в частности, подчеркнута возрастающая роль Пакистана в контексте российской инициативы БЕП на фоне быстро меняющейся геополитической ситуации. Отмечалась необходимость разработки скоординированного коммуникационного взаимодействия РФ и ИРП с учетом реализуемого проекта ОПОП/КПЭК, а также совместных усилий по достижению мира и стабильности в Центральной и Южной Азии, где Пакистан является одним из важных региональных акторов в урегулировании афганской проблемы и обладает значительным опытом борьбы с международным терроризмом, активно сотрудничая в этом направлении с российской стороной². Поэтому, при всей правомерности постановки вопроса о значимости пакистанской компоненты в евразийских интеграционных проектах отдельными отечественными и зарубежными авторами, говорить о том, что практически «ничего не было написано о той роли, которую Пакистан готов играть в БЕП, несмотря на то, что она является чрезвычайно важной в силу размещения КПЭК», было бы, пожалуй, не совсем корректно³.

Таким образом, ориентированность современного внешнего курса РФ на евразийскую интеграцию способствует заметной интенсификации в последнее время российско-пакистанского политического диалога, а также налаживанию многопланового торгово-экономического взаимодействия между странами. По мнению посла РФ в Пакистане Д.В. Ганича, уровень двусторонних экономических связей все же пока не соответствует объективно имеющемуся у них потенциалу. Так, объем товарооборота между РФ и ИРП до 2018 г. был довольно низким и не превышал 500 млн долл. в год. Его прирост в 2018 г. на 35,4% (до 732,4 млн долл.) увеличился в основном за счет роста экспорта на 60,5% (до 418,8 млн долл.) при увеличении импорта на 12% (до 313,6 млн долл.)⁴.

Заключенное между РФ и ИРП 2 декабря 2019 г. соглашение об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств по операциям бывшего СССР позволило активизировать двустороннее взаимодействие Москвы и Исламабада в торгово-экономической, военно-технической и других сферах. Оно открыло возможность для РФ запустить инвестиционный процесс в различные области пакистанской экономики. Согласно данному документу, Пакистан 26 февраля 2020 г. погасил свой долг в размере \$ 93,5 млн. долл., возникший в рамках экспортно-импортных операций между Советским Союзом и ИРП⁵. Отмечая важность устранения этого практически единственного барьера на пути развития взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, Чрезвычайный и Полномочный посол Пакистана в РФ Шафкат Али Хан, прибывший в Москву 22 марта 2020 г., подтвердил намерение руководства своей страны «гораздо больше инвестировать в один из главных приоритетов в нашей внешней политике – долгосрочные отношения с Россией». На данный момент они являются, по его оценке, «самыми прочными за всю историю их развития»⁶.

Свидетельством выхода российско-пакистанских отношений на новый уровень взаимовыгодного межгосударственного взаимодействия могут служить заключенные недавно между РФ и ИРП двусторонние договоренности о многоплановом сотрудничестве, определившие его ближайшие и долгосрочные перспективы развития. Они были достигнуты во время официального визита в Пакистан 8–12 декабря 2019 г. представительной российской делегации во главе с министром промышленности и торговли РФ Д.В. Мантуровым. Она приняла участие в 6 заседании Российско-Пакистанской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В целом российская сторона выразила намерение инвестировать до 10 млрд. долл. в энергетику, информационные технологии, железнодорожную и сталелитейную промышленность, включая 1 млрд. долл. на восстановление и модернизацию пакистанского сталелитейного завода в городе Карачи, построенного и введенного в эксплуатацию при содействии Советского Союза (1985 г.). Представителей РЖД выразили намерение оказать содействие Пакистану в обновлении подвижного состава, расширении и модернизации стратегически важной для региональной взаимосвязанности железнодорожной ветки Кветта-Тафтан (523 км). Она является составной частью одной из главных ж/д магистралей страны ML – 3 (Main Line – 3), способной обеспечить создание транспортно-экономического коридора, соединяющего Пакистан с соседним Ираном, Турцией и далее в Европу. На полях 6 заседания МПК рассматривался также вопрос участия российской стороны в прокладке морского газопровода Иран-Пакистан с возможным дальнейшим продлением его маршрута в Индию (ИПИ). Однако сохраняющиеся противоречия между задействованными в нем региональными странами и санкционные риски вот уже более 20 лет продолжают тормозить реализацию этого экономически выгодного для всех государств-участниц энергетического проекта. В качестве ключевого направления

¹ Tremendous scope of cooperation exists between Pakistan & Russia: Tehmina. – <https://fp.brecorder.com/2019/03/20190328459031/>; Международная конференция в Пакистане «Пакистано-российские стратегические отношения: перспективы сотрудничества». – <https://www.ivran.ru/novosti?artid=12762>

² Serenko I. Changing Geo-political Dynamics and Russia-Pakistan Relations // Восточная аналитика. – М., 2020. – № 2. – С. 143–151.

³ Кобылко Э., Морозов В.М. Pakistan's Role In Russia's Greater Eurasian Partnership // Полис. Политические исследования. – М., 2020. – № 3. – С. 9–22. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.02>

⁴ Russia keen to promote dialogue with Pakistan: envoy. – <https://tribune.com.pk/story/1992054/russia-keen-promote-dialogue-pakistan-envoy>

⁵ Россия и Пакистан подписали соглашение об урегулировании долга советского периода. – https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=36883-rossiya_i_pakistan_podpisali_soglashenie_ob_uregulirovani_dolga_sovetskogo_perioda

⁶ Pakistan wants to attract more Russian investment – ambassador. – <https://tass.com/politics/1150439>

двустороннего всеобъемлющего стратегического партнерства российскими участниками было выделено энергетическое сотрудничество РФ и ИРП (взаимодействие в сфере строительства нефтегазовой и гидроэлектроэнергетической инфраструктуры, геологоразведки, поставок углеводородов, подготовки пакистанских отраслевых специалистов в российских вузах и т.д.). Пакистанской стороной была высказана заинтересованность в привлечении российских инвестиций в нефтегазовый сектор страны путем вхождения российских партнеров в капитал крупнейших энергетических компаний ИРП¹.

Особое внимание на данном заседании было уделено совместному строительству магистрального газопровода (МГП) «Север-Юг». Оно длительное время откладывалось по различным причинам, включая американские санкции против ряда российских компаний, что «лишний раз демонстрирует зависимость пакистанского государства от внешних сил», которая, по справедливому определению В.Я. Белокреницкого, может проявляться «в первую очередь или по преимуществу в экономической, в том числе, военно-технической, сфере»². Но геостратегические и геоэкономические выгоды от возведения этой газотранспортной инфраструктуры с применением передовых российских технологий для Исламабада очевидны. Ее ввод в эксплуатацию может послужить укреплению энергетической безопасности Пакистана за счет прокачки газа на расстояние 1200 км от южных пакистанских портовых городов Карачи и Гвадар, которые являются основным транспортно-энергетическим звеном КПЭК, до г. Касур, расположенного на севере страны. Неудивительно, что этому магистральному газопроводу был придан статус флагманского проекта российско-пакистанского сотрудничества. На состоявшихся 16–18 ноября 2020 г. в Исламабаде переговорах российской делегации Минэнерго с руководством энергетического ведомства ИРП были достигнуты договоренности о внесении поправок в межправительственное соглашение по проекту МГП «Север-Юг», подписанное между двумя странами пять лет назад. Они, в частности, включают переименование изначального названия этого магистрального газопровода в МГП «Пакистанский поток» при значительном увеличении доли инвестиционного участия в нем пакистанской стороны – с 15 до 74% и снижении российской – до 26%, расширение его транспортировочных возможностей с окончательной корректировкой контуров и технических параметров и т.д. Начало строительных работ планируется начать уже в первом квартале 2021 г.³

Успешная реализация подобных экономических проектов не в последнюю очередь зависит от создания инфраструктуры безопасности в условиях имеющихся здесь локальных конфликтогенных рисков. Стоит отметить, что в последние годы Россия и Пакистан заметно набирают темпы в области военно-технического сотрудничества. Начиная с 2016 г., на территории России и Пакистана на регулярной основе в соответствии с планом двустороннего военного сотрудничества проводятся совместные военные учения под названием «Дружба» для отработки согласованных действий по предотвращению деятельности незаконных террористических формирований. Последние из них «Дружба 2020» проходили на территории Пакистана 8–21 ноября 2020 года. В них приняли участие более 150 военнослужащих двух государств. В связи со сложной эпидемиологической ситуацией в мире все этапы очередных российско-пакистанских военных учений проходили с соблюдением необходимых мер по предупреждению новой коронавирусной инфекции⁴. Укреплению российско-пакистанских связей между оборонными ведомствами РФ и ИРП будет способствовать и открывшаяся возможность для пакистанских военных обучаться в российских военных вузах, благодаря принятому странами в августе 2018 г. двустороннему соглашению.

Близость позиций Москвы и Исламабада по большинству вопросов глобальной и региональной повестки, включая создание общей структуры безопасности, способствует активизации двусторонних межгосударственных отношений с выходом и на формат многостороннего взаимодействия в различных международных и региональных организациях, включая ШОС и ЕАЭС. Здесь стоит упомянуть участие представителей Вооруженных Сил Пакистана в стратегическом командно-штабном учении «Кавказ-2020», проходившем 21–26 сентября 2020 г. на территории Южного военного округа и в Черном и Каспийском морях. РФ. В этих международных маневрах были задействованы около 80 тыс. российских солдат и офицеров и порядка 1 тыс. военнослужащих из Армении, Белоруссии, Ирана, Китая, Мьянмы и Пакистана для отработки применения «коалиционной группировки войск в рамках борьбы с вооруженными формированиями международных террористических организаций»⁵. Думается, что участие пакистанских военных в презентации своей национальной экспозиции на шестом Международном военно-техническом форуме «Армия-2020» в Москве 23–29 августа 2020 г., на площадке которого одновременно были проведены и Армейские международные игры, будет способствовать не только дальнейшему укреплению двустороннего военно-технического сотрудничества России и Пакистана, но и их многостороннему взаимодействию с оборонными ведомствами других государств, включая евразийские, которые были приглашены Министерством обороны РФ для участия в данном масштабном мероприятии.⁶

¹ Серенко И.Н. Перспективы российско-пакистанского экономического сотрудничества // Восточная аналитика. – М., 2020. – № 2. – С. 72–73.

² Белокреницкий В.Я. Пакистан: неравномерности экономического развития зависимого государства // Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития: Коллективная монография. В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. и сост. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 138, 121.

³ Pakistan And Russia To Amend Gas Pipeline Project Agreement. – <https://www.technologytimes.pk/2020/11/19/pakistan-and-russia-to-amend-gas-pipeline-project-agreement/>

⁴ Военнослужащие ЮВО прибыли в Пакистан для участия в совместном военном учении «Дружба-2020». – https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12322965@egNews

⁵ На полигоне «Капустин Яр» в Астраханской области состоялась церемония награждения участников СКШУ «Кавказ-2020». – https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12316312@egNews

⁶ Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2020». – <http://mil.ru/army2020.htm>

Таким образом, интенсификация взаимодействия РФ и ИРП в области экономического и оборонного сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках уже устоявшихся организаций (ШОС и ЕАЭС), может рассматриваться как часть общей тенденции регионализации интеграционных процессов в ареале Большой Евразии с ее постепенно формирующейся общей структурой экономики и безопасности. При этом реализуемые Россией и Пакистаном двусторонние многоплановые проекты, способствуя практической имплементации российской инициативы по формированию БЭП, способны, как представляется, внести свой вклад в обеспечение на ее взаимосвязанной территории мира и устойчивого развития евразийских государств.

Ткаченко И.Ю.

к. филос. н., профессор, Всероссийская академия внешней торговли

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ШОС

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, интеграция, кооперация, сотрудничество, внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество.

Keywords: The Shanghai Cooperation Organization, integration, cooperation, foreign trade, investment cooperation.

2020 год был годом председательства России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В качестве председателя Россия предложила повестку взаимодействия, концентрируясь на следующих направлениях взаимодействия стран:

- консолидация внешнеполитического сотрудничества в целях противостояния новым вызовам и угрозам, в том числе, через модернизацию и повышение функционального потенциала Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС;
- формирование институциональных основ ШОС через складывание наднационального политического механизма координации действий стран через межпарламентское взаимодействие;
- выработка подходов по гармонизации национальных стратегий устойчивого развития;
- расширение экономического сотрудничества, прежде всего в транспортно-логистической, инфраструктурной, научно-технологической, инновационной сферах, содействие малому и среднему бизнесу;
- продвижение общих межкультурных ценностей через сотрудничество в гуманитарной сфере;
- развитие взаимодействия ШОС с международными и региональными организациями, членами которых выступают страны-члены ШОС¹

Несмотря на то, что ШОС создавалась как организация по противодействию терроризму и обеспечению мира и безопасности в регионе², ШОС последовательно ставила и продвигала задачи экономического взаимодействия стран-участниц. Это нашло отражение в Стратегии развития ШОС до 2025 года³, а также в Циндаоской декларации Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества⁴. Расширение повестки ШОС – от вопросов обеспечения мира и безопасности до экономического взаимодействия и межкультурного сотрудничества вполне закономерно, поскольку мир и коллективная безопасность объективно являются главным условием стабильного социально-экономического процветания стран и региона.

В настоящее время внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество в рамках ШОС обусловлено разным уровнем экономического потенциала стран-участниц (табл. 1):

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран ШОС, 2019

Экономика	ВВП, млрд. долл. США	ВВП (ППС), млрд. долл. США	ВВП на душу населения, долл. США	Экономический рост (постоянные цены), %	Уровень инфляции (год к году), %	Уровень безработицы, %
Республика Индия	2875	9612	7034	5,02	7,7	5,4
Республика Казахстан	180,2	508,8	27 400	4,5	5,2	4,6
Китайская Народная Республика	14 327	22 527	10 261	6,1	2,9	4,4
Кыргызская Республика	8,455	35,32	5 223	4,5	1,1	6,6
Исламская Республика Пакистан	278,2	1058	4691	1,0	10,6	4,4
Российская Федерация	1 718	4,28	29 181	1,3	4,5	4,4
Республика Таджикистан	8,117	32,28	3379	7	6	11
Республика Узбекистан	57,9	244,571	6998	5,6	Нет данных	6,1

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

¹ Приоритеты председательства России в ШОС в 2019–2020 годах. – https://sco-russia2020.ru/russia_in_sco/20190531/297/Priority-predsdatelstva--Rossii-v-ShOS-v-2019-2020-godakh.html

² Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. – <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172524.pdf>

³ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества. – <http://infoshos.ru/ru/?id=125>

⁴ Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. – <http://www.kremlin.ru/supplement/5315>

Приведенные данные с очевидностью показывают, что все страны ШОС не относятся к группе стран с высокими доходами, характеризуются невысоким уровнем жизни населения, и для всех стран одинаково актуально найти эффективные пути обеспечения количественного и качественного роста в современных условиях.

В 2020 году вследствие пандемии COVID-19, по расчетам, среднее падение экономик государств – членов ШОС в 2020 году составит 3,2%. Это меньше, чем в мире, где ожидаемый показатель составит – 4,4%¹.

Как отмечается в документах ШОС, сотрудничество государств-членов ШОС осуществляется по следующим направлениям:

- экономика и торговля;
- финансы и инвестиции;
- транспорт;
- таможенное сотрудничество;
- сельское хозяйство;
- охрана окружающей среды;
- образование, наука и техника;
- здравоохранение;
- культура, спорт и туризм;
- миграция;
- предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций;
- молодежная политика;
- клуб Послов ШОС;
- Межбанковское объединение;
- Деловой совет².

Анализ состояния и особенностей развития экономик стран ШОС позволяет выделить набор общих проблем, которые могут быть успешно решены в результате консолидации усилий национальных правительств в рамках сотрудничества в ШОС. К числу этих проблем можно отнести неравномерность регионального развития, рост конкурентоспособности национальных экономик, необходимость расширения внутреннего спроса, развитие инфраструктуры и связанности. Как показала пандемия COVID-19, большинство стран ШОС испытывает сложности в области здравоохранения и оказания медицинской помощи. Объективная необходимость требует от стран объединения усилий в этой сфере с целью обмена лучшими практиками, опытом подготовки кадров. Казахстан, Россия и Киргизия могли бы объединить свои системы здравоохранения в рамках ЕАЭС и распространить свой опыт на страны ШОС. Можно предположить, что по всем странам произойдет усугубление проблем, связанным с ресурсообеспечением стран, в первую очередь, с продовольственной безопасностью. В большинстве стран ШОС одновременно происходит рост населения и, как следствие, рост спроса на продукты питания. При этом ряд стран ШОС является экспортерами продовольствия (Россия, Казахстан, Индия, Пакистан), в то время как Китай, Таджикистан, Киргизия являются импортерами продовольствия. Это обстоятельство позволяет рассматривать аграрный сектор как наиболее вероятную сферу международного сотрудничества по производству и торговле продовольственными товарами. Предпосылкой такого сотрудничества для всех стран ШОС может стать повышение эффективности сельскохозяйственного производства через использование современных технологий. Если принять во внимание то, что значительная доля населения стран ШОС до настоящего времени занята в аграрном секторе и живет в сельской местности, развитие АПК на новой высокопроизводительной основе станет как условием для повышения продовольственной безопасности стран ШОС, так и направлением роста экономического благополучия значительной доли населения стран организации.

Показатели внешней торговли стран также вряд ли могут свидетельствовать об их активном участии (за исключением КНР, Индии и России) в международной торговле, что во многом обусловлено низким уровнем конкурентоспособности производимых товаров и недостаточной диверсифицированностью экономик (табл. 2):

Таблица 2

Основные показатели внешней торговли стран ШОС

Экономика	Экспорт, млрд. долл. США	Импорт, млрд. долл. США	Торговый баланс, млрд. долл. США	Доля экспорта в ВВП, %	Доля импорта в ВВП, %	Доля внешней торговли в ВВП, %	Рост экспорта, %	Рост импорта, %
Республика Индия	536,6	614,0	-77,4	18,7	21,4	28,3	-1,9	-5,5
Республика Казахстан	65,8	50,2	15,6	36,5	27,9	52,8	2,2	11,6
КНР	2641	2476	164,99	18,4	17,3	36	Нет данных	Нет данных
Кыргызская Республика	3,160	5,555	-2,394	37,4	65,7	103,0	19,8	2,9
Исламская Республика Пакистан	28,153	56,6	-28,379	10,1	20,3	30,4	14,5	4,3
Российская Федерация	481,3	352,9	128,4	28,3	20,8	39,7	-2,4	3,4

¹ World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. – <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>

² Общие сведения. – <http://rus.sectesco.org/structure/20190717/565661.html>

Республика Таджикистан	1,125	2,93	–1,804	15,7	40,9	56,6	–10	1,1
Республика Узбекистан	18,127	24,2	–6,152	31,2	41,8	73,0	23,9	24,9

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

Внешняя торговля стран и осуществляется главным образом на двусторонней основе. Для всех стран ШОС главным страновым партнером по внешней торговле выступает КНР.

Таблица 3

Место КНР в торговом балансе среди стран-членов ШОС

Экономика	Торговый баланс, млрд. долл. США	Место КНР среди страновых партнеров стран ШОС
Республика Индия	–51,204	3
Республика Казахстан	1,286	2
Кыргызская Республика	–1,6522	6
Исламская Республика Пакистан	–10,381	2
Российская Федерация	2,665	1
Республика Таджикистан	–0,550	5
Республика Узбекистан	–3,285	3

Источник: составлено по данным ИТС. https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS

Данные торгового баланса показывают, что среди стран-членов ШОС только Россия и Казахстан имеют положительное сальдо торгового баланса с КНР, в то время как остальные страны выступают нетто-импортерами китайской продукции, что вполне объяснимо, если иметь в виду существенные различия в национальных экономических потенциалах. Кроме того, страны ШОС достаточно уязвимы в международной торговле. Бесспорно, что уязвимость национальных экономик стран ШОС во многом специфична, но существуют общие факторы, характерные для всех стран ШОС. К их числу следует отнести зависимость стран ШОС от конъюнктуры мировых рынков сырьевых товаров, недостаточную диверсификацию (если исключить Индию и КНР) товарной структуры экспорта, низкую конкурентоспособность многих национальных товаров вследствие использования старых технологий и оборудования в производстве.

Место России во внешнеторговом балансе стран ШОС обусловлено разной степенью и глубиной взаимодействия с ними (табл. 4):

Таблица 4

Внешняя торговля России со странами ШОС, 2019 г.¹

Экономика	Экспорт, млрд. долл. США	Импорт, млрд. долл. США	Торговый баланс, млрд. долл. США	Место экономики среди страновых партнеров России
Республика Индия	7308,101	3921,794	3386,307	14
Республика Казахстан	14 050,846	8479,853	5570,993	8
КНР	56 791,577	54 126,998	2664,579	1
Кыргызская Республика	1526,765	1044,456	482,309	44
Исламская Республика Пакистан	168,663	370,300	–201,637	89
Республика Таджикистан	953,101	36,906	916,195	56
Республика Узбекистан	3908,165	1177,681	2730,484	23

Источник: составлено по данным ИТС.

Так, например, Россия и Индия на протяжении многих лет являются традиционными торговыми партнерами. В 2019 году было особо подчеркнуто, что между Россией и Индией развивается «особо привилегированное стратегическое партнерство», а отношения между странами «охватывают самый широкий спектр областей сотрудничества, носят уникальный, доверительный и взаимовыгодный характер»². По результатам саммита была подписана, в том числе, Стратегия действий по активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Торгово-экономические связи Казахстана, Таджикистана, Киргизии и России основаны на тесном историческом взаимодействии. Российская Федерация является одним из основных торговых партнеров этих республик. Что касается Пакистана, Россия не входит в число его главных торговых партнеров. Торговля Пакистана с Россией, хоть и характеризуется отрицательным сальдо, но демонстрирует положительную динамику, а объем отрицательного сальдо в 2019 году существенно сократился (с –218,401 в 2018 году до –81,603 – в 2019)³.

В условиях пандемии COVID-19 торговля между странами ШОС сократилась. Так, в январе-августе 2020 г. товарооборот России с другими государствами-членами снизился на 7%, что объясняется сокращением национальных производств.

¹ List of partners markets for a product commercialized by Russian Federation. Metadata Product: TOTAL All products. – https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx

² Совместное заявление по итогам XX российско-индийского саммита «Через доверие и партнерство – к новым вершинам сотрудничества», 4 сентября 2019 года. – <http://www.kremlin.ru/supplement/5438>

³ Bilateral trade between Pakistan and Russian Federation. – https://www.trademap.org/Bilateral_TS

Совершенно очевидно, что возможности расширения торговли России со странами ШОС лежат в области конкурентных преимуществ России и связаны с продвижением продукции АПК, энергетического сектора, оборонно-промышленного комплекса, что, бесспорно, будет существенно осложнено тем обстоятельством, что КНР – единственная страна, восстановление которой произошло в максимально короткие сроки. В силу этого к очевидным преимуществам КНР добавляется скорость и эффективность восстановления позиций на мировом рынке.

Динамика инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС обусловлена тем, что все страны ШОС, за исключением России и Индии, выступают партнерами КНР в проекте «Пояс-путь». К настоящему времени проект охватывает 65 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки и Европы, которые или уже являются рынками для китайских кредитов, инвестиций и технологий в рамках проекта или могут стать таковыми в ближайшем времени¹.

Таблица 5

Динамика ПИИ стран ШОС, 2018–2019, %²

Экономика	Приток, млрд. долл. США	Доля в ВВП, %	Отток, млн. долл. США	Доля в ВВП, %
Республика Индия	50,610	1,8	13,141	0,5
Республика Казахстан	3,588	2,0	–2,221	–1,2
Китайская Народная Республика	155,815	1,1	97,703	0,7
Кыргызская Республика	0,211	2,5	0,0229	0
Исламская Республика Пакистан	2,218	0,8	–7,000	0
Российская Федерация	31,975	1,9	21,293	1,3
Республика Таджикистан	0,212	2,6	–0,23	0,3
Республика Узбекистан	2,315	4,0	0,025	0

Источник: составлено по данным Всемирного банка

Для Китая в настоящее время актуально выстраивание зарубежных цепочек добавленной стоимости, поскольку их построение увеличивает добавленную стоимость и способствует росту ВВП страны. За счет переноса трудоемких и экологически вредных производств за пределы страны КНР отчасти решает свои экологические проблемы. Проект также решает проблемы повышения уровня занятости среди национальных строителей и обеспечивает выход китайских технологий и капитала на внешние рынки. Реализация проекта означает изменение приоритетов в региональном развитии и перенос акцента развития с восточных приморских провинций КНР к развитию внутренних западных, создание зон свободной торговли с соседними странами, учитывая сложившиеся тенденции к региональной интеграции, осуществление свободного перемещения капитала, рабочей силы, а также товаров и услуг. Особенности инвестиционных процессов в странах ШОС во многом обусловлены тем, что за исключением Индии и России страны ШОС являются территорией реализации китайской инициативы «Пояс путь», вследствие чего главным инвестором в экономику этих стран является КНР. Так, например, Пакистан с 2015 года является участником китайской инициативы «Пояс – путь», вследствие чего стал крупным получателем инвестиций из КНР для реализации, в рамках китайской инициативы, инфраструктурных проектов, реализуемых по его территории. Создаваемый в рамках данной инициативы Китайско-пакистанский экономический коридор (China-Pakistan Economic Corridor – CPEC) с объемом анонсированных в 2015 году китайских инвестиций в 46 млрд. долл. США³ позволит Китаю связать свои восточные районы с Индийским океаном. Этот проект, кроме прочего, соединяет Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР с глубоководным портом Гвадар (пакистанская провинция Белуджистан)⁴. Финансирование данного проекта в объеме 143 млн. долл. США было предоставлено в качестве беспроцентного займа на строительство скоростной автомагистрали Гвадар-Ист-Бэй в пакистанской провинции Белуджистан и 29 млн. долл. США – в качестве гранта для финансирования проектов в области социального обеспечения⁵. Проблема состоит в том, что часть коридора проходит по территории Кашмира, который Индия считает своей территорией.

После включения Пакистана в 2015 году в проект «Пояс – путь» Китай стал крупнейшим инвестором в страну, в основном благодаря строительным и энергетическим проектам, связанным с китайско-пакистанским экономическим коридором. Инвесторами проекта являются China Development Bank, Asian Infrastructure Investment Bank, Silk Road Fund, Exim Bank of China, Industrial and Commercial Bank of China. Вместе с тем, завершение некоторых проектов приводит к тому, что приток ПИИ в Пакистан со стороны КНР начинает замедляться в 2019 и в 2020 годах⁶.

При этом надо иметь в виду, что только 5,9 млрд. долл. США из 18,9 млрд. долл. США, предоставленных китайскими компаниями до настоящего времени для инфраструктурных проектов, представляют собой займы с 2%-ной ставкой, подлежащей выплате с 2021 года. Остальная сумма предназначена для энергетических проектов, финанси-

¹ The Belt and Road Initiative: 65 Countries and Beyond. – https://www.fbicgroup.com/sites/default/files/B%26R_Initiative_65_Countries_and_Beyond.pdf

² Foreign direct investment, net (BoP, current US\$) – Kyrgyz Republic, Pakistan, Tajikistan, Uzbekistan, Russian Federation, India, China, Kazakhstan. – <https://data.worldbank.org/indicator/BN.KLT.DINV.CD?locations=KG-PK-TJ-UZ-RU-IN-CN-KZ>

³ <http://cpec.gov.pk/>

⁴ Yasir Masood China economic corridor is debt reliever for Pakistan. – <https://www.telegraph.co.uk/china-watch/business/cpec-not-debt-trap-pakistan/>

⁵ Военная сделка на 9 млрд.: откуда у Пакистана деньги на оружие России. – tsargrad.tv/news/voennaja-sdelka-na-9-mlrd-otkuda-u-pakistana-dengi-na-oruzhie-rossii_196033

⁶ World Investment Report 2020. – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf

руемых китайскими компаниями и другими партнерами. В рамках китайских инвестиционных проектов ссуды используются для финансирования менее 20% всех проектов СПЕС, а более 80 % проектов финансируются с использованием различных механизмов финансирования в соответствии с международными правилами. Проект задумывался как комплексная система различных инфраструктурных объектов: сеть портов, автомобильных и железных дорог, трубопроводов, а также особых экономических зон. По мнению экспертов, это не столько увеличивает внешнюю задолженность Пакистана, сколько должно привести к усилению экономического развития страны¹. Вместе с тем, пандемия COVID-19 выявила проблемы в реализации СПЕС, который связывает Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с пакистанским портом Гвадар на Аравийском море. Главная из проблем, если не рассматривать вопросы финансирования, связана с использованием рабочей силы, оборудования и кредитов Китая, поскольку закрытие КНР на карантин, запрет поездок для граждан КНР и другие ограничения в связи с пандемией COVID-19 привели к тому, что планы строительства застопорились.

Позиция России по участию в проекте неоднозначна: в настоящее время единственным реальным совместным проектом в контексте этой китайской инициативы является участие китайского Фонда Шелкового пути, которому принадлежит 9,9%, в проекте «Ямал СПГ» («Новатэк» – 50,1%, Total – 20%, CNPC – 20%)². По мнению российского руководства, китайская инициатива перекликается с российской идеей создания Большого евразийского партнерства, которое предполагает идею сопряжения строительства ЕАЭС и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути в смысле возможности состыковать Северный морской путь и китайский «Морской Шелковый путь». Это сопряжение позволяет создать глобальный и конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой, что будет выгодно всем странам ШОС³. Такой контекст взаимодействия, с одной стороны, характеризует очевидную позицию автономного продвижения российских интересов в регионе, но, с другой, демонстрирует позитивное отношение к развитию интеграции в регионе ШОС.

Таким образом, проведенный анализ взаимодействия России со странами ШОС на экономическом треке показывает, что кооперация в рамках ШОС представляется очевидно перспективным направлением внешнеэкономического сотрудничества, расширения влияния России в Азии, процесса складывания нового мирового макрорегиона.

¹ Александрова О. COVID-19 задержался в китайско-пакистанском коридоре. – https://www.ng.ru/courier/2020-03-29/12_7829_covid.html

² Проект «Ямал СПГ». – <http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/>

³ Заседание круглого стола форума «Один пояс, один путь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60393>

Устинова Л.Н.

д.э.н., профессор РГАИС
lilia-ustinova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТРАНАМИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: научно-технологическое сотрудничество, инновационная деятельность, трансфер технологий, совместные программы, механизмы распространения знаний, информационно-коммуникационные технологии.

Keywords: scientific and technological cooperation, innovative activity, technology transfer, joint programs, mechanisms for promoting knowledge, information and communication technologies.

Без осуществления двухстороннего и многостороннего сотрудничества между государствами достичь высокой эффективности в продвижении новых технологий, коммерциализации созданных высокотехнологичных разработок, очень сложно. К задачам сотрудничества стран Большой Евразии относятся:

- содействие развитию стойкой инфраструктуры в развивающихся странах за счет увеличения финансовой, технологической и технической поддержки наименее развитых стран.
- поддержка разработок, исследований и инноваций в сфере отечественных технологий в развивающихся странах, в том числе путем создания политического климата, благоприятствующего диверсификации промышленности.
- расширение доступа к информационно-коммуникационным технологиям¹.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года, содержит универсальные цели и задачи, которые охватывают весь мир: как развитые, так и развивающиеся страны. Итоговый документ Программы «Цели в области устойчивого развития (ЦУР)» содержит 17 глобальных целей. Из них 9 цель – создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновационной деятельности².

Уровень технологического развития страны определяется качеством ее научно-исследовательской базы и степенью вовлеченности в международное научно-техническое пространство. В условиях глобализации интенсификация научных связей, мобильность научных и академических кадров, интеграция в международный технологический обмен становится приоритетным направлением развития страны и условием перехода к новому технологическому укладу. В настоящее время национальные университеты являются одним из основных каналов трансфера знаний и технологий. Международное сотрудничество между университетами направлено на совместное решение возникающих научно-технических проблем, взаимный обмен научными достижениями, производственным опытом и на подготовку квалифицированных кадров.

Евразийская сеть трансфера технологий является одной из форм продвижения инноваций в государствах-членах ЕАЭС, инструментом для передачи результатов интеллектуальной деятельности, а также прав на их использование, между физическими лицами или организациями с целью их последующего внедрения и/или коммерциализации. Международное научно-технологическое сотрудничество в области прикладных исследований и коммерциализации результатов – экспериментальная деятельность, основанная на знаниях, полученных в ходе исследований или на базе практического опыта с конкретным последующим использованием этих результатов и равными правами всех участников на них. Международное сотрудничество рассматривается как один из важнейших факторов развития экономики. Для этого нужна координация – разработка взаимодействующими государствами общей политики в инновационной сфере для реализации совместных международных программ. Кооперация также является международно-правовой формой организации научной или технической деятельности между различными государствами. Основой данной формы международного инновационного сотрудничества преимущественно являются межправительственные соглашения.

Глобальные системы распространения инноваций включают процессы взаимодействия в инновационной деятельности (табл. 1).

Международное сотрудничество в сфере инноваций охватывает довольно широкий спектр различных видов деятельности в области научных исследований и разработок, практического применения знаний в производстве и подготовки высококвалифицированных кадров, необходимых для развития инновационных процессов. Благоприятные

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024»; Подготовка инновационных кадров в странах Большой Евразии: сборник научных статей XI Евразийского научного форума / Общ. науч. ред. М.Ю. Спирина. – СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2020. – 217 с.; The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? – Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2020.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. 2015. – <https://www.un.org/ru/ga/>

условия для технологического развития зависят от степени развития рыночной инфраструктуры, характера законодательного регулирования экономики, развития научно-технологической кооперации и наращивания высокотехнологического экспорта¹.

Таблица 1

Процессы взаимодействия в инновационной деятельности

1	Международный обмен научно-технологической информацией	Евразийские технологические платформы
2	Обмен знаниями, передача технологий	– « –
3	Формирование механизмов для продвижения новых технологий	Евразийский инженеринговый центр
4	Реализация совместных программ в инновационной сфере	Системная работа по аккумулярованию передовых достижений научно-технического развития
5	Создание совместных инновационных институтов	– « –
6	Развитие и поддержка программ обмена учеными	– « –
7	Совместные предприятия с акцентом на стратегические союзы	Промышленная, научная и образовательная кооперация
8	Взаимодействие с международными организациями	Технологическая платформа

Классификация международного инновационного сотрудничества по видам деятельности предполагает их разделение на три большие группы: сотрудничество в области научных исследований и разработок, сотрудничество в области промышленного производства и сотрудничество в области науки и образования. К сотрудничеству в области научных исследований и разработок относятся:

- совместное выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- обмен научно-техническими и инновационно-технологическими исследованиями и достижениями;
- совместное получение и обмен патентами на изобретения и ноу-хау.

Сотрудничество в области промышленного производства включает в себя:

- организацию совместных предприятий с целью создания и производства инновационной продукции;
- производственные соглашения (поставка технологий и их адаптация к новым материалам, производственной линии);
- коммерческие соглашения по разработке, установке и техническом обслуживании новых технологий производства;
- внесение прямых технических инвестиций.

Сотрудничество в области науки и образования охватывает следующие виды деятельности:

- совместную подготовку высококвалифицированных специалистов;
- обмен студентами, учеными и специалистами для прохождения стажировок, чтения лекций и проведения консультаций;
- совместную подготовку и издание научных и практических публикаций учеными и специалистами.

Рассмотрим, какие задачи стоят в области разработки механизмов инновационно-технологического развития нашей страны (табл. 2).

Таблица 2

Перечень задач по созданию механизмов инновационно-технологического развития

1. Обеспечение участия России в глобальных технологических проектах	Приоритет государственной политики
2. Поддержка участия в международных программах и исследовательских сетях	Приоритет государственной политики
3. Развитие новых технологий посредством централизованных научных разработок	Аналитический центр при Правительстве РФ
4. Поддержка высокотехнологичного экспорта	По линии Минэкономразвития России
5. Дорожная карта проекта «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта	Минэкономразвития: Формирование среды, стимулирующей экспорт, институциональную среду
6. Финансовое обеспечение контрактов	По линии ГК «Внешэкономбанк» на финансовое обеспечение контрактов
7. Новые модели управления	Центр компетенций АНО «Агентство стратегических инициатив»
8. Использование распределенной научной инфраструктуры	Сотрудничество в сфере объектов инновационной и промышленной инфраструктуры
9. Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов	Центры компетенций при ГК «Ростех» и «Росатом»
10. Проведение исследований на переднем крае науки	Научно-производственные предприятия
12. Сетевое взаимодействие	Формирование информ. сетей

¹ Устинова Л.Н. Ключевые механизмы и инструменты развития инновационных кластеров // Кластеризация цифровой экономики: теория и практика: монография / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб. Политех-Пресс, 2020. – С. 694–723; Рудко Д.Ф. Основные показатели, тенденции и проблемы развития инновационной деятельности в странах Евразийского экономического союза. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pokazateli-tendentsii-i-problemy-razvitiya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-stranah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/viewer>; Рейтинг стран мира по уровню образования. Информация об исследовании. – <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>

Решение этих задач значительно активизирует инновационную деятельность в рамках международного сотрудничества¹.

На государственном уровне развитие международных научных связей является важной задачей, и акцент постепенно смещается в сторону поддержки прикладных и инновационных проектов, что важно для решения задачи модернизации экономики страны.

Выводы

Создание общих научно-технических центров для реализации новейших идей, совместные исследования и использование зарубежного опыта, консультации по вопросам научно-технической политики являются необходимыми условиями для международного научно-технологического сотрудничества. Развитие национальной инновационной системы, развитие и поддержка программ академического обмена способствуют интеграции в глобальную инновационную систему, обеспечению участия России в глобальных технологических проектах. Процесс формирования единой Евразийской инновационной системы должен ориентироваться на социально-предпринимательскую модель развития. Нужны новые формы взаимодействия и интеграции, при этом следует использовать как российский, так и зарубежный опыт. Приоритетами международного инновационно-технологического сотрудничества являются повышение национальной конкурентоспособности, инновационное и технологическое развитие регионов, активное использование инновационного потенциала.

¹ Устинова Л.Н. Ключевые механизмы и инструменты развития инновационных кластеров // Кластеризация цифровой экономики: теория и практика: монография / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб. Политех-Пресс, 2020. – С. 694–723.

Чепель С.В.¹

д.э.н. гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Минэкономразвития
республики Узбекистан, Ташкент
swchep@mail.ru

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ И УСИЛЕНИЕ ВКЛАДА «ЗЕЛЕННЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ КООПЕРАЦИИ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: климатические изменения, технологии двойного дивиденда, выбросы парниковых газов, ресурсоэффективность, социальное развитие.

Keywords: climate change, double dividend technologies, greenhouse gas emissions, resource efficiency, social development.

Неблагоприятные климатические изменения – главная угроза устойчивому развитию мировой экономике в XXI веке. Не случайно климатическая повестка стала одним из основных противоречий в международных экономических отношениях, включая последние выборы президента США. Уже сейчас существует убедительная доказательная база негативных последствий глобального потепления для мировой экономики, включая и страны Большой Евразии – таяние вечной мерзлоты в северных районах России, приводящее к масштабным техногенным катастрофам, наводнения и ураганы, лесные пожары в восточных регионах России, продолжительные засухи и маловодье в регионе Центральной Азии².

В настоящее время все большую поддержку получает инициатива по трансформации мирового хозяйства в низкоуглеродную экономику до 2050 года³. Однако переход к зеленой экономике требует значительных инвестиционных затрат. По оценкам разработчиков доклада ежегодное инвестирование в течение 2012–2050 гг. должно составлять не менее 1,3 трлн. долл. (около 2% мирового ВВП в 2010 году) в десять ключевых секторов. К ним относятся: сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, рыболовство, ЖКХ, энергетика, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов. В первые четыре сектора, развитие которых наиболее зависимо от наличия природных ресурсов, рекомендуется направить четверть инвестиций. Ожидается, что при реализации данного сценария будут достигнуты следующие *социально-экономические эффекты*:

- темп экономического роста должен превысить темп роста по схеме «обычного бизнеса (business as usual) уже через 7 лет, а со временем и быстрее;
- отношение выбросов парниковых газов (ПГ) к экологической емкости среды (так называемый экологический след или отпечаток), составляющее сегодня 1,5, снизится к 2050 г. до 1,2 (приблизившись к 1 – уровню, соответствующему устойчивому развитию), в то время как в сценарии обычного развития он может превысить 2. Это положительно отразится на здоровье людей;
- благодаря повышению ресурсоэффективности (как отдачи от «зеленых» инвестиций) потребность мировой экономики в энергии к 2050 году снизится на 40% по сравнению с инерционным «коричневым» сценарием развития. Данные средства можно использовать для повышения качества жизни населения.

Не ставя под сомнение необходимость и неизбежность перехода к зеленой экономике как условие выживаемости самого человечества, следует учитывать и возможные риски, связанные с таким переходом. Прежде всего, как отмечалось выше – это необходимость *значительных инвестиционных расходов*, требуемых для создания и широкого использования ресурсосберегающих зеленых технологий. Финансирование высокого уровня инвестиционной активности с неизбежностью ограничит рост доходов населения, особенно на начальных этапах перехода к зеленой экономике, что станет новым источником рисков для стран с высоким уровнем бедности, к числу которых относятся практически все страны на постсоветском пространстве. Так, академик РАН Борис Порфирьев отмечает⁴, «Налицо мощный перекоп в сторону борьбы с изменениями климата в ущерб ликвидации голода, преодолению бедности и неравенства (что крайне актуально для России), сохранению биоразнообразия и другим приоритетам».

Ниже приводятся результаты тестирования *гипотезы* о том, что *ускоренный процесс перехода к зеленой экономике* без учета уровня развития страны в рамках традиционных представлений о необходимой для этого технологиче-

¹ Сфера научных интересов: макроэкономическая диагностика, макроэкономическое прогнозирование, моделирование с акцентом на эконометрику и модели «Затраты-выпуск».

² См.: информационные бюллетени Росгидромета. – <http://www.meteorf.ru/about/smi/503/>

³ См.: доклад UNEP «Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication» 2011. – https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf

⁴ <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/news.asp?sec=1671&id=1115380>

ской политике применительно к развивающимся странам мира *может негативно отразиться на уровне социального развития этих стран.*

Анализ и обобщение существующей статистики Всемирного банка по выбросам¹ показал, что для развивающихся государств и стран с формирующимися рынками за последние 17 лет выбросы парниковых газов заметно сократились – с 0,83 кг/долл. ВВП (ц. 2010 г.) до 0,62 кг в 2016 г. При этом в ряде стран выбросы существенно превышают средние оценки. Так в 2000 г. средние выбросы по 15 государствам с наибольшими значениями этого показателя составили почти 1,94 кг. Половина из этих государств – страны СНГ (Узбекистан 5 кг, Украина 3,6 кг, Азербайджан 2,2 кг, Беларусь 1,9 кг, Казахстан 1,8 кг, Россия 1,6 кг, Киргизия 1,5 кг). Ситуация существенно не изменилась и в конце отчетного периода (2016 г.). Хотя средняя оценка по ТОП15 стран с наибольшими выбросами снизилась до 1,28 кг, в составе этой группы – те же страны СНГ, что возглавляли этот список в 2000 г. (Украина 1,6 кг, Киргизия 1,5 кг, Казахстан и Узбекистан 1,3 кг, Беларусь и Россия 1,0 кг).

Анализ траекторий изменения выбросов ПГ по совокупности развивающихся стран мира показал наличие *двух отличающихся друг от друга моделей.* В соответствии с первой из них, которая свойственна большинству стран СНГ, а также некоторым странам с формирующимися рынками (Болгария, Монголия, Шри-Ланка, группа А табл. 1 приложения), динамика выбросов имела высокие темпы сокращения этого индикатора в начале отчетного периода, с их резким сокращением (или даже увеличением выбросов) к концу отчетного периода (см. рис. 1).

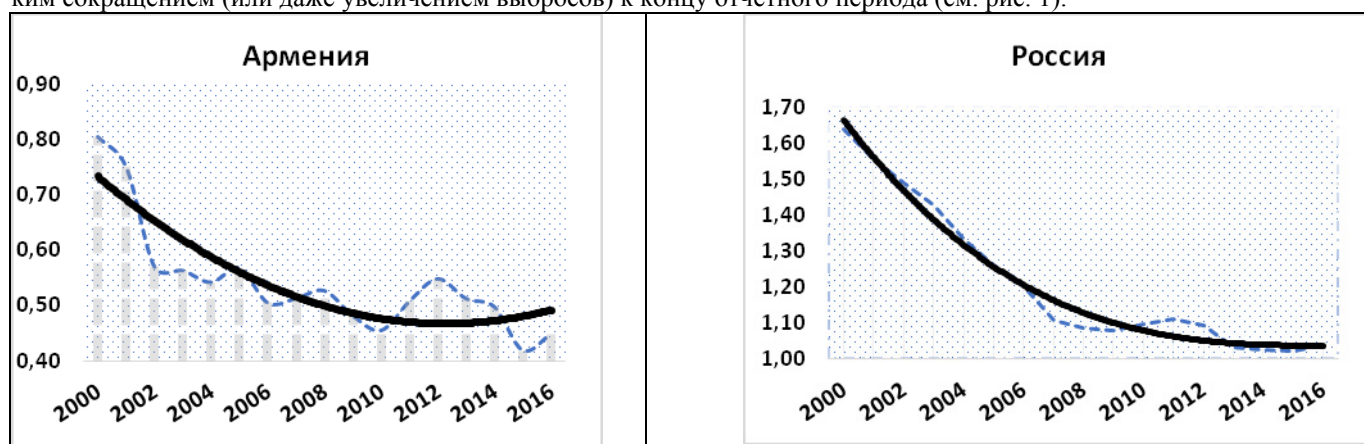

Рисунок 1.

Динамика выбросов CO₂ (кг. на долл. ВВП в ц. 2010 г.) характерная для стран СНГ и ряда стран с переходной экономикой (модель 1)

С другой стороны, в ряде других развивающихся стран мира (Китай, Малайзия, Коста-Рика, Мексика, Южная Африка и т.д. – см. группа Б табл. 1 приложения) динамика выбросов принципиально иная – низкие темпы сокращения (или рост) выбросов в начале отчетного периода, с их ускорением – к концу отчетного периода (см. рис. 2).

Достоинства второй модели очевидны. Учитывая высокую стоимость новых зеленых технологий и продукции, производимой на ее основе (например, высокую себестоимость электроэнергии на базе ВЭИ), а также сложившиеся тенденции к их сокращению, страны, которые не спешили с внедрением таких технологий сумели заметно повысить уровень своего развития, включая сокращение бедности и решение других социальных проблем, создали определенный научно-технологический задел в области ресурсо- и природосбережения и лишь затем перешли к активной, но избирательной политике низкоуглеродного развития.

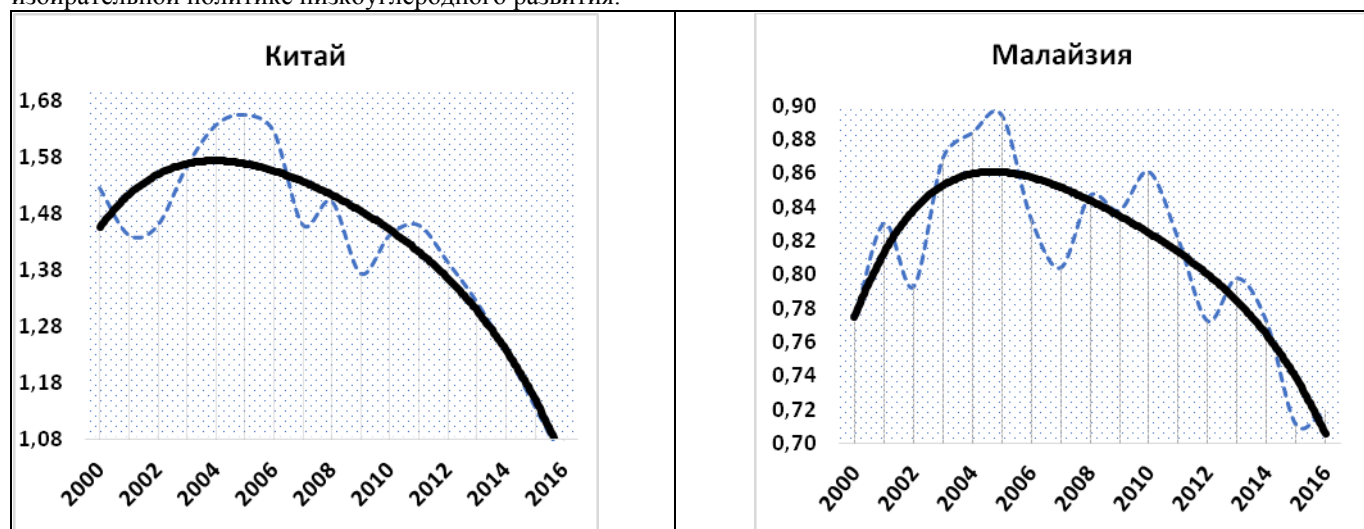

Рисунок 2.

Динамика выбросов CO₂ (кг. на долл. ВВП в ц. 2010 г.) характерная для ряда успешных развивающихся стран мира (модель 2)

¹ <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/Type/TABLE/preview/on#>

О негативном влиянии ускоренного процесса сокращения выбросов ПГ на решение социальных проблем для развивающихся стран и стран с формируемыми рынками свидетельствуют и результаты обобщения некоторых социально-ориентированных индикаторов по группам стран А и Б, динамика выбросов ПГ которых наиболее рельефно отражается в форме моделей 1 и 2.

Общеизвестно, что *обрабатывающая промышленность* обладает наибольшим потенциалом среди других отраслей и секторов экономики в создании устойчивой и достойной занятости. Доля отрасли в структуре экономики является одним из индикаторов диверсификации экономики и инклюзивности экономического роста¹. В последние годы сформировался общемировой тренд на снижение доли обрабатывающей экономики и рост сферы услуг. Как видно из результатов усреднения этого индикатора (табл. 2 приложения) как для первой, так и для второй группы стран доля обрабатывающей промышленности сократилась в отчетном периоде. Но если для стран первой группы (группа А или модель 1) доля сократилась на 3,7 п.п. (с 19,3 до 12,6%), то для второй (модель 2) заметно меньше (на 2,5 п.п.), что означает сохранение миллионов устойчивых рабочих мест в странах группы Б по сравнению со странами первой группы. Следует также отметить, что причиной быстрого сокращения выбросов ПГ для стран СНГ (первая группа) в начале отчетного периода во многом стал не переход к активной зеленой политике, а процессы деиндустриализации экономик этих государств, о чем, в частности, свидетельствует быстрое падение доли обрабатывающей промышленности в структуре экономики (в т.ч. в Армении на этапе быстрого сокращения выбросов в 2001–2006 годы на 6,6 п.п., на Украине на 2,5 п.п., в Таджикистане на 24 п.п.).

Если же использовать индикатор *доли расходов на образование* (в % к ВВП), то негативное влияние политики ускоренной декарбонизации экономики на уровень социального развития становится еще более очевидным. В первой группе изменение этого индикатора было незначительным (по одним странам небольшой рост, по другим – сокращение). Во второй же группе – заметный рост этого индикатора (на 1 п.п.) практически по всем странам с умеренными темпами декарбонизации экономики в начале отчетного периода.

Хотя более точные и аргументированные выводы и результаты относительно рассматриваемой гипотезы требуют применения методов эконометрического анализа, полученные результаты показывают *важность учета национальных интересов при переходе к модели низкоуглеродного развития*, включая проведение взвешенной климатической политики и создание национальной научно-технологической базы, требуемой для реализации такой политики.

Создание прорывных климатических социально-ориентированных технологий² является сложной, дорогостоящей и долгосрочной задачей, решение которой не по силам большинству стран нашего региона. Вместе с тем, она может стать амбициозным и объединяющим проектом для стран Большой Евразии. Учитывая вызовы, возникающие при реализации такого интеграционного межгосударственного проекта, его отдельные компоненты могут быть реализованы различными странами региона в рамках единой научно-технологической политики, с соответствующей общей координацией и финансированием. Например, центром развития новых технологий космического мониторинга окружающей среды, сохранения и преумножения лесного покрова и биоразнообразия могла бы стать Россия, центром новых водосберегающих технологий и засухоустойчивого сельского хозяйства – Узбекистан, технологий переработки отходов металлургии и снижения выбросов отрасли – Казахстан, а также другие страны, заинтересованные в решении климатической проблемы на основе технологий, способствующих и повышению уровня жизни основной массы населения этих стран.

Приложение

Таблица 1

Развивающиеся страны с различными траекториями динамики выбросов CO₂ за период с 2000 по 2016 годы

Страны	Под периоды с резко отличающимися темпами сокращения выбросов CO ₂ :		Сокращение (–) или рост (+) выбросов CO ₂ в среднем за под период (%)		
	начальный	завершающий	начальный	завершающий	В целом за отчетный (2000–2016 гг.) период
Группа А: страны с высокими на начальном этапе отчетного периода темпами сокращения выбросов CO₂ с последующим их резким снижением					
Армения	2001–2006	2007–2016	–7,0	–0,8	–3,2
Азербайджан	2001–2010	2011–2016	–11,8	+2,4	–6,5
Беларусь	2001–2012	2013–2016	–5,1	–1,0	–4,0
Болгария	2001–2009	2010–2016	–4,8	–1,9	–3,5
Чили	2001–2009	2010–2016	–2,4	–0,1	–1,4
Грузия	2001–2007	2009–2016	–4,3	+4,8	+0,2
Монголия	2001–2008	2009–2016	–1,0	+5,8	+2,4
Россия	2001–2008	2010–2016	–,5	–0,5	–2,8
Шри-Ланка	2001–2012	2014–2016	–2,4	+10,8	+0,1

¹ См., например, https://www.unece.org/fileadmin/DAM/SPECA/documents/ecf/2019/2019_SPECA_Economic_Forum_Background_Paper_Russian.pdf

² Так называемые технологии двойного дивиденда (технологии win-win), которые не только сокращают выбросы и загрязнение окружающей среды, но и создают новые рабочие места, повышают доходы населения, стимулируют развитие смежных отраслей (см. доклад АБР «Asian Development Outlook, 2018» How technology affects jobs).

Таджикистан	2001–2011	2012–2016	–6,3	+11,8	–0,7
Украина	2001–2008	2010–2016	–6,3	–2,5	–4,6
Средние по группе			–5,1	+2,6	–2,2
Группа Б: страны с низкими на начальном этапе отчетного периода темпами сокращения выбросов CO₂ с последующим их резким ростом					
Китай	2001–2011	2012–2016	–0,3	–6,6	–2,2
Коста-Рика	2001–2007	2008–2016	+0,9	–3,4	–1,5
Израиль	2001–2008	2009–2016	–1,1	–3,7	–2,4
Казахстан	2001–2008	2009–2016	–0,3	–3,0	–1,6
Малайзия	2001–2005	2006–2016	+3,1	–1,9	–0,3
Мексика	2001–2009	2010–2016	+1,0	–2,8	–0,7
Панама	2001–2010	2011–2016	–0,3	–4,2	–1,8
Сингапур	2001–2009	2010–2016	+3,6	–9,5	–2,2
Южная Африка	2001–2009	2010–2016	–0,1	–2,7	–1,2
Йемен	2001–2009	2010–2016	+2,0	–4,6	–0,8
Средние по группе			+0,9	–4,2	–1,5

Источник: результаты обработки данных Всемирного банка по выбросам CO₂

Таблица 2

Сопоставительные характеристики двух групп стран с различными траекториями динамики выбросов CO₂ по критерию изменения доли обрабатывающей промышленности в ВВП и в расходах на здравоохранение

Страны	Доля обрабатывающей промышленности (в % к ВВП)				Доля расходов на здравоохранение (государственных и частных в % к ВВП)			
	2000	конец нач-го пер-да	Изменение (в пп)	конец отч-го пер-да	2000	на конец нач-го пер-да	Изменение (в пп)	конец отч-го пер-да
Группа А: страны с высокими на начальном этапе отчетного периода темпами сокращения выбросов CO₂ с последующим их резким снижением								
Армения	18,5	11,9	–6,6	10,3	6,3	4,2	–2,1	4,5
Азербайджан	5,3	4,8	–0,5	4,9	4,7	5,7	+0,6	6,0
Беларусь	27,0	24,8	–2,2	20,2	6,1	5,0	–1,1	5,7
Болгария	12,1	12,8	+0,7	14,5	6,2	7,2	+1,0	8,4
Чили	16,9	11,2	–5,7	11,0	7,7	7,7	0	7,8
Грузия	12,2	10,4	–1,8	10,4	6,9	8,2	+1,3	7,4
Монголия	6,7	6,6	–0,1	7,3	4,7	5,8	+1,1	4,7
Россия	15,2	14,9	–0,3	12,0	5,4	5,1	–0,3	7,1
Шри-Ланка	15,1	18,0	+2,9	16,4	3,7	3,2	–0,5	3,5
Таджикистан	33,7	9,7	–24,0	9,7	4,6	5,8	+1,2	6,9
Украина	16,3	13,8	–2,5	12,2	5,6	6,6	+1,0	7,1
Средние по группе	16,3	12,6	–3,7	11,7	5,6	5,8	+0,2	6,3
Группа Б: страны с низкими на начальном этапе отчетного периода темпами сокращения выбросов CO₂ с последующим их резким ростом								
Китай	31,8	32,1	+0,3	29,0	4,6	5,2	+0,6	5,5
Коста-Рика	18,4	14,0	–4,4	11,4	7,1	8,4	+1,3	9,3
Израиль	16,8	15,3	–1,5	12,5	7,5	7,7	+0,2	7,8
Малайзия	30,9	27,5	–3,4	22,2	3,1	3,6	+0,5	4,2
Мексика	19,0	15,1	–3,9	17,0	5,1	6,4	+1,3	6,3
Панама	11,3	7,3	–4,0	6,2	7,8	8,8	+1,0	8,0
Сингапур	25,9	20,3	–5,6	17,6	2,8	5,1	+2,3	4,9
Южная Африка	17,5	13,6	–3,9	12,0	8,3	8,7	+0,4	8,8
Йемен	5,7	9,4	+3,7	6,9	4,5	6,0	+1,5	5,6
Средние по группе	19,7	17,2	–2,5	15,0	5,6	6,6	+1,0	6,7

Источник: результаты обработки данных Всемирного банка по выбросам CO₂

Шугуров М.В.

д. филос. наук, доцент, профессор Саратовской государственной юридической академии
shugurovs@mail.ru

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА¹

Ключевые слова: научно-технологическая интеграция, Индустрия 4.0, право ЕАЭС, стратегии, цифровые трансформации, согласованная политика.

Keywords: integration in science and technology, Industry 4.0, law of the EAEU, strategies, digital transformation, co-ordinated policies.

Четвертая промышленная революция, предполагающая использование новых достижений современного научно-технического прогресса для технологического перевооружения производственной сферы, открывает новые перспективы интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций (далее – НТИ) на уровне региональных объединений государств. Как отмечает И.Е. Матвеев, «необходимость расширения научно-технического сотрудничества обусловлена не только императивом интеграции, но также непрерывным ускорением НТП, превращением интеллектуального ресурса в важный фактор трансформации индустриального мира»². В этих условиях не только перед отдельными государствами, но и перед их интеграционными объединениями возникает круг проблем, связанных с дальнейшим развитием научно-технологического и инновационного сотрудничества, а также по переводу интеграции в формат, позволяющий активно реагировать на новые технологические тренды.

Из-за разных стартовых позиций, степени готовности и потенциала перехода к новым организационным формам региональной интеграции и приоритетной разработки ее новых тематических направлений в сфере технологий и инноваций актуализируется проблематика стратегического регулирования региональной научно-технологической интеграции. Стратегии являются более общими документами, в которых определяются цели и ориентиры, указываются приоритеты и направления сотрудничества, а также определяются механизмы и способы их осуществления, т.е. задаются собственно рамки действий в среднесрочной и краткосрочной перспективе. Стратегическое регулирование следует понимать как воздействие, побуждающее двигаться в строго заданном направлении, разумеется, в пространстве права и посредством правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе такого движения.

Ни программное, ни тем более стратегическое регулирование ни в коем случае не следует воспринимать в качестве альтернативы правовому регулированию. Напротив, данные разновидности регулирования находятся в отношении взаимного дополнения: стратегическое регулирование, имеющее политико-правовой характер, оказывает самое непосредственное влияние на определение целей правового регулирования, а также задает импульс движения к новым рубежам посредством планирования развития правового регулирования. Поэтому акцентируемое нами внимание к стратегическому регулированию изначально находится в контексте обсуждения развития права ЕАЭС в данной сфере интеграционного взаимодействия³. Документы стратегического характера определяют данные векторы в общем содержательном плане, более всего непосредственно воздействуя на правовую политику. Одновременно надо заметить, что сами стратегии, впрочем, как и программы и концепции, имеют правовые основы. В Стратегии развития интегрированной информационной системы ЕАЭС на период до 2025 г.⁴, отмечается, что Стратегия, определяющая стратегические приоритеты и направления развития интегрированной системы Союза, механизмы и способы их реализации, разработана в соответствии с международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также соответствует мировому опыту и существующим практикам.

Как можно видеть, в ЕАЭС в настоящее время отсутствует согласованная общая стратегия в рассматриваемой сфере регионального взаимодействия как, впрочем, отсутствуют и отраслевые научно-технологические стратегии. По этой причине принятие общей стратегии является вполне обоснованным, особенно с учетом современных технологических трансформаций. В силу специфики отраслевого научно-технологического и инновационного сотрудничества, которое имеет место в ЕАЭС, вполне обоснованной представляется разработка соответствующих отраслевых стратегий.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

² Матвеев И.Е. Научно-техническая сфера и основные направления подготовки кадров стран ЕАЭС. – <http://matveev-igor.ru/articles/425818>

³ См., например, Салиева Р.Н. Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза // Вестник экономики, права и социологии. 2019. – № 3. – С. 144-147.

⁴ Стратегия развития интегрированной информационной системы ЕАЭС на период до 2025 г. (утв. Решением Совета ЕЭК от 22 августа 2017 г. № 100). – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415724/cncd_26122017_100

В ситуации нахождения ЕАЭС на пороге разработки и принятия указанных стратегий весьма востребованными оказываются их методологические основы, в том числе имеющий концептуальный характер (мета)стратегический подход к стратегическому регулированию. Понимание важности такого (мета)стратегического подхода сегодня характерно для субъектов научно-технологического и инновационного взаимодействия в рамках Союза, экспертных кругов и, конечно же, для государств-членов и институциональных органов Союза. Однако признание его важности пока еще не привело к выработке соответствующих документов.

Как таковые стратегические ориентиры, цели и приоритеты в сфере НТИ могут быть выражены в общем стратегическом документе, а также в стратегических документах, относящихся к тем или иным сферам интеграционного взаимодействия. Исходя из сказанного можно констатировать, что первая форма закрепления стратегических ориентиров в сфере интеграционного взаимодействия в сфере НТИ не получила своего распространения в ЕАЭС, тогда как форма диффузного их закрепления все же имеет место. В итоге стратегия в сфере научно-технологической интеграции представлена совокупностью положений, которые рассредоточены в стратегических документах, посвященных вопросам интеграции в экономической сфере. Представляется, что диффузная форма закрепления стратегических инициатив и стратегического планирования снижает эффективность стратегического регулирования, хотя одновременно создает важную исходную основу для его последующего оформления.

В ЕАЭС принят блок документов, которые можно назвать стратегиями. В официальных документах, имеющих стратегический характер, присутствует освещение целого ряда вопросов, относящихся к перспективам научно-технологического сотрудничества и его развития в интеграционном формате. Во многом это можно объяснить тем, что научно-технологическое сотрудничество и интеграция рассматриваются в качестве вспомогательного направления, развитию которого уделяется повышенное внимание.

Сосредотачиваясь на проблематике формы выражения и закрепления имеющегося на сегодняшний день стратегического регулирования, пусть и фрагментарного, обратим внимание на то, что оно нашло свое отражение в договорах и актах, входящих в право Союза. В этом случае мы можем видеть определенное совмещение стратегического и правового регулирования. Так, в Договоре о ЕАЭС можно видеть закрепление стратегической установки на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4 «Основные цели Союза»)¹, что предполагает развертывание в процессе экономической интеграции усилий по технологической модернизации производственных процессов на совместной основе. Именно эта установка находится в основе разнообразных положений о научно-технологической кооперации и интеграции, которые закреплены в ряде тематических разделов Договора.

Особенностью стратегического регулирования является его концептуальная обоснованность и разумеющийся охват широкого круга взаимосвязанных вопросов. Здесь мы имеем в виду необходимость опоры разрабатываемых стратегем, во-первых, на сформулированные представителями научных и экспертно-аналитических кругов выводы относительно общей картины технологических мегатрендов, особенно в условиях Четвертой промышленной революции, а также механизмах кооперации, которые должны им соответствовать². Высокая степень эвристичности характерна для концептуальных разработок механизмов координации и управления научно-технологическим развитием государств-членов в рамках прогнозных конфигураций технологических укладов³.

Во-вторых, образ «должного» формируется в стратегиях с учетом «сущего», что предполагает общую оценку состояния дел в развитии научно-технологических комплексов государств-членов. Именно подобного рода обобщения, в которых сегодня нет недостатка⁴, являются основой для моделирования мер, инициатив и алгоритмов действий, необходимых для ответа на вызовы современного НТП и связанные с ними новые содержательные, а также организационные особенности современной экономики. В дополнении к этому стратегическая нацеленность на выявление и последующее устранение препятствий наряду с развитием соответствующей нормативной среды и инфраструктуры – ось интеграционного взаимодействия, движущегося в плоскости фазового перехода.

Следует также учитывать то обстоятельство, что начало функционирования ЕАЭС в основном совпало с переходом к Индустрии-4.0 и с цифровыми трансформациями. Данный ландшафт развития научно-технологической интеграции государств-членов Союза в той или иной степени был своевременно учтен в документах стратегического характера, а также в документах концептуального характера. В последнем случае примером может послужить Концепция создания инжинирингового центра⁵. В ней содержится анализ трендов Четвертой промышленной революции и предлагаются организационно-инфраструктурные инициативы для ответа на них в области станкостроительной отрасли.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

² Логинов Е.Л., Шкута А.А., Логинов В.Е., Сорокин Д.Д. Формирование системных механизмов научно-технической кооперации в рамках ЕАЭС с учетом стратегических трендов Четвертой промышленной революции // Вестник экономической безопасности. 2017. – № 3. – С. 205–211.

³ Логинов Е.Л., Борталевич С.И. и др. Стратегическая интеграция в научно-технической сфере Евразийского экономического союза // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 139–150.

⁴ См., например, Рутко Д.Ф. Основные показатели, тенденции и проблемы развития инновационной деятельности в странах Евразийского экономического союза // Экономический вестник университета. 2019. – Вып. 42. – С. 70–79; Константинова Е.А. Развитие инновационного потенциала стран евразийского пространства // Проблемы современной экономики. 2018. – № 4. – С. 10–11.

⁵ Концепция создания Евразийского инжинирингового центра (утв. Решением Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г.). – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/DocLib/Концепция%20инжинирингового%20центра.pdf

Ключевым документом стратегического планирования на сегодняшний день остаются Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.¹, положения которых становятся предметом проведения мониторинговой деятельности². Основные направления имеют рекомендательный характер и определяют перспективные векторы социально-экономического развития государств-членов. Движение в выбранном направлении основано на использовании интеграционного потенциала Союза и конкурентных преимуществ его членов. Следовательно, перспективные направления развития требуют раскрытия и усиления интеграционного потенциала и потенциала конкурентоспособности. Подтверждением ранее высказанного нами тезиса о связи стратегических документов с программами в разделе 1 «Общие положения» является связь Основных направлений с программными документами, предусмотренными Договором о Союзе. В рассматриваемом документе дается ясно понять, что технологическое развитие в современном мире предстает одновременно и как источник новых рисков, и как фактор, создающий новые возможности экономического развития. В этих условиях из сформулированного представления об исчерпании ряда существующих конкурентных преимуществ государств – членов и необходимости формирования новых преимуществ можно умозаключить, что последние связаны с продуктивным использованием технологического фактора.

Несмотря на то, что Основные направления экономического развития ЕАЭС направлены на решение таких задач, как определение цели и задачи экономического развития ЕАЭС, само формирование возможных сценариев его экономического развития, определение критериев выбора сфер экономики (отраслей, секторов), обладающих наибольшим потенциалом развития и т.д., в документе немалое место отводится стратегическому целеполаганию и планированию, мониторингу и прогнозированию направлений развития научно-технологической интеграции государств-членов.

Здесь предусматривается реализация сценария «Собственного центра силы», предполагающего превращение Союза в центр притяжения инноваций, инвестиций, высококвалифицированных кадров, высокотехнологичного производства. В этом случае смысл интеграции – в создании наиболее благоприятных условий для модернизации экономик государств-членов при сохранении имеющихся и возникновении новых конкурентных преимуществ на основе открытия и использования новых ресурсов для обеспечения экономического роста. К общему ресурсу относится интеграционный потенциал, а к специальному – знания и технологии. Специальное внимание этим ресурсным факторам отведено в подразделе «Инновационное развитие и модернизация экономики». Здесь отмечается, с одной стороны, положительная динамика показателей инновационного развития государств-членов, наличие конкурентного научно-производственного потенциала в ряде отраслей, а с другой – недостаточно высокие темпы инновационных преобразований и, как следствие, низкие показатели доли высокотехнологичного экспорта. Далее, что весьма важно, инновационная и технологическая модернизация экономики признается в качестве направления сотрудничества. В достаточно недвусмысленной форме в качестве цели данного рода сотрудничества выделяется содействие ускорению реализации национальных планов (программ, стратегий, концепций) в отношении создания условий для инновационных структурных сдвигов, включая модернизацию экономики и обеспечивающую ее коммерциализацию научных разработок.

Нетрудно видеть, что рассмотренное целеполагание сформулировано в весьма общих, подчас абстрактных фразах: конкретика отсутствует. Поэтому все это следует воспринимать скорее всего в качестве рамок общего стратегического направления, в котором не проглядывается намерение по координации национальных планов, тогда как без этого немало значительного момента говорить об интеграции не представляется возможным. Столь же абстрактным и вполне аксиоматичным является тезис о том, что реализация рассматриваемого направления предполагает создание необходимых правовых, институциональных и финансовых условий. Конечно, весьма правильно упомянуто, что интеграционные меры и действия будут способствовать вовлечению государств-членов в становление нового ТУ, в совместные разработки и коммерциализацию инновационных технологий, совместное использование на взаимовыгодной основе научно-технологического потенциала государств-членов, что может сопровождаться экономией бюджетных средств. Однако содержание интеграционных мер не раскрывается. Как бы то ни было, вполне заметен «смешанный» характер намеченного направления взаимодействия, ибо на совместной основе не только планируется разработка и коммерциализация перспективных технологий, но и трансфер технологий из зарубежных стран для совместного использования на пространстве ЕАЭС. На наш взгляд, это говорит о реалистичности моделируемых рамок выделенного направления сотрудничества.

Рассматриваемый документ не только задает общие векторы сотрудничества в сфере НТИ, но и предлагает механизмы его реализации. В качестве недостатка можно отметить то, что приводится общий перечень механизмов, которые не привязаны к тем или иным направлениям. Однако каждое направление нуждается в указании на свойственные именно им механизмы реализации. Несмотря на высказанное нами замечание, общие механизмы (обеспечение свободы движения товаров, услуг и капитала; проведение скоординированной/согласованной политики) будут выступать в качестве основы для разработки специальных механизмов. Предусматривается, что действие механизмов реализации будет осуществляться на основе комплекса мероприятий, которые, правда, не указываются. И, наконец, в анализируемом документе предусматривается возможность выбора опережающего сценария развития на основе не только ускоренного создания, но и привлечения новых технологий (формирование «отраслей будущего»).

Важные положения с точки зрения интересующего нас предмета имеет такой стратегический документ для реального сектора экономики ЕАЭС, как Основные направления развития промышленного сотрудничества в рамках

¹ Основные направления развития Евразийского экономического союза до 2030 г. (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 8). – <http://www.eurasiancommission.org>

² ЕЭК. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/default.aspx

ЕАЭС на период до 2020 г.¹, которые вполне обоснованно можно рассматривать как отраслевую стратегию, которая содержит стратегемы научно-технологической интеграции в промышленной сфере. Особенностью данного документа является четкая проработанность инструментов механизмов научно-технологической интеграции. В качестве последних выступают те или иные инфраструктурные объекты, например, Евразийские технологические платформы, Сеть трансфера технологий и др.

Разрабатываемый новый вариант Основных направлений на последующие пять лет (2021–2025)², предполагающий практическую реализацию интеграционных стратегических ориентиров в реальном секторе экономики, предусматривает создание системы технологического прогнозирования, евразийских центров компетенций, проведение перспективных научно-исследовательских работ, обмен опытом и знаниями, углубление сотрудничества в рамках объектов индустриально-инновационной инфраструктуры.

Эволюция стратегического подхода заметна в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС³. Вполне обоснованно утверждать, что этот документ является инструментом стратегического характера. Так как содержание Раздела 2 «Формирование «территории инноваций» и технологических прорывов уже подверглось всестороннему анализу⁴, то в данной статье лишь отметим, что положения Декларации являются основой для Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., проходящей сегодня стадию всестороннего согласования. Преемственность между проектом Стратегических направлений и Декларацией состоит в выделении в проекте специальной главы, посвященной стимулированию научно-технического прогресса⁵.

Следует более подробно остановиться на характеристике роли Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции. Данного рода документ разрабатывается в ЕАЭС впервые. Его отличает комплексный характер. Отсюда столь длительный по времени процесс согласования ее положений, а также серьезная проработка методологии ее разработки. Это связано с тем, что стратегическое регулирование будет эффективным только в том случае, если оно строится на согласовании основных параметров стратегического планирования, характерного для каждого из государств-членов.

Приведенные документы представляют собой стратегии общего плана, которые вполне могут быть дополнены Стратегией инновационного развития ЕАЭС, которая в содержательном аспекте сочетается с возможной программой инновационного развития ЕАЭС, к работе над которой приступила Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК)⁶. Актуальность отмеченной стратегии вполне понятна, так как основой научно-технологической интеграции и вкуче с ней интеграции экономической является парадигмы инновационного развития экономики, которая сегодня в полную меру должна учитывать реалии приоритета инноваций, основанных на цифровых технологиях.

Как показал прошедший 28 октября 2020 г. Деловой форум ЕАЭС «Интеграция: стратегия опережающего развития», ЕАЭС выбирает стратегию опережающего развития, что предполагает акцент на сценарии опережающего инновационно-технологического развития. Об этом также свидетельствует выступление на Форуме представителей ЕЭК, а именно С. Глазьева⁷. В целом, как сам Форум, так и представленный на нем доклад ЕЭК «Место ЕАЭС в мире стратегических изменений» показывает востребованность в формировании и реализации стратегического подхода к евразийской интеграции, в том числе в сфере НТИ⁸. Так, в докладе ЕЭК демонстрируется, что проекты в области новейшего технологического уклада и инфраструктуры могут дать рост в 25–35% в год.

В ситуации цифровых преобразований возникает вопрос о структурных трансформациях в самом научно-технологическом сотрудничестве и использовании всех имеющихся здесь возможностей. Отсюда в содержательном плане весьма перспективным является состыковка стратегии научно-технологической интеграции с реализуемой на проектной основе Цифровой повестки в части цифрового преобразования механизмов сотрудничества. В этой перспективе большинство проектов по научно-технологическому сотрудничеству в производственном секторе, безусловно, также будет иметь солидную цифровую составляющую, что позволит ускорить интеграцию в сфере НТИ и усилить ее потенциал. Все это говорит в пользу цифровой «заточенности» современного стратегического подхода к научно-технологической интеграции ЕАЭС. Впрочем, реализующийся сегодня проект по формированию Интегрированной

¹ Основные направления развития промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС на период до 2020 г. (утв. Решением евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9). – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Documents/Решение%20МПС%20N%209.pdf

² ЕЭК разрабатывает Основные направления промышленного сотрудничества (09.07.2020). – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09-07-2020-1.aspx>

³ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза 2018 г. (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). – <https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420213/>

⁴ Шугурова И.В., Шугуров М.В. ЕАЭС как «территория инноваций»: правовой форсайт трендов региональной научно-технологической интеграции // Перспективы развития институтов права и государства. Сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Горохов. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 413–423.

⁵ Совет ЕЭК согласовал еще 28 пунктов проекта Стратегии-2025 (01.10.2020). – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-10-2020-3.aspx>

⁶ У ЕАЭС будет своя долгосрочная стратегическая программа инновационного развития (14.06.2019). – <https://eurasianstudies.org/archives/12372>

⁷ В Москве прошел деловой форум ЕАЭС (9.11.2020). – <http://nbj.ru/others/sobytie-nedeli/2020/11/09/v-moskve-proshel-delovoi-forum-eaes-integratsiya-strategiya-operezhaushego-razvitiya/>

⁸ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. – М.: ЕЭК, 2020.

информационной системы Союза, представляющей собой геораспределенную информационную систему, обеспечивающую информационное взаимодействие стран Союза, также можно назвать проектом с высокой долей технологической составляющей.

Несмотря на признание важности стратегического регулирования, на сегодняшний день его объем достаточно ограничен и вряд ли может привести по ряду направлений к существенному углублению интеграции. Напомним, что в ЕАЭС есть как сторонники, так и противники углубления интеграции по направлениям, которые являются либо вспомогательными, либо новыми. В свое время из-за позиции Казахстана в Договор о Союзе не были включены положения проекта данного документа, предусматривавшие интеграцию в сфере науки, образования, космоса. Это стало результатом казахстанского видения проекта и идеи ЕАЭС, которые сводились исключительно к экономическому образу Союза. Здесь, конечно, есть определенная логика, заключающаяся в том, что расширение интеграционных направлений может привести к расширению объема полномочий ЕЭК, что войдет в противоречие с институционально-правовым принципом проекта Союза, а именно его построением как партнерства суверенных государств, предполагающего доминирование международно-правового, а не наднационально-правового начала.

Однако в таком подходе к сценарию Союза есть и минусы: расширение и углубление экономической интеграции, нацеленной на получение максимального эффекта, во многом зависит от темпов и глубины интеграции в научно-технологической и образовательных сферах. В подтверждение данного тезиса следует привести экспертное мнение о том, что «не все экономические вопросы можно решить в чисто экономическом ключе. Мы оставили экономику одну в чистом поле, без подключения новых инструментов интеграции она будет буксовать»¹. Аналогичной позиции придерживается и С. Глазьев. Он отмечает, что в ЕАЭС выработаны стратегические направления интеграции, которые не вызывают сомнения. Судя по содержанию его статьи, научно-технологическая сфера вполне относится к данной категории направлений. Далее он отмечает, что «нет неэкономических направлений, связанных с новыми потенциальными сферами интеграции. Нет такого ключевого направления, как формирование общих идеологических основ евразийской интеграции, вытекающих из многовекового опыта совместного исторического творчества народов ЕАЭС»². Таким образом здесь указывается на необходимость объемного характера интеграционной повестки как таковой, не сводимой, разумеется, к экономике.

В связи с отмеченными концептуальными моментами вопросы стратегического регулирования научно-технологической интеграции приобретают политическую окраску, заключающуюся в определении стратегического развития самого проекта Союза и объема его интеграционной повестки. От этого во многом будет зависеть конфигурация стратегии научно-технологической интеграции. Со временем, без корректировки самой модели возможно торможение, либо нарастание актуальных направлений, серьезная интеграция по которым отсутствует. Такая модель является инерционной. Для нее также характерна консервация имеющегося интеграционного проекта, которая, тем не менее, характеризуется наращиванием интеграции в экономической сфере, вбирающей в себя иные направления, которые, как представляется, обладают потенциалом самостоятельности. В этом случае сфера НТИ предстает не как самостоятельное интеграционное направление, а как самостоятельное интеграционное поднаправление. Таким образом развитие имеет место, но вряд ли такой сценарий отвечает на вызовы чрезвычайно динамичного мира. Недостаток отмеченного стратегического сценария заключается в том, что он, конечно, может устранить некоторые недостатки в функционировании ЕАЭС, такие как недостаточное эффективное выполнение государствами-членами положений Договора, случаи несвоевременного выполнения решений институциональных органов и т.д. Однако все это не означает существенной корректировки самого «сценария» интеграции, а именно ее принятой стратегии.

В этой связи в экспертной среде, да и в самой ЕЭК поднимаются вопросы по корректировке проекта Союза в направлении наделяния ЕЭК большим кругом полномочий в результате делегирования государствами ЕАЭС данных полномочий. Одновременно это должно сопровождаться действенными мерами по гармонизации национальных законодательств как основы проведения согласованной политики по направлениям интеграции³, а также повышением уровня дисциплины государств-членов в отношении исполнения решений институциональных органов, не говоря уже о выполнении обязательств по договорам, входящих в право ЕАЭС. Без всего этого достаточно трудно и практически невозможно, особенно в условиях динамичных процессов цифровых трансформаций и Четвертой промышленной революции, осуществлять быстрое реагирование на технологические изменения и наращивать глобальную конкурентоспособность на мировых рынках высокотехнологической продукции, а также самих технологий и прав на них.

Таким образом, сама турбулентность современных мировых процессов, как это прекрасно обосновывается в научной литературе, является, с одной стороны, вызовом интеграционным процессам в ЕАЭС, а с другой – фактором развития интеграционных процессов⁴. С учетом серьезных технологических сдвигов, определяющих изменение содержания и структуры экономических процессов, стратегическое планирование, имеющее рекомендательный характер, должно войти в качестве элемента в стратегическое регулирование, являющегося целеполаганием, которое имеет обязательный характер и непосредственно оказывает воздействие на цели собственного правового регулирования, а также на инструменты и механизмы, с помощью которых последнее осуществляется.

¹ Демченко В. Стратегию развития евразийской интеграции обсудили по горячим следам (21.05.2020). – <http://postkomsg.com/activities/events/225005/>

² Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. – № 1. – С. 11.

³ Кофнер Ю. Стратегия будущего ЕАЭС (10 июня 2020). – <https://xn----8sbeibfw3aojl2n.xn--p1ai/expert/strategiya-budu-shchego-caes/>

⁴ Евразийская интеграция в турбулентном мире / Под ред. Л.Б. Вардомского. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 75–96, 123–146.

Рассматривая вопросы содержания и предназначения стратегического регулирования, не стоит забывать о вопросе о том, «как оно возможно?». Ответ на этот вопрос находится в русле проведения политики по согласованию национальных стратегий научно-технологического развития. Вне такого согласования любое стратегическое планирование на уровне Союза рискует остаться эскизом, который далее не перерастет в регуляторный политико-правовой инструмент. Отсюда перспективы успешной научно-технологической интеграции опосредуются результатами политики по согласованию национальных стратегий. Думается, что данный процесс должен быть институционализирован и проводиться на площадке Консультативного комитета по науке, технологиям и инновациям, который, кстати говоря, еще только предстоит создать. В свою очередь согласование стратегий – это краеугольный камень проведения согласованной политики, движимой общими стратегическими ориентирами, которые учитывают комплексный характер сохраняющихся и вновь возникающих проблемных вопросов.

Как мы уже отмечали в начале статьи, в настоящее время весьма важным представляется сам подход к стратегическому регулированию. С точки зрения выделяемых методологических подходов к фундаментальным характеристикам разрабатываемой Стратегии развития Евразийского экономического союза до 2025 г., важно понимать ее регулятивно-ориентирующий потенциал. Как отмечает Ю.Ю. Чалая, в государствах ЕАЭС модели экономического развития различны, что затрудняет подготовку документа, который нацеливал бы на совместное социально-экономическое развитие. Поэтому цель разработки Стратегии ЕАЭС – это «определение направлений развития ЕАЭС, реализация которых будет содействовать решению национальных задач и формированию дополнительных источников развития государств-членов ЕАЭС за счет реализации интеграционного потенциала»¹. Таким образом функциональное предназначение Стратегии заключается в том, чтобы обозначить перспективу сближения стратегических направлений развития государств-членов.

С нашей точки зрения, такой (мета)стратегический подход, отличающийся осторожностью, конечно же, адекватен тому, что есть. Но это роднит его с такой моделью интеграции, как «статус кво». Конечно, вполне правильно говорить о том, что в поле внимания Стратегии – реализация объективных возможностей совместного использования ресурсов государств-членов в тех сферах экономики, которые обладают интеграционным потенциалом, к которому относится сфера НТИ. Однако в этом случае стратегия является «аттрактором» координации усилий, но не источником общей политики. В последнем случае стратегия характеризуется наднациональностью, т.е. является комплексом целей и задач, с которыми должны согласовываться национальные стратегии. Для ЕАЭС такой сценарий маловероятен. Кстати говоря, Ю.Ю. Чалая подтверждает, что одним из принципов формирования Стратегии развития ЕАЭС является гармонизация с уже принятыми национальными стратегическими документами, из чего следует, что пересмотра принятых национальных нормативных правовых актов в сфере стратегического целеполагания не потребуются. Но в этом случае, возникает вопрос о том, как посредством рекомендательной стратегии добиться эффекта, который обеспечит прорывное развитие научно-технологического сектора в условиях Четвертой промышленной революции, предполагающего ориентацию на высокую степень интеграции и создания «Собственного центра силы».

Важной мерой, позволяющей достойным образом ответить на вызовы глобальной цифровой трансформации и обеспечить повышение конкурентоспособности ЕАЭС, является формирование союзной стратегии научно-технологической интеграции и развития. Разумеется, само наличие стратегии не является достаточным условием для реализации сценария опережающего развития, но оно имеет характер необходимого драйвера. Возможная стратегия научно-технологической интеграции в качестве самостоятельного инструмента политико-правового регулирования не может не обладать, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, характером «мягкого» и «деликатного» регулятора, осуществляющего ориентирующее, а не формирующее воздействие.

Одновременно зададимся вопросом о том, представляет ли собой планируемая к созданию в рамках ЕАЭС «территория инноваций» и научно-технологических прорывов полную технологическую самодостаточность. Общей стратегической установкой является опережающее развитие новых отраслей, соответствующих новому укладу, при одновременном развитии и обновлении технологической базы традиционных отраслей, отказаться от которых невозможно. Как отмечается руководством ЕЭК, избегание нарастающего технологического отставания и вхождения в русло 6 ТУ одновременно предполагает сохранение традиционных сфер экономической активности. В связи с этим «необходим переход к системной политике развития экономики ЕАЭС, которая должна строиться как смешанная стратегия опережающего роста, динамического наверстывания в сферах с незначительным технологическим отставанием и догоняющего развития в безнадежно отставших отраслях»².

В упомянутом выше докладе ЕЭК за 2020 г. аналогичным образом предлагается смешанная стратегия научно-технологического развития и интеграции. Здесь отмечается, что она предусматривает «опережающее становление базисных производств нового технологического уклада. Необходимо также стимулирование инновационной активности в целях динамического наверстывания отставания в тех производствах, где наблюдается незначительное отставание от передового в мире уровня. И, наконец, в безнадежно отставших отраслях необходима реализация стратегии догоняющего развития с опорой на импорт технологий»³.

¹ Чалая Ю.Ю. Тезисы доклада на тему «Сценарии и основные направления экономического развития государств-членов ЕАЭС в рамках интеграционного сотрудничества» // Методологические подходы к разработке Стратегии развития Евразийского экономического союза. С. 1. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents.pdf

² Мясникович М., Глазьев С. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС // Наука и инновации. 2020. – № 7. – С. 8–9.

³ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. – М.: ЕЭК, 2020. – С. 35.

Отсюда следует, что стратегическое значение имеет не только интеграция усилий по ускоренной разработке технологий, которые являются базой для «отраслей будущего», но и реализация направлений, связанных с технологическим перевооружением уже функционирующих отраслей и секторов экономики. Все это означает признание смешанного характера стратегии научно-технологической интеграции, охватывающей широкую сферу отраслей экономики. Ярким свидетельством такого подхода является перечень технологий, приводимый М. Мясниковичем и С. Глазьевым, который характеризуется ими как перечень приоритетных направлений технико-экономического развития¹. В целом разработка и внедрение данных технологий находится в сфере функционирования Евразийских экономических платформ.

В заключение следует признать не только концептуальную, но и практическую весомость подхода, высказанного ЕЭК в ее докладе за 2020 г., согласно которому сценарий «Собственный центр силы», предполагает взаимосвязанное развитие стратегического планирования и стратегического прогнозирования. Причем эти подсистемы должны быть построены на современной научно-методической базе. Действительно, это позволит более точно учитывать глобальные тренды и вызовы. Методическая база предполагает повышение уровня социогуманитарных исследований, которые могут стать пространством научного сотрудничества. Не будем забывать и о необходимости развития технологий анализа больших данных, являющихся не только основой современной экономики данных, но и основой научных исследований в области экономики и наукометрии. В результате динамичное развитие стратегического планирования и прогнозирования при их дополненности развитием правового регулирования, впитывающего в себя стратегические цели, приведет к возникновению полноценного стратегического регулирования научно-технологической интеграции в ЕАЭС.

¹ Мясникович М., Глазьев С. Указ. соч., с. 10.

Якубова Э.Т.

гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, регионы, интеграционные связи, сотрудничество, внешне-торговый оборот, экспорт, импорт, конкурентные преимущества, задачи, возможности, приоритетные направления.

Keywords: Eurasian Economic Union, regions, integration relations, cooperation, foreign trade turnover, export, import, competitive advantages, challenges, opportunities. priority directions.

В условиях глобализации мировой экономики и усиления интеграционных процессов международное сотрудничество выступает как драйвер обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. Укрепление экономических связей государств создает возможность свободного передвижения товаров и услуг, трудовых, инвестиционных и финансовых ресурсов, обмена передовым опытом и навыками, инновационных достижений и ноу-хау, а также взаимовыгодного решения глобальных проблем.

Для успешной реализации государственной и региональной политики Узбекистана, дальнейшего укрепления макроэкономической стабильности важным становится углубление международного экономического сотрудничества, продолжение проведения взвешенной политики внешних заимствований, эффективное использование привлеченных иностранных инвестиций¹.

О важности укрепления экономических интеграционных связей Узбекистана с зарубежными странами с учетом современных требований говорится в Послании Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева Олий Мажлису, посвященном приоритетным направлениям и задачам развития страны на 2020 год, а также на средне- и долгосрочную перспективу: «Мы продолжим начатую масштабную работу по усилению отвечающей нашим национальным интересам открытой, прагматичной и глубоко продуманной внешней политики. Расширим сотрудничество со всеми странами ближнего и дальнего зарубежья»². В этом послании глава государства подчеркнул целесообразность укрепления стратегического партнерства государства с финансовыми институтами, зарубежными странами с целью дальнейшего развития торгово-экономических и транспортно-логистических связей.

С учетом вышеизложенного в работе автором сделана попытка раскрыть сущность и значимость укрепления межрегионального сотрудничества Узбекистана со странами ЕАЭС на основе анализа основных показателей внешне-экономической деятельности, оценки сравнительных преимуществ и возможностей, определения приоритетных направлений взаимовыгодного сотрудничества Узбекистана со странами ЕАЭС.

Узбекистан с численностью населения 34,4 млн. человек³ имеет индустриально-аграрную направленность экономики. В структуре ВВП доля промышленности, включая строительство, составляет порядка 36,4%, сельского хозяйства – 28,1%, услуг – 35,5%. Особенностью природно-экономического потенциала страны и ее регионов являются благоприятные климатические условия, богатые ресурсы сельскохозяйственной продукции, ускоренно развивающиеся перерабатывающее производство, лечебно-оздоровительные и курортные зоны, а также трудовые ресурсы.

Согласно статье 3 Закона Республики Узбекистана «О внешнеэкономической деятельности»⁴ под внешнеэкономической деятельностью понимается деятельность юридических и физических лиц Узбекистана, направленная на установление и развитие взаимовыгодных экономических связей с юридическими и физическими лицами иностранных государств, а также с международными организациями.

Внешеэкономическая политика Узбекистана направлена на обеспечение качественных структурных изменений экспорта товаров и услуг, активизацию внешнеэкономической деятельности страны и ее регионов, а также на широкое привлечение иностранного капитала.

Внешнеторговый оборот Узбекистана со странами ЕАЭС за последние 3 года увеличился в 1,5 раза и в 2019 г. составил 11 162,9 млн. долл. США (26,7% от общего объема внешнеторгового оборота Узбекистана). При этом на экспорт товаров и услуг приходится порядка 41,6% торгового оборота, на импорт – 58,4%.

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан. УП-4947 от 07.02.2017 г.

² Послание Президента Ш. Мирзиёева Олий Мажлису. – <http://uza.uz/ru/posts/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020>

³ Данные Государственного комитета Республики Узбекистана по статистике на 06.11.2020 г. Официальный сайт Госкомстата РУз. – stat.uz

⁴ Закон Республики Узбекистан «О внешнеэкономической деятельности». №77-II от 26.05.2000 г. – <https://lex.uz/acts/67238>

В структуре торгового оборота Узбекистана со странами ЕАЭС ведущие позиции занимают Россия (59,7% торгового оборота в общем объеме внешнеторгового оборота со странами ЕАЭС, 54,5% – экспорта товаров и услуг) и Казахстан (29,9 и 30,0%, соответственно). Наряду с этим в последние годы отмечается углубление внешнеэкономического сотрудничества Узбекистана с Кыргызстаном, Арменией и Беларусью, о чем свидетельствует опережающий рост внешнеторгового оборота и экспорта товаров и услуг в эти страны (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития ВЭД Узбекистана со странами ЕАЭС за 2017–2019 гг., млн. долл. США

Наименование показателя	Годы	ЕАЭС	в том числе по странам				
			Россия	Казахстан	Кыргызстан	Армения	Беларусь
Внешнеторговый оборот	2017	7340,2	4829,5	2069,8	255	3,6	182,4
	2018	9402,0	5655,9	2919,6	402,8	5,2	418,5
	2019	11 163,0	6669,6	3334,9	820,3	5,4	332,8
Экспорт товаров и услуг	2017	3400,0	2120,0	1071,6	179,6	1,4	27,4
	2018	3783,2	2117,3	1352,2	269,7	2,7	41,3
	2019	4646,2	2531,9	1392,9	669,6	2,8	48,9
Импорт товаров и услуг	2017	3940,3	2709,5	998,2	75,4	2,2	155,0
	2018	5618,7	3538,6	1567,4	133,1	2,5	377,2
	2019	6516,8	4137,7	1942	150,7	2,5	283,9
Рост внешнеторгового оборота, %	2017–2019	152,1	138,1	161,1	321,7	148,4	182,5
в том числе:							
экспорта товаров и услуг, %		136,7	119,4	130,0	372,8	206,8	178,4
импорта товаров и услуг, %		165,4	152,7	194,6	199,9	112,4	183,2

Анализ отраслевой структуры экспорта товаров и услуг показывает, что Узбекистан обладает рядом сравнительных преимуществ в производстве и экспорте местных товаров и услуг. Среди них можно отметить машины и оборудование, продовольственные товары, химические продукты (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Армения, Беларусь), металлы цветные и черные (Казахстан, Кыргызстан, Беларусь), а также энергоносители и нефтепродукты (Россия, Казахстан) (табл. 2). Наряду с этим, страны Евразийского экономического союза являются основными поставщиками металлов, энергоносителей, продовольственных товаров и прочей продукции в Узбекистан.

Таблица 2

Сравнительные преимущества экспорта товаров и услуг Узбекистана в развитии внешнеторгового оборота со странами Евразийского экономического союза (на основе коэффициента специализации)¹

Наименование товарной группы	Россия	Казахстан	Кыргызстан	Армения	Беларусь
Экспорт товаров и услуг					
хлопок-волокно	0,017				0,273
химические продукты и изделия из нее	1,376	1,699	1,426	0,487	0,826
цветные металлы	0,437	0,645	0,232		1,191
черные металлы	0,066	2,550	1,174		
энергоносители и нефтепродукты	2,507	2,172	0,096		0,0002
машины и оборудование	1,296	4,213	1,531	11,114	2,723
продовольственные товары	0,894	2,479	5,720	3,765	2,614
услуги	0,924	0,498	0,180	0,212	0,467
прочие	0,614	0,251	0,753	0,814	1,229
Импорт товаров и услуг					
химические продукты и изделия из нее	0,810	0,305	0,299	6,062	0,582
цветные металлы	2,197	2,625	1,122	0,021	0,080
черные металлы	2,461	2,525	1,774	0,039	0,241
энергоносители и нефтепродукты	2,259	1,962	5,563		0,145
машины и оборудование	0,521	0,068	0,164	0,138	1,545
продовольственные товары	1,476	4,447	0,344	1,480	1,726
услуги	0,395	0,169	0,297	0,007	0,152
прочие	1,669	2,129	3,695	0,173	0,576

Возрастающий интерес Узбекистана к укреплению международного сотрудничества со странами ЕАЭС обусловлен возможностями дальнейшей диверсификации экспорта товаров и услуг и выход на новые рынки сбыта; привлечения иностранных инвестиций, современных технологий, высококвалифицированных кадров в развитие местного производства и инфраструктуры; решения вопросов трудовых мигрантов и пр.

В настоящее время Узбекистан планирует получить статус государства-наблюдателя при ЕАЭС. На заседании Совета Евразийской экономической комиссии 4 сентября 2020 года рассмотрен проект решения Высшего Евразийско-

¹ Сравнительные преимущества Узбекистана рассчитаны на основе коэффициента специализации экспорта товаров и услуг по товарным группам. При этом значение коэффициента равное или выше единицы указывает на наличие специализации экспорта той или иной товарной группы.

го экономического совета по вопросу о предоставлении Узбекистану статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС¹. Для Узбекистана такая возможность будет способствовать:

- накоплению опыта и знаний в области международного сотрудничества, повышению инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности экономики страны;
- созданию благоприятных условий жизнедеятельности в отдаленных сельских и приграничных территориях на основе организации свободных производственных и торговых зон;
- установлению и поддержанию регулярных контактов по вопросам развития торгово-экономического взаимодействия, таможенного и санитарного регулирования²;
- выходу местной продукции на внешние рынки, в частности, в страны ЕАЭС, созданию собственного бренда на местную продукцию, организации торговых домов и центров в странах ЕАЭС и пр.

Таким образом, дальнейшее сотрудничество Узбекистана со странами ЕАЭС в средне- и долгосрочной перспективе будет заключаться в следующем:

- формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры, организация международных форумов и конференций по различным направлениям социально-экономического развития;
- продвижение продукции и услуг на рынки других регионов (осуществление выставочно-ярмарочной деятельности, проведение презентационных мероприятий, распространение рекламно-информационной продукции, продвижение региональных брендов и торговых марок товаропроизводителей и т.д.);
- решение вопросов развития человеческого капитала, инвестиций в повышение уровня и качества жизни людей, в сферу образования и здравоохранения, а также подготовки кадров;
- создание совместных исследовательских центров на базе региональных вузов (на примере России и Казахстана – совместная разработка новой технологии по снижению энергоемкости производств Уральского федерального университета с партнерами из Казахстана);
- внедрение особого таможенного режима «Зеленого коридора», на территории которого будет осуществляться наиболее активная производственная и торговая деятельность между предприятиями.

В целом, для устойчивого социально-экономического развития Узбекистана и его административно-территориальных структур (регионов, городов, районов), а также повышения конкурентоспособности территорий необходима разработка и реализация согласованной международной политики, включающей цели, задачи и основные направления расширения взаимовыгодного сотрудничества в различных отраслях и секторах экономики.

¹ <http://docs.cntd.ru/document/565718956>

² Что дает статус наблюдателя в ЕАЭС? – <https://kun.uz/ru/news/2020/03/07/chto-dayet-status-nablyudatelya-v-yeaes>

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Ангелина Э.А.

к.филос.н., доцент, Донецкий национальный университет

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНО-ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, интеграционные процессы, глобализация.

Keywords: spiritual and moral values, integration processes, globalization.

Актуальность исследования духовно-нравственных ценностей в первую очередь обусловлена влиянием культуры на стабильность государства и духовную безопасность страны. Государства следуют своим неповторимым путем развития, сохраняя при этом собственную самобытность и идентичность¹. Духовные ценности присущи и человеку, и обществу. Духовная жизнь человека – это особая форма отражения окружающей действительности. К духовной сфере личности относят ценности, чувства, потребности, религиозные убеждения, стремления человека, которые взаимосвязаны между собой и тем самым составляют духовный мир личности. Духовный мир отдельного человека является включенным в духовную сферу общества. Духовные ценности имеют важное значение при формировании государственности страны. Духовные ценности можно назвать смысложизненными ценностями: уважение и любовь к людям, помощь нуждающимся, любовь к Родине, честь, достоинство, совесть.

В любой период развития человечества неизменное внимание уделяется формированию духовного мира личности. Если изменяются духовно-нравственные приоритеты в обществе, то происходит изменение мировоззрения, мотивационно-потребностной сферы каждого человека, что влияет на все области жизнедеятельности человека, и, в целом, государства². Ведущая роль в формировании и развитии духовных ценностей личности принадлежит семье, государственным институтам.

Стоит подчеркнуть, что одной из основных причин множества мировых проблем современного общества является потеря ценностных ориентиров, отсутствие нравственной опоры. Чтобы противостоять нынешним проблемам, нужно вернуться к базовым общечеловеческим ценностям (любовь к ближнему, дружба, уважение, честность и т.п.). Подъем и развитие российского государства каждый раз происходили в эпоху народного и церковного единства, единой веры, общих ценностей. И, наоборот, перевороты, общественные беспорядки и революции совпадали с периодами, когда единство русского духа, русского народа ослабевало или исчезало вовсе³.

В связи с вышесказанным следует особо акцентировать такое понятие как духовно-ценностная безопасность, которое означает, что государство должно охранять, поддерживать, развивать духовные ценности граждан своей страны посредством деятельности общественных организаций, политической деятельности. Большинство специалистов сходятся во мнении о том, что духовно-нравственные ценности являются основой безопасности, социально-экономического и социально-политического развития государства. В настоящее время все отчетливее можно видеть разницу между обществом, в котором искажаются общеизвестные непреложные духовные истины, и обществом, где приоритетом и базисом развития являются духовно-нравственные ценности, где человек – высшая ценность.

Современный мир стремительными темпами меняется, и перспективы самого ближайшего будущего довольно неопределенны. Глобальный кризис современной цивилизации прогрессирует, растет угроза существованию человека как вида. К таким угрозам специалисты относят изменения климата, вооруженные конфликты, терроризм, экстремизм, нарастающий риск глобальных техногенных катастроф, достижения в сфере генной инженерии⁴.

Наряду с глобальными угрозами человечеству, особенно выделяют угрозы духовно-ценностного характера, которые несут опасность для человека как биологического вида. Проблемы современной цивилизации связаны с глобальным антропологическим кризисом. Результатом антропологического кризиса является кризис идентичности, который проявляется в утрате независимости, в смене духовной парадигмы народов, конкретной личности.

¹ Ангелина Э.А. Духовно-нравственные ценности Русского мира // Русский мир – проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 24 октября 2018 г.) / Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 375–378.

² Там же, с. 376.

³ Овчинников А.И. Базовые ценности и конституционное развитие России // Философия права. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 5 (48). – С. 16–20.

⁴ Марков А.П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. – СПб: СПбГУП, 2017. – 453 с.

По мнению В.С. Степина, в современном мире ценностные сдвиги происходят практически во всех странах. Глобализация, по его мнению, – это начало третьего, после традиционного и техногенного, этапа развития человечества. Ученый подчеркивает, что человечество должно осознать главное условие его выживания – гуманизм¹.

Одним из главных современных векторов развития человечества является формирование глобальной цивилизации. Все чаще происходящие в мире события носят глобальный характер. Во множестве государств нашей планеты процессы, происходящие внутри одного государства, неминуемо влияют на функционирование других стран и народов.

Процессы глобализации предполагают развитие информационно-коммуникационных систем, а также развитие инноваций в политической, экономической, социальной, нравственно-духовной сферах жизни каждой страны. Глобализация предполагает расширение платформы для обмена информационными технологиями, экономическими достижениями, духовными ценностями, с учетом сохранения суверенитета и культурной идентичности.

Одной из актуальных проблем современного мирового развития является проблема интеграционного существования человечества. Проблемы мировой интеграции вышли на глобальный уровень и включены в проблемы глобального порядка. Поэтому проблемы современной глобалистики и проблемы современной мировой интеграции идут параллельно и взаимодополняют друг друга. Глобальная интеграция – это процесс взаимного приспособления, расширения границ экономического и производственного пространства, объединения национальных хозяйств множества государств, порожденный развитием явлений глобализации.

По мере развития процессов глобализации все сильнее проявляются и противоположные тенденции – культ уникальности собственной страны, нации, уверенность в правильности собственного видения современных процессов и путей дальнейшего развития не только своего, но и остальных государств. Подобное отношение к другим странам, насаждение своей, «единственно правильной идеологии» имеет колоссальные негативные, а порой и трагические последствия – национализм во всех его худших проявлениях, экстремизм, фанатизм и т.д. Подобные проявления на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации приводили к вооруженным войнам и конфликтам. При указанном подходе к процессам глобализации зачастую не принимается во внимание специфика и самобытность европейцев, западной и восточной цивилизаций. Сегодня существуют страны, которые спекулируют на процессах интеграции, учитывая лишь собственные интересы и игнорируя естественные, истинные глобально-интеграционные процессы. Для удовлетворения собственных интересов такие страны расшатывают ценностные устои других государств, нарушают их суверенитет, грубо вмешиваясь в их внутренние культурные, социальные, экономические и политические процессы.

Сегодня человечество является очевидцем глобальных геополитических изменений современной цивилизации. Все больше государств втягивается в орбиту конфликтов, которые изначально начинались локально. Современные противоречия и конфликты довольно сложны, так как главная конфронтация между народами лежит в области духовности, культуры, идеологии.

Главными признаками глобализации являются космополитизм и деиндивидуализация человечества, разрушение национально-культурной самобытности народов, нивелирование роли национальных языков, распад локально-национальной идентичности, смешивание национальных культур, разрушение базовых ценностей². Говоря о фундаментальных принципах бытия в XXI столетии, Д. Муза пишет: «На наших глазах совершается кардинальное переустройство мира, возникла и расширяется структура глобального сообщества, заметно меняются формы и ритмы жизни, происходит пересмотр и коррекция многих сторон человеческой деятельности, а казавшиеся еще недавно актуальными и незыблемыми нормы и ценности, подвергаются невиданной девальвации и отрицанию»³.

Есть и еще одна проблема, которая по радикальности своих последствий может оказаться самой разрушительной. Дело в том, что европейские социологи и экономисты отмечают, что в Европе наличные рыночные отношения демонстрируют свою несовместимость с традиционными способами поддержания социальности (религия, мораль, искусство). По их мнению, эта несовместимость в будущем будет только нарастать, нивелируя тем самым истинно человеческие ценности. По мнению российского ученого Г.В. Осипова и его коллег, современный общечивилизационный кризис человечества настолько сильный и губительный, что очевидной становится идея антицивилизации и античеловечества⁴.

В то время, когда происходят глобальные изменения практически во всех сферах жизни, национальная культура помогает сохранить традиционные духовные ценности и помогает адаптироваться к новым условиям. Главным средством противодействия тотальной унификации могут служить национальные духовные ценности как ориентиры базовых основ поведения человека в обществе.

В современном мире стремительно расширяется зона конфликтов и опасностей: всплеск террористических атак, накаленная обстановка на Ближнем Востоке, миграционный кризис, холодная и информационная война Запада с Россией, начавшийся распад Европейского Союза и т.п. Перечисленные процессы требуют объединения усилий государств для их преодоления и разрешения. В то же время перед человечеством стоит задача сохранить уникальность своих духовно-нравственных ценностей, своей идентичности. Утрата духовно-ценностных оснований личности влечет за собой нарушения ее Я-образа, утрату человеком смысложизненных ориентаций.

¹ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

² Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Новое и старое в теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. – Кн. 2. – С. 10–21.

³ Муза Д.Е. Введение в глобалистику: учеб. пособие. – Донецк: Ноулидж (донецкое отделение), 2010. – С. 3.

⁴ Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Под ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: URSS, 2013. – 528 с.

В заключении необходимо отметить, что с целью ослабления влияния глобальных цивилизационных проблем человечества нужно уметь признавать и терпимо, с пониманием относиться к культурным, религиозным, ценностно-смысловым различиям людей, народов, этносов. Таким образом, обозначенные проблемы, связанные с духовно-нравственными ценностями на глобальном уровне, требуют переоценки взглядов и подходов к духовной сфере человека в сторону большей гуманизации. Человечеству нужно найти пути решения данных проблем и реализовать их на практике в сфере миросистемных отношений.

Арбатская М.Н.
д.геогр.н., Иркутск

«МЕЧ ХРИЗАНТЕМЫ» ИЛИ ДОКТРИНА МОДЕРНИЗАЦИИ ВЛАСТИ В БАНЗАИЗИРОВАННОЙ СТРАНЕ РИСОВОДОВ

Ключевые слова: японская система, анонимная власть, свобода выбора, новый национализм, должное место, численность населения, общее число избирателей, культурно-институтированный разрыв, свершившийся факт, политическая коррупция.

Keywords: Japanese system, anonymous power, freedom of choice, new nationalism, proper place, population size, total number of voters, culturally institutionalized gap, fait accompli, political corruption.

Японская Система и свобода выбора. Исторически сложившееся устройство централизованного японского государства называется Системой. Данная властная Система с давних пор работала без социальной группы или слоя, стоящего над всеми. История показала, что до периода конституционных монархий слабые коронованные фигуры не были редкостью. Но в Японии удивительным образом безвластным было не конкретное лицо, облеченное сакральной властью, а моновластный институт как таковой: «император полностью зависит от своих подчиненных, на которых возложена вся реальная ответственность и которые решают все актуальные задачи правительства»; при этом, за исключением малости территории, у японцев никогда не было «ограниченности в средствах ведения войны»¹.

Карел Ван Вольферен², на которого неоднократно в данной связи ссылается Франклин Анкерсмит, считает, что «речь идет ... о структурном феномене, не отраженном в понятийном аппарате» европейской и в целом западной политологии. «Существует, разумеется, иерархия или, вернее, комплекс взаимно перекрывающихся иерархий ... в форме усеченной пирамиды. Нет верховного института власти, обладающего полномочиями на принятие окончательных решений» [там же, с. 5]. Анкерсмит относительно феномена японской власти предложил термин «анонимность»³. Однако, «анонимная власть» со снятой ответственностью, или «неуловимое государство», «которое в Японии обнаруживается повсеместно, вполне способно организовать сложный социальный и политический мир» [там же]. *Отсутствие политического центра – это продуманно-сложившийся принцип японской Системы, которая, благодаря пустой вершине, получает несомненный стратегический бонус для безопасности и самосохранения:* коли «если источник реальной власти неясен, то неясно так же, как с ним бороться» [там же, с. 332].

Япония Мэйдзи и второй германский рейх Бисмарка как субъекты международных отношений появились на политической карте одновременно, и сравнение их судеб (ось «Берлин-Рим-Токио») напрашивается само собой. Оба государства нового типа пошли по пути тотального милитаризма и стали внедрять у себя переход от монархии к республиканской форме формирования и воспроизводства власти. Но резоны для применения выборов различались. Отгороженная морями-океанами японская элита, пришедшая к власти вследствие фиаско самоизоляции, устроенного США, реанимировала микадо и устроила кардинальную перестройку всех общественных систем и институтов. В Японии стали внедрять различные новшества, которые высокопоставленные эмиссары, направленные за рубеж, нашли полезными для строительства сильной суверенной страны.

В японский список включили народное образование, всеобщую воинскую повинность (*далее – ввп*) или «налог кровью» (*кэцу-эки*), экономику/финансы, календарь, техническое перевооружение, и в самом конце, выборы. Что означают «выборы» было непонятно даже верхушке. В отличие от Германии, где понимание смысла выборов было не только в элите: введение всеобщих выборов на всей территории рейха, стало, наряду с созданием регулярной массовой армии, «главным козырем» Бисмарка против монархической заграницы⁴.

¹ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности [пер. с англ.]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 339; Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – С. 27–28.

² Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – 496 p. Реферативное изложение книги опубликовано в: Русский исторический журнал, 1999. – Т. 2, № 1. – С. 205–273.

³ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности [пер. с англ.]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 340.

⁴ Тезис, что «у Германии должна быть самая сильная армия в мире», обосновал Гегель: «борьба за независимость и суверенитет государства есть самая высокая обязанность и долг власти и гражданина, тогда как вопросы сохранения собственности и даже личной жизни немцев вторичны по отношению к сохранению независимости Родины» [Крупянюк М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 64]. Какой-либо нестыковки между правом голоса (всеобщим мужским избирательным правом) и «налогом кровью» в Германии не было: в конституционном «пакете» от 4 мая 1871 г., наряду с ввп государственные граждане мужского пола в возрасте 25 лет и старше получили право голоса.

«Реставрация Мэйдзи представляет собой не столько коренное изменение дореволюционной политики в области торговли, промышленности и дипломатии, сколько тщательную подготовку условий для более быстрого и эффективного вызревания тех тенденций, которые уже проявлялись в последние десятилетия периода Токугава» – переход власти от высших феодальных кругов к самураям низших рангов¹. В целом реставрация Мэйдзи – проект коалиции «мечи (самураи) & деньги (купечество, ростовщики)».

Олигархия Мэйдзи была просто одержима идеей создания сильного имперского государства. В течение трех лет ... она упразднила феодальные владения, объяснив это тем, что «*для поддержания равенства в отношениях с иностранными государствами слова должны иметь на деле тот смысл, который они обозначают*» (курсив – наш), и *правительство страны должно стать единственным носителем власти*².

Милитаризм и новый национализм. Страна рисоводов «на протяжении 400 лет ... изолировала себя от внешнего мира ... и построила свою внутреннюю структуру на чувстве гордости за собственную уникальность»³. По мнению Ф. Анкерсмита и Й. Хейзинги⁴, Япония с 1868 г. воплотила в себе самый старый и неограниченный милитаризм, который когда-либо был известен. Микадо, у которого «в японской истории (реальной) власти никогда не было, и его окружение «вполне осознавали и потому верно понимали, что императорскую власть следует тщательно оберегать и лелеять всеми доступными ... средствами»⁵. Влияние «системы служения и верности господствовало безраздельно», потому и «очень рано возникла конфигурация, которая без колебаний может быть названа милитаризмом».

В условиях открытости островов восходящего солнца для внешнего мира стало необходимо «создать новый национализм, позволяющий “любить императора и Родину”» не только самурайскому воинству, но и крестьянам и ремесленникам, которые массово потребовались для наполнения армии на основе всеобщей (обязательной) воинской повинности (ввп). Ибо отряды фанатичных самураев безнадежно устарели и не смогли бы решить новые задачи даже с двумя своими мечами. *В связи с этим* гибридный “дзассюсэй”⁶ – *старый национализм усобиц традиционного общества с оборонительной доктриной, ограниченной территорией островов, выросший на почве «японской исключительности» и основанный на уникальном «иерархическом феодальном чувстве»⁷, срочно требовал замены.*

Глобальные амбиции новой правящей элиты из самурайских низов, подпираемые появившимся в новом времени демографическим давлением, требовали новых материков-островов. Для завоеваний была нужна современная технически оснащенная мощь армии и флота, а не только суровые и жесткие самураи, которые, тем временем, стали фанатичным и жестоким костяком этой самой армии (и офицерами полиции). Здесь-то и понадобились выборы. *Национализм нового времени нуждался в новой политической системе, «в которой каждый гражданин имел бы свободу выбора.* Свобода выбора, тем самым, должна стать неотъемлемой чертой цивилизованного правления в Японии, основой ее нового национализма» (курсив – наш)⁸, направленного на завоевание мира.

Сравнение подводит к выводу: *Германию (вороватых немцев) и Японию (ленивых японцев)⁹ в их развитии путем мобилизации преимуществ отсталости, объединяет внедрение выборов власти главным образом как инструмента реасирования элиты на внешние геополитические факторы.*

Насущная и трудная задача, решением которой «ленивые» японцы занялись без промедлений – денежная реформа (в 1867 г. в денежном обращении находилось 1694 вида денежных знаков). В 1871 г. была уничтожена вся феодальная инфраструктура (территориальная и иерархическая), отменены военные и религиозные звания/привилегии. Общественно-политическую и военную модернизацию масштабно начали западным календарем с 1 января 1873 г., народным образованием (обязательное начальное обучение в школах, как в Великобритании) и всеобщей воинской повинностью в январе 1873 г. (реализуя закон 1870 г. о создании национальной армии – с 20 лет, младший сын, на три года¹⁰).

¹ Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – С. 34–35, 42.

² Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – С. 37.

³ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? [пер. с англ. В. Верченко]. – М.: АСТ, 2016. – С. 160.

⁴ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности [пер. с англ.]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 240, 336; Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – С. 257, 277.

⁵ «...когда император был поднят до положения правящего монарха, он не был в состоянии должным образом выполнить свою роль. Среди ближайшего окружения его двора не было никого, кто был бы в достаточной мере способен править вместо него. Большинство номинальных руководителей кланов ... были физически слабы и не блистали умом, тогда как сильное, здоровое меньшинство почти не обладало качествами политических деятелей. ... глава клана Сацума... был настолько высокомерен и горд, что ...лидером клана фактически стал его оруженосец Сайго. ... людьми, способными руководить ..., были только самураи. Они-то и осуществляли политическую власть, хотя и не занимали высших должностей в правительстве». Однако было бы ошибкой полагать, что многие из огромной армии самураев получили посты при новом правительстве [Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – С. 55].

⁶ Крупняк М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 20.

⁷ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? [пер. с англ. В. Верченко]. – М.: АСТ, 2016. – С. 161.

⁸ Крупняк М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 68.

⁹ В монографии Чанг Ха-Джуна «Злые самаритяне» есть целая глава (девятая) о «ленивых японцах и вороватых немцах». Корейский автор приводит оригинальное мнение американского миссионера С. Гулика, прожившего в Японии 25 лет в самый разгар реставрации, с 1888 г.: многие японцы «производят впечатление ...ленивых и совершенно безразличных к течению времени» [Ха-Джун Чанг. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма; [пер. с англ. А. Коробейникова]. – М.: МИФ, 2018. – С. 201].

¹⁰ Пуляев А.В. Япония на рельсах модернизации: опыт реформирования армии и образования во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). – Самара: АСГАРД, 2017. – С. 25. – <https://moluch.ru/conf/hist/archive/242/11939/>

Двадцатилетнее опережение объявления **ввп** перед первым голосованием в императорский парламент объясняется не только сравнительно более простой реализацией первого. Армия, преданная японскому императору – опоздавшая классика вечности. Тем более, что микадо и его свита боролись с многочисленным и воинственным наследием сегуната: «большинство самураев, поднявших оружие за императора, состояло из противников, каких бы то ни было нововведений»¹, что они доказали очень быстро.

Новый национализм и культ императора. «Национализм в Японии традиционно олицетворялся с сохранением и укреплением института императорской власти – «тэнносюги», потому что исторически он развивался как национализм государственный»². А японское государство, опять же «традиционно зиждилось на двух опорах – на системе императорской власти и на идеологии государственного национализма», которые «попеременно обеспечивали нации ее устойчивость, сплоченность и выживаемость в сложных международных условиях» [там же, с. 207–208]. Взаимозависимость столпов государства зиждется на четырех ипостасях микадо: «защитник и отец нации», «моральный авторитет нации», «политический лидер нации» и живой «символ нации» [там же, с. 208]. Представляется, что первое и последнее утверждение в данном функциональном наборе имеют ключевые позиции.

Институт монархии ««*кокутай*» как постоянство и непрерывность императорской формы правления в Японии» стал основой *профильной* идеологии с опорой на государственный национализм Синто. «Налог кровью» с 1870 года исподволь уже работал на «защитника и отца нации», т.к. в модернизируемой стране «ведение войны стало исключительной прерогативой государства»³. И пока «потребности в социальном классе, специализирующемся в боевом искусстве, не стало» [там же], то «суровые и жесткие самураи, с редкой стойкостью молчаливо согласились с ликвидацией своего сословия» и «с ненавистью относились к воинской повинности, которой вначале оказывали сопротивление даже суеверные крестьяне»⁴ [там же, с. 190, 193].

В 1881 году, когда в длительном процессе подготовки к формированию японского парламента случился кризис и прозвучало требование незамедлительно ввести парламентскую систему по британскому образцу, олигархи Мэйдзи поняли, что «для получения поддержки нации в целях обеспечения политической стабильности и сохранения привилегий» *себе любимым* нужно создать «новую политическую систему государства, в которой именно император будет играть консолидирующую роль объединителя, защитника и отца государства-нации»⁵. А «поскольку император в течение семи веков не был исполнительным главой государства, нужно было просто увековечить его закулисную роль», что и было моментально сделано переводом исключительно на фигуру микадо потока *тю* – «безусловной высшей добродетели» всех японцев⁶, олицетворяющей их поистине безграничную верность царствующему дому. В частности, день рождения Муцухито (Мутсу-гито) 11 февраля 1889 года, когда он лично представил нечто дотоле неслыханно-невиданное – Конституцию⁷, был *освящен* специально продуманным по этому случаю государственным символом, пережившим своего отца-императора – приветственным возгласом «банзай» («десять тысяч лет»)»⁸. С тех пор, имея конституцию, страна стала активно *банзаизироваться*.

После ранней смерти Муцухито в 1912 году в Японии стал назревать политический кризис, т.к. «многие японцы испытали чувство наступающего “конца истории нации”» [там же, с. 235]. Ситуация с правительством развивалась критически, и 11 февраля 1913 года – в день рождения безвременно усопшего микадо, «премьер-министр и весь его кабинет были вынуждены подать в отставку» [там же, с. 236]. Эти события стали результатом действия «Движения в защиту Конституции», а историки оценили период Тайсе, с 1912 по 1926 год как «период расцвета демократии», опираясь «на пример высокой результативности деятельности «Движения в защиту Конституции», рассматривая его как ключевой инструмент в развитии японской “суверенной демократии”» [там же].

Военную касту *расцвет демократии* никоим образом не затронул, а интервенция 72-тысячного контингента японских войск (сибэриа сюппэй) на Дальний Восток и в Сибирь в 1918–1922 гг. показала невероятную жестокость японцев; действовали они, по разным источникам, как одна сила с «семеновцами»⁹.

¹ Все о Японии [сост. Царева Г.И.]. – М.: Профит Стайл, 2013. – С. 96.

² Крупняко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 207.

³ Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия; [пер. с англ. А.И. Куприна]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – С. 188–189.

⁴ «Возбуждение крестьян часто усиливалось вследствие распространения диких слухов о том, ... что “налог кровью” (...в декрете 1873 г. о ... воинской повинности) следует понимать в прямом смысле. Т.е.: при зачислении в армию у рекрутов будут брать кровь и отправлять ее за границу с целью изготовления красителей для одеял алого цвета; строящиеся телефонные и телеграфные линии будут служить для перекачивания крови; у детей, которых сгоняют в новые школы, также будут брать кровь» [Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – С. 50].

⁵ Крупняко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 216–217.

⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 91.

⁷ Конституцию Мэйдзи (правильнее будет – Мэйдзи-Бисмарка) готовили в обстановке строжайшей секретности пять человек, одним из которых был немецкий эксперт Карл Фридрих Герман Реслер [Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – С. 390].

⁸ Крупняко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 211.

⁹ Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. – С. 166, 202; Кузьминков В. Россия и Япония. Японский взгляд на территориальное размежевание. – М.: Квадрига, 2018. – С. 65.

После второй мировой войны культ микадо как символ государства и единства нации стал известен всему миру именно из-за космической ненависти к людям его банзаизированной военщины. Полагаем, что *слепое поклонение простых людей императору в новое время выросло из спартанского прошлого на пережитках феодальных самурайских привилегий*. Простолюдины, «когда их суеверие было преодолено, ...гордились, что ... “носят униформу императора”, и кланялись низко перед его подарком – магазинной винтовкой, вспоминая, что их предкам запрещалось носить какое-либо оружие, кроме заостренных кольев»¹.

Японская Система, свершившийся факт и геополитика ‘должного места’. Ван Вольферен, разгадывая загадки японской власти, подметил, что “паутина отношений власти в Японии настолько плотно сплетена, что в ней не остается места для учета иностранных интересов... Иностранные факторы обычно игнорируются, даже когда они входят в сферу долгосрочных национальных интересов...”². В Японии «единственное обстоятельство, при котором международные факторы принимаются во внимание, – это *fait accompli* (свершившийся факт), т.е. событие, застающее страну врасплох. Система может живо реагировать только тогда, когда происходит всеобщее осознание новой реальности, насквозь пронизывающее ее острым ощущением кризиса» [там же]. В русском языке есть очень близкая по смыслу метафора: жареный клюнул. Для Японии Токугавы таким клюнувшим жареным стала американская эскадра «черных лебедей».

Но всеобщее осознание, как теперь принято выражаться, новой нормальности, приходит в Японию не всегда. Например, вплоть до проигрыша во второй мировой войне, «японцы считали себя не столько частью Азии, сколько нацией, призванной цивилизовать Азию»³. И вполне естественно, что «поражение Японии не повлекло за собой морального отказа от ее идеалов Великой Восточной Азии»⁴. Гармония целей и средств – это не про японцев. А война, развязанная японскими милитаристами, «воспринимается в сознании рядового японца как стихийное бедствие, за которое никто не несет ответственности: (“старая добрая” – авт.) Япония стала жертвой обстоятельств и враждебных сил»⁵.

«Любую попытку понять японцев следует начинать с их версии того, что значит “занимать должное место”»⁶. В частности, японская версия возникновения войны выглядит так: «В мире долго царила анархия, поскольку каждая нация пользовалась правом полного суверенитета. Япония же считала, что нужно бороться за установление в мире иерархии – конечно же, во главе с ней, так как она одна представляет собой подлинно иерархичную сверху донизу нацию и поэтому понимает необходимость каждого народа занимать “должное место” в мире» [там же, с. 18–19].

Базирование геополитической модели «должного места»⁷ на полном игнорировании второй мировой как таковой и интересов ближайшего соседа, разгромившего Квантунскую группировку⁸, живо продемонстрировали всем желающим телетрансляции пленарных заседаний ВЭФ 2018–2019 гг. из Владивостока, предложение провести марафон ОИ-2020 на Курилах как части японской территории с прохладным климатом и т.п., не говоря уже о дежурных японских «протестах» после очередного посещения Курил представителями российской власти. Данный подход – явное наследие геополитических установок времен китайского царя Гороха: «в дипломатии Японии самое плохое – это то, что это дипломатия нападения на соседние страны и союза с далеко лежащими странами». Такое мнение высказал руководитель социалистической партии Японии И. Асанума в беседе с Мао Цзэдуном, на что последний заметил:

¹ Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия; [пер. с англ. А.И. Куприна]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – С. 193.

² Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – P. 418.

³ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – С. 21. Историю зарождения японского мессианства подметил один из авторов сборника «Япония и ее обитатели» 1904 года Г. Востоков. Он пишет, что после испытанного чувства бессилия после свершившегося факта появления американской эскадры и последовавших за ним событий, японцы «в тридцать лет совершили в своей стране переворот, в сравнении с которым ... европейские революции представляются топтанием на одном месте. Если в этом перевороте японцами руководило чувство национального достоинства, то национальная гордость стала увлекать их дальше. Утвердившись в мысли, что они сравнились с европейцами в культуре, японцы не удовлетворились сознанием такого равенства и стали мечтать об исключительном признании своего народа в истории человечества. Народился своего рода японский мессианиззм» (курсив – наш) [Япония и ее обитатели: сб. очерков, авторы Бернштейн Н., Ранцов В., Шмидт П., Буров Д., Якобзон Л., Востоков Г. / СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1904. – С. 360].

⁴ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 19.

⁵ Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – С. 37.

⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 34.

⁷ «Японцы ... заявляли о своей вере в «должное место», обращались к своим жизненным правилам, ставшим, благодаря их собственному социальному опыту, неотъемлемой частью их самих. Неравенство в течение веков было правилом их организованной жизни, особенно в наиболее предсказуемых и общеизвестных ситуациях. Основанное на признании иерархии поведение естественно для них, как дыхание» [Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 36–37].

⁸ Изначально Квантунская армия как часть армии Японии охраняла в Маньчжурии территорию Квантунской зоны, перешедшей после русско-японской войны 1904–1905 гг. под аренду Японии. В 30-х годах «квантунцы» воевали с Китаем и Монголией и начали готовить агрессию против СССР, в которой им отводилась главная роль, а сам план вторжения назывался «Специальные маневры Квантунской армии». В годы войны численность войск доходила до 1 млн. чел. (истинное число было неизвестно даже штабу данной армии); молниеносно уничтожена советскими войсками в августе 1945 г. Источник: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/20_a_7696199.shtml

«Это одинаково с эпохой Воюющих царств в Китае; это – метод Цинь Ши-хуан-ди»¹ с его неисчислимо-терракотовым войском вечности.

Голубая мечта японцев о «должном месте» на Курилах, геополитически-очевидные интересанты которой живут за океаном и неустанно провоцируют самурайские грезы², не дает покоя островитянам уже 75 лет несмотря на то, что их силой заставили вложить «меч хризантемы» в ножны. В связи с чем стратегически мыслящий «премьер-министр Синдзо Абэ»³, убежденный националист, который вернулся к власти в 2012 году, заявил о намерении добиваться пересмотра статьи 9 («американской» конституции Японии 1947 г. – авт.) и (для начала – авт.) вернуть Японии права суверенной страны» (курсив – наш)⁴ – правдиво и нелюбезно пишет о родине своих предков Фукуяма. Т.е. гармонизация доктрины и возможностей, используя «изящную» терминологию Киссинджера времен вьетнамской войны⁵, стала интересовать японцев только сейчас. Иными словами, японская геополитическая модель «должного места», основанная на древнекитайских установках агрессии против соседей и союза с заокеанскими партнерами, актуальна как никогда.

Численность населения и общее число избирателей. Для понимания степени включенности цензовых выборов в структуру общества нужна информация о численности населения, краткая сводная динамика которой за 55 лет, с 1892 по 1945 год, представлена на основе сайта популярной статистики от Jan Lahmeyer в табл. 1. Но за точку отсчета возьмем период Токугава, поскольку «как и самураи, крестьяне ограничивали размеры своих семей, и в целом численность населения Японии в течение всего периода Токугава находилась почти на одном и том же уровне. В азиатской стране такая статичность численности населения много говорит о характере ее режима. По ограничениям ... это был спартанский режим...» (курсив – наш)⁶.

В эпоху Мэйдзи все изменилось и пришло в движение. С 1892 по 1945 гг. численность населения Японии в среднем увеличилась с 40,5 до 72,6 млн. чел., в 1,8 раза; территориальная неравномерность динамики имеет значительно больший разброс и весьма интересна.

Таблица 1

Динамика численности населения Японии по регионам и префектурам. 1892–1945 гг. тыс. чел.⁷

Название региона и префектуры		1892 г.	1945г.	1945г. / 1892 г., раз					
Япония, всего		40 507,4	72 598,4	1,8					
о. Хоккайдо и Тохоку (о. Хонсю)	Хоккайдо	450	3272,7	7,3	Кансай (Кинки), о. Хонсю	Кансай	6273,5	11197,6	1,8
	Тохоку	4245	8268,2	1,7		Миэ	901,7	1394,3	1,5
	Аомори	523,2	1083,3	1,9		Сига	661,3	860,9	1,3
	Ивате	652	1227,8	1,7		Киото	850	1603,8	1,9
	Мияги	780	1461,3	1,6		Осака	1250	2801	2,2
	Акита	662,9	1212	1,6		Хего	1499,7	2821,9	1,9
	Ямагата	732,9	1326,4	1,5		Нара	489,2	779,7	1,6
	Фукусима	894	1957,4	1,8		Вакаяма	621,6	936	1,5
Канто, о. Хонсю	Канто	6924,2	14405,1	1,9	Тютоку, о. Хонсю	Тютоку	4319,9	6230,2	1,5
	Ибараки	980,8	1944,6	1,7		Тоттори	390,1	563,3	1,4
	Тотиги	670	1546,4	1,8		Симанэ	688,1	860,3	1,3
	Гумма	690,9	1546,1	1,9		Окаяма	1051,3	1564,6	1,5
	Сайтама	1100	2047,1	1,5		Хиросима	1278,5	1885,5	1,5
	Тиба	1159,3	1966,9	1,4		Ямагучи	911,9	1356,5	1,5
	Токио	1400	3488,3	5,3		Сикоку	3663,4	3836,5	1,0
	Канагава	923,2	1865,7	2,4		Токусима	894	835,8	0,9
Тюбу, о. Хонсю	Тюбу	8608,1	14512,3	1,7	Сикоку, о. Сикоку	Кагава	650	863,6	1,3
	Ниигата	590,5	2389,7	1,4		Эхимае	1557,3	1361,5	0,9
	Тояма	1652,7	953,8	1,3		Коти	562,1	775,6	1,4
	Исикава	726,1	887,5	1,2		Кюсю	6023,4	10630,8	1,8
	Фукуи	737,2	724,9	1,2		Фукуока	1188,9	2746,9	2,3
	Яманаси	1096	839,1	1,9		Сага	550	830,4	1,5
	Нагано	437,5	2121	1,9		Нагасаки	739,8	1318,6	1,8
	Гифу	899,3	1518,6	1,7		Кумамото	1030,3	1556,4	1,5
	Сизуока	1038,9	2220,4	2,1		Оита	773,1	1124,5	1,5
	Айти	1429,9	2857,3	2,0		Миядзаки	403,8	913,7	2,3
						Кагосима	962,2	1538,5	1,6
						Окинава	375,3	601,8	1,6

¹ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая: монография. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. – С. 652.

² Мильченко А. «Знайте свои границы»: МИД ответил на признание уроженцев Курил японцами. **Источник:** https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/06_a_13389487.shtml

³ О добровольной отставке Синдзо Абэ по состоянию здоровья было объявлено 28 августа 2020 г. В октябре 2020 г. влиятельная японская газета «Санкэй» в своей редакционной статье потребовала от кабинета Суги жесткости в отношении «зарвавшейся» России и возврата Японии Южных Курил. **Источник:** 日露交渉 四島返還へ方針を戻せ – https://inosmi.ru/politic/20201009/248283904.html?utm_campaign=main&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru

⁴ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – С. 400.

⁵ Киссинджер Г. Годы в Белом доме. Т. 1. [пер. с англ. В. Верченко]. – М.: АСТ, 2020. – С. 246.

⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 49.

⁷ <http://www.populstat.info/Asia/japanp.htm>

Например, число жителей о-ва Хоккайдо увеличилось в 7,3 раза, что превышает средний показатель в 4 раза. Заселение пустынного в конце XIX века острова к северу от Хонсю произошло в соответствии с военным планом и американской помощью¹. Как пишет А. Бух, «при геополитическом столкновении Японии Токугавы и Российской империи, основным предметом спора стали айну, и в 1869 г. правительство Японии объявило земли на Хоккайдо “бесхозными” и конфисковало их в пользу государства вместе с проживавшими на них айну. Тогда же было сформировано Управление по колонизации острова Хоккайдо»². Российские эксперты Ткачевы, досконально (!) изучив данный вопрос, пишут, что «на острове в последние годы сегуната Токугава проживало около 100 тыс. японцев, в основном на юге ... вокруг укрепленных ... владений клана Мацумаэ (...большинство японцев на зиму возвращались на родину, на остров Хонсю)»³. Т.е. к 1892, году начала статистики от Jan Lahmeyer в табл. 1, число японцев на Хоккайдо уже увеличилось более чем в 4 раза. Японцы очень спешили из боязни, что Россия может занять эти земли, пользуясь мягкой силой своей культуры и совершенно неагрессивной политикой: *«расширение русского влияния на коренных жителей пограничных областей считалось (японской элитой – авт.) экспансией цивилизованного народа, шествием высшей культуры, действующей через просвещение и дружелюбную политику»* (курсив – наш)⁴.

Остров Хоккайдо и аборигены «фактически были захвачены Японией и вошли в ее состав в качестве отдельной административной единицы империи и ее заморской колонии, руководство которой осуществлялось через Управление по колонизации Хоккайдо»⁵, а разжалованные самураи с семьями занимали, как правило, долинные плодородные земли⁶. Позднее, с 1875 года на острове стали появляться поселения солдат-колонистов⁷ (тонденхэй), а также крестьян. Военнообязанные колонисты зачислялись в милицию, обучались военному делу, а параллельно строили и пахали⁸. Хотя колонизация острова «во многом проходила по американской модели заселения индейских земель, общий процесс колонизации»⁹ был основан на государственном управлении заселением¹⁰. Собственно, управление островом «не отличалось от других колониальных проектов: политики и колонизаторы были столь же агрессивны и равнодушны к чаяниям и образу жизни коренного населения, что имело для него самые отрицательные последствия» [там же].

Американская опека помогала процессу технологически: ускоренная «внутренняя колонизация» происходила по рекомендациям американских специалистов по сельскому хозяйству и инженеров. «В Департаменте развития, созданном в июле 1869 г. в качестве центрального органа управления островом, из 62 приглашенных иностранцев 45 бы-

¹ Киссинджер Г. Годы в Белом доме. Т. 1. [пер. с англ. В. Верченко]. – М.: АСТ, 2020. – С. 190–191.

² Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 116; Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия; [пер. с англ. А.И. Куприна]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – С. 56.

³ Ткачев С.В., Ткачева Н.Н. Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX — начало XX века) // Вестник СПбГУ. 2015. – Сер. 13. Вып. 3. – С. 108.

⁴ Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 116.

⁵ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Политическая энциклопедия современной Японии: в 2 т. – М.: Междунар. отношения, 2018. – Т. 1. – С. 56.

⁶ «Современная колонизация Хоккайдо началась в 1870 г. с высылки на новые территории бывших самураев, прежних соперников императора Мэйдзи в ходе реставрации. Переселение происходило целыми кланами; на родине их земля изымалась, но у них оставалось достаточно финансовых и технических средств для обустройства на новом месте. Эта высылка, постепенно сокращаясь, закончилась в 1893 г. ... приток экс-самураев на Хоккайдо шел двумя крупными волнами с разницей примерно в 12–14 лет. Так как вторая волна состояла из самураев более южных префектур, то можно предположить, что причины ее возникновения кроются в сфере политических отношений. ... В любом случае бывшие самураи всегда занимали долинные плодородные земли с аллювиальными почвами». [Ткачев С.В., Ткачева Н.Н. Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX – начало XX века) // Вестник СПбГУ. 2015. – Сер. 13. Вып. 3. – С. 111].

⁷ Поселения солдат-колонистов (тонденхэй) появились на Хоккайдо в 1875 г. и формировались до 1899 г. включительно. Их распределение по острову диктовалось ... прежде всего военными соображениями. Схема (военных поселений – авт.) должна была позволить контролировать основные коммуникации острова и обеспечить формирование тылового дивизиона в закрытом районе города Асахикава. Кроме того, защищались некоторые приустьевые участки бухт острова, удобных для высадки десанта. ... У тонденхэй существовала планомерная политика в этом вопросе. Их первые поселения ... возникли в непосредственной близости от поселений экс-самураев – на расстоянии до 8 км. Затруднительно, чего здесь было больше, попытки контролировать бывших самураев или возможности использования их боевого опыта. ... поселения тондэнхэй (в отличие от поселений экс-самураев) являлись центрами, вокруг которых постепенно возникали крестьянские поселения. То есть они были своеобразными катализаторами освоения территории, обеспечивая безопасность, близость администрации и локальный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. [Ткачев С. В., Ткачева Н. Н. Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX – начало XX века) // Вестник СПбГУ. 2015. – Сер. 13. Вып. 3. – С. 116].

⁸ «В 1884 году Шикотан, изначально необитаемый, был насильственно заселен жителями острова Сюдзю (Шумшу), самого северного из Курил, поскольку правительство Мэйдзи не хотело, чтобы *обрусевшие айны жили в непосредственной близости от северной границы империи*» (курсив – наш) [Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 96–97].

⁹ В Японии для описания ситуации на острове в период Мэйдзи (1852–1912) редко используют термин «колонизация». Экспозиция Исторического музея Хоккайдо (г. Саппоро), посвященная этому этапу, называется по-английски «Progression of Colonization», а с японского переводится ... как «освоение целинных земель». То же самое и при описании ситуации на Окинаве после 1879 г. Термин «колонизация» здесь также не используется. Источник: Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 104–105.

¹⁰ Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 100–101.

ли американцами»¹. Начиная с 1882 года, Хоккайдо стал административной частью «большой Японии» и даже подпал под юрисдикцию первой японской конституции 1889 года, в отличие от более поздних колоний². Тем не менее, принимать участие в общепонских выборах небогатые колонисты стали только на втором этапе с 1902 года, когда снизили имущественный и налоговый ценз.

Интересна также судьба южной полуколонизальной до 1870 г. оконечности Японии – префектуры Окинава, которая поддерживала «тесные отношения, как с Китаем, так и с соседней японской преф. Сацума (ныне преф. Кагосима). Жители Окинавы говорили на одном из диалектов японского языка, а японцы, проживающие на Японских островах, относились к ним свысока, как к нечистокровным»³. Количество «нечистокровных» возросло за указанный период несколько меньше, чем в среднем по Японии – в 1,6 раза, а голосовать, как «чистокровные», они стали на 10 лет позднее Хоккайдо, с 1912 года.

Численность самого населенного и урбанизированного региона, Канто, возросла за 55 лет в 1,9 раза; численность Токио увеличилась в 5,3 раза⁴. Но есть префектуры и острова, где время словно бы остановилось: Токусима и Эхиме (0,9 р.) на о. Сикоку (1,0 р.).

Как видно, *прирост численности населения Японии в территориальном разрезе происходил крайне неравномерно. Выделяются два фактора, форсирующих неравномерность: 1) урбанизация и сопутствующие ей развитие промышленности и торговли, прежде всего – на восточном побережье, а также 2) колонизация ранее не принадлежавших Японии территорий на севере и юге. Причем ускоренная «внутренняя» военная колонизация на севере происходила по американской схеме и с американской подсказкой. Колонисты Хоккайдо и жители Окинавы получили избирательные права на общепонских выборах на втором этапе снижения цензов, с 1902 и 1912 гг. соответственно.*

Спустя десятилетие от высочайшей декларации, с 1878 года поэтапно начинаются выборы в местные ассамблеи. Правительство «приступило к устройству местного самоуправления, надеясь, что это до некоторой степени будет служить для населения подготовкой к участию в национальном собрании, парламенте»⁵ – пока пишется конституция – «плод тринадцатимесячного путешествия по Европе ... Ито Хиробуми»⁶ и выверяются цензы избирательного закона.

Динамика общего числа избирателей, их активность на выборах и этапы смягчения избирательных цензов подробно рассмотрены нами ранее⁷. Повторим, что *крестьяне-собственники, которые были в состоянии заплатить налог 10 иен, стали перманентным электоральным ядром цензовой избирательной системы.* Десятилетней планка в течение 30 лет давала право сначала голосовать и быть избранными в собрания префектур, а затем, с шестилетним перерывом, участвовать в выборах парламента. В сравнении с численностью населения это означает, что, например, в 1904 г. таковыми были 16 чел. из каждой тысячи населения, и 29 чел. – в 1917 г. При такой пропорции говорить о заметном влиянии на японское общество, уровне грамотности и тогдашних СМИ не стоит. Тем не менее, процедура голосования на воинственное японское общество все же влияла. Рут Бенедикт рассказывает, что на выборах в 20-е годы чистоплотные и небоязливые крестьяне, «прежде чем опустить бюллетень, говорили: “Моя шея вымыта для меча”, – этой фразой они приравнивали выборы к случавшимся в прежние времена нападениям ... самураев на простолудиннов»⁸.

Значимые увеличения списочного числа избирателей Японии согласуются со смягчением условий участия в голосовании⁹. Но динамика общего числа между изменениями цензов подвержена не только регуляторно-экономическим факторам. Например, уменьшение в 1903 г. на 2,5% может быть объяснимо житейскими ситуациями, а уменьшение на 20,4% в 1904 г. – это мобилизация 1903 г. для нападения на российские войска в Манчжурии.

Выборы 1908 г. стали первыми послевоенными выборами. Кратное увеличение объемов промышленного производства (работавшего на войну) во время русско-японской войны (и после нее) сопровождалось по-японски жесто-

¹ Ткачев С.В., Ткачева Н.Н. Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX – начало XX века) // Вестник СПбГУ. 2015. – Сер. 13. Вып. 3. – С. 105.

² Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного] – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 98–99.

³ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Политическая энциклопедия современной Японии: в 2 т. – М.: Междунар. отношения, 2018. – Т. 1. – С. 739.

⁴ «По численности населения город Эдо (Токио) ... на рубеже XVIII в. был, пожалуй, самым крупным городом в мире. В этом городе насчитывалось от 1300 тыс. до 1400 тыс. жителей. Население города Осака уже в 1665 г. составляло 268 760 человек. Город Кето (Киото) – этот людской муравейник с высокоразвитым ремесленным производством, – ... в 1691 г. являлся крупнейшим производящим центром Японии с разнообразными видами промышленности и торговли» [Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – С. 73].

⁵ Водовозов В.В. Япония (дополнение к статье) / Энциклопедический словарь [под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и О.О. Петрушевского]. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. – <http://brockhaus-efron-encyclopedia.info>

⁶ Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. – № 4. – <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-korruptsiya-v-yaponii-v-period-sistemy-1955-goda>

⁷ Арбатская М. Организация японской власти в период Мэйдзи и до окончания Второй мировой войны: Милитаризм, национализм и политическая коррупция // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 2. – С. 32–34.

⁸ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 213.

⁹ Арбатская М. Организация японской власти в период Мэйдзи и до окончания Второй мировой войны: Милитаризм, национализм и политическая коррупция // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 2. – С. 36.

кой эксплуатацией всех категорий рабочей силы (мужчин, женщин, детей). Война истощила людские и финансовые ресурсы страны-победительницы. После нее произошло двукратное увеличение общего числа избирателей в рамках тех же цензов, что следует понимать как: 1) возвращение офицеров и 2) серьезное увеличение невоенного слоя, разбогатевшего на военных поставках. По сравнению с предвоенными выборами 1903 г. увеличение составило 632 тыс. чел. при численности населения 48,6 млн. чел. Свидетельства послевоенной эйфории – демографический взрыв и тяга к роскоши:

1) бэби-бум (численность населения Японии с 1906 г. (самого неблагоприятного для рождений по восточному календарю года Лошади и Огня, который случается раз в 60 лет) по 1907 год увеличилась в 8,3 раза (на 937,7 тыс. чел.), по сравнению с 1905/1906 гг. (112,8 тыс. чел.)¹;

2) указ императора от 13 октября 1908 г. об «эйфории», в котором «говорилось о том, что *после победы в войне с Россией японцы впали в эйфорию, стали думать только про наращивание собственного благополучия, увлеклись удовольствиями и шикарной жизнью*. И это в то время, когда следует озаботиться, прежде всего, верностью императорскому дому, трудолюбием, бережливостью и производственными делами»².

Партийное меню конца XIX – начала XX века – клановые группировки. Партии, клубы, общества и религиозные секты, организованные до первых выборов, характеризуют японскую Систему как инструмент борьбы клановых группировок – либо между собой, либо с правительством. В 1890–1908 гг. в парламенте³ были представлены различные партии (Либеральная, Конституционная Прогрессивная Партия – Ортодоксальные Конституционалисты, Конституционная Реформистская и др.), всевозможные клубы (Красивый, Кинки Кокутай, Чуо, Докурису, Ямашита, Хайоши, Иинин, Кошин, Мумей); общества (Народное, Юко, Иинин) и пр. Но многочисленные «внешние признаки японской парламентской демократии не следует интерпретировать как доказательство существования реальной парламентской демократии»⁴. Оценки автора статей по истории и государственному устройству в энциклопедии Брокгауза и Ефрона В.В. Водовозова, голландца Н. Герберта и американца Л. Херна (в изложении Р. Бенедикт) относительно японских партий эпохи Мэйдзи и Тайсе идентичны: олицетворение политиканства, клановой борьбы и новый вид войны.

В парламенте микадо «правильных партийных организаций не было; выработанных и ясных программ у партий также не было; партии образовывались, распадались и вновь образовывались с чрезвычайной легкостью: в действительности за принципиальными разногласиями скрывалась борьба личных честолюбий или, в лучшем случае, старинная борьба кланов»⁵. И «очень часто политические партии возникали лишь как временные группировки, имеющие своей целью поставить правительство в затруднительное положение и в интересах кучки недовольных клановых политиканов всячески мешать его работе»⁶. Японцы неожиданно открыли для себя новую форму боевых действий: «политическая борьба велась не между политиками, а между интересами кланов или партий: рьяные приверженцы каждого клана или партии видели в новой политике только новый вид войны, которую ведут, чтобы доказать свою преданность лидеру»⁷.

Режим олигархата Мэйдзи задумывался как «временное устройство, на смену которому должна была прийти ... система, сочетающая японские и европейские институты. Но ... боязнь ослабления собственной власти побудила политических архитекторов современной Японии пренебречь вопросом политической подотчетности, необходимой для такой координации»⁸. Боязнь властного самоослабления олигархов Мэйдзи дала осечку только один раз, который тут же отметил Фукуяма: «они желали получить от западных держав статус равного партнера» и потому вынужденно «приняли ограничения своих полномочий»⁹, судя по компетенции и полномочиям депутатов – чисто номинальные.

Политическая коррупция как культурно-институтированный разрыв между словом и делом. Развитие капитализма и сверхбыстрые общественно-политические реформы на контрасте с феодальными веками изоляции и закрытости привели к тому, что «отличительной чертой громадного большинства нынешних наших народных представителей является, по-видимому, отсутствие увлечения честными возвышенными идеями и циничная заботливость о своих личных эгоистических интересах»¹⁰.

По мнению Р. Митчелла¹¹, чертой японских выборов с самого начала были деньги и подарки, впоследствии ставшие обычной (регулярной) практикой политической жизни «страны восходящего солнца». Для кандидатов дополнительным условием участия и победы на выборах в парламент стал постоянно усиливающийся денежный прес-

¹ <http://www.populstat.info/Asia/japanp.htm>

² Кузнецова Т.О. Избирательная система Японии / Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония [научн. ред. А. Иванченко, В. Лафитский] – М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. – С. 350–446.

³ Танин-Львов А. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 910–911.

⁴ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности [пер. с англ.]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 336.

⁵ Водовозов В.В. Япония (дополнение к статье) // Энциклопедический словарь [под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и О.О. Петрушевского]. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907. – <http://brockhaus-efron-encyclopedia.info>

⁶ Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – С. 60.

⁷ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 213.

⁸ Wolfereen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – P. 38.

⁹ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – С. 400.

¹⁰ Все о Японии [сост. Царева Г.И.]. – М.: Профит Стайл, 2013. – С. 349.

¹¹ Mitchell R.H. Political bribery in Japan. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. – 224 p.

синг со стороны «местных боссов», оптом продававших голоса избирателей. Такое давление особенно усилилось в 1908 г. Статистика взяток в избирательной сфере Японии с 1908 г. – года послевоенной эйфории, такова: 1338 – 1908 г.; 3329 – 1912 г.; 7278 – 1915 г. [там же, с. 26–27].

«Наиболее характерными чертами японских депутатов являлись невежество, тщеславие и взяточничество, которые не считали нужным даже скрывать»¹. Де-факто бенефициарами реставрации Мэйдзи стали самураи низших рангов, однако аристократия и знать при этом никуда не делись: «реформы ... лишь приостановили рост могущества феодальной знати. В последующие годы этот класс ... ожил и пустил пышные побеги. Наиболее ярким проявлением этой метаморфозы ... было назначение ее представителей на высшие правительственные посты. Кроме того, «знать выступила в 1884 г. в качестве сословия пэров и с 1889 г., пользовалась в палате пэров широкими конституционными полномочиями» [6, с.69]. Пореформенная власть очень быстро оказалась в руках бывших феодалов, и оппозиция собралась множество людей сомнительного «содержания», готовых служить всем, кто заплатит.

«Усилению взяточничества способствовало также неслыханно быстрое развитие нашей промышленности и торговли. Народные представители и политические агитаторы нашли здесь для себя настоящий золотой рудник» [там же, с. 349]. «Депутаты нередко оказывались продажными; нуждавшиеся в их услугах капиталисты легко покупали их голоса, чтобы добиться при их посредстве каких-либо концессий. Само правительство покупало их, когда их оппозиция делалась почему-либо особенно неудобной – покупало ... индивидуально, ... коллективно, такими мерами, как законопроект об увеличении жалованья депутатам с 800 до 2000 иен (1898)» [там же]. Последнее произошло на 13-й «подкупленной» сессии парламента; тогда же «один из депутатов прямо-таки хвастался с парламентской трибуны, что не кладет охулки на руку и, нисколько не возбуждая негодования своих товарищей, объявил палате, что намерен подать жалобу в суд на человека, который его подкупил, а потом отказался уплатить обещанную сумму полностью» [там же].

В. Ранцов справедливо рассудил, что «все это является ... одним из симптомов нравственного распада, проникшего во все сферы общественной деятельности и составляющего самую тяжкую часть выкупа, который должна уплатить Япония за пережитое ей коренное преобразование» [там же, с. 350]. После второй мировой «критики в Японии и за ее пределами ... осуждали чудовищную коррупцию, подрывающую репутацию правящей партии и ослабляющую ее способность решать серьезные проблемы»². Коррупционные скандалы как один из симптомов нравственного распада и часть выкупа, масштабно проявившиеся на выборах 1908 г., регулярно сотрясают Японию³ до сих пор⁴.

Выше отмечено, что для вхождения в имперский клуб *сильных мира сего*, конгломерат «мечи & деньги» был просто одержим идеей сильного государства. Первая проба штыка в поединке с русскими представителями белой расы оказалась удачной – членский билет клуба выдали. Тем не менее, повторим, «слова должны иметь на деле тот смысл, который они обозначают»⁵. «До тех пор, пока разрыв между официально признанной и подлинной реальностью сохраняется как институт, т. е. воспринимается как сам собой разумеющийся и используется для любых целей, действительные махинации остаются малозаметными, а значит – и заведомо безнаказанными» (курсив – наш) [там же, с. 227]. Этот разрыв между словом и делом, возведенный японцами в абсолют (неформальный институт), как и коррупция, благополучно существуют и поныне.

Заключение. Захват власти японскими военными в 30-х годах XX века был совершенно логичен при любом обосновании. Настоянная в течение четырех столетий закрытости страны на фанатизме и кастовом превосходстве военицизма вырвалась на океанский простор как джинн из бутылки, проявляя запредельную жестокость. Взошедшее над Японией кроваво-империалистическое солнце накрыло почти весь Дальний Восток. Здесь совершенно не имеет значения, какой фактор стал формальным поводом.

По Фукуяме, «как и в Германии, современная ... бюрократия формирующегося милитаристского государства, возникшая в Японии после реставрации Мэйдзи, сделала настолько автономной и самостоятельной, что привела страну к катастрофе. ... японский разворот вправо в 1930-х годах связан именно с этим фактором, а не с какими-либо иными социальными причинами»⁶, хотя причины были.

И. Моррис считает⁷, что подлинный урок Первой мировой войны состоял в том, что англо-франко-американский альянс выиграл вопреки своему либерализму, а не благодаря ему. А потому настоящим «выходом была субконтинентальная империя, причем, чем менее либеральная – тем лучше». Стало быть – японская, «банзаизированная». Япония много получила от тогдашней либерально-империалистической глобализации, но, с возвращением в 1920 году европейских держав на азиатские рынки, экономический бум внезапно иссяк. Гипотетический демократический путь развития страны «заблокировали японские военные, причем размещенные не в метрополии, а за пределами Японских островов... японский авторитаризм родился в Манчжурии»⁸ среди младших и средних офицеров.

¹ Все о Японии [сост. Царева Г.И.]. – М.: Профит Стайл, 2013. – С. 349.

² Кальвокоресси П. Мировая политика с 1945 года [пер. с англ.] – 9-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2016. – С. 134.

³ В октябре 2019 г. дошло до фарса, показавшего тонкий вкус правящей элиты. Министр экономики И. Сугавара был отправлен в отставку *через месяц после назначения*, когда выяснилось, что *до того* он «окормлял» свою электоральную паству разными вкусностями: дынями, крабами, икрой... – <https://polit.ru/news/2019/10/25/ministr-ekonomiki-daril-lyudyam-dyini/>

⁴ Пантелеева М.В. К вопросу о становлении избирательной системы Японии // Россия и АТР. 2014. – № 3 (85). – С. 126–133. – <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stanovlenii-izbiratelnoy-sistemy-yaponii>

⁵ Mitchell R.H. Political bribery in Japan. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. – P. 37.

⁶ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – С. 393.

⁷ Моррис И. Почему властвует Запад ... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем; [пер. с англ. В. Егоров]. – М.: Карьера Пресс, 2016. – С. 528–529.

⁸ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – С. 395.

Парламентаризм, как западный институт, при Мэйдзи и до окончания Второй мировой, со слабой оговоркой на эру Тайсе, был откровенно наполнен «восточным смыслом». Элитарный слой очень активно участвовал в электоральных играх, но он был слишком тонок для японского социума, веками приученного «мыть шею для меча» самурая. В таких условиях никаких «приличных» партий у японцев не могло быть и не случилось, а перед войной самоустранились и те, что были. Де-факто парламентаризм не был целью общественного развития; являясь модным фасадом «политической подотчетности», изначально водруженным японцами на прочный коррупционный фундамент, он был применен как «легитимное» в глазах Запада средство на пути к желанному мировому господству.

Вместо красивой церемонии демократических выборов, придуманных белыми господами, банзаизированная империя микадо в горячке погони за «должным местом» нисколько не раздумывая предъявила миру тотальную демонстрацию ненависти в оккупированных странах. Доктринально модернизация власти в Японии нового времени состоит из триады, включающей милитаризм (безграничный), национализм (новый) и коррупцию (политическую).

Бегалинов А.С.

к. филос. н., PhD, ассоциированный профессор, Международный университет информационных технологий,
г. Алматы
kalima901@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕДИАВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: глобализация, медиаобразование, образование, информационные ресурсы, Интернет, медиасреда, культура, виртуализация, медиареальность, медиаобразовательное пространство, гуманизм.

Keywords: globalization, media education, education, information resources, Internet, media environment, culture, virtualization, media reality, media educational space, humanism.

Глобализация существенно повлияла на информатизацию социума, на развитие массмедиа. Информационное общество рассматривается нами и как порождение глобализации, и как условие и движущая сила ее развития. В зарубежной и отечественной литературе анализируются самые разные аспекты информационного общества, но все авторы солидарны в том, что информация и ее актуализация в знаниях и воспитании-образовании являются определяющим фактором общественного прогресса. Геополитическая динамика развития обществ (изменение размера и свойств территории) и их миросистемная динамика (аккумулирование и использование капитала) дополняются и усиливаются новым источником развития – информационными ресурсами. По оптимистичной мысли Т. Стоуньера, информационные ресурсы легко накапливаются впрок, а информационное взаимодействие выводит из состояния конкуренции товаров в состояние взаимно полезного обмена и сотрудничества, ведет к уменьшению насилия в обществе, «увеличивает знания человека, повышает организованность в окружающей среде и уменьшает энтропию»¹.

Значительный вклад в исследование информационного общества в связи с массмедиа внесли зарубежные исследователи и, прежде всего, М. Маклюэн и О. Тоффлер. В своем исследовании «Понимание Медиа: внешние расширения человека» М. Маклюэн расширяет объект своего анализа до уровня «компьютерной эпохи», которую называет «финальной стадией расширения человека вовне». Компьютерная эпоха, по мнению Маклюэна, является «технологической симуляцией сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы»². Он предупредил общество, что Земной шар теперь – не более чем деревня и это «вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род, мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия» и сконструировал единое «поле опыта», «коллективное сознание»³. (Отметим, что идеи Маклюэна здесь сближаются с ноосферной мыслью Вернадского о том, что средства массовой информации, все информационно-коммуникационные технологии создают инфраструктуру нового общественного суперорганизма – «коллективного разума» всего человечества)⁴. В другой своей работе М. Маклюэн расширяет «средства коммуникации», включая в них все, что является «посредником» в отношениях человека с окружающим миром – от средств массовой информации до автомобильной дороги, самолета или оружия. Все это рассматривается им как внешнее расширение человека, как техническое продолжение его тела и органов чувств. Человек не осознает «ампутацию» своих способностей и сознания электронными средствами, радуется расширением своих возможностей, теряя самого себя⁵. Определенный интерес представляет и книга О. Тоффлера «Третья волна»⁶, где он пишет о создании «общества информации», когда под влиянием «телематического» этапа НТР в производстве происходят пять революционных изменений: экологическое, социальное, информационное, политическое и моральное. Количество подобных монографических работ, возлагающих большие надежды на влияние медиа и их роль в общественном прогрессе, неуклонно возрастает.

На современном, компьютерном уровне медийные средства и методы воздействия переживают период бурного развития, завоевывают все большую аудиторию. Чтобы получить 50 миллионов слушателей (пользователей) радио потребовалось 38 лет, телевидению – 13 лет, а сеть Интернет добилась этого буквально за 4 года (Facebook собрал

¹ Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Под ред. П.С. Гуревича // Новая технологическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 393, 395–396.

² Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. – М.: Гиперборея, 2007. – С. 5.

³ Там же, с. 400.

⁴ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 576 с.

⁵ Маклюэн Г.М. Понимание средств коммуникации. – <http://www.strana-oz.ru/2003/4/gerbert-marshall-maklyuen-i-ego-kniga-ponimaniya-sredstv-kommunikatsii>

⁶ Тоффлер О. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.

200 миллионов пользователей меньше, чем за год)¹. В одном из докладов на Круглом столе в РГГУ А. Мирошниченко приводит целый ряд последствий такого развития медиа, из которых приведем четыре наиболее важных. Во-первых, наблюдается бурный рост физических объемов информации: человечество за пару лет теперь производит информации столько, сколько за всю предыдущую историю. Во-вторых, происходит взрывной рост авторства: если за 6 тысяч лет письменной цивилизации было известно около 300 миллионов авторов (людей, способных сообщить информацию за пределы своего физического окружения), то за последние 20 лет их стало 2,4 миллиарда. В-третьих, реальное пространство-время подменяется виртуальным, а факты – фактоидами, которые перестают быть вторичными, воздействуют на человека как реальность, по сути, становясь ею. В-четвертых, происходит переход от вертикально-трансляционной к горизонтально-вовлекающей модели распространения информации². Значительно расширяется и картография киберпространства: кроме web 1 и web 2 (обычные и социальные сети), появляются web 3 (мобильные приложения для планшетов), невидимый Интернет (с доступом по специальным разрешениям), «темный веб» (среда киберпреступности и других противоправных действий), Интернет вещей и денег, бодинет и др. Быстро растет число пользователей Интернет: по данным Центра новостей ООН на конец 2013 года насчитывается 2,7 млрд. пользователей, или 39% населения Земли (в России – 55% от численности населения, а в крупных городах – более 75%)³.

Бурный рост медиа открывает новые перспективы экономического и социального развития, Интернет-медицины и Интернет-торговли, возможности создания государственных и корпоративных систем медиавоспитания, непрерывного и дистанционного образования, целевого формирования компетенций по востребованным специальностям. С другой стороны, эта тенденция ведет к обострению проблем информационной безопасности, к переизбытку информации для человека, постепенно подменяет в его сознании всю объективную картину мира фактоидной. Меняются модели социального взаимодействия, когда информацию определяют и распределяют не владеющие властью и материальными ресурсами, но любой человек, и информируют друг друга все, владеющие контентом. Эти особенности развития и функционирования массмедиа существенно влияют на развитие общества. По своим возможностям в коммуникационных сетях они способны создавать и быстро распространять информационные потоки новых социально-значимых смыслов, не обязательно соответствующих идеалам, нормам и ценностям данного общества, укрепляя или, наоборот, ослабляя его стабильность. Бесконтрольная лавина информации может быстро менять социальные установки личности, создавать новые мотивации, содержание массового сознания, массовой культуры, стереотипы и модели поведения людей. Требуется смириться с неопределенностью и амбивалентностью отраженной через медиа окружающей действительности, научиться жить в мире образной «многоправдности», фильтровать и верифицировать информацию через собственный опыт или через содержание «вертикальных» передач традиционных средств массовой информации (радио, телевидение, газеты и др.). «Современное значение медиа принципиально отличается от традиционно-коммуникативного понимания, – подчеркивает Г.А. Григоров. – Будучи посредником между человеком и объективной реальностью и в то же время, ориентируясь на рыночные принципы удовлетворения нужд потребителей, медиа в решающей степени влияют на формирование социокультурного пространства личности. Направленность на конкретного индивида обусловила обретение медиа ряд определенных сверхинформационных свойств. В конце концов, медиум заменяет собой человека как коммуникатора и становится технологически детерминированным объектом»⁴.

«Медиа в своем стремлении к универсальности, предполагает абсолют медиaproстранства и медиавремени. Пространственно-временной континуум медиа предполагает идеал, то есть это идеализированное пространство и время»⁵. Человек сегодня вынужден жить в таком пространстве, в глобальной медиареальности, в мире образной «многоправдности», через которую он воспринимает окружающий мир, определяет сценарии своего поведения. Это обстоятельство значительно затрудняет его самоидентификацию, неизмеримо повышает роль индивидуальной ответственности за свое поведение – это как раз та угроза информатизации, о которой предупреждал нас М. Маклюэн⁶.

В конечном итоге, воздействие медиасредств меняет качество массового сознания и социальных отношений в направлении их либерализации и гуманизации. Видимо, по этой причине медиаобразование, соответственно и медиавоспитание, определены ЮНЕСКО как приоритетные области социально-педагогического развития XXI века. Для нас важно, что на основе информатизации общества, в результате его компьютеризации происходит коренная перестройка целей, содержания и ценностей воспитания-образования, формируется пока еще слабо изученное «медиавоспитательное пространство». Информатизация стимулировала интеграционные процессы, усилила взаимосвязи воспитательно-образовательных систем, повысила значимость их качества и эффективности др. Использование информационных технологий в воспитании личности создало возможность построения и функционирования медиавоспитания, явилось важным фактором повышения результативности воспитательного процесса. Медiateхнологии взяли на себя значительную часть функций по формированию сознания людей, воспитанию их взглядов и предпочтений. Информатизация позволяет успешно внедрять в образование Интернет-технологии, предполагает замену традиционных имеющих технологий на более эффективные для национальной системы образования, позволяет создавать виртуальную ин-

¹ Соловьева Е. Формирование медиареальности. – <http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/research/mediareality6/>

² Мирошниченко А. Форматы подачи и упаковки контента в условиях медиаконвергенции. – <http://slon.ru/calendar/event/1092196/>

³ Россия и вызовы цифровой среды: рабочая тетр. – М.: Спецкнига, 2014. – С. 11.

⁴ Григоров Г.А. Медиаобразовательное пространство на пересечении методологий философии образования и медиа-философии / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (38): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 55.

⁵ Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 2005. – 512 с.

⁶ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. – М.: Гиперборей, 2007. – С. 5.

формационную среду на уровне учебного заведения, формировать базы учебных материалов, электронные учебники, образовательные порталы, обеспечивать компьютерными программами и методическими пособиями. На этой основе создаются благоприятные условия для формирования креативности, способности обрабатывать огромный объем информации, умело действовать в условиях жесткой конкуренции рабочей силы. Медиасредства позволяют человеку выйти за пределы непосредственного индивидуального опыта, расширяют и делают более понятным окружающий мир.

Информатизация воспитательно-образовательного пространства позволяет реализовать принцип непрерывного образования, внедрить открытое образование и дистанционное обучение, значительно расширить их возможности. Изменяется сам характер знания, формы и методы организации воспитательно-образовательной деятельности, роль педагога и учащегося в учебно-воспитательном процессе. Вместо прямого управления создаются условия для совместной деятельности, для содействия, при котором роль преподавателя сводится к деятельности компетентного консультанта. Дистанционное образование позволяет получать профессиональную подготовку и современное воспитание в престижных учебных заведениях без отрыва от производства, становится доступным и привлекательным для все большей части граждан, особенно для инвалидов, женщин, военнослужащих, жителей отдаленных районов и других категорий населения. Особые надежды здесь возлагаются на Интернет как самый удобный источник, накопитель и распространитель информации, человеческого опыта и знаний.

Влияние медиа на сознание и поведение личности имеет сложный характер и оно пока изучено недостаточно. С одной стороны, это влияние сохраняет общие закономерности воздействия на сознание и психику личности. С другой стороны, общество и индивид, качественно изменившееся в условиях перехода к рынку и отсутствия существовавшего ранее социального контроля, порой отказываются воспринимать нравственно-гуманистическую составляющую поступающей информации, ее нравственное содержание. Зачастую воспринимается именно тот медиаконтент, который подает коммуникатор, выполняя, как правило, цель удовлетворения потребностей и интересов узких социальных групп, господствующей в обществе элиты. В ряде случаев в аудиовизуальных проектах специально используются деструктивные образы, оправдываемые создателями необходимостью «потрясения общества через отвращение». По мнению Г. Маркузе, это не создает положительного вектора развития личности: формируется «одномерная личность», которая становится рабом собственных ложных потребностей, навязанных ему извне¹.

Информационная спрессованность вещей, людей, отношений и их медийных образов в мире в условиях глобализации достигла в наше время своего апогея. Поэтому важнейшей задачей является решение проблемы оптимального использования медиасредств в формировании сознания молодежи, нивелирования отрицательных последствий информатизации методами и средствами воспитательно-образовательной системы.

Таким образом, в современную эпоху весь мир вещей «второй природы», социальные процессы и отношения, социальные практики и теории, социальные позиции и поля испытывают значительную трансформацию в связи с объективными мировыми процессами глобализации и информатизации. Человек сегодня вынужден жить в глобальном мире образной «многоправдности», во всеохватывающей медиареальности и через нее воспринимать окружающий мир, определять сценарии своего поведения. Это обстоятельство значительно затрудняет его самоидентификацию, неизмеримо повышает роль индивидуальной ответственности за свое поведение, актуализирует проблемы медиавоспитания личности.

Глобализация управляема, но объективно лишена нравственных регулятивов, безразлична к судьбам людей и оказывает на социум весьма противоречивое, как положительное, так и отрицательное влияния. Глобализация актуализировала осознание людьми своей общей судьбы, обусловила создание общеевропейского и мирового воспитательного пространства. В то же время, глобализация, используемая реакционными силами, все больше сводится к американской гегемонии навязывания своих образцов в корыстных целях. Она показала свой устрашающий, первозданно безнравственный, сугубо технический облик, вызвав к жизни осознание необходимости придания глобализации, прогрессу науки, техники и воспитанию человека гуманистических целей, смыслов и ценностей.

Информационная спрессованность вещей, людей, отношений и их медийных образов в мире в условиях глобализации достигла в наше время своего апогея. Поэтому, актуальной задачей становится решение проблемы оптимального использования медиасредств в формировании сознания молодежи через медиавоспитание, нивелирования отрицательных последствий информатизации методами и средствами воспитательно-образовательной системы, умелыми действиями медиаобразованного воспитателя.

¹ Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000. – С. 53; 80.

Бегалинова К.К.

д. филос. н., профессор, Казахский национальный университет г. Алматы
kalima901@mail.ru

Ашилова М.С.

к. филос. н., PhD, и. о. доцента, Казахский университет международных отношений и мировых языков, г. Алматы

Бегалинов А.С.

к. филос. н., PhD, ассоциированный профессор, Международный университет информационных технологий, г. Алматы

ДУХОВНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: образование, высшее образование, парадигмы образования, духовность, культура, модернизация, философское знание, религия, нравственность, гуманизм.

Keywords: education, higher education, educational paradigms, spirituality, culture, modernization, philosophical knowledge, religion, morality, humanism.

Во все времена образование являлось обязательным аспектом духовного развития общества, а духовность – сущностной основой образования. Проводимая во все времена на переломных этапах истории модернизация общества могла быть успешной, если опиралась на органическое единство духовно-образовательных факторов социума. Подобное единство, подобная закономерность явно проявила себя на рубеже двух веков в начале XXI века. Дело в том, что XX век проявил все негативные последствия своего бездуховного развития. Известно, что последнее десятилетие уходящего века было временем мучительных раздумий по поводу будущего человечества, общество осознавало тупиковость бездуховного развития. И поэтому начало нового тысячелетия ознаменовалось интенсивным поиском магистральной линии развития человечества. И эта линия заключается в духовности. А эта духовность есть новая ее трактовка, новое ее понимание, рожденное всеми перипетиями человеческого существования на рубеже веков, на рубеже тысячелетий. И именно это составляет главную суть модернизации общества. И если это не будет осознано, осмыслено, реализовано в конкретных социально-экономических, политических, образовательных и других программах общества, то общество будет обречено на топтание на месте, общество не совершит тот скачок, который предназначен ему судьбой.

Сегодня модернизация встает как реальная и актуальная проблема социума. Нам представляется, что главной особенностью и направлением модернизации является изменение духовного фактора, изменение его содержания, сущности, формы его выражения. Духовность начала III тысячелетия в какой-то мере является возвращением к мифологии как к началу человеческой культуры. Мифология давала возможность представить человека и мир в таком единении, которое не удавалось ни одной научной картине мира. Всякая научная картина мира представляла это целое поэтапно, миф же дает это сразу, проникает в суть мира как актуальную бесконечность. Мифическое знание есть такое единство эмпирического, чувственно-предметного и теоретического, всеобщее-конкретного, которое является целым, целостным знанием. Поэтому мифологическое знание носит вечный, а не преходящий характер. Это знание всегда пребывает в человеке, благодаря ему человеческое сознание не одномерно, а голографично, не только рационально, но и образно-художественно, богато красками, способностью к непосредственному восприятию жизни. Как мифология представляла собой целостное, нерасчлененное знание, так и современный этап духовности вырисовывается как некое целостное знание, которое вбирает, включает в себя все формы человеческого знания, духовно-практической деятельности общества. Но это, разумеется, не есть буквальное повторение целостного, целого, существовавшего в архаические эпохи человеческой истории. Это новое целое, которое обогатилось за более чем 3 тысячелетия истории человеческой духовности.

Знание общества на современном этапе включает в себя многое и разнообразное, которое можно разделить на знание донаучное, ненаучное, научное и, конечно, философское. Цель этого знания особая. Перечисленные составные части не просто рядом положенные, а взаимосвязанные и взаимозависимые как историей становления, так и объективной логикой развития. Уже немалое количество философов приходят к выводу о том, что это совокупное знание представляет собой органическое единство, основу которого может составлять религия, искусство, нравственность и т.д. Так, по мнению К. Ясперса, такой основой является религия. Он отдает предпочтение религии потому, что она имеет изначально нравственное начало и никогда его не теряла. Это очень веский аргумент, который заставляет принять его во внимание. С точки зрения российского философа В. Библера, основу такого целого составляет искусство, поскольку красота, безусловно, является цементирующим началом целого, единого. А по мнению целого ряда казахстанских философов (Г.Г. Соловьевой, С.Ю. Колчигина и других, в том числе и авторов этой статьи), основой такого целого выступает философия, а не религия, и не искусство. Дело в том, что философия – это такая область знания, которая духовность рассматривает как органическое единство истины, добра и красоты. А это и есть сущностный

подход к духовности. Именно сегодня наступает такой этап, когда духовность предстает не только в виде красоты, не только в виде научной истины, как это было в XX веке, не только в виде нравственности, доброты, как это было характерно для целого ряда эпох, напротив, сегодня наступает такой синтез, такой этап, когда все объединяется. Все, что создано культурой, не исчезает в небытие, не остается в прошлом, а актуализируется, интерпретируется, собирается в новый синтез, в новое целостное знание, основу которого, безусловно, должна составлять философия как интегрированная духовность. Исходя из этого, модернизация общества предполагает коренное качественное изменение основ бытия общества, которые должны быть объединены новой духовностью.

Речь идет о том, что социально-экономические, политические, межэтнические и другие отношения должны базироваться на такой новой целостности, основу которой составляет философски понимаемая духовность. Как никогда человек должен сегодня осознать, что не будет эффективно, успешно развиваться модернизация, если мы будем обращать внимание только на одну сторону, например, экономическую или на изменение только правовой основы общества. Изменения должны происходить глобально и одновременно по всем уровням, направлениям социального бытия, а это в свою очередь требует, чтобы человек был качественно иным, по сравнению с предыдущими эпохами. Человек должен быть в духовном плане подготовлен таким образом, чтобы иметь строго обоснованную программу и ориентир, прежде всего, на духовное обновление общества. Речь идет о том, что человек должен изменить самого себя и, будучи духовно обновленным, вносить изменения в окружающий мир, в созданное им общество не соответственно своим эгоцентрическим устремлениям, а с позиции космического разума, который должен направлять духовно обновленного человека, вносить изменения в этот мир по логике самого этого мира, а не по логике человека. Уже трагический XX век убедил человека в неправоте позиции марксистской философии, абсолютизовавшей социальную активность человека.

Большую роль в формировании подобных людей играет образование как сущностная форма жизнедеятельности общества, определяющая все остальные сферы деятельности, поскольку главной функцией образования является формирование очеловеченного общества. Образование находится согласно принципам Конфуция в органическом единстве с воспитанием, поскольку они преследуют одну цель и составляют единство как сущностный момент на пути духовно-нравственного совершенствования человека. Как справедливо в этой связи отмечал Г.С. Батищев, «человек постигает мир в формах своей собственной активности, образы предметов сливаются для него с образами, построенными им самим. В предметной действительности он усматривает результаты своих действий... Он – не обусловленный в этой способности, а обуславливающий, проецирующий себя в мир и устраивающий его как свое произведение»¹.

Не меньшую роль играет высшее образование. Во «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» подчеркивается необходимость выполнения целого ряда задач, к числу которых относятся следующие: 1. обеспечивать подготовку высококвалифицированных выпускников и ответственных граждан, способных удовлетворять потребности во всех сферах человеческой деятельности через предоставление возможности получения соответствующих квалификаций, на основе использования курсов и учебных программ, постоянно адаптируемых к современным и будущим потребностям общества; 2. обеспечивать возможности для непрерывного образования через гибкий характер получения высшего образования, предоставления учащимся оптимального диапазона его выбора и сочетания с возможностью саморазвития и социальной мобильности личности, с целью воспитания ее в духе гражданственности и активного участия в жизни общества, придерживаясь прав человека, устойчивого развития, демократии и мира в духе справедливости; 3. обеспечивать общество необходимыми знаниями с целью оказания помощи в области культурного, социального и экономического развития, поощряя и развивая естественнонаучные и технологические исследования, а также исследования в области социальных и гуманитарных наук и творческую деятельность в сфере искусства; 4. разъяснять, пропагандировать, интерпретировать, сохранять, расширять, развивать и распространять национальные и региональные, международные и исторические культуры в условиях культурного плюрализма и разнообразия; 5. защищать и укреплять общественные ценности, обеспечивая воспитание молодежи в их духе, формируя гражданственность личности и расширяя тем самым перспективы гуманизма; 6. содействовать развитию и совершенствованию образования на всех уровнях, в том числе путем подготовки преподавателей с высоким уровнем общей и профессиональной культуры². Как видим, в этом документе речь идет о качественной перестройке самого образования. Дело в том, что сегодня абсолютно невозможно профессиональную подготовку кадров вести односторонне, исключив гуманистический аспект, роль и значимость духовного развития личности.

Параметрами высшего образования в XXI веке являются гуманизация и гуманитаризация, отношение между учителем и учеником, преподавателем и студентом как субъект-субъектное, а не субъект-объектное, компьютеризация обучения и т.д. Уже в конце XX века обнаружилась недостаточность технократизма как основы и стиля воспитания и образования, и выдвигались идеи гуманизации и гуманитаризации как ведущей парадигмы в духовной сфере общества. Однако долгое господство технократического стиля мышления, образа жизни привели к негативным последствиям во многих сферах бытия общества, в том числе и в сфере образования. К примеру, господство, доминирование технократизма привело к резкому делению на профильные и непрофильные дисциплины в высшей школе. И в технических, и в медицинских вузах непрофильными назывались социально-гуманитарные дисциплины – философия, литература, языки, психология и т.д. Безусловно, такой подход обеднял сам процесс образования, превращая его в узкопрофильное, узкопрофессиональное. Это положение закрепляло и господство моноидеологии, партикулярного мировоззрения.

¹ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в философии. – М., 1969. – С. 79.

² Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры / ЮНЕСКО. – Париж, 1998.

Этот подход на рубеже веков обнаружил свою недостаточность, тупиковость. Только очеловеченный технократизм, очеловеченная техника, подчиненная гуманным целям должны изменить общество, снять его бездуховность.

Ведущей наукой сегодня, по мнению ЮНЕСКО, должна стать психология, т.е. наука о душе человека, о его самосознании и самоуправлении. Не случайно акцент сделан на душу человека, а не его интеллект, хотя многие молодые люди, согласно данным социологов, предпочтение отдают уму, интеллекту. Но, как говорил Абай, и ум, и сердце (душа) и воля необходимы человеку. Однако предпочтение мыслитель отдает сердцу, душе, которые не подведут его, человека. Именно сердце является основой человека, его черт характера, судьбы, а значит, и общества в целом. Отсюда следует, что гуманизация общества, по мнению Абая, должна проходить через сердце человека, через его душу. Это – новая интерпретация гуманизации образования, диктуемая современной духовной ситуацией.

Необходимо отметить, что сегодня меняется отношение к знанию. Интеллектуальная собственность является ведущей формой собственности. Положительной является ставка на университетское образование, которое изначально несет в себе установку на целостное, универсальное образование. Такое образование требует нового, целостного, универсалистского подхода, отличного от методологии партикулярного мировоззрения. В условиях формирования демократического государства в Казахстане культура и образование приобретают новый статус, культура становится базисом образования, образование становится одним из факторов модернизации общества.

Именно человек, таким образом сформированный образованием, может быть субъектом модернизации общества в XXI веке. Современное образование должно строиться на основе целостного философского мировоззрения, в котором человек рассматривается с позиции гармонии в нем духовного и материального, чувственного и рационального, с позиции органического единства его с космосом, природой. Ведь человек – существо Вселенной, а не случайное порождение на Земле. Он должен жить по законам Вселенной, а не по тем искусственным законам, которые он придумал сам. Необходимо понять, что Земля – это живое, это наша мать, но она вынуждена защищаться от нас, о чем свидетельствуют катаклизмы, бедствия, землетрясения. Установлено, что частота и амплитуда их достигает максимума именно в те периоды, когда на Земле происходят социальные катаклизмы. А социальные катаклизмы, как и экономические, являются следствием духовного кризиса. Еще Пифагор говорил, что человечеству угрожают три бича: материализм ученых, невежество священников и отсутствие дисциплины у демократии, на этом вырастет деспотизм.

Последние научные открытия подтверждают тот факт, что все явления природы и общества, человечества и Космоса взаимосвязаны. Солнце, планеты, Земля, природа, человек и, наконец, общество существуют как единый механизм. Об этом говорили еще древние Адепты. Согласно ведической философии общество представляет собой аналог живого организма. Человек, а значит, и общество вне какой-либо зависимости от территориальной, государственной, национальной принадлежности – часть Единого, Целого. Сам человек по ходу развития так называемой цивилизации разделил Единое на различные друг другу противоречащие образы. Необходимо осознать свое место в этой Великой Структуре. Было бы абсурдным нарушать эту закономерность: что сейчас и происходит, следствием чего и являются все социальные и экономические кризисы. Человек должен быть творческой личностью. Только творческий поиск поможет человеку стать гармонизатором социально-природной эволюции, стать субъектом модернизации общества, установить границы воздействия человека на природу.

Принципы целостного мировоззрения требуют новой трактовки образования, знания, истины, целого, чем это представлено в партикулярном (материалистическом) мировоззрении. И опять, так же как в случае с противоречием, мы сталкиваемся с забвением человека, т.к. истина рассматривается только как соответствие знания объекту, т.е. узко рационалистически, прагматически (односторонне). Казалось, что принадлежность истины отдельному человеку делает ее гуманной. Но это субъективизм, эмпиризм, опять та же односторонность. В этом смысле истина Абсолютна, она есть целое и ее критерием, мерилom выступает добро, нравственное начало.

Важным понятием логики целостного мировоззрения является целое, которое детерминирует части. В материалистической диалектике целое рассматривается как сумма частей в случае неживой природы (механическое целое), тогда она зависит от частей, и целое – больше суммы частей, если это органическое целое. В логике целостного мировоззрения все суть Единое, т.е. органическое единство материального и духовного. Поэтому всегда целое детерминирует части. Дело в том, что целое «может содержать эти части в себе потенциально, а отнюдь не в виде фактического и материального существования» (Лосев А.Ф.). Это не означает, что такая логика отрицает специфику механического и органического. Она просто понимает целое по-другому, и такое понимание ближе к Истине, помогает разрешить многие противоречия дуальной логики, материалистической диалектики, например, противоречие между живым и неживым, проблему происхождения живого и другое. «Мир как органическое целое, т.е. как живой и разумный, лишь внешне является материальной, физической и даже механической структурой. Он есть не просто вещество, а мыслящий организм – Существо. И это Существо эквивалентно человеку»¹.

Итак, современное философское мировоззрение не может быть односторонним, партикулярным, оно должно стать целостным. Но современный этап развития человечества, духовности свидетельствует о формировании всего знания человечества как новой целостности, нового синкрета, (новой мифологии?!), вбирающего в себя все формы знания – философию как целостное мировоззрение, религиозное мировоззрение, научное и ненаучное (паранаучное и художественное) знание. Это диктуется логикой целостного мировоззрения.

Единство религиозного и философского мировоззрения проявляется через метафизику, метафизические проблемы, одной из которых выступает аксиологическая проблема. Эта проблема свидетельствует о наличии в человеке двух миров – видимого (явленного) и невидимого (неявленного). Человек трансцендирует, выходит за пределы своего эмпирического существования, соприкасается с миром неявленным, божественным, наиндивидуальным, содержа-

¹ Колчигин С.Ю. Логика целостного мировоззрения. – Алматы, 1993. – С. 144.

щим в себе все высшие ценности – Истину, Добро, Красоту, Совесть, Любовь, Бога. Всем этим истинам нет места в нашем наличном бытии, их корни в другом, метафизическом мире, который мы носим с собой. Мы все – равноправные субъекты этого мира, у нас общая метафизическая Родина. Национальные культуры в своих лучших образцах суть способ явленности этого метафизического мира. Поэтому национальное легко входит в мир общечеловеческих ценностей. Это свидетельствует о том, что философия и религия едины, своим объектом познания имеют человека в единстве с Миром, их различие несущественное (большой акцент на веру или на знание). Оба эти мировоззрения в единстве, взаимосвязи помогают человеку в преодолении его частичности, односторонности, а следовательно, в разрешении глобальных проблем современной цивилизации.

Итак, духовное изменение общества означает изменение его основ. Нам пора давно отрешиться от установки на то, что бытие изменяет сознание. Это настолько узкопрактический и узкопрагматический подход, который может иметь определенное тактическое значение, но ни в коем случае не стратегическое. Пока человек не осознает, пока люди не проникнутся мыслью о том, что их духовное обновление, качественное изменение является основой, фундаментом изменения всего социума, до тех пор не будет качественного обновления, глубинной модернизации общества.

Духовно обновленный, по-новому возрожденный человек будет модернизировать все стороны жизни общества. Например, с позиции гармонии, согласования всех сторон социального развития будет решать бытийственные задачи. И сегодня уже не вызывает критики положение о том, что движущей силой социального развития должен выступать не только Разум, но Космический Разум, что не мозг человека становится органом мыслительной деятельности, а человеческое сердце, любовь сердца. Человеческое сердце, его любовь являются таким мощным источником интенсивного, гуманного, очеловеченного развития общества, которое не идет ни в какое сравнение с предыдущим этапом его истории.

Чтобы человек был достоин этой важной исторической миссии, он должен быть по-новому образован. И если до сих пор образование являлось функцией общества, готовящей людей для того, чтоб осуществлять властные функции, если до сих пор образование базировалось на человеческом «эго», то новая историческая ситуация требует пересмотра основ этого образования. Прежде всего, сама глубинная духовная модернизация общества меняет и качество, и статус образования. Образование является орудием, методом, способом проведения этой новой духовности, образование формирует человека новой формации, человека, приобщенного к космическому Разуму, полпреда «лучистого человечества».

Современное человечество переживает очень ответственный этап своего развития. От того, насколько он будет соответствовать целям и задачам социальной модернизации, будет зависеть развитие общества в целом, его способность качественно изменяться, его способность выдержать испытание временем, испытание историческим этапом своего бытия. Это очень ответственный момент нового тысячелетия. Будет ли человек соответствовать ему – покажет только будущее. И мы, живущие сегодня, постараемся сделать все, чтобы приблизить это время.

Бойченко М.И.¹

д. филос. н., профессор, Киевский национальный университет

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПУТИ СБЛИЖЕНИЯ

Ключевые слова: национальные интересы, европейские ценности, этос Европы, Европейский Союз.

Нередко приходится констатировать, что европейские ценности не всегда в полной мере представлены и защищены в конкретных решениях отдельных европейских государств. Это свидетельствует о том, что, возможно, европейские ценности не во всем совпадают с национальными интересами отдельных европейских стран, и не только тех, которые не входят в Европейский Союз (ЕС), но и самих ее членов. Такая парадоксальная ситуация требует прояснения и выявления путей гармонизации европейских ценностей и национальных интересов отдельных европейских государств. При этом расхождения интересов каждый раз оказываются иными, а европейские ценности вот уже много столетий оказываются теми же.

Европейские ценности являются не только духовной позицией, которую обозначают философы и политики, как например Эдмунд Гуссерль² или главы государств-членов НАТО³, но и базовые документы ЕС⁴, которые представляют эти ценности как стратегические нормативные правовые основания существования Европейского Союза. Эти документы получили свою оценку в специальных исследованиях ученых, которые указывают на наличие определенного общего этоса Европы, который включает в себя, кроме европейских ценностей, также и законы и общее представление о справедливости на этой основе⁵. Это позволяет предполагать, что национальные интересы европейских стран как членов ЕС, так и тех стран, которые декларируют свое стремление войти в этот союз – не могут не коррелировать с этими ценностями, как минимум, а на практике – неизбежно опираются на эти ценности. В самом деле, за последние столетия статус большинства европейских государств существенно менялся, а соответственно ощутимо менялись и национальные интересы тех обществ, которые эти государства представляли. Но все более явной оказывалась конвергенция тех ценностей, которые признавали разные национальные государства, эти ценности постепенно вошли в Конституции всех европейских государств, независимо от их международного статуса – нейтральных, членов межгосударственных или надгосударственных объединений.

Каковы эти ценности? 7 декабря 2000 в городе Ницца была принята Хартия фундаментальных прав Европейского Союза, в которой основными ценностями (по которым названы основные разделы) заявлены: достоинство, свободы человека, равенство, солидарность, права гражданина, справедливость. Однако вступительный раздел этой Хартии все же посвящен теме мира, который и составляет высшую, основополагающую европейскую ценность⁶.

Европа исторически пришла к верховенству этой ценности довольно долгим и мучительным путем – через вековые войны и заключение мирных договоров во все большем масштабе: от временных межгосударственных договоров на локальном уровне до общеевропейских договоров между ведущими странами Европы и даже до договоров глобального характера⁷. При этом выяснилось, что договора приобретали все большую стойкость к попыткам их разрушить именно благодаря тому, что внутри государств-участников этих договоров их собственные общества приходили постепенно к признанию тех ценностей, которые потом и выносились на уровень международного общения. Другими словами, пока сами общества не отбрасывали идеи войны, пока сами они не пришли к признанию верховенства законности, уважению к правам личности, определенным ценностям достоинства, которое базировалось не на идее национальной исключительности, а на сочетании социальной справедливости с солидарной ответственностью за нее и правовыми механизмами ее воплощения и защиты.

Однако, с определенного момента то, к чему приходили отдельные государства, стало общим достоянием и сферой ответственности межгосударственных объединений. В самом деле – если, на первый взгляд, права человека и

¹ Профессиональные интересы: социальная философия, политическая философия, философия образования, теория социальных систем, институциональный анализ. E-mail: boychenkomu@gmail.com

² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – М., 1986. – № 3. – С. 101–116.

³ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе (2018) Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 11–12 июля 2018 года. – https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru

⁴ Charter of fundamental rights of the European Union (2000/C 364/01). – http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf

⁵ Williams A. The ethos of Europe: values, law and justice in the EU. – Cambridge: Cambridge university press, 2010. – 360 p.

⁶ Charter of fundamental rights of the European Union (2000/C 364/01). – http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf

⁷ Бойченко М. Європейські цінності освіти в умовах постконвенційного патріотизму. «Освіта і доля нації». Сучасна школа: тенденції розвитку і рефлексія досвіду: Матеріали XVIII Міжнародної науково-практичної конференції (19–20 травня 2017 р.) / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. – Харків: ХНПУ, 2017. – С. 24–28.

гражданина можно защищать и собственными силами государства, без обращения к международному авторитету (международного права, политического авторитета межгосударственных объединений и тому подобного), то такую ценность, как мир, невозможно защитить только собственными усилиями – если, например, соседнее государство ведет политику войны. Защита мира является коллективной задачей. В частности это регулярно заявляют страны-члены НАТО: «Мы полны решимости защищать и оборонять нашу неделимую безопасность, нашу свободу и наши общие ценности, в частности свободу личности, права человека, демократию и верховенство права»¹.

Если принятие общих ценностей является результатом длительного исторического процесса становления ценностей внутри каждого из обществ, а также непростого согласования значения этих ценностей в межгосударственных отношениях, то угрозой для сохранения этих ценностей является их непризнание любым из участников межгосударственных договоров на основе этих ценностей. Конечно, можно менять состав международных организаций, исключая и принимая некоторые страны-члены в зависимости от отказа или принятия базовых ценностей. В этом нет ничего трагического, ведь это не означает прекращения существования самой формальной организации. Например, ЕС пополнилась несколько десятилетий новыми членами, а недавно один из ключевых ранее членов ЕС – Великобритания – начала процедуру выхода из ЕС. И это не приведет к разрушению ЕС, хотя и заставляет провести тщательную ревизию и возрождение своих базовых ценностей. Отдельные национальные интересы не должны ставиться выше этих ценностей – иначе вслед за Великобританией могут заявить о выходе и другие страны.

Кроме того, чтобы предотвратить возможный выход из состава ЕС, следует допускать большую свободу стран-членов ЕС вступать в различные другие международные организации. Ведь межгосударственные отношения, которые выходят за рамки ЕС, не обязательно являются вызовом европейским ценностям или отрицанием их. Например, сотрудничество в рамках НАТО является взаимодействием стран, которые признают европейские ценности, даже если эти страны географически не принадлежат Европе. Так, США, Канада, Великобритания (которую, очевидно, не следует уже считать членом ЕС) и другие неевропейские географически страны-члены НАТО, явно следуют европейским ценностям, о чем свидетельствует их история и базовые правовые документы. Об этом следовании как об общем европейском «духе», который не привязан географически к Европе, а распространился и по другим континентам, еще задолго до возникновения НАТО писал Эдмунд Гуссерль². Возможны и другие формы межгосударственных отношений, которые выходя за рамки ЕС, у стран-членов ЕС – отношений как внутри ЕС, так и с другими странами, которые придерживаются европейских ценностей.

Так, например, исследование Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля демонстрирует смещение стран по ценностной шкале, которое показывает, что ценности остаются теми же, а вот их носители могут меняться³. Об этом пишет в частности также Инглхарт, когда исследует эволюцию культурных ценностей обществ как причину глобальных политических изменений⁴.

Кроме того, сам по себе факт непризнания норм договоров не является критическим для существования ценностей – возможно, сама критика некоторых норм является попыткой лучше, более глубоко и полно проинтерпретировать и реализовать эти ценности, а вовсе не отбросить и перечеркнуть их. Не обязательно менять ценности – можно изменить или даже просто уточнить интерпретацию этих ценностей, принимая другие, новые или параллельные альтернативные нормы как воплощение и реализацию этих ценностей. На этой основе можно допускать возникновение параллельных межгосударственных соглашений и даже объединений. Примером может служить проект Интермариума как объединяющий на основе европейских ценностей страны от Черного до Балтийского моря – как члены ЕС, так и другие страны, в том числе и Украину⁵.

Таким образом, сближение национальных интересов и европейских ценностей возможно благодаря, как минимум, трем направлениям работы: 1) ревизии и возрождению истинного понимания европейских ценностей, на основании чего осуществлять пересмотр участия в формальных международных организациях; 2) смене носителей европейских ценностей в случае существенной корректировки национальных интересов; 3) созданию параллельных, альтернативных межгосударственных объединений на основании одних и тех же европейских ценностей.

¹ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе (2018) Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 11–12 июля 2018 года. – https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru

² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – М., 1986. – № 3. – С. 110.

³ Inglehart R., Welzel Chr. (2013) The WVS Cultural Map of the World. – [https://web.archive.org/web/20131019112321/http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54; EVS/WVS \(2020\). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2021 Dataset \(Joint EVS/WVS\). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7505. Dataset Version 1.0.0, doi:10.4232/1.13095](https://web.archive.org/web/20131019112321/http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54; EVS/WVS (2020). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2021 Dataset (Joint EVS/WVS). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7505. Dataset Version 1.0.0, doi:10.4232/1.13095).

⁴ Inglehart R. Cultural Evolution. Peoples Motivations are Changing and Reshaping World. – Cambridge University Press, 2018.

⁵ Boichenko M. Intermarium as One of the Future European Image of Ukraine // Future Human Image. 2020. – Vol. 13. – P. 6–13. – <https://doi.org/10.29202/fhi/13/1>

Вольтер О.В.¹

д.полит.н., к.филос.н., профессор, Армавирский государственный педагогический университет

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЙСКИЕ ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Российские исламские организации, политика «мягкой силы», политическая коммуникация, гуманитарная дипломатия, позитивный имидж России, религиозные и духовно-нравственные ценности.

Keywords: Russian Orthodoxy Church, Russian Islamic organizations, polity of «soft force», political communication, humanitarian diplomacy, positive image of Russia, religious and spiritually-moral values.

Мягкая сила – это форма внешнеполитической стратегии, которая позволяет добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Американский политолог Джозеф Най считал, что язык и культура страны – это «мягкая сила», которая играет важнейшую роль в международных отношениях, во многом определяет мировую политику и деловые контакты. Идея использовать «мягкую силу» в управлении государством принадлежит древнекитайским философам. Лао-цзы, живший в VI веке до н.э., говорил: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет».

В российской политике категория «мягкой силы» была впервые применена президентом Владимиром Путиным в его программной предвыборной статье по внешней политике «Россия и меняющийся мир» (2012 г.). В. Путин определил «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия.

«Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире – и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский»². Таким образом, наравне с информационной политикой развивается еще одна составляющая российской «мягкой силы» – публичная дипломатия во всех ее проявлениях, а «мягкая сила» является важной составляющей современной международной политики.

Гуманитарная дипломатия основывается исключительно на применении факторов «мягкой силы». При этом она обращается к общечеловеческим ценностям, расширению культурного обмена, продвижению национальной культуры и языка, защите прав и свобод граждан, соблюдению норм международного права. Гуманитарная дипломатия способствует участию сторон в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческой деятельности, помощи населению, пострадавшему в условиях бедствий и войн, предотвращению преступлений против человечества, угнетения и дискриминаций людей.

На сегодняшний день в системе международных отношений сложилась ситуация, когда лидеры США и стран НАТО все чаще склоняются к возможности применения «жесткой силы» в политических и экономических отношениях со странами, не являющимися членами Североатлантического Альянса. Да и в отношениях между странами США и Евросоюза, США и Канады в последние месяцы все чаще просматриваются элементы торговой войны, спровоцированной президентом США Дональдом Трампом.

Как считает министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, в международных отношениях сложилась ситуация, которая во многих отношениях хуже, чем во времена холодной войны. Тогда существовали две империи: Западная и Советская, каждая из которых подогревала конфликты с соперником на территории третьих стран. Но никогда не на своих границах и никогда напрямую. Даже публичная риторика была мягче. Тогда оба лагеря не переходили грани дозволенного. Сегодня никаких правил больше нет. За последние три года произошло окончательное «размытие» каких-либо правил и границ в международной политике и дипломатии, которые существовали раньше и которые глобальные игроки никогда не нарушали.

¹ Область научных интересов: политическая роль религиозных организаций, национальная политика и национальные отношения, региональная геополитика, внутренняя политика, политические процессы. E-mail: volter17@list.ru

² Косачев К. России нужны новые подходы к «мягкой силе» // Портал Российская газета. – <https://rg.ru/kosachev-site.htm>

«Безусловно, жестче сейчас... Сегодня никаких правил больше нет. Уровень конфронтации нарастает, что видно и по риторике – взять хотя бы недавнее заявление министра обороны Великобритании Майкла Фэллона о превентивном ядерном ударе»¹.

Руководитель Центра внешней политики России Института экономики РАН Борис Шмелев в своем интервью Марии Безчастной сказал: «Развитый мир вступил в постиндустриальную фазу и находится в периоде постмодернизма. В этих условиях нет четких правил, нравственных и международно-правовых критериев, которые бы определяли качественные параметры действий человека и политики, а также их законность. Проще говоря, нет понимания того, что такое хорошо и что такое плохо...

В последние годы принципы международного права постоянно нарушаются и игнорируются, прежде всего, Западом, который руководствуется своими политическими интересами. Это такие фундаментальные принципы, как невмешательство во внутренние дела государства, территориальная целостность, неприменение силы»².

Формирование позитивного имиджа России в мире в условиях хаотичности и нестабильности международного миропорядка – одна из ключевых внешнеполитических задач страны. Позитивное восприятие страны в мире обеспечивает развитие экономической и социальной сферы, способствует эффективному разрешению противоречий с другими странами и субъектами международных отношений, усиливает позиции государства на мировой арене. А это особенно важно в условиях негативного информационного давления со стороны западных держав.

В данной ситуации очень важно, на наш взгляд, пропагандировать и внедрять в систему международных контактов основные качества российской цивилизации, основанной и веками формировавшейся на религиозных и духовно-нравственных ценностях, – это духовность, доброта, терпимость, вера, истина, уважение, взаимопомощь, нравственность, справедливость. На внешнеполитической арене необходимо четко позиционировать Россию как основу самостоятельной цивилизации, как сильное независимое государство, выступающее за равноправие всех государств и многополярное мироустройство.

Как считает А.О. Наумов, на сегодняшний день в России можно выделить несколько наиболее активно действующих институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии: МИД и его структуры, неправительственные организации и институты гражданского общества, глобальные СМИ (российские телеканалы, например, канал «Russian Today»), ведущие университеты страны, РПЦ и Ислам³.

Огромную роль в пропаганде духовно-нравственных ценностей российской цивилизации играет Русская Православная Церковь и Исламские религиозные институты и фонды как активно действующие институты «мягкой силы» и общественной народной дипломатии.

29 октября 2015 г. в Москве прошел третий международный форум «Религия и мир». На секции, посвященной теме «Религиозные благотворительные организации в России и в мире», выступил председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. Он подвел итоги социальной деятельности РПЦ за последние десятилетия.

Благотворительность всегда была важнейшей частью церковной жизни. После революции церковная благотворительная деятельность была запрещена, но церковь продолжала заниматься благотворительностью тайно. В 1991 г. РПЦ получила возможность вновь беспрепятственно заниматься социальным служением. Социальная система государства в 90-е годы находилась в тяжелом состоянии: в больницах не хватало медикаментов, средств гигиены, персонала для ухода за больными. Добровольцы и сестры милосердия помогали нуждающимся. В 2000 годах благотворительность стала одной из основных задач РПЦ. За 25 лет было создано 72 приюта для бездомных, 56 пунктов выдачи вещей, 11 автобусов милосердия, 70 реабилитационных центров для наркозависимых, 232 церковных проекта, в которых помощь получают алкоголезависимые. Благотворительные программы действуют в России и в странах СНГ.

Синодальный отдел проводит бесплатное дистанционное обучение социальному служению через Интернет. Благодаря этому в год появляется в среднем 150–200 новых социальных проектов в разных регионах России и странах СНГ. В обучении участвуют как церковные, так и светские социальные работники.

В Синодальном отделе по благотворительности отлажена четкая система реагирования на крупные чрезвычайные происшествия. «Во время пожаров 2010 г. Церковь стала одним из главных координаторов помощи пострадавшим: в работе участвовало около 8 тысяч добровольцев, – сказал епископ Пантелеимон. – Многие священники и сестры милосердия прошли обучение при МЧС и готовы в кратчайшие сроки выехать на место происшествия, чтобы оказать людям помощь». РПЦ помогала пострадавшим от наводнений в Крымске, на Дальнем Востоке, на Алтае, в Хакасии и Забайкалье, в Сербии и на Филиппинах.

Важным направлением в работе РПЦ стала помощь мирным жителям, пострадавшим от военного конфликта на юго-востоке Украины. С лета 2014 г. работал церковный штаб помощи беженцам, пункты гуманитарной помощи и церковные приюты. Только в Москве обратилось свыше 20 тысяч беженцев, нуждавшихся в помощи»⁴.

Регулярно направляется гуманитарная помощь нуждающимся мирным жителям на юго-восток Украины. С конца декабря 2014 г. Синодальный отдел по благотворительности отправил на юго-восток Украины более 500 тонн продуктов, что позволило обеспечить питанием более 80 тысяч человек.

¹ Минаев С. Интервью Сергея Лаврова. Интервью № 33. // МИД МЭН. Журнал Esquire.ru. – <https://esquire.ru>

² Безчастная М. России нужно готовиться к столетию хаоса. (Интервью) // Aurora.network. – <http://aurora.network/articles/>

³ Наумов А. Мягкая сила и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Портал Перспективы. – <http://www.perspektivy.info/rus/>

⁴ Церковная благотворительность: главные итоги за 25 лет // Портал Русской Православной Церкви, Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. – <http://www.diaconia.ru/>

РПЦ оказывает посильную помощь в восстановлении Сирии.

3 декабря 2017 г. в ходе своего выступления на Архиерейском соборе президент России Владимир Путин заявил, что рассчитывает на то, что Русская Православная Церковь сможет оказать посильную помощь в деле послевоенного возрождения Сирии. «Рассчитываю, что Русская Православная Церковь, опираясь на свой авторитет в мире, окажет посильное содействие в объединении усилий мирового сообщества для возрождения Сирии», – объявил президент Путин в ходе выступления на соборе. По словам президента, православная церковь могла бы применить свои возможности для оказания гуманитарной помощи гражданам пострадавшей от войны Сирии и оказать содействие в восстановлении разрушенных культурных центров¹.

Межрелигиозная делегация Рабочей группы Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ в феврале 2017 г. посетила Сирию и Ливан, куда была доставлена партия гуманитарной помощи, средства на которую были собраны российскими верующими. Груз весом 77 тонн раздали нуждающимся в Дамаске и Алеппо, а также в лагере беженцев в долине Бекаа на ливанско-сирийской границе.

«Мы прекрасно понимаем, что Сирия является сегодня тем местом, где решается мировая политика... Несмотря на все это, мы, как люди веры, находимся вне политики. Мы готовы помогать всем, кто страдает там. Наша позиция не меняется: политикой пусть занимаются политики. Мы занимаемся благим делом – гуманитарной миссией», – заявил начальствующий епископ Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) Сергей Ряховский².

По мнению главы Духовного собрания мусульман России муфтия Альбира Крганова, сирийский народ должен определить свою судьбу без какого-либо вмешательства извне.

10 декабря 2017 г. в Москве состоялась встреча членов Межрелигиозной рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии, Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России, секретаря ОВЦС по межхристианским отношениям иеромонаха Стефана (Игумнова) и председателя Духовного собрания мусульман России муфтия Альбира Крганова с министром по делам вакуфов Сирийской Арабской Республики шейхом Мухаммадом Абдус-саттаром Ас-Сайидом. М. Абдус-саттар Ас-Сайид высоко оценил роль России и российского народа в освобождении Сирии от террористов, и поблагодарил религиозные общины России за оказываемую гуманитарную поддержку.

Исламские благотворительные организации играют важнейшую роль в миротворческой деятельности в разных регионах мира, способствуют участию сторон в ненасильственном разрешении политических, военных и социальных конфликтов, помогают людям, пострадавшим в бедствиях и войнах. Региональный общественный фонд имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова оказал гуманитарную помощь более 10 тысячам жителей и беженцев из Сирии, пострадавшим в результате военных действий. Крупные благотворительные акции проведены Фондом и для беженцев из Мьянмы.

«В период месяца Рамадан более 10 тысяч человек получили помощь Фонда в виде продуктов питания, одежды, предметов гигиены. Для них также проводится ифтар. В районе Касиун города Дамаска, где живут наиболее бедные слои населения, по просьбе старейшин Фонд оказал помощь местным лечебным учреждениям», – отметил Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. При этом Рамзан Ахматович добавил, что в то же время широкомасштабные акции проходят в городах Алеппо и Дамаск. «Кроме того, РОФ ежемесячно оказывает финансовую помощь более 400 детям-сиротам Алеппо и Дамаска. Такая работа ведется уже более двух лет. Фонд наладил эффективную работу пунктов выдачи гуманитарной помощи»³.

Р. Кадыров рассказал о благотворительной акции для беженцев из Мьянмы. «Региональный общественный фонд имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова организовал крупную благотворительную акцию, направленную на поддержание беженцев из Мьянмы. Их лагеря расположены вдоль границы на территории Бангладеш. В священный месяц Рамадан в семи лагерях беженцев проводится ежедневный ифтар для пяти тысяч человек. Эта акция охватит до 150 тысяч постящихся», – написал Р.Кадыров. Президент Чеченской Республики сказал, что для медпунктов был приобретен запас медикаментов и ингаляторов искусственного дыхания для 24 тысячи нуждающихся в медицинской помощи.

«В лагерях беженцев имелись проблемы с водоснабжением. РОФ профинансировал установку трех водонапорных башен для питьевой воды по 20 тонн каждая, были оборудованы 50 колодцев. Это значительно облегчило положение людей в лагерях»⁴, – отметил Р. Кадыров.

Более того, Фонд выделил средства на проведение других масштабных работы. Отреставрировано 10 мечетей в лагерях беженцев. Ста имамам мечетей оказана материальная помощь.

Глава Чечни на протяжении многих лет развивает связи с мусульманскими странами. Р. Кадыров выполняет роль посредника в общении с исламским миром. Работают чеченские власти и с диаспорой. Так, в прошлом году благотворительный Фонд им. Ахмата Кадырова в Германии, в Киле, провел благотворительную акцию в честь праздника Курбан-байрам – на торжественный ужин были привезены беженцы из Сирии, Ирака и других стран.

¹ Путин В. Рассчитываю на помощь РПЦ в деле возрождения Сирии. // Портал Федеральное агентство новостей. – <https://riafan.ru/>

² Миссия религиозных деятелей РФ в Сирии находится вне политики // Портал Религия и мировоззрение. – <https://ria.ru/religion/>

³ РОФ имени Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова проводит масштабные благотворительные акции в Сирии и в лагерях беженцев из Мьянмы // Официальный портал Главы и Правительства чеченской Республики. – <http://chechnya.gov.ru/>

⁴ Там же.

Нельзя не упомянуть о проводимой правительством Чеченской Республики программе возвращения детей, вывезенных их родителями на территорию Сирии и Ирака. Процесс возвращения детей начался после того, как глава Чечни в начале августа 2017г. опубликовал в Instagram видеоролик, снятый корреспондентами RT в детском приюте в Багдаде и рассказывающий о российских детях, родители которых примкнули к ИГИЛ, вывезли их из страны, а затем бросили после освобождения Мосула. В репортаже газеты The New York Times из Грозного сообщается, что речь идет о сотнях, а по некоторым данным о тысячах детей, которых с собой привезли родители, находящиеся в САР для поддержки «Исламского государства» (террористическая организация, деятельность которой запрещена в России). Благодаря активной помощи Рамзана Кадырова за это время удалось вернуть 71 ребенка и 26 женщин. Как сказал министр Чечни по национальной политике, внешним связям, печати и информации Джамбулат Умаров: «Стране, которая предпочитает выигрывать войны с помощью ракетных ударов с массовым человекоубийством, разумеется, не понятно, как можно спасать детей противника, когда они по “расчету” должны погибнуть вместе с нехорошими родителями. По-американски это вполне “гуманно”. А тут Россия с ее снисходительностью возвращает несчастных малышей к их дедушкам и бабушкам, нарушая за океанскую стратегию установления глобальной “демократии”»¹.

Региональный общественный фонд имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова оказал гуманитарную помощь жителям Донбасса, отправляя в Народные республики Донецка и Луганска сотни тонн продуктов и товаров первой необходимости². РОФ имени Ахмата Кадырова был создан в 2004 г. в целях оказания благотворительной помощи нуждающимся гражданам. За весь период существования Фондом была оказана помощь десяткам тысяч остро нуждающихся людей, как в России, так и за ее пределами.

Таким образом, гуманитарная дипломатия Русской Православной Церкви и Ислама как факторов «мягкой силы» в продвижении духовно-нравственных ценностей Российской цивилизации является особенно важной. Она играет одну из ключевых ролей в формировании процессов политической коммуникации. А это является весьма актуальным в условиях политической нестабильности в системе современных международных отношений.

¹ Чеченский министр признался, зачем Россия возвращает детей боевиков из Сирии // Портал Национальная служба новостей. – <http://nsn.fm/>

² Кадыров Р. Чечня доставила в Донбасс крупную партию гуманитарной помощи // Портал Россия сегодня. – <https://ria.ru/society/>

Газнюк Л.М.

д. филос. н., профессор, профессор кафедры философии и теологии, НИУ «БелГУ»

ФЕНОМЕН ПАНДЕМИИ: КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Ключевые слова: пандемия, сакральное, профанное, религиозно-мифологическая направленность, первобытное мышление, естественные причины, мистическое, божественное, человеческое.

Keywords: pandemic, sacred, profane, religious and mythological orientation, primitive thinking, natural causes, mystical, divine, human.

Раскрытие феномена пандемии предполагает рассмотрение ее основ, а именно: во-первых, как воспринимается пандемия в ее религиозно-мифологическом измерении и в бытии человека, то есть речь идет о ее культурно-антропологических смыслах. Выяснение религиозно-мифологических истоков феномена пандемии через бинарную оппозицию «сакральное – профанное» является одним из базовых в культурно-антропологическом постижении этого глобального явления и предполагает несколько аспектов. Первый аспект нашел отражение в исторических текстах религиозно-мифологической направленности, где можно найти свидетельства о событиях, связанных с пандемией. Второй аспект имеет генетическую природу, поскольку тексты религиозно-мифологической направленности не только повествуют о пандемии в истории определенной части человечества, но и содержат понимания истоков этих событий. Третий аспект носит мировоззренческий характер, о чем свидетельствуют примеры пандемии в религиозно-мифологических текстах, расширяющие границы дискурса этой проблемы с биологического и медицинского к социокультурному и философскому. Четвертый аспект представляется как интенциональный, раскрывающий особенности направленности феномена пандемии в горизонте сакрального и профанного миров.

В античной и христианской традиции яркой иллюстрацией является «Царь Эдип» Софокла, «Исход» из Пятикнижия Моисея и Откровение Иоанна Богослова. Трагедия Софокла «Царь Эдип» является свидетельством о пандемии в античном мире. Читаем в прологе, где происходит завязка сюжета, как жрец Зевса обращается к вождю Фив:

Наш город, сам ты видишь, потрясен
Ужасной бурей и главы не в силах
Из бездны волн кровавых приподнять¹.

Ту же, но более масштабную картину встречаем и в книге «Исход» Ветхого Завета. Текст из Священного Писания дает страшные картины: «... вся вода в реке превратилась в кровь, и вымерла рыба в ней. Стала зловонной река, и египтяне не могли уже пить воду из нее. Повсюду в Египте кровь была вместо воды»²; «и вышли жабы и покрыли землю Египетскую» [там же, с. 65]; 3) «... и появились мошки на людях и на скоте. Вся земная пыль превратилась в мошек по всей египетской земле» [там же]; «... налетело множество песьих мух в дом Фараонов, и в дома рабов его, и на всю землю Египетскую; земля сия погибала от песьих мух» [там же, с. 66]; «... если ты не захочешь отпустить [народ Мой] и еще будешь удерживать его, то вот, рука Господня будет на скоте твоём, который в поле, на конях, на ослах, на верблюдах, на волах и овцах: будет моровая язва весьма тяжкая» [там же]; «... и сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте. И не могли волхвы устоять пред Моисеем по причине воспаления, потому что воспаление было на волхвах и на всех Египтянах» [там же]; «... и был град и огонь между градом, [град] весьма сильный, какого не было во всей земле Египетской со времени населения ее. И побил град по всей земле Египетской все, что было в поле, от человека до скота, и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал [там же, с. 67]; «И напала саранча на всю землю Египетскую и легла по всей стране Египетской в великом множестве: прежде не бывало такой саранчи, и после сего не будет такой; она покрыла лице всей земли, так что земли не было видно, и поела всю траву земную и все плоды древесные, уцелевшие от града, и не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской» [там же, с. 68]; «... и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня» [там же]; «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И встал фараон ночью сам и все рабы его и весь Египет; и сделался великий вопль [во всей земле] Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца» [там же, с. 70].

Таким образом, определены десять событий. С точки зрения возможностей возникновения и существования пандемии все эти события делятся на три группы. Первая группа содержит три события – язва, воспаление с нарывами на людях и скоте, а также смерть египетских первенцев. Учитывая их тотальный характер, эти события подлежат определению в качестве пандемии. Вторая группа содержит пять событий – преобразования речной воды в кровь и мор

¹ Софокл. Царь Эдип / Пер. с древнегреческого. Б. Тена. – К.: Дніпро, 1981. – С. 65.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2007. – С. 64.

рыбы в реке, поражения лягушками, мошками, собачьими мухами, наводнения саранчи. Кажется, что эти события не являются непосредственно пандемиями, но они могут быть очень серьезным толчком к возникновению пандемий. Выражаясь современным языком, эти явления можно рассматривать как некое биологическое оружие, применение которого, как правило, ведет к появлению эпидемий. Наконец, третья группа содержит только два природных события – сильный град с огнем и наведение тьмы. Представляется, что эти события имеют амбивалентный, пограничный характер. Они способны подтолкнуть к пандемии через наведение страха, отчаяния, пасование перед обстоятельствами, но в то же время, вызвать совсем другую реакцию – сопротивления, поиска выхода. В качестве примера вспомним Прометея:

«Они раньше и глядя не видели
И слухавши не слышали, в сонном бреду
Всю жизнь без просвета блуждая»¹.

Рассмотрим второй генетический аспект религиозно-мифологического основания. В качестве истоков пандемии указывается нарушение определенного закона, установленного богом или богами. Эдип «в Дельфы к оракулу / Послал Креонта – сына Менекеевы / И жена брата – расспросить, что делает / И как умолять, чтобы спасли город нам» [там же, с. 66]. И Креонт, вернувшись, говорит, что язва – это кара богов за убийство предыдущего обладателя Фив Лая. Чтобы избавиться от язвы, которую наслал Арес, необходимо найти и наказать убийцу или убийц: «За это убийство ясно требует бог / На убийцах, хотя бы и кто это был, отомстить» [там же, с. 68].

В случае обозначенных выше событий в «Исходе» Пятикнижия Моисея мы имеем дело с невыполнением фараоном божественной воли отпустить народ иудейский из Египта: «Я видел страдания народа Моего в Египте и услышал вопль его от представителей его, Я знаю скорби его и иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей и ввести его в землю хорошую и пространства, где течет молоко и мед»². Вот эту волю Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Якова Моисей и Аарон передали фараону. Тот, в свою очередь, отреагировал так: «Кто такой Господь, чтобы я послушался голоса Его и отпустил сынов Израиля? Я не знаю Господа и Израиля не отпущу» [там же, с. 62]. Однако всемогущий Господь предусматривал такую реакцию: «Но Я знаю, что [фараон] царь Египетский не позволит вам идти, если не принудить его рукою крепкою; и протяну руку Мою и поражу Египет всеми чудесами Моими, которые сотворю среди него; и после того он отпустит вас» [там же, с. 60]. Если попытаться совместить указанные события в «Царе Эдипе» Софокла и «Исходе» Пятикнижия Моисея, то пандемия возникает вследствие разрыва между планом божественного и человеческого существования. И здесь мы имеем дело не только с распространением пандемии, но со всей напряженностью религиозно-мифологической проблематики, которая разворачивается по оси «сакральное – профанное». Бинарная оппозиция «сакральное – профанное» существует как единство и борьба божественного, священного плана бытия и человеческого, светского и предусматривает пространственное и временное измерения. Например, М. Элиаде настаивает на том, что светское пространство представляет собой нейтральную, однородную, аморфную массу ..., где человек движется согласно собственным житейским потребностям³. В противоположность ему, сакральное пространство является точкой отсчета, которая позволяет ориентироваться в его хаотическом окружении [там же, с. 260].

Сакральность, благодаря своему вторжению в светское пространство структурирует последнее определенным образом, внося в него ряд приоритетов, которыми человек способен пользоваться в своем бытии. Светскому времени присуща линейность, оно движется от прошлого к будущему через точку «здесь и сейчас», постоянно ускользает, и это движение невозможно воспроизвести снова [там же, с. 284]. В противоположность этому священное время можно неоднократно повторять в ритуале [там же, с. 285]. Если светское время возможно отслеживать благодаря часам, то сакральное время раскрывается путем проникновения в сущность священных текстов, или принятия участия в ритуальных событиях. Почему есть возможность для подобного положения вещей? Здесь необходимо рассмотреть особенности первобытного сознания. Феномен пандемии отражает определенные отношения между человеком и богом или богами. При этом эти отношения невозможно свести только к нарушениям человеком или народом правил или законов, установленных божественным промыслом. Скорее, эти нарушения являются частью более сложного социокультурного механизма, но для этого необходимо предоставить определенную разметку первобытного сознания. Обратимся к наработкам Л. Леви-Брюля⁴, который неоднократно подчеркивает то обстоятельство, что первобытное мышление не только кардинально отличается от современного, но, более того, его практически невозможно адекватно описать доступными нам средствами, поскольку оно имеет свою логику, которая является непроницаемой для наших представлений и требует разработки новой терминологии, новых подходов к изучению и пониманию⁵.

В первобытном мышлении можно выделить ряд слоев: 1) мистический; 2) коллективный; 3) пралогический; 4) сопричастный; 5) словесный. Ощущение мистического – первый фундаментальный признак первобытного мышления. В главе о мистических силах [там же, с. 42–74] Л. Леви-Брюль настаивает, что все, что окружает человека, все, с чем он вступает в отношения в естественной и социальной среде, проникнуто атмосферой мистического и рассматри-

¹ Софокл. Царь Эдип / Пер. с древнегреческого. Б. Тена. – К.: Дніпро, 1981. – С. 41.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2007. – С. 60.

³ Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Пер. с фр. А. Васильевой, Ю. Стефанова, Н. Гарбовского. – М.: Ладомир, 2000. – 282.

⁴ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 400 с.; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – М.: Педагогика пресс, 1994. – 608 с.

⁵ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – С. 20.

вается как знамение какой-то нуминозной силы. Любой объект имеет тайные свойства, которые связывают его со сверхъестественным миром. Если современный человек способен разграничивать естественное и сверхъестественное, чудесное и обычное, то для первобытного сознания такой границы не существует. Мир здесь представляется как некое сплошное целое, сочетающее обе стороны. Присутствие мистических сил является тотальностью для первобытного мышления. Поэтому направленность первобытного мышления к мистическому измерению существует и действует вне пространства и времени и является причиной того, что оно не обращает внимания на естественные причины.

Ощущение мистического является основой понимания любой болезни. Л. Леви-Брюль отмечает, что представления о болезни вполне мистичны. Болезнь рассматривается как проявление специфического агента, которого можно наблюдать и чувствовать, но можно трактовать в зависимости от обстоятельств¹. Отсюда и смерть никогда не бывает естественной, это – следствие влияния определенного духа. Причина смерти имеет мистический характер. Любая смерть – это убийство, причем, убийство сознательное, которое осуществляется с помощью магических действий. Поэтому первобытный человек, как правило, живет в постоянном состоянии тревоги, потому что он не способен предусмотреть и предупредить беду. Различные мистические силы, особенно в архаических традициях, находятся в различных состояниях: дружбы, любви, и наоборот, вражды и войны, и человек не может предсказать особенности этих отношений. Если он попадет в пространство или перекресток, где между мистическими силами имеет место вражда, то человеку это может стоить жизни. Второй признак первобытного мышления – коллективный характер представлений. Он возможен по условиям биосоциального понимания человека, который не может существовать автономно, но только в пределах определенного коллективного образования как целостного организма. Если человек по каким-то обстоятельствам нравственного или правового характера, болезни и т.п. изгоняется из общины, это означает для него неминуемую смерть². Коллективные представления не имеют тех логических черт и свойств, которые характерны для современного рационального сознания. Они предполагают, что вещи могут влиять на жизнь людей, и здесь действует принцип «быть в этом – значит быть благодаря этому». Коллективным представлениям присуща целостность или полисинтетичность, когда не существует границ между фактическим и мистическим. Вот почему здесь наблюдается отождествление изображений животных и самих животных, а вещи (амулеты) имеют мистические свойства, которые способны защищать или уничтожать. Поэтому предметы, сущности, явления являются здесь же собой и одновременно чем-то другим. В коллективных представлениях такие феномены как имя, тень, духи понимаются как то, что существует реально, как определенная субстанция. Это возможно, потому что слова и вещи в первобытном сознании тождественны, и если человек произносит слово или имя, то тем самым он вступает в определенные отношения с той сущностью, которую назвал или позвал. На этом построен механизм магии и молитвы, где происходит непосредственное общение с божественной сферой. Поэтому одна из главных заповедей в иудаизме и христианстве – не произносить имя Господа всуе. Что касается тени, то по первобытным представлениям, тень может быть одним из инструментов и каналов связи между явным и потаенным, благодаря которым человеком можно манипулировать. И наконец, в отличие от современных представлений, которые способны разделять образ объекта, эмоцию, которую он вызывает у нас, и нашу ответную моторную реакцию, коллективные представления являются слитыми с эмоционально-моторными, для них – это единый комплекс [там же, с. 44]. Третий признак первобытного мышления – его пралогический характер³. Оно не является ни алогичным, ни антологическим и имеет собственный сложный синтаксический порядок. Пралогическое мышление транслируется социальным путем благодаря мифологическому характеру языка и мифологическим понятиям. При этом оно является однообразным. Это обусловлено однообразием первобытного общества, которое еще не имеет такой дифференциации, вступающей в силу и развивающейся на последующих этапах становления. Пралогическое мышление предполагает определенную предварительную работу – наследие, которое переходит от одного поколения к другому, и поэтому здесь наблюдается фундаментальная роль памяти. Оно представляет собой скорее не психологический, а культурно-онтологический феномен. Это не столько место сохранения определенной информации, сколько возможность быть в связи с истинным бытием. Это наглядно наблюдается в таком явлении как феноменальная топографическая память. В отличие от современного мышления, которое четко разграничивает природу и культуру, для пралогического мышления не существует такого разделения: реальность ощущается как мистическая, она описывается не законами физики, а мистическими связями. Видимый и невидимый миры для пралогического мышления едины. Пралогическое мышление имеет синтетический характер, в нем связи представлений являются данными наряду с представлениями, а сам синтез носит целостный недифференцированный характер. Как и современное мышление, пралогическое мышление способно реализовывать процедуры абстрагирования, подчинения, классификации и т.п. Но для понимания специфики этих процедур необходимо очертить еще один важный признак первобытного мышления – закон сопричастности или партиципации. Л. Леви-Брюль формулирует закон сопричастности таким образом, что между сущностями или предметами, которые ассоциируются с помощью коллективных представлений, существуют определенные сопричастности [там же, с. 301-306]. Основными формами существования сопричастности является ошупь, перенос, симпатия, действие на расстоянии и тому подобное. Если вернуться к событиям «Исхода» Ветхого Завета, то ясно видно, что в первобытном мышлении процедура абстрагирования подчинена закону сопричастности. Если для современного мышления абстрагирование – это обобщение, осуществляемое путем поиска существенных черт объекта, и именно такой путь был отрефлексирован Аристотелем, то в первобытном мышлении

¹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – М.: Педагогика пресс, 1994. – С. 156.

² Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – С. 366.

³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Е. Кальщикова. – М.: Педагогика пресс, 1994. – С. 258–262.

абстрагирование – это отделение, проведение определенного предела (англ. separation), который устанавливает горизонт бинарной оппозиции «мы/они». Господь отделяет евреев от египтян, избирая их для осуществления Своей воли: «Я Господь, и выведу вас из-под ига египтян, и избавлю вас от рабства их, и спасу вас рукой протянутой и судами великими; приму вас Себе в народ и буду вам Богом, и вы узнаете, что Я Господь, Бог ваш, вывел вас [из земли Египетской] из-под ига египетского; и введу вас в ту землю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее по наследству»¹. И здесь еврейский народ узнает о сопричастности Богу Иегове.

Что касается процедур обобщения и классификации, то они подчиняются закону сопричастности. Вернемся к явлениям, которые поразили Египет, когда фараон отказался отпускать евреев: язва, воспаления с нарывами на людях и скоте, смерть египетских первенцев, превращение речной воды в кровь, мор рыбы в реке, поражения лягушками, мошками, собачьими мухами, наводнения саранчи, сильный град с огнем и наведение тьмы. Их следует разделять и классифицировать с точки зрения возможностей возникновения и существования пандемии, и это, действительно, разные вещи. Сильный град с огнем и наведение тьмы – это ужасные явления, но для нас они вполне естественны. Также и язву, воспаление с нарывами мы пытаемся объяснить через обычные, естественные обстоятельства. Если ежегодно в ноябре-декабре или феврале приближается эпидемия гриппа, то это обусловлено снижением температуры, холодной погодой или активизацией определенных микроорганизмов, инициирующих болезнь. Первобытное мышление видит в массовых болезнях проявление воли мистических сил. Все многообразие данных явлений объединяет воля Бога Израилева, и первобытное мышление их обобщает и классифицирует не под углом возможности возникновения и существования пандемии, а под углом соответствия (или несоответствия) деяний и процессов в социуме воле Господа. Если эти деяния и процессы не соответствуют его воле, то мы имеем дело с определенными нарушениями, которые и вызывают определенные наказания. Любое чрезвычайное явление рассматривается первобытным сознанием как знамение или причина неприятного события, которое должно произойти, и поэтому действенность лечения, по мнению Л. Леви-Брюля, зависит целиком от ассоциаций и партиципаций духовной и магической природы². Он определяет общую схему обычаев следующим образом. Любая положительная цель (исцеление больного, поимка добычи и т.п.) осуществляется с помощью целой системы средств, среди которых есть и средства, имеющие мистический характер. Охота становится возможной, если между определенным животным и охотниками устанавливается мистическая сопричастность. Отсюда вытекает целая совокупность обычаев, способных устанавливать такую сопричастность. Болезнь является происком того или иного духа, и поэтому больничные средства имеют успех только тогда, когда «врач» – шаман – находится в общении с этим духом, способен овладеть им и заставить уйти волей или неволей и т.д. [там же, с. 278].

Таким образом, если рассматривать детерминистские связи в пралогическом мышлении, то следует выделить две формы: первая форма – это коллективные представления, которые определяют предварительные ассоциации, а именно: если нарушено табу, то произойдет несчастье. Что касается второй формы, то этот свершившийся факт (язва, заболевания людей и скота, смерть первенцев и т.п.), обусловленный мистической причиной (или волей Господа). Еще одним важным аспектом является вербальный, который с точки зрения Л. Леви-Брюля касается использования слов или языка в самом общем смысле и является одним из важнейших аспектов жизни [там же, с. 387]. Дело в том, что определенная речь (особенно молитва), или рисование, или жестикуляция могут установить или уничтожить важные и страшные сопричастности. Моисей обращается к Богу с просьбой открыть Его собственное Имя: «вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Его имя? Что сказать мне им?» [3, с. 60]. Господь, в свою очередь, открывается как Сущий: «Я есмь Сущий ... так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам ... Вот имя Мое навеки, и памятование обо Мне из рода в род» [там же, с. 60]. Что касается жестикуляции, то можно привести интересный пример. Господь говорит Моисею: «и жезл этот [который был превращен в змея] возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения» [там же, с. 61]. Четвертый интенциональный аспект постижения феномена пандемии в горизонте «сакральное – профанное» заключается в том, что здесь феномен пандемии анализируется в контексте содержательных взаимоотношений между сакральным и профанным мирами.

Таким образом, культурно-антропологические смыслы феномена пандемии открываются исходя из установки, что пандемия с точки зрения религиозно-мифологических истоков есть результат проявления и действия божественных сил в человеческом мире в координатах «сакральное – профанное», что можно рассматривать в четырех аспектах: как непосредственные свидетельства о пандемии («Царь Эдип» Софокла, «Исход» Ветхого Завета, Откровение Иоанна Богослова), как прямые предвестники пандемии (разнообразные животные), как косвенные (природные бедствия) и генетический аспект, где пандемия является следствием разрыва или разлада между сакральным и профанным мирами. Этот разрыв наблюдается как нарушение людьми законов, установленных богами или Богом, и мировоззренческого закона, где оценку пандемии дает первобытное сознание в имманентных координатах, таких как мистичность и тотальность нуминозного и коллективного представлений, которые характеризуются синкретичностью, недифференцированностью, биосоциальным характером жизни человека; пралогичностью с ее собственной логикой и мнемоническо-символическим характером понятий; подчиненностью закону сопричастности, а не закону противоречия; субстанциальностью измерения понятий, где слова и вещи отождествляются; интенциональностью в двух направлениях: от сакрального к профанному (пандемия как наказание за совершенные грехи) и от профанного к сакральному (страдание и как следствие наказание, раскаяние, очищение). Пандемия с точки зрения ее религиозно-мифологического

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2007. – С. 63.

² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Е. Кальшикова. – М.: Педагогика пресс, 1994. – С. 285.

основания является манифестацией в виде массового заболевания, катастрофической радикализацией разрыва между сакральным и профанным мирами, что со стороны сакрального является наказанием за нарушение божественных законов и напоминанием человечеству о себе, а в контексте профанного мира как страдание – раскаяние.

Журба (Белов) А.Н.

независимый исследователь, ФРГ

belov909@mail.ru

МАНИФЕСТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *цивилизационная теория, цивилизационная идентичность, национальные ценности, национальная идея, культурно-историческая общность, гражданское согласие, евразийство, модернизация.*

Keywords: *civilization theory, civilization identity, national values, national idea, cultural-historical community, civil harmony, Eurasianism, modernization.*

Преамбула

Евразийская цивилизация (ЕАЦ) насчитывает более 11 веков своего существования. История зарождения и формирования ЕАЦ как культурно-исторической общности составляющих ее народов непосредственно связана с процессом становления и развития исторической России. Ядро ЕАЦ, включающей в себя десятки различных народов, образует русский народ. На протяжении столетий его главную отличительную национальную особенность, определившую тип и формы организации общественной жизни и экономического уклада ЕАЦ, составляли нормы общинного коллективизма, характерные для первых христианских общин, где сильный помогает слабому, слабый заботится о сильном, где царит дух товарищеской взаимопомощи и поддержки, где доблесть, честь и совесть ценятся превыше всего, а алчность, страсть к деньгам и наживе презираются. Именно этот набор ценностей лег в основу ЕАЦ и образовал важнейшую цементирующую связку, сплотившую разные народы в единую цивилизацию.

Принципы коллективного общежития, взаимопомощи, тесного сотрудничества, солидарного поведения на протяжении веков глубоко закрепились в сознании составляющих ЕАЦ народов, стали неотъемлемой частью их мировоззрения и заложили основы их неповторимой цивилизационной идентичности. Подавляющее большинство жителей ЕАЦ неизменно отдавало предпочтение «общим» интересам. «Частные» интересы членов общества при этом не отрицались, но им придавалась подчиненная роль¹. В безусловном признании «общего» более важным, чем «частное», состояло главное отличие ЕАЦ от прочих цивилизаций, и прежде всего от Западной Цивилизации (ЗЦ), в которой основополагающей чертой является культ индивида, свободного от каких-либо обязательств перед другими людьми и находящегося в непрерывной ожесточенной борьбе с себе подобными.

Кардинальное различие мировоззренческих основ этих двух цивилизаций неизбежно отразилось на жизненном устройстве народов, составляющих эти цивилизации, на их менталитете, нравах и обычаях, на образе их мыслей и действий. ЕАЦ относилась к вошедшим в ее состав народам с глубоким уважением к их национальной культуре, верованиям, обычаям и традициям. ЗЦ же напротив, неизменно и жестоко подавляла и порабощала целые народы, беспощадно выкорчевывала их национальные традиции, язык, самобытную культуру. Это положение неопровержимо доказывается многими достоверными историческими фактами. Так, например, в XVI веке к Руси было присоединено Казанское ханство, проводившее до той поры разбойничью ордынскую политику набегов, грабежей и увода в рабство русского населения. Но никакой жестокой мести после покорения Казани со стороны захватчиков не последовало. Совершенно напротив, влившись в состав Русского государства бывшие жители Казанского ханства с самого начала стали обладать равными правами с коренными жителями – уже в правительстве Ивана Грозного имелись татарские представители. А сегодня народы, населявшие когда-то Казанское ханство – татары, чуваша, башкиры, удмурты, мордва имеют свою государственность, университеты, науку, СМИ. Они беспрепятственно сохранили и развили свою национальную культуру, традиции, язык.

В том же XVI веке испанские конкистадоры беспощадно разграбили и уничтожили высокоорганизованные многомиллионные государства инков и ацтеков, население которых приняло захватчиков за посланцев неба. Народы, населявшие эти государства, были большей частью уничтожены, оставшиеся были порабощены или рассеяны. Их высокая культура была безвозвратно утрачена. Бездонная пропасть в отношении к «иным» народам у ЕАЦ и ЗЦ сохранялась на протяжении всех последующих веков. Так, например, при освоении Аляски подвигники ЕАЦ открывали школы, училища, где обучали местное население на их же родном языке, старательно его перед тем выучив. С их помощью народ алеутов получил свой первый букварь и собственную письменность. Первое, что сделала американская администрация, сменив российскую, – запретила родной язык алеутов и русский заодно.

¹ Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 1. – С. 87.

То, насколько судьба народов Казанского ханства контрастирует с судьбой народов государства инков, ровно настолько контрастируют мировоззрение и основополагающие нравственные ценности ЕАЦ с мировоззрением и доминирующей моралью ЗЦ.

Обрушившийся на ЕАЦ в начале XX века тяжелый системный кризис завершился победоносной социалистической революцией и созданием государства нового типа – СССР, в котором коллективистские, соборные традиции и ценности ЕАЦ получили дальнейшее всестороннее развитие, сплотившее народы СССР в единую семью – единый советский народ, единую советскую цивилизацию.

Но уже в конце XX века ЕАЦ подверглась новому испытанию, вызванному стратегическими просчетами высшего руководства, заскорузлым догматизмом в общественных науках и, как следствие, полным отсутствием живого, творческого подхода к новым вызовам времени. В результате темпы роста благосостояния народов ЕАЦ, уровень их жизни начали заметно отставать от тех же темпов и уровня в развитых странах. Этим основанием в полной мере воспользовались тайные и явные недоброжелатели и откровенные враги идеи солидарного, коллективистского общества, принявшиеся активно порочить все его проявления и одновременно всячески превозносить «прелести» неограниченного владычества множества частных интересов, перманентный конфликт между которыми якобы автоматически приносит обществу благоденствие и процветание. С помощью изощренной пропагандистской компании им удалось поселить подозрительность и недоверие среди когда-то братских народов, внушить многим людям чуждые народам ЕАЦ ценности – крайний эгоизм, алчность, всепоглощающий культ золотого тельца. В результате массовой пропаганды ядро ЕАЦ – русский народ – решительно отступил от своей традиционной формы общественного устройства – сплоченного коллективизма, которому был верен тысячу лет. Расплата последовала незамедлительно – многие миллионы людей, безвременно ушедших из жизни; развал единой цивилизации на отдельные куски, сопровождавшийся полным разрывом тесных прежде культурных, исторических, научно-технических и экономических связей; сокрушительный разгром высокоразвитой социально-экономической системы; потеря продовольственной, технологической и политической независимости. И все это в мирное время, в полное отсутствие климатических катастроф, кровавых нашествий или моровых эпидемий.

Установившаяся ныне в России в результате нескончаемых либеральных реформ модель государственного устройства формально не имеет идеологии. Но по умолчанию в ней главенствует парадигма ЗЦ – «каждый сам за себя!», «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой!», на бой, разумеется, с себе подобными. Для общества, столетиями существовавшего на принципах коллективизма – «один за всех и все за одного», чуждая парадигма эгоизма и непрерывной конкурентной борьбы разрушительна. Это со всей очевидностью доказывают не только нестабильность и катастрофические провалы в социально-экономической системе, но и наблюдающийся повсеместно страх подавляющего большинства граждан нашей страны как за собственное будущее, так и за будущее своих детей. Проводимые опросы общественного мнения фиксируют запредельный уровень социального пессимизма нашего народа – больше половины россиян не верят в то, что они и их дети в обозримом будущем смогут жить счастливо в справедливо устроенном обществе¹. Значительная часть молодых людей стремится навсегда покинуть свою родину только потому, что в собственной стране, на земле своих предков они чувствует себя ненужными, забытыми обществом изгоями, лишенными всяких перспектив.

Данный МАНИФЕСТ формулирует необходимые условия для успешного преодоления обрушившегося на ЕАЦ системного кризиса и обретения в первую очередь русским народом, как основой ЕАЦ, уверенности в своем будущем и будущем грядущих поколений.

Но, прежде чем перейти к основным положениям МАНИФЕСТА, мы должны ответить на вопрос – что есть человек вообще и что есть русский человек в своей самобытной частности.

1. Этические основы бытия и эволюция ЕАЦ

1.1. На протяжении всей истории своего существования, в самых изолированных, далеких от исторических цивилизаций племенах и народах, включая самые малочисленные, человеческое общество никогда не было стадом диких животных – человек всегда жаждал найти идею для оправдания своего существования, всегда нуждался в обладании законченной картиной мира, опирающейся на логично выстроенное, неразрывное мировоззрение. Эту жажду овладения «тайной мироздания» он удовлетворял созданием различных мифологических, этических, философских, религиозных систем.

Русское православие, в лоне которого русский народ зарождался, развивался и за тысячу лет вместе с другими народами ЕАЦ достиг небывалого расцвета и могущества, является ортодоксальной ветвью христианского учения. Согласно ему Человек – венец вселенной – был произведен на свет Создателем по образу и подобию своему. Поэтому Человек, в логике христианского учения, не может быть никем и ничем иным, как «клоном» самого Создателя, т. е. Создателем, или Созидателем. Из этого неизбежного в христианской философии заключения следует прямой и очень важный вывод, а именно – смысл появления и существования Человека на планете Земля заключается не в потреблении, не в разрушении, а именно в созидании. В созидании всего – дома, семьи, детей, умных, надежных машин, произведений искусства, в конечном счете, всей среды обитания и даже близлежащих сфер. А самый главный вывод из этого учения состоял в том, что клоном Создателя является КАЖДЫЙ, рожденный земной женщиной человек, неза-

¹ Россияне не верят в светлое будущее России. – https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiyane_ne_veryat_v_svetloe_budushee_rossii/

висимо от цвета кожи, наличия или отсутствия именитых предков или толщины их кошелька, и потому жизнь КАЖДОГО человека а priori священна и неприкосновенна.

1.2. Эпоха Реформации и последовавшая за ней эпоха Просвещения непосредственно не коснулись ЕАЦ, но возвестили всему миру пришествие нового мировоззрения. Философы Просвещения одарили человечество новой системой взглядов на самого человека, на его место в природе и на смысл его существования, которая в корне отличалась от традиционной. Оказалось, что человек всего лишь игрушка случая, нечаянный каприз матери-природы, возникший из горсти песка и куска глины после миллиардов случайных физико-химических взаимодействий. Из этого положения следовал ряд неизбежных выводов, а именно:

во-первых, человек ничем не лучше остальных явлений живой природы и является всего лишь частью животного мира, а посему его жизнь и смерть стоят не дороже все той же горсти песка или жизни и смерти дождевого червя;

во-вторых – и на него распространяются все суровые законы дикой природы, в частности, до сих пор научно недоказанная теория Дарвина о происхождении видов путем конкуренции, борьбы за существование и естественного отбора, по которой слабые, беспомощные, плохо приспособившиеся к изменившимся условиям особи обречены на неотвратимую гибель.

Эти положения, вместе с протестантской этикой, поделившей всех людей на «богоизбранных» и прочих – «отверженных», легли в основу нового этапа развития ЗЦ – расцвета дикого либерального капитализма, при котором прежняя, традиционная мораль и прежние отношения между людьми подменялись исключительно коммерческим интересом индивида. Новый общественно-экономический уклад максимально развил в ЗЦ человеческий эгоизм и одновременно довел до крайнего предела разобщенность и одиночество. Тем самым традиционное общество западных стран было окончательно разрушено.

1.3. Вплоть до начала XX века на бескрайних просторах России безраздельно царствовал тысячелетний традиционализм с его вечными, незыблемыми законами.

Но ветры перемен, задувшие с Запада начиная с реформ Петра, стали постепенно завладевать настроением и умами наиболее активных представителей народов ЕАЦ. И если внедрение научно-технических практик Просвещения в России прошло органично и почти бесконфликтно, то идеи рационального социально-политического и экономического устройства привнесли в стабильное прежде общество нарастающую смуту. Прежний вековой уклад жизни народов ЕАЦ стал подвергаться разрушительным атакам приверженцев радикальных либеральных политических течений, и в России началась эпоха «крушения кумиров».

Глубокий системный кризис начала XX века, в отсутствие адекватной государственной политики царского правительства, вполне логично и неизбежно перерос в череду революций и Гражданскую войну, которая завершилась полной победой одного из самых радикальных социалистических течений – большевизма. Секрет победы большевиков над смутой и анархией, воцарившейся на рубеже веков в ЕАЦ, заключался в создании ими и активном проведении в жизнь новой идеологии – блестящего синтеза новейшей социально-экономической теории ЗЦ – марксизма с идеальными представлениями народов ЕАЦ о «земном рае» и с их традиционным укладом жизни – сельской общиной.

Новая большевистская идеология в короткий срок овладела умами огромных масс людей и в конечном счете спасла ЕАЦ от неминуемого распада. Именно благодаря ей, в переходный, трагический момент крушения «старого мира» народам ЕАЦ удалось не только бережно сохранить, но и многократно умножить главную жизненную опору ЕАЦ – общинно-коллективистские ценности, основанные на традиционных понятиях всеобщей любви, добра и справедливости. Именно это обстоятельство – сохранение в неприкосновенности основополагающих ценностей, объединивших народы ЕАЦ в единую цивилизацию – позволило содружеству народов СССР быстро преодолеть разруху Гражданской войны, в рекордные сроки создать в стране современную индустрию, науку, медицину и образование, победить страшного врага – германский фашизм, быстро восстановить разрушенное войной хозяйство, создать новые отрасли, современное, «для всех» здравоохранение, овладеть энергией атома, первыми прорваться в космос и в конечном итоге заслуженно и уверенно занять место второй сверхдержавы мира.

1.4. Либеральная революция, навязанная народам ЕАЦ «сверху» в конце XX века имеет ряд отличий от революции начала века. Но главное ее отличие состоит в том, что она всей силой нового пропагандистского оружия – электронных СМИ – обрушилась на основу основ ЕАЦ – его общинный, соборный дух в форме товарищеского коллективизма. В результате, после издевательской, глумливой расправы над примерами тесных товарищеских отношений, бескорыстной дружбы и сотрудничества как между людьми, так и между братскими народами, все многообразие человеческих отношений, включая семейные, все формы общественных связей неумолимо были сведены к примитивным купи-продажным сделкам, представленным пропагандистами рыночных реформ в качестве единственного возможного способа успешного существования общества. Революция конца XX века моментально рассыпала когда-то единый советский народ на атомы-индивиды и провозгласила единственно достойной целью жизни каждого атома-индивида получение им личной материальной выгоды. При этом интересы окружающих этого индивида людей никакого значения не имели. Результат либеральной революции нам хорошо известен – деградация, вымирание населения, продолжающиеся уже почти 30 лет; бесцельные перманентные либеральные реформы, приведшие к развалу экономики, высокотехнологичного производства, науки, образования, всей социальной системы и превратившие в итоге передовую индустриальную цивилизацию мира в сырьевой придаток, в «мировую бензоколонку».

1.5. Однако, несмотря на все испытанные потрясения, на дряхлеющую долгие годы агрессивную пропаганду либеральных ценностей ЗЦ, и прежде всего индивидуализма, личного корыстного успеха, в своей основе большинство народов ЕАЦ по-прежнему остаются верными своим исконным традиционным ценностям добра, справедливости, то-

варищества и взаимопомощи. Это утверждение неоспоримо подтверждается всеми проводимыми опросами общественного мнения и вселяет надежду на успешное преодоление затянувшегося кризиса¹.

Но одновременно мы видим и препятствия, стоящие на этом пути и угрожающие не только свободному и благополучному развитию народов ЕАЦ, но и существованию самой России, как носителю единственной и неповторимой цивилизации, призванной, как и любая другая цивилизация, веками исполнять свое высшее предназначение.

2. Угрозы России-ЕАЦ в XXI веке

Угрозы России мы подразделяем на два вида – внутренние и внешние.

К внешним угрозам относятся угрозы геополитического порядка.

2.1. С Запада на Россию неотступно надвигается НАТО, не прекращающее заверять в своих мирных намерениях и одновременно не прекращающее строить новые военные базы и аэродромы у самых границ, проводить многочисленные военные учения.

2.2. На Юге, несмотря на стратегическое поражение в Чечне, продолжают активную деятельность радикальные исламские организации, стремящиеся к овладению новейшим оружием, в том числе массового уничтожения и настойчиво пытающиеся поставить под свой контроль коренных российских мусульман. Их основной метод деятельности – терроризм, несущий смертельные угрозы всему населению России.

2.3. С обширных, малозаселенных территорий Востока продолжается отток русского населения, что явилось прямым следствием внутренней катастрофы – полного провала либеральных рыночных реформ. Но эти громадные пространства в современном глобализованном мире не будут долго оставаться «бесхозными», к ним уже давно и по-хозяйски расчетливо присматриваются могучие восточные цивилизации. Поэтому эту угрозу можно назвать комплексной – как внутренней, так и внешней. Существенное изменение этнического состава населения юга Сибири и Дальнего Востока угрожает извне потерей громадных территорий «де юре». Между тем именно здесь сосредоточены богатейшие запасы природных ресурсов как возобновляемых, так и исчерпаемых.

2.4. Огромный северный треугольник со сторонами по меридианам Кольского полуострова и Чукотки, с вершиной на Северном полюсе, до середины 90-х годов безраздельно принадлежал СССР, а затем России. Теперь, после того как администрация Ельцина подарила этот гигантский треугольник всему миру, на эти бескрайние территории и бывшие исключительно российскими запасы углеводородов претендуют все страны планеты, имеющие территории, прилегающие к Северному Ледовитому океану.

2.5. В общей сложности Россия владеет пятой частью мирового минерально-сырьевого потенциала, при этом ее население составляет 2% от населения земного шара. Таким образом Россия неизбежно станет в ближайшее время полем ожесточенной войны за громадные невосполнимые природные ресурсы.

2.6. К внутренним угрозам в первую очередь следует отнести угрозу распада страны и составляющих ее народов.

«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет».

Эти слова Христа наиболее точно выражают сегодня самую главную внутреннюю угрозу существованию России как суверенного государства и, соответственно ЕАЦ как уникальной и неповторимой цивилизации.

Первый этап разделения России – развал СССР по национальным границам союзных республик – прошел удивительно легко и практически без всякого сопротивления со стороны «дружной семьи народов», населявших СССР. Однако в новообразованных государствах не только не исчезли, но даже усилились впервые явно проявившиеся в ходе «перестройки» многочисленные этнокультурные трещины, что привело к вооруженным конфликтам и нескончаемой человеческой трагедии даже на коренных территориях проживания народов, составлявших ЕАЦ.

Помимо этнокультурных, появились в разделившейся ЕАЦ новые трещины и даже линии раскола. Не миновала их и Россия – РФ.

К главным линиям раскола РФ помимо прежнего этнокультурного добавились раскол мировоззренческий, раскол между бедными и богатыми, раскол между поколениями.

2.6.1. Самым опасным расколом по-прежнему является этнокультурный раскол. Но не меньшую опасность представляет собой и мировоззренческий раскол, который с начала «шоковых реформ» разделил наше общество на два враждебных лагеря, живущих в разных системах этических норм. Люди, принадлежащие этим лагерям, исповедуют прямо противоположные ценности, принадлежащие двум взаимоисключающим друг друга мировоззренческим платформам, в одной из которых «человек человеку друг», а в другой «человек человеку волк». Поэтому примирение и тем более плодотворное сотрудничество представителей этих двух лагерей невозможно по определению.

2.6.2. Опасность раскола между бедными и богатыми состоит в грубом нарушении общепринятых, традиционных норм справедливости, а именно справедливости распределения общественного богатства. В первую очередь этот раскол связан с преступной грабительской приватизацией, которая никогда не обретет легитимность в глазах народа, убежденного в том, что преступление, выразившееся в нарушении высшего жизненного принципа – справедливости, не имеет срока давности.

2.6.3. Традиционный раскол по линии «отцы и дети» в настоящий момент предельно обострен одновременным присутствием в нашем обществе многочисленных других расколов и прежде всего мировоззренческим расколом. Нынешние отцы и дети не только не понимают друг друга и резко, неуважительно конфликтуют, но даже не имеют возможности обменяться мнениями по жизненно важным вопросам, ввиду отсутствия между ними малейшего контакта. Между тем место отцов в нашем обществе прочно заняли всевозможные иностранные специалисты и советники, как

¹ Опрос ВЦИОМ «Русский характер». – <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10415>

правило, представители ЗЦ, рьяно проповедующие чуждые нашему народу ценности и этические нормы. Массированная, агрессивная пропаганда примитивных корыстных устремлений индивида, ненасытной жажды удовлетворения его потребительских инстинктов на фоне полной свободы самовыражения до основания разрушает традиционные формы воспитания подрастающего поколения, построенные на естественных человеческих чувствах долга, привязанности, любви, сострадания, ответственности за далеких и близких. Поэтому можно утверждать, что наше общество, наша цивилизация, повсеместно поддаваясь происходящей подмене наших традиционных ценностей неолиберальными, стоит на пороге самоликвидации.

2.6.4. Самый неестественный раскол нашего общества недавно отметил свой юбилей – столетие со дня рождения. Это раскол на «белых» и «красных» патриотов. Его неестественность заключается в его длительности, причем при полном отсутствии сил, когда-то его породивших. Большевики, меньшевики, монархисты, эсеры, Белое офицерство давно исчезли с политической арены, примирившись в общем созидательном труде – строительстве новой России – СССР, в котором принимали активное участие и многие бывшие члены Временного правительства. Окончательную точку в расколе «белых» и «красных» патриотов поставила Великая Отечественная война. Значительная часть белоэмигрантов, оставаясь патриотами своей родины, встала тогда на сторону Советской России, окончательно признав ее как преемницу исторической России. Оставшаяся часть, приняв сторону немецко-фашистских захватчиков, превратилась из «белых» патриотов в обычных врагов. Поэтому сегодняшнее деление на «белых» и «красных» не имеет никаких реальных оснований, а является нелепым, злонамеренным, искусственно поддерживаемым конфликтом, имеющим определенные политические цели, и в первую очередь поддержание внутреннего напряжения и нестабильности нашего общества.

2.7. Следующей по значению является угроза окончательной потери технологической независимости и превращения страны в «мировую бензоколонку».

К сожалению, принимавшиеся до сих пор правительством РФ попытки реанимации отечественного хайтека не привели к желаемому результату – превращению страны из сырьевого придатка мировой экономики в ведущую индустриальную державу с современным, хорошо развитым научно-техническим потенциалом. За все время реформ зависимость РФ от экспорта энергоресурсов возросла более чем в 10 раз, рубль стал самой неустойчивой валютой в странах «большой двадцатки», а половина промышленных активов находится под контролем нерезидентов¹.

2.8. Умышленная и настойчиво проводящаяся в жизнь подмена высокого культурного и образовательного уровня населения примитивным культом потребительства, дополненным скудным набором вульгарных развлечений, неизбежно перечеркнет все планы модернизации и в конечном итоге станет основной причиной неминуемой деградации страны и ее народа.

2.9. Угроза потери человеком права на труд является сегодня наиболее распространенной во всем мире. Во многих развитых странах проблема трудоустройства населения находится в числе приоритетных. В России же важнейший вопрос занятости большей частью отдан на откуп «свободному рынку».

2.10. Как известно, на сегодняшний день в России национальной идеологии нет – чересчур стерильная Конституция РФ ее отменила. Но безыдейность общества, отсутствие единых устремлений, одной, общей на всех мечты прямо ведет такое общество к деградации, разложению и распаду. К тому же официальный отказ от идеологии вовсе не означает, что национальный идеологический трон нынче сиротливо пустует. Как известно «свято место пусто не бывает» – поэтому на этом троне без приглашения, без вверительных грамот пытаются усесться все кому не лень. И лучше остальных пока это удастся западной идеологии с ее циничным, всепоглощающим лозунгом: «make your money!» любой ценой. Существующая ситуация идеологического вакуума, а значит, неуправляемости и вседозволенности представляет собой огромную угрозу всей стране и чревата анархией и перманентными цветными революциями.

2.11. Некритическое, слепое копирование иностранных моделей развития уже нанесло нашему обществу огромный ущерб – реформы образования, здравоохранения, науки по западным образцам ввергли эти важнейшие государственные системы в перманентный кризис. Но власть не извлекла из этого трагического опыта никаких уроков. Угроза неотступного следования чуждым, а зачастую вредным нашему обществу догмам, прямо ведущая к утрате собственных возможностей, навыка и опыта по-прежнему сохраняется на высоком уровне.

Скованное жесткими доктринами фундаментального либерализма по рукам и ногам, сегодняшнее российское правительство явно не справляется с выполнением взятых на себя обязательств по выводу страны из системного кризиса, освобождению ее от сырьевой зависимости, проведению модернизации общества, обеспечивающей высокий уровень жизни всего населения страны и существенный подъем ее экономики.

Для успешного решения этих задач, принятия срочных, необходимых стране мер и соответствующих организационно-руководящих постановлений и распоряжений, прежде всего требуется активное и эффективное противодействие внутренним угрозам. Только их полная ликвидация сможет обеспечить надежную защиту от внешних угроз и создаст все необходимые условия для превращения нашей страны в современную, высокоразвитую, процветающую державу-цивилизацию с уверенным в себе и смело смотрящим в будущее народом.

3. «Так что же нам делать?»

3.1. Последняя революция конца XX века нанесла тяжелый удар по мировосприятию народов ЕАЦ, внедрив в их сознание чуждые им, и прежде всего русскому человеку ценности – идеологию индивидуализма и стяжательства.

¹ Глазьев Сергей. Идеология или смерть! https://zavtra.ru/blogs/ideologiya_-_razmishleniya

В результате когда-то единый советский народ разделился на два народа, два мира, взаимодействие между которыми напоминает «взаимодействие» волков – так называемых «новых русских», и овец – остальных людей, продолжающих жить в системе традиционных ценностей.

Для искоренения этой бесчеловечной, социал-дарвинистской установки в нашем обществе необходимо повсеместно внедрить «правило Канта», которое гласит: *«Не используй другого человека в качестве средства для исполнения собственных целей».*

Утверждение этого правила в нашем обществе в качестве высшего приоритета должно быть обеспечено законодательно и надежно предотвращать эксплуатацию человека человеком или человека государством. Основными инструментами реализации этого принципа на практике должны быть справедливое вознаграждение за вложенный труд, исключающее «уравниловку», и всеохватная система государственного социального страхования.

Но и повсеместного распространения правила Канта для исправления нашего покореженного реформами общества недостаточно. Прежде всего в него требуется вернуть этическую основу ЕАЦ – товарищеское содружество и органическую солидарность (или соборность). Солидарное общество подразумевает собой общество людей, в котором главные цели и основополагающие ценности являются общими, где каждый человек является объектом заботы и внимания всего общества и наоборот – общество подконтрольно каждому человеку, который имеет неотъемлемое право давать ему свои оценки и выдвигать предложения по его совершенствованию. Глубокая народная, всепроникающая демократия является безусловной составной частью солидарного общества по определению, иначе оно перестает быть солидарным. Основные принципы солидарного общества – равенство возможностей и справедливое распределение общественного продукта. В солидарном обществе могут быть несчастные люди, случаться искалеченные судьбы, но не должно быть изгоев, «отверженных», до которых никому нет дела. "Один за всех и все за одного!"

3.2. «Шоковые реформы» и грабительская приватизация 90-х, приведшие нашу страну в мирное время к глубочайшему системному кризису, обвальной деградации народного хозяйства и к массовому вымиранию населения требуют незамедлительного обсуждения и расследования как научным сообществом, так и широкой народной дискуссией. Это расследование прежде всего должно быть проведено для извлечения тяжелых уроков, осмысления трагического опыта с целью недопущения подобных, собственными руками организованных катастроф в дальнейшем. Это расследование совершенно необходимо и для восстановления доверия между самим народом и властью, для возвращения в наше общество гражданского согласия.

3.3. Угроза раскола нашего общества по линии «богатые-бедные» должна быть преодолена справедливым перераспределением общественного богатства, закрепленным законом. Другими словами, разница в доходах различных групп населения РФ должна контролироваться и регулироваться государством с помощью систем налогообложения, тарифов, районных коэффициентов и не быть чрезмерной. Правительство должно придерживаться научно обоснованных норм, например, в соотношении зарплат рабочего и управляющего фабрикой. Эта пропорция не должна превышать пропорцию 1:5 (Джон Гэлбрейт). Соблюдение этого правила совершенно необходимо для предотвращения значительного социального расслоения населения, прямо ведущего к социальной напряженности и революционным потрясениям.

Необходимо также введение справедливой, прогрессивной шкалы налогообложения. В качестве образца такой шкалы могут служить размеры подоходного налога США времен «золотого тридцатилетия» (максимальная ставка – 90% и выше).

Кроме того, правительством должна быть разработана и непрерывно действовать государственная программа по созданию такого числа рабочих мест в стране, которое соответствует текущим потребностям населения. Все желающие должны быть обеспечены работой. Прежняя установка о том, что количество и качество рабочих мест в стране диктует «свободный рынок», должна быть отброшена как исключительно вредная и опасная для развития общества, угрожающая его основам.

Наша цивилизация должна двигаться к всеобщему благоденствию, к высшим гуманистическим идеалам на основе высокой нравственности, а не наоборот, как то происходило в развитых странах ЗЦ – за счет ограбления колоний. Для ЕАЦ подобный путь к процветанию невозможен как в этическом, так и в практическом смысле.

В XXI веке модернизированная Россия должна стать страной трудящихся, а трудовая деятельность должна занять почетное место в ряду основных ценностей нашего народа. Мы должны вернуть человеку счастье осознания себя Творцом – превратить труд из тяжелой обязанности в необходимый каждому гражданину радостный творческий, созидательный процесс. Сегодняшний культ наживы, неизбывная жажда скорого получения барыша любой ценой должны быть повсеместно сменены этикой размеренного созидательного труда. Сам труд должен быть хорошо мотивирован и достойно вознагражден. Возможности паразитического образа жизни должны быть категорически исключены. Нетрудовые доходы должны быть сведены к минимуму и ограничиваться законами о наследии. Такое позорное и опасное для демократического общества явление как «олигархия» должно быть искоренено бескомпромиссно и совершенно, как предельно искажающее смысл и значение добросовестного труда и одновременно порождающее в массовых порядках коррупцию. Не может один человек быть лучше другого в десятки, а тем более в сотни раз!

3.4. Имеющиеся планы правительства по модернизации нашего общества требуют незамедлительного и решительного отказа от продолжения попыток построения в нашей стране социально-экономической системы, в основу которой положена неolibеральная модель развития – «Вашингтонский консенсус». После кризиса 2008 года она признана на высшем международном уровне (глава МВФ, президент Франции и т.д.) негодной и даже пагубной для любой экономики.

Мировая тенденция экономического развития в XXI веке выглядит совершенно иначе. Ее можно охарактеризовать двумя словами – укрупнение и кооперация. Слияния, поглощения, концентрация, укрупнение позволяют оптимизи-

зировать структуру компаний, сократить стоимость услуг и, в конечном счете, обеспечивают стабильность и устойчивое развитие экономики.

Нескончаемые реформы в РФ, ориентированные в противоположном направлении, повсеместно потерпели провал. 30 лет – срок вполне достаточный для того, чтобы убедиться в бессмысленности и вредности следования по пути, избранному в 1991 году.

Для исправления ситуации в экономике следует прежде всего заняться преобразованием финансовой сферы, а именно, весь финансовый бизнес должен стать прозрачным и государственным. Стране нужны устойчивые государственные профильные банки, специализирующиеся по основным отраслям народного хозяйства – промышленный, аграрный, строительный, коммунальный, торговый и т.п., которые в тонкостях учитывали бы потребности своих заемщиков и работали с минимальными кредитными ставками. Получение прибыли этими банками, жирные бонусы для персонала должны быть исключены и заменены достойным стабильным жалованьем. И все государственное финансирование должно осуществляться только через эти банки.

Тот же подход должен быть реализован и для страховых компаний – деление госстраха по направлениям производственной деятельности, торговли, личного страхования, и все с минимальными взносами и с максимальной государственной гарантией.

Главное требование к отечественной финансовой системе – она должна перестать прилежно исполнять «советы посторонних» и наконец обрести подлинную независимость в определении стратегии развития национальной экономики.

Предприятия ОПК, весь сырьевой и перерабатывающий бизнес, ТЭК, атомная энергетика, хайтек, т.е. все отрасли, имеющие определяющее значение для энергетической и технологической независимости страны должны быть выведены из рыночной среды, а их развитие должно обеспечиваться и контролироваться государством. Размещение управляющих компаний в офшорах для этих секторов экономики должно быть строжайшим образом запрещено и сурово караться законом. Регистрация таких предприятий должна производиться только по месту нахождения основного производства.

Для проведения успешной инновационной политики как в наукоемких, так и в остальных отраслях требуется воссоздание государственной отраслевой науки в полном объеме. Многочисленные попытки наладить инновационное развитие страны с помощью никому неизвестных частных фирм ожидаемого результата не принесли – бюджетные деньги были растрочены на мелкотемье, «впустую», или ушли в неизвестном направлении. Такая практика должна быть признана порочной и немедленно прекращена.

Гармоничное развитие экономики России должно обеспечиваться не убийственной конкуренцией, а сосуществованием и мирным сотрудничеством всех основных форм собственности: государственной – на полезные ископаемые, стратегические и базовые отрасли, транспорт, связь, хайтек, финансовую систему, науку и образование; общественной – на правах равнодоступности всех местных жителей на окружающую природу – на леса, пастбища, реки, диких животных и прочие восполняемые природные богатства; частной – на мелкое предпринимательство и сферу услуг.

3.5. Крепкая, надежная связь поколений, их глубокое взаимное уважение и взаимопонимание являются необходимой составляющей благополучного существования нашего общества. Эту связь может обеспечить только бережное сохранение всего набора традиционных ценностей, на которых веками строилась жизнь народов ЕАЦ и ее ядра – русского народа¹. Особую роль в преемственности «духа» нашей цивилизации должна играть система народного образования. При этом, как и прежде, за воспитание подрастающих поколений в первую очередь отвечает семья. Но это обстоятельство нисколько не снимает ответственности за гармоничное развитие нового человека с самой системы образования. Напротив, задачи современного народного образования заключаются не только в обучении повседневным навыкам, но и в исправлении возможных ошибок в воспитании всесторонне развитой личности, допущенных в семье. Кроме того, образование должно давать молодым людям образ окружающего мира и место человека в нем в самом широком смысле и в полном соответствии с основополагающими ценностями нашей цивилизации. При этом преимущественно должен задаваться образ мышления человека-творца, а не потребителя. Подмена этих важнейших целей образования примитивной сдачей тестов, чаще всего напоминающих игру в лотерею, а не квалифицированное подтверждение полученных системных знаний и умения ими пользоваться, уподобляет человека обезьяне, ожидающей получения банана за удачное попадание.

Свобода творчества, самовыражения индивида очень важна для общества. Но не меньшую важность имеет также ее строгое ограничение рамками устоявшихся и принятых в обществе нравственных норм. В вопросах нравственности плюрализм недопустим. Для успешного развития демократии в стране не должно быть политической цензуры. Но вот нравственная цензура, например, в форме общественных надзорных организаций по типу Родительского совета по телевидению в США, в стране обязана быть во имя здоровья и счастья грядущих поколений.

* * *

Лев Николаевич Толстой очень просто ответил на вопрос, поставленный в название его работы и послуживший названием этого раздела МАНИФЕСТА. Он сказал, что для процветания страны, счастья и благополучия ее жителей нужно «признать труд не проклятием, а радостным делом жизни». Мы, соотечественники великого писателя, сегодня, спустя более чем 100 лет, точно также отвечаем на этот извечный русский вопрос. Мы обязаны вернуть ЧЕЛОВЕКУ его истинное предназначение – быть и оставаться навсегда СОЗИДАТЕЛЕМ, ТВОРЦОМ. Возврат к идее создания государства трудящихся, где нет безработицы, где каждый житель постоянно чувствует свою востребованность обществом, где нет места заброшенности и обреченности одиночек на бесплодную, бесчеловечную борьбу всех против

¹ Базисные ценности – основа общенациональной идентичности. – <http://www.patriarchia.ru/db/print/1496038.html>

всех «за лучшее место под солнцем», несомненно, приведет к огромному всплеску безграничный творческий потенциал всех народов ЕАЦ. А для получения этого эффекта Россия должна стать, как и прежде, страной труда, а не местом всеобщей праздности и беспечного прожигания наследия отцов. В конечном счете, Россия должна строить бесклассовое, бесклановое, бескастовое общество равных возможностей, свободное от либерального произвола, в котором труженики должны жить хорошо, лентяи и бездельники прозябать, а паразиты полностью отсутствовать.

Итак, наша национальная идея – *солидарное общество, образующее патерналистское государство, основанное на традиционных нравственных и духовных ценностях населяющих его народов в котором каждый житель имеет неотъемлемое право на выбор рода занятий и свободный, достойно вознаграждаемый труд.*

Игнатович А.Е.

к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Могилевский институт МВД Республики Беларусь

МУСУЛЬМАНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: Большая Евразия, мусульманские общины, модель взаимоотношений, национальная безопасность.

Keywords: Greater Eurasia, Muslim communities, model of relationships, national security.

Выбор концепта Большой Евразии в качестве объекта исследования обусловлен тем, что многочисленные конфликтные ситуации на этом пространстве определяют ставшую актуальной необходимость в выстраивании диалога как глобального, так и в рамках отдельных стран. Цель данной работы – выделить основной фактор обеспечения национальной безопасности в контексте взаимоотношений государства и мусульманских общин в Большой Евразии в первой четверти XXI в.

На основе анализа имеющихся в науке трактовок определения национальной безопасности С. Чапчиковым обоснована и выработана ее авторская интерпретация, которая будет использована в исследовании: «социально-правовое состояние, включающее в себя совокупность условий и факторов, позволяющих эффективно реагировать на возникновение жизненно важных внутренних и внешних угроз личности, обществу и государству, что обеспечивает состояние их защищенности от негативного воздействия»¹. Им уточняется определение понятия национальной безопасности, под которой следует понимать «такое состояние защищенности личности, общества и государства от широкого спектра внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие государства»². В результате, механизм обеспечения национальной безопасности можно определить как целостную нормативно организованную систему публично-властных и других институтов и правовых инструментов (средств, методов, способов, приемов), эффективное функционирование которой гарантирует в полном объеме реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность, а также устойчивое социально-экономическое развитие общества и государства на перспективу³.

Проецируя это определение на проблемы национальной безопасности, связанные с мусульманскими общинами, следует отметить, что, являясь частью конкретного общества, проживая на территории определенного государства, последователи Мухаммеда могут стать источником угрозы, если система взаимоотношений между их сообществами и государством не будет эффективно функционировать. Проблема радикализации, которая обсуждается чаще всего, в таком случае является не причиной, а следствием – результатом ошибок во взаимодействии субъектов этой системы. Такая постановка вопроса меняет фокус рассмотрения проблем обеспечения национальной безопасности с противодействия экстремизму на поиск эффективных моделей его недопущения.

Обратимся к опыту стран, которые оказались в центре проблем национальной безопасности в ее «исламском» контексте. Использование термина «Большая Евразия» представляется в этом случае уместным. Географически к Большой Евразии относятся как страны мусульманского мира, так и страны Запада. В Большую Евразию входят страны Европы, Азии и 7 государств Северной Африки. По сделанным подсчетам, если учитывать непризнанные и частично признанные государства, это 106 стран, из них 38 – государства, в которых большинство населения принадлежит к числу мусульман (в 23 странах ислам является государственной религией). Когда говорят об исламском мире, подразумевают не только страны с исламом как с господствующей религией, но и те регионы, где компактно проживают мусульмане, те государства, где существуют большие группы мусульман или исламские общины. С политической точки зрения под понятием «исламский мир» подразумевают те страны, которые себя позиционируют как исламские государства. Некоторые страны делают это формально: Бруней, Пакистан, Иран и Саудовская Аравия, а ряд государств делают это неформально – Азербайджан, Тунис, Индонезия, Бангладеш и Малайзия. Мусульманский мир рассматривает Россию как важную составную часть, так как Россия имеет большое историческое наследие, на протяжении разных веков на территории страны существовало немало мусульманских государств, кроме того велика доля представителей коренных мусульманских народов в общей численности населения Российской Федерации.

¹ Чапчиков С.В. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. ... док. юр. наук: 12.00.01 / Юго-Западный государственный университет. – Курск, 2018. – С. 12–13.

² Там же, с. 14.

³ Там же, с. 16.

Одна из важнейших предпосылок становления Большой Евразии – «усиление полупериферийных и периферийных держав, поймавших в паруса попутный ветер глобализации и начавших быстро догонять развитые державы»¹. Эта тенденция на обретение собственной субъектности рядом стран незападного мира сформировалась в конце XX в. И религиозный фактор в этом процессе крайне важен. Например, существенным фактором, определившим широкое распространение исламизма, по мнению А. Малащенко, стало то, что ни одна из общественно-политических моделей (советская, западная и др.), которые пытались выстроить в исламских странах, не сработала².

М. Воронкова отмечает, что уровень взаимодействия государства с религиозными объединениями определяется конституционными основами, особенностями и глубиной духовной и правовой культуры в обществе, религией, которая в нем превалирует, и религией, которая повлияла на развитие государства в большей степени³. По критерию государственно-конфессионального взаимодействия можно выделить следующие типы государств: теократические, государства с государственной религией, светские и атеистические. В мире ислама существуют примеры как теократической монархии (например, Саудовская Аравия), так и теократической республики (например, Иран). В данном случае, как отмечает исследователь, «нельзя говорить о взаимодействии государства с религиозными объединениями, ибо само государство является религиозным»⁴. Мне же видится именно взаимодействие исходя из целей и интересов государства. Плюсом данной модели считают высокую степень религиозности населения, что способствует развитию культуры и нравственности, минусом – отсутствие свободы вероисповедания.

Во многих странах Европы существуют государства с государственной религией, однако они не являются теократическими, поскольку не имеют своей основной целью построение и защиту религиозного государства (например, Греция, Дания, Исландия, Норвегия). Явление государственной религии существует также в странах Азии и Африки (например, Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Кувейт, Малайзия). Государство контролирует и осуществляет финансирование общин, их устройство и управление, а также религиозное образование. Религиозные объединения являются частью государственного аппарата⁵. Однако это не означает, что мусульманские общины в таком случае дискриминируются.

В Большой Евразии все же преобладают светские государства: большинство стран Европы, некоторые государства Азии. Такой режим взаимодействия государства с конфессиями предполагает отделение религиозных объединений от государства. Обычно выделяют две основные модели светского государства: сепарационную (когда государство ограждает себя от сотрудничества с религиозными объединениями) и кооперационную (когда государство сотрудничает с религиозными объединениями в определенных областях)⁶.

Присутствие ислама в Западной Европе, вне рамок традиционного распространения ислама, превратилось в постоянный и значимый фактор развития региона. Выходцы из стран традиционного распространения ислама рассматривались долгое время как «рабочие гости», «иммигранты», «этнические меньшинства», «цветные» и значительно реже как конфессиональная группа. Положение дел кардинально изменили теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке: в массовом сознании ислам стал восприниматься как религия террористов. В принимающих странах религия зачастую воспринималась как одна из наиболее распространенных культурных привычек, не имеющих большого значения, носящих формальный характер. Христианство же теряло свои позиции, при этом ислам активно усиливал свои. Европейские страны в русле концепции правового государства гарантируют гражданам свободу исповедовать свою религию. Демократические свободы, плюралистический подход к культуре и религии, а также веротерпимость, утвердившиеся в законодательстве и традициях, не препятствовали возникновению мусульманских молевых домов, а затем и строительству мечетей. Вокруг них концентрировалась вся жизнь растущих мусульманских общин. В период широкого проведения мультикультурной политики во многих странах Западной Европы происходила адаптация государства и общества к мусульманским институтам. Э. Паин выделяет два основных критических подхода к политике мультикультурализма: либеральный и консервативный⁷. Либеральный подход исходит из того, что сохранение культурного разнообразия – право всех граждан, что не исключает давления на индивида со стороны общины и противоречия с принципом равноправия других людей. Государственная политика в этом случае обеспечивает поддержку не столько культурам, сколько общинам (их школам, организациям), которые необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии в ущерб личности, что препятствует отдельному члену общины интегрироваться в принимающее общество. Консервативный подход предусматривает замену мультикультурализма монокультурализмом с последующим законодательным закреплением привилегий доминирующих (в религиозном или этническом отношении) групп населения.

Таким образом, основным фактором обеспечения национальной безопасности в контексте взаимоотношений государства и мусульманских общин в Большой Евразии в первой четверти XXI в. является выбранная модель взаимоотношений государства и мусульманских общин. Она зависит, прежде всего, от количества мусульман в стране, что определяет степень влияния общины в общественно-политической жизни государства, и типа государства по критерию государственно-конфессионального взаимодействия.

¹ Ефременко Д. Рождение Большой Евразии. – <https://globalaffairs.ru/articles/rozhdenie-bolshoj-evrazii/>

² Ислам в Евразии. 2018. – <https://doc-research.org/ru/2018/02/ислам-в-евразии-2/>

³ Воронкова М.Л. Особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в зарубежных странах // Известия Саратовского ун-та. 2012. – Т. 12. – Сер. Экономика. Управление. Право. – Вып. 4. – С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 89.

⁶ Там же, с. 90.

⁷ Паин Э.А. К вопросу о «крахе политики мультикультурализма» в Европе. 2011. – <http://demagogy.ru/node/1158>

Карпиленя Н.В.

д.в.н., профессор, профессор кафедры информатики и управления Военного университета Министерства
Обороны РФ
karpilenyanv@mail.ru

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ Л.Н. ГУМИЛЕВА

Ключевые слова: этнос, этнология, этногенез, история, география, биосфера, пассионарность.

Keywords: biosphere, ethnogenesis, ethnology, ethnos, geography, history, passionarity.

Небрежение этнологией, будь то
в масштабах государства, родового союза
или моногамной семьи, следует
квалифицировать как легкомыслие,
преступное по отношению к потомкам.

Л.Н. Гумилев

Та часть белорусской и украинской нации, которая, поддавшись жесткой манипуляции недругов,
поведет себя не как неотъемлемая часть русского народа-мира – может разрушить собственные государства.
Но оставшиеся – станут русскими, чтобы через века превратить заблудший народ вновь в белорусов и украинцев.

Н.В. Карпиленя

Рассматриваемые ниже весьма сложные проблемы можно «уместить» в высказывание Уильяма Джеймса (1842–1910): «Общество деградирует, если не получает импульсов от отдельных личностей, импульс деградирует, если не получает сочувствия от всего общества»¹.

Основной труд Льва Николаевича Гумилева (1912–1992), в котором он впервые обосновал термин «пассионарность», – «Этногенез и биосфера земли» (1989). К нему примыкает ряд других исследований, таких как «Древняя Русь и Великая степь», «География этноса в исторический период», «От Руси к России» и др. Все они, по словам автора, написаны под углом зрения евразийского принципа полицентризма, то есть рассмотрения истории человечества не как единого целого, с единственным центром в Европе, а как многозначной целостности, вида, разбитого на разные ландшафты. Главной научной заслугой и делом всей жизни Л.Н. Гумилева стало создание **этнологии** – новой науки о взаимосвязи географического, исторического и человеческого факторов в биосфере. Весьма интересны заключения Л.Н. Гумилева о том, что этнические великороссы, русские представляют собой особый этнос, сложившийся на основе тюркско-славянского слияния, что, в общем-то, обосновывает русский контроль над землями, населенными тюркскими этносами. Историческая сущность России, по Гумилеву, состоит в географическом сочетании Леса и Степи и это предопределяет характер ее культуры, цивилизации, идеологии, политической судьбы.

Обращение автора статьи к рассматриваемой теме можно обосновать тем, что потребность в познании и понимании, по словам Л.Н. Гумилева «не менее сильна, чем потребность в пище или женщине. Она более вариабельна и проявляется у разных людей то как тяга к творчеству, то как жажда слепой веры, но она всегда прямо пропорциональна пассионарному напряжению, а вектор ее определяется наличием актуальных проблем»².

Все, о чем здесь пойдет речь, написано в непрерывных размышлениях последних двух лет для того, чтобы понять, в какой фазе этногенеза находится наш Русский этнос (многонационального и многоконфессионального народа России, Беларуси, Украины).

При этом в статье исторические социально-политические процессы исследуются с точки зрения проводимой политики современными государствами – Россией, Украиной, Беларусью на базе исторического материализма, а этнологические процессы рассматриваются как синтез географических, исторических, человеческих процессов в биосфере на базе диалектического материализма. Дело в том, что один и тот же этнос за всю свою историческую жизнь (максимальный во времени процесс этногенеза одного этноса без посторонних нарушений длится 1200–1500 лет [там же, с. 86]) может «проживать» в разных государствах как политических организмах. Само же государство может оказывать кардинальное влияние на саму природную жизнь любого этноса, реализуя его потребности в политической, социальной, экономической, духовной сферах.

В статье будет часто использоваться термин пассионарность, а также термины этнология, биосфера и цивилизация в следующих значениях:

Этнология (греч. ἔθνος «народ» + λόγος «учение, наука») – наука, изучающая этнические процессы, под которыми понимаются разнообразные аспекты жизнедеятельности этносов, а также других этнических общностей. В со-

¹ Золотая энциклопедия мудрости. – М.: РОСССА, 2010. – www.rossa.ru

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ, 2019. – С. 510.

временной российской науке термин, как правило, употребляется наряду с более традиционным названием дисциплины этнография. В западной науке зачастую этнография представляется как описательная, региональная дисциплина, а этнология – как теоретическая, обобщающая наука.

Пассионарность – означает сверхэнергичность.

Пассионарность – внутренняя энергетика этноса, движущая сила культурного, политического и геополитического созидания. Термин Л.Н. Гумилева.

Пассионарий – это человек, наделенный избыточной энергией, импульс которой превышает импульс инстинкта самосохранения, вследствие чего пассионарий способен пожертвовать своей жизнью ради идеи.

«**Пассионарность**, – писал Гумилев, – это непреодолимое внутреннее стремление (чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели. Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни соплеменников и современников».

Пассионарии – особи, обладающие врожденной способностью абсорбировать из окружающей среды энергии больше, чем это требуется для личного и видового самосохранения.

Цивилизация – это объединенная причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции (чаще всего религиозной в своих корнях, хотя не обязательно осознаваемой в терминах конкретной религии) коллективная общность, члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, клановой, политической и идеологической принадлежности¹.

Если пытаться анализировать этническую ситуацию в русском народе последнего десятилетия (России, Украине, Беларуси), то можно считать, что пассионарный толчок (понятие будет раскрыто далее) в Русской цивилизации затронул лишь незначительную полосу – всю территорию Крыма и части Луганской и Донецкой областей. Именно в этой полосе Русский этнос в период перехода из одной фазы этногенеза в другую остался верен сам себе: в то время, когда ему было предложено сделать выбор в пользу неких «европейских ценностей» и «демократии», он не стал менять Душу и предпочел быть самим собой – РУССКИМ, желающим и далее сохранять и развивать свой «стереотип поведения и общественный императив»² на фундаменте «Я – это мои принципы», а не предложенному – «Я – это мои вещи» (материальное благополучие, потребительство, гедонизм на предательстве своего русского первородства). Дальнейшая историческая судьба Единого этноса будет зависеть во многом от того, насколько пассионарный импульс, возникший на перечисленных выше территориях, будет поддержан в Беларуси и большей части Украины (как минимум, это все территории современной Украины по левый берег Днепра). У автора нет сомнений в том, что коллективным Западом будут приняты все меры, чтобы этот пассионарный импульс не возник. И только мировоззренчески выверенные шаги российского и белорусского руководства по дальнейшему строительству Союзного государства на фундаменте и приоритете духовности, подкрепленные социально-политическими, идеологическими, социальными и экономическими мерами способны служить основой сбережения наших народов.

В наиболее сложном положении из трех народов единого этноса находится украинский народ. Для него (мнение автора. – Н. К.) применим ныне такой термин как **химера**. Напомним, что в пассионарной теории этногенеза³ «химерой» называется этническая форма и продукт контакта несовместимых (имеющих отрицательную комплементарность) этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам, в результате выросшие в химере люди утрачивают этническую традицию и не принадлежат ни к одному из контактирующих этносов. Химеру можно охарактеризовать как общность деэтнизированных, выпавших из этносов людей. В ней господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой ментальности приходит полный хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений, в такой среде расцветают антисистемные идеологии. Потеря своеобразных для каждого этноса адаптивных навыков приводит к отрыву населения от кормящего ландшафта. В отличие от этноса химера не может развиваться, а способна лишь некоторое время существовать, впоследствии распадаясь – происходит своего рода этническая аннигиляция. Возникшие в недрах химеры антисистемы становятся, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо химера становится жертвой соседних этносов.

Весьма мало прогнозируемыми могут оказаться последствия политических процессов и в Беларуси, могущей продолжить этап определения своей идентичности на «литвинизации» белорусской нации, следствием чего станет духовный разрыв с Россией. Вот почему глубокое уяснение диалектической связи протекающих процессов в Русской цивилизации (Россию, Украину и Беларусь автор относит к Русской цивилизации) на основе теории этногенеза может послужить стабилизирующим фактором, способным обеспечить большую адекватность при оценке будущей народной жизни государств и народов единого этноса и не дать скатиться к гражданским вооруженным конфликтам среди единого народа-этноса и его преждевременному уходу из общей этнической истории Единого этноса.

Чтобы глубже понять события, которые происходят на Украине, в Беларуси и России сегодня, попытаемся кратко проанализировать историческую жизнь последнего тысячелетия. Ведь история – прошлая политика. Поняв прошлое в единстве ряда политических событий на пространствах единой русской истории (по отдельности анализ событий на нынешних землях России, Беларуси, Украины будет неполон и ошибочен)⁴, нам будет проще разобраться

¹ Дугин А.Г. Геополитика: учеб. пособие для вузов. – М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2011. – 583 с.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ, 2019. – С. 527.

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁴ Карпилена Н.В. О проблемах нейтралитета в геополитике и нейтральности в идеологии в контексте национальной безопасности Союзного государства: евразийский взгляд // Архонт. – М., 2019. – № 1(10). – С. 42–86; Трещенок Я.И. История Беларуси: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Науч. ред. М.И. Матюшевская. 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – Ч. 1. Досоветский период. – 296 с.

в мерах по выстраиванию современной политики с целью недопущения «цветных революций» в Беларуси и России (Союзном государстве), ибо сегодняшняя политика – будущая история. Необходимо ответственно и беспристрастно отнестись к данному анализу, ибо только он и поможет нам сплотить некогда единый народ и объединить земли, выполняя наказ наших далеких предков.

Глубоко переживая происходящие события братоубийственной войны на Украине, безусловно, инициированные Западом, которые преследовали цель дальнейшего раскола русского единства (начатого Ельциным (от РФ), Кучмой (от Украины), Шушкевичем (от Беларуси) при распаде СССР), и направленные вовсе не на поддержку и помощь украинскому народу, проанализируем историческую жизнь Руси во временных рамках от Киевской Руси до настоящего времени.

Киевская Русь возникла в 882 г. в результате захвата северной княжеской династией варяжского происхождения Киевского «стола». С этого времени процесс формирования единого государства восточных славян стал необратимым и был закреплён принятием в 988 г. в качестве государственной религии христианства в его восточной, православно-славянской форме¹.

В Киевской Руси для Запада мы были русами, позже русскими, а сами себя наши далекие предки считали единым русским народом.

С момента нашествия монголо-татар и сожжения Киева Киевская Русь прекращает свое существование, а Киев рассматривается как часть польской и литовской истории. В 1240 г. Киев представлял собой ничтожный городок в 200 дворов.

В это время традиции духовной и культурной жизни переместились на север Руси, чтобы через четыре века вернуться и возродить славное имя русичей. Знать Киевской Руси и нынешней Беларуси массово переходила на сторону «врагов» (отступая от православной веры предков) из корыстных побуждений и ассимилировалась с литовской и польской шляхтой. Результатом такого предательства стало воцарение польско-литовской, а затем лишь польской власти на всех малорусских и белорусских землях. Только православная вера, низведенная до уровня самого незащищенного населения, крестьянского большинства, осталась незыблемой для русского народа и была священна в преданиях предков.

Самый предприимчивый князь Даниил Галицкий вместо собирания русских земель (как это делал в эти годы Александр Невский) решил стать королем и получил в 1254 г. из рук папы римского королевский титул (т.е. по современному – «евроинтегрировался»). В итоге Галиция с 1392 г. (в 1380 г. Дмитрий Донской освободился от нашествия иноземцев, чтобы строить русскую государственность на фундаменте православия предков) становится польской, а после трех «разделов Польши в 1772–1795 гг. с 1795 г. провинцией австрийских Габсбургов»² и практически на семь веков до знаменитого пакта Молотова-Риббентропа (23.08.1939) (с 1921 по 1939 гг. она вновь вернулась под власть Польши) потеряла связь со своими сородичами. Так на этих землях начинает зарождаться в среде единого русского народа народ, стремящийся забыть свои древнерусские корни. Именно используя униатство, части русского народа, жившего в западных землях, удалось внушить, что он не русский, а какой-то особый, украинский народ. **Продолжение этого, рожденного на Западе польско-австрийского проекта как проекта противостояния русской цивилизации, нажима на Россию было и остается естественным проявлением агрессии западной цивилизации, которая всегда смотрела на Россию глазами голодного хищника.**

Современная Галиция «достойно» продолжает ее дело. События прошедших двух «цветных революций» на Украине в последние 16 лет лишь подтверждают правоту непредвзятого и беспристрастного анализа. Вот почему современные глубокие проблемы на Украине корнями уходят почти на девять веков назад.

Слово «украина» – польское. Так поляки называли эту часть своей территории, на которой часто вспыхивали восстания запорожских казаков, до того момента, когда Богдан Хмельницкий в 1651 г. обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять «Малороссию под свою руку». «Эта просьба была утверждена Земским собором в Москве и 8 января 1654 г. Украина присягнула царю Алексею»³. «С присоединением Малороссии начался процесс присоединения к Руси отпавших от нее волостей и, таким образом, это было первым шагом со стороны Москвы в деле ее исторической миссии, к тому же шагом удачным. До сих пор Литва и Польша играли в отношении Руси наступательную роль; с этих пор она переходит к Москве» [там же, с. 370]. Из-за Малороссии Россия с 1654 г. втянулась в войну с Польшей. В результате ряда побед соединенных сил Украины и Москвы в 1654–1656 гг. Польша уступила малорусские и белорусские земли, давно утерянные Русью. Согласно Андрусовскому перемирию, заключенному в 1667 г. между Польшей и Московским государством, Левобережная Украина осталась навеки за Москвой [там же, с. 455].

Нынешняя Украина состоит из различных частей: Украины до 1654 г. (как «окраины» (на русский язык, если перевести с польского слово «украина») Российской империи)); подарков русских царей 1654–1917 гг. (вся центральная часть нынешней Украины); подарка Ленина 1922 г. (Новороссия, Донбасс); подарка Сталина 1939–1940 гг. (Западная Украина, Северная Буковина) и до воссоединения с Россией в 2014 г. – подарка Хрущева в 1954 г. (Крым). **Вот почему современная евроинтеграция и не могла стать столь простым актом желания населения западной части Украины (бывшей Галиции, находящейся в едином политическом пространстве с единым русским народом, по сути лишь в течение чуть более трех десятилетий (с 1957 по 1990 гг.)) подчинить остальную часть с Крымом –**

¹ Трещенок Я.И. История Беларуси: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Науч. ред. М.И. Матюшевская. 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – Ч. 1. Досоветский период. – С. 41.

² <http://raremaps.ru/vse4/ukraina-v-sostave-rossiyskoy-imperii.html>

³ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб.: Литера, 1999. – С.454.

ее истинно русскую часть народа многовековой истории предков. Русскому народу, проживающему в современных Украине, Беларуси и России необходимо сделать все, чтобы современная власть на Украине «евроинтегрировавшихся» потомков Даниила Галицкого НИКОГДА не распространилась на нынешние русско-украинские земли, на которых проживают православные русские потомки Александра Невского и других многих славных сынов и дочерей большей части Украины нашей тысячелетней общерусской истории.

Вот почему вне России и лишь на противопоставлении России нынешнее украинское государство существовать не сможет, и дело лишь времени, когда Украина будет поделена между соседями. Этот раздел может быть ускорен при попытке Украины захватить вооруженным путем Луганск и Донецк или Крым.

Несомненно, что общественное развитие может оказать воздействие на формирование или разложение этносов только при условии своего воплощения в истории как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что «проблема этногенеза лежит на грани исторической науки, там, где ее социальные аспекты плавно переходят в естественные»¹.

Таким образом, следует поместить нашу проблему исторического и этнологического процессов в русской цивилизации на стыке трех наук: «истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики)» [там же].

Зависимость человека от окружающей его природы, точнее – от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась различными учеными различно. Есть один индикатор связи географической среды, хозяйственной жизни, подъема и упадка экономики и могущества государства – **военная мощь** [там же, с. 35]. Именно данный индикатор и является стимулом для автора (Н. К.) при проведении своих научных исследований вот уже на протяжении почти трех десятилетий.

Ниже мы будем часто останавливаться на термине стереотип поведения.

В пассионарной теории этногенеза **стереотип поведения** – система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение посредством сигнальной наследственности, специфичная для каждой этнической системы.

По утверждению Л.Н. Гумилева: «Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения» [там же, с. 110]. «Поведение этноса меняется в зависимости от его возраста, который удобно отсчитывать от момента выхода этноса на историческую арену» [там же, с. 115].

Очень важным для недопущения стратегических ошибок при строительстве нынешнего Союзного государства (Беларуси и России) является 1380 год. К этому году Древняя Русь «растворилась» в Литве и Московской Руси. На Куликово поле «суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи вышли сражаться как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах»². Большинство в восьмидесятитысячном литовском войске Ягайлы, идущего воевать на стороне Мамая против московского князя Дмитрия «составляли русские из-под Минска, Полоцка, Гродно» [там же, с. 267]. Вот почему нельзя допустить, чтобы произошел раскол единого русского народа – россиян, белорусов и большей части украинцев (малороссов)³, чтобы объединенные силы НАТО соединились с силами под бело-красно-белыми флагами «литвинов» и бандеровскими «украинскими» флагами в войне против России. При установлении возможности этого наши Вооруженные Силы – Российской Федерации должны действовать так, как действовал СССР 17 сентября 1939 года...

Сегодня большинству исследователей народов различных культур очевидно, что все народы отличаются не только языками и верованиями, но и всем «стереотипом поведения», который целесообразно изучить, чтобы избежать излишних ссор. Так возникла этнография, наука о различиях между народами⁴.

Проявление закона развития, относящегося к этносам и его проявление в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов Л.Н. Гумилев предложил называть **этногенезом** [там же, с. 23]. Дело в том, что **без учета особенностей этой формы движения материи нельзя найти ключ к разгадке этнопсихологии ни в практическом, ни в теоретическом плане.**

«Полное затухание процесса этногенеза без посторонних нарушений укладывается в 1200–1500 лет» [там же, с. 86].

Далее предпримем попытку рассмотреть свойства этноса.

Общим моментом вместо единства происхождения и языка (говоря об этносе – реальном этносе и его этнониме – этническом наименовании) считается единство даже не культуры, а **исторической судьбы** [там же, с. 88]. В таком виде этнос может просуществовать даже несколько столетий и не распасться. После чего, вследствие некоторых важных изменений, старый этнос может трансформироваться в другой, приобрести другой этноним. «Надо помнить, что те, кого мы называем византийцами, сами себя называли «ромеями», т.е. «римлянами», хотя говорили по-гречески. Постепенно в число ромеев влилось множество славян, армян, сирийцев, но название «римляне» они удержали до 1453 г., т.е. до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии,...» [там же, с. 88].

Слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Вот почему навязывание всему народу Украины единого языка и отступления от веры православной в подчинении московского патриархата не может стать опознавательным признаком для всего этноса-народа Украины.

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ, 2019. – С. 34.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: АСТ, 2019. – С. 266.

³ Карпилена Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – С. 127.

⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ, 2019. – С. 22.

Автору представляется чрезвычайно важным рассматривать народы нынешних трех государств – России, Украины, Беларуси с мыслью-заботой об их этническом будущем всего процесса этногенеза (как было отмечено выше полное затухание процесса этногенеза без посторонних нарушений укладывается в 1200–1500 лет) с точки зрения единой исторической судьбы.

Под исторической судьбой Л.Н. Гумилев понимает «цепочки событий, каузально связанные их внутренней логикой» [там же, с. 669].

В мировой истории государств можем найти массу примеров того, что «политические образования имели иные судьбы, чем этнические целостности» [там же, с. 93]. Также можно констатировать, что «общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба может быть одной у двух-трех народностей и разной – в пределах одной народности» [там же, с. 94]. Следовательно, как заключает Л.Н. Гумилев, «становление этносов – этногенез, лежит глубже, чем видимые исторические процессы, фиксируемые источниками. История может помочь этнологии, но не заменяет ее» [там же, с. 94].

Так что наше во многом общее определение русских как единого народа, включающего великороссов (россиян), белорусов, украинцев есть одновременно утверждение об едином этносе всего процесса этногенеза. Белорусы и украинцы с момента нашествия монголо-татар на некогда единую Русь с момента принятия православия в 988 г. продолжили свой этногенез в рамках ВКЛ, слившись в 1569 г. с Речью Посполитой и окончательно вернувшись в общерусскую историческую судьбу в 1795 году, продолжили процессы этногенеза в Российской Империи и СССР. Так что историческая политическая жизнь российского, белорусского, украинского народов в нынешних независимых государствах – Россия, Беларусь, Украина есть продолжение исторической судьбы все того же одного этноса – русского.

По всему очевидно, что сегодняшние политические устремления в Беларуси и на Украине, направленные на формирование государственности, есть не что иное, как попытки построить свою государственность вне общего этногенеза, которые ведут к разрушению этих государств, ибо разрушение общей исторической судьбы порождает антагонизмы будущих внутренних конфликтов между соседями одного этноса – русской цивилизации.

Вот почему стремление ряда историков в нынешней Беларуси и на Украине отречься от общерусской истории – не только отказ от общего происхождения, но и отречение от будущей общей исторической судьбы, что, неизбежно, влечет появление больших рисков и угроз не только для существования Беларуси и Украины, но и для белорусской и украинской политических наций, что может весьма пагубно отразиться и на всем этносе – общерусском, русской цивилизации трех ныне независимых государств (России, Беларуси, Украине).

Нельзя не согласиться с мыслью Л.Н. Гумилева о том, что «для того, чтобы победить или как минимум, отстоять себя, необходимо, чтобы внутри этноса возникла альтруистическая этика, при которой интересы коллектива становятся выше личных» [там же, с. 162]. «Альтруисты» (антиэгоисты) обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве» [там же, с. 163].

«Феномен этноса – это и есть поведение особей, его составляющих. Иными словами, он не в телах людей, а в их поступках и взаимоотношениях... Нет человека вне этноса, кроме новорожденного младенца... именно характер поведения определяет его этническую принадлежность... возникновение нового этноса есть создание нового стереотипа поведения, отличного от предшествующего» [там же, с. 184].

Формирование нового этноса как потребности не просто в нужде, обеспечивающей самосохранение индивидуума и вида чтобы жить, а в том, для чего жить, чтобы «устроиться непременно всемирно» [там же, с. 338] может произойти лишь тогда, когда у некоторых индивидов проявится «необоримое внутренне стремление к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ценнее даже собственной жизни» [там же, с. 339].

Иными словами, формирование нового этноса может произойти лишь тогда, когда в определенной географической среде (территории государства, или даже нескольких групп государств) и этапе исторической закономерности умирания этнического сообщества в нем (них), прошедшего фазы подъема и упадка, найдутся люди антиэгоистической этики, способные реализовать свои потребности и свободы не для себя, а «**ДЛЯ** **самого большого** (по их мнению) **блага-идеала** (пусть даже неверно понятого) коллектива-общества-государства-цивилизации альтруистично, пусть даже ценой собственной жизни и, как следствие, невозможности продолжения даже собственного потомства [там же, с. 339–340]. Такой признак Л.Н. Гумилев предложил назвать термином **пассионарность**. При этом этот генетический признак – **пассионарность**, т.е. «способность к целенаправленным сверхнапряжениям», нельзя путать с обычной страстью, которая содержится в животных инстинктах, стимулирующих «эгоистическую этику и капризы, являющиеся симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, – уклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое» [там же, с. 340].

Что же касается пассионарных особей, то они – пассионарные особи, «при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы» [там же, с. 340].

«Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только

индивидуальный, но и популяционный» [там же, с. 347–348]. Мы привели в полном виде данный абзац Л.Н. Гумилева, т.к. все наши дальнейшие рассуждения будут строиться на стремлении развития данных утверждений.

В общей истории можно найти массу примеров, когда индивидуальная пассионарность исторической этнической доминантной личности приводила в организованное движение явление или комплекс явлений – «религиозный, идеологический, военный, бытовой, который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия» [там же, с. 353] масс в целеустремленное единообразие, которые описывает Л.Н. Гумилев на примерах Наполеона, Александра Македонского, Люция Корнелия Суллы, Ян Гуса, Жанны Д'Арк и прототипа Аввакума.

Все дело в том, что **«пока пассионарность пронизывает этнос в разных дозах – идет развитие, что выражается в творческих свершениях; но поскольку не может быть поэта без читателя, ученого – без учителя и учеников, пророка – без паствы, а полководца – без офицеров и солдат, механизм развития лежит не в тех или иных персонах, а в системной целостности этноса, обладающего той или иной степенью пассионарного напряжения»** [там же, с. 387].

Если анализировать события в Беларуси после 9 августа 2020 г., то налицо активность Президента Беларуси, отдельных министров силового блока и «нейтральность», равнодушие, апатия большинства народа. Кстати, руководство страны само во многом виновно в таком состоянии своего народа. Ведь с 1995 года в стране официально «вращивался» нейтралитет в геополитике и нейтральность в идеологии сближения с Россией, хотя и декларировалось стремление к построению Союзного государства. Белорусский народ не знает других пассионарных личностей, кроме Президента. Вся беда в том, что это была государственная политика, проводимая самим А.Г. Лукашенко. Так что, если Руководство Беларуси в ближайшие месяцы не примет всех мер по построению Союзного государства, то движение белорусского этноса-народа к фазе обскурации может принять необратимый характер.

Распад СССР мы считаем геополитической катастрофой XX века. СССР же образовался превращением Российской Империи. Государствообразующим этносом в Российской Империи были русские – великороссы, малороссы, белорусы. Ныне же в результате «превратности исторической судьбы» [там же, с. 429] русского этноса некогда единый этнос разделен в трех государствах, в результате чего наблюдаем ослабление устойчивости каждого из них. Вот почему, для **возникновения этногенеза и Нового этноса на базе трех из ныне образованных государств обязательно необходим пассионарный импульс**. Чтобы он возник необходимо сочетание ряда условий и факторов: или общее осознание своей роли и места в истории с сильным общим лидером Русского народа; или объединение по типу «железом и кровью» как это делал Бисмарк в Германии; или развязанная война внешними силами и победа некогда единого народа; или даже, крайняя гипотеза, война Украины и ее сателлитов с Союзным государством (Россией за ЛДНР, Крым) при нашей – Союзного государства (России и ЛДНР) победе...

В контексте происходящих событий в Беларуси и Украине применительно к единой этнической истории русского этноса (Л.Н. Гумилев предлагает считать этнос великорусским, когда приводит слова о том, что на Куликово поле пришли сражаться разрозненные дружины, а ушли с победой – русскими) – великороссов, малороссов, белорусов автор приходит к следующим умозаключениям.

Сегодняшний ЕС, пытаясь сохраниться в истории от порой агрессивного напора мусульман предпринимает, возможно и неосознанно, все шаги, чтобы включить в свое подчинение народы Беларуси и Украины, с целью, как им пока кажется «освобождения» от России, которая как раз и спасала не единожды в истории саму их западноевропейскую цивилизацию. На самом же деле такие шаги способны укрепить лишь англосаксов – США и Великобританию, что описано в том числе автором в ряде работ¹. США, Великобритания, имея цель последующего разрушения России и установления мирового господства, готово бросить в топку религиозной войны не только мусульман и западных христиан, но и православных христиан Украины и Беларуси, в государствах которых в последние 30 лет проводится политика «особости», когда теряется чувство видеть друг в друге (России, Украине, Беларуси) бывших соотечественников. Вполне может оказаться, что в ближайшие годы, с уходом из политики Первого белорусского Президента, наступит и ослабление белорусского этноса-народа. Ведь реализуемая белорусскими властями политика нейтральности в идеологии и нейтралитета в геополитике может оказаться еще более губительной для народа и государства, чем появившееся субпассионарное напряжение в белорусской этнической системе после 9 августа 2020 г. Дело в том, что при нейтралитете государству в принципе не нужны пассионарные граждане-патриоты своего Отечества. Вот почему России уже в ближайшие годы для самосохранения своего государства придется выбрать и реализовывать единственный военно-политический курс, начало которому положено в миротворческой миссии в Нагорном Карабахе – принимать в свои ряды бывшие постсоветские государства, прежде всего максимально большие территории Украины и Беларуси, населенные этнически близкими к великороссам – украинцами (малороссами) и белорусами. Если не пойти по этому пути в нарушение «общепризнанных международных норм и правил», то получим наихудший результат – окажется под угрозой само существование многонационального и многоконфессионального российского государства. Дело в

¹ Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – 425 с.; Карпиленя Н.В. Геополитические аспекты строительства мощного евразийского государства. Мировоззренческие, духовные, военные, социально-политические аспекты современности: монография. – Минск: ГУО «ИПС» РБ, 2016. – 286 с.; Карпиленя Н.В. От баланса сил борьбы между государствами к гармонии противоборства между цивилизациями, государствами и их коалициями: военно-философские аспекты // Архонт. – М., 2019. – № 2(11). – С. 55–81; Карпиленя Н.В. О проблемах нейтралитета в геополитике и нейтральности в идеологии в контексте национальной безопасности Союзного государства: евразийский взгляд // Архонт. – М., 2019. – № 1(10). – С. 42–86; Карпиленя Н.В. О принципах международных отношений и последствиях нарушения базового из них – баланса сил на военную безопасность Союзного государства // Архонт. – М., 2020. № 3 (18). – С. 42–59.

том, что и наш российский этнос находится в фазе надлома. Если не попытаться социально-политическими и мировоззренческими, идеологическими и всеми другими мерами подняться над либеральными англосаксонскими и западноевропейскими клише «демократии» и «свободного рынка» и не поставить сверхзадачу – обеспечения суверенитета Нашего Народа на фундаменте сильной государственной державной власти и духовности ВСЕХ народов России, мы можем преждевременно уйти из истории.

И вот мы подошли к волнующей проблеме: «соотношению культуры как целостности идеологической и технической и этноса – как явления биосферы»¹.

Дадим краткую характеристику основных фаз (надлома, инерции, обскурации) этногенеза применительно к нашей цивилизации. Выбраны данные три фазы, т.к. первые фазы этногенеза – подъема и акматическую мы уже прошли. Анализ мемориальной фазы в рамках статьи решено не проводить ввиду того, что автор рассчитывает, что нам – россиянам, белорусам, большей части украинцев еще удастся стать суперэтносом и вернуться к первой фазе этногенеза помолодевшим этносом.

Фаза надлома

Русская цивилизация (по анализу событий в государствах Россия, Украина, Беларусь) находится в стадии надлома с тенденциями следования в направлении фазы инерции (*мнение автора*. – Н. К.), которые можно остановить лишь при осознании народами трех государств общих угроз своему сосуществованию, связанных именно с разделением Единого этноса. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что данную фазу трудно считать «расцветом». «Во всех известных случаях смысл явления заключается в растранижении богатств и славы, накопленных предками» [там же, с. 551]. «Расцветом» же чаще всего некоторые исследователи и романисты считают жуткую фазу надлома потому, что «человеку свойственно помнить светлые стороны спектра и забывать темные пятна» [там же, с. 551]. Жертвами же этой фазы надлома – «расцвета» во все века становились «честные люди, гнушавшиеся доноительства, и талантливые, вызывающие зависть, а размножались морально нечистоплотные тупицы, породившие поколение обывателей» [там же, с. 555]. Можно считать, что в данной фазе происходит доминирование «торгашества» над «рыцарством». Утверждение западной цивилизацией (находящейся в состоянии упадка и заката и фазе обскурации с направлением движения к мемориальной фазе) по всему миру «либеральной демократии» и «рыночной экономики» в ущерб культуре, с информационной дискредитацией норм морали, духовности и нравственности незападных этносов и цивилизаций, как раз и может характеризовать превалирование «торгашества» над «рыцарством», что в свою очередь и способствуют надлому незападных этносов, а также весьма негативно сказывается и на русском этносе-народе.

Фаза инерции

Подтверждением тенденции следования русской цивилизации к фазе инерции является общее эмоциональное самоощущение в народе, которое Л.Н. Гумилев описывал одной фразой: «После пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя» [там же, с. 562].

Для инерционной фазы этногенеза характерен спад пассионарности этнической системы и интенсивное накопление материальных и культурных ценностей, являющийся следствием изменения стереотипа поведения. Представляется чрезвычайно важным для русского этноса предотвратить дальнейшую тенденцию скатывания от фазы надлома и инерции к следующей фазе – фазе обскурации.

Фаза обскурации

«Отличительной чертой «цивилизации» является сокращение активного элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого населения... В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и, для того чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, отслеживать и убивать своих соратников» [там же, с. 583]. В данной фазе, считающейся фазой обскурации, как и в предшествующих стадиях господствуют группы, только принцип отбора иной, негативный. «Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворить этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается с точки зрения нового императива неполноценным и, следовательно, неравноправным. Но тут приходит возмездие: жизнелюбы умеют только паразитировать на жирном теле обьевшего за время «цивилизации» народа. Сами они не могут ни создать, ни сохранить. Они разъедают тело народа, как клетки раковой опухоли организм человека, но, победив, т.е. умертвив соперника, они гибнут сами» [там же, с. 584].

В данной фазе этнос может умереть и сгнить раньше, чем погибает от внешнего вторжения. Автору полагает, что такие процессы «гниения» наблюдаются в большей части русско-украинского этноса на большей ее части территории. Допустить «революцию достоинства», предав память героев-победителей нацизма, как и спокойно взирать на шествия потомков бандеровцев могут лишь те, кто перестает нести в себе Честь – достойные уважения и гордости нравственные качества человека, его соответствующие принципы. По-другому, перестает даже внутренне сопротив-

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: АСТ, 2019. – С. 525.

ляться злу, принимая подмену подлинной истории и постепенно превращаясь в раба внешних обстоятельств. Если пассионарный импульс, возникший в Крыму и на юго-востоке Украины, не затронет еще и хотя бы часть из левобережных территорий Днепра, присоединять эти территории к России нельзя. Русские и русскоязычные Украины должны вначале сами пробудиться и найти в себе силы, чтобы остаться верными своей православной религии, традиции, культуре, общерусской и советской истории, и ни при каких обстоятельствах не поддаться пропаганде нынешних работодателей украинского народа и их западноевропейских и заокеанских кураторов, готовых послать на смерть в войну с ЛДНР и Россией. Только после внутреннего пробуждения и включения в борьбу за себя, можно будет оказать им помощь. В противном случае люди на этих территориях продолжают «сожалеть», что не стали «европейцами».

Представляется, что только осознание белорусами, частью украинцев, россиянами всей своей этнической истории и внутреннее стремление остаться суперэтносом, способно не допустить перехода русского этноса к заключительной фазе этногенеза – мемориальной фазе.

Для украинского и белорусского народов важно не поддаться соблазну и самообману некоего «европейского» выбора. Украинская и белорусская элиты должны осознать, что только вместе с великорусским этносом (Российской Федерацией) можно предотвратить дальнейшее скатывание к фазе обскурации и не допустить движения к мемориальной фазе.

Общеизвестно, что существующие современные геополитические концепции можно разделить на концепции геополитики, направленные на построение глобального (однополярного) мира и ее альтернативы – геополитики многополярного мира¹. Многополярный мир нужен для сохранения и развития всех человеческих цивилизаций, сохранения и сбережения своего культурно-исторического архетипа, менталитета, идентичности.

Фундаментом же построения глобального (однополярного) общества являются геополитические концепции атлантизма (стратегия «Анаконды»), как триумфа талассократии с позиции Моря. В качестве основных теорий глобализации выступают следующие три: мировая политика (космополитизм); мировая культура; мировая система [там же]. В контексте рассматриваемой нами проблемы можно считать, что концепция атлантизма ведет все незападные этносы-цивилизации к полному подчинению Западом, к новому колониализму XXI века. По-другому, однополярный мир – это власть коллективного Запада с его ядром в США и Великобритании над остальным человечеством с угрозами существованию ВСЕХ незападных этносов-культур-цивилизаций.

Фундаментом для построения многополярного мира, может стать неоевразийство как планетарный тренд и интеграционный проект². Именно неоевразийство и может быть положено в основу самой тесной интеграции прежде всего, России и Беларуси в Союзном государстве, затем большей части Украины, а также и большинства постсоветских государств.

Враждебной для Беларуси и России Украине, находящейся в вассальной зависимости англосаксов (США, Великобритании), приготовлена главная роль тарана в будущей горячей войне Запада против России после подчинения Беларуси. В такой геостратегической обстановке геополитический нейтралитет и нейтральность Беларуси лишь вызывает наглость у Запада, которая может быть прекращена лишь введением и размещением контингента войск России в Беларуси с закреплением такого статуса в Конституции Республики Беларусь. Только такое решение белорусского народа и нынешнего его лидера может остановить сползание военно-политической обстановки на западном направлении России к мировой войне, а Президент Беларуси может войти в мировую историю как Лидер белорусской нации, предотвративший Третью мировую войну. При этом Западная Украина будет поставлена в крайне сложное геостратегическое положение, что может вызвать «желание» у части народа Галиции трезво оценить негативные последствия сближения с НАТО и ЕС.

«Удушение в объятиях» России с юга продолжится путем экспансионистской политики Турции, а также путем включения Грузии в структуры НАТО. В Средней Азии можно ожидать усиление влияния Турции, Запада и Китая через среднеазиатские республики – Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. Можно предвидеть усиление серьезных противоречий в казахстанском обществе среди русских, русскоязычных и казахов, в связи с введением преподавания на латинице, вместо кириллицы. Наконец, на востоке России, с установлением «потепления» отношений США с Китаем, в связи с приходом к власти демократов, можно ожидать ослабления отношений России и Китая, как и ухудшения отношений Японии с Россией, в связи с тем, что Россия не примет пожеланий Японии по спорным (с точки зрения Японии) островам Курильской гряды. В целом могут нарастать и противоречия в отношениях России с государствами, контролирующими северные территории Арктики.

События после 9 августа 2020 года говорят о том, что новая администрация США продолжит курс на ослабление и отрыв Беларуси от России. В Союзном государстве (Беларусь-Россия) Российская Федерация не может «довольствоваться» ролью Беларуси как «нейтрального союзника»³. Развивая идеи В.И. Ламанского (1833–1914), обосновав-

¹ Дугин А.Г. Геополитика: учеб. пособие для вузов. – М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2011. – 583 с.; Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – 425 с.

² Дугин А.Г. Геополитика: учеб. пособие для вузов. – М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2011. – 583 с.; Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теории, социология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2013. – 348 с.; Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – 425 с.; 10. Карпиленя Н.В. Геополитические аспекты строительства мощного евразийского государства. Мировоззренческие, духовные, военные, социально-политические аспекты современности: монография. – Минск: ГУО «ИПС» РБ», 2016. – 286 с.

³ Более подробно см.: Карпиленя Н.В. Нейтралитет и нейтральность государства: история происхождения и современность в контексте строительства Союзного государства // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сбор-

шего концепцию «Россия-Евразия», которая получила творческое развитие в евразийстве, о том, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями»¹, хочется надеяться, что, прежде всего, современное белорусское государство, вернувшееся в общерусскую историю с Россией с 1795 г., в формирующемся ныне Союзном государстве вместе с Россией и станет тем кряжем или стволом, к которому на определенном историческом этапе присоединится большая часть русского народа территории нынешнего украинского государства. Более того, автор считает, что всем здоровым силам в Европе нельзя допустить, чтобы на всей Украине окрепла бандеровская русофобско-националистически-нацистская идеология, которая, непременно, в последующие годы и десятилетия будет использоваться внешними силами (прежде всего США и Великобританией) не только против России, но – прежде всего, против Беларуси, а значит, служить источником зарождения войны в Европе. В то же время, если белорусское и украинское государства будут лишь ветвями – отдельными «веточками» (около 40 млн. человек), требующими от российского ствола (около 100 млн. Русских) лишь преференций для себя, а не стремящихся стать единым (с русскими, русскоязычными) стволом ВСЕЙ русской цивилизации от Бреста до Камчатки, от Севастополя до Мурманска – культурно-историческое ослабление России продолжится, а превращение ее в Россию-Евразию окажется под угрозой. Такое поведение белорусского и украинского государств вынудит Россию заботиться только о своих интересах. В такой ситуации Беларусь и Украина превратятся в периферию расколотой цивилизации с внутренними конфликтами без экономической поддержки ресурсами и защиты со стороны России.

Беларусь уже на протяжении последних 7 лет (личное мнение автора – Н. К.) допускает стратегические ошибки, не придавая никакого внимания наличию после «революции достоинства» в 2014 г. на руках украинцев свыше 5 млн. оружия и не осуждая действия украинских властей, позволяющих местным радикалам различных мастей разрушать общую советскую историю, в том числе Нашу общую историю победы в Великой Отечественной войне, повсеместный снос памятников, невольно, показывая терпимость к злу для белорусских радикал-сепаратистов. Такая политика «толерантности к злу» для многонациональных и многоконфессиональных Беларуси и Украины, также может стать началом конца их государственности, из-за невозможности без русских и многочисленных русскоязычных быть *стволом* в своих государствах. Только ВМЕСТЕ есть шанс начать новую историческую эпоху возрождения единого русского этноса-народа, руководствуясь этнологией, разработанной Л.Н. Гумилевым.

Проводя анализ истории белорусского государства можно сделать вывод, что белорусской географической обусловленности соответствует динамическая подвижность двух цивилизаций, в интерпретации Маккиндера – как Суша, так и Море (от Киевской Руси – ВКЛ – Речи Посполитой – Российская империя – СССР – Беларусь). При этом, лишь в период объединения ВКЛ с Польшей в Речь Посполитую (особенно с 1696 по 1795 гг.), можно считать, что белорусы «вбирали» в себя талассократическую планетарную силу, тогда как в другие периоды своей истории несли в себе в полной мере именно эволюционную планетарную наследственность цивилизации Суши.

Однозначный выбор Республикой Беларусь ценностей цивилизации Моря неминуемо может привести к цивилизационному столкновению Моря против Суши, т.е. коалиций стран атлантистского Запада, возглавляемой США и коалиций стран, возглавляемых Россией и Китаем (личное мнение автора – Н. К.). Окончательная и полная победа сил талассократии (Моря) над силами теллуократии (Суши) в глобальном масштабе может означать неизбежную смерть всей человеческой цивилизации, в том числе и самого победителя.

Дело в том, что Республика Беларусь географически находится в пограничной зоне – «полосе, имеющей *ненулевой* пространственный объем» – строго Сухопутной и Морской цивилизации, так как расположена между в основном православными Россией, Украиной, лютеранско-православно-католической Латвией и католическими Польшей, Литвой, сама являясь православной. Оставаясь нейтральной, Беларусь будет разрушать генетический код белорусской нации, являющейся государствообразующей (83 % относят себя к белорусам), что весьма негативно скажется на устойчивости развития государства.

Далее вкратце рассмотрим проблемы, способные образоваться для единой общерусской этнической истории и национальной безопасности Союзного государства при формировании многополярного мира, которые могут быть связаны с продолжением проведения белорусским государством курса «национал-сепаратизма» или нейтралитета в геополитике и нейтральности в идеологии.

Представляется, что реализация первой идеи – «национал-сепаратизма», будет способствовать формированию однополярного мира и укреплению цивилизации Моря (Запада) и вести к гражданскому противостоянию в Беларуси.

ник материалов XII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Вольского военного института материального обеспечения / Под ред. А.В. Немчинова. – М.: Перо; Вольск: Тип. ВВИМО, 2018. – Ч. 4. Актуальные проблемы философии и социально-политических наук (К-Я). – С. 6–15; Карпиленя Н.В. О пассионарности и евразийстве: развитие идей Л.Н. Гумилева и евразийцев // Гуманитарный вестник ВА РВСН. – Балашиха, 2018, № 1(9). – С. 59–68; Карпиленя Н.В. Нейтралитет государства и нейтральность в идеологии: геополитический подход к осмыслению проблемы // Патриотизм как основа социально-гуманитарной подготовки кадров в интересах обеспечения национальной безопасности страны. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18-19 апреля 2018. – Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты, 2018. – Ч. 2. – С. 37–48; Карпиленя Н.В. О нейтралитете и нейтральности в геополитике: в контексте военной безопасности Союзного государства // Сборник научных статей Военной академии Республики Беларусь. – Минск: ВА РБ, 2018. – № 35. – С. 126–139; Карпиленя Н.В. От баланса сил борьбы между государствами к гармонии противоборства между цивилизациями, государствами и их коалициями: военно-философские аспекты // Архонт. – М., 2019. – № 2(11). – С. 55–81; Карпиленя Н.В. О проблемах нейтралитета в геополитике и нейтральности в идеологии в контексте национальной безопасности Союзного государства: евразийский взгляд // Архонт. – М., 2019. – № 1(10). – С. 42–86.

¹ Ламанский В.И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. – С. 51, 95.

Следование второй, которая и призвана строить ВМЕСТЕ сильную и процветающую Беларусь, будет формировать многополярный мир и укреплять православную (русскую) цивилизацию (цивилизацию Суши). Нейтралитет же Беларуси – медленный путь к ослаблению в обществе чувства патриотизма большинства (прежде всего православной части) белорусского народа, что будет способствовать укреплению доминирования США в Европе и агрессивным устремлениям НАТО в отношении России и Союзного государства.

Остановимся еще на одной и, по мнению автора, существенно важной проблеме, препятствующей укреплению Русского этноса в общерусской истории.

Приходится констатировать, что по-прежнему существуют противоречия и не в полной мере реализуются собственные возможности по формированию *духа общерусской нации*. Коллективистские по сути государства цивилизации Суши (Россия, Украина (выбравшая после 2014 г. «путь» в Европу, не соответствующий своему генетическому архетипу, менталитету), Беларусь) действуют на мировой арене зачастую разрозненно, иногда разнонаправленно, в отдельных случаях нейтрально, в отличие от стран индивидуалистического Запада, всегда выступающих в поддержку друг друга. В этом и есть суть промедления решения главных проблем и накопления внутренних трудноразрешимых противоречий.

При рассмотрении таких проблем, как нейтралитет государства, а также практической реализации государственной идеологии (зачастую для достижения цели – обеспечения нейтралитета государства, без учета цивилизационных ценностей и интересов в несостоявшемся желаемом для государства миропорядке) следует учитывать «естественные» признаки – нрав, характер и язык народа, проживающего на территории государства – являющиеся существенно важными не только в отношениях между государствами, но и в межкультурном и этническом взаимодействии. Придерживаясь такого подхода вполне уместно считать российский, белорусский, украинский народ – единым этносом-народом *русского мира*, ввиду использования на большом географическом пространстве русского языка в качестве государственного (в России и Беларуси), или как средства общения. Дело и в том, что согласно давней традиции «народ» идентифицировался по вероисповеданию. «Такой подход много столетий спасал австрийскую, российскую и османскую империи от развала»¹. А среди россиян, украинцев и белорусов и ныне более 80% придерживается православной веры.

Автору статьи представляется, что российский народ, переживая в 2014 году фазу надлома (если считать, что в 1380 г. и был пассионарный толчок, когда, по мнению Л. Н. Гумилева, после победы на Куликовом поле вышли одним народом – русскими), благодаря событиям в Крыму и его историческим воссоединением с Российской Федерацией, героической борьбе жителей ДНР и ЛНР за право почитать своих героев, сохранять и развивать свои ценности, предпринимает усилия возврата в историю к первой фазе, но уже обновленным этносом-народом. Именно благодаря настоящим пассионариям – из числа жителей Крыма, Донецка и Луганска – российский народ прекратил скатывание в обскурационную фазу, а национальное, истинно народное движение почитания на 9 мая своих предков в «Бессмертном полку», вселяет уверенность в начале нового исторического пути обновленного русского этноса-народа. В таком пути и у других государств бывшего СССР есть уникальный шанс вернуться в историю, ибо налицо движение к обскурационной фазе таких государств, как Литва, Латвия, Эстония, Украина, несмотря на кажущийся их руководителям акматический подъем. Дело в том, что в господствующих элитах этих государств превалирует, с одной стороны – русофобия и национализм (ненависть к другим, прежде всего к русским, русскоязычным и России), что не может сплачивать общество из-за наличия в государствах достаточно большого числа носителей русского языка, а, с другой, можно наблюдать в элитах и многих гражданах эгоистичных людей, руководствующихся лишь потребительской психологией. Наличие второй сущности, в интерпретации Л.Н. Гумилева, может привести к следующему следствию: «...после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции»².

Автор статьи относит Литву, Латвию, Эстонию, Украину к частям фазы обскурационного состояния этноса, в том числе из-за искусственного преувеличения своего прошлого, в стремлении своих историков показать чрезмерно продолжительную историческую жизнь своего этноса и прогнозирования будущего не на патриотизме (любви к своему), а на антисоветских, русофобских националистических тенденциях и слепому подчинению весьма сомнительным ценностям США и подчиненным им «цивилизованным государствам» Запада. Они не жизнеспособны на длительном историческом пути из-за подмены собственных понятий о добре и зле. Дело в том, что такие этносы всегда будут бороться с самими же собой на уровне сознание-подсознание.

Заключение

1. Моментом пассионарного толчка и выхода великорусского этноса на историческую арену можно считать 1380 год, когда на Куликово поле вышли сражаться «суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах»³. С этого же момента предлагается вести отсчет великорусского этноса и определять его этнический возраст в соответствии с теорией этногенеза, разработанной Л.Н. Гумилевым. Возраст же возврата белорусского и большей части украинского народов к единой общерусской исторической судьбе с великорусским этносом можно условно считать, соответственно, для Беларуси, с

¹ Геополитика: теория и практика: учебное пособие / Г.Н. Смирнов, И.А. Дмитриева, В.Е. Дмитриев, Е.Л. Бумагина. – М.: Проспект, 2016. – С. 133.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: АСТ, 2019. – С. 22.

³ Там же, с. 266.

1795 (третьего раздела Речи Посполитой), а для Украины: с 1667 г. – Андрусовского перемирия, заключенного между Польшей и Московским государством, по которому Левобережная Украина осталась навеки за Москвой, а также с 1795 года, когда к Российской Империи была присоединена часть Правобережной Украины, за исключением Галиции, которая в этот же год перешла во владение австрийских Габсбургов. Отдельного пассионарного толчка в белорусском и украинском этносе, связанного с событиями истории и героической борьбой (в том числе вооруженной) *только своего этноса*, автором не выявлено, что делает возможным заключение об единой исторической судьбе русского этноса (великороссов (россиян), белорусов и большей части украинцев) от Древней (Киевской) Руси. Совместная героическая борьба русского народа – великороссов, белорусов, малороссов в Отечественной войне 1812 г. и всего советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. могут служить объективными подтверждениями исторической борьбы за существование единого этноса-народа – Русского этноса-народа.

Этническая история не столь наглядна, как история культур и государств, социальных институтов и классовой борьбы, так как события, связанные со сменой фаз этногенеза, источниками не фиксируются.

В отличие от науки об этногенезе этническая история – полифакторное явление. В ней участвуют наряду с географическими и биологическими социально-политические, историко-психологические и культурологические факторы как соучастники многообразных фрагментарных процессов.

2. Поведение этноса меняется в зависимости от его возраста, который удобно отсчитывать от момента выхода этноса на историческую арену. Стереотип поведения масс (подъем или спад) в конечном итоге влияет и на активность пассионарных личностей и может зависеть от того, в какой фазе этногенеза находится этнос.

Уровень патриотизма, как и национальный характер, в каждой эпохе разный, даже при ненарушенности последовательности смены фаз этногенеза, в связи с изменением в каждой фазе этногенеза стереотипа поведения.

3. Осознание в современных Беларуси и на Украине нашей общей исторической судьбы для сбережения и эволюционного развития ЕДИНОГО ЭТНОСА есть способ обеспечения дальнейшего Нашего общего выживания-существования в мировой истории, ибо, как утверждает Л.Н. Гумилев, «новые этносы возникают *не путем дробления старых, а путем синтеза уже существующих*», т.е. этнических субстратов. Ведь именно во время Отечественной войны 1812 г., а также во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и проявилась единая сила общерусского этноса-народа.

Насаждение на Украине тотальной языковой украинизации с запретом преподавания в школах на русском языке направлено исключительно против русских и русскоязычных как заключительный этап продвижения англосаксонских интересов и устремлений польского государства к пространственному расширению за счет Украины и Беларуси в границах до 1772 года, что войдет в самое жесткое противостояние с Россией и будет противоречить вековым устремлениям и планам Германии.

4. Фиксируемый в ряде руководящих документов Российской Федерации и Беларуси тезис об *ослаблении в обществе чувства патриотизма* есть объективный процесс, связанный с уменьшением уровня пассионарности в связи с нахождением русского этноса в фазе надлома с тенденциями направления распространения этногенеза к стадии обскурации. Замедлить данный процесс можно при создании условий и возможностей для общественной и политической самореализации патриотично и государственно настроенной пассионарной части граждан, прежде всего ученых Духа, обосновывающих и реализующих идеи необходимости существования Единого русского этноса (россиян, большей части украинцев, белорусов) в Едином политическом организме – Российском Государстве и служащих интересам сохранения русской цивилизации и сбережения (*сохранения неповрежденности, неутраченности, неизрасходованности*) многонациональных и многоконфессиональных народов России, Беларуси и большей части Украины.

Без политического результата – создания Единого российского государства белорусская и украинская нация будут продолжать подвергаться давлению и новым «цветным революциям» со стороны цивилизации Моря (западной цивилизации, прежде всего США и Великобритании) по сценарию, описанному в статье еще в 1919 г. английским классиком геополитики Х. Маккиндером. Чтобы этого не допустить в будущем – этнологической фазе перехода Русского этноса от фазы надлома к фазам – инерционная, обскурации и мемориальной, есть один выход для белорусов и украинцев – организация политической жизни в Едином централизованном федеративном Государстве под властью Новой России, сформированной на идеологии неоевразийства. Все дело здесь в том, что государства, находящиеся на стыке цивилизаций (Беларусь и Украина находятся именно на стыке цивилизаций Моря (западной) и Суши (православной, русской), входя в цивилизацию Суши) разрушаются включением двух «сценариев саморазрушения» – сепаратизмом своих окраин и (или) предательством (допущением стратегических просчетов) своего центра. Вот почему центр своей страны, для управления государством, должен быть отдален от границ, чтобы иметь возможность регулировать жизнь своих окраин, в том числе проводя выверенную внутреннюю миграционную политику, в том числе предлагая к заселению своих окраин гражданами своей страны из близко расположенных к своему центру мест и предоставлении властных полномочий патриотам-пассионариям. Один этнос-народ всегда стремится к единой политической организации, что позволяет ему обеспечить свою безопасность и продолжение единой исторической судьбы.

5. Практические политические действия Президента Беларуси после 9 августа 2020 г., руководствующегося *этикой убеждения*, основанной на укреплении личной власти и достижение лишь суверенитета своего государства, реализуя многовекторность в соотношении 30:30:30 (30% – с Россией; 30% – с Западом; 30% – с остальным миром), противоречат основным законам геополитики, способны нарушить военно-политический баланс сил в Европе между НАТО и Россией из-за удаленности войск России от западных границ Беларуси и служат формированию не многополярного, а однополярного мирового порядка, и направлены против цивилизации Суши, Союзного государства и русской цивилизации.

Президенту Республики Беларусь следует действовать внутри страны и на международной арене, руководствуясь *этикой ответственности*, реализуя уже согласованные Беларусью и Россией дорожные карты по созданию Союзного государства, а также, во внешней политике, осуществляя многовекторность как средство для достижения цели – формирования многополярного мира по соотношению – 62% с Россией и 38% с остальным миром¹, что будет соответствовать интересам Республики Беларусь, России, Союзного государства, цивилизации Суши и Русской цивилизации и служить делу предотвращения войны в Европе и укреплению Русского (российского, белорусского, украинского) этноса-народа.

Только в Союзном государстве у Беларуси появится возможность быть вместе с Россией в числе трех государств – России, США и Китая, определяющих формирование нового мирового порядка – многополярного мира (хотя США делает все, чтобы он не состоялся), а также охладит пыл нынешней власти Украины, находящейся под контролем бандеровцев-националистов и в вассальной зависимости от США и Великобритании, из-за размещения войск России на постоянной основе на территории Беларуси и невозможности развития сценария нападения НАТО с территории Украины на Беларусь (*Беларусь имеет с Украиной, в основном западной ее частью, 1084,1 км общей границы*).

Такое состояние позволит здоровым силам на Украине ощутить свою близость с белорусским и российским этносами-народами, что может придать им дополнительные силы (вплоть до пассионарного толчка), для защиты своих прежде всего гуманитарных языковых прав и свобод, что может благоприятно сказаться на изменении всего политического процесса на Украине и реализации возможности продления своей общей исторической судьбы единого русского этноса в общерусской цивилизации – цивилизации русского мира и даже в Едином Государстве.

¹ Такое соотношение обосновано автором в работах: Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. – М.: ИД «Архонт», 2020. – 425 с.; Карпиленя Н.В. От баланса сил борьбы между государствами к гармонии противоборства между цивилизациями, государствами и их коалициями: военно-философские аспекты // Архонт. – М., 2019. – № 2(11). – С. 55–81; Карпиленя Н.В. О принципах международных отношений и последствиях нарушения базового из них – баланса сил на военную безопасность Союзного государства // Архонт. – М., 2020. № 3 (18). – С. 42–59.

Климович А.В.

к. филос. н., доцент, Брестский государственный университет
ksisa@yandex.by

Жук С.А.

преподаватель-стажер, Брестский государственный университет

ВЫЗОВЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Ф. ФУКУЯМЫ)

Ключевые слова: *цивилизация, постисторическая цивилизация, Западная цивилизация, вызовы Западной цивилизации, философская концепция Фукуямы.*

Keywords: *civilization, posthistoric civilization, Western civilization, challenges of Western civilization, Fukuyama's philosophical concept.*

Эпоха постбиполярности (начало 1990-х гг. – настоящее время) характеризуется двумя важнейшими тенденциями – глобальным лидерством Западной цивилизации и вызовами ее гегемонии, которые имеют самую различную природу. Они, несомненно, оказывают значительное воздействие на развитие социально-гуманитарного знания, что в особенности проявилось в творчестве одного из наиболее ярких философов и политологов этого времени Ф. Фукуямы. В связи с вышесказанным, целью статьи является изучение вызовов постисторической цивилизации как элемента его философской концепции. В статье предпринята попытка определить трансформацию теоретико-методологических подходов мыслителя, выявить, охарактеризовать и типологизировать вызовы постисторической цивилизации, которые, по мнению философа, могут привести к «новому старту истории». Постисторическая цивилизация – конструкт, который введен нами для описания образа Западной цивилизации в концепции Ф. Фукуямы.

Широкую известность, граничащую со славой «философской рок-звезды», принесла Фукуяме статья «Конец истории?», опубликованная в 1989 г. в журнале «National interest»¹. Заложенные в ней идеи нашли более детальное рассмотрение в книге «Конец истории и последний человек»², опубликованной в 1992 г. Именно в них философом был провозглашен «конец истории». Автор, действуя в рамках идеалистической методологии, считал, что «конец истории» в гегельянском понимании возможен, однако смысл всемирно-исторического процесса заключается не в воплощении Абсолютного Духа (в том числе и в наилучшей форме правления), а в полной и окончательной победе либеральной демократии в качестве единственной альтернативы развития мира. И если для Гегеля конец истории – битва при Йене (1806 г.), когда армия Наполеона (образ грядущего мира) разбила прусские войска (образ уходящего мира), то для Фукуямы – 1989 г. (демократические революции в Центральной и Восточной Европе). В анализируемых работах американского философа доказывается, что стремление к либеральной демократии заложено в природе человека, а значит, процесс достижения точки «конца истории» является обязательным для всех обществ. И так, тимотические устремления (данный концепт взят из научного наследия Платона и означает стремление к признанию и утверждению человеческого достоинства) являются той основой, благодаря которой человечество стремится к свободе и самореализации. Однако конец истории возможен тогда и только тогда, когда альтернативы мирового развития (фашизм и коммунизм), бросившие вызов либеральной демократии, повержены и более не являются угрозой.

Обобщая взгляды философа, следует отметить, что переход к эпохе «конца истории» не будет простым и одномоментным. По его мнению, постисторическая цивилизация должна перебороть еще ряд «суррогатов» цивилизационного развития: национализм и религиозный фундаментализм. Однако эти явления не могут стать альтернативами постисторической цивилизации. Национализм, по мнению автора, «неоднороден, это не одно, а несколько различных явлений – от умеренной культурной ностальгии до высокоорганизованного и тщательно разработанного национал-социализма»³. Религиозный фундаментализм также не является альтернативной моделью развития. Фукуяма отмечает, что «хотя пустота [имеется в виду определяемая философом духовная пустота либеральной демократии – А.К., С.Ж.], конечно, идеологический дефект либерализма, из этого не следует, что нашей перспективой становится религия» [там же, с. 148]. Мы не можем согласиться с мнением ряда авторов, прежде всего авторов российских учебных пособий по геополитике, что мир, вступая в эпоху «конца истории»⁴ будет бесконфликтным. Сам Фукуяма еще в 1989 г. писал: «Это [конец истории] ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – М., 1990. – № 3. – С. 134–148.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – М., 1990. – № 3. – С. 147.

⁴ В рамках статьи не употребляется концепт «постистория», т.к. он введен в исторический оборот еще в период постклассической науки, а серьезно разработан Ж. Бодрийяром для описания состояния всемирного исторического процесса в эпоху постиндустриального общества [4].

это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими вышеупомянутым частям мира, будет по-прежнему возможен» [там же].

С середины 1990-х гг. философ активно защищает, дорабатывает, а позднее и корректирует свою концепцию, становится одним из идеологов неоконсерватизма, активно развивая идеи унилатерализма¹. Нельзя отрицать влияние его взглядов на процесс принятия и реализации политических решений в эпоху Дж. Буша-мл., в особенности во время первого президентского срока, а именно, активизацию участия США в работе наднациональных институтов, борьбу с любыми угрозами западным ценностям, в том числе и с помощью *military power* и др. Однако после горячей поддержки вторжений в Афганистан, Ирак, «Патриотического акта» философ отмежевывается от неоконсерваторов. Фукуяма пишет о необходимости реформатирования геостратегии США: «США необходимо пересмотреть свой внешнеполитический курс, превратив его из «военной кампании» в политическое соревнование за умы и сердца людей»². Оптимальной Ф. Фукуяма считает прагматично-вильсонскую концепцию, т.е. необходимость действовать тогда, когда это возможно в рамках международных институтов, а в остальных случаях в рамках «цивилизационного консенсуса». И, наконец, в 2004 г. философ окончательно порывает с неоконсерваторами, переходя на позиции умеренных демократов и, соответственно, неолиберализма³.

На рубеже тысячелетий начинают трансформироваться методологические и философские воззрения Ф. Фукуямы. Идеалистический подход в исследованиях не позволял ему реализовать прогностическую функцию, что заставило автора пересмотреть методологию и использовать синтетический подход, включающий в себя элементы и идеалистического, и материалистического подходов. Оригинальным методологическим решением стало рассмотрение процесса формирования общества *posthistory*⁴ и постисторической цивилизации как результата модернизации. Философ отмечает, что «Конец истории и последний человек – это разговор о модернизации. Изначально универсально не устремление к либеральной демократии, а желание жить в современном обществе, с его технологиями, высокими жизненными стандартами, здравоохранением и доступом к окружающему миру»⁵.

С конца 1990-х гг. Ф. Фукуяма пишет ряд книг, в которых изучаются различные аспекты развития современных обществ⁶, такие, как научно-технологический прогресс, роль государства как института, проблемы глобального геополитического взаимодействия и др.

В сентябре 2018 г. вышла еще одна работа мыслителя – «Идентичность: требования достоинства и политика обиды» (*Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*). К сожалению, она пока недоступна ни в оригинале, ни в переводе. На момент написания статьи в русскоязычном, а также англоязычном сегменте Сети отсутствовали сколько-нибудь серьезные рецензии и обзоры. Официальный обзор книги на сайте Стэнфордского университета⁷ позволяет говорить о том, что Ф. Фукуяма идет по стопам своего учителя С. Хантингтона (его последняя работа «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004) [14]) и исследует феномен американской идентичности. Будучи последовательным противником политики действующей американской администрации и лично Президента, автор говорит о росте популизма, который используется политиками для решения текущих задач, что подрывает американское общество. Также исследуется проблема соотношения концептов «либеральная демократия» и «идентичность». По мнению автора, необходимо формировать идентичность таким образом, чтобы поддерживать, а не подрывать демократию. Наверное, наиболее точно выразить современные взгляды Фукуямы может следующая формула: цивилизационное единство (постисторической цивилизации) в национальном разнообразии.

В последних работах Ф. Фукуяма использует методологический подход, довольно близкий к постмодернизму и, следовательно, приходит к выводам об индетерминизме в развитии общества, т.е. он отдает должное и политическим, и социальным, и экономическим факторам в развитии общества. Однако подобный индетерминизм не является абсолютным, таким, который мы можем видеть, например, в работах Ж. Делеза. Также необходимо выделить еще две закономерности. Во-первых, либеральная демократия как политический строй является не целью модернизации, а, выражаясь словами Ф. Фукуямы, побочным продуктом процесса модернизации и, следовательно, ее построение становится возможным тогда и только тогда, когда для этого есть соответствующие экономические, социальные, политиче-

¹ Унилатераль – это единственный полюс превосходящей геополитической мощи, который состоит из нескольких геополитических субъектов, которые имеют сходные представления о развитии.

² Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2007. – С. 74.

³ Фукуяма Ф. Неоконсерватизм в его нынешнем виде я принять не могу // *The Guardian*. – <http://www.inosmi.ru/print/225769.html>

⁴ Общество *posthistory* – конструкт, который в рамках данной статьи определяет образ социальной организации в постисторической цивилизации.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с англ. А. Качалова. – М.: Рипол-классик, 2015. – С. 135.

⁶ Фукуяма Ф. Великий разрыв: природа человека и восстановление социального порядка / Пер. с англ. В. Кузнецова. – М.: АСТ, 2003. – 394 с.; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ, 2004. – 367 с.; Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.; Фукуяма Ф. Отставание / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Астрель, 2012. – 477 с.; Fukuyama F. *The Origins of Political Order*. – New York: Straus & Giroux, 2011. – 585 p.; Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма; пер. с англ. К.М. Королева. – М.: АСТ, 2017. – 702 с.

⁷ *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Review / Stanford university. – <https://fsi.stanford.edu/publication/identity-demand-dignity-and-politics-resentment>

ские условия¹. Позволим себе заметить, что во всех остальных случаях процесс ее построения может быть описан через классическую постмодернистскую теорию симулякров Ж. Бодрийера. Второе, экономическая модернизация, если она проходит успешно, как правило, требует участия в политической жизни, а значит, определенной социальной организации, в том числе создания жизнеспособного среднего класса [там же, с. 55]. На наш взгляд, функционирование среднего класса в концепции Ф. Фукуямы может быть наилучшим образом описано через категориальный аппарат функционального подхода Т. Парсонса, т.е. средний класс должен уподобиться саморегулирующейся системе.

Таким образом, за прошедшие 30 лет произошла значительная трансформация взглядов Ф. Фукуямы – от провозглашения «конца истории» до оговорок о «перезапуске» истории, от неоконсерватизма до неолиберализма и т.д. Важно понимать, что философская концепция Ф. Фукуямы довольно противоречива и неоднозначна. В научном дискурсе распространено мнение о «игривости» философа. Известный политолог А. Левен отмечает, что «он [Фукуяма] любит подбрасывать в воздух противоречивые идеи и жонглировать ими. И даже если в результате зачастую получается ужасная путаница, то сам процесс мышления этого автора увлекает и стимулирует воображение»². Ниже приведены примеры изменений взглядов философа.

Таблица 1

Трансформация взглядов Ф. Фукуямы на проблемы современного развития

«Ранний» Ф. Фукуяма (конец 1980-х – начало 2000-х гг.)	«Поздний» Ф. Фукуяма (с середины 2000-х гг.) ³
Общее	
– Необходимость соблюдения прав человека и гражданина. – Реализация политических свобод. – Демократия – наилучшая форма правления. – Институты гражданского общества играют важнейшую роль в формировании, развитии и сохранении постисторической цивилизации. – Мир хочет быть «современным», т.е. жить по наиболее высоким доступным стандартам. – Мир так и не предложил жизнеспособных путей развития, которые бы в условиях честной конкуренции могли бы поспорить с моделью развития постисторической цивилизации.	
Различное	
Первична постисторическая цивилизация относительно национального государства (последнее, скорее всего, отомрет)	Постисторическая цивилизация и национальное государство необходимы друг для друга
Идеалистический подход к изучению объекта познания	Материалистический подход к изучению объекта познания
Неоконсервативный подход к формированию геостратегии США	Прагматично-вильсонский подход к формированию геостратегии США
Либеральная демократия – результат и конечная цель всемирно-исторического процесса	Либеральная демократия – один из побочных продуктов модернизации
Конец истории произошел, и пути назад нет	Конец истории отложен
Роль государства как института в экономике, политических процессах и др. будет неуклонно снижаться	Государству как институту необходимо быть «эффективным», т.е. реализовать оптимальные управленческие решения с минимальными ресурсными затратами
Исламский фундаментализм не является угрозой постисторической цивилизации	Исламский фундаментализм является угрозой постисторической цивилизации
Постисторическая экзистенция – скука.	Постисторическая экзистенция – борьба с вызовами.

Несмотря на изменения в методологии и ряде положений философской концепции, в фокусе исследований всегда находятся проблемы развития стран Запада, его взаимодействия с «Rest»⁴. И немаловажным аспектом исследований Ф. Фукуямы является выявление возможных факторов, которые могли бы поколебать глобальное лидерство постисторической цивилизации. На разных этапах научной деятельности философ исследовал те или иные вызовы. Под вызовами в рамках статьи понимаются любые процессы, которые могут привести к ситуации, когда выход из состояния «конца истории» является вероятным, т.е. «история может взять новый старт»⁵. Вызовы имеют различную природу, могут протекать как открыто, так и скрыто для наблюдателя, однако любой из них может «включить двигатель истории», что будет проявляться на нескольких смысловых уровнях: всемирно-историческом (альтернатива либеральной демократии, которая окажется более устойчивой и жизнеспособной и сможет хотя бы на равных конкурировать с обществами posthistory, а, значит, конец истории, как минимум, будет отложен на время экзистенциального противостояния, а, как максимум, в понимании Гегеля-Фукуямы станет невозможным); геополитическом (в результате геополитического противостояния глобальное геополитическое пространство будет переформатировано таким образом, что глобальное лидерство постисторической цивилизации будет подвергнуто ревизии, что приведет к новым моделям

¹ Fukuyama F. Future of history // Foreign affairs. 2012. – N 1. – P. 47.

² Lieven A. The Two Fukuyamas // National Interest. 2006. – N 84. – P. 46.

³ По нескольким направлениям трансформация взглядов Ф. Фукуямы не может быть четко вписана в предложенную периодизацию.

⁴ «Rest» – конструкт, который определяет незападные общества. Получил широкое распространение после статьи С. Хантингтона «Clash of civilizations?» (1994) [17], в которой доказывалась формула «West against the Rest» («Запад против всех остальных»). Также после этой публикации концепт «Clash» стал активно использоваться для определения не только цивилизационного, но и экзистенциального противостояния.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – С. 187.

глобального миропорядка: многополярный, бесполярный, многосторонний, унилатеральный мир и др.); идейном (кризис идеологии постисторической цивилизации и, соответственно, деградации идентичности ее носителя); ресурсно-технологический (невозможность удовлетворения совокупных потребностей постисторической цивилизации в товарах и услугах) и др.

На разных этапах своей научной деятельности Ф. Фукуяма различным образом интерпретировал возможности кризиса постисторической цивилизации, причем вызовы, как он полагал, могут возникать на разных уровнях.

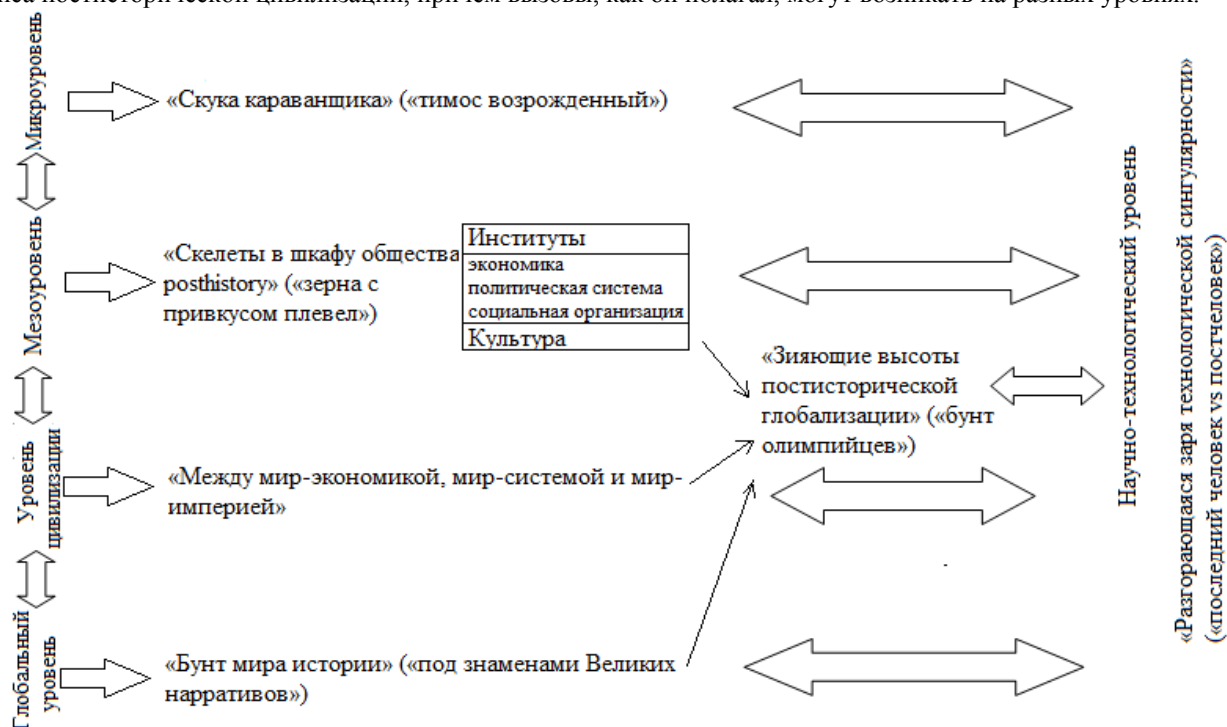

Рисунок 1.
Структура вызовов постисторической цивилизации

В схеме обобщены все вызовы, о которых писал Ф. Фукуяма на разных этапах своей научной деятельности. В результате исследования работ автора можно сделать вывод, что спектр вызовов постисторической цивилизации очень широк, иначе говоря «имя им легион, потому что их много» (Мк. 5:8-9), однако они могут быть сведены в несколько групп.

«Скука караванщика» или «тимос возрожденный» относится к микроуровню. Ф. Фукуяма для описания процесса достижения состояния общества posthistory использует метафору каравана. В результате всемирно-исторического процесса все повозки (или почти все) достигнут конечной точки. Но «конец истории печален». И, как отмечает автор, «быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?»¹. Только тимотические устремления личности могут стать новым «мотором» истории, перспективы многовековой скуки, где истинные возможности реализации тимоса (войны, революции, подвиги, борьба и др.) заменяют «низкокачественными» аналогами (спорт, отдых, рыночная экономика и др.). Поэтому «не выйдет ли так, что их пассажиры, оглядев новые места, решат предпринять еще одно, и более дальнее, путешествие?» [там же, с. 148]. Тотальная рациональность (à la теория рационального выбора), в которой сама природа всемирно-исторического процесса рациональна, где нет места истинным чувствам, где наступает конец философии и искусства, т.к. уже все сказано, где есть тотальный потребитель, но нет места человеку «исторической эпохи», столкнется с внешней и внутренней пустотой, т.к. угроз нет, которая заставит «караванщика» («последнего человека») пойти вперед через пустыни, горы, ущелья к новой цели (или уже без цели – постмодернистское отсутствие глобальных целей: дискурс определяет сознание). Ф. Фукуяма объясняет возможность нового путешествия актуализацией тимоса, но четко это не конкретизирует.

«Скелеты в шкафу общества posthistory» или «зерна с привкусом плевел». На протяжении своей научной деятельности философ не единожды обращался к пресловутому «среднему уровню», формулируя модели в рамках «теории среднего уровня» Дж. Сартори, что вкупе со значительной методологической эклектикой и противоречивостью взглядов автора создает определенную путаницу. Вызовы возможны как на институциональном уровне, так и уровне культур и идентичностей. Вопрос о взаимоотношениях институционального детерминизма (Д. Норт) и культурного детерминизма (С. Хантингтон) в философской концепции Ф. Фукуямы пока не нашел своего решения. На мезоуровне вызовы исходят также от развития экономики, общественной организации, политической системы. На наш взгляд, Ф. Фукуяма выделяет два ключевых концепта, которые позволяют описать процесс формирования и функционирования общества posthistory. Это либеральная демократия и средний класс, причем формирование первой возможно только тогда, когда сформирован средний класс. Такие Общества имеют довольно высокий уровень экономического развития и, соответственно, достаточный уровень благосостояния населения. По мнению Ф. Фукуямы, мо-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – М., 1990. – № 3. – С. 148.

жет быть установлена корреляция между уровнем экономического развития и стабильностью демократии. И если мы рассмотрим общество posthistory в статике в период его «парадигмального взрыва», то, действительно, внутренний вызов маловероятен. Для «перезапуска истории» в данном обществе необходима ликвидация его социальной базы, а именно среднего класса. Наиболее тревожными, по мнению философа, являются последствия, выражаясь категориями Э. Тоффлера, «третьей волны», в частности технологического взрыва. Ф. Фукуяма пишет, что «блага последних волн технологических инноваций непропорционально распределились среди наиболее талантливых и хорошо образованных членов общества. Этот феномен способствовал существенному увеличению неравенства в США за последнее поколение»¹. Другим фактором, подрывающим доходы среднего класса в развитых странах, является глобализация, а именно формирование глобального рынка трудовых ресурсов.

Между мир-экономикой, мир-системой и мир-империей. Уровень цивилизационной абстракции никогда не привлекал специального внимания мыслителя, однако, его выделение среди вызовов представляется необходимым. Ф. Фукуяма в своих работах с завидной периодичностью обращается к опыту развития Западной цивилизации как в историческую, так и в постисторическую эпоху. Но постисторическая цивилизация объединяется вокруг, прежде всего, идей либеральной демократии, а не исторического опыта Запада (религия, культура, история, языковая близость и т.д.), что уже является уязвимым местом. На наш взгляд, альтернативы развития наиболее корректно могут быть описаны через концепцию И. Валлерстайна: от постисторической цивилизации в образе царства честной рыночной конкуренции до модели взаимодействия, имеющей природу мир-империи: core – periphery (ядро-периферия).

«Бунт мира истории» («под знаменами Великих нарративов») может произойти на глобальном уровне: «clash» («столкновение») исторического и постисторического миров. Но каким может быть этот конфликт? Обобщая взгляды Ф. Фукуямы, можно сказать, что это экзистенциальное противостояние, которое может проходить как в латентной, так и в открытой форме. По мнению философа, исторический мир живет в рамках сверхпарадигм, которые могут быть, говоря словами Ж. Лиотара, Великими нарративами². В постмодерне, в котором находится постисторическая цивилизация, нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Ф. Фукуяма в работах разного периода выделяет как минимум три вызова, три идеи, которые представляют определенную опасность для постисторической цивилизации:

Таблица 2

Великие нарративы – глобальные вызовы постисторической цивилизации

Великий нарратив	Когда начал представлять угрозу?	Почему является вызовом?	Почему является ограниченной угрозой?
Мягкий конфуцианский авторитаризм	Середина – конец 1990-х гг.	Имеет значительную ресурсную базу, а также жизнеспособную идею, которая являлась идеологической основой китайской и, в меньшей степени, японской цивилизации. Попытки Китая создать китайской тотальное геополитическое поле в Азии	Вероятно превращение этой парадигмы в «азиатскую ветвь» постисторической цивилизации, мягкий авторитаризм часто проявляется в условиях экономического роста и достижения индустриальной или постиндустриальной стадии
Российский ревизионистский императив	Конец 2000-х – начало 2010-х гг.	Формирование образа лидера мира (великий нарратив), который не противостоит постисторической цивилизации	Ограниченность экономического потенциала в условиях постиндустриального общества
Исламский религиозный фундаментализм	Начало 2000-х гг.	Проблематична интеграция в постисторическую цивилизацию, является чрезвычайно активным, действует в различных сегментах геополитического пространства	Является не естественным итогом развития исламской цивилизации, «рожден» глобализационными процессами. Не может сформировать повестку дня, альтернативную либеральной демократии

«Зияющие высоты постисторической глобализации» или «бунт олимпийцев». Появление этих угроз стало возможным только в условиях глобализационного сжатия-ускорения. Ф. Фукуяма определяет следующие угрозы: кризис идеологии постисторической цивилизации, создание глобального рынка труда, рост привлекательности политического популизма. Еще одним важным «олимпийцем» является идеология мультикультурализма (например, транзит американской миграционной политики от метафоры «плавильного котла» к метафоре «миска салата»). Философ отмечает: «Здесь, в США, постепенно подходят к пониманию того, что на пути к мультикультурализму и этнической balkанизации мы зашли слишком далеко и должны хоть ненадолго остановиться»³. Большинство таких угроз носят латентный характер и не могут в краткосрочной и среднесрочной перспективе поколебать глобальное лидерство постисторической цивилизации, однако они могут действовать подобно «медленному яду», критически накапливаясь в структурах и институтах реципиента, что в долгосрочной перспективе является значительным вызовом.

«Разгорающаяся заря технологической сингулярности» или «последний человек versus постчеловек». К проблемам развития науки Ф. Фукуяма обращается в работе «Наше постчеловеческое будущее». Но будет ли наука всегда служить интересам постисторической цивилизации? Для ответа на этот вопрос философ обращается к природе чело-

¹ Fukuyama F. Future of history // Foreign affairs. 2012. – N 1. – P. 51.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1998.

³ Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2007. – С. 93.

века. При определенном уровне развития науки категория «общечеловеческого» может быть нивелирована: «потому что мы перемешаем гены [имеются ввиду эксперименты с геномом человека в рамках супергранта «Геном человека» и других проектах, в рамках которых возможно клонирование человека – С.Ж.] человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек»¹. Таким образом, будет создан «постчеловек», и кем он будет – вопрос остается открытым. С другой стороны, Ф. Фукуяма предостерегает, что подобный мир «может оказаться куда более иерархичным и конкурентным», в стиле «Дивного нового мира» [там же, с. 365]. Поэтому постисторическая цивилизация не должна стать рабом научно-технологического прогресса, а сам прогресс должен стать ее органичным элементом. Таким образом, научная сингулярность должна быть управляемой в рамках демократических институтов.

Таким образом, взгляды Ф. Фукуямы претерпели с конца 1980-х гг. значительную трансформацию на теоретико-методологическом и конкретно-методическом уровнях. В фокусе исследований Ф. Фукуямы находятся проблемы функционирования западных обществ, теория модернизации и вестернизации, история политической мысли и др. И, тем не менее, каждая работа, выходящая из-под пера автора, прямо или косвенно связана с проблемами развития постисторической цивилизации. В результате исследования можно определить, что эта цивилизация – цивилизация свободы, но не вседозволенности: «истинная свобода означает свободу политической общественности защищать ценности» [там же, с. 366]. Данный подход и определяет ключевую трансформацию во взглядах автора: отход от тотального *universalis* к модели, в которой причудливо переплетаются *universalis* и *realpolitic*. Ф. Фукуямой были выделены две глобальные альтернативы: коммунизм и фашизм, которые, по мнению автора, оказались нежизнеспособны и «остались на обочине истории». Тем не менее, постисторическая цивилизация постоянно сталкивается с вызовами как внутренней, так и внешней природы, имеющими разную степень угрозы. Рассмотрение этих угроз позволяют сделать вывод, что даже Ф. Фукуяма опасается за глобальное лидерство западной цивилизации. И единственный залог сохранения ее роли и места во всемирно-историческом процессе – адекватный ответ на любые вызовы, который возможен тогда и только тогда, когда она сама будет сильной и единой. Образ постисторической цивилизации в концепции Ф. Фукуямы является очень привлекательным, а сама модель демонстрирует большую эффективность, что позволяет мыслителю говорить о ней как о «маяке» для других общностей. Постоянное обращение Фукуямы к проблеме вызовов постисторической цивилизации говорит об очень неустойчивом состоянии «конца истории», окончательный переход к которому был отложен самим философом. Да и сама структура вызовов постисторической цивилизации свидетельствует о перманентной угрозе ее глобальному лидерству.

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ, 2004. – С. 364.

Кожемяков А.С.

д.ю.н., независимый эксперт

ИДЕНТИЧНОСТЬ *VERSUS* ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ «ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Ключевые слова: *национальная идентичность, глобализация, цивилизационное развитие.*

Спустя почти столетие, прошедшее со времен, когда «идентичность» стала предметом научной проработки (если за отправную точку взять работы Э. Эриксона по индивидуальной и возрастной психологии личности идентичности), в политических науках прочно обосновалось не менее сложное, полифоническое и комплексное по составу понятие «национальной идентичности».

В классической социальной теории традиционно было принято считать, что в истории (при принятии т.н. «формационного развития», иное пока не оформлено и не общепризнано) последовательно сменялись (подчеркнем, как доминантные на каждом этапе) три кластера идентификационных факторов и критериев: этнические (языковые), конфессиональные (мировые религии) и социально-классовые (по положению субъектов в социальной, экономической и властной иерархии).

«Национальная идентичность», как научная проблема, в историческом контексте предстает как в высокой степени «композитное» понятие: очевидно, что оно включает, в частности, такие темы, как этногенез, этнолингвистика, становление национального государства, комплекс специфичных (отнесенным к таковым на уровне массового сознания) культурных и социетарных идей, воплотившихся в своеобразной религиозной, территориальной, этнической и гражданской идентичности. Вопрос об их изменчивой взаимосвязи («весомости») каждого из перечисленных научных подходов, причем на каждом из меняющихся (по мнению некоторых систем мировидения, циклических) этапах развития – это гораздо менее исследованная и озвученная тема. Очевидно одно: необходима динамичная модель, включающая взаимодействие всех из перечисленных научных подходов, причем рассчитанная для каждой из стран и цивилизаций в конкретных исторических условиях. Такой модели на сегодняшний день пока не создано.

Оставаясь актуальной проблемой современного мира, «национальная идентичность» вместе с тем является и проблемой, имеющей достаточно устойчивую историческую эволюцию (в качестве «интеллектуальной провокации», осмелюсь предположить, что она существовала уже на этапе «борьбы за выживание» между неандертальцами и сапиенсами, о чем размышляют в современной антропологии). Иными словами, свои «первые шаги» идентичность сделала на этапе самого начала разделения людей на «свой-чужой». Отсюда и «национальная (государственная) идентичность» рассматриваются сегодня в политической науке преимущественно как «инструмент распознавания» участников мировой политики и «средство позиционирования» в отношении других акторов (сотрудничество-нейтралитет-враждебность). Разумеется, в эпоху постмодернизма к этому добавилось и положение о том, что идентичность не есть нечто данное (тем более навсегда), а преимущественно приобретаемое (а значит, и конструируемое) качество личности и социума (кстати, здесь же лежит основа для таких «новинок» в самоидентификации, как «свобода выбора пола»).

Вместе с тем, исторические и жизненные социально-политические реалии подводят сегодня к мысли о том, что действие этих доминант только частично совпадает с историческим становлением человеческой цивилизации. Представляется, что каждая из этих доминант не устраняла предшествующие, каждая из них, скорее, соответствовала во всемирной истории некоему общему процессу «взросления» Человечества. Сегодня же мы подошли к вопросу о взаимовлиянии трех указанных «кластеров» друг на друга (подчас и их действия в обратном (возвратном) направлении, что вполне избыточно проиллюстрировано в разнообразном постсоветском опыте). Вряд ли стоит рассчитывать, что и в перспективе становления общества будущего, построенного на принципиально иной информационной, технологической и социальной средах, «три кита» идентичности (язык, религия, социальность) останутся в неизменном статусе.

Тема данной конференции, как и предлагаемая статья, фокусируют внимание на том, как понятие «национальной идентичности» коррелирует с процессами т.н. *глобализации*. В этом ракурсе национальная идентичность выступает преимущественно в качестве чуть ли ни реакции (если не главного препятствия) на ее пути (в отличие от техноэкономической и коммуникативной сторон глобализации, которые (достаточно бездоказательно) принято считать «состоявшимися»).

На деле, этот процесс представляется более сложным, если принять во внимание его историко-политическое и культурно-цивилизационные измерения на разных этапах истории. Попытаемся сформулировать их главные аспекты, прежде чем рассматривать тему о современной «национальной идентичности»:

- прежде всего, различия в восприятии и значимости проблемы идентичности (как и «цивилизаций» и «национальных культур»), в силу их «естественной устойчивости», нередко приобретают особую остроту (в частности, в процессе распада государств и формирования на их месте новых). Об этом наглядно свидетельствует история современной России и всего постсоветского пространства;

•современные социальные и миграционные процессы, особенно аспекты образования, культурной среды, социализации, занятости, существенно сказались на традиционном видении «формирования идентичности»: при всем многообразии ситуаций, очевидно, что прежняя модель (от этничности, языка и религии – к социальной идентификации) уже не в состоянии объяснить современные разнонаправленные тренды эволюции этой проблемы; особую роль стала играть также «манипуляция (управления) массовым сознанием, в том числе напрямую касающаяся «идентичности»;

•«национальная идентичность» сегодня «размывается в пространстве и бытийности»: массовая миграция и культурная универсализация (принятие западной модели жизни как единственно приемлемой на перспективу) лишают ее формирование привычного формата. Ожидаемый новый технологический уклад (т.н. нано-био-когно-инфо-социо) также изменит не только среду обитания, но неизбежно и самого человека.

•бесспорно и то, что «глобализация» (как общецивилизационный процесс, так и его практические и весьма своеобразные последствия в разных странах) ставят проблему «национальной идентичности» в существенно новые рамки (от признания «необходимости ограничения национального суверенитета в общепланетарных интересах», вплоть до тиражируемого тезиса об «обреченности» национального государства, как исторически исчерпавшего себя института).

Динамичная и изменчивая в истории взаимосвязь и различная весомость каждого из перечисленных выше факторов, действующих в конкретных исторических условиях для каждой страны, создает в каждом из случаев свою уникальную картину «состояния проблемы». В этом смысле, в каждом из государств мира существуют собственные, уникальные исторические картины формирования «национальной идентичности», хотя сама проблема является универсальной.

Однако новизна современного периода т.н. «глобализации» неизбежно (в силу уже очевидной явленности вскрывшихся проблем) требует переосмысления прежних подходов, чтобы объяснить перспективы нынешних и грядущих перемен в понимании «национальной идентичности» – существует ли она и в чем проявляется, сохранится ли в будущем, и если да, то зачем? Из изложенного следует, как минимум, что извечно служившая «маркером» социальная идентификация (язык-род-племя-традиции-религия-социальная группа-практический социальный опыт-класс-политическая ориентация-идеология-партия) вряд ли останется исчерпывающей на обозримую перспективу.

Первопричина всех этих «вопросов» (можно всем им дать и «научное обоснование», но это потребует времени) это наблюдаемая не только в науке, но даже на уровне «массового сознания», новая страница в сегодняшних реалиях, сводимая к старому тезису – «великое переселение народов и его последствия». Тому есть немалые основания: масштабные и устойчивые по географическим трендам миграции населения в XX веке, уход «сформировавшихся народов» с традиционных мест их проживания и, как итог, смешение различных этнических и религиозных групп в одном цивилизационном географическом пространстве (назовем его условно «Запад»), некогда «однородном» по составу, действительно, формируют новую панораму действительности.

Принципиально новым является и то, что эти процессы идут теперь уже не только в региональном, но и в планетарном масштабе (вполне понятным, но не общепринятым (а значит не для всех очевидным), является то, что в разных местах нашей планеты они проходят весьма по разному («транспортная мобильность», «технологическая универсальность», «глобальность коммуникаций» и т.п. С учетом этого, идущая технологическая универсализация является скорее «субституту» настоящей, Человеческой глобализации («всеобщности», как принято формулировать в русской мысли).

Помимо значимости содержание понятия «национальная идентичность», как самостоятельной научной проблемы, следует различать ее значение для внутренней и внешней политики. В последнем случае она преломляется и сопряжена с понятием «национальные интересы», которые уже не первое столетие используются в качестве главных «реперных точек» во внешней политике ведущих стран. Разумеется, эта тема требует специального рассмотрения¹.

На этом фоне невозможно, оставаясь на позициях социологической реальности (и т.н. «здравого смысла»), отрицать, как минимум, объективность данной перспективы «глобализации» как общепланетарной ситуации. Равно как и то, что в силу природно-исторического и культурного «разнообразия» реального существования, люди (на обозримую перспективу) не будут реагировать на эти процессы одинаково – они (даже в среде «правлящих классов») отнюдь не все в равной степени являются «западными рационалистами» («культурная идентичность» отнюдь не гарантирует забвения «национальной идентичности»). Таким образом, источник противоречий – налицо.

В поисках ответов на эти новые аспекты «идентичности» представляется значимым выделить три типа ответов (каждый из них, являясь типологическим, разумеется, «ветвится» на множество мнений и вариантов суждений разных авторов). Но в то же время, они объективно формируют и три направления, которые могут оказаться полезными для дальнейших рассуждений по теме – как могут сложиться в перспективе поиски ответа на вопрос о соотношении «национальной идентичности» и «глобализации».

Первой (и наиболее представленной (т.е. доминантной) точкой зрения по рассматриваемой теме в России является сегодня та, которая вписывает проблему «идентичности» в более широкую тему современной «глобализации»². Уже само название этой весьма целостной научной статьи помещает читателя во вполне оформленные «системы ко-

¹ Кожемяков А.С. National interests versus Globalization: the way out to overcome the basic contradictions. Выступление на международном научном Конгрессе «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества», Москва, МГУ, 23 октября 2020 г. см. e-library: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44309235>, или по ссылке: https://19f1e703-12fe-47e7-a98b-59d83fafbf2.filesusr.com/ugd/f9770f_89e10bd1f258496c8b5336f6f4277779.pdf?index=true

² См.: Спиридонова В.И. Императив возврата к национальной идентичности как фундамент полицентричного мира // Век глобализации. – М., 2020. – Вып. 2 (34).

ординат»: «идентичность – это «константа», которую неизбежно придется переформулировать и придерживаться, а «глобализация» неизбежно будет стоять перед фактом «полицентричного (т.е. разнообразного не только с точки зрения «многополярности», но и идентичности стран-участников) мира.

Весьма уместно в названной статье проводится разграничение двух ракурсов глобализации – технологически-экономического (технологические и коммуникационные стандарты уже универсальны), и идеологически-политического (последнее остается весьма различным, хотя в медийном пространстве эти два аспекта чаще намеренно смешивают, представляя, к примеру, напряжение в сети 220\127 вольт и универсальность смартфонов, как общие и достаточные признаки глобализации). Суть второго аспекта глобализации: проводить тенденцию к универсализации «западной модели», ее приемлемости для всего человечества. Однако что тогда делать с объявленной Россией «полицентричностью» («многополюсным миром», на приход которого опирается последние десятилетия российская внешнеполитическая стратегия)? Для обоснования этого подхода автором упомянутой выше статьи постулируется «рост новых мировых центров силы, их желание выстроить собственную идентичность, отличную от европейской, а также внутриевропейские проблемы: провал политики мультикультурализма, рост «дистанционного национализма», востребованность внутринациональной солидарности. Как результат: все это «заставляет мыслителей Запада вновь обратиться к идее национального государства» (как минимум, следует уточнить, что если таковое стремление и присутствует, то оно отражает лишь часть позиции общественного спектра и именуется в доминантном идеологическом лексиконе «национал-консервативным»). Вполне закономерно, что для обоснования своей позиции автор прочно опирается на «труды западных ученых» (без этого не может сегодня обойтись в России ни одно «серьезное научное исследование» – собственных мыслей уже давно недостаточно!). Последние (при правильном подборе авторов) выступают, естественно, как признающие объективную неизбежность многополярного мироустройства (это один из «краеугольных камней» современной официальной российской мысли). Следует отметить в этой связи, что данный подход, как правило, игнорирует тот факт, что искомая и провозглашенная «многополярность» не стала и не станет «естественным продуктом развития мирового сообщества», но только результатом длительной борьбы в сфере мировой политики, победитель в которой заранее отнюдь не предопределен. Достаточно очевидно и то, что в силу отмеченных выше причин (смена технологического и социетарного формата в целом), реконструкция национальной идентичности внутри самого Запада в целях сохранения неких «собственных ценностей», выглядит все менее реалистично.

Возвращаясь к России, сегодня налицо один из хорошо знакомых в русской истории последних трех столетий вариант т.н. «евроцентризма» (мир будущего – это мир планетарного расширения Запада («озападняция», как это называют в самой западной мысли). Отметим, что при этом за редким исключением (см. Н.Н. Данилевский), откладывается в сторону не только углубленное изучение собственной российской идентичности, но и забвение той очевидной данности, что и сам Запад не будет стоять на месте в своей неизбежной трансформации (хотя идея поступательного «прогресса» стала сегодня на Западе все менее самоочевидной). На первый взгляд парадоксально, что сегодня у нас все больше авторов, искренне полагающих, что «миссия России» – это попытка «помочь Западу (прежде всего, разумеется, Европе) в сохранении неких «истинных ценностей» (под которыми чаще предстают операционные средства (а не собственно ценности, как «извечные устремления», онтологические по природе данной культуры) поддержания исторически сложившегося гомеостаза западного общества). В этом Западу и призвана помочь Россия, сохранившая якобы некие «истинные ценности» (список которых, на мой взгляд, несмотря на обилие отсылок к ним, также остается до сих пор спонтанной и чаще не подтверждаемой явленной нам сегодня реальностью «импровизацией»). Надо заметить в этой связи, что последователи такой точки зрения (осознанно, или, в полемическом пафосе, не совсем), но следуют по забытой ныне тропинке, которой шло первое поколение т.н. «русских славянофилов», уступивших вскоре и по вполне объективным внешним причинам, место сильно отличному «второму поколению».

Впрочем, опережающий, хотя и весьма краткий ответ на все гуманитарные озабоченности российских ученых и общества о сохранении «европейской идентичности» дал 15 декабря 2020 года Верховный комиссар ЕС по вопросам внешней политики Ж. Борель. Касательно «национальной идентичности» он ясно сформулировал картину будущего: «Идентичность может убить... Мы должны преодолеть битву идентичностей». И хотя эта посылка была обращена к балканскому региону (ныне его положено называть юго-восточной Европой) и по конкретному случаю 25-летия Дейтонских соглашений, вполне обосновано считать, что этот посыл был обращен к идентичности как таковой (отнюдь не случайны появившиеся в этой связи ссылки на известного британского социолога Э. Гидденса, уже четверть века назад кратко заключившего «идентичность – это зло»). Однако не будем в своих оценках опережать время, оно себя неизбежно и, похоже, весьма скоро проявит...

Суть второй позиции в подходе к рассматриваемой теме состоит в том, что принципиальный ответ на вопрос о «русской национальной идентичности» должен рассматриваться в иных, гораздо более широких понятийных и смысловых рамках. Более того, он уже найден и подтвержден в истории и научной мысли России и речь должна идти скорее об актуализации (т.е. основанном на апробированных научных позициях и методах) переосмыслении (дополнении) воззрений современной философской и общественной науки на дальнейший путь России и мирового развития¹.

Для тех, кто изначально настроен прочесть статьи авторов этого направления под углом зрения критики т.н. «славянофильской ловушки», сразу замечу, что это станет не только легковесным упрощением, но и заведомо не соответствует содержанию этих публикаций. Тематика этого направления современной русской мысли обращена скорее

¹ Наиболее репрезентативно эта точка зрения раскрыта в последней объемной (130 стр.) публикации: Хруцкий К.С. «Данилевский 2.0 (150 лет спустя): Россия и Восток – эпоха интегрализма и северо-восточный (ноосферный) цивилизационный вектор в мировом (мирном – peaceful) развитии» // Biocosmology – Neo-Aristotelism. 2020. – Vol. 10, N 1–2, Winter/Spring. Для углубленного изучения этого подхода полезно обратиться и к ряду предшествующих публикаций данного автора.

к «первоосновам методологии научного познания», нежели к «квасному патриотизму». В его основе лежат такие, отнюдь «не полотняно-суконные» понятия, как «цивилизационная космология», «универсализм», «органицизм и интегрализм», «динамическая социология», «преодоление текущей ‘космологической недостаточности’», «триадический принцип саморазвития», «ноосферная эволюция» и др. (все они получили свое начало, или были существенно дополнены именно в русской научной мысли, что вполне закономерно, по мнению авторов этого круга). Постулируя существование у крупных цивилизаций «национального образа науки» (в том числе и социальных наук), сторонники этого мировоззрения нашли свою опору в философии и логике Аристотеля, а для России в идеях таких авторов, как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Вернадский, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев и ряда других ученых-мыслителей.

Автор упомянутой в сноске статьи не только следует за Данилевским в его главных посылах, но и широко раздвигает их границы до космологического и геополитического масштаба, выводя их на уровень науки и общественной мысли XXI века. Первым из таких важных дополнений является тезис о совмещении в истории России четырех необходимых условий, которые и сделали ее не только самостоятельным «культурно-историческим типом», но и одним из немногих «государств-цивилизаций»: особость мировоззрения, собственное культурное и научное развитие, военно-политическая автономия, самостоятельное общественно-экономическое развитие. Самым не конвенциональным итогом такого хода мыслей (и его закономерным следствием), как считают адепты этого подхода, стал вывод о формировании в России собственной «научной системы» («собственного фундаментального космологического и научно-теоретического знания»). Вновь упреждая возражения на этот счет от «конвенциональной науки», упомяну лишь некоторых из десятков самых разных авторов, на новизне взглядов которых основан столь нетривиальный вывод: Н. Чернышевский, Н. Данилевский, Н. Федоров, Н. Кропоткин, Н. Михайловский, Д. Менделеев, Н. Чичерин, Н. Богданов, Л. Берг, Н. Кондратьев, Н. Лосский, В. Зеньковский (не говоря о «великолепной пятерке» русских мыслителей, упомянутых выше)¹.

Данная статья не предполагала вступление в дискуссию о том, в какой степени России удавалось на деле реализовать на каждом историческом этапе «четыре условия», упомянутые выше, и не претендует на изложение здесь всего богатого спектра поднимаемых в этой связи вопросов. Приведу предельно схематично только наиболее значимые из них, которые, на мой взгляд, можно отнести к рассматриваемой теме «русской идентичности»:

- естественно-эволюционное (динамическое, в потенциале) существование и историческая актуализация (возникновение) естественного культурно-исторического типа (иначе, типа идентичности): в образе качественно особых, но исторически необходимых и предопределенных общественно-культурных формаций;

- характерная для российской цивилизации самостоятельность культурно-цивилизационных кодов и жизненных потенциалов, и ее скрытая внутренняя сила, которая уже проявила себя в мировой истории: как во взлетах русской научно-теоретической мысли; так и в достижениях общественно-культурного строительства, например – в реализации (в XX веке) мощного созидательного потока;

- «миростроительство» будущего (этот термин здесь намеренно используется вместо привычной «глобализации»): благотворное будущее представляется невозможным без Северо-Восточного вектора мирового цивилизационного движения и развития – с реализацией евразийского Биокосмологического (Ноосферного) прорыва; и организации будущего мироустройства на новых (Биокосмологических) основаниях и целях (Органицистского и Интегралистского) всеобщего, в XXI веке, существования и развития (человека, общества, человечества, Эко- и Ноосферы Земли); речь, конечно же, идет не о привычных сегодня цифрах ВВП, тонно-километрах, доходах per capita и т.п., а о лидерстве и общей организации, возникающей на новых (Био)космологических основаниях и общем целеполагании новых натуралистических Органицистских «программ будущего» (в этой связи, вновь поднимается актуальность существующей «космологической недостаточности», в мировом общественно-культурном сознании и современном доминантном научном мировоззрении;

- существенной претензией к современному научному и социокультурному состоянию российского общества авторами этого направления признается факт, что современная Россия (при наличии собственных колоссальных Органицистских Ноосферных потенциалов) – до сих пор не предъявила миру собственного и целостного «мирового цивилизационного проекта»; несмотря на его естественную заложенность (в самих основах российской идентичности) и реальную проявленность такового, в своей истории и культурно-научных достижениях.

Картину взглядов на «национальную идентичность» следует дополнить еще одной научной школой, сформировавшуюся за четверть века независимой научной деятельности в петербургскую Автономную некоммерческую организацию – НИИ Человеческого Общества. Следует сразу отметить, что круг научных интересов этой группы ученых отнюдь не сфокусирован на теме «национальной идентичности», однако обращение к идеям этой научной школы позволяет, как представляется, существенно по-иному взглянуть на состояние и перспективу «идентичности», расширяя привычные рамки обсуждения этой темы.

Сторонники этого направления не без сложности начали свое вхождение в сферу т.н. «официальной (конвенциональной) науки», в частности, в силу достаточно своеобразного стиля и формы изложения своих взглядов (см. приведенные ссылки по которым можно найти и другие работы). Одной из базовых идей, связанных с идентичностью, следует отметить ту, что будущее становление «глобализации» рассматривается здесь не столько в качестве своего рода «логического итога» всего предшествующего развития человеческого общества, сколько его видение, как полно-

¹ Не погружаясь в детальную разборку их взглядов (см. упомянутую статью К.С. Хруцкого), упомяну лишь об одном и самом «крамольном»: осенью 2020 г. японские ученые-биохимики, выполнив научный заказ, вновь подтвердили принципиальную невозможность возникновения «живого» из «неживого», чем подтвердили спорность базовых гипотез «теории Дарвина» (ее принципиальными противниками были в разное время Н. Данилевский, П. Кропоткин, Н. Михайловский, Л. Берг и др.).

стью осмысленного (т.е. управляемого) процесса (отсюда и переопределение «глобализации», как «становления единого Человечества»). Важно, что в центре внимания здесь намеренно и в качестве изначального условия ставится сам Человек и его совершенствование (тем самым снимается проблема, якобы, извечно данной «природы человека»¹. Упомянутая книга, кратко подытожившая многие предшествующие работы, предложила современному читателю иное решение «извечного вопроса» – останется ли Человек в неизбежно грядущем будущем тем же, что и был до того за все наблюдаемое «историческое время»? Его корыстные интересы изначально считались источником постоянной конфликтности (поэтому и отстранялся вполне очевидный вопрос: почему, собственно, в условиях ускоряющегося изменения человеческого бытия, когда изменяется все... кроме самого Человека? Ссылки на его «вечную природу» (идеи, «научно закрепленной» англосаксами в XIX веке, а корнями уходящую гораздо дальше в глубь веков) в XXI веке выглядят, как минимум, весьма анахронично... и главное, почему люди так долго принимают и должны и впредь следовать, как неизменной данности, столь очевидной несуразице? Вопрос выглядит, как полемика-риторический, однако в данном случае, для ответа на него, авторы рассматриваемого направления опираются на весь комплекс самых современных научных знаний (а подчас и гипотез) в разных научных областях: от истории и философской антропологии, к математике и теории информации, от нейрофизиологии и психологии, к новому экономическому укладу и теории грядущего расселения, от необходимости формирования человеческого общества к теории его институтов. Изначально постулируется идея «изменчивости» и «нарастающего динамизма» развития современного человека и общества как антитеза «сохранению и поддержанию», якобы, извечно и навсегда данной «природы человека». Если попытаться суммировать эту широкую панораму идей, концепций, гипотез, выводов и стратегий, а также следующий за ними грядущий исторический вектор, то, пожалуй, можно предельно кратко выразить их словами: «от Человека разумного к Человеку сознательному», «от второй сигнальной системы к многомерной сигнальной системе универсального взаимодействия Человечества».

Концепт «Человека сознательного» является здесь системообразующим звеном в формировании многоуровневой и универсальной (общечеловеческой) модели становления в объективной и неизбежной перспективе «Человеческого общества». На мой взгляд (базирующийся на знакомстве со многими работами авторов этого направления), есть основания полагать, что мы имеем дело с самостоятельной (авторской) научной теорией, включающей на ее заключительных стадиях и иное представление о «глобализации» (кратко, его должно сменить в перспективе «Планетарное Человеческое общество». Оно будет подвижным не привычным для нынешней политической науки понятиями (такими, как «интересы», «сила и соотношение сил», «влияние», «союзники и противники», «выигрыши и проигрыши» и т.п., заимствованными из прошлого терминами), а качественно иными «причинами из будущего», которое станет «Человеческим обществом»).

При таком подходе «национальная идентичность» уже не может, разумеется, приниматься за одну из главных констант национального, а тем более мирового сообщества. Сохранение языков и особенностей культуры, при общности осознания «причин из будущего» для всего мирового сообщества, будет призвано способствовать многоликой гармонизации отношений между людьми. Сознание и здесь вытеснит со временем привычную «разумность» (качественная перемена «угроз человечеству», средств разрушения и взаимоуничтожения как военного, так и антропогенного характера, заставляют всерьез сомневаться в ее (разумности) безграничности).

Следует отметить, что в рамках этого направления авторы не замыкаются на теоретизировании (которое, в силу его новизны и неординарности (по содержанию и форме изложения), наверняка вызовет острую полемику в конвенциональном научном сообществе. Так, например, вышел ряд их работ, ориентированных на решение перспективных задач в рамках «евразийской интеграции», вынесенной в общую проблематику данной конференции, в которых сформулированы, в частности, научные и практико-управленческие задачи для планирования и управления на примере евразийского пространства². Эти идеи были развиты и в докладе авторов на данной конференции³.

Принимая во внимание кратко обрисованную широту теоретико-практических взглядов, вряд ли стоит удивляться, что представления о «национальной идентичности» в рамках данной научной школы не являются теоретически и практически первостепенными (отправными). Вместе с тем, не преодолевая объективно многообразного «Большого Человечества», центр тяжести концептуальных построений переносится на самого Человека, нежели на особенности, связанные с языком, этничностью и национальными образами мира (не говоря уже о «национальных интересах»). Задача их неуклонной модернизации в направлении «нарастания сознательности» предстает как неизмеримо более важная и значимая для формирования «Человеческого общества» (тем более, что мыслители, занятые природой Человека давно подходят к выводу о глубинном единстве человеческой морали, вплоть до перечисления очевидных «общих принципов»).

¹ См.: Анисимов А.М., Градов С.Ю. Итоги роста Человечества и задачи Человека Сознательного: сборка и очерк теории Человеческого Общества. – СПб.: СИНЭЛ, 2015.

² См.: Евразийская интеграция: развитие представлений объективного обществоведения: доклад / Анисимов А.М., Градов С.Ю., Горбатов О.С. (и др.). – СПб.: СИНЭЛ, 2019.

³ Авторами были конкретизированы положения их «теории экономики общественных резервов» – в части концепции гармонического планирования, восполняющего пробелы и ограничения межотраслевого подхода (созданного экономистами XX века), и в части ускорения эволюции денежного носителя, приходящегося на 6 и 7 технологические уклады (по оценке авторов, новациями криптовалют и цифровых денег дело не ограничится, и структурно изменится собственно эмиссионная функция в денежной системе, преобразовав сам институт денег). См. Анисимов А.М., Градов С.Ю. Экономика общественных резервов и концепция гармонического планирования // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – Вып.3, ч.2. – С. 619-625.

Разнонаправленность базовых позиций и перспективных ожиданий трех представленных выше научных подходов к проблеме «национальной идентичности» (следует повторить: при всей условности предложенной типологизации, взглядов и позиций на сей счет, наверняка, больше) делает на данном этапе проблематичным приведение их к некоему «общему знаменателю». Однако, несмотря на явные отличия (авторы, скорее всего, сочтут их «принципиальными»), их объединяет скрытое, или явное неприятие доминантных сегодня представлений о «глобализации» (как «универсализации западной модели», либо как продолжении прежнего политико-экономического геополитического соперничества, но только между уже несколькими «полюсами силы»). Взаимопонимание затруднено и потому, что, как представляется, первое направление обращено преимущественно к настоящему, второе ищет истинно верную «точку опоры» в прошлом (аристотелизм, преломленный к современному научному знанию, включая «русскую научную традицию»), а третьи – принципиально обращены в будущее. Тем не менее, более важным представляется на данном этапе другое – сохранить ясность в существовании различных взглядов на будущее открывшегося «глобального Человечества».

Критерии «идентичности» неизбежно будут построены в недалеком уже будущем на существенно иных доминантах (что не означает автоматического исчезновения упомянутых выше традиционных элементов). Разумеется, это тема для последующих исследований. Вместе с тем, все они должны исходить из того, что дальнейшие изменения неизбежны, а вынесенная в название данной статьи дуалистическая проблема «*versus*» («идентичность» против «глобализации») будет уже в XXI веке (не говоря о более отдаленном будущем, ибо чем дальше в будущее, тем все более неизбежно), если не полностью «снята», то наверняка весьма существенно пересмотрена. Сама «национальная идентичность» будет утрачивать свою структурообразующую природу, уступив эту роль «идеям», которую каждая из них привносит в мировое «пространство идей». Эти знания и будет поддерживать тот «вечный двигатель» – оптимизм надежд, суждений и действий, основа которых в том, что «не существует никаких «финальных состояний» в развитии человека и создаваемого им на каждом «витке истории» мира.

Поиск ответа на поднятые вопросы предполагает на сегодня одно условие: отойти от малопродуктивных попыток строить планы будущего России и Большой Евразии на основе позаимствованных теорий и концепций (при этом, зная и изучая их содержание), порожденных иной социально-исторической реальностью. При всех различиях в подходах и мнениях, российский «мыслящий класс» совместными усилиями призван оформить собственное, данное историей, культурой и мировоззрением, видение будущего мироустройства. Есть основания полагать, что при таком подходе оно станет приемлемым и для всего Человечества «сознательных людей».

Козьякова М.И.¹

д. филос. н., к. э. н., профессор, Высшее театральное училище (институт) при Государственном академическом Малом театре России

ПАЛИМПСЕСТ И АПОКРИФ: ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Ключевые слова: информационное общество, массмедиа, медиасреда, глобализация, идентичность, информационные технологии, коммуникации, Интернет, медийная реальность.

Keywords: information society, mass media, media environment, globalization, identity, information technologies, communications, Internet, media reality.

Наступление информационной эпохи можно с полным правом отнести к началу XXI в. Она базируется на аудиовизуальных электронных технологиях – технических средствах для записи, обработки, хранения и воспроизведения видео- и аудиоинформации. Ее сердцевина, средоточие, в котором фокусируются информационные потоки, – экран, проделавший на протяжении достаточно короткого времени путь от простого защитного приспособления до завершающего элемента сложнейших электронных систем. Экран генерирует экранную культуру, обретает знаковую символику – он предстает как метафизическое воплощение современной цивилизации, как символ информационной эпохи.

Экранные медиа делают возможным регулярный обмен информацией, она становится общедоступной, образуется единое информационное поле. Привычная и обыденная, доступная коммуникация позволяет преодолевать колоссальное пространство, мгновенно прокладывая коммуникационные каналы на дальние расстояния. Интернет, ставший важной сферой жизнедеятельности человека XXI века, генерирует новые формы социальной, ментальной, психологической активности. Время, проводимое пользователями сетей в виртуальном пространстве, формирует специфические интересы, цели, правила и нормы поведения. Интернет-коммуникация сопровождается появлением особого языка общения, клишированных знаковых форм визуального типа – смайликов, аватаров, акронимов; в целом же современная массовая коммуникация приобретает все более виртуальный характер.

Информационная эпоха, однако, началась не с компьютеризации и Интернета, а с «массовой» культуры, как не без основания утверждал М. Кастельс; последняя же в послевоенный период XX в. базировалась главным образом на экранных системах – кино, ТВ, видео². Эту же взаимосвязь отмечал и М. Маклюэн: «Печатная техника создавала публику. Электронная техника создала массу»³. Можно обсуждать и дебатировать, является ли наше общество «обществом спектакля»⁴ (Г. Дебор), «обществом представления или симуляции», но, несомненно, что современное общество является обществом экрана⁵.

Массмедиа, казалось бы, не обязательно связаны с экраном, поскольку включают в себя печатную продукцию, радио – исключительно так, «безэкранно», функционировали средства массовой информации в первой половине прошлого столетия. Однако медийное пространство, среду, в которую погружен человек, создают именно электронные экранные технологии – современные гаджеты, повсеместно сопровождающие человека. Разнообразные электронные средства связи и каналы передачи информации, в том числе телевидение, компьютер, видеотехника были созданы и получили широкое распространение на протяжении прошлого столетия. Однако, вместе с интенсивным развитием принципиально новых информационных систем, с их повсеместным использованием возникают новые проблемы, связанные с осмыслением экспансии электронной техники, с ее воздействием на различные стороны жизни человека, в том числе с аспектами, касающимися социокультурной идентичности.

Особую значимость тема идентичности приобретает на фоне развертывания глобализации. Единый, целостный, взаимосвязанный – именно таким предстает мир на пороге нового тысячелетия. Предстает как результат интенсивно протекающих процессов и одновременно – как результат беспрецедентного развития новейших технологий. Они создают новую универсалию социокультурного плана – новый мировой порядок взаимодействия, унификации и универсализации различных культур. В орбиту гомогенного движения включаются не только материальные субстанции, но и разнообразные практики, символы и идеи, ценности и смыслы.

Системные вызовы глобальной унификации ставят под угрозу культурное, национальное многообразие мира. Конфигурации силовых полей делают невозможным сохранение былого суверенитета, расплавляя остатки националь-

¹ Сфера научных интересов: эстетика, история культуры, история и эстетика искусства, история и эстетика повседневности, современная эстетическая, культурологическая тематика. E-mail: markoz@yandex.ru

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 316.

³ Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М.: АСТ, 2004. – С. 346.

⁴ Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000.

⁵ Манович Л. Археология компьютерного экрана // Новые аудиовизуальные технологии: Сборник статей / Отв. ред. К.Э. Разлогов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 55.

но-этнического своеобразия в своем «плавильном котле». Глобальный мировой рынок обеспечивает максимально полную реализацию однополярного мира, центра, перераспределяющего ресурсы и возможности в интересах одного единственного полюса силы, знаменуя тем самым абсолютное господство новой мировой империи. Принудительной адаптации подвергаются не только важнейшие системы и структуры общества, но и личностные диспозиции, включая ментальности, социальные практики, образцы поведения людей. Все более теряют свое значение историческая память и опыт, нарушается межпоколенческая преемственность – культурная традиция утрачивает важнейшие функции поддержания порядка, моделирования поведенческих стереотипов. «Традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушки сувенирного магазина в аэропорту»¹.

В этих условиях культурная доминанта обретает особую значимость, культурный потенциал страны играет важнейшую роль, актуализируя все, связанное с культурной идентичностью. Усиливается стремление сохранить разнообразие форм культурной локализации, защитить свои традиционные практики и модели жизнедеятельности. Неизбежно при данных обстоятельствах возникает поиск идентичности как в национальных, конфессиональных, гендерных, поколенческих, иных групповых аспектах, так и в аспекте личностного самоопределения.

Глобализация, неудержимо нарастающая на рубеже веков, была несколько приторможена в последнее десятилетие и даже приостановлена в некоторых сферах, сменившись тенденцией к регионализации. Тем не менее, современные СМИ продолжают и в настоящее время играть важную роль как институт глобального информационного пространства. Интернет, другие экранные информационные каналы выступают в качестве механизма, формирующего технические возможности для развития глобализированной информационной среды.

Преследуя идеологические или же коммерческие цели, СМИ генерируют собственный продукт – мифологемы и мифы массовой культуры. Заданный самой техникой эффект присутствия предполагает презумпцию достоверности виртуальной картины. Однако та же самая техника дает возможность все более глубокого и полного искажения реальности – творец экранной реальности, как и в кинематографе, использует совокупность особых приемов для ее создания. Эффект реальности превращался в механизм глобальной фальсификации: мир экрана – иллюзорный, искусственно сконструированный мир и именно он внедряется в сознание реципиента. Формируя общественное мнение, использование современных информационных технологий с неизбежностью приводят к манипулированию людьми. Конечно, в первую очередь манипуляционные техники были обращены к массовой аудитории. Ее ориентировали на определенное электоральное поведение, на социальные и культурные стереотипы, образцы, преподносимые как наиболее престижные, успешные, эталонные.

Парадоксально, что доминантные характеристики массового общества онтологизируются сегодня не самими его субъектами, акторами, находящимися в этом обществе, а средствами массовой коммуникации, транслирующими социальные и культурные реалии современного мира. «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа», – писал в своем исследовании Н. Луман.² Он отмечал, что таким образом возникает «двойной смысл реальности — в виде фактически протекающей, то есть наблюдаемой операции и в виде порождаемой тем самым реальности общества и его мира»³. Этот план следует обозначить как «второй смысл реальности массмедиа» – именно то, что благодаря ей выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, то массмедиа производят трансцендентальную иллюзию⁴. Иллюзорность медийного пространства, становящаяся новой реальностью, проявляется на политической арене, в «цветных революциях», в межгосударственных отношениях.

Смыслы встраиваются в пространство идеологий, культурных кодов, умножая тем самым варианты манипуляционных приемов. Ведущие новостные программы, транслирующие социальный и культурный нарратив современного мира, объединяют этот мир на основе доступа не к достоверному знанию, а к носителям информации, к доступу в Сеть. Они способны упразднить, подменить и исказить фактический материал, ориентируясь на «демонстрационные эффекты»; заменять одну реальность другой, стирая фактологию контента и порождая эффект средневекового «палimpseста». В огромном коммуницирующем пространстве медиареальности возникает проблема потери точки опоры – смыслового компендиума.

Развертывание медийной сферы, ее укорененность в жизни современного общества сопровождается возникновением целого ряда специфических явлений, оказывающих непосредственное воздействие на развитие общества. Постоянное присутствие смартфона, экрана ноутбука, нахождение его на расстоянии вытянутой руки превращает этот гаджет в нечто большее, чем обычный технический прибор. Недаром М. Маклюэн рассматривал некогда средства коммуникации как своеобразное продолжение органов чувств, расширение человека в пространстве. Действительно, быть «на связи», ощущать свою «включенность» в глобальную сеть, связывающую множество людей, становится привычкой, превращается в важнейшую жизненную потребность. Одновременно это – новая ценность, сравнимая по своей значимости с первичными потребностями в пище, одежде, жилище. Проблемой при этом будет являться единообразие кондиций, генерируемых медийным полем. «Существует риск того, что средства массовой информации могут уменьшить культурное разнообразие», – признают специалисты Уолден-университета, занимающиеся этой проблемой⁵.

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004. – С. 60–61.

² Луман, Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – С. 8.

³ Там же, с. 19.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Уолден-университет. Плюсы и минусы СМИ / Программы исследования массмедиа. (2020). – <https://www.waldenu.edu/online-bachelors-programs/bs-in-communication/resource/the-pros-and-cons-of-mass-media>

Важными, доминантными этапами формирования личности, социально и культурно адекватной обществу, являются процессы социализации и инкультурации. В обоих процессах в полной мере участвуют средства массовой информации. При социализации во главу угла ставятся социальные, социологические моменты: усвоение основных социальных ролей, обязанностей и прав, языка, правил и норм, закрепленных в обществе. Адаптация к социальным условиям жизни, вхождение человека в отношения, обусловленные социальным статусом; предполагает активное использование информационных ресурсов. Они необходимы для получения результата – приобретения способности успешно функционировать в качестве члена общества.

Инкультурация – процесс освоения индивидом символического пространства культуры, ее национальной топики. Система ценностных ориентаций и предпочтений, принятых в обществе, специфика идей, определенное мировоззрение и мировосприятие позволяют сформировать ментальное, когнитивное, поведенческое сходство с представителями данной культуры. «Вхождение» в культуру осуществляется в детстве автоматически, вместе с усвоением уклада семейной жизни, с ритуалами ежедневного повседневного быта – так называемая первичная инкультурация, связанная с опосредованным, партиципированным использованием информационных систем. Вторичная, «взрослая» инкультурация охватывает период зрелости, в котором происходит в значительной степени самостоятельный выбор информационного контента. Данный выбор носит при этом личностный, индивидуализированный характер – этот процесс, как и процесс социализации, продолжается на протяжении всей жизни. И здесь влияние информационной среды, окружающей человека, чрезвычайно велико, во многом оно может играть решающую роль.

Медийная реальность в настоящее время становится средой человеческого бытия. Парадоксально, что условность параметров, эфемерность и нематериальность этой среды ни в коей мере не препятствуют восприятию медийно-виртуальной визуализации в качестве реально существующего мира. Трансформируя сущность вещей или явлений, она производит впечатление совершенно особой достоверности, поскольку иллюзорное «впечатление» обладает более яркой, выраженной модальностью, чем многие аспекты реально существующего нарратива. Поверхностный односторонний взгляд, воспринимающий тот или иной фрагмент мироздания, его трактовки, не являются при этом тайной, наоборот, представляются как некая достоверность.

Медийная революция и экранная культура, цифровизация техногенной среды, окружающей человека, ведут к сдвигам в массовом сознании, воздействуют на ментальность, трансформируют идентичность. Все больше утверждается значимость визуального образа, поскольку средства массовой коммуникации, особенно телевидение, оперирует образами и обращается к эмоционально-чувственным переживаниям. Виртуальный мир активно вторгается в жизненное пространство современного человека – диктует установки, определяет смыслы и ценности – именно таким образом модели и знаки виртуального мира обретают собственную жизнь. Новый медиа-коммуникативный универсум формирует в обществе феномен «ложного сознания», наполняет виртуальное пространство фантомами симулякров.

Человек XXI в. обладает культурой особого типа, которая возникает под воздействием хаотичного потока сообщений, обрушивающихся на индивида из всех источников информации. В «мозаичной» культуре, как некогда было описано в известной работе А. Моля «Социодинамика культуры», гуманитарное знание уже «не является в основном продуктом университетского образования», но является итогом «ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений». Они усваиваются через средства массовой коммуникации – печать, кино, радио, телевидение, беседы с окружающими, – «через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей»¹.

Важным фактором, генерирующим медийную экспансию, является включенность средств массовой коммуникации в структуру основных институтов общества. Селекция медийной событийности имеет определенные, далеко не всегда позитивные последствия. Ньюансировка достоверности создает возможность все более глубокого и всеобъемлющего искажения реальности, которая незаметно превращается в механизм глобальной фальсификации. Презумпция достоверности предлагаемой картины ставится при этом под вопрос. «Публичность замутняет все и выдает скрытое за известное и каждому доступное», – отмечает М. Хайдеггер². Ставшее знаменитым в международных отношениях «highly likely», переводимое как «весьма вероятно», превратилось в новый слоган, в термин, понимаемый и без перевода. Опиравшийся на чьи-то далеко не репрезентативные высказывания в сетях, ментальный модус публичного выступления, по мысли своих авторов, мог служить в любой ситуации вполне достаточным доказательством. По определению М. Хайдеггера, публичность особым образом «правит всем толкованием мира...и оказывается во всем права». Данная правота не зависит от содержания собственных высказываний, не основана на вхождении в существо дела, она априорна, нечувствительна ко всем различиям уровня и подлинности»³.

Задачи по определению эффективности информационного воздействия на население сохраняли свою актуальность на протяжении длительного времени – интерес к ним не угасает уже более полувека. Несмотря на многочисленные исследования, проводившиеся с середины прошлого столетия, данная проблема все еще не получила однозначного решения. Предлагаемые варианты ответа на этот вопрос раскрывают дилемму между тезой о «всесильности» средств массовой коммуникации и антитезой об их исключительно ограниченном влиянии.

Первый концепт относится к сравнительно «старой» социологической модели, в которой утверждалось, что информация напрямую и полностью воспринимается адресатом. Это была теория так называемых «глубоких эффектов», а ее автор, Г. Лассуэлл, изучавший практику пропаганды, использовал метафору «волшебной пули». Информация уподоблялась пуле, направленной в мозг реципиента, где она незамедлительно должна была произвести опреде-

¹ Моль А. Социодинамика культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 46–47.

² Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Наука, 1993. – С. 151.

³ Там же, с. 150–151.

ленный эффект. Другое, столь же образное ее название – «Модель подкожной иглы». Теория апеллировала к сенсации, произведенной трансляцией в 1938 году «Войны миров» и панической реакцией на нее массовой американской аудитории¹. Последующие исследования не подтвердили эту теорию: прямые медиаэффекты имеют место быть, однако они возникают при определенных условиях и оказываются значительно скромнее, чем предполагалось первоначально.

Книга П. Лазарсфельда «Выбор людей»², основанная на анализе поведения избирателей в президентских выборах в США в 1940 г., положила начало коммуникативной теории. Последняя констатировала крайне ограниченный эффект масс-медиа. Многочисленные исследования второй половины XX века подтвердили сложный характер проявления медийных эффектов, их зависимость от конкретных исторических обстоятельств, особенностей аудитории, индивидуальных характеристик адресата, его интересов, взглядов, убеждений. Появился даже термин кибербалканизация для описания того, как потребители СМИ фильтруют информацию.

Индивидуальная реакция может быть детерминирована такими факторами, как личностный опыт, уровень интеллекта, социальный статус, принадлежность к тем или иным социальным группам. В кризисное время влияние массовой коммуникации возрастает, в период стабильности – ослабевает, действуя на небольшие группы соответственно их запросам. Влияние массовой коммуникации оказывается большим, если общество находится в состоянии трансформаций, различного рода конфликтов. Наглядные примеры, подтверждающие этот тезис, предоставляют современные так называемые «цветные революции». Изучением этой проблемы занимались в разных странах, в результате исследований был разработан целый ряд моделей, освещающих отдельные особенности медийного восприятия. К ним относились психодинамическая концепция, «теория информационных барьеров», «спираль молчания» и другие.

В современных условиях люди становятся все более зависимыми от средств массовой информации. Об этом свидетельствует, в числе прочих, широкое распространение рекламы – здесь выбор приоритетов определяет теория полезности, чье название говорит само за себя. Сферу событийной тематики рассматривает концепция «повестки дня»: внимание аудитории обычно фиксируется на трех-пяти новостных темах, при этом частое повторение одних и тех же сюжетов повышает оценку их важности. Теория когнитивного диссонанса лежит в основе концепции селективного влияния, учитывающей консерватизм воспринимающей стороны: люди избегают часто менять свои знания об окружающем мире. По этой теории информация, не соответствующая имеющимся у человека оценкам, убеждениям, предпочтениям, вызывает психологический дискомфорт и отторгается.

Одним из важных постулатов в изучении информационного общества являлся ранее тезис о том, что глобальная медиа-среда играет важную роль в демократизации общества. Плюрализм постмодернистской процессуальности, однако, обозначил и противоположный вектор развития. При анализе долговременных эффектов массовой коммуникации наблюдается нарастающий разрыв в знаниях, в информационном обеспечении восприятия. При интенсификации потока информации в социальной системе относительно большими рецептивными возможностями будут обладать люди более образованные, с более высоким социальным статусом. Подобные выводы из эмпирических данных позволяют обосновать теория информационного дефицита. Она гласит, что увеличение информационных потоков приводит не к сокращению в разрыве знаний (информации) между социальными группами, а к его возрастанию. Исходя из объективных данных, необходимо признать, что массовая коммуникация может способствовать усилению существующего неравенства. Эта тенденция в развитии общества прямо противостоит процессам демократизации, редуцирует их.

Пресловутая свобода слова, официально закрепленная правовыми институтами Запада, давно уже канула в прошлое. Так, жестко разделилось медийное пространство в США, оказывая поддержку демократам либо республиканцам. Печатные и электронные средства массовой информации согласованно и практически неотличимо выступают по многим международным вопросам, по острым актуальным проблемам. В их числе могут быть названы темы, связанные с генеральной антироссийской линией некоторых атлантических правительств, будь то «дело Скрипалей» или «дело Навального», присоединение Крыма, антироссийские санкции или же сирийская проблематика.

Однозначна в отношении России линия польских или прибалтийских СМИ. Бывшие прибалтийские советские республики, ныне самостоятельные государства, выстраивают собственные политические апокрифы – идеологизированные национальные проекты, где передергиваются или откровенно извращаются исторические факты, в том числе, связанные с историей Второй мировой войны. Подобно средневековому палимпсесту, в «книге» истории стираются и переписываются целые главы.

Создается и активно внедряется в сознание соотечественников образ России как врага, заботливо возвращается антироссийская идентичность. Практически уже выросло целое поколение, воспитанное не на идеалах добрососедского взаимопонимания, а на готовности противостоять «имперским притязаниям Москвы». Политизация исторических реалий, кардинальная переоценка совместного прошлого, в том числе периода борьбы с фашизмом, привели к подъему националистических движений, к оправданию многих преступлений, совершенных карателями в годы Второй мировой войны.

Следует отметить, что жесткие методы противоборства, охватывающие широкий спектр действий, применялись ранее в противостоянии между антагонистическими системами. Однако исторический пример подобного рода – «холодная война», не отличался столь ожесточенными, беспрецедентными акциями, столь бездоказательными обвинениями, как в настоящее время. В данном случае война объявлена не формационному, но «историческому» противнику – суверенному государству, обладающему собственной идентичностью – системой ценностей, традициями, сформированными многовековой историей. Практически экспансионистский натиск идет на «Русский мир», так как противо-

¹ Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. – М.: Алгоритм, 2015.

² Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. 2017.

стояние происходит в духе хантингтоновского «столкновения цивилизаций». Естественно, что цивилизационная идентичность, противостоящая англо-саксонскому экспансионизму, воспринимающему весь мир как сферу гегемонии Pax Americana, будет здесь иной.

Искусственное медийное пространство, как атрибут современной цивилизации, безусловно, оказывает все большее влияние на систему культуры, на общество и человека. Оно создает вокруг человека особый мир, основой которого является публичность. Медиареальность «освобождает» человека от ясного взгляда при восприятии жизненных реалий, и этот «освобожденный от пут реальности» (П. Слотердайк) индивид является главным потребителем медийной продукции. Тиражирование образов реального мира приводит к потере грани между реальным и виртуальным, к изменениям в общественном сознании, в сознании отдельного человека. Чем более значимыми становятся в современном культурном пространстве элементы визуальности, тем более идентичность смещается в сторону предпочтений внешне обозначенного, репрезентируемого характера идентификации. Формируется новая, «множественная» идентичность, палимпсест, исчезающий при смене конъюнктурного контекста.

Дрейф, удаляющий наблюдателя от исходного нарратива, происходит незаметно, и даже глобальная трансформация, фальсифицирующая фактологический материал, зачастую не может поколебать субъективное представление реципиента о его достоверности. Характер репрезентативных возможностей медийной реальности может интерпретироваться феноменологически как горизонт искусственного плана: к нему приближаются, но он, тем не менее, остается недостижимым. Такой же неуловимой, во многом не постижимой в плане научного анализа продолжает оставаться призрачная реальность массмедиа.

СМИ, использующие скрытые формы регулирования, превращаются в информационном обществе в коммерческое предприятие. Место интеллектуальной, просветительной деятельности заняла реклама: формируя мировоззренческие позиции, она выступает в качестве запрещенной в нашей Конституции идеологии, успешно подменяя ее. Западный вариант независимых СМИ, якобы контролируемых гражданским обществом, достаточно иллюзорен. Провозглашен и осуществляется на практике тотальный контроль лидера монополярного мира – США, страны, располагающей особым инструментарием сетевой паутины. С ее помощью ткется всеохватывающая ткань сетевой империи, необходимой для масштабной экспансии атлантической идеологии. Это с наглядностью показали последние годы, когда западные издания практически под копирку дружно переписывали и публиковали сомнительные антироссийские материалы. В настоящее время многие западные СМИ превратились в оружие информационных войн: их используют с целью создания образа врага, устрашения или манипуляции, переписывания истории в нужном ключе. Порождая целый ряд проблем, усиливая агрессивность ключевых акторов, их конкуренцию, они также генерируют очаги нестабильности и экстремизма.

Информационные технологии предоставляют неограниченные возможности для манипулирования сознанием, что ведет к разрушению духовных оснований европейской культуры, формировавшейся на базе христианских ценностей. Эти риски обостряются конфронтацией между великими державами, «цветными революциями», военными вторжениями, расширением географии конфликтов и локальных войн. Усиливаются угрозы как национальным, так и многонациональным государствам, в том числе европейским, ставя под вопрос перспективы их существования. Созданная с большим трудом система международного права заменяется средневековым «правом сильного», которое используют, не оглядываясь на законы и договоры.

Ситуация начала XXI в. усложняется углубляющимся кризисом идентичности, поражающим в первую очередь современный Запад, но это явление онтологизируется и в нашей стране. Доминирование неолиберальной идеологии, массовое внедрение либеральных практик подрывает ценностные основы национальных культур. Возникают новые вызовы, связанные теперь уже с ультралиберализмом и постмодернизмом:

Чтобы противостоять негативным тенденциям, добиться благоприятных и стабильных условий для дальнейшего развития, необходимо опираться на историко-культурные основания, на позитивные факторы национально-культурной идентичности. Ее актуализация и укрепление закреплено в настоящее время в качестве фундаментального принципа государственной политики РФ. В этой связи коренным образом меняются подходы к традиции и традиционизму, поскольку идентичность в своей основе базируется на национальном историческом опыте, на исторической памяти. На повестку дня ставится не отрицание традиции, не отвержение традиционной культуры, но обращение к ней, ее приятие, сохранение и поддержание. И это отнюдь не тезис К. Маркса: «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», а опора на важнейший, архетипический пласт национальной культуры.

Кокумбаева Б.Д.

д. филос. н., профессор кафедры, Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар

Бегалинова К.К.

д. филос. н., профессор кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет, г. Алматы

kalima901@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДУХОВНОГО ПРОСТРАНСТВА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КАЗАХОВ

Ключевые слова: *духовное пространство, история, тенгрианство, Великая степь, духовная эволюция, казахская философия, визуальная культура, Жер Уюк.*

Keywords: *spiritual space, history, Tengrianism, the Great Steppe, spiritual evolution, Kazakh philosophy, visual culture, Zher Uyuk.*

Последовательной духовной эволюции культурного пространства Великой степи трудно найти аналоги в истории мировой духовности. Ее содержательность, масштабность, глубина, степень воздействия на самые разные слои населения заставляют вспомнить об осевом времени К. Ясперса, о мировых религиях, о философских течениях (включая марксизм-ленинизм), будораживших как лучшие умы человечества, так и огромные народные массы.

И, вместе с тем, есть одно маленькое «но», отличающее нашу жизненную реальность от истории. Это «но» – необъяснимое явление, которое можно обозначить как мирное развитие этих тенденций. Вот этот исключительно мирный характер последовательной духовной эволюции озадачивает и является феноменом, делающим культурную историю Великой степи неординарным, уникальным. Оно – так понимаемое событие (как со-бытие человека и мира, в котором земля выступает духовным основанием народа¹), фактом своего существования подтверждает, что истина как неотъемлемая составляющая земного бытия есть духовный процесс. В этом смысле жизнебытие Большой степи и есть подлинное бытие как истинная реальность. Категорией, определяющей преемственность духовного опыта из поколения в поколение, является миролюбие. В эмпирическом бытии любовь и мир сливаясь, составляют всеобщее, ту жизненно-практическую константу степного бытия, которая, наряду с такими самоочевидно действительными истинами, как толерантность, мудрость, оказалась здесь столь же жизнеспособной, сколь и действительной. Это духовно-онтологическое основание выделяет и современную Республику Казахстан, ибо мирные инициативы как программная установка, экстраполируются нашим государством на все земное сообщество. В череде будней мы как-то не вспоминаем о подлинно ценных субстанциях духовного бытия, но факты говорят сами за себя: Казахстан является одним из благополучных регионов Земного шара.

Эти мировоззренческие ориентации адекватно выражают характерные черты степного образа жизни; ими обеспечиваются решающие условия для формирования ментальных установок, способствующих умению преодолевать коллизии ситуативного бытия (природные катаклизмы, внешние агрессии, внутренние раздоры). Сюда относится, прежде всего, устно-акустическое, контактно-коммуникативное бытие, поразительное богатство которого таит в себе неисчерпаемые грани целостного духа и непреходящие ценностные ориентиры, каковыми являются такие нравственные категории, как честь и свобода, тождественные смыслу жизни степняка. «Таковы характерные черты первоказаха: он совестлив, правдолюбив, готов пожертвовать жизнью за свою честь, за свободу, за свою любовь, – он героичен». «Победы и поражения, радости и страдания, свобода и притеснения, мир и война перемешивались столь тесно, что без преувеличения можно утверждать; казахский народ был на грани жизни и смерти и, тем не менее, выдюжил, сохранив в целом свои духовные ориентиры, в чем безусловно огромная заслуга мыслителей этого периода, ведших народ по лабиринтам истории»².

Еще в XIV веке великий глашатай кочевой цивилизации Асан Кайгы в своем духовном учении Жер Уюк оставил бессмертные идеи о консолидации трех жузов. Как уже указывалось, жуз – международное понятие; следовательно, Асан Кайгы печальник – провозвестник идеи всеединства. Для претворения в жизнь своих взглядов, степной мыслитель прибегает не к теоретическим отрефлексированным понятиям, а к афористическому образному языку первокультуры. «Қарындасты жамандап, туысты қайдан табасын», где слово қарындас (сестра) используется в широком контексте, как синонимичное бауырласу – сродниться, брататься. Глубинный смысл этого возможно понять через слово бауырсақ, который выступал в качестве ритуального хлеба; некогда им клялись, братаясь, породненные племена

¹ Нурланова К.Ш. Символика мира в традиционном искусстве казахов// Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Гылым, 1993. – С. 208 – 237.

² Сабит М. О связях казахстанских и российских ученых в разработке философской диалектики // XXI век и вызовы глобализации: сборник материалов республиканской научно-теоретической конференции (15 апреля 2004 г.). – Алматы, 2004. – С. 110.

на. Судьбоносность учения Асана Кайгы ясно осознавали Толе би, Казыбек би, Айтеке би, которым суждено было продолжить дело великого мыслителя Великой степи, защищая Жер Уюк от внешних врагов. Обобщая, отметим: евразийскими мыслителями выдвигались и отстаивались миролюбивые идеи не только в региональных (узкогосударственных) границах. Несмотря на различные коллизии, степняки всегда стремились к добрососедским отношениям со всеми народами и государствами. Последовательно претворяются в жизнь мирные инициативы и сегодня, свидетельством чему является действительное духовное бытие настоящего, и, выразим надежду, будущего. Истина, таким образом, – в корнях нашего единства, в духовной преемственности, составляющих базисное основание современного человечества.

И в этом убеждает история духовного пространства Великой Степи, которое в соответствии с существовавшими формами государственности (Великий Тюркский каганат; Евразийская орда Чингис-хана; Казахские ханства), возможно разделить на следующие периоды: 1) тенгрианское духовное учение; 2) интегрированность ислама с тенгрианским духовным учением; 3) особенности духовного пространства Великой степи периода казахского ханства (XIV – XVIII вв. включительно); 4) казахские мыслители XIX – XX столетий.

Принципиально важным основанием последовательной духовной эволюции являются преемственность, плавность культурно-исторических эпох, благодаря которым принципы новой – цивилизационной – культуры органично вливались в аутентичную культуру степных народов Евразии. Общее – преемственность духовного опыта в диахронии (на протяжении многих веков из поколения в поколение) и синхронии (сугубо эволюционный характер культурного развития). Преемственность состоит в становлении и развитии духовно-когнитивного бытия отечественной культуры, составляющего единую линию с культурной первоосновой. Она детерминировала формирование культуры Казахстана как целостного явления, в которой четко просматривается филогенетическое родство ипостасей духовности, что особенно рельефно обнаруживается в степной философской мысли, которая теснейшими узами связана с исходной духовно-практической целостностью и сохраняет ведущие атрибуты антропологической универсальности.

Надо отметить, что возникновение философии, становление которой происходило в условиях письменных цивилизаций древнего мира, также имеет своим истоком устный пласт (запись вербальных мифологических текстов, их интерпретация). Вместе с тем, философия в земледельческих цивилизациях формируется в условиях отрицания духовно-практической целостности и формируется как автономная – специализированная – отрасль принципиальной иной – письменной культуры. А поскольку методология дифференциации, рожденная в лоне европейской цивилизации выполняет функцию универсального метода, отсюда естественно возникающее недоумение. Очевидно требуются иные методологические основания, адекватные духовному пространству Великой степи как предмету исследования.

Рельефно высвечивается своеобразие духовного бытия Великой степи при сопоставительном анализе с урбанистической цивилизацией, где чем далее, тем более доминирует письменная культура. В результате совершающихся культурно-исторических метаморфоз происходят радикальные трансформации в мировоззренческих ориентациях. Поскольку духовно-практическое бытие, функционирующее в устной форме, оттесняется на периферию жизнебытия, постольку письменная культура все более упрочивает свои позиции в качестве ведущей сферы духовности, что наиболее ясно обнаруживается в таких ипостасях духовности, как искусство, наука, философия. В искусстве – это поворот от устно-акустического, контактно-коммуникативного бытия культуры, ориентированного на слух, к визуальной/ зрелищной культуре, к пространственным видам искусств.

Сходная, хотя и во многом отличная ситуация, сложилась и в области науки, которая как репрезентант духовного бытия победно шествует по Земле, сметая все преграды на своем пути. Человеческое, просто человеческое, оказалось чуждо такой науке, которая подобно драконам мифологических сюжетов, требует все новых жертвоприношений. Сегодня она уже не довольствуется отдельными человеческими жизнями, положенными на алтарь науки, – речь идет уже о существовании Земли и землян. Проблема переросла рамки геопространства и приобрела вселенский размах.

Следствием охарактеризованной ситуации является тенденция, при которой научная сфера актуальна, прежде всего, в праксиологическом аспекте; предметом подобного подхода стал видимый горизонт, который и является, с точки зрения цивилизованного человечества, подлинной наукой. Понятно, что на этом общем фоне наукоцентризма, вопрос о вкладе Казахстана в мировую научную мысль и не ставится. Между тем, благодаря филогенетическим истокам, отечественные исследователи все шире разворачивают научные исследования о духе как первоисточном единстве, имеющем культурно-исторический смысл, что способствует динамичному становлению и развитию тенгрианской науки. С уверенностью можно обозначить такие направления, как коркытоведение, кюеведение, кочевниковедение, мушелеведение, каждое из которых представляет собой междисциплинарную сферу. Так, предметом мушелеведения является изучение понимания времени и пространства в тенгрианском календаре культуры. Основу его составляет цикл мушелей, представляющих собой практически реализуемый свод духовно-этических ценностей, сохраняющих свою высокую миссию в культурной истории человечества. Мушелеведение является предметом исследования философской антропологии и культурологии, кочевниковедения, философии культуры и тюркологии. Здесь содержатся перспективы интерпретации человека как целостной сущности, благодаря чему открываются новые ракурсы в исследовании духовного роста человечества. Интегрированный комплексный характер присущ коркытоведению, кюеведению и кочевниковедению, которые являются предметом исследования для историков и этнологов, тюркологов и культурологов, религиоведов, искусствоведов и философов.

Таким образом, актуальность тенгриановедения возрастает; эта научная сфера – благодатный предмет для адекватного исследования устно-акустического, контактно-коммуникативного бытия культуры как живого, обладающего внутренней целостностью организма. Субстанциональность, присутствующая во всех модификациях культуры как развивающейся целостности, приводит к тому, что Көк Мәңгі Тәңірілік сохраняет исходный смысл, «концептуальное

ядро», а потому и оказывает веками организующее и регулирующее воздействие на бытие Великой степи. Все новации органично вписываются в эту целостность, сохраняя его фундаментальные основы.

Свидетельством сказанному является казахская философия, характеризующаяся наличием таких сущностных атрибутов, как целостность, сакральность, устность, интерсубъективность (всеобщность), выдающийся основатель которой Қорқыт Ата Әулие представляет собой универсальный тип «сегіз қырлы, бір сырлы». Первый күйші (в исходном его значении как проповедник) Көк Мәнгі Тәңірілк (С. Акатай) является мудрецом, мыслителем вселенского масштаба, поставившим экзистенциальные проблемы жизни – смерти – бессмертия и предложивший уникальное ее решение в своей первозданной ипостаси, тождественной самому духовному бытию. А именно: в устной форме, через нераздельное единство слова и музыки. Подобная себестождественность духа по сей день остается непревзойденным духовным опытом, который в этом своем сущностном значении все еще не получил должного осмысления. Сказанное объясняется тем, что устно-акустическое, контактно-коммуникативное бытие культуры не распадается на разрозненные сферы, как это свойственно письменным цивилизациям. Целесообразно потому изучать его как целое, что только и даст адекватное самому предмету исследования представление. В соответствии с вышеизложенным, правомерно представлять Қорқыт Ата Әулие не как философа либо музыканта в европейском понимании, а как цельную личность. Основанием для подобного утверждения являются следующие признаки: 1) филогенетическая природа, восходящая к духовности как первоисточному единству; 2) функционирование в непосредственной истине бытия, то есть в устно-акустической, контактно-коммуникативной сфере культуры; 3) наличие таких особенностей, как интерсубъективность, сакральность.

Понятно, что мировая философская мысль, развивавшаяся в русле духовно-когнитивного бытия, не готова пока к тому, чтобы преодолеть пределы рационалистически-сциентизированной сферы, и (как следствие этого) не готова понять и принять ипостась духовности в подобной первозданности, поскольку она не вписывается в привычные рамки цивилизационно-социального измерения. Однако если вспомнить, что философия – это культура целостного мировоззрения, то союз эмоциональной энергии (чувств) и мысли, имеющий адекватное выражение в синтезе музыки и слова, не покажется чересчур притязательным. Современные мыслители все более склоняются к мнению о том, что упование только на разум ограничено, не способствует статусу философии как универсального явления культуры. Подобный взгляд подтверждает истину о том, что культурные формы имеют не только изначальное, но и последующее неизбывное родство вследствие принадлежности к первоисточному единству. Философия – это мысль, но мысль, направляемая эмоциональной энергией. Следовательно, философия как всеобщее, обладающая общезначимым культурно-историческим смыслом, фокусирует в себе антропологическую универсальность. На повестку дня, таким образом, выдвигается проблема «быть верным объективно-всеобщему и относиться к каждому особенному предмету с точки зрения этого всеобщего, а не со «своей», предвзятой, заранее данной точкой зрения». Только такой подход обеспечивает выход за рамки «коллективного солипсизма – выход в мир, каков он есть на самом деле, в себе и для себя»¹. В этом ракурсе филогенетические основания отечественной культуры и философии имеют общечеловеческую значимость. Сохраняя духовно-практическую целостность как субстанциональную основу, степной пласт содержит перспективы для реактуализации универсально-бытийственных оснований культуры, обеспечивая тем самым прорыв в духовное будущее.

Визуализация культуры – столь существенный фактор в жизни современного человека, что все и вся имеет для него оптическое видение. Визуальность обусловила понимание бытия как наличного мира. Вещественные, материальные, зримо воспринимаемые предметы являются главными, фактическими доказательствами при изучении культуры. Более того. При изучении древних культурных пластов единственно научными, с точки зрения официальной науки, полагаются археологические данные и письменные источники.

Подобный взгляд все еще препятствует возможности получить адекватное предмету исследования представление об универсально-бытийственных истоках и филогенетических основаниях культуры человечества. Только вовлечение в научный оборот аутентичного материала в первозданной, то есть духовно-практической ипостаси, позволит получить эквивалентную картину. Эта ситуация все более осознается учеными, предлагающими различные пути решения проблемы. Благодаря кропотливой деятельности многих поколений ученых, күй, айтыс, ән и жыр получили статус высокой культуры. Следующий, важный в мировоззренческом аспекте шаг – это глубокое погружение в вербальные тексты духовного наследия Великой степи с целью определения их как достояния философской мысли. На сегодняшний день, это является одним из наиболее полемически заостренных вопросов казахстанской философии; издаются все новые работы как на государственном, так и русском языках, отстаивающие суждение об устной культуре Великой степи как философском наследии. Разнопланово изучается отечественными учеными айтыс – музыкально-поэтическое состязание акынов, которое имеется у казахов и киргизов, каракалпаков и алтайцев. Айтыс – поле творческой деятельности акына, то есть поэта-импровизатора и певца, исполнителя широкого песенного репертуара: обрядового, лирического, эпического. Главными его функциями было участие в айтысах и проведение семейно-бытовых обрядов по освященной традицией ритуалам. В процессе айтыса находит свое наивысшее выражение органичное единство интеллектуального и эмоционального начал, что было и остается залогом целостного художественного восприятия и воссоздания мира. Айтыс раскрывает глубокую органичность творчества как процесса, а не только как результата. Культуротворческая деятельность акына несет на себе свет незаурядной личности, которая отличается глу-

¹ Батищев Г.С. Проблема всеобщего и ее культурно-исторический смысл // Хабарлары. Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004. – № 5. – С. 5.

биной суждений, способностью к обобщениям. Эту тенденцию можно проследить на протяжении всего развития акынотворчества и отметить ее как философско-эстетическую особенность¹.

По сей день айтыс относится к разряду уникальных, аутентичных, и вместе с тем, наиболее динамичных видов духовного творчества, отвечающих самой природе казахской духовности как целостного мировоззрения, предмета веры и знания, своеобразной философии древнего человека. И сегодня акын является творческой личностью, наделенной многосторонними дарованиями. Наиболее яркие примеры в истории: Биржан-сал и Сара Тастанбеккызы, Ахансерэ и Асет, Естай-сал и Жамбыл Жабаев, Нартай Бекежанов и Иса Байзаков и др. Вместе с тем, современный акын, в отличие от жырау, скорее поэт, органично сочетающий в своей деятельности устный и письменный культурные пласты.

Универсальную личность создателя и исполнителя, музыканта и поэта, вокалиста и инструменталиста сочетает в себе жырау. При этом, в деятельности жырау (как и акынов) главенствующее положение занимает слово. Музыка, при всей своей значимости, занимает подчиненное место, способствуя более глубокому донесению содержания, заключенного в вербальном тексте. Вместе с тем, на современном этапе жырау трансформировались в жырши, то есть исполнителей жыр, в деятельности которых создание отходит на второй план. Несмотря на сохранение сакрально-магической природы, в жыр все более преобладает эстетическая функция; оно является уже не «вещим словом» дана (мыслителя), а явлением устной художественной культуры. В этом аспекте, видимо, прав Г. Есім, причисляющий к последним могикианам Бухар жырау².

Изменения коснулись и деятельности кюйши, которые выразились в переходе от некогда цельной личности Қорқыт Ата Әулие к типу традиционного сазгера – музыканта, создателя и исполнителя кюев. Сегодня кюйши – это не только известные домбристы, кобызисты, жырши и энши (Алмас Алматов, Айтжан Есенұлы, Улжан Байбосынова, Саян Акмолда), но и кюеведы: философы и ученые Г. Есім, Н.Г. Аюпов, А. Кодар, К.Ш. Нурланова, А. Сейдимбек, А.И. Мухамбетова, Т. Асемкулов, Р. Несипбай, А. и С. Райымбергеновы и многие другие. Причем, среди них немало таких, которые успешно сочетают исполнительскую деятельность с теоретическими изысканиями, то есть устную и письменную культурные пласты. Объединяет их всех одно: по-прежнему кюйши – это избранный, которому только и дано знать и нести людям сокровенную тайну. Таким образом, являясь феноменом этой земли и ее народа, указанные ипостаси духовности продолжают сохранять первоисточное единство.

Преемственность устно-акустического, коммуникативного бытия культуры с письменным пластом сохраняется и в более позднее историческое время. Показательны в свете сказанного место и значение таких незаурядных личностей, как Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин, Шакарим. Все они стали началом и знаменем новой культурно-исторической эпохи в жизни казахского народа; мыслители Великой степи осознавали, что настало время искать надежные и достойные пути вхождения в новую жизнь. Каждый из них нашел в этот переломный период свое место и свое призвание. Просветительская деятельность Абая Кунанбаева и Шакарима определяется формированием, прежде всего, философии; приоритетное положение в многогранной деятельности Чокана Валиханова принадлежит науке, заслуга Ибрая Алтынсарина значима в первую очередь в сфере образования. Обобщая, можно отметить, что жизненное кредо сынов Великой степи состояло в осознанной интеграции сущностных атрибутов устной культуры и нового письменного пласта, на стыке которых формировалась отечественная культура в своих основных чертах.

Следует подчеркнуть, что, хотя волею культурно-исторических обстоятельств Казахстан оказался в сфере преимущественного воздействия Просвещения, тем не менее, место названных корифеев не редуцируется лишь к вовлечению казахов в западный тип культуры. Интеллектуальная элита Великой степи прилагала усилия к тому, чтобы достойным образом вписать в общечеловеческую сокровищницу духовность казахского и других народов. Если, к примеру, обратиться к личности Чокана Валиханова, он является одним из первопроходцев, аутентично интерпретировавших устно-акустическое, коммуникативное бытие. В этом аспекте «Чокана можно смело назвать истинно первым евразийцем в современном понимании»³. О том, что следование по пути эпохи Просвещения есть обдуманый, осознанный шаг, свидетельствует и полифункциональная деятельность Абая Кунанбаева. С одной стороны, Абай – носитель устной культуры, подтверждением чему выступала выполняемая им миссия бия, а также всенародно любимые абаевские песни. Вместе с тем, Абай – основоположник казахской письменной культуры, литературы и философии. При этом обе ипостаси его деятельности характеризуются преемственностью как моментом всеобщей связи.

Поскольку философское Слово хакима обстоятельно изучено абаеводами, нам хотелось бы остановиться на исследовании условий, способствовавших становлению отечественной философии, весомую лепту в формирование которой, как уже отмечалось, внес Абай Кунанбаев. Выделяя роль и место хакима, необходимо принять во внимание, что доминирующей тенденцией в эпоху Абая была устная культура, достигшая в эту сложнейшую пору расцвета и представленная целой плеядой имен, обусловившая, в свою очередь, становление и интенсивное развитие письменной культуры в недрах устного пласта. Выразительны в свете сказанного, фигуры Шакарима Кудайбердыева и Даулеткерей: имея мусульманское образование, владея наследием арабо-исламской, персидской и западноевропейской культур, они любимы и почитаемы в народе – первый, как автор песен, второй – великий кюйши.

¹ Нурланова К.Ш. Символика мира в традиционном искусстве казахов// Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Гылым, 1993. – С. 208 – 237 и др.

² Есім Ғ. Қазақ философиясы// Қазақ әдебиеті. 20.06.2003. – Б. 10–11.

³ Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». 11 декабря 1998 г., Астана / Отв. ред. А.К. Кошанов, А.Н. Нысанбаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – С. 77.

Особая роль Абая состоит в том, что в это сложное время ему удается найти оптимальный путь, органично сочетающий устную и письменную формы философствования. Эта философия, далее, развивается в тесном единстве с духовной культурой как целостностью, в контексте целого. Так, мыслитель Степи творчески развил идеи Кара өлен, создав на его основе свое философское Слово Кара сөз¹. Хаким Абай первым сделал достоянием письменной культуры нравственный императив «Адам бол!» (Будь человеком!), который являлся универсально-всеобщим, интересубъективным в Степи и составляет основное содержание казахской философии. Подобный взгляд на природу духовности обусловил ее понимание не как гносеологической деятельности разума, а как духовно-онтологических оснований культуры, прежде всего, веры, любви, сосредоточенных в сердце человека. Абай утверждает права науки, могущества разума, но разума, достигшего единства и согласия с сердцем, ведомого сердцем. В знаменитом споре воли, разума и сердца предпочтение отдается именно последнему – «царю человеческой жизни»².

Таким образом, предмет философии в Великой Степи есть мудрость, которая постигается практически, эмпирически-исторически в непосредственной жизненной реальности. Истоки ее – в непосредственной истине бытия. Осознание/осмысление придает новый импульс и является реальным шансом для истинного прогресса. Это – живое развивающееся явление, жизненная или практически-жизненная, и, вместе с тем, значимая как воздух/дыхание, философия.

Философско-религиозные взгляды казахских мыслителей аль-Фараби, Кожы Ахмета Йассауи, Асан-Кайгы, Шалкииз-Жырау, Бухар-Жырау, Шал-Акына, Абая, Шакарима и др. дают основание для определения их творчества как экологической философии, преемственно связанной с экологической культурой казахов, согласно которой вся жизнь человека на всех уровнях проникнута «идеями изначальной взаимосвязи с вселенским миром, ощущением, осознанием этой органичной неотторжимости. Огромный фактический материал культуры свидетельствует о бережном отношении к природе, одухотворении ее, поклонении ей вне утилитарности, прагматизма, узко рациональной заинтересованности. Так, в экологической культуре есть положение о том, что все, что есть на Земле, в природе, является ее светом, а к свету долженствует и относиться как к свету. В свете этих воззрений на мир и природу прослеживается кардинальный недостаток современных экологических концепций. Основным исходным положением в них является необходимость сохранения природы, планеты Земля, в противном случае погибнет человечество.

Но традиционная культура содержит в себе такой высокий смысл, что деяния человека во всех проявлениях не только должны удовлетворительно решать его проблемы, но должны одновременно возвышать, вдохновлять, «творить» его. В этом смысле современные экологические концепции о необходимости спасения природы и Земли как планеты следует обосновать еще идеями о том, что в случае гибели планеты нарушится и Гармония Вселенной, изменится картина Мировопорядка. Такая идея, конечно, возвышающе воздействует на человека, делая плодотворной всю его деятельность»³.

Философское наследие мыслителей Великой степи правомерно определить и как онтоэтику (нерасторжимое единство онтологии и этики), поскольку главная их цель состоит в духовно-нравственном совершенствовании человека. Степные мыслители призывали людей к великодушию, любви к Всевышнему, к самопознанию и самосовершенствованию, которые открывают путь к постижению Абсолюта, ибо он находится в сердце человека. Так казахские мыслители приходили к выводу о единстве Творца и Его Творения, то есть человека.

Общими, объединяющими началами являются тональность тревоги, печали, озабоченности, что обусловлено грузом ответственности, который берет на себя каждый из этих мыслителей. Этот груз ответственности в личности Абая обусловлен тем обстоятельством, что он живет на рубеже двух веков, двух цивилизаций – кочевой и оседлой. В его личности аккумулировался выбор народа, весь трагизм его существования, связанный с рубежным бытийственным моментом. Вся его жизнь и творческое наследие проникнуты пониманием сложных перипетий народной судьбы, осознанием той глобально космической ответственности, которая выпала на его долю. Концентрируя в себе общее, единичное и особенное, Абай видит внутренним/духовным взором, как сложна и неоднозначна судьба казахского народа, как нелегко ему будет жить в XX веке. Людям, жившим в эпоху непосредственных связей с природой, с космосом трудно перейти в эту новую жизнь, перейти от общения с анимальным миром к механическому миру. Вместе с тем, его уверенность в том, что народ пройдет этот сложный путь, выйдет достойно из него, покоилась на том, что космизм духовности казахского народа, открытость его души, трепетное отношение к миру, природе помогут занять достойное место в технологической цивилизации. И в то же время послужит основой для органичного вхождения в космокультуру, которая уже грядет и которая становится своей, а не чужой для народа, духовность которого на протяжении тысячелетий сохранила этот космизм.

Таким образом, заслуга Абая заключается в том, что он способствовал переходу казахского народа от кочевого, кочевнического уклада жизни к оседлому, городскому, содержащему в себе в снятом виде все лучшее из предшествующего. Интуиция подсказывала Абаю, что не может и не должен казахский народ жить в изоляции, он – неотъемлемая часть человечества и поэтому должен пойти по пути мировой цивилизации, приобщиться к ней. Отсюда стремление помочь своему народу, отчаяние из-за многих препятствий, встречаемых на пути. И вера в человека, в его разум и сердце, и, прежде всего, в доброту и душевность помогают Абаю преодолеть сомнения, стать оптимистом.

Гуманистическая философия Абая является прообразом современного целостного, холистического мировоззрения. Она доказывает, что человек и мир связаны между собой, что эта связь, их единство основываются на взаимном

¹ Кара өлен. Ел аузынан жинап, құраст., алғы сөзін жазған Оразақын Асқар. – Алматы: Жазушы, 1989. – 320 б.

² Абай Ибрагим Кунанбаев. Слова назидания (Пер. с каз. С. Санбаева). – Алма-Ата: Жалын, 1983. – С. 48.

³ Нурланова К.Ш. Символика мира в традиционном искусстве казахов// Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Гылым, 1993. – С. 222–223.

притяжении, что и Бог, и Человек, и Космос, Мир представляют собой единство духовного и материального, что порождает гуманизм человека, предполагает благоговейное отношение к Природе по принципу «не навреди». И даже та активность, к которой призывает Абай, у него пронизана духом добра и красоты. Абай – свидетель уходящей культуры кочевья, детского, трепетного взаимоотношения человека и мира. Это сущностное в данной культуре проходит через все творчество Абая, придавая его философии универсальный характер.

Стремление найти всеобъемлющее онтологическое основание Универсума присуще и философии Шакарима, согласно которой человек есть не просто космическая, природная сущность, а личность, основу которой составляет нравственность, совесть, честь – ар, ұждан. Это не просто божий или космический дар, это внутренняя работа каждого человека, который делает себя сам. Ар, ұждан – субстанция мира, та аура, в которой живет народ, что позволяет казахам в рамках мирового сообщества быть такой составляющей, которая несет высокую духовность, обогащающую современную цивилизацию. Ее особенностью является сочетание в ней менталитета кочевой культуры с культурой цивилизации, имеющей техногенный характер. Отсюда в этой цивилизации сочетается, казалось бы, несочетаемое: ценности универсализма первокочевников вплетаются в реалии современного цивилизационного бытия и остаются в ней как ее момент. Именно потому казахи всегда будут носителями тенгрианского менталитета. Поскольку это иной срез жизненной реальности, она является открытой и находится в постоянном взаимодействии с эмпирической действительностью, соотносится с ней и включается в него, составляя вместе полноту бытия. Устремленный к должному, идеальному бытию, человек превосходит самого себя, свои естественные условия жизни и границы, восходит к духовной реальности, квинтэссенцией которой и является культура. «Именно духовность обеспечивает преемственность в развитии общества, его связь с будущим, подчиняет общество своей динамике. Система духовного производства в нашем обществе более устойчива, чем преходящие факторы материального производства. Общие ценности имеют непреходящую значимость для всех. Общество пронизано особыми духовными взаимосвязями, которые являются естественными и составляют своеобразный код общения, язык и способ коммуникации, а также форму трансляции символов, имеющих значение именно для него. Это позволяет расценить качественное своеобразие общества, специфику его духовного производства»¹.

Таким образом, духовность есть, как показывает история Великой степи, естественноисторическое, эволюционное становление первоисточного единства. Только сохранив исходное ядро, филогенетические основания, возможно иметь условия для дальнейшего духовного роста; главный признак жизнестойкости духа – это устремленность к истине как духовному началу, которое только тогда и открывает себя, когда она востребуется не эпизодически, в перерывах между мировыми баталиями и мирными передышками, а составляет сущность наличного бытия. Между тем, за многие века цивилизационно-социального периода человечество настолько свыклось с той мыслью, чтобы соотносить культуру с цивилизованностью, с материальным благополучием, что критерием жизнестойкости государства, народа выступают именно внешние – экономические – показатели. Да и в самом деле: чем и как измерить проявления духа, духовности? Принятый некогда статистический подход, учитывающий строительство культурно-образовательных учреждений, издание печатной продукции, духовное производство в сфере науки, искусства вряд ли сегодня может всерьез восприниматься как весомый аргумент в пользу определения культуры как духовного явления. Сложившаяся ситуация, приводит к неутешительному выводу о том, что мы еще не вели основательных поисков в определении степени духовности. А потому произошла смена понятий; то, что вносится в графу «культура», есть внешние факторы, материальная база, которые нужны, но которые, тем не менее, не являются ведущими, основополагающими в качестве культуросозидающих и культуронаправляющих. Именно данное условие обеспечивает новые перспективы в развитии человечества. А потому постнеоевразийский культурный космос Великой степи видится нам как своего рода прообраз духовного будущего. Только цивилизация, где доминантой выступает духовность, где духовное органически связано с материальным началом, влияет на него, может быть жизнестойкой, а потому адекватна ситуации начала XXI столетия. Проблема апокалипсиса – не просто теоретическая проблема, это проблема существования человеческого бытия. Апокалипсис может стать реальностью, если основу бытия будет составлять бездуховность общества, многократно усиленная высокой технологией. Многие исследователи проблем цивилизации приходят к выводу о том, что в XXI веке планета не может оставаться такой, какой она была в прошлом веке. Субстанцией ее должна быть высокая духовность, органическое единство истины, добра и красоты и предпосылки этого содержатся не только в теоретических изысканиях зарубежных философов, но и в духовном наследии мыслителей Великой степи.

¹ Орынбеков М.С. Духовные основы консолидации казахов. – Алматы: ИД «Аркаим», 2001. – С. 249.

Косиченко А.Г.

д. филос. н., профессор, гл. н. с. Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.

В КАКОЙ МЕРЕ НРАВСТВЕННОСТЬ И ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ВЛИЯЮТ НА РЕАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОСТИ?

Ключевые слова: человек, духовные ценности, нравственность, смысл жизни, реальность, современность, религия.

Keywords: man, spiritual values, morality, meaning of life, reality, modernity, religion.

Процессы, идущие в современном мире, разнообразны, разновекторны и имеют самые разные цели и содержание. Поэтому понятие «реальные процессы современности» довольно абстрактно. Однако, несмотря на разнообразие процессов, идущих в современном мире, имеются доминирующие направления и результаты этих процессов. Отчасти это доминирование связано с глобализацией, которая никуда не делась, вопреки мнению о том, что события последнего года нанесли сокрушительный удар по глобализации, что мир вновь распадается на анклавы и т.п. Скорее глобализация достигла ранее поставленных целей, закрепилась, и теперь меняет идеологию, объект приложения сил, перегруппирует сами силы, совершенствует формы. Глобализация, по-прежнему, остается основным и самым мощным проектом современности, поэтому не удивительно, что она формирует реальность современного мира в очень значительной мере. Содержание доминирующих «реальных процессов современности», наряду с глобализацией, также связано с почти полной утратой человечеством веры в Бога; хотя и здесь имеются вариации в зависимости от типа религии, региона и истории верований народов и стран. Утрата веры в Бога для современных политиков и аналитиков не представляется определяющим фактором геополитики и развития современности вообще. И напрасно: при адекватном понимании сущности религии религиозный фактор играет значимую роль в развитии современного мира – этот аспект нашей темы мы рассмотрим подробно чуть ниже. Наконец, «реальные процессы современности» в их доминирующей форме связаны с изменением конфигурации современного мира: он становится предельно нестабильным; структурно неустойчивым и утрачивает то, что именуется целостностью.

Нравственность и высокие ценности человека имеют мало отношения к перечисленным доминирующим формам реальных процессов современности; процессы эти идут под воздействием совсем иных целей, факторов, сил. А так как доминирующие формы современной реальности и представляют эту самую реальность, следует признать, что ни нравственность, ни высокие ценности человека (в первую очередь, духовные ценности) не играют практически никакой роли в современном мире. Мир отторгает эти ценности и относится к нравственности как к рудименту прошлого.

При этом многие крупные политики, стоящие у власти в различных странах, чтобы придать своим действиям хотя бы тень заботы о нравственности и справедливости нет-нет да и озвучат нечто, имеющее отношение к духовности и общественным ценностям. Дескать, мы все делаем, имея в виду общественное благо. Транснациональные компании и компрадорская олигархия ведут себя схожим образом, но в финансово-экономических реалиях. На деле ни нравственность, ни духовные ценности человека не имеют никакого отношения к творимой политиками и олигархами реальности. Творят они ее на совсем иных основаниях, с иными целями и крайне сомнительными средствами. И получается, что все высокие измерения человека и общества, вся история (по умолчанию имеющая смыслом культурное и духовное возрастание человека и человечества) не имеют с сегодняшней реальностью никакой связи.

Мы упомянули олигархат как субъекта, активно творящего современную реальность средствами манипуляций со спекулятивным капиталом. «Экономическая основа демократии – финансовый, спекулятивный капитал. Это им сконструирована современная бездуховная “технологическая” цивилизация, в которой человек лишается последних остатков совести и душевного здоровья, превращаясь в полуживотное-полумеханизм – безличный винтик в гигантской машине, имеющей единственную всепоглощающую цель: деньги, деньги, деньги.... Под сладкий убаюкивающий говорок об удовлетворении “естественных” потребностей человека эта демократическая “цивилизация” насаждает культ насилия и разврата, терпимость ко злу и извращениям человеческого естества. Грехи и страсти падшего человека раздуваются до невероятных размеров, сознательно стимулируются и становятся источником бессовестной, бесчестной наживы. Лозунги такой цивилизации – “Все на продажу!”, “Обогащайтесь!”, “Живем один раз!” и им подобные — разьедают общественную мораль, в народе происходит распад национального самосознания, государство криминализируется, опутывается всепроникающими мафиозными связями и – неотвратно движется к распаду»¹.

Так что неверно говорить о том, что ценности человека совсем не принимаются в расчет при построении современной реальности субъектами видимыми и невидимыми. Ценности эти имеются в виду, к ним активно апеллируют

¹ Митрополит Иоанн. Самодержавие духа // Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. – Санкт-Петербург: Царское дело, 2004. – С. 345.

ют архитекторы и строители новой реальности. Но какие ценности и какого человека? Человека греховного, потому обладающего искаженными и извращенными ценностями, но как раз последние сознательно насаждаются все теми же устроителями современной реальности. Ценности эти продвигаются в сфере международных отношений и отношений внутригосударственных посредством принятия законов: о гендере, о родителе № 1 и родителе № 2, об эвтаназии, о праве на диффамацию религии и т.д. Так как религия активно противостоит идеологии этих законов, то принимаются законы и рекомендации, сужающие возможности религии. Чрезвычайно активна в этом отношении Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). Ею принимаются законы и иные акты, в ходе реализации которых религия утрачивает свои права. Причем религия специально как бы и не подвергается дискриминации; она, как и всякие другие объединения граждан, напротив, находится под защитой. Но сознательно подменяется стратегическое видение сущности религии, и уже под это видение принимаются международные документы.

Вот, к примеру, как определяются религии в концептуально очень важном документе – Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007). «Парламентская Ассамблея отмечает, что религия является важной характерной чертой европейского общества...» (ст. 1). «Организованные религии, как таковые, являются неотделимой частью общества, и должны рассматриваться как институты, созданные гражданами и для граждан, которые имеют право на свободу религии, а также как организации, являющиеся составной частью гражданского общества со всем своим потенциалом, позволяющим служить ориентиром в этических и гражданских вопросах, и играющие определенную роль в национальном сообществе, будь оно религиозным или светским» (ст. 2). «Совет Европы должен признать такое положение дел и приветствует и уважает религию во всем ее многообразии как форму этического, морального, идеологического и духовного самовыражения части европейских граждан с учетом различий между самими религиями и особенностями каждой из стран» (ст. 3).

Все, что процитировано выше, – демократический антураж. А вот сущность: «За последние 20 лет религиозный культ претерпел заметный упадок в Европе. Менее одного европейца из пяти посещают религиозную службу не реже одного раза в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше. В то же время мы наблюдаем усиление мусульманских общин практически во всех государствах-членах Совета Европы» (ст. 6).

«Свобода религии защищена статьей 9 Европейской конвенции о правах человека и статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Однако эта свобода не является беспредельной: неприемлема религия, доктрина или обряды которой противоречат другим основным правам» (ст. 16). *«Государства также не имеют права допускать распространение религиозных принципов, которые, будучи воплощенными в жизнь, нарушали бы права человека. Если в этом плане существуют сомнения, государствам следует потребовать от религиозных лидеров занять недвусмысленную позицию в пользу главенства прав человека, изложенных в Европейской конвенции о правах человека, над любым религиозным принципом (ст. 17)»* (курсив мой – А.К.).

«Следует исключить любое вмешательство в религиозные дела, но *рассматривать религиозные организации как часть гражданского общества* (курсив мой – А.К.) и призывать их играть активную роль в достижении мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и в распространении ценностей Совета Европы» (ст. 23.2.). «Подтвердить принцип независимости политики и закона от религии» (курсив мой – А.К.) (ст. 23.3.)» «Не проводить консультации с группами, которые не заявили однозначно о поддержке основных ценностей Совета Европы, а именно прав человека, демократии и верховенства закона» (ст. 23.5.). «Постепенно исключать из законодательства, если такова воля народа, элементы, которые могут быть дискриминационными с точки зрения демократического религиозного плюрализма» (курсив мой – А.К.) (ст. 24.2.)¹».

ПАСЕ также приняла Резолюцию 1577 (2007) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», название которой говорит само за себя. А еще раньше, в 2006 году, ПАСЕ приняла Резолюцию 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований», в которой отмечалось: «в демократическом обществе свобода мысли и свобода выражения должны допускать открытую дискуссию по вопросам, касающимся религии и верований.... Современные демократические общества образуют индивидуумы, исповедующие различные убеждения и верования. Нападки на индивидуумов на основе их религии или расы не могут допускаться, однако законы о святотатстве не должны использоваться для ограничения свободы выражения и мысли» (ст. 3). «Святотатство, – подчеркивалось далее, – имеет давнюю историю. Ассамблея напоминает, что законы, наказывающие за святотатство и критику религиозных обрядов и учений, зачастую негативно влияли на научный и социальный прогресс. Ситуация начала меняться по мере развития просвещения и вылилась в отделение церкви от государства. Современные демократические общества тяготеют к светскости и более озабочены свободами личности....» (ст. 7). И, наконец: «Ассамблея полагает, что свобода выражения, защищаемая в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна далее ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп» (ст. 12). А религиям было рекомендовано: «В демократическом обществе религиозным общинам разрешается защищаться от критики или осмеяния в соответствии с законодательством и нормами в области прав человека...» (ст. 8)². То есть, религии настоятельно рекомендовано считаться с приоритетом свободы слова, а свое недовольство безбрежностью этой свободы выражать в суде и не быть чрезмерно чувствительной к святотатству. Можно видеть, что «демократические» общества, отстаивающие право человека «творить всякую мерзость перед Богом», на дух не переносят истинные духовные ценности человека, о нравственности и говорить сегодня неприлично.

¹ Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007). – http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage

² Резолюция ПАСЕ 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований» (2006). – http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage

Современный мир представляет собой печальное зрелище. Сегодняшняя реальность требует мужества, чтобы жить в ней относительно осмысленно. Вполне возможно, так было всегда: нам трудно проникнуть в сущностное содержание и интимные грани жизни XVII–XVIII–XIX веков; мы знаем их по описаниям достаточно абстрактным в их всеобщности. И содержательность, так же как и мировоззренческий оптимизм, этим временам приписана задним числом. Писатели – живые свидетели того времени – передают, вроде бы, относительно неплохую картину наполненной жизни стран и народов, но над всем этим тяготеет недосказанность: не хватает убедительности. Можно предположить, что разорванность бытия была и тогда, но она не была столь трагична как сегодня. Все-таки в какой-то мере ценился смысл; была – уже поврежденная – но вера в Бога; существовала надежда на прогресс; Просвещение связывало светлое будущее с воспитанием и нравственным возвышением; Новое время с его научным и техническим прогрессом давало надежду на всесторонне улучшение жизни и т.д.

Сегодняшняя наша реальность – это реализованное будущее этих надежд. И что же? Никогда ранее не было такой потери смысла; такого массового уныния; такой отчаянной суеты в попытке вырваться из плена обстоятельств и бессмысленности. Осуществлены почти все проекты политических, экономических, культурных трансформаций и революций; все перепробовано, но всюду, если не крах, то нечто близкое ему. В общественном сознании самых разных стран и народов – ступор, слегка прикрытый бессмысленной активностью политических дрязг и электоральных компаний. Есть ощущение нависшей опасности. Наверное, правильное ощущение.

Много виновна в таком положении дел господствующая ныне стратегия глобального потребления. Выдвинув и навязав людям идеалы потребления, требующие для своего осуществления изматывающих и чаще всего бесплодных усилий, а также немалых денег, идеологи этой стратегии одновременно создали систему, при которой доступ к деньгам очень ограничен. Человек, воспринявший эти смыслы, не сказать жизни, но хотя бы существования, оказался в ситуации, когда и этот навязанный ему смысл он не в силах реализовать, так как у него нет средств для подобной реализации. Подвергнувшись двойному обману-давлению: сначала усвоением ложного смысла, а затем невозможностью реализации этого смысла, человек приходит к весьма очевидному решению отказаться от какого бы то ни было смысла вообще. Подчеркнем, что это очень массовое мировоззрение: абсолютно смазанный смысл жизни, вплоть до утраты всякого смысла.

Сегодня имеются и отчасти реализуются проекты, обладающие одновременно разноректорной направленностью и противоположным содержанием: глобализация и атомизация; сужение сферы национальных суверенитетов и образования непризнанных государств; утрата веры и рост мистических настроений; пассивность огромных масс и активность экстремистов и т.п. Господствует примитивизм политики как крупных, так и мелких государств. Геополитика, мировая политика, международные отношения лишились стратегического видения будущности. Ситуативность во всем. Условность и неопределенность. Рост напряженности по всему миру, которую уже нельзя не замечать, но и не понятно как смягчать и нивелировать. Государственные лидеры не идут ни в какое сравнение с политиками первой половины XX века. Кругом мелочность и озлобленность. Какая справедливость, какая ответственность, какая любовь в отношениях между людьми? Порядочность, честь – что это такое – не знаем, забыли.

Почему так стало? Причем, хотя складывалась эта реальность длительное время, сегодня она осуществляется во все ускоряющемся темпе. Не исключено, что формируется новая реальность, соответствующая новому цивилизационному укладу (как пишет и говорит С. Глазьев). Но, думается, это чересчур оптимистический взгляд на происходящее – все гораздо трагичнее. Могут возразить: всегда в истории такой цивилизационный слом воспринимался как конец света, однако человечество выходило из, казалось бы, неизбежного тупика. Однако нельзя не видеть, что сегодняшний тупик очень специфичен, и выход из него проблематичен.

Думается, что виной всему забвение человеком своей духовной сущности. Согласие и стремление жить так, как будто мир имеет только материальные, только внешние человеку, только примитивные грани существования, широко распространено. Глубокие, духовные, нравственные измерения бытия преданы забвению, стерты, устранены из реалий современности. А ведь именно они первичны, сущностны и фундаментальны человеку и человечеству. Отказ от них лишил человека основ и оснований бытия, обессмыслил его жизнь, сделал условным не только его деятельность, цели и формы его жизни, его устремления и ожидания, но и поставил на грань самоуничтожения вообще. Это состояние человечества, которое в христианстве именуется апостасией, связано с ожиданием «последних времен». Вот как описаны они у ап. Павла: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2 Тим.3:1-5).

Духовные измерения выведены за скобки современности, но принципиально не устранимы из бытия и жизни человека. Есть духовные основания истории, современной реальности, развития общества, деятельности людей и государств. Эти духовные основания являются «движущей силой», причиной и энергетикой всего, что происходит – от эпохальных событий до деталей жизни всякого человека. Но распознать духовные основания не просто, особенно сегодня, когда мир стал бездуховен, когда религия, как концентрированное выражение духовного, находится на периферии общественной и государственной жизни. Духовное сегодня считается маргинальным элементом настоящей, реальной, значимой, материально и потребительски ориентированной действительности.

Итак, из доминирующих процессов современности практически исключена нравственность и духовные ценности человека. Но реальность современности не вполне естественна и не задана в качестве объективной неизбежности; она поддерживается усилиями дизайнеров современного мира, конструирующих и реализующих новый мировой порядок. Так как эти силы активны, мощны и обладают практически неограниченными ресурсами, создается впечатление, что творимая ими реальность – единственно возможная и на сегодня, и на завтра. Но это не так. Духовность че-

ловека не только соизмерима с его материальной составляющей, но и превосходит последнюю, так как является сущностной человеку. Стремление человека к осмыслению своей жизни, к несогласию жить только материальными интересами – есть то основание, на котором можно развить новые формы социальности, совмещающие экономическое развитие с правдой, справедливостью и совестью. Это достойное, прочное основание, базирующееся на целостном отношении к миру, позволяющее не просто существовать в горизонте доминирующей сегодня стратегии потребления, но и активно участвовать в построении справедливого и духовно оправданного мира. Новые социальные практики и новые формы социальности, возникающие на этом основании, смогут интегрировать экономические, социально-политические и культурные импульсы, идущие от вызовов и угроз современности и трансформировать их негативную энергетику в энергию прогрессивного развития на духовных основаниях.

Как раз религия и лежит в основании такой возможности. Она утверждает, что мир создан из преизбытка любви, что любовь выступает в качестве конституирующего мир принципа, является основным законом бытия и этому закону подчинен весь мир во всем многообразии его. Поэтому религия обладает огромной силой воздействия на мир, когда люди воздействуют на него любовью. Надо только найти практические средства реализации этой любви в условиях достаточно жесткого современного мира. Позитивное влияние религии на современный мир нельзя сводить только к нравственному его оздоровлению, хотя и одно это – уже много. Не надо забывать, что нравственность, при всей ее значимости, в известном смысле, есть только побочный продукт духовного развития человека средствами религии. К тому же нравственные максимы часто воспринимаются людьми как благопожелания, как нечто абстрактное, как то, к чему надо стремиться, но что почти невозможно осуществить в реальной жизни. Бесспорно, нравственные проекции религии очень важны, но следует помнить, что Бог – Творец мира, и, следовательно, религии могут позитивно влиять на мир и на онтологическом уровне.

Религия, и при позитивном взгляде на нее, преимущественно понимается как сфера возвышенного, духовного, мало прагматичная; как она может вдруг продемонстрировать умение быть прагматичной? Но, оказывается, может. И это ее умение вытекает из самой сущности религии – восстанавливать глубинные взаимосвязи мира с Богом как своим творцом. Опираясь на Бога, актуализируя свою связь с Ним, человек может практически все, поэтому может он и продемонстрировать «прагматизм» религии. Весь вопрос – как это сделать.

Религия – мощный источник генерирования идей в отношении общественного устройства. Но весь комплекс этих идей настолько отличается от доминирующей в мире стратегии выстраивания общественных отношений, что для «обывателя» всегда является новостью то обстоятельство, что религия имеет свое очень глубокое видение смысла и содержания социальной жизни. Свой вклад в искажения представлений о возможностях религии строить социальную жизнь на религиозных основах вносит современная либеральная мысль, утверждающая, что религия не имеет общественного измерения и что религия – это частное дело каждого человека, а не общества. Лишая религию социального, общественного измерения, архитекторы современного мира, прибегая к либеральному лобби, ими же и организованному, вытесняют религию на периферию общественного бытия – какие уж тут предложения религии об улучшении и совершенствовании организации общества.

Но религия как раз и способна многое изменить в современном мире к лучшему. Основное и самое главное в возможности религии быть очень мощной силой состоит в том, что духовная сфера (а религия регулирует эту сферу) идейно, реально, грубо материально и даже энергетически предопределяет все остальные сферы и области действия человека. Именно духовное – суть и сущность человека, а значит, и общества, и государства. Все мощнейшие силы современности в своем воздействии на мир редко явно, чаще скрытно и латентно, совершают свои манипуляции именно в духовной сфере, добиваясь желаемого результата. На поверхности, в сфере явлений, мы видим в качестве инструмента влияния силу, деньги, интриги, искаженное международное право и т.п., и потому этим формам и приписываем действенность и эффективность. Но они – только внешнее проявление, за ними стоят задачи и цели совершенно иного свойства. Господство над миром неполно без духовного господства, и если говорить по существу, именно духовное господство и является истинной, конечной целью господства. А дух – сфера религии. Вот почему так важна, так абсолютно значима религия сегодня, вот почему в эту сферу вбрасываются ложные стереотипы и запутывающие сознание, якобы, объяснительные принципы – все это делается для того, чтобы скрыть, спрятать определяющие цели и методы управления основными процессами современного мира. Религия – одна из всех форм человеческого общежития учит, как зло превратить в добро, следовательно, к этим ее возможностям необходимо присмотреться повнимательнее, ибо современный мир достиг такого уровня неприятия всех всеми, что ощущение апокалиптических времен стало почти всеобщим. Анализ показывает, что религия способна оказывать позитивное в духовном отношении влияние на политиков, принимающих ответственные решения; повышать нравственность как отдельных людей, так и целых сообществ; придавать смысл жизни человека.

Политики, как правило, предельно прагматичные люди; есть среди них, конечно, люди, лично склонные к романтизму и даже лирике, но по роду деятельности они – прагматики. Так вот, для того, чтобы политики «приняли» религию, и она стала реальной силой политики, она должна продемонстрировать свою эффективность именно в терминах прагматизма, она должна быть прагматически успешной. Надо соединить любовь и прагматизм, надо сделать любовь реально действенной силой и в прагматически ориентированном мире (что концептуально вполне возможно, ведь мир создан любовью, и она, как упоминалось выше – его основной закон).

Религия и в очень жестких условиях современной политики пытается донести свои ценности до политиков, определяющих облик современного мира, до структур, принимающих важнейшие решения в сфере политики. Вместе с тем, следует не забывать, что религия как очень специфический феномен редко может действовать на политику, экономику и т.д. напрямую. Преимущественно, ее воздействие осуществляется через нравственное, духовное развитие

людей, сообществ, политических лидеров. Как говорил Исаак Сирин: «В соответствии с деятельностью сердца изменяются внешние обстоятельства» – вот так и надо менять мир, опираясь на духовные ценности.

Массовая подавленность, как доминирующее мировоззрение нашей эпохи, имеет исток в предчувствии неизбежного наказания за измену сущности бытия, за измену свободе, за предательство очевидного смысла жизни. Радость бытия утрачивается при размытии смысла жизни, при полном растворении человека в обыденности, при всецелом погружении в суету. В этих условиях крайне затруднительно одухотворять жизнь, религия в этом случае мало влияет на социум в духовном отношении. Суета – форма закабаления человека, суета – зло. Потребно усилие для противостояния суете, надо держаться, удерживать смысл, видеть ценность духовной жизни. Надо удерживать в качестве важнейшей ценности смысл жизни и соотносить его с вечностью. Не поглощаться каждодневностью. Уметь находить в повседневности вечные смыслы, держаться этих смыслов, актуализировать их в повседневности. Думается, это именно тот путь, на котором возможно актуализировать вечные духовные ценности, вернуть человеку смысл жизни и истинную свободу.

Красиков В.И.

д. филос. н., профессор, Всероссийский государственный университет юстиции
KrasVladIv@gmail.com

Махаматов Т.М.

д. филос. н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ
makhamatov.tair@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ИСЛАМСКОГО КОСМОПОЛИТИЗМА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: альтруизм, партикуляризм и универсализм, гуманизм, западный и восточный религиозный космополитизм, вестернизация, сочетание несочетаемого.

Keywords: *altruism, particularism and universalism, humanism, western and eastern religious cosmopolitanism, westernization, a combination of the incompatible.*

XXI столетие становится эрой космополитизма, которую можно и следует сравнивать с другими подобными историческими периодами, например, со временами Древней Греции и Древнего Рима, империи Александра, арабо-исламской экспансии, монгольских завоеваний или Просвещения. Однако наше время – не просто воспроизведение прежних эпох космополитизма, но и начало качественно нового состояния (неокосмополитизма, У. Бек).

Это делает востребованным обращение к анализу целостности его смысловых компонентов: истоков, истории, современных модификаций.

Космополитизм, свойственный людям изначально, имел свои особые формы, светские и религиозные, специфические воплощения в разные ключевые эпохи их истории. Его историко-культурному и понятийно-смысловому анализу посвящен целый ряд работ¹.

Большинство современных исследователей представляют космополитизм в основном в европейских рамках, в меньшей степени о нем говорят в контексте других культурных зон. Между тем в Евразии мы имеем неисследованные в должной мере прецеденты действительно космополитичных объединений, в которых и идеология, и политика была направлена на мирное сосуществование завоевателей и покоренных. В отличие от древних восточных империй (ассирийско-вавилонских, персидской, египетских или китайских), новые строились уже на иных принципах, связанных с развитием нового религиозного гуманизма и космополитизма.

Появление религиозного гуманизма в универсалистских вероисповеданиях было связано с универсализацией этических принципов, переводом их с партикуляристского (родо-кланового, племенного) на общечеловеческий уровень – как в авраамических (ислам, христианство), так и в восточных религиях (буддизм, даосизм). В этих великих религиях конкретным образом, сначала по отношению к единоверцам, реализовалась их коммунитарная сущность (*religare* – связывать, соединять). Это было исторически первое «связывание» людей разных племен и рас («нет эллина и иудея...») в единые духовные интернациональные общности. Первые этические универсализации в новых религиях были более радикальными, нежели первые формы светского космополитизма, ограничивающиеся все же в основном цивилизационными рамками (эллинской, индийской или же китайской цивилизации). Затем, правда, светский космополитизм, временами перехватывая инициативу первенства в процессах гуманизации, однако, в целом, можно говорить о взаимодействии и коэволюции, где история демонстрирует, как правило, витиеватое воплощение логики развития альтруистических начал людей – в двух взаимоопределяемых формах.

Следует различать западный религиозный космополитизм (в исламе и христианстве) и соответствующий восточный (в брахманизме, буддизме, даосизме, конфуцианстве), обладающие общими и специфическими признаками, связанными с особенностями их социально-политических и мировоззренческих следствий для цивилизационно-региональных путей развития.

В основе подобного различия лежат два принципиально разных варианта интерпретации трансцендентного. Это либо безличное, высшее начало, «интеллектуальная субстанциальность» (Гегель), формирующее вселенную в виде иррационально-фатального порядка «воздаяния» и доступное только состояниям-созерцаниям погруженности в него, экстатической слитности с ним на Востоке (Индия, Китай), либо надмирный, личный Бог с сильными страстями, творящий и своенравно управляющий бытием, являющийся в чудесах (иранские, переднеазиатские, западные религии). «Субстанция» и «субъект» – два полюса понимания трансцендентного, в силовых смысловых линиях которых

¹ Taraborrelli A. Contemporary Cosmopolitanism. – N.Y., 2015. – 160 p.; Oliviero A. Cosmopolitanism, Self-Determination and Territory: Justice with Borders. – L., 2015. – 169 p.; Skrbis Zl., Woodward I. Cosmopolitanism: Uses of the Idea. – L.A., 2013. – 152 p.; Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М., 2008. – 336 с.; Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь. – М., 2003. – С. 31–41; Conceiving cosmopolitanism: theory, context, and practice / Ed. by S. Vertovec, R. Cohen. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 1–22; Pollock S. Cosmopolitanism // Public Culture. 2000. – Vol. 12, N 3. – P. 577–589.

располагается в бесконечности вариантов и комбинаций большинство восточных и западных религий, религиозно-философских концепций. Соответственно, разным будет и понимание природы человеческой общности.

Основополагающее качество ислама, как и христианства, состоит в том, что и по обстоятельствам рождения и по сути, это не родоплеменные или же национальные, а массовые вероисповедания, глобальные религиозно-гуманистические идеологии, направленные на реализацию универсальных проектов.

Так, ислам возник в центре аридной зоны (Плодородного полумесяца и Иранского нагорья, «земель старого ислама»), ирано-семитской высокой культуры. Необычная открытость аридной зоны для межрегиональной торговли в сочетании с засушливостью, доступностью для сухопутных завоевателей и имперских образований, эффект которых с течением тысячелетий только усиливался, привел к утверждению во всем исламском мире культуры, в нетипичной степени ориентированной на рынок, и такая форма способствовала космополитизму и мобильности населения, а не гражданской солидарности. Таким образом, ислам уже в своем генезисе принял весьма космополитичную форму, которая обеспечивала ему необычайную силу, и этот регион продолжает выполнять нормативную функцию для остального исламского мира, как бы тот ни разрастался по планете.

Привлекательность как ислама, так и христианства для язычников и неверующих в значительной степени определяется привлекательностью космополитической ориентации – предпочтением жить в едином большом мире вместо того, чтобы сохранять партикуляристский уклад, который не имеет юридической силы или значения за пределами границ племени, национальной общности. Но наполнение их универсальности различается. Христианские миссионеры предлагали блага цивилизации на определенных условиях, зачастую требуя перенять общие культурные образцы ассимиляции (демократию как образ жизни, по сути, вестернизацию). Ислам предлагал такой же универсализм на совсем других условиях: как только новообращенный признает единого Бога и его Пророка Мухаммада, он становится полноправным членом мировой мусульманской общины. Тем самым, он нес более очевидные интеллектуальные и моральные черты космополитической цивилизации: он давал чисто умственное и духовное удовлетворение от разрыва с прошлым и «второго рождения». Эти особенности во многом предопределили успех универсалистско-объединительного импульса, которым сопровождалась экспансия ислама. Так он соединил афро-евразийскую ойкумену, как центр первой космополитической мировой системы, а империя Чингиз-хана – сомкнула Евразию. Особенностью исламского космополитизма была способность *сочетать часто несочетаемое, признавать сосуществование альтернатив*¹.

Именно эта качественная особенность особенно актуальна как методологический ключ в решении современной проблемы соотношения космополитизма и сегодняшнего мейнстрима глобализации – вестернизации. Действительно, одной из главных черт современной стратегии западных элит, претендующих на мировую гегемонию, является отказ от религиозного мировоззрения. Обязательным условием создания глобального мира в этой стратегии является искоренение традиций, упразднение религиозного многообразия, духовная секулярно-сциентистская унификация человечества («третий мир» К. Поппера и его ученика Дж. Сороса). Она означает не только стирание национальных и культурных границ, но также и преодоление национальных и цивилизационных идентичностей, государственных и культурных суверенитетов.

Это секулярное мировоззрение интенсивно экспортируется Западом, оно нацелено на разрушение внутреннего духовного ядра других культур-цивилизаций, стремится лишить их самоидентификации, воли к продолжению самобытного существования. Также сциентистский секуляризм преподносится как выгодная оферта, предлагаемая западным элитам. Предлагается нехитрая схема: выбор западных ценностей не является предательством своих традиционных культур и религий, а есть возвышение от частного к общему, от национального и регионального к универсальному и вселенскому².

Но в качестве мощного ответа на подобную безликую универсальность на наших глазах происходит своего рода «реванш Бога», всемирный религиозный ренессанс. Мы можем наблюдать его в таких зримых проявлениях, как успехи православия в России; укрепление католицизма на пространстве глобального Юга; мощные волны протестантского миссионерства в Азии, в Африке и Южной Америке; расцвет иудаизма в Израиле; девятый вал ислама от Атлантики до Китая; несомненный рост влияния буддизма, индуизма, конфуцианства, даосизма и синтоизма – и на своих исторических территориях, и на новых пространствах. Многие современные сообщества продолжают связывать свою идентичность, прежде всего с религиозными ценностями.

Вместе с тем противостояние вестернизации, также форме космополитизма, но скорее в духе Прокруста, не является индульгенцией для всех альтернативных вестернизации проектов. Особо следует обратить внимание на идеологические формы псевдо-универсалистского ислама, теоретические конструкции тех экстремистских сект, которые пытаются узурпировать исламский космополитизм – как теоретическую основу создания тех или иных форм мирового халифата (ИГИЛ, «Хизб-ут-Тахрир», запрещенных в РФ), являясь на деле не более, чем узко-конфессиональным партикуляризмом.

Может быть, народам и цивилизациям сегодня следует искать принципиально новые формы международного объединения, которые сочетали бы общественный договор с религиозно-нравственными ценностями, а под светскостью понималось бы не отторжение религиозности, а поиск общей нравственной основы, приемлемой для ведущих религиозных традиций. Возможной отправной точкой для формирования подобной правовой системы можно было бы предложить, к примеру, Декалог – десятикнижие Моисея, положения которого признают как мировые религии, так и

¹ Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. – М., 2013. – С. 963, 513, 1395.

² Фоминская М.Д. Соотношение веры и разума в постсекулярном мире: «возвращение» религиозной проблематики в западноевропейский философско-правовой дискурс // Философия права. 2015. – № 1. – С. 7–11.

классиками светского гуманизма. Соответственно, светскость в таком контексте будет пониматься не как непременный атеизм и равная удаленность от разных религий, а скорее, как равное приближение к фундаментальным религиозным ценностям, движение к взаимоприемлемому общему знаменателю при формировании такого будущего глобального порядка, который бы сочетал несочетаемое, признавал сосуществование альтернатив.

Курганская В.Д.

д. филос. наук, профессор, гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК,
г. Алматы

Дунаев В.Ю.

д. филос. наук, профессор, гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК,
г. Алматы

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Ключевые слова: *идентичность, политика идентичности, нациестроительство, этнос, нация, государство, массовое сознание.*

Современные политические идеологии, как правило, основываются на артикуляции «идентичностей» и претензиях на их представительство. Несколько гиперболизируя ситуацию, можно сказать, что в современном мире на смену борьбе политических идей и лидеров пришла борьба политических технологий и «культурных антрепренеров», предлагающих социальным группам и движениям особый товар – *идентичность*. Поэтому разворот к политике идентичности как основному инструменту нормативного регулирования универсален, он происходит и в консолидированных либеральных демократиях, и в авторитарно-тоталитарных режимах традиционалистских обществ. Амплитуда идентификационных моделей распространяется от крайнего этнического национализма, опасно граничащего с наиболее одиозными расистскими и ксенофобскими учениями, до космополитизма как идеологии национально-государственного строительства (Сингапур).

Политика идентичности может выстраиваться в соответствии с тремя основными нормативно-теоретическими моделями соотношения гражданской и этнокультурной нации: традиционалистской, модернистской и постмодернистской. Политико-идеологическими формами этих моделей и отвечающими им стратегиями нациестроительства являются соответственно этнонационализм, гражданский национализм и мультикультурализм. Вместе с тем эффективность политики идентичности определяется не только выбором оптимальной для данного конкретного случая ее модели, но и опорой на четкие, социологически обоснованные представления о том, как национальная идентичность формируется, изменяется, воспринимается, эмоционально переживается, оценивается массовым сознанием. Именно эти процессы, структуры и установки общественного сознания должны быть объектом социолого-политологического анализа и применения социально-политических технологий управления процессами трансформации гражданской и этнонациональной идентичности. Соответственно предметом нашего исследования является не та или иная концепция или модель национальной идентичности, но тот *практический смысл* (*sens pratique* П. Бурдьё) идентификационных категорий, которым они обладают в общественном сознании казахстанцев.

Вопрос о соотношении этничности и гражданства в формировании национально-государственной идентичности не имеет однозначного решения в научном сообществе. Согласно Роджерсу Брубейкеру, различие между гражданским и этнокультурным пониманием нации остается проблематичным и в аналитическом, и в нормативном отношении. Но в любом случае, это различие нельзя мыслить как *взаимоисключающее*¹. Казахстанскими исследователями соотношение этнокультурной и гражданской идентичности в процессе нациестроительства в Республике Казахстан преимущественно расценивается как конфликт, конкуренция, соперничество и т.д.², но не как позитивно-синергетическое взаимодействие.

Казахстанское государство пытается решить дилемму гражданской и этнокультурной моделей идентичности, объединения культурно-ценностной общности соотечественников и политико-правовой общности граждан, этноса и демоса на основе ситуационных компромиссов, попыток сближения позиций, сглаживания конфликтов и примирения крайностей. Вряд ли будет справедливо применять к Казахстану заключение З. Баумана о том, что в современном мире политика идентичности сводится к «частичным, сегментарным, ориентированным на конкретные цели, ограниченным по времени»³, зачастую противоречащим друг другу и не достигающим целостного эффекта идеологическим интервенциям, становящимся частью проблемы идентификации, а не ее решением. Вместе с тем приходится признать, что политика идентичности казахстанского государства до сих пор не имеет под собой систематически разработанно-

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 246.

² См.: Кадыржанов Р.К. Соперничество идентичностей национализирующегося государства // Актуальные вопросы развития политической науки в Казахстане. – Алматы: Министерство культуры и информации Республики Казахстан; Фонд духовного развития народа Казахстана; Центр актуальных исследований «Альтернатива», 2009. – С. 16–26.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – С. 116.

го концептуального обоснования. На практике она проводится как тактическое маневрирование между этнокультурными и гражданско-политическими составляющими национальной идентичности, их комбинирование в различных пропорциях и различных степенях интенсивности и т.д.

Этот подход доказал свою применимость в качестве парадигмы ситуационного управления, позволяющего вести достаточно эффективную превенцию рисков радикализации идентификационных процессов. Построение стратегии нациестроительства на принципе взаимосмены тактических схем политического менеджмента идентичности имеет под собой серьезные основания. Дело в том, что не существует единого универсального принципа соотношения этнокультурной и гражданско-политической линий идентификационных процессов. Самоидентификация строится в не-предикативных определениях, то есть в определениях, формирующихся через указание на совокупность, к которой принадлежит предмет определения. Поскольку же сама эта совокупность не фиксирована и в значительной мере является производной функцией процесса самоидентификации, то идентичность «подобна слову, которое хотело бы сплошь определиться в еще не досказанной и не додуманной фразе»¹. Конstellация этнических и гражданских элементов идентичности подчиняется контекстуально-ситуационной или контингентной логике, оперирующей не абсолютными масштабами, но теми специфическими (одновременно социально-типическими) конфигурациями социального бытия, которые привели к акцентированию одних нормативно-ценностных систем, отодвинули на второй план другие, дезавуировали третьи.

Однако консолидирующий потенциал модели политического менеджмента общекзахстанской идентичности на основе взаимосмены этнокультурного и гражданского векторов к настоящему времени практически исчерпан, и ее пролонгация влечет за собой умножение социально-политических рисков обострения кризиса идентичности и дерегулирования процессов модернизации общественного сознания. Как свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного в рамках выполнения научно-исследовательского проекта Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (2018–2020 гг.), отечественные эксперты в целом очень невысоко оценивают деятельность органов власти по реализации государственных и региональных программ, имеющих непосредственное отношение к решению стратегических задач политики формирования общекзахстанской идентичности: духовному обновлению и модернизации общественного сознания. Только около 1/5 части экспертов считают эффективными предпринятые органами власти меры по формированию гражданской идентичности населения республики и по формированию единой общекзахстанской культуры – двух базисных параметров становления общекзахстанской идентичности.

В отношении эффективности программ модернизации общественного сознания критический настрой большинства экспертов проявляется вполне определенно. Согласно данным социологического опроса, позиции экспертов относительно эффективности реализации государственных программ по модернизации общественного сознания распределились следующим образом – 40,1% респондентов высказались за полную либо частичную эффективность этих программ, 52,4% – за их полную либо частичную неэффективность. Показательным является распределение ответов в профессиональном срезе выборки (рис. 1).

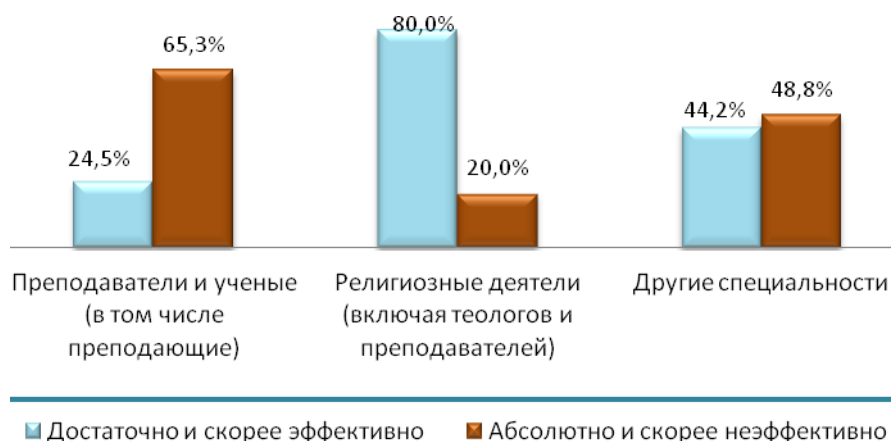

Рисунок 1.
С Вашей точки зрения, насколько эффективно в Казахстане реализуется программа по модернизации общественного сознания?

Как видно, мнения ученых и преподавателей, с одной стороны, и религиозных деятелей, с другой стороны, оказались диаметрально противоположными. Это лишний раз подтверждает вывод о том, что тенденции изменений общественного сознания развиваются преимущественно по вектору возрождения традиционных – прежде всего религиозных – ценностей и структур идентичности. Этот же вывод следует из данных анкетного опроса населения. Отвечая на вопрос о том, какая культура в большей степени формирует жизненные взгляды современных казахов, 46,7% респондентов указали на исламскую культуру, 18,9% – на тюркскую, 18,4% – на советскую, и только 15,6% – на запад-

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 124.

ную культуру. При этом возвращение к традиционализму воспринимается опрошенными преимущественно как положительное явление, способное помочь приспособиться к быстро меняющимся условиям жизни.

Закономерно, что и в массовом сознании отсутствует ясность в осмыслении и определенность в оценках курса политики идентичности и стратегии нациестроительства. Значительное большинство респондентов поддерживает политику построения в Казахстане единой гражданской нации. По мнению почти половины респондентов (44,9%), в Казахстане формируется общество без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, при этом каждый этнос имеет возможность сохранения своих этнокультурных особенностей. Практически четверть населения (24,3%) склонна полагать, что политика нациестроительства направлена на объединение всех этносов в единую гражданскую нацию с общей казахстанской культурой.

Каждый десятый казахстанец придерживается мнения о том, что политика национально-государственного строительства нацелена на формирование полиэтнического государства с учетом особенностей культуры, обычаев, традиций, менталитета государствообразующей казахской нации. 6,8% респондентов считают, что политика государства в сфере межэтнических отношений направлена на создание мононационального государства с последующей ассимиляцией представителей других этносов. 13,4% респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос (табл. 1-1).

Таблица 1-1

Какая политика, на ваш взгляд, проводится в Казахстане в сфере межэтнических отношений? (в %)

Создается государство как общий дом для всех этносов без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, при этом каждый этнос имеет возможность сохранения своих этнокультурных особенностей	44,9
Предполагается объединение всех этнических групп в единую гражданскую нацию с единой общекзахстанской культурой	24,3
Создается полиэтническое государство с учетом особенностей культуры, обычаев, традиций и менталитета государствообразующей казахской нации	10,6
Создается мононациональное казахское государство с последующей культурной ассимиляцией представителей других этнических групп	6,8
Затрудняюсь ответить	13,4

В ответах на этот вопрос представителей различных этнических групп обращает на себя внимание то, что представители прочих, кроме казахов и русских, этносов в меньшей степени идентифицируют современный Казахстан как общий дом для всех этносов без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, а практически четверть респондентов этой группы затруднилась с ответом (табл. 1-2).

Таблица 1-2

Какая политика, на ваш взгляд, проводится в Казахстане в сфере межэтнических отношений? (в %)

Варианты ответа	Казахи	Русские	Другие этносы
• Создается государство как общий дом для всех этносов без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, при этом каждый этнос имеет возможность сохранения своих этнокультурных особенностей	43,3	50,4	38,9
• Предполагается объединение всех этнических групп в единую гражданскую нацию с единой общекзахстанской культурой	24,5	23,6	24,4
• Создается полиэтническое государство с учетом особенностей культуры, обычаев, традиций и менталитета государствообразующей казахской нации	12,2	6,8	9,8
• Создается мононациональное казахское государство с последующей культурной ассимиляцией представителей других этнических групп	6,5	8,8	2,1
• Затрудняюсь ответить	13,6	10,3	24,8

В предложенных респондентам вариантах ответов представлены четыре модели национально-государственного строительства.

В первой модели гражданская идентичность формируется безотносительно к этнокультурной идентичности. Наиболее последовательно эта позиция проводится в доктрине «разумно-правового республиканизма» Юргена Хабермаса как постулат о том, что гражданская идентичность на основе политического участия требует устранения национально-культурной идентичности из легитимного политического процесса. Формально-юридическое равенство этнических групп, закрепленное в Конституции Республики Казахстан, является важнейшим принципом демократического правового государства. Статья 14.2 Конституции Республики Казахстан гласит: «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам».

А. Посадский отмечает: в соответствии с неolibеральной доктриной «конституционного патриотизма» строительство гражданской нации «зиждется на поощрении абстрактной, бессодержательной, формально трактуемой идентичности»¹. Гражданская идентичность и «конституционный патриотизм», лишенные ценностно-смыслового наполнения культурно-историческим содержанием, не могут стать основой национальной консолидации. Вместе с тем по-

¹ Посадский А. Западные теории гражданской нации: сущностные характеристики и последствия внедрения. – <http://www.vrnns.ru/experts/3902/>

пытки включать признаки этнокультурной или конфессиональной самобытности в определение политической нации как ее структурный элемент неизбежно ведут к дезинтеграции нации-государства. Сугубо правовая унифицированная модальность гражданской идентичности допускает параллельное сосуществование с собой множественной этнокультурной идентичности. Это обстоятельство также закреплено в Конституции РК. В частности, в статье 19.2: «Каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

Как показал социологический опрос, абсолютное большинство казахстанцев считает, что национальная политика Республики Казахстан руководствуется этой статьей Конституции (табл. 2). Правда, нужно отметить, что у респондентов – представителей этнических меньшинств заметно ниже, чем у казахов и русских, процентная доля полностью согласных с тем, что в Казахстане обеспечиваются равные жизненные условия (работа, жилье, образование, карьера и т.д.) всем гражданам, независимо от национальности.

Таблица 2

Согласны ли Вы с тем, что в Казахстане обеспечиваются равные жизненные условия (работа, жилье, образование, карьера и т.д.) всем гражданам, независимо от национальности?

	Казахи	Русские	Другие этносы	По генеральной совокупности
Полностью согласен	46,9%	49,5%	35,5%	46,8%
Частично согласен	31,9%	21,2%	30,3%	29,0%
Частично не согласен	11,6%	14,1%	23,1%	13,0%
Полностью не согласен	4,0%	11,7%	3,0%	5,9%
Затрудняюсь ответить	5,5%	3,6%	8,1%	5,3%

Вторая модель основана на содержательной интерпретации гражданской идентичности, в которой в правовую форму гражданской нации облекается не просто мозаичное множество этнических культур, но духовно-нравственное содержание и базисные ценности единой общекзахстанской культуры. Такая модель гражданской или национально-государственной идентичности, органично совмещающая в себе качества гражданской и культурной самоидентификации, является наиболее востребованной в контексте задач модернизации общественного сознания. Однако ее формирование осложнено тем, что в массовом сознании казахстанцев существование единой общекзахстанской культуры еще не приобрело всеобщего признания.

Третья модель строится на принципе предоставления культурных предпочтений определенной этнонациональной общности. В условиях современного Казахстана эта модель отражает реально протекающие процессы общенациональной консолидации, что подтверждается данными социологического опроса (табл. 3).

Таблица 3

Согласны ли Вы с утверждением, что казахский язык и казахская культура способствуют объединению и сближению всех казахстанских этносов?

Полностью согласен	42,8%
Частично согласен	32,2%
Частично не согласен	8,8%
Полностью не согласен	6,5%
Затрудняюсь ответить	9,7%

Обращает на себя внимание, что у респондентов-представителей этнических меньшинств более, чем в два раза ниже, чем у казахов и русских, процентная доля полностью согласных с тем, что казахский язык и казахская культура способствуют объединению и сближению всех казахстанских этносов. Также у представителей этнических меньшинств высок процент затруднившихся с ответом на этот вопрос (рис. 2).

Четвертая модель отражает мощный тренд современного типа национальной государственности. А.П. Кочетков полагает, что возрастание этнической сегментации современного общества и ее политической значимости «свидетельствует не только о подрыве основ национального государства, но и о попытке перехода его в другое качество. Приобретая ярко выраженный этнический характер, национальное государство будет стремиться сплотить государствообразующую нацию и таким образом противодействовать негативным для себя последствиям глобализации»¹. На наш взгляд, перерождение государства-нации в этнократическое государство свидетельствует не о приобретении государством нового качества, а о деградации, архаизации социально-политического пространства.

Разумеется, для массового сознания крайне сложной является задача разобраться в сути различий, подчас тонко нюансированных и всегда дискуссионных, между гражданской, этнокультурной (в ее монокультурном и мультикультурном модусах), смешанной и интегрированной моделью нациестроительства. Тем более, что, во-первых, в среде экспертно-аналитического сообщества республики ведется острая полемика вокруг их интерпретации. Во-вторых, государственная политика РК, как указывалось выше, характеризуется циклической сменой приоритетной ориентации на этнокультурные и на гражданские устои нациестроительства. Тем больший теоретический и практический политический интерес приобретает изучение мнения населения о том, какая модель нациестроительства реализуется в Казах-

¹ Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. – М., 2014. – № 4. – С. 66. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.05

стане, и какая модель наиболее предпочтительна, в наибольшей степени отвечает коренным интересам народа Казахстана.

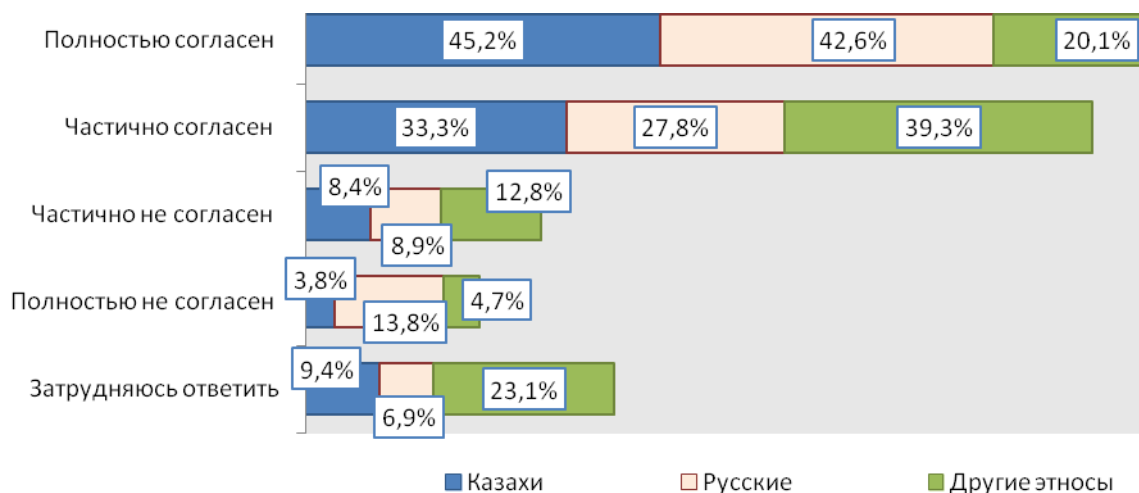

Рисунок 2.

Согласны ли Вы с утверждением, что казахский язык и казахская культура способствуют объединению и сближению всех казахстанских этносов?

На наш взгляд, данный ракурс социологически-политологического исследования – через сопоставление ответов на вопрос, поставленный в двойной форме (как оценка сущего и как представление о должном) – дает чрезвычайно ценный материал для разработки оптимальной стратегии и наиболее эффективных технологий управления процессом личностной и групповой самоидентификации основных социальных групп казахстанского общества.

Выводы из данных социологического исследования относительно того, какие формы национально-государственного строительства являются для Казахстана наиболее предпочтительными, зависят от того, в какой форме ставится этот вопрос перед респондентами. Если этот вопрос ставится прямолинейно, как предложение выбрать между правовой демократией и этнократией, то ответ заранее предопределен и само исследование становится малоинформативным. В качестве примера можно обратиться к данным социологического опроса, проведенного в 2014 г. Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК. На вопрос: «С каким из суждений Вы в большей степени согласны?», – было получено следующее распределение ответов¹:

– Казахстан должен стать единой нацией граждан государства, а все казахстанцы независимо от этнической принадлежности должны быть государствообразующим народом	– 74,1%
– Казахстан – многонациональная страна, но только казахи должны быть государствообразующим народом	– 18%
– Казахстан должен стать государством казахов, и только казахи вправе определять настоящее и будущее Казахстана	– 4,8%
– Затрудняюсь ответить	– 3,3%

В нашем исследовании доля респондентов-сторонников гражданских моделей нациестроительства также оказалась значительно выше, чем доля респондентов, выступающих за построение в РК этнократической государственности. Однако немало опрошенных высказались за целесообразность реализации в Казахстане смешанных, полиморфных моделей нациестроительства.

Наиболее предпочтительной политикой в сфере нациестроительства для большинства населения (50,2% респондентов) является создание единой общности без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, при создании условий для сохранения каждым этносом своих этнокультурных особенностей. 38,9% респондентов назвали подобную политику приемлемой.

Вторую позицию занимает политика по объединению всех этносов в единую гражданскую нацию с единой общеказахстанской культурой. 19,5% респондентов назвали ее наиболее предпочтительной и 48,1% приемлемой. При этом для 17,2% населения данная политика неприемлема.

Для 19,2% населения предпочтительно создание полиэтничного государства с учетом особенностей культуры казахов, еще 40,9% отметили данный вариант как приемлемый. 15,8% не считают подобную политику правильной. Вместе с тем практически четверть опрошенных затруднились с ответом.

Более чем для трети респондентов (35,8%) приемлемой является политика по формированию мононационального государства с ассимиляцией других этносов, еще 17,9% назвали ее предпочтительной. 19,7% считают, что она не отвечает интересам народа Казахстана. Более четверти опрошенных затруднились с определением собственной позиции по данной модели национально-государственного строительства (рис. 3).

¹ Черных И.А. Идентификационные процессы в Казахстане и механизмы нациестроительства // Казахстан-Спектр. 2015. – № 3. – С. 48.

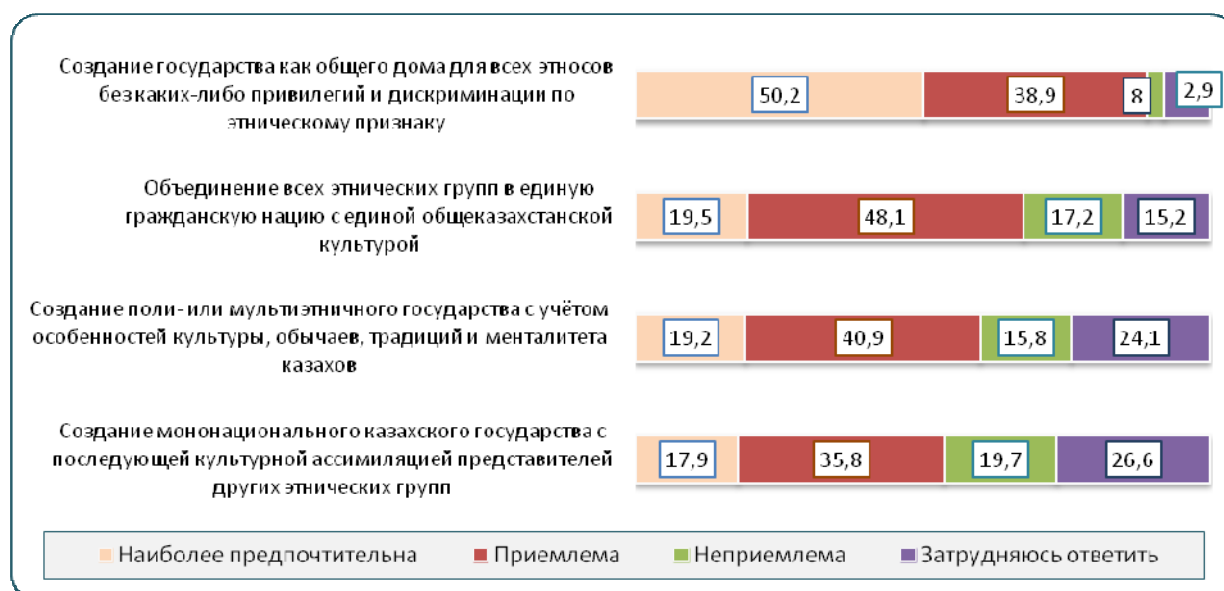

Рисунок 3.

Какая политика в сфере нациестроительства, на Ваш взгляд, наиболее предпочтительна, отвечает коренным интересам народа Казахстана? (в %)

Распределение ответов респондентов на этот вопрос в этническом разрезе выборки показано в табл. 4.

Таблица 4

Какая политика в сфере нациестроительства, на Ваш взгляд, наиболее предпочтительна, отвечает коренным интересам народа Казахстана?

		Казахи	Русские	Другие этносы
Создание государства как общего дома для всех этносов без каких-либо привилегий и дискриминации по этническому признаку, при этом каждый этнос имеет возможность сохранения своих этнокультурных особенностей	Наиболее предпочтительна	44,2%	63,8%	57,3%
	Приемлема	43,4%	28,9%	33,8%
	Неприемлема	3,3%	1,6%	4,3%
	Затрудняюсь ответить	9,1%	5,7%	4,7%
		Казахи	Русские	Другие этносы
Объединение всех этнических групп в единую гражданскую нацию с единой общеказахстанской культурой	Наиболее предпочтительна	21,0%	15,9%	19,2%
	Приемлема	48,5%	48,3%	43,6%
	Неприемлема	16,7%	19,0%	15,0%
	Затрудняюсь ответить	13,8%	16,9%	22,2%
		Казахи	Русские	Другие этносы
Создание поли- или мультиэтнического государства с учетом особенностей культуры, обычаев, традиций и менталитета казахов	Наиболее предпочтительна	21,8%	13,5%	16,2%
	Приемлема	40,9%	44,7%	26,5%
	Неприемлема	16,0%	14,5%	18,4%
	Затрудняюсь ответить	21,3%	27,3%	38,9%
		Казахи	Русские	Другие этносы
Создание мононационального казахского государства с последующей культурной ассимиляцией представителей других этнических групп	Наиболее предпочтительна	17,6%	21,8%	5,1%
	Приемлема	39,9%	26,1%	32,1%
	Неприемлема	17,5%	24,4%	23,5%
	Затрудняюсь ответить	25,0%	27,7%	39,3%

Глобализация «деконструирует» транснациональную, национально-государственную и национально-культурную идентичность одновременно на принципах космополитизма и на началах неутрайбализма. Соответственно совокупному действию этих разнонаправленных трендов должна формироваться совершенно иная логика нациестроительства и новый комплекс требований к концепциям, стратегиям и политическим технологиям формирования национальной идентичности. Эти требования бросают серьезный вызов доминирующей в современной социально-экономической и политической теории неолиберальной парадигме государства как ночного сторожа саморегулирующихся рыночных сетей. Роджерс Брунейкер отмечает: «Неолибералы все больше признают то, что палеолибералы знали всегда: сильное, даже могущественное государство является необходимым условием для всего, что им дорого, включая упорядоченное функционирование рынков, защиту граждан от насилия и уважение к правам человека»¹. В том числе «эффективное, инфраструктурно сильное государство»², в полном объеме осуществляющее полномочия единственно легитимной публичной власти, является условием свободного и гармоничного развития гражданского общества, ин-

¹ Брунейкер Р. Этничность без групп. – С. 286.

² Там же, с. 287.

ституциональной формой духовно-культурной и гражданской консолидации населения страны. В свою очередь, консолидированная идентичность гражданского общества является важнейшим условием его способности совместно с государственными институтами формировать, адекватно воспринимать и эффективно реализовывать стратегию общенационального развития. И, напротив, коррумпированный государственный аппарат, допускающий приватизацию полномочий и функций государственной власти, способствует мобилизации этничности на асоциальные, противоправные действия. Аналогичный эффект имеет присвоение государственным аппаратом функций гражданского общества, ограничение пространства его самоорганизации и самоуправления.

В Стратегии «Казахстан-2050. Новый политический курс состоявшегося государства» отмечается: «Общество и граждане должны быть непосредственно вовлечены в процесс принятия государственных решений и их реализацию»¹. Этим же принципом руководствуется выдвинутая президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым концепция «слушающего государства»². Только лишь при реальном политическом участии граждан в текущих государственных делах как основном способе построения и укрепления национальной идентичности современного национального государства может формироваться ответственность граждан за судьбу государства – важнейший критерий «квалифицированной гражданственности». Однако актуализация этого критерия в общественном сознании казахстанцев сталкивается с макроструктурными барьерами, препятствующими реальному включению граждан в процесс выработки и реализации государственной политики.

Современный казахстанский социум развивается по модели асимметричного субъектно-объектного взаимодействия политической системы и неполитической сферы – институтов и структур гражданского общества. Основным субъектом проектирования и управления процессами социальных преобразований остается государство, т.е. на деле – административно-бюрократический аппарат, который в своем нынешнем виде вовсе не заинтересован в существовании независимой от него сферы гражданской самодеятельности. В свою очередь, ценности, принципы и механизмы политического участия воспринимаются гражданами в той мере, в какой они укладываются в стремление индивидов и социальных групп к реализации их утилитарно-прагматических интересов.

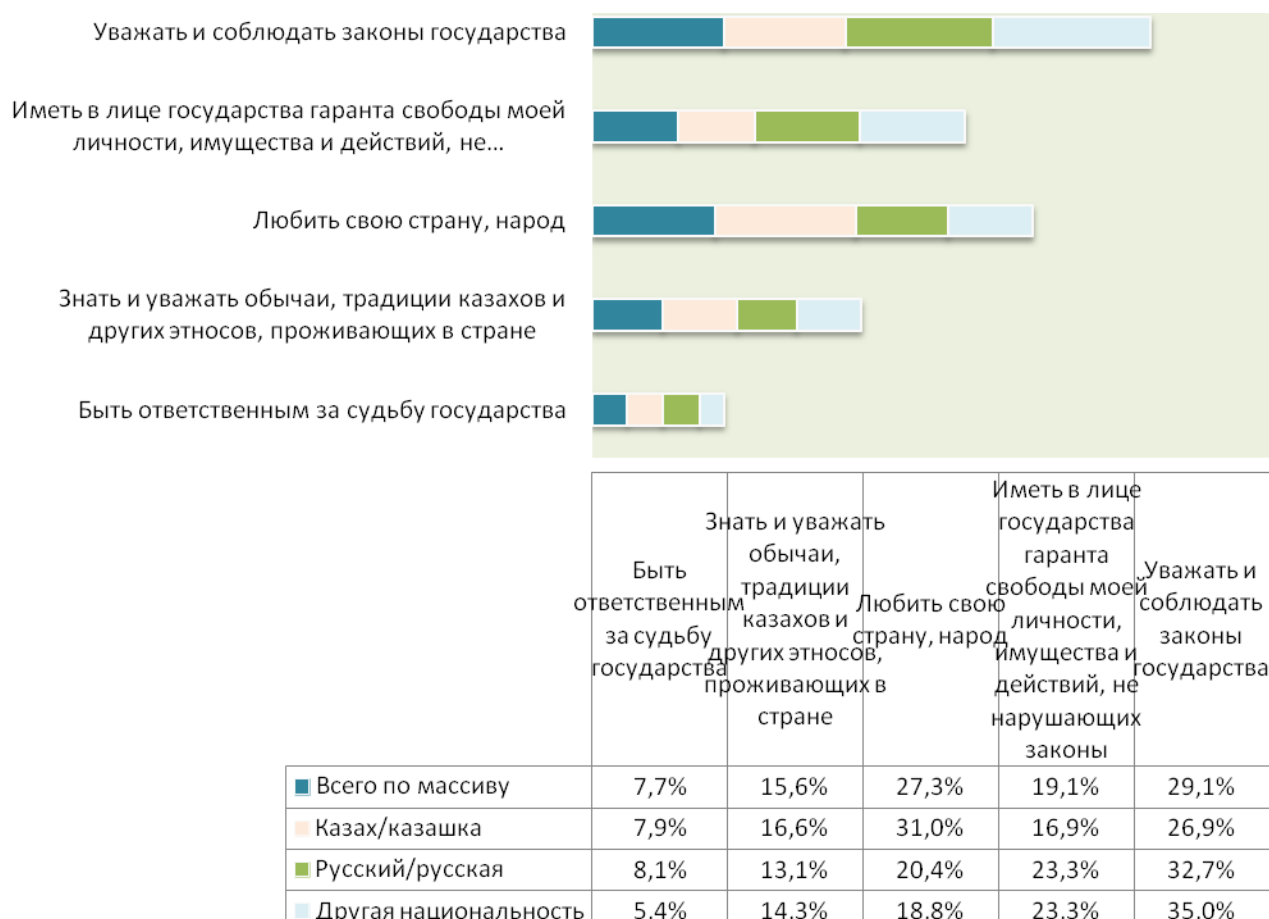

Рисунок 4.
Что для Вас, прежде всего, значит быть гражданином Казахстана?

¹ Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства // Казахстанская правда. 2012. – 15 декабря.

² Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана». 2019. – 2 сентября. – https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana

Для наиболее значительной части респондентов статус казахстанца/гражданина Казахстана ассоциируется с патриотическими чувствами и уважительным отношением к государству. Существенная часть респондентов связывает гражданский статус с гарантиями безопасности и свободы личности со стороны государства. В то же время ответственность за судьбу государства занимает последнее место в перечне субъективно значимых для респондентов смыслов гражданской идентичности (рис. 4).

Лояльность граждан к действующей власти и сложившемуся политическому режиму не имеет ни позитивного, ни негативного отношения к гражданской идентичности. Хотя именно лояльность к политическому режиму и ориентация на его сохранение рассматривается идеологическим аппаратом государства как принципиальная основа общенациональной и гражданской идентичности. Модернизация общественного сознания предполагает отход от этой охранительной модели идентичности. Современное общественное сознание – это сознание, способное вырабатывать и реализовывать эффективные формы преодоления сопутствующего процессам глобализации системного кризиса идентичности. Конечно, нельзя не признать справедливость положения о том, что «кризис имманентен природе феномена идентичности»¹. Но кризис не обязательно означает крушение и безысходность. Модернизация, духовное обновление общественного сознания не ставит себе целью обеспечивать его бескризисное развитие, но именно формирование способности выходить на качественно новые уровни цивилизационной, национально-культурной, гражданской идентичности. При этом возможности стратегического планирования и политического менеджмента процессов формирования казахстанской идентичности наиболее полно реализуются в случае, если понимание нации в массовом сознании будет определяться концепцией гражданской нации в формате единой гражданско-политической, культурно-исторической и духовно-нравственной общности – казахстанского народа.

¹ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / Отв. ред. И.С. Семененко. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 18.

Небренчин С.М.

д.и.н., профессор

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, дискурс, диалог культур, международные коммуникации, гуманитарное сотрудничество, медиа-коммуникации, культурный обмен, лингвокультура.

Keywords: intercultural communications, discourse, dialogue of cultures, international communications, humanitarian cooperation, media communications, cultural exchange, linguoculture.

В настоящее время российско-китайское межкультурное взаимодействие стремительно развивается, приобретая разноплановый характер и содержание. Прежде всего, активно налажен и ведется предметный диалог по всем направлениям сотрудничества между двумя странами, который стимулируют регулярные контакты глав государств В.В. Путина и Си Цзиньпина. По мнению чрезвычайного и полномочного посла КНР в России Ли Хуэя, Москва и Пекин видят перспективы развития отношений, прежде всего, в повышении политического взаимодействия двух стран и создания для всего мира «классического образца межгосударственных отношений»¹.

Свои плоды приносит российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере. Значительный вклад в продвижение дружественных отношений и укрепление общественной базы партнерства двух стран вносят масштабные двусторонние проекты сотрудничества. Большой успех имели национальные Годы России в Китае и Китая в России (2006–2007), Годы русского и китайского языков (2009–2010), Годы туризма (2012–2013). В 2014–2015 гг. в двух странах прошли Годы дружественных молодежных обменов, в 2016 г. состоялся перекрестный Год обменов между китайскими и российскими СМИ². 2018–2019 гг. были объявлены годами китайско-российского межрегионального сотрудничества и обменов, 2020–2021 гг. – годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества³.

Межкультурные связи между Китаем и Россией находятся в постоянном развитии, обретая все новые формы и грани сотрудничества. На одной из последних встреч глав правительств России и Китая в 2019 г. в Санкт-Петербурге был принят целый ряд документов и, в частности, Протокол 20 заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, Меморандум о взаимопонимании между Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерством промышленности и информатизации Китайской Народной Республики в области развития цифровых технологий и другие документы, которые нацеливали на дальнейшее укрепление диалога и межкультурной коммуникации. Россия и Китай выступают за координацию совместных усилий в продвижении культурных прав народов мира, использование возможностей цифровых информационных технологий и медиа-коммуникаций. В частности, в Совместном заявлении министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики, две стороны «призывают международное сообщество укреплять взаимодействие, углублять взаимопонимание, совместными усилиями противостоять вызовам и угрозам современности...»⁴.

В отличие от агрессивных и заидеологизированных мировых «мейнстримовских» СМИ и Интернет-сетей⁵ РФ и КНР выступают за «ответственность, честность, повышение медиаграмотности аудитории, уважение к зрителям и читателям, объективное информирование и просвещение населения»⁶. По данным аналитиков, за последние годы сотрудничество двух стран в области средств массовой информации значительно расширилось. В 2017 г. в Москве прошел III российско-китайский форум СМИ «Новое будущее сотрудничества России и Китая и роль СМИ», в рамках которого было подписано около 20 документов о взаимодействии. Среди них три соглашения между «Российской газетой» и ведущими китайскими СМИ – «环球时报» («Global Times») и «中国日报» («China Daily»), а также с первым в КНР веб-сайтом на русском и китайском языках – «Партнеры»⁷. Кроме того, решено создать совместный мультипли-

¹ Подробнее см.: Ли Хуэй. Китай играет ведущую роль в новой структуре глобального управления // Международная жизнь. 2018. – № 1. – С. 106–107.

² Межгосударственные отношения России и Китая. – <https://ria.ru/spravka/20160904/1475893374.html>

³ Россия и Китай открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества. – <http://government.ru/news/40273/>

⁴ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Москва, 11 сентября 2020 года / Китайская Народная Республика. – https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/4335948

⁵ Подробнее см.: Небренчин С.М. Информационное измерение «мягкой силы». – М.: АНО ЦСОиП, 2017. – С. 8–24.

⁶ Волков К. Медиамир Москвы и Пекина // Российская газета. – М., 2017. – 5 июля. – С. 2; Громов А. Москва и Пекин создают новый информационный порядок // Комсомольская правда. – М., 2017. – 5 июля. – С. 2.

⁷ Там же.

кационный сериал с участием популярных персонажей двух стран, а с 2017 г. запущен телеканал «Катюша» в расчете на китайскую аудиторию.

В китайском журналистском сообществе прослеживается особый интерес к России, в частности, информация о РФ встречается в местной прессе практически каждый день¹. Главный редактор одной из самых влиятельных китайских газет «Global Times» г-н Ху Сицзинь ведет свой видеоблог на русском языке, комментируя важные международные события. В Китае многие медиаплатформы имеют русскоязычные версии. Таким образом, китайские продюсеры, редакторы, ведущие и другие специалисты, участвующие в подготовке материалов, имеют возможность узнать новое о России и рассказать об этом широкой аудитории. Китайские корреспонденты на чемпионате мира по футболу в 2018 году в России составили самый многочисленный пул из всех зарубежных пулов.

Положительная динамика российско-китайского гуманитарного сотрудничества находит свое отражение и в части распространения русского языка в Китае². По данным Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), русский язык как специальность преподается в Китае в 159 университетах, в которых проходят подготовку 26 тыс. будущих филологов-русистов. Более 20 тыс. человек в 120 вузах различного профиля изучают русский язык в качестве второго иностранного. На уровне среднего образования русский язык преподается в 120 школах, где занимаются 23 тыс. учеников. Среднегодовая численность изучающих русский язык в Китае студентов и школьников в 2018 году составила около 70 тыс. человек.

Китайские и российские специалисты со знанием двух языков могут быть востребованы не только в обеспечении бизнес-процессов, но и в совместных научных исследованиях, например, в областях материаловедения, нано- и биотехнологии, прикладной математики и информатики, экологии и медицины. Такие возможности студентам и молодым ученым открывают совместные образовательные программы, прежде всего российско-китайский университет МГУ-ППИ, созданный при поддержке МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического института в городе Шэньчжэне.

В современном Китае достаточно легко можно приобрести практически любые произведения классической русской литературы, переведенные на китайский язык. В издательстве Аньхойского педагогического университета вышло крупнейшее собрание переводов российской классики, выполненных подвижником литературного перевода, русистом Ли Ганом (1926–1997 гг.). Недавно в КНР стал доступен перевод на китайский язык романа Л.Н. Толстого «Воскресение». В России вышел библиографический труд российского писателя С.Ю. Рыбаса, «Си Цзиньпин» тиражом 5 тысяч экземпляров, который практически полностью был выкуплен китайской стороной.

По словам Андрея Денисова, чрезвычайного и полномочного посла РФ в КНР, современный китайский «креативный класс», творческая молодежь высоко ценят традиции и школу русской живописи, что подтверждается ежегодным конкурсом на обучение в ведущих художественных вузах России. Недавно за вклад в распространение и развитие российской культуры за рубежом медалью Пушкина был награжден выдающийся китайский театральный режиссер Мэн Цзинхуэй, известный своими постановками пьес А.П. Чехова и В.В. Маяковского. Российские мастера драматического искусства – в числе постоянных гостей ежегодного престижного театрального фестиваля в городе Учжэнь³.

Отдельного внимания заслуживает музыкальное направление. В КНР практически всегда собирают аншлаги гастролы российских филармонических и симфонических оркестров, выступления артистов балета и представления фольклорного жанра.

Российско-китайские отношения активно развиваются в деловой сфере. Представители бизнеса двух стран совместно участвуют в деловых форумах, конференциях, выставках. Наиболее тесное взаимодействие происходит в рамках двусторонних контактов, а также деловых программ БРИКС, ШОС, АСЕАН и др. Несмотря на последствия пандемии COVID-19, успешно работают Российско-китайский и Китайско-российский деловые советы, осуществляется приграничное сотрудничество представителей деловых кругов. Об интересе к России свидетельствует и рост туристического потока. Граждане КНР уже несколько лет подряд занимают лидирующие позиции в России по числу туристов. В свою очередь немало россиян регулярно выезжает в Китай, где имеют возможность ознакомиться с китайскими культурными достопримечательностями. Развитие деловых связей России и Китая также сопровождается взаимопроникновением и обогащением культур. Таким образом, сегодня знание русского и соответственно китайского языка становится насущной потребностью для миллионов предпринимателей двух стран, которые являются носителями уникальных культур. Бизнес выступает своеобразным полпредом сближения РФ и КНР в поиске оптимальных решений по всестороннему взаимодействию на всех уровнях.

В целом, нынешнее российско-китайское общение – это не просто общение языковых личностей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам, это взаимодействие различных семиотических миров. Изучение особенностей российско-китайской межкультурной коммуникации является в настоящее время актуальной научной проблемой. И в России, и в Китае существует потребность выработки оптимальных сценариев выстраивания двусторонних отношений, в равной мере взаимовыгодных и безболезненных, комплиментарных как с политико-экономической, так и с социо-культурной точек зрения. Несмотря на кризисные явления в мировой экономике идет заинтересованный поиск моделей, форм и методов эффективного межкультурного диалога.

В истории отношений Китая и России часто возникали случаи несбалансированности культурных связей, которые выражались в диспропорциональности представления одной культуры в пространстве другой. Специалисты в РФ

¹ См.: Денисов А.И. Нынешние российско-китайские отношения – лучшие за всю их историю // Международная жизнь. – М., 2019. – № 2. – С. 38–50.

² Там же.

³ Там же.

и КНР в своем большинстве отстаивают мысль о необходимости равноправного и равнозначного культурного обмена как важнейшего направления развития современных китайско-российских отношений. В ходе историко-культурного взаимодействия государств и народов происходит своеобразная «флуктуация» систем межкультурной коммуникации: в определенные периоды времени в международных отношениях происходит усиление и активизация тех или иных типов отношений, сменяющаяся их ослаблением, пассивностью и даже «окоченением», отрицанием¹.

Среди объективных причин сложностей российско-китайской межкультурной коммуникации принято выделять: слабое представление о лингвострановедческих реалиях и особенностях лингвокультуры; неодинаковое торгово-экономическое и военно-политическое положение стран на мировой арене; различную степень развитости внутренних экономических, социально-политических и идеологических институтов; уровень заинтересованности в международных и межкультурных контактах и др. К числу субъективных причин относятся: несовпадение ментальности в процессе межкультурного взаимодействия; желание одной из сторон, прежде всего КНР, навязать свою вербальную инициативу, более позитивный имидж своей национальной культуры и государства в сознании партнера и т.п.

По мнению Андрея Девятова, «беда же новой России... – это потеря связи с землей: родом, Родиной...»², что, зачастую, не встречает понимания у китайской стороны. В отличие от России китайская коммуникационная стратегия базируется на богатом историческом и лингвокультурном наследии³. Китайский язык межкультурной коммуникации теснейшим образом взаимосвязан с этико-философским учением, разработанным еще Конфуцием в 551–479 гг. до н.э. Оно до сих пор выступает в качестве мировоззрения, общей этики, политической идеологии, общественной психологии, научной традиции, образа жизни большинства китайцев.

В настоящее время на повестке китайского общества стоит вопрос о внедрении «системы социального рейтинга» (SCS), направленного не только на защиту китайского общества от пагубного влияния техносциальной революции и западных идей трансгуманизма и прогрессизма. Кроме того, ставится задача максимально использовать коллективные возможности каждого гражданина страны вносить ощутимый вклад в процветание общества.

Мировоззренческие различия у представителей двух стран не могут не влиять на характер и содержание межкультурной цивилизации и, как следствие, ее эффективность и результативность. На современном этапе межкультурная коммуникация между Китаем и Россией продолжает страдать наличием определенных, в том числе негативных стереотипов, мифологем, предпочтений и предрассудков, которые мешают эффективному диалогу. В частности, до сих пор успешному взаимодействию препятствуют дефицит лингвокультурных знаний, слабое представление страноведческих реалий, недостаточный взаимный учет национальных особенностей и традиций. Как считает Юрий Тавровский, китайская сторона нередко проявляет излишнюю жесткость на переговорах разного уровня. Снижают качество коммуникации отличия в национальных законодательстве и делопроизводстве, наличие языкового барьера...⁴. Кроме того, как в России, так и в КНР остается немало скептиков и недоброжелателей развития российско-китайского многоплановой коммуникации на уровне разного рода суеверий и предубеждений.

По итогам двухсторонней межкультурной коммуникации накапливается опыт и происходит корректировка подходов и стратегии взаимодействия. В настоящее время межкультурный дискурс включает в себя «воспоминания» носителей различных культур о прошлом, причем не только об исторических событиях и артефактах, но и о характере и содержании межкультурных обменов, в том числе встреч и дискуссий. Как полагают исследователи, российско-китайские межкультурные коммуникации на различных уровнях, представлявшие собой устойчивые смыслообразующие процессы, сохранились в области коллективной культурной памяти и частично актуализировались в начале XXI века. Так, в частности, для современного дискурса актуален контекст дискуссии в связи с послевоенным периодом российско-китайских отношений (1949–1959 гг.), когда народы СССР и КНР переживали стадию духовного подъема, основанного далеко не на материальных ценностях и приоритетах⁵. Тогда советские люди и китайцы были воодушевлены возможностью построения в Китае и развития в СССР новой системы общественных отношений, определяющихся нравственно-этическими и эстетическими ценностями и, в частности, идеалами гуманизма, братства, равенства, независимости, взаимопомощи.

Более того, с появлением в 1949 году молодой Китайской Народной Республики был заложен фундамент прочных связей, в том числе между простыми людьми, специалистами в различных областях, представителями творческой интеллигенции двух стран. С тех пор Китай заметно изменился, но заложенные тогда традиции дружбы и взаимоуважения удалось не только сохранить, но и приумножить⁶. Не безынтересно, что в современном Китае русских нередко называют «чжаньдоу миньцзу», что переводится как «боевитая нация». Этот неологизм превратился в своего рода Интернет-мем, в котором отражено уважительное отношение к России, признание исторических боевых заслуг, в том числе решающего вклада в победу во Второй мировой войне.

¹ Нестерова О. Особенности российско-китайской межкультурной коммуникации. – https://azbuki.bg/component/docman/doc_view/123-nestorova012012

² Девятов А. Парус судьбы. – <https://devyatov.su/articles/251-nebopolitika/65665-parus-sud-by>.

³ Небренчин С. М. Язык безопасности: мифология управления государством и обществом / Центр стратегических оценок и прогнозов. – М.: АНО ЦСОиП, 2019. – С. 8–9.

⁴ Тавровский Ю. В. Великий размах: Россия и новый Шелковый путь // Завтра. 2017. – Апрель. – С. 4.

⁵ Нестерова О. Особенности российско-китайской межкультурной коммуникации. – https://azbuki.bg/component/docman/doc_view/123-nestorova012012

⁶ См.: Денисов А. И. Нынешние российско-китайские отношения – лучшие за всю их историю // Международная жизнь. – М., 2019. – № 2. – С. 38–50.

На современном этапе крайне важно обеспечить преемственность межкультурной коммуникации, особенно с учетом доброй исторической памяти соседских народов друг к другу, социокультурных установок на взаимопонимание. Из принципиально новых коммуникационных нововведений, которые могут содействовать успешному дискурсу сторон на всех уровнях, следует отметить лояльное отношение граждан КНР, в своем большинстве исповедующих конфуцианскую этику к христианству, и прежде всего, к православию. По мнению китаеведа Андрея Девятова, «...восточное правильное учение» (православие) может обеспечить политический курс «гармонии мира» и нового китайского интернационализма широким набором связей во всемирном масштабе, чего на основе одной лишь конфуцианской этики сделать невозможно»¹.

В настоящее время, когда РФ и КНР во многом сталкиваются с одинаковыми глобальными вызовами и угрозами современности, значение межкультурной коммуникации наших стран возрастает в еще большей степени. По мнению экспертов, несмотря на то, что русская и китайская культуры и сфера их историко-культурного взаимодействия представляют собой сложные семиотические пространства, имеются серьезные перспективы дальнейшего развития межкультурной коммуникации двух стран. Россию и Китай сближает неприятие пагубных ценностей массовой культуры, чуждых идеалов трансгуманизма, прогрессизма, гедонизма и т.п. В частности, взаимовыгодное сотрудничество в сферах совместного проектирования, искусственного интеллекта и управления научно-техническим прогрессом и, прежде всего, в области Интернет-коммуникаций приносит немалые политико-экономические и гуманитарные дивиденды.

В современном мире Китай открыт для поиска путей достижения синергии экономики, науки и высшей школы, культивирования инновационной культуры, охраны интеллектуальной собственности, воспитания ученых и преподавателей мирового уровня².

Дальнейшие перспективы российско-китайского стратегического партнерства во многом зависят от эффективности межкультурных коммуникаций на всех уровнях сотрудничества и, прежде всего, в гуманитарной сфере. КНР и РФ, как считают эксперты, могут добиться заметных результатов в двухстороннем взаимодействии и на международной арене, «объединившись на поле культуры»³. При этом России следует больше проявлять стратегическую инициативу, а не следовать в логике китайских традиционных приоритетов. В статье «Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития», обращается внимание на то, что в отношениях двух стран в большей степени проявляется «лексическое право» (话语权) Пекина: Китай формулирует, а Россия в основном признает его инициативы по развитию двустороннего партнерства. В связи с этим российскими учеными и специалистами справедливо ставится вопрос о необходимости разработать собственную концепцию «всеобъемлющего стратегического партнерства»⁴.

Сегодня Москва и Пекин, определяя перспективы двустороннего сотрудничества, стараются расчищать «исторические завалы», извлекать уроки из печальных уроков в прошлом. Наряду с негативными моментами в отношениях в имперский и советский периоды, имеется немало исторических точек соприкосновения, которые могут быть востребованы в настоящее время. Углубление взаимодействия в гуманитарной и, прежде всего, культурной сфере открывает новые горизонты сотрудничества двух стран на международной арене по урегулированию конфликтов и стабилизации обстановки на материке Евразия и во всем мире. Новый, более высокий, уровень российско-китайской межкультурной коммуникации позволяет активизировать связи двух стран в военно-политической, торгово-экономической и гуманитарной областях, в том числе в рамках ШОС и БРИКС, китайской геоинициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС. Современный высокий уровень взаимопонимания сторон на высшем уровне установления российско-китайских дипломатических отношений, нынешнее взаимопонимание сторон на самых различных уровнях открывает путь к трансформации стратегического партнерства в стратегический союз двух стран. Более того, российский президент В.В. Путин на недавнем заседании дискуссионного клуба «Валдай» не исключил возможность создания военного союза с Китаем. В таком сотрудничестве заинтересованы и Россия, и Китай, подчеркнул глава России⁵.

¹ Девятов А. Очередные задачи православия в Китае. – <http://www.daokedao.ru/2013/05/21/andrej-devyatov-ocherednye-zadachi-pravoslaviya-v-kitae/>

² Там же, с. 57.

³ Девятов А. Парус судьбы. – <https://devyatov.su/articles/251-nebopolitika/65665-parus-sud-by>

⁴ Там же.

⁵ Путин не исключил возможности военного союза России и Китая. – <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3098447.html>

Одиноченко В.А.

к. филос. н., доцент, Гомельский государственный университет
adzin28@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: пространство культуры, промежуточное положение белорусской культуры, культурная идентификация, религиозная специфика культуры, поликонфессиональность.

Keywords: cultural space, intermediate position of Belarusian culture, cultural identification, religious specificity of culture, polyconfessional.

В условиях современной Беларуси концепция промежуточного положения является одним из возможных способов самоосмысления. Эта концепция сформировалась в начале XX в. в период национального возрождения, и ее авторами являются выдающиеся деятели белорусской культуры. Наиболее последовательно она была изложена в работе Игната Абдираловича (Кончевского) «Извечным путем» (1921). В ней белорусские земли описаны как место межкультурных столкновений: «Беларусь от X века и до сих пор фактически является полем борьбы двух направлений европейской ... культуры – западного и восточного. Граница обоих влияний, разделяя славянства на два состояния, проходит через Беларусь, Украину и скрывается в балканских краях»¹. Характерным является вывод, который Абдиралович делает из идеи о промежуточном положении Беларуси: «Десятивековое колебание свидетельствует о том, что белорусы ... не смогли искренне приобщиться ни к одному, ни к другому направлению. Мы не стали народом Востока, но не приняли и культуры Западной Европы»². Таким образом, ставится проблема о неопределенности культурной принадлежности Беларуси, которая актуальна и сейчас. Однако изменился характер данной проблемы и, как следствие, пути ее дальнейшего решения.

Мы исходим из того, что актуальность (от лат. *actualis* – *действенный*) – это способность быть пригодным для решения тех проблем, которые возникают перед человеком и обществом. Сейчас, в ситуации радикальной трансформации, когда меняются привычные схемы поведения и восприятия мира, актуальным становится осмысление самого этого изменения, его причин, характера и направленности.

Таким образом, когда мы говорим об актуальности концепции промежуточного положения Беларуси, то ставим вопрос в практическом плане: насколько данная концепция может послужить ориентиром для деятельности?

В начале XX в. промежуточное положение Беларуси означало нахождение между Польшей и Россией. И задача состояла в том, чтобы белорусы осознали себя как особый народ, отличный от своих соседей с востока и запада.

Сейчас же в условиях наличия самостоятельного белорусского государства проблема приобрела ярко выраженный практический характер и сводится не к самоидентификации, осознанию себя белорусами, а к выработке путей экономического, политического и культурного развития.

В то же время, следует подчеркнуть, что и сейчас перед белорусским обществом остро стоит проблема самоидентификации. Нужно учитывать, что она имеет свою традицию и наработанные схемы рассуждений. Современные исследователи во многом опираются на работы деятелей белорусской культуры начала XX в. Показательным для нас в контексте постановки проблемы культурного самоопределения является название статьи одного из классиков белорусской литературы Максима Богдановича «Кто мы такие?» (1915) и те положения, которые в ней содержатся. Богданович писал: «Кто вы такие? Что вы за народ? Так спрашивают у нас, простых людей. Но мы и сами не знаем. Вокруг все говорят: я – поляк, я – литвин, я – еврей. А мы даже имени своего народа забыли ... Мы – третий народ русского корня, зовемся белорусами, и страна наша называется Беларусь. Есть среди нас православные, есть и католики, но народ из нас один, потому что у всех одна речь, одни обычаи, одни песни, одна одежда, один образ жизни»³.

Вопрос, который поставил Богданович, актуален и сейчас, но на него должен быть дан ответ в соответствии с современными задачами, стоящими перед белорусским обществом. В условиях опасности культурной ассимиляции, которая существовала в начале XX в., Богданович подчеркивал отличие белорусов от поляков и русских. Теперь, когда возникло самостоятельное белорусское государство, стоит задача определения черт нашей культуры. Она не сводится только к выявлению культурной специфики, хотя, например, в искусстве проблема стоит именно таким образом. Объясняется это тем, что искусство стремится выявить новые аспекты реальности, увидеть ее в ином ракурсе.

Очевидно, что в современных условиях, когда набирают силу процессы глобализации, культура – это то, что отличает одну страну от другой и формирует национальное сознание. Ведь усиление подобия различных стран в об-

¹ Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 44.

² Там же.

³ Багдановіч М. Хто мы такія? // Поўны збор твораў / Рэд. У.М. Конан. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – С. 126.

ласти экономики и политики является в настоящее время очевидным. Перед современной Беларусью стоит задача включения в мировые экономические и политические процессы. Несмотря на все трудности, в перспективе в стране постепенно будет сформирована демократия и экономика европейского типа. В то же время, по мере развития ее как самостоятельного государства, все в большей степени проявляется специфика культуры и очевидным становится ее отличие даже от культур ближайших соседей.

Отметим, что формирование специфических черт белорусской культуры является в условиях современной Беларуси процессом, который имеет целенаправленный и организованный характер. Культурные особенности выявляются и подчеркиваются как на уровне государственной политики, так и в культурологических исследованиях.

В последние тридцать лет вышел ряд работ, в которых говорится о промежуточном положении современной Беларуси. Одной из наиболее показательных из них является вышедший в 2006 г. сборник с характерным названием «Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит». Он состоял из интервью с известными белорусами: учеными, политиками, бизнесменами, деятелями культуры, зачастую с прямо противоположными общественно-политическими взглядами и, соответственно, пониманием путей развития страны.

Основной вопрос, на который составители сборника хотели получить ответ, кто такие белорусы? Считалось, что это необходимо для выработки дальнейшего пути развития страны. По сути, речь шла о национальной идентичности и решении вопросов цивилизационного выбора. Авторы исходили из положения, что при отсутствии такового Беларусь может быть «растеряна и дезориентирована»¹.

При этом была задана определенная система координат, в рамках которой респонденты должны были определить место Беларуси: Европа или Россия. Однако, на наш взгляд, сама эта система координат не соответствовала ситуации начала XXI века. Нельзя было соотношение Европы и России описывать через дихотомию «или-или».

Поэтому в принципе ожидаемым явилось то, что в полученных ответах преобладающей была негативная идентификация, которая отражена и в названии сборника: «ни Европа, ни Россия». Респонденты скорее говорили о том, чем белорусы не являются, чем кто они такие. И эта соответствовало состоянию белорусского общества начала XXI века: «Мнения респондентов скорее подтверждают, что становление белорусского самосознания только свершается... При этом скорее идет процесс осознания отличия от других, чем определения того, что объединяет белорусов внутри самих себя, своего мира, своего социума»².

Однако за то время, которое прошло после выхода сборника общественное сознание претерпело эволюцию, и в настоящее время ситуация имеет следующий вид: большинство белорусов четко осознают свою национальную принадлежность и могут назвать те черты характера, которые, считается, традиционно им присущи. Как правило, они имеют позитивную окраску, что объясняется стремлением создать такой образ народа, который бы послужил ориентиром для деятельности. Утверждается, что белорусам присущи такие черты как «толерантность, трудолюбие, самоуважение и независимость личности, терпеливость, нетерпимость ко всякому угнетению, высокая значимость семьи, обостренное восприятие справедливости, признание ценности нравственных добродетелей, человекомерность художественно-эстетических идеалов и гражданско-политической деятельности, практическая осуществимость народовластия, прав и свобод личности»³.

Проблема национального самоопределения очень актуальная для белорусов, и в настоящее время она осознается в обществе. Тем не менее, ее наличие свидетельствует, по нашему мнению, не о культурной дезориентации, но, скорее, о том, что в условиях суверенного государства изменилась сама социальная реальность, и это необходимо учитывать в разных видах деятельности; экономической, политической, культурной и т.д.

Как правило, промежуточное положение Беларуси описывается в рамках теории локальных цивилизаций. При этом исходят из того, что основу последних составляют духовные ценности, которые выражаются, прежде всего, в той или иной религии. Поэтому говорят о столкновении на белорусских землях восточного православия и западных католичества и протестантства. Аргументы для такой постановки вопроса берутся из истории. Территория Беларуси длительное время находилась на перекрестке интересов двух государств: православной России и католической Польши, которые стремились использовать религию в своих политических целях. Особенно очевидным это стало в XIX – начале XX вв. Как правило, принятие белорусами православия склоняло их в сторону России, а католичество – в сторону Польши. Об этом писал Янка Купала: «Кроме политической и экономической зависимости, была и вторая причина, что ослепила мировоззрение белоруса, – это религиозная распря двух христианских обрядов в нашем крае: католичества и православия ... Эта борьба двух вер не только делит белорусов на две части по религии, но, самое важное, убивает в их сознание и чувство национального единства. Белорусу-католику внушают, что раз он католик, то он поляк, и не должен браться с теми, кто другой веры; белорусу православному говорят, что раз он православный, то он россиянин, и католика-белоруса должен остерегаться, так как он – поляк»⁴.

В годы советских атеистических репрессий подобное противопоставление потеряло свой смысл, поскольку официальная политика была направлена на то, чтобы вывести религию как таковую за пределы культурного пространства. Религия рассматривалась как суеверие и пережиток, считалось, что ее сторонниками являются преимущественно неграмотные женщины пожилого возраста.

¹ Беларусь: ни Европа, ни Россия: мнения белорусских элит / Под ред. В. Булгакова. – Варшава: Архе, 2006. – С. 11.

² Там же. – С. 13.

³ Бабосов Е.М. У истоков белорусской национальной идее // Беларуская думка. 2016. – № 10. – С. 81–82.

⁴ Купала Я. Вера і нацыянальнасць // Збор твораў : у 7 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Т. 7. – С. 212–213.

Кроме того, история религии советского периода на территории Беларуси дает примеры как жестоких преследований, так и удивительного сотрудничества и взаимной поддержки различных конфессий. В настоящее время это является одной из основ межрелигиозного диалога в стране, который осуществляется весьма успешно.

Рассуждая о промежуточном положении современной Беларуси, отметим, что для нас по-прежнему значимость имеют координаты «Запад-Восток». Однако следует подчеркнуть условность этой дихотомии: нет сомнения, что наш восточный сосед Россия по своей культуре – европейская страна. Также Европа, которая условно определяется как «Запад» в культурном плане очень неоднородна, и в этом – одна из ее характерных черт. Более содержательно наше современное положение можно определить как нахождение между Россией и странами Евросоюза.

Но в условиях глобализации мир стал сложным и разнообразным. Он не описывается через дихотомии «Восток-Запад», «Север-Юг», «Европа-Азия». Кроме того резко уменьшилась значимость географического положения той или иной страны. Принадлежность к Европе предполагает принятие определенной системы ценностей: личности, установки на инновации, демократии, прав человека, рыночной экономики и т.д.

В этой связи возникает еще один аспект понимания пространства культуры. Прежде всего, следует помнить, что оно отлично от плоскости, и у него помимо горизонтального, выражающего расположенность объектов, есть еще и вертикальное измерение, задаваемое ценностями и смыслами. Именно оно определяет специфику той или иной культуры.

При этом, как правило, считается, что ее фундаментом является религия, так как в ней ценности имеют трансцендентный характер и, соответственно, обладают наибольшей аксиологической значимостью. На наш взгляд, в современном обществе этот тезис должен быть уточнен. Мы считаем, что продуктивной является трактовка культуры как сложной многоуровневой системы, каждый из элементов которой оказывает влияние на формирование и развитие целого. В условиях современного общества религия – это лишь одна из сфер культуры. Помимо нее существует экономика, политика, мораль, искусство и т.д. Они также оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций и специфику той или иной культуры.

Кроме того, положение об определяющей роли религии в формировании ценностной иерархии относится только к тем религиям, которые исходят из «вертикальной» структуры реальности. В христианстве мир делится на рай, «этот мир» и ад. Соответственно, принимается вертикальная структура моральных ценностей: человек может «возвыситься», но также и «пасть». Однако в белорусской религиозной традиции распространенными были языческие представления, согласно которым боги, хотя и помещались на небо, но являлись частью «этого» мира. Поэтому здесь моральные ценности определялись не религиозными установками, но характером повседневной деятельности.

Также необходимо учитывать, что определение вертикального измерения пространства белорусской культуры в его религиозном аспекте требует учета тех проблем, которые здесь встречаются. Беларусь является традиционно поликонфессиональной страной, причем большая часть конфессий существует на ее землях давно, и они могут быть определены как традиционные.

На 1 января 2019 года, по данным Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь, в стране были зарегистрированы следующие религиозные общины различных направлений:

Наименование конфессии	Количество
Православная церковь	1698
Старообрядческая церковь	34
Римско-католическая церковь	499
Католики латинского обряда	1
Греко-католическая церковь	15
Реформатская церковь	1
Лютеранская церковь	26
Евангельские христиане баптисты	281
Новоапостольская церковь	21
Пресвитерианская церковь	1
Христиане веры евангельской	524
Христиане полного Евангелия	60
Христиане веры апостольской	11
Церковь Христова	5
Мессианские общины	3
Адвентисты седьмого дня	73
Свидетели Иеговы	27
Мормоны	4
Иудейская религия	39
Прогрессивный иудаизм	14
Мусульманская религия	24
Бахаи	5
Кришнаиты	6
Армянская апостольская церковь	2
Буддизм	1
Всего	3375

То, что современная Беларусь является ярко выраженной поликонфессиональной страной, влияет и на характер ее промежуточного положения. Православная церковь ориентируется на Россию. Тем более что Белорусская православная церковь не является самостоятельной, это часть Русской православной церкви, имеющая статус экзархата. Католическая церковь в Беларуси традиционно ориентируется на Польшу. Однако в последнее время в ней все более настойчиво подчеркивается ее наднациональный характер. В настоящее время на белорусских католиков все большее влияние оказывает деятельность харизматического папы Франциска. Что касается довольно многочисленных и активных протестантов современной Беларуси, то они ориентированы на страны Скандинавии и США. Там находятся их единомышленники, и оттуда они получают поддержку.

Также отметим, что на белорусских землях осуществлялась Реформация, причем, довольно успешно, пока ее не остановили иезуиты. Протестантскими проповедниками были такие известные деятели белорусской культуры как Сымон Будный и Василий Тяпинский. Поэтому протестанты также могут сослаться на свою долгую традицию на белорусских землях.

На наш взгляд, концепция промежуточного положения в современных условиях должна быть соотнесена с концепцией Беларуси как европейского государства. Последняя становится все более распространенной в обществе. Причем ею пользуются на противоположных концах политического спектра. Один из основных лозунгов белорусской оппозиции: «Беларусь – в Европу!». Но об этом же, правда, как о фактическом положении дел и подчеркивая стремление развивать отношения со всеми странами, прежде всего, с Россией, заявляют белорусские власти. Приведем в этой связи высказывание А.Г. Лукашенко: «Беларусь – европейское государство, которое ценит свой суверенитет и последовательно реализует миролюбивую многовекторную внешнюю политику»¹.

Таким образом, актуальность концепции промежуточного положения Беларуси обусловлена прежде всего теми процессами, которые происходят в стране. Основным из них является формирование самостоятельного государства, что предполагает необходимость определить свое место в мире, а также наладить отношения с ближайшими соседями.

В заключение отметим, что любые рассуждения должны исходить из реальной ситуации. Если мы исходим из промежуточного положения современной Беларуси, то необходимо учитывать его ассиметричный характер. В пространственном плане мы гораздо более связаны с Россией, чем со странами Евросоюза, поскольку, чтобы попасть в последние, необходима виза, с Россией же фактически отсутствует граница. Во временном плане будущее Беларуси связывается с модернизацией. И это предполагает сближение с Европой. Однако в этом же направлении движется и Россия. Но она при этом подчеркивает свою специфику как великой державы, что также оказывает влияние на осознание в Беларуси своего промежуточного положения.

¹ Вручение верительных грамот послами зарубежных государств. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vrucheni-veriteln-gramot-poslami-zarubezhnyx-gosudarstv-19559/

Спиридонова В.И.

д. филос. н., гл. н. с. Института философии РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИЛЕММЫ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»–«ВАРВАРСТВО»

Ключевые слова: цивилизация, варварство, миссионерство, неокOLONиализм, «стандарт цивилизации», «вторичный империализм».

В последнее время в российской научной литературе наблюдается повышенный интерес к осмыслению понятия и проблем цивилизации. Это происходит на фоне мирового кризиса однополярного мира и американского «Нового мирового порядка», с одной стороны, и внутренних для России проблем, связанных с крахом старых институциональных структур, а также проблем с созданием новых структур. Неопределенность столь высока, что до сих пор идут острые дискуссии в обществе об определении самого статуса российского государства. Суждено ли ему быть обновленной империей, или же оно приобретает новую форму бытия – цивилизационную – которую иногда даже обозначают формулой «государство-цивилизация».

В связи с выходом на первый план проблем цивилизационного развития в теоретическом дискурсе актуализируется старая дилемма – цивилизация-варварство. Следует признать, что в политическом пространстве эта антиномия никогда не уходила из идеологической области, обосновывающей практическую политику. Ибо именно она позволяет поддерживать тот необходимый уровень тревожности в обществе, который вызывает «образ врага», подменяемый в более спокойные эпохи образом чужака как представителя иной, угрожающей культуры, ассоциирующийся с варваром. Таким образом, с прогрессом цивилизации, несмотря на классическую триаду членения восходящего развития от «дикости» через «варварство» к «цивилизации» («цивилизованности»), дилемма «цивилизация»–«варварство» не только никуда не исчезает, но напротив, сохраняется и упрочивается как необходимый краеугольный камень практической политики. В этом отношении нельзя не согласиться с метким замечанием современных авторов Д.М. Волошина и Ф.Н. Чабаненко о том, что «варварство можно назвать, пользуясь терминологией К.Г. Юнга, тенью цивилизации»¹.

Две исходные позиции по отношению к феномену варварства

Несмотря на то, что сопричастность двух тем – «цивилизации» и «варварства» отмечается с первых времен существования человечества, на протяжении истории менялся смысл и телеология этой дуальности. Начать хотя бы с того, что в древнегреческом контексте существовали коннотации, которые признавали позитивное отношение к варварскому наследию, отмечая ценность его вклада в мировую сокровищницу мысли. Платон без стеснения допускает полезность египетских исторических свидетельств для греческой культуры. Рассказ о культовой для греков войне между Афинами и Атлантидой в диалоге «Тимей» он вкладывает в уста Варвара и представителя чуждой цивилизации – египетского жреца Саиса².

В целом, в эллинской культуре смысл варварства удерживался в рамках лингвистической парадигмы. Он не имел ярко выраженного уничижительного оттенка, был аксиологически нейтральным и служил, скорее, для обозначения отличия. У Геродота речь идет о *barbarous*, что указывало на человека, который плохо говорит по-гречески. В то же время, на более глубоком уровне осмысления значения варварской культуры, это не означало, что другие народы не могут принадлежать всемирному Логосу. В диалоге «Кратил» устами Сократа Платон соглашается с тем, что «определенная правильность имен прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же»³. Поскольку сам Логос для греков есть основополагающее философское понятие, таким образом допускается равноценность народов. А поскольку логос есть орудие мышления, то, как указывает Платон в том же диалоге, «орудие будет правильным, сделает ли его кто-то здесь или у варваров»⁴. Его дальнейшие рассуждения показывают, что уничижительные толкования варварства часто являются следствием обыденного непонимания или недостаточной осведомленности о чужих обычаях, а вовсе не прирожденным сущностным качеством, органически присущим варварам.

Более того, в «Политике» Платон указывает на неправомерность и несправедливость раскола человечества на две неравноценные группы – на греков как особую культурную группу и на все остальное человечество как варварское. Нельзя, пишет он, разделить человеческий род пополам, «выделяя из всех народов эллинов», а остальным бес-

¹ Волошин Д.А., Чабаненко Ф.А. О критериях и признаках варварского образа жизни // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. – Т. 11. – С. 1461–1465. – <http://e-koncept.ru/2016/86313.htm>

² Платон. Тимей // Платон. Собр. соч. В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 24–25.

³ Платон Кратил // Платон. Собр. соч. В 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 383.

⁴ Там же, с. 389.

численным племенам дать «одну и ту же кличку “варваров”»¹, так, будто все эти народы одинаковы. Это столь же нелепо, замечает он, как если бы кто-то вздумал разделить все числа на два вида, выделив, с одной стороны, число десять тысяч и заявляя, что это – один вид, а, с другой стороны, отнес все остальные числа к другому виду. Правильное основание для подобного деления – это, к примеру, деление на четные и нечетные числа, которые не дают необоснованного преимущества какому-то одному значению.

Таким образом, греческое видение проблемы оставалось в рамках очерчивания своего собственного бытия, греческого мира, осмысления той ойкумены, которая принадлежит эллинскому региону развития. И в этом отношении недостаточное знакомство с другими племенами и этносами оставалось областью «не-ведомого» и не рассматривалось как роковой конфликт экзистенциального свойства.

Размежевание между цивилизацией и варварством, близкое к его современному пониманию, оформилось позднее, во времена Древнего Рима, чему способствовала новая – имперская – форма государственности. Именно тогда и были заложены многие аспекты интерпретации варварства, получившие развитие в наши дни.

Прежде всего, это – отождествление варварских сил с силами разрушения ядра цивилизации, которые исходят из внешних по отношению к цивилизованному состоянию импульсов. В Древнем Риме это были силы, угрожавшие целостности Римской Империи. Согласно воззрениям римлян, народы, которые противостоят ассимиляции, создают угрозу единству империи и, соответственно, являются ее экзистенциальными врагами – варварами. Логическим следствием такого умозаключения было стремление либо истребить подобное население, либо воздвигнуть преграду для его проникновения внутрь цивилизации, создать границу между двумя мирами. Именно последнее и является той новацией, которая, родившись в древности, имела долговременные последствия.

На практике это претворилось в то, что на границе Римской империи стали возводиться специфические укрепленные рубежи, которые получили название «лимес». Они представляли собой фундаментальные сооружения – валы или стены со сторожевыми башнями, охраняемые легионерами. Граничащие с лимесом провинции стали называться лимитрофами. Последнее наименование не только дожило до наших дней, но и было отягощено специфическим геополитическим значением. Так стали называть страны, составляющие «санитарный кордон» между разными политическими блоками. Таким образом, смысл элиминации внешней угрозы не только сохранился, но и усилился благодаря «эпидемиологическому» эпитету современного дискурса.

К тому же, если вначале речь шла о физическом отграничении, то со временем оно превратилось в когнитивное понятие, углубившее пропасть между «цивилизованностью» и «варварством», цивилизованным Западом и «всем остальным миром» (the West and the Rest). Оно утратило греческую строго лингвистическую коннотацию – обозначения «чужака», «иного» как представителя племени с непонятным для моих соплеменников наречием. Развитие пошло по той линии интерпретации греческого смысла *logos*, которое подразумевало овладение специфическим рациональным диалогическим высказыванием, единственным, что делает возможным совместное существование человеческих особей как политического сообщества в полисе. Народы, которые не владеют такого рода *logos*, можно рассматривать как народы, не имеющие законов и упорядоченной жизни, а, значит, с ними нельзя вести равноправный диалог. Такого рода «варвары» оказываются маргиналами для центра развитого мира, для цивилизации.

Еще одной особенностью римского менталитета было то, что в нем существовало качественное различие варварства, соединенное с географической и территориальной принадлежностью. Выделялось так называемое «северное» варварство, исторически обусловленное стычками с германскими и скандинавскими племенами. Воинственность этих народов ассоциировалась с жестокостью и насилием. Однако с ними можно было воевать, и в этом отношении они, хотя и были «варварами», но одновременно были понятными врагами, с которыми происходил тоже своего рода «диалог», но другими средствами – посредством битвы на поле сражения, чаще всего по известным и приемлемым для обеих сторон правилам.

С другой стороны, выделялся так называемый «восточный» тип варварства, а точнее, азиатское варварство, которое рисовало чужеземцев как погрязших в чувственности, развращенности, изнеженности. Законы и общественные установления их жизни, чаще всего имевшие форму деспотии, разительно отличались от рациональных законов и учреждений европейского региона.

Для прагматичного европейского человека, особенно позднего времени, размягченность восточного бытия отождествлялась с ленью и слабостью. А поскольку в более поздние эпохи в европейской, зрелой «фаустовской культуре», цивилизация как главное достижение Прогресса строится на способности к преодолению и на том, чтобы с помощью разума, закона, образования и политики извлечь из человека максимум его возможностей, то восточная пассивность, незаинтересованность в напряженном совершенствовании стали признаваться в качестве несомненного и сущностного негативного признака. Варварство приобрело устойчивую коннотацию обвинения, осуждения, порицания, даже исторического приговора.

Знаменательно в этом отношении, что формирование имиджа современной России как часть стратегии политического противостояния Запада и Востока, намеренно предполагает «расчеловечивание», дегуманизацию политического противника. Образ нашей страны рисуется для массового западного сознания как образ «азиатской» «варварской» империи. По аналогии с фигурой «восточного» варвара ее народ характеризуется как ленивый, праздный, порочный, уклоняющийся от труда, архаичный в быту, отстающий от «прогрессивных» веяний цивилизованного Запада.

Наконец, в римскую эпоху закладывается еще одна важная особенность, которая получила свое развитие в дальнейшем. Это – восприятие цивилизации как «прививки», которую осуществляет миссионер от цивилизации наро-

¹ Платон. Политик // Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999. – С. 262.

дам, находящимся в «бесформенном состоянии». Именно этот посыл стал основой многовековой волны колонизации «диких» и «варварских» народов» со стороны просвещенных европейцев.

Борьба против варварства как оправдание колониальной политики

Уже в эпоху Великих географических открытий в европейском обществоведении сложилось твердое убеждение в том, что туземцы на вновь открываемых территориях – это отсталые народы как в хозяйственном, так и в правовом отношении. По словам Жозе де Акосты, испанского иезуитского миссионера XVI века, туземное население является «абсолютно варварским, поскольку индейцы не имеют ни законов, ни царя, ни постоянного жилища, но ходят стадами, как дикие животные и дикари»¹.

Европейцы, которые в этот период уже вступили в стадию накопления капитала и для которых собственность стала одной из главных социальных категорий существования и развития, воспринимали население новых земель как отсталое первобытное, полудикое и варварское. Поскольку у них не было развито чувство собственности, свойственное европейцам, полагали пришельцы из Старого Света, местные жители не могут быть отнесены к развитым этносам.

А это означает, что они нуждаются во внешнем водительство более зрелых в социальном и институциональном отношении народов. Бремя миссионеров состоит в том, чтобы быть их учителями, наставниками и надзирателями. Испанский богослов эпохи Просвещения Франсиско де Витория, страстный защитник естественного права, пацифист и противник насильственной христианизации язычников, в то же время, писал, что аборигены «должны беспрекословно подчиняться европейцам так же, как сыновья должны подчиняться своим родителям до совершеннолетия, а жена мужу»². Так рождалась теория внешнего управления «варварскими» народами.

На первый взгляд уничижительное отношение к «варварским» этносам противоречит самому духу и букве христианства. Ведь сказано же в Библии в Послании к Колоссянам: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем – Христос»³. Проблема, однако, состоит в том, что эти радикально универсалистские тексты, формально отменяя все этнические, религиозные, социальные разделения, оставляют философскую лакуну, рождающую новое варварство, черпающее свое основание, как это ни парадоксально, именно в новом учении. В самом деле, священные тексты делают акцент на братстве всех сынов Божьих во Христе, и это рождает стремление приобщить нехристиан к новой вере. В итоге, в средневековой Европе переосмысливается христианская универсалистская заповедь, и делается акцент на том, что Иисус завещал заботиться обо всем «стаде человеческом», часть которого составляли язычники и неверные. Этот тезис обернулся благословением на «спасение» варваров во имя Господне для их же блага, включая военные и принудительные меры обращения нехристиан вплоть до физического их истребления во время Крестовых походов.

Одновременно это не мешает воинствующим миссионерам в рамках Крестовых походов, руководствоваться старыми посылками о том, что неверные не имеют естественного законного права контролировать собственность или территорию⁴.

Для утверждения «цивилизаторской миссии» был использован тезис о так называемой «terra nullis» («ничейной земле»). Первоначально он восходил к постулату Римского права о «ничейной вещи» (*res nullius*), которая трактовалась как такая, у которой нет законного собственника. В эту категорию попадали потерявшиеся рабы, дикие животные, покинутые строения. Смысловой подтекст термина «terra nullis» впоследствии только усилил эту социально-экономическую коннотацию. Этот концепт стал интерпретироваться как территория, которая не была в **хозяйственном использовании**, т.е. не имела легального собственника.

Именно этим принципом оправдывались завоевания и вытеснение аборигенов с их исконных земель в эпоху испанских конкистадоров на американском континенте и в Океании. Такая позиция подкреплялась философией и идеологией частной собственности, автором которой заслуженно считается Дж. Локк. Согласно его теории, варварские народы, не имея идеи частной собственности, не способны достичь более высокого уровня развития, свойственного европейцем, обосновавшим такое право.

В современной политике идея «terra nullis» приобрела достаточно вольную трактовку, хотя и сохранила привязку к «естественному праву» и классическому пониманию «собственности». Поскольку земель, никому не принадлежащих, практически совсем не осталось, особую популярность получил акцент на нерациональном землепользовании, которое трактуется расширительно. Сюда, например, попадают не только де-юре «ничейные» антарктические территории, но и природные ресурсы какого-либо государства, использование которых сочтут неэффективным «мировое сообщество». Основанием являются переосмысленные аксиомы европейского «естественного права», которые могут признать тот или иной народ живущим в «естественном состоянии», или же квалифицировать его как «примитивное общество» с точки зрения государств Европы и Америки, превосходящих такие народы в технологическом развитии. Соответственно, территория, принадлежащая такому народу, может быть объявлена «недостаточно культивируемой», а с точки зрения «эффективности» даже «пустынной». Такой поворот создает правовую подоплеку для признания допустимым изъятия или «освобождения» этих земель от прежних владельцев ради «высших целей» выживания человечества в целом. Именно к такому «малокультурному» цивилизационно незначимому этносу в свое время, американцы

¹ Adams A. The Standard of Civilization in Historical and Contemporary International Relations: The Case of East Timor / University of Canterbury. 2016. – <https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/12918/Adams%2C%20Aimee%20MA.pdf?sequence=1>

² Цит. по: Adams A. The Standard of Civilization...

³ Библия. Послание к Колоссянам. Глава 3. – <https://bible.by/syn/58/3/>

⁴ Adams A. The Standard of Civilization...

отнесли коренное население Северной Америки. Земли были «освобождены», а населявшие их ранее народы практически истреблены. Сегодня эти послы открывают «новые хозяйственные горизонты» с далеко идущими последствиями. Так, в 90-х и «нулевых» годах России, которую «цивилизованный» евро-американский блок признал тогда страной, «несправедливо» владеющей огромными запасами природных ископаемых, было предъявлено обвинение в неэффективном их использовании (в своеобразной «недееспособности»), что влекло за собой передачу контроля за их эксплуатацией международным «опекунам».

В XIX веке наступление «цивилизации» на «варварство» оформилось как прогрессистский лозунг «бремени белого человека». Интересно, что миссионерство подобного толка прекрасно укладывалось как в революционную идеологию К. Маркса, так и живо воспринималось представителями либеральной мысли, образцом которой считались труды Дж. Ст. Милля. К. Маркс, в частности, писал: «Англии предстоит выполнить в Индии двойную миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии»¹. Дж. Ст. Милль, в свою очередь, был убежден, что обычаи, а также нормы права и морали, которые утвердились между цивилизованными государствами, не могут применяться в отношении варварских народов. Он настойчиво обосновывает эти идеи, в частности, в небольшой статье «Несколько слов о невмешательстве».

Суть дела в том, пишет он, что нецивилизованные народы не умеют подчиняться правилам, поскольку не обладают достаточными ментальными способностями. Далее. Варварские народы находятся на таком уровне развития, что для них большим благом и выгодой может быть беспрекословное подчинение более развитым завоевателям. Вообще сама независимость – это своего рода сакральная ценность, которая предполагает определенный культурный уровень и сформировавшееся национальное самосознание, которыми варварские народы не обладают. А потому просвещенные народы должны брать на себя обязанность устанавливать мир и благополучие в таких регионах с помощью силы².

Выражаясь языком современной политики, Дж. Ст. Милль ведет речь о пользе интервенции в слабо развитые страны или страны с деспотическими и отсталыми режимами. И надо признать, что ссылки на эти аргументы британского философа XIX века актуальны по сию пору. Более того, они лежат в основании современной американской международной стратегии, что признают сами американские авторы³.

Своеобразным итоговым обобщением неизбежности «цивилизаторской миссии» европейцев стала вышедшая в 1877 году известная книга американского этнолога Льюиса Генри Моргана «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Автор предложил трехчленную систему «дикость-варварство-цивилизация» как основу градации стадий человеческого прогресса. Три последовательные ступени развития человека и общества полагались одинаковыми для всего человечества и выстраивали «шкалу прогресса»⁴. Одновременно утверждалось, что в ходе универсального восходящего движения произошло разделение наций, одни достигли состояния цивилизации, другим суждено было остаться в состоянии варварства. Выделяя особую роль института частной собственности, Морган видит в частной собственности магистральную линию цивилизации. Нужен был весь опыт периода дикости и «следующего периода варварства», – пишет он, – «чтобы этот зародыш развился и чтобы человеческий ум приготовился принять ее ограничивающее действие. Ее господство как страсти над всеми другими страстями знаменует начало цивилизации. Она привела человечество не только к преодолению всех препятствий, задерживавших наступление цивилизации, но и к учреждению политического общества на основе территории и собственности»⁵.

Здесь собраны воедино главные аргументы европейского восприятия себя как ведущего центра цивилизационного развития и прогресса, как «стандарта цивилизации», который должен стать образцом для всех остальных народов на пути универсальной «шкалы Прогресса».

Современные аспекты дихотомии «цивилизация»–«варварство»

Долгий процесс европейского мессианизма не остался без последствий для западного общества. Как свидетельствует Н. Элиас, глубоко и детально исследовавший пути и нюансы цивилизационной динамики, европейцы, в итоге, создали идеальный образ самих себя. Они «укрепились в мысли, что их господство над другими народами является выражением некой вечной миссии, предписанной им то ли Богом, то ли природой, то ли историческими обстоятельствами. Превосходство над другими, располагающими меньшей властью, стало чем-то самоочевидным, принадлежащим собственной сущности европейцев и обладающим высшей ценностью»⁶.

В итоге, как утверждает советник по расовым вопросам при ООН в 2002–2008 годах, Дудо Дьен, выработалось специфическое историческое восприятие Западом себя как «мир-концепции» (concept-monde), т.е. как модели *оконча-*

¹ Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 9. – С. 68.

² Куманьков А.Г. Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение // Vox. Вып. 18. – <http://vox-journal.org>

³ См. Doyle M. The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect / Yale University Press. 2015.

⁴ Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – М., 1935. – С. 26.

⁵ Там же, с. 7.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 1. – С. 22.

тельного целенаправленного развития человечества¹. Была сконструирована особого рода универсальность – «универсальность-зеркало» (*l'universalité-miroir*). Ее кредо – это «универсум, похожий на меня». Цивилизаторская миссия Европы, в итоге, произвела некую самолегитимацию себя как образца социо-культурного и экономического развития для всего остального человечества. Причем ее основанием стала не допускающая никаких возражений догма превосходства западной цивилизации над всеми иными. Европейцы оказались своеобразным центром концентрического неподвижного и непреложного мироустройства, в котором помимо них существует только периферия.

Прекрасной иллюстрацией этого воззрения является высказывание Эндрю Линклейтера, профессора международной политики университета в Уэльсе. Современный цивилизационный дискурс, пишет он, использует концепцию деления человечества на «три концентрических круга или сферы», сформулированную в конце XIX века известным английским юристом, профессором публичного права Эдинбургского университета Джеймсом Лоримером. В соответствии с этой теорией, первый круг составляет «цивилизованное человечество», второй – «человечество, находящееся в состоянии варварства», а третий – «человечество, пребывающее в стадии дикости»². Внутреннюю сферу образуют западные общества, обладающие прогрессивными институтами государственного управления, в котором властвует закон и в котором приоритет – за фундаментальными правами и свободами индивида. В следующий – второй круг – входят такие страны, как Япония и Китай, в которых хотя и имеются институты государственной власти, но которые, тем не менее, значительно отстают от «цивилизованных» западных форм правления. Третью, внешнюю область, составляют так называемые «простые» («simple») народы, у которых практически полностью отсутствует организованная институциональная власть. Начиная с XIX века и по настоящее время, эта классификация отражает убеждение европейцев в их неоспоримом праве на миссионерство и на колонизацию «варварского» мира.

В XX и XXI вв. кульминацией диалектики такого типа мышления стали положения, сформулированные в монографии Френсиса Фукуямы «Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке»³. Фактически повторяя представленную выше аргументацию, он ретранслирует ее на реалии «Нового американского века», вытесняя антропологическую лексику XIX столетия. Так, место «дикарей» и «варваров» у него занимают «страны-неудачники», «государства-изгои», «государства-бандиты»⁴, или же государства с «девиантным, отклоняющимся поведением» («*états-voyous*», «*états-brigands*», «*rogue states*»)»⁵. Все эти государства отнесены к категории так называемых «премодерных» (а значит, нецивилизованных) стран, которые одним своим существованием бросают вызов цивилизованному миру и представляют угрозу Новому мировому порядку. Такой подход легитимировал не только запуск процессов модернизации этих регионов, но и оправдывал прямое, часто вооруженное вмешательство во внутренние дела этих стран.

Современный дискурс варварства/цивилизации идет дальше. Он изобретает фигуру осажденного Запада, который предстает как узкая полоска хрупкого социального порядка, тонкая пленка высокой культуры, которой грозит полное уничтожение со стороны варварских народов. В такой перспективе США «возвышаются как Новый Рим, как единственный подлинный источник могущества, способный сдержать напор варваров»⁶. Тема Западного мира как «осажденного острова», появляется в западной прессе с 1970-х годов, с активизацией мультикультурализма и ростом «варварского терроризма». Одновременно нарастают упреки в пассивном поведении цивилизации перед лицом новой угрозы, которые все чаще заканчиваются призывами противопоставить угрозе нового варварства военную силу. Нарастает опасность новой – «идентификационной войны» во имя цивилизации против «нового варварства».

В то же время, проявляются давно забытые, но вновь возрожденные модели неокOLONиального или даже неоимпериалистического поведения со стороны свежих членов объединенного Европейского сообщества – наций так называемой Срединной Европы. Присоединившиеся к странам развитого капитализма неопиты стремятся вырваться в первые ряды, чтобы стать наставниками «идущих за ними» и продемонстрировать свою принадлежность к «цивилизованному миру». Это явление получило название «подражательного империализма» («*secondary or imitative imperialism*»)»⁷. Хрестоматийным примером такого поведения в истории называют действия Японии в конце XIX века. Желая избежать печальной участи Китая, завоеванного европейцами, Япония решила в превентивном порядке доказать делами свою принадлежность к передовым цивилизованным нациям. За образец была взята популярная тогда колониальная политика Европы. Результатом стала попытка насильственного насаждения «европейских ценностей» на Тайване как показатель стремления принести «прогресс и цивилизацию» в этот регион. Япония считала, что таким образом она обнаруживает приверженность «общечеловеческим ценностям». Этот пример не остался без последователей. Он вновь проявил себя в новых условиях XXI века, когда свежее испеченные «европейские демократии», такие как Польша и Украина, предпринимают активные попытки вмешательства в дела соседних государств, проявляя себя в качестве «учителей» и миссионеров по отношению к более «отсталым» «нижним» «варварским» странам.

¹ Diène D. Crise identitaire du monde occidentale // *Revue internationale et stratégique*. 2009. – N 3. – P. 93-100.

² Linklater A. The «Standard of Civilization» in World Politics // *Human Figuration*. 2016. – July. – <http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.205>

³ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006.

⁴ Там же, с. 168–169.

⁵ Assayag J. Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // *Cités*. – P., 2005. – N 24. – P. 86.

⁶ Dume F. Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'un appel à la guerre identitaire? // *Sens-Dessous*. 2019. – N 2. – P. 25–34. – <https://www.cairn.info/revue-sens-dessous-2019-2-page-25.htm>

⁷ Linklater A. The «Standard of Civilization» ...

Европейская логика противостояния цивилизации варварству развернулась полностью, достигла своего апогея в новом термине, который распространился в западной научной литературе конца XX – начала XXI столетия. Речь идет о так называемом «стандарте цивилизации»¹. Как поясняют исследователи, «стандарт цивилизации» представляет собой набор определенных характеристик, которыми должна обладать нация или страна, чтобы «войти в семью цивилизованных народов». И хотя сам термин не кодифицирован как конкретный набор критериев, он отождествляется с современными формами правления, преобладающими в Европе. В его основании лежит определение, которое гласит: «Цивилизация есть ступень, через которую должен пройти варварский народ, чтобы достичь высшей культуры в промышленности, искусстве, науке и морали»².

Появление концепта «стандарт цивилизации» – это попытка ввести универсальную, общечеловеческую «меру» «цивилизованности». Это – искушение создать критерий для приобщения к европейской модели, которая тем самым закрепляет за собой статус единственно возможной и безальтернативной.

¹ The «Standard of Civilization» as an English School Concept. – https://www.researchgate.net/publication/270626438_The_'Standard_of_Civilisation'_as_an_English_School_Concept

² Элиас Н. О процессе цивилизации... С. 87.

Сухарев А.В.

д.психол.н., профессор, Институт психологии РАН
zavor753@mail.ru.

Лаврова В.А.

к.б.н., доцент Института мировых цивилизаций
valavrova@mail.ru.

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МЕНТАЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Ключевые слова: этничность, ментальность, конфликт.

Keywords: ethnicity, mentality, conflict.

В процессе глобализации происходит активный диалог как между отдельными государствами, так и между цивилизациями. В современном мире наряду с процессами интеграции и глобализации постоянно возникают конфликты межэтнического характера, ведущие к цивилизационной дезинтеграции. Эти конфликты имеют различный масштаб в зависимости от количества включенных в него людей. Межгосударственные – наиболее опасные, поскольку могут привести к масштабным военным действиям. Межэтнические конфликты меньшего масштаба нацелены на сепаратизм и территориальное отделение от единого государства. Различные проявления дискриминации в отношении получения образования или трудоустройства, также являются проявлением межэтнических противоречий. Межэтнические конфликты могут проявляться в форме экстремизма, терроризма, вооруженного противостояния, массовых беспорядков, политической нестабильности. Особую остроту межэтнические конфликты приобрели в связи с массовыми миграциями и распадом ранее единых государственных образований.

Цивилизационные и национальные процессы развития сталкиваются с необходимостью преодоления межэтнических конфликтов. Помощь в решении этой задачи оказывает одно из ведущих направлений психологии – этнопсихология, которая изучает формирование и проявление в поведении этнического самосознания. Именно эта психическая составляющая является основой для формирования как межэтнических конфликтов, так и сплоченности или консолидации этнических групп.

В области этого направления разработан этнофункциональный подход, позволяющий раскрыть механизмы развития этнических представлений в единой картине мира и ментальности личности¹.

Понятие ментальности имеет различные трактовки у отдельных исследователей этого психологического феномена. В ней присутствуют характеристики аффективной жизни людей такие как: любовь, страх, ненависть.

Общим для большинства определений ментальности является то, что ментальность характеризуется в широком смысле умственным строем и миропостроением, отражающим глубинный и устойчивый тип коллективного сознания и подсознания, а также поведения, которые в значительной степени строятся на традициях, сформированных предыдущими поколениями. Например, А.Я. Гуревич² описывает ментальность как совокупность «карты мира», «психологический каркас культуры». А.В. Сухарев³, используя этнофункциональный подход, разработал метод этнофункциональной реконструкции ментальности субъекта, с помощью которого он подчеркивает этническую составляющую в развитии ментальности.

Согласно этнофункциональному подходу этничность человека представляет собой систему ландшафтно-природных, антропо-биологических, социокультурных, психологических и других признаков, которые характеризуют такие психологические феномены как «национальный характер», «душа народа» и этническое самосознание. В процессе формирования этнической функции ментальности наблюдается взаимодействие как биологических или природных, так и культурных социальных факторов. К новым социокультурным факторам следует отнести информационный фактор, который связан с развитием средств массовой информации и особенно Интернета. Возможно, что его использование сможет оказать положительное влияние на решение межэтнических конфликтов. В информационном содержании Интернета должны использоваться достижения общемировой культуры, которая способствует консолидации человечества, создавая возможности для взаимопонимания в процессе диалогов между цивилизациями.

Ряд специалистов в области этнической психологии полагают, что этнос является устойчиво сохраняющейся субкультурой, поскольку он играет роль информационного фильтра. Это приобретает особую роль в условиях современного общества, когда на человека оказывается огромное разнообразное информационное воздействие. Принад-

¹ Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.

² Гуревич А.Я. История и психология // Психологический журнал. – М., 1991. – Т. 12, № 4. – С. 3–16.

³ Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 398 с.

лежность к определенной этнической группе при формировании этнического самосознания является одним из факторов, который определяет психологическую устойчивость.

Этому способствуют такие свойства этноса как: 1. нормативная целостность; 2. устойчивость этнического статуса личности; 3. стабильность состава; 4. устойчивость во времени¹.

Важным этническим признаком является также родной язык, который, несмотря на возможные миграции и овладение другими языками, всегда остается в качестве родного языка. Отсюда такое большое значение приобретает в рамках национальных образований в многонациональных государствах борьба за возможность сохранить свой родной язык. Предоставление возможности в качестве дополнительного преподавания национального языка наряду с языками международного общения снимает интенсивность этнических протестных движений.

Другим важнейшим этническим признаком является религиозная принадлежность. Помимо основных мировых религий борьбу за сознание людей ведут многочисленные мелкие секты и религиозные направления, каждое из которых претендует на эксклюзивное обладание знанием высшей истины. С другой стороны развивается экуменизм – модель общемировой религии, которая способствует развитию диалогов между мировыми религиями. Преодоление тенденции использования религиозных представлений в качестве инструмента борьбы за власть возможно путем широкого распространения через Интернет информации по истории развития национальных и мировых религий, которая демонстрирует их преемственность и общие установки. Такими обобщающими религиозными установками являются закрепление нравственных норм, преодоление страха перед смертью, представление о высшем равенстве перед божественной властью и др.

Разрушение этнокультурной идентичности в условиях глобализации приводит к утрате стабилизирующих психику составляющих: чувства общности со значимыми другими, неразрывной связи с прошлым и преемственной связи с будущим, наличие нравственной цели в жизни. Кризис этнической идентичности может переживаться людьми двояко: в осознанном (явном) и в неосознанном (скрытом) виде. Риски утраты национальной идентичности может вести к возникновению психической дезадаптированности².

Этнофункциональный подход выявляет несколько этапов в развитии этнической составляющей ментальности. Этот процесс происходит в результате взаимодействия с этносредой. Она состоит из элементов внутренней и внешней среды человека. При этом к внутренней среде человека относится его психика и антропо-биологические характеристики, а к внешней – природно-климатические и социокультурные элементы его окружения.

На начальном этапе развития этнической составляющей ментальности происходит запечатление морфологического типа окружающих людей и природного ландшафта. На основе этого запечатления создается способность к идентификации и различению объектов как «свой» и «чужой».

В дошкольном возрасте, когда появляются первые элементы культурных влияний, большую роль играют образы родной природы и сказочно-мифологические представления, используемые в процессе воспитания. Полноценное наследование содержания начальных стадий развития личности в значительной степени связано с формированием базовых эмоционально-волевых и нравственных качеств. В процессе наследования образного содержания этой стадии в относительно однородной этносредовой атмосфере ребенок запасается эмоциональным и нравственным адаптационным потенциалом. Этот потенциал необходим ему для переработки все нарастающих потоков разнородной информации в современном обществе³.

Школьное образование наряду с общеобразовательными естественнонаучными предметами, которые формируют общую научно сформированную картину мира, должны применять воспитательные технологии, способствующие социальной адаптации личности⁴.

В младшем школьном возрасте: (7–10) лет ведущим является религиозное и нравственно-этическое образное содержание отношений. В этот период соответствующие психологические характеристики формируются во взаимоотношениях детей со своей семьей и с другими людьми, социальной средой. На данной стадии создаются механизмы гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений личности.

Если воспитание осуществляется в традиционной русской этносреде, то ведущее значение приобретает обучение основам православной культуры и христианской апологетики как неотъемлемой части русской культуры. Если семейное воспитание мигрантов осуществляется в нерусской этносреде, то наряду с ознакомлением с конфессиональной традицией этноса, параллельно следует знакомить детей и с основами православной русской культуры.

С учетом современного состояния дошкольного образования в младшем школьном возрасте также важно включать и природоведческое и сказочно-мифологическое содержание, народный календарь и практические фольклорные занятия. В этом возрасте, но не ранее, можно начинать постепенное ознакомление детей с научными основами познания мира и элементами других этносред, общемировой культурой.

В среднем и старшем школьном возрасте: (11–17 лет) научно-познавательная сторона развития отношений ребенка к миру ставится ведущей. В этот период формируются научные представления о законах, существующих в окружающей среде, а также первичные профессиональные навыки и умения. При благоприятном прохождении через предыдущие этапы развития основные эмоциональные и нравственные механизмы психической адаптации являются

¹ Суколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы: Ежегодник ИЭА РАН. Вып. 20. – М.: Наука, 1990. – С. 5–40.

² Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.

³ Тоффлер О. Футуршок. – М.: Прогресс, 1973. – 218 с.

⁴ Сухарев А.В., Калишенко В.Д., Лаврова В.А. Этнофункциональная концепция образования: опыт практического использования // Вестник славянских культур. 2009. – № 2. – С. 91–98.

уже сформированными. Поэтому в этот период дети могут без вреда для психического здоровья и с пользой для формирования интеллекта усваивать достижения мировых культур и научно-технического прогресса.

В настоящий исторический момент в России у молодых людей, начиная с 17 лет, что соответствует обучению в высшей школе, наблюдается большое количество случаев с отчетливо выраженной картиной этнофункциональной дезадаптированности личности. Поэтому в высшей школе любого профиля требуется проведение «корректирующих» курсов природно-исторического краеведения, регионально-специфической мифологии с практически-фольклорной направленностью, а также основ православной культуры. Важным элементом преподавания должна быть древнерусская литература и история. Очевидно, необходимо увеличить количество часов, отведенных изучению истории отечества, истории русской философии, искусства.

Чтобы решить сложный вопрос сохранения этнической стабильности в рамках единого многонационального государства, необходимо наряду с воспитанием патриотического чувства одновременно стремиться формировать толерантность в отношениях между нациями и расами. Эти установки должны быть включены в систему образовательного процесса, в котором происходит овладение общемировой культурой и достижениями современной науки. Согласно этнофункциональному подходу в процессе воспитания и обучения следует придерживаться определенных возрастных этапов, чтобы гармонично сочетать элементы национальной и общемировой культур, способствуя формированию толерантности.

Для обеспечения снижения риска возникновения межэтнических конфликтов необходимо, во-первых, формирование у детей с раннего возраста любви к родной природе и этноинтегрирующим сказочно-мифологическим представлениям. Во-вторых, в дальнейшем необходимо предупреждать возникновение межконфессиональных и, тем более, политических разногласий между детьми путем организации совместной деятельности в различных направлениях: образовательном процессе, спорте, культурных мероприятиях и др.

В отношении геополитического развития России, перспективным является укрепление культурных и экономических связей с русским населением областей, которые в настоящее время вышли из ее состава. Единая этническая среда способствует восстановлению добрососедского диалога между недавно сформированными государственными образованиями. Огромное значение Русской нации для мирового сообщества и общемировой культуры неоднократно подчеркивалось в исследованиях культурологов, политологов, психологов, философов, а вестернизация телевидения и других каналов массовой коммуникации препятствует продвижению в массовое сознание лучших достижений отечественной культуры¹.

Таким образом, одной из основ конструктивного диалога между цивилизациями является позиция, основанная на признании ценности отдельных национальных культур и их вклада в общемировую культуру. В условиях глобализации адаптивной стратегией современного воспитания и образования становится формирование толерантности и развитие разностороннего мировоззрения, наряду с этим должна сохраняться этническая идентичность личности. Важным моментом является также широкая популяризация информации, полученной в области этнопсихологических исследований, особенно в среде специалистов занятых образовательной деятельностью.

¹ Слоботчиков О.Н. Жириновский как философ. – М.: Институт мировых цивилизаций, 2018. – 120 с.

Чернякова Н.С.

д. филос. н., профессор, Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: этническая идентификация, межэтническая коммуникация, этнические идентификаторы, этничность, этногенез, территория, этносоциализация, этнокультурная компетентность.

Keywords: ethno-identification, ethno-communication, ethno-identifiers, ethnicity, ethno-genesis, territory, ethno-socialization, ethno-cultural competence.

Система коммуникаций современного общества строится на внеэтнических принципах. Это значит, что ни в одной сфере общественной жизни этническая принадлежность не является фактором, определяющим существование, функционирование и дальнейшее развитие соответствующих социальных институтов. Эффективность осуществления любого вида деятельности в современном обществе определяется уровнем профессионализма, ценностной ориентированностью и способностями личности, но не ее этнической принадлежностью. И даже если известно, что представители различных этносов имеют склонность к различным видам деятельности, прием на работу по этническому основанию рассматривается законодательством большинства стран мира как противоправное деяние.

В той мере, в какой биологическое родство отходит на второй план, не учитывается в социальных взаимодействиях людей, этническая общность растворяется в социальных общностях иного типа: классовых, профессиональных, религиозных и т.д. Более того, производственно-экономические, профессиональные, политические, семейно-бытовые, конфессиональные и многие иные общности современного постиндустриального общества формируются на межэтнической основе. А потому осознание своей принадлежности к тому социальному объединению, которое оказывает определяющее влияние на жизнедеятельность конкретной личности, является для нее более важным, чем осознание своей этнической принадлежности, которая может быть к тому же сложносоставной.

Однако дело не в том, как часто и в какой связи с другими идентичностями или социальными ролями индивид осознает свою этническую принадлежность, а в том, что *никакая иная самоидентификация не замещает собою этническую самоидентификацию*. Ни фундаментальное природное и социальное единство человеческого рода, ни сознательное стремление людей к единению на основе тех или иных взглядов и верований не могут уничтожить объективных различий между этносами, классами или отдельными индивидами. Тот бесспорный факт, что в условиях современного общества большинство общностей возникает на социальной, а не природно-генетической основе, не может быть поводом к исключению расовых, кровнородственных или этнических общностей из числа реально существующих. Нельзя не видеть, что стремление отдельных политиков и специалистов доказать несущественность этнической самоидентификации в современном обществе вызывает лишь обострение межэтнической напряженности и гипертрофию этнического самосознания.

Основная особенность этнической идентификации в повседневной коммуникации состоит в том, что эта идентификация происходит автоматически, на уровне подсознания. А это значит, что изменить сложившиеся в обыденной практике критерии этноидентификации с помощью идеологических внушений или политических манипуляций невозможно.

Принципиальное значение имеет тот факт, что соответствие результатов повседневной этнической идентификации действительной этнической принадлежности индивида детерминировано, в первую очередь, уровнем развития самой практики межэтнического общения и лишь во вторую очередь – уровнем этнокультурологических знаний участвующих в общении людей. Каковы бы ни были этнологические теории, большинство людей будут судить об этнической принадлежности своих соседей по тем критериям, которые традиционны для их социокультурного окружения. Более того, попытки изменить эти критерии с помощью пропаганды научных представлений, будут, как правило, обречены на провал, поскольку не учитывают главной функции здравого смысла – страховать человека от того, что непосредственно угрожает его существованию.

Многовековой опыт свидетельствует о том, что здравый смысл никогда не допускает фатальных ошибок, и что ошибки в процессе этнической идентификации, безусловно, не относятся к числу фатальных. Поэтому в повседневной практике люди либо принимают без дальнейших размышлений результат автоматической визуальной идентификации, либо – в условиях, достаточно строго определяемых существующими нормами, – уточняют этническую принадлежность того, с кем вступают в коммуникацию.

Дискуссии о том, является ли этничность врожденной или приобретенной, не имеют отношения к обыденному сознанию, поскольку в обыденном сознании то, что ученые обозначают термином «этничность», неразрывно связано с биологическими характеристиками человека и, прежде всего, – с его антропологическими чертами. На уровне обы-

денного сознания ни язык, ни территория, ни общественные отношения, ни самосознание вместе взятые не воспринимаются как этнические идентификаторы, если отсутствует сходство антропологических признаков.

Несходство внешних антропологических признаков, непосредственно воспринимаемое на обыденном уровне сознания как свидетельство об отсутствии биологического родства, является необходимым и достаточным этническим идентификатором, который всегда и везде отличает один этнос от другого в реальной практике межэтнического общения. Именно поэтому ни один представитель ни одного этноса Земли не назовет представителя иного этноса именем своего собственного этноса, если внешние антропологические признаки свидетельствуют о существенных различиях.

Ни один другой признак не является достаточным основанием этнической идентификации в межэтнической коммуникации. Язык, особенности материальной и духовной культуры этноса, будучи не врожденными и неизменными, а приобретенными и изменяемыми в процессе социализации, не свидетельствуют о принадлежности человека к тому или иному этносу, поскольку никакая степень аутентичности социокультурных характеристик не может уничтожить антропологические различия. Даже ошибки здравого смысла в определении этнической идентичности свидетельствуют о неизменности критериев оценки: ошибаются только тогда, когда антропологическое сходство или различие очевидно. И только антропологическое сходство внешнего облика при отсутствии непосредственно воспринимаемых различий создает объективную основу для ассимиляции индивида тем или иным этносом.

В значительной мере именно тот факт, что все социокультурные качества человека формируются исключительно под влиянием окружающей социокультурной среды, является для сторонников конструктивизма и инструментализма в этнологии основанием утверждать, что этничность может изменяться в зависимости от места жительства, политических предпочтений, экономических преимуществ и прочих социальных факторов.

Исследователи, использующие термин «этничность» для обозначения набора сходных социокультурных качеств, объединяющих индивидов в ту или иную группу¹, не учитывают того, что этничность является единственной из социальных характеристик, в основе которой лежит биологическое родство. Именно поэтому требуется введение дополнительного термина для обозначения тех качеств, которые отличают членов одной и той же социальной группы, скажем, врачей, друг от друга по внешним антропологическим признакам. Жителей одного региона можно назвать латиноамериканцами или сибиряками, но это не объяснит антропологических различий между выходцами из Европы и Африки или между русскими и якутами. Многие граждане бывших республик СССР говорят на эталонном русском языке, но никто и никогда не назовет их русскими на этом основании.

Сложности этнической идентификации существуют только и исключительно в сознании ученых. В повседневной жизни вряд ли можно встретить людей, которые не воспринимали бы визуальных различий, к примеру, между русскими и китайскими врачами и которые не понимали бы при этом, что эти различия не имеют отношения к профессиональной деятельности данных врачей.

Общественные отношения, связывающие людей в повседневной жизни, имеют для них определяющее значение. Однако соседи, коллеги, сослуживцы и т.д. не становятся носителями одной и той же «этничности» только потому, что их связывают общественные отношения. Что касается самосознания, то этот критерий имеет значение для самочувствия личности, но не играет решающей роли в процессе этнической идентификации, которая осуществляется не самой личностью, а теми, кто эту личность идентифицирует. Поэтому, кем бы ни осознавал себя человек, любая идентификация – профессиональная, религиозная или этническая – остается процессом общественным, а не индивидуальным. Именно поэтому далеко не каждый индивид, осознающий себя представителем той или иной социальной группы (врачей, певцов, христиан и т.д.), идентифицируется другими членами данной группы в качестве такового.

Во все предшествующие эпохи люди, встречаясь с представителями другого сообщества, сами говорили или охотно отвечали на вопросы о своей родовой или этнической принадлежности, удостоверяя тем самым свою личность. Однако в эпоху постмодерна вопросы об этнической принадлежности перешли в разряд неуместных или даже – провокационных. В результате повседневная практика межэтнического общения в современном обществе характеризуется двумя прямо противоположными чертами. С одной стороны, этническая идентификация осуществляется автоматически, в режиме опознания по внешним антропологическим признакам, что особенно очевидно при явно выраженном несходстве. С другой стороны, прямой вопрос об этнической принадлежности воспринимается как бестактный, поскольку не имеет отношения к содержанию тех отношений, в которые вступают жители современных мегаполисов.

Характерное для постмодернистской идеологии стремление представлять любые социальные явления как тексты создает иллюзию, что любые проблемы носят чисто лингвистический характер и решить их можно редактированием текстов, переформулированием некорректных вопросов или переименованием не вписывающихся в структуру текста феноменов. В результате, в общественное сознание внедряется вполне детская идея о том, что если не называть этническую принадлежность индивида, то ее никто и не заметит, а раз не заметит – то и этнических конфликтов не будет.

Повседневная практика межэтнического общения свидетельствует о том, что политики, идеологи, чиновники и граждане часто видят опасность возникновения этнических конфликтов там, где ее нет, и упорно не замечают или сознательно создают условия, способствующие возникновению этнических столкновений. Между тем, опасность возникновения этнических конфликтов таится не в самой по себе этнической идентификации, а в том, что обыденное сознание достаточно часто отождествляет этнические конфликты с другими социальными конфликтами. Именно поэтому, что этническая идентификация осуществляется автоматически, столь же автоматически происходит подстановка

¹ Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. – Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall Inc., 1967. – 303 p.

лиц, идентифицированных в качестве представителей иного этноса, на место причин, порождающих конфликтные ситуации в различных сферах общественной жизни.

Даже если исключить случаи сознательного и прямого идеологического влияния с целью создания ложного представления о причинах тех или иных конфликтов, то и тогда роль идеологии в создании иллюзий общественного сознания трудно переоценить.

Создается впечатление, что идеологи социального партнерства просто не осознают, что из двух зол – этнических или социальных конфликтов – они выбирают наибольшее. Очевидно, что у безработицы, низкой зарплаты, неподъемных кредитов и прочих экономических проблем должна быть причина. И если здравый смысл убеждает в том, что хозяева производства – это всего лишь добрые самаритяне, которые непрерывно пекутся о благе своих работников, то здравому смыслу не остается ничего другого, как найти тех, кто мешает осуществлению этих благих намерений. Выбор «тех, кто мешает», всегда падает на «чужих» просто потому, что они «чужие», и у них нет мотива для действий в интересах другого этноса.

Преодолеть заблуждения обыденного сознания можно только с помощью просвещения, повышения уровня образованности, но главное – в процессе совместной жизнедеятельности представителей различных этносов по единым для всех нормам и правилам. В конечном счете, даже идентификация в качестве представителя своего собственного этноса не спасет индивида от конфликтов с окружающими людьми, если этот индивид не соблюдает сложившиеся правила повседневного общежития. И соседи, и сослуживцы, и попутчики будут лояльны к человеку любой этнической принадлежности только в том случае, если этот человек принимает сложившиеся до его появления правила и готов изменять их исключительно по согласованию с окружающими его людьми.

Моноэтничность как цель государственного строительства изжила себя, если и была когда-то исторически оправдана тем, что сами этносы, формирующиеся на основании общности территории и хозяйственной деятельности, образуют исходный человеческий «материал» для классовой дифференциации, требующей государственно-правового регулирования.

Однако территория как фактор этногенеза не тождественна территории как атрибуту государства. Территория перестает быть фактором существования этноса в тот момент, когда заканчивается этногенез, поскольку этничность как качество сообщества людей, объединенных происхождением и антропологическим сходством, общностью языка, самосознания и самоназвания, не зависит от того, на какой территории эта общность проживает.

Стремление к самоопределению в качестве государства обусловлено не природой этничности, а социально-классовой дифференциацией этносов. До тех пор, пока этнос не имеет социально-классовой дифференциации, он может существовать и реально существует без государственно-правового регулирования.

В противоположность этногенезу, возникновение и существование государства невозможно без строго охраняемых границ вполне определенной территории, на которую распространяется его суверенная власть и законы, в которых эта власть себя выражает. Даже если сама публичная власть сформирована представителями одного этноса, люди рассматриваются государством только в качестве принадлежности территории, на которой они осуществляют деятельность по установленным государственной властью законам. В той мере, в какой государство стремится к расширению сферы действия своей власти, завоевывая все новые и новые территории, или привлекает на свою территорию граждан других государств, оно неизбежно становится все более полиэтничным.

Сохранение территориальной целостности любого полиэтнического государства требует формирования гражданской идентичности его подданных, осознающих свое историческое, экономическое, социально-политическое, территориальное единство в качестве граждан данного государства. Однако тот факт, что граждане одного государства обретают общие черты, не устраняет этнических различий между ними. Напротив, именно неустранимость этнических различий вынуждает государство проводить особую политику в сфере межэтнических отношений и разрабатывать законы, регулирующие существование его подданных не только в качестве граждан, но и в качестве представителей различных этносов.

Законодательно закрепленное равенство прав всех граждан государства, независимо от расовой, этнической, половозрастной или религиозной принадлежности, является необходимым условием межэтнической коммуникации любого уровня. Однако само по себе равенство перед законом не является достаточным условием межэтнической коммуникации, если господствующие в обществе нравы, т.е. реально действующие нормы повседневного общения, основаны на явном или формально скрываемом расизме, этнической, религиозной или национальной нетерпимости.

Повседневная коммуникация любого вида, в том числе и межэтническая, требует открытости и искренности в общении с людьми иной расы, этноса, пола или религии. Для того, чтобы представители различных этносов вступили в общение друг с другом, они должны быть уверены в том, что не только правовые нормы, но и господствующие нравы санкционируют подобное общение.

Подлинное уважение к другому человеку как таковому на уровне основных элементов культуры формируется в процессе этносоциализации, конечной целью всех форм и средств которой является превращение индивида в субъекта этнической культуры того или иного типа.

Базисные черты личности в качестве субъекта этнической культуры формируются на начальных стадиях этносоциализации, в процессе живого общения с реальными носителями этнической культуры. Эти черты запечатлевают те мировоззренческие представления, цели, смыслы, ценностные ориентации, которыми проникнуты предметный мир и система отношений окружающего индивида этнокультурного мира и которые проявляются в бессознательном, непроизвольном, автоматическом воспроизведении этнокультурных стереотипов. Однако бытие в качестве субъекта той или иной этнической культуры не тождественно этнокультурной компетентности как осознанному отношению к своему собственному и любому иному способу этнического освоения мира. Все люди усваивают родной язык на ранних

стадиях своего развития, но далеко не все могут сознательно применять правила грамматики и стилистики того языка, на котором говорят.

Этнокультурная компетентность создает возможность для осуществления межкультурной коммуникации потому, что в ее основе лежит общекультурная компетентность личности в качестве универсального субъекта социокультурной деятельности. Этнокультурно компетентная личность не только осознает цели, смыслы, конечные основания своей жизнедеятельности и сознательно поступает в соответствии с нормами и ценностными ориентациями той этнической культуры, с которой себя идентифицирует, но и знает, что существуют незыблемые нормы, выражающие самую суть культуры. На каком бы языке ни формулировались эти нормы, смысл их остается неизменным: субъект культуры никогда не руководствуется животными инстинктами, но всегда соотносит свое бытие с бытием других субъектов.

Эралиева А.А.

к.э.н., Академия государственного управления при Президенте Киргизской Республики, г. Бишкек
mtaista@yandex.ru

МИГРАЦИЯ И СВЯЗАННЫЙ С НЕЙ ПРОЦЕСС КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: миграция, ценности, культурные аспекты, взаимодействие, нематериальные активы, культурные особенности.

Keywords: migration, value, cultural aspects, interaction, intangible assets, cultural background.

Цель данного исследования – выявление неэкономических категорий, влияющих на миграцию и определение их причинно-следственных связей.

Выявление дополнительных факторов, влияющих на миграцию, основывается на проведенном Всемирном обзоре ценностей (World Values Survey Wave, раунд 7)¹, в котором рассматривается социальная и культурная жизнь в 97 странах мира. Опрос направлен на выявление у людей определенного набора ценностей и их отношение к миграции и мигрантам для выявления неэкономических категорий. Рассмотрим результаты данного исследования и сопоставим с имеющимися данными. В качестве примера взяты следующие страны: Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: Можем ли мы узнать Ваше мнение относительно людей, прибывших из других стран. Как бы Вы оценили их влияние на развитие Вашей страны? (World Values Survey Wave, N 121)

Варианты ответов	Кыргызстан Итого %	Казахстан Итого %	Россия Итого %	Таджикистан Итого %
Скорее всего плохо	9.8	3.6	6.5	5.7
Совсем плохо	17.0	10.7	19.0	12.9
Ни хорошо и не плохо	44.9	55.3	54.4	49.6
Довольно хорошо	13.1	17.7	12.6	21.7
Очень хорошо	10.1	4.9	1.6	10.2
Не знаю	3.9	6.5	5.9	–
Нет ответа	1.2	1.3	0.1	–

Из предложенных вариантов ответов, с наибольшим показателем респонденты дали ответ: «Ни хорошо и не плохо», и наибольший процент набрали страны Казахстан – 55,3%, Россия – 54,4%. Относительно Казахстана необходимо отметить, что с 2000 года страна стала одним из тех государств, которые более всего заинтересованы в трудовых мигрантах, в основном из Центральной Азии. Многие отрасли поднялись за счет мигрантов и привнесли существенный вклад в ВВП страны: строительство нефтепроводов, нефте- и газоперерабатывающих заводов, объекты инфраструктуры и коммуникации, сельское хозяйство. Многие рабочие приезжают вахтовым методом на работу. Так, к примеру, в одном исследовании отмечается, что рабочая сила оказала значительное влияние на развитие отдельных отраслей экономики Казахстана, к примеру, на строительную отрасль².

В России же мигранты задействованы более всего в сферах строительства, ремонтных работ, в сфере услуг, промышленности, торговли и бытового обслуживания. В 2010 году в среднем один мигрант производил ВВП на сумму 568, 4 тыс. руб. Вклад трудовой миграции в ВВП РФ достиг пика в 2018 г. перед экономическим кризисом, составив 3,4%; в 2011 г. – 2,53%; в 2013 г. – 3,12%, то есть наблюдалось увеличение³.

Имеющиеся данные показывают, что трудовые мигранты оказывают существенное влияние на экономику стран и тем самым способствуют их развитию. Полученные ответы на поставленный Всемирным обзором вопрос вероятнее всего связаны с тем, что информации об иммигрантах у населения в действительности мало. В основном известны статистические данные – количество убывающих и прибывающих в страну.

Мигранты стимулируют деловую активность, создавая больше рабочих мест. Дешевая рабочая сила внутри страны сохраняет производство от перемещения капитала в оффшорные зоны. По мнению ряда исследователей, при

¹ <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> World Values Survey Wave

² Садовская Е. Законная трудовая миграция в Казахстане // Демоскоп Weekly. – М., 2014. – № 583–584.

³ Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. – М., 2016. – № 2 (22). – С. 22.

перемещении производства за границу увольнение затрагивает не только низкоквалифицированных специалистов, но и высококвалифицированных. В то время как прием на работу мигрантов сохраняет рабочие места.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: С вашей точки зрения, повлияли ли иммигранты на развитие вашей страны, на создание рабочих мест? (World Values Survey Wave, N 122)

Варианты ответов	Кыргызстан Итого %	Казахстан Итого %	Россия Итого %	Таджикистан Итого %
Не согласен	–	38,2	35,8	22,0
Трудно сказать	53,5	6,6	6,0	20,8
Согласен	42,2	53,7	58,2	57,2
Не знаю	4,4	1,6	–	–

В ответе на данный вопрос утвердительным ответом и наибольшим количеством ответов отмечены страны Казахстан (53,7%), Россия (58,2%). Следует отметить, что уровень занятости населения довольно высокий в этих странах по сравнению с Кыргызстаном, Таджикистаном.

Денежные переводы мигрантов играют существенную роль в развитии экономики стран. Потоки денежных переводов в страны с низким и средним уровнем доходов выросли на 9,6% в 2018 году (по сравнению с ростом на 8,8% в 2017 году) и достигли рекордных 529 млрд. долл. Рост денежных переводов был вызван более быстрым ростом в США и восстановлением оттока денежных переводов из некоторых стран Персидского залива¹. В 2018 году в текущем долларовом выражении в пятерку основных стран-получателей денежных переводов входили Индия, Китай, Мексика, Филиппины и Египет. По доле ВВП в 2018 г. пятью основными получателями были страны с меньшей экономикой: Тонга, Киргизская Республика, Таджикистан, Гаити и Непал. В региональном разрезе в Европе и Центральной Азии объем входящих денежных переводов вырос на 11,2% в 2018 г. в связи с восстановлением российской экономики. Исходящие денежные переводы из основных стран-отправителей в 2017 г.: США, ОАЭ, Саудовская Аравия, Швейцария, Германия, Россия, Китай, Кувейт, Франция, Катар².

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: С вашей точки зрения, повлияла ли иммиграция на развитие вашей страны? На расширение культурного разнообразия (World Values Survey Wave, N 123)

Варианты ответов	Кыргызстан Итого %	Казахстан Итого %	Россия Итого %	Таджикистан Итого %
Не согласен	–	40,0	53,0	23,5
Трудно сказать	69,1	8,8	6,6	35,9
Согласен	26,2	49,7	40,4	40,6
Не знаю	4,6	1,6	–	–

По статистическим данным в Киргизской Республике в 2018 г. отток мигрантов превалировал над их притоком, поэтому в ответах респондентов видим меньший процент ответивших утвердительно. Между тем, Казахстан, Россия, Таджикистан согласились с мнением о влиянии мигрантов на развитие их стран и на расширение культурного разнообразия.

На миграцию воздействуют различные составляющие, в том числе и культурные аспекты. Такие аспекты, как национализм/патриотизм связаны с протекционистскими взглядами. Культурные ценности – это нематериальные активы. Миграция всегда вносила важный вклад в социальное взаимодействие и культурную эволюцию. Иммигранты ассимилируются с местными принимающими культурами, в то же время привнося свою родную культуру, мигранты могут влиять на предпочтения, нормы и ценности принимающего населения. В ряде исследований показано, что миграция и связанные с ней культурные изменения оказывают положительное воздействие на развитие инновационных технологий.

¹ Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook / World Bank Group. 2019. – P. 1. – <https://www.worldbank.org>

² Там же, с. 3–4.

Яковенко А.В.

д.соц.н., профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий, Луганский государственный университет
6daoav@rambler.ru

СЛОЖНОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: идентичность, технологический прогресс, противоречия, религия, идеология, этика.

Keywords: identity, technological progress, contradictions, religion, ideology, ethics.

Проблематика идентичности относится к разряду научно-прикладных тем, которые, даже набивши интеллектуальную оскомину, продолжают сохранять свою актуальность. Мало того, полемика относительно настоящего и будущего «идентичности» существеннейшим образом «набирает обороты», выходя, говоря инженерным языком, на «пиковые режимы». Конечно, явной причиной этого является продолжающийся сдвиг тектонических геополитических плит, нарушающий относительный покой, известный старшим поколениям в годы холодной войны. Но также общим местом можно считать и тот факт, что материальным основанием обострения вопросов, связанных с идентичностью, считается технологический прогресс, меняющий не только «матрицу» некогда привычного индустриального мира, но и вынуждающий людей изменять свое отношение к самим себе, государствам, в которых они проживают и общечеловеческой цивилизации.

С учетом обширности, а скорее даже необъятности темы о сложностях идентичности в период очередного колоссального глобального технологического рывка, остановимся лишь на ряде ее аспектов.

Собственно говоря, ничего нового не происходит. История накопила бесконечное множество примеров, когда локальность народов, их моноидентичность «взрывалась» вторжением иных миров, пространственное продвижение которых не в последнюю очередь обуславливалось технологическими достижениями. Но сегодня с новой силой разворачивается полемика о конкретно осязаемой субъектности «техноидентичности», ее последствиях, в том числе и для тех, кто считает себя «контролерами» и «проводниками» данного процесса. Уместно вновь напомнить, тем более с учетом недавних президентских выборов, финальный фрагмент из популярной работы С. Хантингтона «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности», всецело посвященной противоречиям и даже путанице в координатах идентичностей граждан США. Весь многостраничный труд резюмировался не столько внятыми выводами, сколько веером вопросов, в которых сквозила неприкрытая растерянность и неопределенность: «Космополитическая? Имперская? Националистическая? Американцам предстоит сделать выбор, который определит и судьбу нации, и судьбу всего мира»¹. Большинство данных вопросов вполне могут быть адресованы любой из стран, претендующих на статус мировых. Да и для менее влиятельных государств набор представленных американским исследователем слабо сопрягающихся выборов также является весьма актуальным.

Огромное число публикаций и обсуждений посвящено теме наступления технологической эры на религиозный традиционализм, национальный суверенитет и привычные идеологии капиталистической эпохи. Вполне очевидно, что противоречие между прежними формами идентичности и их модификациями, инициируемыми инновационной технологической средой, будет ключевым, приобретая все большую остроту. Современный мир теперь постоянно живет в периоде, говоря бердяевским языком, «раздвоения, расщепления...»².

В несколько огрубленном толковании можно говорить о том, что в свое время «индустриальная эпоха» породила наднациональные идеологические системы идентичности. Конечно либерализм, равно как и коммунизм с социализмом, прошли значительную эволюционную трассу в своем развитии, но, тем не менее, они не утратили претензий на вненациональный статус, на отрыв от жесткого государственного позиционирования. Эпоха многочисленных «интернационалов», задающих соответствующие идентичности, не завершилась, а практики солидаризации не ушли в прошлое, значительным образом трансформировавшись под цифровой век. Хотя еще намного ранее те же мировые религии (каждая в свое время) создавали прецеденты идентичности по идейно-глобальным принципам. Капиталистический мир, как известно, лишь переложил эту традицию на более прагматичную и преимущественно светско-научную основу. Теперь же, по сути, в растерянности все. Поскольку и мировые религии, и сверхидеологии позволяли делить общепланетарное пространство на сферы влияния в силу сохранявшихся для их экспансии географического и демографического ресурсов. Сегодня для большинства специалистов очевидно, что в мире, где начинают доминировать фантастические по своему потенциалу технологии, каждая из огромных религиозных конфессий и идейных доктрин

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – С. 572.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М.: Канон+, 2017. – С. 10.

трин выглядят локально. При этом, конечно же, они пытаются освоить возможности, рождаемые технологическим развитием.

Еще раз о некоторых новых критериях идентичностей

Именно цифровая технологическая эпоха продолжает способствовать обострению конфликтов между различными идентичностями. Спортивные состязания, компьютерные игры, телесериалы, художественные и мультипликационные фильмы, ютуб- и телеграмм-каналы, социальные сети и иные значимые привязки людей, погруженных во многочисленные и постоянно множащиеся соты удовольствий, создают причудливую и весьма запутанную внутреннюю конфигурацию предпочтений, многие из которых вполне способны претендовать на принципиальную идентичность, не уступающую по своей значимости национальности, расе, религии, идеологии.

В рассматриваемом ключе важно вновь отметить далеко идущие последствия влияния разворачивающихся технологических возможностей по увеличению «прозрачности» социальных процессов, тотальной псевдоинформированности и т.п. С одной стороны, понятное дело, возрастают предпосылки к созданию и распространению самых причудливых мифологем о прошлом, настоящем и будущем, призванных корректировать или же напрочь изменять привычные идентичности, но, обратной стороной выступает и демифологизация, десакрализация еще вчера казавшегося неизблемым и священным. Давно констатируется, что мы присутствуем в вихре процессов полнейшей нивелировки сакрального даже там, где оно действительно было выстрадано и заслуженно превозносилось, а, следовательно, вполне могло бы выступать достойным примером для подлинной идентичности людей с поистине высоким нравственным потенциалом.

Также бурное развитие технологий гиперболизирует значимость фактора межпоколенческой идентичности. Уже детально исследованный феномен «Тик-тока» – это на данный момент во многом отчетливое проявление «внеациональной» поколенческой идентичности. Кроме того, к жесткой альтернативе «молодые – все иные» добавляются сложные срезы и характеристики по принадлежности, например, к модным социальным сетям «внутри» самой молодой страты. Так тот же новый поколенческий срез – условно «тиктоковый» – в целом ряде государств постсоветского пространства начинает вытеснять многих приверженцев социальной сети «в контакте» в категорию «не молодых». Т.е. в нишу, где до недавнего времени пребывали пользователи сети «одноклассники». Тем самым, усложнив и без того неоднозначную идентичность в хитросплетении социальных сетей, соревнуясь по ряду позиций с «инстаграмщиками» и фанатами «фейсбука».

Следует в который раз напомнить, что у молодежи нет физической стадии проживания прошлого. Поэтому и создается гигантское поле спекуляций именно на почве идентичности. Новейшие технологические достижения способны, как неоднократно фиксировалось, создавать абсолютно искусственные миры, закладывая тем самым основания для совершенно фантазмагорических идентичностей. Равно как постоянно и динамично развивающаяся технологическая среда подспудно, но весьма активно, формирует некий абстрактный пласт идентичностей по принципу «внеидентичности».

«Девиянтная идентичность»

При рассмотрении влияния современных технологических инноваций на идентичности важно обратиться и к близкому для автора опыту непризнанных государств. Ведь любопытно наблюдать, как в век высоких технологий для определенных территориальных образований, на которых проживают миллионы людей, накладываются отчетливые клише «девиантной идентичности». Информационно-технологическая ограниченность прошлых эпох оставляла за народами прерогативу ощущать себя в комфорте «правильной идентичности». Ведь монополия государственных СМИ, как ранее и религиозных институций, позволяла не знать достаточно подробно о том, как твой народ, страну, религию, идеологию называют «оппоненты». Сегодня зачастую имеет место обратная ситуация. В связи с расширяющимся влиянием того, что принято называть мировыми СМИ, вкупе со всемирной паутиной перенимаются внешние штампы идентичности, мягко говоря, некомплементарного содержания.

По отношению к непризнанным государствам и, в частности к Донбассу, это означает, что из какого-то нафталинового бытия военных и послевоенных лет прошлого столетия реанимируются термины (например, «коллаборанты»), которые навязываются огромному количеству людей в качестве доминанты. Информационные технологии способствуют формированию представлений о мирных гражданах как о едва ли не пособниках террористов, которые должны воспринимать себя вне правовых полей, чувствовать социально ущербными и принимать парадигму «клеймения». Технические и технологические достижения позволяют унифицировать данное «клеймение», поставить его на поток.

В более глобальном контексте о сложностях и запутанностях лабиринтов идентичности в Донбассе может свидетельствовать следующий факт. Ряд специалистов определяет действия «бунтующих республик» как «интернационалистский сепаратизм»¹. Противоречивость и одновременно содержательность данного термина лежат на поверхности. Неплохо замечено, что такие анклавные до сих пор сохраняют во многом принципы, заложенные в советскую эпоху. Хотя длительное время основным трендом идентичности является национальная платформа, а не принципы совет-

¹ Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 127–143.

ского интернационализма. В такой ситуации «интернационалисты» действительно оказываются «сепаратистами», пытающимися «отделиться» от преимущественно национальных самоопределений. Кстати в данном случае развитость «технологического мира», пусть и локально, но позволяет создавать мыслимое пространство самоактуальности. Мало того, наделяя «интернационал-сепаратистов» большими основаниями для правоты собственных позиций именно с учетом реалий, формирующихся под воздействием транснациональных технологий.

Этическая идентичность и технологическая среда

Сложности идентичности в эпоху сверхтехнологий в очередной раз обостряют проблемы, связанные с такой, казалось бы, эфемерной почвой для идентичности как личная порядочность. И хотя в реальной жизни данный подход зачастую оказывается наиболее адекватным в определении индивидуальных судеб, а также судеб государств, а теперь и всего человечества, однако слабо «легализуется» в плоскости главных принципов оценки идентичностей.

С одной стороны, каждый новый импульс технологического развития визуализирует и актуализирует обостренность проблемы идентичности по высшим нравственным критериям. Неоднократно отмечалось, что ОМП, развитие атомной энергетики и иных техностежжений, способных уничтожить человечество, заставляет смотреть на процессы с общеглобальных позиций, соотносить локальные интересы, потребности и даже эмоции с общепланетарной целесообразностью. Когда «Я» – это, прежде всего, человек слова, отвечающий за свои действия, а затем уже представитель конкретной социальной группы, конфессии, национальности, расы. И здесь можно в который раз сослаться на авторитет личности, выдержавшей нравственно ужасы и унижения фашистского концлагеря и пришедшей к важному, но многим кажущемуся банальным выводу: «... все зависит от человека. В памяти о концлагере сохранился человек... Что же такое человек? Это существо, постоянно принимающее решения, что оно такое. Это существо, которое изобрело газовые камеры, но это и существо, которое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой...»¹. Данное резюме из работы В. Франкла «Психолог в концентрационном лагере» не утратило своей значимости.

С другой стороны, «единое человецье общежитие», согласно формуле-мечте В. Маяковского, не складывается. Та же идентичность по принципу «человек мира» оказалась подверженной серьезнейшей коррозии и чаще всего рассыпается, рассредоточивается по зонам геополитических симпатий. А главное, – автоматически не предполагает жесткое следование приверженцами данной идентичности нормам моральной чистоплотности, равно как и уважительно-предупредительного отношения к сторонникам идентичности по национально-государственным, религиозным и иным традиционным основаниям.

В сложившихся условиях идентичность по кажущемуся каким-то надуманным и возможно покидающим пространство реальности критерию «человеческая порядочность/непорядочность» вряд ли выдержит натиск массовой критики, оставаясь затененной и недостойной существенного внимания.

Прежние культуры, включая и доминирующую сегодня западную, продолжают исповедовать преимущественно полярный принцип подхода. Имеется ввиду многократно проанализированный дуализм «свой»-«чужой». В максимально упрощенном виде подающийся как «плохие»-«хорошие» парни (теперь с учетом гендерной акцентуации, видимо, уже и девушки). И это несмотря на то, что в том же технологическом отношении мир усложняется и модернизируется. Огромное число людей не поддерживает или же с трудом принимает такой исторически привычный подход к идентичности.

Данная тема перепажана вдоль и поперек. Но в настоящее время не имеет ярко выраженного гуманистически направленного ориентира и тем более выходов. Прикладное применение «матрицы идентичности» зачастую определяется конъюнктурой геостратегического момента. Когда в угоду корыстным интересам педалируется какой-то один или несколько исторических «мозолей», чтобы порождать амбиции, апломбы, формировать комплексы, дестабилизирующие сложные социальные системы, доводя их до примитивизма и тем самым зачастую до разрушения. Однофункциональность, помноженная на агрессивность, в том числе и из-за осознания авторами и исполнителями «проектов» слабого сопряжения новых технореалий с политтехнологизмом внедряемых примитивных идентичностей, подготавливает весьма неблагоприятную почву для общественных катаклизмов в масштабах поистине вселенских.

К выводам: Вопросы, связанные с идентичностью личности и целых народов, продолжают будоражить научные и уж тем более политические круги. Особое звучание и актуальность они приобретают в связи с очередными волнами тотальной технологизации, накатывающимися на глобальный социум. Огромное число добротных и подробных публикаций посвящено разрыву и углубляющемуся разлому между технологической составляющей жизнедеятельности и привычными формами идентичности. Современная полемика вращается вокруг ключевой темы: какие реалии на пороге самоидентичности формируются в связи с всеобщим погружением в сетевую технологическую среду.

Мы вынуждены лишь в очередной раз зафиксировать, обозначить, да просто «прокричать» о несоответствии технологически сложной цивилизации искусственному огрублению идентичностей значительного числа жителей планеты. Вместо того, чтобы конструктивно, малоконфликтно и политически неконъюнктурно развивать мировоззрение, базирующееся на комплексной идентичности, человечество продолжает пребывать в парадигме жестких однозначных фиксаций. Со всеми вытекающими отсюда общемировыми трайбалистскими последствиями, погружаясь исключительно в режим выживания.

Идеологические системы государств всегда базировались на идеальных концептах как в религиозной, так и в светской их интерпретациях, демонстрируя своим сторонникам маяки с опорой на героизацию прошлого. Мир новых

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 155.

технологий, как отмечают многие аналитики, выбил (выбивает) основание для веры в непререкаемый авторитет прошлого и реализацию достойных целеполаганий будущего.

Общество, в котором комфортно могут чувствовать себя все – и «традиционалисты», и «мультикультуралисты», где ключевым критерием идентичности по самой высшей планке способно выступать нравственное поведение, вбирающее в себя лучшее из всех великих идейных платформ, не формируется. Цивилизация, исповедующая узость идентичностей, рискует никогда не функционировать иначе, нежели постоянно ставя под вопрос собственное существование.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Авдеева Т.В.

к.э.н., доцент, РАНХиГС

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: цифровое неравенство, асимметрия информации, информатизация, цифровая экономика, Интернет, компьютерные сети, информационное общество, знания, феномен социальных дистанций, скрытые свойства, скрытые действия, динамика технологий, цифровой разрыв, информационная сфера.

Keywords: digital inequality, information asymmetry, informatization, digital economy, Internet, computer networks, information society, knowledge, the phenomenon of social distances, hidden properties, hidden actions, technology dynamics, digital divide, information sphere.

Цифровое неравенство определяется как расслоение общества и государств по возможности получать и использовать информацию, передаваемую с помощью новых информационно-коммуникационных технологий. Цифровое неравенство – историческая категория, поскольку в нем отразилось предыдущее развитие стран и обществ. В то же время оно является отражением противоречий процесса глобализации.

Цифровая экономика возникла в 1980-е годы вместе с персональными компьютерами, прошла этапы эволюции, связанные с усилением воздействия информации и знаний на экономический рост. И сейчас наступил новый этап, который характеризуется взрывной динамикой технологий и превращением данных в один из определяющих факторов производства.

Информационное общество, или общество знаний, – не просто красивый образ светлого будущего, не имеющий отношения к реальности. Это следующая ступень развития человечества, когда главной ценностью, определяющей благосостояние как отдельных людей, так и целых государств, становятся не материальные блага, а своевременная и легкодоступная информация. Точнее, знания, полученные с ее помощью. Элементы нового общества уже реально существуют сегодня, и базируются они на компьютерных и телекоммуникационных технологиях.

Еще четыреста лет назад английский философ Фрэнсис Бекон заметил: «Кто владеет информацией – владеет миром»¹. История свидетельствует, что во все времена независимо от устройства общества власть основывалась не только на грубой физической силе, но и на знаниях, доступных лишь посвященным. Так было и в Древнем Египте, где власть опиралась на религиозно-астрономические и аграрные познания, и в тоталитарных обществах XX века, где объективная информация дозированно распределялась между чиновниками различного уровня. Сегодня, когда объем знаний на планете удваивается каждые пять лет, слова Фрэнсиса Бекона актуальны как никогда. Информации уже накоплено столько, что ни один человек не способен удержать ее в голове. В нынешних условиях «обладать знанием» – значит уметь быстро ориентироваться в потоке новой информации, легко отыскивая в хранилище знаний необходимые сведения. При этом важно, чтобы затраты на поиск нужной информации не превышали экономическую выгоду от ее использования. Справиться с этой задачей под силу лишь компьютерам – своеобразным «усилителям» человеческого разума и памяти. Компьютерные сети, и в частности Интернет, становятся главным средством хранения и передачи данных. Доступ к компьютерным технологиям и телекоммуникациям, а также правильное их использование – вот ключ к успеху в информационном обществе. Те, кто вовремя осознают это и овладеют новыми технологиями, окажутся в преимущественном положении перед другими представителями рода человеческого, так как получат большие возможности для своего профессионального роста и повышения благосостояния. Прочие же рискуют остаться на обочине – им придется либо пополнить армию безработных, либо всю жизнь заниматься тяжелым физическим трудом. Несмотря на то, что многие страны в проведении внутренней политики после второй мировой войны были уверены в жизненной необходимости преодоления социальных дистанций между людьми для создания устойчивого, бесконфликтного общества, противоречия не только не исчезли, а напротив, стали еще больше отделять одного человека от другого.

На расслоении общества сказывается множество факторов – история страны и ее взаимоотношения с окружающими государствами, состояние экономики и особенности политической системы, природно-климатические условия и ментальность населения.

¹ Gelbstein E., Kamal A. Information Insecurity. A survival guide to the Uncharted Territories of Cyber-Threats and Cybersecurity / UN ICT Task Force, United Nations Institute of Training and Research. – New York, 2002. – P. 124.

Цифровое неравенство можно сравнить с асимметричностью информации, изучаемой в микроэкономике. Асимметричность информации в микроэкономике – это неравномерное распределение информации между сторонами контракта. В ситуации асимметричного распределения информации одна из сторон знает больше, чем другая, о предмете контракта (может рассматриваться любое экономическое действие или процесс), условиях его заключения или поведении в процессе его исполнения.

Выделяют два основных вида информационной асимметрии: скрытые (ненаблюдаемые) свойства и скрытые (ненаблюдаемые) действия.

Скрытые свойства – вид информационной асимметрии, при котором одна из сторон не владеет полной информацией о предмете контракта. Этот вид асимметрии возникает еще до заключения контракта и влияет на его условия.

Например, классическая статья Джорджа Акерлофа «Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм»¹ анализирует рынок подержанных машин (на американском сленге – лимонов). Если машина плохая, то покупатель ценит ее слабее (полезность от его покупки меньше) и готов заплатить за нее меньше. Проблема в том, что он не знает, является ли конкретная машина качественной или имеет скрытые дефекты. Поэтому покупателю приходится учитывать вероятность встретить «лимон». Если такая вероятность больше нуля, то будет он готов заплатить не более, чем ожидаемую полезность, которая рассчитывается как средневзвешенная полезность от покупки хорошей и плохой машины. Если доля плохих машин слишком велика, то ожидаемая полезность может оказаться меньше, чем цена, которую хочет получить продавец хорошей машины. В этом случае на рынке остаются только плохие машины. Происходит отрицательный отбор, при котором рынок хороших машин полностью исчезает.

Аналогичные ситуации возникают при устройстве на работу или обращении в банк за кредитом. В первом случае скрытыми свойствами являются профессиональные качества работника, а во втором – финансовое положение заемщика.

Скрытые действия (моральный риск) – вид информационной асимметрии, при котором одна из сторон не владеет полной информацией о действиях другой стороны по исполнению обязательств, зафиксированных в контракте. Этот вид асимметрии возникает после заключения контракта, однако возможность таких действий может учитываться сторонами еще на стадии заключения.

Примером скрытых действий являются недобросовестные действия страхователя. После заключения договора страхования он может начать относиться к имуществу не так бережно, как раньше, и это приводит к увеличению вероятности страхового случая. В результате страховая компания, чтобы покрыть убытки, вынуждена увеличивать страховые тарифы. Тогда добросовестные страхователи могут отказаться от заключения договора, так как вероятность страхового случая оказывается значительно меньше тарифа. В результате происходит самоотбор, когда на рынке остаются лишь недобросовестные страхователи, а тарифы оказываются очень высокими.

Впервые на наличие информационной асимметрии обратил внимание Кеннет Эрроу в статье 1963 года «Неопределенность и экономика благосостояния в здравоохранении»².

На протяжении веков наблюдается связь между прогрессом в области науки и техники, которым обусловлено нынешнее состояние информационной сферы, и социальными отношениями.

«История последних веков наглядно показывает, что каждая научно-техническая революция в краткосрочной перспективе увеличивает расслоение общества, однако ее последствия уменьшают расслоение общества в более долгосрочной перспективе»³, – с этим выводом нельзя не согласиться. Асимметрия информации – широко распространенный и неотъемлемый признак экономической жизни, оказывающий существенное влияние на поведение экономических субъектов и функционирование рынков.

Информационная асимметрия имеет место тогда, когда нарушается одна из основных предпосылок маржиналистской экономической теории о полноте и симметрии распределения информации между рыночными агентами. Прежде при изучении проблемы экономического выбора мы считали доступ к необходимой для принятия рационального решения информации свободным (бесплатным) и равным для всех экономических субъектов. Речь шла о том, что потребители полностью осведомлены о своих вкусах; продавцам и покупателям ресурсов, товаров и услуг хорошо известны все их качественные характеристики, домашние хозяйства и фирмы имеют полную информацию о равновесных ценах на все экономические блага. Именно благодаря обладанию этой информацией становится возможным рациональный выбор каждого экономического субъекта, т.е. максимизация индивидуальной целевой функции (функции полезности или функции прибыли), который в условиях совершенной конкуренции ведет к максимизации общественного благосостояния и Парето-эффективному общему равновесию.

Асимметрия информации – это такая ситуация, когда некоторые экономические субъекты обладают большей долей рыночной информации, чем остальные. Она создает возможность для злоупотребления одними участниками рыночных отношений неинформированностью других. Затрудняя рациональное поведение экономических агентов и порождая дополнительные трансакционные издержки (издержки поиска информации), асимметрия информации приводит к снижению общественного благосостояния и неэффективному функционированию рынков, а также зачастую становится причиной ограничения конкуренции и появления монопольной власти.

¹ Chomsky N. On Language. – New York: The New York Press, 1998. – P. 451.

² Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.). – М.: Издательский дом «Новый век», 2001. – С. 122–130.

³ Информационный барьер как следствие научно-технической революции, способы преодоления / О.К. Дергунова // Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ: Материалы международного семинара. – М., 2000. – С. 25–29.

Случаи информационной асимметрии довольно часто встречаются в экономической жизни – продавец продукта знает о его качестве больше, чем покупатель; получающий медицинскую страховку лучше осведомлен о состоянии своего здоровья, чем сотрудник страховой компании; работник имеет более полное представление о своих навыках и способностях, чем принимающий его на службу предприниматель.

Причины возникновения этих и других подобных ситуаций вытекают из экономических свойств информации как важного ресурса и продукта производства.

Во-первых, производство информации, как правило, связано с высокими издержками, а воспроизводство (копирование) – с низкими.

Во-вторых, информация практически не подвержена физическому износу, но велика вероятность ее морального устаревания.

В-третьих, информация неотчуждаема от ее владельца в акте купли-продажи.

В-четвертых, информация физически не исчезает в акте потребления, но для получения полезного эффекта необходимо умение воспользоваться ею.

Исходя из перечисленных свойств информации, выделим основные причины, вызывающие ее асимметрию.

Первая причина связана с тем, что получение информации, как и любого другого редкого блага, сопряжено с альтернативными издержками.

Вторая причина обусловлена моральной недолговечностью информации: даже если сегодня экономический субъект обладает полной информацией о рыночной конъюнктуре, то завтра эта информация может оказаться совершенно устаревшей в силу изменения самой рыночной конъюнктуры.

Третья причина кроется в том, что любой экономический субъект для того, чтобы адекватно использовать необходимую информацию, должен уметь выбрать ее из всего доступного объема и осмыслить и переработать.

Эта причина асимметрии информации становится в современном постиндустриальном обществе все более распространенной, поскольку информация (в широком смысле – знания) способна обеспечить экономическому субъекту рост его благосостояния, только если он обладает способностями, необходимыми для того, чтобы воспользоваться ею.

Такова была и история, например, средств массовой информации. Если первоначально печатные произведения, периодика были доступны немногим, то с распространением грамотности, удешевлением процесса производства книг, газет и журналов, повышением общего уровня жизни людей они стали не просто массовыми изданиями, а неотъемлемым элементом экономики, политики, культуры, традиций многих народов. По прошествии времени, когда это достижение человеческой мысли получило широкое распространение, оно позволило нивелировать различия между людьми, обеспечило масштабное продвижение вперед целых наций¹.

Это определило наступление эры развития информационных технологий, где проявили себя иные социальные дифференции. Материальное положение людей, их культурный и духовный мир теперь «измеряются» по новой «шкале»: возможностям и способам использования самых разных сведений, доступу к технологиям, обеспечивающим такое использование.

Однако феномен социальных дистанций в информационной сфере стал предметом рассмотрения ученых только недавно. Такие исследователи, как Норберт Винер, Герберт Маршалл Маклюэн, Уилбур Шрамм, Герберт Шиллер и другие, внимание уделяли макро- и микропроцессам в переживавшем преобразования человеческом сообществе: изменениям структуры социума, его культурной и производственной динамике или, напротив, психологическим трансформациям личности в связи с интенсификацией обменов сведениями.

Российские ученые, оценивая подходы зарубежных коллег к этим проблемам, указывали на закономерную в таких случаях «технократичность» и «психометричность», на то, что усилия теоретиков были направлены на объяснение реалий информационного общества, его общих характеристик, на выявление основных факторы воздействия на человека².

Однако вследствие такого рассмотрения проблем информационное общество представало как отличное от традиционного общества. Эти «параллельные» миры – общество и информационное общество – в концепциях ученых были как бы каждый сам по себе, информационное общество стояло в стороне от социальных взаимодействий.

Этот взгляд на вещи изменился с новым масштабным развитием и внедрением компьютеров в практику работы многих фирм и отдельных людей в 90-е годы XX века, что заставило оценивать возникновение и становление информационного общества как вариант социальной модернизации. Такое рассмотрение проблем связано было, конечно, в первую очередь с тем, что информационные технологии проникли в экономику, стали ее движущей силой, изменили соотношение традиционных отраслей производства. Информация превращается в товар, который имеет свой рынок и определяет цену товаров на других рынках.

В условиях интенсификации информационных обменов на внутреннем состоянии отдельных стран сказались и их стартовые возможности в экономике и политике в момент наступления новой, информационной эры, состояние интеллектуального потенциала общества, науки и образования. Большое значение, как выяснилось, имеет характер национальных традиций, в том числе и в такой сфере, как средства массовой информации, в частности то, является ли тот или иной народ вербальным, для которого традиции устной речи доминирующие, или его культура основана на письменности. Крайне важны и географические особенности страны, компактность или дисперсность проживания ее населения.

¹ Hauser M. The Evolution of Communication. 1997. – P. 638–652.

² Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 128.

«Новые технические средства коммуникации – компьютеры, космические спутники, телевидение в сочетании с мощной расширяющейся системой корпоративного бизнеса, – по мнению Г. Шиллера, – помогли подтолкнуть Соединенные Штаты к центру мировой экономики»¹.

Впрочем, это вовсе не означало, что только те страны, которые имели сильную экономику и развитые институты политики и права, могут рассчитывать на автоматическое получение преференций в информационной сфере. Обнаружилось, что есть небольшие или даже отсталые в этом смысле государства, которые использовали открывшийся исторический шанс для продвижения вперед. К таким государствам относится, например, Ирландия, опыт которой будет рассмотрен ниже, или Индия, специалисты которой в области компьютерных технологий стали желанными сотрудниками в ведущих исследовательских и производственных центрах Западной Европы и Северной Америки.

Показателен путь Финляндии. Прорыв этой страны в области освоения мировых рынков информационных технологий связан с развитием фирмы «Нокиа», ее партнеров и смежников. Благодаря успешному бизнесу этой компании вся страна смогла сделать резкий рывок вперед, стать ведущим поставщиком средств мобильных телекоммуникаций². И это определило поведение, преференции граждан Финляндии: без Интернета сегодня невозможно себе представить ни государственного управления, ни системы образования, ни экономики этой страны. Интернет – часть жизни финнов, благодаря ему они следят за новостями, делают покупки, учатся и работают.

Информационные технологии стремительно развиваются и охватывают на протяжении 90-х годов весь мир. Происходит модернизация международных отношений, в их основу ложится обмен информацией, причем это идет «поверх барьеров»: неконтролируемое виртуальное пространство одинаково доступно любому подключенному к Сети пользователю, вне зависимости от места его нахождения, на этом фоне цифровое неравенство растет и «пропасть» между знаниями и незнаниями растет.

Это вызывает, как показывает политическая практика, не только положительные отклики государств, но и социальные страхи. Премьер-министр Гайаны сформулировал свои опасения следующим образом: «Нация, массовые средства информации которой контролируются извне, не является нацией»³.

Все это свидетельствует о том, что возникновение и развитие информационного общества отражает существующие социальные противоречия и порождает новые. Так, в отдельных странах и в целом в системе государств мира не только не исчезли богатые и бедные, но, напротив, теперь их положение отличается и в виртуальном пространстве. Появление информационно богатых и информационно бедных внутри отдельных государств, присутствие или, напротив, отсутствие в глобальной Сети тех или иных стран объясняется, конечно, прежде всего экономикой и политикой.

Однако информационная сфера больше не является пассивным агентом этих отношений, она воздействует на социум, детерминирует развитие экономики и политики, определяет темпы роста производства, накопление интеллектуального богатства, формирование нового образа жизни. Это заставляет более активно действовать и пользователей Сети. Виртуальное пространство объединяет те слои населения Земли, которые добились для себя привилегированного положения в сфере информации.

И это значит, что внутри даже самых сильных государств есть аутсайдеры, которым недоступны технические новинки века, которые остались за пределами «территории» информации. А для межстрановых взаимодействий настоятельной потребностью становится создание современной коммуникационной инфраструктуры, без которой ни одно государство не сможет встать вровень с экономически развитыми. Дистанция между людьми и государствами не только не сокращается, а увеличивается.

Некоторые авторы, в том числе весьма авторитетные, видят в этом один из новых вызовов, стоящих перед человечеством⁴.

«Разница между богатыми и бедными – вот что прежде всего определяет глубину цифрового разрыва как между странами, так и между социальными слоями внутри этих стран. Это происходит в силу того, что доступ к информационным технологиям ограничен высоким «денежным порогом» – как для государства, так и для населения».

Возникновение информационного неравенства, т.е. разделения стран по уровню «информационного развития», связано с тем, что экономика традиционно ориентируется на платежеспособный спрос населения. Сегодня в мире насчитывается около 100 млн. людей, имеющих доход более 20 тыс. долл. США в год. Они и могут воспользоваться всеми благами процесса информатизации, а вот остальная часть населения может из этого процесса выпасть.

Феномен зависимости успеха человека от его отношения к компьютерной и телекоммуникационной революции получил название «цифровой барьер» или «цифровой разрыв» (в англоязычной литературе – Digital Divide). С ним связана и проблема «цифрового неравенства», о которой сегодня много говорится как на семинарах по компьютерным технологиям, так и с трибуны Организации Объединенных Наций. Суть проблемы состоит в следующем: возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями, поистине огромны, но пользоваться ими для достижения своих социальных и экономических целей может лишь небольшой процент населения Земли. Связано это как с недостаточным уровнем развития человеческого потенциала, так и с отсутствием у людей необходимых аппаратных и программных средств, а также доступа к коммуникациям. Далеко не все жители планеты владеют хотя бы минимальной компьютерной грамотностью. Огромное число людей не имеют дома не то что компьютера, но и телефона, без которого доступ во Всемирную сеть, как правило, невозможен. Кроме того, во многих странах телефонные линии на-

¹ Шиллер Г. Журналистика в буржуазном обществе. – М.: Мысль, 1995. – С. 68.

² Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. – М.: Логос, 2002. – С. 19–54.

³ Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 135.

⁴ Азимов А. Выбор катастроф. – СПб.: Амфора, 2000. – С.201.

столько устарели, что по ним невозможно передавать без искажений большие объемы информации. Купить компьютер, модем и оплатить услуги провайдера связи пока что под силу лишь небольшой части населения земного шара. Для широкого использования компьютеров необходимо и принятие соответствующих законов, регулирующих взаимоотношения в этой сфере жизни, а они пока находятся на стадии разработки.

В эпоху формирования информационного общества «цифровое неравенство» становится одним из важнейших факторов деления людей на богатых и бедных. Еще в 1997 году Программа развития ООН ввела новое измерение бедности – информационное, определяющее возможность доступа к информационной магистрали широких слоев населения. Основным конфликтом в системе производственных отношений становится конфликт между знанием и некомпетентностью. В развитых странах уже появилось экономико-социальное понятие «интернетовский образ жизни» (Internet Lifestyle), характеризующее жизнь людей, для которых пользоваться Интернетом так же естественно, как, к примеру, звонить по телефону. Новый стиль жизни отличается особой динамичностью, легким и быстрым доступом человека к самой разнообразной информации, необходимой ему как в быту, так и на производстве, непрерывным повышением профессиональных знаний. Люди, пользующиеся достижениями информационной революции, воспринимают мир иначе, чем те, кто не имеет доступа к ним. «Интернетовскому» человеку проще общаться с другими людьми, как бы далеко они ни находились, легче быть в курсе всего происходящего. Сеть перестает восприниматься как новомодная игрушка – она необходимая основа информационного общества. Не случайно, что при поступлении на работу предпочтение отдается именно тем претендентам, кто умеет пользоваться компьютером и Интернетом. Чем больше сервиса и услуг переходит в виртуальное пространство, тем труднее становится людям, не имеющим доступа к Сети, найти работу, повысить свое образование, добиться успеха в бизнесе.

«Цифровое неравенство» – проблема не только и не столько отдельных людей, но целых стран и регионов. Уже в обозримом будущем вместо того, чтобы говорить о «бедной стране», политики станут рассуждать о «странах с дефицитом знаний». Государства будут вынуждены в числе первоочередных задач на первое место ставить повышение уровня образования и профессиональной квалификации своих граждан, ибо уже сегодня конкурентоспособность определяется в решающей степени наличием высококвалифицированных человеческих ресурсов. Страны, которые не смогут повысить уровень развития науки и сполна использовать сокровищницу знаний, будут неизбежно отставать от своих соседей. Вследствие этого в мире еще больше возрастет экономическое и социальное неравенство наций.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) об использовании компьютера или ноутбука россиянами (в 2019 г.), у 78% россиян есть компьютер или ноутбук, 34% являются обладателями нескольких устройств.

Отмечается, что десять лет назад компьютерами владели лишь 51% россиян. Больше всего ПК используется для поиска информации в Интернете, совершения онлайн-покупок и общения в соцсетях. В телефонном опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет¹.

Согласно опубликованным в апреле данным Росстата, в 2019 году в России широкополосный доступ в Интернет имели 73,6% домохозяйств. При этом доля домохозяйств, имеющих доступ в Интернет с различных устройств, составила по итогам прошлого года 76,9%.

Показатель 2019 года оказался ниже заложенного в национальной программе «Цифровая экономика». Согласно целевым показателям национальной программы, в 2019 году доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, должна была составить 79%.

В настоящее время целевые показатели по доле домохозяйств с ШПД составляют на 2020 год 84%, на 2021 год – 89%, на 2022 году – 92%, на 2023 год – 95%.

В 2030 году планируется порядка 95% социально значимых услуг в России предоставлять онлайн, и поэтому подключение к широкополосному Интернету вышеупомянутых 97 процентов домохозяйств к этому сроку будет крайне важным. В течение шести лет планируется также увеличить инвестиции в разработки российского программного обеспечения.

Таким образом, ведение бизнеса можно рассматривать как процесс превращения ресурсов в экономические ценности, а знание – как один из важнейших ресурсов. Сегодня 15% человечества создает почти все мировые технологические инновации, около половины способно принять и усвоить их, а оставшаяся треть вообще выключена из этих процессов. Если так пойдет и дальше, то богатые и хорошо образованные нации будут становиться еще богаче и образованнее, а бедные еще беднее и неразвитее. Если человечество не сумеет вовремя преодолеть «цифровой разрыв», новые технологии, таящие в себе огромные возможности, приведут к еще большей дифференциации общества. Не может быть спокойствия на планете, жители которой обладают столь разным уровнем благосостояния.

¹ <https://realnoevremya.ru/news/183033-vciom-tolko-u-22-rossiyan-net-kompyutera-ili-noutbuka>

Алпатов В.В.

к.т.н., зав. отделом Института прикладной геофизики Росгидромета

V_alpatov@mail.ru

Крестников И.Ф.

академик Российской академии космонавтики, ведущий специалист Института прикладной геофизики Росгидромета

krestnikov.igor@gmail.com

Сосунова И.А.

д.соц.н., профессор, первый федеральный вице-президент Российского общества социологов

sossunova@gmail.com

РОССИЙСКАЯ КОСМОНАВТИКА: СОЦИАЛЬНАЯ ОТДАЧА И СНИЖЕНИЕ РИСКА РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: околоземное космическое пространство; ракетно-космическая техника; космический аппарат; космическая станция; солнечная активность; тормозной импульс.

Общеизвестно, что современная экологическая ситуация в мире характеризуется:

- возросшими масштабами и силой воздействия на природную среду,
- появлением новых форм и видов этого воздействия,
- распространением деятельности человека на природные среды, которые ранее для него были недоступны.

При этом важнейшим фактором усиления воздействия человека на окружающую среду являются развитие науки и технический прогресс. Однако техника и технологии по сути являются нейтральными по отношению к природе. Лишь конкретика их применения вызывает различные по направленности и содержанию экологические последствия¹.

Одним из значимых современных источников воздействия на окружающую среду является космическая деятельность, объективно необходимая для достижения множества важнейших целей практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Сегодня она самым непосредственным образом определяет качество жизни граждан развитых стран, в том числе и Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Значение космической деятельности в жизни социума

Направления космической деятельности	Решаемые задачи
Оборона и безопасность	Управление
	Предупреждение о ракетном нападении
	Контроль за соблюдением международных договоров
	Оперативный контроль кризисных районов Земли
	Навигация
	Мониторинг и предупреждение чрезвычайных ситуаций
Телекоммуникации	Связь, телевидение, Internet
Наука, техника и технологии	Исследование Земли (дистанционное зондирование)
	Исследование космоса, околоземного космического пространства
	Исследование влияния факторов космического пространства на человека и биоту
	Исследование влияния факторов космического пространства на конструкционные материалы и образцы космической техники
	Испытания образцов новой космической техники
	Эксперименты по получению материалов с новыми свойствами

Как видно из вышеприведенной таблицы, космическая деятельность реализует в частности одну из приоритетных задач общенационального уровня – обеспечение безопасности. Сегодня россияне, как показывают результаты социологических исследований, все еще ощущают себя гражданами великой державы в значительной степени потому, что наша страна обладает как средствами ядерного сдерживания, так и эффективными космическими системами контроля. Жизненно необходимыми являются также и другие направления космической деятельности. Перечисленные области применения космической техники являются неотъемлемыми атрибутами производственной и социальной

¹ Wilenius M. Sociology, modernity and the globalization of environmental change // International sociology. – L., 1999, – Vol.14, N 1. – P. 33–57.

инфраструктуры современного общества и возможный ущерб от их деградации, по сути, не поддается никакой стоимостной оценке.

В то же время, несмотря на значительный позитивный вклад в развитие человечества, космическая деятельность сопровождается нарастанием экологической опасности для людей и окружающей среды. Именно поэтому в настоящее время широко распространилось мнение о том, что вследствие активной космической деятельности нанесен заметный ущерб окружающей среде в районах космодромов, ракетных полигонов, а также околоземному космическому пространству. А это значит, что в массовом сознании уже сформирован не вполне объективный взгляд на масштабы и формы экологического ущерба от воздействия ракетно-космической техники¹.

При этом экологические последствия ракетно-космической деятельности могут быть весьма актуальными для населения целых регионов. Так, по данным Роскосмоса, в последние десятилетия в нашей стране для обеспечения запусков ракетной техники используются более 110 земельных участков общей площадью примерно 20 млн. га, причем места падения фрагментов ракетной техники в этих районах неизбежно загрязнены компонентами топлива, в том числе и высокотоксичными. Однако следует отметить, что зачастую величина экологического ущерба от космической деятельности преувеличивается из конъюнктурных соображений². Например, общая площадь, занимаемая девятью районами падения отделяемых частей ракет-носителей на территории Архангельской области составляет примерно 1,53 млн. га. По данным Комитета природных ресурсов Архангельской области³ на 1 января 2001 года в результате деятельности космодрома Плесецк в районах падения находилось 18 тыс. т металлолома, 744 т азотного тетраоксида, вещества 2-го класса опасности, 340 т несимметричного диметилгидразина (вещества 1-го класса опасности). При этом загрязнено 151 га, углеводородным горючим – 228 га. Ставя под сомнение тот факт, что такое легколетучее вещество в количестве 744 т до сих пор может находиться в местах падения, следует обратить внимание, что загрязнено только 1·10⁻³% общей площади выделенных районов падения. И это после 1600 пусков! Вывоз же металлоконструкций из этих районов осуществляется организованно уже более 25 лет.

Также целесообразно рассмотреть вклад ракетно-космической деятельности в общее воздействие на атмосферу Земли. Годовой техногенный выброс токсичных продуктов в мире приведен в табл. 2. Из данных табл. 2 в частности видно, что ее доля составляет лишь ~0,1% от выбросов авиационной техники.

Таблица 2

Годовой техногенный выброс токсичных продуктов в мире

Источник выбросов	Количество выбросов, в тоннах
Общий мировой уровень	1 000 000 000
Автомобили	400 000 000
Самолеты	10 000 000
Ракеты-носители	10 000 (~0,1% выбросов самолетов)

Известно, что самой чувствительной к воздействию составляющей верхней атмосферы является озоновый слой⁴. До настоящего времени вклад ракетно-космической техники в разрушение озоносферы оценивается только теоретически, без проведения каких-либо целевых измерений из космоса или с поверхности Земли. Дело в том, что при теоретической оценке количества озона, разрушаемого при запусках, необходимо рассматривать очень сложный процесс взаимодействия продуктов сгорания с компонентами атмосферы, во время которого одновременно протекают газодинамические, химические (гомогенные и гетерогенные), а также фотохимические процессы, описываемые сложными математическими моделями. Вклад различных каталитических циклов в разрушение озона приведен в табл. 3.

Таблица 3

Вклад различных каталитических атмосферных циклов в разрушение озона

Компонент	Вклад в процесс разрушения, %		
	Все источники		Ракетные двигатели
	Вся стратосфера	Слой 25–30 км	
Окислы азота	32	70	0,00005
Кислород	23	10	0
Водород / гидроксил	26	10	0,0012
Хлор	19	10	0,032
Всего:	100	100	0,034

¹ Сосунова И.А., Мамонов Н.Е., Крестникова С.И. Российская космонавтика: социальная отдача и социально-экологические проблемы в зеркале общественного мнения. – М.: РЭФИА, 2004.

² Крестников И.Ф., Крестникова С.И. Космонавтика и новое качество жизни. Экологические аспекты // IV Всероссийская научно-практическая конференция – Качество жизни: Государственное регулирование и социальное партнерство (сборник докладов) / ВНИИТЭ. – М., 2004. – С. 98–105.

³ Попов И.Н. Экологическая ситуация в районах падения отделяющихся частей ракет-носителей, расположенных на территории Архангельской области // Двойные технологии. 2001. – № 3. – С. 21–22.

⁴ Макдональд А.Дж., Беннет Р.Р., Хиншоу Дж.К., Барнс М.У. Ракеты с двигателями на химическом топливе: влияние на окружающую среду // Аэрокосмическая техника. 1991. – № 9. – С. 96–101.

Поэтому теоретические оценки, полученные при различных упрощениях и допущениях, несколько отличаются. Из результатов теоретических исследований видно, что:

- во первых, отдельные пуски даже таких мощных изделий, как российская «Энергия» или американский комплекс «Спейс Шаттл», оказывают лишь локальное и сравнительно кратковременное воздействие на стратосферный озон;
- во вторых, даже при повышенной интенсивности пусков (ежемесячные пуски в течение 4-х лет) глобальное снижение общего содержания озона мало и составляет 0,2–0,3%.

Представленные выше данные не дают оснований говорить в настоящее время о каком-либо особо существенном вкладе ракетно-космической техники в разрушение озонового слоя Земли в глобальных масштабах.

Сегодня научная общественность не без основания упрекает космические державы за то, что космическая индустриализация происходит при явном отставании в разработке и реализации мер по обеспечению экологической безопасности и просчета экологического ущерба от воздействия ракетно-космической техники. Утверждение справедливо еще и потому, что до настоящего времени не разработаны (и у нас, и в других странах, осуществляющих космическую деятельность) нормативы допустимого ее воздействия на геофизические среды.

Формирование общественного мнения по экологическим проблемам происходит под влиянием значительного числа объективных и субъективных факторов. Прежде всего, необходимо учитывать, что современный уровень развития промышленного производства, сельского хозяйства и военной деятельности обусловил прямое воздействие на повседневную жизнь, занятость и здоровье населения многих крупных производственных и иных объектов, непосредственно влияющих на экологическую обстановку на значительных территориях.

Население этих территорий (регионов) может испытывать на себе непосредственное воздействие физико-химических факторов, сопровождающих функционирование акустических полей, задымления, воспринимаемых изменений состава воздуха, воды, почвы и т.п. Зачастую в массовом сознании возникают и ложные связи между промышленной и иной деятельностью в регионе и ростом смертности, заболеванием иммунной системы и т.п. В настоящее время активной формой выражения общественного мнения по экологическим проблемам является наличие у населения устойчивых распространенных негативных оценок, относящихся, как правило, именно к конкретным объектам или видам деятельности. При этом надо иметь в виду, что абсолютно экологически безопасных технологий не существует. Любое воздействие человека на окружающую среду имеет свои негативные последствия. Даже такие традиционные виды антропогенной деятельности как земледелие и животноводство имеют отрицательные последствия для поддержания экологического равновесия: из системы биотической регуляции планеты изымается биомасса агрокультур. Человек своим стремлением получить максимально возможный урожай мешает процессам регулирования выделения/поглощения кислорода, поддержания температурно-влажностного режима и т.д. А сколько метана выделяют коровы, овцы, свиньи и др.! А отходы птицеводства хуже любого яда.

Таким образом, с естественнонаучной точки зрения пока нет оснований говорить в настоящее время о каком-либо существенном вкладе космической деятельности и в разрушение озонового слоя Земли в глобальных масштабах. Однако нельзя при этом забывать, что ученый, не владеющий необходимыми естественнонаучными знаниями, подвергается реальной опасности поддаться действию «эмоциональных клише»¹.

При оценке влияния экологических аспектов космической деятельности на формирование социально-экологической ситуации в не меньшей степени необходимо учитывать и сугубо социологические данные. Так, например, как показывает анализ имеющихся научных публикаций (в первую очередь²), характерными особенностями формирования общественного мнения по вопросам космической деятельности в целом являются:

– во-первых, «опосредованность» в получении населением высокой социальной отдачи от развития космонавтики:

- прогноз погоды (рост достоверности до 300% и т.д.);
- системы связи, передачи данных и т.д. (практически полный охват населения ТВ-вещанием и т.д.);
- системы контроля и зондирования земной поверхности (снижение сроков геологоразведки до 150% и т.д.);
- системы оборонного назначения (контроль соблюдения договоров об ограничении вооружений; системы раннего предупреждения) и т.д.;

– во-вторых, некомпетентность большинства населения в проблемах космонавтики, способствующая мифологизированности общественного сознания и прежде всего по вопросам экологических последствий космической деятельности;

– в-третьих, отсутствие у подавляющего большинства населения опыта личных «контактов» с космической деятельностью. Как известно, общественное мнение в целом зависит от знаний, но по сути, оно ближе к обыденному сознанию, для его формирования очень важен личный опыт;

– в-четвертых, оно неустойчиво, резко колеблется в зависимости от «знаковых» событий. В частности, по данным ФОМ, на вопрос «Сохраняет или нет Россия лидирующее положение в космонавтике?» до высадки на Марсе американских «марсоходов» утвердительно ответило 49% участников массового опроса, отрицательно – 38% и затруднились с ответом – 13%; сразу после высадки распределение ответов имело вид 42%, 46 и 13% соответственно, а спустя год – 52%, 35 и 12%.

¹ Рукавишников В.О. Рационально ли общественное мнение по вопросам экологии? // Социологические исследования. – М., 1994. – № 1. – С. 50–58.

² Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: МНЭПУ, 2010. – 400 с.; Сосунова И.А., Мамонов Н.Е., Крестникова С.И. Российская космонавтика: социальная отдача и социально-экологические проблемы в зеркале общественного мнения. – М.: РЭФИА, 2004. – 268 с.

Таким образом, можно констатировать, что изучение экологических последствий космической деятельности как фактора формирования социально-экологической ситуации требует междисциплинарного подхода.

Снижение риска экологических последствия данной деятельности достигается сочетанием как организационно-технологических, так и социально-гуманитарных и иных мероприятий, в частности, конструктивным совершенствованием космической техники, в том числе переходом (по возможности) на нетоксичные компоненты топлива; повышение ее надежности; развитие системы экологического образования и просвещения; обеспечение эффективности PR; организация локальных и региональных систем социально-экологического мониторинга на критичных к космической деятельности территориях и т.д.

Теперь об общемировой экологической проблеме великого в истории человечества события. С первыми запусками искусственных спутников Земли в экологии Земли и околоземного космоса произошло принципиально новое, причем, как впоследствии оказалось, поистине драматическое событие: в одной из верхних геосфер появилась и стала стремительно наращиваться популяция техногенных космических объектов, в которой все большую долю составляет так называемый космический мусор. Строго говоря, это касается не только околоземного космического пространства, но и дальнего космоса. Однако особый драматизм этот процесс по вполне понятным причинам приобретает именно сейчас¹.

Наряду с расширением освоения космоса усиливается и его техногенное засорение (рис. 1). Всерьез по этому поводу начали бить тревогу в конце прошлого века лишь ученые-экологи, обеспокоенные угрозой засорения космоса. Ни политики, ни государственные деятели, ни даже конструкторы космической техники не прислушивались к их предостережениям. Превалировала высокомерная идеология: «космос безграничен, бесконечен, и поэтому вытерпит все». В результате, сегодня мы имеем близкое к катастрофическому засорение околоземного космического пространства. Сейчас это уже общепризнано, как и то, что, если бы своевременно прислушались к ученым-экологам, удалось бы избежать многих экономических и экологических потерь, уже понесенных человечеством.

Что же касается экологии космоса, то, строго говоря, и до 1957 г. околоземное космическое пространство не было пустым. Порядка (40 000±20 000) тонн метеороидов входит в атмосферу Земли каждый год². Но метеороиды, астероиды и другие космические тела, вращающиеся по орбитам вокруг Солнца, если попадают в него, то либо быстро и однократно его пронизывают, либо покидают его, либо сгорают в атмосфере. Лишь некоторые из них очень редко достигают поверхности Земли.

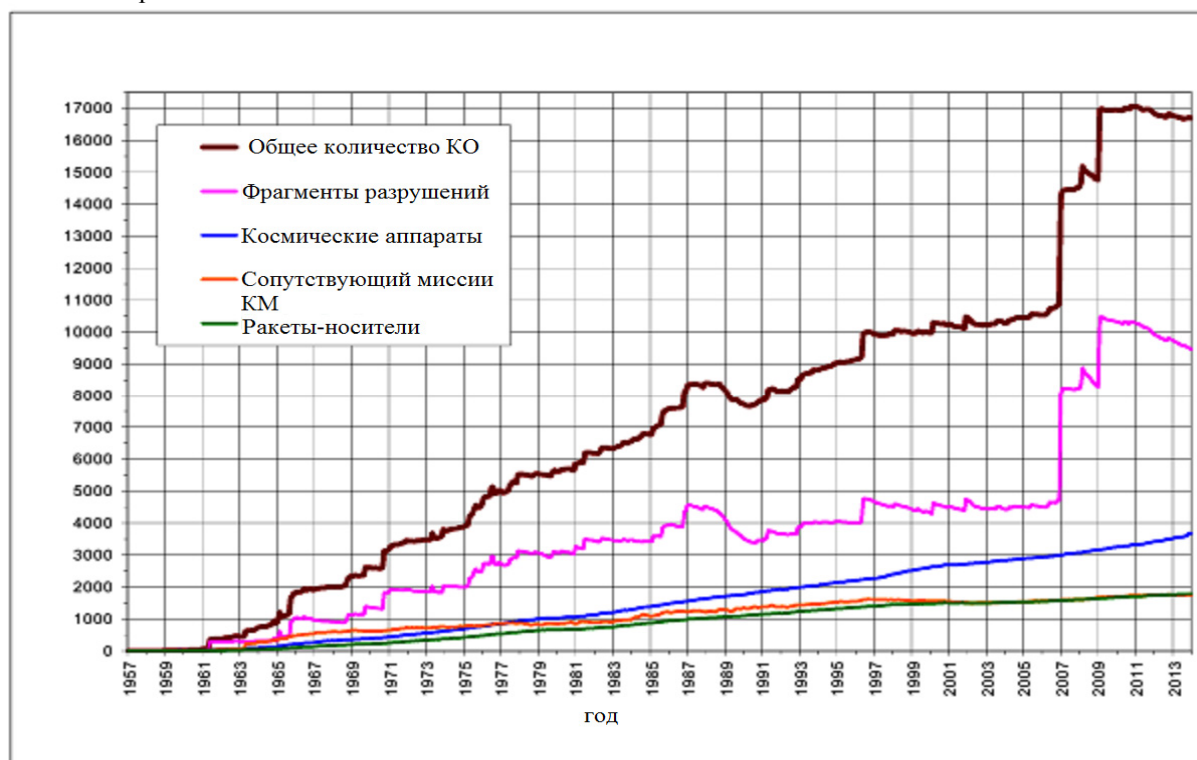

Рисунок 1.
Рост техногенной засоренности ОКП за весь период освоения космоса

В отличие от них, искусственные космические объекты, будучи выведены на орбиты, обычно надолго остаются там, а по завершении своей функциональной миссии становятся (а точнее, продолжают оставаться постоянной угрозой столкновения с другими космическими объектами, в том числе с действующими космическими аппаратами). Длительность пребывания техногенного космического мусора в космосе зависит, прежде всего, от высоты орбит соответ-

¹ Вениаминов С.С. Космический мусор – угроза человечеству. 2-е издание, исправленное и дополненное / ИКИ РАН, серия механика, управление, информатика. – М., 2013.

² Love S.G., Brownlee D.E. A direct measurement of the terrestrial mass accretion rate of cosmic dust // Science. 1993. – Vol. 262. – P. 550–553.

ствующих космических объектов и может достигать десятков, сотен (для орбит выше 600 км), тысяч и миллионов лет (например, для геостационарных)¹.

Качественный и количественный состав общей популяции космического мусора постоянно изменяется. Анализ доступной информации о засоренности космоса позволяет сделать следующий обобщающий вывод. Естественно выделить три его составляющие: компонента А – это короткоживущая популяция, обращающаяся в относительно плотных слоях атмосферы, которую ожидает скорое сгорание в атмосфере; компонента В – долгоживущая популяция, размещающаяся на значительных высотах, которая очень нескоро достигнет плотных слоев атмосферы; наконец, компонента С – новообразования в общей популяции, т.е. «молодой» космический мусор, образующийся в результате текущих запусков, взрывов и столкновений космических объектов, деградации их поверхности и т.п. Мета-компонента С – источник постоянного пополнения компонент А и В. За счет сокращения компоненты А происходит некоторое очищение космоса от мусора, однако ее убывание не компенсирует роста общей популяции за счет компоненты С. В среднем 3 каталогизированных космических объекта ежедневно входят в плотные слои атмосферы и, как правило, сгорают. Но темп появления их новых из различных источников заметно выше (рис. 2–3).

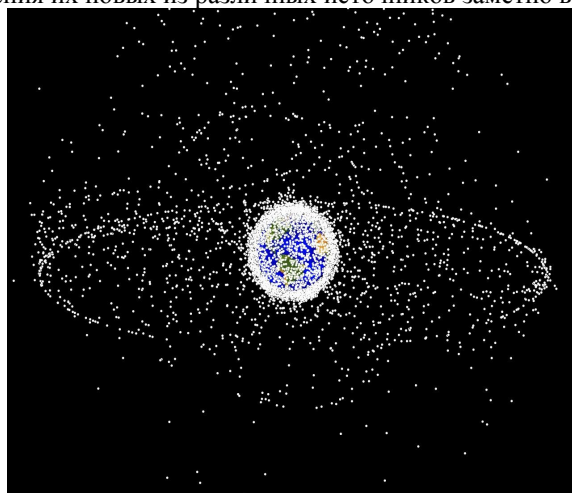
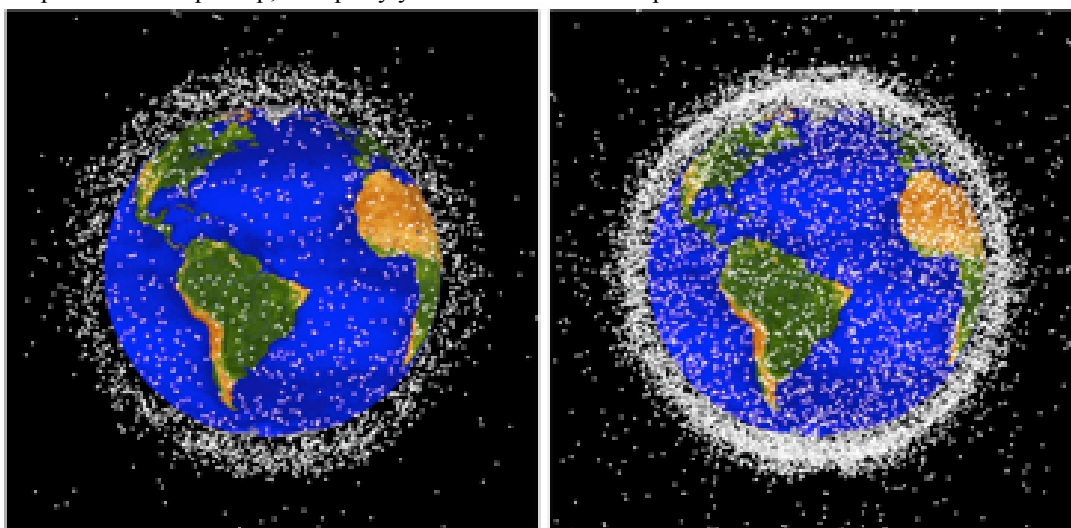

Рисунок 2.

**Общая картина техногенного загрязнения ОКП крупными объектами
(в центре Земля, белыми точками обозначены каталогизированные КО)**

Наряду с названными выше причинами засорения космоса нужно учитывать и реальное явление, которое может катастрофически ускорить этот процесс. Дональд Кessler из Джонсоновского космического Центра НАСА первым обратил внимание на то, что при достижении определенной критической плотности мусора в некоторых орбитальных областях в результате все возрастающего числа столкновений может начаться стремительно расширяющийся цепной процесс образования вторичных осколков, т.е. так называемый «каскадный эффект», или «синдром Кesslerа». В этой самой трагической фазе процесса засорения околоземного космического пространства космический мусор приобретает уже некий агрессивный характер, которому уже мало что можно противопоставить.

1981

2011

Рисунок 3.

Прогресс засорения ближайшего космоса в части крупного КМ за 30 лет

¹ Orbital Debris. A Technical Assessment. NRC / National Academy Press. – Washington (D.C.), 1995; Interagency Report on Orbital Debris / Executive Office of the President of the United States. Library of Congress Catalog Card N. 95-72164. 1995.

Вероятность столкновений в любой орбитальной области растет приблизительно пропорционально квадрату количества космических объектов в этой области. При этом каждая орбитальная область имеет свою «критическую плотность». Другими словами, в орбитальной области должно присутствовать достаточное количество объектов с большой массой для обеспечения в результате столкновений прироста фрагментов, превышающего их убыль в результате схода с орбиты (например, под действием атмосферного торможения или принудительного снятия их с орбит). Как только эта критическая плотность будет достигнута, образовавшиеся в результате столкновений фрагменты становятся главной причиной все возрастающей частоты столкновений, хотя временной масштаб событий может быть растянут здесь на десятки и сотни лет. В конце прошлого века уже существовали орбитальные районы, в которых пространственная плотность космического мусора превышала критический уровень (рис. 4).

Если текущий темп накопления космического мусора сохранится, то уже к середине нашего столетия в ряде диапазонов низких орбит его плотность достигнет критического уровня и начнется каскадный эффект. Это предсказание Кessler сделал в 1991 г. Сегодняшние предсказания экспертов еще жестче. И они более достоверны, так как более чем за 20 лет накоплено много фактических данных о текущей засоренности космоса, а главное, о ее динамике.

По мнению некоторых экспертов, каскадный эффект уже начался, по крайней мере, на высотах 900–1000 км, а также в пределах некоторых популяций мелкой фракции космического мусора¹.

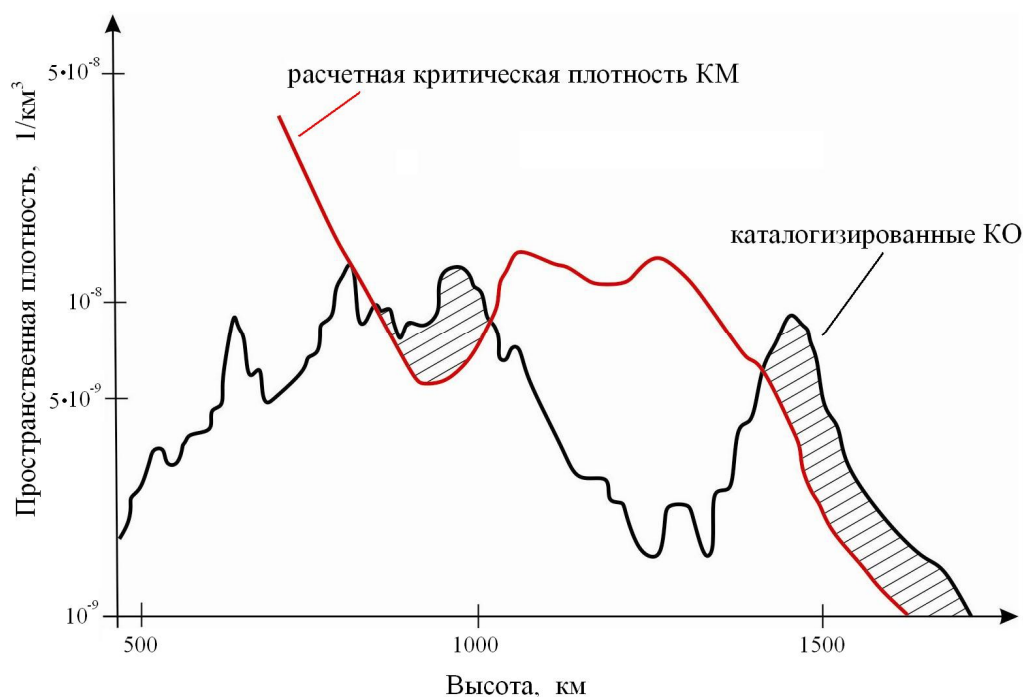

Рисунок 4.
Критическая плотность в области низких орбит

В настоящее время плотность заполнения космоса мусором ежегодно увеличивается в среднем на 4–5%, и результаты исследований современного состояния засоренности ближнего космоса указывают на то, что в будущем нельзя ожидать ничего обнадеживающего в этом плане. Стоит вдуматься в следующий факт. С начала космической эры (это на интервале 60 лет) было осуществлено более 5000 запусков, и только 10 из них породили одну треть сегодняшнего каталога космического мусора. Причем, из этой десятки 6 приходится на последние 10 лет!

Сложившееся в настоящее время в России состояние работ по анализу и прогнозу обстановки в околоземном космическом пространстве отражает общие особенности развития науки и техники. В частности, в области применения вычислительной техники характерной особенностью является достижение высокой эффективности решения широкого круга задач на основе использования достижений математики, физики, механики при определенном отставании самой вычислительной техники. Эта особенность ярко проявилась и при решении проблемы засоренности космоса.

Из всего перечня объектов, составляющих так называемый «космический мусор», активные космические аппараты составляют в среднем только 6% от всех достаточно крупных объектов искусственного происхождения. До 20% в группировке «космического мусора» составляют неактивные (пассивные), которые отработали свой срок и не были уведены с орбиты. И, если неуправляемый сход с орбиты космического аппарата малой массы не грозит серьезными неприятностями, то падение модулей космических станций массой более 20 т может быть проблемой. И, если засо-

¹ Назаренко А.И. Прогноз засоренности ОКП на 200 лет и синдром Кesslera. — <http://www.satmotion.ru>, 2010; Nazarenko A. I. Space Debris Status for 200 years ahead & Kessler effect // 29th IADC Meeting. Berlin. Germany. 2011; Kessler D. et al. The Kessler syndrome: Implications to Future Space Operations // 33rd Annual American Astronautical Society, Rocky Mountain Section. Guidance and Control Conference. — Breckinridge, 2010.

ренность космоса в целом основную часть социума не волнует, то падение на Землю крупных фрагментов космических аппаратов при сходе их с орбиты уже является социальной проблемой.

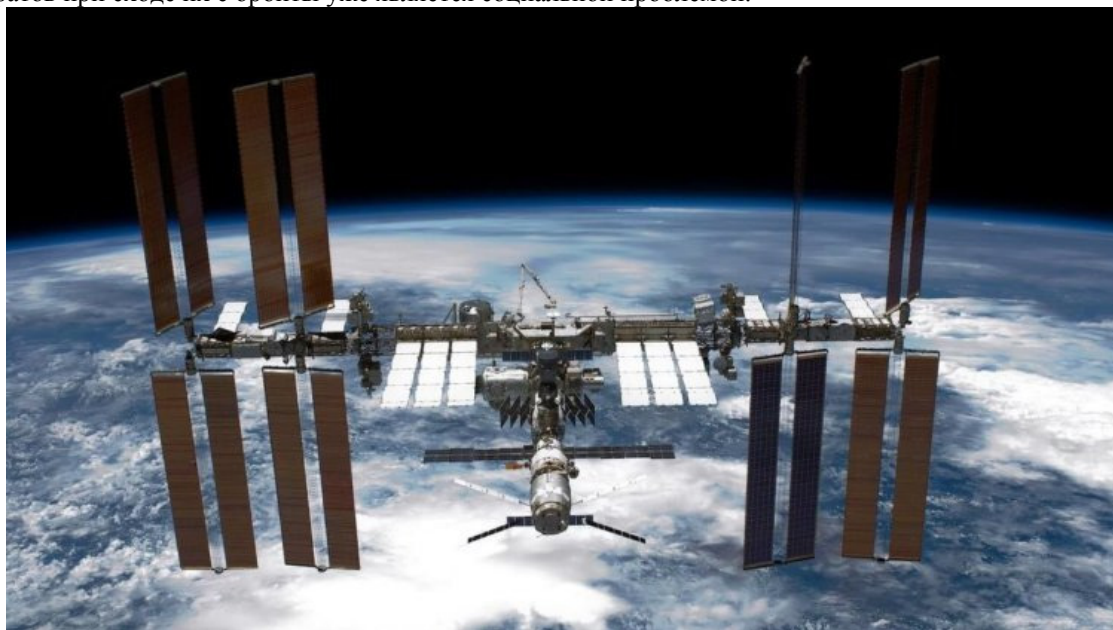

Рисунок 5.
Международная космическая станция в настоящее время

Модули «Заря», «Звезда», «Юнити» находятся в условиях эксплуатации более 20 лет. Ранее их конструкционные материалы на такой длительный срок эксплуатации не испытывались. Старение и ухудшение физических свойств материалов неизбежны. Статическая прочность алюминиевого корпуса модулей из условий ползучести материала также не бесконечна. Например, первичное заключение по статической прочности корпуса базового блока станции «Салют-7» было выдано на 1,5 года, а базового блока станции «Мир» – на 3 года. Сюда также можно присовокупить увеличение количества и модификацию микрофлоры в гермоотсеках за время эксплуатации.

За 20 лет исследований наши ученые нашли 250 видов микроорганизмов, которые живут внутри космических аппаратов. Все грибки были земного происхождения, но в космосе из-за повышенного уровня радиации, микроорганизмы существенно мутировали, став значительно агрессивнее их земных аналогов. Подтверждение этому факту нашлось на земле уже после затопления «Мира». Был установлен факт «радиостимуляции» грибов (радиотропизм) – феномен ускорения метаболизма ряда микроскопических грибов при воздействии на них ионизирующего излучения». Споры плесневых грибов, которые успешно колонизировали МКС, выживают даже в условиях открытого космоса. Они выдерживают облучение тяжелыми ионами и рентгеновским излучением, уровень которых в десятки раз выше, чем смертельная доза для человека. Об этом исследователи сообщили на конференции 2019 Astrobiology Science Conference, которая проходила в Сиэтле 24–28 июня.

Таким образом, при затоплении крупных космических объектов возникает угроза падения их фрагментов на конкретной обитаемой территории (правда вероятность такого события ничтожно мала), а также угроза попадания в биосферу Земли микроорганизмов-мутантов.

Даже если сроки эксплуатации МКС волевыми решениями будут продляться, то рано или поздно наступит время принятия решения о ее затоплении. И к этому времени должна быть разработана схема безопасного затопления МКС. На основе этой схемы должны быть выполнены соответствующие баллистические расчеты и разработан проект затопления МКС с привлечением ведущих специалистов (возможно также потребуются и экологическая экспертиза этого проекта). И проект должен быть международным. Кроме того необходимо будет обеспечить объективное информирование мировой общественности. Стоит вспомнить недавнюю историю затопления станций «МИР»

Так, несмотря на уверения Центра управления полетами России о просчитанной траектории падения станции «Мир», власти многих стран Тихоокеанского региона призывали граждан не покидать свои дома в момент падения обломков: предполагалось, что крупные обломки могут не сгореть в атмосфере и упасть на сушу. Роскосмос предусмотрел все возможные сценарии развития событий и предложил всем третьим лицам, которым будет нанесен ущерб от падения станции, страховку в размере 200 млн. USD.

Одной из первых о возможном падении обломков заявила Япония. Силы гражданской обороны Японии были приведены в повышенную боевую готовность. К предельной осторожности призывали власти Новой Зеландии, обратившись к пилотам гражданской авиации и капитанам гражданских судов (в том числе и рыболовецких кораблей) с призывом воздержаться от путешествий по южной части Тихого океана. Как минимум два новозеландских рыболовецких судна находились в квадрате затопления станции, а их рыбаки отказывались покидать зону. Впрочем, заместитель директора по Департаменту морской безопасности Новой Зеландии заявил, что никто из моряков не пострадал.

После сообщения о завершении операции по затоплению «Мира» многие сотрудники Центра управления полетом, до этого не проявлявшие никаких эмоций, уже не смогли сдержать чувств: некоторые из сотрудников плакали, хотя часть радовалась тому, что операцию по сведению с орбиты удалось провести идеально и завершить без каких-

либо происшествий отклонение от предполагаемой точки падения составило 1500 км, а обломки были разбросаны в радиусе 100 км от итоговой точки падения. Таким образом, даже при управляемом спуске крупных космических аппаратов с орбиты возможны значительные отклонения точек падения обломков от расчетных¹.

Несмотря на то, что жертв и разрушений не было, один из жителей города Тайчжун (Тайвань), не выдержав напряжения в связи с грядущим крушением станции, за день до крушения станции сжег себя заживо на кладбище. Таким образом, процесс затопления крупных космических аппаратов явно влияет на социум и может вызывать неадекватные реакции.

Объективным проявлением состояния общественного мнения являются социальные действия, поступки и, в конечном счете, результаты общественной деятельности. Соответственно этому, общественное мнение обладает рядом объективно измеряемых социальных характеристик, к числу которых, в первую очередь, относятся его распространенность, устойчивость, функциональность, наличие и авторитетность его субъектов и активных выразителей, а также предмет, вокруг которого происходит «кристаллизация» общественного мнения.

Основными факторами, определяющими нынешнее состояние общественного мнения в т.ч., по экологическим проблемам ракетно-космической деятельности) являются:

- относительно недостаточная компетентность и информированность населения,
- особенности оценки населением экологических рисков,
- деятельность (влияние) СМИ и т.д.

Следует подчеркнуть, что засоренность ОКП безусловно является проблемой. Однако сегодня в сознании общественности угрожающим фактором является возможность падения на обитаемую территорию фрагментов космических аппаратов, спускаемых с орбиты. При этом возможность попадания в экосистему Земли микроорганизмов, мутировавших во время нахождения на космических объектах, пока серьезно не осознается. Технический прогресс не стоит на месте. Одновременно возрастают и негативные его стороны. Применительно к космической деятельности следует иметь ввиду следующее:

1. Масса находящихся на низких околоземных орбитах космических объектов постоянно возрастает (орбитальный комплекс «Мир» – около 100 т, МКС – более 400 т). Кроме того увеличивается мидель (поперечное сечение) космических объектов, что при входе в плотные слои атмосферы при спуске увеличивает площадь возможного разлета фрагментов этих космических аппаратов.

2. Дальнейшее освоение космоса (многократные полеты к Луне; создание окололунной орбитальной станции; полеты к Марсу; очистка околоземного космического пространства от «космического мусора» и т.д.) невозможны без космических аппаратов с бортовыми ядерными энергетическими установками. При этом неизбежно возникает вероятность их аварийного падения на Землю.

3. Возможное попадание вместе с фрагментами космической техники в биосферу Земли микроорганизмов-мутантов является также реальной глобальной угрозой для нашей экосистемы.

Из вышеизложенного видно, что применительно к МКС подъем ее орбиты при существующей массе уже требует значительных затрат топлива. Выдача тормозных импульсов для сведения МКС с орбиты потребует затрат топлива на 1–1,5 порядка больше. Разделение элементов МКС и их управляемый спуск с орбиты по отдельности технически невозможны. Учитывая геометрические размеры МКС и большой мидель конструкции, фрагментация станции может начаться на большей высоте, чем это было у станции «Мир», что приведет к неизбежному увеличению разлета фрагментов. Поэтому тщательный расчет по заранее утвержденной схеме затопления МКС необходимо начинать уже в ближайшее время и с учетом всех негативных факторов, в том числе социальных.

¹ Кричевский С.В. Экологическая история космической станции «Мир»: краткий анализ / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001; Отв. ред. В.М. Орел. – М.: ИИЕТ РАН, 2001. – С. 428–432; Кричевский С.В. Урок погибшего «Мира»: о самом дорогом мусоре, «космических» паровозах и граблях, а также об экологических резервах космонавтики // Щелково. 2001. – № 2. – С. 42–43.

Аюпова З.К.

д.ю.н., профессор, Казахский национальный аграрный университет, Алматы

Естемесов М.Ж.

магистрант, Казахский национальный аграрный университет, Алматы

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, экономические механизмы, саморегулирующиеся рычаги, хозяйственный эффект, рыночные процессы, государственное стимулирование, недобросовестная конкуренция.

Keywords: agro-industrial complex, economic mechanisms, self-regulating levers, economic effect, market processes, state incentives, unfair competition.

Регулирование аграрного сектора является сложной и многогранной проблемой. На сегодняшний день его состояние не удовлетворяет реальным потребностям республики. Многолетний опыт развитых стран и практика Казахстана за последние десятилетия подтверждают, что в условиях рынка без участия государства экономика не сможет успешно развиваться. В условиях конца 90-х годов весь комплекс экономических мер в АПК был направлен на обеспечение продовольственной безопасности Казахстана за счет эффективного развития отечественного производства. Достижение этой цели органически увязано с обеспечением эквивалентности обмена между сельским хозяйством и промышленностью с поддержанием необходимой доходности сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности. Отсутствие этих условий является одной из главных причин кризисной ситуации в агропромышленном комплексе страны¹.

Для обеспечения устойчивого развития АПК необходим действенный экономический механизм, основанный на сочетании государственного регулирования и рыночного саморегулирования, на проведении сбалансированной ценовой и финансово-кредитной политики. При недостаточности финансовых ресурсов возникает необходимость поиска дополнительных источников финансирования, которые в практической деятельности сельскохозяйственных организаций представлены, главным образом, системой кредитов. Однако в условиях высоких процентных ставок кредит в качестве источника поддержки хозяйственной деятельности экономически не выгоден даже прибыльным предприятиям. В этой связи особую актуальность приобретают проблемы формирования более эффективной системы регулирования агропромышленного производства, что в свою очередь предполагает дальнейшую систематизацию и конкретизацию используемых и зарождающихся источников регулирования, выявление новых возможностей увеличения поступления средств в аграрный сектор².

Принимаемые государством меры пока не представляют эффективную систему регулирования экономических отношений между основными субъектами аграрного рынка: сельскохозяйственными товаропроизводителями, предприятиями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье, обслуживающими и торговыми организациями. Это обуславливает необходимость осуществления комплекса социально-экономических мер, формирование механизма их реализации в формирующейся социально ориентированной рыночной экономике и направленного на развитие и совершенствование экономического механизма регулирования региональных АПК.

Рыночная ориентация аграрного сектора все больше требует от руководства отраслью умения видеть перспективы, принимать эффективные стратегические управленческие решения в сложившихся рискованных условиях хозяйствования. Сельское хозяйство, ввиду специфики его функционирования и развития, нуждается в регулировании и поддержке со стороны государства. Следовательно, современная экономическая среда функционирования, аграрный кризис, рост нестабильности условий предпринимательской деятельности, специфические особенности самого сельского хозяйства объективно требуют при распределении государственных инвестиционных ресурсов учета фактора риска в предпринимательской деятельности на селе.

Инвестиции являются важнейшим фактором, определяющим темпы экономического развития агропромышленного производства. Они выступают в качестве материальной основы простого и расширенного воспроизводства в АПК, финансового источника инноваций. Снижение притока инвестиций ниже допустимого уровня ведет к износу и

¹ Абдимолдаева Н. Оценка доступа на рынок сельхозтоваров в аспекте вступления Казахстана в ВТО // Агроинформ. 2004. – № 1 (19). – С. 7.

² Абсалямов Н. Пути реализации государственной политики в агропродовольственном секторе // Труд в Казахстане. 2014. – № 6. – С. 42.

разрушению материально-технической базы товаропроизводителей АПК. Это, в свою очередь, вызывает падение темпов экономического развития, а затем и снижение объемов производства продукции и ее конкурентоспособности¹.

Современное состояние инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе страны характеризуется нестабильностью и противоречивостью, отсутствием механизма регулирования рынка инвестиций, позволяющим предприятиям обеспечивать расширенное воспроизводство.

Низкая инвестиционная привлекательность аграрного сектора, обусловленная высокими рисками и неликвидностью оставшегося имущества от предыдущей хозяйственной деятельности, чрезмерно высокие процентные ставки на кредиты лишают предприятия АПК возможности привлекать заемные средства отдельных банков. Кроме того, ситуация усугубляется фактором относительно низкой доходности отраслей АПК, что тормозит возможное привлечение средств, особенно в условиях пандемии.

В ряду важнейших вопросов, решение которых позволит стимулировать экономический рост, стоит проблема эффективного государственного регулирования. В то же время вопросы совершенствования государственного регулирования инвестиционного процесса в АПК на основе финансово-кредитного и налогового механизмов, улучшения методического и научного обеспечения инвестиционной деятельности в аграрной сфере в современных условиях исследованы недостаточно полно. Дискуссионными остаются вопросы, связанные с формами и масштабами государственной финансовой поддержки. По мнению Г.М. Антонова, «наиболее значимыми являются: приоритетные направления совершенствования государственного регулирования инвестиционного процесса в АПК региона, включающие мероприятия по повышению правового, инфраструктурного и научного обеспечения бизнес-проектов в АПК; методика оказания дифференцированной финансовой поддержки устойчивости доходов по производству сельскохозяйственной продукции»².

Экономический механизм государственного регулирования сельского хозяйства проявляется на республиканском и региональном уровнях. Многие его аспекты оказались неразработанными. На региональном уровне не сложилась научно обоснованная система развития агропромышленного комплекса, включая оценку его эффективности и прогнозирование тенденций развития. В условиях становления рыночной экономики возникла необходимость в исследованиях совершенствования методологии определения приоритетов в функционировании экономического механизма регулирования региональных АПК.

На республиканском уровне предусматривается решение таких проблем, как разработка общих принципов аграрной политики и мер, направленных на обеспечение продовольственной безопасности страны; создание в сельском хозяйстве оптимального ресурсного потенциала; обеспечение паритета цен между продукцией сельского хозяйства и других отраслей; регулирование кредитно-финансовых и налоговых систем.

На региональном уровне должны решаться следующие задачи: осуществление механизмов движения средств производства от менее эффективных к более эффективным собственникам; реализация антимонопольной политики и поддержки многообразия организационно-правовых форм хозяйствования; регулирование производства и сбыта продукции; разработка программы социального развития села; привлечение инвестиций; осуществление информационно-консультативной деятельности и аудита в сельском хозяйстве.

В целях обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства назрела необходимость разработки эффективного экономического механизма государственного регулирования экономики, включающего систему взаимообусловленных форм и методов воздействия на поведение товаропроизводителей с целью стимулирования производственной, финансовой, инвестиционной деятельности и насыщения рынка конкурентоспособной продукцией.

Экономический механизм представляет собой сложную систему, которая в нашем понимании рассматривается как часть хозяйственного механизма и как форма организационно-экономических отношений. Его сущность заключается в установлении оптимальных соотношений различных методов и рычагов, в том числе ценового и финансово-кредитного механизмов, системы страхования и налогов, бюджетной поддержки и инвестиций в АПК. Для каждого из элементов экономического механизма характерны особенности и относительная самостоятельность, но результат их взаимодействия предполагает решение единых задач.

Эффективным экономическим механизмом является рыночный механизм, обеспечивающий органическую взаимосвязь его саморегулирующихся рычагов, интересов и стимулов с достижением наибольшего хозяйственного эффекта. Саморегулирующие функции рыночного экономического механизма объективно предполагают государственное регулирование рыночных процессов, основываясь на законах и принципах рыночной экономики, необходимость устранения недобросовестной конкуренции, причем роль этого регулирования в периоды реформирования возрастает³.

Целесообразно разделять государственное регулирование и государственную поддержку. Регулирование может быть направлено не только на увеличение производства, но и на его ограничение. Государство с помощью механизмов регулирования должно создать на макроуровне условия для доходного производства. Реальный экономический интерес производителя должен развивать это производство. Поддержание может быть направлено на подкрепление, проведение мер по удержанию экономических процессов и объектов в определенном состоянии, на фиксированном уровне. Существенная экономическая поддержка производителей должна создаваться на основе реализации в интересах

¹ Абсаямов Н. Сравнительный анализ финансово-производственной деятельности предприятий сельского хозяйства в регионах Республики Казахстан // Саясат. 2017. – № 5. – С. 57.

² Антонов Г.М. О мерах по повышению эффективности кредитного механизма в АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2006. – № 3. – С. 46.

³ Беломестнов В.Г. Управление инвестиционными процессами. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. – С. 64.

производителей ценовой, финансово-кредитной, налоговой, страховой политики, посредством контроля импорта продукции в республику и прямого субсидирования производства и экспорта продукции.

В заключение отметим, что в настоящее время в Казахстане развитие интеграционных процессов находится в стадии становления, сложившиеся экономические взаимоотношения сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающих предприятий не всегда обеспечивают им взаимовыгодное участие. Создание в Западно-Казахстанской области интегрированных агроформирований по производству, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции позволит увеличить выход сельскохозяйственной продукции и уровень рентабельности деятельности всех участников, что представляется нам весьма своевременной и необходимой мерой. Интегрированные формирования, в том числе и дочерние предприятия, позволят уменьшить негативные последствия диспаритета цен между сельским хозяйством и сферой его обслуживания, вернуть сельхозтоваропроизводителям часть стоимости, изъятой вследствие неэквивалентного обмена.

Аюпова З.К.

д.ю.н., профессор, Казахский национальный аграрный университет, Алматы

Кусаинов Д.У.

д.филол.н., профессор, Казахский национальный педагогический университет, Алматы

Рахимова Г.Д.

к.филол.н., доцент. Казахский национальный педагогический университет, Алматы

О РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: цифровизация, модернизация, глобализация, цифровые технологии, траектория развития, цифровая экономика, цифровая индустрия.

Keywords: digitalization, modernization, globalization, digital technologies, development trajectory, digital economy, digital industry.

Как известно, Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827 от 12 декабря 2017 года была утверждена Государственная программа «Цифровой Казахстан». Она была разработана Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан в соответствии с Посланием Президента Республики Казахстан «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 года. Данная программа направлена на то, чтобы ускорить темпы развития экономики республики и улучшить качество жизни населения, за счет использования цифровых технологий в среднесрочной перспективе, а также обеспечить создание цифровой экономики будущего страны. Сроки реализации программы намечены на 2018–2022 годы¹.

В программе упоминается и о развитии «умных городов», их число к 2022 году должно увеличиться до пяти: Астана, Алматы, Шымкент, Караганда, Актобе.

Предполагается траектория по двум векторам развития: «цифровизация существующей экономики» и «создание цифровой индустрии будущего» с последовательным развитием человеческого капитала, созданием институтов инновационного развития и цифровой экосистемы. По большому счету, предполагается цифровизация промышленности, электроэнергетики, транспорта, логистики, сельского хозяйства, торговли, финансовых технологий, безналичных платежей, внутренней деятельности государственных органов. И, наконец, создание «умных» городов-smart cities.

Практика развития передовых стран показывает, что финансовый сектор является важнейшим элементом стабильной экономики, и от его состояния зависят скорость и качество происходящих изменений. В современной экономике Казахстана неотъемлемой частью финансового сектора стали электронные платежи и электронная торговля. Финансовая отрасль традиционно повсеместно лидирует во внедрении и применении инновационных технологий и цифровых сервисов для взаимодействия с клиентами.

В настоящее время практически все банки предоставляют услуги посредством дистанционных каналов. 70% банков оказывают сервисы физическим лицам посредством Интернета и мобильного банкинга, 55% банков предоставляют свои услуги на базе мобильных приложений. Объем платежей физических лиц с использованием Интернета и мобильного банкинга в 2016 году по сравнению с 2015 годом увеличился в 2,6 раза. Для инвесторов был упрощен порядок оказания электронных услуг брокерами, включая проведение торговых операций на основании электронной цифровой подписи клиента и оказание электронных услуг через личный кабинет.

Данные новеллы существенно упростили доступ на рынок региональных инвесторов и позволили инвесторам осуществлять торговлю финансовыми инструментами на казахстанском фондовом рынке из любой точки мира.

Серьезными трудностями в дальнейшей цифровизации финансовых отношений является отсутствие эффективного регулирования, унифицированных стандартов электронного взаимодействия финансового сектора с государственными информационными системами и базами данных, универсального механизма удаленной идентификации клиентов, а также недостаточный уровень финансовой грамотности населения.

Одним из основных элементов является вовлечение населения в формальную финансовую систему. Для повышения доступности финансовых, в частности, платежных услуг развиваются внебанковские экосистемы – системы электронных денег, операторами мобильной связи внедряются решения по оплате товаров и услуг с абонентского счета.

Эти решения ограничены экосистемой поставщика услуг, что затрудняет массовое применение населением. Наибольшее развитие мобильные платежи получили в таких государствах, как Швеция и Кения несмотря на разницу в подходах – банковские и небанковские платформы. Опыт таких стран, как Англия, Швеция, Австрия, Сингапур, Южная Корея, Австралия свидетельствует о том, что создание технологических платформ для обеспечения межинституциональной удаленной идентификации населения, внедрение открытых платформ в финансовом секторе, построение

¹ Государственная программа «Цифровой Казахстан». Утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827 от 12 декабря 2017 года. – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37168057

интегрированной цифровой среды, взаимодействия и коммуникации между финансовыми институтами, клиентами и государственными органами позволяют качественно улучшить уровень сервисов в финансовом секторе.

Выше перечисленные показатели соответствуют глобальному тренду цифровизации, трансформируют отрасль и создают предпосылки для обеспечения повсеместного получения финансовых и других услуг. Современные технологические тренды кардинально меняют парадигму оказания финансовых услуг, рождаются новые сферы и направления, бизнес-модели, снижается стоимость финансовых услуг, а также нивелируются риски, присущие отрасли¹.

Говоря о роли современных технологий, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем ежегодном Послании народу Казахстана от 10 января 2018 года, подробно остановился на внедрении современных технологий в казахстанскую экономику. В своем тезисе о Четвертой промышленной революции он подчеркивал: *«Крайне важно понимать инновационные технологии, добиваться их полной интеграции в наше общество»*. Ключевой особенностью данных процессов является интеграция оборудования и информационных систем на протяжении всех ступеней производства, зачастую выходящего за рамки одного предприятия, для прогнозирования, самонастройки и адаптации в соответствии с изменениями потребностей экономики и производства².

Последовательная реализация основных положений Послания Главы государства связана с решением проблемы цифровизации страны, с переходом к поэтапному использованию цифровых ресурсов для кардинального преобразования технологических процессов экономики. Цифровизация подразумевает переформатирование технологий и бизнес-процессов для усовершенствования рабочей среды, взаимодействия между участниками процесса деятельности современных предприятий.

Глава государства обозначил отдельные инновационные составляющие для осуществления цифровизации экономики Казахстана, такие как: **Большие данные, Блокчейн, Умный город. В Казахстане** определены ведущие инновационные центры, активно развивающие информационные технологии, в их числе: Назарбаев Университет, Международный финансовый центр Астана, Международный технопарк IT-стартапов и Парк инновационных технологий «Алатау». Недавно в столице республики – Астане, а также в Алматы была введена система дорожного контроля «Сергек». Данный аппаратно-программный комплекс функционирует в пилотном режиме для контроля соблюдения скоростного режима с функцией замера средней скорости передвижения на участке. Помимо контроля скоростного режима «Сергек» фиксирует другие нарушения ПДД, формирует Big Data по передвижению транспортных средств.

Современный процесс глобализации и научно-технический прогресс в сфере новых информационных и телекоммуникационных технологий дает уникальные возможности для Казахстана. Суть Четвертой промышленной революции заключается в массовом внедрении информационно-технологических систем в производство, кардинальных изменениях не только в промышленности, но и на рынке труда, в государственном управлении и др.

Цифровизация отраслей экономики предполагает преобразование традиционных отраслей экономики РК с использованием прорывных технологий и возможностей, повышающих производительность труда и уровень капитализации. При этом «переход на цифровое государство» означает коренное преобразование функций государства в сфере предоставления услуг населению и бизнесу. Кроме того, «реализация цифрового Шелкового пути» подразумевает последовательное развитие высокоскоростной и защищенной инфраструктуры передачи, хранения и обработки данных. Далее, «развитие человеческого капитала» охватывает все процессы создания так называемого креативного общества для обеспечения перехода к экономике знаний. И, наконец, «создание инновационной экосистемы» обеспечивает необходимые условия для развития технологического предпринимательства и инноваций с устойчивыми связями бизнеса, науки и государства.

«Цифровой Казахстан», по своей сути, – это новая госпрограмма, согласно которой государство берет на контроль все цифровые процессы в стране, для многих из них выступая в роли заказчика. Цифровизация в Казахстане ведет к созданию нового общества, где активно развивается человеческий капитал, повышается эффективность и скорость работы за счет автоматизации и других новых технологий. Цифровая революция, промышленный Интернет вещей, искусственный интеллект, технология 3D-печати, блокчейн в авиации, логистике, биомедицине и автомобильной промышленности, денежной системе развиваются молниеносно, а не в течение десятилетий, как это было раньше.

Сегодня процесс цифровизации затрагивает многие страны мира. Более 15 государств, в числе которых Канада, КНР, Сингапур, Новая Зеландия, Южная Корея и Дания приступили к созданию «Интернета плюс» (Китай), ИКТ-хаба (Канада), «умной экономики», «умной нации» (Сингапур), «креативной экономики» (Южная Корея), цифровизация госсектора (Дания).

В наши дни оцифровка бизнеса становится все более динамичной, охватывает изменения в глобальной экономической сфере и влияет на конкурентоспособность национальных экономик. Цифровизация становится приоритетным направлением в экономике, и не только. Интернет, глобальное киберпространство и цифровая экономика имеют большой потенциал для увеличения роста и производительности труда. Инновации в области данных и цифровых технологий помогают преобразовать производство, транспорт, энергетику и финансовый сектор. Цифровая экономика, на наш взгляд, принципиально отличается от традиционной. Происходит планомерное введение цифрового идентификационного механизма в Казахстане.

¹ Государственная программа «Информационный Казахстан- 2020». Утверждена Указом Президента № 464 от 8 января 2013 года. – http://egov.kz/cms/ru/articles/gp_inf_kaz_2020

² Послание Президента Республики Казахстан «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 года. – https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-presidenta-respubliki-nazarbaevanarodukazahstana-31yanvarya-2017-g

Государство цифровизирует информацию о земле и недвижимости, создало карты открытого пользования по единым форматам и структурам данных, ранее разрозненные кадастры интегрированы в одно информационное пространство. Государство цифровизирует даже культуру, создав сеть виртуальных музеев и переведя в электронный формат все музейные фонды и даже записи концертов и спектаклей. Повсеместно образованы ЦОНЫ – центры обслуживания населения по принципу одного окна.

Создатели «Цифрового Казахстана» уверены, что в нефтегазовой отрасли широкое применение новых технологий позволит снизить затраты на разведку и добычу именно за счет качественной и полной информации, что повысит эффективность управления запасами, добычей и переработкой. Цифровизация отраслей экономики затрагивает также такие сферы, как транспорт и логистика, сельское хозяйство, финансовый сектор. Государство, как сказано в программе «Цифровой Казахстан», энергично поддерживает электронную торговлю не только морально и законодательно, но и материально.

Мы уже отмечали ранее, что цифровая экономика, которую также называют информационной, сетевой, цифровой, технотронной, электронной экономикой, в основном, основана на информационных технологиях, с внедрением новых форм, обеспечивающих возможности роста. Не случайно инновации в области информационных технологий, компьютерных сетей, телекоммуникаций и транспортных систем способствуют международному движению капитала, товаров, услуг, людей, идей и культурных ценностей.

Как отмечают Н.В. Кушжанов и У.Ж. Алиев, «уровень технологических изменений, характеризующих сегодняшнюю мировую экономику, постоянно растущее использование информационных технологий привели к изменениям в экономической среде. Ныне бизнес принимает все новые и новые формы, а его большая часть переходит в Интернет и использует преимущества последнего, включая новые веб-технологии».¹

В заключение отметим, что цифровизация представляет собой закономерный этап в историческом развитии общества, в основе которого лежат глобальные системы кредитно-денежных и финансово-экономических отношений, инфраструктура очередной научно-технической революции.

¹ Кушжанов Н.В., Алиев У.Ж. Цифровая трансформация экономики в ЕАЭС // Доклады НАН РК. 2018. – № 1. – С. 44.

Беляков Г.П.

д.э.н., профессор, Сибирский государственный университет науки и технологий, г. Красноярск

Багдасарян Н.А.

старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, Институт управления бизнес-процессами и экономики, г. Красноярск

ЗАКОНЫ-ПРОГРАММЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ США И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Ключевые слова: закон-программа; управление научно-технологическим развитием; программное планирование в США; национальная нанотехнологическая инициатива; приоритетные направления научно-технологического развития; комплексные программы.

В условиях современной технологической революции, когда создание передовых технологий формирующегося нового технологического уклада становится определяющим фактором международной конкурентоспособности стран и компаний, научно-технологическое развитие (НТР) выделено в качестве важнейшего направления государственной политики Российской Федерации. Одним из инструментов реализации принятой в 2016 году Стратегии научно-технологического развития РФ является формирование и реализация комплексных научно-технических программ по приоритетам Стратегии НТР. Их цель – создание сбалансированной системы поддержки всех стадий полного инновационного цикла: от фундаментальных исследований до создания и использования технологий, производства на их основе высокотехнологичной продукции и услуг с выходом на конкурентный рынок². Несмотря на позитивное продвижение в области организации научно-технологического развития, в России пока накоплен недостаточный опыт реализации комплексных программ по приоритетам НТР. В этой связи представляет несомненный интерес опыт программного планирования научно-технологического развития США.

Поскольку наука, техника и научно-технический прогресс определены в качестве фундамента развития американской экономики, то вопросы государственной поддержки развития базовых технологий нового технологического уклада и их ускоренного внедрения в производство вынесены на высший уровень руководства страны. Этими вопросами занимается президент США и его администрация. Для этого используется весьма эффективный инструмент государственно-правового регулирования – «закон-программа». В законе-программе формулируются цели научно-технической программы; определяются мероприятия, подлежащие исполнению; устанавливаются органы, ответственные за осуществление программы, которые наделяются необходимыми им полномочиями; решаются вопросы межведомственной координации; определяются источники финансирования и порядок распределения средств. Все законы-программы подвергаются ежегодной корректировке. В соответствии с законодательством США президент ежегодно представляет в Конгресс подробный отчет о выполнении законов-программ. Этот отчет служит не только для анализа государственной научно-технической политики за прошедший период, но и является основой для подготовки предложений в этой области на ближайшие 5–10 лет³.

Понимание данного факта определяет научный интерес исследования, который заключается в изучении опыта структурирования «закона-программы» и организационного механизма исполнения как эффективного инструмента реализации приоритетных направлений научно-технологического развития страны. Данный аспект особо важен для анализа возможности использования наилучших практик в государственном программном планировании научно-технологического развития РФ.

В настоящее время в США сформирована достаточно эффективная система реализации приоритетов научно-технологического развития. Инструментом реализации перспективных научно-технических направлений США, оказывающих системное влияние на развитие целых отраслей экономики, являются межведомственные инициативы, имеющие статус национальных или президентских программ. Такие государственные научно-технические программы оформляются в виде закона, называемого «законом-программой»⁴. Одной из первых федеральных программ в рамках президентской ответственности, получивших статус закона-программы, стала «Программа исследований и разработок сетевых и информационных технологий» (NITRD), ранее известная как Программа высокопроизводительных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00355.

² Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации на 2019–2030 годы». <http://docs.cntd.ru/document/554102822>

³ Рубальтер Д.А., Шувалов С.С. Опыт ведущих зарубежных стран в области государственного регулирования сферы исследований и разработок // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. – М., 2007. – № 1. – С. 30.

⁴ Там же.

вычислений и связи (НРСС), созданная в соответствии с *законом о высокопроизводительных вычислениях 1991 года (PL 102-194)*¹. NITRD является одной из крупнейших официальных федеральных программ, которые координируют деятельность нескольких агентств для решения междисциплинарных, многотехнологических и многосекторальных потребностей в исследованиях и разработках. В настоящее время 23 федеральных агентства инвестируют порядка 6,5 миллиардов долларов в год в программы НИОКР, которые обеспечивают достижение главной *цели программы*² – мировое лидерство США в сетевых и информационных технологиях.

Особое место среди законов-программ занимает Национальная инициатива в сфере нанотехнологий (NNI), оцениваемая экспертами как успешная правительственная инициатива³, которая обеспечила значительный рост исследований, инноваций, занятости и объемов рынка в секторе нанотехнологий. *Национальная инициатива в области нанотехнологий США* была объявлена в январе 2000 г., принята в 2001 г. и утверждена *Законом о нанотехнологических исследованиях и разработках в 21 веке* (The 21 Century Nanotechnology Research and Development Act), который был подписан президентом Джорджем Бушем 3 декабря 2003 г. в качестве публичного закона 108–153⁴. Она призвана обеспечить взаимодействие многих заинтересованных организаций, поддержать их усилия по исследованиям и разработкам на федеральном уровне, обеспечить создание необходимой для этого инфраструктуры, способствующей коммерциализации нанотехнологий. Кроме продвижения в новых нанотехнологических решениях, NNI также внедряет в общественное сознание и различные возможности использования нанотехнологий в социальной сфере.

Согласно последнему обновленному стратегическому плану NNI⁵, выпущенному в 2016 году, общее *видение* результатов данной инициативы – это будущее, в котором возможности понимания и контролирования свойств материалов на наноуровне приведут к революции в технологиях и промышленности, имеющей исключительное положительное влияние на жизнь общества. При этом главные *цели* NNI остаются неизменными с момента запуска инициативы и включают следующие направления деятельности:

Цель 1. Реализация программы научных исследований и разработок мирового уровня в области нанотехнологий. Речь идет о поддержке и стимулировании исследований на основе конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук, способствующих решению ключевых социальных проблем США;

Цель 2. Ускорение передачи новых технологий в производство для обеспечения коммерческой и общественной выгоды. Достижения в области науки и техники, поддерживаемые в рамках цели 1, составляют основу для новых материалов, устройств и систем. Существует значительный потенциал применения тех свойств, которые проявляются в наномасштабе, имеющих широкий спектр приложений: от квантовых вычислений до лечения болезней. Для реализации этого потенциала необходимо ускорить передачу результатов исследований и разработок в области нанотехнологий в сферу коммерческого применения;

Цель 3. Развитие образовательных ресурсов и высококвалифицированных рабочих кадров, а также создание динамичной инфраструктуры для обеспечения дальнейшего успеха нанотехнологий. Для развития программы исследований в области нанотехнологий мирового уровня (цель 1) и переноса данных открытий из лабораторий в сферу коммерческого применения (цель 2) создается соответствующая система, обеспечивающая материальную, кибернетическую и человеческую составляющую инфраструктуры. Образование в области нано-науки, инженерии и технологии позволит: а) вырастить новое поколение исследователей и новаторов; б) сформировать у технического персонала современные и перспективные технологические навыки и компетенции; в) подготовить население к принятию взвешенных решений в постоянно меняющейся технологической среде;

Цель 4. Обеспечение ответственного отношения к развитию нанотехнологий. Федеральное правительство поддерживает не только цели 1–3, но и регламентирует ответственное развитие нанотехнологий. Понимание поведения наноматериалов в отношении связанных с нанотехнологиями аспектов охраны окружающей среды, здоровья и безопасности – в дополнение к потенциальным этическим, юридическим и социальным последствиям – имеет важное значение для установления общественного доверия и нормативной определенности. Это создает более благоприятные условия и повышает готовность компаний, выводящих на рынок продукцию нанотехнологий⁶.

Очевидно, что каждая из перечисленных целей взаимоувязана с другими целями инициативы, все вместе они определяют целенаправленную и скоординированную деятельность всех участников NNI, обеспечивая ее максимальную эффективность в целом.

Для достижения поставленных целей в США в рамках NNI разрабатываются стратегические планы (последний датирован 2016 г.)⁷, где определяются *конкретные задачи*. В соответствии *законом о нанотехнологических исследованиях и разработках в 21 веке* – Подкомитетом по нанотехнологическим наукам, инженерии и технологии (NSET) опре-

¹ High-Performance Computing Act of 1991 [As Amended Through P.L. 110–69, Enacted August 9, 2007]; High-Performance Computing Act of 1991 [As Amended Through P.L. 114–329, Enacted January 6, 2017] (This unofficial version is provided by the NITRD National Coordination Office). – <https://www.nitrd.gov/about/>

² The Networking and Information Technology Research and Development (NITRD) Program (NITRD) // Официальный сайт правительства США. – <https://www.nitrd.gov/about/index.aspx>

³ Анохин Р.Н. Нанотехнологии в системе национальных приоритетов инновационного развития // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2012. – Т. 12, вып.4. – С. 101.

⁴ The 21 Century Nanotechnology Research and Development Act [Pub.L. 108–153, Dec 3, 2003]. – <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/senate-bill/189>

⁵ National Nanotechnology Initiative Strategic Plan (2016). – <https://www.nano.gov/2016strategicplan>

⁶ Диесперова Н.А., Заволокина Л.И. Институциональные условия развития наноиндустрии: опыт РФ и США // Вестник ЧелГУ. 2018. – № 8 (418). – С. 23.

⁷ National Nanotechnology Initiative Strategic Plan (2016). – <https://www.nano.gov/2016strategicplan>

деляются программные направления, развитие которых обеспечивает достижение целей NNI. Программные направления (program component areas, далее PCA) являются программными областями нанотехнологий, которые идентифицированы согласно проводимым и запланированным НИОКР-проектам. Текущие области программных компонент NNI включают пять PCA.

1. *Ключевые нанотехнологические инициативы и сверхсложные задачи.* Данное программное направление включает *шесть сформулированных инициатив* в области нанотехнологий. Это: 1) «Устойчивое нанопроизводство – создание промышленности будущего». Включает направления: а) разработка масштабируемых и устойчивых наноматериалов, компонент, устройств и процессов; б) технологии измерений в нанопроизводстве; 2) «Нанoeлектроника на период до 2020 год и далее». Включает направления: а) появление нанofотоники совместно с нанoeлектроникой; б) исследование углеродной нанoeлектроники; в) использование наномасштабных процессов и явлений в науке о квантовой информации и др. 3) «Нанотехнологическая инфраструктура». Предусматривает создание цифровой информационной инфраструктуры поддержки знаний и обмена данными для ускорения инноваций в области нанотехнологий; 4) «Сенсорные нанотехнологические датчики и датчики для развития нанотехнологий»; 5) «Компьютеры будущего на базе нанотехнологий»; 6) «Нанотехнологии в получении и преобразовании солнечной энергии».

2. *Фундаментальные исследования.* Включают: а) развитие фундаментальных знаний о новых явлениях, происходящих в наномасштабе; б) исследования, направленные на открытие и синтез новых наноразмерных и наноструктурных материалов; в) разъяснение научных и инженерных принципов, связанных со структурами, процессами и механизмами; г) исследования, направленные на выявление и количественную оценку воздействия нанотехнологий на общество, включая социальные, экономические, этические и правовые последствия.

3. *Приложения, устройства и системы, основанные на нанотехнологиях.* Данный PCA направлен на проведение НИОКР, использующих принципы наноразмерной науки и техники для создания новых устройств и систем или для улучшения существующих.

4. *Исследовательская инфраструктура и инструментарий.* Поддерживает создание и эксплуатацию пользовательских средств и сетей, приобретение основного оборудования, разработку инструментов, необходимых для продвижения исследований в области нанотехнологий, включая инструменты ИТ и приборы нового поколения для измерения, синтеза и проектирования материалов, конструкций, устройств и систем.

5. *Окружающая среда, здоровье и безопасность.* Поддерживает исследования в области влияния нанотехнологий на экологию, здоровье и безопасность, оценки соответствующих рисков, поиска методов управления ими.

Особый интерес представляет тщательно проработанный и отраженный в законе-программе организационно-экономический механизм реализации мероприятий, обеспечивающий достижение стратегических целей и задач NNI.

Финансовый механизм предусматривает: а) предоставление грантов на индивидуальные исследования и междисциплинарные командные проекты, например, Национальный научный фонд (ННФ) в настоящее время тратит порядка 20 % на междисциплинарные исследовательские команды¹; б) вложение значительных средств NNI на создание и становление крупных междисциплинарных исследовательских центров (их финансирование осуществляется в размере порядка 2 млн. долларов в год на период от 5–10 лет); в) увеличение общих инвестиций NNI на поддержку фундаментальных исследований, обеспечивающих инновации в будущем (с 36% в 2016 году почти до 40% в бюджете 2018 года²); г) инвестиции в обновление научного оборудования для проведения исследований и разработок в области нанотехнологий. Так, ННФ и Министерство энергетики финансируют на конкурсной основе обновление научного оборудования. NNI выделяет средства для создания в университетах и государственных научных организациях специализированных исследовательских центров, оборудованных новейшим инструментарием;

Механизм научно-технологического обеспечения преобразования знаний и идей в экономические и социальные выгоды. Включает в качестве определяющих следующие мероприятия: а) создание системы информационного обмена и взаимодействия с промышленностью посредством формирования механизма промышленной координации. Выделяются группы связей из числа представителей промышленности и частного сектора, задачей которых является обмен информацией о программах исследований NNI и выявление потребностей промышленности в результатах нанотехнологических исследований; б) совершенствование системы защиты интеллектуальной собственности и оценки изобретений в области нанотехнологий; в) установление связей с Национальным институтом стандартов и технологий для участия в деятельности по разработке стандартов в сфере нанотехнологий; г) организация и поддержка пространственного развития исследовательской сети на базе исследовательских центров по нанонауке, нанотехнологической инфраструктуры, сети центров нанотехнологий в области вычислительной техники; д) поддержка участия малого бизнеса в разработке и использовании нанотехнологий через программы «Инновационные программы в малом бизнесе (SBIR) и «Передача технологий малому бизнесу» (STTR); е) развитие системы информационно-коммуникационного обмена и публичного обсуждения социальных и экологических последствий распространения нанотехнологий.

Механизмы формирования конкурентоспособной человеческой переменной. В качестве основных элементов включает: а) стимулирование взаимодействия между специалистами, работающими в секторе нанотехнологий путем планирования совместных научных направлений, организации сотрудничества с промышленностью и международным исследовательским сообществом. Стратегия реализации задачи кооперации с международным исследовательским сообществом включает программу широкого международного обмена студентами и аспирантами, поддержку международной активности, спонсирование участия США в международных конференциях по нанотехнологиям, ос-

¹ Ананян М.А. «НАНОРОССИЯ – сейчас или никогда». – <http://spkurdyumov.ru/forecasting/nanorossiya-sejchas-ili-nikogda/>

² Диесперова Н.А., Заволокина Л.И. Институциональные условия развития наноиндустрии: опыт РФ и США // Вестник ЧелГУ. 2018. – № 8 (418). – С. 26.

лабление визового режима, затрудняющего участие в международных обменах; б) разработка углубленной образовательной программы в области нанонауки и нанотехнологий для колледжей, университетов и общественности; в) развитие образовательных программ, нацеленных на переподготовку и повышение квалификации технических работников; г) введение преподавания основ нанонауки в процессе обучения людей всех возрастных категорий; д) подготовка ученых-преподавателей на базе центров обучения нанонауки и наноинженерии; е) реализация программы «Дистанционно доступные инструменты для нанотехнологий», где квалифицированная рабочая сила и студенты-исследователи работают вместе с экспертами для овладения навыками управления оборудованием, новыми методами и инструментами в секторе нанотехнологий; ж) реализация отдельных университетских программ, таких как «Получение исследовательского опыта для магистрантов»; з) обмен специалистами между университетами и промышленностью с целью прохождения практики в промышленных лабораториях и наоборот.

Организационно-управленческий механизм научно-технологического развития. Общее управление программой NNI осуществляется Национальным советом по науке и технологиям (NSTC) (рис. 1). Центральным координирующим органом инициативы является Подкомитет NSTC по науке, инженерии и нанотехнологиям (NSET), нацеленный на поддержание позиции США как мирового лидера в области нанотехнологий. Среди координирующих функций данного подкомитета выделяют: а) совершенствование трехлетних стратегических планов NNI; б) разработка годового отчета и бюджетной заявки в форме дополнения NNI к бюджетному посланию Президента; в) формирование и организация деятельности рабочих групп, обеспечивающих подготовку правительственных решений по нанотехнологическим вопросам. В настоящее время существует четыре рабочие группы, членство в которых открыто для всех агентств-участников NNI:

1) рабочая группа по применению нанотехнологий в охране окружающей среды и здравоохранении (NEHI). Она координирует усилия NNI по обеспечению каналов для обмена информацией и выработке стратегии исследований нанотехнологических рисков и мер по защите от таких рисков;

2) рабочая группа по глобальным нанотехнологическим проблемам (GIN). Координирует международные действия в сфере нанотехнологии, ведет мониторинг иностранных нанотехнологических программ, стремится к расширению международного сотрудничества в нанотехнологических исследованиях;

3) рабочая группа по нанопроизводству и инновациям (NILI). Разрабатывает меры, призванные облегчить нанотехнологические нововведения, ускорить промышленное внедрение нанотехнологий, расширить обмен между федеральными агентствами, академическими кругами, штатами и местными организациями;

4) нанотехнологическая рабочая группа по связям с общественностью (NPEC). Координирует и поддерживает агентства-участники NNI в их усилиях по повышению информированности общественности, политиков и других заинтересованных групп о нанотехнологиях и их значении.

Национальное координационное бюро по нанотехнологиям (NNCO), созданное в соответствии с законом о нанотехнологических исследованиях и разработках в XXI веке, оказывает техническую и административную поддержку подкомитету NSET. NNCO координирует публикацию и подготовку документов о планах и финансировании NNI, организует заседания подкомитета NSET и его рабочих групп. По запросам Конгресса NNCO координирует подготовку информации о NNI. В рамках закона на NNCO также возложено обязательство контроля исследований этических и социальных последствий нанотехнологий.

Директор NNCO инициирует работу над трехлетним аналитическим обзором NNI, выполняемым Национальным исследовательским советом при Национальных академиях (NA). Согласно закону о нанотехнологических исследованиях и разработках в XXI веке данный обзор должен включать: а) оценку технических достижений Программы, включая определение того, достигла ли Программа целей по установленным показателям; б) обзор управления и координации Программы через агентства; в) обзор уровня финансирования каждым агентством Программы и способность каждого агентства достичь заявленных целей Программы с данным объемом средств; г) оценка возможности трансфера технологий в частный сектор; д) оценка успешности Программы с точки зрения развития междисциплинарных исследований и разработок; е) рекомендации для новых или пересмотренных целей Программы; ж) рекомендации по новым областям исследований, партнерств, механизмов координации и управления или программ, которые будут созданы для достижения заявленных целей программы; з) рекомендации по изменению политики, программы и бюджета в отношении нанотехнологических исследований и разработок; и) анализ положения США на глобальном рынке нанотехнологических исследований и разработок, а также выявление критических областей исследований, обеспечивающих мировое лидерство страны; к) анализ текущего воздействия нанотехнологий на экономику США и рекомендации для увеличения их влияния в будущем.

Законом о нанотехнологических исследованиях и разработках в XXI веке установлена периодическая экспертиза NNI внешними консультативными органами. Одним из независимых экспертных органов является Национальный нанотехнологический координационный совет (NNAP), назначаемый президентом и формируемый из квалифицированных членов академических институтов и промышленности. NNAP должен давать оценку **федеральной программе нанотехнологических исследований** каждые два года и представлять соответствующие результаты президенту. Данный отчет включает: а) оценку тенденций и разработок в области нанотехнологий в целом, а также по стратегическим направлениям NNI; б) комментарии по программной деятельности NNI; в) оценку эффективности программы в решении социальных, этических, кадровых, правовых и экологических вопросов; г) рекомендации по улучшению NNI.

Закон также обязывает Национальный исследовательский совет при Национальных академиях (NA) проводить экспертизу NNI один раз в три года. Цель экспертизы, проводимой NA – подготовка рекомендаций подкомитету NSET и NNCO, включающих: а) новые механизмы трансфера технологий в коммерческий сектор; б) показатели оценки прогресса целей NNI; в) оценка координации исследований NNI в гражданских и военных федеральных агентствах.

В реализации NNI также участвуют представители администрации президента (EOP) с целью согласования и координации мероприятий инициативы и правительственных приоритетов. Это: Департамент научной и технологической политики (OSTP) и Департамент управления и бюджета (OMB). OSTP обеспечивает работу Национального совета по науке и технологиям и обеспечивает межведомственную координацию политики в сфере науки и техники. OMB бюджета отвечает за координацию бюджетов агентств и финансирование исследований NNI.

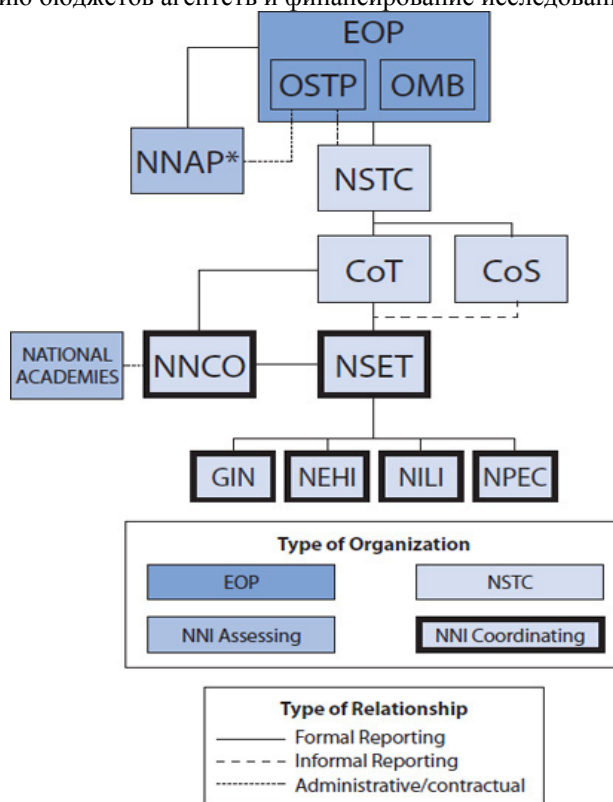

Рисунок 1.
Организации, участвующие в координации и экспертизе NNI¹

EOP – Администрация президента;
 OSTP – Департамент научной и технологической политики;
 OMB – Департамент управления и бюджета;
 NNAP – Национальный нанотехнологический координационный совет;
 NSTC – Национальный совет по науке и технологиям;
 CoT – Комитет по технологиям NSTC;
 CoS – Комитет по науке NSTC;
 NATIONAL ACADEMIES (NA) – Национальный исследовательский совет при Национальных академиях;
 NNCO – Национальное нанотехнологическое координационное бюро;
 NSET – Подкомитет NSTC по науке, инженерии и нанотехнологиям;
 GIN – Рабочая группа по глобальным нанотехнологическим проблемам;
 NEHI – Рабочая группа по применению нанотехнологии в охране окружающей среды и здравоохранении;
 NILI – Рабочая группа по нанопроизводству и инновациям;
 NPEC – Нанотехнологическая рабочая группа по связям с общественностью.

Подводя итог анализу законов-программ можно выделить ряд отличительных черт, обеспечивающих успешность данного инструмента в реализации приоритетов научно-технологического развития США:

1. Комплексность мероприятий, обеспечивающих реализацию полного инновационного цикла по приоритетам научно-технологического развития от фундаментальных исследований до использования результатов в практической деятельности с оценкой рисков и последствий влияния на общество, окружающую среду, здоровье населения.

2. Четко выстроенная система органов, обеспечивающих реализацию закона-программы. Придание программе статуса закона и отчетность перед конгрессом неизмеримо повышает ответственность участников программы за ее реализацию.

3. Наличие обязательной всесторонней независимой экспертизы результатов реализации программы повышает качество научно-технологической деятельности и эффективности использования выделенных финансовых ресурсов.

В последнее время в России широко используются различные инструменты стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием. Утверждены и реализуются государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ» и национальный проект «Наука», формируются консорциумы ведущих научных организаций и университетов для решения научных проблем мирового уровня по приоритетам НТР, объявлено формиро-

¹ http://www.nano.gov/sites/default/files/pub_resource/2011_strategic_plan.pdf

вание программы стратегического академического лидерства. Вместе с тем, пока недостаточен опыт комплексных программ по конкретным базовым технологическим направлениям, формирующим новый технологический уклад.

Обзор системы реализации приоритетов научно-технологического развития США на базе «законов-программ» позволил сформулировать некоторые предложения по возможным направлениям использования данного опыта в российской практике:

1. В связи с отсутствием в РФ механизма корректировки содержательной части программ рекомендуется их регулярное переосмысление и оценка, неизменными должны оставаться лишь поставленные в них глобальные цели. Именно так и поступают в США, где научно-технические программы регулярно публикуются с целью участия всех заинтересованных сторон в их содержательной корректировке по ходу выполнения. Немаловажно, что в США контролирующую программу структуры заняты не документооборотом, а анализом альтернатив и выработкой коллективного решения по вопросу продолжения или прекращения работ.

2. Важным принципом организации российских программных документов, на наш взгляд, должна стать всесторонняя периодическая экспертиза результатов реализации программы. Речь идет об использовании независимых экспертных органов, дающих, с одной стороны, оценку результатов исследований, с другой – рекомендации по дальнейшему развитию программы.

3. В российских программных документах должны быть выделены предметные области, обеспечивающие организационную структуру для категоризации инвестиций по отдельным институтам, программным направлениям. Как показывает опыт США, критерием выбора направлений инвестирования могут быть области пересечения интересов ряда задействованных институтов. При этом ни у одного из институтов не должно быть полномочий самостоятельной экспертизы исследуемых возможностей.

4. В программах научно-технологического развития РФ отсутствует механизм межпрограммной координации, нет межпрограммного информационного обмена выполненными работами, что приводит к замедлению реализации целей НТР. Предлагается использовать положительный опыт США в части высокой степени детализации текущих и предполагаемых результатов программы.

5. С целью ускоренной коммерциализации результатов исследований в РФ необходимо внедрение координационного механизма, обеспечивающего информационный обмен между наукой и промышленностью. Для этого целесообразно выявление потребностей промышленности на ранних стадиях и организация взаимодействия на всех стадиях инновационного процесса. Инструментом реализации может быть присутствие представителей промышленности в наблюдательных советах научных центров, а также осуществление партнерства государственного и частного секторов для объединения ресурсов.

Заключение

Анализ опыта программного планирования научно-технологического развития США позволил выделить ряд основных черт, обеспечивающих успешность данного инструмента в реализации приоритетов научно-технологического развития США, и сформулировать некоторые предложения по возможным направлениям использования наилучшего опыта в российской практике. Главное для России в американском опыте – межведомственные подходы к разработке и реализации комплексных программ полного инновационного цикла по перспективным научно-технологическим направлениям, оказывающих системное влияние на развитие целых отраслей экономики.

Виногоров Г.Г.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск
vinahorav-h@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ МАЙНИНГ-ФЕРМЫ

Ключевые слова: криптовалюта, майнинг, рентабельность, майнинг-ферма, факторы.

Keywords: cryptocurrency, mining, profitability, mining farm, factors.

Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики»¹ вступил в силу 28 марта 2018 года и дал сильный импульс росту резидентов Парка высоких технологий. Почти 50% из них стали резидентами в 2018 году. Тем самым этот правовой акт внес очень существенный вклад в повышение инвестиционной привлекательности Беларуси и цифровизацию ее экономики. В Российской Федерации принят федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Цифровая экономика – экономика инноваций, развивающаяся за счет эффективного внедрения передовых информационных технологий.

Принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики» ввело в хозяйственную практику новые понятия: криптовалюта, блокчейн, майнинг, токен, биткоин и др.

Сегодня на всем постсоветском пространстве нет страны, в которой параллельно с государственной эмиссией существовал бы частный выпуск денег. Декрет № 8 создал основу для такой практики, пусть и с определенными ограничениями.

В настоящей статье автор впервые предпринимает попытку разработки методики анализа рентабельности работы майнинг-фермы.

Криптовалюта – это виртуальные деньги, которые в отличие от фиатных средств не имеют физического выражения. Единицей такой валюты является «coin» (перевод с английского языка – «монета»). Особенностью денежной единицы является защита от подделки, так как в ней зашифрованы данные, не подлежащие дублированию. Ключевой особенностью криптовалюты является отсутствие какого-либо внутреннего или внешнего администратора. Поэтому банки, налоговые, судебные и иные государственные и частные органы не могут воздействовать на транзакции каких-либо участников платежной системы. Передача криптовалют необратима – никто не может отменить, заблокировать, оспорить или принудительно (без приватного ключа) совершить транзакцию. Криптовалюта – это внутренняя расчетная единица любого публичного блокчейна (Public blockchain), т.е. блокчейна, в котором используется майнинг (в виде P-o-W или P-o-S). Майнинг – необходимый и важный процесс в публичном блокчейне, и криптовалюта выступает в роли стимула для майнеров. Кроме того, криптовалюта используется для транзакционных комиссий. Также ее можно продать (обменять на фиатные деньги).

Таким образом, криптовалюта выполняет следующие функции:

- выступает как расчетная единица (единица стоимости) в блокчейне;
- служит стимулом для майнеров;
- участвует в обмене стоимости (транзакциях);
- является хранилищем стоимости.

Блокчейн (цепочка блоков) – это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Применение шифрования гарантирует, что пользователи могут изменять только те части цепочки блоков, которыми они «владеют» в том смысле, что у них есть закрытые ключи, без которых запись в файл невозможна. Кроме того, шифрование обеспечивает синхронизацию копий распределенной цепочки блоков у всех пользователей, т.е. технология блокчейн – это инновационный прорыв с очень масштабными последствиями, которые затрагивают не только сферу финансов, но и многие другие отрасли. Технология блокчейн берет на себя три важные роли, которые традиционно играет сектор финансовых услуг: регистрацию сделок, подтверждение подлинности и заключение контрактов.

Биткоин – это новое поколение децентрализованной цифровой валюты, созданной и работающей только в сети Интернет. Ее никто не контролирует, эмиссия валюты происходит посредством работы миллионов компьютеров по

¹ О развитии цифровой экономики: декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8. – http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации. – https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7#bh_hron

всему миру с использованием программы для вычисления математических алгоритмов. Именно в этом заключается суть биткоина. В коде биткоина стоит ограничение: добыть можно максимум 21 млн. биткоинов. Бит – пиринговая платежная система, использующая одноименную единицу для учета операций. Для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы, но при этом вся информация о транзакциях между адресами системы доступна в открытом виде.

Токен – это единица учета, которая используется для представления цифрового баланса в некотором активе. Учет токенов ведется в базе данных на основе технологии блокчейн, а доступ к ним осуществляется через специальные приложения с использованием схем электронной подписи. Токен – обязательный аспект любого ICO. ICO – это форма криптовалютного краудфандинга. Краудфандинг – коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддерживать усилия других людей или организаций.

В отличие от криптовалют, токены могут быть эмитированы как централизованно (под управлением одной организации), так и децентрализованно (под управлением заранее определенного алгоритма). Обработка и принятие транзакций также может выполняться централизованно (все сервера контролируются одной организацией).

Формирование цены на токены может зависеть не только от баланса спроса и предложения, но и от дополнительных аспектов (привязка к внешнему активу, условные правила эмиссии или вознаграждения). Кроме того, в отличие от криптовалют токен не имеет собственного блокчейна.

Хеширование – преобразование массива входных данных произвольной длины в (выходную) битовую строку установленной длины, выполняемое определенным алгоритмом.

Создание криптовалют предшествует их распределению среди владельцев, под которыми Декрет понимает субъекты гражданского права (как физические, так и специальные юридические лица), которым цифровой знак (токен) принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве. Владельцем цифрового знака (токена) указанные лица могут стать через майнинг (дословно с англ. – добыча) – отличную от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленную на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Получение токенов (функциональный эквивалент эмиссии наличных денег) является результатом не покупки или иной имущественной сделки, а решением математических задач, вознаграждением за верификацию совершения операций в блокчейне. Обычно майнинг сводится к серии вычислений с перебором параметров для нахождения хеша (варианта реализации ассоциативного массива) с заданными свойствами, то есть майнинг – процесс добычи новых единиц криптовалют. Его главная цель – получение прибыли.

Автору не известны какие-либо литературные источники по анализу хозяйственной деятельности, где бы рассматривалась проблематика, исследуемая в данной статье. Исходя из вышеизложенных понятий, по нашему мнению, в самом общем виде экономическую эффективность работы майнинг-фермы целесообразно определить через показатель рентабельности:

$$P_{\pi} = \frac{\Pi}{Z(C)} * 100 \quad (1),$$

где: P_{π} – рентабельность майнинга;

Π – прибыль, полученная от реализации криптовалюты;

$Z(C)$ – затраты, связанные с процессом майнинга.

В свою очередь усеченную себестоимость можно представить как совокупность затрат на электроэнергию, амортизацию оборудования, ремонт оборудования, заработную плату основную персонала, заработную плату дополнительную персонала, налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти.

Следовательно, рентабельность майнинга можно записать следующим образом:

$$P_{\pi} = \frac{\Pi}{C} * 100 = \frac{Ц - (Э + А + РО + ЭО + ЕД + НО)}{Э + А + РО + ЭО + ЕД + НО} * 100 \quad (2),$$

где $Ц$ – продажная цена реализованной криптовалюты (за вычетом налогов и платежей, уплачиваемых из выручки);

$Э$ – затраты электроэнергии;

$А$ – амортизация оборудования;

$РО$ – затраты на ремонт оборудования

С этих позиций автором впервые разработана структурно-логическая модель факторной системы рентабельности работы майнинг-фермы (рис. 1).

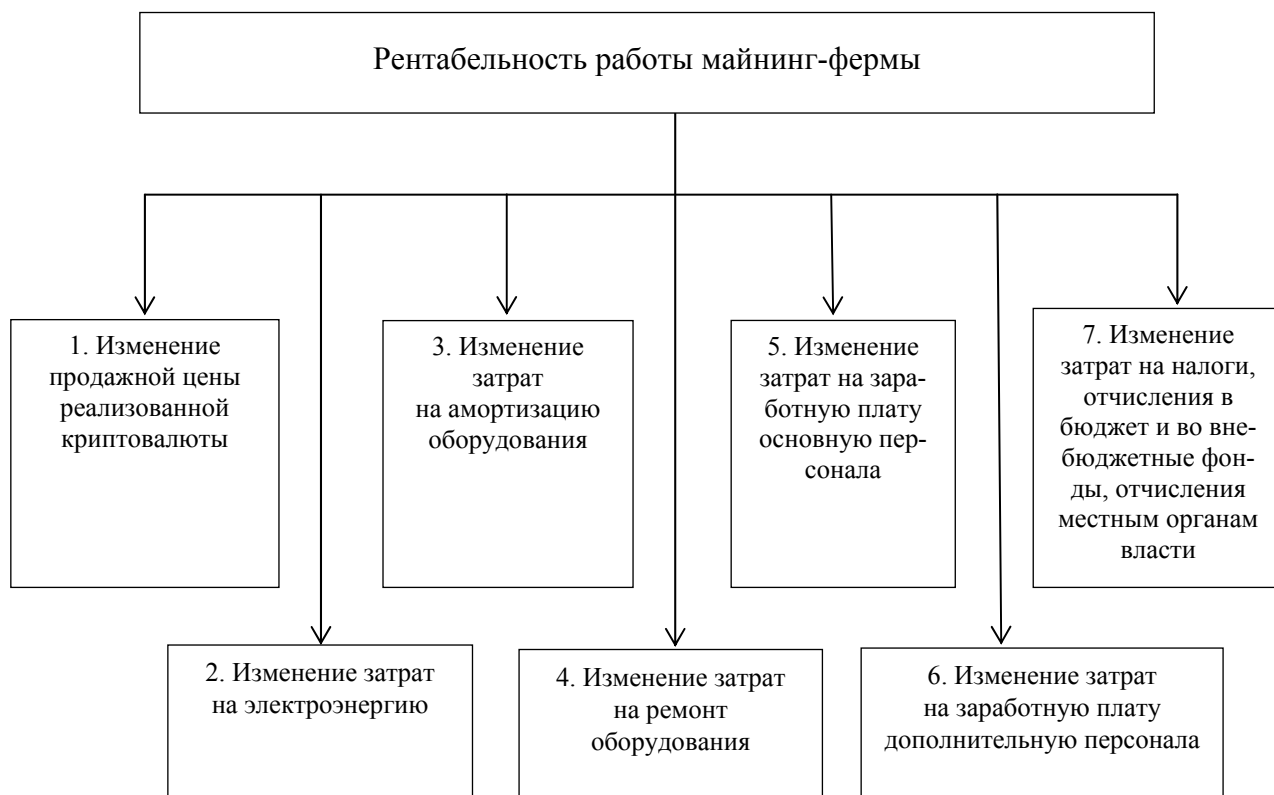

Рисунок 1.

Структурно-логическая модель факторной системы рентабельности работы майнинг-фермы

Источник: авторская разработка

ЗО – заработная плата основная персонала;

ЗД – заработная плата дополнительная персонала;

НО – налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти.

Имеем кратный тип модели факторной системы. Для расчета влияния факторов используется прием цепных подстановок. Уровни показателей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровни показателей

Уровень рентабельности	Продажная цена реализованной криптовалюты (Ц)	Затраты электроэнергии (Э)	Амортизация оборудования (А)	Затраты на ремонт оборудования (РО)	Зарботная плата основная персонала (ЗО)	Зарботная плата дополнительная персонала (ЗД)	Налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти (НО)
А	1	2	3	4	5	6	7
Плановый (базисный) (P_0)	П	П	П	П	П	П	П
Подстановка 1 (P^I)	Ф	П	П	П	П	П	П
Подстановка 2 (P^{II})	Ф	Ф	П	П	П	П	П
Подстановка 3 (P^{III})	Ф	Ф	Ф	П	П	П	П
Подстановка 4 (P^{IV})	Ф	Ф	Ф	Ф	П	П	П
Подстановка 5 (P^V)	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	П	П
Подстановка 6 (P^{VI})	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	П
Фактический (P_1)	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф

Примечание: Ф – фактический показатель; П – плановый (базисный) показатель

Источник: авторская разработка

Расчет влияния факторов следующий:

$$P^I - P_0 = \Delta P_{\text{Ц}} \quad (3);$$

$$P^{II} - P^I = \Delta P_{\text{Э}} \quad (4);$$

$$P^{III} - P^{II} = \Delta P_{\text{А}} \quad (5);$$

$$P^{IV} - P^{III} = \Delta P_{\text{РО}} \quad (6);$$

$$P^V - P^{IV} = \Delta P_{\text{ЗО}} \quad (7);$$

$$P^{VI} - P^V = \Delta P_{\text{уд}} \quad (8);$$

$$P_1 - P^{VI} = \Delta P_{\text{пу}} \quad (9);$$

$$P_1 - P_0 = \Delta P. \quad (10).$$

По исследуемой майнинг-ферме имеются следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Данные для анализа рентабельности затрат на майнинг (тыс. руб.)

Наименование статей затрат	По плану (базе)	Фактически	Отклонения (+/-)
А	1	2	3
1. Затраты на электроэнергию	520	498	-22
2. Амортизация оборудования	24	24	–
3. Затраты на ремонт оборудования	40	52	+12
4. Зарботная плата основная персонала	48	42	-6
5. Зарботная плата дополнительная персонала	1	1	–
6. Налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти	11	10,2	-0,8
Итого	644	627,2	-16,8

Источник: авторская разработка

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что за отчетный период по исследуемой майнинг-ферме общая экономия составила 16,8 тыс. руб., что составляет 2,6% от планового уровня. При этом затраты на ремонт оборудования возросли на 12 тыс. руб. или на 30%. Это обусловлено тем, что произошла непредвиденная серьезная поломка дорогостоящего оборудования, и процесс майнинга какое-то время не осуществлялся. Электроэнергия не потреблялась, поэтому имеется экономия по этой статье затрат на 22 тыс. руб. или на 4,23% от планового уровня. Непродолжительное время штат персонала был не укомплектован, вследствие чего имеется экономия по основной заработной плате персонала в сумме 6 тыс. руб., что составляет 12,5% от плана.

Продажная цена реализованной криптовалюты (при условии прямого списывания общехозяйственных затрат и расходов на реализацию на сч. 90-5 «Доходы и расходы по текущей деятельности» – «Управленческие расходы» и сч. 90-6 «Доходы и расходы по текущей деятельности» – «Расходы на реализацию» соответственно) планировалась на уровне 740,6 тыс. руб., а фактическая составила 784 тыс. руб.

Показатели для анализа рентабельности работы майнинг-фермы приведены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели для анализа рентабельности работы майнинг-фермы

Показатели	Расчет показателей	Уровень рентабельности%
А	1	2
1. По плану (базе)	$\frac{740,6 - 644}{644} * 100$	15
2. По плану при фактической продажной цене реализованной криптовалюты	$\frac{784 - 644}{644} * 100$	21,74
3. По плану при фактических: продажной цене реализованной криптовалюты и затратах на электроэнергию	$\frac{784 - (498 + 24 + 40 + 48 + 1 + 11)}{498 + 24 + 40 + 48 + 1 + 11} * 100$	26,1
4. По плану при фактических: продажной цене реализованной криптовалюты, затратах на электроэнергию и амортизацию оборудования	$\frac{784 - (498 + 24 + 40 + 48 + 1 + 11)}{498 + 24 + 40 + 48 + 1 + 11} * 100$	26,1
5. По плану при фактических: продажной цене реализованной криптовалюты, затратах на электроэнергию, амортизацию и ремонт оборудования	$\frac{784 - (498 + 24 + 52 + 48 + 1 + 11)}{498 + 24 + 52 + 48 + 1 + 11} * 100$	23,66
6. По плану при фактических: продажной цене реализованной криптовалюты, затратах на электроэнергию, амортизацию и ремонт оборудования и заработной плате основной персонала	$\frac{784 - (498 + 24 + 52 + 42 + 1 + 11)}{498 + 24 + 52 + 42 + 1 + 11} * 100$	24,84
7. По плану при фактических: продажной цене реализованной криптовалюты, затратах на электроэнергию, амортизацию и ремонт оборудования, заработной платы основной и дополнительной персонала	$\frac{784 - (498 + 24 + 52 + 42 + 1 + 11)}{498 + 24 + 52 + 42 + 1 + 11} * 100$	24,84
8. Фактически	$\frac{784 - 627,2}{627,2} * 100$	25

Источник: авторская разработка

Расчет факторов, повлиявших на изменение рентабельности работы майнинг-фермы представлен в табл. 4.

Таблица 4

Расчет факторов, повлиявших на изменение рентабельности работы майнинг-фермы

Факторы	Расчет уровня влияния	Уровень влияния, %	Структура факторов, %
А	1	2	3
1. Изменение продажной цены реализованной криптовалюты	21,74 – 15	+6,74	+67,4
2. Изменение затрат на электроэнергию	26,1 – 21,74	+4,36	+43,6
3. Изменение затрат на амортизацию оборудования	26,1 – 26,1	0	–
4. Изменение затрат на ремонт оборудования	23,66 – 26,1	–2,44	–24,4
5. Изменение затрат на заработную плату основную персонала	24,84 – 23,66	+1,18	+11,8
6. Изменение затрат на заработную плату дополнительную персонала	24,84 – 24,84	0	–
7. Изменение затрат на налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти	25 – 24,84	+0,16	+1,6
Итого	25 – 15	+10	+100

Источник: авторская разработка

В табл. 4 наглядно представлены уровни влияния всех факторов и их структура. Результаты приведенных расчетов свидетельствуют о том, что наиболее существенное влияние на увеличение уровня рентабельности работы майнинг-фермы оказал рост продажной цены реализованной криптовалюты на 43,4 тыс. руб., что привело к росту рентабельности на 6,74% или на 67,4% от изменения результативного показателя. Благодаря снижению затрат на электроэнергию на 22 тыс. руб. рентабельность возросла на 4,36% или на 43,6% от общего изменения результативного признака. В то же время вследствие роста затрат на ремонт оборудования на 12 тыс. руб. рентабельность снизилась на 2,44% или на 24,4% от изменения результативного показателя. Требуется уделить должное внимание своевременной профилактике работы действующего оборудования.

Использование предложенной оригинальной авторской методики на практике поможет субъектам хозяйствования, зарегистрированным в качестве резидентов в белорусском Парке высоких технологий и владеющих майнинг-фермами, оперативно выявлять негативные моменты в ходе процесса майнинга и принимать, при необходимости, соответствующие управленческие решения. Данной методикой могут воспользоваться соответствующие субъекты хозяйствования Российской Федерации и других стран Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) при принятии и вступлении в силу соответствующих нормативно-правовых актов.

Виногоров Г.Г.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск
vinahorav-h@yandex.ru

ВНЕДРЕНИЕ В ПРАКТИКУ РАБОТЫ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС СОСТАВЛЕНИЯ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Ключевые слова: отчетность в области устойчивого развития, нефинансовая отчетность, интегрированная отчетность.

Keywords: reporting in the field of sustainable development, non-financial reporting, integrated reporting.

Стандарт GRI «Руководство Глобальной инициативы по отчетности в области устойчивого развития» является самым распространенным стандартом социальной отчетности и основным инструментом информирования об экологических, экономических и социальных результатах деятельности организаций и их корпоративном управлении, который отражает как положительное, так и отрицательное ее воздействие. В 2013 г. Глобальной инициативой по отчетности (GRI) была выпущена четвертая версия Руководства по отчетности в области устойчивого развития G4, основным предназначением которого является помощь в подготовке отчетности, содержащей значимую и ценную информацию о наиболее актуальных проблемах организации, которые связаны с устойчивым развитием, а также ее введение в общепринятую практику¹.

Мировой финансовый кризис, который начался в 2008 г., и глобализация мировой экономики объективно обусловили необходимость того, чтобы построить новую экономическую модель, способную защитить не только общество, но и бизнес от возникновения кризисных явлений и потрясений в финансовом и реальном секторе экономики.

Таким образом, возникла необходимость разработки отчетности, объединяющей финансовую и нефинансовую информацию и отражающей способность компании к созданию и поддержанию своей стоимости в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах².

Интегрированная отчетность стала новым направлением в развитии корпоративной отчетности, носящей инновационный характер.

Основной целью интегрированного отчета является объяснение поставщикам финансового капитала процедуры создания стоимости в течение продолжительного периода. Капитал является запасом стоимости, который может увеличиваться, уменьшаться или трансформироваться в результате деятельности организации. Способность организации к созданию стоимости для себя обеспечивает то, что инвестиции возвращаются поставщикам финансового капитала³.

Интегрированная отчетность характеризуется целым рядом безусловных преимуществ, а именно: она становится инструментом для управления стоимостью, которая создается для удовлетворения интересов всех стейкхолдеров. Слабой стороной является вероятность раскрытия конфиденциальной управленческой информации, которая может быть передана конкурентам.

В Республике Беларусь известно несколько предприятий, составляющих отчетность в области устойчивого развития (GRI): ОАО «Милавица», МТБанк, БМЗ, МТС и некоторые другие. Их малое количество является следствием слабой информированности, определенного предвзятого отношения и других субъективных причин. Белорусские предприятия, которые составляют нефинансовую отчетность, автору не известны.

Сейчас репутация играет очень важную роль при рыночной оценке предприятия, так как она способствует тому, что акционерная стоимость повышается, и популярность бренда возрастает. При наличии у компании устойчивой репутации внедрение интегрированной отчетности помогает при сохранении клиентской базы, поскольку у потребителей сегодня есть достаточный выбор. Среди преимуществ, которые обеспечивают получение коммерческих выгод, выделяется доверие инвесторов и, как следствие, улучшение доступа к капиталу и получение долгосрочных инвестиций. Крупные инвесторы предпочитают сотрудничать исключительно с абсолютно прозрачными и понятными компаниями, что приводит к минимизации предпринимательских рисков.

Сегодня в период усиливающейся глобализации финансовая отчетность многих предприятий значительно отстает от требований международных стандартов, что приводит к затруднению взаимодействия с крупными зарубежными инвесторами, ориентирующихся на прозрачность деятельности любого субъекта хозяйствования. Это обуслов-

¹ Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4. Принципы подготовки отчетности и Стандартные элементы отчетности. – С. 92. – <https://www.globalreporting.org/resource/library/Russian-G4-Part-One.pdf>; Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4. Инструкция по применению. – <https://www.globalreporting.org/resource/library/Russian-G4-Part-Two.pdf>

² Интегрированная отчетность. – <https://ir.org.ru/>

³ Международные основы интегрированной отчетности. – <https://www.theiirc.org/wp-content/uploads/2013/12/13-12-08-THE-INTERNATIONAL-AL-IR-FRAMEWORK-2-1.pdf>

ливают затруднение процесса инвестирования в экономику. Помощью в решении данной проблемы может стать составление субъектами хозяйствования стран-членов ЕАЭС нефинансовой отчетности.

В процессе усиливающейся глобализации на сегодняшний день белорусская финансовая (бухгалтерская) отчетность¹ еще отстает от требований международных стандартов, что в известном смысле затрудняет взаимодействие с крупными зарубежными инвесторами, которые ориентируются на прозрачность деятельности любого субъекта хозяйствования. В Республике Беларусь нет ни одного нормативно-правового акта, регламентирующего процесс внедрения в практику работы субъектов хозяйствования отчетности в области устойчивого развития и интегрированной отчетности (публичной нефинансовой отчетности). Все это затрудняет процесс инвестирования в белорусскую экономику.

На данный момент рыночная стоимость многих белорусских компаний в несколько раз ниже по сравнению с аналогичными предприятиями в мире по причине того, что их руководство пока не осознало необходимости нефинансовой отчетности для повышения стоимости бизнеса. Помимо этого, снижение рисков автоматически приводит к снижению затрат на привлечение капитала. Внедрение нефинансовой отчетности обеспечивает компанию информацией о требованиях рынка, что позволит ей оперативно на них реагировать, улучшая при этом свою продукцию и услуги. Эффективное использование ресурсов в свою очередь также приведет к снижению затрат и повышению прибыли.

Необходимо посредством использования уже имеющегося передового опыта осуществлять активное внедрение в практику работы белорусских субъектов хозяйствования составления не только отчетности в области устойчивого развития, но и интегрированной отчетности, являющейся действенным инструментом повышения эффективности их функционирования.

С этих позиций автор предложил в разрабатываемый проект Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года в подраздел «Стратегические приоритеты и индикаторы устойчивого развития» включить пункт следующего содержания: «Одна из важнейших задач – создание благоприятного инвестиционного климата, для чего субъекты хозяйствования постепенно перейдут к формированию публичной нефинансовой отчетности», что принято разработчиком – Министерством экономики Республики Беларусь.

При этом следует иметь в виду, что публичная нефинансовая отчетность (отчетность в области устойчивого развития, интегрированная отчетность) – совокупность сведений и показателей, отражающих стратегию, цели, подходы к управлению, взаимодействие с заинтересованными сторонами, а также результаты деятельности организации в части социальной ответственности и устойчивого развития, предупреждения коррупции, включая экономические, социальные, экологические аспекты, рассматриваемые в их взаимосвязи.

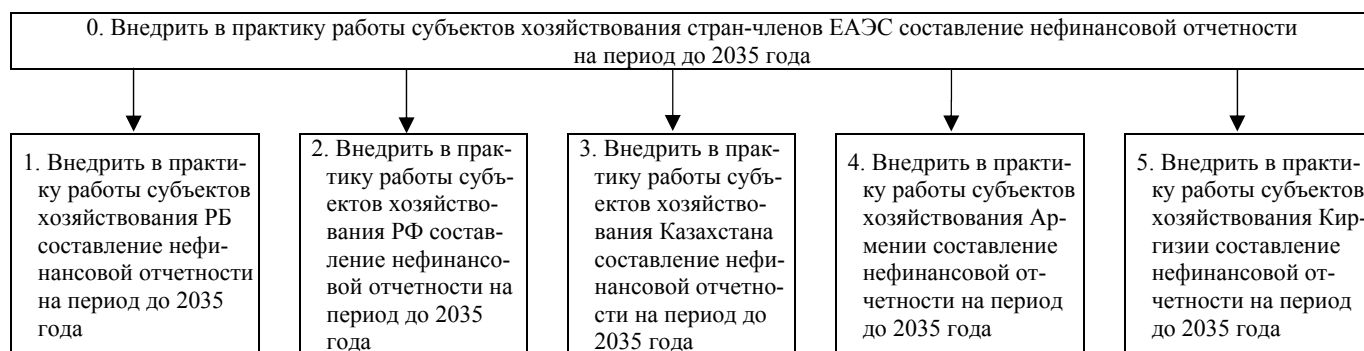
Автором также подготавливается документ «Концептуальные основы нефинансовой отчетности», что даст толчок активному внедрению в практику работы белорусских субъектов хозяйствования вышеуказанной отчетности.

В этой связи автором впервые предпринята попытка разработки Целевой комплексной программы (ЦКП) внедрения в практику работы белорусских субъектов хозяйствования составления нефинансовой отчетности на период до 2035 года (отчетности в области устойчивого развития и интегрированной отчетности). Ее использование на практике, безусловно, поспособствует тому, что конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность белорусских производителей повысится.

В основе указанной ЦКП лежит метод «дерево проблем». Все проблемы, которые содержатся в Дереве, внесены в него на основании проведения самим автором обследования состояния организации и составления всех видов отчетности на субъектах хозяйствования любых форм собственности, бесед с работниками министерств и ведомств, уточнения узких мест, детальной обработки всего материала. Фрагменты рабочего варианта Древа, разработанного автором, представлены на рис.1.

Использование на практике предложенной автором ЦКП внедрения в практику работы субъектов хозяйствования стран-членов ЕАЭС составления нефинансовой отчетности на период до 2035 года направлено в первую очередь на повышение конкурентоспособности указанных товаропроизводителей.

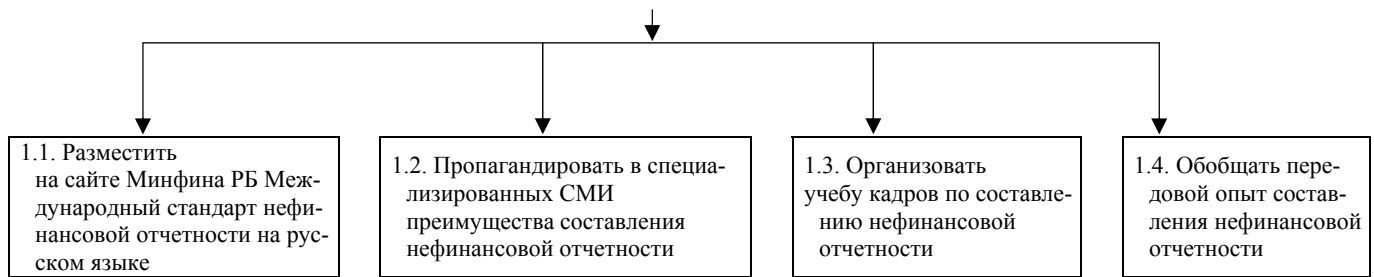
Фрагмент 1

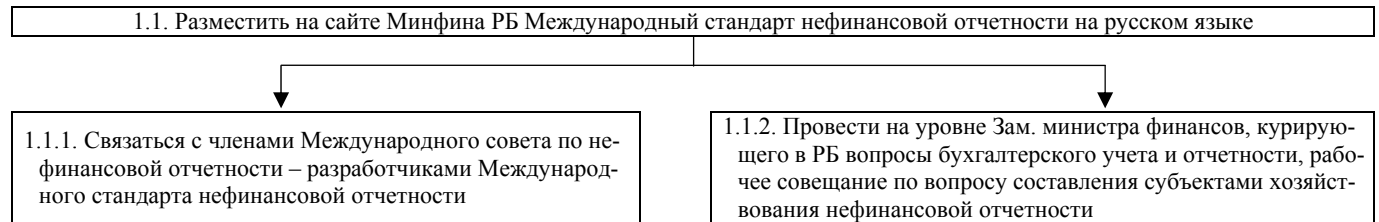
Фрагмент 2

1. Внедрить в практику работы субъектов хозяйствования РБ составление нефинансовой отчетности на период до 2035 года

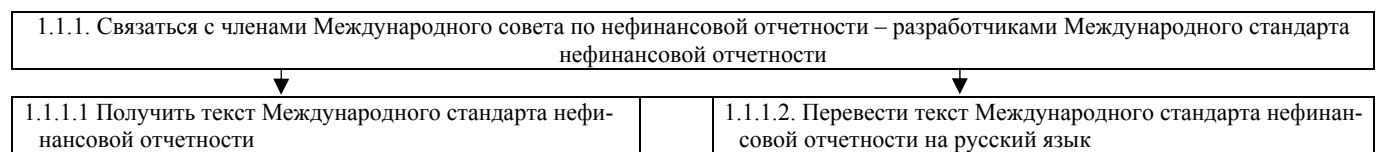
¹ Лемеш В.Н. Бухгалтерская отчетность: год. квартал. Месяц. – Минск: Регистр, 2014. – 200 с.

Фрагмент 3

Фрагмент 4

Фрагмент 5

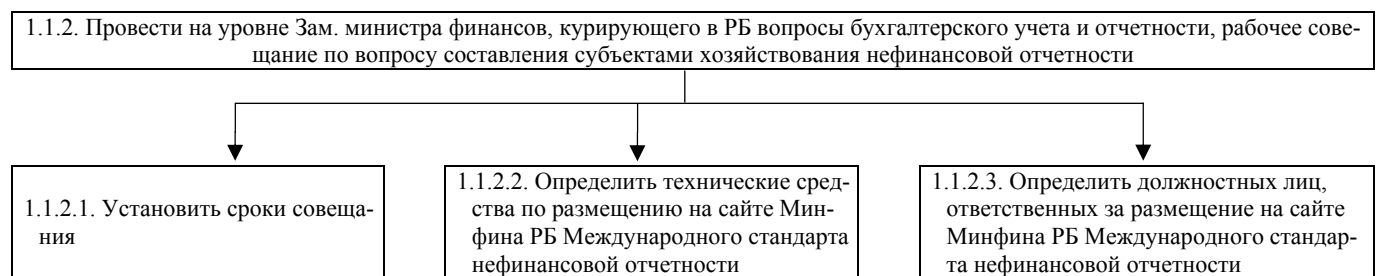

Рисунок 1:

Фрагменты рабочего варианта Древа проблем составления нефинансовой отчетности субъектами хозяйствования стран-членов ЕАЭС на период до 2035 года. Источник: разработка автора

Воронин С.М.

к.э.н., доцент, Академия управления при Президенте республики Беларусь
varonin_sergey@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

Ключевые слова: промышленная политика, инновации, инновационная деятельность, технологические инновации, затраты на технологические инновации, инновационная продукция.

Keywords: industrial policy, innovation, innovation activity, technological innovation, costs of technological innovation, innovative products.

Российские экономисты О.А. Романова и А.О. Пономарева отмечали: «промышленная политика является одним из важнейших институтов, формирующих общее институциональное поле любого государства. В современных условиях она является своеобразным координирующим центром, в рамках которого происходят необходимые согласования инновационной, научно-технологической, инвестиционной, экологической, и социальной политики»².

Сегодня основой промышленной политики является инновационная политика, которая играет решающую роль в создании и развитии современной экономики. Повышение экономической значимости инноваций является одной из основных причин кардинальных изменений в глобальной экономике за последние 30–40 лет. В «современных условиях инновационное развитие является важным условием конкурентоспособности страны в мировой экономике»³.

В современных условиях крайне важно разработать и использовать эффективные методы для поддержки и реализации промышленной политики, основанной на инновациях, которая должна быть нацелена на внедрение передовых производственных, информационных и коммуникационных технологий, что находит свое отражение в увеличивающейся наукоемкости промышленного производства.

Таким образом промышленная политика, может быть успешной только при всестороннем учете текущего состояния инновационного развития страны. Этому способствует комплексная всесторонняя оценка инновационной деятельности промышленности как сложной динамической системы.

В Беларуси развитие инновационной деятельности осуществляется в рамках Государственной программы инновационного развития (ГПИР). На сегодняшний день уже реализованы две ГПИР (на 2007–2010 гг. и на 2011–2015 гг.), заканчивается выполнение ГПИР на 2016–2020 гг., и уже формируется ГПИР на 2021–2025 гг.

Как показывают данные, приведенные в статистических источниках, инновационная активность предприятий промышленности, являющейся ведущей отраслью отечественной экономики, остается еще достаточно низкой. Так в 2019 г. доля организаций, которые осуществляли затраты на технологические (продуктовые и процессные) инновации составляла 24,5% или 405 (ИПР 2013) предприятий (в 2018 г. – 23,3%)⁴. Для сравнения, удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе организаций в 2019 г. соответствует уровню таких стран как Латвия – 21,4%, Венгрии – 21,2% и выше чем в Болгарии – 19,8%, Польше – 17,7% и Румынии – 5,4%. Однако в инновационно развитых странах ЕС этот параметр (индикатор) имеет значительно более высокие значения (Бельгия – 62,1%, Норвегия – 60,4%, Исландия – 50,1%, Финляндия – 58,2%, Германия – 50,0%)⁵.

Лидерами в инновационной деятельности в 2019 г были организации, которые изготавливали фармацевтическую продукцию и препараты (70,8%), компьютерное и оптическое оборудование (67,4%), транспортные средства и оборудование (57,4%), электрооборудование (45,8%), химические продукты (44,7%), кокс и нефтепродукты (42,9%), что сопоставимо со средним уровнем по Европе. Среди отстающих, «водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по (ЕЭК) удалению загрязнений» (2,8%); «снабжение электроэнергией газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом» (6,8%); «производство изделий из дерева и бумаги; производство полиграфии»

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ № Г20–107 «Разработка методологических подходов к формированию и реализации промышленной политики Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации экономики» (номер гос. регистрации 20200943).

² Романова О.А., Пономарева А.О. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Ч. 2 // Экономика региона. 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 1036–1049.

³ Воронин С. Инновационное развитие Беларуси, Казахстана, России в контексте евразийской интеграции // Экономист. – М., 2014. – № 10. – С. 79–85.

⁴ Республика Беларусь, 2020: стат. ежегодник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2019. – 471 с.

⁵ Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 336 с.

ческой продукции» (11,1%); «производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования» (12,7%)¹.

Обследование, проведенное в 2019 г. инновационно-активных промышленных организаций Беларуси по видам инновационной деятельности в сфере технологических инноваций, выявило, что большая часть из них занимается производственным проектированием (52,1%). После этого идет покупка машин и оборудования (43,5%), затем исследования и разработки (40,2%). Небольшое количество организаций, которые проводят обучение и переподготовку персонала (7,4%), проводят маркетинговые исследования (6,4%), покупают программное обеспечение (4,4%), а также новые и высокие технологии (1,2%).

В 2019 г. доля инновационной продукции промышленных предприятий в общем объеме отгруженной продукции составила 16,6% (18,6% в 2018 г.). Значительно выше данный показатель в следующих видах экономической деятельности: «производство кокса и продукции нефтепереработки» (46,7%); «производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры» (42,7%); производство транспортных средств и оборудования» (44,2%); «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» (32,3%); «производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов» (19,6%); «металлургическое производство, производство готовых металлических изделий кроме машин и оборудования» (18,5%)².

На первый взгляд, эти данные свидетельствуют о том, что промышленные организации предпринимают меры по обновлению и модернизации своих основных средств³, и это имеет свои причины. Хотя износ основных средств на начало 2019 г. в промышленности составил 41,8%, в организациях промышленности еще высока доля оборудования, используемого на предприятиях в течение 15 и более лет, а также доля технологий, которые используются 10 лет и более. В результате сегодня удельное потребление ресурсов в Беларуси значительно выше, а производительность труда ниже, чем в промышленно развитых странах. В то же время сложившиеся тенденции в области приобретения новых и высоких технологий могут оказать негативное влияние на процессы цифровой трансформации производства, привести к технологическому отставанию отечественных предприятий и потере преимуществ в производстве принципиально новой продукции.

В последние годы в отрасли неуклонно растет стоимость технологических инноваций (продуктов и процессов). Так в 2019 году в текущих ценах это было 1 390 312 тыс. руб. или почти в 1,8 раза больше чем в 2016 г. Их удельный вес в общем объеме отгруженной продукции (интенсивность затрат на технологические инновации) в 2019 г. составлял 1,51%, (в 2018 г. – 1,31%). При этом величина этого показателя за 2019 г. была ниже чем в таких странах как Швеция (3,85%), Дания (3,3%), Германия (3,11%) и Россия (2,14%). Однако выше чем в Венгрии (1,48%), Польше (1,48%), Италии (1,43%), Чехии (1,36%), Ирландии (1,28%), Словакии (1,08%) (данные по итогам Европейского обследования инноваций (2014–2016))⁴.

Анализ структуры затрат технологических инноваций отечественных промышленных предприятий в 2018 г. свидетельствует, что их основная доля была направлена на приобретение машин, оборудования и программных средств – 67,5%. Затраты на производственное проектирование составили 20,5%, исследования и разработки – 11,1%. Очень малы расходы организаций на покупку новых технологий (0,03%)⁵.

Следует отметить, что Германия и Россия имеют иную структуру затрат на продуктовые и процессные инновации, в которой большая часть затрат приходится на «исследования и разработки», затем следует «приобретение машин, оборудования и программных средств», «прочие» и «приобретение новых технологий». В Польше и Литве структура затрат на технологические инновации более близка к структуре затрат белорусских организаций промышленности. Однако следует отметить, что в отличие от Беларуси (0,03), все эти страны имеют в структуре затрат на технологические инновации значительно более высокую долю такого вида деятельности как «приобретение новых технологий» (от 1,0 до 1,7%)⁵.

Таким образом, статистические данные за 2019 г. свидетельствуют о том, что промышленные организации Беларуси практически полностью сосредоточились на инвестициях в поддержание производственной базы.

Как показывает мировой опыт, благодаря инициативности, гибкости, способности быстро адаптироваться к новым потребностям, существенную роль в усилении инновационной деятельности играют малые и средние предприятия (МСП). Однако инновационная активность малых организаций в стране очень небольшая. Например, в 2019 г. удельный вес МСП, которые занимались внедрением продуктовых и процессных инноваций, составил 3,86%⁶.

Важно отметить, что количество МСП обрабатывающих производств, осуществляющих технологические инновации, устойчиво растет. Так в период 2016–2018 гг. их количество возросло с 108 до 121. При этом удельный вес от-

¹ Республика Беларусь, 2020: стат. ежегодник. – С. 323.

² Там же, с. 427.

³ Русак Е.С., Воронин С.М. Сравнительный анализ национальных инновационных систем // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. – М., 2014. – № 1 (7). – С. 50–56. – <http://www.muiiv.ru/vestnik/eu/chitatelyam/poisk-po-statyam/701/30808/>

⁴ Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник, с. 314.

⁵ Там же, с. 316.

⁶ Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 125 с.

груженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в 2018 г. для средних организаций обрабатывающей производств составил 3,7%, а для малых организаций – 0,9%¹.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что промышленная политика государства все в большей мере зависит от уровня инновационной активности организаций промышленности. Комплексная оценка их деятельности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на определенные успехи, в целом уровень инновационной активности предприятий промышленности в Беларуси, остается еще достаточно низким. Во-вторых, основные затраты предприятия направляют на приобретение машин, оборудования и программных средств, в то же время расходы предприятий на приобретение новых и высоких технологии остаются очень небольшими, что может оказать отрицательное влияние на темпы и масштабы цифровой трансформации промышленности Беларуси. В-третьих, важная роль в интенсификации инновационных процессов принадлежит малым и средним предприятиям, однако в практике отечественных МСП инновации не играют значительной роли, что также сдерживает инновационную активность промышленности.

¹ Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2019. – 210 с.

Давтян А.К.

преподаватель Европейского Университета, Ереван
hasmikdvtn@rambler.ru

РОЛЬ МЕНЕДЖЕРА В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Ключевые слова: менеджер, роль менеджера, организация, мотивация, управление.

Keywords: manager, the role of manager, company, motivation, management.

Компетентный менеджмент является основным условием успеха организации. Чувство ответственности со стороны менеджера и понимание своей роли позволяют грамотно управлять организацией. Можно считать практически доказанным, что организация не добьется успеха, не имея достаточно компетентных менеджеров с полноценным набором навыков. Существуют разные подходы к оценке роли менеджера. Наблюдения Генри Минцберга и дальнейшие исследования позволили выделить десять ролей, которые менеджеры исполняют в процессе своей деятельности.

Эти роли можно отнести к трем категориям:

1. информационная роль (управление информацией),
2. межличностная роль (управление при помощи людей)
3. принятие решений (управление посредством действий).

В табл. 1 приводятся примеры каждой из них.

Информация считается одним из самых дорогих ресурсов. Информационная деятельность менеджера играет важную роль в управлении. В рамках этого вида деятельности менеджер контролирует информацию, занимается поиском и распространением информации. В рамках межличностной деятельности менеджер выступает в качестве главы компании и исполняет ряд символических обязанностей. В этом виде деятельности особое значение имеет лидерство, т.к. лидерство – одна из важных функций менеджера. В этой деятельности менеджер является также связующим звеном между внешней и внутренней средой компании. В функции лица, принимающего решения, менеджер исполняет: роли администратора, распространителя ресурсов

- административную роль
- роль устраняющего нарушения
- роль распространителя ресурсов
- роль ведущего переговоры¹

В административной роли менеджер предпринимает проекты для улучшения деятельности, выявляет новые идеи, определяет ответственность подчиненных к выполнению идей. В роли устраняющего нарушений менеджер корректирует действия, сглаживает конфликты между подчиненными, ведет обсуждения во время кризисов и определяет деятельность компании соответственно ситуациям во внешней среде. В этой категории он еще и выступает в роли распространителя ресурсов и ведущего переговоры.

Таблица 1

Десять ролей менеджера²

Категории	Роль	Деятельность
Информационная	Контролирующий информацию	Поиск и обработка информации, чтение периодики и отчетов, поддержание личных контактов
	Распределитель информации	Предоставление информации другим членам организации, составление служебных записок и отчетов. Ведение телефонных разговоров.
	Представитель организации	Передача информации за пределы организации в форме записок, отчетов и речей.
Межличностная	Глава организации	Исполнение церемониальных и символических обязанностей, например встреча гостей, подписание юридических документов.
	Лидер	Руководство и стимулирование, обучение и консультирование подчиненных и общение с ними.
	Связующее звено	Поддержание информационных связей внутри и вне организации; использование почтовой и телефонной связи, совещаний.

¹ Спивак В.А. Управление персоналом для менеджеров: учебное пособие. 2012.

² Там же.

Принятие решений	Администратор	Инициирование проектов по улучшению деятельности; выявление новых идей, установление ответственности подчиненных за реализацию идеи.
	Устраняющий нарушения	Корректировка действий во время дискуссий и кризисов; разрешение конфликтов между подчиненными; адаптация к кризисам во внешней среде.
	Распределитель ресурсов	Принятие решений о том, кто будет получать ресурсы; планирование бюджета, определение приоритетов.
	Ведущий переговоры	Представление организации (подразделения) во время переговоров о заключении контрактов, о продажах, о покупках, о бюджетах; представление интересов организации.

Несколько иной подход к анализу роли менеджера разработал Ицхак Адизес¹.

Он представил 4 роли менеджера, соответствующие основным потребностям любой организации и основным видам управленческой деятельности:

- производство результатов, обеспечивающее результативность организации.
- администрирование, обеспечивающее эффективность организации.
- предпринимательство, требующееся для осуществления изменений.
- интеграция людей в организацию ради ее жизнеспособности и эффективности в долгосрочной перспективе.

Когда все четыре роли исполняются адекватно, организация остается результативной и эффективной как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

1. Производство результатов (Р). Эта роль в управлении связана со способностью производить результаты. Она требует быстрых и решительных действий, основанных на знании технологий и способности к смелым действиям по реализации. Суть этой роли заключается в вопросе «*Что должно быть сделано?*». Производство результатов требует подтверждения того, что работа выполнена и задача завершена. Благодаря исполнению этой роли организация становится результативной в краткосрочной перспективе.

Люди, предрасположенные к (Р) – роли:

- ориентированы на достижение результата,
- трудолюбивы и продуктивны,
- прагматичны,
- предрасположены к действию больше, чем к размышлениям и анализу,
- нетерпеливы,
- их девиз: «Хочешь попасть в цель – сначала выстрели»,
- компетентны.

2. Администрирование (А).

Чтобы организация оставалась эффективной в краткосрочный период, ей необходим администратор. Эта функция обеспечивает организации эффективное исполнение ее миссии. Она включает в себя координирование, распределение обязанностей, отслеживание процесса, контроль и руководство. (А) – роль заключается в систематизации процесса и выработке необходимых правил и порядка действий, следуя которым организация смогла бы извлечь выгоду из своего опыта и накопленных знаний, избежав таким образом неэффективной работы. Руководитель, способный проанализировать успехи, сможет их систематизировать и воспроизводить. Ресурсы не станут растрачиваться на бесполезную и избыточную деятельность.

Люди, предрасположенные к (А) – роли:

- всегда следуют букве закона,
- уделяют внимание деталям,
- методичны и организованны,
- способны предвидеть проблемы, которые влечет за собой идея,
- мыслят линейно и логически,
- любят подсчеты и цифры,
- консервативны,
- стремятся к управлению другими людьми.

3 Предпринимательство (Е).

Предпринимательство обеспечивает организации результативность в долгосрочной перспективе. Оно определяет направление, которое организация должна избрать, чтоб достигнуть желаемого изменения. В рамках этой роли осуществляется прогноз направлений и разработка стратегий для адаптации организации в непрестанно изменяющейся среде. (Е) – роль требует творческого подхода и гибкости мышления. Она требует также готовности рисковать и быть проактивным. Поэтому, чтобы быть успешным предпринимателем, руководитель должен хорошо справляться с (Р) – ролью – быть хорошим производителем результатов. Недостаточно быть изобретательным, необходимо сосредоточиться на действии и достижении результатов.

Люди, предрасположенные к (Е) – роли:

- фантазеры, способные представить себе новые направления,
- творческие личности, склонны к новаторству,

¹ <https://4brain.ru/blog/4-роли-для-управления-командой/>

- проактивные,
- мыслят цельными образами, не терпят мелких деталей,
- стремятся к переменам,
- энтузиасты, способные вдохновлять других,
- ищут возможности и шансы,
- харизматичные,
- независимые,
- нуждаются в свободе мышления и действий.

4. Интеграция (I).

Интеграция обеспечивает организации эффективность в долгосрочной перспективе. При формировании атмосферы и системы ценностей в коллективе функция этой роли – обеспечить совместную работу людей в команде, а не по отдельности. Интеграция требует умения сплотить людей, несмотря на их различия в способностях, точках зрения, стилях и личных интересах. Эффективный интегратор способен заместить механические взаимоотношения в организации, где каждый борется сам за себя, органическими. Эта роль необходима для преобразования взаимосвязей ради продуктивного решения конфликтов и внутривнутриполитических процессов, которые иначе могли бы разрушить организацию. Степень продуктивности работника, его идентификация с организацией и удовлетворенность работой сильно зависят от текущего «интегративного» стиля управления организацией.

Люди, предрасположенные к (I) – роли:

- умеют выявить лидера,
- способны поддерживать атмосферу взаимного доверия и уважения,
- умеют выслушать,
- могут примирять людей и разрешать конфликты, снижать напряженность,
- обладают способностью к эмпатии и установлению межличностных взаимоотношений без проявлений чрезмерной эмоциональности,
- рассудительны, справедливы, готовы оказать поддержку.

Внимательный анализ этих ролей показывает, что они могут конфликтовать друг с другом. Это не означает, что эти роли взаимоисключают друг друга. Просто, если руководитель прекрасно справляется с одной ролью, другие могут ему даваться с трудом. Например:

- те, кто хорош в (E)-роли, хотят перемен. Это вступает в противоречие с (A) – ролью, требующей контроля и консервативности.
- те, кто склонен к (P)-роли, отставляют в сторону чувства, сосредотачиваясь на цели, и упускают межличностные аспекты взаимодействия. Это ведет к ущемлению (I)-роли.
- исполнители (E)-роли хотят постоянных новшеств, и их мысли направлены на долгосрочную перспективу, что в свою очередь вступает в противоречие с качествами (P)-роли, которая направлена на выполнении текущих процессов.
- чем больше вы стремитесь к систематизации и установлению правил (A), тем больше боитесь перемен и новшеств (E), и наоборот.

Как видно, каждая роль имеет свой вектор, поэтому играть несколько ролей одновременно очень трудно¹. Одна из сложностей состоит в том, что каждая из вышеперечисленных ролей менеджера предполагает некоторый темперамент и тип мышления. Крайне редко встречаются менеджеры, темперамент и мышление которых позволяет эффективно действовать во всех названных ролях.

Известно также, что эффективность работы менеджера зависит и от эффективности работы подчиненных, которая в значительной степени определяется мотивацией сотрудников и теми инструментами, которые используются для обеспечения этой мотивации. Можно сказать, что между мотивацией менеджера и мотивацией работника существует причинно-следственная связь. Мотивация сотрудников обеспечивает эффективную деятельность организации, получение желаемых результатов мотивирует менеджера к поиску новых идей и повышению эффективности управления.

¹ <https://analytics.infozone.pro/styles-paei-administration-adizes/>

Дорошенко С.В.

д.э.н., доцент, зав. сектором Института экономики УрО РАН; Оренбургский государственный университет

Шеломенцев А.Г.

д.э.н., профессор, зав. отделом Института экономики УрО РАН

Джабиев В.В.

с.н.с. Юго-Осетинского научно-исследовательского института

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ¹

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, экономическая изоляция, модернизация, социальные процессы.

Keywords: Republic of South Ossetia, economic isolation, modernization, social processes.

Проблемы социально-экономической модернизации весьма актуальны для частично признанных государств, к которым относится и Республика Южная Осетия.

Отдельными исследователями отмечается, что к концу 1990-х годов Южная Осетия вследствие проводимой политики, не учитывающей местные особенности и интересы, оказалась сырьевым придатком Грузии. В тот период население Южной Осетии составляло 2% от населения Грузии, но здесь производились лишь 1,2% валового общественного продукта, и на нее приходилось 1,5% национального дохода республики. Крайне медленно повышался здесь уровень индустриального развития. В расчете на душу населения в Южной Осетии производились на 42,7% меньше промышленной продукции, чем в среднем по республике². Тем не менее, к 1990 г. в Южной Осетии функционировали более 20 предприятий горнодобывающей, пищевой, текстильной, химической, строительной, машиностроительной и деревообрабатывающей промышленности разного статуса подчинения. Кроме того, республика полностью обеспечивала себя плодоовощной и животноводческой продукцией, вывозя ее и за свои пределы. Были развиты оздоровительный и спортивный туризм. Разрабатывались новые проекты развития, направленные на повышение рентабельности экономики Южной Осетии.

Однако распад СССР нарушил все намеченные планы. Основной же удар нанесла военная агрессия начала 1990-х годов, в результате которой были разорваны производственные, торговые, инфраструктурные связи, промышленность и сельское хозяйство оказались на грани уничтожения. По некоторым данным, общий экономический ущерб составил 1,4 млрд. рублей в ценах 1992 года³. «Но наибольший урон понесло население Южной Осетии, ее трудовые ресурсы. За 1989–1992 годы погибло до 1000 человек, среди которых большинство – дети, женщины, старики. Более двух тысяч человек были ранены или получили увечья. Десятки человек до сих пор считаются пропавшими без вести. Свыше 100 тысяч осетин, проживавших в Грузии за пределами РЮО, вынуждены были бежать на Северный Кавказ, в различные регионы России. Из них подавляющее большинство не вернулось обратно»⁴.

Попытки восстановить экономику и социальную сферу Южной Осетии в период 1992–2008 годов не привели к каким-либо серьезным результатам. Ситуация стала меняться с августа 2008 года, когда после известных событий Россия признала независимость Республики Южная Осетия и стала ее важнейшим партнером и геостратегическим союзником. Начался этап активного восстановления экономической и социальной сферы республики при существенной финансовой поддержке России.

За прошедший с 2008 года период экономику Южной Осетии не удалось сделать более самодостаточной – российская финансовая помощь по-прежнему составляет около 89% бюджета. Тем не менее, Южная Осетия старается наращивать собственные доходы. Так, за 2017–2018 гг. они выросли более чем на 43%⁵. Благодаря реализации с 2010 года Инвестиционной программы в стране ежегодно вводятся значимые объекты производственной, дорожной и особенно социальной, инфраструктуры, что создает более благоприятные условия для хозяйственной деятельности.

На рис. 1 представлены графики, иллюстрирующие изменения стоимостных индексов производства промышленной продукции и услуг промышленного назначения в республике за период 2008 – июнь 2019 гг. по отношению к предыдущему году и приведенные к уровню 2007 года. Очевидно, что республика увеличила стоимостные объемы промышленного производства, однако рост идет неустойчивыми темпами: наблюдаются его колебания из года в год.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-514-07001.

² Харебов Б. Экономическая реабилитация Южной Осетии: текущие задачи и стратегия развития // Грузино-Осетинский конфликт: в поисках мира. – <http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/10042/2/Konflikt.pdf>

³ Кочетков А., Мартынов А., Пискорский М. Южная Осетия. Вооруженная агрессия и миротворческая война. – М., 2009.

⁴ Харебов Б. Экономическая реабилитация Южной Осетии: текущие задачи и стратегия развития // Грузино-Осетинский конфликт: в поисках мира. – <http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/10042/2/Konflikt.pdf>

⁵ Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. – <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-2018-god-oznamenovalsya-dlya-nashej-respubliki-dostizheniyami-v-razlichnyx-sferax/>

Рисунок 1.

Стоимостные индексы производства промышленной продукции и услуг промышленного назначения в РЮО за период 2008–2019 гг.

(Составлено: по данным Управления государственной статистики Республики Южная Осетия)

В настоящий период на темпы развития существенное влияние оказывает экономический кризис и распространение коронавирусной инфекции. Так, согласно отчету Министерства экономического развития РЮО, темп роста ВВП в первом полугодии 2020 года по сравнению с показателями 2018 и 2019 годов составил 109,2 и 99,7% соответственно¹. Также отмечается, что в структуре ВВП наибольшую долю занимают доходы в сфере общегосударственных вопросов и образования – 35,4 и 22,7% соответственно. При этом доля реального сектора остается невысокой: промышленность составляет 5,7%, строительство – 2,6, сельское хозяйство – 0,4%.

Сохраняется отрицательная динамика производства сельскохозяйственной продукции с учетом личных подсобных хозяйств – 95 % по сравнению с 1 полугодием 2019 года и 82,5% – с 1 полугодием 2018 года. Одновременно зафиксирован существенный рост объемов розничного товарооборота, включая общественное питание: темп роста по сравнению с 1-м полугодием 2019 года составил 329,9%. На 134,8%, в сравнении с 2019 годом выросли и объемы строительных работ. Увеличились на 45,9% также объемы промышленной продукции и услуг промышленного характера негосударственных предприятий.

Безусловно, экономическая сфера для наращивания своего потенциала все еще остро нуждается в модернизации, активном внедрении инноваций. Сохраняющийся высокий износ основных производственных фондов, низкий уровень технического оснащения и механизации сельского хозяйства, дефицит транспортной и энергетической инфраструктуры – все это является существенным тормозом экономического развития страны. Но самым существенным барьером является дефицит квалифицированных кадров. Это становится причиной активного привлечения иностранной рабочей силы к созданию объектов в рамках инвестпрограммы, что вызывает недовольство местного населения и повышает градус социального напряжения в республике.

Многими экспертами неоднократно отмечалось в период 2009–2017 гг. недостаточное внимание со стороны правительства республики к вопросам занятости местного населения именно в реальном секторе экономики. По этим причинам «значительная доля населения занята в общественном секторе экономики, то есть в сфере выполнения государственных функций и в бюджетных учреждениях социальной направленности, и формирует доходную часть бюджета только в части налоговых отчислений с фонда оплаты труда, что не может серьезно повлиять на структуру формирования доходов бюджета. Производственной занятости катастрофически недостаточно»².

Это является и причиной роста массовых миграционных настроений, особенно среди молодежи, что является дополнительным фактором риска модернизации и экономического роста республики. Массовая трудовая эмиграция населения республики вызвана именно невозможностью самореализации внутри страны. При этом в 2018 и 2019 годах показатель миграционного прироста был положительный 508 и 526 человек соответственно. Тем не менее ситуация остается непростой.

¹ Источник: <https://south-ossetia.info/socialno-ekonomicheskie-pokazateli-respubliki-za-pervoe-polugodie-2020-goda/>

² Экономика Южной Осетии: росту препятствует нехватка инвестиций и населения. – <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/30/ekonomika-yuzhnoy-osetii-rostu-prepyatstvuet-nehvatka-investitsiy-i-naseleniya>

Как следствие отъезда молодежи, наблюдается естественное старение и декартификация трудовых ресурсов. Еще в 2013 году отмечалось преобладание «отсутствия мотивации к трудовой деятельности, обусловленное не только низким уровнем заработной платы, но и проблемами социально-психологического порядка»¹.

После 2008 года наблюдался резкий рост безработицы, которая в 2012 году была в 1,8 раза больше, чем в 2009 году, в стране насчитывалось в тот период 3430 безработных. Наиболее быстрыми темпами безработица росла в возрастной группе 18–30 лет. В настоящее время ситуация меняется в лучшую сторону. Так, по данным Министерства экономического развития РЮО, за первое полугодие 2020 года, общая численность зарегистрированных безработных в республике составляла 1013 человек, что на 124 человека меньше, по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, и на 1135 человек меньше, чем в 2018 году². Снижается и количество преступлений. Так, за первые шесть месяцев 2020 года всего по республике зарегистрировано 57 преступлений, что на 17 преступлений меньше, чем в 2019 году, и на 53 преступления меньше, чем в 2018 году.

Другой причиной миграции и одновременно следствием недостатков на рынке труда является низкий уровень жизни населения. Это, во-первых, проявляется в относительно невысоких, но все-таки увеличивающихся доходах. Так, в 2012 году средняя заработная плата в республике составляла в промышленности – 9667 руб., в сельском хозяйстве (по крестьянско-фермерским хозяйствам) 7150 рублей, в строительстве – 28 628 руб. В первом полугодии 2020 года среднемесячная заработная плата составила 19 408 рублей, но это на 2099 рублей больше, чем в аналогичный период 2019 года, и на 2900 рублей больше, чем в 2018 году. Рост заработной платы, прежде всего, работникам бюджетной сферы, обеспечивается поступлениями из российского бюджета (что касается и Абхазии). Так, в проекте бюджета России предлагается зарезервировать на обеспечение выделения бюджетных ассигнований на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы Республики Абхазия и Республики Южная Осетия и государственных гражданских служащих Республики Южная Осетия до 1,25 млрд. руб. в 2021 году и по 1,17 млрд. руб. в 2022–2023 годах (всего около 3,6 млрд. руб.) до принятия правительством России соответствующих решений³.

Помимо низкого уровня доходов качество жизни определяется, как известно, развитостью систем образования и здравоохранения.

В табл. 1 приведены основные показатели, характеризующие уровень развития образования в республике за 2012–2019 гг.

Таблица 1

Основные показатели развития сферы образования Республики Южная Осетия*

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число образовательных школ	55	56	55	54	52	53	53	52
в них:								
– учащихся	5330	5517	5717	5909	6109	6424	6681	6904
– преподавателей	1244	1374	1416	1479	1281	1309	1335	1326
Число средних специальных учебных заведений	4	4	4	4	4	4	4	4
в них:								
– учащихся	425	367	409	445	458	438	425	421
– преподавателей	70	70	70	90	93	92	92	100
Число высших учебных заведений	1	1	1	1	1	1	1	1
в них:								
– студентов	2010	2301	2684	2674	2985	3233	3459	3619
– преподавателей	180	128	134	192	210	200	225	194

* Составлено: по данным Управления государственной статистики Республики Южная Осетия.

Из данных табл. 1 видно, что за период 2012–2019 гг. при незначительном снижении числа школ в них растет число учащихся, но одновременно наблюдается неустойчивость численности преподавателей. Практически аналогичные тенденции и в высшей школе: увеличивается число студентов университета, но снижается число преподавателей. А вот на уровне средних специальных учебных заведений тенденции противоположные – растет число преподавателей при незначительном снижении числа учащихся. В целом, республика имеет хорошую образовательную базу, однако фактором, способным негативно повлиять на ее развитие, может оказаться сокращение преподавательского состава.

Недостаточный уровень здравоохранения в республике является существенным фактором снижения эффективности и модернизационных преобразований в экономике страны, поскольку еще больше снижается и трудовой потенциал населения.

В табл. 2 представлены основные показатели развития системы здравоохранения республики в 2012–2019 гг.

¹ Динамика социально-экономического развития РЮО. – <http://cominf.org/node/1166499619>

² Источник: <https://rso-government.org>; <https://south-ossetia.info/socialno-ekonomicheskie-pokazateli-respubliki-za-pervoe-polugodie-2020-goda/>

³ Сайт РБК Pro: <https://www.rbc.ru/politics/04/10/2020/5f772ece9a79471ee5c48d35>

Основные показатели развития здравоохранения Республики Южная Осетия*

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число санаториев, учреждений отдыха и туризма	1	1	1	1	1	1	1	1
Численность лечившихся и отдохнувших в санаториях, чел.	283	283	283	120	200	250	100	110
Число врачей всех специальностей	265	274	287	305	294	297	306	301
Число среднего медицинского персонала	802	783	781	757	756	787	814	812
Число больничных учреждений	14	14	14	14	10	12	9	8
Число больничных коек	1040	1040	1040	990	680	590	575	555
Число коек для беременных женщин и рожениц	78	78	78	70	36	20	20	20

* Составлено: по данным Управления государственной статистики Республики Южная Осетия.

Данные табл. 2 свидетельствуют о заметном снижении за период 2012–2019 гг. значений показателей развития инфраструктуры здравоохранения – больничных учреждений, числа больничных коек. Одновременно практически не уменьшается число врачей и среднего медицинского персонала, что свидетельствует о привлекательности этой сферы с точки зрения занятости. За анализируемый период более чем в 2 раза сократилась численность лечившихся и отдохнувших в единственном в республике санатории, что говорит о низкой привлекательности его как туристического объекта, а также недостаточном внимании власти к вопросам профилактики и реабилитации населения.

При этом в РЮО сохраняются проблемы в области демографии: процесс депопуляции, превышение смертности над рождаемостью, высокая заболеваемость. Так, в 2008–2012 гг. отмечался резкий рост тяжелых заболеваний: новообразований в 2012 году в 2,6 раза по сравнению с 2011 г. и в 4,4 раза по сравнению с 2007 годом, болезни органов дыхания – в 2,1 раза, системы кровообращения – почти в 2 раза¹. После 2016 года по всем трем группам заболеваний наблюдается устойчивое снижение заболеваемости населения.

В целом, по данным Управления государственной статистики республики доля расходов по статье «Образование, наука, молодежная политика, спорт и туризм» в доходной части бюджета республики выросла с 18,1% в 2015 году до 19,5% в 2019 году. Доля же расходов по статье «Здравоохранение и социальная политика» практически осталась неизменной, даже несколько сократилась – с 12,7% до 12,5% в 2015 и 2019 гг. соответственно. При этом численность населения республики с 2012 года стала увеличиваться и в 2019 году составила 57095 человек против 51 572 человек в 2012 году. Одновременно увеличилась численность лиц моложе трудоспособного возраста – с 11 432 до 13 431 человек в 2012 и 2019 гг. соответственно, а также пенсионеров – 2113 и 4679 человек в 2012 и 2019 гг. соответственно. Эти процессы увеличивают социальные обязательства. Таким образом, можно говорить о более существенном сокращении доли расходов на здравоохранение в общей статье расходов. Кроме того, сохраняются территориальные диспропорции.

Недостатки системы здравоохранения республики проявились и в условиях пандемии коронавируса 2020 года. Ситуация в осенний период 2020 года заметно ухудшилась. По данным на 13.11.2020, с начала пандемии коронавирусом заразилось более 1500 жителей республики, скончалось 27 человек². Ввиду угрозы дальнейшего осложнения эпидемиологической ситуации Минздрав подготовил до 100 коек детской больницы Республиканского медицинского центра для госпитализации зараженных. Министерство обороны Южной Осетии попросило российских коллег передать военно-полевой госпиталь на 150 коек³.

Учитывая не только позитивные, но и сохраняющиеся негативные тенденции развития, в стратегических документах Республики Южная Осетия в качестве приоритетных заявлены цели и задачи, направленные на создание условий для перехода к устойчивому развитию экономической и социальной сферы, снижение диспропорций в социальном развитии территорий республики, формирование предпосылок для прекращения оттока сельского населения с мест постоянного проживания. В качестве основного инструмента решения существующих проблем было предложено разработать комплексный План социально-экономического развития Республики Южная Осетия. В рамках Плана будут аккумулированы общественно значимые капиталоемкие проекты, приоритетные из которых направлены на развитие социальной и инженерной инфраструктуры, снижение дифференциации в социальном развитии районов, а также на повышение предпринимательской активности⁴. На этом фоне большое внимание уделяется и молодежи республики. Реализуется Государственная комплексная целевая программа «Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения Республики Южная Осетия», в числе задач которой обозначены охрана здоровья, профилактика правонарушений, отбор и подготовка молодых кадров для решения современных задач развития, поддержка национальной культуры и искусства и др.

В целом, решение социальных и демографических проблем находится в тесной взаимосвязи с темпами модернизации экономики и социальной сферы. Так, увеличение рождаемости, сокращения заболеваемости, снижение

¹ Динамика социально-экономического развития РЮО. – <http://cominf.org/node/1166499619>

² Число жертв COVID-19 в Южной Осетии достигло 27 человек. – <https://www.ekhhokavkaz.com/a/30946256.html>

³ Источник: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/355634/>

⁴ Источник: <https://rso-government.org/2019/11/14/v-pravitelstve-prinyali-prognoz-i-plan-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-ryuona-2020-god/>

смертности невозможно без инновационного переоснащения системы здравоохранения республики; прекращение миграционного оттока, особенно из сельских районов, требует улучшения качества среды проживания, включая активное развитие агропромышленного производства и туризма; укрепление кадрового потенциала должно обеспечиваться за счет современной системы образования и переподготовки; рост реальных доходов населения невозможен без снижения безработицы, что в свою очередь обеспечивается реализацией современных инвестиционных проектов в реальном секторе, сопровождающейся созданием высокопроизводительных рабочих мест, увеличением предпринимательской деятельности. К сожалению, серьезным сдерживающим фактором является определенная экономическая изоляция страны.

Имомов В.А.

к.э.н., ответственный сотрудник Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан, Ташкент

ИЗМЕНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: пандемия, рынок труда, безработица, меры социальной защиты, Республика Узбекистан.

Распространение коронавирусной инфекции в той или иной степени отразилось на образе жизни людей практически во всех странах мира. Даже некоторые регионы переживают серьезный кризис.

Ситуация на мировом рынке труда и проблема безработицы останутся предметом серьезного беспокойства не только во время и после пандемии, но и тогда, когда будут приняты серьезные меры для улучшения ситуации.

Из-за пандемии мировой рынок труда переживает самый серьезный кризис со времен Второй мировой войны. По данным Международной организации труда, карантинные меры привели к временному, полному или частичному закрытию предприятий, от которых страдает 81 процент мировой рабочей силы, или 2,7 миллиарда человек.

Наиболее значительно занятость сократилась в арабских странах (8,1%). Это означает, что 5 миллионов человек потеряют работу. По уровню безработицы второе место занимает Европа (7,8% или 12 млн. человек), а третье место занимает Азиатско-Тихоокеанский регион (7,2% или 125 млн. человек).

Аналитики Международной организации труда (МОТ) предупреждают, что существует риск сокращения рабочих мест или продолжительности рабочего дня в районах, где работают еще 1,25 миллиарда человек. Больше всего пострадали гостиничный бизнес, сфера услуг, оптовая и розничная торговля. В наименьшей степени затронуты такие области, как образование, здравоохранение, коммунальные услуги, сельское хозяйство, общественные услуги и общественная безопасность. Строительные, финансовые и страховые услуги подвержены умеренному риску пандемии на рынке труда. Риск ущерба для рынка труда в сферах искусства и развлечений, транспортных услуг, туристического бизнеса, недвижимости, промышленного производства, а также услуг по ремонту автомобилей является умеренным.

Пандемия коронавируса поражает неформальный сектор мирового рынка труда. Первый месяц кризиса привел к 60-процентному сокращению числа неформальных работников во всем мире. По данным ООН, кризис может оставить без работы не менее 195 миллионов человек.

Кризис, вызванный пандемией, оказался многообещающий для развития информационных технологий, особенно удаленной связи и образования, а также служб доставки. Другими словами, развиваются все сферы, которые активны в режиме самоизоляции.

Однако рано или поздно пандемия закончится. Экономика начнет расти, но последствия кризиса, вызванного пандемией, вероятно, придется лечить дольше, чем сам вирус.

В Республике Узбекистан органами по труду регулярно проводятся социальные опросы, по результатам которых проводится анализ уровня занятости и безработицы. В частности, по итогам 2020 года данными органами проведен очередной опрос общественного мнения в 101 городе и районе страны по методике, разработанной на основе рекомендаций Международной организации труда. В нем приняли участие 490 органов самоуправления граждан, 4,9 тыс. домохозяйств и 25,9 тыс. граждан.

Исследование показало, что карантинные меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции во время пандемии COVID-19, оказали значительное влияние на рынок труда.

По предварительным данным, численность трудовых ресурсов составила 19 млн. человек, увеличившись на 0,6% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. Однако из-за негативного воздействия пандемии COVID-19 на деятельность хозяйствующих субъектов количество занятых в экономике сократилось на 5% или 671 тысячу человек по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 12,7 миллиона человек.

Количество занятых в формальном секторе экономики составило 5,5 миллиона человек, что на 0,2% или 12,4 тысячи человек меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

При этом за счет ограничительных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции количество индивидуальных предпринимателей сократилось на 167,5 тысячи (46,4%) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а 131,2 тысячи безработных были вовлечены на оплачиваемые общественные работы, что позволило предотвратить резкое снижение численности занятости в официальных секторах экономики.

Согласно исследованию, количество выехавших на заработки за границу составило 2 млн. человек (снижение на 553,2 тыс. человек по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 232,1 тыс. человек по сравнению с итогами 1 квартала 2020 года).

Количество занятых в неформальном секторе (без учета трудовых мигрантов, работающих за рубежом) уменьшилось на 2,1% или на 105,3 тыс. по сравнению с прошлым годом и составило 5,1 млн. человек. При этом уменьшилась численность:

- временных разовых и сезонных работников (на 108,4 тыс.);
- работников семейных предприятий и предпринимателей без регистрации занятости (на 87,6 тыс.);
- предпринимателей, действующих без регистрации и разрешений (на 110,6 тыс.).

При этом за счет увеличения количества людей, сидящих дома в период карантина, и резкого увеличения размера субсидий из Фонда содействия занятости на развитие фермерских хозяйств, количество занятых в дехканских и личных подсобных хозяйствах увеличилось на 201,1 тыс. человек.

Предоставление прав хозяйствующим субъектам и самозанятым гражданам учитывать свой стаж работы и пользоваться льготами дает возможность сократить долю занятости в неформальном секторе.

Количество экономически неактивного населения в стране увеличилось на 4,5% по сравнению с соответствующим периодом 2019 года. Это связано с тем, что некоторые представители бизнеса и сферы услуг приостановили свою деятельность на время карантинных мер и предпочли не заниматься другой деятельностью.

По итогам первого полугодия текущего года уровень безработицы в стране составил 13,2%. Этот показатель составил 9,1% за аналогичный период 2019 года. Общее количество нуждающихся в работе составляет 1,9 миллиона человек (уровень безработицы среди лиц в возрасте от 16 до 30 лет – 20,1 процента, уровень безработицы среди женщин – 17,4 процента).

Стоит отметить, что карантин в стране введен с 16 марта 2020 года. До введения карантина в стране уровень безработицы составлял 9,3%, а общее количество безработных составляло около 1,4 миллиона человек.

В январе-июне 2020 года с целью смягчения негативного воздействия пандемии на рынок труда органами по труду было оказано услуг 588,2 тыс. безработным и безработным (159,9 тыс. до 30 лет и 229,4 тыс. женщин). В частности:

- 501,1 тыс. человек были обеспечены работой за счет постоянной занятости и участия в общественных работах;

- обучено 15,0 тыс. безработных;

- 27,0 тыс. безработных получили пособия по безработице в размере 10,1 млрд. сумов за счет Фонда содействия занятости.

Также за счет субсидий Фонда содействия занятости:

- 24,8 тыс. человек стали членами личных подсобных хозяйств;

- 15 тыс. человек стали членами сельскохозяйственных, швейных и кустарных кооперативов;

- 3 тыс. человек были вовлечены в предпринимательство;

- оказана материальная помощь 2,3 тыс. нуждающегося в социальной защите безработным.

Вышеупомянутые меры, принятые государством, служат для облегчения проблем на рынке труда, поддержки безработных, обеспечения занятости для нуждающихся и предотвращения снижения доходов в случае пандемии.

Кираносян Н.Л.

к.э.н., доцент, Европейский университет, Ереван
kirakosyannarine@yahoo.com

Саргсян К.Н.

к.э.н., Европейский университет, Ереван
karinesarg@yahoo.com

МЕНЕДЖМЕНТ И ЛИДЕРСТВО В АРМЯНСКОМ БИЗНЕСЕ

Ключевые слова: менеджер, лидер, недостатки армянских лидеров, роль лидера в бизнесе, взаимоотношения менеджера и лидера, менеджер-лидер армянка, управление изменениями.

Keywords: manager, leader, shortcomings of the Armenian leaders, the role of the leader in business, Armenian women manager-leader, collaboration between the leader and the manager, change management.

Лидерство – это значимый компонент управления. Лидерство – это способность влиять на людей. Это способность человека влиять на поведение отдельных лиц или их групп для достижения целей организации. Лидерство – это важнейший механизм для результативной совместной работы и развития потенциала организации и ее сотрудников.

Уже на начальных этапах формирования социальной группы в ней начинаются процессы, которые приводят к выдвижению лидера. Во взаимодействии не только уточняются нормы поведения участников группы, но и происходит разграничение ролей, в группе начинают формироваться разные позиции и роли. Один берет на себя задачу взаимодействия и общения, досуга и управления другими видами деятельности и дает инструкции другим, другой пытается увлечь группу забавными историями, третий чувствует, что он призван улаживать споры и конфликты, успокаивать страсти и так далее. Фактически таким образом реализуется распределение функций и ролей. Это тот случай, когда группа формируется автоматически. А когда группы формируются формально, здесь никакая работа не выполняется без назначенного или избранного руководителя или лидера. Потеря лидера может иметь весьма значимые последствия для группы, вплоть до ее роспуска или распада. Невозможно эффективно управлять организацией или группой без лидера.

Лидером считается человек, который имеет наибольшее неформальное влияние на группу¹. Остальные члены считаются последователями, включая тех, кто может возглавлять подгруппы для поддержки лидерства, выполняя лидерские функции. С точки зрения функционирования организации, лидеры – это люди, которые выявляются в результате межличностного взаимодействия, которые также участвуют в управлении организацией, но без юридических рычагов, без формальных структур, официального права вознаграждать или наказывать, исключительно на основе своей репутации, уважения к другим и доверия членов организации. Как правило, в организации существует руководитель (директор, руководитель, менеджер и т.д.) и неформальный лидер². Функция «лидерства» в управленческой деятельности может выполняться как формальным руководителем, так и неформальным лидером.

По характеру управления существуют практические (инструментальные) и эмоциональные (выразительные) руководители и лидеры. Оба одинаково важны для обеспечения гармонии и эффективности организации. Если руководитель является превосходным специалистом в своей области, но не способен регулировать межличностные отношения, то лидер берет на себя решение проблем межличностного взаимодействия. И наоборот, если руководитель уступает по профессии, но обладает незаурядными способностями создавать благоприятную рабочую атмосферу, межличностное общение, то есть фактически действует как эмоциональный лидер, то в этой группе, как правило, появляется практический лидер.

Одна из основных задач менеджеров – интегрировать функции подсистем своей организации для достижения основных целей организации. Поэтому руководитель должен направлять своих подчиненных, следя за тем, чтобы они создавали условия для благоприятной работы. Выполнение управленческих функций тесно связано с формами лидерства³.

Если современная организация стремится не только к выживанию, но и к развитию, она должна постоянно адаптироваться к изменениям внешней среды. Многие изменения происходят под влиянием новых информационных технологий и Интернета. Новые тенденции, такие как электронный бизнес, планирование ресурсов предприятия и управление знаниями, требуют глубоких изменений в организации. Инициативы по изменению обычно вызывают у людей усталость и напряжение. Им необходимо тщательное, подробное объяснение предлагаемых изменений, почему

¹ Словарь-справочник менеджера. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 228–229.

² Розенберг Д. Бизнес и менеджмент: терминологический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 224–225.

³ http://www.eiu.am/files/884_Arajnordutyany-eutyunn-hogebanutyany-hamar.doc

это изменение необходимо, какое прямое влияние эти изменения окажут на них и какие преимущества для них принесут. Ключ к успеху – это мотивация сотрудников.

Изменениями можно и нужно управлять. Анализируя внешние тенденции, модели поведения и современные требования, менеджеры планируют изменения, направленные на повышение гибкости организации, адаптацию к требованиям внешней среды, развитие навыков и использование возникающих возможностей. Вина за неспособность организации подготовиться к изменениям, предвидеть новые тенденции и адаптироваться к ним лежит исключительно на руководстве. К возможным последствиям неадекватного управления изменениями относятся деморализация персонала, повышение текучести кадров, снижение уровня сотрудничества и командной работы, а также повышение уровня стресса, беспокойства, прогулов, болезней и ошибок.

Здесь снова на первый план выходит роль лидера, который может способствовать реализации изменений в данный момент и внедрению нововведений. Следовательно, каждая организация должна стремиться иметь лидера или лидеров, которые будут вносить вклад в постоянное развитие организации, вносить изменения, внедрять инновации и стимулировать сотрудников к эффективной работе¹.

У большинства руководителей армянского бизнеса есть ряд недостатков, которые не позволяют им достичь высокой эффективности. Среди этих недостатков:

- Неспособность учесть детали.
- Нежелание выполнять грязную или рутинную работу. Настоящие лидеры готовы при необходимости выполнять любую работу, которую они требуют от своих сотрудников. «Высший из вас – слуга остальных» – истина, которой следуют все настоящие лидеры.
- Ожидание высокой оценки своей деятельности лишь за то, что он является руководителем. Во всем мире платят не за должность или знания, а за их применение.
- Страх конкуренции с последователями. Лидер, который боится конкуренции со своими последователями, фактически ее проигрывает. Талантливый и смелый руководитель готовит сотрудников так, чтобы каждый из них мог заменить его в любой момент. Чем квалифицированнее сотрудник, тем выше репутация руководителя.
- Отсутствие воображения. Лидер, у которого нет воображения, не способен ни создавать проекты, ни трезво оценивать и эффективно управлять чрезвычайной ситуацией.
- Амбиция. Лидер, который приписывает успех организации себе, должен быть готов к одиночеству, потому что недооцененные сотрудники будут искать успеха в другом месте.
- Несдержанность. Сотрудники не уважают руководителя, который не может контролировать себя.
- Неверность. Неверность – корень всех человеческих неудач.
- Авторитарность. Эффективный лидер руководит вдохновением, а не страхом.
- Статус. Настоящий руководитель скромно, ведет скромную деловую жизнь, своим положением не хвастается.

Его двери всегда открыты для желающих с ним что-либо обсудить.

В Армении есть очень интересная тенденция: женщины стали больше участвовать в органах управления. В настоящее время объем прав женщин расширился, и мы часто можем видеть женщин в тех областях, где раньше было бы трудно представить их присутствие и участие.

Многочисленные исследования показывают, что участие женщин в корпоративных советах или других органах управления повышает эффективность бизнеса, поскольку женщины более осторожны в управлении рисками, более тактичны и устанавливают хорошие отношения как с начальством, так и с подчиненными. Женщины-лидеры, в отличие от своих коллег-мужчин, обладают более развитой способностью мотивировать других, общаться, слушать.

Однако сегодня большинство работающих женщин в Армении относится к среднему классу, число женщин на высоких должностях ограничено. Объясняется это тем, что бизнес изначально считался мужским делом, женщины были более склонны работать в таких сферах, как педагогика, медицина, услуги².

¹ Макгофф К. Искусство управлять. 46 ключевых принципов и инструментов руководителя. 2015. – С. 25.

² <http://news.am/arm/news/96403.html>

Котилко В.В.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Совета по изучению производительных сил
Kotilko@yandex.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: информационная система, стратегии информационных систем, инновационная деятельность предприятий, система показателей, инновационная среда, инновационная политика, центры инновационной политики.

Keywords: information system, information system strategies, enterprise innovation, indicator system, innovation environment, innovation policy, innovation policy centers.

Построение информационно-аналитических систем целесообразно начинать с определения потребителей информации. На следующем этапе необходимо провести анализ управленческих решений, которые могут быть приняты на основе представленной информации. Любая информационная система должна обеспечивать обратную связь после принятия управленческих решений.

В предложенной платформе потребителями информации могут выступать органы государственной власти и руководители организаций.

Управленческие решения в органах государственной власти будут отличаться от управленческих решений в бизнес-среде. Это обстоятельство должно получить отражение в системе показателей-индикаторов. Органы государственной власти должны в первую очередь быть ориентированы на управление процессом инновационной деятельности, а не на его результаты. Инновационная деятельность предприятий и организаций и их потенциальные возможности (ресурсы и их потоки) являются по этой причине предметами более важными для определения и анализа, чем сами результаты (инновации). Факторы, препятствующие или способствующие инновационной деятельности, являются ключевыми в этом анализе.

Информационно-аналитическая система для нужд государственного управления должна давать не столько сведения о числе инновационных предприятий или даже самих инноваций, сколько сведения, которые позволили бы государству и бизнес-среде анализировать разнообразные инновационные стратегии, предшествующие инновационной системе, оценивать и понимать, как эти стратегии способствуют укреплению конкурентоспособности отдельных предприятий и в целом экономическому и социальному развитию региона.

Опираясь на эти сведения, следует строить различные модели технологического поведения предприятий.

Федеральные целевые программы и программы регионального развития должны быть неотъемлемой частью информационной платформы. В платформе должны быть показатели эффективности различных инструментов государственной поддержки и продвижения инноваций.

Кроме того, предлагаемую платформу необходимо нацелить на информационное обеспечение процесса принятия решений на уровне государственной власти и разработку стратегий развития бизнеса, а также на создание, диффузию, усвоение и использование новых знаний (инновационной деятельности) в предпринимательской среде.

Систему показателей-индикаторов следует дополнить с учетом следующей возможной структуры исследования, в качестве объектов которого могут рассматриваться такие параметры, как:

1. Размер и отраслевая структура экономики региона;
2. Инновационная среда (социально-экономическая, организационно-правовая, технологическая, политическая);
3. Инновационная инфраструктура (информационная, организационная и финансовая);
4. Субъекты инновационной активности (малые предприятия, учебные заведения, бизнес и научные организации, корпорации).

Инновационная среда

Основополагающее воздействие на инновационный процесс оказывает инновационная среда (климат). Одним из главных параметров при анализе инновационной среды является качество человеческого капитала. К сожалению, при росте общей численности высших учебных заведений и числа студентов, качество преподавания в них падает. Основу высшего образования в России составляют 250-300 вузов. Более показательным параметром является численность кандидатов и докторов наук, которая неуклонно снижается.

Второй по важности характеристикой инновационной среды является правовая защита и распределение прав на интеллектуальную собственность и, как следствие, распределение вознаграждения между участниками инновационного процесса.

Инновационная политика

На уровне государства необходимо определить приоритетные направления инновационного развития (критические технологии), организационную и финансовую схему их освоения.

Инновационная инфраструктура (информационная, организационная и финансовая)

В современном мире информационных технологий одним из основных элементов инновационной инфраструктуры является информационная инфраструктура. Именно ее развитие дает наибольший вклад в инновационную деятельность. Состояние информационной инфраструктуры в регионе необходимо отслеживать в первую очередь.

Процессу создания организационной инфраструктуры необходимо уделять пристальное внимание. Организационные процессы предшествуют инновационной деятельности. Среди существующих организационных механизмов можно выделить научно-координационные центры (технологические платформы) и технико-внедренческие особые экономические зоны.

Развитие финансовой инфраструктуры инновационной деятельности является одним из важнейших условий модернизации экономики страны. При анализе финансовой инфраструктуры необходимо уделять особое внимание механизмам экспертизы и отбора инновационных проектов. Необходимо развивать независимые отраслевые экспертные организации для привлечения более широкого круга инвесторов.

Центры инновационной активности

Необходимо проведение сбора информации по всем потенциальным центрам инновационной активности. Центры инновационной активности могут быть трех типов:

- Сами производят инновации;
- Участвуют в совместных проектах по производству инноваций;
- Приобретают готовые инновации.

Кроме того, определенный интерес представляют цели инновационной деятельности, стимулы (факторы) для проведения инноваций и результаты. Необходимо также при доработке показателей Платформы провести анализ факторов сдерживающих инновационную деятельность.

Кочкорбаева М.Д.

к.э.н., доцент Кыргызского экономического университета, г. Бишкек
mariak3@mail.ru

УСТОЙЧИВЫЙ ТУРИЗМ: СУЩНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивый туризм, валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения, уровень жизни населения, туристский потенциал, сверттуризм, экологические проблемы, защита окружающей среды.

Keywords: sustainable development, sustainable tourism, per capita gross domestic product (GDP), standards of living, tourist potential, overtourism, ecological problems, environmental protection.

Введение

Вплоть до 60-х годов XX века в мире преобладали представления о практически неограниченном потенциале природных ресурсов. Понимание того, что неконтролируемый процесс производства может разрушить окружающую среду, было, но носило достаточно абстрактный характер¹.

Разнообразные проявления антропогенных факторов, долгое время остававшиеся на периферии научного интереса, постепенно стали перемещаться в центр внимания, потому что «явления, когда-то считавшиеся маловероятными или редкими (как с точки зрения интенсивности, так и частоты), становятся частью «новой нормы». Повторяющиеся рекорды (самое жаркое лето, самая продолжительная засуха или самый большой лесной пожар в истории) становятся характерной чертой дискурса об изменении климата. Эти экстремальные ситуации влияют на общество в самых разнообразных формах, включая рост цен на продовольствие из-за неурожая, воздействие на здоровье, вспышки болезней, прямой ущерб имуществу и т.д.»². Эти проблемы являются результатом влияния антропогенных факторов.

Экологические проблемы второй половины XX начала XXI вв. вызвали бурную публичную научную полемику, связанную с устойчивым развитием. Рост научного интереса к данной проблеме сопровождался расширением спектра направлений научных исследований в разных областях, в том числе и в туризме – одной из ведущих отраслей мировой экономики. Согласно данным Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC) в 2018 г. доля туризма в мировом ВВП составила 10,4%³. Однако, у туризма есть как плюсы, так и минусы. Туристская деятельность отличается высоким уровнем ресурсопотребления и является источником большого количества отходов, загрязняющих природную среду.

Итак, актуальность исследуемой проблемы вполне очевидна, поскольку экологическая реальность для большинства территорий, в том числе и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), представляет собой одну из важнейших составляющих социально-экономического контекста реализации стратегий устойчивого развития. Исходя из этого, целью данной статьи является исследование сущности устойчивого туризма, обоснование необходимости его развития в странах ЕАЭС – территории с численностью населения 184 268,4 тыс. человек (2019 г.)⁴, занимающей 15% от площади мировой суши.

Сущность категорий «устойчивое развитие» и «устойчивый туризм»

Несмотря на то, что в течение достаточно долгого времени в научном мире обсуждаются вопросы, связанные с понятием «устойчивое развитие», единого подхода к пониманию сущности данной категории не сформировано. Сущность понятия (термина, категории) выражается в его дефиниции.

Авторы труда «Пределы роста. 30 лет спустя» отмечают: «Человечество уже вышло за пределы самоподдержания Земли... выход за пределы больше нельзя игнорировать, это уже свершившийся факт. Его необходимо признать,

¹ Карпова Г.А., Максарова Е.М. Механизм реализации принципов устойчивого развития туризма через государственно-частное партнерство // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: материалы Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010 – <http://economy.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=9586>

² Жилина И.Ю. Инновации в борьбе с глобальным потеплением // Экономические и социальные проблемы России. 2020. – № 1 (41).

³ Travel & Tourism: Global Economic Impact & Trends. 2019.

⁴ Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2020. – С. 13.

чтобы решить главную задачу: вернуть мир в область самоподдержания»¹. Здесь мы видим, что термин «самоподдержание» используется в значении «устойчивость».

По определению Майкла Джейкобса: «Устойчивое развитие (англ. sustainable development – поддерживаемое развитие) – такое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества»². Но есть и более узкие трактовки. К примеру, Боголюбова С. А. считает, что «под устойчивым развитием туризма следует понимать процесс, протекающий в территориальной среде, направленный на достижение динамически изменяющихся целей туризма, которые определяют сами туристы, в условиях рационального использования ограниченных ресурсов»³. В этой дефиниции понятие «устойчивое развитие туризма» рассматривается только с экономической позиции.

Устойчивое развитие туризма нужно рассматривать шире, чем просто управление ресурсами и удовлетворение потребностей туристов. В трактовке Всемирной туристской организации, устойчивый туризм – это «туризм, который в полной мере учитывает его текущие и будущие экономические, социальные и экологические последствия, удовлетворяя потребности посетителей, промышленности, окружающей среды и принимающих сообществ»⁴. В этой дефиниции обоснована идея необходимости соблюдения баланса интересов настоящего и будущего поколений, всех заинтересованных сторон.

В классическом определении баланс между поколениями понимается как баланс потребностей. Однако слово «потребности» может трактоваться по-разному. Во-первых, можно говорить о способности удовлетворять потребности в контексте обеспеченности природными ресурсами. Во-вторых, можно говорить о способности удовлетворять потребности в аспекте уровня жизни. Это значит, что для будущих поколений он должен быть как минимум таким же, как уровень жизни нашего поколения. При этом необязательно, чтобы это было достигнуто благодаря обеспеченности природными ресурсами. Например, мы можем сейчас инвестировать природные ресурсы в развитие человеческого капитала и знаний, и будущие поколения будут обеспечивать более высокий уровень жизни за счет прироста знаний. Две перечисленные трактовки положили начало двум ветвям устойчивого развития – концепциям сильной и слабой устойчивости⁵.

Изучение разных подходов позволило нам сформировать собственную точку зрения. По нашему мнению, устойчивый туризм – это туризм, нацеленный на достижение социального и экономического благополучия с учетом сохранения природной среды и культурного наследия местных сообществ на основе обеспечения баланса интересов нынешних жителей и тех, кто будет проживать в данной туристской местности в будущем. А содержание этого понятия выражается в системе трех составляющих:

1. Экономическая составляющая предполагает достижение экономической эффективности, получение наибольшей выгоды при наименьших затратах всех видов ресурсов, в особенности природных. Цель – достижение экономического благополучия посредством экономического роста с учетом охраны окружающей среды.

2. Социальная составляющая – социальное благополучие, справедливое распределение выгод от развития туризма между всеми заинтересованными сторонами, включая местные сообщества. Путь к социальному благополучию лежит через повышение качества жизни местных жителей. Высокие стандарты проживания населения позволяют снизить давление местного населения на окружающую среду, а также способствуют их вовлечению в деятельность по охране окружающей среды. Социальное благополучие предполагает, прежде всего, здоровье. А здоровое население – это высокое качество трудовых ресурсов туристской территории.

3. Экологическая составляющая означает обеспечение экологической безопасности путем охраны и улучшения окружающей среды, достигаемой через реализацию экологических мероприятий и программ, в которых обязательно участие местных жителей, бизнеса, государства и туристов. Цель – достижение экологического благополучия, что гарантирует обеспечение производства ресурсами, человека – всеми необходимыми для жизнедеятельности благами в пределах возможностей среды обитания.

Итак, устойчивое развитие в целом, и устойчивый туризм в частности, представляют собой сложный механизм взаимодействия людей (нынешнее и будущее поколения), человека и природы, в котором значимую роль играет учет интересов всех задействованных сторон, в особенности, элементов природной среды.

Необходимость устойчивого развития туризма в странах ЕАЭС

Развитие экономической интеграции требует наличия определенных предпосылок. Одна из них – «интегрирующиеся страны должны обладать примерно одинаковым уровнем экономического развития и зрелости рыночной экономики»⁶. ЕАЭС включает в себя страны с разным уровнем экономического развития (табл. 1).

¹ Медуз Д.Х., Рандерс Й., Медуз Д.Л. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. – М.: ИКЦ Академкнига, 2007. – С. 19.

² Jacobs M. Sustainable Development: Greening the Economy/ Fabian Society. 1990.

³ Боголюбова С.А. Устойчивое развитие туризма и оценка его эффективности // Материалы Российской научно-практической конференции «Туризм как фактор развития человеческого потенциала», 16–18 апреля 2009 г. – Вологда, 2010. – <https://sport.wikireading.ru/31962>

⁴ Making Tourism More Sustainable: A Guide for Policy Makers / UNEP and UNWTO, 2005. Sustainable development. – P. 11–12. – <https://www.unwto.org/sustainable-development>

⁵ Макаров И. Устойчивое развитие: как победить бедность и сохранить природные ресурсы. 2017. – <https://postnauka.ru/faq/72761>

⁶ Мисько О.Н. Международная экономическая интеграция. – СПб: Универ. ИТМО, 2015.

Валовый внутренний продукт на душу населения на основе паритета покупательной способности валют, долл. США¹

Страны ЕАЭС	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Армения	8727	8809	9621	10 343	11 297	129,45
Беларусь	18 390	18 098	18 916	19 995	20 023	108,87
Казахстан	25 123	25 315	26 491	27 880	29 894	118,99
Кыргызстан	3453	3568	3734	3885	4192	121,4
Россия	24 061	24 072	25 767	27 588	28 923	120,2
ЕАЭС	22 939	22 950	24 475	26 131	27 170	118,44

Из табл. 1 видно, что темпы прироста ВВП на душу населения в странах ЕАЭС за пятилетний период почти одинаковые (за исключением Беларуси). В абсолютных показателях 2019 г. видна существенная разница: самый высокий показатель в Казахстане – 29 894 долл. США, что в 7,1 раза больше показателя Кыргызстана и в 2,6 раза превышает показатель Армении. ВВП на душу населения в ЕАЭС в 2019 г. (27 170 долл. США) значительно меньше, чем в странах Европы. В Люксембурге данный показатель составил 119 573 долл. США, в Швейцарии – 70 485 долл. США, в Нидерландах – 59 420 долл. США. В Литве и Эстонии, которые входили в состав СССР, ВВП на душу населения в 2019 г. превысил сумму в 38 000 долл. США². Проведенный анализ позволил выявить два условия: во-первых, неравномерность в развитии; во-вторых, сравнительно низкий показатель уровня экономического развития, а значит, и уровня жизни населения стран ЕАЭС, диктующие необходимость устойчивого развития туризма. Наиболее слабыми звеньями являются Кыргызстан и Армения. Обе страны обладают хорошим туристским потенциалом, который используется не в полной мере, особенно, в первой из них.

На наш взгляд, улучшению благосостояния населения в странах ЕАЭС будет способствовать развитие туризма на основе принципов устойчивости, т.к. туризм создает много рабочих мест благодаря востребованности ручного труда. При этом предоставляется много рабочих мест молодежи, женщинам, трудовым мигрантам. По оценкам специалистов, в сфере туризма занято как прямо, так и косвенно, более 230 миллионов чел., что составляет около 8% мировой занятости. Женщины составляют 60–70% от общего числа занятых в сфере туризма, а половина работающих – в возрасте 25 лет и младше (МОТ, 2008). В развивающихся странах инвестиции в устойчивый туризм могут содействовать созданию новых рабочих мест, особенно для более бедных слоев населения³. Следовательно, странам ЕАЭС нужно полнее использовать имеющиеся туристские ресурсы.

Из стран ЕАЭС Армения использует свой туристский потенциал сравнительно хорошо. При этом большой удельный вес в туристских потоках в Армению занимает Россия – около 45% от всех туристов⁴. По версии сайта «Мировой атлас данных» среди стран ЕАЭС наибольший вклад туризма в ВВП в 2018 г. наблюдался в Армении – 14,1%, наименьший – в Кыргызстане – 3,9%⁵. Туризм в Кыргызстане является экспорто-ориентированной отраслью: в 2018 г. экспорт туристских услуг составил 453,4 млн. долл. США, импорт – 275,5 млн. долл. США. Основной поток туристов в Кыргызстан обеспечивается из стран СНГ – 83,5%⁶. В нашу страну приезжают туристы, в основном, из соседнего Казахстана (71%), туристский поток из России сравнительно небольшой – 13%⁷. Основная причина – слабая реклама кыргызского турпродукта в России.

В июле-августе 2019 г. нами было проведено анкетирование⁸ туристов, посетивших северное побережье озера Иссык-Куль. Иностранные туристы были, в основном, из Казахстана, Узбекистана и России. В процессе анкетирования выявлено, что российские туристы приезжают на Иссык-Куль, в основном, с семьями. Опрошенные россияне – семейные пары с детьми и без детей, ответили, что ежегодно приезжают отдыхать на Иссык-Куль. Среди них были семьи, выбирающие Иссык-Куль для летнего отдыха в течение последних 5–7 лет подряд. 86% от общего числа опрошенных выразили удовлетворенность качеством туристских услуг, 91% считают цены невысокими. Было выражено мнение о том, что наша страна проводит слабую рекламу своего туристского продукта, поэтому многие россияне не знают об Иссык-Куле.

¹ Таблица составлена автором. Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: 2020. – С. 198.

² Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2020. – С. 199.

³ Tourism: Investing in energy and resource efficiency / UN Environment Programme. 2011. – P. 426–427.

⁴ Показатели туристской привлекательности стран-участниц ЕАЭС продолжают расти. – http://eurasianeconomic.org/news_esso/2018/02/22/document3432.phtml

⁵ По данным, опубликованным Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики вклад туризма в ВВП страны в 2018 г. составил 5,0%.

⁶ Туризм в Кыргызстане. 2014–2018 / Нацстатком Кыргызской Республики. 2019. – <http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-turizm-v-kyrgyzstane/>

⁷ Показатели туристской привлекательности стран-участниц ЕАЭС продолжают расти. – http://eurasianeconomic.org/news_esso/2018/02/22/document3432.phtml

⁸ Анкетирование проводилось в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы развития устойчивого туризма в регионах Кыргызской Республики», финансируемого Министерством образования и науки Кыргызской Республики. Проект реализуется кафедрой «Туризм, гостеприимство и предпринимательство» Кыргызского экономического университета им. М. Рыскулбекова.

Кыргызстан использует свой туристский потенциал лишь на 15%,¹ хотя он достаточно высокий. Среди преимуществ республики можно выделить следующие: более 3/4 территории – горы², из них 70% – высокие горы (пик Победы, пик Ленина, пик Хан-Тенгри), 160 разновидностей горных и равнинных ландшафтов, 1923 озера (озеро Иссык-Куль – одно из самых больших высокогорных озер мира), более 40 тыс. рек, источниками воды в которых является талая экологически чистая ледниковая вода. Кыргызская Республика включена в число 200 приоритетных экологических регионов планеты (там же, с. 5).

При управлении туристскими ресурсами с учетом принципов устойчивости в Кыргызстане можно создать рабочие места, повысить уровень жизни, особенно сельских жителей, составляющих 66%³ от всего населения страны.

Эксперты Евразийской организации экономического сотрудничества (ЕОЭС) отмечают, что показатели туристской привлекательности государств-членов Евразийского экономического союза характеризуются ростом в течение нескольких лет подряд⁴. Сегодня необходимы совместные усилия стран ЕАЭС, направленные на достижение устойчивого развития туризма, целью которого является сохранение экономических и социальных преимуществ развития туризма при уменьшении или смягчении любых нежелательных воздействий на природную, историческую, культурную или социальную среду.

Необходимость устойчивого развития туризма на территории ЕАЭС диктуется усилением загрязнения всех элементов окружающей среды. Атмосфера сильно страдает от выбросов углекислого газа, выделяющегося при потреблении твердого, жидкого и газообразного топлива (табл. 2).

Таблица 2

Выбросы углекислого газа (CO₂)⁵, т/человека (метрических тонн)

Страны ЕАЭС	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2015 г.
Армения	1,72	1,84	1,78	1,97	114,5
Беларусь	6,37	6,40	6,50	6,80	106,8
Казахстан	14,58	14,70	15,03	16,80	115,2
Кыргызстан	1,82	1,62	1,58	1,65	90,7
Россия	11,78	11,72	11,73	12,14	103,0

Данные табл. 2, свидетельствуют о том, что во всех странах ЕАЭС, кроме Кыргызстана, за период 2015–2018 гг. выбросы углекислого газа в атмосферу увеличились. Самые высокие темпы прироста показателя наблюдались в Казахстане (+15,2%) и в Армении (+14,5%). Две страны (Казахстан и Россия) вошли в число первых двадцати стран, возглавивших мировой рейтинг. Здесь следует отметить, что в странах ЕАЭС большой удельный вес в экономике имеют наиболее грязные отрасли, такие как энергетика, транспорт, строительство, сельское хозяйство.

В странах ЕАЭС, как и во всем мире, существует много других источников, загрязняющих воздух, причем не только углекислым газом. «Во многих городских районах наблюдаются постоянно повышенные уровни загрязнения мелкодисперсными частицами, источником которых часто являются такие очаги сжигания топлива, как электростанции и автомобили»⁶. В Армении «основное загрязнение окружающей среды приходится на воздушный и водный бассейны, половина из которых связана с автомобильным транспортом»⁷. В Кыргызстане аналогичная ситуация. По данным Госагентства охраны окружающей среды и лесного хозяйства при Правительстве Кыргызской Республики, ежегодный общий объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу столицы республики составляет 240 тысяч тонн, источником 75% которых является автотранспорт. Это происходит потому, что население не информировано о том, в каком состоянии находится атмосфера столицы и других городов, и насколько это опасно для здоровья людей. Интервьюирование и онлайн анкетирование⁸, проведенное в г. Бишкек и регионах республики в августе 2020 г. показали, что большая часть населения страны считают, что в республике экологическая ситуация значительно лучше, чем экономическая и социальная. 43,1% из общего числа респондентов считают наиболее важными и приоритетными экономические цели развития устойчивого туризма, 31,6% поставили на первое место социальные цели, и только 25,3% отмечают важность и приоритетность экологических целей.

ВОЗ призывает к повышению уровня информированности населения о рисках для здоровья, связанных с загрязнением городского воздуха, к осуществлению эффективных мер политики и тщательному мониторингу ситуации

¹ Аналитическая записка. Динамика и перспективы развития туризма в Кыргызской Республике и совершенствование методики сбора и расчета показателей в сфере туризма / Национальный статистический комитет КР. – Бишкек, 2020. – С. 14.

² Для горных территорий характерен уникальный горный ландшафт. Чистейший горный воздух используется для лечения легочных заболеваний. Обладает целебными свойствами и экологически чистая талая ледниковая вода горных территорий.

³ Уровень жизни населения / Национальный статистический комитет КР. – Бишкек, 2019.

⁴ Показатели туристской привлекательности стран-участниц ЕАЭС продолжают расти. – http://eurasianeconomic.org/news_esso/2018/02/22/document3432.phtml

⁵ Таблица составлена автором. Источник: Окружающая среда. Выбросы CO₂, т/человека. – <https://knoema.ru/atlas/ranks/>

⁶ Решение проблемы загрязнения воздуха во всем мире. – https://www.who.int/mediacentre/news/releases/2011/air_pollution_20110926/ru/

⁷ Сафарян А.А. Социально-эколого-экономические предпосылки развития туризма в Республике Армения // Географический вестник. 2016. – № 4 (39).

⁸ Интервьюирование и онлайн анкетирование проводилось в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы развития устойчивого туризма в регионах Кыргызской Республики».

в городах¹. Сегодня первостепенной задачей является повышение уровня знаний населения об источниках загрязнения воздуха и других элементов среды обитания человека, их вреде для здоровья. Кроме того, население должно знать о сущности и выгодах устойчивого развития туризма.

Необходимость устойчивого туризма в странах ЕАЭС также определяется возникновением «сверхтуризма»² в местах повышенного туристского интереса. Большие потоки туристов способствует деградации природной среды: уникальное озеро Байкал теряет прозрачность из-за массового вымирания губок. «Особенно катастрофическое сокращение идет в заливе около поселка Листвянка», где заканчивается крупная автодорога, по которой к озеру приезжают десятки тысяч туристов. Отсюда в круизы отправляются сотни малых судов³.

Сегодня туристские объекты строятся без учета требований экологической безопасности. Ученые Кыргызстана, занимающиеся изучением состава воды озера Иссык-Куль отмечают увеличение «строительства зданий, возведенных в 50 метрах от береговой линии, что противоречит градостроительным нормам. Не отвечающие современным требованиям хозяйственно-бытовые стоки, зачастую напрямую попадающие в озеро, вызывают особую тревогу и опасность»⁴.

Подводя итоги проведенного анализа, следует подчеркнуть, что взаимодействие человека и природы, представляет собой сложный процесс, который должен управляться на основе принципов устойчивого развития.

Для стран ЕАЭС, обладающих высоким туристским потенциалом, необходимость устойчивого развития туризма бесспорна. Это диктуется неравномерностью экономического развития стран интеграции, сравнительно низким уровнем жизни населения данной территории, наличием ряда экологических проблем и др.

Странам ЕАЭС необходимо объединить усилия для перехода на путь устойчивого развития туризма. Считаем целесообразным разработку Комплексных основ перехода стран ЕАЭС на путь устойчивого развития туризма. Путем проведения совместных научно-исследовательских работ необходимо рассмотреть и изучить разные варианты устойчивого развития туризма в ЕАЭС в будущем на основе использования современных компьютерных моделей. Необходимы меры, направленные на развитие внутреннего туризма в пределах Союза.

Для устойчивого развития туристских территорий необходим холистический подход⁵, учитывающий потребности всех отраслей и обеспечивающий взаимосвязь и взаимообусловленность всех секторов экономики.

¹ Решение проблемы загрязнения воздуха во всем мире. – https://www.who.int/mediacentre/news/releases/2011/air_pollution_20110926/ru/

² Термин «сверхтуризм» (overtourism) описывает ситуацию, при которой местные жители и посетители ощущают, что туристов стало слишком много, в результате чего качество их жизни, как и качество получаемого туристами опыта, резко ухудшается. Источник: Аигина Е.В. Сверхтуризм и туризмобия: новые явления или старые проблемы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. – № 4.

³ Байкал начал меняться. Что случилось. 2020. – https://hi-tech.mail.ru/news/baikal_menyaetsya/

⁴ Асанов А.К., Тотубаева Н.Э., Молдогазиева Г.Т., Кожобаев К.А. Анализ состояния озера Иссык-Куль по гидрохимическим показателям. // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. – № 3.

⁵ От англ. «Whole» – целый.

Куделя Л.В.

к.э.н., доцент кафедры экономики Луганский государственный педагогический университет

ИСККУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЗАЛОГ ЛИДЕРСТВА В БИЗНЕСЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Ключевые слова: искусственный интеллект, бизнес, предпринимательство, инструменты, стратегия, конкуренция, эффективность.

Keywords: artificial intelligence, business, entrepreneurship, tools, strategy, concept, efficiency.

Искусственный интеллект – одна из новейших наук, появившихся во второй половине XX века на базе вычислительной техники, математической логики, программирования, психологии, лингвистики, нейрофизиологии и других отраслей знания. Задача ученых состояла в том, чтобы построить компьютер, действующий таким образом, что по результатам его работы невозможно было бы отличить его деятельность от деятельности человеческого разума¹. На современном этапе развития общества искусственный интеллект рассматривают как прикладную область исследований, связанных с имитацией отдельных функций интеллекта человека². Распознавание образов, машинный перевод, интеллектуальные агенты, робототехника – это лишь некоторые из направлений, по которым развиваются системы искусственного интеллекта. Терпеливо продвигаясь вперед в своем нелегком труде, исследователи, работающие в области искусственного интеллекта, обнаружили, что вступили в схватку с весьма сложными проблемами, далеко выходящими за пределы традиционной науки. Оказалось, что прежде всего необходимо понять механизмы процесса обучения, природу языка и чувственного восприятия. Выяснилось, что для создания машин, имитирующих работу человеческого мозга, требуется разобраться в том, как действуют миллиарды его взаимосвязанных нейронов. И тогда многие исследователи пришли к выводу, что, пожалуй, самая трудная проблема, стоящая перед современной наукой – познание процессов функционирования человеческого разума, а не просто имитация его работы³, что непосредственно затрагивало фундаментальные теоретические проблемы психологической науки. В понятие «искусственный интеллект» вкладывают различный смысл – от признания интеллекта в ЭВМ, решающих логические или любые вычислительные задачи, до отнесения к интеллектуальным лишь тех систем, которые решают весь комплекс задач, осуществляемых человеком, или еще более широкую их совокупность. Английские ученые Левин, Дранг и Эдельсон в своей книге⁴ дают такое определение искусственному интеллекту – это программная система, имитирующая на компьютере мышление человека. Искусственный интеллект, как следует из названия, придает компьютеру черты разума.

Профессор экономики и преподаватель школы менеджмента при Торонтском университете Аджай Агравал в книге «Машины прогнозирования: простая экономика искусственного интеллекта» представил собственное видение искусственного интеллекта и то, как можно с большей пользой применять искусственный интеллект в бизнес-процессах. Профессор Агравал утверждает, что искусственный интеллект поможет снизить стоимость прогнозирования – мощного инструмента, который играет колоссальную роль в построении бизнес-стратегий и вообще в планировании жизни каждого человека. Поскольку прогнозирование становится быстрее, дешевле и качественнее, этот инструмент будет шире использоваться для решения повседневных задач, в частности, в области управления материально-техническими ресурсами. Кроме того, вскоре прогнозирование начнут использовать для решения задач, которые до сих пор не решали с его помощью. Например, автономное управление транспортными средствами до сих пор не связывали с прогнозированием. Ранее инженеры программировали беспилотное транспортное средство, которое передвигалось в контролируемой среде, в частности на фабрике или на складе. Разработчики давали беспилотникам указания о поведении в определенных ситуациях, например, остановиться, если перед ними появляется человек⁵. Но эти транс-

¹ Бирюков А.Н. Нейросетевое моделирование как инструмент искусственного интеллекта для бюджетно-налоговых систем // Современные научные исследования и разработки. 2018. – № 2. – С. 47–55. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=35090048>; Дмитриева М.А. Влияние искусственного интеллекта на сферу маркетинга // Интернет-маркетинг. 2018. – № 2. – С. 82–88. – <https://greben.nikon.ru/article-4ohk.html#preview>

² Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы // Видеонаука: сетевой журн. 2018. – № 2(10). – <https://videonauka.ru/stati/44-novyetekhnologii/190-iskusstvennyj-intellekt-problemy-iperspektivy>

³ Исхакова А. Ф. Применение искусственного интеллекта // Вестник современных исследований. 2018. – № 9.3 (24). – С. 261–262. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=36275758>

⁴ Левин Р., Дранг Д., Эделсон Б. Практическое введение в технологию искусственного интеллекта и экспертных систем с иллюстрациями на бейсике. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 356 с.

⁵ Карпов В.Э. Социальные сообщества роботов: монография / В.Э. Карпов, И.П. Карпова, А.А. Кулинич. – М.: URSS, 2019. – 352 с.; Ломакин Н.И. Применение систем искусственного интеллекта для оценки предпринимательских компетенций / Н.И. Ломакин, Е.А. Козлова, Г.И. Лукьянов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. – № 9. – С. 82–85. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=35705833>

портные средства нельзя было выпускать на улицы, потому что невозможно запрограммировать их поведение в естественных условиях и учесть все возможные ситуации. Сегодня управление автономными транспортными средствами можно рассматривать как задачу по прогнозированию. Роль искусственного интеллекта в данном случае – спрогнозировать ответ на единственный вопрос: что в той или иной ситуации сделает хороший водитель? Во время управления автомобилем человек выполняет ограниченный набор действий: повернуть вправо или влево, нажать на тормоза или увеличить скорость. Итак, чтобы научить искусственный интеллект управлять автомобилем, за руль надо посадить человека, а искусственный интеллект будет тем временем наблюдать за тем, что делает водитель, управляя транспортным средством. Поскольку искусственный интеллект не имеет ни глаз, ни ушей, ему нужно добавить камеры и устройства радиолокации и лазерной локации (LIDAR), с помощью которых искусственный интеллект получает данные и пытается предсказать, какие будут дальнейшие действия человека. Сначала искусственный интеллект делает много ошибок. Но он учится на своих ошибках и обновляется каждый раз, когда неправильно предсказал действие человека. Когда прогнозы, наконец, станут безошибочными, водитель за рулем будет не нужен, ведь управлять транспортным средством теперь сможет искусственный интеллект.

Люди постоянно делают прогнозы как в бизнесе, так и в повседневной жизни. Однако часто эти прогнозы достаточно предвзяты и неточны. Искусственный интеллект справляется с прогнозированием гораздо лучше, чем люди. Поскольку качество прогноза, выполненного искусственным интеллектом, постоянно улучшается, ценность прогноза, выполненного человеком, будет уменьшаться. Одновременно вырастет стоимость дополнительных продуктов. В прогнозировании таким продуктом является информация, которую, очевидно, из-за ее большой ценности, называют новой нефтью. Есть и другие, менее очевидные дополнительные продукты, в частности способность человека мыслить и делать выводы. Принимая решение, человек применяет как прогнозирование, так и способность делать выводы¹. Обычно мы не задумываемся над тем, что для принятия решений на самом деле мы используем два инструмента. Когда прогнозированием будут заниматься машины, ценность мышления и способности делать выводы в процессе принятия решений станет очевидной. Стоимость прогнозов, выполняемых человеком, снизится, а мышление и способность делать выводы вырастут в цене, поскольку искусственный интеллект не делает выводов. Он занимается исключительно прогнозами, на основе которых люди делают выводы и принимают решения. Следующий дополнительный продукт – это действие. Прогнозы ценны только в контексте определенного действия, которое выполняется с учетом прогнозных данных. Так, например, один из основателей Creative Destruction Lab создал очень хорошую программу на основе искусственного интеллекта для прогнозирования спроса на продукты питания с ограниченным сроком хранения, такие как йогурт. Несмотря на точность, эта программа прогнозирования ничего не стоит, если лицо, ответственное за закупку товаров в розничной продуктовой сети, не решит, сколько именно йогуртов необходимо закупить. Таким образом, активом могут быть не только данные, но и действия.

Как получить максимальную пользу от машин прогнозирования? Вот несколько действенных советов от экспертов².

1. Начните с анализа влияния искусственного интеллекта на бизнес. Важнейший вопрос, который встает перед руководителем компании, независимо от сферы бизнеса, заключается в том, насколько быстро, по мнению руководителя, искусственный интеллект станет действительно ценным и необходимым инструментом. Следует обратить внимание на то, как и во что инвестируют крупные компании, и получить представление о том, как быстро компании рассчитывают перейти к стадии преобразования бизнеса. Например, Google приобрел Deep Mind за полмиллиарда долларов США, несмотря на то, что это был стартап, который учил искусственный интеллект играть в Atari. Компания практически не получала никаких доходов. В Google, безусловно, знали о том, как быстро искусственный интеллект заработает в их пользу. Таким образом, первоочередная задача топ-менеджера заключается в изучении вместе со своей командой менеджеров и специалистов потенциального воздействия искусственного интеллекта на бизнес-процессы.

2. Осознайте, что искусственный интеллект будет развиваться очень быстро. Еще до начала планирования следует осознать, что искусственный интеллект, скорее всего, будет развиваться экспоненциально, а не линейно. За последний год показатели развития в различных сферах значительно ускорились по сравнению с предыдущим годом. Стремительно растет уровень инвестиций и количество накопленных данных растет в геометрической прогрессии.

3. Доверьтесь машине. Если искусственный интеллект разработали и задействовали должным образом, в большинстве случаев он делает прогнозы лучше людей, но не все руководители готовы делегировать прогнозирование машинам. Недавно проведенное исследование показало, что AI делает более качественные прогнозы относительно будущих результатов работы кандидатов на ту или иную должность, чем специалисты по набору персонала. Несмотря на эти доказательства, некоторые рекрутеры до сих пор при отборе кадров игнорируют рекомендации, выработанные искусственным интеллектом. Именно поэтому компании должны выработать четкие правила для случаев, когда человек вправе принять то или иное решение вопреки советам искусственного интеллекта.

4. Определитесь, что именно вы прогнозируете. Например, при наборе студентов учебному заведению не хватает конкретики. Обычно в рекламной брошюре можно увидеть что-то вроде «Мы ищем лучших студентов». Не очень понятно, что именно имеется в виду, и кого вуз радушно примет в свои ряды. Умных или самых прилежных студентов? Или скорее кандидатов с высокоразвитыми коммуникативными навыками? Больше всего пользы от искусствен-

¹ Макоско А.А. О прогнозировании развития науки как задаче слабого искусственного интеллекта (концептуальный подход) / А.А. Макоско, В.К. Абросимов // Инновации. – СПб., 2018. – № 9. – С. 13–19.

² Зюзин Б.Ф. Теория дистортности в оценке IQ фактора объектов искусственного интеллекта / Б.Ф. Зюзин, В.А. Миронов, Б.В. Палюх // Мягкие измерения и вычисления. 2018. – № 8. – С. 78–82. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=36332359>

ного интеллекта получают организации, которые способны четко и точно определять собственные цели и мыслить широкими категориями. Учитывая методы, используемые для обучения искусственного интеллекта, его эффективность напрямую связана с четкостью постановки целей и задач.

5. Организуйте учебный процесс. Именно способность к обучению делает искусственный интеллект мощным инструментом. Искусственный интеллект – это капитал, который может учиться. Компании должны заботиться о том, чтобы их решения базировались на полученной информации и были направлены на достижение желаемого результата, на основе которого следует добывать новые знания и загружать эти знания в систему.

В течение последних нескольких лет технологии искусственного интеллекта плотно укоренились во всех видах бизнеса. Сегодня, обращаясь к инновациям, мы уже говорим не просто об экспериментальных методах и попытках использовать новые подходы к решению бизнес-задач, а о реальных возможностях, которые продемонстрировали высокую эффективность на практике. Еще недавно инвестировать в AI могли себе позволить только крупные корпорации, но ситуация меняется на глазах. Быстрый рост популярности высокотехнологичных решений все активнее привлекает к процессу их внедрения стартапы, небольшие и молодые компании во всем мире. Согласно исследованию PricewaterhouseCoopers (PwC), к 2030 году потенциальный вклад в мировую экономику от применения технологий AI может составить около 16 трлн. долл. С учетом современных тенденций лидировать в гонке инновационных внедрений будут Китай и Северная Америка, претендуя почти на 70% общей прибыли в ближайшие 10–12 лет. В то же время, согласно опросу CTR Gartner в 2018 году, только 4% компаний в США, Азии и некоторых странах Западной Европы имеют глобальную стратегию и конкретную концепцию инвестирования, развертывания и внедрения технологий искусственного интеллекта в свою деятельность. Остальные компании – как крупные, так и малоприметные игроки рынка – или находятся на разных стадиях планирования, не имея четкого видения применения инноваций, или находятся в поиске соответствующих «инструментов», или пока не готовы к инновациям в принципе по разным причинам. Однако, подчеркивая актуальность и важность использования технологий искусственного интеллекта с целью эффективного решения ряда целевых бизнес-задач, эксперты акцентируют внимание на самых эффективных AI-инструментах, уже испытанных многими компаниями¹. Применение AI в управлении бизнесом: 1) интеллектуальные спам-фильтры; 2) интеллектуальная классификация по электронной почте; 3) голосовой текст и технологии распознавания речи; 4) умные персональные помощники – Siri, Cortana и Google Now; 5) автоматизированные респонденты и онлайн-поддержка клиентов; 6) автоматизация процессов фильтрации аудитории онлайн, выборка потенциальных клиентов и интеллектуальный чат; 7) автоматизация процессов оформления заявок, заказов и продаж; 8) интеллектуальное прогнозирование бизнеса; 9) контроль безопасности и смарт-системы аутентификации; 10) смарт-устройства и приложения, которые адаптируются под запросы и интересы клиента; 11) автоматизированные аналитические и прогностические системы, обеспечивающие эффективность предоставления различных финансовых услуг. Применение AI в электронной коммерции: 1) интеллектуальные поисковые запросы и функции релевантности; 2) услуги персонализации клиентов с целью эффективной работы с целевой аудиторией; 3) смарт-рекомендации по продуктам и аналитическое прогнозирование покупок; 4) своевременное выявление и предотвращение мошенничества при осуществлении онлайн-транзакций всех уровней; 5) динамическая оптимизация цен на основе машинного обучения. Применение AI в маркетинге и рекламе: 1) формирование рекомендаций и содержания услуг на основе активности и запросов клиентов с помощью интеллектуальных аналитических программ; 2) персонализация новостных лент, нацеленных на конкретный контент и аудиторию; 3) распознавание образов и изображений как инструмент работы с аудиторией; 4) определение языка как инструмента работы с большим количеством неструктурированных данных; 5) ориентирование целевых объявлений и рекламы; 6) анализ исходных данных клиентов и их сегментация в режиме реального времени; 7) семантика и анализ настроений аудитории; 8) автоматизированный веб-дизайн; 9) интеллектуальное обслуживание клиентов, в частности, в виде применения чат-ботов.

Ключевыми направлениями применения AI для бизнеса являются следующие:

1. Систематизация деловых потребностей. Важнейшим аспектом на этапе принятия и внедрения технологий AI в бизнесе является определение базовых стратегических точек соприкосновения потребностей и тех инновационных решений, которые смогут помочь устранить проблемы, а не создать дополнительные. AI может обеспечить полноформатную интеллектуальную аналитику всей работы предприятия, автоматизировав необходимые рабочие процессы. Главное – поставить правильные цели и выбрать нужную технологию для старта.

2. Понимание рисков. Любая новая технология связана с рисками, но единственный способ овладеть этой технологией, изучив и плюсы, и минусы, – использовать ее и учиться на своих ошибках. Можно осуществлять многочисленные попытки, опираясь на чужой опыт, но куда эффективнее делать собственные инициативы – с меньшими масштабами, критически оценивая каждый провал и формируя необходимый опыт. Это поможет понять те факторы риска, которые относятся к конкретному бизнесу, и овладеть теми данными, которые нужны именно вам – чтобы принимать более эффективные решения в будущем.

3. Анализ и тщательный поиск лучших решений на базе AI.

Для успешной реализации решений искусственного интеллекта придется сотрудничать с лучшими разработчиками. В связи с высокой динамикой развития инновационных технологий многие из них не будут соответствовать необходимым для успеха требованиям, и это каждый раз нужно будет учитывать. Кроме того, для обучения и разверты-

¹ Бирюков А.Н. Нейросетевое моделирование как инструмент искусственного интеллекта для бюджетно-налоговых систем // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 2. – С. 47–55. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=35090048>; Новикова В.С. К вопросу о специфике развития искусственного интеллекта // Дневник науки. 2019. – № 9 (21). – С. 8–12. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=35684862>

вания приложений AI разработчикам понадобится доступ к масштабируемой и доступной вычислительной инфраструктуре, которая сможет поддерживать необходимую обработку данных AI, и это станет задачей бизнеса. Построение этой инфраструктуры требует значительного времени и затрат. И, как показывает международная практика, большинство мелких компаний просто не могут себе это позволить. Следует помнить, что сегодня существует масса более простых, доступных интеллектуальных сервисов, которые делают разработку приложений AI приемлемой для многих предприятий. Ведь не нужно будет выстраивать специальную инфраструктуру и человеческий капитал с нуля.

4. Формирование информационного поля и культуры применения AI. Чтобы победить в любой технологической войне, нужны «правильные» люди и «правильная» культура. Найм квалифицированных и ответственных сотрудников требует времени и больших усилий. Построение качественной культуры их взаимодействия с инновационными технологиями – тоже.

Соревнование за мировое лидерство в области искусственного интеллекта уже началось. Канада, Япония, Сингапур, Китай, ОАЭ, Финляндия, Дания, Франция, Великобритания, Комиссия ЕС, Южная Корея и Индия уже приступили к реализации стратегий, направленных на содействие развитию AI. Нет двух одинаковых стратегий, каждая сосредоточена на различных аспектах AI, в частности, таких как научные исследования, развитие талантов и навыков, обучение, адаптация государственного и частного секторов, этика и инклюзия, создание стандартов и нормативных требований, а также большие данные и цифровая инфраструктура.

Мазилев Е.А.

к.э.н., в.н.с., зав. отделом, заместитель директора, Вологодский научный центр

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НИОКР В РОССИИ¹

Ключевые слова: финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности; фонды поддержки; инструменты стимулирования; проблемы; эффективность.

Keywords: financing of scientific, technical and innovative activities; support funds; incentive tools; problems; efficiency.

За последние 30 лет Россия, став правопреемником СССР, так и не смогла восстановить уровень финансирования науки 1990 года, который бы позволил стране быть конкурентоспособной на международной арене. Анализ зарубежного опыта финансирования научных исследований и разработок (например, Германии) однозначно показывает существенное отставание России в финансировании затрат на исследования и разработки, а также неравномерность его распределения между субъектами РФ. Это сопровождается снижением затрат государства на НИОКР с 2,03% ВВП в 1990 г. до 0,99% ВВП в 2018 г., которое, вместе с тем, происходит на фоне постоянного возрастания роли науки, что признается высшим руководством страны.

В то же время, как показывают исследования отдельных ученых² и научных коллективов³, финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности является ключевым фактором, в обеспечении интенсивного пути экономического развития. В связи с этим, в рамках данного исследования сосредоточимся на финансовой подсистеме научно-технологического пространства России.

Поэтому целью исследования является анализ и систематизация проблем повышения эффективности системы финансирования НИОКР в России. Цель определяет необходимость решения следующих задач: сравнительный анализ системы финансирования в РФ и зарубежных странах; анализ бюджетов основных организаций, реализующих поддержку и финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности в России, проработка направлений повышения эффективности функционирования системы финансирования системы НИОКР в России.

Ключевым индикатором уровня финансирования НИОКР в стране является «Доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП». Этот показатель в 1990–2018 гг. в ведущих странах демонстрировал умеренный рост. Китай, за 30 лет фактически смог выйти с нуля в позицию одного из мировых лидеров по данному индикатору (табл. 1). В России же наблюдалась обратная ситуация.

Таблица 1

Доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП, %

Страна	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2018–1990 гг.
Япония	2,96	2,92	3,00	3,31	3,36	3,59	3,26	0,3
Германия	2,75	2,19	2,47	2,51	2,82	2,90	3,13	0,38
США	2,65	2,51	2,71	2,51	2,82	2,74	2,83	0,18
Китай	–	0,57	0,90	1,32	1,70	2,05	2,19	1,62
Россия	2,03	0,85	1,05	1,07	1,25	1,13	0,99	-1,04

Источник: составлено на основе: Индикаторы науки – 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 336 с.

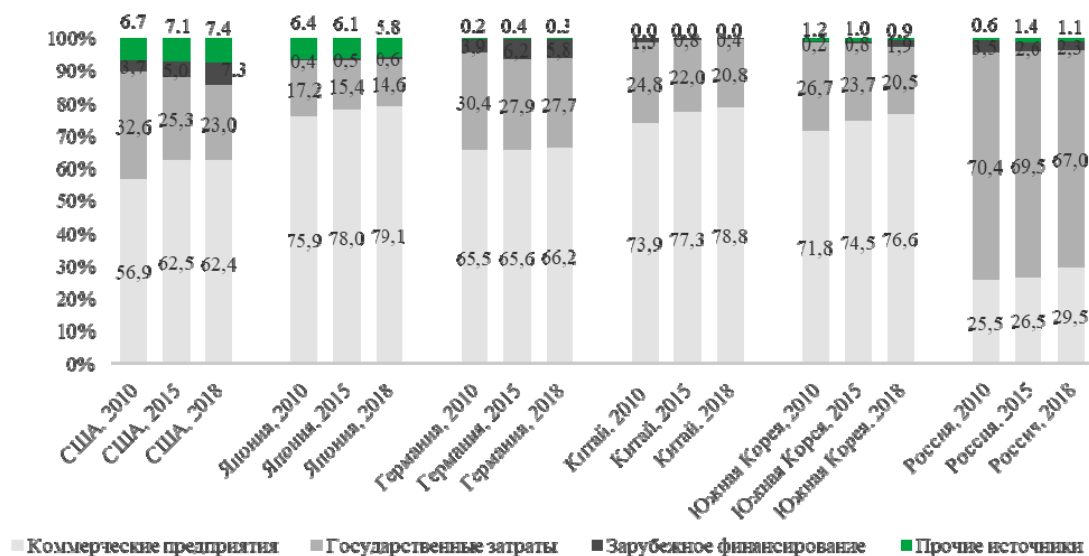
Сложившаяся в период плановой экономики система финансирования НИОКР в России не могла не сказаться на современном ее состоянии. В первую очередь речь идет о структуре финансирования. Основным игроком на рынке НИОКР России является государство, которое обеспечивает 2/3 всех затрат (рис. 1). Ситуация кардинальным образом

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2164.2020.6).

² Эриашвили Н.Д., Маилян С.С. Инвестиции и инновации в системе экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. – № 12. – С. 71–77; Асмолова М. С., Дедов С. В. Теоретический подход к институционализации форм управления ресурсным обеспечением инновационной деятельности // Вестник ВГУИТ. 2016. – № 4. – С. 422–426; Вихорева О.М., Карловская С.Б. Финансовое обеспечение инновационного развития в современном мире // Вестник Московского университета. Серия. 6. Экономика. 2011. – № 4; Аганбегян А.Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. 2015. – № 2. – С. 7–13.

³ Финансовое обеспечение развития научно-технологической сферы / [Под общей редакцией чл.-корр. РАН Л.Э. Миндели]. – М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2018. – 216 с.; Грачев С.А., Фраймович Д.С., Доничев О.А. Направления ресурсного обеспечения инновационной деятельности социально-экономических систем // Экономический анализ: теория и практика. 2016. – № 8. – С. 108–119.

разнится с мировыми тенденциями, где более 60% затрат приходится на коммерческий сектор. Общемировой тенденцией является наращивание объемов финансирования НИОКР коммерческим сектором, что в определенной степени характерно и для России – доля частного капитала за 9 лет выросла на 3 п. п. Безусловно, таких темпов недостаточно, однако изменение ситуации возможно. Примером является опыт Китая, перешедшего на рыночные условия хозяйствования примерно в то же время, что и Россия, в 2018 г. на долю государственных затрат в КНР приходилось лишь 20% всех затрат на исследования и разработки.

Источник: составлено на основе данных ОЭСР. – <https://stats.oecd.org/>

Рисунок 1.
Валовые внутренние расходы на НИОКР по источникам финансирования

Современная структура финансирования характеризуется и тем фактом, что в топ-1000 компаний мира по объемам затрат на НИОКР присутствует лишь одна российская компания (ПАО «Газпром»), а доля этой компании в общих затратах на НИОКР государства составляет 0,7% (табл. 2). Мировая же картина свидетельствует о том, что большая часть затрат на НИОКР осуществляется крупнейшими национальными компаниями.

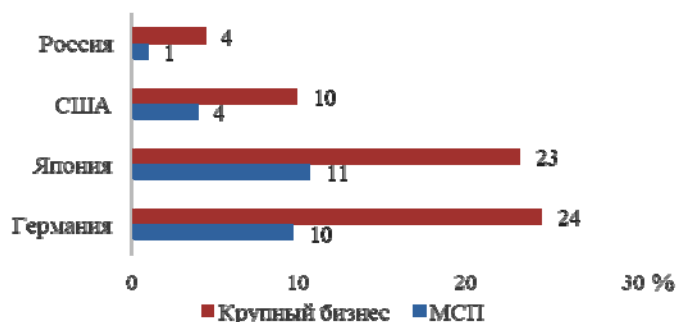
Таблица 2

Распределение стран по количеству компаний в мировом топ-1000 и затрат на НИОКР в 2018 г.

Страна	Количество компаний в рейтинге	Затраты компаний на НИОКР	Доля затрат компаний в общих затратах на НИОКР
Япония	160	116,8	68,2
США	320	328,84	56,5
Германия	44	66,5	49,5
Южная Корея	33	33,3	33,9
Китай	133	57,35	10,6
Россия	1	0,28	0,7

Источник: The Global Innovation 1000 study. – <https://www.strategyand.pwc.com/gx/en/insights/innovation1000.html>

Несмотря на то, что порядка 2/3 затрат на НИОКР в России являются бюджетными, наибольшая доля средств остается в государственных структурах. Так, господдержку на инновационную деятельность в 2017 г. получило только порядка 1% МСП и 4% крупных компаний (рис. 2).

Источник: составлено на основе данных ОЭСР. – <https://stats.oecd.org/>

Рисунок 2.
Доля предприятий, получивших государственную поддержку инновационной деятельности

В результате этого компании испытывают недостаток ресурсов для разработки технологий и запуска инновационных проектов, что выражается в низком уровне инновационной активности в России. Согласно данным ОЭСР¹ только 5% МСП и 25% крупных компаний в стране являются инновационно-активными (в США – 64 и 73% соответственно, в Германии – 62 и 91%, в Японии – 41 и 66%).

Как уже было отмечено выше, проблема финансирования на региональном уровне усугубляется существенными диспропорциями в финансовом обеспечении сферы НИОКР. Разница между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами составляет 140–150 раз. В 76% (62 из 81) субъектов РФ доля внутренних затрат на исследования и разработки составляет менее 1% ВРП (а в ряде субъектов менее 0,1%, например, в Вологодской области – 0,07%). Лишь 7% регионов расходуют на эти цели более 2% ВРП. Такая ситуация значительно разнится с зарубежным опытом. Например, в Германии доля затрат на НИОКР в валовом региональном продукте 15 из 16 федеральных земель превышает 1,5%² (в Саксонии-Анхальт – 1,49%). Разница между максимальным и минимальным значениями составила 6,2 раза.

В силу ограниченности ресурсов бюджетов субъектов РФ основная доля финансирования сферы науки и технологий приходится на федеральный бюджет. В России безвозмездное финансирование проектов ученых и научных коллективов на конкурсной основе осуществляют Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, а также Совет по грантам Президента РФ. Финансирование стартапов и развития малых инновационных компаний осуществляет Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, а также Фонд «Сколково». Инновационные и научно-технические разработки средних и крупных компаний могут быть частично профинансированы через профильные министерства или через организации-операторы их поддержки (например, АО «РВК», Фонд «Сколково», Российский фонд развития информационных технологий).

Льготные займы в качестве софинансирования проектов, направленных на внедрение передовых технологий, создание новых продуктов или организацию импортозамещающих производств, предоставляет Фонд развития промышленности (ФРП), а также Внешэкономбанк РФ. Субсидирование процентных ставок по кредитным и лизинговым договорам осуществляют Минпромторг РФ и Минэкономразвития РФ.

Совокупно по рассмотренным организациям инфраструктуры наблюдается положительная динамика бюджетов по программам поддержки научно-технологического развития. В частности, за 2015–2019 гг. бюджет РНФ и Минпромторга РФ вырос более чем в 2,3 раза (табл. 3), РФФИ – на 80%, ФСИ – на 29,4%. При этом бюджет АО «Роснано» сократился за 2015–2018 гг. более чем на 55%, а Фонда «Сколково» – на 25%. Совокупный объем займов, выданных по программам Фонда развития промышленности, составил в 2019 г. 34,5 млрд. руб., что на 55,6% выше уровня 2015 г.

Таблица 3

Бюджеты программ поддержки в 2015–2019 гг. в сопоставимых ценах 2019 г., млрд. руб.

Бюджет программ поддержки	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп роста 2019 г. к 2015 г., %
РНФ	8,82	16,3	20,2	22,36	20,8	235,81
РФФИ	12,2	10,9	10,82	19,7	22,2	182,17
Фонд содействия инновациям	9,86	6,61	6,45	8,24	12,8	129,75
Фонд «Сколково»	н/д	9,14	7,3	6,6	н/д	72,15
АО «Роснано»	н/д	29,38	9,55	12,87	н/д	43,8
Минпромторг РФ	153,06	166,41	163,15	315,64	360,31	235,4
ФРП	22,17	17,73	23,31	28,44	34,5	155,63

Составлено по:

1. Годовые отчеты РНФ. – <http://www.rscf.ru/ru/documents/>; <http://www.rscf.ru/ru/archive/>
2. Годовые отчеты РФФИ. – <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/documents>; https://www.rfbr.ru/rffi/ru/documents/n_770
3. Официальный сайт Фонда содействия инновациям. – www.fasie.ru.
4. Годовые отчеты АО «РОСНАНО». – <https://www.rusnano.com/about/highlights/annual-report>
5. Годовой отчет Фонда «Сколково». – http://sk.ru/foundation/results/annual_reports_ru/p/annual_report_2018.aspx
6. Официальный сайт Фонда развития промышленности. – www.firprf.ru

Фонд содействия инновациям действует в соответствии с утвержденным государственным заданием³, в котором установлено, что ежегодно доля субъектов РФ, юридические и физические лица из которых принимают участие в конкурсах Фонда, должна составлять 80%, а удельный вес финансирования региональных проектов (из субъектов Российской Федерации за исключением Москвы) – 60%.

Фонд «Сколково» финансирует только проекты своих резидентов (лица, которые зарегистрированы на территории Сколково, г. Москва). Финансовую поддержку со стороны Минпромторга РФ получают ежегодно 80% субъектов РФ, при этом доля бюджета, направляемая субъектам бизнеса, зарегистрированным в г. Москва, составляет в среднем 20–25% (в 2019 г. – 20,9%). Кроме того, анализ результатов отборов по программам Минпромторга РФ за 2016–2019 гг. показал, что ежегодно по различным направлениям поддержку получают преимущественно одни и те же предприятия, что обусловлено сложностью и закрытостью процедур конкурсного отбора.

¹ Business innovation statistics and indicators 2019. – <https://www.oecd.org/innovation/inno/inno-stats.htm>

² По данным Федеральной статистической службы ФРГ.

³ Источник: официальный сайт Фонда содействия инновациям. – <http://fasie.ru/fund/normativnye-dokumenty/>

Данное распределение финансирования по субъектам РФ дополнительно подтверждает факт значительной дифференциации территорий страны по возможностям для научно-технологического развития, а также наличие ярко выраженного «полюса роста».

Причина такой ситуации кроется в ряде факторов, во-первых, в г. Москве зарегистрировано порядка 20%¹ субъектов обрабатывающих производств и ИТ-сферы, что во многом обусловлено более комфортными условиями ведения бизнеса, а также доступностью технологической инфраструктуры и кадров, как следствие, именно Москва – один из лидеров РФ по созданию инновационных компаний. Во-вторых, государство регулирует распределение средств между субъектами, однако допустимое соотношение: 84 субъекта РФ – 60% средств, 1 субъект РФ – 40%, – не способствует научно-технологическому развитию регионов. В-третьих, по-прежнему наблюдается недостаток информированности в регионах о действующих федеральных мерах поддержки и возможностях их получения.

Так, по данным опроса в Вологодской области², несмотря на обилие мер поддержки и выделяемого государством финансирования, доля предприятий, использующих различные формы поддержки, не превышает 11%. В числе основных причин предприниматели отметили: отсутствие соответствующих проектов (42,5%), неверие в возможность получения средств (28,8%), недостаток информированности о мерах поддержки (16,4%), отсутствие квалифицированных специалистов по подготовке документации (15,1%).

В этих условиях основная задача на местах заключается в активизации усилий для привлечения дополнительного финансирования, в том числе федерального – как основного источника для сферы исследований и разработок. Расширение присутствия предприятий на различных отборах повышает конкуренцию за льготные средства и, как следствие, эффективность их распределения за счет выбора объективно лучших проектов, способствующих развитию экономики регионов и страны в целом.

Научно-технологические и инновационные проекты отличаются высоким уровнем риска недостижения показателей проекта, что в свою очередь определяет возможный коммерческий успех исследований. Система государственного финансирования в России не предполагает неудачи проекта, исполнитель проекта, имея только идею или предварительные НИР, должен взять на себя обязательства по достижению технических параметров проекта, продажам инновационного продукта и расширению кадрового состава компании. В связи с этим в развитых странах получил серьезное развитие инструмент венчурного финансирования инновационных проектов на предпосевной и посевной стадии. В РФ действует ряд венчурных фондов, однако преимущественно финансирование научно-технологических проектов осуществляют фонды с госучастием, а именно находящиеся в управлении АО «РВК».

Выручка компании от основной деятельности в 2018 г. составила 933,8 млн. руб., что ниже уровня 2015 г. на 63,6% (табл. 4). При этом на инвестиционные цели было направлено 942,2 млн. руб., что ниже показателей 2017 г. на 8%. Прочие доходы АО «РВК» от курсовых разниц, проценты к получению, целевых субсидий и пр. в 2018 г. в 3,4 раза превысили выручку от основной деятельности и составили 3 194,5 млн. руб. (выше показателей 2015 г. в 3,4 раза). При этом прочие расходы соизмеримы с прочими доходами и составили в 2018 г. 2 514,8 млн. руб., что выше показателей 2015 г. в 32,4 раза.

Таблица 4

Результаты финансовой деятельности АО «РВК», млн. руб.

№ п/п	Показатели	Год				Изменение 2018 к 2015 гг.,%
		2015	2016	2017	2018*	
1	Выручка, в том числе:	2543,5	2132,8	2072,0	933,8	–63,6
1.1	– проценты по депозитам	н/д	н/д	1300,4	86,7	–
2	Себестоимость	1047,7	1252,2	1023,6	955,1	–8,8
3	Доходы от участия в других организациях	–	–	–	95,0	–
4	Проценты к получению	27,4	62,0	468,0	725,8	+ в 26,5 раз
5	Прочие доходы	908,0	591,9	182,0	2373,7	+ в 2,6 раза
6	Прочие расходы	77,7	1279,7	748,2	2514,8	+ в 32,4 раза
7	Чистая прибыль	1504,8	–243,3	276,6	–140,8	–109,4
8	Рентабельность деятельности, %* ³	143,6	–	27,0	–	–
9	Дивиденды	752,4	0	138,3	0	–

* Примечание: Рассчитывается как отношение Чистой прибыли (п.7) к Себестоимости (п. 2).

Источник: Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности АО «РВК» за 2016–2018 гг. – <https://www.rvc.ru/about/disclosure/>

Таким образом, финансовые результаты деятельности АО «РВК» являются нестабильными. Так, в 2015 г. и 2017 г. была получена чистая прибыль, и выплачены дивиденды в размере 752,4 млн. руб. и 138,3 млн. руб. соответственно. В 2016 г. и 2018 г. был получен убыток, как следствие, дивиденды не выплачивались.

¹ Рассчитано автором по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2019». – <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

² Источник: По данным опроса «Мониторинг научно-технологической деятельности в Вологодской области», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 году среди руководителей предприятий Вологодской области. Количество респондентов – 100 чел.

³ Рассчитывается как отношение Чистой прибыли (п. 7) к Себестоимости (п. 2).

Источниками выручки АО «РВК» преимущественно являются проценты по депозитам, накопленный купонный доход по облигациям федерального займа, выплаты по паям (ЗПИФ). При этом на депозитах размещено в 2018 г. 5,9 млрд. руб., что ниже показателей 2016 г. в 2,6 раз¹. Размер субсидий, выделяемых из федерального бюджета, в 20 раз возрос в 2017 г., и тенденция к увеличению сохранилась в 2018 г.

Фонд оплаты труда персонала АО «РВК» возрос к 2018 г. по сравнению с 2015 г. на 55%, при этом численность персонала также увеличилась на 32% до 181 чел. (табл. 5). Как следствие, среднемесячная заработная плата сотрудника АО «РВК» в 2018 г. составила 274,2 тыс. руб., что выше показателей 2015 г. на 17,5%.

Анализ результатов деятельности АО «РВК» показал значительное недофинансирование научно-технологической сферы вследствие «замораживания» средств на депозитах, в том числе валютных (более 9,7 млрд. руб. на конец 2018 г.). Формирование данных резервов сдерживает темпы научно-технологического развития и не способствует преодолению накопленных отставаний в данной сфере.

Таблица 5

Фонд оплаты труда АО «РВК»

№ п/п	Показатели	Год				Изменение 2018 к 2015 гг.,%
		2015	2016	2017	2018	
1	Численность персонала, чел.	137	168	193	181	+ 32,1
2	Фонд оплаты труда, млн. руб.:	383,7	537,1	712,7	595,6	+ 55,2
2.1	затраты на оплату труда по осн. виду деятельности, млн. руб.	298,0	400,0	572,2	473,2	+ 58,8
2.2	вознаграждение управленческому персоналу (управл. расходы), млн. руб.	85,7	137,1	140,5	122,4	+ 42,8
3	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб. / чел.	233,4	266,4	307,7	274,2	+ 17,5

Источник: Составлено по данным годовых отчетов АО «РВК» за 2016–2018 гг. – <https://www.rvc.ru/about/disclosure/>

Важность развития механизмов прямого и венчурного финансирования научно-технологического развития была обозначена Президентом РФ в послании Федеральному Собранию 15.01.2020 г., в частности, была подчеркнута необходимость закрепления права предпринимателя на риск – неудачная реализация идеи автоматически не означает нецелевого использования средств с последующим возможным уголовным преследованием.

Таким образом, проведенный анализ форм и инструментов финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности позволил разработать ряд рекомендаций по изменению сложившейся ситуации. В качестве основных следует выделить представленные ниже.

1. Формирование региональных фондов научной, научно-технической и инновационной деятельности. На наш взгляд, в регионах должна формироваться сеть специализированных институтов ресурсного обеспечения прикладных исследований и разработок. В качестве одного из примеров может быть использован опыт той же Германии, где регионы (федеральные земли) выступают в качестве полноправных и активных участников управления научно-технологической и инновационной деятельностью. Так, «в компетенцию земель входит финансирование профессионального образования и фундаментальных исследований в вузах, а также региональных инновационных программ. Федеральное правительство отвечает за стратегический курс в развитии НИОКР, систему мер по поддержке на необходимом уровне инновационной активности предприятий, проводимой посредством государственных банков»².

2. Повышение доступности федеральных источников финансирования НТР в регионах. В условиях ограниченности ресурсов региона для адресной поддержки разработчиков и предприятий требуется организовать систему обеспечения доступности федеральных бюджетных средств для научно-технологического развития территорий. Данная система с одной стороны, должна обеспечивать активное взаимодействие региональных и федеральных органов власти с целью информирования об актуальных и перспективных формах поддержки, сроках и условиях их предоставления. С другой стороны – предусматривать работу непосредственно с субъектами инновационной деятельности, с целью выявления перспективных проектов, способствующих социально-экономическому развитию регионов.

3. Повышение эффективности венчурной деятельности в РФ. Важнейшей задачей должна стать доработка и утверждение стратегии развития венчурного рынка РФ до 2030 года, работы над которой начаты еще в декабре 2018 г. Кроме того, необходимо законодательное закрепление допустимых норм невозврата бюджетных средств при финансировании инновационных проектов (либо соотношение всего бюджета венчурного фонда к полученной от реализации стартапов прибыли), а также определение зон ответственности (в том числе уголовной) как для разработчиков, так и для организаций инфраструктуры (фондов).

Реализация этих шагов позволит повысить эффективность работы системы финансирования и поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в России, что с определенной долей уверенности позволит говорить об активизации научно-технологического развития.

¹ Составлено по данным годовых отчетов АО «РВК» за 2016–2018 гг. – <https://www.rvc.ru/about/disclosure/>

² Национальная инновационная система Германии // Официальный сайт альманаха «Управление производством». – http://www.up-pro.ru/library/innovations/national_innovative_organizations/nacyonalnaja-inn.html

Manucharyan M.G.

PhD in Economics, Head of Department, Senior Researcher, The Institute of Economics, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Associate Professor, Armenian National Agrarian University
mg-meri@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ECONOMY IN ARMENIA: TRENDS AND PROBLEMS

Keywords: *innovations, economic development, innovation policy, technologies.*

Ключевые слова: *инновации, экономическое развитие, инновационная политика, технологии.*

Innovations have become a powerful link in all sectors of the economy, a major driver of economic and social development. They not only provide an opportunity to raise the living standards of the population, to solve social and environmental problems, but they are also key cornerstones of the countries' geopolitical, military, economic power and independence. Knowledge of the processes of innovation development, creation of innovative technologies, the factors influencing them, the problems existing in them are necessary for the formation of a well-founded state policy, which can avoid obstacles arising during that activity, ensure the wide spread of innovation activities.

The events of the last decades show that the countries that have created the mechanisms of rapid development of science, technology, entered a new stage of the scientific and technological revolution, have ensured high rates of economic and social progress. For companies engaged in innovation, it is possible to clearly understand the specifics of the process of developing the latest technologies, management issues, approaches and ways to provide effective solutions to the latter.

The factors influencing the innovation process are constantly changing. If in the 50s of the last century there was a linear model of innovation in the West, according to which research and development was considered the only main source of innovation activity of the state, then from the 60s this approach began to change. First, market demand began to be seen as a determining factor. A comparative study of the innovation policy pursued by the Japan, United States, Western Europe, and the USSR shows that the emergence and spread of innovation in parallel with research and development includes national education and science systems, as well as many other factors: interrelationships between firms, producers, consumers, sources of funding, labor market, state policies, etc.

Such approaches towards innovation activity inevitably leads to the formation of the national innovation system, which implies not only a one-way causal connections to the scientific research and experimental works to innovative projects, but also, above all, a system of mutual links between economic, social, environmental and organizational factors. About 80% of the funds allocated to science from the RA state budget are allocated to basic research, only 20% to applied research, while, for example, in the USA, 16% of the funds are allocated to basic research, 26–28% – for applied research, and 65% for experimental design and technological development¹. The development of innovation activities is also conditioned by the current legislation. The sphere is mainly regulated by the RA Law on State Support of Innovation Activities. The law mentions the main concepts of innovation, goal and objectives.

According to the mentioned law, the goal of the state innovation policy is to provide economic, legal and organizational conditions for innovation activities.

The issues of the state innovation policy are:

- Defining the priorities of the state innovation policy,
- Contributing to the technological upgrading of the economy, creation and development of innovative infrastructures,
- Creation of legal bases for cooperation between science, education, production and financial institutions in the field of innovation activities².

The law is also the basis for the implementation of innovation policy. However, the law needs to be revised as it does not address one of the key issues between education, science and production.

The above-mentioned law was followed by the decision of the Government of the Republic of Armenia of October 19, 2006 «On defining the priorities of the development of the innovation sphere», which approved 4 general priorities of the development of the innovation sphere in the Republic of Armenia:

1. Creation and development of innovation infrastructures,
2. Alternative energy sources,
3. High-tech developments,

¹ RA Government 20.01.2005 N2 Protocol Decision «On the Concept of Innovation Activities in the Republic of Armenia» (in Armenian).

² RA Law on State Support for Innovation Activities, 23.05.2006, HO-6-N, Article 6 (in Armenian).

4. Introduction and development of environmentally preferable technologies¹.

Then this decision was followed by the protocol decision of the Government of the Republic of Armenia of December 25, 2014 «Priorities for the development of science and technology in the Republic of Armenia for 2015–2019» based on the development of science-oriented productions, can make the greatest contribution to ensuring the country's security, economic growth, scientific and technical development, social progress and increasing competitiveness².

It can be said that the legislation related to innovation and innovative technologies is mainly shaped in Armenia, but it needs to be adapted to the current issues, conditions and global challenges.

There are many challenges to creating innovative technologies and investing in the economy. The development of the country's economy should be based on the development of scientific and technological innovation-oriented sectors. Here it is necessary to take into account the current trends in the modern world, the experience of countries that have achieved significant results, valuable international experience and modern methods of promoting research and innovation.

As the world experience shows, one of the key factors contributing to the scientific and technological progress and innovation activity is the innovative culture and environment formed in the organizations. For example, Booz & Co Consulting (now owned by PricewaterhouseCoopers) concluded in its 2011 Global Innovation 1000 report that organizations with a culture of innovation are more successful in innovation, and the strategy is consistent if the latter, and the staff and management are committed to innovation³.

Therefore, it is not surprising that in the private sector enterprises of different countries, as well as in the leading scientific and educational institutions, great importance is attached to the formation and preservation of innovative culture. For example, the Research Innovation Strategy at the University of De Montfort (UK) provides a «dynamic environment – a pervasive research culture that encourages academic staff to undertake purposeful, innovative and rigorous research»⁴. The North-West University in South Africa, which has a special office responsible for innovation, its research and innovation strategy notes the improvement of the innovation culture as one of the main goals⁵. Moreover, many authors attribute Israel's success in the field of innovation and high technology to the innovative culture prevailing in those countries. An article published in Forbes magazine in 2013 states that being in the midst of hostile neighbors does not prevent Israel from having a creative, innovative culture that encourages the free flow of ideas, cooperation between individuals with different views. In this respect, Armenia is in almost the same situation.

The most immediate ways to contribute to the economic development of the country through innovation are the introduction of research and innovative results, commercialization, technology transfer to businesses. The education-science-economy connection, with its various manifestations, occupies a prominent place in the missions and strategies of the world's leading scientific-educational institutions, as it is considered to be one of the main goals of their existence. Thus, the Technion Institute (Institute of Technology, Israel), which has given the world a number of Nobel Prize winners and is the driving force of technological progress in Israel until 2045 for his design of a strategy aimed at private companies are more large-scale engagement through new construction areas, giving them Innovation Hubs. Technoparks, high-tech incubators, acceleration programs, business support centers and other similar structures play an important role in promoting innovation and serving its economic development.

In developing economies, including Armenia, economic diversification and the development of competing sectors are one of the most important issues, in particular as Armenia in transition is not only losing its scientific-technical base, but also is unable to integrate with the aforementioned economic processes thereby increasing the already existing technological isolation between Armenia and the countries with developed economies⁶.

Below is shown the share of innovation organizations in the total number of organizations by type of innovation:

The figure 1 shows that most business companies in Armenia are dissatisfied with innovations, do not tend to constantly update products, technologies are almost free from connections with research institutes, but at the same time do not rush to develop their own research and experimental structures.

In order to create an adequate environment for innovation, appropriate modern infrastructures, logistics, publicity and information mechanisms are needed. In order to create an innovative environment in Armenia, it is necessary to implement programs for the modernization and replenishment of logistics.

As a result of the analysis, we came to the conclusion that:

– The low level of development of the innovation infrastructure – all the factors hindering the process, to one degree or another are related to the activities of the state. In the conditions of limited state funding, as well as with the lack of own funds of organizations, the most important condition for the activation of innovation activities is the attraction of funds from non-governmental sources for the commercialization of technologies. The formation of a venture and leasing system for financing

¹ RA Government 2006 Decision N 1466-N of October 19, 2006 «On Defining the Priorities of Innovation Sector Development» (in Armenian).

² Protocol Decision of the Government of the Republic of Armenia N 54 of December 25, 2014 «Priorities for the Development of Science and Technology in the Republic of Armenia for 2015–2019» (in Armenian).

³ Jaruzelski B., Loehr J., Holman R. The Global Innovation 1000: Why Culture is Key // Strategy+Business. 2011. Issue 65.

⁴ De Montfort University, RESEARCH AND INNOVATION STRATEGY 2013-17.

⁵ North-West University, Institutional Strategy for Research and Innovation 2008–2010.

⁶ Manucharyan M.G. Problems of innovative development of the economy of Armenia and the most suitable technologies for the agricultural industry // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2020. – С. 105–108.

technological projects will open up great prospects for attracting private capital in the field of innovation. In order to reduce the risks of private investors, it is necessary to provide appropriate state guarantees – state participation in venture funds.

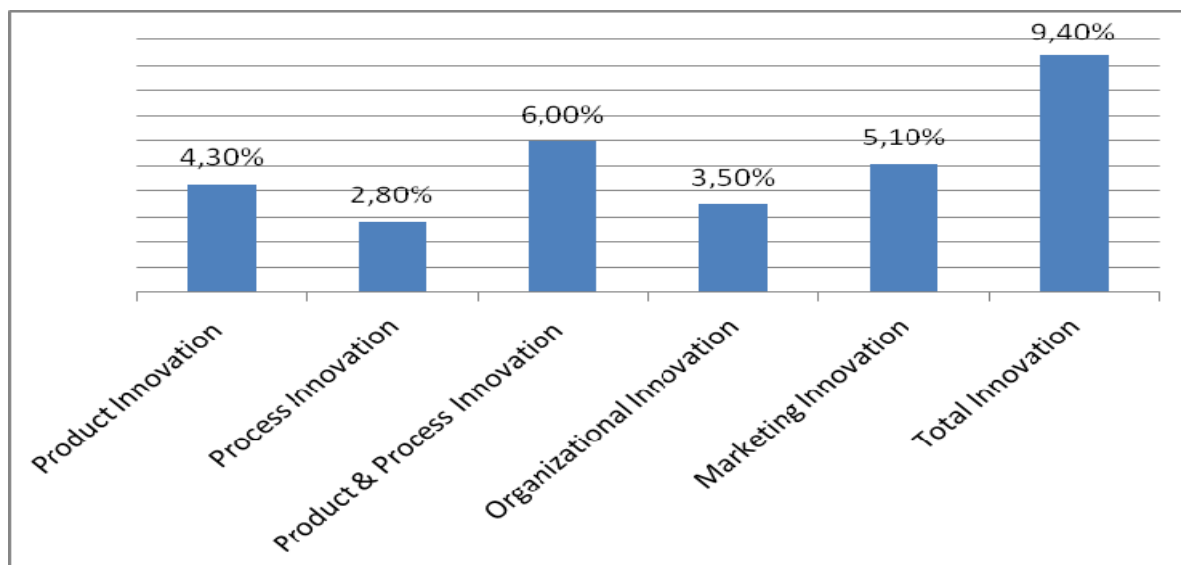

Figure 1.

The share of innovation organizations in the total number of organizations by type of innovation¹

– The development of innovation activities is impossible without the protection of intellectual property, the necessary improvement of the normative-legal basis of protection, its introduction into economic circulation, production norms, standards, certification systems in line with world standards in this field. The education system is closely intertwined with the development of both the economy and all other spheres of public life, the ability of which to meet the educational needs of the society determines the prospects of the country's economic development.

– Training of scientific and technical staff in academic institutes, state scientific centers, universities, doctoral programs, training should first of all take into account the needs and priorities of the national innovation system.

In order to have a competitive economy with innovation orientation, it is necessary to create a culture of innovation, to increase the quality of innovation research, to ensure the interconnection of education-science-economy.

¹ https://armstat.am/file/article/rep_inov_2017.pdf

Некрасов А.Г.

д.э.н., профессор, профессор МАДИ

Синицына А.С.

к.т.н., доцент, доцент РУТ (МИИТ)

ЦИФРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК

Ключевые слова: цифровая трансформация, системная инженерия, цепь поставок, риск-менеджмент, гомеостатическое плато, ключевые контрольные точки.

Введение

Основной целью экономики любого типа является рост ВВП (GDP). Приоритетное значение для управления цепями поставок приобретают не только сами цифровые технологии, но и процессы цифровой трансформации, охватывающие различные этапы жизненного цикла. В то же время автоматизация только текущих процессов и стремление снизить затраты не обеспечивают устойчивое их функционирование в стратегической перспективе.

В настоящее время цифровые цепочки поставок (DSC) все быстрее интегрируются в общий процесс Supply Chain Management (SCM) и позволяют виртуально тестировать как стратегии, так и идеи для оперативной реакции на новые возможности и вызовы.

Система управления цифровой цепью поставок в условиях применения инновационных решений, относящихся к концепции «Индустрии 4.0» (Industry 4.0) должна приобретать свойства «живой системы», преобразовывая состояние всей системы, а не отдельных функций и процессов¹.

Живая система – иерархически организованная сложная система, имеющая собственную программу развития, реализация которой обеспечивает сохранение системы на основе поддержания в ней определенного, отличного от максимума уровня энтропии. Любая «живая система» имеет сложную иерархическую сетевую структурную организацию, которая представляет собою высшую форму упорядоченности системы и служит источником ее антиэнтропичности.

В качестве цифровых инструментов трансформации авторы данной статьи будут рассматривать интеграцию процессов доставки грузов в работе транспортно-логистических терминалов или центров (ТЛТ или ТЛЦ) с автоматизированной системой мониторинга рисков на основе технологической карты ключевых критических точек (ККТ). Механизм автоматизированного контроля охватывает весь цикл движения груза от инициализации – до оценки сервиса предоставленных услуг. Карта рисков охватывает не только уровень отдельного ТЛТ (ТЛЦ), например, на железнодорожном транспорте, но уровень и процессы других участников цепи поставок (ЦП). Технологическая среда предполагает разработку программы по анализу рисков и критических точек управления доставкой грузов, что обеспечивает высокоэффективную интеграцию процессов ТЛТ (ТЛЦ), механизма контроля на базе цифровых технологий. Создается системная основа для быстрой перенастройки процессов в условиях сбойных ситуаций.

Модели жизненного цикла формируют основу нового поколения интегрированных цепей поставок, основанных на цифровых технологиях и принципах устойчивости процессов на основе риск-ориентированного подхода. В настоящее время требуется новый подход, основанный на системном механизме интегрированного управления не только ЦП, но и на основе взаимодействия интеллектуальных и Интернет-технологий (типа «Интернет-вещей»), с использованием возможностей комбинаторики процессов и ресурсов по доставке грузов в условиях глобальных рисков.

Методы и материал анализа проблемы

В статье рассматривается интегрированное применение цифровых технологий и бизнес-моделей, что предполагает существенный пересмотр традиционных подходов. Механизм управления сложными объектами в условиях цифровой трансформации на основе интегрированной архитектуры цепи поставок предусматривает охват всех этапов жизненного цикла, включая замысел, проектирование, создание, применение (эксплуатацию), поддержку и списание. Актуализация цифровой трансформации, механизмов и цифровых технологий (искусственного интеллекта, блокчейн, анализа больших данных и Интернета вещей), революционные изменения в создании моделей платформенного типа и стратегий развития в рамках Индустрии 4.0, несомненно, позволяют сформировать новый потенциал для развития предприятий транспортной отрасли². ИТ-индустрия активно проникает в такие направления, как:

– цифровое управление;

¹ Что такое цифровая трансформация и чем она отличается от цифровизации и Индустрии 4.0. – <https://rb.ru/story/what-is-digital-transformation/>; Hintjens P. Social architecture: Building On-line Communities. – <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/342036/>

² Там же.

- управление цифровыми активами;
- интеллектуальное управление и др.

Традиционный подход к классификации взаимодействия в цепях поставок характеризуется классификацией логистических посредников, которые охватывают все звенья, начиная от последовательной передачи информации (1PL) до всеобъемлющего контроля за всей цепью поставок (5PL) (табл. 1).

Таблица 1

Классификация участников и уровня информационного взаимодействия логистических звеньев в цепи поставок

Звено	Характеристика	Информационное взаимодействие
1PL	Все операции по доставке груза выполняет владелец груза	Последовательная передача информации с низким уровнем отклика (обратной связи)
2PL	На определенном участке транспортной цепи присутствует посредник – транспортная компания	Необходим контроль информационных потоков на отдельных участках цепи поставок
3PL	Большая часть цепи поставок отдается на аутсорсинг специализированной компании	Устойчивое информационное взаимодействие между отдельными участками цепи и контроль результата
4PL	Вся инфраструктура цепей поставок предприятия и ряда ее торговых партнеров отдается на аутсорсинг ее посреднику	Высокий уровень информационного взаимодействия и контроля за большинством участников цепи поставок
5PL	Компания является субъектом управления цепи поставок, оказывает услуги сетевого бизнеса	Всеобъемлющий информационный контроль за всей цепью поставок

В этой связи можно выделить ряд существенных проблем:

- различные виды транспорта недостаточно интегрированы между собой.
- отсутствуют эффективные логистические схемы.
- не обеспечен доступ к качественным и надежным транспортным услугам.
- не решены такие задачи, как уменьшение вредного воздействия на окружающую среду, снижение аварийности, обеспечение безопасности объектов транспорта.
- велика доля транспортных издержек в цене продукции, удельный уровень которых должен снизиться к 2030 г. с 20 до 13%.

Российский рынок транспортно-логистических услуг (ТЛУ), по разным оценкам специалистов, занимает от 3,9 до 5,6% ВВП. Для сравнения, этот показатель выше, чем, к примеру, в США и Германии. Общемировую структуру рынка ТЛУ на сегодняшний день формируют три основных составляющих: грузоперевозки и экспедирование, складирование и управленческая логистика.

На долю грузоперевозок в докризисный период приходилось до 88% от всего объема. Экспедиторские услуги, складирование и управленческая логистика составляют 9%, 2, 1% соответственно. В 2018–2019 гг. ситуация на мировом рынке товаров ухудшилась вследствие значительного усиления напряженности в торговых отношениях между крупнейшими странами мира. Перспективы роста глобальной внешней торговли в 2020 г. напрямую будут зависеть от масштаба распространения коронавируса COVID-19 и эффективности мер по его сдерживанию, а также глубины падения мирового спроса на товары и услуги.

В 2018 г. объем глобального рынка ТЛУ достиг US\$ 4,77 трлн., показав рост в 7,1%. Рост рынка ТЛУ определялся главным образом повышением тарифов на грузоперевозки на фоне сокращения грузовой базы и минимального роста грузооборота. Положительная динамика по грузообороту отмечалась только в автомобильном и железнодорожном транспорте в результате увеличения дальности перевозок. Рост в сегменте управленческих услуг на 8,4% обеспечивался повышением спроса на новые управленческие решения и IT- технологии (функциональное развитие TMS, WMS, использование облачных технологий и др.).

Глобальные совокупные затраты на транспорт и логистику оценивались в US\$ 9,25 трлн. (порядка 10,8% мирового ВВП). На долю логистического аутсорсинга (собственно рынка транспортно-логистических услуг в формате 2PL, 3PL, 4PL) приходится 51% мировых затрат на транспорт и логистику. В 2020 г. вхождение мировой экономики в рецессию на фоне COVID-19, падение объемов мировой торговли негативно скажутся на динамике рынка ТЛУ: его объем сократится на 9,4%, до US\$4485 млрд. (рис. 1).

По оценке M.A. Research¹, в 2020 г. ожидается падение объема перевозок и грузооборота во всех сегментах рынка транспортных услуг (от 6 до 16% в зависимости от вида транспорта), вследствие сокращения объемов производства и соответственно грузовой базы, разрыва международных цепочек поставок, снижения спроса на импорт, и ухудшения экспортной конъюнктуры на мировом рынке.

В результате пандемии происходит разрушение глобальных цепочек поставок, отток капитала с финансовых рынков, снижаются объемы торговли, грузовых перевозок и промышленного производства.

В настоящее время основным трендом в сегменте автомобильных грузоперевозок стало наращивание грузооборота при резком сокращении тоннажа. Увеличение средней дальности связано с растущей конкуренцией, с одной стороны, и изменением структуры перевозимых грузов в пользу товаров с высокой степенью обработки – с другой. Несмотря на увеличение дальности перевозок, предприятия автомобильного транспорта постепенно теряют позиции на рынке грузоперевозок, уступая железнодорожному транспорту. Данные о перевозках свидетельствуют о снижении

¹ Рынок логистического аутсорсинга. Итоги 2018–2019 и прогноз до 2023 года. – М., 2020. – 436 с.

объема и высокой вариабельности грузооборота в условиях высокорисковой рыночной и технологической среды. Следствием является крайне неэффективное управление, ориентированное на функционально-процессные методы и не учитывающее нахождение логистических объектов на разных стадиях жизненного цикла.

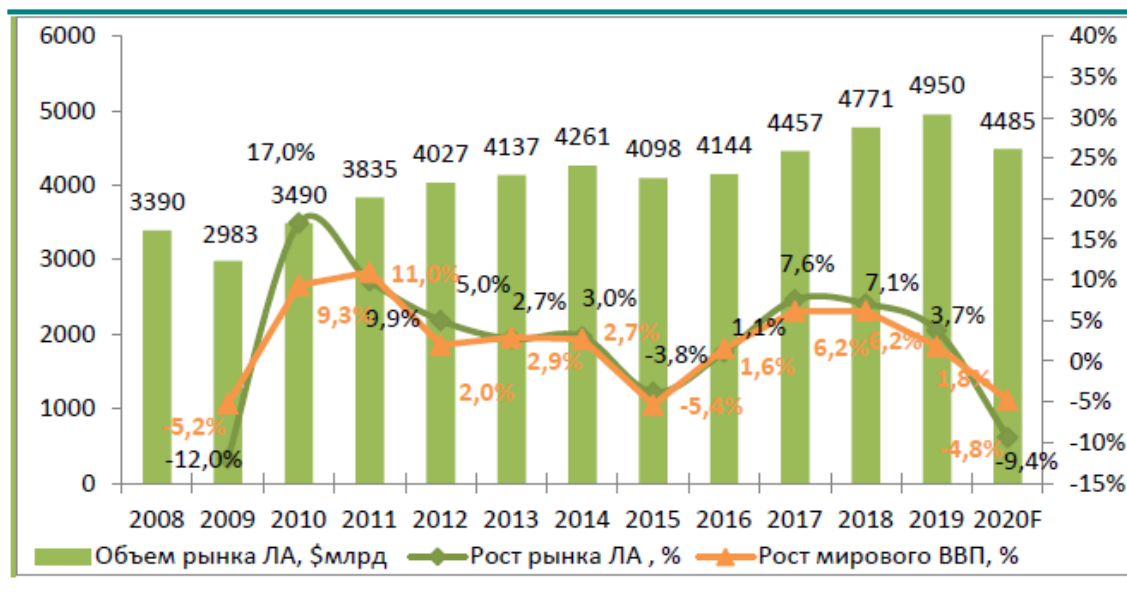

Рисунок 1.

Динамика мирового ВВП и рынка ТЛУ (логистический аутсорсинг), 2008–2020 гг., US\$ млрд., %¹

Для развития анализа проблемы была взята ярко выраженная кризисная тенденция снижения эффективности или распада традиционных цепей поставок и процессов транспортировки. Так, например, в секторе железнодорожных перевозок, предполагалось, что до 2030 года контейнерные перевозки будут расти возрастающими темпами, опережающими рост рынка, со скоростью около 6–8% ежегодно. В 2017–2019 гг. особенно ярко проявлялись две тенденции: переключение контейнеро-пригодных грузов с автомобильного на железнодорожный транспорт, а в железнодорожной отрасли – продолжение перераспределения грузопотока в пользу контейнерных перевозок.

Одним из факторов положительной динамики рынка являлось географическое положение России, которое обеспечивает высокий спрос на контейнерные перевозки со стороны иностранных грузоотправителей и, прежде всего, стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако кризисная ситуация в мировой экономике, сочетающая в себе глобальный экономический спад с быстрой деглобализацией, вызванной пандемией COVID-19 и падением цен на нефть, показывает другую картину.

Отмечается существенное падение грузооборота (–13,5% за январь-февраль 2020). За первые два месяца 2020 г. перевалка внешнеторговых грузов в контейнерах в портах РФ снизилась на 2,7%. Глобальный рынок контейнерных перевозок в I квартале 2020 года сократился на 4,7%; перевозки грузов железнодорожным транспортом снизились более чем на 3%. Такое сокращение, прежде всего, было обусловлено снижением импорта по причине карантинных мер в Китае и некоторых европейских странах, а также сокращением потребительского спроса. И данные тенденции продолжатся в течение этого года. Общее падение ВВП в 2020 году может составить от 3,8 до 10,2%².

Общей тенденцией является высокий риск сбоя не только локальных сетей транспортировки грузов, но и разрушение глобальных цепочек поставок.

Поэтому кризисная ситуация неустойчивости функционирования цепочек поставок должна предполагать пересмотр подходов, включая разработку стратегий цифровой трансформации и научно-методических принципов к организации и управлению существующих цепочек поставок. В самое ближайшее время будут формироваться бимодальные цепочки поставок: «первый режим» (традиционный) – бережливая эффективность, низкие риски, высокая предсказуемость; «второй режим» – потребность в ловкости, скорости и изучении новых возможностей. При этом основная задача рассматривается как диджитализация всей цепочки поставок и повсеместное внедрение технологий Индустрии 4.0, которые не зависят от человеческого фактора³.

Таким образом, необходимо создавать цифровые системы, которые будут построены на главенстве цифрового представления ее элементов и отношений между ними (хотя эти элементы могут иметь и другие представления, например, физическое, аналоговое и т.п.)⁴.

¹ Рынок логистического аутсорсинга. Итоги 2018–2019 и прогноз до 2023 года. – М., 2020. – 436 с.

² Рынок логистического аутсорсинга. Итоги 2018–2019 и прогноз до 2023 года. – М., 2020. – 436 с.; Влияние COVID-19 на российскую экономику / McKinsey@Company. – <http://www.kovertino.ru/?id=24309>

³ Уилдинг Р. Коронавирус изменит логистику и глобальные цепочки поставок. – <https://gmcenter/opinion/koronavirus-izmenit-logistiku-i-globalnye-cepochki-postavok/>

⁴ Самарин А. Цифровая трансформация организованных систем: главное для министров, программистов и критиков. – <http://digital-economy.ru>; Дробот В.С. Перспективы развития киберфизических производственных систем. – <https://controlengrussia.com/magazine/control-engineering-rossiya-october-2018/>

Для этого потребуются инновационные подходы по переформатированию подходов к цифровой трансформации, учитывающих комплексный характер и риск-ориентированный подход к цепям поставок применительно к рынку транспортных услуг и грузовых перевозок¹.

Теория и практическое применение

В связи с постоянным ростом сложности систем, создаваемых человеком, возникает целый ряд научно-методических проблем на различных стадиях жизненного цикла сложных организационно-технических систем (СОТС) и различных уровнях архитектурной детализации. Среди проблем можно выделить такие, как разнородность элементов и процессов; недостаточная интеграция и необходимость комплексного подхода к применению бизнес-архитектуры и информационно-коммуникационных технологий. Для этого необходим общесистемный подход, обеспечивающий, с одной стороны, эффективное взаимодействие процессов на всем протяжении жизненного цикла (ЖЦ), с другой стороны – поиск механизмов устойчивого функционирования всех объектов ТЛТ (ТЛЦ) и цепи поставок в целом.

Таким образом, проблема исследования новых инструментов цифровой трансформации цепей поставок в значительной степени связана с интеграцией информационно-логистических технологий (ИЛТ) и процессов жизненного цикла доставки и обработки грузов. При выработке стратегии ИЛТ внимание акцентируется на трех основных задачах:

1. Увеличить безопасность и безопасность груза в системе поставок;
2. Облегчить сеть товародвижения в пределах структуры расширенной безопасности;
3. Предусмотреть быстрое восстановление поставки после инцидента, который разрушает (нарушает) систему целостности поставок.

Все эти подходы могут быть реализованы на основе формирования инновационных инструментов в рамках интегрированных транспортно-логистических систем (ИТЛС), устойчиво функционирующих на различных этапах жизненного цикла. ИТЛС – это целостная адаптивная система, которая на основе взаимодействия логистических технологий, инфраструктуры, ресурсов цепи поставок на протяжении всего жизненного цикла системы обеспечивает более эффективный и безопасный уровень функционирования².

В интегрированной модели происходят дальнейшие изменения по развитию перевозок, в том числе мультимодальных на базе крупных ТЛТ (ТЛЦ) или со смешанными типами моделей перевозки. На рис. 2 представлены основные элементы и взаимосвязи такого грузового терминала (центра), ориентированного на авиа- и автоперевозки.

Рисунок 2.

Сложная организационно-техническая система транспортно-логистического терминала (центра) со смешанной моделью обработки и доставки грузов

¹ Инновационные процессы логистического менеджмента в интеллектуальных транспортных системах: в 4 т. / Под общей ред. Б.А. Левина и Л.Б. Миротина. – М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2015. – Т. 4. – С. 202–244; Управление грузовыми потоками в транспортно-логистических системах: монография / Под ред. Л.Б. Миротина. – М.: Горячая линия-Телеком, 2010. – 704 с.; Некрасов А.Г., Мельников Д.А. Безопасность цепей поставок в авиаиндустрии: монография. – М.: PrintUp, 2006. – 206 с.; Некрасов А.Г., Атаев К.И., Некрасова М.А. Управление процессами безопасности и риска в цепях поставок: учебное пособие. – М.: Техполиграфцентр, 2011. – 120 с.

² Некрасов А.Г. Смена парадигм: переход к методологии операционно-ориентированной логистики (PBL) // Логистика. 2015. – № 1. – С. 54–57; Юсупов Р.М., Соколов Б.В., Кириллов Н.П. и др. Интеллектуальные информационные системы обеспечения безопасности транспортных комплексов // Транспортная безопасность и технологии. – М., 2008. – № 3.

Традиционным инструментом цифровой трансформации признается создание цифровых платформ и экосистем, что дает возможность для системного решения ряда задач, связанных с функциями транспортировки и доставки грузов. Через платформы реализуются бизнес-модели, что крайне важно для формирования и поддержания конкурентного преимущества, а также для контролирования и координирования внутреннего развития. В рамках экосистемы возможно объединение нескольких бизнесов и платформ для объединенной стратегии управления рисками¹.

Так, например, при определении оптимальных размеров резервов мощности транспортной инфраструктуры решается многокритериальная задача с учетом таких показателей, как: вероятность появления рисков ситуации в ЦП; приведенные затраты, связанные с созданием резервов; рентабельность производства транспортно-логистических услуг; резерв времени на проведение поставки материалов и комплектующих и др.². Ключевыми требованиями являются требования по минимизации стоимости транспортировки, обеспечению безопасности и своевременности доставки грузов и устойчивости самих процессов, включая прогноз возможных негативных событий. Такой подход к безопасности является естественным в условиях современной глобализации и в рамках мультимодального подхода в транспортной логистике³.

Таким образом, можно сделать вывод, что для оптимального функционирования цепи поставки товаров необходимо применять системно-интегрированный подход, который предусматривает оценку и оптимизацию потенциальных опасностей и рисков, для чего необходимо переходить от принципов «нулевого риска» к принципам «приемлемого риска», обеспечивающего устойчивость процессов доставки и обработки грузов.

В условиях сложной цифровой трансформации требуется пересмотр подходов к процессному управлению цепями поставок (Supply Chain Management, SCM), основанных на риск-ориентированном подходе. Другими словами, проектирование и управление цепями поставок изначально должны быть ориентированы на риск как «ядро» всех последующих действий по технологической интеграции всех процессов в цепочке создания стоимости⁴.

Анализ устойчивости позволяет выбирать план с требуемой гарантией выполнения, определять узкие места в плане и меры по их усилению, а также разрабатывать сценарии поддержки принятия оперативных решений по реконфигурированию цепей поставок на основе анализа ключевых показателей выполнения работ и допустимых отклонений параметров плана. Привлечение данного аппарата в модели управления цепями поставок и ТЛТ (ТЛЦ), помимо развития теоретических основ, имеет и практическое значение, в частности: повышение качества и точности планирования и управления; поддержка принятия решений менеджментом на уровнях целеполагания, планирования, мониторинга и регулирования цепей поставок.

Комплексный учет факторов неопределенности с использованием анализа устойчивости позволяет повысить качество моделей управления сети поставок за счет адекватного отображения свойств и параметров внешней и внутренней среды. Так, например, цепь поставок может закончить выполнение заказа клиента в соответствии с требуемыми параметрами, если в процессе выполнения заказа возникала необходимость в ее перепланировании вследствие различных отклонений.

Для обеспечения конкурентоспособности ТЛТ (ТЛЦ) осуществляется перенос центра тяжести от управления чисто техническими процессами к созданию устойчивой организационно-технической структуры управления различными моделями жизненного цикла, включая производственные активы, бизнес-процессы, услуги для обеспечения послепродажного обслуживания продукции. На рис. 3. показана роль процесса риск-менеджмента цепи поставок, который интегрирует программу управления риском с цифровыми процессами ЖЦ. При рассмотрении общей надежности цепи поставок рассматривается комбинация всех элементов, взаимодействующих в рамках функционального логистического цикла в виде последовательной цепочки событий.

С помощью цифровых модулей жизненного цикла (дизайна, планирования, доставки, сервиса и поддержки), увязанных с определением, оценкой и мониторингом рисков, обеспечивается взаимодействие между всеми технологическими и логистическими процессами на основе событий. Взаимодействие модулей обеспечивается с помощью электронных «досье», обладающих архитектурой комбинирования ресурсов-рисков и оценки производительности ТЛТ (ТЛЦ). Например, управление досье «доставки» (deliver) будет связано непосредственно с логистическими импортными и экспортными операциями, осуществляемыми ТЛТ (ТЛЦ).

Наряду с обработкой индивидуальных досье, которым соответствуют накладные, с помощью интегрированных цифровых модулей можно управлять группировкой досье или их консолидацией на основе объединения различных ресурсов. При наличии схем доставки и транспортировки в базе данных выбор конкретной схемы связан с формированием профиля контроля (tracing) за выполнением последовательных событий административного характера. Модуль «рентабельность досье» позволяет подготовить прогноз рентабельности по отдельным операциям и ожидаемым издержкам. Одновременно, после завершения каждого логистического цикла и проведенных операций, устанавливаются ожидаемые расходы и поступления, еще не зарегистрированные в бухгалтерии. Для каждой схемы поставки необхо-

¹ Тюрин В. Девять проблем, которые решает экосистема цифровых платформ. – <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=196238>

² Управление грузовыми потоками в транспортно-логистических системах / Л.Б. Миротин. – М.: Горячая линия-Телеком, 2010. – 704 с.

³ Резер С.М. Обеспечение безопасности и страхования рисков грузовых перевозок // Транспорт, наука, техника, управление / ВИНТИ РАН. – М., 2016. – № 5. – С. 3–12.

⁴ Управление цепями поставок в эпоху цифровой трансформации. – <https://vc.ru/transport/78912-upravlenie-cepami-postavok-v-epohu-cifrovoy-transformacii>; Embracing digital future. How manufacturers can unlock the transformative benefits of digital supply networks. – https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/4181_embracing-a-digital-future/embracing-a-digital-future.pdf; Некрасов А.Г. Основы менеджмента безопасности цепей поставок: учебное пособие. – М.: МАДИ, 2011. – 130 с.

димо получение не только финансовых результатов, отраженных через рентабельность операций, но и возможности сравнения полученных данных по производительности и рискам с учетом динамики их развития в перспективе.

Supply Chain Risk Management Program

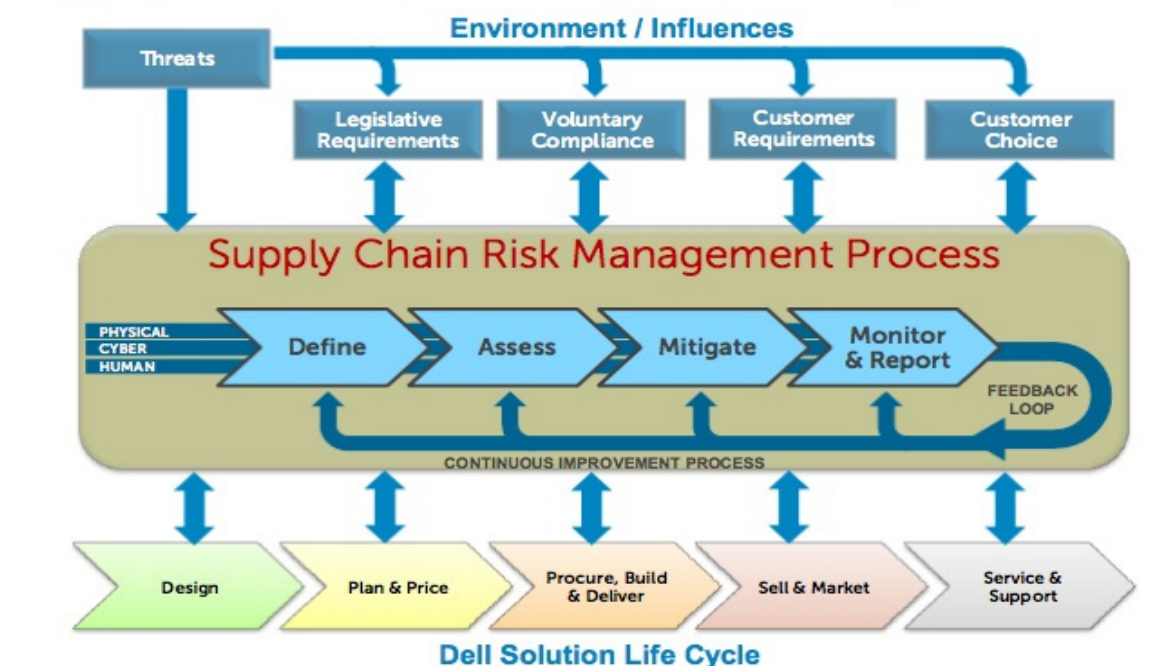

Рисунок 3.

Интегрирующая роль автоматизированного процесса риск-менеджмента цепи поставок

Показателями надежности производственно-логистических процессов являются данные вероятностных значений в интервале $0 \leq P \leq 1$. При этом «0» является показателем полного прекращения функционирования (отказа), а «1» – показателем полного взаимодействия. Под надежностью процессов в ТЛТ понимается вероятность того, что в определенный период времени и в рамках заданных допусков будут достигнуты нормативные («эффективные») значения параметров. Заказ на доставку груза считается выполненным, если он реализован в пределах области допустимых отклонений, или области позитивных событий. Значения вероятности определяются, исходя из данных статистики и проектных значений параметров системы, по формуле:

$$P_1 = A/B \quad (1),$$

где: A – количество невыходов за пределы допуска;

B – общее количество имеющихся данных.

Результаты

Базовым результатом исследования является получение новых характеристик устойчивости процессов жизненного цикла ТЛТ (ТЛЦ) обработки и доставки груза в «смешанной модели», установление диапазона ключевых точек риска для всей логистической системы. Риски – это различные вероятностные события, которые могут позитивно и/или негативно воздействовать на цели. В стандарте ГОСТР 51897–2011 «Менеджмент риска. Термины и определения»¹ под риском понимается сочетание вероятности события и его последствий. Риск обусловлен возможностью отклонения от ожидаемого результата или события. Среди элементов риска называются источники или опасности, события, последствия и вероятность.

Учитывая многоаспектность вопросов безопасности и устойчивости, рекомендуется идентифицировать те из них, которые оказывают наиболее существенное влияние на управление процессами доставки грузов. Следовательно, их необходимо контролировать и/или снижать с помощью реализации программ по совершенствованию и повышению устойчивости процессов. Аналитическим инструментом оценки рисков устойчивости ТЛТ является методический подход, основанный на идентификации и выявлении уровней рисков. В частности, было выделено 5 уровней риска, которые были оценены с точки зрения вероятности событий и рейтинга опасности (табл. 2).

Под риском ТЛТ будет рассматриваться набор таких критериев, как эффективность выполнения заказов с точки зрения соблюдения сроков поставки, качества предоставляемых услуг, ассортимента предметов снабжения и затрат на протяжении всего ЖЦ.

Для обеспечения устойчивости ТЛТ относительно контрольных точек необходимо создавать механизмы устойчивости, что позволит увязать проблемы эффективного функционирования процессов в рамках функционально-логистического цикла с технологической средой терминала.

¹ ГОСТР 51897–2011/ Руководство ИСО 73:2009М. – М.: ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ», 2011.

Соотношение рисков и рейтингов опасности ТЛТ (ТЛЦ)

Уровень риска	Вероятность события	Серьезность последствий	Рейтинг опасности	Цветовой индикатор
1 уровень	0,8 - 1,0	Очень высокая	1. Критический	Красный
2 уровень	0,6 – 0,8	Высокая	2. Большой	Красный
3 уровень	0,4 – 0,6	Средняя	3. Небольшой	Желтый
4 уровень	0,2 – 0,4	Низкая	4. Удовлетворительный	Желтый
5 уровень	0,1 – 0,2	Незначительная	5. Минимальный	Зеленый

В качестве одного из таких механизмов можно использовать гомеокинетическое плато – это базовый кибернетический механизм для обеспечения состояния динамического равновесия (устойчивости) системы. Плато можно рассматривать как область относительно неустойчивого состояния системы (схожего с гомеостазом), находясь в которой органическая система стремится к саморегулированию (рис. 4)¹.

Способность системы оставаться в области устойчивости называют «живучестью» системы. Адаптивными являются системы, которые «изменяют свое поведение таким образом, чтобы оставаться в области устойчивости даже при наличии внешних воздействий». Таким образом, одной из самых сложных проблем является установление критических точек (границ) устойчивости применительно к различным этапам жизненного цикла ТЛТ.

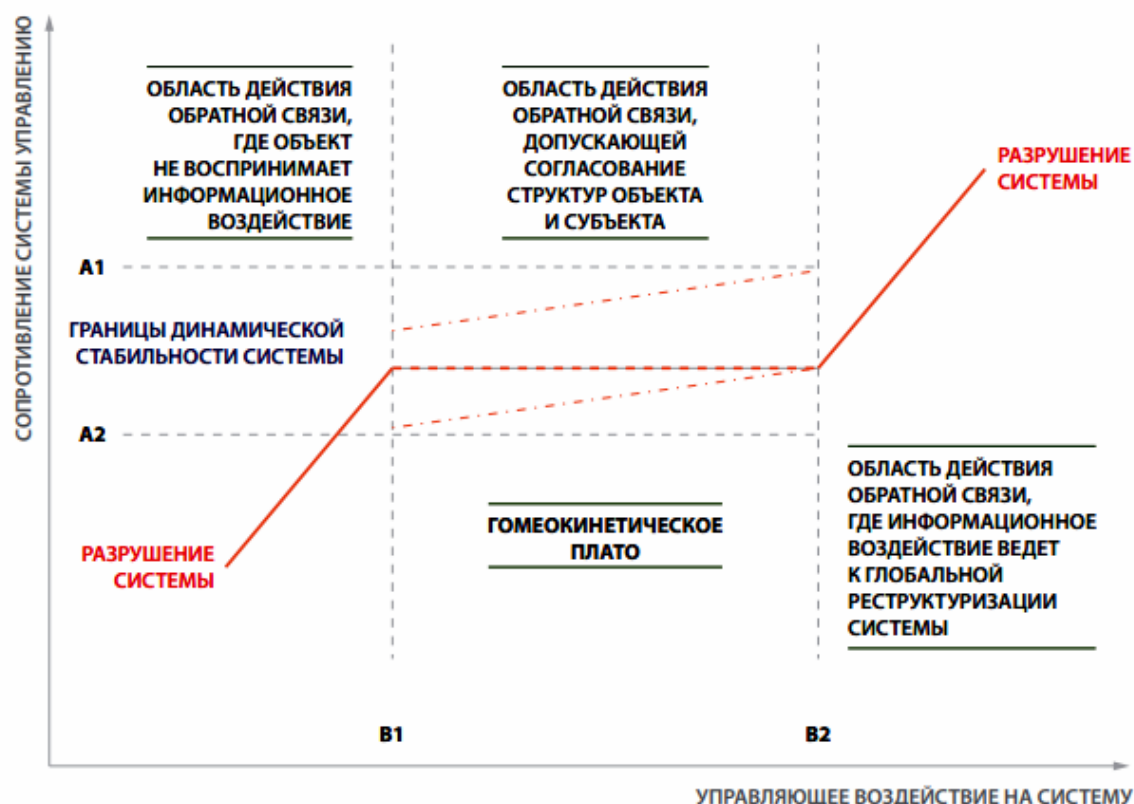

Рисунок 4.
Гомеокинетическое плато²

¹ Гиг Дж. ван. Прикладная общая теория систем. В 2-х кн. / Пер. с англ. – М.: Мир, 1961. – 730 с.; Сундеев П.В. Функциональная стабильность критических информационных систем: основы анализа. – <http://ej.kubagro.ru/2004/05/pdf/03.pdf>; Радионова Л.Н., Абдуллина Л.Р. Устойчивое развитие промышленных предприятий: термины и определения. – https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2017/12/N49_27.pdf

² Дедков С.М., Турко В.А. Сбалансированность экономики как условие активизации инновационной деятельности: системный анализ и опыт республики Беларусь // Проблемы развития территории. 2017. – Вып. 5 (91). – С. 44–57.

На передний план будет выходить технологическая трансформация всех систем на основе критерия устойчивости системы как комплексного показателя качества функционирования ТЛТ (ТЛЦ), а механизмы управления рисками становятся базовыми в условиях сбойных ситуаций¹.

В качестве инструментов трансформации в данном исследовании рассматривается интеграция процессов доставки и обработки грузов в ТЛТ с системой мониторинга рисков на основе технологической карты ключевых критических точек (ККТ). Механизм контроля охватывает весь цикл движения груза: от инициализации до оценки сервиса предоставленных услуг. Карта рисков для различных процессов охватывает не только уровень отдельного участника (события), но и предполагает разработку комплексной программы по анализу рисков и критических точек управления доставкой и обработкой грузов, что обеспечивает высокоэффективную интеграцию процессов ТЛТ (ТЛЦ) на основе различных цифровых инструментов. Тем самым создается инновационная системная основа для быстрой перенастройки процессов в условиях быстро меняющихся событий, включая сбойные ситуации.

Особое значение приобретают технологические методы их описания с помощью специальных организационно-цифровых форм, которые предоставляют следующие основные преимущества:

- становится возможной электронная проверка обработки результатов обслуживания и анализа данных, отражаемых в формах;
- исходные формы могут быть использованы для генерирования входных и выходных данных, массивов и процедур внедряемой системы;
- удобство для последующего использования электронных данных, которые собраны в виде заданных форм.

Рассмотрим используемые формы ККТ. Например, «Предпроектная стадия» начинается с этапа диагностики обследования существующих бизнес-процессов и информационной системы (ИС). Результатом этой работы является аналитическая записка и структура существующих бизнес-процессов. Предполагается, что менеджеры и другие функциональные руководители имеют ясное представление о цели и задачах проекта предоставления новой услуги.

Собранная информация используется проектировщиками ИС для получения полного представления о деятельности ТЛТ. Должны быть оценены основные направления сервисной деятельности, внутриорганизационные (межфункциональные) проблемы, связанные с процессами обработки данных. На втором этапе предпроектной стадии собираются более подробные данные о логистической инфраструктуре и ее объектах. Структурная и стоимостная форма анализа рисков приведена в табл. 3.

Таблица 3

Структурная форма анализа рисков устойчивости ТЛТ

Структура ключевых контрольных точек (ККТ)	Схема ключевых компетенций			Суммарные логистические издержки
	Транспортное «досье»	Транспортно-логистические процессы	Результат А Результат В	
Персонал				Σ
Грузы				
Иерархические уровни				
Процессы				
Результаты/отказы				
Задача (бизнес-процесс): подготовка предложений по снижению рисков				Σ
ИТОГО				
Общий итог полных затрат по задачам (бизнес-процессам) для выявления и оценки вклада каждого процесса в создаваемый общий результат. После этого оценивается уровень устойчивости ТЛТ				

«Измерение и оценка результативности». Для обеспечения успешного взаимодействия в процессах ЖЦ необходима как стратегическая, так и оперативная информация о состоянии и изменении всех составных частей системы. Прежде всего, речь идет о возможности получения количественных оценок (показателей) по всем факторам (моделям), параметрам на основе принятых критериев оценки и сведения их в расчетные показатели.

Организация информационного обмена строится в зависимости от поставленных целей, задач, комбинации структуры процессов на основе системной обработки и рационализации потоков информации. Информация возникает в процессе взаимодействия бизнес-процессов и результатов.

При управлении оперативным и координирующим контурами ТЛТ, информационный поток способен воспринимать внутренние и внешние сигналы/воздействия, обеспечивая через системные факторы приспособление (адаптацию) всей системы послепродажного обслуживания. ИС выступает как информационная система с обратной связью, построенная на механизме автоматического регулирования.

Обязательным условием является включение в регулирование параметров – «критических точек» только тех, которые определяют конечные результаты, производительное взаимодействие процессов и иерархических уровней. В табл. 4, 5 приведены основные выходные формы и алгоритм управления критическими точками.

¹ Гиг Дж. ван. Прикладная общая теория систем. В 2-х кн. / Пер. с англ. – М.: Мир, 1961. – 730 с.; Сундеев П.В. Функциональная стабильность критических информационных систем: основы анализа. – <http://ej.kubagro.ru/2004/05/pdf/03.pdf>; Supply Chain Sustainability. A Practical Guide for Continuous Improvement. – http://www.bsr.org/reports/BSR_UNGC_SupplyChainReport.pdf; Соколов Б.В., Миротин Л.Б., Некрасов А.Г. Разработка и реализация методологии и методик совместного многокритериального синтеза и адаптивного управления созданием, применением и развитием функционально-устойчивых интегрированных транспортно-логистических и информационных систем нового поколения // Вестник транспорта. 2011. – № 6.

Выходная форма процесса управления ККТ

Отклонение по показателю риска	Анализ по всем иерархическим уровням	Распределение межфункциональной ответственности за логистические процессы	Содержание логистической задачи	Исполнение	Результат
1	2	3	4	5	6

Таблица 5

Выходная форма определения времени технологической обработки информации ККТ

содержание информации по расчетным показателям	возникновение события	период времени регистрации информации	формирование первичной информации	частота проведения анализа (в днях)	затраты времени на передачу и получение информации (в днях)	«Возврат» информации (в днях) (гр.5+7)	Время запаздывания (гр. 8-гр.6)
1	2	3	4	5	6	7	8

Основой для системной обработки и интеграции цифровых данных служит информационное моделирование, основанное на анализе поведения системных факторов, процессов и результатов в рамках методологии инженерии процессов ТЛТ. В процессе преобразования информации от сравнения планово-отчетных (пороговых) данных с итоговыми данными возникает новая (расширенная, агрегированная) информация, которая должна обеспечивать взаимодействие входов-выходов ИС.

Построение интегрированного информационного канала завершается принятием управленческих решений на основе оценки технологических характеристик взаимодействия потоков и «критических точек». Повышение производительности имеющихся процессов и ресурсов связано с возможностью их моделирования с учетом меняющихся событий.

Общий итоговый результат – осуществление эффективной доставки и обработки груза с приемлемым риском, положительная динамика роста доходности операций. Управление процессами носит циклический характер и состоит из следующих друг за другом стадий (этапов), которые связаны между собой информационным обменом.

Значимость результатов исследования

Особенностью полученных инструментов цифровой трансформации устойчивых цепей поставок является их многокомпонентность, охват всех этапов жизненного цикла, наличие настраиваемой адаптивной системы управления, ориентированной на программу риск-менеджмента. С позиций теории систем и концепции Индустрии 4.0, управление такой моделью жизненного цикла рассматривается как комплексное решение. В свою очередь функция управления устойчивостью, основанная на методологии системной инженерии и гомеокинетического плато, при постоянно сокращающемся периоде потребности в перенастройке процессов, позволит увязать все стороны и ресурсы, занятые в транспортно-логистическом процессе. Координированное взаимодействие процессов, например, рассмотренное в транспортно-логистическом терминале или центре со смешанной моделью, предполагает интеграцию событий жизненного цикла с упреждающими действиями в рамках всего цикла риск-менеджмента на основе технологической карты ключевых критических точек. Технологические карты составляют основу для высокоэффективного устойчивого функционирования ТЛТ (ТЛЦ), что особенно важно в условиях цифровой трансформации. В этом контексте существующие подходы к логистике и ее традиционной инфраструктуре в рамках ТЛТ (ТЛЦ) рассматриваются в качестве основы для интеграции процессов жизненного цикла, который ориентирован на инженерные риск-ориентированные решения. Как было установлено, электронные досье являются необходимым эффективным инструментом управления технологическими и другими видами ресурсов. Наряду с обработкой индивидуальных досье, с помощью семейства логистических модулей можно управлять их группировкой, или их консолидацией на основе объединения информационных (цифровых) ресурсов. При формировании схемы транспортировки группируются данные о заказе на доставку и обработку грузов, данные о логистических этикетках единиц транспортируемых грузов, служат надежным источником изменения событий на протяжении использования всей технологической карты, а ключевые критические точки – основой мониторинга рисков событий.

В условиях цифровой трансформации эти решения рассматривают контекст целостной системы за счет охвата всех этапов жизненного цикла. Модели жизненного цикла формируют основу для создания нового поколения интегрированных цепей поставок, включающих в себя ТЛТ со смешанной моделью транспортировки и обработки грузов, основанных на цифровых технологиях и принципах саморегулирования.

Использование технологических карт с ключевыми критическими точками создает условия для инженерно-проектного подхода к управлению ресурсами и активами терминала (центра), а технические процессы интегрируют через ККТ организационно-технические мероприятия обработки грузов с используемым оборудованием в течение жизненного цикла.

Выводы

Таким образом, формирование нового облика дизайна и механизмов устойчивости системы логистики и сферы управления цепями поставок является неотъемлемой частью процесса цифровой трансформации любого сложного

объекта. При этом все «сквозные» цифровые технологии — лишь важные инструменты в данном процессе. В качестве ключевого фактора обеспечения конкурентоспособности и устойчивости функционирования ТЛТ (ТЛЦ) необходимо рассматривать концепцию и механизм гомеокинетического плато, что и позволяет реализовать изложенные научно-методологические принципы и подходы к риск-менеджменту на основе системной инженерии. Формирование интегрированной модели цифровой трансформации ТЛТ должно осуществляться не в рамках отдельно взятого предприятия, а во взаимодействии всех участников, входящих в цепь поставок продукции, доставки и обработки грузов, обеспечивающих комплексную и быструю трансформацию процессов принятия решений в условиях высокой динамики изменений как во внутренней, так и во внешней среде.

Предложенный междисциплинарный подход трансформации теоретически и практически обоснованных этапов построения моделей и инструментов риск-менеджмента модели ТЛТ позволяет обеспечить мониторинг многоструктурного состояния транспортно-логистического объекта в условиях турбулентности среды.

Данный переход также позволит существенно уменьшить затраты и повысить уровень сервиса и устойчивости ТЛТ (ТЛЦ), повысить уровень требований, предъявляемых к квалификации логистических разработчиков, за счет перевода данных процессов из категории «искусство» в категорию «технология» и «инженерия».

Новоселова Л.В.

д.э.н., гл.н.с. Института Дальнего Востока РАН

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В КИТАЕ

Ключевые слова: *Китай, торговая война, коронавирусная инфекция, антикризисное регулирование, динамика роста.*

Рассматривая современный мир как своего рода полицентрическую систему международного баланса сил, следует признать, что Китай, несомненно, занимает в нем одну из лидирующих позиций. В последние годы китайская экономика генерирует 30% роста мировой экономики и примерно 2/3 экономического роста в АТР. Являясь крупнейшим в мире экспортером, КНР поставляет на внешние рынки уже не только трудоемкие промышленные товары с низкой добавленной стоимостью, но и разнообразную высокотехнологичную инновационную продукцию современных отраслей промышленности. Не меньшую роль играет эта страна и как важный источник финального спроса. В результате любые колебания в ее экономике незамедлительно отзываются проявлениями волатильности в различных секторах мирового рынка.

Главные направления нынешней экономической политики Китая определяются рядом обстоятельств, оказывающих непосредственное влияние на состояние его экономики, которая, как и любая развивающаяся система, не свободна от сопутствующих рисков и проблем роста.

Прежде всего, отметим общее замедление экономического роста КНР в последнее время. Если в первое десятилетие нового века среднегодовые темпы прироста ВВП достигали здесь рекордных 10%, то в 2018 г. этот показатель снизился до 6,6%, и до 6,1% в 2019 г. Это явление имеет долговременную природу и обусловлено главным образом осуществляемой в стране кардинальной сменой модели развития и соответствующим изменением отраслевой структуры экономики. От прежней, ориентированной на экспорт, капиталоемкой, трудо- и энергозатратной экстенсивной экономической системы Китай настойчиво пытается перейти к более эффективной экономике, опирающейся преимущественно на внутренний рынок и потребление с широким использованием современных экологически чистых технологий и инноваций.

Понижающее воздействие, испытываемое экономикой КНР в связи с идущими структурными преобразованиями, дополнительно усиливается циклическими колебаниями инвестиционного и потребительского спроса как в китайской, так и в мировой экономике.

Важным фактором, влияющим на настроения участников рынка, является торговый конфликт Китая с его основным контрагентом – США, который, несмотря на достигнутое в январе 2020 г. межправительственное соглашение, еще весьма далек от своего разрешения. Весьма серьезным испытанием для китайской экономики явилось и быстрое и всеобъемлющее распространение с конца прошлого года эпидемии нового коронавируса. Вызывая приостановки производства, прекращение транспортного сообщения, изоляцию ряда территорий в КНР, фактическое прекращение межгосударственных экономических контактов, другие карантинные мероприятия и связанные со всем этим значительные затраты финансовых ресурсов, данное форс-мажорное обстоятельство существенно осложняет и тормозит развитие экономики КНР.

Пытаясь противодействовать неблагоприятным обстоятельствам экономического развития, китайское правительство оперирует целым комплексом мер.

Денежная и финансовая политика. В период со второй половины 2018 г. до середины 2020 г. проводимая властями денежная политика с учетом текущих экономических результатов была преобразована из «нейтрально-жесткого» в «нейтрально-мягкий» вариант. Вместо того, чтобы прибегать к массивному финансовому стимулированию экономики, столкнувшейся с беспрецедентными проблемами, Китай использует целенаправленные точечные меры, чтобы помочь компаниям пережить трудный период.

В целях поддержки реальной экономики, особенно средних, малых и микропредприятий, КНР активизирует использование инструментов денежно-кредитной политики, включая сокращение нормативов обязательных резервов, сокращение процентных ставок и т.д.

За это время Народный банк Китая (НБК) не менее восьми раз объявлял о снижении нормы резервирования средств для коммерческих банков, высвобождая тем самым обильную ликвидность для межбанковского рынка¹. Одновременно происходит и снижение процентных ставок по банковскому кредиту. В 2020 г. Народный банк Китая дважды прибегал к сокращению ключевых процентных ставок. К осени 2020 г. уровень ключевой ставки по кредитам

¹ IMF. People's Republic of China. Staff Report for the 2019 Article IV Consultation. – Wash., 2019. – P. 11. – <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/08/Peoples-Republic-of-China-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-48576>.

сроком на год понизился до 3,85%, а по кредитам сроком в пять лет – до 4,65% годовых. В результате уже в первом квартале текущего года вновь выданные кредиты достигли рекордного показателя в 7,1 трлн. юаней (1 трлн. долл.)¹.

В интересах дополнительного стимулирования деловой активности Госсовет КНР увеличил квоты для выпуска целевых облигационных займов местными правительствами с 1,39 трлн. юаней в 2018 г. до 2,15 трлн. юаней в 2019 г.²

Налоговая политика. Для поддержания динамики инвестиционного и потребительского спроса правительство проводит политику снижения налогового бремени для экономических агентов. Прежде всего это касается важнейшего компонента налоговой системы Китая – налога на добавленную стоимость. В 2018 г. ставка НДС была снижена с 17% до 16% для обрабатывающей и ряда других отраслей промышленности и с 11 до 10% – для транспорта, строительства, сельского хозяйства и телекоммуникаций³. При взимании индивидуального подоходного налога необлагаемый минимум месячного дохода был повышен с 3,5 до 5 тыс. юаней (примерно 45 тыс. руб.).

В январе 2019 г. при расчете индивидуального подоходного налога введены налоговые вычеты по расходам на обучение детей в школе, последующее образование, дорогостоящее лечение, уплату процентов по ипотеке, аренде жилья, финансовой поддержке престарелых. Продолжилось и снижение ставок НДС с 16 до 13%. В целом, по расчетам Министерства финансов КНР, в 2019 г. сокращение налогового бремени для физических и юридических лиц составило 2 трлн. юаней (2% ВВП) против 1,3 трлн. юаней в 2018 г. Отсюда увеличение дефицита бюджетной системы страны до 5,3% ВВП в 2019 г. против 3,9% в 2018 г. и 2,5% в 2017 г.⁴

Снижение различных видов фискальной нагрузки получило дальнейшее развитие в 2020 г. Начиная с марта текущего года, в провинции Хубэй, сильнее других пострадавшей от распространения коронавирусной инфекции, малые предприятия были полностью освобождены от уплаты НДС в течение трех месяцев, одновременно в остальных районах страны ставка НДС для этой же категории налогоплательщиков была снижена до 1%. В феврале 2020 г. все организации провинции Хубэй на срок до пяти месяцев были освобождены от уплаты взносов на обязательное пенсионное страхование, страхование от безработицы и страхование от производственных травм. В других регионах страны аналогичная по размеру и продолжительности льгота была предоставлена микропредприятиям, а также малым и средним компаниям, для крупных предприятий предусмотрено двукратное снижение суммы соответствующих взносов в течение трех месяцев. Кроме того, повсеместно работодатели получили право в течение пяти месяцев вдвое сократить уплачиваемые ими взносы на обязательное медицинское страхование⁵. Среди других мер взбадривания экономики можно отметить снижение платежей при аренде имущества и помещений (в том числе за счет уменьшения налоговой нагрузки для арендодателей), продление периода переноса убытков для компаний, повышение ставок возмещения НДС при экспорте и т.д.

Результатом принятых мер явилось существенное увеличение денежной массы в обращении. По данным НБК за три квартала 2020 г. совокупное общественное финансирование, включающее все виды финансовых ресурсов, которые поступают в реальный сектор экономики, достигло 29,6 трлн. юаней, увеличившись на 44% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В том числе 16,3 трлн. юаней – это вновь выданные банковские кредиты (прирост на 19% год к году), 6,7 трлн. юаней – облигации государственных займов (68%), 4,1 трлн. юаней – корпоративные облигации (67%) и т.д. Таким образом, при сохранении ведущей роли банковского кредита в общей структуре совокупного общественного финансирования наблюдается заметное увеличение удельного веса облигационных заимствований центральных и местных органов власти, а также компаний.

Специальные инструменты экономического стимулирования. Специальное внимание уделялось оживлению деловой активности средних и мелких частных предприятий, создающих более 60% ВВП. В конце 2018 г. НБК разрешил частным компаниям выпускать корпоративные облигации, сопровождая их государственными гарантиями. Размеры банковского кредита, доступного мелкому бизнесу, в январе 2019 г. были увеличены вдвое – с 5 до 10 млн. юаней. Арсенал активных операций НБК пополнился «Программой целевого среднесрочного кредитования» для банков, выполняющих установленные нормативы кредитования мелких и средних предприятий. Для крупных банков такой норматив определен в размере 1/3, а для небольших банков – 2/3 вновь выдаваемых кредитов. При этом предусматривается, что к 2022 г. 50% всех новых кредитов должно направляться частным компаниям⁶. В 2020 г. для малых и средних предприятий сроки погашения невыплаченных кредитов были продлены до весны 2021 г.

Предпринимались усилия по развитию государственно-частного партнерства (ГЧП) при реализации крупных инфраструктурных проектов стратегического значения (национальные железные дороги, высокоскоростные магистрали, морские и речные порты и т.д.) В 2019 г. принято решение об использовании в рамках ГЧП средств целевых облигационных займов местных правительств при том, однако, условии, что вложения частного инвестора должны составлять не менее 20–25% общей стоимости проекта.

¹ <https://prc.today/snizhenie-kreditnoj-stavki-stimuliruet-rost-ekonomiki/>

² KPMG. China Economic Monitor Q2 2019. August 2019. – <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf>

³ KPMG. China Economic Monitor. Q1 2019. February 2019. – P. 10. – <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/02/china-economic-monitor-q1-2019.pdf>

⁴ World Bank Group. China Economic Update. December 2019. Cyclical Risks and Structural Imperatives. – P. 23, 32. – <http://documents.worldbank.org/curated/en/215531576769442917/pdf/China-Economic-Update-December-2019-Cyclical-Risks-and-Structural-Imperatives.pdf>

⁵ https://cnlegal.ru/china_taxation/coronavirus_tax_concession_2020/

⁶ KPMG. China Economic Monitor. Q1 2019. February 2019. – P. 13. – <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/02/china-economic-monitor-q1-2019.pdf>

В начале 2019 г. на Шанхайской фондовой бирже была открыта специальная площадка для высокотехнологичных компаний. Это явилось важным шагом в создании многоуровневого рынка капитала и стимулирования развития предприятий с инновационным потенциалом. Применяемые на этой площадке стандарты облегчают выход на фондовый рынок современных инновационных компаний, имеющих небольшие размеры и невысокую прибыльность. Уже в середине года на этой платформе оперировало около 100 компаний, работающих в области производства компьютерной техники, телекоммуникационных систем и другого цифрового оборудования, медицинской техники, а также в биотехнологии и фармацевтике¹.

Большое внимание уделялось повышению конкурентоспособности китайской промышленности. В этой связи в рамках продолжающейся реформы электроэнергетики предусматривалась дальнейшая коммерциализация работы генерирующих компаний и развитие конкуренции на рынке электроэнергии. Это должно обеспечить выполнение планов правительства по сокращению в 2020 г. тарифов на электроэнергию для промышленности и торговли в среднем на 10% и, как следствие, заметное улучшение условий хозяйствования.

На фоне замедления динамики внешней торговли правительство предпринимает усилия по частичной переориентации потока экспортных товаров на внутренний рынок. В сентябре-октябре 2020 г. в КНР проведена общенациональная акция по стимулированию внутреннего потребительского спроса с участием 179 ключевых городов и свыше 100 тыс. компаний.

Дальнейшее открытие внешнему миру. Внешние факторы продолжают играть важную роль в экономическом развитии Китая. В марте 2019 г. на сессии ВСНП принят вступивший в силу с 2020 г. Закон КНР об иностранных инвестициях². Заменяя три действовавших ранее закона (о паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала, о полностью иностранных предприятиях, о контрактных совместных предприятиях), он призван гармонизировать правовое регулирование иностранного предпринимательства с современными реалиями и национальным законодательством.

В соответствии с новым законом иностранные компании получили национальный статус на всех стадиях инвестиционного процесса. За исключением ограниченного перечня отраслей, связанных с национальной безопасностью и в этой связи закрытых для иностранного инвестирования (так называемый негативный список), закон обеспечивает равные права для иностранного и национального капитала. В результате иностранные компании получают доступ к использованию средств государственной поддержки бизнеса, определению национальных промышленных стандартов, участию в государственных закупках, размещению ценных бумаг на китайском фондовом рынке. Закон усиливает правовую защищенность иностранных предпринимателей, обеспечивая охрану их интеллектуальной собственности, недопущение принудительной передачи технологии, создание специального механизма обжалования неправомерных административных действий в их отношении.

Несмотря на рамочный характер закона, предполагающий дальнейшую конкретизацию подзаконными актами, он уже сегодня способствует созданию в Китае инвестиционного климата, необходимого для активного притока технологий и инноваций. В этом же направлении действует и выпущенный Госсоветом КНР в феврале 2019 г. «План развития Территории Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао», рассчитанный на период до 2035 г. Эта программа пространственного развития охватывает территорию девяти городов и агломераций в провинции Гуандун, а также и двух специальных административных районов в дельте реки Чжуцзян с населением в 70 млн. человек и ВВП, приближающимся к уровню современной России. На основе гармонизации нормативно-правовой базы предполагается укрепить экономические связи между вовлеченными в этот проект городами, облегчить ведение международного бизнеса, расширить трансграничные бизнес-потоки, усилить инновационное развитие и в конечном итоге создать здесь внутренне интегрированный высокоразвитый городской кластер мирового класса³.

Этот амбициозный план, по сути дела, является естественным развитием уже не первый год функционирующего в Китае сегмента зон развития высоких технологий. Посредством предоставления китайским и иностранным инвесторам налоговых, тарифных, финансовых, таможенных и иных преференций на территории 168 таких зон формируется своеобразный анклав нового технологического уклада⁴.

Не оставляя усилий, связанных с расширением международной интеграции и укреплением позиций Китая на мировом рынке, руководство КНР использует с этой целью и международные соглашения о зонах свободной торговли. В 2019 г. были обновлены либо впервые подписаны такие соглашения, предполагающие беспопытный торговый обмен, с ЕС, Чили, Пакистаном, Перу, Израилем, Панамой, Палестинской автономией, Японией, Республикой Корея и др. С учетом обострения торгово-экономических противоречий Китая с США все это выглядит весьма своевременным.

Как свидетельствует статистика КНР, после нескольких месяцев экономического спада в условиях быстрого распространения пандемии коронавируса, приведшего в конечном итоге к коллапсу всей мировой экономики, уже в середине 2020 г. экономика КНР первой в мире смогла выйти из кризисной «воронки» и начать возвращение на траекторию поступательного развития.

¹ KPMG. China Economic Monitor Q2 2019. August 2019. – <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf>

² Foreign Investment Law of the People's Republic of China. – https://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html

³ KPMG. China Economic Monitor Q2 2019. August 2019. – <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf>

⁴ China 2019 Economic Report. Embassy of Switzerland in the People's Republic of China. June 2019. – P. 4. – <https://www.sge.com/sites/default/files/publication/free/economic-report-china-eda-2019-06.pdf>

Динамика развития. В январе-сентябре 2020 г. ВВП составил 72,3 трлн. юаней, увеличившись на 0,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Примечательно, что вслед за снижением данного показателя в первом квартале на 6,8%, уже во втором и третьем кварталах он показал положительную динамику, увеличившись на 3,2 и 4,9% соответственно.

Данные, содержащиеся в табл. 1, позволяют заключить, что основным драйвером экономического восстановления выступает сфера услуг, являющаяся приоритетным направлением и “локомотивом” структурной перестройки в Китае. За три квартала 2020 г. добавленная стоимость, созданная в этой сфере, увеличилась на 4,3% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом особенно активно развивались такие прогрессивные отрасли, как передача информации, информационные технологии и программное обеспечение (15,9%), а также финансовые услуги (7%). Уже в ближайшее время хорошие перспективы развития имеют также транспорт, телекоммуникации, Интернет-услуги, гостиничные услуги и общественное питание. Во всех этих сферах в августе 2020 г. отмечен высокий (свыше 60%) уровень индекса деловой активности.

Таблица 1

Динамика основных показателей экономического развития КНР (%)¹

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г. I–III кв.
ВВП	6,8	6,6	6,1	0,7
Добавленная стоимость в промышленности	6,6	6,1	5,7	1,2
Сфера услуг	8,2	7,6	6,9	4,3
Инвестиции в основные фонды	7,0	5,9	5,4	0,8
В том числе:				
– государственные	10,1	1,9	6,8	4,0
– частные	6,0	8,7	4,7	-1,5
– иностранные	4,0	3,0	2,4	-0,3 ²
Розничный товарооборот	10,2	9,0	8,0	-7,2
Инфляция	1,6	2,1	2,9	3,3
Оборот внешней торговли	11,4	12,7	-1,0	0,7
В том числе:				
– экспорт	7,9	9,9	0,5	1,8
– импорт	15,9	15,8	-2,8	-0,6
Среднедушевые реальные доходы населения	7,3	6,5	5,8	0,6
В том числе:				
Городских жителей	6,5	5,6	5,0	-0,3
Сельских жителей	7,3	6,6	6,2	1,6

Нечто подобное наблюдается и в промышленности. При общем увеличении созданной здесь добавленной стоимости на 1,2% наблюдается опережающий рост современных, технологически емких отраслей и видов производства. В их числе высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (5,9%) и производство оборудования (4,7%), включая выпуск грузовых автомобилей (23,4%), экскаваторной техники (20,2%) промышленных роботов (18,2%), интегральных схем (14,7%) и др.

В сфере капитального строительства негативные тенденции были преодолены в третьем квартале 2020 г., в результате чего общий прирост инвестиций в январе-сентябре составил 0,8%. В условиях тяжелого экономического положения частных вкладчиков капитала, наиболее остро ощутивших последствия всеобщего экономического спада, в интересах оживления деловой активности в экономике правительство пришлось вернуться к уже не раз апробированным способам взбадривания экономики в виде бюджетных инвестиций и кредитов государственных банков. При сокращении частных инвестиций на 1,5% капиталовложения в госсекторе возросли на 4%.

Определенный оптимизм внушает отраслевая структура капитальных затрат, демонстрирующая быстрый рост вложений в наукоемкие сферы экономики, включая высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (прирост инвестиций – 9,3%) и высокотехнологичные услуги (8,7%). Речь идет о фармацевтической промышленности (21,2%), производстве компьютерной и офисной техники (9,3%), развитии электронной торговли (20,4%), информационных услугах (16,9%), коммерциализации результатов НИОКР (16,8%). В условиях пандемии особо следует отметить быстрый рост инвестиций в социальную сферу (9,2%), включая здравоохранение (20,3%) и образование (12,7%). Определенную роль в восстановлении динамики инвестиционного процесса, как и прежде, сыграл и рост инвестиций в недвижимость (5,6%). В целом, сохранение сложившихся в предыдущие годы позитивных тенденций в структурной перестройке китайской экономики дает основания для обоснованного оптимизма при оценке дальнейших перспектив китайской экономики.

В третьем квартале возобновился и рост реальных располагаемых доходов населения. Если в первом полугодии этот показатель все еще был на 1,3% ниже уровня предыдущего года, то уже по итогам за январь-сентябрь обозначился его осторожный рост в размере 0,6%. Хотя уровень инфляции показал лишь незначительное увеличение по сравнению с 2019 г., доходы горожан, напрямую пострадавших от последствий локдауна, так и не смогли достичь прошлогоднего уровня, в то время как доходы сельских жителей увеличились на 1,6%. Параллельно с этим происходит опре-

¹ Составлено по материалам Государственного статистического управления КНР, Министерства коммерции КНР, Главного таможенного управления КНР.

² Январь-август 2020 г.

деленное оживление внутреннего рынка. В третьем квартале размеры розничного товарооборота увеличились на 0,9%, чему способствовало, в частности, активное расширение электронной торговли. В настоящее время почти 1/4 розничного товарооборота приходится на торговлю в Интернете. Все это, однако, не смогло в полной мере компенсировать отмечавшееся в начале года резкое сокращение внутреннего спроса. В целом, в январе-сентябре 2020 г. розничный оборот торговли товарами и услугами в КНР сократился на 7,2%.

В отличие от этого внешняя торговля Китая в 2020 г. смогла избежать глубокого спада и за три квартала даже показала увеличение товарооборота на 0,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В январе-сентябре экспорт КНР вырос на 1,8% при сокращении импорта на 0,6%, оборот внешней торговли составил 3,44 трлн. долл. В условиях глобальной пандемии активно развивался экспорт противоэпидемиологических средств из Китая, а также традиционные для КНР поставки на внешний рынок компьютерной техники. Особенно преуспели во всем этом частные экспортно-импортные компании, деловые операции которых выросли на 10,2%, составив почти половину общего внешнеторгового оборота страны. Следует отметить, что в третьем квартале прирост оборота внешней торговли составил уже 7,5% в годовом исчислении (в том числе экспорт КНР вырос на 10%, а импорт на 4,3%), что свидетельствует о неплохих перспективах развития внешней торговли в целом за 2020 г. Крупнейшим торговым партнером КНР остаются взятые в совокупности близлежащие страны АСЕАН, за ними следуют государства ЕС и США.

Благодаря неустанным усилиям, прилагаемым КНР для сохранения лидирующих позиций на международном рынке капитала, в условиях глобального экономического спада приток прямых иностранных инвестиций за восемь месяцев 2020 г. показал лишь незначительное сокращение, составив 89 млрд. долл. В отраслевой структуре иностранных инвестиций наблюдаются прогрессивные сдвиги под влиянием опережающего роста вложений в высокотехнологичные отрасли сферы услуг (увеличение на 12,1% за январь-август 2020 г.). Особенно высокие темпы прироста инвестиций отмечаются в информационных услугах (24%), в осуществлении НИОКР и коммерциализации их результатов – 47 и 20,2% соответственно. Наибольшую инвестиционную активность на китайском рынке проявляли компании из Гонконга, Сингапура, Великобритании и Нидерландов¹.

Одновременно инвестиции китайских компаний за рубежом, отражающие общий уровень деловой активности в стране, уменьшились на 0,7% в годовом исчислении. Поддержание масштабов «выхода вовне» на относительно стабильном уровне удастся обеспечить прежде всего за счет реализации проектов в рамках продвигаемой Китаем амбициозной программы международной интеграции «Один пояс, один путь», инвестиции в которые в январе-августе выросли почти на 30%. В основном это инвестиции в сфере лизинга, обрабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговли в странах Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии.

Результаты развития КНР в последние годы, и особенно в 2020 г., свидетельствуют о значительном внутреннем потенциале китайской экономики, равно как и о богатом опыте государственного руководства в преодолении экономических трудностей и выборе оптимальной антикризисной стратегии с учетом своеобразия текущей ситуации в стране и мире.

¹ <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/policyreleasing/202009/20200903001868.shtml>

Панамарева О.Н.

к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики и управления, Московский гуманитарно-экономический университет, Новороссийский институт (филиал)
onpanamar@mail.ru

ТРЕНДЫ КОЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ОБЩЕСТВА КАК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ МОРСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ УЗЛОВ РОССИИ¹

Ключевые слова: коэволюция, технологии, общественные трансформации, вызовы, угрозы, цифровая экосистема мультимодального морского транспортного узла.

Keywords: coevolution, technology, social transformation, challenges, threats, digital ecosystem of the multimodal maritime transport hub.

По своей сути коэволюцию можно рассматривать с позиции совокупной, взаимно адаптивной изменчивости элементов (подсистем) в рамках развивающихся сложных организационных технико-экономических систем с большим числом заинтересованных и взаимоувязанных сторон – стейкхолдеров, а также экзогенных и эндогенных переменных. На состояние последних значительное влияние оказывает целый комплекс внешних и внутренних факторов, которые необходимо рассматривать в качестве вызовов; понимание и осознание степени влияния которых на сложные системы, обеспечивающие жизнеспособность нашей экономики, должно стать приоритетным при разработке комплексной стратегии социально-экономического развития России.

Общество столкнулось с серьезными вызовами, обуславливающими коренную трансформацию отношений на всех уровнях управления, и в первую очередь это вызвано именно стремительным развитием техники, технологий сквозь призму формирования цифрового общества и экономики или, как сегодня принято говорить, тотальной цифровизации. Кроме того, серьезное влияние в общественной трансформации на фоне цифровизации отношений играют такие факторы, как:

- климатические изменения;
- радикальное смещение полюсов экономического роста;
- глобализационные эффекты;
- стремительная регионализация;
- коренная трансформация, если не разрушение, системы международного права;
- жесткая колонизация, направленная на обеспечение господства отдельных государств или их групп над энергоресурсами, полезными ископаемыми и другими стратегически важными природными ресурсами;
- экологические угрозы, вызванные в том числе и техногенным воздействием;
- биологическая, химическая и ядерная угрозы;
- эпидемии и пандемия COVID-19 и др.

Пандемия COVID-19 представляется нам лакмусовой бумагой, которая позволила выявить и четче осознать проблемы, которые еще недавно «обходили стороной», упоминали, но не рассматривали в качестве реальных рисков и вызовов, по крайней мере в нашей стране. Совершенно правомерно, что COVID-19 относят к «категории цивилизационных вызовов»², разделивших время и общественные отношения на «до» и «после», последствия чего неоднократно подлежат обсуждению на всех значимых научно-практических мероприятиях. В исследовании же «Вызовы 2020. Взгляд российского бизнеса»³ показано, что в качестве основных вызовов для экономики РФ следует рассматривать вызовы, представленные на рис. 1.

Примечательным является второй пункт сверху, представленный на рис. 1, «Неадекватная инфраструктура», при чем в основном это касается строительства дорог, морских и речных портов, аэропортов. Таким образом транспортная инфраструктура – первостепенная составляющая экономики нашей страны (поскольку транспортная система – это кровеносная система каждого государства, в отдельности, и мира, в целом) – оценивается как не в полной мере соответствующая современным реалиям. Особенно это стало явно в пандемийный и постпандемийный период.

¹ Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

² Крюкин А.Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2020. – № 3. – <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-19-kak-vyzov-ekonomike-sotsiumu-politike>

³ Вызовы 2020. Взгляд российского бизнеса. – http://www.rvca.ru/upload/files/lib/Challenges_of_2020.pdf

На рис. 2 представлены базовые вызовы и угрозы безопасности и цифровизации экономики для России¹, которые требуют инновационного подхода при разработке, корректировке и реализации комплекса приоритетных национальных проектов, а следовательно – и роста реальной инновационной активности организаций на территории России.

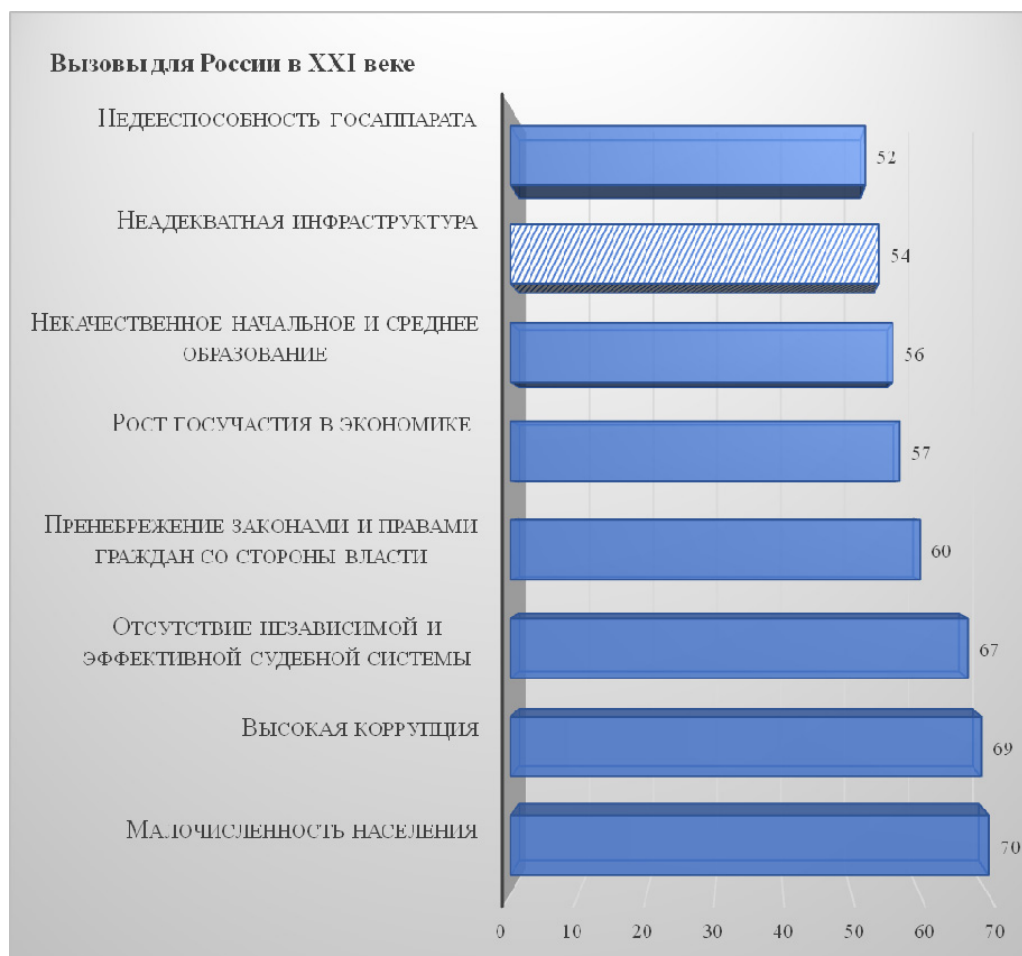

Рисунок 1.

Распределение мнений респондентов-представителей бизнес-сообщества РФ об основных вызовах для России в XXI веке, %

Как показывает практика, несмотря на рост числа разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности в целом по РФ на 3,5% до 1620 ед. в 2019 г. относительно 2018 г., изменение уровня инновационной активности предприятий РФ за 2010–2019 гг. не существенно (см. рис. 3)², что отразилось на ухудшении позиции России (в 2019 г. до 47 места с 46 в 2018 г.; в 2013 г. – 62 место)³ в мировом рейтинге стран по уровню инноваций и невозможности изменить свое положение по уровню глобальной конкурентоспособности (43 место в 2019 г., как и в 2010 г.), по размеру ВНД на душу населения – 65 место (11 260 ам. долл./чел., что в 10 раз меньше показателя Лихтенштейна, в 5 раз – Нидерландов). По инновационной активности в области вычислительной техники и информационных технологий, вопреки всем оптимистичным прогнозам за 2010–2019 гг., наблюдаем снижение показателя на 45%; за период 2018–2019 гг. инновационная активность в области «Сектора информационно-коммуникационных технологий» выросла на 11,2% до 139 ед., а по «Отрасли информационных технологий» уменьшилась на 3,6% до 81 ед., отдельно в области «Информационных технологий» сократилась на 60,7% до 11 ед., в области «Транспортировки и хранения» в РФ только с 2019 г. стала исследоваться.

Для обеспечения восстановления социально-экономического роста необходимо осуществление технологического прорыва в стратегически важных отраслях отечественной экономики, особенно это касается транспортной системы России – базовой инфраструктурной составляющей экономики, при этом важно применение инновационных подходов и изменение мышления руководителей на разных уровнях управления, учитывая последние тренды в области трансформации общественных отношений и технологий (см. рис. 4).

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // КонсультантПлюс. – <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=328854&dst=1000000001&date=22.12.2020&demo=2>; Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. – <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=216629&dst=100035&date=22.12.2020&demo=2>

² Построено на основе: Технологическое развитие отраслей экономики. – <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

³ Согласно рейтингу стран по уровню инноваций (<https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>) и рейтингу стран по индексу глобальной конкурентоспособности (<https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index>).

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ	
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ	ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РФ
– стремление развитых стран (24 ед.) использовать свои преимущества в уровне развития экономики и высоких технологий как инструмент глобальной конкуренции; – усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе и подверженность финансовой системы РФ глобальным рискам; – использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики; – повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов РФ; – усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков; – изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления; – развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых технологий»; – деятельность создаваемых без участия РФ межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений; – исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития; – отсутствие несырьевых компаний РФ среди глобальных лидеров мировой экономики; – недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики; – слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в т.ч. технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций российских специалистов; – истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере исчерпания действующих месторождений; – ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые «цепочки» создания добавленной стоимости; – низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними факторами, в т.ч. ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры; – несбалансированность бюджетной системы РФ; – недостаточно эффективное государственное управление; – высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере и сохранение значительной доли теневой экономики (20%); – значительное усиление дифференциации населения по уровню доходов; – снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и в целом снижение качества человеческого потенциала; – усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации и недостаточность трудовых ресурсов; – неравномерность пространственного развития РФ – инвестиционное обескровливание регионов, усиление дифференциации их и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития; – установление новых требований в области экологической безопасности и рост затрат на их обеспечение.	– проблема обеспечения прав человека в цифровом пространстве; – реализация цифровой стратегии в каждом элементе корпоративной структуры; – кибер-угрозы личности, бизнесу и государству (построение сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, применяющих виртуализацию, удаленные (облачные) хранилища данных, разнородные технологии связи и оконечные устройства); – наращивание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру (в т.ч. на критическую информационную инфраструктуру); – рост масштабов компьютерной преступности (в т.ч. международной); – отставание от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных ИТ; – сохраняющаяся зависимость СЭР РФ от экспортной политики иностранных государств; – недостаточная эффективность научных исследований, связанных с созданием перспективных ИТ; – низкий уровень внедрения отечественных разработок, недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности.

Рисунок 2.

Базовые вызовы и угрозы безопасности и цифровизации экономики для РФ

Примечание: составлен автором.

Как показано на рис. 4, особенности трансформации общественных отношений обуславливают развитие техники и технологий, также как и последнее приводит к эволюционному развитию общества, его организации, и наоборот. При этом явно наблюдается коренное переосмысление общественного устройства во всех развитых странах, а с 2018 г. и в России. Законы хрематистики (как обозначают многие ученые современную рыночную экономику) перестают работать в условиях Индустрии 4.0, перехода от пятого к шестому технологическому укладу и развития предпосылок формирования седьмого технологического уклада, зарождения знаниевой экономики, ноономики, социального государства, где базовыми факторами экономического развития становятся человеческий потенциал (капитал) и информация.

Формирование и развитие транспортной системы России – отечественной «кровеносной системы» экономики и ключевой части мировой системы – на идеологически, технологически и технически инновационной основе – приоритетное направление реализации политики развития России, особенно, в условиях радикальных климатических изменений, протекания глобализационных и интеграционных процессов (затрагивающих интересы стран, входящих в ЕС, ЕАЭС, стирания пространственных границ в области инфокоммуникационного обмена, в эпоху повсеместной цифро-

визации, развития интеллектуальных технологий, берущих на себя выполнение рутинных операций и процессов и высвобождающих время для развития человеческого потенциала, в период пандемии COVID-19 и мутаций вируса, обусловивших в результате «пандемийной паники» глубокий мировой экономический спад, разделение мира, выделение новых полюсов мирового экономического роста, глубокую дифференциацию населения по уровню доступности образования, здравоохранения, культуры и других благ.

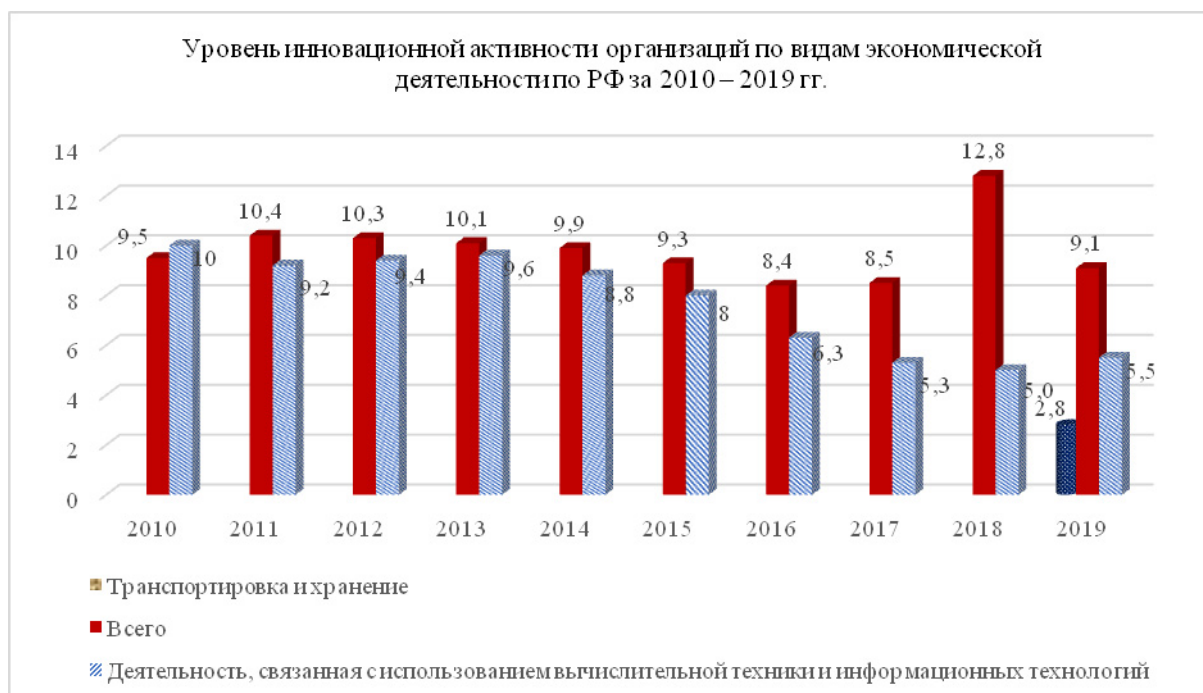

Рисунок 3.

Динамика уровня инновационной активности организаций по видам экономической деятельности по РФ за 2010–2019 гг., %

Примечание: составлен автором

Морские торговые порты (МТП) России, территориально расположенные в пунктах концентрации экспортных и транзитных грузопотоков, являющиеся «точками входа» международных транспортных коридоров («Транссиб», «Север – Юг», маршрута «Европа – Западный Китай») – ключевые звенья «кровеносной системы» РФ, обеспечивающие раскрытие потенциала нашей страны как глобального инфокоммуникационного моста на пространстве «Европа – Азия». Для решения этой сложной системной стратегической проблемы, МТП РФ должны трансформироваться именно в мультимодальные транспортные узлы с высокотехнологичной инфокоммуникационной инфраструктурой, при этом она должна основываться на принципиально иной системе управления при использовании новых подходов. Однако, как показало исследование современной нормативно-правовой базы РФ¹ и изучение докладов, представленных в рамках Транспортной недели 2019 и 2020² (несмотря мнение и пожелания наших китайских и европейских партнеров), в таком контексте предложения по развитию МТП РФ слабо представлены и практически не разработаны; так основной упор продолжают делать на:

1) рост портовых мощностей, единственно теперь уже с учетом поправок на пандемию, ее последствия, мировой кризис, спад мировой экономики, резкое снижение объемов доходов населения и потребления, развитие внутристранового экспортно-ориентированного производства и интеграции с ближайшими азиатскими странами-партнерами;

2) специализацию МТП путем создания «эшелонированных портов» по прообразу порта Роттердам с удаленными железнодорожными узлами и транспортно-логистическими комплексами (реализацию принципов «Единого окна» попытались осуществить посредством внедрения «Одного окна», которое не решило существующих проблем, что лишь увеличило объем обрабатываемых документов, а значит и издержки; сегодня очевидным становится необходимость формирования не только мультимодальных транспортных узлов на базе МТП, а в первую очередь – умных/интеллектуальных транспортно-логистических узлов);

3) способствование внедрению внутрипортового электронного документооборота (хотя здесь нужны системы, выходящие за пределы корпоративного электронного документооборота, например, системы ERP III и новые подходы к интеграции заинтересованных сторон);

4) декларативно заявлено «развитие региональных мультимодальных связей для снижения издержек движения товаров по логистическим цепочкам» и формирование «геоинформационных транспортных систем, позволяющих

¹ Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012) и др. // КонсультантПлюс. – <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=213628&dst=101942&date=23.12.2020&demo=2>

² Транспортная неделя 2020. – <https://transweek2020.ru/ru/#section3>

формировать единые информационно-логистические центры и автоматизированные системы обмена данными между участниками перевозочного процесса, работающие в режиме он-лайн»; и то только в основном в отношении железнодорожных и автомобильных перевозок, морской транспорт обделен вниманием, та же ситуация и с внедрением интеллектуальных систем управления на морском транспорте.

Особенности трансформации общественных отношений: открытость, прозрачность, доверие, инициативность, гибкость, рискованность, ориентация одновременно на общую и личную безопасность, взаимоуважение интересов, поддержка творческой инициативы и саморазвития, построение «плоской» – кросс-функциональной системы управления, долевое участие акторов в инфокоммуникационном пространстве ММТУ.

ТРЕНДЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Информационные порталы, центры, платформы, технологии и системы в РФ, в т.ч. на транспорте:

- Информационный портал «Госуслуги»;
 - Единые центры управления регионами;
 - системы электронной коммерции;
 - технология Интернет вещей;
- на транспорте применяются различные
- 1) информационные технологии:
 - RFID;
 - EDI;
 - географические информационные технологии (+ распределенные ГИС) и сервисы;
 - 2) информационные системы (ИС):
 - ИС Минтранса РФ «Модуль регистрации судозаходов»;
 - ИС «Система Капитана Порта (СКАП) АМП»;
 - ИС «СПАРДЕК»;
 - Портал «Морской порт»;
 - ГЛОНАСС;
 - ИС «Галактика»;
 - ИС «Платон»;
 - ИС «Босс-референт»;
 - «1 С»;
 - Автоматизированная система оперативного управления перевозками (АСОУП);
 - Автоматизированная система фирменного транспортного обслуживания (АКС ФТО);
 - автоматизированные системы управления сортировочными (АСУ СС), грузовыми (АСУ ГС) станциями и контейнерными пунктами (АСУ КП);
 - Система резервирования и продажи билетов («Экспресс-2»);
 - Единые центры диспетчерского управления (ЕЦДУ);
 - Система учета, контроля дислокации, анализа использования и регулирования вагонного парка (ДИСПАРК);
 - Автоматизированная система контроля за использованием и продвижением контейнеров (ДИСКОН) и др.);
 - Система Fleet Management;
 - CRM;
 - АСУ ДКР (ж/д транспорт).

ЦИФРОВЫЕ ДРАЙВЕРЫ РОСТА ЭКОНОМИКИ –

следующие типы технологий, обуславливающие трансформацию бизнес-процессов в XXI в.:

1. EDI (электронный документооборот) + IoT и автоматизация производственной деятельности.
 2. Цифровое проектирование.
 3. Виртуализация (цифровые двойники, удаленные офисы) и создание суперкомпьютеров.
 4. Кроссканальные коммуникации, мобильные технологии.
 5. Интеллектуальные технологии:
 - нейронные сети;
 - искусственный интеллект;
- дополненный интеллект (augmented intelligence);
- текстовыми и голосовыми Чат-боты;
- машинное обучение;
- система управления ИИ (AI governance);
- интеллектуальные приложения.

Паритетное трансграничное сотрудничество в пространстве ЕАЭС, АТР, БРИКС и др.

Обеспечение кибербезопасности при приоритетности разработки и использования отечественных платформенных решений и ПО.

Формирование общих ИТ-платформ ведущих компаний, заинтересованных в качественно иных технологических решениях. Развитие B2B-маркетплейсов.

Цифровизация государственных услуг и бизнеса

- тотальное покрытие территории РФ Интернет-сетью;
- размещение государственных документов в облачных хранилищах (обеспечение прозрачности отношений в пространстве «государство-бизнес-население»);
- к 2030 г. предоставление 100% госуслуг в цифровом формате;
- к 2024 г. (без поправки на постпандемийные тенденции) формирование 50 smart-городов и не менее 10 индустриальных цифровых платформ, не менее 500 МСП в IT-сфере; переход не менее 10 компаний-лидеров в формат высокотехнологичных;
- снижение доли сетевого трафика через «Интернет» (иностраные серверы) до 5%.

Рисунок 4.

Взаимовлияние трансформации общественных отношений и трендов цифровизации экономики и технико-технологического развития

Примечание: составлен автором.

Итак, коэволюция техники, технологий и общества предъявляет высокие требования, которые необходимо закладывать в основу развития МТП России, которая, благодаря геополитическому положению и технико-экономическому потенциалу, обязана быть флагманом в области внедрения новых технологий, влекущих рост конкурентоспособности страны и качества жизни населения. Здесь важно создавать цифровые экосистемы мультимодальных транспортных узлов (ММТУ).

Под цифровой экосистемой ММТУ предлагается понимать сложно организованную систему, обеспечивающую веб-соединения в среде акторов инфокоммуникационного пространства, обеспечивающего реализацию транспортного процесса компаниями, государственными органами власти, населением и вещами, использующими интегрирующую цифровую технологическую платформу, являющуюся основой Интеллектуального мультимодального транспортного узла (ИММТУ) в пространстве ключевого МТП РФ.

С учетом вышесказанного предлагается формировать цифровую платформу на основе:

- принципов клиенто-ориентированного подхода, акторо-центризма и зарождающейся новой парадигмы управления, построенной на паритете интересов всех сторон;
- построения предлагаемых сервисов стейкхолдерам транспортного процесса на единой цифровой технологической платформе, в основе которой заложено применение сквозных технологий – искусственного интеллекта, больших данных, технологий беспроводной связи, нейронных технологий, а также субтехнологий (таких, как: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальные системы поддержки принятия решений, интерфейсы обратной связи, технологии графического вывода, технологии оптимизации передачи данных, квантовые коммуникации), компонентов робототехники;
- использования систем распределенного реестра (т.е. при отсутствии единого центра управления);
- применения распределенных геоинформационных систем, облачных технологий – базового компонента платформенного решения;
- разработки комплексной и согласованной концепции профессионального тезауруса – как концептуальной основы интегрированной единой интеллектуальной цифровой экосистемы ММТУ.

Таким образом, формирование обозначенной цифровой экосистемы морских транспортных узлов России позволит, используя все преимущества, которые могут быть получены при учете выделенных трендов коэволюции техники, технологий и общества, сформировать ключевые инновационные конкурентоспособные звенья транспортной системы России и транспортной системы мирового уровня, обеспечив последующее их самосовершенствование и, как следствие, повышение конкурентоспособности РФ. Обозначенные цифровые экосистемы ключевых звеньев транспортной системы РФ позволят реализовать задачу бесшовного соединения в рамках работы (впервые заявленных на Транспортной неделе 2020¹ к разработке) цифровых экосистем транспортных коридоров, в основе которых должны лежать распределенные цифровые реестры и обеспечиваться реализация порядка 100 сервисов при организации трансграничного пространства доверия.

¹ Транспортная неделя 2020. – <https://transweek2020.ru/ru/#section3>

Петров А.А.

д.э.н., профессор, Московский государственный юридический университет
palar-1@bk.ru

В КИТАЕ СОЗДАЕТСЯ ЦИФРОВАЯ ДИКТАТУРА ИЛИ ОБЩЕСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

Ключевые слова: цифровая диктатура, пилотный проект, китайская мечта, тотальный контроль, законы робототехники.

Keywords: digital dictatorship, pilot project, Chinese dream, total control, laws of robotics.

Во всех странах, охваченных ИИ-вирусом, создаются системы сбора, обработки, анализа, архивации данных о каждом гражданине страны, о каждом иностранце, посетившем страну. Всевидящее око (умные датчики) и иные умные девайсы с встроенной нейросетью постоянно наблюдают за человеком на улице и в парке, в кафе и ресторане, в кинотеатре, театре, музее, на работе, в городском транспорте, в порту и на вокзале и даже в собственном доме. Обычные, привычные вещи, которые являются необходимым атрибутом современного Homo sapiens, следят за человеком, передают о нем информацию. Компьютер, смартфон, планшетник, Интернет, социальные сети окружают человека, помогают ему решать многие проблемы, предугадывают желания человека и одновременно мониторят и передают о нем информацию. Постоянно обновляемая и обработанная информация в зависимости от страны используется в разных целях. В такой информации заинтересован банковский сектор, которому крайне важно знать возможности платежеспособности (прошлое и настоящее финансовое состояние) и кредитоспособности (будущие обязательства) потенциальных заемщиков. В подобной информации нуждается торговля для удержания имеющихся покупателей и привлечения новых. В этой информации остро нуждаются маркетологи для расчета прогнозов потребительского спроса. Востребована эта информация и силовыми структурами для выявления преступников и террористов, в других случаях – для выявления инакомыслящих.

Во все времена и во всех странах власть постоянно стремилась и будет стремиться контролировать и управлять внутренним миром человека, используя все возможности для формирования «нужных» убеждений, взглядов и интересов человека. В настоящее время сформировались все условия для организации такого контроля.

Особое место в организации тотального наблюдения, сбора данных и контроля за своими гражданами занимает Китай, где под эгидой КПК создана и функционирует система социального доверия или система социального кредита (ССК) (в англ. варианте Social Credit Score или SCS), определяющая лояльность каждого китайца к существующей власти. Часть исследователей считает, что в Китае реализуется Оруэлловская антиутопия.

Созданию китайской матрицы цифрового профиля предшествовал 15-летний подготовительный период, в течение которого, по словам генерального директора многопрофильной компании по разработке систем искусственного интеллекта Tazeros Global Systems Артура Хачуяна, была проведена тотальная цифровизация государственных и частных организаций, а также данных физических лиц, что позволило сконцентрировать весь массив данных пограничной службы, образования, здравоохранения, бизнеса, силовых структур и других ведомств в идеально выстроенных электронных системах, которые стали базовой платформой для создания цифрового профиля или системы социального кредита¹.

1. Цели системы ССК-SCS

Официальная позиция партийно-государственного руководства определяет ключевую цель системы ССК-SCS как инструмента, способствующего построению гармоничного социалистического общества с китайской спецификой, учитывающей научно-технические и интеллектуальные особенности современного развития, посредством воспитания у нации/народа надежного и честного поведения во всем.

Официально система ССК-SCS должна способствовать формированию у населения честности, добропорядочности, повышению общего уровня культуры нации, ответственности за свои действия, соблюдению и следованию общепринятым морально-этическим нормам и правилам.

Задача системы ССК-SCS оценивать соблюдение этих установок каждым гражданином. В случае отступления от них на человека накладываются различного рода ограничения.

ССК-SCS – это система рейтингования – оценивания надежности населения по отношению к власти и проводимому курсу правящей партии. В 2016 г. прозвучало, что система ССК-SCS создается для борьбы с недоверием насе-

¹ Тотальная слежка или Big Data? – http://zavtra.ru/blogs/total_naya_slezhka_ili_big_data

ления к власти. Внедряемая система ССК-SCS должна выяснить, что именно разделяет население и власть, и что может сблизить население и власть.

Рейтингование охватывает население, государственные и частные компании, государственные и некоммерческие структуры.

От постановки цели до ее реализации – долгий путь, в течение которого содержание может меняться при сохранении формы.

Согласно поставленной цели создания ССК каждый гражданин страны, каждая компания и организация несет персональную ответственность за свои действия/поступки.

Для этой цели создана система ССК-SCS, которая организует «кибернетический» 24-часовой контроль за поведением и деятельностью китайских юридических и физических лиц на территории всей страны и за ее пределами и определяет уровень надежности каждого отдельного гражданина страны, насчитывающего почти 1,5 млрд. человек, включая 40 млн. зарубежных китайцев, и служащих всех бизнес-структур¹.

В 2019 г. на встрече с руководителями транснациональных Интернет-компаний, заместитель Председателя Центральной комиссии КПК по проведению административной реформы, Председатель Центральной комиссии КПК по руководству деятельностью в области духовной культуры, член Политбюро Лю Юньшань сказал: «Система Социального Доверия – это базирующаяся на китайских традициях, больших данных и искусственном интеллекте, система формирования гармонии, искренности и доверия, а также воспитания и обеспечения развития. Система ССК-SCS – это инструмент осуществления китайской мечты в условиях информатизации и технологического развития Китая»².

Концепция «китайской мечты» – это создание мощного современного китайского государства на основе национального возрождения и достижения народного благоденствия. По утверждению нынешнего партийно-государственного руководства, благодаря сильному централизованному управлению Китай возродится как великое государство при соблюдении трех важных условий: 1) идти по намеченному китайскому пути – по пути социализма с китайской спецификой, развивая великую китайскую цивилизацию; 2) укреплять единство китайской нации, основой которого были, есть и будут доверие и патриотизм с опорой на реформы и новаторство; 3) единство и сплоченность всех 56 народностей Китая [там же].

Для достижений китайской мечты требуется укрепление доверия населения и общества к действующей власти.

Путь к достижению китайской мечты открывает система ССК-SCS. Система была внедрена руководством правящей партии Китая с целью контроля внутреннего мира и мировоззрения населения посредством социального рейтингования и оценивания каждого физического и юридического лица на степень его благонадежности. Страх потери доверия будет двигать людьми в нужном направлении.

Система ССК-SCS, основанная на методах поощрения и наказания, представляет рейтинговую систему оценки каждого физического и юридического лица (каждого гражданина, каждого предпринимателя и компании) по разным параметрам с применением цифровых инструментов наблюдения и технологий анализа больших массивов информации.

Система ССК-SCS должна показать причины падения доверия, причины разрыва между властью и народом, установить баланс между двумя крайностями – избытком и недостатком. Достижение золотой середины между этими крайностями требует открытости общества, определения норм и ценностей

Анализ выявленных причин обеспечит укрепление доверия населения к правящей партии и государству.

В современном мире с его усиливающейся открытостью Китай стал первым государством, в котором власть открыто и прямо заявила и приступила к практической реализации системы контроля, корректировки, моделирования и модернизации внутреннего мира своих граждан с применением современных цифровых инструментов и технологий.

В системе ССК-SCS следует различать видимую официально озвученную цель и невидимую неозвученную цель. Официальная позиция – возрождение китайской мечты, неозвученная – сохранить власть, удержаться у власти. Достижение неозвученной цели возможно вторжением во внутренний мир человека, изменением его поведения, мировоззрения и управления его поведением.

Официальная и скрытая цели переплетаются и неотделимы одна от другой. Главная официальная и скрытая цель – сохранить и укрепить действующую власть, опираясь на тысячелетние традиции и обычаи китайского народа, на идеи конфуцианства и управленческие идеи Шао Яна и дальнейшее укрепление централизованного руководства правящей партии. Система ССК-SCS как механизм партийно-государственного управления должна обеспечить 1) реализацию принципов китайской мечты; 2) использование единой системы оценок; 3) укрепление взаимозависимости и взаимоотношений и между людьми, и с общиной, и с партией, и с государством. Консультант и китаевед лондонского Международного института стратегических исследований Саманта Хоффман считает, что система ССК-SCS позволяет власти Китая взять под контроль факторы нестабильности, которые могут представлять угрозу для правящей партии³.

Система индивидуального рейтингования охватывает население, коммерческие и некоммерческие организации, государственные структуры.

¹ Китай продвигает противоречивую систему социального кредита для 33 млн. компаний. 18.09.2019. – <https://www.vestifinance.ru/articles/125168>

² Духовное возрождение Китая на фоне расчеловечивания и вымирания народа России. – <https://narzur.ru/dukhovnoe-vozrozhdenie-kitaja-na-fone-raschelovechivaniya-i-vymiraniya-naroda-rossii/>

³ «Я – гражданин третьего сорта». Как смартфоны помогают строить новое классовое общество по принципу благонадежности. – <https://knife.media/social-ranking/>

К неозвученной цели относится и стремление Китая расширять свое влияние в мире путем экспорта отдельных блоков/модулей системы CCK-SCS. Контракты на поставку отдельных модулей системы были заключены с латиноамериканскими (Эквадором и Боливией) и африканскими (Мозамбиком, Танзанией и Эритреей) странами. В одни страны модули поставляются на коммерческих условиях, в другие – безвозмездно. В 2019 г. Китай передал Никарагуа на безвозмездной основе систему видеонаблюдения¹.

Экспорт отдельных модулей системы CCK-SCS позволяет Китаю удаленно контролировать использование системы в стране-импортере, получать данные о ситуации в стране импортере и на основании анализа полученных данных принимать торгово-экономические и политические решения.

Государственная программа установления контроля за поведением каждого гражданина полуторамиллиардного населения Китая вызывает удивление, страх и недоумение. Удивление – это технологические и организационные возможности и способности. Страх – оказаться под пятой цифровой диктатуры. Недоумение – зачем это и кому это надо. Все это сконцентрировано в китайской системе социального кредита.

2. Задачи системы CCK-SCS

Руководство КПК и партийно-государственное руководство страны уделяют повышенное внимание реализации поставленных задач социального рейтингования. При политбюро ЦК КПК была создана особая комиссия, ответственная за координацию достижения провозглашенных целей и задач. Из задач следует выделить: 1) формирование нового человека, уважающего традиции и обычаи наследия прошлого на основе новой системы ценностей и способного строить и укреплять будущее Китая, 2) укрепление власти в условиях усиливающейся урбанизации, роста городского образованного населения и повышения его образованности, 3) обеспечение социального лифта для наиболее продвинутых граждан, соблюдающих установленные властью правила и принципы, 4) добиться доверия населения, 5) сокращение разрыва между властью и населением путем повышения благосостояния населения, 6) гармонизация интересов и взаимоотношений внутри всех социальных групп, между группами и властью, 7) стабилизация общественного развития путем гармонизации интересов всех слоев общества, 8) реализация китайской мечты.

Другая не менее важная группа задач включает 1) необходимость направить интересы населения (общества), государственных и частных структур и ведомств в одно русло, не допустить серьезных разногласий между ними; 2) создать единую технологическую и нормативную базу, которая обеспечит всем государственным, региональным и частным структурам возможность взаимодействовать и обмениваться информацией в режиме реального времени; 3) разрабатывать новейшие технологии искусственного интеллекта для обеспечения эффективности функционирования системы CCK-SCS; 4) обеспечить автоматизацию всех процессов обмена информацией и контроля; 5) усилить защиту внутреннего интернета от внешнего хакерства; 6) добиться внутренней стабильности развития.

Сверхважная неозвученная задача платформы CCK-SCS заключается в создании персональной электронной папки на каждого китайца полуторамиллиардного населения страны с многочисленными файлами, содержащими всю информацию о человеке с самого рождения по всем этапам и событиям его жизненного пути, увлечениям и видам деловой и иной активности. Введение пожизненных досье с инструментом кнута и пряника стало основой создания черных списков, стимулирующих развитие черного рынка хакеров,

Для решения поставленных задач организован в рамках платформы CCK-SCS 1) сбор разнородных данных из многочисленных и самых разнообразных источников, характеризующих граждан (физических лиц) и организаций (юридических лиц – резидентов и нерезидентов Китая); 2) хранение и структурирование собранных данных, характеризующих поведение и состояние физических и юридических лиц; 3) программно-аппаратное обеспечение, обработка и анализ на базе ИИ-технологий огромных массивов персональных данных; 4) социально-скоринговое оценивание на основе проведенного анализа поведения, добродетельности, надежности и лояльности граждан, организаций и руководства организаций; 5) осуществление прогнозных расчетов на основе полученной балльной оценки.

Сбор тотальной повседневной информации о человеке ведет к установлению всеохватывающего абсолютного контроля над населением и потере свободы самостоятельных и независимых действий. Некоторые видят в организации такого тотального контроля спасение от всех видов преступности и прочих напастей современного рыночного общества, другие связывают установление подобного контроля с возможностями облегчить жизнь человека в эпоху глобальной цифровизации и информатизации.

Решение поставленных задач позволяет достичь вышеуказанных целей, но требует значительных материальных, финансовых и человеческих ресурсов, в т.ч. ИТ-специалистов. Спрос на них удовлетворен лишь на 30%, их которых национальные кадры составляют менее половины, остальные – иностранные специалисты, главным образом, из США.

3. Принципы системы CCK-SCS

Из анализа нормативных документов и выступлений руководителей партии и правительства Китая по вопросам системы CCK-SCS и из оценки системы зарубежных исследователей, можно выделить группу ключевых принципов создания и функционирования системы CCK-SCS, основанной на тысячелетних традициях и обычаях.

Создание, развитие, функционирование и совершенствование системы CCK-SCS исходит из принципов 1) централизма в управлении, введенного в Китае 2500 лет назад, предполагающего принятие базовых решений центральной

¹ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

властью и определенную самостоятельность местных властей при решении спущенных сверху задач; 2) модульности – автономности отдельных блоков системы, придающей системе гибкость; 3) конкуренции, гарантирующей ввод разных систем; 4) свободы инициативы исполнения принятых решений, учитывающей особенности исторического развития разных регионов Китая и способствующей вовлечению творческого потенциала и инициативы нижних уровней в решение поставленных центром задач; 5) единой платформы разработки отдельных автономных модулей/блоков, позволяющей увеличивать возможности развития системы CCK-SCS; 6) синтеза искусственного и естественного интеллекта – гибридного интеллекта, позволяющего учитывать нюансы; 7) применения мягких рейтингов, включающих интегральную количественно-качественную оценку поведения личности; 8) возможности тиражирования системы путем продажи или безвозмездной передачи другим странам в рамках строительства сообщества единой судьбы человечества.

Отдельно следует отметить особый принцип системы CCK-SCS – ее автаркичность, что гарантирует незначительную зависимость от глобальных сетей и развития ИКТ, поскольку основывается на замкнутом китайском Интернете с собственными поисковиками, торговыми площадками, коммуникаторами, не связанными с их западными конкурентами. Автаркичность надежно закрывает систему социального доверия от хакерского взлома из-за рубежа и утечки информации за рубеж. Естественно от внутреннего хакерского взлома никаких гарантий нет, также как нет гарантий от внутренней утечки информации.

Изложенные принципы служат теоретической основой реализации великой китайской мечты – возрождение китайской нации и построения социализма с китайской спецификой. Особо следует отметить имперские устремления к расширению и усилению мирового влияния Китая на другие страны путем экспорта отдельных блоков системы CCK-SCS на возмездной и безвозмездной основе в другие страны и прежде всего в страны, входящие в программу «Один пояс – один путь» и дружественные страны Африки и Латинской Америки.

Основные принципы и правила системы CCK-SCS были сформулированы партийными идеологами правящей партии, за соблюдение или нарушение которых человека соответственно поощряют, начисляя баллы, или наказывают, снимая баллы. Баллы снимаются за нарушение установленных правил, например, неправильный переход улицы, отказ в помощи пожилым родственникам, использование поддельных документов, нарушение ПДД, сомнительные связи и подозрительные знакомые... При определенных обстоятельствах такая система усиливает расслоение общества на благонадежных, получающих значительные привилегии, тогда как люди с заниженным балльным рейтингом относятся к категории неблагонадежных – низкорейтинговых и обречены на принудительное маргинальное существование и принудительную деградацию.

Следует осознать масштабность системы CCK-SCS – социальным рейтингованием охватывается почти 1,5 млрд. человек плюс деятельность 33 млн. компаний по параметрам совершаемых покупок, финансовых расходов, аккуратности обязательных платежей, активности в соцсетях, продолжительности работы/пребывания в Интернете, круга общения... На основании полученных данных определяется рейтинг доверия физических и юридических лиц.

Система CCK-SCS означает постоянный тотальный контроль над населением с жесткой корректировкой поведения каждого в течение всей жизни через систему постоянно меняющейся суммы баллов.

Согласно принятому Госсоветом документу «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)» социальное рейтингование и оценивание акцентируют внимание в четырех сферах: 1) судебная достоверность, включающая контроль со стороны судебных и правоохранительных структур за населением и предпринимательским сектором; 2) коммерческая целостность, устанавливающая и осуществляющая контроль за предпринимательской деятельностью; 3) честность в государственных делах – это осуществление контроля за государственной службой в стране; 4) общественная целостность, которая включает организацию общественного контроля.

В каждой сфере социальное рейтингование и оценивание ведутся в трех направлениях: 1) государственном, 2) общественном и 3) онлайн-режиме.

Государственное направление охватывает все обязательные платежи и сборы, включая своевременную уплату налогов, погашение кредитов и счетов по кредитной карте, своевременную уплату счетов ЖКХ и выплаты по постановлению суда.

В общественной сфере учитывается поведение человека в общественных местах (на улице, парках, торговых центрах, театре и др.) соблюдение нормы рождаемости и почитание родителей, правильная оплата проезда в общественном транспорте, честно полученное образование, отсутствие или наличие судимости.

В онлайн сфере аккумулируется и архивируется активность в Интернете и соцсетях, контакты и связи с пользователями соцсетей и Интернета, поведение в киберпространстве, надежность размещаемой в соцсетях информации, потребительские привычки.

Китай XXI в. отличается от маоцзэдуновского этапа с системой «дан ань», когда все население было необразованным и безропотным и с которым можно было экспериментировать. В рыночном обществе сформировались достаточно большие группы образованных и богатых китайцев, которые стремятся закрыть свою частную жизнь от посторонних взглядов, что противоречит идеологии системы социального рейтинга, инициированной компартией Китая, но в то же время исходит их тысячелетних традиций и обычаев китайского народа.

В имперском Китае существовало правило: «Закон императора останавливается перед деревенскими воротами», это означало организацию жизни деревни по собственным обычаям и традициям. В маоцзэдуновском Китае власть вторглась во внутридеревенскую и семейную жизнь, перемалывая эти вековые традиции. Чему во многом способствовала ускоренная индустриализация и урбанизация, которые ломали вековые устои китайской общины.

В рыночном китайском обществе XXI в. власть стремится наряду с социальным контролем моделировать частно-индивидуальную жизнь и поведение каждого индивида, встраивая его в общество возрождения китайского могу-

щества в развивающемся цифровом мире. Власть, используя цифровые технологии и достижения четвертой промышленной революции, пытается управлять эволюцией общества путем формирования человека, верящего и доверяющего государству. Сегодня большая часть китайского населения урбанизирована, имеет должное образование и хорошо информирована благодаря доступу к разнообразным информационным источникам. Возродить общинные традиции и обычаи в развивающемся и урбанизирующемся обществе невозможно. Город – это не община, и городское население по многим параметрам ушло далеко вперед в своем развитии.

По мнению китайских аналитиков, система CCK-SCS направлена на гуманизацию политики государственного управления. В частности, система позволяет перейти от карательных методов к методам перевоспитания социально и политически опасных, тяготеющих к девиантному поведению граждан. На девиантность населения влияет ускоренное экономическое развитие рыночной экономики, усиливающее социальное неравенство в китайском обществе и порождающее проблемы социальной стабильности. Система CCK-SCS решает многие проблемы девиантности населения путем поощрения и развития способностей, запуска социальных лифтов для граждан, живущих по принципам доверия, прозрачности и гармонии.

4. «За» и «Против» системы CCK-SCS

Запущенная в Китае система репутационного скоринга в условиях перехода к рыночной экономике на первых этапах была ограничена финансовой сферой и опиралась на информацию финансовых учреждений. Система репутационного скоринга охватывает все сферы жизнедеятельности китайского населения и получает информацию из коммерческих, общественных и государственных структур. Система направлена против коммерческого, бытового, общественного и иного мошенничества, на повышение общего уровня честности и достоверности, на повышение заинтересованности гражданина в повышении результативности своей оценки в рамках действующей единой общенациональной системы социального кредитования. Постепенно с развитием информационных технологий система репутационного скоринга трансформировалась в систему CCK-SCS.

Система CCK-SCS представляет амбициозную попытку китайской власти добиться и сформировать лояльность населения путем постоянного промывания мозгов.

Действующая в Китае система CCK-SCS включает три модели сбора, обработки, анализа, архивации и оценивания граждан: 1) балльно-рейтинговая скоринговая система (рейтинговая система), 2) система общекайтайских черных списков и 3) система репутационного скоринга.

В принятой Госсоветом в 2014 г. «Программе создания системы социального кредита на 2014–2020 годы» устанавливался контроль за социальным поведением граждан и производственно-экономической и торговой деятельностью компаний, определялись социальные и экономические льготы для обладателей высокого рейтинга и ограничения для обладателей низкого рейтинга. Система CCK-SCS эффективно функционирует на основе использования новейших поколений искусственного интеллекта, представляет для правящей партии инструмент социального контроля и регулирования социального поведения населения и деловой активности. Для управления и воспитания используется метод кнута и пряника¹.

В 2020 г. в Китае введен тотальный контроль за поведением населения, деловой активностью компаний и поведением их руководства с применением механизма поощрения и наказания. Отношение общественности к данной системе контроля – неоднозначно: одним безразлично, другие видят положительные стороны в системе, третьи видят в системе CCK-SCS инструмент вмешательства в частную жизнь. Часть предпринимателей рассматривают систему как механизм дискриминации в бизнесе.

От балльно-рейтинговой оценки зависит судьба человека, его будущее и будущее его детей, зависят рыночные успехи и рыночные возможности компании.

Социальный рейтинг влияет на возможности человека получить работу, занять управленческую должность в партийно-государственных и частных структурах, вести внешнеторговые операции, пользоваться привилегиями, взять кредит/ипотеку, получить образование и дать хорошее образование своим детям, отдыхать за рубежом... и в целом жить комфортно, в достатке.

Социальный рейтинг не так уж безобиден – для одних он открывает перспективы успешного развития, для других – усложняет и блокирует возможности развития.

Для качественной оценки системы CCK-SCS необходимо установить 1) возможности системы, 2) цели использования получаемых данных, 3) кто и в каких интересах их применяет, 4) охват системы (всеобъемлющий или предполагающий исключения для партийно-государственной элиты или ее части).

Практическое применение системы CCK-SCS создает базу дальнейшего развития и совершенствования компьютерного программирования, всех электронных систем, входящих в систему CCK-SCS, механизма работы с большими данными, развития новых поколений искусственного интеллекта и новых форм его использования, а также развития смежных направлений, производств и отраслей, расширения возможностей повышения эффективных методов искусственного интеллекта с применением 5G коммуникаций. Инновационно-технологические разработки в гражданских областях с успехом применяются в военных сферах.

Технико-технологические возможности системы CCK-SCS постоянно расширяются. Уже сегодня система CCK-SCS способна выявлять тенденции поведения населения, отдельных групп и граждан, распознавать своевременно по-

¹ Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход / Л. Ковачич. – <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172>

литические, социально-экономические, культурно-гражданские угрозы, опасности и кризисы, прогнозировать социальные процессы и политические ситуации, болевые точки и уязвимые аномалии в развитии китайского общества, что позволяет предпринимать превентивные меры.

В частности, использование информационных технологий позволяет формировать человеческие отношения. Достаточно вспомнить группы смерти, цветные революции, флэшмобы. Ошибка, неточность, несовершенство информационных технологий негативно сказывается на судьбе человека и рыночной конкурентоспособности компании. Например, в период коронавирусной самоизоляции в России прикованная к постели инвалид первой группы была оштрафована на четыре тысячи рублей за нарушение самоизоляции.

Уязвимым местом системы ССК-SCS является соотношение морально-нравственных норм и законодательства. По мнению большинства китайских обществоведов, приоритет в системе социального рейтингования должен отдаваться соблюдению юридических и договорных обязательств при одновременном ограничении моральных показателей, влияющих на итоговый рейтинг¹.

В Китае по результатам балльно-рейтинговой оценки человека и его семью могут лишить доступа к многим социально-общественным благам, что в общечеловеческих отношениях нарушает права человека. Противники системы ССК-SCS также отмечают, что система способствует процветанию доноительства, поскольку информация на человека могут подавать соседи, за это они получают дополнительные баллы к своему социальному рейтингу. В условиях абсолютной электронной идентификации всего населения страны такая система может обернуться электронным концлагерем[там же].

Оппоненты отмечают, что система ССК-SCS игнорирует законодательство, попирает законные права китайских граждан, организаций и предпринимателей, пренебрегает правом неприкосновенности частной жизни, затрагивает репутацию и личное достоинство гражданина и более того система может быть карательным инструментом государства².

По мнению ее сторонников, система ССК-SCS регулирует и улучшает социальное поведение граждан, повышает их надежность, воспитывает финансовую аккуратность (своевременная уплата налогов, штрафов, счетов), реанимирует и укрепляет традиционные национальные моральные ценности, дает шансы на перевоспитание оступившихся.

ССК направлена на формирование культуры искренности путем поощрения граждан за правильное поведение и наказания за неблагоприятные поступки. В 2014 г. Госсовет озвучил цель создаваемой системы: развивать «культуру искренности» путем поощрения добропорядочного поведения населения и предупреждения неблагонадежных действий³.

По мнению других, основой системы социального доверия являются черные и «красные» списки, а не «рейтинг социального доверия». Попавших в черные списки граждан наказывают за неправильное поведение, тогда как лиц в красных списках поощряют за правильное поведение.

Как отмечает вышеупомянутый зам. Председателя Центральной комиссии КПК по проведению административной реформы и член Политбюро Лю Юньшань, система ССК-SCS должна способствовать развитию и обеспечить формирование искренности, гармонии и доверия с учетом китайских традиций⁴.

Система ССК-SCS подрывает кибер- (электронные активы, включая ресурсы Интернета, соцсетей, Wi-Fi) и информационную безопасность (вся информация на всех носителях) человека, полностью уничтожая его личное пространство и соответственно его «прайваси» и свободу.

Система ССК-SCS, основанная на искусственном интеллекте и широкополосном Интернете с 5G, позволяет уйти от односторонности и предвзятости оценивания чиновником или уполномоченным социального поведения и деловой активности.

Система ССК-SCS – это набор компьютерных программ, разрабатываемых человеком. Поэтому невозможно избежать ошибок программиста, различного рода манипуляций, хакерского взлома системы с целью «корректировки». Каковы возможности гражданина опротестовать вердикт системы, если он не согласен с ним и кто выступит в роли судьи?

Сохраняется двойственное восприятие системы ССК-SCS: 1) одни видят в системе необходимость и возможность реанимировать, вернуть традиционные ценности народа; 2) другие – возможность контролировать ситуацию, управлять обществом, прогнозировать его развитие; 3) третьи – путь установления тотального цифрового контроля за населением и бизнесом.

По мнению китайского руководства, система ССК-SCS позволяет придерживаться золотой середины, включая 1) недопущение крайностей: избытка и недостатка, 2) открытость жизни каждого китайца, 3) использование искусственного интеллекта для справедливой оценки надежности китайца, 4) отказ от излишней бюрократической регламентации жизни населения.

Система ССК-SCS, определяя контуры партийно-государственного управления, должна обеспечить: 1) унификацию методик сбора, обработки и архивации собираемых данных; 2) обеспечить единую методику принятия решений; 3) обеспечить взаимодействие между государственными и частными структурами по обмену собираемой информации.

¹ Китайская система социального кредита — так ли страшен черт? 28.05.2019. — <https://habr.com/ru/post/453850/>

² Social Credit System. — https://en.wikipedia.org/wiki/Social_Credit_System

³ Как работает система социального рейтинга в Китае. — <https://magazeta.com/social-rating-china/>

⁴ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Елена Ларина, Владимир Овчинский. 04.09.2019. — http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

Если рассматривать систему CCK-SCS как инструмент восстановления доверия, то в обществе существует острый запрос на такую систему. Существовавший тотальный контроль нарушил баланс доверия между обществом и властью, люди перестали доверять друг другу. По мнению социолога Чжан Лифань (Zhang Lifan), за большое состояние социума ответственен существующий режим. И сегодня власть пытается исправить положение введением системы CCK-SCS¹.

Борьба с мошенничеством, мздоимством, коррупцией в бизнес-среде и в высших эшелонах власти не дает нужного результата восстановления доверия.

Экспериментальные проекты системы CCK-SCS

В разработке и формировании системы CCK-SCS выделяется три этапа – три направления, каждый из них внес свою лепту в создание системы CCK-SCS: первый этап – первое направление: экспериментальный запуск государственной программы автономных пилотных проектов; второй этап – второе направление: ставка на частные высокотехнологические корпорации с опытом скоринговой деятельности; третий этап – третье направление: государственно-частное сотрудничество.

5. Программа автономных пилотных проектов

Впервые государственная система экспериментального балльного рейтингования жителей была запущена в уезде Суйнин провинции Цзянсу в 2010 г. Эксперимент имел узкий характер. Под контроль были взяты Интернет-торговля и банковские карты. Банковская система кредитного скоринга способствовала совершенствованию системы социального кредита – рейтингованию населения на надежность, доверие, патриотизм и сплоченность. Уязвимой позицией была неразвитость системы кредитной истории, которая имеется только у 320 млн. китайцев. Ее отсутствие наносило китайской экономике ущерб в 600 млн. юаней ежегодно².

Рейтинговый эксперимент попал под жесткую критику СМИ и образованной части жителей, которые обвинили власть во вмешательстве в частную жизнь и стремлении государства ввести систему социальной оценки жителей и регулирования доступа к общественным благам.

Полученный опыт был использован при разработке программы пилотных проектов системы CCK-SCS, запущенных в 2014 г. в 30 городах страны с целью отработать окончательный один вариант. Местным властям было разрешено самостоятельно определять балльно-рейтинговое содержание модели с учетом исторических и социально-экономических условий региона. Политика эксперимента заключалась в поиске и в создании из многообразия одной правильной системы CCK-SCS, поэтому единой политики в проведении социально-балльного рейтингования населения не проводилось, но были обозначены направления и ориентиры. Многообразие моделей позволило власти определить и скорректировать общую всекитайскую модель социального кредитования, свести все пилотные модели к единой платформе и единой системе поощрений и ограничений. Задача сложная, поскольку технически и социально-экономически все уезды и провинции находятся на разных уровнях развития и на эти различия накладывается исторический фактор, включающий обычаи и традиции.

В 2013 г. руководители партийных организаций Шанхая, Гуанчжоу, Чуньцзин и Чжецзянь предложили апробировать экспериментально в своих провинциях систему всестороннего рейтингования граждан. Весной 2014 г. после всестороннего обсуждения это предложение-проект получило статус партийно-государственного решения.

Очередной импульс развитию системы социального рейтингования придали обнародованные в 2014 г. последовательно один за другим три документа «Проект плана по созданию социального кредита доверия», «Программа создания системы социального кредита» и «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)»³.

Партийно-государственное руководство современного Китая за основу социально-экономического и военно-политического возрождения китайского государства и нации, развития социализма с китайской спецификой и повышения народного благоденствия опирается на тысячелетний опыт и традиции китайской управленческой мысли и историческое развитие китайского общества. Добиться поставленных целей оно стремится усилением доверия, патриотизма и сплоченности 56 национальностей 1,4 миллиардного населения.

В принятом в 2014 г. «Проекте плана по созданию социального кредита доверия» ставилась задача организовать мониторинг и рейтингование социального поведения населения страны по пяти базовым параметрам: 1) социальные связи и контакты, охватывающие межличностное взаимодействие людей; 2) потребительское поведение, включающие финансовые расходы, частоту, структуру и объемы покупок товаров и услуг, включая отдых и туристические поездки; 3) материальное состояние; 4) уровень безопасности; 5) степень законопослушности.

На основании принятого позднее в том же 2014 г. документе «Программа создания системы социального кредита» вводилась экспериментальная система социально-балльного рейтингования по определению ценности и надежности каждого гражданина и компании на период до 2020 г.

В основе системы CCK-SCS лежит банковская скоринговая система оценки/определения платеже- и кредитоспособности клиента с целью снижения рисков. В Китае данную систему доработали с учетом поставленных целей и

¹ Китайское общество искренности. – <https://etika.nplus1.ru/privacy/dictatura>

² Фурсов А.И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. 2018. – С. 138–143.

³ Китайское общество искренности. – <https://etika.nplus1.ru/privacy/dictatura>

национальных особенностей. Банковский скоринг охватывал существующих и потенциальных клиентов, китайская система социального кредита охватывает все население и бизнес.

Запущенная программа включала 30 пилотных проектов и охватывала 30 городов с населением 26 млн. человек. Каждый пилотный проект содержал отличную от других систему балльной оценки и набора признаков, по которым определялся статус человека, его послушание и надежность. Экспериментальные пилотные проекты отличались друг от друга системами баллов, поощрений и ограничений (системами штрафов и привилегий). Каждый регион собирал и работал с информацией о своих гражданах с учетом исторических, этнических и социально-экономических особенностей региона. Пограничная величина баллов между штрафами и льготами по регионам и ведомствам была разной, также как и разное значение каждого балла по регионам.

Проводилась обкатка будущей обязательной системы социальной оценки надежности человека.

Разрозненные пилотные проекты не могли обеспечить эффективность системы ССК-SCS, которая нуждалась в постоянно пополняемых и обновляемых больших объемах данных и применения нейросетей – искусственного интеллекта. Но опыт был извлечен. Стала ясна необходимость создания единой общекаитайской платформы данных о населении и бизнесе.

Проведенная шестилетняя обкатка 30 пилотных проектов в городах страны позволила сформировать единую платформу запущенной в 2020 г. системы ССК-SCS с отработанной единой системой поощрений и ограничений. Отработка системы осуществлялась главным образом на готовой городской инфраструктуре – разветвленный Интернет, широкополосная мобильная связь, соцсети, густая сеть умных видеокамер. Но недостаточно была охвачена сельская местность из-за отсутствия даже среднеразвитой инфраструктуры. Система будет дорабатываться по ходу ее применения на территории всей страны.

Завершенный эксперимент позволил определить наиболее существенные признаки и проработать балльную оценку надежности и послушания населения и методы работы с компаниями. В ходе эксперимента были отработаны 1) методика оценки физических и юридических лиц, 2) определены алгоритмы расчета интегрального показателя, 3) определены общие контуры системы поощрений и наказаний, напрямую связанных с уровнем и динамикой рейтинга, 4) разработана методика работы со статусными партийно-государственными нарушителями. Если эксперимент географически был ограничен главным образом городскими территориями и предполагал добровольность участия населения, то с 2020 г. эксперимент трансформировался в постоянно действующую систему социального кредита с обязательным участием всего 1,4-миллиардного населения и бизнеса. Нерешенной остается задача объединения разрозненных информационных баз данных государственных и частных структур в единую общенациональную информационную платформу данных¹.

6. Частная скоринговая система

Первоначально в самом начале пути создания системы ССК-SCS не было опыта и понимания, из чего должна складываться система, как сформировать клиентскую базу, по каким критериям вести социальное рейтингование и социальное оценивание. Ставка была сделана на восемь ведущих китайских высокотехнологических компаний с международным брендом, имеющих собственные многомиллионные клиентские базы, собственные платформы Интернет вещей, опыт работы с населением в виртуальном мире и в соцсетях, с отбором лояльных клиентов и реальной многомиллионной клиентской базой, охватывающей собственно все 1,4-миллиардное население Китая и 40 млн. заморских китайцев.

Крупнейшие технологические и банковско-кредитные компании Китая мониторят своих клиентов в соцсетях, Интернет-торговле, торговых центрах, фиксируют их траты, частоту и объемы покупок, кредиты и аккуратность их погашения и на основе полученных данных создают частные рейтинги.

Клиентские базы частных компаний насчитывают от 120 млн. до 800 млн. и более клиентов. При этом один клиент может быть клиентом нескольких баз как одной компании, так и разных компаний. У большой тройки крупнейших высокотехнологических корпораций Китая Baidu, Alibaba и Tencent (BAT – аббревиатура тройки крупнейших технологических компаний Китая) клиентская база насчитывает от 700 млн. до почти 900 млн. человек. Через переплетение баз клиентских данных эта тройка контролирует все население и бизнес страны.

Высокотехнологические корпорации Китая обладают существенными возможностями и конкурентными преимуществами, поскольку: 1) контролируют значительный объем данных о клиентах-предпринимателях из малого и среднего бизнеса; 2) налаженные партнерские отношения с финансовыми институтами и рейтинговыми агентствами в Китае и других странах мира позволяют финансировать внешнеторговые операции малого и среднего бизнеса и содействовать зарубежным предпринимателям в установлении деловых отношений с надежными партнерами в Китае; 3) способны инвестировать и инвестируют значительные средства в развитие своих инициатив в сфере финансовых услуг; 4) используют и предлагают профессиональные первоклассные цифровые услуги; 5) обладают наработанным опытом в сфере внутренней и международной Интернет-торговли и соцсетях; 6) сформировали существенные конкурентные преимущества относительно традиционных банков в использовании аналитики и искусственного интеллекта для понимания предпочтений и поведения клиентов; 7) обладают многомиллионной клиентурой покупателей и продавцов.

Каждая частная корпорация могла обеспечить эффективность скоринговой системы благодаря постоянно поступающим большим объемам информации от Интернет-провайдеров, Интернет-торговли, соцсетей.

¹ Фурсов А.И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. 2018. – С. 138–143.

Информация частных высокотехнологичных гигантов бесценна. Она содержит данные о частоте покупок, их объеме и структуре, совершаемых платежах – их объеме, дате, месте, времени. По покупкам и платежам можно определить реальный доход человека, сферу его интересов, круг близких, друзей, знакомых.

Информация от частных высокотехнологичных компаний должна направляться Всекитайской объединенной платформе кредитной информации. Однако эти гиганты не всегда выполняют данное требование. Интересы частных компаний по сбору данных о клиентах расходятся с интересами государства. Частным компаниям важно выяснить платежеспособность и кредитоспособность действующего и потенциального клиента, тогда как государственная система социального кредита (доверия) определяет благонадежность.

Учитывая масштабные возможности частного бизнеса и ценность собираемых и обрабатываемых данных, государство выдало лицензии крупнейшим частным национальным ИТ-корпорациям на социальное рейтингование населения, каждая из которых применяла независимую от других участников собственную частную систему социального рейтингования.

Сложившаяся система пересекающейся клиентуры позволяет уточнять данные, предоставляемые китайским клиентом системе. Создавая по государственной лицензии скоринговую систему социального рейтингования, эти корпорации преследовали собственные интересы и свели систему социального кредитования к системе лояльности.

Каждая компания применяет собственные алгоритмы и собственную методику расчета благонадежности клиента. Владея богатой и разносторонней информацией о сотнях миллионах пользователей, эти крупнейшие корпорации Китая знают о своих пользователях все: что, где и когда покупают, о чем говорят, их связи, круг близких и друзей, с кем и когда встречаются и общаются. Эти самостоятельные, независимые друг от друга и частично переплетающиеся друг с другом информационные могут быть значительно эффективнее при их объединении в общенациональном масштабе и организации внутреннего взаимного обмена информацией. Однако нежелание самих корпораций, обусловленное стремлением обойти конкурента, и использование разных алгоритмов и разных балльных шкал оценок затрудняют создание единой общенациональной информационной платформы данных, которую стремится создать государство для своей системы ССК-SCS

Разная методика социального рейтингования в компаниях определяла акцент в социальном рейтинговании. Одни компании делают ставку на моральный фактор, другие на материально-финансовый, третьи предпочитают синтез обоих вариантов. Общим в методиках рейтингового расчета является направленность на увеличение своей рыночной доли, укрепления рыночной мощи, на повышение дохода и рост прибыли с учетом сферы деятельности и возможностей компании.

Ниже приводится метод расчета социальной оценки компании Sesame Credit – дочерней компании Ant Financial Service Group, являющейся партнером крупнейшей китайской корпорации Alibaba. Запущенная в 2015 г. скоринговая система Sesame Credit представляет комбинацию традиционного банковского рейтинга кредитоспособности клиента с компонентами оценки поведения человека, его лояльности и надежности. Sesame Credit имеет доступ к многомиллионной базе китайских потребителей и намерена обслуживать 2 млрд. глобальных потребителей через свою платежную систему AliPay.

Для балльной оценки своих клиентов Sesame Credit применяет пять групп показателей: 1) стандартную кредитную историю, на которую приходится 35% баллов и которая отражает деловые и морально-этические качества действующего и потенциального клиента; 2) поведенческие тенденции, учитывающие траты на покупки и данные о приобретении товаров и услуг на платформе Alibaba и/или дочерних сайтах, частоту покупок и соотношение между покупками с использованием систем расчета – безналичные расчеты, кэш, покупки в кредит, а также структуру покупок по предоплате и по факту; на эту группу показателей отводится 25% общего количества баллов; 3) стабильность дохода – заработная плата, дивиденды (поступления от ценных бумаг), аренда и сдача в аренду жилья и другой недвижимости, а также оценку персональных активов – на все отводится 20% баллов; 4) персональные данные в стандартной для банковского бизнеса форме: ФИО, место регистрации и жительства, год рождения, семейное положение, место проживания и контактные данные; на эту группу отводится 15% баллов; 5) социально-поведенческий портрет китайца, который формируется по данным из социальных сетей по 15 параметрам и оценивается в 5% баллов.

Sesame Credit учитывает кредитную историю пользователя, его активность в соцсетях, круг знакомых, их благосостояние и рейтинг для создания собственной системы социального кредита. Рейтинговая система Sesame Credit контролирует и оценивает потребительское поведение своих клиентов по шкале 350-950 баллов.

Пользователь Sesame Credit получает право на различные льготы в зависимости от имеющихся баллов: 1) 600–650 баллов дают право на беззалоговый кредит для покупок онлайн на \$800; 2) 650–700 баллов дает право арендовать машину без залога; 3) 700–750 – возможность экспресс-оформления разрешения на поездки в Сингапур; 4) 750 и выше – возможность получения шенгенской визы и соответственно возможность деловых поездок и зарубежного отдыха, а также возможность бронирования номера в отеле и регистрацию в пекинском международном аэропорту.

В зависимости от количества набранных баллов руководство Alibaba принимает решение выдать или отказать в кредите, заключать договор с поставщиком или покупателем.

По аналогичной схеме, но с иными алгоритмами и балльной шкалой работают другие высокотехнологичные компании.

Возлагаемые государством на частные скоринговые системы надежды не оправдались, поскольку корпорации преследовали прежде всего собственные цели и больше интересовались кредитной историей и лояльностью клиентов, их покупательной платежеспособностью и потребительскими предпочтениями, рыночным положением конкурентов.

Под лояльностью частные компании понимают срок договора на использование мобильного Интернета. Лояльность клиента оценивается по критериям: частота, продолжительность и общее время пользования в течение дня Ин-

тернетом; соотношение распределения времени использования различных контентов: развлекательного, торгового, информационного, образовательного и других; соотношение распределения времени работы с текстовыми, торговыми и видео-сайтами. Как считают китайские психологи, работа над тестовыми и видео-материалами является наиболее продуктивной.

Существенным преимуществом указанной восьмерки высокотехнологичных корпораций является их пересекающаяся клиентская база данных всего населения Китая, включая находящихся за рубежом китайцев.

Народный банк Китая не поддержал частные системы социально-кредитного рейтинга, в частности, запущенных ИТ-гигантами Alibaba и Tencent, опасаясь недобросовестного поведения частных компаний с целью наживы за счет клиентов путем аккумуляции больших данных потребителей, навязывания им ненужных финансовых продуктов и принуждая их к участию в рискованных инвестициях. Нередко частные рейтинговые системы выходят за установленные рамки и методы сбора данных о своих клиентах, учитывая помимо кредитной истории и финансового положения клиентов их покупки и частоту покупок, активность в Интернете и соцсетях, сеть контактов и статус контактов, а также оценивая платежеспособность и благонадежность клиентов/потребителей нестандартными способами¹.

7. Совместное государственно-частное социальное рейтингование

Не добившись желаемого результата от восьми крупнейших высокотехнологических корпораций по созданию системы социального кредита, Народный банк Китая отозвал у них лицензии, но не порвал с ними отношения, а пригласил к дальнейшему сотрудничеству. Все восемь компаний (Сезам Кредит (信用) – дочерняя компания Ant Financial, Tencent Credit (腾讯 征信), Qianhai Credit (前海 征信), дочерняя компания Ping An Group, Каола Кредит (考拉 征信), Pengyuan Credit (鹏元 征信), Кредитная технология CCX (中 诚信 征信), Интелликредит (中 智 诚信), Sinoway Credit (华道 征信)) были приглашены в качестве соучредителей лицензированного агентства Baihang Credit с 8-ми процентной долей каждой частной компании и 36%-ной долей государственной Национальной финансовой ассоциации Китая (NIFA), созданной в 2015 г. Народным банком Китая (PBoC) в качестве саморегулируемой организации, а не как регулирующий орган.

Компания Baihang Credit БЫЛА СОЗДАНА Народным банком Китая в марте 2018 г. для поддержки и кредитования юридических и физических лиц, у которых нет официальной кредитной истории с целью получения полной кредитной информации и полного охвата кредитных слепых зон традиционных финансовых учреждений. Свою деятельность компания Baihang Credit осуществляет под надзором и руководством Народного банка Китая (НБК) – центрального банка Китая.

Baihang Credit стало единственным кредитным агентством в Китае, имеющим лицензию на участие в операциях с кредитными рейтингами как населения, так и государственных и частных организаций/компаний².

Компания Baihang Credit сосредоточилась на оценке информации о потребительских кредитах небанковскими финансовыми провайдерами, такими как онлайн-платформы для однорангового кредитования.

Baihang Credit использует кредитные отчеты клиентов, использование смартфонов, покупки в Интернете, кредитные записи с Интернет-кредитных платформ, правовые споры, нарушения правил дорожного движения и просроченные уведомления о плате за воду, электричество и другие коммунальные услуги, предоставляет черный список мошенничества и проверку информации. Внедряется перечень новых продуктов, включающий отчеты о мошенничестве и персональные кредитные рейтинги, приложение для мобильных телефонов. Персональные данные, имеющиеся в архиве Baihang Credit, охватывают людей в возрасте от 20 до 30 лет.

Baihang Credit выявила причины превышения общих долгов заемщика над его платежеспособностью, что является самой большой проблемой в отрасли. Многие кредиты выплачиваются с использованием средств, заимствованных у другой платформы,

Наиболее важными продуктами Baihang Credit являются кредитные отчеты клиентов, которые востребованы. Ежедневно поступает более 150 000 запросов на данные из этих отчетов и ожидается их рост до одного миллиона.

Компания Baihang Credit разрабатывает приложение для мобильных телефонов для людей, которые хотят просмотреть свой собственный кредитный отчет с возможностью оспаривать записи в отчетах и корректировать данные.

Для сбора такой информации Baihang Credit подписала соглашения с 976 учреждениями, около 40 процентов из которых являются поставщиками финансовых услуг через Интернет, и заключила со многими из них соглашения об обмене информацией.

За небольшой период Baihang Credit сформировала клуб из 1000 партнеров, которые обмениваются информацией, и наращивает свою клиентскую базу, которая уже насчитывает 150 млн. человек, из них большая часть – это люди в возрасте 20-30 лет, предпочитающие брать небольшие кредиты на онлайн-платформах. Изолированность этих платформ друг от друга является причиной слабого контроля рисков.

Среди 860 одноранговых онлайн-платформ по всей стране многие кредиты выплачиваются с использованием средств, заимствованных у другой платформы, и общие долги часто превышали платежеспособность заемщиков, что является самой большой проблемой в отрасли, говорится в обзоре wdzj: веб-сайт, который предоставляет информацию об индустрии одноранговых кредитов.

¹ ЦБ Китая выступил против частных социально-кредитных рейтингов / Юлия Красильникова. 05.02.2018. – https://hightech.fm/2018/02/05/social_scoring

² Baihang Credit (百行 征信) – <http://www.chinabankingnews.com/wiki/baihang-credit->

Задача Baihang состоит в том, чтобы связать данные между различными платформами онлайн-кредитования и обмениваться кредитной информацией для предотвращения заимствования по нескольким каналам и мошенничества среди других.

Государство надеялось в рамках сотрудничества через соучредительство использовать возможности и опыт этих частных компаний. Baihang Credit предложил восьмерке и другим финансовым институтам наладить сотрудничество. Однако окончательно проблема сотрудничества не решена. В частности, только три компании-соучредителя из восьми компаний-соучредителей согласились передавать свои данные в систему Baihang, остальные соучредители отказались предоставлять информацию агентству Baihang Credit. В то же время на сотрудничество с Baihang Credit пошли более 700 китайских финансовых институтов.

Желаемого сотрудничества не получилось. Китайские технологические гиганты Tencent и Alibaba отказались сотрудничать с поддерживаемой правительством компанией Baihang Credit, которая осуществляет кредитный скоринг в интересах государственной власти и достижения поставленной перед системой ССК-SCS цели, отказываясь передавать данные о займах своих клиентов и отказывая в доступе к своим данным о кредитах клиентов¹. Эти две компании, являясь лидерами рынка, задают тон и определяют развитие рынка, поэтому их взаимоотношения с государством/правительством служат индикатором для всех компаний. В то же время корпорация Alibaba по многим направлениям социального кредита сотрудничает с государственными структурами.

Условия для такого сотрудничества существуют. Частные компании достаточно продолжительное время эффективно взаимодействуют с рядом государственных структур, предоставляя им необходимые данные. И это делается в интересах национальной безопасности и национальной экономики. На основании получаемых данных принимаются решения. Данными частных скоринговых систем пользуются государственные структуры: Министерство национальной безопасности, Национальная милиция, Министерство внешней торговли, а также Таможенная служба.

В целом, по состоянию на начало 2019 г., на базе сотрудничества, кооперации и совмещения интересов частных скоринговых высокотехнологических компаний и государственных структур агентство Baihang Credit создало отлаженную, высокопродуктивную и эффективную систему оценки кредитоспособности, социальной надежности и социальной лояльности китайцев на территории Китая и за рубежом, которая превзошла формировавшуюся систему ССК-SCS. Фактически Baihang Credit охватывает 1,4 млрд. досье, являясь крупнейшей работающей системой в мире анализа персональных данных [там же]. Видимо, Baihang Credit станет готовым, ключевым модулем системы ССК-SCS.

Одной из задач компании Baihang Credit является формирование *единой централизованной платформы данных* для координации и обмена информацией между всеми государственными и частными структурами. Сложность создания такой централизованной платформы обусловлена прежде всего разными интересами государственных и частных структур, создающих собственные информационные архивы, а также межведомственными интересами внутри госсектора и конкуренцией внутри коммерческого сектора. Для банковско-финансовых, страховых и торговых структур интерес представляют кредитные истории действующих и потенциальных клиентов, включая образование, доходы, аккуратность погашения долгов и уплаты обязательных платежей, размер, структура и источники доходов, размер трат на покупки, включая подарки, круг близких и знакомых, деловые контакты,... Силовым структурам важно знать поведение человека, его перемещения по стране, связи с оппозиционными группами, активность в соцсетях, благонадежность гражданина, участие в протестных акциях, социальный статус и др.

Созданию единой централизованной платформы данных для координации и обмена информацией между структурами препятствуют, во-первых, нежелание собственно самих государственных и частных структур делиться своей информацией, имеющей коммерческую и политическую ценность, во-вторых, осознание образованной части общества значимости частной (персональной) информации.

Система тотального контроля за обществом

8. Система ССК-SCS и бизнес

С 2019 г. требования системы социального рейтинга были распространены на бизнес, включая иностранные компании. Контроль за бизнес-активностью является одним из четырех направлений системы ССК-SCS, содержащихся в документе Госсовета «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)» – коммерческая целостность.

Эти требования насчитывают 300 позиций, включая налоговый контроль, охрану окружающей среды, безопасность труда, качество продукции, кибербезопасность и т.д.²

Особое место в китайском обществе заняли финансовое мошенничество, микрокоррупция, антисанитария, массовое производство контрафактных и некачественных товаров.

Наладить трудовую, производственную, финансовую дисциплину в предпринимательской среде, заставить соблюдать рыночную этику требует огромных усилий и времени. Китай вышел на мировой рынок как крупнейший производитель некачественной и контрафактной продукции, доля которой, по данным OECD, составляет примерно 63%³.

¹ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

² Социальный рейтинг в Китае. 2020/05/28. – <https://www.tadviser.ru/index.php/>

³ Китайское общество искренности. – <https://etika.nplus1.ru/privacy/dictatura>

Значительная часть рейтинговых требований относится к соблюдению рыночных принципов и правил, соблюдение которых зависит не только от самой компании, но также от ее партнеров и их рейтинга. Сегодня половина договоров, заключенных между китайскими предпринимателями, выполняется по правилам нравственности.

Народная мудрость гласит: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Так и в бизнесе. Любой предприниматель может столкнуться с непреодолимыми обстоятельствами и обанкротиться, оцениваемое низкими баллами. Обанкротившемуся предпринимателю Цзя Юэтин – учредителю и владельцу китайской технологической компании LeEco и одной из крупнейших онлайн-видео компаний в Китае, запрещено проводить финансовые транзакции, пользоваться самолетами и скоростными поездами, брать банковский кредит, останавливаться в престижных отелях и делать крупные покупки. Эти ограничения распространяются и на членов его семьи¹.

В бизнес-секторе от системы CCK-SCS ожидают наведения порядка и принуждения всех бизнес-структур к соблюдению установленных правил и принципов ведения предпринимательской деятельности, соблюдению налоговых требований и своевременной уплате налогов, поставок на потребительский рынок качественной продукции, соответствующей принятым стандартам, соблюдению норм нравственности и честности во взаимоотношениях с представителями властных структур и выполнения требований регуляторов рынка.

Система CCK-SCS должна способствовать воспитанию и перевоспитанию китайских предпринимателей, чистке китайского рынка от недобросовестных предпринимателей и повышению рейтинга Китая как крупного мирового производителя и поставщика качественной продукции на мировой рынок. Успехи видны. Электронная продукция (смартфоны, ноутбуки, планшеты, телевизоры) китайского производства соответствует мировым стандартам и теснит мировые бренды.

Система социального кредита охватывает все 33 млн. предпринимательских организаций страны независимо от их размера – от малого до крупного бизнеса. При расчете/определении социального рейтинга учитываются соблюдение рыночных правил, налоговые отчеты и своевременная уплата налогов, судебные решения, качество продукции, государственное лицензирование, условия найма работников, количество сотрудников-членов компартии, безопасность труда, вопросы охраны окружающей среды, административные наказания со стороны регуляторов рынка².

При определении рейтинга компании учитываются многообразные параметры: степень соблюдения и нарушения законодательства, социальная ответственность, уровень общественного рейтинга, наличие лицензий на ведение того или иного вида производственно-торговой и иной предпринимательской деятельности, регистрация в органах контроля, срок рыночной жизни организации, структура акционеров, взаимоотношения с госорганами, финансовая прочность и налоговая дисциплина, управление финансами и кредитами, уровень дохода и прибыли, договорная дисциплина, производственные отношения, состав трудового коллектива и его квалификация, безопасность труда и охрана окружающей среды, соблюдение принятых стандартов и качество продукции, деловая репутация.

При низком рейтинге компания лишается льготного кредита и доступа к госзаказам, ужесточаются налоговые и финансовые требования, возникает угроза отзыва лицензии и ведения экспортно-импортных операций.

Высокий рейтинг – это льготное кредитование и льготное налогообложение, привилегии на рынке госзаказов, господдержка экспортно-импортных операций.

По мнению профессора Ван Шуцзин пекинского Столичного педагогического университета, вести бизнес в Китае без социальной системы доверия слишком рискованно, поскольку примерно половина всех контрактов не выполняется. Система гражданского рейтинга оценивает финансовые данные и моральные качества человека, воспитывая честное отношение и повышая уровень доверия всего населения с целью повысить общую конкурентоспособность национальной экономики³.

По словам заместителя председателя NDRC Лянь Вэйлян, существующие в бизнесе меры стимулирования и наказания в рамках системы социального кредита основаны на законах и нормативных актах. За серьезные нарушения, особенно угрожающие жизни и имуществу, к компании применяются жесткие меры наказания, такие как временный или постоянный запрет на доступ к рынку и даже тюремный срок⁴.

Предприниматель Ву Сяньгуаня приговорен к тюремному заключению и штрафу за незаконную продажу доступа к услугам VPN-сетей – виртуальная частная сеть, пропускающая Интернет-трафик пользователей через сервера, расположенные в других странах, на которые не распространяется юрисдикция китайских регуляторов⁵.

Экс-председатель правления China Telecom Чан Сяобин приговорен за взяточничество к шестилетнему тюремному заключению и штрафу в размере 72,6 тысячи долл.⁶

Вопрос доверия в китайской бизнес-среде приобретает все большее значение. Поступательное прогрессивное развитие предпринимательской деятельности и соответственно национальной и мировой экономики возможно в усло-

¹ Может ли ваш цифровой профиль сработать против вас? 14.07.2019. – <https://www.e-xecutive.ru/finance/novosti-ekonomiki/1990700-mozhet-li-vash-tsifrovoy-profil-srabotat-protiv-vas>

² Китай продвигает противоречивую систему социального кредита для 33 млн. компаний. 18.09.2019. – <https://www.vestifinance.ru/articles/125168>; Чем грозит система социального кредита в Китае иностранным компаниям? 14.10.2019. – <https://www.vestifinance.ru/articles/126517>

³ В мире. Китай: социальный кредит доверия на базе тотального наблюдения. 20.02.2019. – <http://guardinfo.online/2019/02/20/v-mire-kitaj-socialnyj-kredit-doveriya-na-baze-totalnogo-nablyudeniya/>

⁴ Китай продвигает противоречивую систему социального кредита для 33 млн. компаний. 18.09.2019. – <https://www.vestifinance.ru/articles/125168>

⁵ Китайца посадили на 5,5 года за продажу VPN-сервисов. 22.12.2017. – <https://www.interfax.ru/world/593036>

⁶ Экс-глава China Telecom приговорен к 6 годам тюрьмы за взяточничество. 31.05.2017. – <https://www.interfax.ru/business/564645>

виях общественного доверия, соблюдения принципов и правил рынка. За несоблюдение этих правил компанию вносят в черный список с соответствующими ограничениями ведения бизнеса. Компания, честно ведущая бизнес, получает привилегии при прохождении бюрократических процедур. Этой важной информацией государственные учреждения делятся между собою, чтобы выявлять компании-нарушители и «правильные» компании с последующим введением санкций против нарушителей и поощрением других всеми государственными учреждениями и службами.

Любая компания – это прежде всего люди: руководители, ведущие специалисты, сотрудники, обслуживающий персонал. И естественно возникает вопрос: можно им доверять или нет, они подведут или нет.

Система балльно-рейтингового контроля за деятельностью компаний распространяет надзор на руководителей и официальных представителей компании, связывает поведение частных лиц с их деловой деятельностью. Нарушителей заносят в черные списки.

Применение штрафных санкций к компаниям и их руководителям может нанести при определенных условиях социально-экономический ущерб территории, на которой расположены предприятия компании, и стране, подорвав ее репутацию в глазах мирового сообщества. Ограничительно-штрафные санкции могут привести к сокращению и даже сворачиванию производственной деятельности компании, что автоматически увеличивает безработицу, приводит к снижению налоговых поступлений в бюджет, нарушению поставок и партнерских отношений.

Болезненно восприняли систему ССК-SCS иностранные предприниматели, ведущие бизнес в Китае. Они стремятся понять требования системы ССК-SCS к ведению бизнеса в Китае. Руководство иностранных компаний понимает, что игнорирование и/или непонимание этих требований означает уход с китайского рынка и, как следствие, приведет к значительным потерям.

Система ССК-SCS для иностранных компаний в Китае может стать инструментом в международных торговых спорах и инструментом предоставления преимуществ китайским компаниям.

Новая система также создает серьезные неудобства для иностранных компаний, которые обеспокоены тем, что она может использоваться в качестве оружия в ходе международных торговых споров или для предоставления преимуществ отечественным компаниям.

Последствия социального рейтингования для компаний могут быть различными: при «положительном поведении» компания получит льготный налоговый режим, лучшие условия кредитования, лучшие отношения с властными структурами. Им будет легче работать на китайском рынке. Недостаточное количество социальных баллов может привести к противоположным последствиям, вплоть до отзыва разрешения работать в Китае.

Открытость рынка для зарубежного капитала требует от иностранных предпринимателей бескомпромиссного соблюдения формулы «иностранные инвестиции – китайская эксплуатация – китайское владение». В соответствии с законом иностранные компании могут работать на китайском ИКТ-рынке, если постоянно делятся с местными производителями своей передовой технологией. Сегодня эта стратегия применяется в сфере ИИ-технологий.

Требования системы ССК-SCS распространяются и на иностранные и китайские компании, действующие в СЭЗ. Масштабно поощряется стратегия «Опоры на собственные силы» с акцентом на высокие затраты на НИОКР. В 2015 г. в Китае насчитывалось 238 СЭЗ, в том числе 7 специальных экономических зон, 90 зон технико-экономического развития государственного уровня, 114 зон новых и высоких технологий, 13 свободных таможенных зон, 14 зон приграничного экономического сотрудничества государственного уровня и Шанхайская зона свободной торговли¹.

Эти зоны – источник китайских «инноваций», сотрудничества с ведущими зарубежными специалистами.

9. Менеджмент и система ССК-SCS

Любая организация, предприятие, компания – это прежде всего люди: исполнители и руководители низшего, среднего и высшего уровня. Как известно из теории и практики менеджмента успех компании, ее процветание и прибль во многом зависит от руководителя: как он организует работу, какую систему взаимоотношений выстроит, какие условия создаст для выполнения своих решений. Можно смело сказать, что 90% успеха организации обеспечивает руководитель.

Руководство бизнес-структур (собственники и топ-менеджмент компаний) являются непосредственными двигателями развития национальной экономики и лицом китайского бизнеса, представляющего Китай в мировом бизнес-сообществе. Они занимают особое место в ССК, требуя к себе и особого отношения. Ограничение прав и возможностей собственников-руководителей компаний может негативно сказаться на занятости, на экономическом развитии, на ВВП, на торгово-экономических отношениях с зарубежными контрагентами и как бумеранг – на внутреннем положении страны. Вводить санкции против бизнес-структур – значит рубить сук, на котором сидишь. Применение к этой группе системы ССК-SCS не может быть таким же как к первой группе – группе рядовых исполнителей. Ущерб может измеряться не только в финансовом измерении, но и в социальном – в результате закрытия предприятия, в переносе бизнеса в другой регион страны или переноса в другую страну. Поэтому в отношении к этой категории китайских граждан система ССК-SCS может быть только мягкой, естественны некоторые исключения. Но как говорится, рынок не знает чести. Бизнес не будет бизнесом, если однажды не обманет рынок. Компании и их руководство нарушают принятые правила ведения бизнеса, выпуская некачественную и/или контрафактную продукцию, задерживая погашение кредита, срывая выполнение договора и принятых обязательств, забывая о спонсорской деятельности. За эти серъ-

¹ Цифровая экономика Китая: «Ассимиляция! Сопротивление бесполезно!» / Шульцева В. – <http://www.lastmile.ru/journal/article/4702>

езные нарушения руководителей и ответственных исполнителей согласно системе ССК-SCS заносят в черные списки, снижают у них уровень доверия, лишают их права создавать и/или владеть бизнес-структурами в финансовой сфере, выпускать акции и облигации, проводить внешнеторговые операции, получать фондовые опционы и участвовать в тендерах на национальном и местном уровнях, блокируют доступ к правительственным субсидиям и государственной поддержке. Снижение рейтинга доверия лишает руководителей бизнес-структур права переходить на высокопоставленные управленческие должности в государственных, партийных и военных структурах. При установлении нарушения местный чиновник приглашает руководство бизнес-структуры на беседу и предлагает разработать план устранения возникшего недоразумения. В отдельных случаях руководству и ответственным исполнителям может быть закрыт доступ к некоторым общественным благам. При этом учитывается возможный ущерб для экономики от принятия такого запретительного решения.

В отчете 2018 г. Государственного центра информации о системе социального кредита сообщается о внесении в «черные списки» почти 4 млн. юридических лиц, которые попадают под запрет участия в госзакупках, аукционах на землю, проведения операций на фондовом рынке, проведения экспортно-импортных операций¹.

Из мер поощрения предусматривается предоставлять высокорейтинговым руководителям и владельцам бизнеса дополнительные возможности льготного кредитования, дополнительные преференции при проведении тендеров на госзакупки и экспортно- импортных операций.

10. Руководящая и направляющая сила Китая и социальный самоконтроль

Цель и задачи формирования нового благонадежного человека были сформулированы руководством правящей партии страны, а механизмы формирования нового человека (системы ССК-SCS) были разработаны по ее заданию и под ее руководством. Правящая партия формирует руководство страны и считается незапятнанной честью и совестью китайского общества. Этот статус требует особой системы рейтингования (системы ССК-SCS), поскольку затрагивается репутация правящей партии. Неизлечимой болезнью партийно-государственного руководства являются вечные спутники государства: монополизация власти, стремление удержаться у власти, карьеризм, лицемерие, коррупция, стяжательство.

В первые годы социально-рейтингового эксперимента партийно-государственное руководство страны пользовалось иммунитетом от системы ССК-SCS. В 2018 г. на совместном заседании Главного управления ЦК КПК и Главного управления Госсовета Китая властям провинций было рекомендовано использовать одобренный опыт наказания руководящих партийно-государственных работников на уровне провинций и ниже с учетом показателей их социального рейтинга при переходе от экспериментальной к крупномасштабной проектируемой модели ССК-SCS и с 2020 г. публиковать черные списки партийно-государственных руководителей и партийных работников, владельцев бизнеса и топ-менеджеров, также было рекомендовано при соединении посредством любой мобильной или иной телефонной связи с лицами из черного списка предупреждать абонента с помощью автоматизированных информаторов, что он звонит человеку из черного списка и согласно системе ССК-SCS, который не вызывает полного доверия. Под контроль системы ССК-SCS попадают руководители низшего и среднего звена. Для руководителей высшего звена сохраняется иммунитет.

При падении рейтинга руководители партийно-государственных структур низшего и среднего звена лишаются права приобретать землю и недвижимость. В силу действия круговой ответственности запрет распространяется также на членов их семей, взрослых самостоятельных детей и разведенных супругов, несмотря на их положительные рейтинги. Они все автоматически заносятся в черные списки, что существенно ограничивает их права, в том числе возможность приобретать и/или легально вывозить валюту за рубеж, участвовать в бизнесе горнодобывающих компаний, вести внешнеторговую деятельность и операции на бирже.

Партийно-государственным руководителям среднего и низового звена с пониженным рейтингом и членам их семей ограничивается доступ также к общественным благам, включая престижное потребление, возможность путешествовать бизнес-классом и первым классом на высокоскоростных поездах и самолетах, останавливаться в престижных отелях, отдыхать на элитных курортах, запрещается посещать любые рестораны и ночные клубы, отдыхать за рубежом и обучать детей в платных престижных школах.

Из мер поощрения предусмотрено включать партийно-государственных работников среднего и низового звена с положительным социальным рейтингом в кадровый резерв государственного и муниципального значения и в специальные программы переподготовки кадров с последующим кадровым продвижением [там же].

Как быть с высшим партийно-государственным руководством, сохранится ли у него иммунитет от системы ССК-SCS? При лишении иммунитета возникает вопрос: а судьи кто? Останется или нет каста неприкасаемых, покажет время или достижение цели системы ССК-SCS снимет проблемы.

Ошибаться свойственно всем – не ошибается только ленивый. Но не все могут увидеть, осознать ошибку, тем более ее автор. Ошибки, просчеты власти хорошо видны со стороны, и особенно остро на них реагирует оппозиция. Однако критиковать центральную власть, плохо отзываться о ней – это игра против себя. В то же время критика местной власти, местных руководителей, местной экономики поощряется².

¹ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

² Что такое цифровой тоталитаризм и возможен ли он в России. – <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e8efb879a79471cf805f2b3>

За критику и обвинение чиновника в коррупционных сделках журналист Лю Ху (Liu Hu) оказался в черном списке и соответственно был лишен доступа к общественным благам, включая право приобретать авиа- и железнодорожные билеты, что автоматически существенно ограничило его профессиональную деятельность¹.

Согласно введенным в 2016 г. правилам главные редакторы китайских Интернет-сайтов несут персональную ответственность за их содержание. Считается, что введение этих требований стало реакцией власти на критику лидеров государства и ведет к усилению государственной цензуры. Оппозиция считает, что государственная власть Китая цензурирует Интернет, удаляет и блокирует информацию, которую, по ее мнению, гражданам не следует знать и обсуждать².

Критика системы социального рейтингования, как и власти не допускается. В 2009 г. власти Китая закрыли Facebook за критические комментарии пользователей в адрес руководства страны, размещаемые в ее соцсетях. Условием возврата на китайский рынок стало согласие Facebook соблюдать и работать по установленным в Китае правилам, передавать информацию китайскому руководству, обеспечить предварительную цензуру размещаемых материалов.

К. Рот (уйгур-мусульманин – заморский китаец) считает, что в Китае выстроена суперсовременная оруэлловская сеть тотальной государственной электронной слежки и изощренная система Интернет-цензуры для выявления и пресечения любой несанкционированной критики³. Система позволяет власти нейтрализовать источники критики независимо от их геолокации.

Руководство страны намерено добиться увеличения уровня доверия внутри общества. И не скрывает своих намерений от населения, которое проинформировано о слежке через запущенные программы социального кредита. Часть населения признает данный контроль нормальным, получая определенные льготы, другая образованная часть видит в ССК вторжение в частную жизнь и обеспокоена, что рано или поздно собранная информация может обернуться против них. Создание общества благонадежных граждан может завершиться установлением тотальной цифровой диктатуры.

Практическое применение системы ССК- SCS делит общество с позиции государства (правящей партии) на послушных, надежных граждан, которым за их послушание и надежность государство открывает доступ к общественным и коммерческим благам, и ненадежных граждан – людей «второго сорта», которым государство закрывает доступ к общественным и коммерческим благам, обрекая их на нищенское существование и постепенную деградацию. В таком обществе неизбежно поселяются доноительство, подозрительность и недоверие.

Общекитайская система социального кредита может трансформироваться в систему бюрократического контроля в интересах руководящей партийно-государственной элиты.

Проблема доверия правящей партии не снимается с повестки дня. Самоочищение идет уже второе десятилетие. Особенно усилилась борьба с коррупцией и мздоимством в верхних эшелонах партийно-государственного руководства страны в последние десять лет. К пожизненному заключению за коррупцию приговорен бывший член политбюро ЦК Компартии Китая, секретарь парткома мегаполиса Чунцина Сунь Чжэнцзя, который обвиняется в получении взяток и использовании служебного положения в корыстных целях⁴.

Чжан Ци – бывший мэр города Ганьчжоу и бывший член провинциального комитета Хайнаня КПК установил личный мировой коррупционный рекорд. В подвале его дворца обнаружено почти 13 тонн золота и сотни миллионов в долларовом эквиваленте. По оценке этих запасов с лихвой хватило бы для спасения двух Греций от дефолта⁵.

Бесконечная чистка партийно-государственных рядов порождает у населения скепсис в отношении эффективности системы ССК-SCS.

11. Политика кнута и пряника

Вступление человечества в век робототехники преобразует все взаимоотношения и роли участников: человек, общество, государство.

Развитие робототехники является прямым результатом деятельности человека, роста его образования и образованности. Четвертая промышленная революция придала новый импульс развитию робототехники, которая вытесняет человека из процесса труда, тогда как предыдущие промышленные революции облегчали труд человека. Именно в процессе труда развивался, развивается и будет развиваться человек, его ум, логика мышления. Робототехника, вытесняя человека из процесса труда, подрывает прогрессивное развитие человека, что является угрозой человеку и не отвечает требованиям безопасности человека.

Уместно привести три закона робототехники, сформулированные ученым-биохимиком, профессором, писателем-фантастом Айзеком Азимовым (1920–1992) в рассказе «Хоровод» (1942): 1) робот не должен причинить вред человеку своим действием или бездействием; 2) робот должен выполнять все указания человека кроме направленных против человека; 3) обеспечивая свою безопасность, робот не должен навредить человеку.

¹ Китайский журналист арестован за критику чиновника в Twitter. – <https://lenizdat.ru/articles/1115183/>

² В Китае вводят обязательное сканирование лиц пользователей смартфонов. 02.12.2019. – <https://www.bbc.com/russian/news-50623956>

³ Китай как источник глобальной угрозы правам человека. – <https://www.hrw.org/ru/world-report/2020/country-chapters/337324>

⁴ Бывший член политбюро ЦК КПК приговорен к пожизненному заключению. 08.05.2018. – <https://www.interfax.ru/world/611712>

⁵ Китайский чиновник прятал в подвале дома 13 тонн золота. 26.09.2019. – <https://www.m24.ru/news/za-rubezhom/26092019/91374>

Робототехника подобно двуликому богу Янусу имеет двойное назначение. Все зависит от ее использования и в чьих интересах она используется.

В преломлении воздействия трех законов робототехники на современное развитие и в условиях роста образования (приобретений знаний и компетенций в процессе обучения и/или эмпирическим путем) и образованности (результат образования, объем имеющихся у человека знаний, навыков, компетенций) населения наблюдается постоянная трансформация взаимоотношений между человеком/гражданином, обществом и государством/властью.

Эти законы из фантастики шагнули в жизнь и изменяют соотношения между человеком, обществом и государством/властью: 1) государство/власть не должны действовать во вред человеку и обществу, должна содействовать их развитию; 2) государство/власть, защищая интересы одной социальной группы, должны учитывать интересы всех остальных социальных групп общества на базе консенсуса; 3) обеспечивая свою безопасность, государство/власть не должны делать это в ущерб населению – обществу.

У любого явления имеется всегда две стороны. Вторая часть гласит 1) действия человека не должны подрывать устои государства; 2) человек должен соблюдать принятые правила общественного поведения; 3) защищая свои права, человек не должен подрывать устои государства/власти.

Фантастические законы робототехники противоречат интересам бизнеса и политики. Их соблюдение в бизнесе, в частности, повышение безопасности и экологичности продукции, удорожает выпускаемую продукцию, подрывает конкурентоспособность компании. В то же время это забота о безопасности и здоровье человека.

Функционирование системы CCY-SCS основано на современных достижениях ЧПР, включая умные девайсы и искусственный интеллект.

Официально утвержденного перечня показателей системы ССК- SCS в период реализации пилотных проектов не существовало. Ее основные контуры и базовые положения были обозначены идеологами правящей партии.

В Китае для рейтингования населения используют 1) пожизненный электронный идентификатор личности, 2) биометрическую идентификацию, 3) официальные показатели госорганов, 4) контрольные данные, 5) сигнальные данные, 6) ведомственную и локальную информацию, 7) контекстные индикаторы.

Пожизненный электронный идентификатор личности (ПЭИЛ) присваивается каждому китайцу на основании закона об удостоверении личности 2003 г. и служит в качестве паспорта/удостоверения личности. ПЭИЛ имеют 90% городского населения и 50% сельского, предполагается, что до 2025 г. его будет иметь все население Китая. Вносить изменения в идентификатор могут только соответствующие госорганы. Идентификатор представляет собой 18-разрядный код с указанием имени, фамилии, даты рождения и иной информации о человеке.

ПЭИЛ служит важным источником и критерием надежности китайца, выполняя важную роль в системе ССК-SCS и сборе информации о владельце благодаря своему всеохватывающему использованию, которым наделил его закон.

Китаец не может провести анонимно ни одной операции, связанной с куплей/продажей/арендой собственности, техники, технических устройств, гаджетов, получением доступа к Интернету, устройством или сменой работы. При этом в городе любые операции можно проводить только с использованием ПЭИЛ, который невозможно подделать, тогда как в сельской местности допускаются и бумажные документы. С 2021 г. использование ПЭИЛ приобретает обязательный характер при совершении в онлайн и офлайн любых экономических, социальных и бытовых действиях. ПЭИЛ дает полную детализированную информацию о жизнедеятельности каждого представителя 1,40-миллиардного населения Китая и населения в целом, а также отдельных народностей и социальных групп. Это порождает проблему архивации, обработки и хранения огромных массивов информации. По мнению Е. Лариной и В. Овчинского, на создание центра архивации и обработки этих постоянно пополняющихся данных потребуется не менее 10–15 лет¹.

Применение электронного идентификатора личности имеет технические ограничения. Как отмечалось выше, не все городское население имеет идентификатор личности, а в сельской местности почти у половины жителей его нет. К тому же небольшие города и сельские поселения не охвачены полностью сетью специальных электронных устройств для считывания электронного идентификатора личности.

Благодаря электронному идентификатору личности система ССК-SCS может работать с пятью типами показателей оценки надежности китайского гражданина: 1) официальные показатели; 2) контрольные данные; 3) сигнальные данные; 4) ведомственная и локальная информация; 5) контекстные индикаторы. И соответственно давать оценку человеку по его законопослушности и соблюдению законов, честности, аккуратности погашения задолженности, потребительскому поведению, активности в Интернете и соцсетях, по контактам, знакомым, друзьям и близким, поведению в общественных местах, по деловым связям.

Создается система тотального контроля над жизнью и поведением населения, отдельных групп и отдельной личности. Сдерживающим фактором является, во-первых, сложность охвата всей территории страны и особенно сельской местности и небольших городов специальным smart-оборудованием, способным считывать электронные идентификаторы и обеспечить доступ к Интернет сетям и терминалам, и во-вторых, нерешенная проблема хранения и обработки больших объемов данных.

Вводимая биометрическая идентификация делает любые транзакции абсолютно проницаемыми, являясь важным источником информации.

¹ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

Официальные показатели госорганов включают ФИО гражданина, данные о его рождении, прописки/регистрации, учебе, месте работы, семейном положении, собственности, данные судебных и правоохранительных органов. Степень их правдивости зависит от физического и юридического лица, предоставляющего эти данные.

Контрольные данные уточняют официальные данные, степень их соответствия реальности. В случае несоответствия с подавшего такие данные снимаются баллы, а доносчик/информатор получает дополнительные баллы.

Сигнальные данные представляют сведения, поступающие в систему ССК-SCS после обработки и анализа информации с камер видеонаблюдения и Интернета вещей. При негативных данных (нарушение норм порядка, морали, нравственности) рейтинг человека понижается, при благородном поступке рейтинг человека повышается.

Ведомственная и локальная информация сосредотачивается в базах данных компаний, организаций, предприятий, местных органов власти и включает данные о надежности, платеже- и кредитоспособности человека, его поступках и ошибках, взаимоотношениях в семье и с соседями, трудовой и производственной дисциплине, его поведении и активности в жизни местной общины.

Система ССК-SCS по замыслу должна интегрировать федеральные, ведомственные и местные базы сведений о гражданах.

Контекстные индикаторы – это данные о здоровье человека, его семейных отношениях, участии в воспитании детей и заботе о престарелых родителях.

В первые два года запущенные в разных регионах Китая экспериментальные скоринговые системы социального рейтингования работали с разными схемами поощрений и ограничений. По мере накопления и обобщения данных скорингового эксперимента проводилась корректировка системы поощрений и ограничений. В 2016 г. уточненный перечень ограничений граждан с низким рейтингом включал 1) запрет на работу в госучреждениях; 2) запрет занимать руководящие должности в пищевой и фармацевтической промышленности; 3) отказ в соцобеспечении; 4) повышенный досмотр на таможне; 5) запрет на бронирование и приобретение билетов на авиарейсы и спальные места в ночных поездах; 6) запрет бронировать номера в престижных гостиницах и ресторанах; 7) запрет обучаться в престижных вузах и обучать детей в элитных частных школах¹.

Результаты не заставили себя ждать. В 2018 г. 12 млн. человек были лишены доступа к общественным благам, в том числе 9 млн. граждан с низким рейтингом было запрещено пользоваться внутренним транспортом и 3 млн. человек были лишены права бронировать и приобретать железнодорожные билеты бизнес-класса². Санкции, ограничивающие доступ к общественным благам, нарушают права человека и не соответствуют принципам рыночной экономики.

Социальный маховик ограничений и штрафов раскручивается и набирает силу. Уже в 2019 г. число «штрафников» почти удвоилось. Итог функционирования системы ССК-SCS в 2019 г. ужасен с точки зрения социального развития и доступа к общественным благам: 17,5 млн. чел. были лишены права приобретать авиабилеты, 5,5 млн. чел. – железнодорожные билеты, 2 млн. чел. лишились права обучать своих детей в престижных школах и университетах, 0,8 млн. чел. были лишены права – поступать в высшие учебные заведения. Лишаются права поступать в высшие учебные заведения уклонисты от военной службы³.

Согласно информации Национальной комиссии развития и реформ Китая (National Development and Reform Commission of the People's Republic of China – NDRC) – государственного агентства, ответственного за планирование экономического развития КНР – на середину 2019 г., было отказано продать 26,82 млн. авиабилетов и 5,96 млн. железнодорожных билетов на высокоскоростные поезда ненадежным китайцам из черного списка. В то же время 4,37 млн. потерявших доверие китайцев предприняли попытку восстановить свой положительный рейтинг⁴.

В период 2014–2020 гг. введенный балльный рейтинг, сохраняя общую концепцию поощрений граждан с высоким рейтингом и ограничений граждан с низким рейтингом, количественно и качественно значительно разнился как по городам, так и по схемам частных компаний, получивших лицензию на проведение социального рейтингования. В каждом проекте учитывались исторические и этнические особенности территории, численность и половозрастная структура населения, его образование, соотношение молодого и старшего поколений, сформировавшийся образ жизни.

В одних городах устанавливался количественный балльный рейтинг, в других – внутри балльного рейтинга вводились категории. Балльный диапазон, находящийся в пределах 300–850 баллов, разбит на категории: положительная категория включает «А» и «В», негативно-штрафуемая – «С» и «D». Система создает комфортные условия для благонадежных, входящих в категории «А» и «В», и ущемляет интересы людей категорий «С» и «D». Люди категорий «С» и особенно «D» имеют низкий рейтинг и попадают под санкционный социальный пресс.

Власти Жунчэна в ходе реализации пилотного проекта решили применить проверенные тысячелетиями методы в новой системе ССК-SCS. Все население города было поделено на группы по 400 семей в каждой группе. Специально назначенные старшие таких секторов следят за жителями и собирают фото- и видеодоказательства недостойного поведения и отправляют эти данные в специальный городской информационно-аналитический центр, получая за это баллы.

¹ Система социального кредита. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Китайское общество искренности. – <https://etika.nplus1.ru/privacy/dictatura>

³ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

⁴ Social Credit System. – https://en.wikipedia.org/wiki/Social_Credit_System

Политические эффекты подобного механизма социального контроля в Китае описаны давно. Еще живший в II–I веках до н.э. классик китайской историографии Сыма Цянь писал, что баоцзя с ее круговой порукой и взаимной слежкой нередко использовалась властями в целях борьбы с оппозицией и выколачивания налогов с населения.

Время покажет, превратится ли система социального кредита в невиданную ранее цифровую диктатуру XXI века, всевидящего Большого брата, который неусыпно следит за тобой.

В Китае человек, отказавшийся служить в армии или с пониженным рейтингом, лишается возможности учиться в старших классах, продолжить обучение, получить высшее образование. Более того, такой человек лишается права обучать своих детей в престижной частной школе и университете. В итоге возникает социальный замкнутый круг. В Китае отсутствует развитая пенсионная система, поэтому содержание престарелых родителей ложится на плечи детей. Без образования устроиться на работу и тем более хорошо оплачиваемую проблематично. Получается замкнутый круг: по системе CCK-SCS человек, попавший в черный список, не только в настоящем сам лишается многих возможностей, но лишается их и в будущем, поскольку блокирует своим детям доступ к качественному образованию, обрекая их на мизерный доход.

Закрыть доступ к образованию – значит лишить будущего подрастающее поколение, нацию, общество и государство.

Отсутствие должного образования закрывает путь к управленческим должностям в госучреждениях, банках и крупных промышленных предприятиях и выталкивает человека на социальное дно. Человек из черного списка не может рассчитывать на работу со стабильным нормальным заработком.

Вопрос – кто определяет рейтинг: человек или компьютерная программа. В случае с человеком не избежать субъективной оценки. На рейтинге может сказаться повышенное или пониженное эмоциональное состояние оценивающего, сведение счетов, «убедительная просьба», некомпетентность. Компьютерная программа не всегда может оценить причину несоблюдения установленных правил: переход улицы в неположенном месте неосознанно или сознательно с целью предотвращения наезда.

Люди с заниженным балльным рейтингом относятся к категории неблагонадежных – низкорейтинговым и обречены на принудительное маргинальное существование и принудительную деградацию.

Согласно принятому в 2016 г. документу «Руководящие рекомендации Госсовета КНР по становлению и совершенствованию механизмов поощрений лиц с высоким рейтингом доверия, и наказаний лиц, утративших доверие, для ускорения создания системы социального кредита» был, во-первых, расширен список наказаний и, во-вторых, санкции за нарушение в одной сфере (например, переход улицы в неположенном месте) распространялись на все сферы – ипотеку, обучение, транспорт, социалка и др.

С воспитательной целью и для оказания психологического давления на нарушителей из черного списка определенная персональная информация о них размещается в Интернете и общественных местах (кинотеатрах, автобусах), также их дети лишаются возможности обучаться в частных престижных школах и университетах. Фактически у будущего поколения нет будущего.

Вокруг «неудобного» человека с пониженным социальным рейтингом создается атмосфера отчуждения. Такое психологическое давление не каждый может выдержать. Не приведет ли подобная атмосфера к суициду?

Поменять статус с негативного на положительный и вырваться из черного списка возможно, если последующие действия человека в течение 2–5 лет будут соответствовать установленным системой CCK-SCS правилам и принципам и окружающие оценят эти положительные изменения.

В отличие от нарушителей правил и принципов системы CCK-SCS китайцы с высоким социальным рейтингом имеют существенные привилегии и льготы: 1) возможность получать банковские кредиты с процентной ставкой на треть ниже установленной за счет государственной компенсации; 2) скидки до 25% цены на приобретение билетов на самолеты и скоростные поезда; 3) доступ к Интернету с максимальной скоростью; 4) преимущества на получение лучших рабочих мест, возможность бесплатного повышения квалификации и включение в программы кадрового резерва; 5) обучение детей в лучших школах и возможность обучать детей за рубежом; 6) руководящие партийные и государственных работники получают возможность пройти переподготовку кадров по специальной программе с последующим продвижением и включением в кадровый резерв федерального и муниципального уровня; 6) топ-менеджерам и владельцам бизнеса предоставляются дополнительные льготы при получении кредитов, предоставляются преференции при участии в тендерах на госзакупки, предоставляется государственная поддержка в экспортно-импортных операциях¹.

Китайцы с повышенным (более высоким) социальным рейтингом имеют расширенный доступ к общественным благам и вознаграждениям: льготный прием у врача и в государственных учреждениях, определенные скидки в гостиницах, большая возможность трудоустройства, возможность обучать детей в престижных частных школах и ускоренного получения шенгенской визы. Повышению социального рейтинга способствуют сдача крови, пожертвования на благотворительность, волонтерство, общественные работы.

Вся информация об активности гражданина и его взаимоотношениях с домашними, соседями, сослуживцами, подчиненными, руководством, государственными и частными структурами, также как и о бизнес-активности компании из всех частных и государственных источников всех уровней, из соцсетей, из переписки по e-mail, мессенджерах, Интернета, от операторов сотовой связи, из систем видеонаблюдения должна поступать в единый информационно-аналитический центр, где должна аккумулироваться, обрабатываться и архивироваться. Повышенное внимание уделя-

¹ Китайская система социального кредита: традиции и технологии в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени / Ларина Е., Овчинский В. 04.09.2019. – http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii

ется деловым транзакциям физических и юридических лиц и их взаимоотношений с банковскими, финансовыми и налоговыми органами.

Остается открытым вопрос степени/уровня справедливого применения системы СКК-SCS – кнута и пряника (поощрения и наказания) ко всем гражданам независимо от их статуса: крестьянину, горожанину, инженеру, госслужащему, государственному и партийному руководителю. Роль, значение и влияние каждого из них на развитие страны или тяжести причиненного ущерба – разные. Будут ли какие исключения с учетом статуса гражданина? Нерешенным остается вопрос – чему отдать предпочтение: кнуту или прянику, наказанию или поощрению. По мнению Лариной Е. и Овчинского В., на данной этапе развития Китая предпочтение отдано системе наказания [там же].

Венцом системы СКК-SCS, ее инструментом наказаний являются черные списки, в которые вносят людей, нарушивших принятые нормы поведения. До 2020 г. в черные списки не вносились имена руководящих государственных и партийных работников, владельцев и топ-менеджеров бизнеса.

В общекаитайские черные списки заносятся физические и юридические лица – нарушители установленных рыночных правил и принципов, стандартов общественной и бытовой жизни. Цель общекаитайских черных списков – отслеживать нарушителей установленных норм и правил и принудить их соблюдать введенные нормы и правила посредством применения к нарушителям штрафных санкций.

Создавать собственные системы социального рейтингования разрешено частным финансовым и другим коммерческим учреждениям, которые используют наряду с данными о финансовом состоянии физических и юридических лиц информацию из социальных сетей. Последние являются важным бездонным источником информации о пользователе, включая его общественные интересы и индивидуальные предпочтения.

Частные системы социального рейтингования учитывают 1) данные о наличии кредита, его использовании и своевременном и регулярном погашении, 2) особенности поведения клиента при совершении коммерческой сделки, 3) имущество, активы и личную информацию о клиенте, 4) поведение и предпочтения клиента, 5) социальное поведение и социальный статус клиента, 6) информацию, связанную с мобильными платежами клиента, 7) данные о пожертвовании и благотворительности, 8) информацию о друзьях и знакомых с высокими кредитными рейтингами, 9) доброжелательность поведения в социальных сетях, 10) частую смену адреса (отрицательный фактор), 8) излишнюю увлеченность видеоиграми (отрицательный фактор), 9) мошенничество в онлайн играх¹.

Искусственное замедление скорости интернета – еще одно наказание для обладателей низкого социального рейтинга. По информации журнала Wired, эту меру применяют к гражданам, которые отметились частой покупкой видеопир, долгим сидением в соцсетях или распространением фейковых новостей.

Частные системы социального кредитования сотрудничают с государством, которое дифференцирует клиентов частных систем социального кредитования с учетом набранных баллов на привилегированных и изгоев.

Одной из проблем вводимой системы остается вопрос подрастающего поколения. Как быть «неправильным» подросткам и юношам (особенно из сельской местности), совершившим незначительные правонарушения и не получившим нужного образования. У них уже априори заложен низкий рейтинг. Высокорейтинговые будут избегать общения с ними и с другими низкорейтинговыми, чтобы не уронить собственный рейтинговый балл и не потерять доступ к общественным благам. Такой подход порождает кастовость и подталкивает общество к деградации. Китайский политолог Дэн Юйвэнь писал, что в современном обществе с размывающимися морально-этическими границами «происходит распад личности, нет даже элементарных сдержек – что добродетель, что бесчестие, когда вся нация руководствуется лишь интересами, такое общество деградирует до уровня борьбы за существование, до животного уровня»².

Применение системы социального кредита порождает некоторые серьезные проблемы: 1) должна ли система СКК распространяться на все население страны без исключения или существуют отдельные социальные группы, которые выводятся из-под ее действия, или имеют некоторый иммунитет; 2) качественно и количественно система поощрения и наказания – привилегий и штрафов должна быть для всех социально-статусных групп населения равнозначной или дифференцированной с учетом социально-статусных различий; 3) должно ли соотношение между поощрениями и наказаниями быть сбалансированным или нет.

Симметричность равносильна признанию равенства между положительными и отрицательными качествами человека и соответственно мера поощрения уравнивается мерой наказания.

Асимметричность предполагает доминирование положительных или отрицательных качеств у населения. Асимметричность определяет соотношение между системой поощрения и системой наказания.

В отчете 2018 г. Государственного центра информации о системе социального кредита сообщалось о 14 млн. нарушений, совершенных рядовыми гражданами Китая. В число нарушителей не попали руководящие партийно-государственные работники, средние и крупные предприниматели и топ-менеджеры. Значительная часть нарушений связана с просрочкой и задолженностью по кредиту, недостоверной рекламой, незаконной уличной торговлей, бытовым насилием, жестоким обращением с членами семьи и родственниками, нарушениями правил общежития и т.п.

К серьезным нарушениям, за которые нарушителя вносят в черный список, относятся 1) отказ выполнять судебные предписания, 2) проигранный гражданский иск, 3) задолженность по уплате штрафов, 4) мошенническая деятельность.

¹ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. 11 декабря 2016. – <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>

² Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. Китайский путь. 18.07.2017. – <https://carnegie.ru/commentary/71546>

По данным Верховного народного суда Китая (февраль 2017 г.) 6,15 млн. гражданам – нарушителям общественного порядка запрещено покидать страну в течение следующих четырех лет. Помимо этого, 1,65 млн. граждан из черного списка запрещено пользоваться железнодорожной системой страны¹.

Система штрафует тех, кто нарушает правила пользования общественным транспортом: ездит без билета, курит в поезде и просто ведет себя неподобающе

Скрытая сторона всех ограничений – убрать на генетическом уровне инакомыслящих по принципу: дети отвечают за родителей, родители отвечают за детей. Такая система породит лицемерное поколение и скрытое сопротивление со стороны другой части [там же].

Человек, соблюдающий установленные правила, получает привилегии, нарушившего правила – наказывают. В основу системы социального доверия положена методика дрессировки академика Павлова: за хорошее благонадежное поведение – поощрения и привилегии, за нарушения – наказание.

Система несовершенна и требует серьезной доработки. Многие лишаются социальных льгот из-за недоработки рейтинговой системы, которая не учитывает обстоятельства несоблюдения правил: один находится в больнице и не может оплатить счет, уведомление, другой уклоняется от уплаты.

Идеологической основой системы СКК-SCS является страх и надежность. Считается, что страх потери доверия движет людьми.

¹ В мире. Китай: социальный кредит доверия на базе тотального наблюдения. 20.02.2019. – <http://guardinfo.online/2019/02/20/v-mire-kitaj-socialnyj-kredit-doveriya-na-baze-totalnogo-nablyudeniya/>

Половян А.В.

д.э.н., доцент, в.н.с. Института экономических исследований, Донецк

Шемякина Н.В.

к.э.н., доцент, в.н.с., директор Института экономических исследований, Донецк

Пономаренко А.А.

н.с. Института экономических исследований, Донецк

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: образ цифрового пространства Евразийского Союза, цифровые трансформации, информационно-коммуникационная инфраструктура, государственно-частное партнерство, концессионное соглашение.

Keywords: image of the digital space of the Eurasian Union, digital transformation, information and communication infrastructure, public private partnership, concessionary agreement.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) традиционно связано с реализацией на практике проектов развития инфраструктуры транспорта, городского хозяйства, социальной сферы, которые являются собственностью государства и находятся в зоне ответственности органов государственного и муниципального управления. Состояние инфраструктуры как основы формирования условий экономической деятельности, обеспечивающей взаимодействие объектов, оказывает непосредственное влияние на экономический рост. Развитие инфраструктуры трансформирует условия экономической деятельности в пространстве, оказывает системообразующий эффект на внутренние и внешние факторы хозяйственной деятельности, соединяет и консолидирует объекты для реализации индивидуальных преимуществ¹. В то же время, размеры финансирования объектов, составляющих инфраструктуру, сопряжены с высокими затратами и превышают возможности государственного и муниципального бюджетов, поэтому развитие партнерских отношений между государством и частным бизнесом в целях привлечения внебюджетного финансирования является важной сферой государственного управления.

Принципиально новым направлением сегодня является развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры. Значительные изменения в сфере цифровых технологий и информации, оказавшие трансформационное воздействие на мирохозяйственное развитие и экономическую активность за последнее десятилетие, сопряжены с необходимостью стремительного развития цифровой инфраструктуры, что накладывает дополнительную нагрузку на бюджеты всех уровней. Реализация инфраструктурных проектов в сфере цифровых трансформаций на принципах ГЧП представляет один из устойчивых трендов последних лет.

Появление цифровых технологий нового поколения, которые в силу масштабов и глубины влияния получили наименование «сквозных», – искусственный интеллект, робототехника, Интернет вещей, технологии беспроводной связи и ряд других, заложило основу цифровой трансформации моделей деятельности в бизнесе и социальной сфере. По оценкам, представленным в докладе Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности 2018 года (World Economic Forum, WEF, 2018), внедрение сквозных технологий способно повысить производительность труда на 40%².

Достижение преобразующего эффекта от проникновения информационно-коммуникационных технологий зависит от уровня цифровой инфраструктуры, развитие которой представляет собой одно из приоритетных направлений государственной политики стран в сфере цифровых трансформаций и перехода к цифровой экономике, а также является актуальным направлением исследований.

Повестка цифрового развития стран – экономических лидеров (США, Великобритании, Германии, Японии и других), основанная на распространении цифровых технологий и развитии цифровой экономики, включает стадии от построения информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в цифровой сфере и программ поддержки повсеместного внедрения цифровых технологий³.

¹ Савченко Е.Е. «Инфраструктурная адаптивность» как ключевой элемент формирования системообразующей инфраструктуры региона // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. – № 4 (90). – <http://izvestia.bgu.ru/reader/archive.aspx?id=513>

² The Global Competitiveness Report, 2018. – <http://roscongress.org/materials/otchyot-o-globalnoy-konkurentosposobnosti-2018-goda/>

³ Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 4.

В России обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу является одной из национальных целей развития¹. Создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, входит в число приоритетных и ключевых задач. С 2019 г. намечается многократный рост расходов бюджета на разработку «сквозных» цифровых технологий: за период до 2024 г. из федерального бюджета на эти цели будет выделено 282 млрд. руб.

Для широкого применения цифровых технологий, как отмечают специалисты Всемирного банка, необходимо проведение реформ, направленных на создание развитой инфраструктуры, трансформацию рынков электросвязи, стимулирование государственно-частного партнерства. Чтобы «собрать урожай» цифровых дивидендов в виде ускорения экономического роста, увеличения числа рабочих мест и повышения качества услуг, необходимо инвестиции в новые технологии дополнять масштабными экономическими реформами, эффективными нормами регулирования, обеспечением надлежащего бизнес-климата и уровня образования².

Потребность в инвестициях в информационную инфраструктуру, как следует из доклада специалистов ЮНКТАД, является преобладающей в стратегиях цифрового развития разных стран – 25% от общего числа, в сравнении с потребностью в инвестициях на цели развития цифровых отраслей – менее 5% стратегий³.

Согласно данным обзора Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, регионы РФ, наряду с программами и проектами в сфере цифровой экономики, также указывают программы и проекты в сфере развития информационной инфраструктуры и внедрения автоматизированных информационных систем (АИС), что позволит достичь высокого уровня информатизации и автоматизации как необходимого условия последующей цифровизации отраслей экономики⁴.

С созданием информационной инфраструктуры и внедрением АИС связана большая часть проектов в сфере государственного управления:

- информационная безопасность;
- информационная инфраструктура;
- цифровые технологии;
- нормативное регулирование цифровой среды;
- кадры для цифровой экономики;
- цифровое государственное управление.

Развитие цифровых технологий играет определяющую роль в конкурентоспособности не только отдельных стран, но и экономических союзов, которые посредством реализации интеграционного потенциала, стремятся повысить эффективность экономик государств-членов и добиться устойчивого развития. Государства, входящие в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), определяют переход к цифровой экономике как ключевую движущую силу экономического роста на основе цифровых трансформаций. Актуальность и перспективы цифрового развития экономик государств-членов ЕАЭС сформулированы в основных направлениях реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года⁵.

Беспрецедентность возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, определяет необходимость для правительств государств-членов ЕАЭС стимулировать процессы технологических трансформаций посредством создания единой сетевой инфраструктуры⁶, развития общих цифровых платформ и новых цифровых решений. Инициативы и проекты Цифровой повестки Союза направлены на расширение возможностей государств-членов, хозяйствующих субъектов и граждан, что будет достигнуто посредством гармонизации усилий с опорой на национальные цифровые стратегии и программы государств-членов ЕАЭС.

В этой связи, можно выделить следующие потенциальные выгоды от реализации Цифровой повестки ЕАЭС:

- создание единого цифрового пространства ЕАЭС;
- достижение синергетического эффекта от реализации национальных цифровых повесток;
- получение цифровых дивидендов для всех участников;
- всеобщий экономический рост;
- повышение производительности в приоритетных областях;
- увеличение числа рабочих мест;
- преобразование сферы услуг.

Создание общей безопасной и масштабируемой цифровой инфраструктуры для осуществления цифровых трансформаций представляет основу видения цифрового пространства ЕАЭС. Обеспечение широкополосного доступа

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

² Доклад о мировом развитии 2016: Цифровые дивиденды. – www.vseirnnyjbank.org/ru/events/2016/02/01/central-asia-launch-wdr-2016

³ Доклад о мировых инвестициях за 2017 год. Инвестиции и цифровая экономика. UNCTAD/WIR/2017 (Overview). – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_overview_ru.pdf

⁴ Текущее развитие проектов в сфере цифровой экономики в регионах России. Аналитический доклад. Июнь 2019. – <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/23299.pdf>

⁵ Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup>

⁶ Например, по оценкам Европейской комиссии, построение единого цифрового рынка ЕС может ежегодно приносить в экономику Евросоюза до 415 миллиардов евро, создавать новые рабочие места, а также формировать общество, основанное на знаниях.

в Интернет в формате единого цифрового пространства Союза позволит создать возможности для появления инновационных производств, новых рабочих мест и обеспечит возрастающую эффективность межстрановых взаимодействий.

Ключевая роль в максимизации экономического эффекта принадлежит элементам единой сетевой инфраструктуры. Ожидаемый положительный эффект от реализации комплексной региональной Цифровой повестки на рост ВВП региона до 2025 года достигается, в первую очередь, за счет фиксированного широкополосного доступа в Интернет (+1,7% к ВВП), увеличения пропускной способности (+0,66% к ВВП) и распространения электронной торговли (+0,88% к ВВП).

Из вышесказанного следует, что необходимым условием цифровой трансформации, с технологической точки зрения, являются высокоскоростные и безопасные проводные и беспроводные сети передачи данных. Создание цифровой или ИКТ-инфраструктуры представляет первый шаг на пути формирования информационно-коммуникационного пространства, а наличие базовой инфраструктуры позволяет в дальнейшем развивать дополнительные сервисы.

К базовым составляющим ИКТ-инфраструктуры относятся:

- локально-вычислительные, территориально распределенные, беспроводные сети передачи данных, структурированная кабельная система;
- подсистема инженерного обеспечения, в т.ч. оборудование серверных помещений (центры обработки данных (ЦОД)) и все, что обеспечивает надежную работу сетевого и прочего оборудования.

Таким образом, цифровые процессы, которые способны кардинально трансформировать отрасли и существующие модели экономики, могут работать только на настроенной под них инфраструктуре. Появление «новой инфраструктуры» и фундаментальные преобразования в экономике взаимосвязаны. В 2019 г. на цифровую экономику приходилось 18% мирового ВВП, к 2025 г. ожидается рост этого показателя до 24%. В Китае, второй крупнейшей экономике мира, уже в 2018 г. доля цифровой экономики в ВВП составила 34,8%, обеспечив более чем две трети роста ВВП.

Потребность в более совершенной сети обусловлена возрастающим количеством данных, ростом числа пользователей и устройств, взаимодействующих с Интернетом и между собой, изменением моделей потребления и прочее. Представление о возрастающих масштабах потоков данных позволяет получить объем глобального трафика на основе Интернет-протокола (IP)¹. Основной рост трафика и доходов происходит не в секторе «устройств для людей», а в секторе «устройств для Интернета вещей», который является одной из базовых целей функционала 5G.

Развитие сети связи «пятого поколения» – 5G, является необходимым условием цифровых трансформаций и формирует сегодня, наряду с анализом больших данных (Big Data) и Интернетом вещей (IoT), основу цифровой экономики, главной движущей силой которой выступает искусственный интеллект (AI). За последние 40 лет сменились четыре поколения сетей мобильной связи. Сети 2G, 3G и 4G эксплуатируются до сих пор, а некоторое количество инфраструктуры сетей 3G и 4G органично войдет в состав мобильных сетей пятого поколения 5G, которые значительно расширят ограниченный функционал мобильных сетей предыдущих поколений². Сегодня 5G называют первой волной «новой инфраструктуры»³, в контексте которой 5G представляет фундаментальную коммуникационную инфраструктуру, а не очередной цикл развития технологий мобильной связи, и определяет следующий этап технологической революции.

США и Китай являются лидерами развития отрасли 5G, Швейцария, Австралия, Япония и Корея имеют пилотные проекты сети 5G, чему способствует проведение государственной политики, основанной на понимании роли сети 5G как важной национальной инфраструктуры. В Китае, например, несмотря на экономические сложности, вызванные последствиями пандемии COVID-19, операторы мобильной связи ускорили централизованную закупку решений для создания 5G-сетей.

Европейский союз развивает концептуальную среду сети 5G в рамках программы Horizont 2020. Реализация стратегии развития сети 5G позволит отраслям экономики использовать будущие ключевые технологии и новые приложения, распространение которых обеспечивают высокие скорости и низкий уровень задержки, например, видео высокой четкости или дополненная реальность, что еще больше будет способствовать слиянию цифрового и физического мира. Для апробации технологий 5G ЕС совместно с Кореей проводят раннее тестирование, что было продемонстрировано во время зимних Олимпийских игр 2018 года в Пхенчхане (Корея).

Использование государственно-частного партнерства как базового механизма реализации проектов 5G, подчеркивает стратегическое значение цифровых технологий будущего для ЕС. Бюджет, выделяемый на реализацию ГЧП-проектов в сфере развития сети 5G, составляет 700 миллионов евро. Поддержка промышленного лидерства через механизмы государственно-частного партнерства осуществляется в секторе стандартизации 3GPP и валидации технологического процесса⁴.

В исследовании Всемирного банка выделяются два наиболее важных фактора, определяющих процессы цифровизации региона, в котором расположен ЕАЭС: сильное влияние государства и не склонный к рискам частный сек-

¹ В 1992 году объем потока данных составлял примерно 100 гигабайт (ГБ) в день, а в 2017 году вырос до более 45000 ГБ в секунду. К 2022 году, согласно прогнозам, объем глобального IP-трафика достигнет 150700 ГБ в секунду в результате все большего числа новых пользователей в Интернет-сети и расширения Интернета вещей [Доклад о цифровой экономике, 2019. UNCTAD. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. – http://www.unctad.org/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru

² 5G. Пятое поколение мобильной связи. – <https://www.tadviser.ru/index.php>

³ Почему 5G называют фундаментом цифровой экономики. – https://www.cnews.ru/articles/2020-06-16_pochemu_5g_nazyvayut_fundamentom_tsifrovoy

⁴ 5G для Европы: План действий комиссии по труду. Документы Евросоюза. – <http://telecomlaw.ru/studyguides/5G%20lecture%202018.pdf>

тор¹. Разработка и реализация совместных проектов и программ на основе долгосрочной заинтересованности может способствовать развитию сотрудничества государственного и частного секторов в продвижении цифровой повестки и преодоления негативных тенденций. Принципы разделения затрат и рисков и максимального учета интересов всех сторон, составляют основу государственно-частного партнерства. Эволюция форм хозяйственного взаимодействия на основе синергии государства и предпринимательского сектора, формирует новые формы связи, в результате чего возникает ощутимый мультипликативный эффект в экономической системе².

Фактически ГЧП представляет собой относительно новую систему финансирования инфраструктуры за счет частных инвестиций³. Стимулом для частных инвестиций, генерируемых проектами на основе ГЧП, является так называемое «бюджетное плечо», которое формирует государство через обязательство софинансирования части затрат на создание объекта и (или) гарантий определенной загрузки объекта или доходности инвестора. Таким образом частный партнер получает гарантированный доход от вложенных инвестиций на достаточно длительный срок. Выгоды государства, помимо снижения бюджетных расходов на создание, модернизацию и эксплуатацию, заключаются в повышении эффективности управления, увеличении финансовой отдачи, сохранении права собственности и контроля.

Инвестиционные обязательства являются обязательным элементом концессионного соглашения и соглашения о ГЧП, содержание которых зависит от типа объектов и вида соглашения. Объекты информационных технологий могут быть разработаны «с нуля» и (или) могут быть переработаны (модифицированы) из уже существующих. Технические средства создаются или модернизируются. ЦОД может создаваться или реконструироваться.

Применительно к сфере ГЧП речь чаще всего идет о проектном финансировании: частный инвестор привлекает заемные средства не на осуществление хозяйственной деятельности в целом, а на реализацию конкретного ГЧП-проекта. Условия финансируемого ГЧП-проекта и привлечения денежных средств обычно взаимосвязаны, что достигается путем использования целого комплекса инструментов как общего характера, так и разработанных специально для сферы ГЧП.

Государственно-частное партнерство играет значительную роль в странах Евразийского экономического союза, где продолжает развиваться нормативно-правовая, институциональная и инфраструктурная база⁴.

В последние годы наблюдается рост интереса со стороны публичного и частного секторов стран ЕЭАС к механизмам ГЧП. Как отмечается в Практическом руководстве, разработанном специально для представителей инфраструктурных компаний, финансовых организаций и других заинтересованных сторон, рассматривающих возможность участия в запуске и реализации проектов ГЧП на территории Евразийского экономического союза, государственно-частное, муниципально-частное или публично-частное партнерство – это один из способов реализации инфраструктурных проектов, основанный на долгосрочном взаимодействии публичной и частной сторон, при котором частная сторона участвует не только в создании (проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции) объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации, техническом обслуживании с целью извлечения прибыли. В результате эволюции форм привлечения бизнеса к реализации государственных инфраструктурных проектов на постсоветском пространстве, изменения произошли от участия частных компаний в отдельных этапах (проектирование, строительство, оказание последующих услуг поддержки) до реализации проектов «под ключ». Таким образом был осуществлен переход от «классического» государственного заказа к более сложной форме – комплексному инвестиционному проекту, что позволяет достигать максимального синергетического эффекта в решении инфраструктурных задач.

Для государств-членов ЕЭАС развитие механизмов ГЧП в сфере цифровой инфраструктуры является перспективным направлением как на страновом, так и региональном уровнях. В качестве основных форм ГЧП выступают: государственный контракт на выполнение работ или оказание услуг с инвестиционными обязательствами частного сектора, аренда государственной и муниципальной собственности, смешанные предприятия, соглашения о разделе продукции, концессии. Каждая из форм имеет множество разновидностей в зависимости от норм права, имеющегося опыта, традиций⁵.

В России объекты ИТ были включены в перечень объектов концессионных соглашений в 2018 г. Сегодня на территории РФ реализовано или находится в процессе реализации 23 ГЧП-проекта в сфере ИТ, 10 из которых заключены в форме концессионных соглашений. Транспортный сектор является основным сектором экономики, в котором реализуются ИТ-проекты⁶.

Существенным препятствием для государства и частных инвесторов в Российской Федерации при реализации проектов государственно-частного партнерства, объектами которых являются элементы цифровой инфраструктуры, являются императивные требования законодательства в отношении объектов соглашений, которыми могло быть толь-

¹ Получение цифровых дивидендов: эффективное использование Интернета для развития в регионе Европы и Центральной Азии. – <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/publication/digital-dividends-in-eca>

² Сайфуллин Р.И. Концепция государственно-частного партнерства в современной экономической системе (методологический подход) // Вектор науки ТГУ. 2012. – № 4 (22). – С. 311.

³ Завьялова Е.Б. Проблемы и перспективы применения механизмов государственно-частного партнерства в отраслях социальной сферы / Е.Б. Завьялова, М.В. Ткаченко // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – М., 2018. – Т. 26, № 1. – С. 64.

⁴ Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвестора (2 изд.). – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/ppp/Documents/Evrazes_Book-2018_A4.pdf

⁵ Варнавский В.Г. Место и роль государственно-частного партнерства в системе экономических категорий: попытка системного анализа. – <http://www.econorus.org/cprogram.phtml?vid=tconf&sid=2&ssid=182&rid=57>

⁶ Инфраструктурный клуб. Сообщество профессионалов рынка инфраструктурных проектов. – <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/scheglov.pdf>

ко недвижимое имущество, представляющее собой исключительно материальную инфраструктуру – здания, линейные объекты и иные объекты недвижимости, что негативно влияло на процесс привлечения инвестиций в сферы цифровых трансформаций и создавало дополнительные риски для участников проекта. Заключение концессионного соглашения или соглашения о ГЧП в отношении исключительно движимого имущества было невозможно даже теоретически. А возможность включения в объект соглашения объектов интеллектуальной собственности вообще не была упомянута в законодательстве¹.

Принятие закона², содержащего нормы регулирования заключения концессионных соглашений и соглашений ГЧП в сфере ИКТ в отношении объектов информационных технологий и объектов ИКТ-инфраструктуры, в том числе информационных систем, программ для ЭВМ, баз данных, сайтов, технологически связанного с указанной инфраструктурой движимого имущества, а также ЦОД, открывает новые возможности для государственного и частного сектора при переходе к цифровизации экономики.

Все многообразие услуг и возможностей сетей цифровой экономики строится на основе функционала платформы 5G, в том числе умный город, умный дом, беспилотный транспорт, электронная медицина, промышленная автоматизация, дополненная реальность (AR), работа в облаке. Высокоскоростная связь пятого поколения обеспечивает поддержку функционирования сетей для других инфраструктур, таких как центры обработки данных, искусственный интеллект и промышленный Интернет вещей, а также способствует ускоренному внедрению в различных отраслях информационных технологий, например, больших данных и облачных вычислений, что важно для развития цифровой экономики.

В Донецкой Народной Республике цифровые трансформации являются стратегическим направлением развития. Переход к цифровой экономике в ДНР сопровождается рядом существенных ограничений, поэтому речь, в основном, может идти о цифровизации некоторых секторов, сегментов или направлений как начальном этапе реализации взятого курса на цифровизацию экономики ввиду низкого уровня необходимых условий.

Для развития информационной инфраструктуры построено четыре магистральных линии связи, соединяющих Донецкую Народную Республику с Российской Федерацией, что позволило достичь полной независимости от украинского Интернет-трафика.

Республиканский оператор связи «Феникс» является первым проектом в ДНР в области GSM-связи, который предоставляет услуги в стандартах 2G и 3G. В 2018 году построена «с нуля» и введена в эксплуатацию сеть 4G (LTE) – мобильный Интернет четвертого поколения. Сегодня покрытие услугами мобильной и Интернет-связи Республиканского оператора составляет 98% территории. В 2020 году планируется увеличение более чем в два раза количества базовых станций сети стандарта 4G (LTE) на территории ДНР³.

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что государства с более низким уровнем экономического развития получают большие возможности включения в процесс цифровых трансформаций в рамках интеграционных экономических союзов. Высокая стоимость проектов по развитию ИКТ-инфраструктуры, является значимой предпосылкой реализации потенциала механизма государственно-частного партнерства.

¹ ГЧП в IT: новые возможности. Сентябрь 2018. – https://www.iidf.ru/upload/images_articles/%D0%A1oncession_IT_iidf_ppu.pdf

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 173-ФЗ от 29.06.2018 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301312/

³ Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы, Н.В. Шемякиной; ГУ «Институт экономических исследований». – Донецк, 2020. – С. 87.

Попов М.И.

к.э.н., доцент, Луганский государственный университет
pmi0108@gmail.com

Рахманая И.А.

к.э.н., доцент, Луганский государственный университет
rahmanna@mail.ru

Голубцова О.А.

старший преподаватель, Луганский государственный университет
ogolubtsova79@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИК СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: конкурентоспособность, кризис, цифровая экономика, цифровые технологии.

Keywords: competitiveness, crisis, digital economy, digital technologies.

Актуальность исследования механизмов обеспечения конкурентоспособности экономик стран Большой Евразии определяется тем, что в условиях глобальных дисбалансов и кризиса COVID-19 будущие позиции стран Большой Евразии по конкурентоспособности остаются крайне неопределенными, поскольку в ближайшем будущем по-прежнему сохраняются риски новых волн заражений и дальнейшего сокращения мировой торговли.

Между странами Большой Евразии имеются значительные различия, обусловленные прежде всего разной обеспеченностью природными ресурсами, степенью вовлеченности в европейскую интеграцию, выбором траекторий экономического роста, социально-экономической моделью и трендами развития стран.

В западной экономической мысли до сих пор не имеет универсального общепризнанного определения понятие конкурентоспособности национальной экономики. По определению Международного института развития менеджмента – это способность государства создавать и поддерживать условия, способствующие появлению конкурентоспособного бизнеса¹. По определению представителей Всемирного экономического форума – это набор институтов, политики и факторов, определяющих уровень производительности страны². В настоящее время под международной конкурентоспособностью понимают обладание свойствами, которые создают преимущества для субъекта соревнования на мировом рынке. Носителями этих свойств, то есть конкурентных преимуществ могут быть различные виды продукции, организации и предприятия, их группы, образующие отраслевые или конгломератные объединения, а также отдельные страны или их объединения (региональные, политические, этнокультурные), которые ведут конкурентную борьбу за лидерство в различных сферах международных экономических отношений.

Итак, под конкурентоспособностью экономики страны понимается интегральный относительный показатель, который отражает уровень эффективности производства, распределения и реализации товаров и услуг как внутри государства, так и за его пределами для увеличения собственного экономического потенциала и уровня развития страны.

Базовым положением анализа национальной конкурентоспособности, была концепция, предложенная М. Портером, в которой к детерминантам конкурентоспособности были отнесены: факторные условия; условия внутреннего спроса; стратегия и структура фирм и соперничество; смежные и обслуживающие отрасли³. Современные экономические исследования предлагают 12 детерминант, определяющих конкурентоспособность экономики, в подавляющем большинстве на них основывается оценка глобальной конкурентоспособности стран Международного института развития менеджмента и Всемирного экономического форума⁴.

Конкурентоспособность страны все в большей степени зависит от удельного веса вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, создаваемых межотраслевыми объединениями типа транснациональных корпораций (ТНК). Это обусловило принципиально иной, отличный от портеровского подход к оценке международной конкурентоспособности стран на базе вертикальной интеграции и агрегированного мультипликатора добавленной стоимости в качестве индикатора системной конкурентоспособности на национальном и транснациональном уровне с использованием межотраслевого баланса.

¹ IMD World Competitiveness ranking 2020. – https://www.imd.org/contentassets/6333be1d9a884a90ba7e6f3103ed0bea/wcy2020_overall_competitiveness_rankings_2020.pdf

² The Global Competitiveness Report 2019 / Insight Report. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

³ Портер М. Конкуренция: Пер с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 1993. – 495 с.

⁴ IMD World Competitiveness ranking 2020. – https://www.imd.org/contentassets/6333be1d9a884a90ba7e6f3103ed0bea/wcy2020_overall_competitiveness_rankings_2020.pdf

Почти все экономисты согласны с тем, что в будущем цифровые технологии будут приобретать все большее значение для производственных процессов. Таким образом, можно предположить, что производственные процессы со временем будут становиться все более капиталоемкими и технологичными – не только в развитых странах, но и во всем мире.

Возрастающая капиталоемкость и технологичность производства влияет на международную конкурентоспособность стран Большой Евразии (рис. 1).

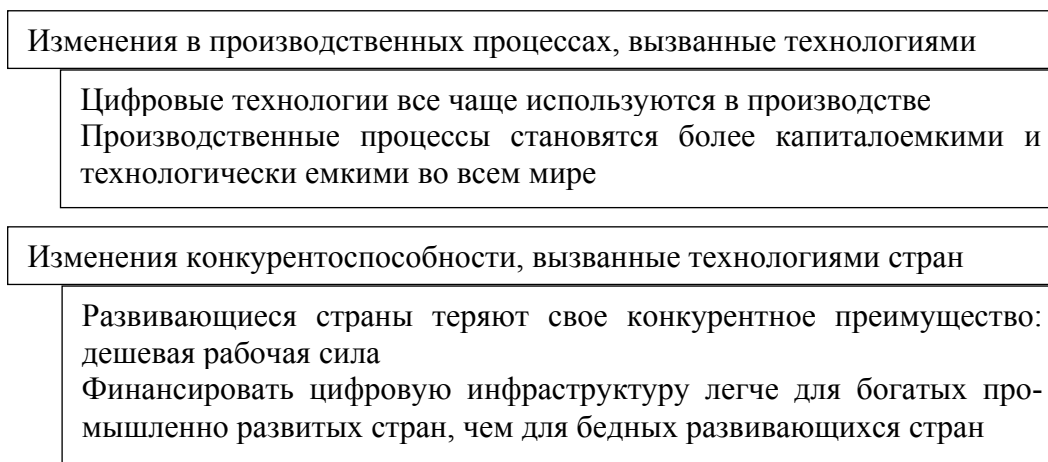

Рисунок 1.

Технологический прогресс изменит важность факторов производства и международной конкурентоспособности

Когда человеческий труд все больше заменяется роботами, компьютерами и машинами, трудоемкие развивающиеся страны теряют свое решающее конкурентное преимущество: дешевую рабочую силу.

В то же время конкурентная ситуация в богатых промышленно развитых странах улучшается, поскольку они могут лучше финансировать затраты на цифровую трансформацию.

В будущем международная конкурентоспособность отдельных экономик будет в решающей степени зависеть от того, насколько быстро цифровые технологии будут использоваться в производственных процессах. Эта цифровая трансформация, в свою очередь, зависит от того, располагает ли страна необходимыми ресурсами для этой трансформации.

Доступные ресурсы во многом зависят от достигнутого уровня экономического развития. Как правило, это измеряется уровнем реального валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. С помощью этого индикатора мир можно условно разделить на три группы стран (рис. 2).

Рисунок 2.

Перераспределение мирового богатства за счет цифровизации

Если посмотреть на текущую ситуацию ВВП на душу населения, то западные промышленно развитые страны имеют самый высокий доход на душу населения.

Если этим странам удастся продвигать использование цифровых технологий, они станут еще более конкурентоспособными. Результатом станет дальнейшее увеличение ВВП на душу населения.

Те промышленно развитые страны, которым не удастся осуществить цифровую трансформацию, теряют конкурентоспособность. Это относится к экономически слабым странам, которые также имеют большую задолженность, таким как, например, Греция и Италия. Страны со стареющим населением также могут попадать в эту группу стран, потому что инновационная сила и производительность такого общества, как правило, ниже.

Во многих странах Азии с формирующимся рынком за последние два десятилетия наблюдался сильный экономический рост. Таким образом, у них есть финансовые ресурсы для цифровой трансформации. Это касается не только Китая, но и других азиатских экономик, таких как Южная Корея, Индонезия, Таиланд и Тайвань.

Пандемия коронавируса (COVID-19) вызвала беспрецедентный спад в мировой экономике. Современный кризис ударил по инновационной сфере как раз тогда, когда она находилась в самом расцвете. По сути пандемия ничего не изменила в том факте, что прорывные технологии и инновации сохраняют свой потенциал.

Проанализируем глобальную конкурентоспособности стран Скандинавского региона по версии Всемирного экономического форума (табл. 1)¹.

Швеция по Индексу глобальной конкурентоспособности 4.0. является лидером среди стран Скандинавского региона (восьмое место) и 4 экономикой в Европе. Дания заняв десятое место, улучшила свои позиции в 2019 по 10 из 12 показателей, при этом ее финансовая система и учреждения достигли наибольшего прогресса. Дания также извлекает выгоду из стабильной экономики, современных навыков, надежного рынка труда (3 место) и широкого внедрения ИКТ.

Таблица 1

Оценка глобальной конкурентоспособности 4.0. стран Скандинавского региона в 2019 году

Показатели	Швеция		Дания		Финляндия		Норвегия	
	Оценка	Ранг	Оценка	Ранг	Оценка	Ранг	Оценка	Ранг
В общем	81,25	8	81,17	10	80,25	11	78,05	17
Учреждения	75	10	77,4	7	81,2	1	76,9	8
Инфраструктура	84	19	87,1	15	83,4	22	75,8	44
Принятие ИКТ	87,8	4	83,3	9	80,1	13	83,1	10
Макроэкономическая стабильность	100	1	100	1	100	1	100	1
Здоровье	96,6	11	92,6	29	93,0	27	94,5	20
Навыки	83,7	7	85,7	3	85,7	2	83,8	6
Товарный рынок	66,3	16	66,9	12	66,3	15	60,9	36
Рынок труда	69,4	22	78,2	3	71,5	17	73,3	13
Финансовая система	88,0	8	86,8	11	89,7	5	82,0	20
Размер рынка	65,4	40	59,9	55	57,8	60	61,4	50
Динамичность бизнеса	79,4	6	80,0	3	78,1	7	76,9	11
Инновационные возможности	79,1	5	76,2	11	75,8	12	68,0	20

Финляндия остается на одиннадцатом месте, и имеет сильные позиции по таким направлениям оценки, как учреждения (1 место) и навыки (2 место). Норвегия снизилась в рейтинге на одно место в сравнении с 2018 и занимает 17 место.

Дания, Швеция и Финляндия в течение 2020 года стали лидерами среди Европейского Союза по инновационному развитию. В частности, Швеция занимает второе место, Дания занимает шестое место, Финляндия находится на седьмом месте, а Норвегия на двадцатом месте в группе стран с высоким уровнем дохода.

Отличительными чертами скандинавской модели государства благосостояния является принятие государством на себя ответственности по обеспечению социальных потребностей населения, признание благосостояния правом каждого гражданина, активная государственная политика на рынке труда с ориентацией на обеспечение полной занятости, по сравнению равномерным распределением доходов благодаря высоким налогам.

Если в целом рассмотреть страны Скандинавского региона, то стремление к независимости, низкий уровень коррупции, бесплатное образование и здравоохранение, защита прав частной собственности, радикальный индивидуализм вкупе с социальной защищенностью дали огромную мотивацию к работе и повысили их эффективность на мировом рынке.

Экспортно-ориентированные экономики стран Скандинавского региона вступают в трудный период рецессии, несмотря на смягчение карантинных мероприятий и поэтапное возвращение хозяйственной деятельности. Частичное открытие границ, прежде всего между основными торговыми партнерами и соседями, не даст полномасштабного эффекта в 2020–2021 гг. и не восстановит необходимый для поддержки экономики спрос. А риск безработицы, стремление населения к сбережениям и социальное дистанцирование не стимулируют потребление.

Стратегия стран Скандинавского региона опирается на три приоритета, которые призваны усиливать друг друга: разумный рост²: развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях; устойчивый рост: содействие более

¹ The Global Competitiveness Report 2019 / Insight Report. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

² Sweden's National Reform Programme 2020 // An official website of the European Union. – https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/2020-european-semester-national-reform-programme-sweden_en.pdf

эффективному использованию ресурсов, экологической и более конкурентоспособной экономике; инклюзивный рост: содействие экономике с высоким уровнем занятости, которая обеспечивает экономическую, социальную и территориальную сплоченность.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что проблемными местами являются состояние рынка труда, состояние трудоустройства, жесткая налоговая политика и высокий уровень цен, сильными сторонами стран Скандинавского региона является система здравоохранения и медицинского обслуживания. Большинство стран скандинавского региона входит в 10 лучших, успехи их в социально-экономическом развитии в значительной степени связаны с обеспеченностью инфраструктурой, низким уровнем коррупции, развитием бизнеса, а также инновационным развитием.

Международная конкурентоспособность страны имеет решающее значение для процветания ее народа. Если экономика конкурентоспособна, отечественные компании могут продавать свою продукцию дома и за рубежом. Это обеспечивает рабочие места и приносит доход работникам.

Благодаря повышению конкурентоспособности страна может производить больше товаров и услуг и, таким образом, увеличивать ВВП на душу населения. Глобальное процветание перераспределяется: успешная цифровая трансформация увеличивает благосостояние людей. В странах, которые этого не делают, ВВП на душу населения падает.

Таким образом, цифровая трансформация собственной экономики становится предпосылкой для обеспечения и повышения благосостояния страны.

Для повышения конкурентоспособности экономики стран Большой Евразии на наш взгляд необходимо сосредоточить усилия на высвобождении из государственного сектора непрофессионалов, которыми он насыщен за последние годы, на снижении уровня коррупции, модернизации системы здравоохранения, кардинальной модернизации промышленности на основе энергосбережения и повышения эффективности работы агропромышленного комплекса, на повышении уровня инновационной и инвестиционной способности регионов, на развитии предпринимательской среды и конкуренции¹.

¹ The Global Competitiveness Report 2019 / Insight Report. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

Романова А.А.

к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
Romanova.OSU@yandex.ru

Романов П.А.

аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орел
r-peter@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ СТИХИЙНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС ИННОВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: инновации, стихийные факторы инновационной трансформации экономики, кризис, адаптация бизнеса.

Keywords: innovation, natural factors of innovative transformation of the economy, crisis, business adaptation.

В настоящее время ни у кого не осталось сомнений в том, что устойчивое развитие экономики, рост эффективности производства и производительности труда зависят от успеха инновационной деятельности как в отдельной компании, так и на уровне отрасли, региона и государства в целом. Инновации призваны стимулировать экономический рост: фирмы, сумевшие вовремя освоить новые технологии, увеличивают не только свою прибыль и капитализацию, но и общественное благосостояние.

Инновационные решения предполагают долгосрочные усилия реализующих их хозяйствующих субъектов, что требует четкого понимания перспектив осуществления новых видов деловой активности, зависящих от социальных, правовых и финансовых условий. Инновационная деятельность компаний определяется множеством факторов, которые можно классифицировать по ряду критериев, и прежде всего, в зависимости от определенности их наступления.

Как следствие, воздействие детерминированных, включающих в себя влияние инструментов государственного регулирования, сложившихся рыночных тенденций, инновационной стратегии самого хозяйствующего субъекта, можно прогнозировать и использовать в качестве основы для построения планов. Детерминированные факторы являются событиями и ситуациями, возникновение которых предопределенно сформировавшимися трендами и направлениями развития экономики и технологий.

Другая группа факторов – стихийных, случайных, по сути представляет собой форс-мажор, проявление воздействия непредвиденных обстоятельств. Опыт показывает, что далеко не все факторы поддаются прогнозированию, и в некоторых случаях реализуются риски, изначально рассматриваемые как маловероятные.

Очевидно, стихийные факторы, по сравнению с детерминированными, создают наибольшую неопределенность: именно они, главным образом, природные катаклизмы и эпидемии, на протяжении всей истории человечества меняли направления общественного развития.

В то же время ответом на воздействие природной (а затем и техногенной) стихии чаще всего становились нестандартные решения, позволяющие адаптироваться к неблагоприятным условиям. Таким образом, неуправляемые факторы вынуждают предпринимателей активизировать инновационную деятельность.

Новейшая история знает немало примеров, когда ликвидация последствий эпидемий, природных и техногенных катастроф происходила с помощью самых современных технологических достижений. Экстремальные условия требовали инновационных решений, и во многих случаях это был единственно возможный выход из создавшейся ситуации.

Так, для оценки уровня радиационного загрязнения на поврежденных реакторах АЭС в Фукусиме, использовались дроны RISER (Remote Intelligence Survey Equipment for Radiation – Дистанционное интеллектуальное оборудование для радиационных обследований), оснащенные лазерами и способные ориентироваться там, где отсутствуют сигналы GPS. Небольшой беспилотный аппарат маневрирует с помощью разработанного программного обеспечения для предотвращения столкновений и передает данные с высокой точностью, на основе которых получается 3D-карта радиоактивных загрязнений¹.

Роль инноваций в борьбе с эпидемиями трудно переоценить, и здесь можно выделить несколько направлений новаторской деятельности: работы по созданию качественных, быстрых и недорогих тестов на инфекции, определение новых способов выявления и предотвращения распространения опасных микроорганизмов. Так, для точной диагностики вирусной инфекции Зика были разработаны методы с использованием лазеров, а для координации усилий сотрудников служб экстренного реагирования в полевых условиях используются специально разработанные мобильные приложения².

¹ <https://www.atomic-energy.ru/news/2018/03/05/83820>

² <https://www.cdc.gov/ncepid/what-we-do/innovations/introduction.html>

Более того, предотвращение эпидемий чаще всего достигается реализацией инновационных решений. Так, отслеживание перемещений природного резервуара вируса марбургской геморрагической лихорадки в «пещере питонов» в Уганде – нескольких тысяч летучих мышей – осуществляется с помощью датчиков GPS, прикрепленных к спинам животных. В ходе исследования причин вспышек лихорадки Марбург было выявлено, что летучие мыши являются ее переносчиками, их отслеживание позволяет предсказать, какие территории наиболее подвержены риску возникновения эпидемии, и остановить следующую вспышку до того, как она начнется¹.

Инновации не только позволяют ученым и медикам оставаться на шаг впереди инфекционных заболеваний, но и обеспечивают формирование и функционирование механизма адаптации: государство и хозяйствующие субъекты выбирают наиболее эффективные инструменты, позволяющие минимизировать риски, порождаемые случайными факторами.

Пандемия COVID-19 не стала исключением из этого правила: ответом на угрозу распространения вируса стали нестандартные технологические и организационные решения. Так, Южнокорейская компания Lunit Inc., специализирующаяся на применении искусственного интеллекта (ИИ) в медицине, разместила в Интернете ссылку для бесплатного доступа к программному решению Lunit INSIGHT CXR для рентгенологического анализа грудной клетки, обнаруживающего 10 различных рентгенологических результатов, включая узелки и уплотнения в легких, с точностью 97-99%.

Компания, основанная в 2013 году, занимается машинным обучением, разработкой передовой медицинской аналитики изображений и биомаркеров на основе данных с помощью технологий глубокого обучения. Программное обеспечение для ИИ от Lunit получило международное признание за свои передовые технологии, позволяющие анализировать миллионы документов для точной диагностики и лечения онкологических заболеваний.

Предлагаемое компанией программное решение облегчает рутинную интерпретацию рентгеновского снимка грудной клетки. В условиях эпидемии коронавируса, характеризующегося развитием пневмонии, такой инструмент оказался особо востребован: уже к марту 2020 года Lunit INSIGHT CXR проанализировал более трех миллионов рентгенограмм из более чем 80 стран мира.

Автоматизация исследования состояния легких использовалась в центрах лечения коронавируса в Южной Корее и Бразилии: искусственный интеллект мгновенно анализирует рентгеновские снимки, выбирая подозрительные случаи, требующие дальнейших действий. Таким образом, в условиях нехватки врачей инновационные меры в борьбе с вирусом позволяют снижать нагрузку на систему общественного здравоохранения².

Активное использование искусственного интеллекта в медицинских учреждениях для высвобождения медицинского персонала больниц и ограничения распространения вируса – важнейший тренд, порожденный эпидемией COVID-19. Так, китайская робототехническая компания CloudMinds отправила 14 роботов в Ухань (КНР) для дезинфекции помещений, доставки лекарств и измерения температуры пациентов.

Инфракрасная термометрическая система проверяет температуру людей, поступающих в больницу, и при обнаружении симптомов лихорадки платформа ИИ предупреждает медицинский персонал. Роботы-доставщики с автономной системой навигации и обхода препятствий используются для обеспечения пациентов едой и напитками без прямого контакта между людьми. Все эти роботы связаны с платформой управления информацией искусственного интеллекта HARIX (Human Augmented Robot Intelligence with eXtreme Reality), синхронизированной с умными браслетами и кольцами, которые носят пациенты. Система может контролировать жизненно важные показатели пациента, включая температуру, частоту сердечных сокращений, уровень кислорода в крови, что позволяет медикам отслеживать всю важную информацию о пациенте удаленно через один интерфейс, выявляя любые потенциальные симптомы инфекции³.

Очевидно, многим инновациям, порожденным ограничениями, связанными с коронавирусом, суждена долгая жизнь и после него, что подтверждается накопленным опытом выживания и развития бизнеса в условиях эпидемий. Отметим, что становление одной из наиболее известных инновационных компаний, Alibaba, пришлось на период вспышки атипичной пневмонии SARS.

Компания Alibaba была основана в 1999 году как торговая площадка для китайских фирм, желающих продавать свои товары с помощью Интернета другим предприятиям по всему миру. Первая прибыль появилась лишь в 2002 году, однако в это же время на юге Китая началась эпидемия SARS, к 2003 году распространившаяся по стране и миру. Пандемия стала серьезнейшей проблемой китайской экономики, включая и Alibaba: производство пострадало от закрытия предприятий на карантин, а объемы продаж в розничной торговле упали из-за того, что потребители старались меньше выходить на рынки и в магазины.

Alibaba на тот момент готовилась к запуску Taobao, онлайн-площадки для потребителей, которая должна была стать китайским конкурентом eBay. Эпидемия грозила нарушить планы молодой компании, однако в реальности, казалось бы, наихудший сценарий оказался благоприятным.

Из-за карантина Alibaba была вынуждена перевести персонал на работу из дома, работники забрали свои компьютеры с собой, обеспечивая бесперебойную работу платформы электронной коммерции для бизнеса. Сотрудники работали по 12 часов в день, а горячая линия для клиентов перенаправляла звонки в «офисы на дому». Отметим, что и сайт Taobao был запущен вовремя.

¹ <https://www.cdc.gov/nceid/stories-features/global-stories/tracking-vhf-in-uganda.html>

² <https://lunit.prezly.com/lunit-named-to-the-2020-cb-insights-digital-health-150-list-of-most-innovative-digital-health-startups>

³ Clifford C. Look inside the hospital in China where coronavirus patients were treated by robots // CNBC. 2020. – March 23. – <https://www.cnbc.com/2020/03/23/video-hospital-in-china-where-covid-19-patients-treated-by-robots.html>

Карантин радикальным образом изменил поведение потребителей, заставив их обращаться за покупками в Интернет-компании, такие как Alibaba. Использование информационных технологий в бизнесе оказалось наиболее эффективным ответом на неблагоприятное влияние внешних факторов. Инновационное решение обеспечило лидерство не только Alibaba, одной из крупнейших в мире компаний электронной коммерции, но и их последователям-конкурентам, например, JD.com, запустившему свой сайт в 2004 году и в настоящее время являющемуся ведущим мировым онлайн-ритейлером с капиталом, достигающим 60 млрд. долларов США¹.

Эпидемия COVID-19 породила волну инновационных продуктов, позволяющих населению адаптироваться в условиях изоляции: цифровые инструменты для удаленной работы, программное обеспечение для домашнего обучения, решения для безопасной доставки продуктов. Например, спрос на услуги стартапа Outschoool, который проводит уроки в виде онлайн-видеочата, резко вырос в условиях, когда традиционные школы закрываются на карантин².

Борьба с распространением коронавируса существенно изменила представления о качестве и удобстве жилья: помимо дизайна, важнейшим критерием оценки стала его чистота, что способствовало возникновению новых технологий, позволяющих не только удалять пыль и грязь, но и дезинфицировать помещения. Большинство домовладельцев и арендаторов готовы платить за установку автоматизированной технологии очистки домов и квартир, что уже привело к модернизации технологий в строительстве: появились бесконтактные смесители, противомикробное светодиодное освещение, дверные ручки с обеззараживающим покрытием, а также новые системы вентиляции и фильтрации воздуха³.

Шумпетеровские «новые комбинации» становятся рациональным ответом на нестандартные обстоятельства. Предприниматели-новаторы находят необычные идеи даже в традиционной деятельности. К примеру, вынужденное нахождение дома из-за карантина, невозможность путешествовать и развлекаться в жаркое летнее время способствовали росту спроса на бассейны. Однако производители оказались не готовыми быстро нарастить производство, и в некоторых случаях срок ожидания поставки мог достигать до 2–3 месяцев. «Бассейновый бум» привел к процветанию таких стартапов, как Swimply, онлайн-компании по совместному использованию бассейнов, предлагающей их почасовую аренду в США, Канаде и Австралии. Владелец компании говорит, что из-за карантина количество пользователей приложения выросло на 3300% с начала пандемии⁴.

Таким образом, каждый кризис, вызывая серьезную тревогу, тем не менее открывает новые возможности для бизнеса. Опыт адаптации компаний к проявлениям стихийных факторов показывает, что инновационные решения чаще всего являются наиболее эффективным способом преодоления последствий непредвиденных событий, будь то эпидемия или техногенная катастрофа.

Очевидно, в условиях кризисов возрастает роль экспериментов и инноваций, что позволяет повысить адаптационную способность бизнеса и принимать оптимальные решения в ситуации неопределенности. Кризисы, в конечном счете, предоставляют уникальные возможности оценить эффективность инновационной политики хозяйствующих субъектов и государства, а также позволяют выделить наилучшие комбинации ее инструментов, обеспечивающие гибкость и жизнеспособность бизнеса.

¹ Huddleston T., jr. The SARS epidemic threatened Alibaba's survival in 2003—here's how it made it through to become a \$470 billion company // CNBC. 2020. — March 26. — <https://www.cnbc.com/2020/03/26/chinas-2002-2003-sars-outbreak-helped-alibaba-become-e-commerce-giant.html>

² Clifford C. These are the new hot spots of innovation in the time of coronavirus // CNBC. 2020. — April 15. — <https://www.cnbc.com/2020/04/15/hot-spots-of-innovation-as-a-result-of-coronavirus-pandemic.html?&qsearchterm=innovation>

³ Olick D. Coronavirus sparks huge demand for clean home technology innovations. 2020. — August 12. — <https://www.cnbc.com/2020/08/12/coronavirus-sparks-huge-demand-for-clean-home-technology-innovations.html?&qsearchterm=innovation>

⁴ Marks G. Pool sales heat up as people seek a backyard escape amid pandemic // The Guardian. 2020. — 23 August. — <https://www.theguardian.com/business/2020/aug/23/pool-sales-covid-19-backyard-swimming>

Руднев Ю.А.

к.э.н., зав. отделом ОАО «Институт промышленного развития «Информэлектро»

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИИ СТРАН ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: потребление энергоресурсов, первичные и вторичные энергоресурсы, душевое потребление энергоресурсов, конечное потребление энергии, Евразия.

Keywords: energy consumption, primary and secondary energy resources, per capita energy consumption, final energy consumption, Eurasia.

1. Введение

Статья посвящена анализу тенденций потребления энергоресурсов в странах Евразии в последние десятилетия. В основном рассматриваются динамические ряды показателей, начиная с 1990 г. Для некоторых общих показателей используются более продолжительные динамические ряды с 1971 г. и 1965 г.

При анализе потребления энергоресурсов используют, во-первых, показатель валового потребления первичных энергоресурсов, который формируется с учетом показателей производства первичных энергоресурсов, импорта и экспорта, международной морской и авиационной бункеровки, а также изменения запасов энергоресурсов. Во-вторых, используют показатель конечного потребления энергоресурсов, учитывающий преобразование первичных энергоресурсов, собственное потребление и потери при распределении.

Выделяются первичные и вторичные энергоресурсы. К первичным энергоресурсам относятся уголь, нефть, газ, ядерная энергия, возобновляемые источники энергии. Вторичными энергоресурсами являются продукты нефтепереработки, электроэнергия, тепловая энергия.

Для сравнения полезного эффекта различных видов топлива используется понятие условного топлива, позволяющее сравнить между собой различные виды топлива по теплотворной способности. Международное энергетическое агентство приняло за единицу энергии нефтяной эквивалент. Теплотворная способность одной тонны нефтяного эквивалента (т.н.э.) равна 10 Гкал. В работе использованы данные Международного энергетического агентства (International Energy Agency, IEA), консалтинговой организации Enerdata, транснациональной нефтегазовой компании BP и статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.

2. Общие тенденции потребления энергоресурсов в мире и странах Евразии

Оценивая динамику мировой энергетики в целом, следует отметить, что в период с 1971 г. по 2019 г. валовое потребление первичных энергоресурсов увеличилось примерно в 2,6 раза и достигло 14,4 млрд. т.н.э. В этот период среднегодовой темп роста валового потребления энергоресурсов составил 2,47%. Наблюдалось некоторое замедление роста потребления энергоресурсов. Так, среднегодовой темп роста с 1971 г. по 1990 г. был равен 2,47%, тогда как в период с 1990 г. по 2019 г. он снизился до 1,72%.

Динамика валового потребления первичных энергоресурсов в Евразии показана в табл. 1.

Таблица 1

Потребление первичных энергоресурсов в целом в период 1990-2019 гг.

Макрорегион, страна	Потребление энергоресурсов, млн т.н.э.						Удельный вес региона, страны в мире, %				
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.	2019 к 1990 в %	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.
Весь мир	8756	10 015	12 843	14 378	5621,8	64,2	100,0	100,0	100,0	100,0	
Евразия	5491	6013	8405	9663	4172,2	76,0	62,7	60,0	65,4	67,2	4,5
Европа	1776	1853	1926	1810	33,4	1,9	20,3	18,5	15,0	12,6	–7,7
СНГ	1379	902	1008	1090	–289,4	–21,0	15,7	9,0	7,8	7,6	–8,2
Россия	879	619	688	779	–99,3	–11,3	10,0	6,2	5,4	5,4	–4,6
Азия	2113	2886	4824	5988	3874,6	183,4	24,1	28,8	37,6	41,6	17,5
Китай	874	1130	2536	3284	2409,4	275,6	10,0	11,3	19,7	22,8	12,9
Индия	306	441	701	913	607,5	198,8	3,5	4,4	5,5	6,4	2,9
Ближний Восток	223	372	646	776	553,6	248,8	2,5	3,7	5,0	5,4	2,9

Источник: Enerdata (<https://yearbook.enerdata.net>); расчеты автора.

В приводимых далее таблицах Евразия разделена на четыре макрорегиона: Европу (без стран СНГ), группу стран СНГ, Ближний Восток и Азию. При этом подразумевается, что Азия не включает страны СНГ и Ближнего Востока. В таблицах приводятся также данные по отдельным, наиболее крупным с точки зрения энергопотребления странам – России, Китаю и Индии.

Рост потребления первичных энергоресурсов в Евразии был выше, чем рост этого показателя в мире в целом. Для объяснения этого факта сравним Евразию с другими макрорегионами по динамике энергопотребления. В Латинской Америке относительный прирост был примерно такой же, как в Евразии (75,2%). В Африке энергопотребление выросло более, чем в два раза, на 119,8%. Однако удельный вес Африки в мировом энергопотреблении относительно невелик, он увеличился с 4,3% в 1990 г. до 5,8% в 2019 г. Основным фактором, повлиявшим на отставание среднего по миру роста энергопотребления от роста потребления первичных энергоресурсов в Евразии, был замедленный рост энергопотребления в Северной Америке – всего на 18,3%. В результате доля Северной Америки в мировом энергопотреблении снизилась с 24,2% в 1990 г. до 17,4% в 2019 г.

Данные табл. 1 говорят о значительных территориальных сдвигах в потреблении первичных энергоресурсов в Евразии. При росте потребления первичных энергоресурсов в целом в Евразии на 76,0% в Европе валовое потребление первичных энергоресурсов практически не изменилось, а в странах СНГ снизилось на 21,0%. В то же время в Азии наблюдался рост энергопотребления в 1,8 раза, а в странах Ближнего Востока – в 2,5 раза. Особенно следует отметить рост потребления первичных энергоресурсов в Китае, где оно увеличилось в 2,8 раза. Абсолютный прирост потребления энергоресурсов в Китае обеспечил 57,7% прироста энергопотребления в Евразии в целом. Итогом указанной неравномерной динамики энергопотребления явилось значительное изменение удельных весов Евразии и входящих в нее макрорегионов в мире. Доля Евразии в целом в мире выросла на 4,5%, при этом доля Европы и СНГ снизилась на 7,7 и 8,2% соответственно. Напротив, удельный вес Азии вырос на 17,5%, а Ближнего Востока на 2,9%. Доля Азии в мире составила 41,6%, в том числе Китая – 22,8%.

В течение анализируемого периода с 1990 г. по 2019 г. динамика потребления энергоресурсов была неравномерной. Для многих регионов и стран характерны повышенные темпы роста в первом десятилетии 21 столетия. Так, в Китае среднегодовой темп роста потребления энергоресурсов в период 1990–2000 гг. составил 2,6%, в период 2000–2010 гг. – 8,4%, и в период 2010–2019 гг. – 2,9%.

3. Тенденции потребления в мире и странах Евразии по видам энергоресурсов

С точки зрения структуры используемых первичных энергетических ресурсов можно отметить ряд тенденций. Удельный вес угля мало менялся с начала 70-х годов и до конца XX века. В 2000 г. он составил 22,7%. В течение следующего десятилетия наблюдалось постепенное увеличение удельного веса угля. В 2011 г. максимальное значение удельного веса угля составило 29,6%. Затем прослеживается некоторое снижение этого показателя, в 2018 г. он был равен 27,0%.

За весь рассматриваемый период с 1971 г. по 2018 г. удельный вес нефти в общем объеме первичных энергоресурсов снизился с 45,2 до 31,6%. Процесс снижения был ступенчатым. В первые пятнадцать лет происходило интенсивное снижение, в 1985 г. удельный вес нефти опустился до 37,3%. В последующие пятнадцать лет до 2000 г. доля нефти в общем объеме первичных ресурсов была относительно стабильна, пока не началось ее очередное снижение, продолжавшееся десять лет. С 2011 г. снова наступил период относительной стабильности удельного веса нефти как первичного энергетического ресурса.

Рассматриваемый период отличает устойчивая тенденция роста доли газа в балансе первичных энергоресурсов, которая увеличилась с 16,0% в 1971 г. до 22,8% в 2018 г.

Доля ядерной энергии в начале рассматриваемого периода была всего 0,5%. В последующие годы до 1986 г. доля ядерной энергии интенсивно росла. Однако в дальнейшем наступил период стабилизации этого показателя, продолжавшийся до начала 21 столетия. В 2002 г. доля ядерной энергии в общем объеме первичных энергоресурсов составила 6,8%. В первое десятилетие 21 столетия удельный вес ядерной энергии начал снижаться, но во втором десятилетии спад прекратился.

Доля возобновляемых источников энергии была относительно стабильной, хотя в последнее десятилетие отмечен некоторый ее рост. В 2018 г. удельный вес возобновляемых источников энергии составил 13,7%.

В табл. 2 показаны удельные веса Евразии и входящих в нее макрорегионов в валовом потреблении всего мира в разрезе основных видов топливных первичных энергоресурсов в 1990 г. и 2019 г. Показатели табл. 2 говорят о значительных изменениях в территориальной структуре валового потребления основных видов первичных энергоресурсов. Прежде всего, отметим, что в наибольшей степени увеличение доли Евразии в энергопотреблении мира произошло за счет ускоренного роста потребления угля. В меньшей степени это касается роста потребления нефти. Что касается природного газа, то доля Евразии в его потреблении осталась практически неизменной.

Особенно впечатляет рост потребления угля в Китае. Если в 1990 г. доля Китая в мировом потреблении угля составила 21,5%, то к 2019 г. она выросла до 50,4%. Потребляя половину мировой добычи угля, Китай потребляет только 14,8% нефти и 7,6% природного газа. Противоположные по характеру структурные изменения имели место в Европе, в которой удельный вес угля сократился с 29,0 до 9,3%. В то же время, снижение потребления нефти и природного газа было менее значительным. Удельный вес нефти уменьшился с 22,3 до 15,9%, а газа – с 18,6 до 13,7%.

Динамику потребления первичных энергоресурсов в России отличает снижение ее удельных весов по всем видам первичных ресурсов. Однако это снижение было неравномерным. Наиболее существенно снизился удельный вес России в потреблении угля – с 8,3 до 3,0%. В гораздо меньшей степени сократилась доля России в потреблении нефти – с

8,5 до 6,5%. Значительно упала доля России по потреблению природного газа – с 22,9 до 12,5%. Несмотря на это удельный вес России в мире по потреблению природного газа остался выше, чем по другим топливным первичным ресурсам.

Таблица 2

Удельные веса Евразии и входящих в нее макрорегионов в мире по потреблению топливных первичных энергоресурсов в 1990 г. и 2019 г., %

Макрорегион, страна	Уголь			Нефть			Природный газ		
	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.
Весь мир	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	
Евразия	75,5	87,3	11,8	60,3	68,0	7,7	64,0	64,1	0,1
Европа	29,0	9,3	–19,7	22,3	15,9	–6,3	18,6	13,7	–4,8
СНГ	14,1	4,9	–9,2	13,2	7,9	–5,3	34,3	16,6	–17,6
Россия	8,3	3,0	–5,4	8,5	6,5	–1,9	22,9	12,5	–10,5
Азия	32,3	72,9	40,6	17,9	34,8	16,9	6,9	19,9	12,9
Китай	21,5	50,4	28,8	4,6	14,8	10,2	0,8	7,6	6,8
Индия	4,7	12,5	7,8	1,7	6,2	4,6	0,6	1,6	1,0
Ближний Восток	0,1	0,2	0,1	7,0	9,4	2,4	4,2	13,8	9,6

Источник: Enerdata (<https://yearbook.enerdata.net>); расчеты автора.

В табл. 3 показаны удельные веса Евразии и входящих в нее макрорегионов по объемам потребления основных видов вторичных энергоресурсов – нефтепродуктов и электроэнергии в 1990 г. и 2019 г.

Сравнивая удельные веса Евразии в мире по нефтепродуктам и электроэнергии с ее удельными весами по потреблению первичных энергоресурсов в целом, нетрудно увидеть ряд важных отличий. Прежде всего, отметим, что доля Евразии в мире по нефтепродуктам заметно меньше, чем по всем первичным энергоресурсам. Кроме того, эта доля мало изменилась за анализируемый период. Исследуя динамику доли Евразии по потреблению электроэнергии, видим ее опережающий прирост, по сравнению с приростом доли потребления по всем первичным энергоресурсам. Заметим также, что, если эта доля в 1990 г. была меньше, чем доля по потреблению всех первичных энергоресурсов, то в 2019 г. ее соотношение было противоположным.

Таблица 3

Удельные веса Евразии и входящих в нее макрорегионов в мире по потреблению вторичных энергоресурсов и выбросам CO₂ при сжигании топлива в 1990 г. и 2019 г., %

Макрорегион, страна	Нефтепродукты			Электроэнергия			Выбросы CO ₂ при сжигании топлива		
	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.	1990 г.	2019 г.	Прирост 2019–1990 гг.
Весь мир	100,0	100,0		100,0	100,0		100,0	100,0	
Евразия	56,5	57,5	1,0	59,7	70,8	11,1	65,6	73,4	7,7
Европа	21,0	13,6	–7,4	24,9	14,5	–10,3	21,7	11,2	–10,4
СНГ	12,0	4,3	–7,7	14,0	5,6	–8,5	17,5	7,6	–9,9
Россия	6,9	3,2	–3,7	9,1	4,0	–5,1	10,8	5,4	–5,4
Азия	19,2	33,0	13,8	18,7	46,4	27,7	23,6	48,5	24,9
Китай	4,6	14,4	9,8	5,0	28,2	23,2	11,1	29,7	18,6
Индия	1,8	5,2	3,4	2,1	5,3	3,2	2,6	6,8	4,2
Ближний Восток	4,3	6,6	2,3	2,1	4,3	2,2	2,9	6,0	3,1

Источник: Enerdata (<https://yearbook.enerdata.net>); расчеты автора.

Данные табл. 3 показывают, что ускоренный рост энергетики Китая отличает следующая прогрессивная черта. Рост удельного веса Китая в потреблении электроэнергии значительно опережал рост удельного веса в потреблении первичных энергоресурсов. Так, в 1990 г. доля Китая по потреблению первичных энергоресурсов (10,0%) вдвое превышала долю этой страны по потреблению электроэнергии (5,0%). В 2019 г. положение в корне изменилось – доля Китая по потреблению электроэнергии (28,2%) превысила долю по потреблению первичных энергоресурсов (22,8%).

Россия более, чем в два раза сократила свой удельный вес в мире по потреблению нефтепродуктов и электроэнергии.

В табл. 3 приведены также удельные веса Евразии и входящих в нее макрорегионов по объемам выбросов углекислого газа при сжигании топлива. Как видно из этой таблицы, доля Евразии выбросам рассматриваемого парникового газа выше, чем ее доля по общему потреблению первичных энергоресурсов. Такое соотношение связано с повышенным потреблением угля как первичного ресурса. Это также объясняет превышение удельного веса Китая по выбросам углекислого газа над удельным весом по общему потреблению первичных энергоресурсов.

4. Тенденции энергопотребления в расчете на душу населения

Анализируя динамику энергетики необходимо исследовать потребление энергоресурсов не только в абсолютном выражении, но относительный показатель потребления энергоресурсов в расчете на душу населения. Численность

населения в мире выросла с 1965 г. по 2019 г. в 2,31 раза и достигла 7713,5 млн чел., при этом среднегодовой темп роста составил 1,56%. С учетом роста численности населения в мире темпы роста потребления энергоресурсов в расчете на душу населения были ниже, чем темпы роста потребления энергоресурсов в абсолютном выражении. За рассматриваемый период душевое потребление энергоресурсов увеличилось в 1,62 раза до более, чем 1,8 т.н.э. в год на человека. Среднегодовой темп роста этого показателя с 1965 г. по 1990 г. составил 0,90%.

С учетом приведенных данных можно сделать вывод, что динамика численности населения оказывала большее влияние на рост абсолютной величины валового потребления энергоресурсов в мире в целом, чем увеличение душевого потребления энергоресурсов.

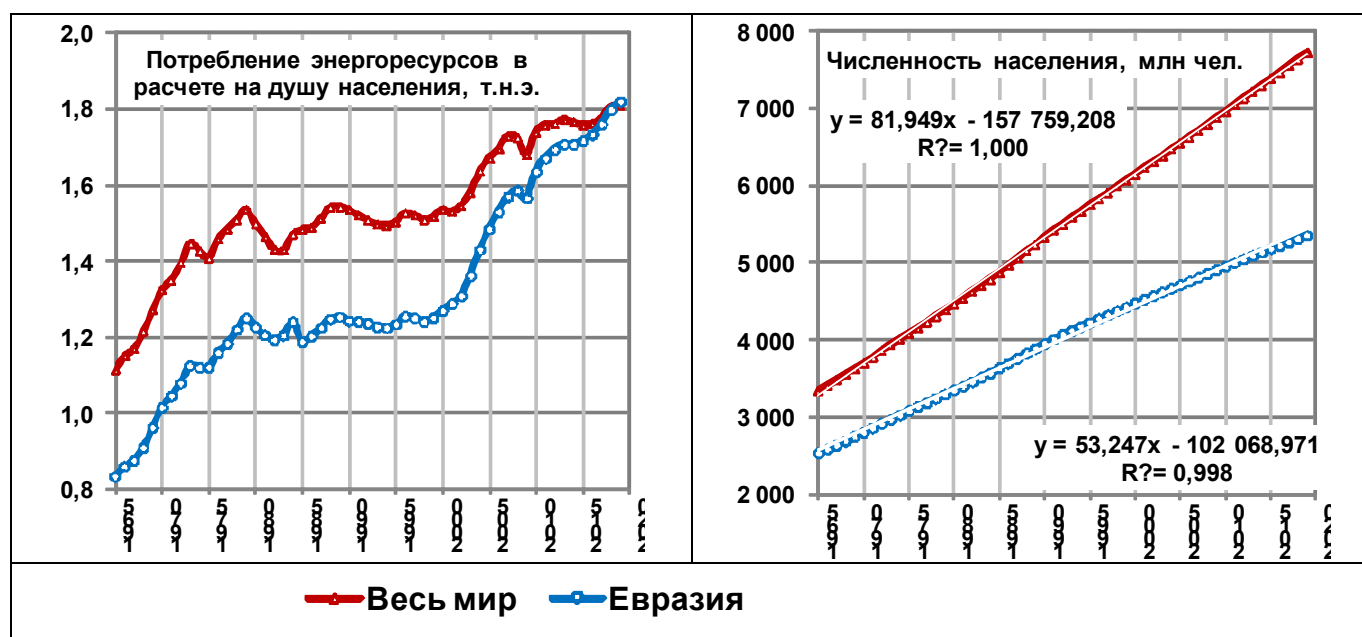
На графиках, изображенных на рис. 1, представлены показатели душевого потребления энергоресурсов и численности населения в мире и Евразии в период с 1965 г. по 2019 г. Динамика численности населения в мире и Евразии, как видно из графика, достаточно точно описывается линейной зависимостью с постоянным абсолютным приростом 81,9 млн. человек в год для мира в целом и 53,2 млн. человек в год для Евразии.

Душевое потребление энергоресурсов имеет заметные годовые колебания на всем исследуемом периоде. В то же время, что с точки зрения динамики показателя потребления энергоресурсов в расчете на душу населения весь исследуемый период можно разделить на три части. Первые полтора десятилетия, а более точно – с 1965 по 1979 г., наблюдался рост этого показателя. Исключениями здесь были 1974 г. и 1975 г. Затем наступил этап относительной стабильности душевого потребления энергоресурсов. С 1980 по 2001 год душевое потребление энергоресурсов в мире сохранялось на уровне примерно 1,5 т.н.э. на человека, в Евразии – примерно на уровне примерно 1,2 т.н.э. на человека. Годовые колебания не превышали 5%. Наконец, третий, последний этап после 2001 г. характеризуется ростом душевого потребления энергоресурсов. Наиболее интенсивен рост был до 2007 г. После заметного снижения показателя в кризисном 2009 г., рос душевого потребления энергоресурсов замедлился.

Таким образом, можно сделать вывод, что основным фактором роста объема потребления энергоресурсов в мире в целом является динамика численности населения, а рост душевого потребления играет второстепенную роль.

Рассмотрим данные, характеризующие динамику электроэнергетики. В период с 1971 г. по 2019 г. производство электроэнергии в мире увеличилось в 5,1 раза, среднегодовой темп роста составил 3,46%. Производство электроэнергии в расчете на душу населения выросло в 2,5 раза, и среднегодовой темп роста составил 1,93%.

Также как и с показателем общего потребления энергоресурсов в сфере электроэнергетики наблюдалось замедление роста. Так, в период с 1971 г. по 1990 г. производство электроэнергии в мире увеличивалось в среднем за год на 4,37%, душевое производство электроэнергии – на 2,52%. В последующие годы, с 1991 г. по 2019 г. среднегодовой темп роста производства электроэнергии составил 2,52%, производства электроэнергии на душу населения – 1,55%.

Источник: BP (<http://www.bp.com/statisticalreview>); Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (<https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/index.cshtml>); расчеты автора

Рисунок 1.

Потребление энергоресурсов в расчете на душу населения и численность населения в мире в целом и в Евразии в 1965–2019 гг.

5. Конечное потребление энергоресурсов в разрезе областей потребления

Конечное потребление энергоресурсов равно валовому потреблению энергоресурсов за вычетом объемов энергоресурсов, использованных на преобразование во вторичные виды энергоресурсов на электростанциях и нефтеперерабатывающих заводах, энергоресурсов, потребленных для собственных нужд предприятиями энергетической отрасли, а также потерь в процессе передаче энергии.

Динамика общего объема конечного потребления энергоресурсов в значительной степени повторяет динамику валового потребления энергоресурсов. Это относится как к динамике абсолютных объемов энергоресурсов, так и к показателям конечного потребления энергоресурсов на душу населения.

Для характеристики конечного потребления представляет интерес, во-первых, сравнение уровня конечного потребления энергии на душу населения по странам, и, во-вторых, структура конечного потребления по областям использования энергии.

В табл. 4 показаны объемы конечного потребления энергии по странам Евразии в разрезе областей потребления. В этой таблице приведены также показатели, характеризующие отношение объемов конечного потребления энергии в стране к среднему по миру уровню. Представлены страны рассматриваемых четырех макрорегионов Евразии.

Сравнивая уровни конечного потребления энергии на душу населения по странам, видим очень большую дифференциацию стран по данному показателю. Если рассматривать конечное потребление энергии на душу населения в целом, то видим, что во всех представленных странах Европы оно превышает средний по миру уровень. Это относится ко всем европейским странам и областям использования энергии, за исключением Великобритании, которая в промышленном производстве и «других отраслях» отстает от среднемирового уровня. Наибольшее превышение в европейских странах наблюдается в сфере услуг.

В приведенных странах СНГ конечное потребление энергии на душу населения в целом выше среднемирового уровня во всех странах, кроме Украины и Узбекистана. В России это превышение составляет 2,7 раза. В России также очень велико превышение над среднемировым уровнем в душевом потреблении энергии в жилищном хозяйстве – в 3,7 раза. В России в жилищном хозяйстве потребляется в год на одного человека несколько больше 1 т.н.э.

Анализируя представленные азиатские страны, видим большие различия между странами. В развитых странах – Японии и Республике Корея конечное потребление энергии на душу населения значительно превышает среднемировой уровень, в Японии в 1,7 раза, в Республике Корея – в 2,7 раза. Превышение отличает все области использования энергии, особенно сферу услуг. Исследуя показатели Китая, видим относительно небольшое, всего на 10,7% превышение общего душевого энергопотребления над среднемировым уровнем. Вместе с тем, в области промышленного производства отрыв Китая от среднего по миру уровня намного больше – 87,4%. В Китае около половины конечного потребления энергии связано с промышленным производством.

Таблица 4

Конечное потребление энергии в расчете на душу населения по отраслям и странам Евразии в 2018 г.

Макрорегион, страна	Потребление энергии т.н.э. на человека						Отношение к среднему по миру уровню, %					
	Всего	Промышленное производство	Транспорт	Жилищное хозяйство	Услуги	Другие отрасли	Всего	Промышленное производство	Транспорт	Жилищное хозяйство	Услуги	Другие отрасли
Весь мир	1,302	0,372	0,379	0,276	0,106	0,169	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Европа												
Германия	2,679	0,697	0,675	0,652	0,349	0,306	205,7	187,4	178,3	235,8	329,0	180,9
Франция	2,329	0,428	0,697	0,567	0,355	0,282	178,9	115,1	184,0	205,3	334,8	166,7
Великобритания	1,918	0,322	0,617	0,566	0,254	0,159	147,2	86,5	162,9	204,7	239,7	93,8
Италия	1,964	0,402	0,587	0,527	0,278	0,170	150,8	108,1	154,9	190,7	262,2	100,5
Испания	1,845	0,431	0,690	0,317	0,231	0,176	141,7	115,8	182,2	114,8	217,6	104,3
Польша	2,001	0,431	0,590	0,515	0,211	0,254	153,7	115,8	155,8	186,5	199,1	150,3
СНГ												
Россия	3,530	0,953	0,693	1,017	0,254	0,612	271,1	256,3	183,0	368,0	239,8	362,1
Казахстан	2,288	0,846	0,343	0,621	0,288	0,190	175,7	227,4	90,5	224,7	272,0	112,4
Беларусь	2,101	0,454	0,438	0,550	0,225	0,434	161,3	122,1	115,6	198,9	212,0	257,0
Украина	1,163	0,373	0,214	0,377	0,097	0,102	89,3	100,2	56,6	136,3	91,2	60,6
Узбекистан	0,909	0,200	0,179	0,346	0,111	0,073	69,8	53,8	47,2	125,1	105,1	43,0
Азия												
Япония	2,225	0,646	0,555	0,333	0,382	0,309	170,9	173,7	146,4	120,5	360,3	182,9
Республика Корея	3,561	0,965	0,687	0,420	0,419	1,070	273,4	259,3	181,3	151,8	395,6	633,2
Китай	1,441	0,697	0,227	0,242	0,064	0,210	110,7	187,4	60,0	87,5	60,9	124,3
Индия	0,448	0,152	0,077	0,129	0,019	0,071	34,4	40,9	20,3	46,7	18,2	42,1
Пакистан	0,450	0,114	0,091	0,206	0,014	0,026	34,6	30,5	24,0	74,4	13,6	15,2
Индонезия	0,583	0,187	0,203	0,130	0,023	0,040	44,8	50,4	53,6	47,2	21,3	23,5
Бангладеш	0,200	0,058	0,026	0,096	0,004	0,015	15,3	15,7	6,8	34,9	3,9	9,0
Ближний Восток												
Саудовская Аравия	4,392	1,430	1,349	0,388	0,326	0,900	337,3	384,5	356,0	140,3	307,3	532,6
Иран	2,449	0,587	0,589	0,653	0,136	0,484	188,0	157,8	155,4	236,2	128,0	286,4

При рассмотрении представленных в таблице азиатских стран, относящихся к Южной Азии, необходимо отметить очень низкий уровень душевого энергопотребления. Общее конечное потребление энергии на душу населения в Индии и Пакистане составляет примерно третью часть от средней по миру величины. В Индонезии этот показатель несколько больше – 44,8%. Крайне низкий уровень душевого энергопотребления в Бангладеш – только 15,3% от среднемирового уровня.

Страны Ближнего Востока отличает повышенная величина конечного потребления в расчете на душу населения во всех областях использования энергии.

Рассмотренные выше тенденции, характеризующие динамику валового и конечного потребления энергоресурсов, указывают на несколько проблем, связанных с развитием энергетики. Одной из этих проблем является очень большая дифференциация стран мира и Евразии по уровню душевого потребления энергоресурсов. Решение этой проблемы для развивающихся стран с низким уровнем потребления затруднено тем, что для таких стран типичны высокие темпы роста населения. Для серьезного повышения уровня душевого потребления энергии эти страны должны развивать энергетику форсированными темпами. Однако на этом пути возникает другая проблема, которая отчетливо видна на примере Китая, совершившего за последние три десятилетия рывок в развитии энергетики и в 2,6 раза увеличившего душевое потребление энергии. Быстрый рост энергетики в условиях относительно большой плотности населения привел к серьезным экологическим проблемам. В то же время Китай, даже достигнув указанных результатов, значительно отстает по уровню душевого потребления от развитых стран. Так, конечное потребление энергии на душу населения в Китае составляет примерно 50% от этого показателя в Германии и около 30% в США. Дальнейший рост, в определенных пределах, возможен за счет изменения структуры используемых первичных ресурсов и повышения доли газа и нетопливных ресурсов. Однако вряд ли возможен рост энергетики во всех развивающихся странах, приближающий их к современному уровню потребления энергии в развитых странах. Существующая технологическая база энергетики, экологические и ресурсные ограничения не позволят это сделать в обозримой перспективе.

Скороход Н.Н.

к.э.н., и.о. зав. кафедрой экономики, Луганский государственный педагогический университет
n Skorohod67@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ И ФАКТОР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: экономическая собственность, смешанная собственность, интеллектуальная собственность, право собственности, тип экономики, новая экономика, цифровая экономика, интеллектуальные ресурсы, информация, знание.

Keywords: *economic property, mixed property, intellectual property, right of ownership, type of economy, new economy, digital economy, intellectual resources, information, knowledge.*

Проблема содержания интеллектуальной собственности, ее моральных и юридических форм может быть отнесена к числу наиболее актуальных не только в экономической науке и в экономической политике, но и в системе смежных наук – кибернетике, психологии, юриспруденции, политологии, культурологии. Выяснение сути интеллектуальной собственности, ее форм и характера воздействия на современную экономику, на наш взгляд, обеспечивает теоретическую основу для адекватного правового отражения требований этой формы собственности. Объект интеллектуальной собственности, как ее субстанция, представляет собой информацию, преобразованную в систему знаний. Данная субстанция невидима и всеобща, заполняет своими «атомами» пространство «новой экономики».

«Новая экономика» в литературе рассматривается преимущественно по фактору технико-экономическому и технологическому. Относительно критериев технологического уклада и роли человека характеристики экономики включают определения «постиндустриальной экономики», «роботронной экономики», «информационного общества» «экономики знаний», «новой экономики» и прочее. В XXI веке все эти характеристики обобщаются в понятиях «цифровая экономика» или «экономика искусственного интеллекта».

Экономическая интеллектуальная собственность возникает в процессе исторического развития, предопределяя в конце XX – начале XXI века мотивы поведения экономических субъектов.

Отношения собственности в классическом формате исследования рассматриваются как объективное экономическое явление, как отношения между людьми, возникающие по поводу присвоения средств производства. В системе отношений экономической собственности исторически представлены совместное присвоение средств производства, и присвоение их через экономическое обособление. Имеет смысл различать собственность на средства производства и личную собственность на предметы потребления. Если собственность на средства производства отражает отношения, возникающие между индивидами в самом производстве, то личная собственность выражает отношения, возникающие в процессе потребления благ и услуг. В историческом развитии форм собственности возникает еще такая ее форма как смешанная собственность на средства производства. Смешанный характер собственности отражает отношения экономического обособления в совместном присвоении средств производства. Речь в данном случае идет об относительном экономическом обособлении.

Смешанная форма собственности порождает двойственность единого экономического интереса ее субъектов как участников экономической деятельности. С одной стороны, они являются собственниками в совместном присвоении. С другой – вследствие экономического обособления они не собственники, а только работающие по найму. Основное противоречие современной экономики заключается именно в двойственности экономического интереса субъектов смешанной собственности. Юридическое выражение смешанной собственности должно фиксировать и детализировать языком права данный факт.

Объективные отношения экономической собственности лежат в основе правовых представлений собственности. К. Маркс отмечал, что правовое представление, свойственное определенным отношениям собственности, хотя и вырастает из них, с другой стороны, все же не совпадает и не может совпадать с ними¹. Американский экономист П. Хейне проводит различие между категориями реального права собственности (экономическая категория собственности), права собственности (юридическое выражение собственности) и нравственными, моральными правами собственности².

Искусство экономической политики заключается в том, чтобы отразить наиболее полно в хозяйственном праве реальные отношения собственности. Именно отношения собственности определяют тип экономической системы и вытекающие из этого функциональные зависимости. Шведский экономист К. Эклунд иллюстрирует с помощью квад-

¹ Маркс К. Маркс – Лассалю 22 июля 1861 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 30. – С. 504.

² Хейне П. Экономический образ мышления / Пер. с англ. – М.: Катакси, 1997. – 704 с.

рантов основные признаки типов экономических систем, рассматривая четыре их типа. К ним он относит частный капитализм, в котором при господстве частной собственности формой связи индивидов является рынок; капиталистическую «плановую экономику», в которой на основе частной собственности преобладает не имманентный ей плановый обмен; социалистическую плановую экономику, в которой совмещены, органичны коллективная собственность и планирование экономики; социалистическую «рыночную экономику», в которой коллективная собственность допускает неестественный для этой формы собственности рыночный обмен¹. По существу в этих схемах К. Эклунд повторяет тезис Ф. Энгельса о том, что собственность и обмен являются абсциссой и ординатой экономической кривой². Капиталистическая «плановая экономика» и социалистическая «рыночная экономика» представляют собой результат смешения неорганичных друг другу форм производственных отношений: собственности и обмена. В этом смешении форм отношений проявляется современный тип экономики.

Таким образом, смешанная экономическая собственность как базис производственных отношений предопределяет равенство субъектов в присвоении средств производства, допуская относительное неравенство, что отражается на всей совокупности отношений.

Экономическую собственность, исторически представленную различными формами, рассматривают не только по критерию характера присвоения: кто и как присваивает средства производства, и каким образом работники включаются в процесс производства – но и по особой роли различных средств производства (объектов собственности) в системе исторических отношений присвоения.

С развитием производительных сил на основе общественного разделения труда в системе производственных отношений аграрной цивилизации создаются условия для разрыва непосредственной связи экономической деятельности человека и природы. В XVII–XVIII веках наметившиеся новые тенденции в развитии общества еще не проявляются отчетливо. Начала экономического анализа даются в контексте теории Ф. Кенэ: источником богатства определяются труд земледельцев и сама земля. Физиократы рассматривают ренту как функцию не только природы, но и производственных отношений – отношений частной собственности на землю.

Промышленная революция, ставшая базисом капитала, нивелирует землю как решающий объект собственности. Отношения частной собственности на землю сохраняются, но становятся подчиненными капиталистической частной собственности, которая является существенной предпосылкой превращения товарно-денежных отношений во всеобщую форму обмена деятельностью.

Капитал, являя постоянное движение, в отношениях собственности на средства производства порождает признаки виртуальности. Отношения не привязаны к абсолютно недвижимому, стационарному объекту. Производственные отношения принимают в своем проявлении превращенные формы. В системе отношений финансового капитала действительные объекты собственности выступают в виде символов. Такие изменения отношений требуют соответствующих организационных форм и соответствующего права собственности.

В условиях развития общественного производства и превращения науки в непосредственную производительную силу, использования искусственного интеллекта вопрос о частной собственности как форме присвоения абсолютно недвижимых объектов снимается объективно.

В центре отношений собственности в современном обществе находится интеллект: требуется объединение усилий ученых и работников разных уровней производства и управления для осуществления рациональной и эффективной деятельности. Объектом экономической собственности в современном технологическом укладе, детерминирующем ее господствующий тип, являются интеллектуальные ресурсы. В мире идет борьба за интеллектуальные ресурсы, за использование интеллектуального потенциала³. Интеллектуальные ресурсы представляют собой информацию и знания, приобретают цифровую форму и все более и более в ней культивируются. Цифровая экономика характеризуется опорой на нематериальные активы.

Производство интеллектуальных ресурсов и их наращивание относится к числу важнейших направлений экономической политики. Одним из показателей инвестиций в интеллектуальные ресурсы являются инвестиции в НИОКР. Имеет место достаточно ясная корреляционная зависимость между данными инвестициями и приростом ВВП. Как подсчитано на примере 40 стран мира, 1% затрат на НИОКР приводит к приросту ВВП на 0,6%⁴.

Луганская Народная Республика находится в особых условиях жизнедеятельности, но эта данность не может не заключать в себе общих закономерностей, тенденций, присущих современной экономике и общественному развитию. В условиях неопределенности вопросы развития новой экономики на основе интеллектуализации деятельности не просто актуальны, решение их позволит преодолеть сложные социально-экономические барьеры, вставшие перед обществом.

Первейшим условием развития, собственно того, с чего следует начинать действовать, является образовательно-научно-техническая сфера деятельности республики.

Статистические данные по капитальным инвестициям в НИОКР в 2019 году по отношению к 2018 году по ЛНР показывают их увеличение на 107%. Капитальные инвестиции в нематериальные активы увеличивались в 2018 г. по отношению к 2017 г. на 185,9%, и уменьшались в 2019 г. по отношению к 2018 г. на 52%. При этом падение капиталь-

¹ Эклунд К. Эффективная экономика: Шведская модель. – М.: Экономика, – 1991. – 350 с.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 20. – С. 157–160.

³ Каныгин Ю.М. Категории, термин, понятийные словосочетания информационной (цифровой) экономики в смысловой трактовке: тезаурус экономистов и управленцев новой генерации. – Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. – С. 46.

⁴ Донецкие чтения 2020 образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: V Международная научная конференция (г. Донецк, 17 ноября 2020). – <https://youtu.be/k-EhNIOibDQ>

ных инвестиций в нематериальные активы было обусловлено снижением по инвестициям в программное обеспечение и базы данных (на 48,1%), что в условиях необходимости цифровой экономики особенно опасно. Доля капитальных инвестиций в нематериальные активы в общем их объеме изменилась с 1,94% в 2018 г. до 0,64% в 2019 г.¹ Данные факты вызывают обеспокоенность, и должны ориентировать общество на активную политику по изменению обнаруживаемой тенденции.

Безусловным детерминантом цифровизации экономики относительно ее технико-экономического содержания является информационная грамотность и информационная культура общества. Обеспечение условий решения этой задачи является императивом текущего краткосрочного периода.

Цифровая экономика, имея в своем основании интеллектуальные ресурсы, существует посредством социально-экономической формы, т.е. в системе производственных отношений. Именно эта форма обуславливает иерархию в системе экономических интересов, движущие мотивы развития, и в том числе темп и масштабы цифровизации, социально-экономические следствия деятельности. Интеллектуальная собственность как экономическая категория отражает суть современной социально-экономической формы. Реализация данной формы собственности должна осуществляться с учетом ее индивидуально-общественного характера.

Предпосылками такой формы присвоения являются глубокие изменения в системе ее факторов. Общественное разделение труда практически снимает противоречие умственного и физического труда, промышленного и сельскохозяйственного труда, и требуются усилия в законодательном поле и в общественном пространстве для обеспечения объективно обусловленного взаимоперехода необходимого и прибавочного труда. Прибавочный труд приобретает явные черты необходимого труда, а необходимый труд как условие интеллектуализации рабочей силы представляет функцию прибавочного труда.

Современный человек как экономический человек не может полагаться исключительно на власть стихии рынка, от него требуется взвешенное, смоделированное на основе научного знания поведение по использованию экономических законов. В этом состоит также важнейшая функция интеллектуальной собственности.

Логика исследования и логика исторического развития капиталистической экономики и общества свидетельствуют о неизбежных глубоких изменениях – о переходе к новой сущности. Так, Сергей Бодрунов полагает, что новый век изменяет все стороны общественной жизни, новый век начинается с глубоких перемен²

В мире в этот период возникает и расширяется практика создания новых систем, таких как социалистическая экономика (советская, китайская, югославская и другие модели) и различных видов смешанной экономики (шведская, немецкая – социального рыночного хозяйства, японская – корпоративного партнерства и иные).

Проблема «новой экономики» связана с вопросом о месте и роли человека в экономической системе: кто он есть в этой системе и какое его будущее? Перемены в технологическом укладе не должны нивелировать роль человека, как важнейшей производительной силы общества. Изменения только тогда могут быть функциональными, когда в центре экономики действительно будет находиться человек. Категория социальной справедливости в конце XX века становится актуальной в научных исследованиях. Развитие экономической сущности человека предполагает и движение к социальной справедливости. Экономика неизбежно должна очеловечиваться, нацеливаться на гуманистические параметры развития.

В определении цифровой экономики Всемирным банком подчеркивается, что на основе развития цифровых технологий растет производительность труда, конкурентоспособность компаний, снижаются издержки производства, создаются новые рабочие места, снижаются бедность и социальное неравенство³.

Осмысление и переосмысление концептуальных основ экономического развития, представленных на сегодня в экономической, статистической, социологической науке, в философии, в естественных и точных науках, важно для понимания сути новой экономики, нового экономического человека как субъекта интеллектуальной собственности и на основе этого определения модели социально-экономического развития.

¹ Луганская Народная Республика в цифрах за 2019 год: Статистический сборник / Государственный комитет статистики Луганской Народной Республики; под ред. И.В. Шаблюченко. – Луганск, 2020. – С. 66, 69. – <http://www.gkslnr.su>

² Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

³ Всемирный банк. Цифровые дивиденды / Режим доступа: <http://data.gov.ru/doklad-o-mirovom-razvitii-cifrovye-dividendy-2016-obzor-vsemirnogo-banka-2016-god> (дата обращения 17.06.2020).

Сливицкий А.Б.¹

начальник лаборатории ГосНИИАС

ОПЫТ НАУЧНОГО, ЭКСПЕРТНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОНИТОРИНГА АВИАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: авиационная деятельность, моделирование, мониторинг, научное (экспертное и информационное) обеспечение, система, системный анализ, управление.

Keywords: aviation activity, modeling, monitoring, scientific (expert and information) support, system, system analysis, management.

Авиационная деятельность (АД)² – сложное системное явление. АД целостно опосредует в себе общественные отношения трех сфер, связанных с авиационной техникой (АТ). Это производство АТ, оказание авиационных услуг и обеспечение национальной безопасности (в той мере, которая связана с государственной военной авиацией и ее системами вооружения).

Во внешней среде для АД Российской Федерации (см. ниже рис. 1) формируется новая геополитическая реальность, характеризующаяся политикой сдерживания России со стороны государств Запада и режимом недружелюбных экономических секторальных санкций. Возникают барьеры для свободного движения и реэкспорта технологий. Происходит разрыв кооперационных связей. У российских границ рождаются военные конфликты. Все это обостряет проблемы эффективности осуществления АД в интересах реализации конституционных принципов государственного суверенитета, военной безопасности, территориальной связности, единства экономического пространства.

В экономике страны произошли и происходят структурные и институциональные преобразования, влияющие на функционирование субъектов АД. Конкурируют кейнсианские и монетаристские методы государственного управления. На фоне внешних шоков (циклические провалы, системный кризис) и накопленных внутренних негативных факторов изменяются модели ведения авиационного бизнеса. Требуя оперативного реагирования как от предпринимательского сектора, так и со стороны государства. Следовательно, необходимо оперативное отслеживание изменений, создающих угрозы и риски для АД, нужен мониторинг параметров состояния ее субъектов, сбор, структуризация и агрегация статистической и фактологической информации о текущем состоянии и тенденциях развития АД в России и в мире. Такие оценки будут способствовать рационализации мер и мероприятий государственного регулирования АД и формированию скоординированной государственной политики.

Мониторинг является первичным и важнейшим звеном любой управляющей системы. Он представляет собой регулярно осуществляемый процесс наблюдения и регистрации параметров объекта, природного или техногенного характера. Мониторинг используется как инструмент обратной связи в тех случаях, когда в развертывании, построении какого-либо процесса необходимо постоянно отслеживать происходящие в реальной предметной среде события с тем, чтобы включать результаты текущих наблюдений в процесс управления, выработки политики реагирования на полезные или вредные изменения. Результаты мониторинга служат для обоснования мер и мероприятий реагирования (управленческих решений) на изменение состояния объекта в соответствии с целями и приоритетами лица, принимающего решение (ЛПР). В случае АД ЛПР должны руководствоваться государственными интересами, сформулированными в документах стратегического планирования³. Формально мониторинг реализуется в рамках специальной системы, включающей объект мониторинга с его структурой и элементным составом, подсистему регистрации контролируемых параметров, их перечень, шкалы изменения их возможных значений, способ регистрации, подсистему сбора, хранения и выдачи данных в виде, удобном для анализа и синтеза уточненного комплекса материальных и организационных условий существования объекта мониторинга, а также интервал контроля.

Применительно к АД мониторинг ее параметров осуществлялся коллективом сотрудников ФГУП «ГосНИИАС» на протяжении более 15 лет при проведении комплексного анализа состояния и тенденций развития АД в Российской Федерации и мире. Мониторинг проводился в ходе разработки системных проектов и проектов ежегодного

¹ Область научных интересов: системный подход, общая теория систем, системный анализ, моделирование и оценка эффективности организационных технико-экономических систем, авиационная деятельность, научно-техническая и инновационная деятельность, право интеллектуальной собственности, государственное право, формирование и эффективность реализации государственной политики.

² Сливицкий А.Б. Системный анализ понятия «авиационная деятельность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 326–332.

³ Применительно к АД такими документами являются «Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года». Сменившие их «Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года», подготовленные при участии автора. И готовящиеся в настоящее время «Основы государственной политики Российской Федерации в области АД на период до 2030 года».

доклада по проблемным вопросам обеспечения национальной безопасности в области АД. Соответствующий цикл научно-исследовательских работ, явивших собой научное, экспертное и информационное обеспечение программно-целевого планирования и управления развитием АД (включая мониторинг состояния АД), был инициирован Советом Безопасности Российской Федерации и институционализирован поручениями Правительства Российской Федерации и межведомственными решениями Минпромнауки России, Минэкономразвития России, Минобороны России, Минтранса России, Росавиакосмоса. С самого начала на ФГУП «ГосНИИАС» были возложены функции головной организации-исполнителя. Состав основных соисполнителей НИР – экспертных научных организаций авиационной отрасли, обладающих признанными компетенциями по отдельным направлениям АД, был определен по результатам концептуального моделирования АД как сложной организационной системы и утвержден на уровне подзаконных актов.

Системные исследования в области авиационной деятельности (АД) включали¹:

изучение и анализ теории и практики управленческой деятельности, включая способы, методы, инструменты государственного управления и регулирования²;

анализ полномочий Президента России, Правительства России, федеральных органов исполнительной власти по управлению развитием АД и формированию государственной политики в области АД и эффективности их практической реализации³;

анализ теории функционирования и управления организационно-техническими и организационно-экономическими системами, к объединенному классу которых относится и АД⁴;

анализ понятийного аппарата области АД, а также нормативно-правовой базы⁵;

¹ В силу ограниченности объема настоящей статьи приводится лишь обзор научных публикаций автора и его коллег по проблематике системного анализа АД и проблемам формирования государственной политики в этой области.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Анализ особенностей регулирования авиационной деятельности в Российской Федерации // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. 2017. – С. 48–51; Сливицкий А.Б. Анализ проблематики формирования системы обратной связи в контуре государственного управления научно-технологическим развитием // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 452–457; Сливицкий А.Б. Государственная политика Российской Федерации и ее законодательное выражение // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРР, 2009. – С. 136–138; Сливицкий А.Б. Комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 475–482; Сливицкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 583–591.

³ Сливицкий А.Б. Вопросы определения государственной политики Президентом Российской Федерации // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование. Материалы Всеросс. науч. Конф., 21 октября 2011 г. Москва. / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 696–717; Сливицкий А.Б. Государственная политика в области инновационной деятельности в авиастроении. – <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/10245.html>; Сливицкий А.Б. Государственная политика Российской Федерации и ее законодательное выражение // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРР, 2009. – С. 136–138; Сливицкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью // Транспортное право. 2010. – № 2. – С. 19–23; Сливицкий А.Б. Проблемы формулирования государственной научно-технической и инновационной политики // Сборник статей межвузовской научно-практической конференции «Концепция развития гражданского законодательства» / Под ред. проф. Г.Ф. Ручкиной. – М.: Изд-во ВГНА Минфина РФ, 2009. – С. 264–269.

⁴ Сливицкий А.Б. Анализ проблематики формирования системы обратной связи в контуре государственного управления научно-технологическим развитием // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 452–457; Сливицкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 583–591; Сливицкий А.Б. Система обратной связи в контуре управления научно-технологическим развитием // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 544–551.

⁵ Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. – М., 2017. – С. 88–94; Сливицкий А.Б. Системный анализ понятия «авиационная деятельность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 326–332; Сливицкий А.Б. Совершенствование нормативно-правовой базы авиационной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2010. – № 2. – С. 18–24; Сливицкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408–414; Сливицкий А.Б. Совершенствование правового поля авиационной деятельности // 8-я Международная конференция «Авиация и космонавтика – 2009». Тезисы докладов. – М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2009. – С. 228.

анализ стратегических доктринальных документов в области АД, в том числе основ государственной политики, стратегий развития, федеральных целевых и государственных программ¹;

анализ комплексных проблем АД и формирование предложений по совершенствованию государственной политики в области развития авиации;

разработку критериев оценки состояния АД, ее эффективности и эталонных значений показателей²;

формирование пространства возможных состояний АД и сценариев развития³;

междисциплинарные комплексные исследования АД и моделирование АД, как сложной открытой динамической организационно-техничко-экономической системы в соответствии с принципами системного подхода и общей теории систем;

разработку методической базы комплексного анализа состояния и тенденций развития АД в России и в мире⁴;

прогностические исследования и совершенствование их методологии⁵;

мониторинг показателей АД, сбор эмпирических данных о состоянии АД;

¹ Сливицкий А.Б. Вопросы определения государственной политики Президентом Российской Федерации // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование. Материалы Всеросс. науч. Конф., 21 октября 2011 г. Москва / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 696–717; Сливицкий А.Б. Государственная политика в области инновационной деятельности в авиастроении. – <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/10245.html>; Сливицкий А.Б. Государственная политика Российской Федерации и ее законодательное выражение // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРР, 2009. – С. 136–138; Сливицкий А.Б. Комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник / ИНИОН РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 475–482; Сливицкий А.Б. Проблемы формулирования государственной научно-технической и инновационной политики // Сборник статей межвузовской научно-практической конференции «Концепция развития гражданского законодательства» / Под ред. проф. Г.Ф. Ручкиной. – М.: Изд-во ВГНА Минфина РФ, 2009. – С. 264–269; Сливицкий А.Б. Разработка предложений по принципам функционирования и взаимодействия основных компонент авиационного потенциала России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 313–319; Сливицкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408–414; Сливицкий А.Б. Стратегическое планирование инновационного и технологического развития авиационной отрасли: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 2. – С. 89–95.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Комплекс информационных моделей анализа и оценки эффективности авиационной деятельности // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. – М. ФГУП «ГосНИИАС», 2018. – С. 30–33; Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. О совершенствовании системы стратегического планирования и научно-технического прогнозирования развития авиации и авиационной деятельности Российской Федерации // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. 2017. – С. 45–48; Жеребин А.М., Сливицкий А.Б., Попов В.А. Критерии и моделирование в задаче управления развитием авиационной деятельности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 23–26; Сливицкий А.Б. Анализ проблемных вопросов и направления совершенствования системы показателей статистики инноваций // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2017 г.: в 5 т. – МРЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – Т. 3. – С. 275–279; Сливицкий А.Б. Повышение эффективности выполнения государственных программ в области развития авиации и авиационной деятельности // Сборник научных статей V научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Антикризисное регулирование в современных условиях», МГУ, 18 декабря 2013 г. Москва. – М.: Перо, 2013; Сливицкий А.Б. Проблемы координации программных мероприятий // Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЗФЭИ, 26–27 октября 2010 г. Заседания секций. Т. 2. Секции 9–13. – М.: ВЗФЭИ, 2011. – С. 218–219; Сливицкий А.Б. Факторы успешности России в области авиационной деятельности // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. – С. 583–590.

³ Сливицкий А.Б. Анализ рисков и ограничений, связанных с вступлением во Всемирную торговую организацию, на авиационную деятельность России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Второй междунар. научн.-практ. конф. (14–15 ноября 2013 г., ИНИОН). – М., 2014; Сливицкий А.Б. Разработка предложений по принципам функционирования и взаимодействия основных компонент авиационного потенциала России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 313–319.

⁴ Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Комплекс информационных моделей анализа и оценки эффективности авиационной деятельности // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. – М. ФГУП «ГосНИИАС», 2018. – С. 30–33; Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. – М., 2017. – С. 88–94; Сливицкий А.Б. Современный инструментарий прогнозирования и программирования развития авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2020. – С. 975–983.

⁵ Михайлов А.Ф., Сливицкий А.Б. О системном анализе зарубежной авиационной техники и технологий в задачах внешнего проектирования авиационных комплексов // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 39–42; Сливицкий А.Б. Экспертно-аналитическая деятельность в обеспечении инновационного развития российской авиационной отрасли // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9, ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – С. 627–632.

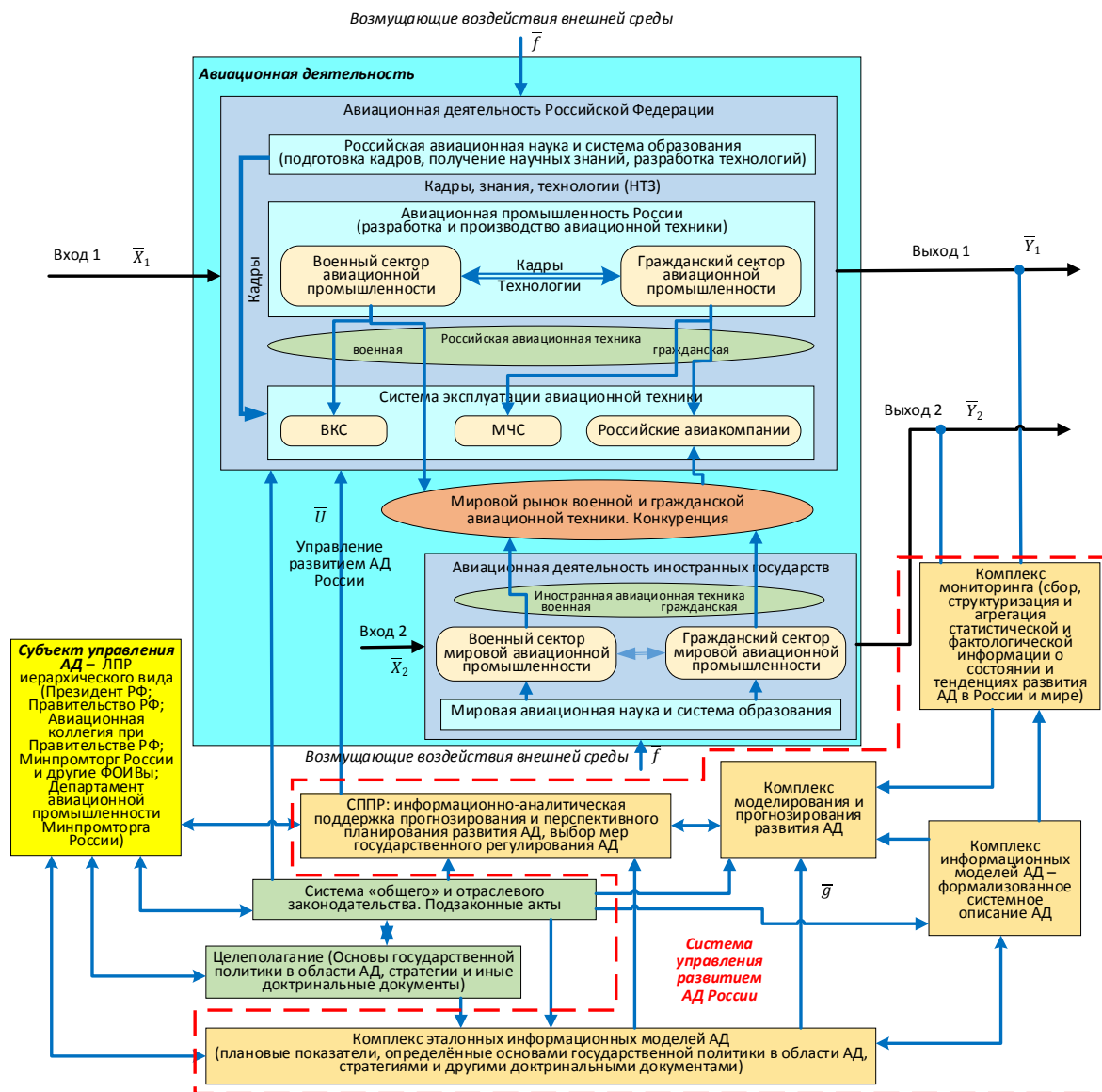

Рисунок 1.

Увеличенная структурная схема концептуальной модели АД и контура управления ею

формирование и актуализацию информационно-аналитической базы данных о состоянии и тенденциях развития АД в России и в мире;

разработку концептуального подхода и требований к информатизации сбора и анализа данных о результатах АД, а также поддержки принятия решений¹.

¹ Сливцкий А.Б. Инструменты анализа политики в области авиационной деятельности с использованием средств информационно-аналитического центра // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 414–420; Сливцкий А.Б. Механизмы сетевого взаимодействия при решении проблем инновационно-технологического развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Ч. 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 292–299; Сливцкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Моделирование авиационных систем. Сборник докладов. ГНЦ РФ ФГУП «ГосНИИАС»; РАН; РФФИ. 2011. – С. 282–289; Сливцкий А.Б. Ситуационный центр как технология проведения системных исследований и внешнего проектирования авиационной техники // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 339–344; Сливцкий А.Б. Технология виртуальных предприятий как перспективное направление информационно-аналитического обеспечения инновационного развития в рамках отраслевого центра системных исследований // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития. Тр. Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 497–501; Сливцкий А.Б. Цифровые инструменты поддержки принятия решений в области авиационной деятельности // Идеи К.Э. Циолковского в контексте современного развития науки и техники Материалы 53-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. 2018. – С. 329–330; Сливцкий А.Б. Цифровые технологии поддержки принятия решений в контуре государственного управления авиационной деятельностью // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 506–511; Сливцкий А.Б. IT-инструменты поддержки принятия решений в области инновационного и технологического развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / ИНИОН РАН; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – С. 903–908.

Системные исследования в области АД проводились на основании следующих методологических принципов¹:
 соблюдение и отстаивание интересов государства;
 обоснованность выводов и их подкрепление статистическими данными;
 комплексность исследований, что обуславливало субъектный состав организаций-исследователей, направления исследований, учет всей массы нормативных правовых и доктринальных актов;
 вскрытие проблемных вопросов и разработку предложений по их учету и парированию;
 использование общенаучных и специальных методов исследований.

В научном плане мониторинг АД обеспечивался таким исследовательским инструментарием, развиваемым применительно к АД автором и его коллегами по ФГУП «ГосНИИАС», как системный подход, общая теория систем и системный анализ, кибернетика, метод моделирования, различные направления анализа (лингвистический, правовой, факторный, рисков и т.д.), методы прогнозирования, программно-целевого и стратегического планирования, координации, оценки эффективности, поддержки принятия решения, информационные и цифровые технологии, экспертные методы и т.п.

Вообще, научное, экспертное и информационное обеспечение мониторинга АД было, в первую очередь, сосредоточено на построении адекватной действительности концептуальной модели АД, а точнее полимодельного комплекса². Было показано, что АД, как сложная открытая динамическая организационная технико-экономическая система, имеет различные иерархические слои, аспекты и измерения. В данном качестве модель отражает в себе весь динамизм, всю целостность, сложность, комплексность и многомерность системного объекта АД, представляющего собой синтетическую комбинацию рассредоточенных в пространстве, во времени и институционально научно-технического, производственного, инновационно-технологического, инвестиционного, социально-экономического, военно-стратегического и политико-правового процессов общественного развития. Модель имеет и статистическое, мониторинговое измерение, важное для прогнозирования, целеполагания, планирования, программирования и бюджетирования АД в ходе формирования в контуре государственного управления эффективной обратной связи.

При участии автора был построен ряд концептуальных моделей АД (и ее компонент) на основе принципов системного подхода и блок-схемного моделирования. Например, укрупненная структурная схема концептуальной модели АД и контура управления ею, построенная исходя из предположения о дихотомическом делении АД, представлена на рис. 1. Каждый из элементов блок-схемы стратифицирован.

Рисунок 2.
Структура системы управления АД, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации

¹ Сливицкий А.Б. Современный инструментарий прогнозирования и программирования развития авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2020. – С. 975–983.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Комплекс информационных моделей анализа и оценки эффективности авиационной деятельности // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. – М. ФГУП «ГосНИИАС», 2018. – С. 30–33.

При проведении системных исследований была изучена структура системы управления АД – субъекта управления, – ЛПР иерархического вида. Была обоснована необходимость усовершенствования системы управления АД путем создания специального органа – Авиационной коллегии при Правительстве Российской Федерации¹, см. рис. 2.

Разработанный в ходе многолетних системных исследований в области АД перспективный облик системы стратегического планирования представлен на рис. 3.

С точки зрения теории управления АД представляет собой процесс, управление которым возможно путем мониторинга заранее определенных параметров, контроля рассогласования их текущих значений в контрольных точках в сравнении с эталонными значениями, установления дефицита управления и выработки предложений по устранению рассогласований².

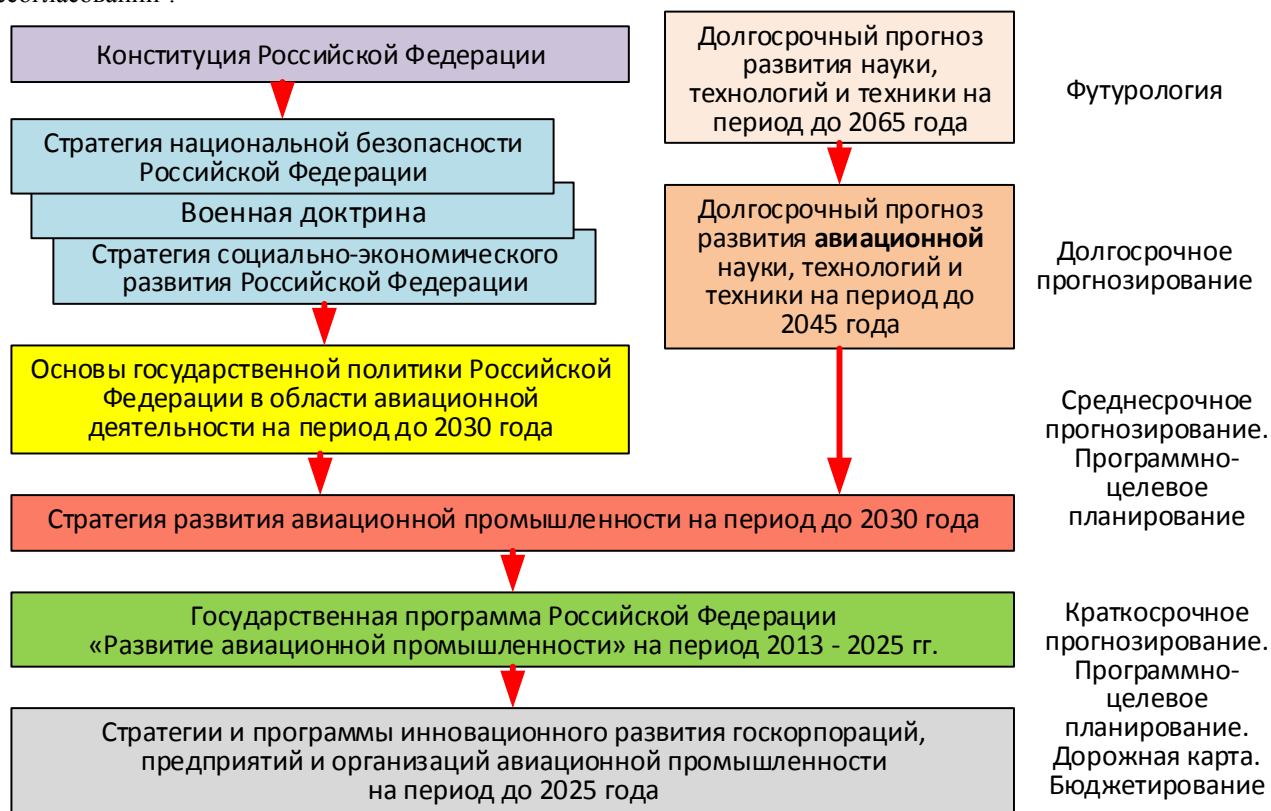

Рисунок 3.
Система стратегического планирования в области АД

Каждый из мониторящихся показателей АД изменяется во времени, формируя последовательность эмпирических данных. С формальной точки зрения эта последовательность может быть описана функциональной зависимостью вида $y = f(t)$. Для N контролируемых параметров АД мы имеем $y_N = f_N(t)$ уравнений их состояния.

В рамках теоретико-множественного подхода информационная модель АД, как системы $S_{АД}$, может быть представлена в виде $S_{АД} = \{\bar{y}\} = \sum_{t=1}^N y_t$, где $t = 1 \dots N$.

В ходе системного анализа эмпирические зависимости $y_N = f_N(t)$ аппроксимируются. Строятся линии тренда. Высказываются гипотезы относительно причин изменения значений показателей. Проводится отбор и анализ объясняющих фактов – событий в АД.

Комплексный анализ эмпирических данных дает возможность построения теории (теоретической модели) изучаемого явления – АД. По словам нобелевского лауреата Н. Бора: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Сигнал обратной связи показывает рассогласование $\pm \Delta \bar{y}$ между желаемым значением вектора $\bar{y}_{план}$ выходных параметров АД и значением вектора $\bar{y}_{реальн.}$ выходных параметров АД, достигнутых на практике: $\bar{y}_{план} - \bar{y}_{реальн.} = \pm \Delta \bar{y}$ ³. Управление развитием АД заключается в выработке специальных управленческих воздей-

¹ Впервые необходимость создания Авиационной коллегии при Правительстве Российской Федерации была обоснована автором в работе Сливичкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 583–591. Была сформулирована цель и задачи ее деятельности, а также полномочия по координации в сфере АД.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. – М., 2017. – С. 88–94.

³ Сливичкий А.Б. Современный инструментарий прогнозирования и программирования развития авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2020. – С. 975–983.

ствий на АД с целью минимизации рассогласования $\min(\pm \Delta \bar{Y})$ или в устремлении значений вектора реальных выходных параметров АД к значениям вектора плановых выходных параметров: $\bar{Y}_{\text{реальн.}} \rightarrow \bar{Y}_{\text{план}}$ в рамках допустимых правовых, экономических и организационных инструментов, определенных законодательством РФ, и ограничений на финансовые ресурсы, выделяемые на развитие АД в рамках государственных программ.

В качестве инструментов воздействия на объект управления рассматривались:

установление государственных приоритетов, целей и принципов развития;

стратегическое планирование развития;

нормативное правовое (законодательное) обеспечение;

ведомственное инструктивно-методическое обеспечение (регулирование);

нормативное техническое обеспечение (система стандартизации);

финансовые инструменты бюджетной поддержки (целевое финансирование государственного заказа на АТ, включая создание научно-технического задела, разработку и производство АТ; субсидирование субъектов АД, процентных ставок и т.п.).

Экспертно-аналитическая деятельность (экспертное обеспечение мониторинга АД) проводится на постоянной основе ведущими по направлению организациями авиационной промышленности России и государственными научными центрами в рамках системных НИР и оперативных заданий Минпромторга России – головного ФОИВ в области АД, а также на общественных дискуссионных площадках, к которым можно отнести технологическую платформу «Авиационная мобильность и авиационные технологии».¹

Системные исследования по анализу состояния и тенденций развития АД в России и выполнения мер государственного регулирования по основным направлениям АД и разработка предложений по решению проблемных вопросов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, проводимые экспертными научными организациями авиационной отрасли, включают:

ежегодный мониторинг и анализ состояния и тенденций развития АД России одному из направлений АД, оценка основных технико-экономических показателей деятельности;

ежегодный мониторинг и анализ хода выполнения мер и мероприятий государственного регулирования развития по основным направлениям АД, разработку предложений по совершенствованию форм и механизмов государственного регулирования АД, в том числе по совершенствованию налогового, таможенного и тарифно-ценового регулирования и с учетом правил Всемирной торговой организации. Исследования должны включать анализ состояния и развития субъектов АД (в том числе на мировом фоне), а также выполнения мер государственного регулирования, включая вопросы модернизации, совершенствования организационной, институциональной и правовой структуры, механизмов государственного регулирования, инновационного развития, повышения безопасности полетов, обеспечения конкурентоспособности и качества предоставляемых услуг, развитие кадрового потенциала. При анализе выполнения мер и мероприятий государственного регулирования должны учитываться результаты выполнения стратегических документов в области АД и государственных программ Российской Федерации;

анализ применения существующих нормативных правовых актов по одному из направлений АД и разработку предложений по их совершенствованию (разработка предложений в проект плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации в обеспечение реализации государственной политики в области АД). Исследования проводятся исходя из существующих законодательных и нормативных документов Российской Федерации в области АД и смежных областях; международных договоров и иных документов, затрагивающих проблематику АД;

исследования по оценке эффективности реализации государственной политики Российской Федерации в области АД и разработку предложений по уточнению ее приоритетных направлений и основных принципов;

исследования проблем соотношения рыночного и государственного регулирования, а также ведомственных и общегосударственных интересов в обеспечении эффективного управления и устойчивости АД. В исследованиях должны быть рассмотрены проблемные вопросы взаимодействия между субъектами АД и подведомственными им предприятиями, организациями и госкорпорациями;

комплексную оценку состояния и разработку предложений по решению проблемных вопросов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по одному из направлений АД. Комплексная оценка состояния должна включать оценки качественного и количественного развития по основным индикаторам выделенного направления АД (например, по индикатору доли современной АТ в составе авиационных группировок). В исследованиях должны быть обозначены приоритеты развития АД и ее субъектов.

В результате многолетних системных исследований в области АД была выработана специальная методика проведения комплексных исследований состояния и тенденций развития АД в России и в мире², состоящая из следующих этапов.

1) Анализ результатов выполнения мероприятий государственных программ в области АД.

¹ Приоритетные направления экспертно-аналитической деятельности научного сообщества российской авиационной отрасли приведены в работе Сливичкий А.Б. Экспертно-аналитическая деятельность в обеспечение инновационного развития российской авиационной отрасли // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.9, ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – С. 627–632.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. – М., 2017. – С. 88–94.

- 2) Анализ применения существующих нормативных правовых актов в области АД в России и в ведущих авиационных странах мира.
 - 3) Анализ выполнения основных мер государственного регулирования АД в России.
 - 4) Анализ состояния и развития зарубежной и отечественной авиации по результатам международных выставок.
 - 5) Анализ рисков и ограничений АД России.
 - 6) Комплексный анализ состояния и тенденций развития АД в России (и в мире) и выявление проблемных вопросов АД.
 - 7) Оценка эффективности управления реализацией государственной политики России в области АД.
 - 8) Разработка прогноза основных тенденций и факторов развития авиации и АД в России и в мире.
 - 9) Разработка предложений по уточнению приоритетных направлений и основных принципов государственной политики, а также совершенствованию форм и механизмов государственного регулирования АД в России.
 - 10) Разработка предложений по совершенствованию механизмов координации мероприятий, реализуемых в государственных программах.
 - 11) Разработка предложений по приоритетным мерам обеспечения национальной безопасности России в области АД.
 - 12) Разработка предложений в проект плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации в обеспечение реализации государственной политики в области АД.
 - 13) Разработка проекта доклада о реализации основных мер государственного регулирования АД в России с предложениями по решению проблемных вопросов по обеспечению национальной безопасности России.
- Проводимые исследования направлены на совершенствование мер государственного регулирования развития АД с учетом современной и прогнозируемой геополитической, военной и экономической обстановки в мире, а также состояния и перспектив развития отечественной авиационной промышленности, науки, техники и технологий. Основными результатами системных исследований по АД стали:
- ежегодная оценка состояния и тенденций развития АД в России и в мире;
 - проекты ежегодного доклада Правительству Российской Федерации о реализации основных мер государственного регулирования АД в России;
 - проекты ежегодного доклада Президенту Российской Федерации о проблемных вопросах по обеспечению национальной безопасности России в области АД;
 - проекты Основ государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года и на период до 2030 года;
 - схема организации взаимодействия ФОИВ в области АД при реализации Комплексного плана по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года;
 - перспективная структура системы управления авиационной отраслью, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации;
 - перспективная система прогнозирования и программно-целевого планирования развития авиационной промышленности;
 - концептуальный подход и схема информационно-аналитического сопровождения комплексных исследований по оценке эффективности государственной политики Российской Федерации в области АД на основе системы распределенных информационно-аналитических (ситуационных) центров.

Стеценко И.П.

д.э.н., профессор, Институт транспорта и связи, Рига

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОТРАСЛЬ ТАЙВАНЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: конкурентное преимущество, производственная отрасль, Тайвань, пандемия.

Keywords: competitive advantage, manufacturing industry, Taiwan, pandemic.

На всех информационных площадках мира оценивается ущерб для мировой экономики и отдельных государств от пандемии XXI века – COVID-19. Рассмотрим некоторые экономики азиатских стран: с января по май 2020 года в большинстве азиатских экономик наблюдался экономический спад. Так, темпы экономического роста Китая снизились на 7,7%, Южной Кореи – на 11,2%. Экономический рост Японии снизился на 8,4% за первые четыре месяца 2020 года, а в Сингапуре – на 6,9%. Однако Тайвань смог сохранить средние темпы роста на уровне 1,5% за первые пять месяцев 2020 года¹.

Президент Тайваня Инвэнь Цай в своей инаугурационной речи 20 мая 2020 подчеркнула необходимость использования сильных сторон Тайваня в отраслях полупроводников и информационных технологий для обеспечения центральной роли в глобальной цепочке поставок². В частности, она выделила стратегические отрасли, которые будут способствовать усилиям по модернизации промышленности Тайваня и налаживанию тесных международных связей.

Здесь следует оценить, почему в условиях кризисной ситуации (для 2020 года такой ситуацией стала пандемия) экономики стран мира показывают различные экономические результаты и от чего это зависит? Полагаем, что в данном случае следует вспомнить теорию конкурентных преимуществ Майкла Портера. Его исследования по-новому обосновывают и объясняют процессы международного обмена во взаимосвязи сравнительных преимуществ с международной конкуренцией. По его мнению, «новая теория должна пойти дальше сравнительных преимуществ – к анализу конкурентного преимущества страны... исходя из того, что конкуренция – динамичный и развивающийся процесс»³. Конкурентное преимущество должно быть таким, чтобы его можно было использовать незамедлительно и как можно дольше. Функция его состоит в обеспечении доходов, превышающих среднеотраслевой уровень, и в завоевании прочных позиций на рынке. Предприятия обходят своих соперников, если имеют прочное конкурентное преимущество.

П. Кругман и К. Ланкастер разработали теорию эффекта масштаба, суть которой заключается в том, что при определенной технологии и организации производства долговременные средние издержки сокращаются по мере увеличения объема выпускаемой продукции. Таким образом, возникает экономия, обусловленная массовым производством. Согласно этой теории, многие страны обеспечены основными факторами производства в сходных пропорциях и в данных условиях им выгодно специализироваться на тех отраслях, которые характеризуются наличием эффекта массового производства⁴.

Следует отметить, что в апреле 2020 года экспортные заказы Тайваня выросли более чем на 2,0% по сравнению с 2019 годом, несмотря на то, что пандемия нанесла серьезный ущерб мировой экономике. Увеличение заказов для Тайваня на экспорт высокотехнологичных устройств помогло компенсировать влияние пандемии на традиционные промышленные компании. Тайвань обладает конкурентным преимуществом в области производства компьютерных и информационных технологий. Проведем анализ объема продаж конкурентоспособных отраслей Тайваня в мировой экономике.

Таблица 1

Динамика объема продаж в производстве, в тыс. тайваньских долларов, NT\$

Период		Производство
2018	Q2	3 205 167 477
	Q3	3 308 361 207
	Q4	3 266 199 222
2019	Q1	2 897 913 596
	Q2	3 048 746 328
	Q3	3 122 552 210
2 020	Q4	3 117 312 725
	Q1	2 833 633 194
	Q2	2 714 353 135

Источник: National Statistics, Republic of China (Taiwan)

¹ www.wto.com

² <https://www.tellerreport.com/news/2020-05-20-taiwan>

³ Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М., 2008.

⁴ Lucas R.E. Understanding Business cycles // Stabilization of the domestic and international economy / Ed by A.H. Meltser. – Amsterdam, 1977.

Для наглядности представим изменения объема продаж производства на рис. 1.

Рисунок 1.

Динамика объема продаж в производственной отрасли Тайваня в период с 2018 до 2020 г. в тыс. тайваньских долларов, NT\$

График отчетливо демонстрирует падение объема продаж в производственной отрасли в 2020 году, по сравнению с аналогичным периодом 2018 и 2019 году. Однако следует указать, что снижение составило около 7,0%. Традиционно Тайвань является лидером в мировой экономике по компьютерному программированию. Проведем анализ этого направления деятельности в экономике Тайваня в условиях COVID-19.

Таблица 2

Динамика изменения объема продаж в отрасли компьютерное программирование, консультация и другая деятельность в Тайване за период с 2018–2020 года, в тыс. тайваньских долларов, NT\$

период		Компьютерное программирование, консультации и др. деятельность, NT\$
2018	Q1	62 353 023
	Q2	60 067 988
	Q3	63 522 526
	Q4	76 660 721
2019	Q1	62 866 938
	Q2	66 132 908,43
	Q3	71 051 364,59
	Q4	86 683 108,66
2020	Q1	69 199 051,22
	Q2	71 885 516,03

Источник: National Statistics, Republic of China (Taiwan)

Данные табл. 2 отражают рост объема продаж в исследуемый период. Очевидно, что объем продаж в первом и втором квартале 2020 года больше, чем в аналогичном периоде 2019 года. Представим динамику изменения объема продаж на рис. 2.

Рисунок 2.

Динамика объема продаж компьютерного программирования, консультаций и другой деятельности в Тайваня за период с 2018–2020 года, в тыс. тайваньских долларов, NT\$

График на рис. 2 отчетливо показывает, что первый и второй квартал 2020 года в условиях пандемии превосходит аналогичный период 2019 года.

Рассмотрим еще одну из основных конкурентоспособных отраслей Тайваня – информационную и электронную промышленность (табл. 3).

Таблица 3

Динамика изменения объема продаж информационной и электронной индустрии Тайваня в период с 2018–2020 года, в тыс. тайваньских долларов, NT\$

Период		Информационная и электронная индустрия, NT\$
2018	Q2	1 037 548 328
	Q3	1 116 679 814
	Q4	1 115 165 611
2019	Q1	941 812 140
	Q2	999 602 755
	Q3	1 111 424 262
	Q4	1 127 243 740
2020	Q1	1 031 925 405
	Q2	1 092 985 525

Источник: National Statistics, Republic of China (Taiwan)

Как свидетельствуют данные таблицы, в первом и втором квартале 2020 года объем продаж значительно превысил аналогичный период 2019 года (см. рис. 3).

Рисунок 3.

Динамика изменения объема продаж информационной и электронной индустрии Тайваня в период с 2018–2020 года, в тыс. тайваньских долларов, NT\$

Очевидно, что первый квартал 2019 года по объему продаж уступает аналогичному периоду 2020 года – рост отрасли составил: 8,74%, во втором квартале 2020 г. объем продаж увеличился еще на 0,056% по сравнению с первым кварталом 2020 г и на 8,6% по сравнению со вторым кварталом 2019 года.

Итак, в условиях пандемии, Тайвань подтвердил свое конкурентное преимущество в глобальной экономике в сфере информационной и электронной промышленности, компьютерного программирования, где наблюдается рост объема продаж. Переход миллионов предприятий, учебных заведений на работу в «удаленном режиме» повысили спрос на продукцию информационного обеспечения, создав, таким образом, дополнительные объемы продаж, рабочие места в Тайване. Отметим, теории Портера, Кругмана, Ланкастера подтверждаются на практике – организация производства, эффект масштаба, снижение издержек и конкурентное преимущество создают устойчивое развитие экономики. Безусловно, мир будет изменяться, и формирование экономик на основе инноваций обеспечит стабильное, долгосрочное развитие государства.

Ярашова В.К.

к.э.н., докторант, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности РУз
v.yarashova@polito.uz

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, международные рейтинги, индекс эффективности логистики, методика оценки индекса, таможенное оформление, транспортная инфраструктура, качество логистических услуг.

Keywords: transport and logistics system, international ratings, Logistics Performance Index, index evaluation methodology, customs clearance, transport infrastructure, quality of logistics services.

Стратегической целью развития транспортной системы является удовлетворение потребностей инновационного социально ориентированного развития экономики и общества в конкурентоспособных качественных транспортных услугах.

Достижение этой стратегической цели должно быть обеспечено путем эффективного развития конкурентной среды транспортно-логистической системы, а также созданием оптимальных резервов в развитии транспортной инфраструктуры, достижения передового уровня развития техники и технологий, усиления внимания к социальным и экологическим факторам, повышения национальной, экономической и технологической безопасности в стране, зависящих от транспорта.

Международные рейтинги, регулярно публикуемыми ведущими агентствами и международными организациями, позволяют не только сравнивать страны между собой в различных областях и проводить аналитику, но и показывают слабые стороны стран и направления для совершенствования. Рейтинги «Глобальная конкурентоспособность» (GCI, Всемирный форум, Женева), «Всемирная конкурентоспособность» (ORWC, Международный институт развития менеджмента, Лозанна), «Возможность глобальной торговли» (ETI, Всемирный форум, Женева), «Ведение бизнеса» (EDBR, Всемирный банк, Вашингтон) являются специальными аналитическими инструментами.

В 2010 г. исследовательский институт «Transport Intelligence» (Великобритания) разработал индекс развития рынка логистики в странах с развивающейся экономикой (Emerging Market Logistics Index)¹. Индекс EMLI отражает степень привлекательности рынка логистики для иностранных инвестиций. Общий показатель индекса подсчитывается на основе трех промежуточных показателей: размер и динамика развития рынка, рыночная совместимость, развитие транспортных коммуникаций. Проведенный в 2020 году рейтинг The Agility Emerging Markets Logistics Index обследовал 50 стран с развивающейся экономикой. По итогам исследования наиболее привлекательными для инвестирования в сферу логистики оказались следующие развивающиеся страны: Китай, Индия, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия, Малайзия, Саудовская Аравия. Они не изменили своих позиций с прошлого года. Среди стран СНГ в рейтинге EMLI представлены только Россия (13 место), Казахстан (21 место) и Украина (27 место)².

Но мы подробнее остановимся на рейтинге, публикуемом Всемирным банком, в котором обследуются 160 стран мира на предмет развития логистики. Индекс эффективности логистики Logistics Performance Index (LPI) – это интерактивный инструмент сравнительного анализа, созданный для того, чтобы помочь странам определить проблемы и возможности, с которыми они сталкиваются в своей деятельности в области торговой логистики, и то, что они могут сделать для улучшения своих показателей. LPI основан на всемирном опросе операторов на местах (глобальных экспедиторов и экспресс-перевозчиков), обеспечивающем обратную связь в отношении логистического “дружелюбия” стран, в которых они работают, и тех, с которыми они торгуют. Они сочетают глубокие знания о странах, в которых они работают, с обоснованными качественными оценками других стран, в которых они торгуют, и опытом глобальной логистической среды. Обратная связь от операторов дополняется количественными данными о выполнении ключевых компонентов логистической цепочки в стране работы.

Таким образом, LPI состоит как из качественных, так и из количественных показателей и помогает построить профили логистического дружелюбия для этих стран. Он измеряет эффективность всей логистической цепочки поставок внутри страны и предлагает два различных индекса: международный и внутренний. Международный индекс обеспечивает качественную оценку страны в шести областях ее торговыми партнерами-специалистами по логистике, работающими за пределами страны. Внутренний индекс обеспечивает как качественную, так и количественную оцен-

¹ Emerging Market Logistics Index 2013. – http://agilitylogistics.com/EN/Documents/Agility_Downloads/2013_Emerging_Markets_Logistics_Index.pdf

² <https://logisticsinsights.agility.com/emerging-markets-logistics-index/survey>

ку страны специалистами по логистике, работающими внутри нее. Он включает в себя подробную информацию о логистической среде, основных логистических процессах, институтах, а также данные о времени выполнения и затратах¹.

Стоит отметить, что данный рейтинг отобран Правительством РУз как один из 23 приоритетных рейтингов и индексов, которые могут стать «ярким отражением и барометром проводимых реформ в стране»².

Основными составляющими LPI являются оценки эффективности работы таможенных органов, состояния инфраструктуры, легкости организации международных перевозок, качества логистики и логистических компетенций, а также возможности отслеживания движения грузов на протяжении всей цепочки поставок и своевременности (соблюдения сроков) их доставки. Всемирный банк определяет страны с лучшей торговой логистикой каждые два года начиная с 2007 года.

По уровню эффективности развития логистики Узбекистан оказался лишь на 99 месте в мировом рейтинге LPI-2018. По мнению экспертов Всемирного банка, Узбекистан уступает таким странам, как Камбоджа, Малави, Камерун, Шри-Ланка и другие. В первую десятку рейтинга LPI, по данным Всемирного банка, входят логистические комплексы Германии, Швеции, Бельгии, Австрии, Японии, Нидерландов, Сингапура, Дании, Великобритании и Финляндии. Тройку сильнейших составляют Германия, Швеция и Бельгия. К слову сказать, США не вошли в десятку лидеров по итогам 2018 г.

Таблица 1

Страны СНГ и Украина в рейтинге по индексу эффективности логистики (LPI) за 2007–2018 гг.

Страна	2007 г.		2010 г.		2012 г.		2014 г.		2016 г.		2018 г.	
	индекс LPI	место в рейтинге	индекс LPI	место в рейтинге	индекс LPI	место в рейтинге	индекс LPI	место в рейтинге	индекс LPI	место в рейтинге	индекс LPI	место в рейтинге
Украина	2,55	73	2,57	102	2,85	66	2,98	61	2,74	80	2,83	66
Казахстан	2,12	133	2,83	62	2,69	86	2,7	88	2,75	77	2,81	71
Россия	2,37	99	2,61	94	2,58	95	2,69	90	2,57	99	2,76	75
Армения	2,14	131	2,52	111	2,56	100	2,67	92	2,21	141	2,61	92
Узбекистан	2,16	129	2,79	68	2,46	117	2,39	129	2,4	118	2,58	99
Беларусь	2,53	74	–	–	2,61	91	2,64	99	2,4	120	2,57	103
Киргизия	2,35	103	2,62	91	2,35	130	2,21	149	2,16	146	2,55	108
Молдова	2,31	106	2,57	104	2,33	132	2,65	94	2,61	93	2,46	116
Туркменистан	–	–	2,49	114	–	–	2,30	140	2,21	140	2,41	126

Среди стран СНГ лидирующее место занимает Казахстан, который в 2010 г. резко улучшил свои позиции. Россия повысила свой рейтинг в 2018 г. с 99 на 75 место (табл. 1). Армения, Узбекистан, Беларусь, Киргизия и Туркменистан поднялись в рейтинге в 2018 г., однако Украина и Молдова, напротив, ухудшили свои позиции.

Как мы видим из табл. 2, разрыв в рейтинге очень большой: от 68 места в 2010 г. до 129 в 2014 г. Относительно высокие показатели наблюдаются за все время проведения рейтинга по субиндексу «Соблюдение сроков поставок грузов». Также неплохие показатели по «Отслеживанию прохождения грузов». Однако по остальным субиндексам нам есть к чему стремиться. Особенно низок показатель по «Эффективности процесса таможенного оформления» – 2,10, что на 0,22 пункта ниже показателя предыдущего периода.

Таблица 2

Рейтинг Республики Узбекистан по индексу эффективности логистики (LPI) за 2007–2018 гг.

Показатель	2007 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Место в рейтинге	129	68	117	129	118	99
Значение LPI	2,16	2,79	2,46	2,39	2,4	2,58
Эффективность процесса таможенного оформления	1,94	2,20	2,25	1,80	2,32	2,10
Качество торговой и транспортной инфраструктуры	2,00	2,54	2,25	2,01	2,45	2,57
Простота организации международных поставок товаров	2,07	2,79	2,38	2,23	2,36	2,42
Качество логистических услуг и компетентность	2,15	2,5	2,39	2,37	2,39	2,59
Отслеживание прохождения грузов	2,08	2,96	2,53	2,87	2,05	2,71
Соблюдение сроков поставок грузов	2,73	3,72	2,96	3,08	2,83	3,09

Что касается методики расчета рейтинга, LPI формируется из ответов респондентов, профессионалов в сфере логистики: крупных международных перевозчиков и наиболее значимых компаний экспресс-доставки. В опросе основные 6 индикаторов, составляющих LPI, оцениваются респондентом от «самого низкого рейтинга» – 1 до «самого высокого» – 5. Полученные данные обрабатываются с применением метода главных компонент (РСА), который позволяет производить обработку большого объема данных без потери важных элементов информации. Интересной особенностью анкеты для формирования рейтинга LPI является то, что численные ответы кодируются как логарифмы этих величин, а ответы, предполагающие выбор диапазона (например, 50–100) кодируются как логарифм среднего. Такая методика расчета позволяет избежать дополнительных ошибок при обработке больших чисел³.

¹ <https://lpi.worldbank.org/about>

² Нарзикулов Т.М., Саидхонов С. Объективность оценок в приоритете // Экономическое обозрение. 2020. – № 2. – С. 26–33.

³ Connecting to Compete Report 2012: Trade Logistics in the Global economy / The World Bank.

Проанализировав методику формирования рейтинга и интегрального индекса LPI, можно сделать вывод о том, что при расчете учтены основные факторы, определяющие состояние логистики страны, и в целом разработанный подход является конструктивным. Однако при расчете индекса не учитываются такие важные факторы, как территория страны, протяженность дорог, численность населения, наличие выхода к морю и ряд других¹.

Анализ индекса LPI за 2007–2012 гг. по методологии Всемирного банка вызывает определенные сомнения в достоверности результатов исследования и у других исследователей.² Ведь предложенная методика оценки эффективности логистики не является научно обоснованной. Исследование основывается на результатах опросов преимущественно международных (транснациональных) логистических компаний, а опрос потребителей логистических услуг при этом не ведется. При этом рейтинг некоторых стран взлетает и уменьшается на несколько десятков позиций.

Исследователи Всемирного банка также признают, что разработанная ими методика оценки эффективности логистики не является в достаточной мере научно обоснованной. В своих отчетах они обращают внимание на то, что оценка на основе индекса LPI производится с точки зрения частного бизнеса на то, как страны связаны между собой торговыми операциями, поэтому в ней не отражены в достаточной мере изменения, происходящие на уровне отдельной страны. Данная оценка дополняет, а не заменяет всесторонние исследования логистической отрасли. Как отмечают эксперты, индекс LPI позволяет определить страны с прогрессивным и недостаточным развитием логистики, однако высокая оценка не обязательно означает равномерно высокие показатели ее эффективности по всей стране. В целом, авторы исследования признают, что логистика многомерна, поэтому определение и анализ ее эффективности в разных странах является проблематичным³.

В отрасли сложились следующие недостатки и проблемы, препятствующие ее развитию:

- недостаток инвестиций в развитие транспортно-логистической инфраструктуры;
- низкий уровень развития транспортной и складской инфраструктуры;
- несформированность рынка 3PL и 4 PL-услуг;
- недостаточное количество квалифицированных логистов;
- несовершенство таможенного и иного контроля на границах;
- слабый уровень нормативно-правового регулирования транспортно-логистической отрасли;
- отсутствие статистического учета показателей развития логистики на национальном уровне;
- слабая интегрированность национальных логистических систем в евразийскую и трансазиатскую;
- высокие кредитные ставки инвестиционных проектов в развитие логистической инфраструктуры;
- бюрократические препоны.

Для повышения индекса LPI Узбекистана и вхождения его как полноправного члена в мировую транспортно-логистическую систему автором предлагаются следующие рекомендации по каждому из субиндексов:

1. По субиндексу «Эффективность процесса таможенного оформления»:
 - вступление Узбекистана в Таможенный союз;
 - снижение таможенных ставок вплоть до нулевых;
 - упрощение таможенных процедур.
2. По субиндексу «Качество торговой и транспортной инфраструктуры»:
 - совершенствование нормативного регулирования логистической отрасли;
 - повышение инвестиционной привлекательности логистической отрасли;
 - строительство новых спрямляющих железнодорожных маршрутов.
3. По субиндексу «Простота организации международных поставок товаров»:
 - вступление Узбекистана в ЕАЭС;
 - ратификация Соглашения «О введении международного сертификата взвешивания грузовых транспортных средств на территории государств-участников СНГ» (Чолпон-Ата, 2004 г.), и Соглашения «О массах и габаритах транспортных средств, осуществляющих межгосударственные перевозки по автомобильным дорогам государств-участников СНГ» (Минск, 1999 г.).
4. По субиндексу «Качество логистических услуг и компетентность»:
 - ускоренное формирование рынка 3PL-услуг и переход к концепции 4PL (создание системного интегратора в области логистики);
 - повышение уровня подготовки кадров для логистической отрасли;
 - создание системы достоверной статистической отчетности по логистическим показателям.
5. По субиндексу «Отслеживание прохождения грузов»:
 - внедрение и совершенствование системы GPS-навигации транспортных средств, а также технологии радиочастотной идентификации;

¹ Сергеев В.И., Зинина Д.И. Анализ существующих международных подходов для оценки эффективности логистики // Логистика и управление цепями поставок. 2013. – № 2 (55).

² Курочкин Д.В. Оценка эффективности логистики по методологии всемирного банка и ее корректность // Логистика и управление цепями поставок. 2013. – № 2 (55); Зорина Т., Трухан Ю. Логистический рейтинг 2018: лидеры и аутсайдеры // Наука и инновации. 2019. – № 2. – С. 51–55. – <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-2-51-55>

³ Connecting to Compete 2012: Trade Logistics in the Global Economy / The International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank

– создание Единого интерактивного портала транспортно-логистических услуг с открытым доступом, а также разработка и внедрение интеллектуальной системы на основе спутниковых технологий в сфере управления железнодорожными перевозками, позволяющую удаленно осуществлять мониторинг движения всех поездов стран-участниц¹.

6. По субиндексу «Соблюдение сроков поставок грузов»:

- использование SAB-программ для более четкого соблюдения сроков поставок;
- цифровизация управления цепями поставок.

Огромный потенциал по показателям «эффективность процесса таможенного оформления», «простота организации международных перевозок» заложен и реализуется в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Страны-члены ЕАЭС находятся между двумя мировыми центрами: Евросоюзом с совокупным ВВП около 17 трлн. долларов США и государствами Юго-Восточной Азии с совокупным ВВП почти 13 трлн. долларов США. В этой связи направление развития интеграционного объединения видится в эффективном использовании имеющегося транспортного потенциала, гармонизации и упрощении перемещения товаров и услуг, создании общего транспортного рынка, либерализации автомобильных перевозок грузов. В значительной степени этому способствует принятие Таможенного кодекса ЕАЭС, который предполагает устранение барьеров в развитии внешней торговли, обеспечение эффективной экономической безопасности ЕАЭС, создание прозрачности процессов регулирования внешнеэкономической деятельности, оптимизацию деятельности таможенных органов².

Использование транзитного потенциала Узбекистана должно быть не только приоритетом развития транспортной системы, но и самостоятельным направлением роста экономики, которое также будет способствовать росту доходов от логистики. Для повышения уровня реализации транзитного потенциала страны необходимы: формирование выгодных для страны международных альянсов; разработка экономических и правовых механизмов, позволяющих извлекать выгоды транзитного положения субъектов Республики Узбекистан; реализация программ модернизации транспортной инфраструктуры с учетом приоритетного развития международных транзитных коридоров (МТК); создания и развития транзитных коридоров, дополняющих базовые МТК и другие мероприятия³.

Качество оказания логистических услуг напрямую зависит от качества подготовки квалифицированных специалистов, способных на высоком профессиональном уровне заниматься логистическим управлением. Подготовкой специалистов в сфере логистики с высшим образованием с присвоением соответствующей квалификации занимаются Ташкентский государственный университет транспорта (ТГТУ) и Ташкентский государственный экономический университет.

С целью научного обеспечения транспортно-логистической системы и осуществления непрерывного образования широкого круга специалистов транспорта и логистики предлагается создать на базе Ташкентского государственного транспортного университета **Научный центр транспортной логистики**.

Реализация мероприятий по комплексному развитию транспортно-логистической системы позволит не только улучшить национальные экономические показатели, но и подняться в международных рейтингах, повысить уровень конкурентоспособности логистического потенциала республики.

¹ Ибрагимова Д. Повышение экспорта транспортных услуг в условиях кризиса пандемии // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «XII Международный форум экономистов. Социально-экономические последствия и сокращение бедности населения Узбекистана в условиях пандемии». 2020. – С. 124–131.

² Скворода Е.В.. Повышение индекса эффективности логистической системы республики Беларусь // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2016. – Т. 2, № 2. – <http://vestnik-nauki.ru/>

³ Ярашова В.К. Перспективы и приоритеты развития интеграционных процессов транспортной системы Республики Узбекистан. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 2. – С. 524–527.

Абдильдин Ж.М.

д.филос.н., академик НАН РК, профессор кафедры философии, Евразийский национальный университет, Нур-Султан

kazima-kz@mail.ru

Абдильдина Р.Ж.

д.филос.н., академик НАН РК, заместитель директора Казахстанского филиала МГУ, Нур-Султан

raukz@mail.ru

ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: модернизация, четвертая промышленная революция, искусственный интеллект, образование, мышление, творчество.

Keywords: modernization, the fourth industrial revolution, artificial intelligence, education, thinking and creativity.

Сегодня в мире происходит четвертая промышленная революция, главными составляющими которой являются дальнейшее совершенствование искусственного интеллекта, внедрение киберфизических систем в производство, активное развитие робототехники, инновационных технологий и многое другое.

Четвертая промышленная революция в ближайшем будущем совершенно преобразит жизнь людей. Уже сегодня в наш обиход входит все более совершенная «умная» техника, современные роботы. Многие процессы и функции, которые раньше выполнял человек, на наших глазах передаются робототехнике, в результате чего из традиционного производственного труда высвобождается множество людей¹.

В новых условиях коренной трансформации бытия людей, когда многие процессы и функции, исполнявшиеся прежде человеком, передаются машинам, актуальным становится вопрос о том, какие функции являются подлинно человеческими, раскрывающими истинное человеческое содержание. В настоящее время роботы выполняют не только тяжелую физическую работу – машина успешно справляется с такими еще вчера казавшимися исключительно человеческими мыслительными функциями, как анализ, синтез, сбор информации, обобщение, классификация, систематизация и т.д., то есть с задачами рассудочной деятельности. Таким образом, с рутинными, типовыми мыслительными задачами сегодня гораздо лучше и совершеннее справляется искусственный интеллект.

Отсюда возникает вопрос: сможет ли умная машина заменить человека? Следует понимать, что в отличие от операций рассудочной деятельности, с которыми уже сегодня успешно справляется искусственный интеллект, подлинно человеческими являются функции разума – творчество, умение разрешать противоречия, понимание сущности предмета, с которыми машина, мыслящая по законам формальной логики, справиться никогда не сможет. Только человеческий разум может схватить единство противоположностей, тождество субъективного и объективного, способен понимать и творить, используя в своем мышлении законы диалектической, содержательной логики.

Таким образом, сегодня сама жизнь ставит перед человечеством задачу формирования и воспитания творческой, созидательной, креативной личности. Потому уже сейчас жизненно необходимо особое внимание обратить на формирование творческого человека, готового к новым вызовам и запросам времени. Решение этой большой философской, гуманитарной задачи неразрывно связано с улучшением качества человеческого капитала, изменением роли и содержания образования. Следует заметить, что это задача не одной конкретной страны, государства или народа, это проблема, возникшая в условиях новой глобальной реальности, потому она выполнима лишь совместными усилиями всего человечества, всего международного сообщества в результате совместного творчества на основе партнерства и сотрудничества.

В традиционном обществе, как и в советское время, человеку не требовалось быть активным и творческим. Традиционный уклад призывал человека жить согласно законам и обычаям, выработанным предками. В СССР коммунистическая партия вела советский народ к победе коммунизма, тогда как люди должны были лишь следовать указаниям партии. Думать и самостоятельно принимать решения было ни к чему, да и небезопасно. Рыночная же экономика ставит перед человеком совершенно другие задачи, теперь он сам должен думать о своей жизни, самостоятельно мыслить, реагировать, перестраиваться и решать, не ожидая чьих-либо указаний. Человек должен быть инновационно мыслящим, креативно настроенным, стать открытым всем изменениям развивающейся жизни и быть не простым исполнителем, а творцом.

¹ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution // What It Means and How to Respond Foreign Affairs. – <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>

Поэтому сегодня уже жизненно необходимо принципиально по-новому подходить к процессу образования. К сожалению, до сих пор, образование все еще отстает от реальных потребностей жизни. Людей все еще обучают по старинке, внедряя лишь формальные изменения, не затрагивающие сущности и содержания образования. Однако сама жизнь требует сегодня воспитания людей думающих и мыслящих.

«Учеба уже не будет базироваться на запоминании. Совсем скоро компьютеры и очки Google Glass трансформируются в крохотные линзы, предоставляющие возможность загружать всю необходимую информацию. Уже существуют очки дополненной реальности, у которых есть такая функция. Поэтому через год-два школьники и студенты на экзаменах смогут запросто искать ответы на вопросы в Интернете: достаточно моргнуть – и появится нужная информация. С одной стороны, не нужно будет перегружать мозг бесполезными знаниями, основной процент которых, как показывает практика, впоследствии не используется. С другой – освободившийся умственный резерв переориентируется на развитие способности думать, анализировать, аргументировать и принимать в итоге верные решения»¹.

Следовательно, учебный процесс следует нацелить не на обучение готовым знаниям, приводящее к формальной зубрежке, а на понимание преподаваемого материала. Перед учителями школы, преподавателями вузов стоит ответственная задача – не просто транслировать знания, а учить думать, мыслить, решать проблемы. Как же научить мыслить? Данный вопрос имеет актуальное значение в философии, науке, культуре. Эта проблема имеет первостепенное значение в образовании. Задача состоит в том, чтобы после окончания школы и вуза молодые люди не просто владели некоторыми представлениями, информацией о мире, о человеке, о культуре, но имели об этих предметах свое собственное суждение. Как же этого добиться? Что делать, чтобы студент, учащийся выработал способность думать?

Сначала попробуем ответить на вопрос: что такое умение мыслить? На него существует множество ответов. Остановимся на мнении И. Канта, который под способностью мыслить понимал способность подведения чувственно-го многообразия под априорные категории рассудка. Такое умение он называл способностью суждения. Соответственно, отсутствие этой способности называл глупостью: «Способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума... Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью»². Другими словами, умение мыслить означает решать противоречия в развитии науки. Чем более сложны, не стандартны задачи, тем труднее их решать, поэтому те, кто успешно решают задачи науки, жизни, общества, считаются наиболее выдающимися людьми. И в истории человечества, в истории науки подобных примеров много.

Разумеется, умением мыслить отличаются не только выдающиеся ученые, мыслители, но и все успешные люди. В повседневной жизни люди встречаются с множеством проблем и противоречий, которые они в той или иной форме постоянно решают. Умение мыслить – это, прежде всего, умение осмыслить конкретные факты науки и жизни, способность применять свои знания к конкретной ситуации. Умение мыслить, применять свои знания и принципы к конкретной ситуации – это не простое дело, оно предполагает способность анализировать предмет, владеть логикой и методом, методологией познания. В современной науке трудно быть успешным без глубокого знания диалектики как логики, без знания таких универсальных принципов, как принцип развития, восхождения от абстрактного к конкретному, совпадения исторического и логического и т.д. Всестороннее знание этих методов дает возможность успешно разрешать противоречия и трудности, возникающие в развитии науки.

Актуальным вопросом является не только умение творчески мыслить в сфере науки, культуры, общественной деятельности, но также задача научить думать молодежь. Перед школой, вузами этот вопрос стоит давно, однако, ощутимого прогресса в его решении, к сожалению, все еще нет. Огромное количество учителей и преподавателей вузов, за некоторым исключением, продолжают учить так, как учили раньше, в основном все свое внимание обращая на освоение результатов знания, когда основная нагрузка падает на память учащихся. В силу этого вопрос о том, как научить учеников думать, уходит по традиции на второй план. Поэтому и сегодня вопрос о том, как научить молодежь мыслить, остается актуальным.

Умение мыслить, думать – не врожденное качество, не дар природы, этой способности необходимо учиться, и здесь не следует выдумывать ничего нового. Как отмечают многие философы и ученые, процесс освоения знания должен следовать логике истории формирования человеческого знания в сокращенном виде. Чтобы уметь мыслить, думать, решать задачи, молодые люди, прежде всего, должны понять предмет. Понимание приходит не тогда, когда известен готовый результат, а когда осознаются способы формирования предмета, пути его возникновения и развития. Когда же учащиеся имеют дело с готовым результатом знания, нагрузка падает только на их память, но они при этом не понимают логику формирования предмета. У них создается ложное впечатление, что они поняли предмет, хотя при этом они очень далеки от настоящего понимания. В силу непонимания предмета, через какое-то время выученное забывается, и обучение не достигает своей цели.

Научиться умению мыслить – означает приобщить молодого человека к живому процессу развития знания и культуры, другими словами, вовлечь его в логику живой жизни, в способ формирования предмета. В ходе такой деятельности ему удастся постигнуть сущность, противоречие, способ формирования и тайну движения предмета. Поскольку способ формирования предмета является противоречием и разрешением противоречия, постольку и освоение предмета должно быть таким же противоречием и разрешением противоречия.

В процессе обучения молодежь должна решать задачи не только по математике, физике и т.п., учащиеся должны уметь понимать противоречия и проблемы истории, литературы, философии. Вся история человечества полна проблемами, противоречиями, которые решали люди в своей жизнедеятельности. Потому знание истории означает не только наличие некоторых сведений о тех или иных исторических событиях, оно предполагает постижение сущности,

¹ Каку М. Физика будущего / Пер. с англ. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2012. – С. 153.

² Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 218.

логики исторического процесса. То же самое можно сказать о литературе, науке. Вся история знания свидетельствует о том, что выдающиеся представители науки, культуры были способны разрешать противоречия своего времени. Следовательно, научиться мыслить – это значит приобщаться к форме деятельности великих, вовлекаться в логику их творчества, учиться их умению мыслить, разрешать противоречия в развитии науки и культуры.

Таким образом, сегодня школы и университеты должны готовить людей думающих и мыслящих, способных отвечать на вопрос «почему?», в чем причина, сущность явлений. Существующие проблемы, недочеты и недостатки образования, к сожалению, проявляются в нашей сегодняшней жизни, когда многие люди, получившие дипломы и аттестаты, в своем сознании с легкостью заменяют научные теории религиозными догмами, более того, вульгарными, невежественными измышлениями. Все эти проблемы требуют серьезных изменений в методах и подходах к процессу преподавания.

«Школа должна учить мыслить!» – призывал уже полвека назад выдающийся советский философ Э.В. Ильенков, только теперь уже это не предмет для споров и размышлений ученых, философов, а реальное, неотложное требование жизни¹.

¹ Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить // Народное образование. 1964. – № 1. – С. 16.

Алонци Р.

PhD, Сиенский ун-т, Италия; доцент РУДН

Любин В.П.

д.и.н., в.н.с. ИНИОН РАН

ИЗУЧЕНИЕ В РОССИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИКИ ЕС И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «UTMOST»¹

Ключевые слова: ЕС; Россия; европейская интеграция; программы Жан Моне; наука; образование.

Keywords: EU; Russia; European integration; Jean Monnet programmes; science; education.

В данной статье рассказывается о проекте по изучению и преподаванию основ европейской интеграции и политики ЕС на примере осуществления международного проекта UTMOST. Наряду с этим затрагиваются вопросы истории изучения интеграции, а также специфика и направления деятельности в Российской Федерации кафедр Жана Монне.

Российские исследования по европейской интеграции стартовали уже в 1957 г., когда был основан Европейский экономический союз (ЕЭС). В результате установления дипломатических отношений между ЕЭС и СССР в 1988 г., а также дальнейшего расширения границ ЕС, европейские исследования в научно-исследовательских институтах и в университетах в Российской Федерации все более расширялись, а в последнее время они развиваются также и в форме сетевого сотрудничества².

История изучения европейской интеграции, одним из центров изучения которой с 1970-х годов стал и остается в том числе ИНИОН РАН, была подробно освещена в специальном докладе на эту тему д.э.н. Ю.А. Борко на заседании Ученого совета Института Европы РАН 19 февраля 2020 г., на котором присутствовали авторы данной статьи. В докладе отмечалось, что первая аналитическая записка по поводу создававшихся тогда экономических организаций стран Западной Европы была направлена в высшие инстанции СССР в 1951 г., ее автором был М. Грибанов. Затем появлялись документы, составленные в Министерстве иностранных дел, они шли за подписью заместителя министра А.Я. Вышинского. В 1956 г. был создан (или же воссоздан) Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, в котором уже конкретнее исследовались и процессы западноевропейского объединения. Одновременно эти же процессы начали изучать на некоторых кафедрах МГИМО. Качественную перемену в сравнении с устаревшими догматическими подходами означал сделанный учеными ИМЭМО и его директором академиком А.А. Арзуманяном в 1962 г. вывод о том, что Общий рынок (так тогда чаще всего называли образованный в 1957 г. ЕЭС, т.е. экономическое объединение 6 стран – Франции, Италии, ФРГ, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга) – это «больше, чем сумма национальных рынков», и оно ведет к оптимизации западноевропейской экономики.

Эти положения продолжали развивать ученые-европеисты ИМЭМО и при другом директоре этого института академике Н.Н. Иноземцеве в 1970-е годы. Заметный вклад в изучение проблем европейской интеграции внесла его жена д.э.н., профессор М.М. Максимова, ее монографии были переведены на ряд европейских языков³. В МГИМО действовали кафедра европейской интеграции и Европейский учебный институт – ЕУИ, созданный в 2006 г. и работавший под руководством профессора М.Л. Энтина. В Руководящий совет ЕУИ входят 16 членов: 8 российских представителей и 8 представителей государств-членов ЕС. Его основной задачей является «обучение европейской проблематике и особенностям ведения диалога Россия – ЕС». Одним из заметных подготовленных в МГИМО фундаментальных изданий из серии «Общие пространства России-ЕС: Право, политика, экономика» стала, например, монография Л.М. Энтина, в которой исследуются проблемы права Европейского союза⁴.

В монографии показано, как происходило становление европейского интеграционного права на протяжении трех главных этапов. Первый из них связан с формированием Европейских сообществ и созданием права сообществ. Второй начинается с образования Европейского союза и сопровождается становлением права ЕС. Третий берет начало от Нишского договора, вступившего в силу в 2003 году. Он получает развитие с попыткой создания конституции ЕС, а после ее неудачи – в новом Лиссабонском договоре 2007 г. Рассмотрены предпосылки подписания данного основополагающего договора, а также принятия новых консолидированных версий Договора о Европейском союзе и Дого-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного ЕС проекта «Understanding and Teaching the EU to future Mass cOmmunication SpecialisTs» «Понимание и обучение принципам ЕС будущих специалистов в области массовых коммуникаций» (Проект № 621052-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE), Erasmus + Jean Monnet Actions.

² Барсукова А.В. Развитие европейских исследований в России: от централизации к сетевому сотрудничеству // Современная Европа. – М., 2017. – № 4. – С. 109–120.

³ Российские ученые-европеисты / Отв. ред. Ю.А. Борко. – М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2008. – С. 91–92; Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Наука, 2008. – С. 253–255.

⁴ Энтин Л.М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. – М.: Аксиом, 2009. – 300 с.

вора о функционировании Европейского союза, опубликованных в Официальном вестнике ЕС в мае 2008 года. Проанализированы радикальные изменения, внесенные в структуру ЕС и его правовую природу, трансформация правовой системы и институционального механизма. Отмечено, что Лиссабонский договор, как и предшествовавший ему Конституционный проект, отразил доминирующую тенденцию в эволюции европейского интеграционного объединения – стремление к модернизации, демократизации и повышению эффективности ЕС¹.

В 1968 г. завершилось строительство таможенного союза стран Общего рынка. В 1973 г. к нему присоединились Ирландия, Дания и Великобритания (она вышла из ЕС в 2020 г.). Затем состоялись несколько волн расширения ЕС, самая большая – присоединились 10 стран в основном из Центрально-Восточной Европы – пришлось на 2004 год. Разумеется, все эти процессы исследовались специалистами в России. Центрами таких исследований в Москве стали ИМЭМО, ИНИОН, ИЕ РАН, а также МГИМО (У).

Подробности пройденных с 1950–1980-х годов путей изучения европейской интеграции в советской и затем после 1991 г. российской науке можно найти в книге воспоминаний Ю.А. Борко². В ней помещено также интервью, которое у него взяла его ученица и коллега д.э.н. О.В. Буторина³. Главная тема интервью – история создания в 1992 г. и последующей деятельности Ассоциации европейских исследований в России (АЕВИС). Краткие научные биографии российских ученых-европеистов изданы Институтом Европы РАН в 2008 г. отдельным справочником⁴. В справочнике содержится информация о более чем 150 ученых из 30 исследовательских институтов и высших учебных заведений России, указываются их основные научные работы.

Еще подробнее об истории создания и нынешней деятельности АЕВИС рассказано многочисленными авторами, учеными-европеистами из целого ряда университетов России, в которых возникли и действуют филиалы этого объединения российских ученых, в недавно изданном сборнике⁵. Во введении к нему, написанному Ю.А. Борко, О.В. Буториной и А.А. Громыко, отмечается, что «среди направлений специализации по европейской проблематике хуже всего обстояло дело в российских университетах с проблематикой европейской интеграции. До конца 1990-х годов в них не было ни одного специалиста, защитившего по этой тематике кандидатскую диссертацию, не говоря уже о докторской. Надо было популяризировать тему интеграции. Эту миссию взяли на себя сотрудники Института Европы РАН. Они стали выезжать в региональные отделения АЕВИС с лекциями»⁶. Возглавил эту деятельность первый президент АЕВИС (он ее и создал) Ю.А. Борко, он ежегодно читал лекции по истории и теории европейской интеграции или отношениям СССР/Россия – ЕС в одном из университетов, входивших в ассоциацию. Вместе с ним в региональные вузы для чтения лекций выезжали О.В. Буторина, О.Ю. Потемкина, И.М. Бусыгина и др.

Со времен основания АЕВИС ставила перед собой ряд широких задач: 1) содействовать развитию европейских исследований (European Studies) в сфере истории, экономики, права, культуры и т.д., и в особенности проблем европейской интеграции и развития Европейских сообществ (ныне – Европейского союза); 2) способствовать обмену информацией между российскими учеными и научными центрами, изучающими европейские проблемы; 3) стимулировать организацию лекционных курсов и семинаров по проблемам изучения ЕС в вузах, повышать уровень подготовки специалистов; 4) оказывать содействие членам ассоциации в подготовке и публикации научных работ в отечественных и зарубежных изданиях; 5) развивать сотрудничество российских и зарубежных ученых, исследующих европейские проблемы⁷.

Важной и эффективной формой развития европейских исследований и организации общероссийского научного сообщества были различного вида форумы (конференции, симпозиумы, семинары и т.п.), особенно международные, они вошли в практику с первого года существования ассоциации. Отличительной особенностью второй половины 1990-х – начала 2000-х годов стало расширение контактов российских ученых с зарубежными коллегами, знакомство с ведущими научными центрами и авторитетными школами общественной мысли. Представители академических институтов и университетов России стали регулярно принимать участие в международных конференциях, выступать с докладами, публиковать статьи в зарубежных научных изданиях⁸.

АЕВИС создала благоприятную почву в виде накопленных знаний и сети контактов для освоения российскими европеистами важного направления научной деятельности – проектной работы, которая активно развернулась с середины 2000-х годов. Этому способствовали программы Министерства образования и науки РФ и Российского гуманитарного научного фонда, а также полученные гранты от Европейского союза по программам «Эразмус» и проектам Жана Монне⁹.

Деятельность кафедр имени Жана Монне (или носящих то же название учреждений или институтов при университетах) направлена на продвижение передового опыта в обучении и в исследованиях Европейского Союза. Эти программы и проекты способствуют развитию диалога между миром науки и миром политики, они имеют целью дать

¹ Энтин Л.М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. – М.: Аксиом, 2009. – С. 6–7.

² Борко Ю.А. Как формировалась отечественная школа исследования европейской интеграции // Судьбу нам не очень просить. Семья, жизнь и путь в науке. – М.: Весь мир, 2019. – С. 337–357.

³ Там же, с. 393–403.

⁴ Российские ученые-европеисты / Отв. ред. Ю.А. Борко. – М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2008.

⁵ Европейские исследования в России (1992–2017) / Под общей ред. О.В. Буториной. – Томск: Издательство Томского университета, 2017. – 463 с.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ Там же, с. 15–16.

⁸ Там же, с. 19.

⁹ Там же.

представление о том, как создавался ЕС, с какими проблемами сталкиваются общества в странах-членах сообщества, как конкретно функционируют руководящие органы ЕС¹. Исследования, касающиеся политики, экономики и текущей практики Европейского Союза, включают изучение Европы в целом. Особое внимание уделяется изучению европейской интеграции в ее внутренних и внешних проявлениях. Анализируется немаловажная роль ЕС в международных отношениях в условиях глобализирующегося мира. Важное место занимает освещение проблем активного европейского гражданства и диалога между людьми и культурами в ЕС.

На этом фоне ЕС поддерживает преподавание и исследования, ведущиеся в модулях, на кафедрах и центрах передового опыта им. Жана Монне; работу различных ассоциаций; проводит политические дискуссии с представителями мира науки. Основные виды деятельности: проведение учебных курсов, исследования, конференции, сетевые мероприятия и публикации результатов исследований в сфере изучения ЕС.

В программах Жана Монне участвуют высшие учебные заведения по всему миру. Кроме того, участие в программах открыто и для многих других организаций, связанных с Европейским Союзом, и среди них для ассоциаций профессоров и исследователей, специализирующихся на исследованиях Европейского Союза. Начавшие действовать в 1989 году, эти проекты представлены в 72 странах на пяти континентах. В период с 1990 по 2011 год были созданы 162 центра передового опыта Жана Монне, 875 кафедр Жана Монне и 1001 модуль Жана Монне. Данные проекты объединяют 1500 преподавателей и ежегодно в рамках этих проектов проходят обучение около 500 000 студентов².

В международном проекте с участием работающих в РУДН и РАН ученых и преподавателей «Понимание и обучение принципам ЕС будущих специалистов в области массовых коммуникаций» (UTMOST) объединены усилия специалистов, работающих в научных и образовательных учреждениях в духе расширения задач европейских исследований в России. Этот направленный в Брюссель в начале 2020 г. на английском языке проект в соревновании поданных вузами всего мира проектов получил весьма высокую оценку экспертов ЕС (97 баллов из 100 возможных) и грант ЕС.

По-английски он сокращенно назван UTMOST³. Проект осуществляется в рамках деятельности кластера Жана Монне. Кафедры и подразделения Жана Монне, занимающиеся изучением ЕС, действуют в России в различных университетах и академических институтах (например, в Институте Европы РАН, Институте мировой экономики и международных отношений, Уральском государственном университете и т.п.). Модуль UTMOST стал первым проектом кластера Жана Монне на филологическом факультете Российского университета дружбы народов (РУДН). В состав коллектива, работающего по этому проекту вошли представители филологического факультета РУДН (Валерий Музыкант, Наталья Поплавская), эксперты в области менеджмента проектов «Еразмус» и Жан Монне⁴ из других факультетов университета (Андрей Кинякин и Марио Де Мартино), представитель Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции РУДН (Роберта Алонци), сотрудник ИНИОН РАН (Валерий Любин) и представитель Римского университета Форо Италико (Эмануэле Изидори). Таким образом, в коллективе участников гранта собраны представители науки и образования⁵ из Российской Федерации и Италии, которая является членом ЕС с момента ее основания в Риме в 1957 г. Участие в коллективе иностранных и российских ученых и преподавателей, представляющих один из ведущих московских университетов, академический институт России, а также один из университетов Италии, создает благоприятные условия для реализации проекта. Тем самым в работу по проекту вовлечены различные университетские кафедры и научные институты, в которых ведутся исследования по ЕС, что способствует появлению положительной синергии, и она заметно помогает осуществлению проекта на практике.

Проект посвящен изучению Европейского Союза, процесса европейской интеграции и деятельности современных структур ЕС в отражении СМИ. Изучается развитие процесса европейской интеграции, система ценностей, на которых основан ЕС. Обучающиеся научатся понимать и применять в своей последующей деятельности знания о процессе европейской интеграции и о политике ЕС. Это особенно необходимо для тех студентов, которые планируют в будущем трудиться в сфере средств массовой коммуникации. Подобные знания будут им весьма полезны при работе в масс-медиа.

Актуальность проекта связана с тем, что, как отмечают эксперты ЕС, важно научить тому, что представляет собой ЕС, студентов, готовящихся стать журналистами, а также преподавателей, так как это может способствовать их профессиональному росту. Проект идет в русле выдвинутых руководящими органами ЕС пожеланий о необходимости больше использовать программы кластера Жана Монне в контексте обучения за пределами научной среды и конкретно в высших учебных заведениях.

Основными целями UTMOST являются: получение студентами обширных знаний о ЕС; улучшение методов обучения и качества образования по вопросам европейской интеграции; развитие плодотворной исследовательской деятельности по изучению ЕС; подготовка специалистов в различных дисциплинах медиа и массовых коммуникаций,

¹ https://eacea.ec.europa.eu/erasmus-plus/actions/jean-monnet_en

² <http://www.puntoeuropa.it/azionejm/Jean%20Monnet%20Programme/index.php>

³ Understanding and Teaching the EU to future Mass cOmmunication SpecialistsTs.

⁴ См.: Kinyakin A., De Martino M. Erasmus+ programme as factor of academic leadership for Russian HEIs: a case of RUDN University // 3rd International Conference on Social, Economic, and Academic Leadership (ICSEAL 2019). Vol. 318 / Atlantis Press. 2019. – P. 262–271; De Martino M. The Jean Monnet programme as a tool to reinforce the role of the EU as a regional and global actor // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2015. – № 1. – С. 28–38.

⁵ Об исследованиях, касающихся ЕС, в российских университетах, подробнее см. Де Мартино М., Барнашов О.В. Внешняя образовательная политика ЕС и Россия (кейс программы «Еразмус») // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29–30 марта 2018 г.: в 2 ч. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 178–185.

связанных с европейскими исследованиями; практическое внедрение опыта образования, применяемого в странах Европейского союза.

Участникам проекта предстоит выполнить следующие задачи: провести курсы лекций и семинары, на них обучающиеся студенты смогут сами выступать с докладами и участвовать в дискуссиях; осуществить публикацию серии статей в индексируемых журналах Scopus и Web of Science; подготовить научные монографии и учебные пособия; организовать научные конференции, на которых смогут выступить с обобщающими докладами как сами участники проекта, так и высококвалифицированные российские и зарубежные специалисты, а при желании и студенты и аспиранты РУДН и других вузов.

С помощью проекта UTMOST вносится вклад в развитие европейских исследований на филологическом факультете РУДН, в сотрудничестве с партнерскими европейскими университетами, создаются более совместимые учебные планы, которые способствуют большей мобильности во взаимоотношениях с партнерами.

Лекционные курсы и семинары проекта могут посещать студенты не только филологического факультета РУДН (будущие лингвисты, педагоги, психологи и др.), но и студенты иных факультетов этого и других московских университетов, которые намерены углубить свои знания по тематике изучения истории и современности ЕС. Междисциплинарный подход модуля Жана Монне позволяет совместить изучаемые предметы с иными учебными планами, с преподаванием истории, социологии, политологии, коммуникации и т.п. Проводимые лекционные курсы и семинары окажутся доступными и для иностранных студентов, прибывающих в РУДН и другие московские вузы по междууниверситетскому обмену на один семестр, или на один учебный год.

Обучение на курсах и на семинарах модуля UTMOST позволит студентам: ознакомиться со сложными историческими процессами, которые привели к объединению стран Европы сначала в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), переименованное затем в Европейский союз (ЕС), научиться грамотно и осмысленно разбираться в современных проблемах ЕС. В лекционных курсах и следующих за ними учебных семинарах будут анализироваться основополагающие теоретические принципы, подходы и основные практики процесса европейской интеграции, происходить ознакомление с историей и современностью Европейского союза.

В первом блоке лекционных и семинарских занятий будут рассмотрены темы: идея Европы в истории и в современную эпоху; взаимоотношения СССР – ЕЭС и Российская Федерация – Европейский союз, современные проблемы этих взаимоотношений; начало экономической интеграции и провал попытки создать европейское военно-политическое сообщество; тесное экономическое сотрудничество стран-членов ЕС; развитие ЕС в период от Маастрихтского договора до Лиссабонского договора. Будут проанализированы теоретические подходы, представляющие суть процесса европейской интеграции и созданный в результате этой интеграции нынешний ЕС. Будет поставлена и такая сложная теоретическая, по своей сути философская, проблема, как политическая идентичность ЕС и возможные пути ее реализации на практике. По окончании данного этапа курсов студенты должны будут получить полное представление о Европейском Союзе (его истории, функционировании, политике, ценностях и принципах, его международном измерении); научиться понимать смысл, динамику и перспективы процесса европейской интеграции. Все это поможет обучающимся правильно оценивать такие проблемы, как историческое развитие отношений между Россией и ЕС и перспективы будущего сотрудничества, получить представление о разносторонних как торгово-экономических, финансовых, так и политических, культурных и иных связей между Россией (СССР) и ЕЭС в 1957–1991 годах, а также после 1992 г. вплоть до настоящего времени¹. Будет показано, что интересы ЕС и России тесно переплетаются не только в области экономики, финансов и торговли, о чем свидетельствует статистика, но и во многих других важных жизненных сферах.

В следующем блоке и на следующем этапе занятий студентам предстоит научиться понимать, как работают институты ЕС, как построен процесс принятия решений. Будет проанализирована немаловажная роль ЕС в мировой политике в условиях все более глобализирующегося мира. Обучающиеся получат представление о широком социальном контексте государств ЕС и смогут использовать полученные знания об этом контексте при анализе и интерпретации актуальных проблем международных отношений. Студентам предстоит также научиться понимать современный медиа-ландшафт ЕС. Будет дано представление о едином медиа-пространстве ЕС и особенностях медиа-систем разных европейских стран. Учащиеся приобретут знания о разных аспектах журналистских бизнес-моделей и журналистской практике в современную цифровую эпоху, научатся понимать различия новых жанров и форматов, узнают немало нового о современных способах распространения информации. Исполнители проекта помогут студентам получить знания и об этических и профессиональных аспектах медиа-рынка ЕС.

К предшествующим двум блокам добавляется третий. На занятиях по данному блоку студенты смогут научиться использовать социологические методы исследования на примере стран с развивающимися и развитыми рынками. Данный тематический блок поможет обучающимся получить базовые знания в сфере социологии СМИ ЕС. Преподаватели помогут им понять, как моделируется медиабизнес с учетом современных социологических концепций. Учащиеся получат представление о роли и целях социологических процессов, дифференциации методов, применяемых в социологии СМИ. Студенты научатся также анализировать риторические и прагматико-лингвистические стратегии с

¹ При проведении данного курса будет задействован практический опыт В.П. Любина (ИНИОН РАН) в течение многих лет в качестве приглашенного профессора проводившего лекции и семинары для студентов университетов в Мюнстере, Бонне и Кельне по теме «Россия и ЕС: история и современные проблемы». Последняя из таких лекций под названием «Russland und die EU: Beziehungen und Probleme» была им проведена в Кельнском университете 16.12.2020 с использованием возможностей компьютерной программы Zoom, к которой в сложившихся непростых условиях мировой пандемии 2020–2021 гг. вынуждены обращаться университеты всего мира.

точки зрения как вербальной, так и визуальной семиотики, принятой ЕС для создания своего имиджа, и освоят применяемые на практике принципы имагологии. Особенности коммуникации между ЕС и его гражданами будут продемонстрированы с помощью языкового анализа и специализированного дискурса. Будет объяснено, как конкретно строится коммуникационная стратегия ЕС, и рассмотрены параметры и способы коммуникации между руководящими органами ЕС и общественностью (гражданским обществом европейских стран).

Таким образом, в Российском университете дружбы народов будет осуществлен один из проектов кластера Жана Монне, поддержанный ЕС. Участники данного проекта намерены на практике развивать связь науки и образования. В его осуществлении исполнители будут опираться на достижения российской и мировой науки в области анализируемых проблем. Опыт применяемых ими методов обучения можно использовать как в науке, так и в образовательном процессе в российских высших учебных заведениях.

Бейлин М.В.

д. филос. н., к. т. н., профессор, Харьковская государственная академия физической культуры

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: коннективизм, цифровой имидж, мультимедийные средства, полизадания, социальные сети, блоги, самопрезентации, ризоматическая модель обучения, цифровое поколение, разноуровневое обучение.

Keywords: connectivism, digital image, multimedia, poly-assignments, social networks, blogs, self-presentation, rhizomatic learning model, digital generation, multilevel learning.

Представители современной сетевой генерации способны получать междисциплинарное образование, иначе осваивать культурное пространство, работать в виртуальных средах, адаптируясь к нестандартным нагрузкам; они умеют выстраивать эффективные коммуникации и заниматься совместной деятельностью со всеми важными субъектами; отличаются способностью выходить за пределы ситуации «здесь и теперь» в более широкие социальные контексты; характеризуются выразительными ориентациями на доминирующие в обществе нравственные ценности. Кроме того, особое значение для людей, освоивших цифровые технологии, имеет цифровой имидж как эффективное средство наращивания собственного символического капитала, а также своей идентификации, самоидентификации и самопрезентации. Вместе с тем, чувствуя себя более свободными и способными самореализоваться в блогах, социальных сетях, в пространстве сети в целом, они становятся более управляемыми и программируемыми¹. Для обозначения тех, кто не был рожден в мире современных технологий, а сталкивается с ними позже, Марк Пренски вводит термин «цифровой иммигрант». «Цифровые иммигранты» стали свидетелями создания и эволюции сети Интернет (далее – Сеть), компьютеров, социальных сетей Facebook, Twitter, поисковой системы Google, планшетов, смартфонов и множества других устройств, но несмотря на приспособление к ним, у «иммигрантов» остается свой «акцент», и их способ взаимодействия с новейшими технологиями существенно отличается от того, что является «врожденным для цифровых аборигенов»².

«Цифровые от рождения» – это учащиеся и студенты, выросшие в условиях неограниченного доступа к глобальной Сети. «Цифровые иммигранты» – поколение опытных преподавателей среднего возраста, которые мыслят иначе, чем молодежь, но способны понять ее. Старшее поколение наиболее опытных преподавателей, к сожалению, частично можно отнести к категории «цифровых невежд», поскольку для многих из них существуют трудности в понимании особенностей обучения, поиска информации, ее восприятия и усвоения современной учащейся молодежью. На наш взгляд, применение современных социальных сервисов в образовании может помочь преодолению пропасти между «цифровым» поколением учеников и преподавателями и сделать обучение одновременно увлекательным и эффективным процессом. Такой подход должен обеспечить реализацию принципа диалектического единства холизма и плюрализма, к которому склоняется большинство авторов в поисках новой методологии, которая могла бы предложить базовые принципы современного образования. Отличия «цифророжденных» от «иммигрантов», а «невежд» – как от первых, так и, возможно, от других, не должны доводиться до антагонизма, но должны быть осознаны и использованы для продуктивного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

К наиболее значимым особенностям представления информации, в том числе иноязычной, с применением таких инструментов и средств как блоги, подкасты, вики (wikispaces), социальные сети и т.п., можно отнести следующие составляющие: гипертекстовая структура информации, позволяющая соединять электронные тексты и их фрагменты с помощью системы гиперссылок; «экранная» текстовая и визуальная (графика, изображения, мультипликация, видео), звуковая (передача звуковых файлов и аудиопотока) и интегрированная (текст, звук, графика, видео) презентация информации; комплексное использование средств мультимедиа и гипертекста как способа представления информации, в котором все элементы могут нести равную смысловую нагрузку и объединяться с помощью гиперссылок³. Исходя из представленных положений, можно выделить ряд особенностей современных студентов в восприятии информации на

¹ Кужелева-Саган И.П. «Реперные точки» междисциплинарной рефлексии по проблематике влияния новых медиа на сознание и поведение молодежи // Філософія освіти. Philosophy of Education: науковий журнал. 2013. – №. 1 (12). – С. 224–278.

² Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Pt 1 // On the horizon. 2001. – Vol. 9, N 5. – P. 1–6.

³ Патаракин Е.Д. Социальные сервисы Веб 2.0. в помощь учителю: практ. Руководство. – М.: Интуит.ру, 2007. – 64 с.; Полат Е.С. Дидактические возможности сети Интернет в преподавании иностранных языков // Интернет в гуманитарном образовании. – М.: ВЛАДОС, 2001. – С. 92–101; Kerres M. Implikationen von Web 2.0. für das E-Learning / M.Kerres, A. Nattland // Web 2.0– Schlagwort oder Megatrend? Fakten, Analysen, Prognosen / Hrsg. v. Gernot Gehrke, – Düsseldorf; München, 2007. – S. 37–54; Veen W., Vrakling B. Homo Zappiens and its consequences for learning, working and social life // Trendstudie im Rahmen des BMBF Projektes Internationales Monitoring. 2008. – http://www.internationalmonitoring.com/fileadmin/Downloads/Trendstudien/Trends_V2/IMOMAG_Veen_final_mit_cover.pdf?PHPSESSID=a86e3c449feeb354c42fed817cc443a1; Veen W. Learning strategies of homo zappiens: towards new learning arrangements // Book of Abstracts. 2009. – P. 20–25. – http://vd.ucr.ac.cr/ecci/?wpfb_dl=17

основе указанных сетевых инструментов, в частности, мультисенсорность, то есть использование различных каналов восприятия. Учащиеся нового тысячелетия способны естественным способом «сплести» вместе изображения, текст и звук, интуитивно использовать различные ИТ-устройства и передвигаться в Сети; они более визуально ориентированы; многие из них выражают себя с помощью образов, демонстрируют нелинейность мышления, учатся с помощью игровых онлайн-приложений, практикуют полизадания и предпочитают мультимедийные средства¹. Их способность мгновенно перемещаться между «реальным» и «виртуальным» расширяет их репрезентативность за рамки текста. При работе в Сети большая часть рабочей информации поступает через экран компьютера², и, как следствие, работа осуществляется с небольшими по объему фрагментами информации, ограничиваемыми экранной страницей. Возможна и одновременная работа с несколькими ресурсами. В этом контексте следует отметить, что учеными была обнаружена колоссальная разница в работе мозга «иммигрантов» и «аборигенов». Различия в функционировании нейронных цепей «цифрового поколения» и их педагогов показывают разницу между древними людьми, которые научились или не научились пользоваться орудиями труда. «Сетевое» поколение способно делать много дел одновременно, например, загружать музыку на свой плеер, при этом успевая общаться с друзьями в социальной сети, разговаривать по телефону и просматривать свои конспекты. В результате, как отмечают исследователи, операционные возможности их мозга растут, потому что из нейронов вырастают дендриты, происходит процесс выбрасывания нейротрансмиттеров, возникают новые синапсы. Эти изменения происходят ежедневно и ежеминутно, в результате чего мозг подстраивается под окружающий мир, и мы эволюционируем. Прогресс в области цифровых технологий заставляет мозг меняться с невозможной ранее скоростью. Важной становится высокая скорость перехода от одного ресурса к другому³. Современные Номо Зарпиенс имеют склонность быстро «перепрыгивать» от одной темы к другой, не задерживаясь надолго на предмете исследования, если информация не находится мгновенно «на кончиках пальцев». Поэтому цифровое поколение лучше запоминает местонахождение информации, чем саму информацию. Их аудиовизуальное восприятие, необходимость мгновенного реагирования и мультизадачность разрушают традиционную форму научно-аналитической работы, формируя так называемое «клиповое сознание»⁴, «клиповое мышление»⁵, то есть неспособность удерживать внимание на одной теме более чем несколько минут, отсутствие целостного мировоззрения.

Учет указанных различий в мировоззренческих подходах поколений позволяет не только лучше понять особенности работы, учебы, восприятия информации, способа получения и усвоения знаний современной цифроаборигенной молодежью, но и подчеркивает необходимость создания образовательной концепции, соответствующей новым общественным императивам. Большинство исследователей⁶ сходятся во мнении, что развитие и рост Сети, появление новых цифровых технологий, онлайн-приложений, социальных сервисов не только стали основным катализатором изменений в способах взаимодействия человека с сетью, существенно влияя на то, как он видит и воспринимает мир, но и главной движущей силой образовательных изменений. Поэтому неотъемлемой частью современной образовательной реальности становится сетевое коммуникативное пространство, созданное инструментами, особенностями которых является совместное создание и использование знаний⁷ и выведение учебной активности за пределы аудитории⁸. Эти новые реалии представляют собой вызов не только существующей образовательной системе, но и каждому преподавателю.

С. Харгадон выделяет десять основных тенденций, которые могут привести к изменению всей образовательной модели: новая издательская революция, связанная с созданием двунаправленного контента, создаваемого его читате-

¹ Pedró F. The new millennium learners: Challenging our views on ICT and learning / Inter-American Development Bank. 2006. – N 9228. – <http://www.oecd.org/dataoecd/1/1/38358359.pdf>; Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Pt 1 // On the horizon. 2001. – Vol. 9, N 5. – P. 1–6; Veen W., Vrakking B. Homo Zappiens and its consequences for learning, working and social life // Trendstudie im Rahmen des BMBF Projektes Internationales Monitoring. 2008. – http://www.internationalmonitoring.com/fileadmin/Downloads/Trendstudien/Trends_V2/IMOMAG_Veen_final_mit_cover.pdf?PHPSESSID=a86e3c449feeb354c42fed817cc443a1

² Palfrey J. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. – N.Y.: Basic Books, 2010. – 400 p.; Veen W., Vrakking B. Homo Zappiens and its consequences for learning, working and social life // Trendstudie im Rahmen des BMBF Projektes Internationales Monitoring. 2008. – http://www.internationalmonitoring.com/fileadmin/Downloads/Trendstudien/Trends_V2/IMOMAG_Veen_final_mit_cover.pdf?PHPSESSID=a86e3c449feeb354c42fed817cc443a1

³ Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 216 с.; Palfrey J. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. – N.Y.: Basic Books, 2010. – 400 p.; Pedró F. The new millennium learners: Challenging our views on ICT and learning / Inter-American Development Bank. 2006. – №. 9228. – <http://www.oecd.org/dataoecd/1/1/38358359.pdf>; Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Pt 1 // On the horizon. 2001. – Vol. 9, N 5. – P. 1–6; Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants, Pt 2: Do They Really Think Differently? // On the horizon. 2001. – Vol. 9, N 6. – P. 15–24; Veen W. Learning strategies of homo zappiens: towards new learning arrangements // Book of Abstracts. 2009. – P. 20–25. – http://vd.ucr.ac.cr/ecci/?wpfb_dl=17

⁴ Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр.; предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.

⁵ Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). – М.: Лабиринт, 1995. – 201 с.; Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» – феномен современности // Оптимальные коммуникации (ОК). – <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208>

⁶ Кужелева-Саган И.П. «Реперные точки» междисциплинарной рефлексии по проблематике влияния новых медиа на сознание и поведение молодежи // Філософія освіти. Philosophy of Education: науковий журнал. 2013. – №. 1 (12). – С. 224–278; Наумов А. Образование 2.0 стучится в дверь... откроем? // Компьютерра. 2008. – №. 44. – С. 18–23. – <http://old.computerra.ru/2008/760/388331>; Патаракин Е.Д. Социальные сервисы Веб 2.0. в помощь учителю: практ. Руководство. – М.: Интуит.ру, 2007. – 64 с.; Carrington V., Robinson M. Digital literacies: Social learning and classroom practices. 2009. – 184 p.

⁷ Redecker C. Learning 2.0 – The impact of social media on learning in Europe / C. Redecker, K. Ala-Mutka, Y. Punie / Policy brief. JRC Scientific and Technical Report. EUR JRC56958 EN. – <http://www.ict-21.ch/com-ict/IMG/pdf/learning-2.0-EU-17pages-JRC56958.pdf>

⁸ Bell F. Connectivism: Its place in theory-informed research and innovation in technology-enabled learning // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2010. – Vol. 12, N 3. – P. 98–118.

лем; перенасыщение сети информацией, что частично, по мнению С. Харгадона, может быть решено путем сотрудничества пользователей и создателей контента; массовость, когда почти каждый пользователь Всемирной сети может стать автором и участником коммуникативных процессов в ней; появление новых про-потребителей (от англ. Prosumer, образовавшегося путем объединения основ двух существительных англ. Producer – «производитель» и англ. consumer – «потребитель») вследствие того, что все больше компаний-производителей вовлекают своих потребителей в процесс создания того продукта, который они сами им же и продают. В результате, считает исследователь, постепенно начинает меняться природа знаний: теперь важно не только то, как они накоплены, но и то, как они созданы; важно и то, что сегодня пользователи сети являются одновременно и создателями ее контента. Следовательно, они привносят свой специфический опыт во все области знаний. Именно это сочетание возможности работать в специфических областях знания, а также применение знаний, полученных в одной области в другой области, возможность создавать команды из разбросанных по всему миру людей, которые являются соавторами контента, по мнению С. Харгадона, приводит к беспрецедентному росту объема инноваций. Отсутствие зависимости от места и времени, когда любой человек, даже в самых отдаленных уголках земного шара, может стать виртуальным студентом любого из учебных заведений мира и получить доступ к его образовательным ресурсам, делает социальное обучение центральным в образовательном процессе. Методы обучения, когда студент в онлайн-режиме может наблюдать, например, как работают кардиохирурги, которые выполняют редкую операцию на сердце, и может найти преподавателя практически в любой области знания и поработать с ним с использованием видеоконференции или в режиме обмена виртуальным рабочим столом (англ. co-sharing), оказываются в центре внимания современного образовательного процесса. Если студент имеет тягу к чему-то специальному и желание узнать больше, он может стать частью интересующего его профессионального сообщества, даже поработать в реальных условиях, что приводит к усилению социализации сети и сочетанию всех сервисов Web 2.0 на одной платформе в сети Интернет¹.

По мнению Михаэля Керреса (Michael Kerres) и Акселя Наттланда (Axel Nattland), которые ассоциируют специфику использования сервисов Интернета второго поколения со смещением границ в трех дихотомиях, а именно: между пользовательским и авторским; между локальностью и удаленностью; между личным и социальным, в образовательном контексте отличие «пользователь-автор» обозначено размытием «границ» между учащимся и преподавателем, что объясняется как конструктивистским подходом к образованию, так и сугубо технологическими основами самих сервисов. Под смещением границ в дихотомии локальность – удаленность понимается изменение соотношения времени, затрачиваемого на обучение в аудиторном формате и вне его. Благодаря сегодняшним возможностям коммуникации в сети размывается и эта граница, а физическое местонахождение постепенно теряет свою релевантность как для преподавателей, так и для студентов. Изменение соотношения «личное – социальное» также находит отражение в образовании².

Свою концепцию обучения с применением социальных сервисов Сети второго поколения, которая имеет много общего с теорией социального конструктивизма, выдвигают С. Хергдон, Дж. Сили Браун (John Seely Brown), Ричард П. Адлер (Richard P. Adler), называя ее социальным обучением (англ. Social learning)³. В социальном обучении, по Дж.С. Браун, реализуется переход от концепции «Мыслию, следовательно, существую» к концепции, использующей принцип «Мы участвуем, следовательно, существуем» (англ. «We participate, therefore we are») [там же, с. 18]. Здесь имеется в виду обучение, которое рассматривается как результат взаимодействия в обучении с отказом от традиционного восприятия обучения как процесса, в котором знания передаются от учителя к ученику посредством различных педагогических стратегий. Исследователи настаивают на решительном отходе от традиционной модели передачи знаний, предлагая переход от централизованного к децентрализованному распространению знания, поскольку в современном обществе меняется статус главного элемента системы образования – знания, и поэтому роль преподавателя видится в том, чтобы направлять учеников по их собственной, осознанной, учебной траектории. Эта тенденция была освещена в работах Ж.-Ф. Лиотара, который считает, что современные информационно-технологические изменения оказывают значительное влияние на природу знания и расширяют возможности образовательного процесса как канала передачи информации⁴. Социальное обучение и открытые образовательные практики с помощью сетевых сервисов 2.0 требуют не только изучения предмета (англ. Learning about), но и становления учащихся как активных участников процесса обучения (англ. Learning to be a full participant in the field)⁵, предусматривают совместное участие студентов в решении аутентичных и сложных задач реального мира. Социальное обучение основано на понимании того, что содержание предмета является социально сконструированным, то есть основное внимание уделяется не столько тому, что изучается, а как изучается. Поэтому фокус внимания смещается на учебную деятельность и взаимодействие людей, общение, дискуссии. Эта точка зрения также позволяет объяснить эффективность так называемых «исследовательских групп», в которых студенты могут задавать вопросы, чтобы уточнить проблемные области, прояснить непо-

¹ Харгадон С. Web 2.0 – это будущее образования. – <http://www.distance-learning.ru/db/el/2FF50B0C29518A87C32574DD003290BC/doc.html>

² Kerres M. Implikationen von Web 2.0. für das E-Learning / M.Kerres, A. Nattland // Web 2.0– Schlagwort oder Megatrend? Fakten, Analysen, Prognosen / Hrsg. v. Gernot Gehrke, – Düsseldorf; München, 2007. – S. 39–41.

³ Brown J.S. Open education, the long tail, and learning 2.0 / John Seely Brown, Richard P. Adler // Educause review. 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 16–20.

⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

⁵ Brown J.S. Open education, the long tail, and learning 2.0 / John Seely Brown, Richard P. Adler // Educause review. 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 19.

нятные моменты, улучшить свое понимание материала, слушая ответы однокурсников, а наиболее сильные из них, возможно, смогут взять на себя роль учителя, чтобы помочь отстающим. Таким образом усиливается социальность всего образовательного процесса, а преподавателю предлагается занять позицию координатора, модератора, посредника, наставника и фасилитатора (человека, обеспечивающего успешную групповую коммуникацию) учебно-исследовательской группы, а не лектора на трибуне¹.

Другие аспекты социально-интерактивного обучения включают переход к разноуровневому обучению: от обучения на лекции к обучению в малых и проектных группах; от «наличия знаний» к «доступу к информации», «филтрации информации» и «доступа к людям». То есть обмен знаниями протекает сразу по нескольким направлениям: «от преподавателя к студенту», «от студента к студенту», от «студента к преподавателю», что сразу превращает иерархическую структуру образовательной модели в сетевую. Важными предпосылками для этого являются новая образовательная культура и мышление, а также преодоление значительных организационных барьеров². Исследователи³ подчеркивают важность инструментов Интернета второго поколения в расширении географических границ обучения и повышении интереса к языкам и культурам других стран. С применением онлайн-сервисов и технологий 2.0, уверены они, реализуется переход к образованию в течение всей жизни и обеспечению мобильности учащихся. Кроме того, такая парадигма удобна для учеников, которые в силу обстоятельств вынуждены менять место жительства. При этом обеспечивается привлечение и равноправие всех учащихся, что позволяет им расширить свои горизонты и сотрудничать, преодолевая границы, языковые и институциональные барьеры, поскольку социальные сервисы и медиа позволяют включить в процесс обучения те группы населения, которые по ряду причин не имеют доступа к классическому формату образования. Подчеркнем, что сервисами 2.0, которые поддерживают процесс социального обучения, являются: вики (wikispaces), блоги (Blogger), социальные сети (Facebook, Myspace). Относительно новой моделью учебной деятельности, акцентирующей роль социального и культурного контекста⁴, и базирующейся на идее сотворчества и идеологии открытых образовательных ресурсов в сочетании с сетевой организацией взаимодействия участников, является коннективизм (англ. connectivism от англ. connect – «соединять, сочетать») как тенденция к пересмотру обучения в различных контекстах и создания теории обучения, релевантной веку цифровых технологий. По мнению Ф. Белла (F. Bell), коннективизм опирается на разнообразный набор образовательных теорий, философию познания и управления знаниями и основывается на преобразовательных возможностях новых технологий⁵. Как новая концепция коннективизм заявил о себе в 2005 году благодаря публикациям Джорджа Сименса (George Siemens) «Коннективизм: обучение как создание сети» и Стефена Даунса «Введение в коннективное знание»⁶. В то время обе работы получили значительный резонанс в англоязычной блогосфере, однако только в 2008 году о коннективизме заговорили снова, на этот раз – в контексте цифрового и электронного обучения. Описывая общее, коннективное знание (англ. Connective knowledge), С. Даунс опирается на концепцию коннективизма и пишет о гносеологии общего знания, связывая его и с педагогикой, и с теориями и инновациями в технологиях. Дж. Сименс предлагает считать коннективизм той теорией обучения, которая наиболее полно соответствует веку цифровых технологий и следует бихевиоризму. Когнитивизм и конструктивизм, по его мнению, имеют определенные ограничения, поскольку не учитывают возможности учиться за пределами образовательного учреждения. Даже социальные конструктивистские взгляды, которые трактуют обучение как социальный процесс, на первый план выдвигают физическое присутствие на занятии. Кроме того, эти теории, как считает исследователь, уделяют больше внимания самому процессу обучения, а не тому, что изучается, и не в состоянии описать обучение и то, что происходит в пределах организаций, объединений, сообществ. Однако в современном сетевом мире, по мнению Дж. Сименса, важным метанавыком, который следует формировать до начала обучения, является умение не только оценить преимущества изучения того или иного материала, востребованность знаний, их пригодность и актуальность, но и анализировать информацию, которую мы получаем⁷.

Привлекает внимание тот факт, что в принципах коннективизма сами технологии не считаются средством обучения, и основное внимание уделяется возможностям обучения с их использованием. Возникает также вопрос о том, как соотносится коннективизм, например, с теорией деятельности, социально-когнитивной теорией личности, теорией социального научения, коллективного разума, концепцией «сообщества практики» (англ. community of practice). Коннективизм предлагает рассматривать структуру знаний как сеть, а сеть может быть определена как связь между объек-

¹ Redecker C. Learning 2.0 – The impact of social media on learning in Europe / C. Redecker, K. Ala-Mutka, Y. Punie / Policy brief. JRC Scientific and Technical Report. EUR JRC56958 EN. – <http://www.ict-21.ch/com-ict/IMG/pdf/learning-2.0-EU-17pages-JRC56958.pdf>; West J.A., West M.L. Using wikis for online collaboration: The power of the read-write web. 2009. – 160 p.

² Кужелева-Саган И.П. «Реперные точки» междисциплинарной рефлексии по проблематике влияния новых медиа на сознание и поведение молодежи // Філософія освіти. Philosophy of Education: науковий журнал. 2013. – №. 1 (12). – С. 224–278; Redecker C. Learning 2.0 – The impact of social media on learning in Europe / C. Redecker, K. Ala-Mutka, Y. Punie / Policy brief. JRC Scientific and Technical Report. EUR JRC56958 EN. – <http://www.ict-21.ch/com-ict/IMG/pdf/learning-2.0-EU-17pages-JRC56958.pdf>

³ Redecker C. Learning 2.0 – The impact of social media on learning in Europe / C. Redecker, K. Ala-Mutka, Y. Punie / Policy brief. JRC Scientific and Technical Report. EUR JRC56958 EN. – <http://www.ict-21.ch/com-ict/IMG/pdf/learning-2.0-EU-17pages-JRC56958.pdf>

⁴ Connectivism. – <https://en.wikipedia.org/wiki/Connectivism>

⁵ Bell F. Connectivism: Its place in theory-informed research and innovation in technology-enabled learning // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2010. – Vol. 12, N 3. – P. 98–118.

⁶ Bell F. Connectivism: Its place in theory-informed research and innovation in technology-enabled learning // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2010. – Vol. 12, N 3. – P. 98–118; Downes S. An Introduction to Connective Knowledge. – <http://www.downes.ca/post/33034>

⁷ Siemens G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. – http://er.dut.ac.za/bitstream/handle/123456789/69/Siemens_2005_Connectivism_A_learning_theory_for_the_digital_age.pdf?sequence=1

тами, которые Дж. Сименс называет узлами. Узлами могут быть отдельные лица, группы, системы, поля, идеи или сообщества, соединенные таким образом, чтобы создать единое целое, поэтому изменения в сети имеют волновой эффект. Коннективизм – это интеграция принципов хаоса, сети, сложности и теории самоорганизации. Принципы коннективизма заключаются в следующем: учения и знания существуют в связях и отношениях, в многообразии мнений; обучение является процессом соединения специализированных узлов и источников информации; процесс обучения не требует человеческого присутствия; способность познавать новое более значима, чем способность сохранять то, что уже известно; воспитание и поддержание связей является необходимым условием обучения в течение жизни; основная способность сегодня – это способность видеть связи между областями знаний, идеями, концепциями; актуальные знания являются целью всей учебной деятельности; принятие решений уже является процессом обучения; выбор того, что изучать, и смысл поступающей информации рассматриваются сквозь призму меняющейся реальности. Правильный ответ сегодня может быть неверным завтра из-за изменений в информационном климате, влияющем на решение [там же]. В целом можно считать, что подобный подход к образованию основывается на изменении отношения к работе с информацией: если раньше основной деятельностью учащихся было «потребление знаний», полученных от преподавателя, теперь акцент смещается на «управление» ими, то есть на поиск, самостоятельное формирование, создание и редактирование контента.

В условиях избытка информации учащемуся важно построить вокруг себя некую «сеть», которая могла бы обеспечить доступ к нужным ресурсам, включая не только данные, но и контакт с другими людьми. Дэйв Кормье (Dave Cormier) признает, что коннективизм позволяет сообществу людей (работающих с технологиями для обучения) легитимизировать то, что они делают. Кроме того, он убежден, что метафора «Ризомы», введенная Ж. Делезом и Ф. Гваттари, может предложить более гибкую концепцию знаний в информационную эру: с ризоматической точки зрения знания могут быть «предметом переговоров», совместный опыт обучения является контекстным и социальным, так же как и индивидуальный процесс создания знания с изменяемыми целями и постоянно обсуждаемыми предположениями. Поэтому в ризоматической модели обучения необходимость внешней проверки знаний экспертом или с помощью построенного учебного плана отпадает. Знание может быть снова оценено по старым стандартам «я могу» и «я знаю». Итак, сообщество имеет право продуцировать знания в рамках данного контекста и оставлять это знание в качестве нового узла, соединенного с остальной частью сети¹. Таким образом, коннективизм не является отдельной теорией обучения, однако, возможно, он будет играть важную роль в развитии и появлении новых педагогических методов и подходов, где контроль переместится от педагога к ученику, который станет более независимым и автономным.

¹ Cormier D. Rhizomatic education: Community as curriculum // Innovate: Journal of online education. 2008. – Vol. 4, N 5. – <http://nsuworks.nova.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1045&context=innovate>

Бондарь Т.Е.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «НАУКА – ОБРАЗОВАНИЕ – ПРАКТИКА» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: наука, образование, финансовая наука; сущность финансовых ресурсов; факторы генерирования стоимости, поведенческие финансы.

Keywords: science, education, financial science; the essence of financial resources; factors of value generation, behavioral finance.

Приказом Министра образования Республики Беларусь от 01.12.2017 № 757 «О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0» был дан старт проекту, связанному с интеграцией науки, образования и бизнеса. При разработке концепции этого проекта исходили из понимания того факта, что только в границах этой интеграционной цепочки можно обеспечить столь необходимое, впереди идущее, упреждающее воздействие науки, научных открытий, инноваций на образование и через него – на практику.

Экспериментальный проект по внедрению модели «Университет 3.0» реализуется на базе 8 белорусских вузов. Срок завершения проекта – 2023 г. Концепция «Университет 3.0», должна переформатировать отечественное образование так, чтобы оно при помощи последних достижений науки и техники стало готовить специалистов, отвечающих всем требованиям и вызовам времени. Цифра «3» в названии этого проекта призвана подчеркнуть отличие новой концепции от «Университета 1.0», где готовят специалистов для профессиональной деятельности в отдельных секторах экономики и социальной сферы, и «Университета 2.0», где помимо подготовки специалиста в жизни университета важную роль играет научно-исследовательская работа. «Университет 3.0» выгодно отличает объединение образовательной, научно-исследовательской деятельности и структур коммерциализации научных разработок вуза¹.

Целью этой статьи является установление проблем в одной из важнейших составляющих исследуемого интеграционного взаимодействия, а именно проблем функционирования цепочки «финансовая наука – финансовое образование – практика». По нашим предположениям и оценкам, эффективному взаимодействию в этой сфере будет препятствовать дискуссионность отечественной финансовой науки. Обращаем внимание на тот факт, что в рассматриваемой интеграционной цепочке наука стоит на первой позиции. А это значит, что именно от ее состояния будет зависеть качество намечаемых трансформаций в последующих звеньях цепочки: в финансовом образовании и практике.

В этой связи важно еще раз обратить внимание делового сообщества на тот факт, что многие постулаты распределительной концепции финансов (а именно она господствует в Беларуси) устарели, не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Нельзя более не замечать, что по сей день в финансовой науке отсутствует единство в понимании сущности финансов, сферы возникновения и распространения финансовых отношений. До сих пор однозначно не определено, где проходит четкая граница, отделяющая финансы от денег, где начинается и заканчивается действие финансов в системе денежных отношений. Ученые с сожалением констатируют тот факт, что финансовая наука не определилась с пониманием важнейших ее атрибутивных признаков, не выработала однозначно воспринимаемого концепта финансов².

Нежелательная дискуссионность финансовой науки особенно усилилась с переходом нашей страны от плановой к рыночной модели хозяйствования. Появилась новая терминология, финансовый деловой словарь изменился, обнажив проблему неадекватности сущностного наполнения отдельных понятий и терминов, сложившейся практике их использования. Разногласия понятийного аппарата привела не только к категорическому несовпадению взглядов финансовых школ различных государств, но и к междисциплинарной путанице, к противоречиям, непониманию между финансовыми кафедрами вузов внутри одного государства³.

С высокой долей вероятности можно предположить, что без урегулирования проблемы дискуссионности отечественной финансовой науки, практическая реализация намеченного созидательного взаимодействия финансовой науки, финансового образования и практики, будет затруднена или даже невозможна. Спорность, сомнительность, рыхлость постулатов финансовой науки нельзя положить в основу фундамента, намеченных преобразований.

¹ Университет 3.0: концепция, достижения и перспективы. – <https://neg.by/novosti/otkrytij/universitet-30>

² Останин В.А., Рожков Ю. В., Глухов В.В. Концепт понятия «финансы»: проблемы метода познания // Финансы и кредит. 2011. – № 22 (454). – С. 4.

³ Глухов В.В. Современная интерпретация теоретических положений финансовой науки // Финансы и кредит. 2010. – № 31 (415). – С. 38.

Ранее нами опубликован ряд работ, в которых под различными ракурсами рассмотрен феномен дискуссионности финансов с установлением ее предмета, причин и последствий¹. Мы уже давно пытаемся акцентировать внимание ученых на том факте, что избыточная дискуссионность финансовой науки вышла за границы только теории финансов и стала отрицательно сказываться на качестве финансового образования, на практике организации финансовых отношений.

Углубляясь в проблему дискуссионности финансов, остановимся подробнее только на одном ее аспекте, вытекающем из недостаточной теоретической определенности понимания сущности финансовых ресурсов организаций. Такая фокусировка исследовательской цели важна потому, что финансовые ресурсы являются важнейшей компонентой предпринимательской деятельности, определяющей саму ее возможность и перспективы развития. Разночтения в толковании сущности финансовых ресурсов отражаются в учебниках по финансам, сказываются на качестве учебного процесса, квалификации будущих финансовых менеджеров, на качестве управления финансами организаций.

Трактуя сущность финансовых ресурсов, распределительная концепция финансов, исходит из того, что только часть средств организации становится источником формирования финансовых ресурсов², финансовые ресурсы образуются на предприятии после покрытия материальных и приравненных к ним затрат, то есть, после покрытия нужд простого воспроизводства³, по своей сути финансовые ресурсы являются денежными доходами и поступлениями предприятия, предназначенными для осуществления затрат по его расширенному воспроизводству⁴.

Из приведенных положений распределительной концепции финансов отчетливо просматривается необходимость параллельного использования на практике терминов «деньги» и «финансы» и необходимость их постоянного разграничения, определения сферы их применения. Теория финансов в значительной мере основывается на этом разграничении, на определении специфических отличительных черт терминов «деньги» и «финансы». Разграничительный принцип сформулирован следующим образом: а) если мы наблюдаем обмен, эквивалентный обмен с встречным движением денег и товаров, безфондовое движение стоимости – это сфера действия денег; б) если мы наблюдаем распределительные процессы, с безэквивалентным, односторонним, исключительно фондовым движением стоимости – это сфера действия финансов.

Практически сразу с формулировкой этого разграничительного принципа выявился его существенный недостаток, а именно – он начисто игнорирует факт наличия на практике фондовых, но не финансовых и нефондовых, но финансовых потоков, а также факт эквивалентности некоторых финансовых и безэквивалентности некоторых денежных потоков. С крушением же золотого стандарта, отменой автоматического действия закона стоимости, с его способностью соизмерять стоимость всех товаров⁵ действие этого разграничительного принципа еще более осложнилось. Фактически произошло и продолжает происходить стирание границ между финансами и деньгами. Ученые отмечают, что «все сложнее становится выделить чисто денежный (без финансовой «окраски») агрегат в общей денежной массе»⁶.

Данность сегодняшнего дня такова: объективная основа для разграничения финансов и денег утеряна. Разграничительные постулаты распределительной концепции финансов не работают. Их навязывание практикам порождает массу дискуссионности, приводит к лексической неразберихе, необходимости контролировать правильность применения этих терминов. Например, характеризуя механизм покрытия одной части затрат организации (текущих затрат), специалисты должны прибегать к использованию термина «денежные средства», а при характеристике механизма покрытия капитальных затрат требуется уже использование термина «финансовые ресурсы». Практики сегодня стали свидетелями недопустимого прецедента: толкование сущности финансовых ресурсов как «денежных доходов, поступлений и накоплений организаций, направляемых на формирование целевых централизованных и децентрализованных фондов и их использование на удовлетворение нужд расширенного воспроизводства», уже не в состоянии объяснять феномены, порождаемые рыночной экономикой. А это значит, что сегодня, мы определенно наблюдаем отставание теоретического познания категории финансовые ресурсы от эмпирического ее познания⁷. И это отставание является более чем достаточным поводом для пересмотра положений распределительной концепции финансов, для ее совершенствования. Ведь, как известно, теории не следует менять до тех пор, пока к этому нет принудительных оснований, а единственным принудительным основанием для смены теории является ее расхождение с практикой⁸.

Обновленная финансовая теория должна по максимуму учитывать рыночный характер экономики, перемены, объективно происходящие в обществе, она должна отличаться необходимой подвижностью во времени и пространстве, с тем, чтобы ее уточненные дефиниции не вступали в противоречие с практикой. Представителям распределитель-

¹ Бондарь Т.Е. Теория финансов и необходимость их развития // Научные труды БГЭУ. – Минск, 2016. – Вып. 9. – С. 35–42; Бондарь, Т.Е. Финансовые ресурсы организации в контексте развития распределительной концепции финансов // Научные труды БГЭУ. – Минск, 2017. – Вып. 10. – С. 20–25; Бондарь Т.Е. Дискуссионность финансовой науки и качество финансового образования. Вестник Полоцкого государственного университета. 2020. – № 13. – С. 37–43; Бондарь Т. Дискуссионность современной финансовой науки / Lambert Academic Publishing. 2020. – 90 с.

² Финансы: учебник / Под ред. А.Г. Грязновой, Е.В. Маркиной. – М.: Финансы и статистика, 2012. – С. 21.

³ Абаева Н.П. Развитие концепции финансового менеджмента // Финансы и кредит. 2013. – № 47. – С. 41.

⁴ Финансы: учебник / Под ред. В.М. Родионовой. — М.: Финансы и статистика, 1995. – С. 125.

⁵ Евтух А. Т. Суть денег через призму современных финансов // Финансы и кредит. 2006. – № 6 (210). – С. 14–21; Тарасов В. Генезис основных теорий денег // Банковский вестник. 2007. – № 22 (387). – С. 12–18.

⁶ Самаруха В.И., Самаруха И.В. К вопросу о сущности и функциях денег и финансов: дискуссионный аспект // Сибирская финансовая школа. 2018. – № 1. – С. 6.

⁷ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. Методология научных исследовательских программ. – М.: АСТ, 2003. – С. 323.

⁸ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – <http://gtmarket.ru/laboratory/basis>

ной концепции финансов надо избавиться от ортодоксальной зашоренности, от посылы распознавать финансы через разграничительную призму денег. Надо уйти от искусственной поддержки неопределенности там, где зарубежная и отечественная практика уже все прояснила: денежные средства, которыми оперирует организация и есть ее финансовые ресурсы. Практики всегда под финансами понимали деньги, которыми организация располагает и вкладывает в дело. Основываясь на теории предельной полезности, они так и не признали базовую логическую формулу распределительной концепции: «финансы – это не деньги, а специфические отношения». Практики никогда не смотрели на финансы как на абстрактное понятие и всегда трактовали их как прикладной экономический инструмент.

Подход к пониманию финансов с позиции прикладной направленности представляется и нам верным и в большей степени соответствующим рыночной экономике. В границах такой парадигмы финансов, создается возможность понимания под финансовыми ресурсами организации совокупности всех без исключения ее денежных средств (собственных, заемных, привлеченных, фондовых и безфондовых, эквивалентных и неэквивалентных), находящихся в ее распоряжении. И предназначенных как для формирования, так и для пополнения, необходимых ей активов, покрытия затрат как расширенного, так и простого воспроизводства. Мы, абсолютно согласны с исследователями утверждающими, что «финансы – это работающие деньги»¹, с заложенной в них потенциальной возможностью генерировать экономическую выгоду. На расчетный счет или в кассу коммерческой организации поступают денежные средства в виде выручки от реализации продукции, работ, услуг; доходов от инвестиционной и финансовой деятельности. Но как только организация начинает распоряжаться ими, вкладывает их в деловой оборот – денежные средства становятся ее финансовыми ресурсами.

Обновленное толкование финансовых ресурсов организации позволяет поменять привычный взгляд и на факторы генерирования новой стоимости. В современных условиях в роли таковых следует рассматривать не только денежные средства организации, но и ее нематериальные активы (деловая репутация, лояльность потребителей, бренд, рейтинги деловую информацию и т.п.), и поведенческие закономерности (предполагающие учет влияния психологических факторов при принятии финансовых решений).

На наш взгляд, такое уточнение сложившихся взглядов на финансовые ресурсы, позволит по-новому посмотреть на теорию финансов, снизит дискуссионность финансовой науки. А это, в свою очередь, усилит потенциальные возможности ее использования в роли первого звена интеграционного взаимодействия: наука-образование-практика.

¹ Миргородская Е.О. Эволюция финансового капитала в условиях глобализации: автореферат диссертации на соискание степени доктора экономических наук. – М., 2007.

Кирсанова Н.П.

к.соц.н., декан факультета бизнес-коммуникаций, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург
kirsanovan@mail.ru

Кузьминых О.Б.

старший преподаватель, начальник учебно-методического отдела, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург
rudenko2004@inbox.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ТУРИЗМ» (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ЕВРАЗИИ»)

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, компетентностный подход, навыки *soft skills*, профессиональная коммуникация, туристический объект, ЕАЭС, лэндинг, практико-ориентированное обучение, самообразование, саморазвитие, профессиональные требования, информационно-коммуникативные инструменты.

Keywords: project, project activity, competence approach, interpersonal communication skills, professional communication, tourist object, EEU, landing page, practice-oriented training, self-education, self-development, professional requirements, information and communication tools.

Последние несколько лет внесли значительные коррективы в приоритеты в сфере высшего образования. Стало очевидным, что современная система высшего образования не всегда отвечает требованиям постоянно меняющегося рынка труда, а вчерашние выпускники-бакалавры оказываются не готовы к реалиям постиндустриального информационного общества. Сегодня одной из основных способностей выпускников, ценящихся в современном обществе, становятся способности к саморазвитию, самообразованию и готовность постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки.

Таким образом, на первый план в образовательном процессе выходят задачи не просветительского характера, а практического: научить будущих бакалавров решать конкретные задачи в реальных жизненных ситуациях. Одним из вариантов решения данной задачи является обращение к проектной деятельности.

В последние несколько лет в Университете при МПА ЕврАзЭС¹ (г. Санкт-Петербург) проектная деятельность стала одним из основных элементов обучения на программах бакалавриата гуманитарной направленности. Новый образовательный формат был обусловлен как изменениями в государственных образовательных стандартах высшего образования, предполагающих практические занятия в объеме не менее 60% аудиторного времени, так и постоянно совершенствующимися информационно-коммуникативными технологиями. Участие в проектах позволяет студентам не только проверить на практике свои теоретические знания, но и сформировать так называемые «soft skills», «мягкие навыки», необходимые для успешной работы.

Суть проектной работы студентов в Университете при МПА ЕврАзЭС заключается в том, что они включаются в различные учебные, исследовательские или профессиональные проекты, выполняемые в Университете.

Проектная деятельность дает возможность студенту совершенствовать свои индивидуальные способности, развиваться как творческая, инициативная личность. Актуальность проектной деятельности определяется тем, что с ее помощью происходит генерация нестандартных решений, осуществляется практико-ориентированное обучение, построенное на принципе «делая-познаю», максимально сокращается разрыв между теоретическими и практическими знаниями студентов, и, следовательно, обучение студентов более соответствует профессиональным требованиям работодателей.

Помимо этого, в процессе работы над проектом формируются коммуникативные умения (способность к точному выражению своей точки зрения, к пониманию позиции другого, к конструктивной критике), а также умение работать в коллективе (понимание роли и значения командной деятельности для достижения результата, значимости сотрудничества, совместной работы).

Проектная деятельность существенно отличается от традиционной практики обучения. В современной высшей школе данный метод обучения включает в себя современные педагогические технологии и различные информационно-коммуникативные инструменты.

В то же время проектная деятельность позволяет студентам участвовать в создании реального продукта и работать в условиях ограниченного времени, придавать продукту тот формат, который требуется заказчику, презентовать проект, используя различные информационно-коммуникативные технологии, в частности, графические редакторы, работать в команде, совершенствовать навыки коммуникативной компетентности и профессиональной коммуникации.

¹ www.miep.edu.ru

Потенциальным работодателям особенно интересен тот студент, который имеет практический опыт подготовки и реализации реальных проектов, т.е. те студенты, которые умеют применять полученные профессиональные компетенции на практике.

В апреле 2020 года перед руководством факультета бизнес-коммуникаций Университета при МПА ЕврАзЭС встала задача, актуальная на тот момент для многих вузов: как организовывать учебную и производственную практики для студентов направления «Туризм» в условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции. Согласно методическим рекомендациям Роспотребнадзора, практика могла быть реализована исключительно в дистанционном формате. Тогда было принято решение использовать технологии проектной деятельности и предложить студентам разработать проект под условным названием «Жемчужное ожерелье Евразии».

Главная идея проекта – разработать общеевразийский маршрут (включая культурный, оздоровительный, событийный, образовательный и другие виды туризма) по странам ЕАЭС и предложить его нескольким целевым аудиториям. В проекте сочетаются как практическая составляющая (реальный туристический продукт), так и научная.

Цель проекта – создание единого культурно-образовательного пространства для стран, входящих в ЕАЭС, объединение ресурсов этих стран и разработка евразийского маршрута, включающего в себя туристические «жемчужины» стран-участниц ЕАЭС.

Выбор и тематика проекта обусловлены спецификой Университета при МПА ЕврАзЭС. На протяжении многих лет Университет готовит квалифицированных специалистов, ориентированных на работу в едином экономическом пространстве, знакомых с культурой и традициями народов евразийского государства, ценностями и национальными интересами стран участниц ЕАЭС. Согласно статистике, 30% студентов от всего количества обучающихся являются иностранными гражданами. Процентное соотношение студентов из стран ЕАЭС распределяется следующим образом: Армения – 5%, Белоруссия – 4%, Казахстан – 79%, Киргизия – 12%.

Университет при МПА ЕврАзЭС имеет многолетний опыт сотрудничества с научными, образовательными, культурными организациями государств ЕАЭС и активно участвует в деятельности ЕАЭС, направленной на расширение и углубление интеграционных процессов в евразийском пространстве.

В условиях дистанционного прохождения практики было разработано индивидуальное задание под проект «Жемчужное ожерелье Евразии». Данный проект отличается новизной и уникальностью.

Работа над проектом «Жемчужное ожерелье Евразии» включала в себя несколько этапов:

1. Технический этап. Основная цель данного этапа – создание команды участников (рабочей группы), распределение ролей внутри команды, выбор основных способов коммуникации, определение основных способов взаимодействия с использованием различных онлайн ресурсов.

Результатом данного этапа стало формирование команды во главе с координатором. В задачи координатора проекта вошли следующие: распределение ролей между участниками проекта; консультирование участников по техническим и организационным моментам; связь с профессорско-преподавательским составом факультета, выступавшим в роли экспертов проекта; сбор и систематизация информации об участниках проекта; стимулирование участников к самооценке; организация защиты и внешней оценки проекта.

По истечении срока, выделенного на первый этап (2 недели), каждый студент представил свое резюме с использованием онлайн сервиса графического дизайна Canva¹. На основании представленных резюме были распределены роли участников проекта и установлен регламент и способы взаимодействия. Также была разработана ментальная карта проекта с использованием сервиса Mindmeister². Созданная карта визуализировала основные этапы работы над проектом и раскрывала основные задачи, и это отразило степень понимания проекта в целом.

2. Аналитический этап. Основная цель данного этапа – характеристика и анализ стран, входящих в ЕАЭС.

Задачи этапа были сформулированы следующим образом:

- проанализировать страны ЕАЭС с точки зрения истории, географии, экономики, политики;
- рассмотреть воздействие, развитие, современное состояние и приоритетное направление туризма в странах ЕАЭС;
- проанализировать воздействие туризма на различные сферы жизнедеятельности и сектора региональной экономики на территории ЕАЭС;
- определение стратегических целей и задач развития туризма на территории ЕАЭС;
- выявление стратегических направлений и приоритетов развития туризма на территории ЕАЭС.

С целью упрощения координирования проекта все страны, входящие в ЕАЭС, были распределены между участниками проекта. Результатом данного этапа стали презентации участников, посвященные выбранным странам.

3. Подготовительный. Целью данного этапа стал выбор туристических объектов-«жемчужин» стран-участниц ЕАЭС для создания общеевразийского маршрута.

Студентам было предложено проанализировать и выбрать наиболее интересные туристические объекты в странах ЕАЭС, которые, соединенные в единый евразийский маршрут, могли бы составить «Жемчужное ожерелье Евразии». В качестве объектов предлагалось выбрать географические объекты (озера, национальные парки, заповедные места, географические объекты оздоровительного характера, археологические точки и др.), исторические памятники (памятники Великой Отечественной войны, архитектурные сооружения, храмы разных религий, места взаимодействия различных евроазиатских народов (совместные торговые пути и исторические центры торговли, совместные стройки и др.), сакральные центры культурно-исторических ландшафтов Евразии.

¹ <https://about.canva.com>

² <https://www.mindmeister.com>

Задачи этапа:

- характеристика и анализ выбранных объектов;
- определение целевой аудитории для каждого из выбранных объектов;
- подготовка презентационных материалов по выбранным объектам.

Для выполнения данного этапа студенты должны были определить, какие туристические маршруты пользуются популярностью на рынке туристических услуг, по каким критериям потенциальная целевая аудитория выбирает туристические маршруты и объекты, чем обусловлен интерес к той или иной стране ЕАЭС.

В результате данного этапа каждый участник проекта представил на защиту презентацию нескольких туристических объектов выбранной страны ЕАЭС. При анализе каждого объекта студенты обосновывали свой выбор, уникальность и привлекательность объекта исследования для целевой аудитории.

Особенность данного этапа заключается в том, что в презентации вошли как широко известные туристические достопримечательности, так и малоизвестные туристам, настоящие «жемчужины» (увидеть которые можно, лишь приоткрыв ракушку), некоторые из которых даже скрыты от всеобщего обозрения, или те объекты, которые могли бы претендовать на звание туристических объектов. Данная особенность проекта отражена в его названии – «Жемчужное ожерелье Евразии».

4. Этап реализации. Цель данного этапа – разработка турпродукта на основании выбранных туристических объектов-«жемчужин». Данный этап является результатом проектной работы.

В результате данного этапа был разработан аудиогид «Жемчужное ожерелье Евразии» на платформе *izi.TRAVEL*¹. Данная платформа – это уникальная площадка, которая дает возможность организациям сферы культурного наследия и туризма, донести свои истории до заинтересованных слушателей самым простым и современным способом, объединить создателей мультимедийных гидов со всего мира и миллионы путешественников. Данный сервис можно использовать в качестве мобильного приложения, что имеет свои преимущества.

«Жемчужное ожерелье Евразии» на платформе *izi.TRAVEL* – это аудиогид, рассказывающий о туристических «жемчужинах» стран ЕАЭС. Каждая достопримечательность имеет аудиальное, текстовое и фотографическое сопровождение.

Также был разработан лендинг (*landing page*) – посадочная страница для продвижения и визуализации проекта². Лендинг, по сути, является визуализацией аудиогuida.

Основная задача лендинга проекта «Жемчужное ожерелье Евразии» – презентация данного проекта для различных целевых аудиторий с целью привлечения внимания к вариантам сотрудничества в данном направлении с различными организациями, преимущественно со странами ЕАЭС, так как проект имеет огромный потенциал и значение, в первую очередь, для стран Евразийского экономического союза.

На сайте размещена информация о проекте, странах ЕАЭС и наиболее интересных туристических объектах.

5. Оценка результатов проектной работы. Цель данного этапа – оценить работу студентов по проекту.

В данном случае деятельность студентов оценивалась как со стороны руководителей проекта, так и со стороны руководителя образовательной программы «Туризм». Главными критериями оценки стали наличие готового турпродукта (аудиогид и лендинг) и публикация научной статьи по результатам проделанной работы.

Говоря об основных особенностях использования проектного метода в подготовке бакалавров, нужно в первую очередь отметить совмещение практической работы с теоретическими знаниями. Студент участвует в проекте, в котором на основе полученных теоретических знаний он учится ставить задачи, искать необходимый материал, анализировать полученные данные, разрабатывать и защищать проект. Также студент может работать над одним проектом на протяжении всего времени обучения, что дает возможность проекту стать выпускной квалификационной работой. Особое значение при этом имеет выбор актуальной темы, востребованной на реальном рынке.

Система проектной деятельности позволяет студентам погрузиться в учебно-профессиональную деятельность, повышает их мотивацию и уровень подготовки к будущей профессии.

При этом студент развивает такие необходимые качества как ответственность, коммуникативные навыки, любознательность и творчество, критическое и системное мышление, умение работать с информацией, ставить и решать проблемы и др.

После завершения работы над проектом «Жемчужное ожерелье Евразии» было принято решение о его продолжении с целью развития культурно-просветительских и образовательных связей со странами ЕАЭС.

Предполагается, что концепция проекта «Жемчужное ожерелье Евразии» вызовет интерес у представителей различных сфер деятельности из стран ЕАЭС и привлечет внимание к разным вариантам сотрудничества. С этой целью было принято решение оформить заявку на получение гранта, в рамках которого можно апробировать результаты проектной работы.

¹ Аудиогид доступен по ссылке: <https://izi.travel/ru/browse/8ace3873-2c56-45dc-9feb-fb7a6c0c4df3>

² См.: <https://zhemchuzhinaevr.wixsite.com/univer>

Копылова Н.А.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Kopylova.NA@rea.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: образование, цифровая экономика, национальные проекты, процессы цифровизации, цифровизация образования, программа стратегического академического лидерства.

Keywords: education, digital economy, national projects, digitalization processes, digitalization of education, strategic academic leadership program.

Построение национальной экономики нового типа – цифровой – ставит на повестку дня вопрос подготовки кадров с новыми компетенциями и квалификацией, соответствующими ее вызовам и запросам.

Главная цель в сфере образования, достижение которой заявлено в важнейших программных документах, принятых в 2018 г.¹ – это обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования. Согласно п. 4.3.1² ОНДП РФ в области образования Правительство РФ должно определить и обеспечить выполнение следующих результатов:

- удовлетворение возрастающего спроса стратегически важных отраслей в высококвалифицированных кадрах, обладающих высоким уровнем профессиональной компетенции по критически важным технико-технологическим направлениям, профессиям и специальностям,

- формирование целостной системы воспроизводства кадров для научно-технологического развития страны, вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования,

- расширение присутствия российских университетов в топ-500 глобальных рейтингов университетов.

Достижение вышеназванных результатов будет осуществляться на основе выполнения обозначенных в программных документах задач:

- а) создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней;

- б) модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ;

- в) увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также реализация комплекса мер по трудоустройству в России лучших из них.

Конкурентоспособность национальной системы образования приобретает статус стратегически значимого фактора³. Среди перспективных ключевых показателей развития страны – «обеспечение цифровой грамотности среди 40% жителей России, упор на подготовку ИТ-специалистов, увеличение приема в вузы на ИТ и математические специальности не менее чем до 120 тыс. абитуриентов в год, а также, достижение ежегодного выпуска не менее 800 тыс. студентов вузов и колледжей с ключевыми компетенциями цифровой экономики»⁴.

Очевидно, развитие экономики цифрового типа сопряжено с вызовами, которые обуславливают неизбежность трансформации сферы образования, формирования новых методов и инструментов образовательной деятельности, вовлечения в образовательный процесс с использованием компьютера и Интернета. Потенциал применения в образовании технологий, приведших к масштабным изменениям современных социально-экономических систем, огромен. К ним относятся информационные технологии для поиска и обработки информации, дистанционное обучение, технологии персонализации, искусственного интеллекта, обработки больших данных, использование образовательных

¹ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ; Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // КонсультантПлюс.

² Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года (утв. Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым 28.09.2018) // КонсультантПлюс.

³ Копылова Н.А. Модернизация системы образования России на основе создания и развития инновационной образовательной модели // Наука и культура России. 2013. – Т. 1. – С. 180–183.

⁴ Какими цифровыми компетенциями должны обладать кадры будущего? – <https://ntinews.ru/blog/publications/kakimi-tsifrovymi-kompetentsiyami-dolzhny-obladat-kadry-budushchego-.html>

платформ, дополненная и виртуальная реальность, интерактивные методы. Учебный процесс с использованием компьютера и Интернета становится содержанием образовательных сервисов, платформ или реальных проектов¹.

Современные тенденции обновления образования задаются не только его философией, стратегией развития, потенциалом технологий, но и существующими проблемами. В частности, в условиях развивающейся пандемии российское образование полностью переориентировалось на дистанционную форму обучения, начиная от школьного до образования в высших учебных заведениях². Это поставило на повестку дня не только вопрос о готовности субъектов образования к изменению форматов работы, но и о необходимости актуализации инструментов достижения национальных целей.

Так, в июле 2020 г. на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам обсуждались «ход реализации национальных проектов, а также возможности их корректировки с учетом последствий коронавирусной инфекции»³. Важным стал анонс проекта программы стратегического академического лидерства (ПСАЛ), направленной на подготовку как молодых научных кадров, так и кадров для экономик регионов. Принципиально то, что «данная программа ..., фактически, является частью нового скорректированного национального проекта... «Наука и университеты», где наука на первом месте⁴».

Меры ПСАЛ (далее Программа) направлены на повышение привлекательности вузов и научных организаций для иностранных студентов и ученых, а также усиление их взаимодействия между собой и с организациями реального сектора экономики. Последнее открывает возможность совместного использования материально-технической базы взаимодействующих организаций, включая промышленное и лабораторное оборудование без постановки его на баланс образовательных и/или научных организаций. К тому же на усиление взаимодействия университетов, научных организаций и организаций реального сектора экономики направлена также деятельность научно-образовательных центров и научных центров мирового уровня.

Программа не ограничивает вузы в выборе форм интеграции и партнерства. Однако формирование консорциумов – базовый принцип реализации Программы и условие участия в ней. Параметрами успешности реализации Программы выступит оценка:

- долгосрочной стратегии развития консорциума,
- деятельности управляющих органов консорциума,
- реализации сетевых образовательных программ и научных проектов,
- внедрения единых инфраструктурных решений,
- других параметров взаимодействия членов консорциума.

Для отбора вузов-участников в Программу конкурсная комиссия Минобрнауки России планирует использовать следующие критерии:

- востребованность результатов научной деятельности реальным сектором,
- участие в трансфере знаний и технологий,
- подготовка ученых для проведения приоритетных исследований,
- уровень зарплаты выпускников, и их карьера в сфере исследований и разработок.

Поддержку в рамках Программы получают вузы, программы развития которых ориентированы на вызовы научно-технологического развития. Минобрнауки России определит группы университетов-национальных лидеров двух типов развития: 1) по траектории национально-исследовательского университета; 2) по траектории национального опорного университета.

Университетам из группы первого типа развития будет оказано содействие в подготовке кадров для сферы исследований и разработок и по встраиванию в глобальные исследовательские сети. Университеты группы второго типа сосредоточат усилия на формировании академических консорциумов, интегрирующих вузы и научные организации по территориальному или отраслевому признаку. Задача этих объединений вносить существенный вклад в пространственное и научно-технологическое развитие страны на основе развития отраслей и социально-экономического развития субъектов Российской Федерации⁵.

Главный результат Программы – национальные лидеры в исследованиях и в прикладных исследованиях и разработках.

Итак, система подготовки кадров становится основным импульсом развития цифровой экономики и значимым объектом внимания органов государственного управления. Курс на цифровую экономику охватывает все ступени российского образования и становится определяющим фактором в его развитии. Приоритетом развития системы российского образования признана концентрация ресурсов на исследовательской деятельности и выполнении университетами роли драйверов в развитии отраслей, территорий и сообществ.

¹ Копылова Н.А. О вызовах цифровизации образования // Цифровизация образования: вызовы современности: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (Чебоксары, 16 нояб. 2020 г.) / Редкол.: Р.И. Кириллова [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2020.

² Там же.

³ Нацпроекты «Наука» и «Образование»: дальнейшие векторы развития: новость // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. – https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2810

⁴ Ибрагимова А. Программа стратегического академического лидерства // Электронное периодическое издание «Научная Россия». – <https://scientificrussia.ru/articles/programma-strategicheskogo-akademicheskogo-liderstva>

⁵ Программа стратегического академического лидерства: новость // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. – https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2875

Kurmanbay D.S.

student of Karaganda State University

Bobrova V.V.

candidate of pedagogical sciences, associate Professor, Karaganda State University

ON THE RELEVANCE OF INTRODUCING ENGLISH LANGUAGE TEACHING TO CHILDREN WITH ASD IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF DEVELOPMENT CENTERS

Ключевые слова: РАС (расстройство аутистического спектра), особые образовательные потребности, обучение английскому языку, психолого-педагогические особенности, методические принципы.

Keywords: ASD (autism spectrum disorder), special educational needs, English language training, psychological and pedagogical features, methodological principles.

The specific educational needs of children with ASD vary, depending on various indicators: age, nature, severity of the primary health disorder, often its structure, and the severity of their consequences. It is their presence that determines the objective need to use other, not traditional, but special methods of pedagogical influence. Consciously organized educational space, specialized methods, techniques and technologies for teaching children with ASD can activate and realize their preserved cognitive and personal potential, as well as smooth out the manifestation of primary health disorders¹.

Research by Shoshin P. B. has shown that any deviation from their usual living conditions affects the speed of perception of this category of children. For example, it is difficult for them to quickly identify an object and its properties, if this object is not standing as they are used to, the same effect can be caused by poor lighting or simultaneous delivery of several signals. Researchers note the difficulties of children with mental retardation in orientation to the left and right, as well as the fact that this category of children has no purposefulness and step-by-step examination of the subject, their actions are impulsive and inconsistent².

The specifics of the subject-English, is that the child must master speech, communication, and form a speech-thinking activity. Developing this position, I.V. Rakhmanov noted that the study of a foreign language pursues educational and communicative goals, i.e. socialization, the latter emphasize the difference between a foreign language and other subjects³.

Advantages of systematic teaching of a foreign language to children at the appropriate preschool age are found in the following [Ibid., p. 187]:

1. Learning foreign languages at this age is useful for all children, regardless of their starting abilities, because it has an undeniable positive effect on the development of all mental functions of the child: his memory, attention, thinking, perception, imagination; which stimulate the influence on the general speech abilities of the child, which also have a positive effect on the command of the native language.

2. Teaching a foreign language has a great practical effect in terms of the quality of language proficiency, creating a basis for continuing its study in primary school.

3. The educational and cognitive value of early learning a foreign language, which is manifested in the child's earlier entry into the universal culture through communication in a new language. Constant reference to the child's experience, taking into account their mentality, the way they perceive reality allows children to better understand the phenomena of their own national culture in comparison with the culture of the country of the language being studied.

In modern practice, there is a certain positive experience of implementation in the process of teaching English in secondary schools. Knowledge of English even at an elementary level helps children with ASD to socialize, become more independent, and not have difficulties communicating with their peers. Here we implement the main task of inclusive education-socialization of children with ASD, mastering English expands the educational opportunities of such children, allowing them to become part of the global educational environment and feel socially adapted to society⁴.

Functional impairment of brain structures can be relatively compensated with adequate pedagogical influence, which is possible if properly organized conditions, methods of training, tailored to individual characteristics of the child, i.e., teaching that encourages the development and appropriate to the real capabilities of the child⁵.

¹ Блинова Л.Н. Диагностика и коррекция в образовании детей с задержкой психического развития: учеб. пособие. – М., 2001. – С. 63.

² Епифанцева Т.Б. Настольная книга педагога-дефектолога. – Ростов-на-Дону, 2007. – 486 с.

³ Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск, 2010. – С. 8.

⁴ Бондарева А.В. Реализация инклюзивного образования на уроках английского языка в общеобразовательной школе // Молодой ученый. 2017. – № 5. – С. 471–474.

⁵ Выготский Л.С. Основы дефектологии. – СПб., 2003. – С. 14.

Thus, we propose to build a learning process into a holistic approach to learning and development of children with ASD by adhering to the following principles of correction and development training:

1. we implement the principle of dynamic perception in the lesson: we use tasks from simple to complex (gradually increasing the difficulty of the task); we include the work of dominant analyzers-auditory, visual and kinesthetic analyzers by means of visual material, we use all kinds of reference schemes and tables, we always use handouts (pictures, cards, letters, magnetic alphabet), both for individual and group work.

2. We also implement the principle of productive information processing in the lesson: we offer exercises in which students must process information independently, tasks for language guess, where the teacher helps in a dosed and step-by-step manner; transfer the shown method of information processing to their individual task (exercises using an analogy and a sample).

3. Next, we implement the principle of development and correction of higher mental functions in the lesson: we must include in each lesson various tasks aimed at correcting memory (auditory, visual, and kinesthetic), attention, imagination, and thinking, which in turn perfectly develop listening, reading, and speaking skills.

4. We also implement the principle of increasing motivation for learning: through frequent changes of activity in the classroom; clear formulation of tasks where it is possible to use a hint, algorithmic supports; use materials from everyday life in the classroom; tasks with conditions close to reality; intersubject connections.

Based on these methodological principles, we have developed a specific algorithm. Our proposed algorithm is to build an individual adaptive model of teaching English to children with ASD.

It is a model variable educational route in terms of active communication with their social environment and the possibilities of activity-communicative adequacy of the acquired knowledge and skills generated by an intelligent designer: each of these models is close to the conceptual approaches of the theory of deployment of mnemonic activity and the gradual formation of activities, which includes the social dimension of cognition, based on algorithmic actions of students with ASD.

We believe that the main attention of specialists in inclusive practice should be paid to the purposeful formation of higher mental functions in children with ASD, providing a holistic and full-fledged psychological basis for their development.

The practice of learning English by children shows that the use of phonetic associations will be more effective if the method of interaction of all sensations comes to the rescue. In principle, the algorithm for memorizing English words already assumes that these techniques are inextricably linked. The essence of the method of interaction of all sensations is that when memorizing an English word, it is desirable to find its close relationship with the corresponding analogy in the native language.

Mastering a foreign language is one of the most important means of educational and educational impact on the personality of a child with OOP. As a part and tool of culture, a foreign language forms the child's personality through the mentality and attitude to people embedded in the language, that is, through the culture of the people who use this language as a means of communication.

For a child with OOP, constant cooperation is necessary, when an adult leads him step by step along the «steps of development», revealing the potential of a small person.

Лапина С.В.

д.соц.н., профессор, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: глобализирующийся социум, общество знания, новая социальная реальность, виртуализация, социокультурные связи, образование, социологическое образование, экстрафигуративная культура, национальная идея, общая идея (ценность) народа.

Keywords: globalizing society, knowledge society, new social reality, virtualization, sociocultural connections, education, sociological education, extrafigurative culture, nationality, nationality.

В условиях информационно-коммуникационной трансформации и формирующегося общества знания возникает новая социальная реальность. Она предстает как инновационная форма социокультурных связей, в которых особое место занимает образовательная активность, выходящая за рамки институционального существования и превращающаяся практически в основной вид социальной активности современного человека. Образование выходит за рамки специализированной социокультурной деятельности, предопределяя мультидисциплинарность современной науки, порождая новые подходы в образовании и влияя на социокультурную динамику жизненного мира человека в целом. Результаты познавательной активности требуют интеграции и систематизации. Для этого необходим системообразующий фактор, в роли которого может выступить социологическое знание как методологическая парадигма современного научного познания и образовательной практики.

Новая социальная реальность с присущей ей экстрафигуративным типом культуры, развиваясь спонтанно, требует специальных социологических исследований, что, в свою очередь, актуализирует потребность в профессиональном социологическом образовании. Социологические знания необходимы также для разработки управленческих и регулятивных механизмов оптимального и устойчивого развития социального государства как институциональной формы новой социальной реальности.

Современное общество в глобальном масштабе сегодня столкнулось с социальными проблемами, порожденными самим процессом общественного развития. Многие из них – безработица, массовые антиобщественные выступления, насилие, коррупция, организованная преступность, терроризм представляют открытую угрозу жизнедеятельности человека и общества. Эти негативные явления представляют собой социальную патологию, особого рода «болезнь», имеющую социальную природу. Особым катализатором угроз социальной безопасности, как это ни странно звучит, является наука и связанные с ней инновационные технологии, затрагивающие основы человеческого существования и сказывающиеся на «качестве» жизни.

Такого рода рассуждения способны вывести на построение новой модели научных коммуникаций в формирующемся обществе знания. В основе ее лежит особая междисциплинарная – по сути метатеоретическая – ориентация, позволяющая объединить в системное целое интенции различных научных дисциплин в исследовании единых объектов – природы, общества, человека. В связи с тем, что объединяющим фактором для всех объектов современной научно-познавательной деятельности является то, что в их структуру включен человек и его культуросоотнесенная активность, есть основания полагать, что главными составляющими этой междисциплинарной матрицы являются социальные параметры. Именно они способны направить современную научно-познавательную деятельность в русло новаций, позитивно значимых для человека и человечества в целом. Применительно к проблеме становления новой социальной реальности особый интерес представляет такая цепочка, как наука – образование – знания – социальная реальность.

На рубеже XX-XXI вв. человечество вступило в новую фазу своего социального развития, которая сегодня получила вполне определенное название – общество знания (Knowledge Society or based on knowledge Society). В определенном смысле создание общества знания явилось ответом на глобальные вызовы, сформировавшиеся в эпоху научно-технической революции. Главным из них, пожалуй, стало глубочайшее разочарование человечества, столкнувшегося с катастрофическими последствиями интеллектуальных новаций. Научно-технический прогресс, являвшийся главным мерилом общественного развития, поставил человечество на грань выживания как биологического вида. Многие склонны считать, что виной этому – гиподинамия в широком смысле, превращающая человека в пассивную часть виртуального мира.

Социологические исследования и полученные с их помощью знания способны создать такую матрицу миропонимания и мироосвоения, в которой главной ценностью является человек как активный творец себя и окружающего мира. Вооружившись современной компьютерной техникой, используя инновационные технологии создания, трансляции и потребления информации, социологическое знание может активно влиять на процессы общественного разви-

тия. Социологические знания о себе и своем социальном мире, таким образом, позволяют человечеству ответить на самый главный вызов общества знания – глобальную компьютеризацию.

В обществе знания, в котором информация стала ключевой ценностной единицей, ее производство, сохранение, трансляция и потребление приобрели смыслообразующую значимость. В этом социокультурном контексте сегодня переосмысливаются все аспекты многообразной человеческой деятельности, связывающей индивида с природой, включающей его в социум и организующей процесс взаимодействия природного и социального миров в едином культурном пространстве.

В истории человеческого общества сформировались три основных типа социокультурных связей (М. Мид), основанных на способе передачи информации и социального опыта от поколения к поколению: постфигуративная, кофигуративная и префигуративная культура.

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского (определения можно множить) типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно назвать «экстрафигуративной культурой» (С. Лапина), все одновременно учатся и учат друг друга в условиях поиска ответов на постоянно возникающие принципиально новые вопросы.

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге формирующийся тип культуры создает иллюзию сопричастности как к созданию самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является ее источником. А в современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле, являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. Происходит не только «виртуализация» окружающего мира, но и «виртуализация» самого человека. Возникает таким образом новая социальная реальность, в которой зачастую нарушаются механизмы культурной и социальной идентичности – и в итоге формируется неадекватный образ «Я».

Социологическое знание, реализуемое через систему образования, отвечая на этот вызов современного общества, должно стать своеобразным «зеркалом», отражающим реальные способности индивидов, позволяющим осуществлять селекцию их скрытых возможностей и определяющим перспективы их реализации в новой, быстро трансформирующейся социальной реальности.

Думается, что именно такое образование, улавливая трансформации современного общества, способно сформировать у человека адекватный образ своего «Я» и помочь ему идентифицировать себя с конкретным социокультурным окружением. Социокультурная идентичность – это результат самопознания, и ее эмпирическими показателями могут служить ценности и идеалы, воспроизводимые в мировоззрении человека, включая его мироощущения, миропонимание и мироосвоение. В этой системе сегодня определенное место отводится национальной идее.

Вопрос о национальной идее, как свидетельствует история, активизируется обычно в сложные периоды общественных трансформаций, когда происходит ломка старых мировоззренческих стереотипов, переоценка ценностей и изменение устоявшихся, привычных норм социального поведения. Поиски путей общественной стабилизации в сфере духовной жизни неизбежно тяготеют к выработке неких общих, универсальных принципов, способных объединить, сплотить общество, направить трансформационные процессы в единое русло.

В рамках государственной идеологии акцент на единой национальной идее может привести к разнопорядковым результатам. Это может быть националистический крен, но возможно и цивилизованное использование национальной идеи, не противоречащее общечеловеческим ценностям и идеалам. Первое в форме национализма как идеологии и политики, утверждающих приоритеты одной нации над другими, истории хорошо известно. К сожалению, исторических примеров о том, как благие намерения по возрождению, процветанию и т.д. нации оборачиваются экспансией по отношению к другим народам, более чем достаточно. Даже самая гуманная, на первый взгляд, «американская мечта» о создании общества равных возможностей в теории воплотилась в концепциях модернизации (эталон модернизации – западная демократия), и на практике эта «американская мечта» обернулась вестернизацией современной цивилизации. Те, кто являются сторонниками конкретной национальной идеи, в ее первом выражении, на самом деле воспроизводят, чаще всего, давно апробированные методики националистической экспансии.

Второй вариант – цивилизованное использование национальной идеи – требует очень серьезного и осторожного обращения, прежде всего, с риторикой теоретиков националистического толка. Разумеется, нельзя отдавать на откуп ярым националистам саму национальную идею, надо уметь противопоставить националистическим издержкам позитивную национальную направленность. Думается, что корректнее все-таки использовать вместо понятия «национальная идея» – понятие «главная цель (ценность) народа» конкретной страны; ставя между этими понятиями знак равенства. Тем самым, из содержания понятия «национальная идея» исподволь будет исключаться сугубо националистический уклон, и одновременно массовое сознание будет воспринимать понятие «национальная идея» не как вотчину националистов.

Такой подход не является некой политической уловкой. В структуре общественного сознания «национальная идея» существует на 2 уровнях: в сфере идеологии (в т.ч. и теоретически оформленном мировоззрении – философии) и в сфере общественной психологии. В сфере общественной психологии «национальная идея» существует в виде представлений, образов, стереотипов и социальных установок (аттитюдов), которые при всем многообразии обнаруживают некоторую общность, причем гораздо большую, чем на уровне рационально осмысленных воззрений, систе-

матизированных идей, теоретически оформленных взглядов, т.е. той сферы общественного сознания, которая обозначается как идеология.

Общность социально-психологических представлений задается не только этническими характеристиками, но и теми социокодами, которые стереотипизируют массовое сознание людей, живущих на одной территории, погруженных в единое языковое и культурное поле и связанных общими социальными, социально-экономическими и социально-политическими институтами. Среди них система образования, а в ней – социологическое образование – занимают сегодня, в формирующейся новой социальной реальности, пожалуй, центральное место.

Потому и национальная идея в виде общей ценности народа, всего общества как образ-представление должна быть сформирована у каждого гражданина в ходе социализации, опосредованной институтом образования.

Заключение

В связи с этим особую роль в системе современного высшего образования приобретает социологическое образование, которое не только вооружает информацией о явлениях и процессах социокультурной сферы, но и вооружает определенными методологическими ориентирами, позволяющими самостоятельно наращивать личный информационный потенциал и реализовывать его в социальной практике, включаясь тем самым в процесс создания новой социальной реальности.

В этом смысле преподавание социологии, включая такой ее важный раздел, как методология и методика социологических исследований, воспринимается как весьма существенный аспект образования современного специалиста, который обладает не только необходимыми знаниями, но и осознает себя активным творцом современного социокультурного процесса, плодотворно участвует в его реализации и адекватно воспринимает участие в нем других членов социума.

Образование в его классическом понимании как «образование – создание» самого себя – процесс активный, творческий. Постоянное обновление его содержания и структуры – необходимое условие общественной стабильности в мире ускоряющихся социокультурных трансформаций. И социологическое образование, позволяющее профессионально изучать социокультурное окружение на разных уровнях, дает возможность не только познавать новую социальную реальность, но грамотно и сознательно становиться ее творцом.

Миловзорова М.Н.

к. филос. н., доцент, научная школа «Безопасное развитие социальных систем», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ», Санкт-Петербург
znaumeru@yandex.ru

КРИТЕРИИ ОТБОРА МОЛОДЕЖИ В НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В ЦЕЛЯХ БЕЗОПАСНОГО ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: безопасное развитие, системное мышление, наука, цифровой отбор, национальные проекты, кадровый потенциал научных школ, синергия, нравственная ответственность ученых.

Keywords: safe development, systems thinking, science, digital selection, national projects, personnel base of scientific school, synergy, moral responsibility of scientists.

Одной из насущных забот России в настоящее время является реализация национальных проектов, которые представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых приоритетных задач развития страны. На наш взгляд, ключевое место и роль в этом комплексе занимает национальный проект «Демография», поскольку именно от уровня его реализации будут зависеть возможности и перспективы достижения и укрепления государственного суверенитета. Еще в 2012 году В.В. Путин в своей программной статье отмечал, что без долгосрочного проекта развития человеческого потенциала «мы рискуем превратиться в глобальном смысле в «пустое пространство», судьба которого будет решаться не нами»¹, учитывая, что на территории России сосредоточено порядка 40% мировых природных богатств, а население составляет всего 2% от жителей Земли.

Цифровизация является инструментом, который способен связать воедино все национальные проекты и весь каскад национальных программ, входящих в контекст национальных проектов. На рис. 1 ниже представлена архитектура реализации национальных проектов в России.

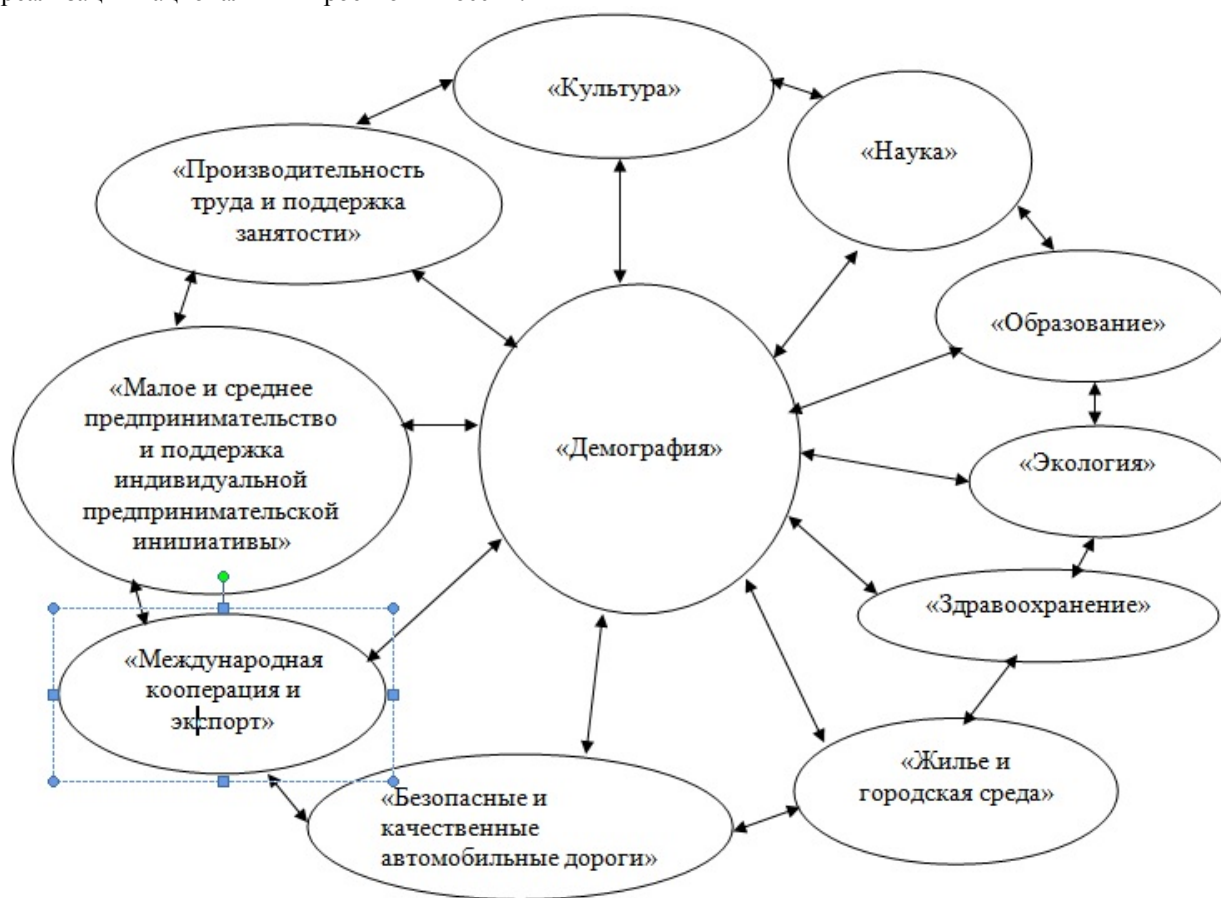

Рисунок 1.
Архитектура реализации национальных проектов России

¹ Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля.

Однако цифровизация радикально изменяет характер взаимодействия людей, требует формирования нового мировоззрения и применения новых методов управления. Современная трансформация социальных систем сопровождается процессом фильтрации, который мы называем «**цифровым отбором**», в результате которого эффективными кадровыми элементами социально-экономической системы в условиях цифровизации практически всех сфер общественной жизни смогут стать лишь те люди, которые готовы постоянно обучаться и развиваться, которые смогут понять, что предыдущие их достижения в определенной мере обесцениваются в условиях интенсификации смены технологий¹. Главным образом это можно связать с фактором интенсификации темпов научно-технического прогресса, при котором частоты «биологического времени» и частоты «социального времени» не совпадают. Если ранее технологические уклады, по Н.Д. Кондратьеву сменяли друг друга каждые 50 лет (с вероятным «нахлестом» в пределах 10 лет), то есть в течение смены 2 поколений, то с конца 1980-х годов интенсивность смены технологий резко возросла, и на протяжении смены одного поколения (среднее значение 25 лет) наблюдаются уже десятки новейших технологий, требующих изменения мировоззрения для их восприятия. Графическое изображение данной ситуации, представленное красной кривой в правом нижнем углу на рис. 2, напоминает тахикардию.

Рисунок 2.

Соотношение частот биологического и социального времени и их взаимосвязь в глобальном историческом процессе

У многих наших современников психика не справляется с новыми условиями среды. Они привыкли к тому, что обучение их когда-то было завершено, пусть даже и увенчалось дипломом с отличием или ученой степенью, но после этого не предпринималось каких-либо попыток к дальнейшему развитию. Однако новые технологические условия требуют постоянной гибкости интеллекта, высокой мотивации к обучению на протяжении всей жизни. Можно даже сказать, что непрерывное обучение и развитие становится императивом выживания в XXI веке, условием, позволяющим человеку не оказаться в бездне маргинализма и обезличенности.

Поиск путей адекватного реагирования на объективный процесс цифровизации продиктован необходимостью повышения качества управления социально-экономическими процессами на всех уровнях хозяйственной системы, что может стать предпосылкой создания полноценной инновационной экономики и позволить отечественным предприятиям на паритетных принципах интегрироваться в глобальное экономическое пространство и международную систему разделения труда. Ключевыми факторами социально-экономического развития России являются состояние науки, образования и воспитания, состояние общественного сознания, институциональные характеристики общества – все, что влияет на формирование человеческого капитала, в конечном итоге способного или не способного к осуществлению инновационно-технологического развития территорий.

В данных условиях требуется такая организация работы научных школ, которая учитывала бы радикальные изменения, которыми сопровождается процесс цифровизации. Детальному пересмотру могут быть подвержены и входные фильтры отбора молодых перспективных кадров в научные коллективы.

¹ Миловзорова М.Н., Щеголев Е.Н. Преодоление стресса футурошока посредством формирования системного мышления молодежи // Философские и методологические проблемы научно-технического творчества: материалы научной конференции, 13–14 мая 2019 г. – СПб.: БГТУ «ВОЕНМЕХ», 2019. – С. 186.

Значение кадрового потенциала научных школ как основы безопасного развития показано на рис. 3.

Рисунок 3.
Обусловленность спектра управленческих решений и будущего качества жизни наукой и системой образования¹

Безопасность социальных систем есть состояние ее устойчивости по отношению к факторам давления внешней среды, безопасность служит залогом развития. Сегодня социальные системы не отличаются устойчивостью по отношению к рискам и факторам воздействия внешней среды, то есть безопасность социальных систем практически не обеспечена либо обеспечена слабо.

Мы предлагаем учитывать следующие обязательные критерии отбора молодежи в научные школы, базируясь на принципе комплексной безопасности социальных систем: биосферно-экологической, информационной, культурной, политической, экономической:

1. Системное мышление. Формирование «креативного класса» в условиях цифровизации социально-экономических процессов в настоящее время затруднено главным образом потому, что цифра все интенсивнее вытесняет живое слово, ограничивая возможности развития творческого потенциала человека, в результате чего происходит качественная трансформация его интеллекта, в результате которой клиповое мышление (*mosaic thinking*, по Э. Тоффлеру) вытесняет системное мышление. *Системное мышление* – такое мышление, при котором все смысловые единицы, которыми оперирует психика человека, взаимосвязаны друг с другом и взаимообусловлены. В работе А.А. Зиновьева «Фактор понимания» содержится предупреждение о том, что изобилие искусственного интеллекта, чрезмерное захламление им жизненного пространства человека стало «мощной социальной основой колоссального занижения суммарного уровня человеческого интеллекта»². Мы можем наблюдать массовые проявления *клипового мышления*, отрицающего системное мышление как таковое. В клиповых формах когнитивной сферы отражение свойств объектов происходит без связей между ними. Обладателей клипового мышления характеризует неспособность сохранять концентрацию внимания на длительное время, работать с семиотическими сложными структурами, следовательно, критический анализ у них практически отсутствует, существенные трудности они испытывают тогда, когда необходимо делать обобщения, формировать выводы, умозаключения, а также запоминать большие фрагменты информации. Память у них работает в краткосрочном режиме. Чувство сопереживания и рефлексии выражено слабо. Среди неутешительных последствий клипового мышления все чаще констатируется медицинский диагноз – «цифровое слабоумие» (*digital dementia*).

Если процесс обучения детей и молодежи основывается на принципах и методиках бихевиоризма с его классической цепочкой S – R («стимул» – «реакция»), то плодами такого обучения («дрессировки», «муштры», «натаскивания») будут следующие результаты: сужение кругозора; зашоривание сознания; алгоритмизация мышления, неспособность увидеть множество альтернатив для принятия решения; отсутствие свободы выбора в процессе принятия решений. Ожидать формирования системного мышления в данном случае не приходится. Очевидно, для кандидатов в научные школы востребован иной путь обучения, предполагающий постоянное расширение кругозора и, как следст-

¹ Величко М.В., Ефимов В.А., Зазнобин В.М. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Концептуал, 2017. – С. 8.

² Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – С. 508.

вие, прояснение сознания, эвристичность мышления, способность увидеть множество альтернатив в процессе принятия решений.

Уходящий год принес шок открывшейся возможности навязывания деления образования на «элитное» и «массовое» («очное» и «дистанционное»). **Такой селекционный путь не способен решить существенную на сегодняшний день проблему кадрового голода, выполнения** стратегической задачи формирования кадров для высокотехнологичных предприятий. В аспекте исторической ретроспективы достаточно вспомнить «Циркуляр о кухаркиных деях» 1887 года. Данная ситуация противоречит задачам национальной безопасности не только России, но и любого государства, претендующего на долгосрочное бескризисное развитие.

2. Мотивация к развитию, к добросовестному труду в коллективе. Данный вид мотивации практически утрачен в настоящее время, поскольку система образования и воспитания и информационное «питание» детей и молодежи посредством контента масс-медиа транслируют ценности Я-центричного мировоззрения, воспитывают истероидные акцентуации поведения.

Научная школа – это именно коллектив единомышленников, работающих совместно над решением конкретных научных проблем. Потенциал совместного труда возрастает в результате достижения коллективом группового эффекта синергии (В.М. Бехтерев). Эффект синергии в социальных группах возникает только на основе взаимного доверия. К этому групповому эффекту стремятся все управленцы, которым не безразлично стратегическое развитие вверенных им объектов управления. В свою очередь доверие между людьми становится возможным только тогда, когда социальная группа скреплена ценностями, понимаемыми, принимаемыми и разделяемыми всеми членами группы. Данный подход требует от управленца приложения значительных усилий на первоначальном этапе: его можно сравнить с садовником, возделывающим «ценностную почву», питающую мировоззрение членов группы. Но в результате каждый член социальной группы добровольно и осознанно выполняет необходимые задачи и способен самостоятельно контролировать качество своего труда¹.

Отсюда мы делаем вывод о необходимости построения научных школ по принципу голограммы, где каждый ученый владеет всей полнотой информации и осознает сверхзадачу деятельности научной школы, каждый исследователь вносит свой уникальный вклад в базу знаний. Функциональная специализация при этом присутствует, но коллектив представляет собой единство в многообразии, подобное экипажу корабля, и в кризисной ситуации любой сможет взять на себя функции лидера.

3. Высокий уровень нравственности, система ценностей, питающая культуру защиты биосферы. Речь идет о недопустимости мировоззренческой индифферентности деятелей науки, образования и воспитания, об императиве нравственной ответственности ученых за использование результатов их труда. В зависимости от того, какой принцип закладывается в основу управления обществом – принцип олигархии (благо малой элитарной группы), либо принцип социальной справедливости (благо большинства) – научная деятельность в первом случае подчиняется целям закабаления масс, пропаганде и террору, во втором случае усилия ученых направляются на служение общественному благу, и жизненным кредо ученого становится следующий тезис Сократа: «Путь к справедливости – высшая ценность для человека, если он стремится к счастью»².

Выводы. Исследован фактор давления среды – цифровой отбор, который несет в себе как колоссальные возможности, так и угрозы. В данных условиях предлагается пересмотр критериев отбора молодежи в научные школы, поскольку от кадрового потенциала научных школ зависит комплексная безопасность развития социальных систем. А любое инновационно-технологическое развитие имеет смысл только тогда, когда оно выстраивается на принципах экорациональности и комплексной безопасности социальных систем: биосферно-экологической, информационной, культурной, политической, экономической. Предлагаются как минимум три обязательных фильтра для вхождения молодого исследователя в коллектив научной школы: 1) системное мышление; 2) мотивация к развитию, к добросовестному труду в коллективе; 3) высокий уровень нравственности, система ценностей, питающая культуру защиты биосферы.

В условиях цифровизации особые требования должны предъявляться, во-первых, к качественным параметрам системы образования и, во-вторых, к качеству информационного «питания» детей и молодежи. В настоящее время эти два важнейших фактора представляют собой Сциллу и Хариду, между которыми необходимо умудриться пройти для того, чтобы сохранить способность к системному мышлению, мотивацию к развитию, к добросовестному труду в коллективе, сформировать высокий уровень нравственности на основе экорациональной системы ценностей.

В заключение конкретизируем тезис Альберта Швейцера: «Город истины невозможно построить на болотистой почве скептицизма». Сегодня мы находимся на стадии «осушения болот». Инновационно-технологическое развитие – это не самоцель, а лишь средство повышения качества жизни всех людей на планете. Научные школы – своего рода «спецназ», ядро, питающее перспективы и возможности будущего инновационно-технологического развития, и поэтому критерии отбора должны касаться не только интеллектуальных, но и морально-волевых качеств кандидатов.

¹ Миловзорова М.Н. Значение ценностей в управлении социальными системами // Теория и практика общественного развития. 2015. – № 14. – С. 22.

² Платон. Государство. // Диалоги: Пер. с древнегреческого. – Харьков: Фолио, 1999. – С. 73.

Небродовская-Мазур Е.Ю.

к.психол.н., зав. кафедрой психологии, Институт мировых цивилизаций
mazur-eu@mail.ru

Матвеева И.П.

к.соц.н., доцент, Институт мировых цивилизаций
matveeva.inuka@yandex.ru

Мазур Д.В.

магистр, колледж им. Джорджа Брауна, г. Торонто
dmitrii.v.mazur@gmail.com

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ЕАЭС И ДРУГИМИ СТРАНАМИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: технологическое развитие, инновации, высококвалифицированные специалисты, подготовка научных кадров, сотрудничество, страны ЕАЭС.

Keywords: technological development, innovation, highly qualified specialists, training of scientific personnel, cooperation, EEU countries.

Быстрое развитие инноваций, стремительный рост технологического прогресса, увеличение объема знаний в области гуманитарных и технических наук оказывают значительное влияние на интенсивность развития международного сотрудничества в области науки и человеческого капитала. В связи с этим в современном мире происходит переориентация на реализацию политики сотрудничества в области науки.

Мировой опыт последних десятилетий свидетельствует, что наиболее эффективным средством для достижения собственных экономических интересов является участие в региональной интеграции. Одним из основных стратегических приоритетов России является международное сотрудничество со странами ЕАЭС, а также другими странами Большой Евразии.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является достаточно молодым, но динамично развивающимся интеграционным объединением. Государства – члены ЕАЭС – Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация – существенно различаются по своим масштабам, экономическому и ресурсному потенциалу и структуре промышленности, однако всех их объединяет стремление повысить эффективность национальной социально-экономической политики для обеспечения роста качества жизни и благосостояния населения¹. В соответствии с п. 51 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640, Российская Федерация считает ключевой задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения².

Потенциально ЕАЭС может стать региональным и даже глобальным лидером в мировой экономике при условии, если интеграция обеспечит значительный экономический, а также социальный эффект, который должна получать каждая страна-участница. Однако экономический рост невозможен без интеграции научного потенциала стран, объединения их научно-информационных ресурсов и научно-исследовательского потенциала. При этом требуется комплексный подход к модернизации системы научных исследований, особенно в сегменте инновационных технологий, ориентированных на реальный сектор экономики.

Одним из глобальных внутренних вызовов для ЕАЭС является сохраняющийся дисбаланс внутри Союза: главным научным, политическим и торговым центром ЕАЭС остается Россия. Несбалансированность Союза проявляется во многих сферах. Тем самым, по большинству макроэкономических показателей страны не соотносятся друг с другом. Если судить по величине валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), у России этот показатель в 2018 г. составлял 3986,0 млрд. долл. США, тогда как у второй крупнейшей

¹ Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова и др.; отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 123 с.

² Новая Концепция внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь 02.12.2016. – <https://interaffairs.ru/news/show/16503>

страны ЕАЭС, Казахстана, он достигал 500,1 млрд. долл. (Беларусь – 188,6 млрд. долл.; Армения – 30,4 млрд. долл.; Кыргызстан – 24,9 млрд. долл.)¹.

Невысокий уровень экономического развития стран ЕАЭС оказывает негативное влияние на развитие научного потенциала Союза. Так, последние данные, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики, наглядно свидетельствуют, что внутренние затраты на исследования и разработки, в процентах от валового внутреннего продукта в целом по Российской Федерации в период с 2015 по 2018 остаются примерно на одном уровне и в среднем составляют 1,0% (2015, 2016, 2018 гг. – 1,0%; 2017 – 1,1%)². Анализ рейтингов показывает, схожие данные в области инновационных возможностей и человеческого развития у России и Беларуси³.

При этом справочно заметим, что лидирующие позиции по доле ВВП на науку, занимают Германия, США и Япония. Их затраты на науку превышают расходы России более, чем в два раза (2,4% – 2,9%)⁴.

Рассмотрим последствия снижения финансирования науки и неоднозначные демографические тенденции стран ЕАЭС более подробно.

В конце прошлого столетия на территории России и других стран ЕАЭС резко снизился престиж науки и значимость труда ученого, что стало причиной эмиграции значительного количества ученых. Миграционная активность была обусловлена социально-экономическими факторами развития территории проживания. На миграционное поведение повлияли высокий уровень безработицы, низкая заработная плата, невозможность найти достойную работу и снижение качества профессионального образования. Интеллектуальная эмиграция привела к серьезному сокращению штатной численности научных сотрудников и научно-образовательного потенциала.

Помимо оттока научных кадров за рубеж демографический потенциал и взаимосвязанные с ним процессы, происходящие в системе образования, значимо повлияли на научный потенциал России и других стран ЕАЭС.

Заметим, что снижение численности населения страны является значимым фактором в развитии научного потенциала в современном мире жесткой конкуренции и активного инновационного развития всех сфер экономики. Аналитики отмечают, что сегодня Россия находится в «демографической яме». Естественный прирост населения имеет отрицательный тренд на протяжении трех последних лет. В целом, по оценке Федеральной службы государственной статистики, «численность постоянного населения Российской Федерации на 1 декабря 2019 г. составила 146,8 млн. человек. С начала года численность населения сократилась на 26,3 тыс. человек, или на 0,02% (за аналогичный период предыдущего года – уменьшилась на 74,0 тыс. человек, или на 0,05%)⁵. Аналогичная отрицательная динамика наблюдается в Беларуси. В стране отмечается естественная убыль населения (в 2016 году она составила 17 тысяч человек, в 2018 году – 26 тысяч человек)⁶.

Противоположная тенденция наблюдается в других странах-участницах ЕАЭС. Наиболее активный прирост в Казахстане (2017 г – 261 тыс. чел.; 2018 г. – 267 тыс. чел.); в Кыргызстане (2017 г – 121 тыс. чел.; 2018 г. – 138 тыс. чел.); в Армении (2017 и 2018 гг. – по 11 тыс. чел.)⁷.

При этом важно подчеркнуть, что миграционный прирост практически компенсирует естественную убыль населения России. По данным 2017 года приток мигрантов в Россию, в основном, осуществляется из Туркмении, Азербайджана, Узбекистана, Украины, а также из стран ЕАЭС – Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии⁸.

В перспективе по данным среднего варианта прогноза Росстата по России общая численность населения снизится к началу 2036 года до 142,993 млн. человек (67,163 млн. мужчин и 75,830 млн. женщин). Общая убыль составит в 2035 году 134,9 тыс. человек, но вместе с тем, численность трудоспособного населения согласно средним вариантам прогноза увеличится с 82676,8 до 88 142,9 тыс. чел.⁹

Одной из последних демографических катастроф стало резкое падение численности студентов в 2011 году, когда многие подведомственные Министерству образования вузы недобрали первокурсников и даже часть бюджетных мест осталась свободной¹⁰. Образовавшийся дефицит поступающих студентов привел к сокращению учебных мест, а также перепрофилированию и закрытию ряда вузов. Согласно исследованию, проведенному ВШЭ, количество образовательных организаций в нашей стране в период с 2010 по 2018 продолжало снижаться¹¹.

¹ Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – 199 с.

² Карасев О.И., Китаев А.Е., Миронова И.И., Шинкаренко Т.В. Экспертные процедуры в фортсайте: особенности взаимодействия с экспертами в проектах по долгосрочному прогнозированию // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2017. – С. 169–184.

³ Богдан Н.И. Образование и наука для инновационного развития стран ЕАЭС: сравнительная оценка // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – М., 2018. – С. 582–586.

⁴ Егоренко С.Н., Бондаренко К.А., Соловьева С.В. Инновации: международные сопоставления / Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – М., 2018. – С. 101–124.

⁵ Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2019. – 378 с.

⁶ Демография в цифрах / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – 58 с.

⁷ Там же.

⁸ Миграционный прирост в РФ – самые низкие показатели за постсоветский период. – <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/migracionnyiy-prirost-v-rf-samyie-nizkie-pokazateli-za-postsovetsskiiy-period-20190103-152152/>

⁹ Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 года / Федеральная служба государственной статистики. – <https://gks.ru/folder/313/document/72529>

¹⁰ Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012. – 210 с.

¹¹ Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 96 с.

Если анализировать ситуацию в других странах-членах ЕАЭС, то в разных странах отмечается разная динамика численности обучающихся в организациях высшего профессионального образования в 2015/16–2019/20. В целом, в странах ЕАЭС с 2015 по 2020 год численность обучающихся в вузах сократилась с 5 937 118 чел. до 5 281 114 чел. Отрицательный тренд наблюдается в Беларуси, Армении, России. Вместе с тем, с 2016 года наблюдается положительный тренд в Кыргызстане (с 175 430 чел. до 183 778 чел.). В Казахстане также растет численность студентов (с 491 567 чел. до 645 157 чел.).

Общий для стран ЕАЭС неутешительный тренд отражается на количестве организаций, осуществляющих подготовку научно-педагогических кадров в аспирантуре и численности аспирантов в них.

Нужно признать, что приведенные выше данные по численности образовательных организаций высшего образования, организаций, осуществляющих подготовку научных кадров, в том числе в аспирантуре показывает тренд снижения, что говорит о недостаточной эффективности политики стран в области воспроизводства инновационных кадров. Процесс прорывного инновационного развития невозможен без поиска и внедрения решений по повышению качества человеческого капитала.

Качественное и количественное снижение числа студентов, аспирантов и, в целом, уменьшение численности научных кадров ведет к снижению научного потенциала России и других стран-участниц ЕАЭС.

Ссылаясь на исследование Наумова И.В. отметим, что на протяжении более двух десятилетий в России наблюдается тенденция снижения численности научно-исследовательского персонала, занятого в области естественных и технических наук и увеличения в области гуманитарных и общественных¹.

В 2017 г. численность персонала, занятого исследованиями и разработками (ИР), составила в России 707,9 тыс. чел. Тенденция сокращения численности научных кадров получила дальнейшее развитие: за прошедший год она уменьшилась на 2%².

Рассматривая научный потенциал Казахстана, отметим, что научные расходы ВВП почти в десять раз меньше, чем в развитых странах мира³. Стратегия развития Казахстана до 2025 года предусматривает повышение доли затрат на НИОКР в ВВП до 1%. Однако, сейчас, когда доля затрат ВВП на науку находится на низком уровне сложно говорить о качественных инновационных разработках.

В условиях новой научно-технологической парадигмы усиливается значимость прорывных технологий и, в целом, инновационно-технологической сферы⁴. Новые технологии проникают во все сферы человеческой деятельности и приводят к быстрым и глубоким изменениям экономики и социальной сферы, глобального рынка, структуры и характера современного промышленного производства.

Оценить будущее науки помогают форсайт-исследования, служащие основой для выбора приоритетов, реализуемых в рамках крупных национальных и международных программ научно-технического и инновационного развития. Сегодня благодаря данному инструменту намечены основные технологические тренды, отражающие процессы инновационного развития, а также механизмы научно-технической и инновационной политики⁵.

Форсайт-исследование направлено на перспективу и помогает определить перспективы научно-технологического, социально-экономического, а также инновационного, развития на 10 и более лет вперед. Арсенал таких исследований широк и насчитывает более 40 различных методов качественных и количественных исследований⁶.

Политика форсайт-исследований строится на выявлении глобальных вызовов – чрезвычайно сложных и масштабных проблем, с которыми столкнулось человечество, и влияние которых согласно прогнозам в средне- и долгосрочной перспективе будет усиливаться. Роль форсайта в данном процессе глобальна и заключается не только в выявлении «больших вызовов», но и в поиске ответов на них. Таким образом, форсайт-исследования создают своеобразный фундамент и выполняют роль «стратегической разведки» в выработке инновационной, научно-технической политики и повышают эффективность функционирования всей научно-исследовательской системы.

Нынешний раунд научно-технологического форсайта предусматривает совмещение нормативного и исследовательского подходов, что предполагает поиск своеобразных «ростков» на технологическом «поле» продуктов и технологий прорывного характера.

«Важно подчеркнуть, что в качестве экспертов в форсайт-исследованиях выступают представители ведущих вузов (ректоры, проректоры, заведующие кафедрами, руководители лабораторий и специализированных центров на базе университетов), научно-исследовательских институтов (президенты, генеральные директора и их заместители, академики и члены-корреспонденты РАН, ведущие сотрудники)»⁷. Наряду с представителями науки экспертами выступают представители отраслевых компаний и ведомств.

¹ Наумов И.В. Воспроизводство научно-исследовательских и инженерно-технических кадров как ведущий фактор развития инновационной экономики в России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. – № 1 (57). – С. 71–77.

² Кадровый потенциал науки: структура и динамика. – <https://issek.hse.ru/news/225498494.html>

³ Алимбаев А.А., Исмаилова Р.А. Научно-технологический потенциал промышленности Казахстана // Вестник ОГУ. 2008. – № 11. – С. 60–64.

⁴ Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад. – М., 2017. – 136 с.

⁵ Соколов А.В. Чулок А.А. Стратегии. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года: Ключевые особенности первые результаты // Форсайт. – М., 2012. – Т. 6, № 1. – С. 12–25.

⁶ Карасев О.И., Китаев А.Е., Миронова И.И., Шинкаренко Т.В. Экспертные процедуры в форсайте: особенности взаимодействия с экспертами в проектах по долгосрочному прогнозированию // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2017. – С. 169–184.

⁷ Там же. – С. 169–184

Для обеспечения долгосрочного, стратегического развития научно-образовательного сотрудничества стран ЕАЭС, включая разработку форсайт исследований, необходимо серьезное экспертно-аналитическое обеспечение, которое будет направлено на апробацию и тиражирование лучших практик научно-технологического и образовательного сотрудничества стран. Это позволит не только оптимизировать процесс разработки инновационных стратегий при взаимодействии России со странами ЕАЭС, но и привлечь к сотрудничеству другие страны Большой Евразии.

Петросянц Д.В.

к.э.н., заместитель руководителя Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
dan-basa@yandex.ru

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ СЗФО¹

Ключевые слова: институциональная среда, конкурентоспособность университетов, высшее образование, рейтинги университетов, наукометрия, экспертные оценки.

Keywords: institutional environment, university competitiveness, higher education, university rankings, scientometrics, expert assessments.

1. Введение

Во многом анализ развития университета через различные индикативные и критериальные оценки, а также статистические показатели – это взгляд со стороны. Ведь измерить всю полноту, успешность практик и выявить проблемные зоны в развитии современного университета возможно только на местах, да и то в том или ином ограниченном ракурсе. Однако не в последнюю очередь и внешняя рефлексия научно-образовательного и экспертного сообщества способна повлиять на эффективность представленности университета в информационно-коммуникационном пространстве, да и практически оказывать влияние на узнаваемость и весомость бренда университета. В данной работе хотелось бы представить на суд экспертного сообщества некоторые оценки и направления развития университетов Северо-Западного федерального округа (СЗФО), то, что подходит под модное сегодня понятие, – экосистема инноваций².

Всего в СЗФО, включая филиалы, работает свыше 200 высших учебных заведений (в нашем исследовании будем опираться на данные, собранные по наиболее заметным и статусным университетам, вошедшим в проект Национальный рейтинг университетов в 2020 г.). Среди них лидирующие позиции занимают университеты, расположенные в городе Санкт-Петербурге. Кроме того, на территории федерального округа действует два статусных федеральных университета. Причем совершенно разных и самостоятельных по своей концепции развития. Всего 39 университетов СЗФО были представлены в рейтинге НРУ-Интерфакс. Из них, помимо названных двух федеральных университетов, на территории СЗФО присутствуют четыре национальных исследовательских, шесть опорных университетов, и четыре из них являются участниками завершающегося в 2020 году проекта 5-100.

Каковы основные направления развития университетов СЗФО? Есть ли общая основа во взаимодействии их между собой и в иных коллаборациях с российскими и зарубежными университетами? Какие консорциумы университетов работают, а какие начинания остаются только на бумаге? Удается ли погрузиться в социально-экономическую и политическую повестку дня развития своего региона и макрорегионов, создавая вокруг себя пояс инновационных предприятий? На эти вопросы ответить комплексно очень сложно, но представляется возможным предложить действенный механизм, позволяющий измерять те или иные показатели, характеризующие развитие университетов, и уже через индикаторы развития предлагать форсайт исследования. И, конечно, нам надо обязательно сверять направление развития университетов СЗФО, с программой стратегического академического лидерства (ПСАЛ).

2. Методология и источники информации

В рамках исследований аналитической группы Национальный рейтинг университетов Интерфакс (НРУ-Интерфакс) накоплена информационная база по целому ряду показателей российских университетов. Некоторые наблюдения из анализа банка данных рейтинга НРУ-Интерфакс представлены в данной работе. Эта методика предполагает исследование развития университетов по шести отдельным аналитическим блокам, которые не являются автономными друг от друга, но содержат агрегированную информацию по направлениям развития высшей школы (рис. 1).

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

² Петросянц Д. Экосистемы инноваций в региональных российских университетах: информационные основы оценки развития // Проблемы теории и практики управления. – М., 2018. – № 11. – С. 92–103; Altbach P.G. Advancing the national and global knowledge economy: The role of research universities in developing countries // Studies in Higher Education. 2013. – Vol. 38, N 3. – P. 316–330. DOI: 10.1080 / 03075079.2013.773222; Salmi D., Frumin I.D. How states achieve the international competitiveness of universities: lessons for Russia // Educational Issues. 2013. – N 1. – P. 025–068; Фрумин И.Д., Лешуков О.В. Типологизация региональных систем высшего образования в России // Федеральный справочник. Образование в России. Т. 11. – М.: Центр стратегических программ, 2016.

Помимо этого, источниками информации для данной работы стали открытые данные из официальных сайтов российских университетов, веб-сайты российских государственных структур, статьи из журналов, в том числе индексируемых в WoS и Scopus, а также российской научной электронной библиотеки (РИНЦ) в соответствии с парадигмой Open Science. В процессе работы над статьей проанализирован целый ряд статей отечественных и зарубежных авторов по вопросам развития университетов СЗФО¹.

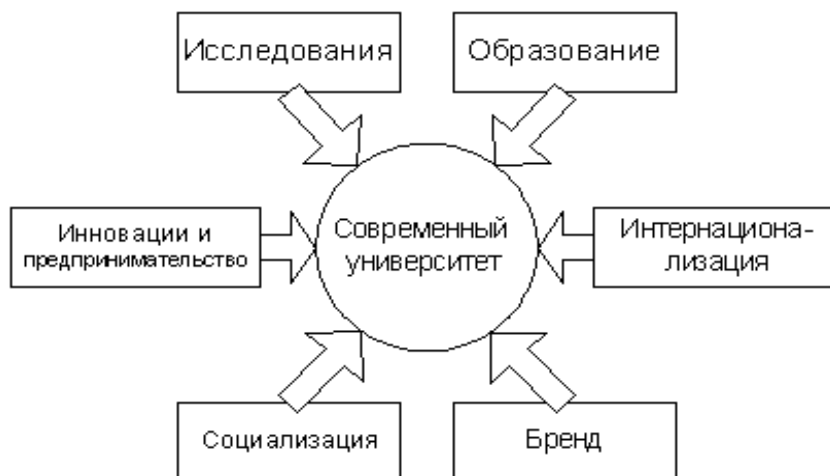

Рисунок 1.
Интегральные блоки развития современного университета

Автором использованы данные веб-сайтов следующих организаций:

- информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования / Сайт Министерства науки и высшего образования РФ (МНВО РФ). Главный информационно-вычислительный центр (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>);
- официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ (МНВО). Национальный проект образование (<https://edu.gov.ru/national-project>);
- официальный сайт Государственного комитета по статистике РФ (<http://www.gks.ru>);
- реферативная база научных публикаций Scopus (<http://www.scopus.com>);
- российский индекс научного цитирования (РИНЦ) (<http://www.elibrary.ru>);
- SCAN-Интерфакс. Мониторинг российских СМИ и анализ медиа-среды (<http://scan-interfax.ru>);
- официальный сайт проекта Академия Интерфакс / Национальный рейтинг университетов (НРУ-Интерфакс) (<http://academia.interfax.ru>);

В работе применялся набор традиционных методов исследования, включая классификацию, сравнительный анализ, обобщение, сопоставление и прогнозирование.

Достоверность результатов обеспечивалась сравнением данных из разных источников, применялись методы валидации данных: коэффициент вариации, среднее абсолютное отклонение, размах варьирования, показатели асимметрии и эксцесса.

3. Исследование

В рамках перезагрузки Национальных проектов (НП) 2019–2024 гг. планируется переформатирование НП Наука и НП Образование в один НП с практически уже закрепленным новым названием «Наука и университеты». Проект ставит своей задачей преемственность в развитии системы высшего образования в РФ, ориентирован на несколько ключевых позиций:

- интеграция российских университетов в глобальное исследовательское пространство;
- исследовательское лидерство по ряду приоритетных направлений;
- развитие научно-образовательной конкурентоспособной инфраструктуры, опирающейся на цифровые технологии;
- кадровое обеспечение в соответствии с потребностями современной экономики.

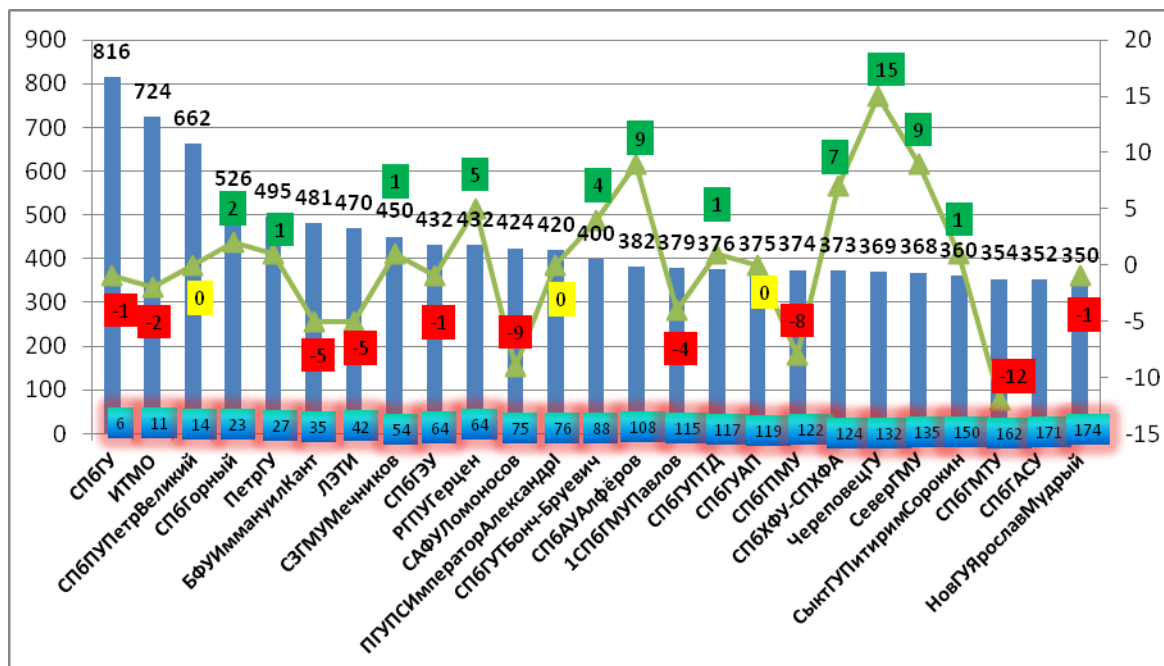
Программой стратегического академического лидерства (ПСАЛ) предусматривается пересмотр присвоенных ранее статусов национальных исследовательских (НИУ) и национальных опорных университетов (НОУ). Кроме того, все вузы России будут поделены на категории по формальным показателям.

¹ Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – М., 2018. – Т. 18, № 1. – С. 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116; Uyerra E. Conceptualizing the regional roles of universities, implications and contradictions // European Planning Studies. 2010. – Vol. 18, N 8. – P. 1227–1246. doi: 10.1080/09654311003791275; Pinheiro R., Benneworth P., Jones G.A. Understanding regions and the institutionalization of universities // Universities and Regional Development: A Critical Assessment of Tensions and Contradictions. 2012. – P. 11–32. doi: 10.4324/9780203112298.

Возможен, наряду с другими, и вариант вхождения вуза в ПСАЛ через участие в консорциуме, который будет создаваться другими университетами для участия в конкурсе. По сути ПСАЛ ориентируется на развитие вуза, НОЦ – на развитие региона¹.

В конце июля 2020 г. вышел очередной уже в 11 редакции ежегодный Национальный рейтинг университетов – Интерфакс (НРУ). В нем представлен обширный и разнообразный спектр университетов СЗФО, от известных и обладающих серьезной историей вузов Санкт-Петербурга, до молодых региональных; от классических университетов, до университетов имеющих свою специфику (педагогические, медицинские, академический и т.п.). Кроме того, на рис. 2 нами представлены перемещения университетов по рейтингу с 2019 на 2020 год, что вполне коррелирует с теми показателями, которые применяются в методике исследования.

Комплексный анализ развития университетов СЗФО проводился в последнее время в преломлении двух векторов: мониторинг эффективности и рейтинговые оценки зарубежных и российских ренкеров². Далеко не все можно измерить, но значимость сильного регионального университета характеризуется в первую очередь кадровым потенциалом, качеством проводимых исследований, погруженностью в повестку дня развития региона/макрорегиона, всеми проявлениями, способствующими социализации аффилированных с университетом лиц.

Составлено автором по НРУ 2020.

Рисунок 2.
Национальный рейтинг университетов 2020. Университеты СЗФО:
динамика позиций за год. Топ-25

Теперь обратимся к некоторым метрикам и показателям, характеризующим статус-кво, который определяет данное исследование и позволяет оценивать университеты с различных ракурсов долгосрочного и оперативного развития.

На рис. 3 представлены данные об объемах бюджетов университетов СЗФО. Здесь можем оценить уже долю доходов в бюджетах университетов СЗФО, получаемых от НИОКР, а также относительный объем доходов, полученный из внебюджетных источников.

¹ Ендовицкий Д.А., Коротких В.В., Воронова М.В. Конкурентоспособность российских университетов в глобальной системе высшего образования: количественный анализ // Высшее образование в России. – М., 2020. – Т. 29, № 2. – С. 9-26. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-9-26

² Янова Е.А., Валдайцева М.В. Оценка системы показателей деятельности многопрофильных университетов // Экономические науки. 2019. – № 172. – С. 90-99.

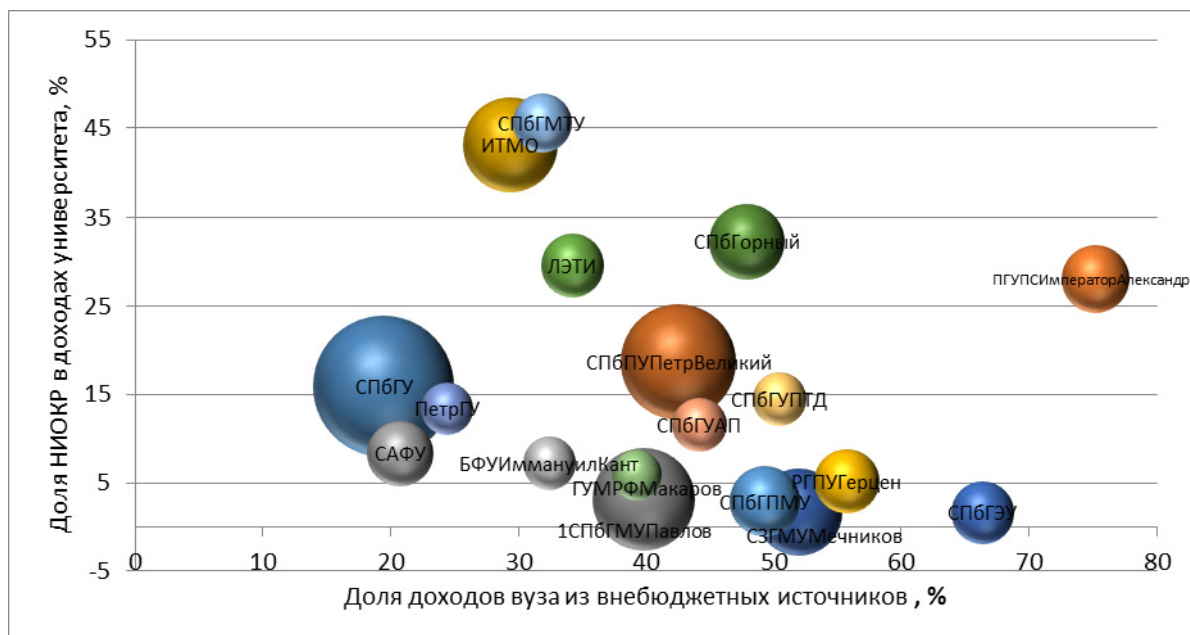

Рисунок 3.
Бюджеты университетов СЗФО (млрд. руб.) и доля в них доходов из внебюджетных источников
и НИОКР в 2018 г., %

Говоря о бренде университета, нельзя обойти вниманием показатели публикационной активности в открытом информационном пространстве, что показывает и заметность университета, позиции его сотрудников по ряду вопросов, вовлеченность университета в социально-экономическую и политическую жизнь страны и региона и т.п. (рис 5.). Агрегированные замеры медиа-присутствия в СМИ показывают огромное преимущество СПбГУ по сравнению с другими университетами региона.

Рисунок 4.
Число публикаций и цитирований ученых, аффилированных с университетами СЗФО
накопленным итогом в БД Scopus, февраль 2019 г.

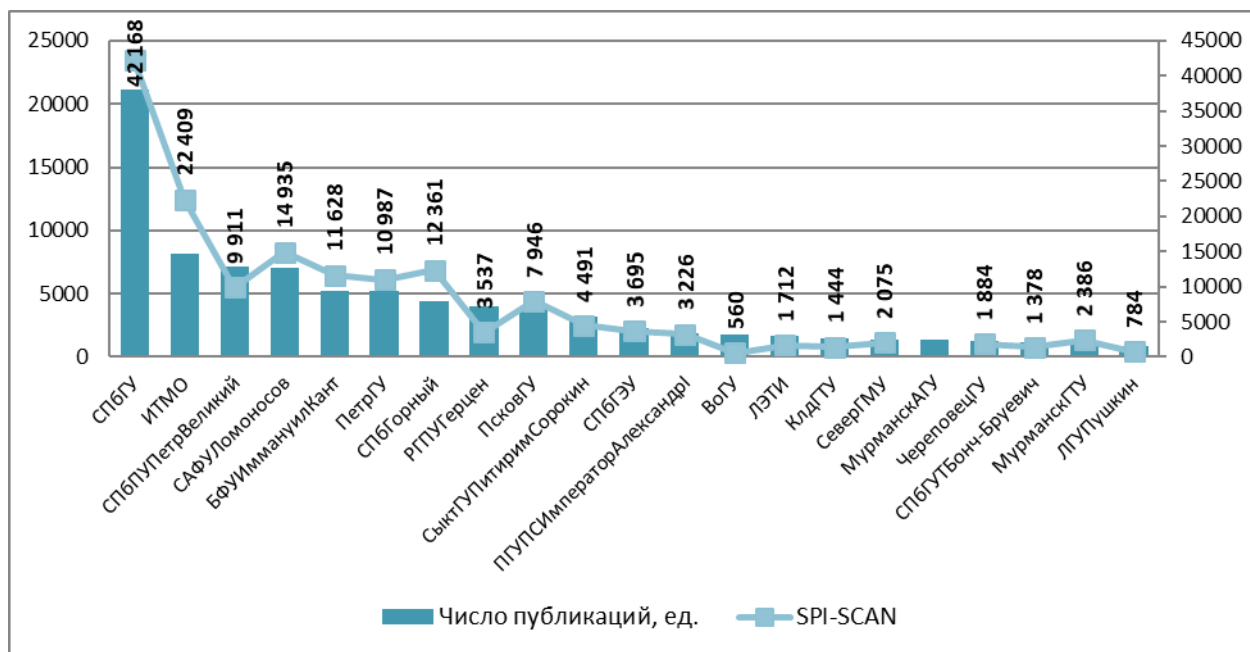
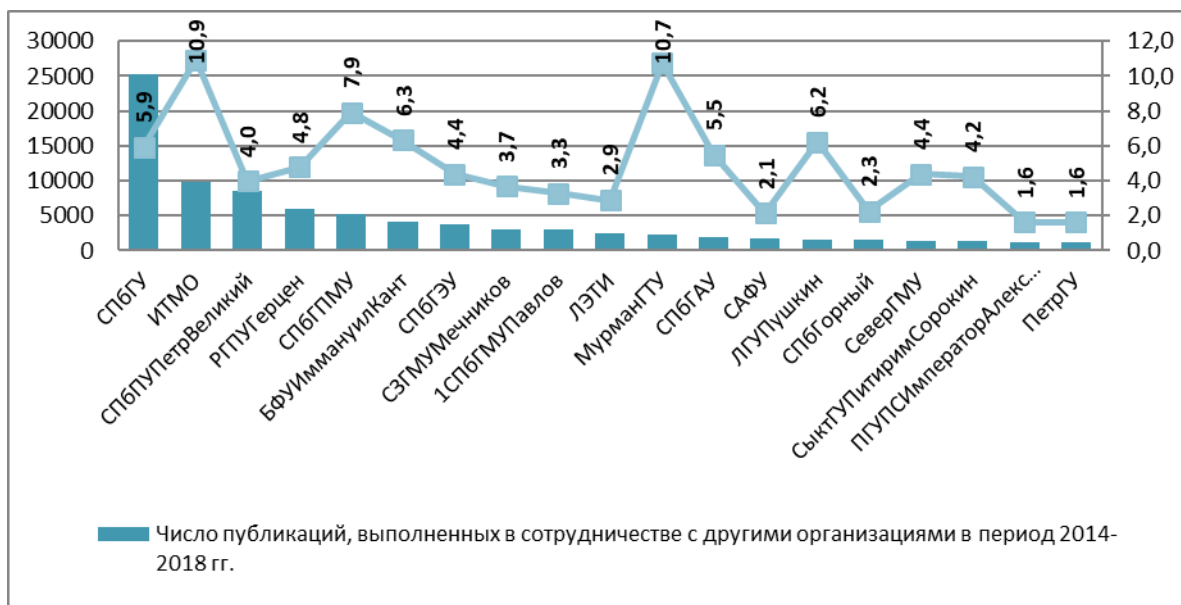

Рисунок 5.
Публикационная активность университетов по SCAN-Интерфакс в 2018 г.

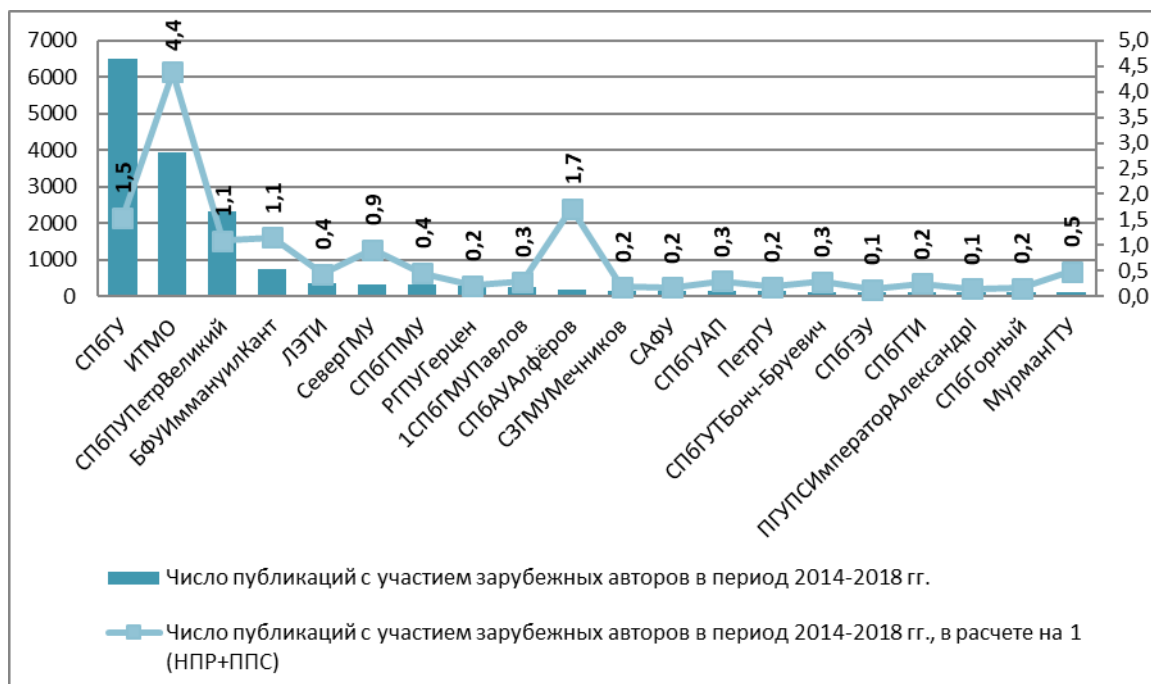
Особого внимания заслуживают совместные коллаборационные исследования представителей университетов с учеными других вузов, или проводимые с зарубежными учеными. Значение таких совместных исследований трудно переоценить. Более того, необходимо рассматривать явление научных коллабораций в самом широком смысле. На рис. 6 представлены данные о числе совместных (коллаборационных) публикаций представителями университетов СЗФО.

Источник: составлено автором по РИНЦ.

Рисунок 6.
Число научных публикаций исследователей аффилированных с университетами СКФО выполненных в коллаборациях с исследователями других организаций в 2014–2018 гг.

На рис. 7 представлены данные о научных публикациях исследователей, аффилированных с университетами СЗФО, выполненных в коллаборации с исследователями зарубежных организаций в 2014–2018 гг.

Источник: составлено автором по РИНЦ.

Рисунок 7.

Число научных публикаций исследователей, аффилированных с университетами СЗФО, выполненных в коллаборации с исследователями зарубежных организаций в 2014–2018 гг.

4. Выводы

В результате проведенного исследования сформулирован ряд выводов.

Переформатирование программы 5-100, реализация нового проекта стратегического академического лидерства (ПСАЛ), естественно, не обойдет вниманием и СЗФО. Университеты будут активно встраиваться в новый национальный проект «Наука и университеты», что потребует пересмотра и уточнения стратегических программ развития университетов, синхронизации с задачами субъектов федерации и федерального округа в целом.

Обязательным условием участия в ПСАЛ станет формирование университетами как НИУ, так и НОУ консорциумов совместно с научными организациями, компаниями реального сектора экономики, в первую очередь высокотехнологичными, а также с другими университетами, не только географическими соседями.

Для НОУ все же нельзя ограничиваться исследовательским пространством только своего региона (макрорегиона), при этом нет противоречий с установкой регионо-ориентированности и необходимости подготовки кадров только для региональной экономики. Часть вопросов следует перенести и в плоскость более грамотного использования механизма научных коллабораций, но здесь многое будет зависеть от направленности работ различных научных коллективов, подключения к мировым «научным фронтам» и соответствия мировому уровню проводимых исследований.

Необходим форсайт программ развития университетов, их пересмотр и корректировка не позднее полугодия, несмотря на долгосрочные рамки принятых концептов, сегодня насущная необходимость, ведь за примерно пять лет навыки специалистов, не только в сфере высоких технологий, проходят половину своего «жизненного цикла». Иными словами, через пять лет, пока человек выучится, ценность его образования уже снизится на 50%. Значит, университет должен играть если не на опережение, то хотя бы с минимальным отставанием от реального положения дел.

Развитие человеческого капитала (потенциала) в регионах страны – это комплексный процесс, требующий согласования интересов как по вектору центр – регион, так и при взаимодействии институтов инновационной рыночной экономики. Для российских регионов актуальна проблема утечки мозгов в Москву, Санкт-Петербург и иные крупные города, за пределы страны. Остановить этот процесс возможно только благодаря развитию условий в регионах, созданию соответствующей институциональной среды, конкурентоспособной не только по российским, но и мировым меркам. В большинстве регионов страны готовые и выпускаемые специалисты (магистры, бакалавры, постдоки и т.д.) в соответствии с федеральными КЦП, не могут быть трудоустроены в своих регионах, в связи с отсутствием достаточного числа высококвалифицированных рабочих мест. Механизм развития готовности студентов к научно-инновационной деятельности в большинстве российских вузов не отлажен. Несмотря на существование ряда программ развития малого и среднего предпринимательства в РФ, число таких структур на сегодняшний день сокращается, вовлеченность студентов и прочих обучающихся невелика.

По большей части сложные программные задачи должны стать для сильных российских университетов основополагающей в развитии целью, под которую и будет встраиваться инновационная экосистема университета, формулироваться программы развития на средне- и долгосрочную перспективы. Огромное внимание в построении в регионах России следует уделить и созданию так называемых «поясов инновационных предприятий» вокруг ведущего регионального вуза, а сами вузы в свою очередь должны четко определять приоритеты и встраивать реальные перспек-

тивные программы развития, чтобы создавать в вузе эффект «снежного кома прогресса» по привлечению всех видов ресурсов, и не только материальных, но и человеческих.

Только согласование интересов и совместные усилия научно-образовательного сообщества, правительственных структур и отечественного высокотехнологичного бизнеса способны привести к синергии в развитии в российских университетах экосистемы инноваций.

Существенные недостатки имеет большинство методик оценки эффективности развития современных университетов, но еще большие проблемы несут в себе сложности верификации данных и стандартизация расчетов оценочных показателей многофакторной деятельности вуза. Во многом это и проблема мониторинга эффективности МНВО, при понятной позиции не замерять параметры (критерии), не имеющие прочной методической основы, которые не могут использоваться даже в качестве дополнительных индикаторов.

Для эффективной и оперативной оценки современного развития инновационной и предпринимательской среды в российских университетах требуется разработка универсальной многокритериальной методики, некоторые направления в развитии которой были нами рассмотрены в настоящей статье.

Сливицкий А.Б.¹

начальник лаборатории ФГУП «ГосНИИАС»

ПРИОРИТЕТЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ЗАДАЧАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: знание, инновационно-технологическое развитие, компетенция, модернизация, мышление, образование, приоритет, система, системный анализ, системный подход, техника.

Keywords: knowledge, innovative and technological development, competence, modernization, thinking, education, priority, system, system analysis, system approach, technology.

В настоящее время в мире разворачивается четвертая промышленная революция. Происходит переход к шестому технологическому укладу. Семимильными шагами развиваются методы искусственного интеллекта, информационные технологии, цифровые услуги, робототехника. Формируются предпосылки становления инновационной экономики, экономики знаний.

Знаниеемкая экономика характеризуется высокими темпами накопления и применения технологических знаний, которые создаются в результате фундаментальных и прикладных научных исследований, технологического прогресса. В такой экономике социально-экономическое благополучие определяется масштабом инновационной деятельности; размером и ритмичностью инвестиций в образование и науку; цифровизацией государственного управления и государственных услуг; общим уровнем интеллектуально-информационного развития.

Знания становятся новым фактором производства. Они встают в один ряд с капиталом, землей, трудом. Знания – первейший ресурс инновационной экономики. Деятельность по генерации, систематизации, переработке, хранению и использованию знаний (в том числе для генерации новых знаний) становится отдельной принципиально новой отраслью экономики. Возможность создавать и эффективно использовать новое знание приобретает качественное значение и становится фундаментом экономического могущества, научно-технического и производственно-технологического суверенитета², конкурентоспособности государства.

Перечисленные социально-экономические новации обуславливают необходимость научного переосмысления существующей модели российской экономической системы, ее адаптацию к новой реальности и комплексную системную модернизацию.

Россия не может не участвовать или «просто участвовать» в межгосударственной гонке модернизационных проектов. Российская экономическая политика должна быть проактивной на всех направлениях и во всех аспектах. Россия должна совершить «технологический рывок». Умело воспользоваться формирующимися новыми возможностями инновационно-технологического развития и быть готовой противостоять новым вызовам.

Целью экономической политики должно стать формирование целостной высокоэффективной инновационной системы. Системы, основанной на оптимальном соотношении кейнсианских и монетаристских принципов государственного управления. Системы, ставящей во главу угла такие важнейшие факторы современного развития, как инновационно-технологические знания и человеческий капитал. Системы, в которой значительный объем финансирования, в том числе в форме государственно-частного партнерства³, направляется на образование, на интеллектуальное развитие подрастающих поколений. Ведь инвестиции в человеческий капитал, в обучение, в развитие кадров – это не пассивные расходы, а актив, инвестиции в будущее. А кадры, как известно, решают все!

Международное сообщество четко осознает необходимость смены приоритетов, в частности в образовании, определяемых задачами модернизации и инновационно-технологического развития. Так, еще в 1985 году исследователи из Академии наук Венгерской Народной Республики отмечали, что «развернувшаяся в наше время научно-техническая революция является революцией не только науки и производства, но и революцией культуры и соответ-

¹ Область научных интересов: системный подход, общая теория систем, системный анализ, моделирование и оценка эффективности организационных технико-экономических систем, авиационная деятельность, научно-техническая и инновационная деятельность, право интеллектуальной собственности, государственное право, формирование и эффективность реализации государственной политики.

² Сливицкий А.Б. Некоторые вопросы научно-технического и производственно-технологического суверенитета России // Проблема суверенности современной России: материалы Всероссийской научно-общественной конференции / Центр научной политической мысли и идеологии. – М., 2014. – С. 571–579.

³ Сливицкий А.Б. Государственно-частное партнерство в высокотехнологичных отраслях российской промышленности. // Российское государство и социально-экономические вызовы современности: сборник научных статей. Т. 1. – М: Проспект, 2015. – С. 557–567.

ственно «идеала образованности»¹. Отличительной особенностью формирующейся экономики знаний является ведущая роль образования – кузницы кадров для инновационной системы.

Российская система образования должна соответствовать вызовам времени. Несмотря на уже тридцатилетний цикл реформирования необходима новая актуализация образовательной системы. Ревизия приоритетов образования. В рамках российской системы образования должен быть сформирован образовательный стандарт подготовки выпускника, отвечающий требованиям экономики знаний.

Образованность при этом понимается как систематизированная сумма знаний и целесообразного поведения, с помощью которой человек способен²:

ориентироваться (в пространстве и во времени) в окружающей среде;

приспосабливаться активно к окружающей среде;

охранять и развивать окружающую среду, другими словами, так использовать скрытые в среде возможности, чтобы результат не только сегодня, а и в будущем отвечал бы интересам общества;

приобретать новые знания (совершенствовать свое поведение, повышать свою образованность).

Но образованность означает не только владение массивом дисциплинарных знаний школьной и/или институтской программы, но и умение выпускника действовать в различных нестандартных ситуациях. Она предполагает знание и применение методических подходов к изучению незнакомых явлений, владение методологией анализа сложных комплексных объектов, компетентность как аналитика, приобретенную и развиваемую в рамках непрерывного образования и самообразования, системное мышление.

Результат образования – это не только комбинация вложенных множеств усвоенного, обработанного, полученного и переданного дисциплинарного знания. Это еще и приобретенные устойчивые навыки по анализу информации, междисциплинарному синтезу и, как результат, получению стратифицированного знания. Навыки, важные для образованного человека, как субъекта информационного общества. Навыки по поиску, отбору, анализу, структуризации, систематизации, имплементации, кодификации³, накоплению и применению разнородных, полидисциплинарных знаний. Владение методами наблюдения, сравнения, измерения, эксперимента, абстрагирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и моделирования, идеализации, формализации, прогнозирования и оптимизации при разрешении проблемных вопросов научного, технического, экономического, социального, экологического и общественного процессов развития (и их системных объединений). При описании, объяснении, создании и управлении объектами произвольной природы, получении системно-теоретических и философских обобщений.

В качестве объектов, например, могут рассматриваться такие актуальные вопросы человечества, как антропогенное загрязнение природы, продовольственная проблема, построение глобальных моделей развития, человеко-машинное взаимодействие, искусственный интеллект, цифровизация, проектирование сложных технических систем (СТС), моделирование военных конфликтов и деятельности отдельных отраслей экономики.

Например, авиационная деятельность⁴, отражает в себе всю многомерность, сложность и комплексность подобного исследовательского объекта. Она представляет собой сплав научно-технического, инновационно-технологического, производственного, инвестиционного, социально-экономического, государственно-правового, политико-дипломатического и военно-стратегического взаимодействующих процессов общественного развития, так или иначе затрагивающих авиационную технику⁵. В ходе системных исследований авиационной деятельности привлекается трансдисциплинарный подход⁶, системный подход и общая теория систем⁷. Согласно академику АН СССР Д.М. Гвишиани «системный подход, общая теория систем и системный анализ представляют собой определенные аспекты, или стороны, современных системных исследований»⁸, системного движения.

Характеризуя системное движение системолог Л. фон Берталанфи пишет⁹: «Техника стала рассматриваться в категориях не отдельных изделий, а «систем», включающих в себя не только разнородные технические процессы – механические, электронные, химические и т.д., но и отношения между человеком и машиной, а также многочислен-

¹ Кишш И., Сюч Э. Техническое воспитание и системное мышление // Системные исследования: Методологич. пробл. Ежегодник, 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 293.

² Там же.

³ Кодифицированные знания сейчас становятся важнейшей составляющей экономического роста. Под кодифицированным знанием понимается четко структурированное, прикладное знание, которое имеет точное назначение и может быть применено в конкретной сфере производства или услуг. Кодифицированное знание – дорогой товар. Оно выступает не как простой набор данных о том или ином явлении, но как некая система фактов, ноу-хау, которое можно применить на практике для оптимизации различного рода процессов.

⁴ Сливицкий А.Б. Системный анализ понятия «авиационная деятельность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / ИНИОН РАН, Отд. научн. сотр.; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 326–332.

⁵ Жеребин А.М., Сливицкий А.Б., Попов В.А. Критерии и моделирование в задаче управления развитием авиационной деятельности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 23–26.

⁶ Сливицкий А.Б. К вопросу об идентификации трансдисциплинарного подхода в системных исследованиях авиации и авиационной деятельности // Научное значение трудов К.Э. Циолковского: история и современность. Материалы 55-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. – Калуга, 2020. – С. 343–344.

⁷ Сливицкий А.Б. Современный инструментальный прогнозирования и программирования развития авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2020. – С. 975–983.

⁸ Гвишиани Д.М. Материалистическая диалектика – философская основа системных исследований // Системные исследования: Ежегодник, 1979. – М.: Наука, 1979. – С. 12.

⁹ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник, 1969. – М.: Наука, 1969. – С. 30–31.

ные финансовые, экономические, социальные и политические проблемы. В результате воздушное или даже автомобильное сообщение не сводится к вопросу о том, сколько машин курсирует по дорогам, а представляет собой систему, которую необходимо планировать и специально создавать. Подобный характер носят многочисленные проблемы, возникающие в современном производстве, коммерции и в процессе создания военной техники».

Системный подход дает концептуальную основу для изучения процессов в различных сферах человеческого бытия: в биологии, в экономике, в технике. Каждая из перечисленных выше проблем общественного развития представима в виде некоторой сложной системы, для анализа которой, по профессору В.Н. Садовскому¹, «необходимо воспользоваться всем арсеналом существующих способов исследования, включая различного рода эвристические методы и приемы». Одним из таких методов является системный анализ, привлекаемый для изучения сложных объектов произвольной природы при их представлении в виде целостной системы. Владение методом системного анализа, системным подходом, общей теорией систем необходимо каждому образованному человеку.

Формируется новый тип научного взгляда на мир – системное мышление. Л. фон Берталанфи отмечает, что «системное мышление играет ведущую роль в широком диапазоне человеческой деятельности – от индустриального предприятия и средств вооружения до эзотерических тем чистой науки»². Системное мышление способствует заимствованию, переносу, трансферу идей, принципов, теорий, методов и концептуальных моделей из одной области знаний в другую, а также позволяет проводить широкое и продуктивное исследование проблемных вопросов. Во всех областях современного знания мы сталкиваемся с необходимостью анализа и синтеза сложных объектов, обладающих структурным единством, целостностью, системностью.

Согласно американскому системологу Дж.П. ван Гигу³ «системный подход был создан для удовлетворения потребностей исследователей при анализе и синтезе сложных систем». Перечислим и охарактеризуем некоторые из потребностей.

Потребность в структуризации. Одной из главных отличительных особенностей системных исследований является структуризация, то есть установление совокупности устойчивых связей частей декомпозированного объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. По Д.М. Гвишиани «именно структура придает системам необходимую целостность и определяет устойчивые характеристики системы, позволяющие отличать то, что мы называем системой, от объектов другого вида»⁴.

Потребность в упрощении и сложности. Существует насущная потребность обеспечить системного аналитика и лицо, принимающее решение (руководителя, государственного деятеля) методами работы – системной методологией – в условиях постоянного увеличения сложности решаемых ими задач. Понимание феномена сложности и соответствующее отношение к нему важны на всех уровнях абстрагирования, при решении всех задач и при учете всех ограничений, взаимосвязей и взаимозависимостей элементов стратифицированной системы⁵.

Потребность в объединении. Одной из системных задач является обеспечение совместной согласованной работы, координация всех подсистем, направленная на достижение целей системы в целом. Потребности частей и подсистем должны удовлетворяться, исходя из иерархии дерева целей. Первичной является задача удовлетворения потребностей системы при ее штатном функционировании по предназначению.

Потребность в оценивании. Любые предметы окружающей действительности и действия подлежат оцениванию. Все познается в сравнении. Системный подход предлагает широкий набор методов измерений и процедур оценки множества альтернативных вариантов и результатов имитационного моделирования их реализации. В настоящее время наиболее развит дуальный исследовательский метод «стоимость – эффективность» ($W - C$) или «эффект – затраты».

Сложный характер рыночной экономики, характеризующийся быстрой сменяемостью условий экономической деятельности и ускорением научно-технического прогресса, обуславливает важность учета динамического фактора времени, влияющего на быстроту внедрения научно-технических достижений⁶. Основным исследовательским критерий принимает вид триады: «эффективность – стоимость – время» ($W - C - T$)⁷, отражая триадный подход в теории систем и системном анализе.

Потребность в систематизации. Систематизация – мыслительная деятельность, в ходе которой исследуемые объекты организуются в некую систему на базе выбранного принципа. Один из основных видов систематизации –

¹ Садовский В.Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования: Ежегодник, 1979. – М.: Наука, 1979. – С. 45.

² Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник, 1969. – М.: Наука, 1969. – С. 30.

³ Гиг Дж., ван. Прикладная общая теория систем: Пер. с англ. – М.: Мир, 1981. – С. 688.

⁴ Гвишиани Д.М. Материалистическая диалектика – философская основа системных исследований // Системные исследования: Ежегодник, 1979. – М.: Наука, 1979. – С. 20.

⁵ Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973.

⁶ Сливицкий А.Б. Интерпретация критерия «эффективность – стоимость – время» в задачах управления созданием сложных технических систем // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 46–49.

⁷ Сливицкий А.Б. Интерпретация критерия «эффективность – стоимость – время» в задачах управления созданием сложных технических систем // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 46–49; Сливицкий А.Б. Критерий «эффективность – стоимость – время» в задаче управления созданием сложных технических систем // Научное наследие и развитие идей К.Э. Циолковского. Материалы 54 Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. – Калуга, 2019. – С. 109–111.

классификация, то есть распределение объектов согласно группам подобия и различия между ними. К систематизации приводит формирование причинно-следственных связей между изучаемыми фактами.

Потребность в оптимизации. Оптимизация заключается в нахождении наилучшего варианта действий, решения, структуры. Человек всегда стремится к оптимальности, к оптимизации своей деятельности. Это связано с проблемой ограниченности ресурсов.

Характеризуя процедуру принятия решения о выборе между созданием СТС за заданное время (проектирование под заданное время) и оптимизацией срока создания, следует отметить, что традиционной стала практика запаздывания сроков реализации программ создания СТС (например, авиационной техники). Поэтому экономически оправданной является минимизация срока создания СТС $T \rightarrow \min$.

Потребность в планировании. Планирование есть оптимальное распределение ресурсов для достижения поставленных целей. Планирование – это деятельность, связанная с постановкой целей (задач) и действий в будущем. Планирование построено по логической схеме «цели – пути – способы – средства» или схеме «цели – задачи – меры – мероприятия».

Потребность в управлении. «Организации – это открытые системы, которыми нельзя управлять, как СТС, лишь путем введения контуров обратной связи. Необходимо управление, использующее саморегулирование и элементы мотивации, которые обеспечивают движение системы в направлении, указанном задатчиком цели»¹. С позиций теории решений и теории управления это подразумевает выбор субъектом управления (ЛПР) оптимального закона движения системы в пространстве состояний. С точки зрения умственной работы это означает осуществление выбора из множества недоминируемых вариантов. Что же касается этического аспекта вопроса, то необходима совместная оценка целей собственно системы и их задатчика (ЛПР).

Системный подход должен давать ответы на все вопросы и удовлетворять все перечисленные потребности, а выпускник должен их знать и уметь применять на практике.

Более того, современный выпускник должен понимать, что он сам является сложным системным объектом. Объектом биосферы, техносферы, ноосферы. Как член общества он взаимодействует с им же созданными организациями и СТС, с которыми ему жить и в создании которых ему предстоит участвовать. Специфика системного изучения общественных процессов заключается в том, что объектом исследования становится общество как целостный организм, как сложная стратифицированная² динамическая система. В качестве предмета изучения могут рассматриваться общие закономерности развития и такие аспекты систем, как системные функции, иерархическая структура, элементный состав, внутрисистемные связи и взаимодействия, системообразующие факторы и т.п.

По Л. фон Берталанфи, «если дана некоторая цель, то для того, чтобы найти пути и средства ее реализации, требуется специалист (или группа специалистов) по системам, рассматривающий альтернативные решения и выбирающий те из них, которые обеспечивают оптимизацию, наибольшую эффективность и минимальные затраты в чрезвычайно сложных сетях взаимодействий»³. То есть в какой сфере жизни мы ни были бы заняты, к чему бы ни стремились, нам всегда придется иметь дело со сложными социально-экономическими, государственно-правовыми, политико-дипломатическими, военно-стратегическими, организационно-экономическими, организационно-техническими и другими системами. Действительность в XXI веке предстает перед выпускником не миром предметов, а миром эволюционирующих систем.

«Системные исследования в процессе их интенсивного развития во второй половине XX века убедительно продемонстрировали свою междисциплинарную природу»⁴, реализуя междисциплинарный методологический принцип СА. «Традиционное разделение науки <и образования>⁵ на классические научные <и образовательные> дисциплины перестало удовлетворять растущим потребностям современного научного познания. Сложные системы любой природы – социальные, экономические, правовые, биологические, психологические, технические и т.д. – не поддаются адекватному описанию в рамках одной традиционной научной дисциплины» (там же). Они адекватно описываются лишь междисциплинарными полимодельными комплексами, компетентным в концептуальном составлении которых должен быть каждый выпускник.

Например, ставшая уже традиционной, обыденной, задача конструирования СТС «человек – машина» по В.Н. Садовскому «требует решения большого комплекса собственно инженерно-технических, а также экономических, психологических и социальных проблем. Для успешного решения этой задачи недостаточно простого объединения усилий инженеров, экономистов, психологов, социологов и т.д., так как процесс создания СТС нельзя разбить на множество непересекающихся технических, психологических, экономических и других проблемных вопросов. Все они суть системные аспекты целого и взаимосвязаны в единой системе. Только междисциплинарный подход к ним, с самого начала ориентированный на системную связанность подлежащих решению проблем, в состоянии привести к успешному их разрешению. Аналогичная ситуация имеет место и относительно других современных системных объектов исследования»⁶. Авиационной, морской техники, например.

¹ Гиг Дж., ван. Прикладная общая теория систем: Пер. с англ. – М.: Мир, 1981. – С. 690.

² Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973.

³ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник, 1969. – М.: Наука, 1969. – С. 31.

⁴ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – С. 9.

⁵ Здесь и далее в угловых скобках приведены примечания автора.

⁶ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – С. 9.

Обозначенные нами кратко компоненты системной парадигмы специалистам хорошо известны, а до неспециалистов, к которым относятся российские школьники и студенты, системные представления доводятся, к сожалению, слабо. Проблема в том, что традиционные научные дисциплины (и строго соответствующие им образовательные дисциплины) очень инерционны и трансформируются под нужды практики чрезвычайно медленно. Классическое образование дает знания о «различных аспектах поведения интересующей нас системы в особых «лабораторных» условиях, специально исключающих перекрестные связи с явлениями, изучение которых является прерогативой других дисциплин», отмечает академик АН СССР Д.М. Гвишиани¹. В системных же исследованиях по изучению системных объектов такая изоляция принципиально невозможна. Необходимо введение новых принципов обучения и приоритетов образования.

Представляется, что обозначенная проблема может быть решена в рамках уже упоминавшегося нами компетентностного подхода путем концентрации образовательного процесса на еще одном стратегическом приоритете – системном анализе междисциплинарных проблем (балансировка учебной нагрузки подлежит отдельному обсуждению). В процессе получения образования выпускнику в рамках соответствующей компетенции «Системный анализ междисциплинарных проблем» должны быть привиты навыки системного аналитика, призванного решать сложные, нетривиальные задачи. Должно быть сформировано системное мышление.

Концептуально, образовательный стандарт компетенции «Системный анализ междисциплинарных проблем» должен содержать:

1) знания и понимание: понятийного аппарата системного анализа, включая понятия: «система», «элемент», «вход/выход», «связь», «черный ящик» и т.п.; системных принципов; признаков системы; классификации систем, системных структур и элементов систем; критериев оценки систем; поведения системы; управления; целей функционирования и развития системы; жизненного цикла системы; задач системного анализа; методики системно-структурного исследования; методов системного анализа;

2) навыки применения на практике: вычленения системы из окружающей среды; элементного состава системы; структуризации системы; признаков системы; критериев оценки системы; поведения системы; управления системой; целей функционирования и развития системы; жизненного цикла системы; методики системно-структурного исследования системы.

У выпускников школ системные знания и профессиональная компетенция «Системный анализ междисциплинарных проблем» должны быть начальными, а выпускников вузов – глубокими, «системными», позволяющими понимать всю сложность, иерархичность, комплексность окружающих объектов реального и цифрового мира, их знание-емкость и междисциплинарность. Именно такой стратегический приоритет развития должно носить образование в цифровую эпоху при формировании экономики знаний.

В качестве примера, демонстрирующего применимость предлагаемых в российской системе образования инноваций следует привести пространные выдержки, пересказ работы венгерских исследователей Иштвана Кишша и Эрвина Сюча «Техническое воспитание и системное мышление»².

Итак, в 1973 году под руководством Венгерской академии наук на базе общих системных представлений началась разработка концепции нового предмета. В условиях Венгерской народной республики он получил название «техника». К 1981 г. введение нового предмета значительно продвинулось. Новая концепция почти во всех отношениях получила организационное воплощение: подготовлены учебники и методические пособия, сформирована система обучения преподавателей на трех уровнях.

«Техника» понималась как самостоятельный предмет, находящийся в органической связи с другими учебными дисциплинами.

В процессе технического десятилетнего воспитания венгерских школьников предполагалось добиться того, чтобы каждый член подрастающего поколения (там же, с. 295):

а) знал основные законы общества, природы и техники, связи этих законов и процессов, определенных этими законами;

б) был способен использовать технические средства окружающей его среды;

в) был способен целесообразно и планомерно формировать окружающую его среду;

г) был способен рационально оценивать технические системы;

д) чтобы его поведением стали организованная человеческая деятельность, целенаправленное разрешение проблем;

е) знал и оценивал разные формы творческой работы и на основе этого выбирал себе профессию.

Предмет «техника» должен был способствовать воспитанию многогранно образованного человека, помогать в выборе профессии и давать подрастающему поколению возможность изменить профессию в случае необходимости.

Главными специальными принципами техники, прививаемыми обучающимся, были определены (там же, с. 296): целенаправленность; планомерность; экономичность; организация; системный подход.

В соответствии с целью предмета «техника» школьное обучение в течение 10–12 лет должно было привести учеников от игры к сознательно запланированной и выполняемой системно-аналитической деятельности, включаю-

¹ Гвишиани Д.М. Материалистическая диалектика – философская основа системных исследований // Системные исследования: Ежегодник, 1979. – М.: Наука, 1979. – С. 23.

² Кишш И., Сюч Э. Техническое воспитание и системное мышление // Системные исследования: Методологич. пробл. Ежегодник, 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 293–304.

шей выявление причинно-следственных связей, умение сформировать альтернативы, выбрать и обосновать решение, понимание системной схожести процессов функционирования и развития техники и общества.

Обучение должно было дать знания и навыки по анализу организационных систем, коммуникациям, процессам планирования, анализу неудач, представлению результата как части целой системы высшего порядка.

Предмет «техника» – в соответствии с особенностями возраста – был призван концентрировать внимание вначале на ориентацию в среде, на систематизированное приобретение знаний и на систематизацию приобретенных знаний. В ходе последующих процессов необходимо было формировать способность к осознанию проблемы, способность к формулированию проблемы и ее решению.

Предмет должен был сформировать понимание оценки коммерческой продукции на основе таких ее характеристик как: общественная польза, целесообразность, экономичность, красота, совершенство. В ходе такой оценки следовало опираться на экономические знания.

В приложении к работе (там же, с. 303–304) было приведено содержание трех учебных пособий. Процитируем без умолчаний.

«I. Содержание учебного пособия «Техника» для 1 класса гимназии. Авторы – М. Керестеши и Э. Сюч.

1. Преобразование вещества и энергии.

Преобразование вещества. Энергия. Энергоснабжение домашнего хозяйства. Производство энергии. Электрическая сеть. Сохранение энергии. Отношения между элементами. Система и подсистемы. Взаимодействие со средой. Поиск дефектов. Передача энергии. Ток. Изоляторы. Полупроводники. Первичные параметры. Изменение во времени. Экстенсивные параметры. Характеристики передачи. Выходная мощность. Непрерывный и дискретный выход. Характеристики системы.

2. Измерение.

Восприятие. Границы восприятия. Потребность в измерительных инструментах. Преобразование. Характеристика систем измерения. Объем и единицы измерения. Данные измерения. Ошибки измерения. Диоды (практические занятия).

3. Усилители.

Для чего нужно усиление? Выходная мощность. Электронные усилители. Магнитофон (описание).

4. Управление.

Действие системы. Проблема управления. Примеры управления. Блок-схемы управления. Релейные цепи (практические занятия). Программное управление. Использование магнитных носителей информации (практические занятия).

5. Замкнутые управляющие контуры.

Проблемы регулирования. Управляющие контуры. Обратная связь. Элементы контура с обратной связью. Примеры.

II. Содержание учебного пособия «Техника» для 4 класса гимназии. Авторы – Р. Вади, Э. Кирхкнопф, Э. Сюч.

1. Элементы.

Цели анализа систем. Представление об элементах. Выбор основных характеристик и подходов к анализу. Системотехника. Картирование процесса. Стандартизация элементов.

2. Системы.

Семья. Машина, Производство. Жилой дом. Транспорт. Информационные системы.

3. Большая система.

Подсистемы. Процессы. Город как пример большой системы.

4. История техники.

III. Содержание пособия для подготовки преподавателей по курсу «Техника и системы». Автор Э. Сюч.

1. Техника.

Определение техники. Техническая культура. Значение общей культуры. Представление о технической среде. Антитехнические ориентации. Технократическая ориентация. Система знаний техники как учебного предмета. Развитие техники.

2. Техника и научные дисциплины. Методы научных дисциплин. Метод техники.

3. Энергодинамика.

Состояние. Взаимодействие. Экстенсивные и интенсивные параметры. Параметры состояния. Равновесие. Математическая модель.

4. Система.

Определение системы. Теория систем. Системный подход. Функции системы. Структура системы. Системный анализ. Системный синтез. Типы систем.

5. Моделирование технических систем.

Определение модели. Типы моделей. Подобие. Техническое моделирование.

6. Типы проблем и задач в технике.

Задача и проблема. Определение проблемы. Метод решения проблем. Действие.

7. Техника как учебный предмет.

Необходимость предмета. Цели преподавания. Отношения к другим предметам. Специфические методы.

Таков итог работы венгерских методологов науки и методистов от образования. Прививание системных идей ведется через технику с привлечением обобщений на процессы общественного развития. Существует и преподается отдельный, самостоятельный предмет на протяжении всей десятилетней школьной программы.

В российской практике образовательный процесс идет по другому пути. Созданы, например, образовательный центр «Сириус» (г. Сочи) и федеральная сеть детских технопарков «Кванториум». Однако эти образовательные институты, при всей их полезности и продуктивности, реализуют модель дополнительного, факультативного, внеклассного, внешкольного краткосрочного углубленного дисциплинарного образования ограниченного числа учеников. Это, фактически, краткосрочное повышение квалификации, углубленное изучение одной из преподаваемых в школе образовательных дисциплин.

Ребят, например, учат создавать роботов. Но молодому поколению прививается, к сожалению, не системный подход, не системный анализ, не методология синтеза СТС, а чисто механистический подход к конструированию известных объектов из известных частей по известной методике. Речи о введении в школьную программу развернутого курса «техники» и формирования у подрастающего поколения системного мышления не ведется.

* * *

Таким образом нами обоснована необходимость формирования новой компетенции «Системный анализ междисциплинарных проблем», как стратегического приоритета развития российского образования и сформулирована концепция содержания образовательного стандарта этой компетенции.

Соболевская Ю.В.

к.ю.н., зав. отделом социолого-правовых исследований, Московский институт социологических исследований

О ВЛИЯНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Ключевые слова: юридическая наука; научно-внедренческая функция науки; конституционный процесс; конституционные изменения; эмпирические исследования; социологические методы; контент-анализ публикаций.

I. Постановка проблемы

2020 год, ознаменованный внесением изменений в Конституцию Российской Федерации и их принятием все-российским голосованием, побуждает задаться вопросом о роли юридической науки в этой политически значимой деятельности. Опубликовано немало работ о ходе обсуждения¹, о внесенных предложениях². Тем не менее, роль юридической науки остается недостаточно освещенной к настоящему времени. Какие наработки правоведов были использованы, а какие нет? Почувствовала ли общественность влияние юридического сообщества на конституционные процессы? Какова связь научных дискуссий с содержанием общественных дебатов в стране в 2020 г.?

Эти и другие подобные вопросы во многом обуславливаются накопившимися противоречиями между:

- возрастающим числом проблем в центре и регионах, заслуживающих правового регулирования, и недостаточным воздействием юридического сообщества на эти процессы³;
- остротой юридических оценок имеющихся проблем и несоответствующими этим оценкам выводами (зачастую противоположными);
- необходимостью использования эмпирического материала для аргументации юридических решений и сравнительно редкими эмпирическими исследованиями правовых процессов и правового поля;
- все более осязаемым заказом на практическую и научно-внедренческую функцию юридической науки и слабостью научных разработок в этом направлении.

Об актуальности обозначенных проблем свидетельствует комплекс обстоятельств:

- общественные потребности в конституционном закреплении политических и социально-экономических процессов в конце второго десятилетия XX века с целью уменьшения правового хаоса⁴;
- дискуссии в мировой науке о функциях научных исследований (критической, профессиональной, прикладной)⁵;
- повышение значимости методов сбора информации и интерпретации⁶;
- сохранение важности дискуссий о роли ученых и их идеологических установок, об инструментах влияния научного сообщества на общественные процессы⁷.

¹ Павел Крашенинников комментирует ход работы над поправками в Конституцию // Российская газета. – М., 2020. – 17 февраля. – С. 2–3; Поправки в Конституцию РФ обсудили на совместном заседании Президиума и Правления Ассоциации юристов России // Юридический мир. 2020. – № 3. – С. 3–4.

² См. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы основного закона // Государство и право. – М., 2020. – № 4. – С. 7–24; Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. – № 1. – С. 31–44; Трусов Н.А. О совершенствовании вопросов регулирования отдельных вопросов организации публичной власти: критический взгляд на отдельные вопросы техники и содержания проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. – № 4. – С. 22–25; Надин А.Н. Роль общественного мнения в принятии поправок к Конституции Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. – № 7. – С. 44–54.

³ «Государство развития»: модель плановой трансформации экономики страны и регионов: методы и практика реализации в Иркутской области : монография / С.Г. Левченко, Е.Б. Балашов, И.Е. Барсуков [и др.] ; под ред. С.Г. Левченко. – М.: Экономика, 2019. – 271 с.

⁴ Зорькин В.Д. Право против хаоса: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. – 368 с.

⁵ Буравой М. Принимая вызов глобальной социологии – от Гетеборга к Йокогаме // Социологический ежегодник, 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Гл. ред. Покровский Н.Е. – М., 2010. – С. 42–47; Першуткин С.Н. О новом содержании практических функций социологии управления // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений. 2014. – С. 84–85.

⁶ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук / Под ред. В.А. Туманова, В.П. Казимирчука. – М.: Прогресс. 1972. – 592 с.

⁷ Мертон Р. Наука и социальный порядок // Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – С. 750–766; Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч. 1. Курс лекций. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 60–68; Керимов Д.А. Общественная методология и методология права // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. – М.: Издательский дом «Академия», 2007. – С. 211–220.

Дополнительными факторами актуальности являются: процесс разрушения права под лозунгом цифровизации; активность виртуологов и цифровизаторов – дискредитация действующего права с помощью так называемой цифровой Конституции, регуляторных песочниц, роботов как субъектов права и других псевдоноваций, странных необоснованных инициатив, противоречащих сущности права. Благодаря техническим разработкам, в том числе с помощью компьютерных технологий, создается параллельная техносфера, но для ее лоббирования и легитимизации использует понятия реальности и социальности.

Отсюда цели данной статьи:

- исследовать реализацию юридической наукой научно-внедренческой (практической) функции, взаимосвязь научных разработок правоведов с конституционными изменениями;
- в обобщенном виде представить оценки и мнения ведущих российских правоведов – авторов публикаций на страницах журнала «Государство и право»¹;
- оценить обоснованность оценок и выводов, содержащихся в статьях, опубликованных в главном журнале российского юридического сообщества;
- в общем и целом обозначить вклад юридической науки в конституционные изменения.

С целью сбора необходимого эмпирического материала проводился контент-анализ публикаций юристов на страницах журнала «Государство и право».

Задачи контент-анализа:

- выявить, было ли сформировано к концу 2020 г. в юридическом научном сообществе консолидированное мнение относительно содержания Конституции и ее возможной коррекции;
- оценить, соблюдаются ли критерии научности исследований: есть ли опора на фактологические данные и т.п. При обосновании постановки проблемы использовались предыдущие работы автора².

II. Итоги контент-анализа публикаций³

Вследствие проведенного анализа выявлено: абсолютное большинство правоведов воспринимают Конституцию РФ широко и емко в виде не только правового, но политического и даже символического документа⁴.

Авторы статей в первую очередь выделяют достоинства Конституции, отмечая препятствия на пути ее реализации.

Самое распространенное мнение таково: Конституция РФ – хорошая, реализация – плохая (отдельные авторы прямо формулируют именно такое заключение). Радужно-оптимистические оценки действующей Конституции РФ присутствуют в 90% статей, тем не менее, выделяются и недостатки – в половине статей.

Палитра позитивных мнений об Основном законе РФ обширна и многообразна.

В одной трети публикаций среди достоинств Конституции РФ выделяются закрепление основ демократического правового государства, разделения властей, прав и свобод человека и гражданина.

Более чем в 15% публикаций отмечается, что Основной закон страны «сформировал базу для дальнейшего прогрессивного развития», «разорвал с прежними ценностями советского строя», «провозгласил народовластие», создал «основы социально-культурной идентичности народа, его интеграции на базе общественных ценностей», а его нормы «демонстрируют гибкость и приспособляемость».

Обращают на себя внимание и оригинальные авторские оценки в отношении Конституции РФ, а именно: «краткости и точности ее формулировок»; «исчерпывающей целостности положений о социально-экономических основах государственного строя»; «заданного вектора вхождения в европейское и мировое пространство», «отражения современных потребностей конвергенции международного и национального права»; «воплощения всех критериев

¹ Актуальность выбора источников информации для статьи определялась следующими обстоятельствами: высоким статусом авторов, поскольку на страницах данного журнала публикуются, как правило, самые авторитетные в юридической среде исследователи; высоким уровнем и качеством публикаций из-за повышенной требовательности редакции и практике предварительного рецензирования публикаций; предварительной апробацией в большинстве случаев публикаций на ранее состоявшихся в Институте государства и права РАН научных конференциях.

Таким образом, несмотря на ограниченное число проанализированных публикаций можно говорить, что именно они определяют лицо юридической науки и ее вклад в общественно-политические процессы, включая конституционные изменения.

² Соболевская Ю.В. Отношение к конституционным изменениям как критерий типологизации политико-правового сознания и поведения // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности», 20 мая – 14 ноября 2020 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2020. — С. 285–290; Соболевская Ю.В. Научные предпосылки конституционных изменений // Вестник государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2020. — № 27. — С. 305–313.

³ Текущий архив Отдела социолого-правовых исследований АНО «Московский институт социологических исследований».

⁴ Научная достоверность наших оценок и выводов гарантируется корректным применением социологической методики контент-анализа.

Контент-анализу подверглись 22 статьи журнала «Государство и право» временного интервала конец 2008 – начало 2019 г. Большинство статей написано к юбилеям Конституции РФ – 15, 20 и 25 лет. Общий объем публикаций составил примерно 28 п.л.

По итогам контент-анализа была выявлена высокая научная квалификация авторов. Все авторы имеют ученую степень доктора наук, почти 40% из них – звание заслуженного деятеля науки РФ и (или) заслуженного юриста РФ, 2 автора – член-корр. РАН и один – чл.-корр. РАО.

Оценки и выводы авторов в значительной мере отражают позицию вузовского юридического сообщества, поскольку три четверти из них являются преподавателями, 30% работают в научных учреждениях, 15% – в органах государственной власти.

национального позитивного права как универсальной нормативной целостности»; «преодоления противоположностей между индивидуальным и коллективным»; «закрепление гарантий внешнего и внутреннего суверенитета».

Что касается недостатков Конституции РФ, то самыми критикуемыми являются:

- несовершенство положений Конституции об организации государственной власти в Российской Федерации и о федеративном устройстве, (несбалансированное разделение властей, отсутствие контрольной, учредительной и избирательной власти, неравный статус субъектов Федерации) – в 20% публикаций);
- декларируемый приоритет частной собственности (отсутствие положений об ее ограничении и о возможной национализации, отсутствие объектов государственной собственности и народного достояния и т.п.) – в 15% публикаций;
- «нечеткость и завуалированность» ряда принципов, прежде всего о социальном и правовом государстве, их «декларативность и избыточная обобщенность» – в 15% публикации;
- противоречие концепции местного самоуправления и отсутствие главы о гражданском обществе – в 10% публикаций.

Помимо изложенного следует упомянуть и эксклюзивные авторские мнения о том, что Конституция РФ «не народная, а элитарная», об «исчерпании ее потенциала», об «отсутствии ответа на современные вызовы», о «не достижимости синтеза общечеловеческих и общенациональных ценностей».

Пристальное внимание авторов сосредоточено и на вопросах реализации Конституции, при этом положительные аспекты ее воплощения в жизнь четко обозначены примерно в одной трети публикаций (и еще в половине – неявно), в то время как недостатки реализации достаточно подробно выделены и раскрыты практически всеми авторами (95% статей).

Самое большое достоинство, по мнению авторов журнала «Государство и право», – это осязаемая роль Конституции в «стабилизации ситуации в стране» и в «преодолении социально-политического раскола» (что подчеркивается примерно в 20% публикаций). Помимо этого, авторами публикаций отмечается «демократический прорыв», «преображение российского общества на основе утверждения ценностей подлинного конституционализма» (примерно в 10% публикаций).

Перечень недостатков через призму восприятия Основного закона РФ гораздо обширнее:

- невысокое качество законодательства и правоприменения (в одной трети публикаций);
- нереализованность принципа социального государства и социальной справедливости – «обогащение одних на фоне обнищания других», «отсутствие реального народовластия» и «слабость гражданского общества», зависимость судебной власти (в одной четверти публикаций).
- несоответствие реальных прав и свобод провозглашенным, «правовой нигилизм россиян», над которыми «довлеет культура, менталитет и традиции прошлого» (15% публикаций);
- нереализованность заложенного в Конституции «принципа развития» (в 10% публикаций).

Наконец, отдельные авторы выделяют такие аспекты, как «разрушение народного хозяйства и рост коррупции, «идеологическая всеядность» и «освобождение от нравственных принципов».

Таким образом, просматриваются несовпадающие оценки, отсутствие единодушия и дефицит консолидированности.

Так, одни ученые вменяют в достоинство Конституции краткость и точность ее формулировок, другие – находят конституционные положения чересчур общими, абстрактными и нечеткими; одни видят в Конституции основы дальнейшего прогрессивного развития страны, другие – говорят об исчерпании ее потенциала и об отсутствии ответов на современные вызовы; кто-то из правоведов считает, что Конституция утвердила реальное народовластие, кто-то, напротив, подчеркивает элитарный характер Основного закона РФ; одни авторы критикуют излишние полномочия Президента, другие, напротив, полагают целесообразным провозгласить Россию президентской республикой; по мнению одних правоведов, в российском обществе наблюдается демократический прорыв, другие же считают реальные права и свободы далекими от провозглашенных; кто-то отмечает возросшую степень духовной свободы, а кто-то сетует об идейной неопределенности и ценностной всеядности сограждан.

Помимо разногласий разных авторов в оценках Конституции РФ и ее реализации, наблюдается и непоследовательность отдельных ученых в своих оценках. Так, один и тот же автор утверждает, что в Основном законе РФ закреплена реальная модель народовластия и одновременно в качестве серьезного недостатка выделяет отсутствие главы о гражданском обществе. Другой пишет о том, что Конституция РФ позволяет «на каждом историческом этапе уточнять условия общественного компромисса», и в то же время скорбит о «глубоком социальном расслоении российского общества». Еще один ученый считает, что именно Конституция РФ «осветила все «славные» дела 90-х годов, включая правление олигархии», а в итоге таких жестких оценок предлагает организовать научные исследования по ее развитию, совершенствованию и повышению роли. Другой правовед утверждает, что «общество не получило практически ничего из провозглашенного в Конституции РФ», и тут же вполне серьезно предлагает установить ей памятник.

Помимо того, коснемся характера авторской аргументации. Наиболее популярным является сравнительно-правовой и политический характер аргументов – в двух третях публикаций. В одной трети статей используются отдельные статистические данные, примерно в стольких же – приводятся исторические факты. Лишь только в одной публикации содержатся социологические данные. Из этого можно сделать вывод, что характер изученных нами работ является скорее описательно-констатирующим, нежели аналитическим.

Что касается выводов и предложений по результатам авторских исследований, то они содержатся только в двух третях статей. Совпадений авторских мнений здесь также не наблюдается. Так, предлагается принять новую Конституцию РФ – в 15% статей, внести некоторые поправки в действующую (в основном, связанных с совершенствованием регулирования вопросов собственности, организации публичной власти, федеративного устройства) – примерно в од-

ной трети публикаций. В 20% статей содержатся предложения, связанные с проведением научных исследований и разработкой теорий. Наконец, в одной статье проводится идея упразднить Конституцию и заменить ее на общественный договор и еще в одной – поставить ей памятник-монумент и начертать слова «Свобода, равенство, справедливость».

Тематика процедуры изменений в Конституцию затрагивается примерно 20% публикаций. О необходимости организации широкого общественного обсуждения говорится в 10% статьях. Один из авторов высказывает мнение о том, что проект Конституции (или даже несколько проектов) должно предлагать научное сообщество, прежде всего, Межрегиональная ассоциация конституционалистов.

Отдельно следует рассмотреть предложения известных правоведов по проведению научных исследований, которые содержатся примерно в 20% публикаций. Это – предложения по «исследованию специфики государственной власти в России», «специфики правосознания россиян», «эффективности Основного закона РФ». Мнения авторов здесь разделились: двое из них считают необходимым междисциплинарный характер исследований с привлечением социологии и других социальных наук¹, еще двое полагают возможным справиться силами одной юриспруденции².

Что касается правовых и государствоведческих теорий, то их разработкой озабочены авторы 15% публикаций, проявившие солидарность в понимании необходимости некоей синтетической теории (позволяющей «синтезировать идею индивидуальной свободы и социальной солидарности», «идею стабильного правопорядка со свободой личности»).

Пристального внимания требуют библиографические ссылки и списки к статьям. Из проанализированных статей библиография содержит работы исключительно правоведов почти в половине работ, в другой половине – также представителей и других наук. Здесь распределение складывается следующим образом: философских ссылок – в одной трети статей; социологических – в 15% публикаций; политических – в 10% статей, столько же экономических и исторических.

Помимо научных работ используются также публицистические – в половине статей, классики юриспруденции и государствоведения и классики марксизма-ленинизма цитируются примерно в одной трети статей, ссылки на художественную литературу присутствуют в 10% статей. В одной статье есть даже ссылка на Евангелие.

Работы зарубежных авторов (на языке оригинала или переводные) используются в половине публикаций.

Обобщая, зададимся вопросом: что помешало авторам проявить смелость, ведь в устных выступлениях на научно-практических конференциях звучали и звучат значительно больше претензий к Конституции РФ, в том числе тех же авторов?

Проявленная робость федеральной власти при внесении поправок, увы, базируется на невнятной позиции юридического сообщества и противоречивости оценок и мнений авторитетных правоведов. Если принять к сведению, что на страницах журнала публикуются самые авторитетные исследователи-юристы, самые опытные и влиятельные, то за этим можно увидеть общее состояние юридического сообщества страны.

III. Обобщения и задачи

Юридическая наука сыграла недостаточную роль в подготовке конституционных изменений и в содержании общественных дискуссий 2020 г. – это главный вывод.

Среди препятствий на этом пути оказались для многих правоведов нераздельные оценки высокой роли Конституции как таковой и конкретной Конституции Российской Федерации 1993 г. Отсюда неоправданный оптимизм и даже восторженные оценки, хотя речь идет зачастую об абстрактных правовых конструкциях, о формальной роли конституционного документа.

Критические оценки, увы, не получают завершения в виде выводов и предложений, а порой предпосылки анализа даже противоречат окончательным выводам. Думается, что эта проблема не только логическая.

Несмотря на то, что абсолютное большинство юристов воспринимают Конституцию широко и емко (в виде не только юридического, но и политического и даже символического документа), тем не менее, при оценках содержания Основного закона доминируют узко-юридические и во многом формальные или номинальные подходы. Иначе говоря, просматривается разрыв между сознанием правоведов и их поведенческими характеристиками. Признают одно, а акцентируют внимание в практической плоскости на другом. Здесь проблема не только юридическая, но социолого-правовая, социолого-психологическая, о чем справедливо пишет чл.-корр. Ж.Т. Тощенко, раскрывая специфику кентавризма³.

Общественное же мнение, в том числе новое поколение юридического сообщества более остро видит характер накопившихся проблем, необходимость радикальных изменений, и здесь видится не только разрыв юридических и общественно-политических оценок, но и поколенческий разрыв.

О необходимости и важности новой Конституции говорили и говорят как левые, так и правые в российском обществе, как системная, так и несистемная оппозиции. В многочисленных публикациях детально раскрыты предпо-

¹ Утверждая, что научные выводы далеко не всегда могут воплотиться в юридических формулировках, один из правоведов считает, что специфика государственной власти в России нуждается в научных исследованиях с социологических и государствоведческих позиций.

² Так, один из ученых предлагает проводить исследования общесоциальной значимости Основного закона РФ с позиций теории государства и права и конституционного права и с использованием «иногда нестандартных подходов».

³ Тощенко Ж.Т. Кентавр-идея как деформация общественного сознания // Социологические исследования. – М., 2011. – № 12 (332). – С. 3–12.

сылки и поводы, но из-за невятной позиции юридического сообщества федеральная власть в 2020 году не услышала и не увидела всю глубину и масштаб назревших проблем.

Юридическое сообщество продемонстрировало не только нечувствительность к общественно-политическому запросу, но и социологическую неинформированность и отстраненность, а может быть и социологическую некомпетентность.

Разрыв между правоведением и обществом периодически напоминает о себе. Скажем, практические юристы в октябре 2019 г. на масштабный юридический форум отказались приглашать представителей юридической науки, обозначив тематику форума: «Юридическая практика», пытаясь самим разобраться в формате научной самостоятельности.

Сегодня российская юридическая наука находится в ситуации выбора: или дистанцироваться от социума или пойти навстречу ему, отвечая на вызовы, укрепляя связи с жизнью и учитывая общественные потребности.

Здесь просматриваются задачи по преодолению теоретической рыхлости и слабости фундамента междисциплинарности, незавершенности формирования социологии права (юридической социологии) как междисциплинарной отрасли знаний, более жесткой реакции на действия отдельных юридических чиновников, вычеркивающих из программ научных конференций социолого-правовые темы.

Все эти проблемы заслуживают самого пристального анализа. Высказанные авторами журнала предложения по конституционному развитию обозначают возможное русло развития Конституции РФ страны и точки концентрации усилий междисциплинарного исследовательского сообщества.

Субанов Т.Т.

к.э.н., доцент, директор Департамента международных связей и инвестиций, Ошский гуманитарно-педагогический институт, Кыргызстан

stursun@inbox.ru

Зарипова Д.

преподаватель, Ошский гуманитарно-педагогический институт

ПЛАНИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ВУЗА НА ОСНОВЕ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ВЫБОРОЧНЫХ ДАННЫХ

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, система образования, реорганизации системы образования, стратегии развития образования, эффективность деятельности, уровень зарегистрированных безработных по степени образования, экстраполяции, метод наименьших квадратов.

Keywords: socio-economic development, the education system, the reorganization of the education system, strategies for the development of education, performance, the level of registered unemployed by degree of education, extrapolation, the method of least squares.

Социально-экономические изменения, происходящие в последние годы в Кыргызстане, дали возможность реализации некоторых подходов к реорганизации системы образования. Несмотря на это, в последние годы система высшего профессионального образования Кыргызстана переживает тяжелые времена. Это подтверждается словами Премьер-министра КР М. Абылгазиева на первом заседании экспертной группы по комплексному обсуждению Стратегии развития образования 2021–2040 и подготовке предложений по его развитию: «Ошибкой было то, что мы рассматривали систему образования без увязки с экономикой. После получения диплома многие студенты не могут найти работу. Поэтому система образования должна быть неразрывно связана с экономикой. Здесь важную роль играет и качество получаемого образования»¹.

В связи с этим министр образования и науки К.А. Исаков в публичных докладах и в прессе представил реальное состояние системы образования Кыргызстана на сегодняшний день. В своих выступлениях он значительное внимание уделял особенностям образования в условиях рыночных отношений. В связи с этим на совещаниях с ректорами вузов Кыргызстана он указал направления необходимой реорганизации системы образования. Необходимость этих стратегических направлений в процессе реорганизации подтверждается и Премьер-министром КР М. Абылгазиевым. По его мнению, система высшего профессионального образования должна ориентироваться на рынок труда, и в связи с этим он посоветовал рассмотреть вопросы стратегического развития вузов. В выступлении на первом заседании экспертной группы по комплексному обсуждению Стратегии развития образования 2021–2040 и подготовке предложений по их развитию он отметил, что «в профессиональном образовании требуется ориентация учебного процесса на результат. Выпускник должен быть востребованным на рынке труда»². Он отметил также, что руководители вузов должны руководствоваться такими принципами современного образования, как интернационализация и демократизация. При этом возникает необходимость освоения современных методик управления, которые дают возможность повысить эффективность деятельности учреждения и руководителя. По мнению П. Друкера, «существует пять основных методик, «пять привычек», которые необходимо выработать руководителю, чтобы эффективно работать:

- Эффективные руководители знают, на что расходуется их время;
- Эффективные руководители концентрируются на достижениях, выходящих за рамки их организаций;
- Эффективные руководители развивают сильные стороны – свои собственные, своих начальников, коллег, подчиненных;
- Эффективные руководители сосредотачиваются на нескольких крупнейших областях, где отличная работа приведет к выдающимся результатам;
- Наконец, эффективно работающие руководители принимают эффективные решения...

Необходима правильная стратегия, а не изобретательные приемы»³.

На основе этого, можно сделать вывод о том, что современный руководитель вуза должен быть менеджером, который не только работает с людьми, отвечая за их профессиональные достижения, но и является организатором и координатором деятельности учреждения на рынке. На наш взгляд, на сегодняшний день наличие высокопрофессиональных менеджеров – руководителей вузов является решающим условием эффективности деятельности.

¹ Кут билим. 2019. – № 46. – С. 4.

² Там же.

³ <https://ru.citaty.net/temy/strategiia/>

Сегодня многие вузы, не задумываясь о развитии учреждения, живут текущими проблемами. Главное для таких вузов – это получение прибыли. По мнению министра образования и науки КР К.А. Исакова, образовательные учреждения не должны ставить перед собой единственную цель – получение прибыли.

Состояние высшего профессионального образования характеризуют данные, представленные табл. 1¹.

Таблица 1

Основные показатели по высшему профессиональному образованию КР с 2011 по 2018 гг. с учетом некоторых социально-экономических показателей

Наименование показателей	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество вузов, ед.	54	54	55	53	52	50	51	51
Численность учащихся вузов, чел.	239 208	231 562	223 241	214 410	199 505	175 430	161 406	164 585
Прием абитуриентов в вузы, тыс. чел.	51,8	33,1	35,4	31,7	29,8	29,3	30,3	31,5
Выпуск студентов вузов, тыс. чел.	41,8	41,7	41,3	40,8	41,7	52,8	48,9	33,1
Прожиточный минимум по КР, сом в мц.	4390,02	4341,15	4599,21	4981,51	5182,99	4794,34	4900,79	4792,54
Средняя заработная плата работников образования, сом.	6682	7999	7799	6252	5955	5947	5935	6644
Число вновь созданных рабочих мест в образовательных учреждениях, штат. ед.	3386	1866	2449	2140	2497	1924	2244	2584
Численность зарегистрированных безработных по КР, всего, чел.	61 074	60 367	58 397	58 246	56 010	55 579	57 578	70 869
Из них, с высшим образованием	7117	7506	7468	7964	6961	7198	6503	5691
Число занятых в сфере дошкольного и школьного образования, чел.	79 149	79 709	78 899	78 044	81 222	85 886	87 924	85 333
Число занятых в общеобразовательных организациях для детей со специальными нуждами	660	606	472	510	497	516	519	509

Согласно данным, приведенным в табл. 1, с 2011 года по 2018 год количество вузов в Кыргызстане сократилось на 5,55%, численность учащихся – на 31,19%, прием абитуриентов – на 39,19% и выпуск студентов – на 20,8%. При этом средняя заработная плата у работников государственных образовательных учреждений с 2011 по 2018 год почти не изменилась. Разница между заработной платой работников образования и прожиточным минимумом по Кыргызстану составила в 2011 году – 34,3%, а в 2018 году – 27,86%. Это означает, что работники образования живут на уровне бедного населения страны. В свою очередь этот факт объясняет низкий уровень трудоустройства в сферу образования. К тому же, например, в 2018 году выпуск студентов вузов составляет 33,1 тыс. человек, а вновь созданных рабочих мест было 2584. При этом количество людей предпенсионного возраста в 2018 году составляло всего 14,5% (12 448 чел.). Реальная разница между числом выпускников и требуемым количеством педагогов составила 18 069 человек. Из них в качестве безработных зарегистрировалось 5691 человек. Судьба оставшихся 12 378 человек остается неизвестной. Этот факт и объясняет причину роста числа безработных с высшим образованием. Поэтому, на наш взгляд, при распределении квот на обучение необходимо выявлять объем спроса работодателей (государственных дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, спецшкол) на конкретные специальности по регионам.

Современный руководитель вуза должен быть менеджером и маркетологом. Он должен иметь возможность управлять рынком труда на основе экстраполяции. Умение руководителя вуза прогнозировать дает ему возможность предотвратить ошибки при принятии решений. Например, в нашем случае необходимо прогнозировать уровень безработных, имеющих высшее образование. Численность зарегистрированных безработных по степени образования среди постоянного населения Кыргызстана представлена в табл. 2.

Таблица 2

Численность зарегистрированных безработных по уровню образования среди постоянного населения Кыргызстана, в %.

Уровень образования	Численность зарегистрированных безработных, чел. / в % к данным базового года							
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	61074/ 100%	60367/ 98,8%	58397/ 95,61%	58246/ 95,4 %	56010/ 91,7%	55579/ 91,0%	57578/ 94,27%	70869/ 116,0%
Из них, высшее	7117/ 11,6%	7506/ 12,43%	7468/ 12,78%	7964/ 13,67%	6961/ 12,42%	7198/ 12,95%	6503/ 11,29%	5691/ 8,03%

Теоретически численность зарегистрированных безработных по степени образования среди постоянного населения Кыргызстана можно прогнозировать одним из методов экстраполяции. В частности, для прогнозирования на среднесрочный период из методов экстраполяции мы используем систему расчета наименьших квадратов. Для производства расчета используем статистические данные по численности зарегистрированных безработных по степени образования среди постоянного населения Кыргызстана с 2011 по 2018 год. Далее определим временную последовательность путем нумерации периодов базы прогноза. Согласно теории расчетные значения ряда U_r можно определить по формуле:

¹ Кыргызстан в цифрах / Нацстатком КР. 2019. – <https://stat.kg/>

$$Y_{t+1} = a \cdot x + b, \quad (1)$$

где, $t+1$ – выбранный период прогнозирования, Y_{t+1} – прогнозный показатель, a и b – принятые коэффициенты, x – условное обозначение времени.

Согласно Н.В. Новиковой¹ коэффициенты a и b определяются по следующим формулам:

$$a = \frac{\sum_{i=1}^n (Y_{fi} \cdot X_i) - (\sum_{i=1}^n Y_{fi}) \cdot (\sum_{i=1}^n X_i) / n}{\sum_{i=1}^n X_i^2 - (\sum_{i=1}^n X_i)^2 / n} \quad (2),$$

$$b = \frac{\sum_{i=1}^n Y_{fi}}{n} - \frac{a \cdot \sum_{i=1}^n X_i}{n} \quad (3),$$

где, Y_{fi} – условное обозначение ряда динамики по фактическим значениям;

n – число уровней.

По данным о численности зарегистрированных безработных по степени образования среди постоянного населения Кыргызстана:

$$a = -0,374 \text{ и } b = 13,58$$

Далее определяем прогнозное значение на следующие годы:

$$Y_{f2019} = -0,374 \cdot 9 + 13,58 = 10,214;$$

$$Y_{f2020} = -0,374 \cdot 10 + 13,58 = 9,84;$$

$$Y_{f2021} = -0,374 \cdot 11 + 13,58 = 9,46.$$

Результаты по численности зарегистрированных безработных по степени образования среди постоянного населения Кыргызстана с 2011 по 2018 год представлены в табл. 3.

Таблица 3

Расчет средней относительной ошибки по методу наименьших квадратов, %

Годы	Уровень безработицы, Y_{fi} %	Условное обозначение времени, X	$Y_{fi} \cdot X$	X^2	Y_p	Расчет средней относительной ошибки, $\frac{ Y_{fi} - Y_p }{Y_{fi}} \cdot 100, \%$
2011	11,6	1	11,6	1	13,206	-13,7
2012	12,43	2	24,86	4	12,832	-3,2
2013	12,78	3	38,34	9	12,458	2,5
2014	13,67	4	54,68	16	12,084	11,6
2015	12,42	5	62,1	25	11,71	5,7
2016	12,95	6	77,7	36	11,336	12,4
2017	11,29	7	79,03	49	10,962	2,9
2018	8,03	8	64,24	64	10,588	-31,8
Итого	95,17	36	412,55	204		-13,6
Прогноз 2019	10,214	9				
Прогноз 2020	9,84	10				
Прогноз 2021	9,466	11				

Далее произведем расчет средней относительной ошибки по следующей формуле:

$$\varepsilon_{\text{ср}} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n \frac{|Y_{fi} - Y_p|}{Y_{fi}} \cdot 100, \quad (4)$$

$$\varepsilon = -13,6 / 8 = -1,7 \% < 10\%.$$

Это говорит о том, что точность – высокая.

Проведенный анализ показал, что для устранения дисбалансов среди экономически активной части населения необходимо осуществлять мониторинг рынка труда. В связи с этим, на наш взгляд, в настоящее время планированием квот приема студентов в вузы должен заниматься аналитический отдел при Министерстве образования и науки КР, который должен на постоянной основе анализировать состояние рынка труда по регионам. На основе полученных результатов и должны распределяться квоты по вузам регионов. С учетом всех этих фактов вузы могут эффективно разрабатывать и реализовывать стратегии своего развития. Соответственно, реконструкцию системы высшего профессионального образования необходимо начинать с перестройки самой системы управления на основе метода экстраполяции, которая дает возможность представить перспективы развития.

¹ Новикова Н.В., Поздеева О.Г. Прогнозирование национальной экономики. – Екатеринбург, 2007. – 138 с.

Сухарев О.С.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ключевые слова: правила поведения, наука, институциональные коррекции, конкуренция по стандартам, внешний положительный эффект науки, измерение научных результатов.

Keywords: rules of behavior, science, institutional corrections, competition by standards, external positive effect of science, measurement of scientific results.

Введение

Наука как сфера человеческой деятельности превратилась в мощный фактор современного экономического развития, потому что она формирует технологические преимущества, определяя в длительном периоде конкурентоспособность страны, обеспечивает экономику новыми знаниями¹. Передовые в экономическом развитии страны имеют развитую науку, отлаженную систему ввода научных разработок в производство и превращения их в технологии, управляют процессом создания знаний². Правила организации науки³ влияют на то, как осуществляются научные исследования, насколько быстро их можно использовать для проведения дальнейших исследований и внедрять в производство. Эти правила можно определить как внутренние, которым подчиняются научные работники, выполняя те или иные виды работ, и внешние, которые регулируют взаимодействие научных результатов или научных групп с теми субъектами, кто потенциально может использовать научные разработки или заказывает их. Если указанные два вида правил плохо отрегулированы, либо расстроены, часто пересматриваются, слабо состыкованы, иногда противоречат друг другу, то возникает явление дисфункции этих правил (институтов) и науки как организованного вида деятельности. Итогом становится снижение результативности науки как таковой и уровня внедрения полученных достижений. Дисфункция науки⁴, охватывающая институты науки, свидетельствует о некоем уровне кризисного состояния науки как вида деятельности. Например, о таком состоянии говорит снижение числа исследователей и научных работников, снижение выхода специалистов из аспирантуры и докторантуры, сокращение числа диссертаций, повышение затрат на доведение результатов исследований до общественности, производства, на защиту диссертаций, сокращение научных школ и направлений и т.д. Кроме того, низкий уровень материального обеспечения ученых, трудные условия социальной жизни и проводимые реорганизации научных подразделений, а также перманентное изменение финансовых назначений – все это подтверждает наличие проблем развития науки. Неоднородность науки и неравномерное распределение ученых и научных школ приводит к тому, что в мире имеются центры передового знания, и, одновременно, «периферия знаний». Для экономического лидерства необходимо обладать научными центрами первого типа, но формирование таких центров требует решения вопросов кадрового обеспечения. Носители знания – люди, поэтому переманивание специалистов становится важным механизмом в решении указанной задачи⁵.

Экономические и социальные изменения, которые стали весьма скоростными, заставляют пересматривать подходы и в области организации развития науки, оценки научной деятельности. Во всяком случае, именно такие обоснования даются необходимости институциональных преобразований в науке как виде деятельности, причем потребность в них доказывается некой целесообразностью, диктуемой изменениями в мире, технологиях, социуме. Однако насколько справедливы такие обоснования, кто и как должен осуществлять изменение правил организации научной деятельности, и в чем должна состоять оценка научного труда, насколько согласована такая подстройка науки под текущую необходимость с природным свойством автономности научной деятельности? Не приводят ли институциональ-

¹ Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения. – М.: Наука, 2005. – 464 с.; Мильнер Б.З. Управление знаниями в современной экономике. – М.: ИЭ РАН. 2008. – 88 с.

² Al-Emran M., Mezhyuev V., Kamaludin A., Shaalan K. The impact of knowledge management processes on information systems: A systematic review // International Journal of Information Management. 2018. – Vol. 43, December. – P. 173–187; Costa E., Soares A., Pinho de Sousa J. Information, knowledge and collaboration management in the internationalization of SMEs: A systematic literature review // International Journal of Information Management. 2016. – Vol. 36, N 4, August. – P. 557–569; Porrini P., Starbuck W. Information and Knowledge, Organizational // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd ed.). 2015. – P. 72–76.

³ Сухарев О.С. Ученость, ученые и образование: элементарные правила и поведение // Инвестиции в России. 2006. – № 10. – С. 24–34; Сухарев О.С. Образование и наука России: уничтожающий формализм реформ и спекуляции на инновациях // Бюллетень в защиту науки / Под ред. акад. Э.П. Круглякова. 2009. – № 6. – С. 99–104.

⁴ Сухарев О.С. Система науки: дисфункция управления и ее преодоление // Инвестиции в России. 2015. – № 7–8. – С. 2–17.

⁵ Мильнер Б.З. Управление знаниями в современной экономике. – М.: ИЭ РАН. 2008. – 88 с.; Сухарев О.С. Экономика знаний: перспективы технологического рывка // Экономика. Налоги. Право. 2020. – № 2. – С. 16–33.

ные преобразования к снижению эффективности науки, а не ее повышению, и вообще, какую работу в науке можно считать эффективной? Проблема состоит в том, что финансовые и экономические критерии эффективности к науке вряд ли могут быть применены, потому что научный результат может не обладать текущим измерением, он сиюминутно не поддается измерению, тем более с позиции сопоставления дохода и затрат. Если по затратам на получение результата некая оценка вполне возможна, то оценить правильно выгоду, доход, обычно не представляется возможным. Особенно это относится к фундаментальным научным результатам. Например, некие теоремы, полученные соотношения, формулы, могут не решать никаких задач для производства, но они являются таким важным промежуточным результатом данной науки, без которого дальнейшее наращивание знаний невозможно – и уже спустя годы, вероятно, это приведет к открытию новых видов деятельности и отраслей. Применение рационалистического критерия к такому научному результату, который сегодня не очевиден, но спустя время становится основополагающим и только тогда что-то даст практике, не поддается оценке финансовыми и экономическими критериями эффективности.

В связи с этим, смена правил поведения в науке – по какой причине она должна происходить? Что заставляет правительства влиять на свою науку так, что изменяются базисные правила работы, которые сильно влияют на саму научную работу, причем совсем не очевидно, что в лучшую сторону. Именно такая постановка проблемы мне представляется основной, особенно, если учитывать перманентное реформирование науки в России. Далее рассмотрим возникающие институциональные проблемы в ходе реформирования науки в России, предварительно осуществив общий анализ такого явления как институциональная конкуренция, которая имеет принципиальное значение в функционировании таких сфер деятельности как наука, образование, здравоохранение и других социальных областей.

1. Институциональная конкуренция и реформы науки – новые формы противодействия

Если имеются объективные трудности в оценке эффективности научного результата (о них сказано во введении, где речь идет о фундаментальных научных результатах¹), то оценить назначение исследования, как и его финансирование, могут только те, кто имеет представление об ожидаемом результате. Эти агенты могут понимать, что он [результат] может быть не получен, даже если выделяется финансирование на его достижение согласно запросу. Условие науки, повышение ее диверсификации сказывается на подготовке кадров в том смысле, что узкие специалисты по данному направлению науки не многочисленны. Иные ученые вообще могут иметь существенные трудности с объективной оценкой ожидаемых результатов по данному направлению науки, не говоря уже о том, что сами нуждаются в выделении финансирования по своим направлениям, и, тем самым, конкурируют, пусть и не столь очевидно, за ограниченные ресурсы. В связи со сказанным любая форма финансирования, например гранты на конкурсной основе, либо целевое финансирование заказа от правительства не лишены указанного имманентного для функционирования науки недостатка. Причем этот недостаток с развитием науки «вширь» за счет множества узких научных направлений, требующих особой специализации ученого в них, будет только усиливаться.

Таким образом, проблема выделения общего ресурса на науку, включая все ее воспроизводимые в стране и потенциально способные к развитию направления, а также проблема распределения ресурса между совокупностью научных направлений и школ в рамках каждого сохраняет свою остроту и не может быть признана решенной. Конкурсный характер распределения ресурса можно как-то обеспечить в рамках узкого научного направления, но никак не между различными направлениями как таковыми, даже в рамках одной науки. Хотя конкурсный механизм распределения не исключает встроенной в него завуалированной конкуренции² (эксперт может принадлежать к другой школе, например, завидующей выделению ресурса в пользу данного направления). Сам конкурс предполагает разработку и постоянную модификацию множества правил и формальных документов, которые увеличивают транзакционные издержки выделения ресурса на проведение научного исследования, а заложенная фундаментальная неэффективность конкурентной процедуры по многим причинам не означает сохранения необходимых научных направлений. Тем более, что многое зависит не от конкурса как такового, а от общей величины ресурса, которым располагает фонд, осуществляющий их распределение в научной сфере согласно неким критериям. Стохастический характер этого процесса, как и перманентная смена правил, излишняя формализация наносят вред развитию науки. Причем общий итог детерминирован как раз общей величиной выделяемого ресурса. Чем она ниже, тем выше издержки конкурсных процедур с вытекающей невысокой эффективностью распределения этих ограниченных ресурсов.

Изменяя правила функционирования организаций науки, обычно не учитывают издержки на смену правил и адаптацию к ним, а также повышение формализма с вводом новых или заменой старых правил. Вопрос относительно адекватности и необходимости такой замены обычно не поднимается. Обоснование целесообразности институциональных реформ обычно прячется за размытые формулировки «повышения эффективности науки», «наука должна дать производству», «нужны разработки мирового уровня». Последняя фраза, как правило, является диагностической, то есть отражает факт отставания от этого некоего, неизвестно как измеряемого³, но мирового уровня.

¹ Они отличаются от результатов в области НИОКР тем, что НИОКРы могут финансироваться конкретным заказчиком, частником, который предъявляет спрос на результат, что отражается в техническом задании на выполнении НИОКРа. В договоре может оговариваться и случай финансирования, если такой результат не будет достигнут в полном объеме.

² А иногда и явной, так как анонимность заявок не означает отсутствия распознавания научного направления и его авторов, а отдельные заявки предполагают очную оценку.

³ Вопросы относительно измерения результативности науки не могут на сегодняшний день быть признаны разрешенными, имеющими убедительные ответы.

Однако если имеется цель что-то повысить, надо иметь количественный показатель того, что необходимо повысить. Если наука должна дать, требуется четко понимать, что именно дать, что же накоплено, что можно создать, чтобы дать, и главное – где берущий, имеется ли тот, кто может взять, даже то, что имеется у науки. Эти аспекты представляются мне центральными не только в диагностике состояния современной науки, но и в вопросах экономики науки, а также управления научно-техническим развитием. Если секторы фундаментальной науки имеют заказы правительства, либо функционируют посредством грантов (обычно присутствуют обе формы¹), что также в значительной мере представляет собой бюджетный ресурс, то не совсем ясно, как эти полученные научные результаты могут даваться, скажем, частной промышленности. Результаты НИОКР могут быть проданы, если частник их заказал, и могут быть проданы даже в том случае, если он их не заказывал, но они были получены и составят в дальнейшем интерес в применении. Однако во всех иных случаях, фундаментальные результаты (скажем, в экономике, философии, математике, физике, истории) вряд ли могут быть проданы/даны реальному сектору.

Наука обладает колоссальным положительным внешним эффектом (экстерналией), который, кстати, весьма трудно подсчитать, и, насколько мне известно, такие оценки, если и существуют, то весьма приблизительны и условны. Идея, что третья сторона, не участвующая в создании научных результатов получит от них дополнительную выгоду, тривиальна. Но она вряд ли адекватна, если привязывается к некоему рыночному равновесию, относительно которого и формируется оценка, что создаваемое благо недопроизводится, и чтобы поддержать это производство на уровне, как можно более близким к равновесию, требуются корректирующие субсидии. Похожие трактовки, а именно они даются в рамках ортодоксальных экономических теорий, совершенно не дают ответа на вопрос, как изменяется это равновесие, относительно которого они рассматривают ситуацию, и как определить величину субсидирования при таком изменении. Тем более, что научная деятельность охватывает часто продолжительный промежуток времени, но даже за этот промежуток выгоду третьей стороны точно определить весьма проблематично, и она также изменяется. В итоге, положительный внешний эффект превращается в нечто расплывчатое. Учитывая, что понятие спроса на фундаментальную науку, в том числе, по причине эффекта «отложенной стоимости знания», вырождается на данном отрезке времени, говорить о равновесии становится в принципе бессмысленно. Критерии определения величины субсидий науке, связанные с рыночной формой оценки, также не работают. Жалование ученым и затраты на поиск новых знаний и решений являются (должны быть) довольно высокими, тем более, если приходится развивать множество научных направлений одновременно, причем далеко не все страны могут себе это позволить по ресурсам и исходному потенциалу. Борьба за эти результаты ведется и посредством приглашения ученых работать в другие страны и университеты. Стажировки являются промежуточной стадией в рамках такой конкурентной борьбы, которая официально обретает благопристойные формулировки «работы по научному обмену», или кооперации, но никак не рассматриваются как форма конкуренции в сложившемся институциональном режиме функционирования науки.

Эффект «отложенной стоимости» связан с фундаментальным свойством науки, а также с тем, что результатами науки могут воспользоваться многие агенты, не принимавшие участия в их создании², при отсутствии видимых значительных ограничений³. Данное свойство связано с тем, что научные результаты (отдельные теряются) с течением времени способны увеличить свою ценность. Это связано с системным эффектом развития науки, когда результаты по иным направлениям способны усилить прошлые и полученные по прочим направлениям результаты. Однако неумение оценить положительный внешний эффект, тем более то, как он динамически изменяется со временем, приводит к оценкам результативности науки на коротком интервале (текущий режим функционирования). Такой подход сразу

¹ Имеется и третья форма – это заказы корпораций. В этом случае вся ясно, раз частный бизнес заказал, он и будет контролировать получение и использование этого результата. Бизнес интересуется в основном технологиями, созданные изделия, с высокой оригинальностью, которые готовы к тому, чтобы их покупали на рынке. Иными словами, им нужны результаты НИОКР, которые можно продать, превратить в продукты, желательно какие-либо серии, чтобы создать и занять какой-то рынок. На уровне фундаментальных исследований у бизнеса нет критерия даже для принятия решения и его финансирования, если он не видит продукта и его реальной рыночной перспективы. Это может быть не всегда продукт, а скажем технология, или некое техническое устройство, прибор, но они должны иметь перспективу в виде продажи. Как видим, подобно тому, как цели бизнеса и государства часто противоречат друг другу, так цели науки и бизнеса принципиально не совместимы, противоположны. Науку, как правило, не интересует продажа, ее интерес – это научный результат. Если имманентно имеются некие функции, которые объективно не присущи какому-то виду труда, то вопрос, стоит ли эти функции придавать этому виду труда, не имеет научного ответа, поскольку ясно одно, тогда изменится сам труд, с этой новой добавленной функцией. Это будет другой труд, так как ему навязана или придана (формулировки не важны) иная функция или функции. Сказать же, что сама жизнь обеспечивает этот труд такими функциями, не означает равным счетом ничего. Если жизнь видоизменяет и ослабляет научную работу, подлинное предназначение науки, то вообще-то за такие решения ответственные агенты, принимающие соответствующие решения. Функции и задачи не возникают сами по себе в человеческом обществе.

² Это основное условие положительного внешнего эффекта, когда выгоды получает и агент, который не участвовал в сделке (контракте) по созданию данного продукта или научного результата.

³ Справедливости ради, следует отметить, что ограничения имеются, принимают форму институциональных норм, фиксирующих право агента на открытие, изобретение, полезную модель и т.д. Однако нормы авторского права и патентования преодолеваются скоростью научных достижений, модификаций, позволяющих обходить эти нормы за счет создания нового типа продуктов, процессов, технологий. Указанные нормы вводятся, правда, не для того, чтобы придать науке какую-то значимость или возможность для ее развития как таковой, а для фиксации монопольного права на получение дохода от использования этого патента, изобретения, технологии и т.д. Иными словами, целевая функция включает стремление получения прибыли и выгод от владения, но никак не связана с концентрацией ресурсов для развития собственно науки или вывода ее на некие новые рубежи. Конечно, полученная от этого прибыль может быть на такие благородные задачи использована, но она с таким же успехом может и не использоваться на эти цели. И подобный исход определяют многие обстоятельства, факторы, включая мотивы владельца, инерцию динамики развития самой науки, насыщенность достижений по данному ее направлению и многое иное.

опрокидывает указанные два фундаментальных свойства, противореча природе научной деятельности как таковой. Поэтому любые оценочные методы и методики, направленные на текущую оценку научного труда по формальным показателям, выхолащивают долгосрочную ориентацию научной деятельности, снижают уровень фундаментальности по факту их ввода как новых правил оценки труда научного работника. Подобные институциональные изменения организации вида труда (научного труда) привязывают сам труд к новым нормативам его оценки. Следовательно, смена правил поведения изменяет содержание научного труда. Такое действие обеспечивает изменение схемы, процедуры и размера финансирования. Тем самым, меняя правила поведения или оценки вида труда, можно изменить сам труд, его качество, состав и содержание, подобно тому, как такой же эффект оказывают на этот труд выделяемые финансы и состав коллектива по компетенциям. Если кадры также готовятся по новому (новые программы, постоянное изменение методик обучения и содержания передаваемого знания, смена требований к видам проверки, формализация труда преподавателя и т.д.), когда базисные знания и их наличие подменяются некими условными компетенциями, то в их отношении также не очевидна полезность на практике. Однако именно некой практикой обосновывается целесообразность ввода подхода по компетенциям¹.

Теперь представим две конкурирующие страны, причем на многих мировых рынках сразу, и особенно по поводу геополитической роли. Если одна страна явно сильнее по экономическому потенциалу, но другая при этом имеет запас прочности в области образования и науки, то очевидно возникает желание ослабить именно эти два направления, чтобы в стратегическом будущем обеспечить зависимость данной страны от лидера, убрав ее из числа опасных конкурентов. Для этого могут применяться различные способы, но одним из самых приемлемых по своей простоте является тот, который связан с установлением унифицирующих норм и правил развития образования и науки. Становится важно установить стандарт в области науки и навязать выполнение этого стандарта стране-конкуренту. Конечно, стандарт для инициатора уже освоен, и он формирует его по своему представлению, образу и подобию, поэтому издержки приспособления для него становятся меньше, чем для других стран, которые будут вынуждены, если примут этот стандарт, подчинить свои правила ему.

Унификация и навязывание неких стандартов может происходить в силу реализации различных схем – от эффекта искреннего понимания их превосходства, так как они позволили другой стране добиться неких научных результатов и стать в этом лидером, до эффекта дезориентации в способах развития своей науки и заблуждений по поводу ее неэффективной организации. Конечно, возможен вариант, когда имеется нарочитое заблуждение как отвлекающая схема нанесения конкурентного поражения стране в виде проведения институциональных коррекций определенной направленности². Могут действовать оба эффекта, подталкивающих страну к осуществлению фронтальных институциональных реформ науки, то есть реформ, изменяющих всю систему правил, традиций и форм функционирования. При этом эффект «дебюта четырех коней» обычно улетучивается из сознания организаторов подобных институциональных реформ, когда черные повторяют все ходы белых фигур – и примерно с одиннадцатого или тринадцатого хода испытывают неотвратимое поражение (шахматисты пока не предложили способа его избежать). Это наталкивает на простую мысль, что копирование рецептов, способов реорганизации, замены институтов (как и самих институтов), чревато именно ситуацией как в «дебюте четырех коней», то есть, неотвратимым конкурентным поражением. Либо возникновением режима зависимого (контролируемого) развития. Тем самым, «институциональная конкуренция» или конкуренция по стандартам ставит в более выгодное положение того, кто иницирует стандарт, понуждает иных разными методами следовать именно ему. В дальнейшем этот инициатор и меняет стандарт, порождая издержки для принявшей его стороны следовать в фарватере его указаний. Тот, кто следует этому стандарту, уже не представляет большой опасности и находится под контролем, распространяемым через систему норм этого стандарта. Как правило, он уже не может осуществить никаких прорывов, по крайней мере, без информирования инициатора стандартов и данных реформ.

По большому счету наука реализуется посредством работы ученых в лабораториях и научных организациях (включая кафедры, где научная деятельность сопряжена с образовательным процессом³), защитой диссертаций и пуб-

¹ Такой довод весьма несостоятелен, поскольку, если, скажем, промышленность технологически отстает и имеет разрывы в развитии своих секторов, то при ориентации образования на компетенции, в которых якобы есть потребность в такой системе, фактически будет происходить подстройка образования под заведомо отстающую модель развития, проигрывающую конкуренцию по определению изначально. Еще большая глупость ориентировать образование и науку на будущее. Ни один агент не может знать, что такое будущее, поэтому учить знанию и передавать можно только то, что уже имеется в арсенале исследователя, а не то, что может оказаться в этом арсенале. Проблема в том, что исследователи не могут знать, что станет, а что не станет знанием с течением времени. Нельзя обучить тому, чего еще нет. Обучая текущему и самому новому, то есть, только что полученному знанию, нужно показывать горизонт его совершенствования и развития – вот подлинное содержание и образования, и связанной с ним науки. Именно такой подход задает базис образования, и базовые знания становятся основой для их развития. Компетенции представляются нецелесообразным «опрактичиванием» знаний под текущее состояние, которое может быть далеко от удовлетворительного и зависеть от многих условий. Тем самым и компетенции приобретаются лишь на некоем удовлетворительном уровне или не удовлетворительном, и могут быть быстро обесценены изменением этой практической ситуации. Такая стратегическая ориентация образования, которая сказывается и на состоянии кадров науки, является хребтовой ветвью развития науки и одной из самых неэффективных ориентаций для выстраивания институтов, регулирующих научную и образовательную работу

² Подобные исходы также исключать нельзя. Более того, в рамках модели институциональной конкуренции они с высокой вероятностью и осуществляются.

³ В России она рассматривается как добавочная деятельность к основной – подготовке кадров высшего образования. В связи с этим здесь происходит явное распыление ресурса и результаты в среднем (за редкими исключениями) бывают много скромнее, нежели в специализированных научных лабораториях, действующих даже при тех же университетах. Особенно это заметно, когда на кафедрах резко увеличивается часовая педагогическая нагрузка и система отчетов (не важно, бумажных или электронных – так

ликациями в научных журналах, поставляющих научную информацию для научного сообщества и широкой общественности. Исходя из этого, если воздействовать институциональными коррекциями на эти основные элементы науки как вида деятельности, то есть на работу лабораторий, институтов, кафедр, журналов и защиту диссертаций, а также на оплату труда ученых, то, по сути, можно повлиять на функционирование науки, причем на длительном отрезке времени. Всеохватность таких воздействий образует системный эффект, причем, если задача – дестабилизировать подсистему в конкурентных стратегических целях, то институциональные модификации касаются сразу всех элементов системы и вводятся обычно под прикрытием благих устремлений, например, поднять науку на мировой уровень (измеряемый неким рейтингом) или повысить эффективность. При этом представления о мировом уровне так же, как и об эффективности науки, у инициаторов институциональных пертурбаций весьма смутные, бездоказательные, да и весьма сомнительно, что можно вывести что-то на мировой уровень, копируя уже примененные рецепты и правила, которые с течением времени устаревают и могут совершенно неадекватно отражать складывающиеся тенденции развития, например, «экономики знаний».

Во многих передовых странах число исследователей увеличивается, только в России оно сокращается. Это можно считать своеобразным результатом проводимых реформ. Причем это только количественный результат, качество требует отдельного разговора. Однако повышение издержек по защита диссертаций, ужесточение формальных требований, чтобы сократить число диссертационных советов и защит – это низко продуктивная цель и задача, которая уже на протяжении многих лет решается в России. И это решение принесло свои плоды. Так, по отдельным направлениям национальных проектов, связанных с информатизацией и данными, в стране в конце 2019 года отсутствовало достаточное число диссертационных советов.

Таким образом, можно утверждать, что в мире, вне зависимости признает это кто-то или нет, разворачивается новый вид конкуренции – институциональная конкуренция. Она связана с развертыванием механизмов ввода стандартов и подчинением им отдельных стран и игроков мирового рынка с тем, чтобы лишить их именно долгосрочных конкурентных преимуществ. Такое воздействие очень удобно осуществлять с помощью доктрины «мягкой силы», реформируя науку и образование конкретной страны. Подчинение внешним стандартам возможно, когда внутри данной страны и ответственных лиц имеется ориентация на эти страны и признание их стандартов лучшими, безотносительно к доказательству того, лучшие ли они на самом деле. Кроме того, нарушается важный принцип диагностики – выявление недостатков собственной системы с обоснованием их исправления и подбора правил, которые бы ей позволили конкурировать, в том числе, в долгосрочном плане, с правилами внешних конкурентов. Отсутствие такого понимания и желания наращивать собственный опыт делает систему науки и образования зависимыми от внешних центров. Это не просто создает режим подконтрольного развития и зависимого развития, а заведомо обрекает на подчиненное положение, что совсем не отрицает неких научных достижений и получения каких-то премий, особенно при модели элитарного построения системы науки и образования.

В завершении проведенного анализа рассмотрим коренные проблемы функционирования российской науки на современном этапе, ориентируя рассмотрение на указанные основные элементы науки как вида деятельности. Обозначение проблемы и описание ее сути в существенной мере означает и то, каким образом ее нейтрализовать. Поэтому совсем не обязательно давать какие-то четкие формулировки предложений, так как обозначаемая проблема просто должна быть устранена¹.

как отвлекают от работы и те, и другие, сильно формализуют работу, уведя от основных задач). Формализм в подготовке лекций и отчетности по педагогическим часам сокращает время как ресурс, затрачиваемый на выполнение научной работы. Если ее объем никто не снимает, следовательно, очевидно в среднем понижается ее качество, она также формализуется. Тем самым реформы высшей школы также бьют по объему и качеству научной работы на кафедрах. Создание лабораторий и исследовательских подразделений при вузах не снимает проблемы, если их участники преподают и попадают под усиливающийся формализм этого процесса. Система оплаты труда за часы ассистенту и доценту таковы, что они перестают расти квалификационно, все сделано, чтобы они профессионально не росли в научном плане. Это блокирует рост квалифицированных научных кадров, полностью формализует и подчиняет его внешним критериям, которые перестают контролироваться внутри страны. С учетом «реформы» диссертационных советов, научных журналов, не платящих гонорары за публикацию, имеющих большие финансовые трудности, но понуждаемых к вступлению в иностранные базы индексирования журналов, якобы гарантирующих «научность» – выхолащивается весь смысл и качество научной работы. Отечественная научная литература ставится в заведомо проигрышное, заведомо зависимое в информационном плане положение. Делается это методом институциональных коррекций, без понимания (тогда это головотяпство), либо с хорошим пониманием (тогда это сдача национальных интересов страны, обрекаемой на заведомое конкурентное поражение) того, ради чего и по каким причинам это делается. Однако происходящие изменения являются в большей степени формальными. Даже привязывая существенные надбавки к заработной плате научного работника к публикациям за один год, но в журналах только двух баз индексирования (которые имеют наивысший балл в отношении заработной платы, в отличие от иных российских журналов), смотрится только факт публикации. Чтобы не увеличить оплату, вводятся на следующих этапах уже и некие квартили уже этих баз индексирования. Неважно, кто и что опубликовал, важно где, и какой формальный рейтинг это даст в рамках общего рассмотрения якобы результативного функционирования науки в России.

¹ Эту оговорку автор делает в связи с тем, что иногда ему говорят, ну а что Вы предлагаете вместо Хирша и цитат. Хочу сразу отметить, что даже отсутствие предложений вместо чего бы то ни было, не означает, что поступать надо именно так, как поступают сегодня. Никто не отменяет поиск решения вместо того, чтобы принимать заведомо неэффективное, оправдывая его тем, что другого-то нет, не понимая какой ущерб науке оно наносит, и не думая над иными формами ее организации. Идут по пути наименьшего сопротивления, копируя заведомо неэффективные институты, создают армию занятых в этом деле людей, имеющих с этой деятельности доход, тем самым, закрепляя не нужные науке институты.

2. Российская наука – институциональные проблемы и их преодоление

Российская наука претерпела значительный ущерб за тридцатилетие своего существования после Советского Союза. Это выражается в потере кадров, выдающихся личностей в ходе естественного ухода, без равнозначной подготовки новых кадров, а также в потере научных школ, в закрытии целых научных институтов и подразделений. Все эти процессы происходили в условиях скудного финансирования и абсолютного провала спроса на разработки фундаментальной науки и даже НИОКР, свертывания высоко технологичных производств. Отраслевые исследовательские институты и конструкторские бюро по многим направлениям просто исчезли вместе с кадрами и накопленной технической и конструкторской документацией. Кто жил в эти годы, тот это видел лично, но никакой статистики потерь и ущерба никто не вел, поэтому оценить потери можно весьма условно. Учитывая эффект «отложенной стоимости» науки эти потери многократно умножаются (однако в современных дискуссиях цифры потерь даже примерных не принято озвучивать, в том числе, и по причине их отсутствия)¹.

Диагностику состояния (причем в сравнительном аспекте) никто и не думал осуществлять, введя принцип институциональной трансформации в виде главного инструмента повышения эффективности российской науки. Тем самым факты свелись к тому, что долгие годы наука деградировала в силу низкого финансирования и оттока кадров, а затем по взмаху волшебной палочки начала приспосабливаться к новым вводимым институтам. Подробнее рассмотрим эти институты и те проблемы, которые возникают в ходе проводимых институциональных коррекций науки как вида деятельности в современной России. В ряде авторских работ эти аспекты изложены наиболее подробно² в отношении экономической науки и науки как вида деятельности.

Во-первых, с 2013 года развернута реформа РАН, которая привела к разделению руководства РАН и институтов, находившихся в академии, превратившихся в федеральные бюджетные учреждения науки. Министерство науки не имеет возможности влиять на Президиум РАН³. Кроме того, реформа привела к объединениям и разделением отдельных институтов (обычно к слиянию), реорганизациям, что явно отвлекло силы исследовательского состава, затруднило управление⁴.

При этом не происходило ни существенного кадрового обновления, ни расширения тематики исследований и научных направлений, ни открытия новых исследовательских институтов. Справедливости ради следует сказать, что в ходе этой реформы открывались отдельные лаборатории, комбинировалась тематика проводимых исследований, за счет новых отраслевых академий, активизировались схемы внедрения результатов. Однако на все это ушло 3–5 лет, и до сих пор, спустя семь лет после начала реформы, проблемы координации и управления, распределения ресурсов на проведение исследований, отбора кадров в ходе выборов в академию сохраняются и даже еще более обострились. Общая итоговая оценка как самой затее подобного реформирования, так и полученным за семь лет результатам (несмотря на отдельные положительные моменты) должна быть отрицательной.

Открывшиеся лаборатории, президентские большие гранты также определяются под имеющиеся ресурсы. Данная модель развития науки является «локально-элитарной», что приносит некие плоды, в том числе, благодаря режиму секретности в области военно-технической тематики, но системных качеств науке в обозримой перспективе не придает. Если чахнет почва кругом, то отдельные ростки просуществуют, принесут новые плоды, но, в конечном счете, не смогут развиваться в длительной перспективе. Существующий разрыв между реальным сектором экономики, абсолютно не чувствительным к НИОКР, и работой исследовательских институтов формирует схему функционирования российской науки сегодня. По идее, если говорить о реформе, именно такие цепочки стоило воссоздавать в ходе изменений, направляя все усилия именно на это. Однако чисто формальные изменения вывесок, полная формализация и поверхностность изменений, без смены содержания – составили суть осуществляемой реформы, которая продолжает оказывать свое влияние до сих пор. Если в ходе институциональных реформ закладывается их дальнейшая необходи-

¹ Нужно заметить, что важным пунктом любого беспристрастного анализа, конечно, являются потери, причины их осуществления, способы предотвращения или восстановления системы – и подчинение всех последующих воздействий именно такой логике. Однако в России практикуется явно иной подход – отчеркнуть все, не вспоминать прошлое, которое не изменишь, включая потери, а начать с того, что есть, вводя институты, копируя их, привнося извне, заставляя всех следовать этому – и все заработает, ведь работает же за рубежом. При такой доктрине высока вероятность провала, потому что не установлены причины потерь, не установлены причины низкой результативности науки (так ли это?) и введены новые нормы, которые в ходе адаптации могут испытать отторжение и не привести к успеху. В то время как авторы этих норм давно их модифицируют методом наращивания своих результатов и будут создавать более конкурентную систему.

² Сухарев О.С. Экономическая наука России: самоуничтожение и самоуничтожение // Инвестиции в России. 2012. – № 5. – С. 23–28; Сухарев О.С. Эволюция экономики: академичность решений и научный прогресс (о IX Международном симпозиуме по эволюционной экономике и сопряженных вопросах организации и развития экономической науки в России) // Инвестиции в России. 2011. – № 11. – С. 19–23; Сухарев О.С. Ученость, ученые и образование: элементарные правила и поведение // Инвестиции в России. 2006. – № 10. – С. 24–34.

³ Автор имеет документальный ответ из Миннауки по этому поводу – на свое обращение по деятельности одной из Комиссий РАН при Президиуме РАН. В ответе говорится, что в функции Министерства науки работа с Президиумом РАН и решение вопросов относительно этой организации не входит.

⁴ Состав РАН расширился за счет двух отраслевых академий (кстати, это сделано нормативно, методом переписывания дипломов), что также увеличило издержки управления этой структурой. Слияния институтов не обеспечили должного усиления, как, видимо, планировалось. Например, еще до реформы произошло объединение одного института, специализировавшегося на странах советского лагеря с Институтом экономики РАН. Очевидно, что Президиум уже тогда не вел политику по секциям и не решил вопрос придания этого института международному отделению, которое уже существовало. В итоге базовому теоретическому институту в области экономики был придан вектор развития явно ему не вполне свойственный. Это со временем стало видно более рельефно, несмотря на усилия по развитию теоретического направления в нем.

мость в виде исправлений совершенных действий, то они, как правило, обладают крайне вредным влиянием, и связаны в основном с ущербом, а не с принесением выгод той системе, которую изменяют.

Во-вторых, бюрократические каноны функционирования науки в ходе реформы никак не изменены, оценка осуществляется по должности, а не по достигнутому результату в науке. Это отражается и в системе выборов в академии, работая на повышение уровня бюрократизации науки, что чревато формализмом и снижением качества содержательной научной работы. Поиск кадровых решений в виде омоложения создает добавочные институциональные перекосы. Например, нормативный ввод звания «профессора РАН» привел к формированию больших очередей, превратил отбор на это звание в подобие отбора в саму академию. Первый набор с громадным числом мест позволил включить почти всех желающих, однако многие достойные не попали, так как даже не знали о таком институциональном новшестве. Но проблема не в этом, она шире – данное звание получают те, кто не обладает званием профессора ВАК, получение которого было ужесточено (требования на получение этого звания стали более строгими). Тем самым звание «профессор РАН» существует как бы отдельно от звания профессор ВАК по кафедре и по специальности, как бы противостоит им. Тогда возникает вопрос: зачем вводилось третье звание в стране с возрастным ограничением, явно конфликтующее по требованиям нормативу, введенному правительством? Зачем осуществлялось институциональная модификация, связанная с ужесточением получения двух званий профессора ВАК при вводе третьего звания, которое присваивается не за выполненный норматив, пусть и ужесточенный, а неким голосованием (которое в свою очередь может быть описано в рамках теории сговора и в условиях крайне ограниченного числа мест может не иметь с объективной оценкой ничего общего). Опять выстраивается элитарная система, которая вполне может быть подчинена кланово-коррупционной схеме принятия решения при отборе, возвышающая агентов, получивших звание «профессора РАН», которые даже не смогли выполнить норматива ВАК. Это явный институциональный перекося, не решающий ни одной проблемы, но приводящий к чехарде в оценке достижений.

Такие институциональные наслоения крайне не продуманы, они видоизменяют мотивационную основу работы в научных организациях, создают не нужные чины, звания и почитания, ритуалы и награды, которые высмеивал, в частности, Т. Веблен. При этом суть процесса научного развития не изменяется, он более формализуется, становится менее управляемым, но для отчета формируется мнение о некоем омоложении. Конечно, какая-то часть попадает заслуженно, особенно в точных науках, но это не снимает той институциональной проблемы, которая здесь обозначена. В АН СССР не было подобных заигрываний с молодежью, она просто продвигалась, поддерживалась, открывались новые институты, конкурировали научные результаты, а не места и формальные требования¹.

В-третьих, реформа диссертационных советов как организаций, имеющих общественный статус по Положению, утверждаемому Правительством РФ, но являющихся центральным звеном в организации науки, так как диссертация представляет собой исследование, результаты которого применимы в науке и практике. По этому звену был нанесен самый мощный «институциональный удар» с тем, чтобы сократить число советов, усложнить и повысить издержки защиты диссертаций для соискателей.

В итоге выход годных (с защитой диссертации) в аспирантуре снизился с 25 до 12%, наборы резко сократились. Россия – единственная страна среди всех наиболее развитых стран, в которой произошло снижение числа исследователей в период 2000–2017 гг. Данное положение сохраняется. На рис. 1 для примера оно показано в сравнении с США. Однако и Китай, и Япония, Германия, Европейский Союз в целом также показывали увеличение расходов на НИОКР с ростом числа исследователей, а не их сокращением (с целью экономии места эти графики не приводятся).

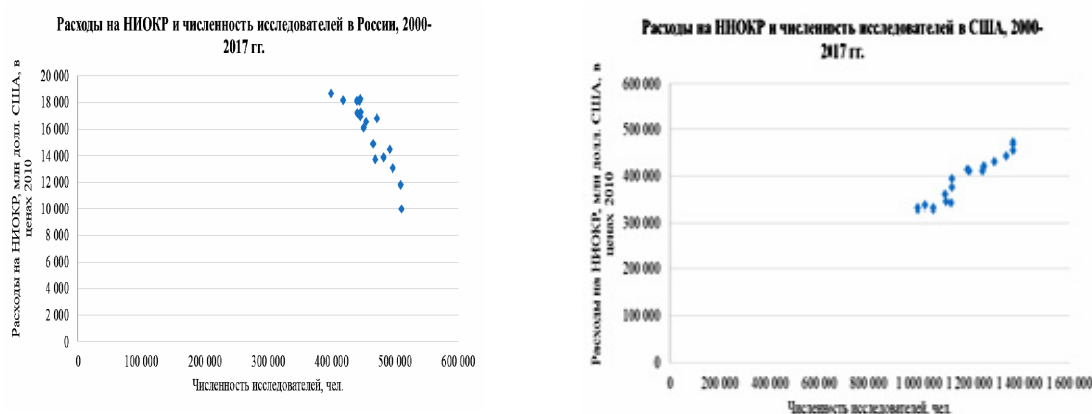

Рисунок 1.

Расходы на НИОКР и число исследователей Россия (слева), США (справа) 2000–2017 гг.²

Повышение издержек и ужесточение правил дало свои результаты – число диссертационных советов сократилось, при этом управляемость и качество диссертаций не улучшились. Отдельные направления оказались вообще за-

¹ Автор лично наблюдал в академических институтах как, в общем-то, под конкретными лицами открывались лаборатории благодаря поддержке именно этих лиц (выгоды поддержать именно этого, удобного), а не за их научные достижения. Часто можно видеть, что до получения звания эти достижения, как и ссылки, весьма скромны, а затем с получением звания они резко увеличиваются. При этом результаты одномоментно увеличиться не могут. Здесь возможен эффект «предфамильной приставки», исполняющий искажающую роль в области развития науки.

² Источник: построено по данным Всемирного банка. – <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD>

крыты, так что защиты стали невозможны. Неумение наладить систему защиты обернулось такими институциональными модификациями, которые привели процесс подготовки и защиты работ в упадок, в полностью формальную процедуру, напрямую по многим аспектам наносящую вред научной работе и здоровью соискателей-исследователей, и всем участникам этого процесса.

Ситуацию осложнило то обстоятельство, что явление подготовки заказных диссертаций, имевшее место в России, было интерпретировано как имеющее громадный масштаб. Некая группа лиц, никем и никогда не уполномоченная, не просто получила возможность использовать и продвигать программу антиплагиат, но и доступ к уже защищенным диссертациям, и, подчинив себе систему аттестации без всяких на то полномочий, сориентировала ее работу на лишение степеней, а не на повышение качества работ и блокирование коррупционных схем в подготовке диссертаций. Появление технологии сличения текстов лишь увеличило издержки тех групп, которые исполняли работы под заказ, но не ликвидировало сами эти группы. В итоге все стало дороже, но не исчезло, хотя потребность в получении научной степени у чиновников и банкиров со временем просто отпала (мода прошла). Тем не менее, ошибки в оформлении прошлых работ, в том числе и в рамках сложившихся традиций включения работ с руководителем, стали караться спустя значительный промежуток времени после появления технологии сличения текстов¹. В итоге никого не интересовало и не интересует до сих пор, что сделано, какой вклад, а если что-то совпало, даже у человека всю жизнь отдавшего науке и высшей школе, значит, он преступник (нарушитель этических норм, причем нормы придуманы самими же участниками названной незаконной группы²). При этом уголовная статья о плагиате не применяется, а расправу в специально организованной рукотворной институциональной системе осуществляет, по сути, незаконная группа лиц.

Если право интеллектуальной собственности столь важно, на каком основании третья группа лиц получает доступ к тесту работы и распоряжается им. После сдачи диссертации по факту получается, что она живет своей жизнью, вне зависимости от автора, и это обстоятельство нарушает все мыслимые права на интеллектуальную собственность³. Например, работами и авторефератами торгуют в Интернете, но «роялти» авторы за это не получают.

¹ Сегодня деятельность аспирантов и студентов всецело направлена на то, чтобы обеспечить «мнимую оригинальность». Студенты занимаются переименованием слов в своих курсовых. В итоге, на вопрос члена ГАК, что такое рентабельность, студент не может ответить, но его дипломная работа на 70% оригинальная. Ценой оригинальности становится элементарная безграмотность, за которую нельзя выдавать диплом, но он выдается, работа то оригинальная. Это пример доведения до абсурда подхода по сличению текстов, причем обращения этой технологии к прошлому, когда агенты, работники высшей школы России и науки, были лишены возможности самоконтроля (которая имеется у сегодняшних студентов, аспирантов докторантов) и не могут караться за ошибки компьютерного оформления текстов и сносок сейчас. Однако, поскольку современная программа «антиплагиат» лишает инициативную группу фронта работы относительно сегодняшних работ, которые предельно вычищаются на этот счет (они могут не представлять никакой научной ценности, но защищаются), эта деятельность обращена к прошлому, фактически оборачиваясь сведением счетов за прошлые ошибки оформления и компьютерные ошибки компоновки. Но так проблему никто не формулирует. Как уходят и от вопроса о доступе к диссертациям, о финансировании этой программы и этой группы, участии ее представителей в заседаниях ВАК и т.д. Все это незаконно. Кроме того, это нарушает конституционные права и право на интеллектуальную собственность. На каком основании продукт этой собственности, о чем печется именно эта группа, оказывается у нее в руках для неких сверок применительно к периоду, когда технологии сличения текстов не существовало? В России впервые создан прецедент, когда институты (правила, нормы, законы) имеют обратную силу, то есть применяются не со дня их ввода, а со дня их ввода, но к прошлым событиям, что недопустимо как юридически, так и с точки зрения здравого смысла. Следует особо заметить, что подобные группы могут быть агентами влияния, реализующими модель институциональной конкуренции с целью дискредитации российской науки и ее результатов. В сентябре 2019 года за месяц до выборов в РАН именно члены этой группы были допущены к тому, чтобы выпустить доклад, дискредитирующий участников выборов, причем это было сделано под видом Комиссии РАН. Доклад был размещен на сайте РАН, никем не подписан. Например, обвинение касалось оппонента за то, что 10-15 лет назад он не заметил совпадений в диссертациях (технология сличения текстов не существовала, да и по ныне действующему положению оппонент не обязан сличать тексты защищающихся в разное время работ). Эти обвинения нарушали и Устав РАН, так как по существу голосовали до тайного голосования, делая всю процедуру незаконной, и они были фальсифицированы (в частности, в отношении автора этих строк, баллотировавшегося на член-корреспондента), так как оппонент обвинялся в том, что он заведомо не мог исполнить. Однако, никто никого не вызывал, не заслушал объяснений, кем, когда подписано решение – не ясно. Заведомо организовано все так, чтобы представители Комиссии, внесшие клевету, не были подсудны ни по статье УК РФ «Клевета», ни по судебному гражданскому судопроизводству (так как отсутствует лицо, которое внесло ложные сведения). Кстати, группа, о которой ведется речь, осуществляет деятельность на сайте, также не подпадающим под российскую юрисдикцию.

² В частности, придумывается норма о повторной публикации, хотя исследователь имеет право публиковать повторно, если издатель согласен, либо издатели договорились сами. Это расширяет рынок потенциального читателя – и это в законных интересах автора статьи или книги. Более того, в тот период времени, когда издания выходили тиражом 100 экз. не имели сайтов и позиционирования своих текстов в Интернете – это более чем разумная стратегия публикующегося, который тем самым расширяет круг своих читателей. Обвинять в нарушении этики, норм которой автор не подписывал никогда, незаконно. Значит, подобные домыслы используются незаконными группами в корыстных целях и в чьих-то интересах. Другое дело, если статья, подготовленная по оплачиваемому гранту и отчету, публикуется несколько раз, что приводит к каким-либо финансовым выгодам для ее автора. В таком случае также нужно смотреть, не является ли это ошибкой подачи и синхронной публикацией в один год, но никаким преступлением этического и иного характера это не является.

³ Более того, эта незаконная группа, получившая неизвестно по чьему приказу невиданные полномочия и технологию контроля текстов пролоббировала правило вывешивания текстов в открытый доступ в Интернет. Причем выставлены значительны сроки – за 2 и 4 месяца до защиты. При этом не известно, будет ли защищена конкретная работа, но идеи, в ней представленные, уже должны быть выставлены на показ и могут быть заимствованы, что является явным конкурентным ударом по российской науке.

В-четвертых, реформа научных журналов, без выделения финансирования этим журналам, с понуждением подстраиваться под внешние стандарты и вступление в базы индексирования (иногда платные для журнала¹). Журналы, не входящие в две выделенные базы индексирования (Scopus, Web of Science)², публикации в которых засчитываются российским научным работникам по наивысшему баллу, при сохраняющемся низком окладе (жалованье), испытывают трудности развития. Значение приобретает даже не журнал и тем более, не содержание представленных в нем предложений или анализа, а то, в какой базе он проиндексирован, то есть научная сторона не важна, на первый план выходит монопольная роль конкретной базы индексирования, принадлежащей частным владельцам за рубежом. Более того, процесс аттестации, различные нормативы при защите диссертаций начинают привязываться к такому же институту. При этом ускользают вопросы платности публикаций, появления значительного числа фирм, развернувших бизнес на таких публикациях, которые открыто распространяют соответствующие письма-приглашения к публикации материалов. С этим никто не борется – это не считается преступлением и нарушением научной этики. Обратим внимание, что нигде в этих институциональных построениях, а именно они развернуты в России, не возникает даже позова к тому, чтобы понять, что создано, каковы достижения. Автоматически признается, что достижения у автора имеются, если его материал представлен в базе индексирования. Хотя сама компания-владелец базы это не может гарантировать, как и научный журнал, опубликовавший данный материал.

Необходимо отметить Открытое письмо Ученого совета Института Философии РАН к Президенту РФ³, в котором отмечается несогласие с «Методикой расчета комплексного балла публикационной активности», которую разрабатывало Министерство науки, работая над проблемой оценки труда научного работника. Это несогласие вызвано тем, что Методика не отражает особенности гуманитарных наук, пренебрегает написанной книгой, монографией (дает им меньший балл), нежели публикациям статей в журналах из соответствующих баз индексирования. Особо и справедливо подчеркивается, что оценка выносится за пределы страны. Обратим внимание, что это распространяется не только на журнальные публикации – надзор в диссертационной сфере также вынесен, по сути, за пределы страны, контролируется странными группами, а формируемые ими институты имеют обратную силу и применяются к прошлому периоду, в котором действовали иные правила и нормы. Об этом, конечно, ничего не говорится в Обращении Ученого совета ИФ РАН. Мне эти события представляются звеньями общей компании по институциональной нейтрализации несогласных и российской науки как таковой. Ученый совет ИФ РАН абсолютно прав в том⁴, что страна испытывает даже языковое поражение, ибо научные результаты требуется оформлять на не родном языке. При современных заработных платах целый пласт великолепных научных сотрудников окажется по новым правилам не у дел. В содержание их научного труда могло не входить знание иностранного языка, да и достижения в науке не определяются знанием иностранных языков.

В-пятых, проблема оценки продуктивности научного труда ориентируется не просто на количественные показатели, а на такие из них, которые равным счетом ничего не означают с точки зрения научного вклада и характеристики содержания этого труда. Число публикаций, в том числе представленных в избранных 2 базах индексирования журналов, величина показателя Хирша, оценивающего число цитирований, занимаемая должность. Все эти позиции не имеют никакого отношения к созданию научного знания. Более того, если они берутся по интервалу в один год, это означает, что оценка дается только по году. В следующий период она будет дана заново. Если ученый проболел, скажем, два года, он становится никем, и не важно, какое знание он реально создал. В связи с этим институционально формируется своеобразная потогонная в смысле Дж. Гобсона научная система, которая нацелена на размножение статей и учет количественных параметров, при полном пренебрежении к тому, что реально сделано, и к тому, что происходит в науке и в изменении ее практического потенциала.

Особо отметим, что оценку труда нельзя привязывать только к премии при низком исходном окладе научного работника, а саму премию преимущественно к публикациям в журналах, представленных в иностранных базах индексирования (причем, только двух). Это не только унижает российские научные журналы и не дает им развиваться, но и наносит вред науке на всех звеньях научной работы. По нашему мнению, требуется высокий исходный оклад за выполненное задание, а премирование – за гармоничный вклад в науку, в том числе и за публикации статей. Важно оценивать суммарный вклад ученого и созданный им «научный продукт»⁵, а также научный продукт организации или научного коллектива. Эта часть заработной платы должна быть дополнительной к исходному и не низкому жалованью. Российские научные журналы и наука как вид деятельности должны пройти инвентаризацию, в закон о печати

¹ Привожу информацию, представленную на сайте российского журнала «Экономист»: «Для справки: Редакция некоммерческого научного журнала «Экономист» не связана договорными отношениями с коммерческой elibrary, поскольку исходит из принципа, что наукометрия, данные которой влияют на рейтинг федеральных журналов, университетов и академических институтов, должна быть не частным и коммерческим проектом, подчиненным извлечению прибыли, а социальным и непродажным, нацеленным на всемерное содействие развитию отечественной науки и повышению социального статуса ученого». Источник: <http://www.economist.com.ru/impact.htm>. Это по существу единственный научный журнал России, который открыто заявил свою абсолютно обоснованную позицию.

² Сухарев О.С. Экономика знаний: перспективы технологического рывка // Экономика. Налоги. Право. 2020. – № 2. – С. 16–33.

³ Доступно на сайте ИФ РАН: https://iphras.ru/pismo_06_02_2020.htm

⁴ Приведу заключительную цитату из обращения Ученого совета ИФ РАН: «Призываем приостановить действие «Методики расчета комплексного балла публикационной результативности» применительно к социогуманитарным наукам и критически пересмотреть подходы к ее формированию с участием экспертного сообщества и с учетом национальных интересов нашей страны». – https://iphras.ru/pismo_06_02_2020.htm

⁵ Подробнее см.: Сухарев О.С. Некоторые императивы экономического лидерства России: развитие науки. Экономика. Налоги. Право. 2019. – № 3. – С. 25–36.

следует прописать положения о научном журнале и индексироваться они должны по своему выбору или выбору частного агента, без привязки премии за публикации к базе данных по индексированию. Публикации должны быть бесплатными, должна быть предусмотрена также выплата гонорара или премирование за решение научной проблемы (задачи). В связи с этим представляется необходимым воссоздание системы научной печати в нашей стране.

Очевидно, что изменение правил по всем элементам науки как вида труда не снимает проблем, а увеличивает их, причем значительно. В связи с этим, остается открытым вопрос, зачем осуществлялись подобные институциональные модификации, что их вызвало. Число цитат, показатель Хирша, привязка к иностранным базам индексирования не могут рассматриваться в качестве критериев для существенной прибавки заработной платы научного работника в России и оценки научного труда. Работа диссертационных советов должна быть очищена от издержек процедуры и формализма, а защита и представление диссертаций принципиально изменены в направлении оценки идей и конкретных личных решений, а не сопоставления текстов и обзоров, с ликвидацией обнародования идей до их защиты.

Следовательно, российская наука, подвергшись институциональным модификациям, стоит перед необходимостью нейтрализации негативных исходов этого реформирования и придания ему совершенно иного вектора, который бы позволил саму науку сделать движущей силой «общества знаний», а не его тормозом.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, сделаем несколько предложений по преодолению рассмотренных проблем развития науки России институциональными средствами:

1. Следует открыто признать неудовлетворительными результаты семилетнего реформирования российской науки, при имеющихся место отдельных позитивных исходах, которые не в состоянии на системном уровне качественно изменить ситуацию и режим функционирования российской науки. Требуется не только нарастить величину расходов на науку и НИОКР, но и развернуть объекты, реализующие должным образом функции фундаментальной науки и осуществляющие НИОКР¹ с нацеленностью на применение их результатов в реальном секторе. Необходимы новые правила во всех звеньях организации науки, снижающие транзакционные издержки научной работы. Это должно стать целевой функцией с точки зрения «экономики науки».

2. Требуется реорганизации система представления и защиты диссертационных исследований и подготовки научных кадров, с вытекающими задачами и для высшего образования, работы кафедр. Необходимо коренное изменение присуждения научных степеней, которое исключало бы формализм, и позволяло оценить личную разработку и предложение в науке, сосредоточившись только на этом, а не на сравнении схоластических текстовых фолиантов (особенно в гуманитарных науках, в частности, экономических).

3. Следует провести инвентаризацию научных журналов, отказавшись от приоритета зарубежных баз индексирования в оценке научного труда в России и назначения заработной платы. Нужно изменить сам способ выплаты жалования научному работнику, исходя из высокой величины оплаты труда за квалификацию (оклад), за выполнение заказа на фундаментальные научные исследования, а потом уже за опубликование этих результатов, доведение их до научной и широкой общественности в журналах. Причем научные журналы России в ходе инвентаризации должны быть подчинены нормам закона «О печати», где следует ввести правила работы научного журнала. Балловая система требует пересмотра с выравниванием конкурентных возможностей российских и зарубежных журналов.

Институциональные коррекции в рассмотренном здесь ракурсе, могут нанести непоправимый вред и не только притормозить развитие подсистемы, в отношении которой они проводятся, но и обеспечить ей целенаправленное конкурентное поражение. В связи с этим возникают иные вопросы, имеющие отношение к национальной безопасности – кто, на основании каких доводов и аргументов, целей, средств и инструментов смог развернуть эту невиданную по масштабу институциональную чехарду, резко снижающую возможности науки России и дезориентирующую ее в перспективном развитии. Ответ на этот вопрос требует уже не аналитической работы и сопоставления последствий, оценок функционирования подсистемы по фактам, а поисковой работы совершенно иных служб и представителей их аналитических отделов.

¹ Увеличить значимость и инструментальные возможности Стратегии научно-технологического развития России, которая уже имеет трудности в реализации, в том числе, по причине кризиса, вызванного коронавирусной атакой.

Урмина И.А.

доктор культурологии, с.н.с. Архива Российской академии наук,

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКИХ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ С ЦЕЛЮ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ – ИЗ ОПЫТА ИНФОРМАЦИОННО-ВЫСТАВОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ АРХИВА РАН

Ключевые слова: наследие, культурно-историческое наследие, архив, документ, актуализация, визуализация, социокультурная компетентность, выставка.

Keywords: heritage, cultural and historical heritage, archive, document, actualization, visualization, socio-cultural competence, exhibition.

Актуализацией культурно-исторического наследия в целом называется деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социальной и культурной роли его материальных и нематериальных объектов, а также их интерпретации. Как феноменологическая категория, наследие фиксирует результаты передачи и наследования в социуме определенных объектов прошлого. Иными словами, эта категория используется для различения того, что оценивается, наследуется и передается из поколения в поколение по сравнению с тем, что забывается, представляя собой культурно-ценностное пространство, составленное из объектов прошлого, упорядоченных в соответствии с выделенными социокультурными критериями.

В контексте классической парадигмы прошлого века история понималась как эволюционные изменения, имеющие определенные «закономерности», представленные в виде многозвенных цепочек причинно-следственных связей. Целью изучения истории было изучение таких закономерностей, организация соответствующих фактов в хронологическом порядке. Тогда культурное наследие рассматривалось в кумулятивном ключе и представляло собой совокупность всех реальных объектов прошлого. Но такая онтологизация не работает в контексте современной трактовки социальной истории. Отождествление наследия с объектной представленностью в плане макро-исторической динамики, имеющей определенные закономерности, перестало отвечать исходным антропным допущениям, характерным для формирующейся сегодня новой познавательной парадигмы. В современной науке принято считать, что закономерности движения от прошлого к будущему – это «метафизика истории», а реально существует лишь набор теорий, интерпретирующих прошлое применительно к решению современных социально значимых проблем. Тогда наследие рассматривается как «следы прошлого», некий «конструкт», указывающий на «позицию наблюдателя» в ретроспективе, а историю в определенном аспекте можно представить как «сконструированную цепь бытия», представления о форме и длительности которой со временем изменяются. Существуют разные подходы к этому: например, что история движется «по кругу», либо имеет необратимо-векторное развитие, либо каждая последовательность событий неповторима.

Сегодня, однако, уже очевидно, что при любом подходе присвоение разным классам культурных объектов прошлого «статуса наследия» изменяется в зависимости от мировоззренческих, идеологических, аксиологических и даже административных представлений. Культурно-историческое наследие, к которому, без сомнения, относится и научное, не является только «совокупностью культурно-исторических ценностей», поскольку социальный и культурный опыт предыдущих поколений осваивается индивидом в трансформированном им самим виде в соответствии с представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией – в новых поколениях воспроизводится именно трансформированный опыт. Как результат, разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки, и, соответственно, формируют «свою» традицию. Функция его передачи уже не является основным критерием, поскольку необходимы все составляющие стратифицированной схемы предмета наследия: субъектная, объектная, функциональная, динамическая, аксиологическая. Модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями его разных частей. Главной в этом процессе становится содержательная представленность наследия, понимание значимости тех идей и образов, которые несут в себе разные классы объектов наследия. По сути, мы отвечаем на вопрос: какое культурно-историческое наследие мы сохраняем и возрождаем?

Ответ на этот вопрос, как и выбор, на индивидуальном уровне зависят от *социокультурной компетентности* человека, т.е. совокупности знаний и навыков, которая позволяет отбирать, понимать, организовать информацию, представленную в знаковой форме, и успешно ее использовать при решении личных и общественно значимых групповых задач и проблем. В современном виртуальном информационном пространстве это осуществляется по ключевым словам, но сама информация является лишь иллюстративным материалом к реальным событиям прошлого и настоящего. Такое «познание в образах» позволяет по-разному трактовать содержание объекта наследия. Несмотря на активное использование современным поколением культурной среды, сформированной средствами массовой инфор-

мации из безграничных информационных ресурсов и цифровых технологий, человек может отобрать в информационном поле только то, что соответствует его собственному, весьма ограниченному жизненному опыту, то есть тому, что и является уже упомянутой социокультурной компетентностью.

Очевидно, что освоение человеком социального и культурного опыта или социализация с различной степенью интенсивности происходит в течение индивидуального жизненного цикла. В самом общем виде под этим понимается совокупность культурно оформленных и социально установленных процессов приобретения людьми знаний и навыков, необходимых для адекватного, социально приемлемого участия в жизни общества. Именно в этом случае можно говорить о необходимом уровне социокультурной компетентности индивида, об умении быть эффективным в стандартных ситуациях взаимодействия и коммуникации; выражать личностно значимые переживания и побуждения в культурно допустимых формах; определять нормативные границы собственной активности и меру ответственности за их соблюдение или нарушение. *Социализация* – это непреложная часть социокультурной жизни и универсальный фактор поддержания социальности. В современной России очевидно и значимо различие между глубинными мироощущениями старших и младших поколений, первичная социализация которых осуществлялась в различных социокультурных условиях. Это уже заметно в периоды ранней и первичной социализации, когда ребенок сначала впервые попадает в мир искусственных вещей, технологий, символических систем, а потом осваивает социально обязательные повседневные знания и навыки как в семье, так и в таких институциональных структурах как дошкольные и школьные образовательные учреждения.

Дальнейшая профессиональная социализация предполагает овладение специализированными трудовыми знаниями и навыками. Социальными институтами, обеспечивающими соответствующие знания и навыки, являются специальные учебные заведения – высшие и средние. Еще 10 лет назад для формирования знаний на этом уровне был предложен компетентностный подход, заложенный в основу единой системы европейского двухуровневого высшего образования, к которой присоединилась и Россия. Компетенциями стали называть набор интегральных деятельностно-практических умений, формирование (точнее – проектирование) которых стало требуемым результатом образовательного процесса. Они должны были быть дополнены социокультурными компетенциями, формирующими, например, гражданскую позицию выпускника, осознание необходимости здорового образа жизни как экономически значимой характеристики будущего участника системы общественного разделения труда и т.д.¹. Однако традиционные оценочные средства или тесты и сегодня, через 10 лет, вряд ли могут выявить степень реального освоения студентами компетенций, например, способности к обучению, ситуативному анализу, генерации идей и т.д. А главное – так и не появилось соответствующего учебно-методического сопровождения процесса формирования компетенций, а также нормативно-методического комплекса, определяющего программу этого процесса и его диагностику. Не существует до сих пор и дескрипторов (терминов унифицированного описания отдельных компонентов понятия «компетентность», что позволяет более точно определять критерии сформированности отдельной компетенции). Происходит очевидное расхождение процессов формирования общекультурных и профессиональных компетенций, формируемых у обучающихся в образовательном процессе. Но это, скорее, касается квалитетов, чем практической социализации – здесь начинается социокультурная дифференциация молодых членов общества, которые приобщаются к разным областям системы общественного разделения труда, характеризующимся специфическими для них знаниями, навыками, профессиональными традициями. Во время последующего включения индивида в систему общественного разделения труда его социокультурная компетентность дополняется и развивается под действием как субкультурных, так и общесоциальных механизмов.

Казалось бы, современное медийное пространство предлагает широчайшие возможности для активного самостоятельного освоения членами общества социокультурной реальности, но современная визуальная культура сформировала специфические проблемы использования новым поколением визуальных форм и технологий, резко отличающихся от существующих традиционных социокультурных форм и коммуникаций и лишь частично позволяющих поддерживать связь с опытом предыдущих поколений. Дело в том, что сегодняшняя массовая культура почти полностью стала визуальной, категорично предлагающей готовые образы, во многом лишая человека воображения и способности к самостоятельному формированию индивидуальной картины мира – собственных представлений. Освоение такой клишированной визуальной информации происходит достаточно легко и быстро, но так же быстро она становится малоэффективной для использования в реальной жизни, поскольку индивид плохо осваивает дискретную комбинаторную систему нашей знаковой культуры – систему смыслов (понятий), элементы которой образуют новые современные понятия, а базовые смыслы вообще не освоены. И никакие дискурсивные практики не помогут индивиду выделить устойчивый смысл воспринимаемого окружения, он так и остается многозначным, требующим дополнительного осмысления при повторении.

Это относится и к формированию социокультурной компетентности, требующей от индивида серьезных усилий для приобретения социального и культурного «капитала», постепенно занимающего незначимое место в его повседневной жизни, поскольку в обществе массового потребления это не способствует приобретению материальных благ и комфорта. «Не владея условностями языка средств массовой информации, и молодое, и среднее поколение не могут эффективно использовать для решения жизненно важных для них задач большую часть информации об историко-

¹ Зимняя И.А. Проектирование и обоснование актуальных социальных компетентностей в составе ООП ВПО нового поколения. Учебное издание. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – С. 24.

культурном наследии, в том числе и в глобальном его значении»¹. По сути, знания формируются не рациональной системой образования, а средствами массовой информации и состоят из набора сообщений, хаотично выхватываемых из информационного потока. Как реципиент их раскодирует, зависит от его социокультурной компетентности. И получается, что декодирование социокультурной информации в целом опять остается делом старшего поколения. В данном случае разговор идет о богатейшем документальном научно-историческом наследии, хранящемся в Архиве РАН, которое может стать основой для эффективного развития молодого поколения, формирования индивидуальной картины мира и направлений целесообразной и приносящей удовлетворение профессиональной деятельности.

Следует отметить, что документ – это знаковый образ, соответствующий определенному периоду времени и требующий очевидной дешифровки или разъяснения смысла. Именно документ, содержащий достоверные сведения о событии или, в нашем случае, о процессе и результате научной деятельности, а также жизненных обстоятельств, сопутствующих этому, позволяет выделить историко-культурный контекст и временное пространство научного открытия. Тогда и раскрывается детализированный, элементный смысл этой сферы творческой интеллектуальной деятельности. Основной задачей тогда становится то, какими методами, технологиями (в том числе, визуальными) разъяснить, расшифровать социальный и культурный смысл наследия с точки зрения созидания будущего. Одними словами-заместителями образов или образами-заместителями смыслов вряд ли это можно осуществить эффективно или результативно. Документальное научное наследие, отражает, по сути, динамику освоения человеком природной среды, развития искусственного мира, формирования социальных отношений в рамках различных областей науки. Объем этого наследия громаден (например, научный потенциал Архива РАН содержится в 2000 архивных фондах, включающих свыше 1 млн. единиц хранения о деятельности выдающихся российских ученых и научных учреждений), но для современного поколения его значимость не всегда понятна и, как уже упоминалось, является лишь иллюстративной информацией, не связанной с повседневной жизнью, да и сама научная деятельность не является приоритетной с точки зрения и успешности, и значимости.

Как считал Д.С. Лихачев, культурно-исторические памятники можно считать «вторичными» продуктами человеческой деятельности по репрезентации культурно-значимых общественных ценностей, воспринимаемых в качестве культурной нормы или образца. Интертекстуальный и когнитивный способы представления документального научного наследия с этой точки зрения могут помочь выявить скрытый во времени активный смысл текста документа, его связи с социальной и культурной средой исторического окружения, сформировать временную ретроспекцию и связать с современностью, то есть актуализировать. О документе Ю.М. Лотман писал: «С конца XVIII века, в обстановке обострившихся требований истины в искусстве, авторитет документа быстро рос. Уже Пушкин ввел в «Дубровского» как часть художественного произведения подлинные судебные документы той эпохи»². Следует подчеркнуть, что и понятие роли архива сегодня изменилось. Разнообразие дискурсивных практик позволяет сегодня весьма многозначно интерпретировать смысл документального архивного наследия. На это указывают М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, К. Эббелинг, С. Гюнцель и др. М. Фуко писал: «под этим словом я не подразумеваю суммы всех текстов, сохраненных определенной культурой в качестве документов ее собственного прошлого или как свидетельство ее неизменной тождественности. Я также не подразумеваю под ним социальных институтов, позволяющих зарегистрировать и сберечь в том или ином обществе дискурсы, о которых хотят оставить память и беспрепятственное распоряжение которыми хотят сохранить»³.

Вот эта многозначность толкований, казалось бы, одних и тех же событий и фактических материалов, появление разночтений и авторских позиций, касающихся многих исторических событий современности, высветила серьезную проблему. Используемые выдержки из исторических документальных текстов или частные оценки свидетелей этих событий, сами по себе, интерпретируются в соответствии с социокультурной компетентностью исследователей документальных источников. Подтверждением этому стала подготовка нескольких последних выставочных проектов в АРАН, когда документальным текстам «присваивался» повседневный смысл, а их значимость не была понята адекватно контексту. Два проекта были посвящены деятельности российских нобелевских лауреатов в области физики в до- и послереволюционный период жизни нашей страны. Следует отметить, что конец XIX и начало XX вв. были отмечены удивительными открытиями в области физики атомного ядра, которые стали знаковыми и для дальнейшего развития как мировой, так и отечественной науки. Заслуги ученых, среди которых и советские физики, в дальнейшем были отмечены самыми значимыми, Нобелевскими премиями. Особое место в Архиве РАН занимают личные фонды этих ученых, отражающие их реальный вклад в науку, позволяющие закрепить как забытый сегодня приоритет российских ученых в открытии и описании тех или иных явлений и закономерностей, так и скрытый во времени активный смысл документальных текстов, их связей с социальной и культурной средой исторического окружения того времени. А время, как уже упоминалось ранее, было необычайно насыщено историческими переменами и трансформациями глобального характера.

В рамках вышеупомянутых выставочных проектов о деятельности и достижениях советских нобелевских лауреатов П.Л. Капицы, Л.Д. Ландау, П.А. Черенкова, И.Е. Тамма, И.М. Франка историко-культурный контекст решено было представить в виде архивных документов, рисунков, фотографий, книг, других артефактов, отражающих историческую память об отдельных научных событиях, которые имеют значение и в современной жизни (отложенный

¹ Урмина И.А. Актуализация документального научного наследия в музейно-выставочной деятельности // Сборник по итогам конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы научно-практической конференции». – М.: Архив РАН, 2018. – С. 54–60.

² Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.

³ Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

эффект), раскрыть смысл событий в контексте социального и культурного окружения, общественной деятельности ученых, а также их семейных дел и увлечений. Следует отметить, что основная часть личных архивов ученых полностью не была обработана и находилась в россыпи, поэтому содержательным анализом документов, который позволяет раскрыть творческие замыслы авторов, созидательный процесс научного открытия, пришлось заниматься в процессе подготовки экспозиций. При этом особенно важным становился контекст научного открытия, актуализируемая историческая научно-документальная память. И это связано с реальным вкладом выдающихся советских ученых в отечественную и мировую науку, во многом за счет истинной самоотверженности и огромного напряжения сил, нередко ценой тяжелых личных жертв и потерь. Соединение биографического и исторического аспектов помогает проследить роль ученого на фоне общего пути развития научной мысли и его значения в жизни общества. Оказалось, однако, что даже научные сотрудники, изучая архивные документы, не всегда могли достоверно определить исходные интенции, связанные с культурно-историческим контекстом их создания, весьма вольно трактуя содержание текстов. Без сомнения, это связано с уровнем социокультурной компетентности тех, кто анализировал документальное наследие ученых. Невольно вспоминаются слова М.К. Петрова о том, что в современном информационном обществе интерпретация смыслов и, более того, их трансмутация, то есть изменение смысла, которое усваивается всем человеческим сообществом в процессах коммуникаций и трансляций, стали повсеместными, результируясь в ложные толкования и их практическое применение¹. О подобной ситуации, возникшей в процессе организации юбилейной выставки, посвященной жизни и деятельности президента АН СССР В.Л. Комарова (об этом написано немало публикаций), автор пишет и в недавней монографии².

Интертекстуальность текста (в нашем случае – документального) есть отражение и реализация когнитивной базы порождающего текст субъекта (творческой личности), его интертекстуального тезауруса, то есть совокупности всех тех элементов, которые автор считает «чужими» при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов. Умение пользоваться этим тезаурусом, обладание социокультурной компетентностью, позволяющей кодировать и декодировать интертекстуальные знаки, зависит от типа речевой культуры носителя языка, от ситуации и обстоятельств коммуникации-трансляции знания. Стил архивного научного документа, глубина его смысла, заложенного в тексте, зависит, несомненно, от автора, которым может быть как сам ученый, так и чиновник или член семьи (в личных фондах ученых хранится немало таких документов, отражающих контекст реальных исторических событий).

Но ведь с другой стороны уже современной коммуникации находится еще одна творческая личность – воспринимающего новый текст (метатекст) слушателя, читателя, зрителя в контексте определенной речевой ситуации. Следует подчеркнуть, что в коммуникативной цепочке «автор – документальный текст – читатель» константой является только текст, закодированный в том виде, в каком он был завершен. А когнитивная система читателя (слушателя, зрителя) меняется во времени, метатексты как прецедентные становятся более привлекательными в медиадискурсе, становятся «текстами влияния». Получается, что в документальном тексте семантически воспринимается сегодня та его часть, которая стереотипна и узнаваема, не требует интерпретации или многомерной расшифровки смыслов. И это относится не только к молодому, но и к среднему поколению. Возникает ситуация, когда между социокультурным кодом автора (ученого) и кодом читателя (слушателя, зрителя) может не остаться ничего общего, а декодера или ключа к культурному шифру документа нет, либо им владеют немногие.

И это – настоящая проблема, от которой не следует отмахиваться и утверждать, что современные интерактивные и мультимедийные технологии вполне эффективны для адекватного освоения динамичного социокультурного окружения. Да, современные учреждения культуры стремятся (или вынуждены) извлечь из экспонирования культурного наследия экономическую выгоду и увеличить статистические показатели посещаемости за счет репликаций, онлайн трансляций, игрофикации, визуальных технологий, использования привлекательных контекстных артефактов. Язык массовой культуры, ее визуальные черты – легкость восприятия, доступность образов, зрелищность технологий, нередко развлекательность – вместо самостоятельного восприятия, требующего определенной подготовки зрителя-посетителя, стереотипизируют само отношение к культурному наследию. В работе с научным документальным наследием этого допускать нельзя. Визуальные технологии в этом случае могут лишь дополнять включение в непосредственную коммуникацию интерпретатора-экскурсовода и посетителей выставки метатекстовых компонент, активизирующих внимание посетителей за счет вербальных конструкций, вводных слов и оборотов, включая их в поле различных дискурсов. Репрезентируя не только документы, но и дневники, фотографии, письма, заметки, черновики научных текстов с пометками и схемами, рисунки или чертежи, в которых могут быть заложены творческие замыслы ученых, интерпретатор (в нашем случае, экскурсовод-научный сотрудник) относится к посетителям выставки архивных научных документов не как к пассивным реципиентам, а как к потенциальным партнерам, активно участвующим в осмыслении информации, по сути, «имитации» творческого процесса создания научного открытия. С одной стороны, возникает определенный дискурс в поле других дискурсов, но сам текст научного документа, даже находясь в поле интертекстуальности, сохраняет устойчивый и надежный смысловой контекст за счет базовых смыслов используемых в науке профессиональных слов-знаков. Создается, однако, возможность «управлять» восприятием реципиента содержания архивного научного документа значительно позже времени его создания. Но каким уровнем социокультурной компетентности должен обладать интерпретатор-дешифратор и, одновременно, насколько достоверным и адекватным реальным событиям будет его воспроизведение смысла текстов для того, чтобы более эффективно использо-

¹ Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 328 с.

² Богатов В.В., Урмина И.А. Академик Комаров и его время (к 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова). – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 464 с.

вать две основные функции текстов: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов (по Ю.М. Лотману)? Вопрос остается открытым.

В музейной практике сегодня используются интересные мультимедийные решения, способствующие разъяснению временного и событийного контекста научного открытия. Например, в **научно-технических, познавательных музеях, в музейно-информационных центрах используются** интерактивные инсталляции, предлагающие посетителям самостоятельно освоить экспозиционный материал (эта технология была успешно опробована и в АРАН на выставке-фестивале «Образостроение 2017» – «Конвергенция науки, искусства и технологий или Art-NBIC конвергенция» с интерактивным 3D-столом и терминалами). Без сомнения, удачным техническим приемом является мультимедийная книга о жизни ученого на специальном терминале – по сути, это наши виртуальные выставки, расположенные на сайте АРАН (именно в таком ключе была оформлена автором виртуальная выставка, посвященная двум нобелевским лауреатам П.Л. Капице и Л.Д. Ландау). Вероятно, что новые языковые формы визуализации смыслов: инсталляции, перформансы, анимации, электронные «очеловеченные» образы, компьютерный монтаж в кино, масса других технологических приемов могут создать кратковременный интерес к представляемому в экспозициях историческому материалу, но ведь целью осуществления информационно-выставочной деятельности в Архиве РАН является пробуждение устойчивого интереса к достижениям российской науки для определения дальнейшей жизненной траектории в профессии у молодого поколения, а среднему поколению – достоверного освещения достижений отечественной науки в контексте различных историко-культурных периодов жизни нашей страны.

Фарберович О.В.¹

магистр журналистики, Интернет-портал «Научная Россия», г. Москва
ladyovlada@yandex.ru

Фарберович О.В.²

д.ф.-м.н., профессор Тель-Авивского университета
olegfa@post.bgu.ac.il

НАУКА И ЖУРНАЛИСТИКА В ТАНДЕМЕ НА ОСНОВАНИЯХ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ: НА ПРИМЕРЕ ДОСТИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ НАНОТЕХНОЛОГИЙ ОБЩЕСТВА МАКСА ПЛАНКА (ГЕРМАНИЯ) И ТЕХНИОНА (ИЗРАИЛЬ)

Ключевые слова: научная журналистика; релятивистский метод; квантовая механика; нанотехнологии; медиатизация науки; немецкая и израильская научные школы; общество Макса Планка; Технион, научно-популярные журналы «Технион» и «Макс Планк Формунг».

Keywords: science journalism; relativistic method, quantum mechanics, nanotechnology; the mediatization of science; German and Israeli research schools; Max Planck Society; Technion; popular science magazines «Technion» and «Max Planck Forschung».

В истории развития физических представлений фундаментальной стала квантовая теория и проблемное поле в пределах ее сферы. Квантовые исследования позволяют расширить представления о наномире, описание которого было дано в квантовой механике ее основоположниками В. Гейзенбергом, Н. Бором, П. Дираком и другими выдающимися учеными. «Физики ставили под сомнение статус сущего как предметно-чувственного мира. Единственным физиком, стремившимся понять, какая реальность стоит за квантовым миром, был Гейзенберг. Он считал, что за кажущимся математическим формализмом квантовой механики кроется особая онтология, восходящая к метафизике Аристотеля»³.

Как справедливо замечено, «без объяснительной силы квантовой механики, описывающей, как все элементы микромира складываются в слаженную систему, многие из современных технологических достижений были бы попросту невозможны»⁴. Но, тем не менее, «квантовый мир остается незнакомым нам и часто заявляет, что эта неизвестность является признаком фундаментального раскола между миром, который мы видим вокруг нас, и его квантовым основанием. Но в реальности существует только один свод законов, указывающий путь, по которому работает мир: квантовые законы»⁵.

Благодаря законам квантовой механики можно определить масштаб, границы и диапазон наномира и, тем самым, совершить серию новых открытий в области квантовых нанотехнологий. «Возникнув на стыке области квантовых взаимодействий и сферы классических макровзаимодействий, нанотехнологии качественно отличаются от традиционных областей прикладной науки и техники, поскольку на таких масштабах привычные, макроскопические, технологии обращения с материей часто неприменимы, а микроскопические явления, пренебрежительно слабые на привычных масштабах, становятся на много значительнее»⁶.

Бытует мнение о природе естественнонаучной и философской рефлексии наномира. Например, что масштаб наномира зависит от модельных представлений о нем. Предлагается расширить границы понятия «наномир», поскольку «данное понятие является онтологически неопределенным, сходным по смыслу с микромиром, нижней границей которого является постоянная Планка, а верхней – размеры объектов видимого мира»⁷.

Безусловно, философское понимание научных положений связано с постижением физической онтологии, но, прежде всего, нанотехнологии демонстрируют этап перехода от дисциплинарных исследований к междисциплинарным. Сегодня проводится аналогия между измерениями в квантовой физике и биологическими и химическими про-

¹ Область научных интересов: научная журналистика, квантовые технологии.

² Область научных интересов: квантовые компьютеры, фотоника, спинтроника, магнетизм.

³ Четкина И.И. Наномир: основные понятия квантовой механики и квантовой химии, и их интерпретация // Вестник Казанского технологического университета. 2015. – Т. 18, №. 19. – С. 43.

⁴ Аль-Халили Дж., Макфадден Дж. Жизнь на грани. Ваша первая книга о квантовой биологии. – СПб.: Питер, 2017. – С. 71.

⁵ Там же, с. 169.

⁶ Аршинов В.И., Лебедев М.В. Философские проблемы развития и применения нанотехнологий // Философские науки. – М., 2008. – № 1. – С. 61.

⁷ Четкина И.И. Наномир с технонаучной и философской точек зрения // Вестник Казанского технологического университета. 2014. – Т. 17, № 9. – С. 381.

цессами. В этой связи достижения в сфере нанотехнологий рассматриваются как явление на системном уровне, требующее такого междисциплинарного исследования на пересечении физики, химии и биологии.

Несмотря на большое количество разных работ, представленных отечественными и зарубежными специалистами, общественность остается незнакомой с нанотехнологиями. Это замечено и самими учеными¹, по мнению которых отношение к нанотехнологиям зависит от множества различных факторов, и поэтому нужен диалог об инновациях, обмен идеями, дискурс и указание реальных преимуществ перед возможными рисками. Ведь ученые в большинстве своем готовы к диалогу о собственной мотивации и о сути своей работы в нанонауке.

В этой связи важно проследить, какую роль может сыграть научная журналистика: оказывают ли СМИ существенное влияние на общественные дебаты, освещая тему квантовых нанотехнологий, или сохраняют нейтральную позицию. Как медиа отражают государственную политику, нормативно-правовую базу, оценку рисков среди непрофессионалов и в экспертном сообществе. Этой проблемы коснулись авторы², которые в большей степени апеллируют к ученым, занимающимся нанонаукой, и тому, что и как они рассказывают о ней неакадемическому обществу. По их мнению, проблема наноученых состоит в чувстве ответственности за информирование общественности о своих исследованиях, поэтому они неохотно идут на контакты со СМИ. Результаты выявили прочную взаимосвязь между ориентацией наноученых (nanoscientists) на СМИ и рекламу и вероятностью их будущего участия (осознание профессиональной выгоды от привлечения внимания к своим исследованиям, например, квалифицированных студентов, или помощь в финансировании). О связи отношения ученых к освещению нанодостижений в СМИ и отношения общественности к науке говорят и другие авторы³. Они считают, что журналистам трудно заставить ученых говорить о нанотехнологиях, потому что у ученых нет доверия к точности освещения и есть опасения неверного толкования этой темы. Тем не менее, научная журналистика показывает, как нанотехнологии проявляются в реальности и как можно использовать их потенциал. По мнению Дикель и других соавторов, случай нанотехнологий продемонстрировал, что дискурсы об этих новых технологиях все чаще формируются техно-утопическими нарративами. И эти нарративы никуда не денутся, потому что они являются выражением современной медиализации науки и технологий. В контексте новых медиа уже недостаточно анализировать видение и ожидания традиционных субъектов инновационной деятельности (государство, крупные компании, университеты)⁴.

Лора Гюнтер считает, что профессиональная роль, личный интерес, новостные факторы и организационные процессы в основном влияют на выбор научной области журналистами. В целом, журналисты все более положительно относятся к наноразмерной науке и технологии. Но результаты исследований показывают, что охват научных данных различается в зависимости от того, насколько научным журналистам интересны полезные или рискованные аспекты этой новой технологии. Кроме того, выбор научной проблемы также зависит от редакционных процессов, таких как профессиональные отношения научных журналистов как с другими журналистами, так и с редакторами новостей. Интервью с немецкими научными журналистами ведущих немецких изданий *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Frankfurter Rundschau*, *Süddeutsche Zeitung* показало, что на их работу влияет также личный интерес к вопросам о нанотехнологиях. Как правило, журналисты стремились сделать свои репортажи ориентированными на факты и нейтральными, чтобы аудитория сделала собственные выводы⁵. То есть журналистике нужна доказательная оценка нанотехнологий, степень уверенности и неопределенности, включая риски.

Для того, чтобы выяснить, какое влияние наука оказывает на журналистскую культуру, и насколько серьезно практикующие журналисты воспринимают необходимость медиатизации нанотехнологий, представляется целесообразным обратиться к международному опыту.

Анализируя дискурс научных школ, представленных научно-исследовательским обществом Макса Планка (Германия) и Технологическим институтом Технион (Израиль), авторы данного исследования обращаются к модели конкурирующих повесток дня израильского и немецкого журналов «Макс Планк Форшунг» и «Технион» за 10-летний временной интервал (с 2007 по 2017 гг.). Возможность реализовать собственные исследовательские концепции, доступ к отличному лабораторному оборудованию и новейшей инфраструктуре, междисциплинарный и международный обмен с опытными коллегами, творческий поиск ученого – ключевые параметры, характеризующие модель работы научных школ Германии и Израиля и демонстрирующие передовые достижения в области нанотехнологий общества Макса Планка и Техниона.

Каковы главные результаты ученых, и как научная журналистика формирует условия общественного понимания в сфере квантовых исследований под влиянием нового производства знаний?

Релятивистский метод, заявленный ранее⁶ и взятый за основу в последующих исследованиях, раскрывает достижения двух научных школ в сфере нанотехнологий за 10 лет, в частности, во-первых, он позволяет продемонстри-

¹ Heckl W.M., Weitze M.-D. Das Unsichtbare durchschauen // Max Planck Forschung. 2013. – N 2. – S. 12–17.

² Dudo A. et al. An analysis of nanoscientists as public communicators // Nature nanotechnology. 2014. – Vol. 9, N 10. – P. 841–844.

³ Corley E.A., Kim Y., Scheufele D.A. Leading US nano-scientists' perceptions about media coverage and the public communication of scientific research findings // Journal of Nanoparticle Research. 2011. – Vol. 13, N 12. – P. 7041–7055.

⁴ Dickel S., Schrape J.F. The renaissance of techno-utopianism as a challenge for responsible innovation // Journal of responsible Innovation. 2017. – Vol. 4, N 2. – P. 289–294.

⁵ Guenther L., Ruhrmann G. Science journalists' selection criteria and depiction of nanotechnology in German media // Journal of Science Communication. 2013. – Vol. 12, N 3. – P. A01.

⁶ Фарберович О., Фарберович О. Научная журналистика и пропаганда современных достижений науки: на примере журналов «Макс Планк Форшунг» (Германия) и «Технион» (Израиль) за период с 2010 по 2015 гг. / Lap Lambert Academic Publishing. 2018.

ровать развитие единой науки на мировой арене с учетом современных интеграционных процессов, во-вторых, выявить доминирующие научные направления, наконец, распространять и продвигать новое научное знание между учеными смежных дисциплин. Путем медиатизации квантовых исследований, в частности, нанотехнологий, научная журналистика выявляет различные теории, рожденные из квантовой механики.

Вероятно, диалог ученых с общественностью в данном случае инициируется по запросам научных журналистов или PR-службами исследовательских институтов, которые передают запросы ученым. Существенным оказывается отражение размышлений по вопросам развития нанотехнологий, включая общественные дебаты, финансирование исследований, восприятие риска, последствия для общественного здравоохранения и окружающей среды. Каково вообще осмысление или представление в научной журналистике механизма существования наномира?

Сопоставительно-тематический обзор израильского и немецкого журналов «Макс Планк Форшунг» и «Технион», а также анализ содержательных характеристик текстов и оценочные суждения выявляют значимые результаты квантовых исследований научного сообщества двух стран. На языке квантовой физики говорит и химия, и биология, то есть эти науки работают по квантовым законам. Журналистика определяет парадигму и динамику научных достижений в области нанотехнологий Техниона и общества Макса Планка.

Тема нанотехнологий нашла отражение в самых разных рубриках израильского и немецкого журналов. Например, «Макс Планк Форшунг» представляет исследования через «Спектр», «Актуальные исследования», «Перспективы», «Физика и Астрономия», «Материалы и Технологии», «Биология/Медицина». «Исследования и разработки», «Международные отношения», «Новости», «Конференции», «Премии и награды» знакомят читателя «Техниона». О нанотехнологиях на стыке физики, химии и биологии в немецких журналах говорят, раскрывая смысл понятий, составляющих основу квантовой механики (есть глоссарий терминов, например, кубиты, фотоны, конденсат Бозе-Эйнштейна, сверхпроводимость, фермион, квантовое состояние, куперовская пара, бозоны, квантовое состояние и т.п.).

Приоритетными направлениями в изучении наномира выступают нанофизика и нанохимия: объем внимания изданий двух стран здесь существенно выше, чем к исследованиям на границе раздела нано- и биосистем. Данный факт указывает на активизацию научных усилий и научных интересов в этом поле как немецкой, так и израильской научных школ. Как правило, теоретические разработки и экспериментальные данные, касающиеся нанофизики и нанохимии, по большей части представляют чистую науку. Приложения демонстрируют потенциальные возможности для медицины и промышленности.

Специалисты Техниона занимаются как академическими исследованиями, так и прикладными: это экспериментальные работы по изучению взаимосвязи между сверхпроводимостью и магнитными свойствами вещества; эксперименты на оптоволокне, разработка волоконных решеток; наноэлектроника; нанофотоника; разработка нового метода сжатия световых волн; квантовая оптика на основе полупроводниковых наноразмерных структур; квантовые вычисления. Важно, что в Технионе можно получить двойную степень по физике: физика и техника, физика и математика, физика и информатика. Это связано с тем, что такой симбиоз научно-технических исследований необходим для продвижения нанотехнологий и развития технологических структур. Кроме того, область нанотехнологий позиционируется как инновационная, поэтому Технион должен продвигать разработки, необходимые для будущей высокотехнологичной отрасли. Повышение интереса молодежи к нанонауке и нанотехнологиям – ключевая цель Техниона.

Ученых общества Макса Планка в основном привлекают фундаментальные исследования: сверхпроводимость; новая методика электронной разработки компонентов сверхбыстрых схем; квантовая криптография; квантовая информация; спинтроника; атомный интерферометр; квантовый компьютер; квантовый симулятор; сегнетоэлектрика; наноэлектроника. Примечательно, что явления и нераскрытые загадки квантовой физики исследователями воспринимаются как вызов и подчас требуют философского размышления. Для создания теоретической модели предстоит много детальной работы. Эксперимент дает новые возможности, чтобы исследовать процессы, основанные на квантовой физике. Учеными движет любопытство, поскольку в наномире происходят совершенно новые эффекты, – и это увлекает. Законы квантовой физики порой создают проблемы для ученых при решении ряда задач, но также предоставляют новую информацию.

Тематический спектр, относящийся к нанохимии, в «Технионе» разнообразен: изучение структуры, свойств и реакций кремнийорганических соединений; разработка электрических устройств на основе полимеров с полупроводниковыми свойствами; разработки в области полимеров для электронных приложений; изучение свойств медицинского клея и возможности его применения как биомиметика; технология распознавания диагноза, основанная на «отпечатке запаха»; разработка метода химического синтеза сферических молекулярных контейнеров с наночастицами для вакцинации; новый подход к производству нанотрубок для микроэлектроники. Особо отмечается, что уникальность Технологического института Технион в сравнении с другими исследовательскими и технологическими институтами состоит в том, что это подходящее место для междисциплинарных исследований (интеграции наук о жизни и инженерии). В частности, использование квантово-механических расчетов – это метод для фундаментальных химических исследований и их практических приложений таких, как разработка новых лекарств, специальных материалов, электронной промышленности.

В фокусе внимания ученых общества Макса Планка в этом тематическом поле находятся фармацевтические исследования (нанотранспортные капсулы для доставки лекарств в организм), материаловедение (гибридный материал нанометрового размера, углеродный графен, никель-углеродный наноматериал), медицина (мультисенсор для прогноза активности противоопухолевых препаратов с помощью нанотехнологий; имплант или повязка с наночастицами цинка). Уточняется, что некоторые из разработок пока сложно применить на практике в силу трудоемкости, дороговизны, но главное – в том, что фундаментальное изучение еще продолжается.

Касательно исследований на границе раздела нано- и биосистем, журнальные материалы обоих институтов подчеркивают, что они проводятся с использованием передовых оптических и электромагнитных методов и в сочетании с современными и классическими биологическими подходами. Основное внимание уделяется механике и биологии живых клеток, а также развитию исследований биологических процессов. Затрагивается полемическая тема синтетической биологии, основанной на квантовых законах и имеющей свободные границы с классической геномной инженерией, ее концепции и перспективы. Также указывается на многообещающее клиническое применение оптогенетики.

Область интересов израильской школы лежит в медицине и биомедицинской инженерии: например, разработка биомолекулярного компьютера; разработка оптической системы, способной измерять и количественно определять биологические явления и эволюцию нейронных сетей с целью «маркировки» клеток; разработка идеи использования оптического волокна для эндоскопии; диагностика заболеваний рака на ранней стадии и возможность лечить конкретными молекулярными препаратами; наноразмерная технология, основанная на транспортной платформе. Как в теоретической работе, так и в клинических испытаниях проходит сотрудничество между учеными разных специальностей (например, электротехники, медицины, биологии, физики, химии, промышленной инженерии, менеджмента, филозофии).

Приоритеты немецкой школы – в материаловедении, в синтетической биологии, медицине, оптогенетике: например, разработка органических транзисторов; идеи о том, как разработать новые методы лечения рака (биомаркеры); производство наноструктурированных поверхностей; разработка сканирующего лазерного микроскопа, контролирующего активность клеток мозга; создание искусственной костной ткани; создание оптического пинцета для измерения молекулярных сил. Делается акцент на то, что ученые хотят понять, как и почему возникают определенные закономерности в этой сфере, и хотят предсказать, как ведет себя природа. Внимание уделяется истории вопроса, а созданию конкурентных и передовых, как правило, междисциплинарных, исследований способствуют новые высокопроизводительные компьютерные системы и оборудование нового класса.

Доверие ученых к СМИ проявляется в том, что исследователь не только рассказывает о достижениях, успехах, прорывах, наградах в области нанотехнологий, но и делится некоторыми возникающими проблемами/препятствиями в научной деятельности (проблемы финансирования, поиск единомышленников, творческий поиск). Подача материала об исследовании наномира выглядит нейтрально, специализированные аспекты поясняются либо самим ученым, либо научным журналистом. Отмечен симбиоз научно-технических исследований для продвижения нанотехнологий и развития технологических структур. Подчеркивается укрепление научно-исследовательской инфраструктуры, сотрудничество с коллегами из других стран, поиск квалифицированных кадров.

В обеих школах поднимаются полемические вопросы развития нанотехнологий и его драматические последствия для общества и экономики. В целом складывается позитивная картина, и ставятся сложные задачи, требующие междисциплинарного исследования, объединяющего науку. Сами ученые характеризуют свои разработки в области квантовых нанотехнологий как высокоэффективные. В материалах израильского журнала подчеркивается, что эпоха наноматериалов и квантов знаменует начало новой эры в передовых миниатюрных технологиях в Израиле.

Содержательно-тематический обзор зарубежных изданий показывает, что в целом нанотехнологии демонстрируют потребность общества и науки в развитии исследований и инвестировании в них (заинтересованность государства, бизнес-предложения от инновационных компаний, поддержка мегагрантом или признание достижений и вручение престижной награды/ премии). Ученые ожидают изменения фундаментальных физических представлений при изучении наномира и готовы рассмотреть ориентацию на прикладные знания. Оценочно-аналитические суждения, экспертиза исходят от исследователей. Научная журналистика выполняет роль объективного источника информации о сущности нанотехнологий и проблемах, сопровождающих их развитие, и отражает адекватную реакцию общества и академического круга.

Квантовые технологии предоставляют простор для совершенствования научного знания, а новые схемы позволяют иначе взглянуть на традиционные концепции и их интерпретацию.

Хилтухина Е.Г.

д. филос. н., доцент, профессор кафедры, Московский финансово-юридический университет

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: глобализация, культура, образование, философия.

Глобализация, как процесс все возрастающей взаимосвязи стран и народов, ведет к всемирной экономической, политической, культурной, религиозной интеграции. Направленность сегодняшних глобализационных процессов состоит вовсе не в унификации и стандартизации культуры, а в создании возможностей обогащения мировой культуры творческими достижениями отдельных народов. Значит, глобализация – это процесс, в ходе которого мир преобразуется в единую глобальную систему. Общечеловеческое начало в любой культуре общества делает возможным перевод ее содержания на «языки» других культур. Тем самым общечеловеческое начало в каждой культуре и служит, в конечном счете, фундаментом сближения содержания культур в условиях глобализации, гарантируя совпадение смыслов бесконечного исторического ряда культур, образующего интегральную сумму мировой культуры нашей планеты. Этот отдаленный идеал сегодня воплощается пока в универсальных формах культуры – образовании, спорте, моде, туризме и пр. В подлинно же глобальную превращается сегодня преимущественно массовая культура: – разнородные явления культуры XX века, получившие распространение в связи с научно-технической революцией и постоянным обновлением средств массовой коммуникации.

Сущность глобализации означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, создание транснациональных систем. Ключевые факторы глобализации – это информационный, технологический и экономический. Глобализация изменяет характер общения народов друг с другом, ускоряя процессы взаимодействия между народами, культурами и обществами. Об этом писал Элвин Тоффлер в работе «Шок будущего»: «Вступая в эпоху супериндустриализации, мы должны проанализировать процессы ускорения и рассмотреть понятие временности. Если ускорение – новая социальная сила, то временность – ее психологическая параллель, и без понимания ее роли в поведении современного человека все наши теории личности, вся наша психология не будут отвечать современным требованиям»¹. Наблюдается все более отчетливо проявляющаяся ценностно-аксиологическая тенденция: по мере реализации глобалистских сдвигов в современной экономике, политике, науке, праве, в организационно-социальной сфере все чаще более ценными оказываются для людей те моменты их культуры, которые в силу ее сущностного характера не сводимы к цивилизационным потребностям эпохи. Такой сферой во все времена являлось просвещение и образование, которое двигало общество вперед – к прогрессу и развитию в целом. Способы духовной практики человечества все чаще и во все большей мере становятся самоценным элементом национальных культур именно в противовес унифицируемым, стандартизированным элементам цивилизационной деятельности в рамках той или иной национальной культуры.

Пандемия, охватившая весь мир, доказывает необходимость объединения людей, государств и обществ в целом. Тем более, что нравственно-духовный элемент общественного развития свидетельствует о закономерной необходимости, особенно в настоящее время, образования и просвещения людей и в целом народов мира.

Выдающийся немецкий философ, основатель классической немецкой философии И. Кант писал: «ПРОСВЕЩЕНИЕ – это выход человека из состояния несовременности, в котором он находится по собственной вине. Несовершенство – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»². В основе жизнедеятельности человека лежит именно мышление, благодаря которому человек может анализировать и перестраивать мир. Поэтому огромную роль в просвещении и образовании играет философия. Философия – наука об общих законах развития природы, общества и познания, утверждает рациональный подход к явлениям мира и благодаря разуму способствует преобразованию реальной действительности. Вместе с тем, философия является, прежде всего, мировоззрением, которое формируется в процессе познания и жизнедеятельности человека в окружающем его мире. Она дает возможность развитию самостоятельного мышления, которое, как полагал Г.В.Ф. Гегель «следует развивать и упражнять, что, во-первых, при этом не важен материал и, во-вторых, будто бы обучение противоположно самостоятельному мышлению, так как, в самом деле, мышление можно упражнять на таком материале, который не является порождением и комбинированием фантазии или созерцанием, будь оно чувственным или интеллектуальным, а является мыслью и не может изучаться иначе, как мышлением о самой себе»³.

¹ Тоффлер Э. Шок будущего – М.: АСТ, 2001. – С. 30.

² Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.

³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1972. – С. 422.

Образование в эпоху глобализации представляет собой такую сферу, в которой учащиеся не только получают определенные знания и навыки, но и постепенно приобщаются к мировой культуре, общемировым ценностям, расширяют свой кругозор, а также знания в области конкретных профессиональных компетенций и условий труда в различных странах мира. Все это способствует тому, что у студентов происходит развитие профессионального самосознания, формируются ориентации индивидуальных ценностей, необходимых для развития творческой деятельности в рамках мирового пространства, без учета государственных границ и интересов своей страны. Ведь еще Фрэнсис Бэкон говорил: «Знание – сила», что предполагает полезную информацию и позволяет выигрывать на жизненном пути. Знания приводят к огромным достижениям в практической сфере и изменениям в материальном мире. Кроме этого, знание способствует изменению и духовного мира. И именно тот, кто создает эти истины и обладает силой. Истина творится силой. Сила – и есть истина. Но получение этих сил требует немало усилий. Кроме того, важно, чтобы знания оказались в нужных руках. Знание раскрывает силу разума, ибо разум есть духовная составляющая человека, которая формируется в душе человека благодаря сознанию и включает наивысшую степень мышления, он функционирует на более высокой энергетической частоте, *в отличие от самого сознания*. Развитие разума является основополагающим в познавательном процессе и результатом в становлении знаний, которые возможны в период обучения. «Это можно перевести на современный язык. В нашем социальном окружении «знание – это перемены» – и ускоряющееся приобретение знаний, питающий великий двигатель технологии, означает ускорение преобразований»¹.

Глобализация в образовании – это заимствование достижений и духовно-нравственное совершенствование общества в целом, раскрывающее единство всех явлений и процессов технологического, морального и научного потенциала. В силу глобалистских тенденций утверждение образовательного процесса ведет к изучению философских знаний, которые определяют сущность просветительского начала. Ведь философия, как любовь к мудрости, дает возможность благодаря сознанию развиваться человеку, выходить за пределы животного существования, поскольку естественным образом заставляет взаимодействовать с окружающим миром и раскрывает в человеке человека. Воспитание через образование, изучение философских знаний преобразовывает человека потенциального (ребенка) в человека действительного, пробуждает духовное в человеке. Воспитание и образование в том и состоит, что единичное природное существо, пока еще разумное только в себе, то есть не в действительности, а в потенции, становится действительным разумным человеком, причастным всеобщему разуму, человеческой культуре, мышлению, нравственности, причастным духу, «посредством которого непосредственная единичность этой души приводится в соответствие с всеобщим, а это последнее осуществляется в этой непосредственной единичности, и таким образом первое, простое единство души с собой, поднимается до единства, опосредствованного противоположностью, и первоначально абстрактная всеобщность души развивается до конкретной всеобщности. Этот процесс развития и есть образование»². Именно философское, поскольку только философия раскрывает основы духовно-душевного нравственного состояния человека, в котором он формируется как социальный феномен. «Философия становится более пригодной для обучения благодаря своей определенности, поскольку лишь в результате этого она становится ясной, пригодной для передачи другим и получает способность стать общим достоянием. И если, с одной стороны, ее нужно специально изучать, и она с самого начала не является общим достоянием лишь потому, что каждый человек вообще имеет разум, то ее способность быть переданной всем снимает с нее видимость, приобретенную ею»³. Образование в эпоху глобализации закладывает и укрепляет основные направления перераспределения человеческих и трудовых ресурсов в те страны, где для них созданы более привлекательные условия для работы и развития, где нехватка духовных возможностей свидетельствует о нищете и не совершенстве «Я» человека. Тем более, что «Западное общество в последние триста лет было охвачено бурей перемен. Эта буря сейчас, похоже, набирает силу. Перемены проносятся по высокоразвитым странам волнами, которые все набирают силу и оказывают беспрецедентное влияние»⁴ на каждого без исключения человека. Перемены ведут к определенной деградации как человека, так и общества, поэтому роль философии в современном мире наиболее актуальна и возрастает с каждым днем, заставляя каждого человека определять и требовать утверждения нравственных норм поведения человека, которые возможны только благодаря философии как науки и мировоззрения.

Таким образом, философское образование в эпоху глобализма направлено на укрепление индивидуальных позиций будущих специалистов в различных областях деятельности, предоставляет им обширные возможности для профессионального и личностного саморазвития посредством широкого выбора мест и условий применения своих творческих сил, а также позволяет осуществлять концентрацию человеческого капитала высокого качества в тех странах, которые в этом больше всего нуждаются, посредством создания эффективных условий получения образования, философского анализа и последующего благополучного трудоустройства.

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2001. – С. 45.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М., 1977. – С. 79.

³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С. 222.

⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2001. – С. 21.

Имомов В.А.

к.э.н., ответственный сотрудник Министерства экономического развития и сокращения бедности
Республики Узбекистан, Ташкент

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТЕНДЕЦИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: демографические процессы, демографическая политика, социальная политика, Республика Узбекистан.

Демографические процессы и их взаимосвязь с социально-экономическим состоянием страны привлекают к себе растущее внимание специалистов, политиков и общественности. Демографическая ситуация, а также сложившееся положение с использованием рабочей силы в различных регионах, во многом влияют на состояние и перспективы их экономического и социального развития, на расстановку экономических и политических сил.

Эффективность национальной демографической политики и ее взаимосвязь с социально-экономической политикой в значительной мере зависит от учета особенностей макроэкономической ситуации, сложившейся в стране. Экономическая и социальная системы взаимно влияют на развитие друг друга. С одной стороны, экономическое развитие создает предпосылки для изменения качества жизни населения, создает среду для формирования трудовых ресурсов. С другой стороны, именно люди, обладающие определенным набором качественных и количественных характеристик, формируют состав рабочей силы, занятой в экономике.

Как было указано в Стратегии действий по дальнейшему развитию страны, необходимо создание условий трудоспособному населению для полной реализации его «трудовой и предпринимательской активности, повышение качества рабочей силы, расширение системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации лиц, нуждающихся в трудоустройстве»¹. Поставленные задачи требуют выделения приоритетных направлений в государственной социальной политике с целью оптимизировать затраты бюджета и максимизировать положительный эффект от вложений в социальную сферу.

Демографическая политика в стране должна быть ориентирована на важнейшие проблемы социально-экономического развития страны и исходить из необходимости содействия быстрому и эффективному их решению. В силу сказанного государственная демографическая политика должна рассматриваться в качестве составной части социально-экономической политики. Главная цель демографической политики заключается в том, чтобы посредством реализации разного рода мероприятий способствовать эффективному решению задач, вытекающих из социально-экономической политики в целом. Последняя же должна содействовать более успешной реализации целей и задач демографической политики.

Демографическая политика – целенаправленная деятельность общества в области упорядочивания демографических процессов. Она рассматривается как часть общей социальной политики государства, которая, в свою очередь, представляет собой систему мер, направленных на повышение уровня и качества жизни населения. Роль демографической политики весьма велика при планировании социально-экономического развития страны, обосновании стратегических направлений политики и развития социальной сферы. В каком направлении будет осуществляться развитие страны, во многом зависит от нехватки или избыточности трудовых ресурсов, роста или снижения рождаемости, значительной продолжительности жизни или высокого уровня смертности. Регулированию демографических процессов посвящены меры демографической политики. От ее эффективности зависят перспективы развития страны, направления внутренней и внешней политики.

При разработке демографической политики важно учитывать различия между социальной, семейной и демографической политикой:

- социальная политика связана с выравниванием возможностей, прежде всего, с точки зрения, обеспечения минимальных гарантий уровня жизни;
- демографическая политика представляет собой реализацию мер, направленных на обеспечение расширенного или хотя бы простого воспроизводства населения;
- объектом воздействия семейной политики является именно семья в целях повышения значимости семейного образа жизни и обеспечения жизнедеятельности института семьи;
- социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

¹ <https://lex.uz/docs/3107042>

Меры социальной политики по своему воздействию на народонаселение и результатам могут быть близки целям и задачам демографической политики. Однако одних только мер социальной политики для решения большинства демографических проблем недостаточно. В то же время демографическая политика – составная часть социальной политики наряду с регулированием занятости, условий труда, уровня жизни, социального обеспечения населения.

Демографическая политика может быть успешной только при условии четкой постановки ее цели. Цель демографической политики – формирование наиболее желательного типа воспроизводства населения, сохранение или изменение существующих тенденций динамики численности, состава, размещения и качества населения, миграции. Понятно, что цели политики будут отличаться в зависимости от конкретных условий страны, региона. При этом выбор оптимального типа воспроизводства населения будет определяться исходя из выбора критерия оптимальности. В зависимости от выбора критерия устанавливается направленность политики на тот или иной уровень воспроизводства населения, в первую очередь рождаемости. Значение воздействия мер по регулированию демографической политики обуславливается в значительной мере необходимостью ограничения экономической миграции как одного из факторов существования современной малодетности.

Таким образом, меры демографической и социальной политики должны воздействовать на воспроизводственное поведение населения в двух направлениях:

- помощь в реализации существующей потребности в числе детей;
- изменение самой потребности семей в количестве детей в соответствии с интересами общества.

Особенность осуществления мер демографической политики заключается в их опосредованном воздействии на демографические процессы.

Эффективность демографической политики определяется сопоставлением ее целей с полученными результатами, временем достижения поставленных целей и произведенными материальными затратами общества. Важнейшим элементом любой программы демографической политики является набор индикаторов, позволяющих оценить эффективность реализуемых мер и опирающихся на данные демографической статистики.

Таким образом, реализация мер демографической политики направлена на достижение демографического оптимума, позволяющего оптимизировать параметры социально-экономического развития. Демографическая и социальная политика обеспечивают рынок труда трудовыми ресурсами и тем самым создают необходимые предпосылки для эффективного развития экономики и политической стабильности в стране.

Научно-исследовательскими учреждениями Республики Узбекистан совместно с зарубежными партнерами при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) разработаны прогнозы демографического развития страны на период до 2050 года¹.

В основу прогноза заложен глубокий анализ основных закономерной и факторов изменения численности населения и его половозрастной структуры за период с 1950 по 2018 годы. В качестве метода прогноза были использованы широко применяемые в международной практике методы, позволяющие рассматривать основные показатели демографического воспроизводства (рождаемость, смертность, иммиграция, эмиграция).

Учитывая существующие различия в репродуктивном поведении городского и сельского населения, прогноз для всей страны был получен путем объединения результатов прогнозов, отдельно проведенных для сельского и городского населения. Анализируя прогнозные показатели численности населения Узбекистана в разрезе каждого из компонентов, оказывающих влияние на демографические процессы, можно сделать следующие выводы.

В части *перспективы рождаемости* – в целом по стране уровень рождаемости будет продолжать снижаться в результате неуклонного роста благосостояния населения, повышения его культурного и образовательного уровня, усиления процессов урбанизации. Так, если в 2018 году число живорожденных младенцев на одну женщину составляло 2,57, то в 2030 г. ожидается 2,35, в 2040 г. – 2,24 и к концу прогнозируемого периода (2050 г.) – 2,16 живорожденных младенца. Снижение суммарной рождаемости будет продолжаться как среди сельского, так и среди городского населения. Предполагается, что к 2050 году коэффициент суммарной рождаемости с наибольшей вероятностью снизится до уровня менее 2,2 ребенка на одну женщину в сельской местности и менее 2,0 детей в городской, т.е. ожидается стабилизация рождаемости на уровне простого замещения.

Предположения в *отношении смертности* подразумевают, что темпы снижения показателей, измеряющих интенсивность данного процесса, останутся такими же, что и в предыдущие годы, или даже повысятся.

В результате роста уровня жизни населения, качественного улучшения системы здравоохранения интенсивность смертности будет постепенно уменьшаться. Это приведет к росту средней продолжительности жизни женщин и мужчин. Ожидаемая продолжительность жизни увеличится за период 2018–2050 годы для мужчин с 70,86 лет до 75,62 лет, у женщин – с 74,35 до 78,66 лет. В целом более стремительное снижение смертности мужчин по сравнению с женщинами должно привести к сближению показателей средней продолжительности жизни мужчин и женщин.

Рост открытости Узбекистана, ожидаемое более активное участие страны в международном разделении труда будет способствовать увеличению миграционной убыли населения в период до начала 2030-х годов с ее последующей стабилизацией на уровне 40 тыс. человек в год. Основными результатами демографического развития Республики Узбекистан на период 2018–2050 гг. являются следующие:

1. В ближайшие три десятилетия общая численность населения Республики Узбекистан будет неуклонно расти и с наибольшей вероятностью достигнет к 2050 году отметки 44,5 млн. человек (по среднему варианту), то есть увеличится на 37%. В то же время, на протяжении этого периода темпы роста населения будут различаться. Ожидается, что в течение первых восьми лет прогнозного периода ежегодные темпы роста населения будут быстро снижаться, с

¹ www.cedr.uz

первоначальных 1,6 до 1,0%, а затем временно стабилизируются до начала нового этапа снижения после 2040-го года с 0,85 до 0,6% к 2050 году.

Естественный прирост населения и в будущем будет играть решающую роль в демографическом развитии Узбекистана, хотя его вклад, предположительно, сократится с 536 тыс. человек до менее 300 тыс. человек в год к середине XXI века.

2. Снижение темпов роста населения станет причиной дальнейшего старения населения Узбекистана. Ожидается, что в течение прогнозного периода средний возраст населения страны увеличится с 29,3 лет до 36,9 лет к концу 2050-го года или возрастет почти на 8 лет. При этом средний возраст женского населения Узбекистана будет составлять 37,9 лет, а мужского – 36,5 лет.

3. Более масштабные и во многих отношениях беспрецедентные изменения будут наблюдаться в возрастной структуре населения.

Согласно прогнозу, несмотря на снижение за период 2018-2050 годы уровня рождаемости и доли детей в возрасте от 0 до 17 лет в общей численности населения с 33,3 до 25,7% их совокупная численность будет достаточно стабильна – порядка 11,4–11,8 млн. человек. Что касается молодежи в возрасте 18–23 лет, как потенциального контингента для получения высшего образования, то ее численность также будет достаточно стабильна – 3,5 млн. человек в 2018 году и 3,6 млн. человек в 2030 и 2050 годах.

В целях расширения охвата детей, подростков и молодежи средним общим и профессиональным образованием, кардинального повышения качества образования за счет сокращения сменности, оптимизации наполняемости классов для создания условий по расширению индивидуальных форм работы с учениками, внедрения передовых педагогических технологий требуется дальнейшее укрепление материально-технической базы образовательных учреждений всех типов, укомплектование их квалифицированными педагогическими кадрами.

4. Особого внимания заслуживают результаты прогноза в части динамики трудоспособного населения. При сохранении установленных границ трудоспособного возраста, численность этой категории населения в прогнозируемом периоде увеличится с 8,6 млн. человек в 2018 году до 23,4 млн. человек к 2050 году или возрастет на 26%. Это свидетельствует о том, что и в долгосрочной перспективе Узбекистан будет трудообеспеченным регионом, что предъявляет повышенные требования к решению в перспективе наиболее острой социальной проблемы – обеспечение занятости населения.

Вместе с тем, несмотря на существенный рост абсолютных показателей, ожидается, что относительная доля лиц трудоспособного возраста значительно снизится – с 56,9% в 2018 году, до 55,8% в 2040 г. и 52,3 % в 2050 г.

5. Результаты прогноза свидетельствуют, что в период 2018–2050 гг. следует ожидать резкое увеличение численности лиц пенсионного возраста и повышение их доли в половозрастной структуре населения.

По данным прогноза численность лиц пенсионного возраста (женщины 55 лет, мужчины 60 лет и старше) увеличится с 3,2 млн. до 4,37 млн. в 2025 г., 5,2 млн. в 2030 г., 7,16 млн. в 2040 г. и 9,6 млн. человек в 2050 г. или в более чем в 3,0 раза.

Доля этой категории населения в общей численности населения страны вырастет с 9,7% в 2018 году до 22,0% в 2050 году.

Быстрое старение населения неизбежно поднимет вопрос об изменении официально установленного пенсионного возраста и реформирования всей пенсионной системы, обеспечения ее финансовой устойчивости.

Рост численности пожилого населения и увеличение вероятности дожития до старших возрастов, в свою очередь, приведут к быстро растущему спросу на услуги здравоохранения и более глубокому изучению проблем в области геронтологии.

6. В предстоящие тридцать лет увеличится демографическая нагрузка на экономически активное население. Так, если в 2018 году на четырех потенциальных производителей приходилось три потенциальных иждивенца, то в 2050 году это соотношение составит примерно девять иждивенцев к десяти производителям.

Расчеты показывают, что доля иждивенцев детского возраста за прогнозный период снизится с 58,5 до 49,0%, в то время как доля иждивенцев пожилого возраста резко возрастет с 17,1 до 41,0%. Можно заключить, что главной составляющей роста доли иждивенцев после 2025 года будет увеличение доли иждивенцев пожилого возраста.

Таким образом, наблюдаемые изменения в динамике численности населения окажут наибольшее влияние на три общественно важные сферы – социальное обслуживание и социальную защиту населения, систему общественного здравоохранения и рынок труда. А в совокупности – и на динамику экономического роста. Результаты прогноза демографического развития Узбекистана могут служить в качестве инструмента для разработки и внедрения конкретных мер государственной политики, выработки адекватных и потенциально успешных адресных стратегий, программ экономического и социального развития страны.

Кузина Н.В.¹

в.н.с. Центра исследования проблем безопасности РАН

ПОТОКИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ (I ПОЛУГОДИЕ 2020 г.) В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ, РЕСУРС ДЕМОГРАФИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ПРАВОВОЕ И НЕПРАВОВОЕ ПОЛЕ²

Ключевые слова: социально-экономические факторы, регионоведение, внешняя трудовая миграция, социальная напряженность, толерантность, статистика, преступность, пандемия, национальная безопасность.

Keywords: socio-economic factors, regional studies, external labor migration, social tension, tolerance, statistics, crime, pandemic, national security.

Российская Федерация в силу сложной демографической ситуации, в силу сложившегося разделения рынка рабочей силы на более востребованные и на менее востребованные специальности не может обойтись без внешних трудовых мигрантов. Миграционные потоки в XXI в. в России являются выразительным и точным индикатором благополучия регионов. Вместе с тем, пандемия вскрыла существующие проблемы незаконной трудовой миграции: в период ограничений в связи с COVID-19 многие незаконные внешние трудовые мигранты были вынуждены легализоваться, чему способствовали законодательные инициативы Российского государства, реализованные в 2020 г.

Особенности экономики и социальной жизни в регионах³ существенно влияют как на процессы внешней миграции, так и на масштабы противоправной деятельности в среде иностранных граждан или направленной против них.

Приведем данные о взаимосвязи показателей региона и количества внешних трудовых мигрантов в нем в 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция между количеством внешних трудовых мигрантов и социально-экономическими показателями региона (коэффициент Спирмена, ρ)

Показатель	Количество внешних трудовых мигрантов, легализующихся в регионе, 01.2020 – 06.2020, чел.
Поступило в бюджет субъекта, I п/г 2020 г., тыс. руб.	0,88
Требуемые работники, I кв. 2020 г., тыс. чел.	0,87
Валовая добавленная стоимость региона за 2018 г., тыс. руб.	0,85
Консолидированный бюджет, доходы, I п/г 2020, тыс. руб.	0,83
Консолидированный бюджет, расходы, I п/г 2020, тыс. руб.	0,82
Оборот пищевых продуктов, январь-июнь, 2020, млн. руб.	0,81
Расходы на соцподдержку в регионе на 12.2019, тыс. руб.	0,81
Вакантные места по данным службы занятости, 06.2020, чел.	0,80
Разводов за 01.2020–06.2020.	0,80
Браков за 01.2020–06.2020.	0,79
Расходы на соцподдержку в регионе на 06.2020 г., тыс. руб.	0,79
Зарегистрировано преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами б/г на 07.2020 (01.2020–07.2020)	0,79
Зарегистрировано преступлений, совершенных иностранными гражданами, на 08.2020	0,78
Поступило от субъекта, млн. руб. I п/г 2020	0,78
Размещений иностранных граждан (туризм), 01.2020–03.2020	0,78
Задолженность региона по налогам, всего, I п/г 2020, тыс. руб.	0,77
Задолженность региона по федеральным налогам, I п/г, 2020, тыс. руб.	0,76
Занятых (05.2020–06.2020), тыс. чел.	0,76

¹ Специализация: междисциплинарные исследования, в том числе анализ контента культуры и ценностно-мотивационных систем, социальной напряженности, статистический анализ. E-mail: nvkuzina@mail.ru

² Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годы (НИР 0006-2020-0001).

³ Информация о социально-экономическом положении России. 2020 г. 20.08.2020 г. Январь-июль / Росстат. – <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800>; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июнь 2020 года с распределением по странам и регионам. 17 Июля 2020 г. / ГУ МВД. – <https://xn--blaew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/20643682/>; Показатели преступности в Российской Федерации (январь-июль 2020 г.) // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – http://crimestat.ru/offenses_table

Работающих трудоспособного возраста 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,76
Количество преступлений (01.2020–07.2020)	0,76
Количество рабочей силы, тыс. чел. (15–72 лет, 01.2020–06.2020)	0,75
Врачей на начало 2019 г.	0,73
Задолженность региона по региональным налогам, I п/г, 2020, тыс. руб.	0,73
Число койко-мест на начало 2019 г.	0,73
Умерших (01.2020–06.2020), чел.	0,72
Неработающих пенсионеров на 01.2020, тыс. чел.	0,71
Всего пенсионеров, 01.2020, тыс. чел.	0,71
Родившихся (01.2020–06.2020), чел.	0,70
Больничных учреждений на конец 2019 г.	0,67
Поступило в федеральный бюджет от субъекта 1 п/г 2020, тыс. руб.	0,66
Число самостоят. образовательных организаций высшего образования, 2019 г.	0,65
Количество студентов в организациях высшего образования, чел., 2019 г.	0,61
Выпущено из организаций высшего образования, чел., 2019 г.	0,60
Средний депозит домохозяйства (2020, II кв), руб.	0,55
Безработные трудоспособного возраста, 15–72 лет, тыс. чел.(01.2020–06.2020)	0,55
Среднемесячный доход на душу населения, I п/г 2020, руб.	0,53
Потребительские среднемесячные расходы на душу населения, I п/г 2020, руб.	0,52
Потребление на одного члена семьи, I кв 2020, руб.	0,48
Сельское население (на 01.2020), чел.	0,46
Умерших (COVID-19) за 06.2020, чел.	0,46
Преступлений террористического характера (01.2020–07.2020)	0,45
Расходы домохозяйств на отдых, I кв. 2020, %	0,41
Начисленная заработная плата работников организаций, I п/г 2020, руб.	0,41
Средняя заработная плата, 05.2020, руб.	0,40
Расходы домохозяйств на питание (I кв. 2020), %	–0,30

Количество внешних трудовых мигрантов растет, если регион имеет значительные поступления в бюджет, консолидированный бюджет характеризуется высокими доходами и расходами, имеется большое число вакантных рабочих мест, характерна установка на социальную поддержку населения, высокоразвитую социальную сферу, значительную репродуктивную и брачную активность населения, большое количество рабочей силы и безработных, высокий оборот пищевых продуктов. Это регионы, где имеется высокий доход (и депозиты) у домохозяйств, наиболее низкие расходы на питание. Негативным трендом является высокая преступность, смертность, высокая демографическая нагрузка и большее число безработных трудоспособного возраста.

Отразим данные взаимосвязи на графиках, указав коэффициент корреляции между показателями: связь величины потока внешних трудовых мигрантов с поступлениями в бюджет субъекта Федерации (рис. 1), доходами консолидированного бюджета региона (рис. 2), валовой добавленной стоимостью для региона (рис. 3), оборотом пищевых продуктов в регионе (рис. 4), расходами на социальную поддержку населения (рис. 5), количеством безработных трудоспособного возраста (рис. 6).

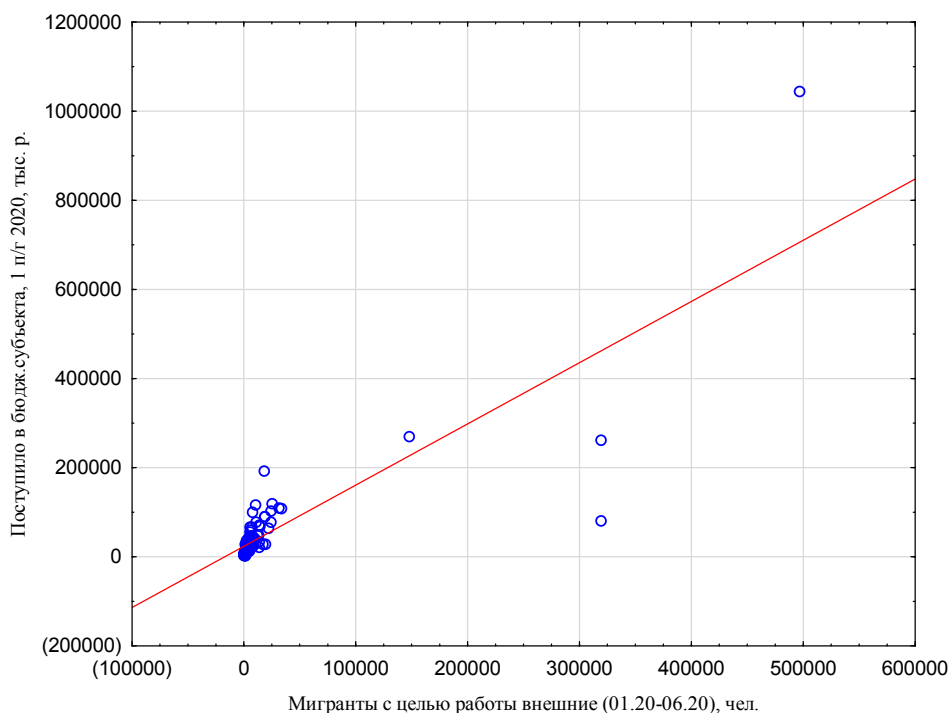

Рисунок 1.
Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и поступлений в бюджет региона
(коэффициент Спирмена, $r = 0,88$)

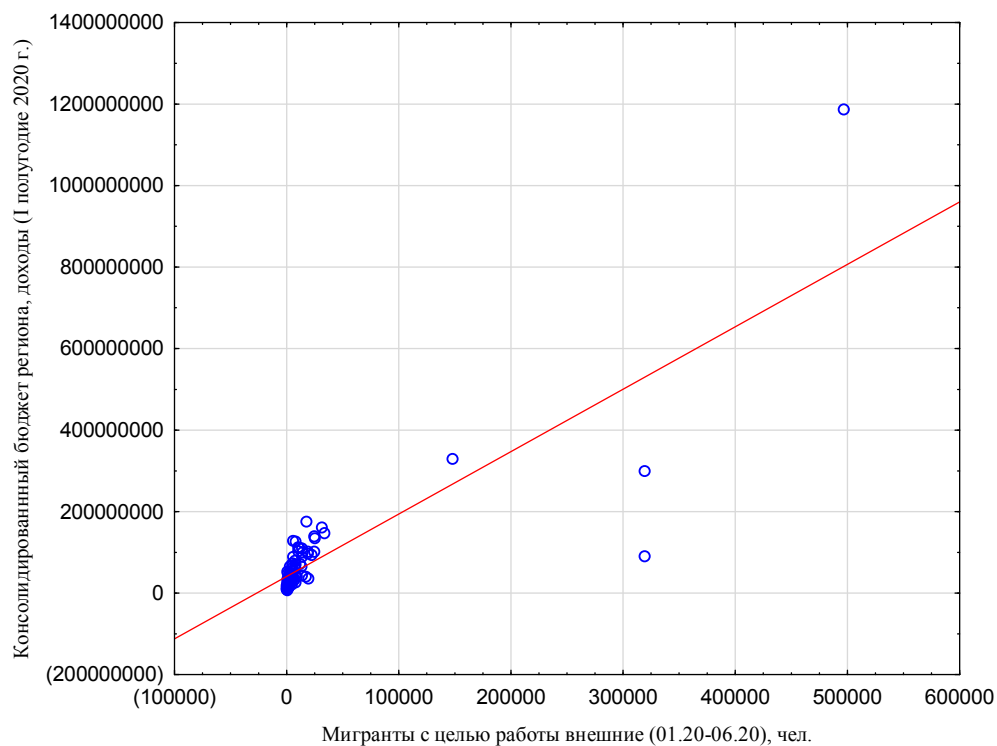

Рисунок 2.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и доходов консолидированного бюджета региона (коэффициент Спирмена, $\rho = 0,83$)

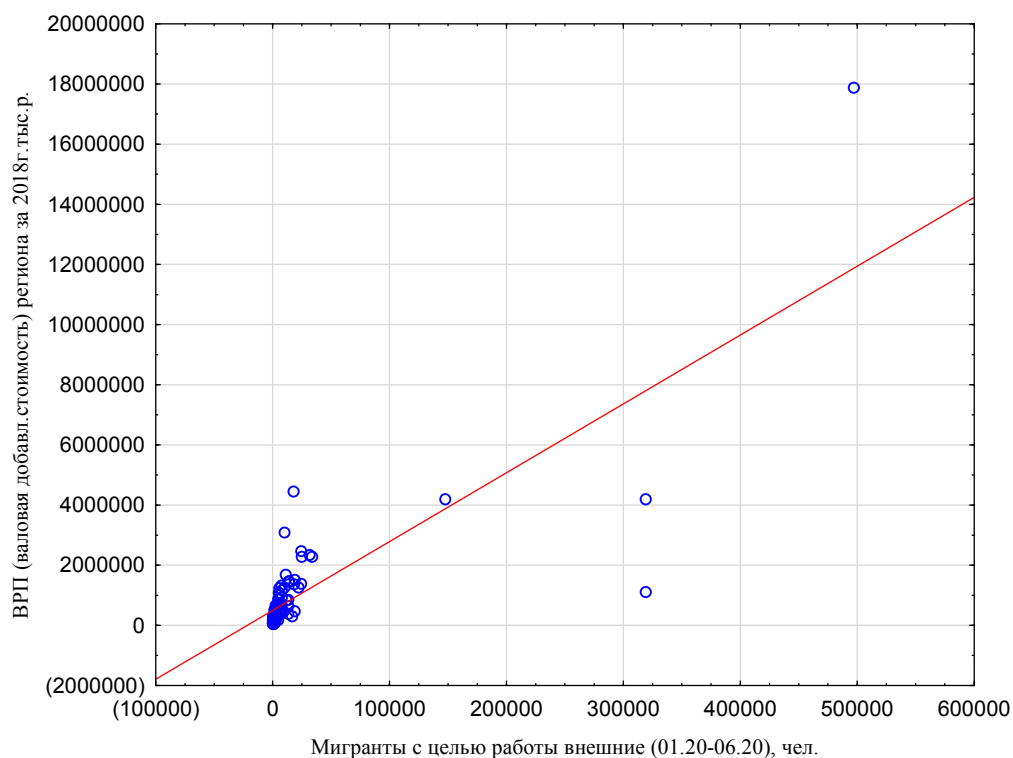

Рисунок 3.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и валовой добавленной стоимости по регионам (коэффициент Спирмена, $\rho = 0,85$)

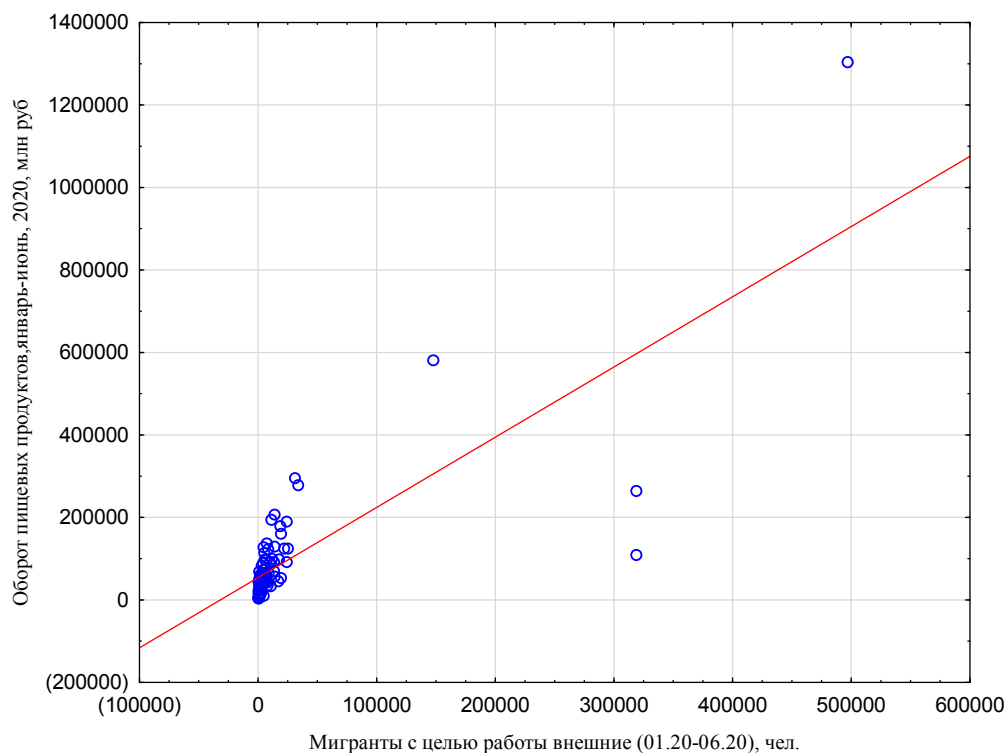

Рисунок 4.
Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и оборота пищевых продуктов по регионам
(коэффициент Спирмена, $\rho = 0,81$)

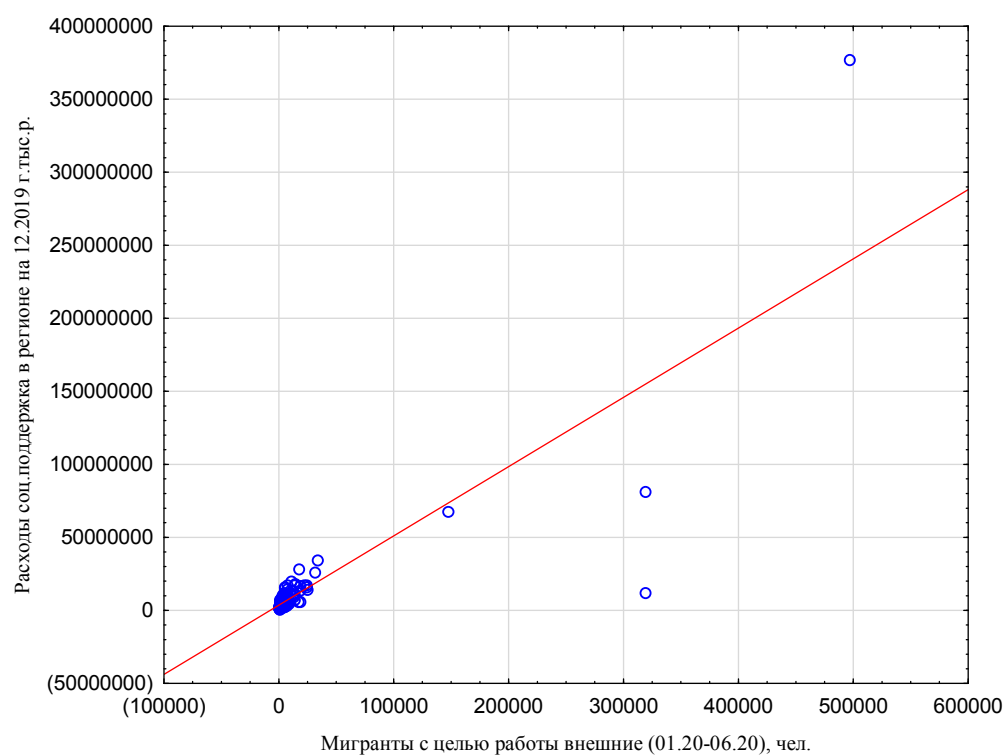

Рисунок 5.
Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и расходов соц. поддержки населения по
регионам (коэффициент Спирмена, $\rho = 0,81$)

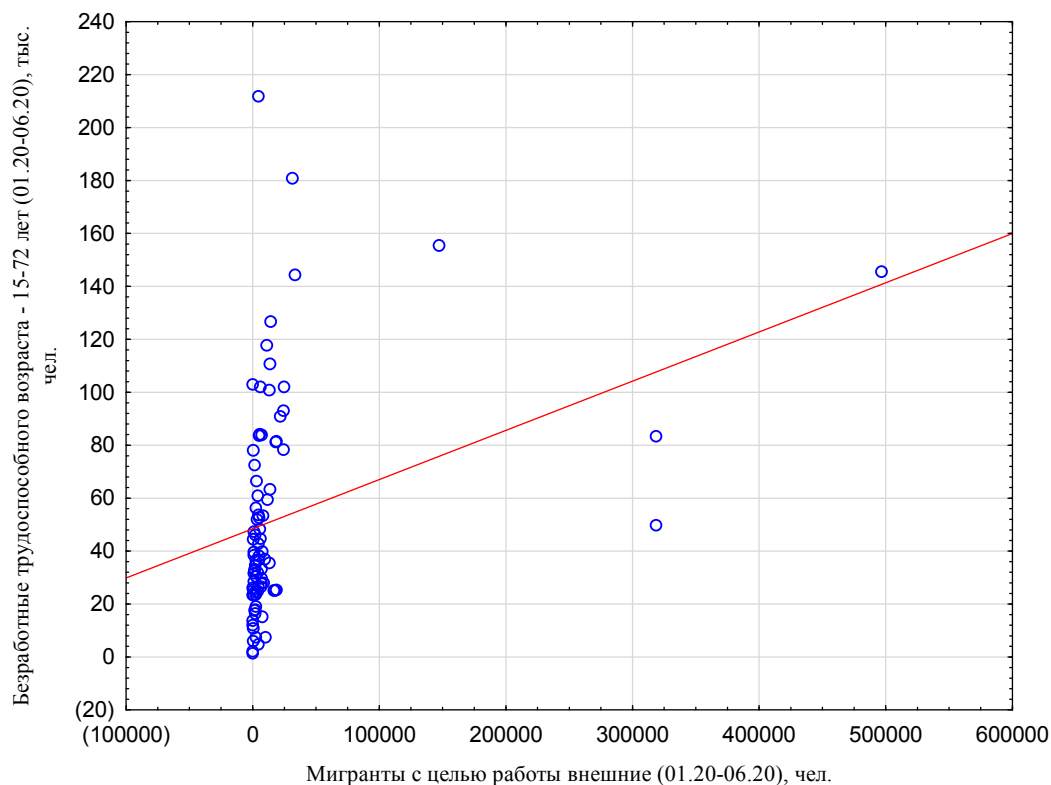

Рисунок 6.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и безработных трудоспособного возраста по регионам (коэффициент Спирмена, $r = 0,55$)

Индикатором неблагополучия в период кризиса является критерий «количество зарегистрированных преступлений», в том числе в связи с проблемой внешней миграции: «количество преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства», «количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства». Отразим устойчивые взаимосвязи данных о преступности и внешней миграции по регионам Российской Федерации на графиках, указав коэффициент корреляции между показателями.

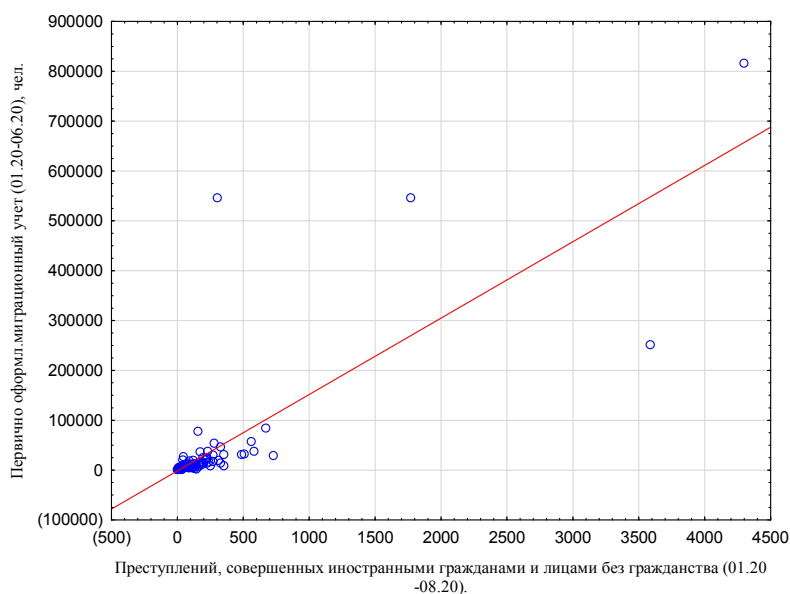

Рисунок 7.

Корреляция количества внешних мигрантов, первично ставших на миграционный учет, и числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства по регионам (коэффициент Спирмена, $r = 0,83$)

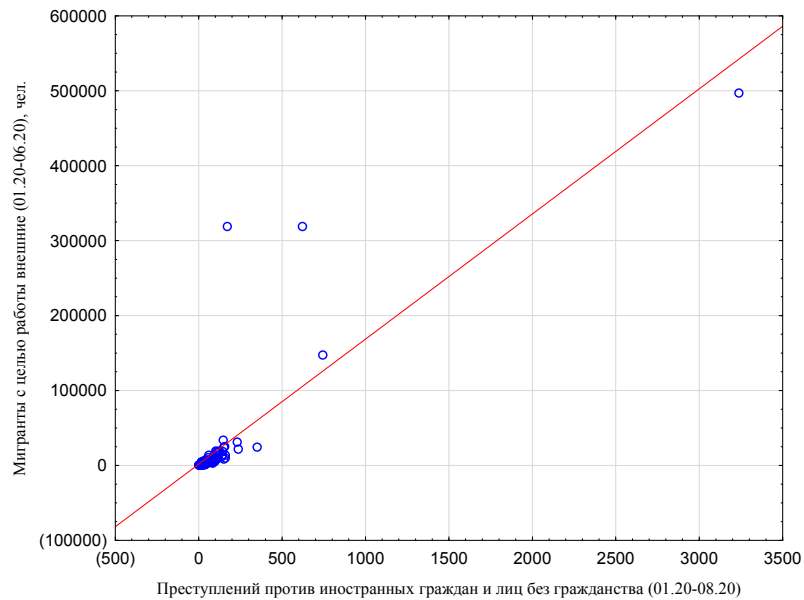

Рисунок 8.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства по регионам (коэффициент Спирмена, $\rho = 0,90$)

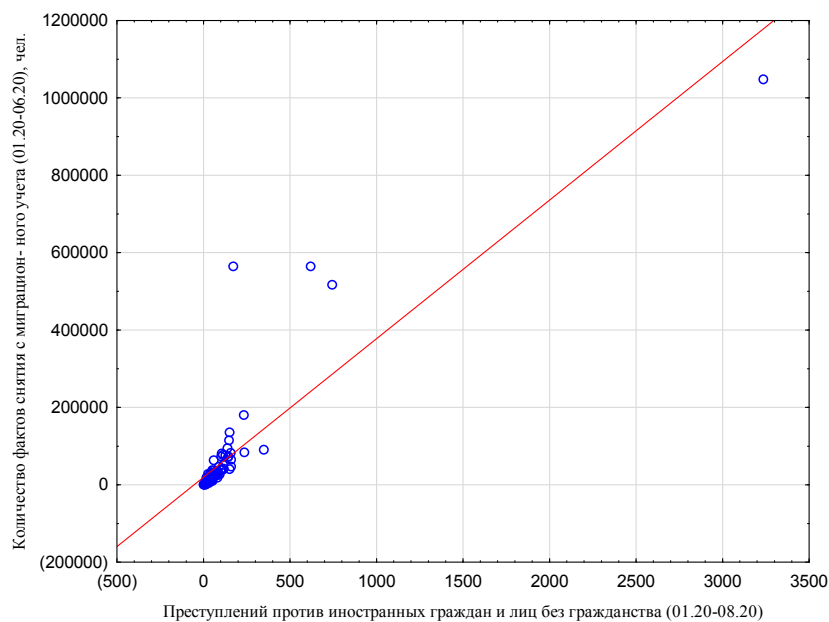

Рисунок 9.

Корреляция количества снятий с миграционного учета и преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства по регионам (коэффициент Спирмена, $\rho = 0,93$)

Высокое количество преступлений против мигрантов особенно характерно, как показал анализ, именно для регионов с высоким количеством вакантных рабочих мест, что затрудняет заполнение данных вакансий внешними трудовыми мигрантами.

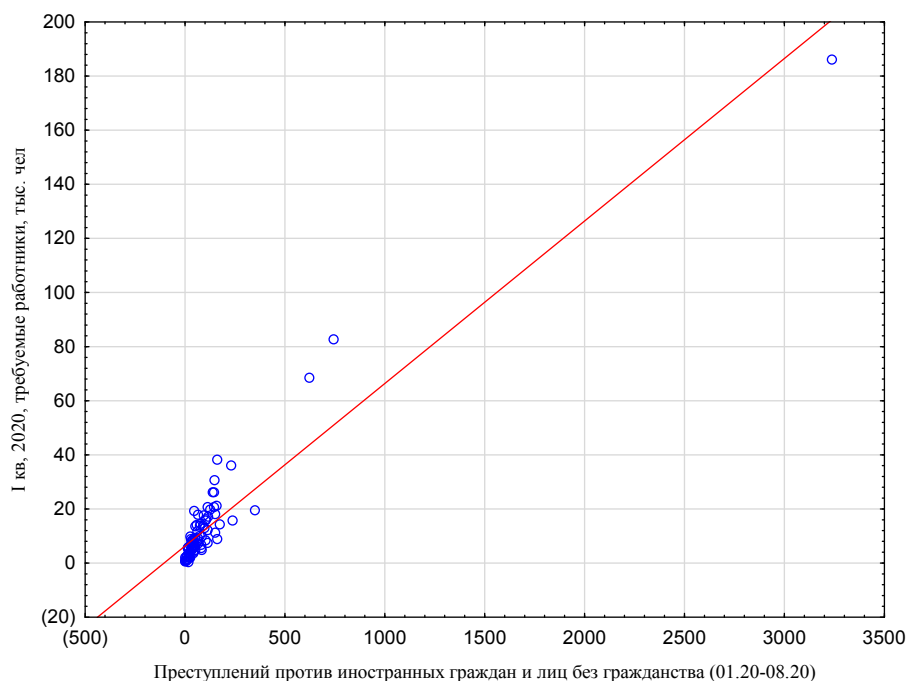

Рисунок 10.

Корреляция количества требуемых работников (данные на первый квартал 2020 г.) и преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства по регионам (коэффициент Спирмена, $r = 0,87$)

В период пандемии в регионах с высоким числом внешних трудовых мигрантов наблюдался как отток данных трудовых ресурсов (рис. 12), так и их легализация – постановка на учет, особенно там, где выезд из регионов был затруднен (рис. 11).

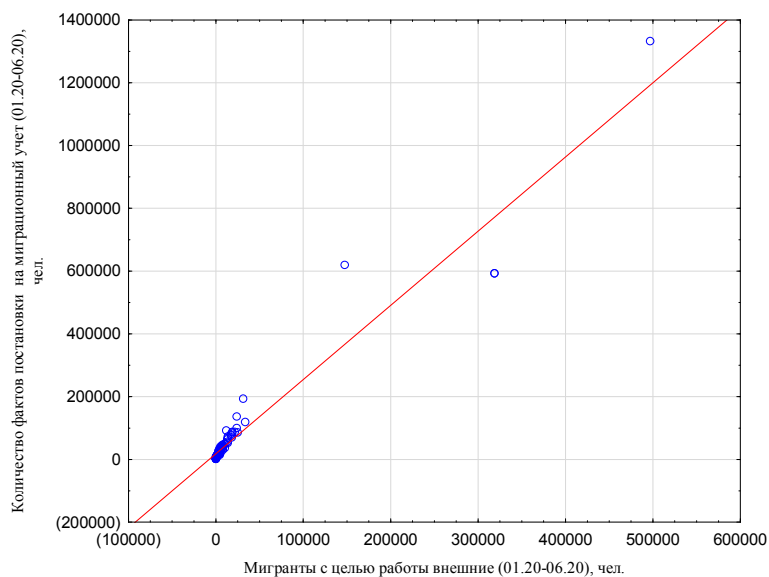

Рисунок 11.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и числа постановок на миграционный учет за первое полугодие 2020 г. по регионам (коэффициент Спирмена, $r = 0,99$)

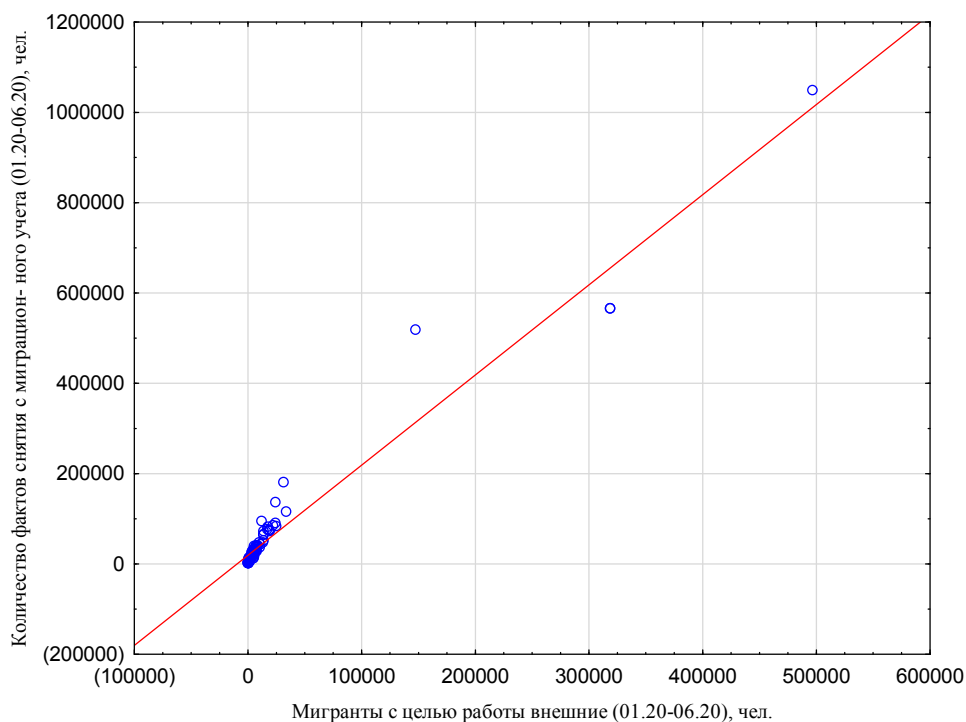

Рисунок 12.

Корреляция количества внешних трудовых мигрантов и числа снятий с миграционного учета за первое полугодие 2020 г. по регионам (коэффициент Спирмена, $r = 0,97$)

Количество преступлений против иностранных граждан в регионе увеличивается с ростом числа мигрантов и коррелирует со следующими показателями: количество фактов снятия с миграционного учета за январь-июнь 2020 г. ($r=0,93$), количество фактов постановки на миграционный учет на январь-июнь 2020 г. ($r=0,92$), количество первично оформивших миграционный учет ($r=0,92$), общее количество внешних трудовых мигрантов ($r=0,89$), количество решений о выдаче вида на жительство за январь-июнь 2020 г. ($r=0,85$), число действительных видов на жительство на конец периода, за январь-июнь 2020 г. ($r=0,84$).

Регионы с высокой преступностью против иностранных граждан характеризуются следующими экономико-демографическими показателями (табл. 2): высокий экономический и демографический потенциал, развитые меры соцподдержки населения, высокое количество рабочей силы и потребность в ней, но также и высокая демографическая нагрузка на работающее население, высокая криминогенность.

Таблица 2

Корреляция между количеством преступлений, совершенных против иностранных граждан, и экономико-демографическими показателями региона (коэффициент Спирмена, r)

Показатель	Преступлений против иностранных граждан на август 2020 г.
Требуемых работников на I кв, 2020 г., тыс. чел.	0,87
Разводов (01.2020–06.2020)	0,85
Количество преступлений (01.2020–07.2020)	0,85
Поступило в бюджет субъекта, I п/г 2020, тыс. руб.	0,84
Вакантных мест по данным службы занятости на конец июня 2020 г.	0,84
Расходы на соцподдержку в регионе на июнь 2020 г., тыс. руб.	0,84
Оборот пищевых продуктов (01.2020–06.2020), млн. руб.	0,84
Расходы на соц. поддержку в регионе на 12.2019 г., тыс. руб.	0,83
Браков (01.2020–06.2020).	0,82
Консолидированный бюджет, расходы, I п/г 2020, тыс. руб.	0,82
Консолидированный бюджет, доходы, I п/г 2020, тыс. руб.	0,82
Работающих трудоспособного возраста, 15-72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,81
Занятых, тыс. чел., май – июль 2020 г.	0,81
Количество рабочей силы, 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,80
Количество рабочей силы, тыс. чел., май-июль 2020 г.	0,80
Умерших (01.2020–06.2020), чел.	0,79
Поступило от субъекта, млн.р., I п/г 2020, тыс. руб.	0,78
Задолженность региона по федеральным налогам, I п/г, 2020, тыс. руб.	0,77
Всего пенсионеров на 01.2020 г., тыс. чел.	0,77
Неработающих пенсионеров на 01.2020, тыс. чел.	0,77
Задолженность региона по налогам, всего, I п/г 2020, тыс. руб.	0,76
Безработных, тыс. чел., май – июль 2020 г.	0,60
Безработных трудоспособного возраста, 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020).	0,59

Количество преступлений иностранных граждан за первое полугодие 2020 г. коррелирует в регионах с такими показателями, как количество решений о выдаче вида на жительство в январе-июне 2020 г. ($p=0,88$), количество решений о гражданстве Российской Федерации ($p=0,87$), число действительных на конец периода видов на жительство ($p=0,85$), число имеющих разрешение на временное проживание на конец периода ($p=0,83$), количество первично оформивших миграционный учет ($p=0,82$), количество фактов снятия с миграционного учета ($p=0,80$), количество фактов постановки на миграционный учет (всего) за январь-июнь 2020 г. ($p=0,80$).

Иностранные граждане чаще совершают преступления в регионах, характеризующихся высокой демографической нагрузкой, высоким количеством рабочей силы и в целом как социальным, так и экономическим неблагополучием, отражающимся в том числе в задолженности региона по налогам (табл. 3).

Таблица 3

Корреляция между количеством преступлений, совершенных иностранными гражданами, и экономико-демографическими показателями региона (коэффициент Спирмена, r)

Показатель	Преступлений, совершенных иностранными гражданами на август 2020 г.
Умерших (01.2020–06.2020), чел.	0,81
Разводов (01.2020–06.2020)	0,81
Оборот пищевых продуктов (01.2020–06.2020), млн. руб.	0,80
Работающих трудоспособного возраста 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,80
Количество рабочей силы, 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,79
Всего пенсионеров на 01.2020 г., тыс. чел.	0,79
Требуемых работников по данным I кв. 2020 г., тыс. чел.	0,79
Задолженность региона по федеральн. налогам, I кв. 2020, тыс. руб.	0,72
Задолженность региона по налогам, всего, I кв. 2020, тыс. руб.	0,72
Консолидированный бюджет, расходы, I кв. 2020, тыс. руб.	0,71
Поступило от субъекта, млн.р. I кв. 2020, тыс. руб.	0,71
Поступило в бюджет субъекта, I кв. 2020, тыс. руб.	0,71
Расходы на соцподдержку в регионе на 06.2020 г., тыс. руб.	0,70
Вакантные места по данным службы занятости на конец июня 2020 г., чел.	0,68
Задолженность региона по региональн. налогам, I кв. 2020, тыс. руб.	0,68
Поступило в федеральный бюджет от субъекта I кв. 2020, тыс. руб.	0,66
Безработных трудоспособного возраста, 15–72 лет, тыс. чел. (01.2020–06.2020)	0,57

Вывяим регионы Российской Федерации, характеризовавшиеся в период пандемии наибольшей противоправной активностью как иностранных граждан, так и проявлениями, направленными против иностранных граждан, проанализируем состояние в них внешней трудовой миграции (как выезда, так и постановки на учет).

Перечислим регионы, имеющие наиболее высокое число постановок на миграционный учет (за первое полугодие 2020 г.) – свыше 50 тыс. человек (табл. 4).

Таблица 4

Регионы Российской Федерации с наиболее высоким количеством постановок внешних мигрантов на миграционный учет (январь-июнь 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Количество фактов постановки на миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Первично оформл. миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Мигранты с целью работы внешние (01.20–06.20), чел.
Москва	12 692 466	1 331 483	815 511	496 836
Московская область	7 687 647	618 916	251 408	147 659
Санкт-Петербург	5 392 992	591 929	545 748	319 052
Краснодарский край	5 677 786	192 900	84 007	31 361
Иркутская область	2 390 827	136 553	77 652	24 311
Свердловская область	4 310 861	118 208	56 703	33 664
Республика Татарстан (Татарстан)	3 902 642	99 216	53 311	24 260
Приморский край	1 895 305	92 041	37 001	11 928
Новосибирская область	2 798 251	87 388	46 237	22 058
Самарская область	3 179 026	86 972	37 474	19 006
Красноярский край	2 867 875	85 783	36 307	25 135
Калужская область	1 000 070	85 563	30 556	19 110
Амурская область	790 676	79 006	20 169	17 036
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1 674 086	76 497	24 333	17 879
Челябинская область	3 466 960	72 920	31 801	14 107
Нижегородская область	3 203 818	70 257	29 855	18 582
Ростовская область	4 195 327	67 987	31 063	13 841
Тульская область	1 466 025	63 683	24 695	13 553
Волгоградская область	2 491 751	54 993	22 487	13 204
Республика Крым	1 912 025	52 156	29 095	13 687

Определим регионы с наибольшей «плотностью» потока внешних мигрантов – один регистрирующийся мигрант на тридцать и менее жителей (табл. 5).

Отношение количества внешних мигрантов (по числу постановок на миграционный учет – легализации) к населению региона (январь-июнь 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Территория, кв. км	Все население (на 01.20), чел.	Количество фактов постановки на миграционный учет (01.20–06.20), чел.	Въездов на единицу населения в регионе (отношение числа постановок на учет к количеству населения региона), чел.	Первично оформл. миграционный учет (01.20–06.20), чел.
Москва	2561	12 692 466	1 331 483	9	815 511
Санкт-Петербург	1403	5 392 992	591 929	9	545 748
Магаданская область	462 464	140 199	14 662	9	5107
Амурская область	361 908	790 676	79 006	10	20 169
Калужская область	29 777	1 000 070	85 563	11	30 556
Московская область	44 329	7 687 647	618 916	12	251 408
Ямало-Ненецкий автономный округ	769 250	544 008	36 487	14	13 748
Сахалинская область	87 101	488 453	29 693	16	11 545
Иркутская область	774 846	2 390 827	136 553	17	77 652
Камчатский край	464 275	312 438	16 809	18	3603
Мурманская область	144 902	741 511	39 020	19	26 479
Приморский край	164 673	1 895 305	92 041	20	37 001
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	534 801	1 674 086	76 497	21	24 333
Тульская область	25 679	1 466 025	63 683	23	24 695
Калининградская область	15 125	1 012 253	43 830	23	18 053
Ненецкий автономный округ	176 810	44 110	1751	25	372
Астраханская область	49 024	1 005 967	37 046	27	16 204
Краснодарский край	75 485	5 677 786	192 900	29	84 007
Тверская область	84 201	1 260 345	41 543	30	13 486
Рязанская область	39 605	1 108 924	36 668	30	9136

Назовем регионы-лидеры по оттоку мигрантов – более 50 тыс. снятий с регистрационного учета с января по июнь 2020 г. (табл. 6).

Таблица 6

Регионы Российской Федерации с наибольшим количеством снятий внешними мигрантами с миграционного учета (январь-июнь 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Кол-во фактов постановки на миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Въездов на единицу населения в регионе (отнош. числа постановок на учет к кол-ву населения региона)	Первично оформл. миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Мигранты с целью работы внешние (01.20–06.20), чел.	Кол-во фактов снятия с миграц. учета (01.20–06.20), чел.	Разность между кол-вом пост. на учет и кол-вом снятий с учета (1.2020–6.2020)
Москва	12 692 466	1 331 483	9	815 511	496 836	1 048 127	283 356
Санкт-Петербург	5 392 992	591 929	9	545 748	319 052	565 175	26 754
Московская область	7 687 647	618 916	12	251 408	147 659	517 737	101 179
Краснодарский край	5 677 786	192 900	29	84 007	31 361	180 801	12 099
Иркутская область	2 390 827	136 553	17	77 652	24 311	135 945	608
Свердловская область	4 310 861	118 208	36	56 703	33 664	115 964	2244
Приморский край	1 895 305	92 041	20	37 001	11 928	94 553	–2512
Республика Татарстан (Татарстан)	3 902 642	99 216	39	53 311	24 260	90 511	8705
Новосибирская область	2 798 251	87 388	32	46 237	22 058	84 502	2886
Красноярский край	2 867 875	85 783	33	36 307	25 135	83 093	2690
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1 674 086	76 497	21	24 333	17 879	81 961	–5464
Амурская область	790 676	79 006	10	20 169	17 036	76 886	2120
Самарская область	3 179 026	86 972	36	37 474	19 006	75 455	11 517
Нижегородская область	3 203 818	70 257	45	29 855	18 582	73 764	–3507
Калужская область	1 000 070	85 563	11	30 556	19 110	73 132	12 431
Челябинская область	3 466 960	72 920	47	31 801	14 107	72 108	812
Ростовская область	4 195 327	67 987	61	31 063	13 841	64 930	3057
Тульская область	1 466 025	63 683	23	24 695	13 553	63 583	100
Республика Крым	1 912 025	52 156	36	29 095	13 687	51 485	671

Определим популярность региона для внешних мигрантов по количеству постановок на миграционный учет, превышающему количество снятий с учета, а также выявим регионы, из которых отток внешних мигрантов в период пандемии превышает приток (по разности между количеством постановок и снятий с учета). Постановки на учет превышают выезд в период пандемии в 64 регионах Российской Федерации из 85. Перечислим регионы, где количество постановок на учет превышало количество снятий с учета более, чем на 3 тыс. случаев (табл. 7).

Таблица 7

Регионы Российской Федерации с максимальной разностью между числом постановок внешних мигрантов на миграционный учет и числом снятий с миграционного учета (январь-июнь 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Количество фактов постановки на миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Въездов на единицу населения в регионе (отношение числа постановок на учет к количеству населения региона)	Первично оформл. миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Мигранты с целью работы внешние (01.20–06.20), чел.	Количество фактов снятия с миграц. учета (01.20–06.20), чел.	Разность между кол-вом пост. на учет и кол-вом снятий с учета (1.2020–6.2020), чел.
Москва	1 331 483	9	815 511	496 836	1 048 127	283 356
Московская область	618 916	12	251 408	147 659	517 737	101 179
Санкт-Петербург	591 929	9	545 748	319 052	565 175	26 754
Калужская область	85 563	11	30 556	19 110	73 132	12 431
Краснодарский край	192 900	29	84 007	31 361	180 801	12 099
Самарская область	86 972	36	37 474	19 006	75 455	11 517
Мурманская область	39 020	19	26 479	7 194	29 553	9467
Владимирская область	34 792	39	10 622	6 187	25 786	9006
Республика Татарстан (Татарстан)	99 216	39	53 311	24 260	90 511	8705
Волгоградская область	54 993	45	22 487	13 204	46 956	8037
Республика Башкортостан	49 339	81	18 367	11 192	42 620	6719
Рязанская область	36 668	30	9 136	6981	30 187	6481
Тамбовская область	17 526	57	6 974	2825	11 126	6400
Калининградская область	43 830	23	18 053	7149	37 566	6264
Воронежская область	45 697	50	19 797	8251	40 867	4830
Республика Дагестан	17 285	180	7 186	4846	12 532	4753
Ивановская область	16 855	59	4 422	2555	12 226	4629
Астраханская область	37 046	27	16 204	7898	32 649	4397
Саратовская область	33 340	72	11 680	4235	29 003	4337
Оренбургская область	27 600	70	13 928	5629	23 512	4088
Карачаево-Черкесская Республика	8831	52	2 712	1730	4832	3999
Омская область	34 415	55	19 038	6164	30 548	3867
Липецкая область	22 316	51	8 899	4642	18 809	3507
Ростовская область	67 987	61	31 063	13 841	64 930	3057

Число снятий с миграционного учета превышает число постановок на учет во время пандемии коронавируса в следующих регионах (табл. 8).

Таблица 8

Регионы Российской Федерации, где снятие внешних мигрантов с миграционного учета максимально превышает их постановку на миграционный учет (январь-июнь 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Количество фактов постановки на миграционный учет (01.20–06.20), чел.	Въездов на единицу населения в регионе (отношение числа постановок на учет к количеству населения региона)	Первично оформл. Миграц. учет (01.20–06.20), чел.	Мигранты с целью работы внешние (01.20–06.20), чел.	Количество фактов снятия с миграц. учета (01.20–06.20), чел.	Разность между кол-вом пост. на учет и кол-вом снятий с учета (1.2020–6.2020), чел.
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	76 497	21	24 333	17 879	81 961	–5464
Курская область	19 294	57	10 036	4 425	24 116	–4822
Нижегородская область	70 257	45	29 855	18 582	73 764	–3507
Белгородская область	29 216	52	15 078	4955	32 484	–3268
Приморский край	92 041	20	37 001	11 928	94 553	–2512
Архангельская область	8614	126	3184	1179	11 122	–2508
Смоленская область	17 389	53	8048	4101	18 837	–1448
Республика Карелия	12 828	47	7831	1399	14 117	–1289
Республика Мордовия	8134	97	2855	1257	8909	–775
Хабаровский край	39 488	33	11 245	7166	40 183	–695
Республика Коми	13 330	61	3944	2340	13 963	–633

Кемеровская область	26 958	98	12 380	5580	27 373	–415
Ямало-Ненецкий автономный округ	36 487	14	13 748	10 448	36 809	–322
Чувашская Республика – Чувашия	7690	158	3852	836	7916	–226
Еврейская автономная область	3328	47	985	691	3466	–138
Томская область	27 691	38	11 514	3933	27 828	–137
Ненецкий автономный округ	1751	25	372	294	1836	–85
Чукотский автономный округ	1578	32	443	385	1656	–78
Республика Тыва	1207	271	547	332	1273	–66
Пермский край	36 965	70	14 758	7419	36 989	–24
Брянская область	14 775	80	6806	2092	14 790	–15

Лидеры среди регионов по преступности иностранных граждан во время пандемии (январь-июль 2020 г.) указаны в табл. 9.

Таблица 9

Регионы Российской Федерации с максимальными показателями преступности иностранных граждан и лиц без гражданства (январь-июль 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Зарегистрировано преступлений, соверш. иностр. гр. и лицами б/г на 07.2020 г. (01.20–07.20)	Количество фактов постановки на миграционный учет (01.20–06.20), чел.
Москва	12 692 466	3824	1 331 483
Московская область	7 687 647	3135	618 916
Санкт-Петербург	5 392 992	1568	591 929
Республика Крым	1 912 025	624	52 156
Краснодарский край	5 677 786	595	192 900
Самарская область	3 179 026	540	86 972
Свердловская область	4 310 861	479	118 208
Челябинская область	3 466 960	432	72 920
Ростовская область	4 195 327	431	67 987
Псковская область	626 046	349	15 022
Новосибирская область	2 798 251	310	87 388
Калужская область	1 000 070	305	85 563
Республика Башкортостан	4 037 811	292	49 339
Оренбургская область	1 956 256	282	27 600
Ленинградская область	1 876 392	271	591 929
Нижегородская область	3 203 818	259	70 257
Республика Татарстан (Татарстан)	3 902 642	246	99 216
Ставропольский край	2 803 021	236	39 921
Тюменская область	1 537 684	215	49 015
Приморский край	1 895 305	213	92 041
Тверская область	1 260 345	207	41 543

Рассмотрим коэффициент «количество преступлений иностранных граждан к числу постановок на миграционный учет» (табл. 10).

Таблица 10

Отношение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами, к числу постановок на миграционный учет (январь-июль 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Зарег. преступл., соверш. иностр. гр. и лицами б/г на 07.2020 г. (01.20–07.20)	Отнош. числа преступл. иностр. граждан к числу постановок на миграц. учет (1 преступл. на кол-во чел.)	Отношение количества преступл. иностр. граждан к числу населения региона
Псковская область	626 046	349	43	1793
Республика Алтай	220 140	35	53	6289
Севастополь	448 829	132	55	3400
Курганская область	826 941	118	61	7007
Республика Северная Осетия – Алания	697 064	103	82	6767
Республика Крым	1 912 025	624	83	3064
Смоленская область	934 747	198	87	4720
Брянская область	1 192 570	156	94	7644
Оренбургская область	1 956 256	282	97	6937
Чеченская Республика	1 476 752	25	98	59 070

Частотность преступлений среди лиц, поставленных на миграционный учет, особенно высока в Псковской области, Республике Алтай и в г. Севастополе (одно преступление на 43–98 лиц, поставленных на миграционный учет).

Наиболее безопасными с точки зрения преступности иностранных граждан регионами (в относительных цифрах) являются Республика Калмыкия, Еврейская автономная область, Ненецкий Автономный округ, Чукотский Автономный Округ, Республика Тыва.

Приведем (в абсолютных цифрах) наиболее опасные для мигрантов регионы (табл. 11).

Таблица 11

Регионы с наибольшим количеством преступлений, совершенных против иностранных граждан и лиц без гражданства (январь-июль 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Количество фактов постановки на миграционный учет (01.20–06.20), чел.	Преступлений в отношении иностр. гр. и лиц без гражданства на 07.2020 г. (01.20–07.20)	Отношение количества преступлений против иностр. граждан к количеству постановок на миграц. учет	Отношение количества преступл. против иностр. граждан к населению региона.
Москва	12 692 466	1 331 483	2765	481	4590
Московская область	7 687 647	618 916	650	952	11 827
Санкт-Петербург	5 392 992	591 929	524	1129	10 291
Республика Татарстан (Татарстан)	3 902 642	99 216	302	328	12 922
Краснодарский край	5 677 786	192 900	205	940	27 696
Новосибирская область	2 798 251	87 388	199	439	14 061
Ростовская область	4 195 327	67 987	146	465	28 735
Красноярский край	2 867 875	85 783	143	599	20 055
Воронежская область	2 323 657	45 697	135	338	17 212
Челябинская область	3 466 960	72 920	129	565	26 875
Тюменская область	1 537 684	49 015	129	379	11 920
Нижегородская область	3 203 818	70 257	127	553	25 226
Иркутская область	2 390 827	136 553	126	1083	18 974
Свердловская область	4 310 861	118 208	123	961	35 047
Приморский край	1 895 305	92 041	120	767	15 794
Самарская область	3 179 026	86 972	111	783	28 639
Республика Башкортостан	4 037 811	49 339	105	469	38 455
Республика Крым	1 912 025	52 156	101	516	18 930

Приведем сведения в относительных показателях и установим, какова вероятность для поставленного на миграционный учет стать жертвой преступления (табл. 12). Наиболее опасны для мигрантов северные и среднерусские регионы, отдельные национальные республики (Ингушетия, Марий Эл), а также город Севастополь.

Таблица 12

Отношение количества преступлений против иностранных граждан, совершенных в регионе, к числу постановок внешних мигрантов на миграционный учет (январь-июль 2020 г.)

Субъект Российской Федерации	Все население (на 01.20), чел.	Преступлений в отношении иностр. гр. и лиц без гражданства на 07.2020 г. (01.20–07.20)	Отношение количества преступлений против иностр. граждан к количеству постановок на миграц. учет	Отношение количества преступл. против иностр. граждан к населению региона.	Количество фактов постановки на миграц. учет (01.20–06.20), чел.
Архангельская область	1 092 277	38	226	28 744	8614
Республика Ингушетия	506 688	14	254	36 192	3567
Республика Марий Эл	679 094	15	265	45 272	3977
Смоленская область	934 747	65	267	14 380	17 389
Чеченская Республика	1 476 752	9	272	164 083	2456
Севастополь	448 829	25	291	17 953	7280
Новгородская область	596 173	38	294	15 688	11 181
Алтайский край	2 317 052	79	316	29 329	25 025
Курская область	1 103 059	61	316	18 082	19 294

В наиболее неблагополучных регионах потерпевшим может стать каждый трехсотый мигрант. Наиболее безопасные для мигрантов регионы: Рязанская, Иркутская, Тульская область, Санкт-Петербург, Калининградская, Костромская, Ярославская, Липецкая область, Ненецкий автономный округ. Здесь жертвой преступления может стать только один из тысячи (полутора-двух тысяч) мигрантов.

Морозов А.В.

д.п.н., профессор, гл.н.с. НИИ ФСИН России

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, цивилизация, вызовы и угрозы, человечество, катастрофы, обучающиеся, образовательные организации, дети и подростки, здоровьесберегающие, здоровьесформирующие, здоровьеразвивающие образовательные технологии.*

Keywords: *healthy lifestyle, civilization, challenges and threats, humanity, disasters, students, educational organizations, children and adolescents, health-saving, health-forming, health-developing educational technologies.*

О проблеме, связанной с необходимостью осознания человечеством исключительной важности и крайней необходимости формирования ценностной установки на здоровый образ жизни¹, обусловленной все возрастающим индексом общецивилизационных рисков и угроз полноценному существованию и развитию², в последние годы достаточно настойчиво и целенаправленно высказываются не только отечественные, но и зарубежные исследователи.

Вызовы и угрозы современной цивилизации в виде *экологических катастроф*, в результате которых исчезают многие виды животных и растений, от которых, в том числе, зависит наш образ жизни (это становится катализатором для необратимых процессов, негативно отражающихся на человечестве уже в настоящем); *кардинальных климатических изменений* (в последние десятилетия климат Земли достаточно резко изменился, и исследователи считают эти изменения одной из самых серьезных угроз для современной цивилизации, так как это может привести к таким явлениям, как голод, засухи, массовые миграции людей, повышение уровня мирового океана, в результате чего многие территории могут стать необитаемыми); *синтетической биологии* (генная инженерия провоцирует возникновение необратимых мутаций, что в итоге приводит к неспособности человеческого организма бороться с патогенными микроорганизмами; особенно острой становится проблема использования биологического оружия, способного уничтожить экосистемы человечества и, тем самым, уничтожить современную цивилизацию: сегодняшняя ситуация с угрозой распространения коронавируса – одно из реальных подтверждений вышесказанного); *глобальных пандемий* (кроме уже упомянутого выше COVID-19, это также относительно недавние вспышки эпидемий птичьего и свиного гриппа, SARS и др. – и это все только за последние два десятилетия; технический прогресс, в частности, всемирная транспортная система, стал причиной быстрого распространения болезней по всему миру и гибели миллионов людей; если люди не смогут справиться с такими инфекционными заболеваниями, то население планеты резко сократится); *техногенных катастроф*, к которым, как бы это парадоксально не звучало, могут привести самые современные технологические достижения, например, искусственный интеллект (создание сложных роботов и компьютеров, несомненно, имеет большое значение для прогресса человечества, но это может привести к конфликту искусственного интеллекта и человека: военные роботы могут регенерировать и питаться, используя все материалы, которые есть вокруг – и это уже, отнюдь, не фантастика и не сюжет из фильма «Терминатор» с участием Арнольда Шварценеггера – такие киборги могут реально угрожать жизни цивилизации, так как имеют высшую степень выживаемости; за примерами далеко ходить не нужно – что говорить о роботах, когда простые пылесосы с функцией искусственного интеллекта, и те уже нападают на своих хозяев); *гибели глобальной системы* (крах всемирной экономической и политической систем в результате принятия неправильных решений в этих областях, истощении ресурсной базы Земли и локальных военных

¹ Здоровье и окружающая среда: принципы коммуникации риска. – Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2013. – 84 с.; Морозов А.В. Безопасность образовательной среды как важнейшее условие сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения // Психология человека в условиях здоровья и болезни: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 43–48; Морозов А.В., Локанов А.Г. Формирование целевых ориентиров на здоровый образ жизни у детей младшего школьного возраста с помощью системы боевого искусства Тай-Дзюцу // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы X Междунар. науч. конф. – Шуя, 2017. – С. 127; Мухаметзянов И.Ш. Здоровьесформирующее образование: сущность и технология. – Казань: Медицина, 2011. – 217 с.; Halfon N., Wise P.H., Forrest C.B. The changing nature of children's health development: new challenges require major policy solutions // Health Affairs. 2014. – Vol. 33, N 12. – P. 2116–2124; Honkala S. World Health Organization approaches for surveys of health behaviour among schoolchildren and for health-promoting schools // Medical Principles and Practice. 2014. – Vol. 23, N 1. – P. 24–31.

² Десять самых серьезных угроз для человечества, которые могут привести к его гибели. – <https://novate.ru/blogs/190315/30488/>; Иванов О.Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. – № 1. – С. 20–36; Каргина-Губинова В.В. Состояние мировой экономики как угроза безопасности России: оценки населения и влияющие факторы // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. – Т. 10, № 2. – С. 166–173; Топ-5 проблем, угрожающих миру в настоящее время. – <https://inosmi.ru/social/20200822/247950492.html>; Halfon N., Wise P.H., Forrest C.B. The changing nature of children's health development: new challenges require major policy solutions // Health Affairs. 2014. – Vol. 33, N 12. – P. 2116–2124.

конфликтов); *усиления проявлений национализма* (новый подъем националистических настроений в мире негативно сказывается на возможностях международного сообщества смягчать военные и другие конфликты, а также не позволяет государствам эффективно решать самые неотложные глобальные экономические, технологические и экологические проблемы); *экономического спада и неравенства доходов* (современная мировая экономика находится в ситуации, когда ей объективно угрожает рецессия – многочисленные торговые барьеры, сокращение инвестиционных потоков и увеличение долга создают нагрузку на экономику всех стран: возрастает неопределенность, торговые войны между ведущими странами и царящее недоверие могут привести к замедлению темпов роста мировой экономики на очень долгий период; кроме того, увеличилось неравенство в уровне внутренних доходов между членами мирового сообщества, достигнув исторического максимума в некоторых странах, где большие социальные группы лишены доступа к национальным ресурсам, сосредоточенным в руках немногочисленной элиты: все это не может не вызывать гнев и разочарование в сердцах многих граждан; коррупция, высокие цены и неравенство могут привести к массовым беспорядкам, которые нарушают политическую стабильность государства и подрывают доверие инвесторов: чаще всего такая ситуация наблюдается в государствах, политические системы и правительства которых не смогли справедливо распределить национальное богатство между всеми членами общества); *ухудшения качества продуктов питания*, которые могут позволить себе купить среднестатистические граждане, процессов, обусловленных *урбанизацией, глобализацией* и др. детерминируют необходимость интеграции усилий педагогов, психологов, медицинских и социальных работников в связи с устойчивой тенденцией ухудшения состояния здоровья, в первую очередь, детей и подростков.

По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации на протяжении последних пятнадцати лет заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет имеет негативную тенденцию роста¹. В этой связи в плане основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках десятилетия детства, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-Р (ред. от 14.12.2019), перед Министерством здравоохранения РФ и Министерством просвещения РФ поставлен ряд конкретных задач по работе с детьми и подростками с целью охраны и укрепления их здоровья, среди которых считаем необходимым выделить следующие:

- организация проведения научных исследований современного детства, включая физиологический, психологический и социальный портреты ребенка;
- внедрение здоровьесберегающих технологий и основ медицинских знаний;
- мониторинг охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях;
- совершенствование системы медицинского сопровождения занятий физической культурой и спортом;
- создание возможностей реабилитации посредством адаптивной физической культуры и спорта².

Резюмируя изложенное выше, необходимо акцентировать внимание на том, что решение проблемы, нацеленной на формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, культивирование ценности здорового образа жизни у обучающихся, начиная с самых младших классов³, является задачей не столько медицинского характера, сколько всей системы современного отечественного образования.

Включение в образовательные стандарты нового поколения аспектов здоровьесберегающих, здоровьесформирующих и здоровьеразвивающих технологий⁴ становится одной из наиболее важных государственных задач. Внедрение здоровьесберегающих, здоровьесформирующих и здоровьеразвивающих образовательных технологий в учебный процесс, реализуемый в современных образовательных организациях, представляет собой существенную составляющую инклюзивного подхода, задачей которого является интеграция здоровых обучающихся и детей, имеющих серьезные заболевания, в единую образовательную среду, создание психологически благоприятных условий для развития личности несовершеннолетнего и ее успешности, в целом⁵.

В традиционном понимании здоровьесберегающие, здоровьесформирующие и здоровьеразвивающие технологии разрабатывались с учетом актуального физического состояния здоровья ребенка. В настоящее же время такие технологии носят интегративный характер и включают показатели физического, психического, эмоционального, нравственного и социального здоровья⁶.

¹ Здравоохранение в России. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2019. – 170 с.

² Распоряжение правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-р (ред. от 14.12.2019) «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках десятилетия детства». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301904/

³ Морозов А.В., Локанов А.Г. Формирование целевых ориентиров на здоровый образ жизни у детей младшего школьного возраста с помощью системы боевого искусства Тай-Дзюцу // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы X Междунар. науч. конф. – Шуя, 2017. – С. 127.

⁴ Морозов А.В. Здоровьесберегающие технологии в инклюзивном и дистанционном образовании при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. – Т. 8. – С. 1–5; Морозов А.В. Информационно-образовательная среда в практике инклюзивного образования на основе современных здоровьесберегающих технологий // Инклюзия в образовании. 2016. – № 2 (2). – С. 99–111; Морозов А.В., Мухаметзянов И.Ш. Медико-психологические аспекты здоровьесберегающей информационно-образовательной среды // Человек и образование. 2017. – № 2 (51). – С. 48–54; Мухаметзянов И.Ш. Здоровьесформирующее образование: сущность и технология. – Казань: Медицина, 2011. – 217 с.

⁵ Морозов А.В. Здоровьесберегающие технологии в инклюзивном и дистанционном образовании при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. – Т. 8. – С. 1–5; Морозов А.В. Информационно-образовательная среда в практике инклюзивного образования на основе современных здоровьесберегающих технологий // Инклюзия в образовании. 2016. – № 2 (2). – С. 99–111.

⁶ Морозов А.В., Мухаметзянов И.Ш. Медико-психологические аспекты здоровьесберегающей информационно-образовательной среды // Человек и образование. 2017. – № 2 (51). – С. 48–54.

В международном сообществе накоплен большой опыт, который ориентирован на построение новой системы образования, где на первый план выступает сохранение психофизиологического благополучия личности ребенка¹. На уровне государства здоровьесберегающие, здоровьесформирующие и здоровьеразвивающие технологии внедряются в новые образовательные стандарты, повышая требования как к педагогической и психологической подготовке специалистов, осуществляющих работу с детьми, так и к самим образовательным организациям².

На уровне общеобразовательных организаций формы и методы применения обозначенных нами выше образовательных технологий весьма разнообразны. Формирование осознанного отношения к своему здоровью может происходить во время освоения учебных предметов (через обсуждение с детьми литературных произведений, этнокультурных традиций и т.д.), а также на внеклассных мероприятиях, посвященных здоровому образу жизни. Реализация здоровьесберегающих, здоровьесформирующих и здоровьеразвивающих технологий предполагает внедрение в образовательный процесс новых, наиболее эффективных методов и приемов, которые адаптированы для абсолютного большинства обучающихся.

Значимость исследования эффективности здоровьесберегающих, здоровьесформирующих и здоровьеразвивающих образовательных технологий связана с общей тенденцией к ухудшению состояния здоровья обучающихся. Негативные последствия такой динамики затрагивают как успешность адаптации к образовательному процессу, успешность обучения в целом, так и актуальное ухудшение здоровья и вызванные этим ограничения трудоспособности, а также снижение качества жизни.

В ситуации же пандемии, обусловленной распространением COVID-19, значимость использования здоровьесберегающих, здоровьесформирующих и здоровьеразвивающих образовательных технологий, многократно возросла, что подтверждают результаты проведенных нами в 2020 году исследований³.

Результаты проведенных нами в пилотном режиме эмпирических исследований среди студентов высших учебных заведений позволяют констатировать, что чем раньше различные здоровьесберегающие, здоровьесформирующие и здоровьеразвивающие технологии, направленные на сохранение и улучшение здоровья обучающихся, будут внедряться в образовательную практику, тем более полноценным и качественным будет эффект от их применения.

¹ Морозов А.В. Здоровьесберегающие технологии в инклюзивном и дистанционном образовании при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. – Т. 8. – С. 1–5; Мухаметзянов И.Ш. Здоровьесформирующее образование: сущность и технология. – Казань: Медицина, 2011. – 217 с.; Amoly E. et al. Green and blue spaces and behavioral development in Barcelona schoolchildren: the BREATHE Project // Environmental health perspectives. 2014. – Vol. 122, N 12. – P. 1351.

² Морозов А.В. Психологическое сопровождение субъектов образовательных отношений в условиях современного коммуникативного пространства // Образование и развитие личности в современном коммуникативном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Иркутск, 2016. – С. 308–315.

³ Bashkireva T., Bashkireva A., Ermakova N., Morozov A., Yulina G. Health Indicators of Students in Weekly Dynamics in Conditions of Distance Learning and Self-Isolation During the Period of COVID-19 // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020) / Atlantis press SARL; Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. – Vol. 486. – P. 529–532.

Набибуллаева Р.З.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан
raxshona0505@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: система здравоохранения, ожидаемая продолжительность жизни, системные проблемы и приоритетные направления управления в системе здравоохранения.

Keywords: health care system, life expectancy, systemic problems and priority directions of management in the health care system.

Пандемия коронавируса стала тяжелым испытанием для системы здравоохранения практически всех стран. Она показала, что в системе здравоохранения назрел целый ряд изменений, которые потребуют внесения поправок и дополнений в действующее законодательство по охране здоровья. Пандемия выявила недостатки систем здравоохранения, показала их недостаточную способность предотвращать и реагировать на угрозы пандемии.

Целевые ориентиры в системе здравоохранения:

1. Улучшение здоровья, инструментом к достижению которого является совершенствование системы здравоохранения, проведение административных реформ.

2. Изменение системных подходов – от борьбы с заболеваниями и их последствиями к поддержанию здорового образа жизни, основанного на предотвращении болезней, участии самого человека в управлении здоровьем, формировании ответственного отношения к сохранению, укреплению и восстановлению собственного здоровья и здоровья окружающих.

3. В перспективе, будут гарантированы равные конкурентные возможности для всех поставщиков услуг здравоохранения, созданы условия для развития высокотехнологического сегмента услуг. Устранены пробелы между спросом и предложением, здоровьем населения и индивидуальным здравоохранением, а также здравоохранением и другими смежными отраслями. Сформирован комплексный и интегрированный, ориентированный на человека подход к оказанию медицинских услуг.

Цели и задачи в системе здравоохранения:

1. Отзывчивость к нуждам населения, подразумевающая повышение качества медицинских услуг, уважение достоинства и соблюдение прав пациентов, а также учет потребностей и уязвимости всех групп населения.

2. Финансовая справедливость, предполагающая создание устойчивых финансовых институтов, обеспечивающих всеобщий доступ к услугам здравоохранения и создающих условия для выполнения первых двух целей.

3. Максимальное использование финансово-экономических методов управления, совершенствование механизмов оплаты медицинских услуг и способов оплаты труда медицинских работников, направленных на мотивацию повышения эффективности деятельности всех субъектов системы.

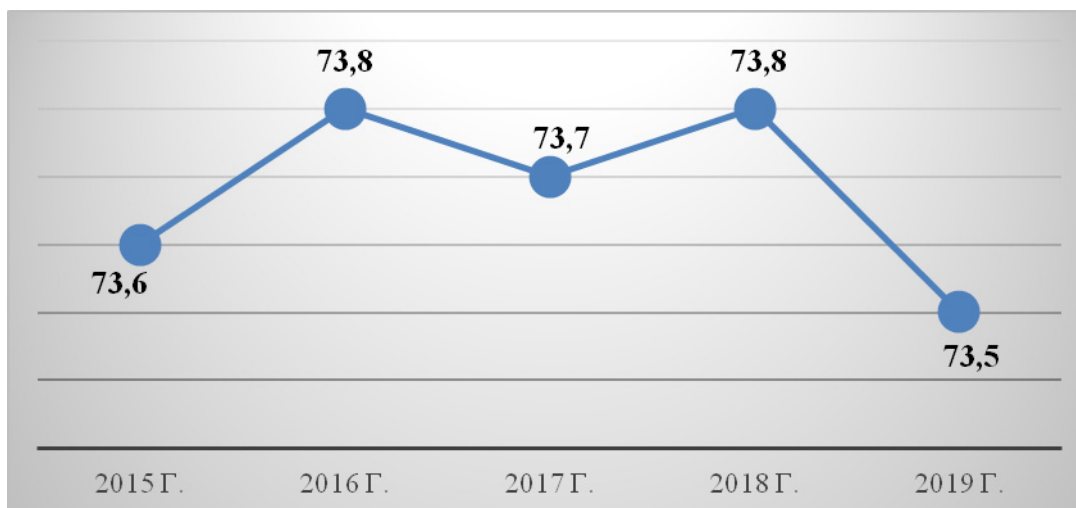
Состояние и качество здравоохранения в территориальном разрезе может быть оценено на базе системы показателей и индикаторов, характеризующих уровень заболеваемости, смертности, распространенности социально значимых заболеваний, материально-технической базы. Их можно объединить в четыре компонента, состоящих из следующих блоков: заболеваемость, смертность, материально-техническая база, кадры.

Результативность принятых мер по реформированию здравоохранения, непосредственно оказывающих влияние на благосостояние населения, в мировой практике оценивается системой общепринятых индикаторов мониторинга. Среди них ключевым является показатель средней продолжительности жизни при рождении, объективно и комплексно отражающий уровень благосостояния населения. Данный индикатор наилучшим образом характеризует состояние здоровья нации, которое зависит от уровня проводимой социально-экономической политики, качества медицинского обслуживания, охраны окружающей среды, образования и других факторов.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в 2015 году составила 73,6 год, тренд показателя имеет волнообразную форму, так как в 2019 году ОПЖ составила 73,5 лет (рис. 1).

Основные аспекты увеличения продолжительности жизни:

- Продолжительность жизни в первую очередь зависит от социально-экономических условий;
- Медицина готова к предоставлению качественных услуг;
- Качество жизни важнее ее продолжительности;
- Инновации вносят в продолжительность жизни существенный вклад;
- Страхование медицина — один из механизмов увеличения продолжительности жизни.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 1.
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)

Для увеличения продолжительности жизни требуется:

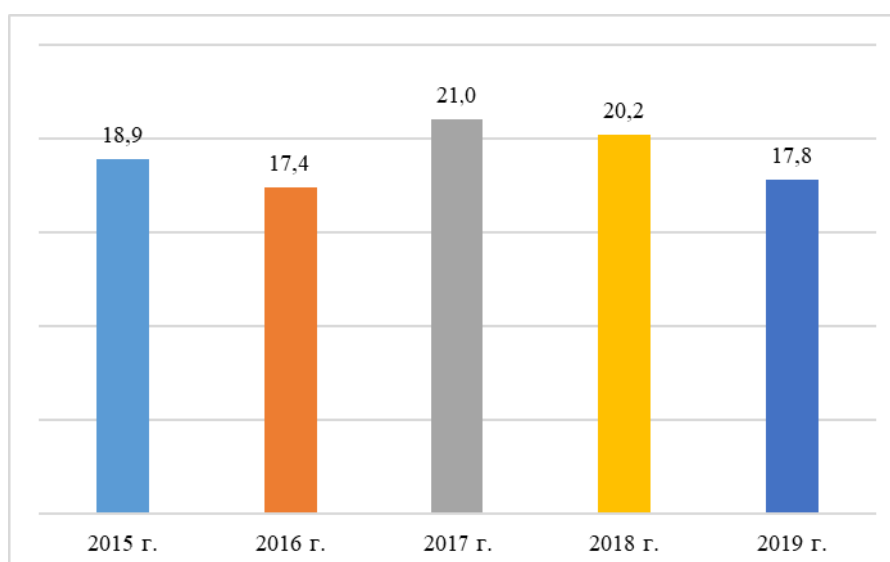
- Увеличение инвестиций в здравоохранение и в целом внимания к этой сфере;
- Современный подход к лечению должен быть персонализированным;
- Использование цифровых технологий в профилактике и ранней диагностике заболеваний.

Коэффициенты материнской и младенческой смертности относятся к числу базовых в оценке общего уровня социально-демографического развития и достаточно точно характеризует социальное положение населения, состояние национальной системы здравоохранения и отношение к человеческой жизни в целом в республике.

В 2019 году коэффициент материнской смертности на 100 тыс. живорожденных составил 18,4 против 18,9 в 2015 году (рис. 2). При этом индикатор родов, принятых квалифицированными медработниками, остается достаточно стабильным (100%).

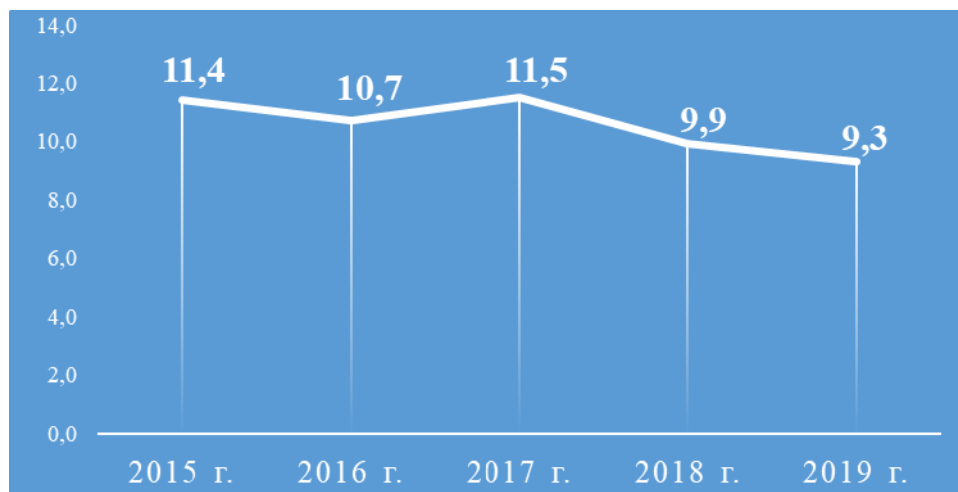
Предусмотрено к 2030 году снизить на одну треть показатель материнской смертности. В целях законодательно-правового обеспечения принят ряд нормативно-правовых документов:

- Закон Республики Узбекистан «Об охране репродуктивного здоровья граждан» № ЗРУ-528 от 11.03.2019 г.
- Постановление Президента Республики Узбекистан «О повышении качества и дальнейшем расширении охвата медицинской помощью, оказываемой женщинам репродуктивного возраста, беременным и детям» от 08.11.2019 года.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 2.
Коэффициент материнской смертности на 100 тыс. живорожденных

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 3.
Коэффициент младенческой смертности (число умерших в возрасте до одного года на 1 000 родившихся живыми)

В 2019 году коэффициент младенческой смертности на 1 тыс. живорожденных составил 9,3 против 11,4 в 2015 году (рис. 3). При этом индикатор родов, принятых квалифицированными медработниками, остается достаточно стабильным (100%).

Системные проблемы и приоритетные направления в управлении системой здравоохранения:

- нехватка медицинских кадров, врачей общего профиля, а также вирусологов, эпидемиологов;
- нехватка резервных мест и коек в условиях борьбы с коронавирусом;
- нехватка медицинских проектов, которые обеспечивают медицинскую помощь для особо уязвимых групп населения в стране;
- необходимость проведения единой политики для городских и сельских населенных пунктов, направленной на устранение неравенства в объемах, качестве и доступности медицинских услуг городским и сельским жителям путем модернизации первичной медицинской помощи и амбулаторно-поликлинических учреждений.
- повышение общей эффективности системы здравоохранения и готовности системы здравоохранения к кризисным ситуациям.
- повышение готовности к ситуациям, связанным с биологическими угрозами;
- создание единого центра государственной системы лекарственной безопасности.
- подготовка медицинских кадров к чрезвычайным ситуациям (таким как пандемия) и переквалификация врачей.

Механизмы реализации:

- при подготовке к кризисным ситуациям в области здравоохранения системы здравоохранения сталкиваются с тем, что на них возлагаются большие надежды, и в то же время их ресурсы весьма ограничены. Поэтому надо развивать тесное сотрудничество с международными организациями в области здравоохранения, в том числе с ВОЗ, которая сотрудничает с государствами-членами в целях наращивания потенциала систем здравоохранения, предоставляя для этого техническую поддержку в разработке и осуществлении программ по обеспечению готовности к кризисной ситуации;
- обеспечение внедрения Международных медико-санитарных правил (ММСП) и готовности к реализации необходимых мер при чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения;
- закон о «Биологической безопасности» должен быть направлен на предотвращение и реагирование на биологические угрозы, на защиту жизни и здоровья людей, на содействие устойчивому развитию биотехнологий, а также на защиту биологических ресурсов и окружающей среды;
- система мониторинга и раннего предупреждения новых крупных или внезапных вспышек инфекционных заболеваний и эпидемий, связанных с животными и растениями;
- обеспечение биологической безопасности в лабораториях, контроль за безопасностью генетических и биологических ресурсов человека, механизмы предотвращения угроз биотерроризма и использования биологического оружия, а также укрепления биологической безопасности;
- законодательная регламентация механизма скоординированного обеспечения национальной биологической безопасности, в котором должны быть задействованы министерства здравоохранения, сельского хозяйства и сельских дел, науки и техники, иностранных дел, а также соответствующие военные ведомства;
- повышение доступности населения к медицинским услугам, а также создание необходимых предпосылок и условий для мотивации ведения здорового образа жизни;
- совершенствование системы финансирования здравоохранения с учетом концентрации бюджетных средств на первичном звене, обеспечивая при этом всеобщий охват населения первичными медико-санитарными услугами, а

также создание условий для государственно-частного партнерства, привлечения частных и иностранных инвестиций, приоритетного развития частной медицины.

– создание крупных современных многопрофильных медицинских центров (кластеров) в соответствии с практикой развитых стран, охватывающих практически весь спектр медицинских услуг.

Радовель М.Р.

д. филос. н., профессор

ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ СНГ (КОРРЕЛЯЦИОННО-КАУЗАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Ключевые слова: базовые сегменты социума; материально-экономический, социально-психологический, организационно-технологический, демографический сегменты; инструментальные и терминальные факторы; корреляционные и каузальные связи.

Keywords: basic society segments; material-economic; social-psychological; organizationally-technological; demographic segments; instrumental and terminal factors; correlational and casual connections.

В данной статье предпринята попытка количественно оценить влияние ряда социальных факторов на демографические показатели в России, а затем сопоставить результаты анализа с аналогичными процессами в странах СНГ. В качестве исходной идеи для выполнения измерительных процедур использована известная методика «Икигай»¹, которая в данном случае существенно переосмыслена и преобразована для осуществления новых задач – в частности, для оценки и измерения эффективности самореализации людей на уровне больших социальных групп и общества в целом.

В случае преобразования идеи Икигай о 4-векторном распределении активности человека четыре вектора, или полюса, активности получают следующие значения: 1) **социально-психологический**, 2) **материально-экономический**, 3) **организационно-технологический**, 4) **социально-стратегический**, или **демографический**². В соответствии с этим, мы получаем возможность упорядочить бесконечное множество разнообразных, взаимодействующих между собой социальных явлений, процессов, факторов. Все это множество разделяется на **четыре базовых сегмента** с обозначенными выше названиями. При этом социально-стратегический (демографический) сегмент социума рассматривается как **терминальный** по отношению ко всем остальным. Т.е. он является **целевым**, наиболее важным, стратегически значимым. Другие сегменты по отношению к нему – **инструментальные**, т.е. выступают **средствами**, ступенями, условиями для его достижения³.

Рассмотрим некоторые примеры влияния социальных факторов на демографические характеристики российского общества.

Влияние материально-экономического сегмента

Среди характерных факторов материально-экономического сегмента общества можно выделить такие, как: реальные располагаемые денежные доходы, материальное положение семьи, наличие сбережений и др. Посмотрим, что показывают расчеты корреляционных и каузальных показателей, относящихся к этим материальным факторам, с одной стороны, и демографическим процессам, с другой⁴.

Таблица 1

Влияние материально-экономических факторов на демографические показатели*

№	Мат.-экон. факторы	Рождаемость		Продолж. жизни		Числ. насел.	
		R ₁	R' ₁	R ₂	R' ₂	R ₃	R' ₃
1	Матер. полож. Семьи (ВЦИОМ)	+0,80	+0,25	+0,32	+0,61	+0,05	+0,12
2	Доходы (Росстат)	+0,93	+0,48	+0,93	+0,42	+0,81	+0,49
3	Наличие сбережений (Левада-Центр)	+0,52	+0,34	+0,66	+0,35	+0,41	+0,49

* R₁, R₂, R₃ – **показатели (коэффициенты) корреляции** между соответствующими материальными факторами и демографическими процессами. R'₁, R'₂, R'₃ – **каузальные показатели**, отражающие влияние материальных факторов на соответствующие демографические процессы.

¹ См.: Радовель М.Р. Самореализация человека в системе координат «Икигай» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1.

² Разъяснение и обоснование такого подхода см.: Радовель М.Р. Эффективность самореализации социума на примере России и других стран СНГ // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 2.

³ «Инструментальные и терминальные ценности» (Милтон Рокич). Выделяется два класса ценностей: ценные сами по себе (терминальные) и используемые для достижения обычных целей (инструментальные). В качестве **инструментальных** ценностей обычно рассматриваются личностные черты, которыми должен обладать человек: вежливый, ответственный, интеллигентный, храбрый... **Терминальными** ценностями, т.е. к чему стоит стремиться в жизни, считаются полноценная любовь, счастье, безопасность... (Rokeach M. Value Survey. – Sunnyvale, 1967; Rokeach M. The Nature of Human Values. – N.Y., 1973).

⁴ См.: Радовель М.Р. Эффективность самореализации социума на примере России и других стран СНГ.

Как видим, три типичных материально-экономических фактора неизменно оказывают положительное влияние на демографические процессы – и в корреляционном, и в каузальном измерении. Разумеется, это касается «социально позитивных» материальных факторов. Что касается социально негативных факторов (например, фактора «бедность», или «материальное неравенство» и пр.), то там ситуация может оказаться иной.

Влияние социально-психологического сегмента

Имея дело с социально-психологическим сегментом, ведя в нем корреляционно-каузальные вычисления, мы нередко попадаем в очень сложное поле *неопределенности*. Это связано, в частности, с понятиями «социально полезные» и «социально вредные» признаки. Например, «уверенность в завтрашнем дне» – это полезно или вредно? Как мы убедимся далее, подобные признаки, кажущиеся нам социально позитивными и полезными, во многих случаях оказываются, как сегодня принято выражаться, «контрпродуктивными». Напротив, иные факторы, которые вряд ли могут вызвать у нас симпатию, иногда «срабатывают» в социально позитивном направлении. Т.е. в пределах социально-психологического сегмента мы со всей очевидностью наталкиваемся на сложность, обманчивость, двусмысленность понятия «социально полезный признак». Действительно ли полезен данный признак? Для чего полезен? В каком отношении полезен?

Иногда результаты вычислений получаются вполне естественными и ожидаемыми. Так, при анализе влияния на демографические характеристики таких факторов, как «страх», «растерянность», получаем «нормальные» (отрицательные) корреляционные (R) и каузальные (R') показатели. Т.е. негативный социальный фактор (например, «страх») вызывает негативное социальное последствие (например, отрицательное влияние на рождаемость). См. табл. 2:

Таблица 2

Влияние чувства страха и растерянности на демографические показатели¹

№	Социально-психол. факторы	Рождаемость		Продолж. жизни		Числ. насел.	
		R ₁	R' ₁	R ₂	R' ₂	R ₃	R' ₃
1	Страх и растерянность*	-0,78	-0,57	-0,84	-0,67	-0,67	-0,77

Но в том то и особенность социально-психологического сегмента, что его влияние на другие сегменты, в частности, на демографический, достаточно неустойчиво и противоречиво. Иногда оказывается, что как будто бы вполне позитивное, социальное явление, например, «оптимизм», ведет себя негативным образом, порождает нежелательное последствие. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3.

Таблица 3

Влияние элементов социально-психологического сегмента на демографические показатели²

№	Факторы влияния	Рождаемость		Продолж. жизни		Числ. насел.	
		R ₁	R' ₁	R ₂	R' ₂	R ₃	R' ₃
1	Оптимизм*	-0,01	-0,49	-0,33	-0,44	+0,13	+0,54
2	Ощущение счастья	+0,57	-0,40	+0,59	+0,46	+0,60	+0,77

Фактор «оптимизм» приводит к негативным корреляционным (R) и каузальным (R') показателям в отношении таких демографических характеристик, как «рождаемость» и «продолжительность жизни». Причем негативные каузальные показатели достаточно чувствительны: R'₁ = -0,49, R'₂ = -0,44. Позитивными остаются показатели только в отношении «численности населения»: R₃ = +0,13, R'₃ = +0,54.

Что касается фактора «ощущение счастья», то здесь как будто бы все вполне ожидаемо и позитивно – преимущественно высокие позитивные показатели, как свидетельствует табличный материал. И все-таки, если взглянуть поглубже, есть одна «заминка». Она связана с отрицательным каузальным показателем R'₁ = -0,40. Это означает, что хотя корреляционный показатель здесь положителен (R₁ = +0,57), но сам по себе фактор «счастье» влияет на рождаемость скорее отрицательно. А положительный корреляционный показатель +0,57 возникает за счет высокого каузального показателя фактора «рождаемость» в отношении феномена «ощущение счастья»: этот показатель равен +0,83 (он в таблице не представлен). Получается, что скорее рождаемость содействует счастью, чем «счастье» – рождаемости. К такому заключению приводят замеры соответствующих каузальных отношений.

Нужно признать, что не все факторы влияния легко «укладываются» в конкретный базовый сегмент социума. Взять, к примеру, такой фактор, как «инициативность населения». Куда его следует отнести – к социально-психологическому или организационно-технологическому? По-видимому, он занимает некоторое промежуточное положение между этими сегментами. Посмотрим, как сказывается его влияние на демографических показателях социума (табл. 4).

¹ Для необходимых расчетов использован материал из книги: Общественное мнение – 2016. – М.: Левада-Центр, 2017. – 272 с. Табл. 2.1. Вопрос в анкете: «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих Вас людей за последние годы?»

² Там же.

Инициативность населения ($I_{инц}$) и демографические показатели социума ($I_{ржд}$, $I_{спж}$, $I_{чсл}$)

2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
2,46	3,22	3	2,84	3,41	3,41	4,33
1,789	1,845	1,902	1,922	1,943	1,941	1,893
69	70	70	71	71	71	72
142,9	142,9	143	143,3	143,7	146,3	146,5

$$R(I_{инц}, I_{ржд}) = +0,43$$

$$R(I_{инц}, I_{спж}) = +0,84$$

$$R(I_{инц}, I_{чсл}) = +0,79$$

Очевидно (судя по высоким корреляционным показателям R в отношении каждой из трех демографических характеристик) «инициативность» способна оказывать сильное позитивное воздействие на них.

Влияние следующего, организационно-технологического сегмента социума на демографические характеристики, как показывает опыт его изучения, носит как бы «промежуточный» характер – между материально-экономическим и социально-психологическим сегментами. Приведем соответствующие данные (табл. 5).

Таблица 5

Влияние элементов организационно-технологического сегмента на демографические показатели

№	Факторы влияния	Рождаемость		Продолж. жизни		Числ. насел.	
		R_1	R'_1	R_2	R'_2	R_3	R'_3
1	Ответственность государства ¹	+0,44	+0,21	+0,24	+0,36	+0,08	+0,51
2	Гражданская ответственность ²	+0,60	+0,25	+0,40	+0,26	+0,17	+0,22
3	Качество образования ³	+0,31	–	+0,05	–	+0,24	–

Приведенные в табл. 5 данные свидетельствуют о существенном позитивном влиянии организационно-технологического сегмента на демографические показатели общества. Разумеется, если иметь в виду «социально позитивные» элементы этого сегмента.

В целом, опыт изучения вопроса о влиянии трех инструментальных сегментов на терминальный (демографический) сегмент показал, что это влияние заметно различается. Влияние материально-экономического сегмента проявляется наиболее сильно и однозначно, по сравнению с другими. Организационно-технологический сегмент в этом отношении несколько уступает. И самым трудным, неоднозначным, противоречивым в этом плане оказался социально-психологический сегмент. Работая в социально-психологическом сегменте, ведя в нем корреляционно-каузальные вычисления, мы попадаем в очень сложное поле **неопределенности**. Это касается, в частности, понятий «социально полезные» и «социально вредные» признаки. Для сравнения: в материально-экономическом сегменте с этим вопросом все достаточно просто. Материальная обеспеченность семьи – это хорошо, а бедность – это плохо, наличие сбережений у населения – это хорошо, а отсутствие таковых – плохо и т.д. Иначе обстоит дело в социально-психологическом сегменте. Например, «уверенность в завтрашнем дне» – это полезно или вредно? Опыт убеждает нас, что подобные признаки, кажущиеся нам социально позитивными и полезными, во многих случаях оказываются, как сегодня принято выражаться, «контрпродуктивными». Напротив, различные «страхи», «растерянность» и т.п., которые вряд ли вызывают у нас симпатию, во многих случаях «срабатывают» в социально позитивном направлении. Т.е. в пределах социально-психологического сегмента мы со всей очевидностью наталкиваемся на сложность, обманчивость, двусмысленность понятия «социально полезный признак».

Влияние инструментальных факторов на демографические характеристики социума: Россия и другие страны СНГ⁴

Одним из характерных материально-экономических факторов, существенно влияющих на демографические процессы в обществе, является индекс промышленного производства ($I_{прм}$)⁵. Ниже представлены результаты расчетов

¹ Для необходимых измерений использован материал из книги Общественное мнение – 2018. Ежегодник. – М., 2019. – С. 44. Соответствующий вопрос анкеты: «В какой мере государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами России?».

² Там же, с. 44. Вопрос анкеты: «В какой мере граждане России сейчас выполняют свои обязанности перед государством (соблюдают законы, платят налоги и т.п.)?»

³ Использован материал из книги Общественное мнение – 2016. Ежегодник. – М., 2017. – С. 80, Таблица 8.2.1. Вопрос анкеты: «Удовлетворены ли Вы нынешней системой образования в России?»

⁴ В более подробном изложении этот материал представлен в статье: Радовель М.Р. Эффективность самореализации социума на примере России и других стран СНГ // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Вып. 2, ч. 2.

⁵ Индекс промышленного производства (ИПП) – показатель динамики объема промышленного производства, его подъема или спада, определяется в виде отношения текущего объема производства в денежном выражении к объему промышленного производства в предыдущем или другом базисном году (Википедия).

тов влияния $I_{\text{прм}}$ на три демографические характеристики – рождаемость, естественный прирост населения и численность населения. Имеется в виду влияние – в корреляционном измерении.

Таблица 6

**Корреляция индекса промышленного производства с тремя демографическими показателями
(Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)***

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	+0,85	+0,93	+0,94
Казахстан	+0,76	+0,98	+0,76
Украина	+0,62	+0,04	+0,85
Беларусь	+0,74	+0,68	–

* Здесь и далее: отсутствие данных в столбце «Численность населения» по Беларуси – поскольку не удалось произвести необходимые расчеты из-за специфики данных по этой позиции в стране.

Обратим внимание на близость показателей по России и Казахстану (особенно в столбцах «Рождаемость» и «Естественный прирост») и достаточную отдаленность от них показателей по Украине и Беларуси (особенно в столбце «Естественный прирост»). Это свидетельствует, в частности, о том, что даже такой мощный материально-экономический фактор самореализации, как индекс промышленного производства, не срабатывает должным образом в условиях Украины (например, показатель $R_2 = +0,04$ на фоне предельно высоких величин по нему для России и Казахстана: +0,93, +0,98).

Еще одним экономическим фактором влияния на демографические показатели является зарплата («среднемесячная номинальная заработная плата наемных работников»). Представим соответствующие расчеты для четырех стран СНГ (табл. 7).

Таблица 7

**Корреляция фактора «зарплата» с тремя демографическими показателями
(Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)***

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	–0,19	+0,60	+0,97
Казахстан	–0,41	+0,61	+0,99
Украина	–0,93	–0,74	–0,78
Беларусь	–0,87	–0,82	–

* Заметим, что подобный расклад величин в таблице сохранится при соотношении задействованных здесь демографических данных с еще тремя параметрами доходов из Росстата («Реальные располагаемые денежные доходы», «Реальная начисленная заработная плата работников организаций», «Денежные доходы – всего»). Поскольку все четыре вида доходов коррелируют между собой с показателями от +0,91 до +1.

Как видим, что касается показателя корреляции по рождаемости R_1 , то он, к сожалению, в отрицательной зоне для всех четырех стран. Правда, по России и Казахстану он не столь велик (–0,19 и –0,41), как по Украине и Беларуси (–0,93 и –0,87). Но, как и в предыдущей таблице, здесь вновь наблюдаются очень близкие показатели самореализации по России и Казахстану, с одной стороны, и резко «выпадают» из этой диады Украина и Белоруссия, с другой.

Наконец, рассмотрим в межстрановом контексте действие еще одного фактора. Этот фактор – «среднегодовая численность занятых». По-видимому, данная характеристика имеет прямое отношение к организации жизни в конкретном обществе и, соответственно, может быть отнесена к «организационно-технологическому» его сегменту (табл. 8).

Таблица 8

Корреляция числа занятых с тремя демографическими показателями (Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	+0,09	+0,77	+0,95
Казахстан	–0,65	–0,44	–0,22
Украина	+0,58	+0,32	+0,94
Беларусь	–0,90	–0,69	–

Показатели по России в приведенных данных, за исключением ожидаемо низкого коэффициента корреляции по рождаемости ($R_1 = +0,09$), выглядят вполне достойно. У России, в отличие от Казахстана и Беларуси, очень хорошие шансы повышать естественный прирост и численность населения за счет повышения числа «занятых» ($R_2 = +0,77$ и $R_3 = +0,95$). Аналогично – и у Украины ($R_2 = +0,32$, $R_3 = +0,94$). Кроме того, Украина, в отличие от всех других, получает высокие шансы получить за счет повышения количества занятых увеличение рождаемости (+0,58). Очень тревожными представляются результаты по Казахстану и Беларуси: все в отрицательной зоне. Как это объяснить? Над этим стоит поразмыслить.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что представленные здесь результаты и суждения могут быть использованы в качестве полезной информации к размышлению при решении проблемы оптимизации российского общества и других стран СНГ, при поиске новых средств стимулирующего воздействия на нашу жизнь.

Сидоркина З.И.

к.геогр.н., с.н.с., в.н.с., Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

МОЛОДЕЖЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

Ключевые слова: регион, демографические тенденции, возрастная структура, молодежь, Дальний Восток.

Keywords: region, demographic trends, age structure, youth, Far East.

Введение

Либеральная модель экономики с ее приватизацией и ориентацией на экспорт привела к тому, что Дальний Восток, в советское время обеспечивавший себя почти всем необходимым, превратился в дефицитный регион, требующий инвестиций и в основном живущий экспортом, доходы от которого проходят мимо региона. За прошедшие 25 лет на Дальнем Востоке не только не удалось сохранить достижения в освоении, но «удалось» еще больше ухудшить положение этого региона. Только в последнее время российская власть пытается исправить ситуацию, но тактика, выбранная правительством, явно не в пользу России и дальневосточного региона². Сырьевая направленность хозяйства региона была задана министерствами и ведомствами несколько десятилетий назад, с тех пор Дальний Восток в этом русле и развивался. В итоге такого развития регион до сих пор остается плохо приспособленным для жизни людей. Кризисные явления в экономике, снижение уровня жизни населения, резкие изменения социально-экономической системы, снижение уровня и качества обслуживания в социальной сфере, – все это отразилось на демографической ситуации в регионе. В 11 регионах ДФО существует множество проблем, главные из которых – недостаточная оснащенность территорий современными объектами здравоохранения, низкие темпы газификации, отсутствие стабильного энергообеспечения, низкий уровень жизни населения.

Демографические изменения

Снижение абсолютной и относительной численности населения, особенно детского, на фоне отрицательного миграционного сальдо, падения рождаемости приводит к усилению старения населения региона (табл. 1). Все это свидетельствует о необходимости формирования дополнительных мер поддержки населения, привлечения мигрантов, улучшения качества медицинского обслуживания и развития социальной инфраструктуры, повышения доходов.

Таблица 1

Динамика возрастной структуры населения Дальнего Востока 1989–2017 гг., %

Дальневосточный округ	Моложе трудоспособного	Трудоспособное	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособное	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Грудоспособное	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Грудоспособное	Старше трудоспособного
	1989 г.			2005 г.			2012 г.			2017 г.		
Дальний Восток	27,9	58,6	13,6	18,0	65,7	16,3	18,0	61,9	20,1	19,8	57,8	22,4
Р. Саха-Якутия	32,5	61,0	6,5	24,3	65,3	10,4	23,8	62,3	13,9	24,9	58,1	17,0
Камчатский край	28,2	66,5	5,3	17,3	68,7	14,0	17,4	64,3	18,3	18,8	60,6	20,6
Приморский край	26,2	60,9	12,9	16,3	64,9	18,8	15,9	61,6	22,5	17,8	57,5	24,7
Хабаровский край	27,3	60,4	12,3	16,5	65,6	17,9	16,4	62,1	21,5	18,8	58,2	23,0
Амурская область	29,0	59,1	11,9	18,5	64,7	16,8	18,9	60,5	20,6	20,5	56,6	22,9
Магаданская область	29,4	66,9	3,7	16,9	70,5	12,6	17,5	64,2	18,3	18,9	59,7	21,4
Сахалинская область	27,2	62,7	10,1	16,6	67,4	16,0	17,3	61,8	20,9	19,5	57,1	23,4
Еврейская АО	30,9	56,4	12,7	18,7	64,7	16,6	19,4	60,2	20,4	21,1	56,0	22,9
Чукотский АО	30,6	67,5	1,9	22,1	71,5	7,2	22,2	66,5	11,3	23,0	62,3	14,7

Источник: таблица составлена с использованием данных, представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

¹ Статья подготовлена: в рамках гос. задания: регистрационный номер АААА-А16-116110810013-5, при поддержке гранта РФФИ (№18-05-60103), при поддержке гранта РФФИ (№ 18-00-095).

² Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 г. – <http://www.consultant.ru>; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ № 1351 от 13 июня 2012 г 2012 года. – <http://www.consultant.ru>

В сложившейся ситуации главную социально-демографическую угрозу составляет отток из Дальневосточного округа квалифицированной части трудового потенциала в активном трудоспособном возрасте. Выезжают из округа также выпускники вузов, которые не смогли найти достойного применения полученным знаниям в регионе, но стали востребованными российскими и иностранными компаниями, которые делают ставку на молодые кадры¹. Одной из актуальных проблем в социально-трудовой сфере, является создание в молодежной среде качественного трудового потенциала, способного работать в новых экономических условиях. Каков будущий демографический потенциал региона, и кто будет реализовывать планы развития территории – основной вопрос.

Устойчивые тенденции демографической деградации и низкий уровень социально-экономической привлекательности региона свидетельствует о том, что предпринимаемые усилия пока не изменяют сложившуюся ситуацию. Национальная программа по развитию ДФО до 2024 года определяет векторы для каждого из 11 субъектов, учитывает их специфику и содержит конкретные шаги для достижения целей, поставленных указом президента². Есть надежда сделать регион по-настоящему развитым и современным, местом, где комфортно жить и работать. Но горизонт планирования недостаточен для обеспечения уверенности молодежи в своем будущем.

Создание долгосрочных предпосылок для повышения конкурентоспособности членов домохозяйств на рынке труда возможно за счет осуществления инвестиций в образование и здоровье. При разработке программ социально-экономического развития регионов и страны в целом влияние уровня образованности и профессиональной грамотности трудоспособного населения на экономический рост и производительность труда в настоящее время, как показывает практика, не учитывается. Разорвана цепочка подготовки кадров. Разорваны внутренние связи – семья – школа – садик, отсутствие трудового воспитания, государственной заинтересованности в качественном трудовом потенциале. Эта ситуация может усугубиться, поскольку сегодня начальное и среднее профессиональное образование передано в ведение субъектов РФ и финансируется из регионального бюджета. Часть родителей отправляет детей получать образование за границу.

В настоящее время наблюдаются противоречивые тенденции в сфере отечественного высшего образования. С одной стороны, делается упор на академическую мобильность, открытость университетов, привлечение иностранных студентов. А с другой стороны, увеличивается отток талантливой молодежи в зарубежные вузы по различным направлениям и уровням подготовки³. Есть также и третья тенденция – внутренняя образовательная миграция, которая связана с поступлением в центральные вузы выпускников из субъектов Российской Федерации. Большие сложности испытывают региональные вузы, которые сталкиваются со проблемами набора по своим направлениям подготовки из-за снижения количества выпускников в школах. Здесь даже речь не о качестве набора, а о том, чтобы заполнить контрольные цифры приема. Особую роль играет то, насколько сильны вузы в субъектах Российской Федерации, как могут они могут привлечь абитуриентов из своего региона, других регионов, иностранных студентов высоким качеством образования. Обучение иностранцев в наших вузах не конкурентоспособно для европейских стран. К образовательным учреждениям России проявляют интерес в большей степени граждане стран СНГ, которые владеют русским языком, знакомы с отечественной культурой и готовы к интеграции и социализации. Это обуславливает целесообразность расширения правовой регламентации статуса образовательных мигрантов, гарантий их обучения и других вопросов, в том числе в рамках двусторонних договоров России с указанными странами⁴.

Важной составляющей деятельности любого вуза являются научные исследования и разработки, которые могут дать толчок росту интеллектуального капитала и содействовать трудоустройству выпускников. Отметим, что выпускники центральных вузов практически не возвращаются на «малую родину», что в итоге отражается на качестве регионального интеллектуального капитала.

Внутри региона сложной проблемой социально-демографического развития является ограниченная мобильность квалифицированных кадров. Предпочтительнее выезд за пределы страны. Несмотря на высокую стоимость обучения, которая доходит до \$120 тыс. в год, спрос на заграничное образование не падает, утверждают эксперты. Таким образом, родители готовят детей к эмиграции из России⁵. Официальной статистики о том, в какие именно страны родители отправляют детей учиться нет. Но в числе лидеров называют частные школы Великобритании, учебные заведения США, Швейцарии.

По данным свежего опроса исследовательского центра Gallup, которые провели опрос россиян весной текущего года, около 20% граждан хотели бы эмигрировать⁶. Этот показатель стал самым высоким с 2007 года. При этом больше всего хотят покинуть страну именно молодые россияне. Больше 40% респондентов в возрасте от 15 до 29 лет выразили желание оставить родину навсегда. Родители чувствуют политическую и экономическую нестабильность, по-

¹ Сидоркина З.И. Проблемы демографического роста на Дальнем Востоке России // Псковский регионологический журнал. 2018. – № 2. – С. 30–39.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. – <http://kremlin.ru/>

³ Чемоданова К. Трампин в эмиграцию: зачем детей отсылают учиться за границу. – <https://m.gazeta.ru/amp/business/2019/08/16125830081.shtml>

⁴ Сидоркина З.И. Структура миграционных потоков на Дальний Восток России (на примере Приморского края) // Проблемы и перспективы комплексных географических исследований в Аральском регионе и сопредельных территориях. – Нукус: Каракалпакский гос. университет им. Бердаха, 2018. – С. 251–254.

⁵ Чемоданова К. Образование за рубежом: почему россияне не едут в Лондон. – <https://m.gazeta.ru/amp/business/2019/08/16125830081.shtml>

⁶ Чемоданова К. Трампин в эмиграцию: зачем детей отсылают учиться за границу. – <https://m.gazeta.ru/amp/business/2019/08/16125830081.shtml>

этому хотят обеспечить возможность выбора для своих детей страны для дальнейшей жизни. В подростковом возрасте адаптироваться к иной культурной среде легче. В итоге спрос на заграничные пансионы растет даже больше, чем на высшее образование. Молодежь ориентируется на обучение за границей.

Стратегические вызовы, которые стоит учитывать уже сейчас:

- потеря контингента из-за снижения численности выпускников школ;
- активные миграционные процессы;
- отток выпускников с высокими баллами школ региона в учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска;
- географическая удаленность от ведущих образовательных центров¹.

Мы убеждены в том, что в дальневосточных вузах обучение должно быть полностью бюджетным, если стране нужны специалисты в регионе, которые будут работать в знакомых природных и социальных условиях. Вместо открытия новых специальностей в вузах, которые формируются не в один год, следует обеспечить подготовку необходимых специалистов по квотам для обучения в ведущих вузах страны для выпускников Дальнего Востока, как это сделано в Р. Тыва.

Заключение

В последние годы на государственном уровне принимаются решения, направленные на регулирование демографических и миграционных процессов: создано «Агентство по развитию человеческого капитала» (АНО); запущен механизм привлечения населения бесплатным предоставлением гектара земли; законодательные акты по территориям опережающего социально-экономического развития и по свободному порту Владивосток нацелены на активизацию миграционного потока в направлении региона. Устойчивые тенденции демографической деградации и низкий уровень социально-экономической привлекательности региона, свидетельствуют о том, что предпринимаемые усилия пока не изменяют сложившуюся ситуацию.

¹ Сидоркина З.И. Проблемы демографического роста на Дальнем Востоке России // Псковский регионологический журнал. 2018. – № 2. – С. 30–39.

Симченко Н.А.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории, Крымский федеральный университет
natalysimchenko@yandex.ru

Сафонов В.В.

заместитель директора, Крымский республиканский центр медицины катастроф и скорой медицинской помощи

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Ключевые слова: цифровая экономика, искусственный интеллект, медицинские услуги, качество жизни.

Keywords: digital economy, artificial intelligence, medical services, the quality of life.

Развитие цифровой экономики в России является одним из приоритетных направлений государственной политики и рассматривается как обязательное условие конкурентоспособности на современном глобальном рынке. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, которая призвана обеспечить цифровой фундамент ускоренного социально-экономического развития страны до 2024 года. В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» цифровая экономика определена как хозяйственная деятельность, «ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме», способствующая «формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы», а одним из ее уровней выбраны «рынки и отрасли экономики (сферы деятельности)»².

Указом Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10 октября 2019 г. № 490 определены приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта, среди которых решающая роль отводится технологиям повышения качества услуг в сфере здравоохранения. Повышение качества услуг в сфере здравоохранения предусматривает профилактическое обследование, диагностику, основанную на анализе изображений, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращение угроз пандемий, автоматизацию и точность хирургических вмешательств³.

Искусственный интеллект (далее – AI) и машинное обучение (далее – ML) имеют значительный потенциал развития в сфере здравоохранения, поскольку организации здравоохранения собирают и обрабатывают огромные объемы медицинских данных и прочей информации. Машинное обучение может помочь медицинским организациям анализировать большие массивы данных и выявлять наиболее значимые медицинские данные в контексте решения проблем и уточнения вариантов лечения или бизнес-процессов. Расширенные возможности анализа обеспечивают принятие более оптимальных решений, а также стимулируют поиск новых идей и источников конкурентных преимуществ.

Аналитики IBM трактуют AI как технологию анализа данных, созданную по образу нейронной сети мозга с использованием нескольких уровней информации, алгоритмов, сопоставления шаблонов, правил, глубокого обучения и когнитивных вычислений⁴. Механизм работы искусственных нейросетей повторяет принцип биологических. В цифровом исполнении нейронная сеть представляет собой граф с тремя и более слоями нейронов, которые соединяются между собой. В процессе обучения входные нейроны получают данные, обрабатывают их на внутреннем слое нейросети, а на выход поступают результаты. Если полученный результат в процессе обучения не устраивает исследователей, они меняют вес соединений и заново обучают сеть. При этом успешность процесса и достоверность результатов зависит от количества входных данных – чем их больше, тем лучше⁵.

Нейросети могут применяться в медицине разными способами. Например, пациент делает запрос «головная боль», «высокая температура», «озноб», а нейронная сеть анализирует тысячи или миллионы карточек других людей и на основе их диагнозов может предположить заболевание у человека, сделавшего запрос. Естественно, нейросеть не может на 100% утверждать, что с названными симптомами у пациента, например, грипп, однако она предполагает

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. – <http://government.ru/rugovclassifier/614>

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10 октября 2019 года № 490. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

⁴ <https://www.ibm.com/ru-ru/watson-health/learn/artificial-intelligence-medicine>

⁵ Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении. – <https://center2m.ru/ai-medicine>

такой диагноз в соответствии с заключениями врачей по другим медкартам. Сегодня на основе нейронных сетей разработано множество технологий для медицины, и некоторые из них уже активно применяются в клиниках по всему миру.

Анализ применения технологий AI позволяет выделить следующие преимущества использования AI в сфере предоставления услуг:

- повышение эффективности диагностики;
- сокращение рутинных задач врачей, что способствует улучшению взаимодействия «врач-пациент»;
- уменьшение количества врачебных ошибок;
- ликвидация информационного шума;
- обеспечение контекстного соответствия.

В условиях беспрецедентного роста пандемии COVID-19 особенно актуализируются вопросы использования технологий искусственного интеллекта в процессе диагностики заболевания¹. В России ведущим национальным оператором по разработке технологий AI является корпорация «Сбер». В частности, 2 декабря 2020 г. был анонсирован запуск AI-системы для постановки предварительных диагнозов пациентов с помощью нейросети. На сайте пользователь перечисляет симптомы в свободной форме, в результате чего искусственный интеллект приводит три наиболее вероятных диагноза и предлагает записаться к врачу. Точность распознавания причины недомогания, по словам разработчиков, составляет от 75 до 91%².

На сегодняшний день целью разработчиков AI в «Сбер» является обучение нейросети определению вероятности заболевания COVID-19, в том числе по редким симптомам. Если пользователь вводит описание состояния, характерное для коронавирусной инфекции, то система дополнительно предупреждает о подозрении на болезнь и предлагает обратиться в клинику, сдать ПЦР-тест или вызвать скорую помощь. На основе представленных разработок компаниями «СберЗдоровье», «СберМед ИИ» и «Лаборатория по искусственному интеллекту», входящих в структуру корпорации «Сбер» запущен сервис, позволяющий определять болезни легких по загруженному снимку КТ³. Более того, в декабре 2020 г. «Сбер» инициировано открытие Института развития Искусственного Интеллекта, который будет заниматься исследованиями в области больших данных, ИИ и прикладными технологиями.

Подчеркивая несомненную важность и перспективность развития технологий AI в сфере предоставления медицинских услуг, следует обратить внимание и на ряд критически серьезных вызовов использования технологий AI в здравоохранении:

- проблема неполноты и/или ошибочности используемых медицинских данных;
- неточность установки диагноза в связи с ошибкой обработки данных;
- непрозрачный алгоритм принятия решений;
- создание и внедрение систем искусственного интеллекта требует высокого уровня затрат;
- потребность в квалифицированных и мотивированных специалистах, способных обслуживать и «учить» нейронные сети;
- обеспечение кибербезопасности и нивелирование кибермошенничества в системе предоставления медицинских услуг;
- введение эффективной системы неотвратимости наказания за киберпреступления.

Принимая во внимание все вышеизложенное, отметим, что внедрение технологий искусственного интеллекта в сфере предоставления медицинских услуг является стратегически значимым вопросом в научно-технологическом развитии России. Безусловно, наряду с совокупностью преимуществ развития технологий искусственного интеллекта, имеется и ряд серьезных вызовов. Преодоление указанных вызовов внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере предоставления медицинских услуг тесно связано, на наш взгляд, с кардинальной переориентацией отечественной системы подготовки кадров на освоение компетенций цифровой экономики, начиная с системы школьного образования.

¹ Liu J., Hao J., Shi Z., Bao H.X.H. Building the COVID-19 Collaborative Emergency Network: a case study of COVID-19 outbreak in Hubei Province // Natural Hazards. 2020. – N 104. – P. 2687–2717. – https://www.researchgate.net/publication/344742639_Building_the_COVID-19_Collaborative_Emergency_Network_a_case_study_of_COVID-19_outbreak_in_Hubei_Province_China

² Сбер: ИИ-система для постановки диагноза. – <http://zdrav.expert/index.php/B0>

³ Там же.

Алиджанова А.Х.

старший преподаватель кафедры международных отношений, Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, г. Худжанд
adiba_80.97@mail.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ

Ключевые слова: *Российская Федерация, Республика Таджикистан, межрегиональное сотрудничество, двусторонние отношения, межпарламентские контакты, регионы, торгово-экономические отношения, Алтайский край, Согдийская область, Хатлонская область.*

Ключевые слова: *Russian Federation, Republic of Tajikistan, interregional cooperation, bilateral relations, interparliament contacts, regions, trade-economic cooperation, Altay region, Sogd region, Khatlon region.*

Межрегиональное сотрудничество между Россией и Таджикистаном является неотъемлемой частью двусторонних отношений в области политики, экономики, культуры и науки. Общеизвестно, что Российская Федерация является основным торговым партнером Республики Таджикистан и одним из ее стратегических партнеров. Для организации межрегионального сотрудничества между странами необходимо было создать прочную и перспективную нормативно-правовую основу межгосударственных отношений.

Основу для создания и укрепления договорно-правовой базы межрегионального сотрудничества между РТ и РФ составляют документы и договора, принятые в рамках СНГ. На сегодня важнейшим нормативно-правовым документом, регулирующим межрегиональное сотрудничество между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией является Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года¹, утвержденная Решением Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2015 года. Данная Концепция определяла виды и направления межрегионального сотрудничества, которые в основном охватывали торгово-экономические и информационно-коммуникативные сферы, а также меры по стимулированию регионов. Наряду с Концепцией был утвержден План мероприятий по ее реализации. Ежегодно каждое государство-участник Концепции информировало Экономический совет СНГ о ходе реализации документа на территории государства в многоуровневом и двустороннем формате.

В Республике Таджикистан приняты законы «О государственной защите и поддержке предпринимательства», «Об иностранных инвестициях», «О внешнеэкономической деятельности», которые способствуют успешному функционированию предпринимательских структур, улучшению инвестиционного климата и созданию совместных предприятий на уровне регионов.

В деле легализации и институционализации межрегионального сотрудничества необходимо отметить роль межпарламентских контактов двух стран, начавшихся еще в 1992 с момента создания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Первый межпарламентский визит со стороны делегации Государственной Думы РФ во главе с Г. Селезневым в РТ состоялся в январе 1998 года, в ходе переговоров парламентариев было подписано Соглашение «О межпарламентском сотрудничестве» между Государственной Думой Российской Федерации и Маджлиси Оли Республики Таджикистан².

Ответный официальный визит парламентариев Республики Таджикистан во главе с Председателем Маджлиси намояндагон (нижней палаты парламента) С.Х. Хайруллоевым в Москву состоялся в июне 2000 года. Для имплементации Соглашения о межрегиональном сотрудничестве 1998 года парламентариями государств было принято решение о создании Межпалатной парламентской комиссии между Государственной Думой Российской Федерации и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Первое организационное заседание МПК было проведено в апреле 2003 года в Душанбе, и по состоянию до 2016 года было проведено на регулярной основе в обоих государствах шестнадцать заседаний, способствующих ратификации межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений и их координации.

Двусторонние взаимовыгодные отношения поступательно развиваются и между верхними палатами парламентариев. В апреле 2004 года состоялся официальный визит парламентской делегации Республики Таджикистан во главе

¹ Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. – <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5135>

² Саидов З. Внешняя политика Республики Таджикистан в условиях глобализации. – Душанбе: Авасто, 2004. – С. 577.

с Председателем Маджлиси Милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадсаидом Убайдуллоевым в Российской Федерации по приглашению Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Сергея Миронова¹.

Межпарламентские контакты сторон развивались поэтапно и динамично, как мы считаем, в этом велика роль политического руководства РФ и РТ в разные периоды. Весомый вклад в укрепление межпарламентских связей внесли парламентарии стран.

В марте 2014 г. после трехлетней паузы состоялась официальная межпарламентская встреча Председателя Совета Федерации Федерального Собрания В.И. Матвиенко с парламентариями Республики Таджикистан. Как отмечает В.И. Матвиенко в своем интервью корреспонденту республиканской «Народной газеты» – «пауза межпарламентских контактов России и Таджикистана закончилась»². Председатель Совета Федерации Федерального Собрания В.И. Матвиенко в ходе переговоров со спикером Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмадсаидом Убайдуллоевым отметила политическую, экономическую и оборонную составляющую двухсторонних взаимоотношений и многогранность подписанных соглашений.

В 2002 году была образована Межправительственная комиссия по экономическому развитию между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией, способствующая в дальнейшем поэтапному развитию экономического сотрудничества государств. По инициативе Межправительственной комиссии по экономическому развитию Республики Таджикистан и Российской Федерации, а также в рамках реализации подписанного соглашения о сотрудничестве³ между Советом Федерации Федерального Собрания РФ и Маджлиси Оли Маджлиси Милли РТ с 2006 года регулярно проводятся межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества», ставшим мостом для соединения деловых кругов двух государств и механизмом поиска экономически выгодных проектов для обеих сторон.

В сентябре 2007 г. в рамках II межпарламентского форума по инициативе Председателя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан и мэра г. Душанбе М. Убайдуллоева была проведена на высшем уровне ярмарка сельскохозяйственной продукции Таджикистана в г. Москве. Как отметил сам М. Убайдуллоев, «москвичам и гостям столицы были предложены более 3 тысяч тонн свежей сельхозпродукции, продовольственных и непродовольственных товаров»⁴. Также мэр Москвы Ю. Лужков на основе имеющихся соглашений выразил готовность принять 200 тысяч трудовых мигрантов из Таджикистана в столице России и создать благоприятные условия для их трудовой деятельности, инициировав рассмотрение совместно с Федеральной миграционной службой и правительством Москвы Закона о социальном обеспечении трудовых мигрантов.

Теплые и дружественные отношения политических руководителей заложили основу не только для динамичного развития торгово-экономического сотрудничества, но и для налаживания научно-технического и культурно-гуманитарного взаимодействия.

Вопросы социокультурного взаимодействия, в том числе поддержки русского языка и переподготовки специалистов из Таджикистана в Москве для развития школ с русским языком обучения в республике были затронуты в ходе очередной встречи мэра Москвы Ю. Лужкова и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в ноябре 2004 года⁵. Во время встречи также были обсуждены вопросы экономического взаимодействия, в основном в сфере малого и среднего бизнеса. Как отметил Ю. Лужков «Москва... нуждается в таджикских сухофруктах и ранней плодовоовощной продукции из Таджикистана», большой поток товаров из Москвы российская делегация обещала отправить в Таджикистан.

В июне 2008 г. в г. Душанбе с большим успехом прошли Дни культуры г. Москвы, а московскую делегацию в составе 150 деятелей искусства и культуры Российской Федерации возглавил мэр Москвы Ю. Лужков⁶. В ходе визита в Таджикистан Ю. Лужков и посол Российской Федерации в Республике Таджикистан Рамазан Абдулатипов посетили Российско-таджикский славянский университет (РТСУ), где Ю. Лужков был награжден званием Почетного доктора РТСУ. От мэрии г. Москвы в дар РТСУ были вручены 500 экземпляров книг⁷.

Торгово-экономическое сотрудничество России и Таджикистана играет важную роль, ввиду того что Россия является основным торговым партнером республики с самого начала этапа становления независимости. Механизмы экономического взаимодействия наших стран закреплены в базовых соглашениях о торгово-экономическом сотрудничестве, подписанных еще в период межтаджикского конфликта.

Активизация российско-таджикского межрегионального взаимодействия началась в 2002 году, когда Свердловская, Челябинская, Саратовская, Ивановская, Омская и другие области, Алтайский и Красноярский края, а также города Москва и Санкт-Петербург закрепили двусторонние отношения соглашениями и протоколами. В этом году на

¹ Официальный визит Парламентской делегации Таджикистана в Россию // Народная газета. 2004. – № 23, 9 июня.

² Пауза парламентских контактов России и Таджикистана закончилась... // Народная газета. 2014. – 12 марта.

³ Соглашение о сотрудничестве между Советом Федерации Федерального Собрания РФ и Маджлиси Оли Маджлиси Милли РТ было подписано 24 августа 2006 года в рамках I межпарламентского форума «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества»

⁴ В Москве пройдет ярмарка сельхозпродукции Таджикистана. – <https://regnum.ru/news/polit/872144.html>

⁵ Президент Таджикистана и мэр Москвы обсудили в Душанбе вопросы взаимодействия столиц двух стран. – <https://ria.ru/20041120/738694.html>

⁶ В Душанбе прошли Дни культуры Москвы – <https://www.fergananews.com/articles/5759>

⁷ Мэр Москвы Юрий Лужков стал Почетным доктором Российско-Таджикского (славянского) университета. – <https://centrasia.org/newsA.php?st=1214319540>

долю названных регионов приходилось 65,5% таджикско-российского товарооборота¹. В 2002 году только 10 субъектов РФ выразили заинтересованность в сотрудничестве с административно-территориальными единицами РТ, а в 2017 году число сотрудничающих регионов России составило более 70, что свидетельствует о расширении сфер кооперации, увеличении количества импортируемых и экспортируемых товаров между регионами.

Следует отметить, что из российских регионов в регионы Республики Таджикистан в основном импортировались нефтепродукты, черные металлы и изделия из них, машинно-техническая продукция, цемент, стекольные товары, древесина и изделия из нее, жиры и масла растительного и животного происхождения, сахар, злаки и кондитерские изделия и другие товары. А из таджикских регионов в субъекты Российской Федерации экспортировались хлопок, алюминий, сельскохозяйственные продукты (в основном овощи, фрукты и орехи).

В марте 2012 года делегация Алтайского края во главе с заместителем губернатора края **Борисом Лариным** посетила Таджикистан с официальным визитом. Во время этого визита проводились переговоры делегации Алтайского края с представителями органов исполнительной власти и деловых кругов Хатлонской и Согдийской областей Республики Таджикистан. В составе делегации Алтая были представители органов исполнительной и законодательной власти региона, Алтайской торгово-промышленной палаты, ООО ТД «Алмаз», ООО «Алтайские мельницы», ООО «Топчихинский мелькомбинат», писательского сообщества и Алтайского государственного технического университета².

В повестке дня переговоров было развитие межрегионального взаимодействия в области промышленности, торговли, сельского хозяйства, энергетики, гуманитарной, информационной и коммуникационной сферах.

Визит Алтайской делегации осуществлялся в рамках реализации Меморандумов о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве между Администрацией Алтайского края и исполнительными органами государственной власти Хатлонской и Согдийской областей Республики Таджикистан, подписанных в сентябре 2007 г. во время второго межпарламентского форума «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» в г. Москва.

Следует отметить, что в апреле 2011 года делегация Хатлонской области Республики Таджикистан посетила Алтайский край Российской Федерации с целью укрепления межрегиональных связей и нахождения новых путей для налаживания торгово-экономического сотрудничества в сфере образования и производства энергетической продукции. В итоге визита Хатлонской делегации между сторонами был подписан Протокол намерений о развитии сотрудничества между управлением госимуществом Хатлонской области Республики Таджикистан и управлением Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей³.

В ходе ответного визита делегации Алтайского края в марте 2012 г. делегация Хатлонской области провела переговоры с руководством Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова и подписала договор о сотрудничестве двух регионов в области образования – между АлтГТУ и энергетическим институтом г. Курган-Тюбе.

Наиболее перспективными направлениями торгово-экономического сотрудничества регионов являются поставки из Алтайского края лесоматериалов и мукомольно-крупяной продукции, а также сельскохозяйственной техники в области Республики Таджикистан, а из регионов РТ – поставки ранних овощей и фруктов в Алтайский край и создание совместных предприятий для переработки хлопка-волокна.

В июле 2014 года делегация Согдийской области Республики Таджикистан во главе с Председателем области Абдурахмоном Кодири с официальным визитом находилась в Алтайском крае. В состав делегации входили представители экономической, сельскохозяйственной, здравоохранительной и образовательной отраслей области, а также руководители отделов международных связей и миграционной службы⁴. Официальная поездка состоялась на основе договора Республики Таджикистан и Российской Федерации о расширении регионального сотрудничества. Следует отметить, что основой двусторонних региональных отношений Согдийской области и Алтайского края был подписанный в ходе второго межпарламентского форума «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» Меморандум о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве в сентябре 2007 г.

Оба региона – и Алтайский край, и Согдийская область являются аграрно-промышленными регионами. Особенностью регионов является значительная доля сельского населения – в Алтайском крае доля сельского населения составляет 44%, а в Согдийской области – 70%. Алтайский край занимает первое место в России по производству муки, и второе место по производству крупы, в нем производится каждая шестая тонна сыра в России⁵.

Межрегиональное взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан динамично развивается, ежегодно увеличивается число участников этого процесса государств, сферы взаимодействия регионов охватывают наиболее важные области сотрудничества наших стран.

¹ Состояние и перспективы развития межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ (Информационно-аналитический доклад) / Исполнительный комитет СНГ. – М., 2004. – С. 28–29.

² В Душанбе прибыла делегация Алтайского края. – <https://rus.ozodi.org/a/24515261.html>

³ В Душанбе прибыла делегация Алтайского края. – <https://rus.ozodi.org/a/24515261.html>

⁴ Официальная поездка делегации Согдийской области в Алтайский край. – <http://www.sugd.tj/index.php/ru/component/content/article/65-novosti/261>

⁵ Содружество крепнет // Местное самоуправление в Алтае. Краевой информационно-аналитический журнал. 2014. – № 6. – С. 18–20.

Амикишиева Н.Т.

докторант, Бакинский государственный университет

РОЛЬ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В РАЗВИТИИ ГОРНЫХ РАЙОНОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ключевые слова: транспортная сеть, автомобильный транспорт, трансграничное сотрудничество, реконструкция транспортной инфраструктуры, развитие горных районов.

Keywords: transport network, road transport, cross-border cooperation, reconstruction of transport infrastructure, development of mountainous regions.

Транспортная инфраструктура, как важнейшая составляющая экономического потенциала регионов, играет исключительно важную роль в формировании всей системы коммуникационных связей и в значительной мере определяет векторы развития мирового хозяйства. В зависимости от преимущественного развития отдельных видов транспорта постепенно вырисовываются отличительные черты и контуры рисунка транспортной сети. Вместе с тем, влияние природных и экономических факторов в разной степени обуславливают географическую дислокацию транспортных пунктов, центров, узлов и артерий.

Известно, что особенности географических условий любого региона могут служить позитивной или же негативной предпосылкой в его социально-экономическом развитии. В развитии наземного, в особенности автомобильного транспорта, геоморфология и рельеф местности определяют конфигурацию дорожной системы. Перепад абсолютных высот местности, изрезанность и многообразие форм рельефа значительно осложняют ведение инженерно-технических работ по созданию системы транспортных коммуникаций. Поэтому средняя протяженность автомобильных дорог и их плотность на единицу площади с возрастанием абсолютных высот обратно пропорционально снижается. Конечно же, такая закономерность связана и с характером расселения населения. С продвижением в предгорные и горные районы обычным явлением становится уменьшение плотности населения. При уменьшении численности населения и дисперсном характере расселения в горных районах, естественно, отпадает необходимость в расширении сети дорог. В связи с этим, типичной формой создания сети дорог в горных и предгорных районах становится линейно-узловая конфигурация инфраструктуры.

Примерно 1/3 часть территории Азербайджанской республики относится к горным и предгорным районам, которые отличаются наличием богатых природных ресурсов. Как и во всех горных районах мира в этих областях республики сформировался своеобразный уклад быта, жизни и хозяйственной деятельности. Недостаточная развитость транспортной инфраструктуры всегда оказывала сдерживающее воздействие на развитие горных районов. Принимая во внимание «экономическую нецелесообразность» строительства автомобильных дорог в горных районах, в 60-х годах прошлого столетия советская власть последовательно реализовывала политику по переселению горцев в равнинные районы республики. Конечно же, в те годы советское руководство не задумывалось о социально-экономических последствиях такого принудительного переселения горных жителей. В результате этого, значительно увеличилась смертность среди переселенцев, которые не могли адаптироваться к новым условиям жизни. Горцы, традиционно занятые в сфере овцеводства, в большинстве своем вынуждены были приобретать новые трудовые навыки и знания в сфере земледелия. Как показала практика, в силу совокупности объективных и субъективных причин, это оказалась трудно разрешимой задачей. Как следствие, ранее процветающие животноводческие хозяйства в виде колхозов и совхозов пришли в полный упадок. В результате экономике и социальному благосостоянию населения горных районов республики был нанесен значительный ущерб.

С начала XXI века в Азербайджане начался процесс разработки комплекса государственных программ по социально-экономическому развитию регионов республики. В контексте этого особо следует отметить первую Государственную программу по социально-экономическому развитию регионов республики на период 2004–2008 годы. В этой программе особое внимание было уделено развитию транспортной инфраструктуры республики. Причем, в одинаковой степени были обозначены векторы развития трансмагистральных транспортных коридоров и дорог республиканского значения. В соответствии с реализацией концепции развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее» особой строкой была выделена дорожная карта по развитию логистической системы республики¹. Строительство международных транспортных коридоров стимулировало соответствующее планирование и развитие автомобильных дорог республиканского и местного значения. В результате этого значительно увеличилась общая протяженность автомобильных дорог республики и к началу 2020 года она составила 19 тыс. км². В соответствии с этим возросла протяженность автомобильных дорог местного и республиканского значения. Так по данным Статистического комитета рес-

¹ Концепция развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее». -https://www.president.az/files/future_ru.pdf

² Данные Государственного статистического комитета Азербайджанской республики. – <https://www.stat.gov.az>

публики, к началу 2020 года, удельный вес дорог местного и республиканского значения в общей протяженности автодорог составил 77%. При этом более 80% составили автомобильные дороги, проложенные в равнинных районах республики. В целях создания дополнительных благоприятных условий для развития фермерских хозяйств особый акцент был сделан на выделение целевых инвестиций для строительства сети автомобильных дорог между сельскими поселениями.

В реализации стратегии последовательного развития транспортной инфраструктуры в республике особое значение придается целенаправленному выделению инвестиций для строительства автомобильных дорог. Инвестиции на поддержание и развитие автомобильных дорог Азербайджана в 2016 году составили 1127,9 млн. манатов. В рамках подписанных президентом Азербайджана 48 распоряжений на реконструкцию и ремонт сельских автомобильных дорог в 2016 году было выделено 193 млн. манат. Работы, выполненные за счет этих средств, охватили 356 населенных пунктов, в которых проживают 2 млн. человек¹. При этом возрос удельный вес инвестиций, направленных на строительство новых автодорог в горных районах республики. В 2019 году объем выделенных средств на поддержание и развитие автомобильных дорог Азербайджана составил 1845,7 млн. манатов².

Примечательным стало проведение широкомасштабных работ по реконструкции, ремонту и строительству автомобильных дорог в высокогорных районах республики. Особо следует отметить строительство новой высокогорной дороги в направлении села Хыналыг (2350 метров н.у. моря), расположенного на севере, в Губинском районе республики. Маршрут дороги пройдет через 8 населенных пунктов с населением около 8 тыс. человек. Эта автомобильная дорога пролегает на высоте 1500–2600 метров над уровнем моря в местности со сложным рельефом и климатическими условиями. О сложности рельефа региона свидетельствует тот факт, что около 1,2 километра новой дороги проходит по территории гор Большого Кавказа на высоте 2625 метров. Ныне действующая дорога Губа-Испик-Хыналыг в зимний период становится труднопроходимой и небезопасной для передвижения автотранспорта и в связи с этим она периодически закрывается для проведения ремонтных работ. Поэтому завершение строительства новой дороги в Хыналыг создаст условия для бесперебойного движения автотранспорта и освоения рекреационных ресурсов этого района.

Строительство дорог в горных районах юга республики связано, главным образом, с труднодоступными поселениями Лерикского района. За период 2013–2019 годы на строительство и реконструкцию автомобильных дорог в горных территориях Лерикского района из государственного бюджета было выделено около 30 млн. манатов. Благодаря этому улучшились транспортные связи между более чем 70 горными селами, что способствовало социально-экономическому развитию района.

Как известно, строительство дорог в горных районах требует увеличения финансовых и материальных расходов. Однако своеобразие природных условий и, в ряде случаев, наличие богатых природных ресурсов создают предпосылки для успешного проектирования и строительства надежной транспортной инфраструктуры. Комплексная оценка последствий строительства дорог, конечно же, не может быть ограничена лишь только экономическими составляющими. Понятно, что кумулятивный эффект в наибольшей степени проявляется в социальной сфере (снижается величина оттока населения, меняется половозрастной состав, создаются новые рабочие места, растет естественный прирост населения и т.д.). Эти тенденции дают о себе знать в тех горных районах республики (Гусарский, Габалинский, Шемахинский, Лерикский и др.), где за последние 15 лет построены новые автомобильные дороги и хозяйственные объекты.

Ярким примером стимулирования экономического развития горных районов республики стала коренная реконструкция транспортной инфраструктуры в Габалинском и Гусарском районах республики. Наряду со строительством новых магистральных автомобильных шоссейных дорог был сдан в эксплуатацию новый международный аэропорт в городе Габала и на стадии завершения находится новая железнодорожная ветка Ляки-Габала. Для строительства этой дороги из бюджета республики выделены средства в объеме 30 млн. манат³. Благодаря строительству этой железнодорожной ветки станет возможным за 2–3 часа проехать по маршруту Баку-Габала, что откроет новые возможности для притока туристов в этот регион.

Не менее важным проектом представляется строительство новых транспортных путей в Губа-Хачмазском экономическом районе. Постепенное превращение Гусарского района в крупный туристический центр республики обусловлено не только строительством горнолыжного комплекса «Шахдаг» в предгорьях Шахдага, но и созданием надежной инфраструктурной базы. Шахдагский комплекс расположен в 32 км от административного центра района и для доступа туристов в этом направлении проложена высококачественная шоссейная дорога. Одновременно с этим продолжаются проектно-технические работы по обоснования строительства железной дороги из станции Худат в направлении Шахдагского комплекса.

Продуманная стратегия по стимулированию социально-экономического развития регионов имеет своей целью более полное и эффективное использование природно-ресурсного потенциала республики. Горные и предгорные районы республики, располагая значительными природными ресурсами, были ограничены в своем развитии в первую очередь из-за слабой развитости инфраструктурной составляющей. Исходя из этого, одним из приоритетов в содействии развития горных районов стало инвестирование транспортного сектора экономики. Осуществляемые меры по вводу в строй новых транспортных коммуникаций способствовали вовлечению в производство ресурсного потенциала горных районов, созданию новых производств и новых рабочих мест.

¹ Инвестиции в развитие автодорожного сектора Азербайджана в 2016 г. сократились на 5%. – <http://interfax.az/view/699327>

² Инвестиции в развитие автодорог Азербайджана увеличились. – <https://www.trend.az/business/transport/3223071.html>

³ Строительство железных дорог в Габала и Гусары приведет к увеличению потока туристов. – <https://finans.az/xeber/qebelev-qusara-demir-yolu-xetlerinin-cekilisi-olkeye-turizm-axinin-guclendirecek.html>

С учетом того факта, что значительные инвестиции были направлены на развитие автомобильного транспорта в северные и южные горные районы республики, можно говорить о существенном повышении аттрактивности этих районов. Эти тенденции создают благоприятные предпосылки для развития трансграничного сотрудничества. Развитие приграничной торговли на севере с Россией и на юге с Ираном в немалой степени зависит от транспортной обеспеченности этих территорий. Поэтому разработка госпрограмм по развитию транспортной инфраструктуры в регионах республики остается одним из главных приоритетов будущего развития страны. Как показывает опыт прошедших лет, развитие транспортной инфраструктуры, и в соответствии с этим, тенденции роста приграничной торговли и приграничного сотрудничества играют важную роль в развитии межгосударственных отношений республики с сопредельными странами.

Арбатская М.Н.
д.геогр.н., Иркутск
Сюй Линьчун
магистрант ИРНИТУ

СИСТЕМА СЕЛЬСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» КИТАЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И МОДЕЛИ ВЫБОРОВ

Ключевые слова: новая нормальность, воспроизводство местного самоуправления, сельские проблемы, общественная безопасность, «морские выборы», несовершенство законодательства, демократия широких масс, непоказанная реальность.

Keywords: new normality, reproduction of local self-government, rural problems, public safety, «sea elections», imperfection of legislation, democracy of the masses, unseen reality.

Социалистическая представительная демократия в Китае должна быть всесторонней непоказанной реальностью, обязательной для исполнения верхами и низами, для чего нужно создавать рационально-упорядоченную завершённую систему и соответствующий ей общественный строй. Такого мнения придерживается Си Цзиньпин¹. Разумеется, крестьянские низы не могут быть вне этого процесса, а методы и способы, применяющиеся для создания такого строя, раскрываются в системе функционирования и воспроизводства МСУ.

Деревня – это исторический тип крестьянских поселений; по-китайски «естественная» деревня, которая, как правило, не показывается на схеме АТД (пятый уровень), называется *цзыжань цунь*. С декабря 1950 г. как способ организации власти в сельской местности после образования КНР и на основе специального положения Госсовета появились административные деревни (*синчжэн цунь*). С 1958 г. вместо прежнего низового уровня – волостей, повсеместно стали создаваться «народные коммуны» (жэньминь гуншэ 人民公社)². С момента создания и до полной ликвидации в 1984 г. народные коммуны практиковали «трехуровневое владение, командное управление “на основе низового режима, производственные бригады были организованы на основе природных и административных деревень”»³.

Прокомментировать историю лучше Дэн Сяопина никто не сможет. Итак, «во время большого скачка в 1958 году кооперативы высшего типа еще не успели укрепиться, как мы перешли к повсеместному созданию народных коммун, в результате в начале 60-х годов пришлось отойти назад и снова принять производственную бригаду за основную хозяйственную единицу. В ходе движения за социалистическое воспитание в деревне в некоторых местах, целесообразная по своим масштабам, производственная бригада была поделена на мелкие ... А в других местах, наоборот, объединили бригады, и их размеры стали непомерно крупными. Практика показала, что ни то, ни другое не принесло желаемых результатов»⁴. И все потому, что с 50-х годов «правительство придерживалось принципа “заставить лошадь бежать быстрее, но не давать ей пастись”»⁵, на что трудящиеся сельские массы гениально отвечали: «главная цель – прийти на работу, *нестись на нее как рой пчел*, а там можно и отдохнуть» (курсив – наш) [там же, с. 390].

Закон о выборах 1980 г., Конституция 1982 г., дополнительные рекомендации ЦК КПК по созданию и деятельности комитетов сельского населения и провинциальные «Краткие правила по работе комитетов сельского населения» стали правовыми инструментами распространения и совершенствования системы сельских выборов в Китае. В соответствии с Белой книгой “40 лет прогресса развития прав человека в реформах и открытости”, по состоянию на 2017 год в сельских районах Китая через каждые 3 года прямыми выборами было избрано более 9 созывов сельских комитетов. Большинство сельских комитетов проводили выборы в соответствии с законом, а доля зарегистрированных избирателей достигла 95% от общего числа жителей; явка на выборы при этом составила более 90%»⁶.

¹ Ши Бицзю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 78.

² Зуенко И. Развитие системы административно-территориального устройства провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг. // Россия и АТР. 2015. – № 3. – С. 190.

³ Lei Zhengzhi. Cun min wei yuan hui zu zhi fa jie du (xiu gai): [Толкование «организационного статута комитета деревни»] // Ухань, 2018. – <https://wenku.baidu.com/view/b49438179a6648d7c1c708a1284ac850ad0204e6.html>

⁴ Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2 (1975–1982) / Пер. Бюро по переводу произведений Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПК. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. – С. 396–397.

⁵ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 200.

⁶ Dong Dezhi. Shi shi qiu shi: ji ceng min zhu fu yu huo li [Достижение влияния: низовая демократия полна энергии] // Жэньминь Жибао, 2019. – С. 9. – <http://theory.people.com.cn/n1/2019/1011/c40531-31393029.html>

Началось с того, что «Конституция 1982 г.¹ в ст. 30 подтвердила трехзвенную структуру АД с восстановленным волостным уровнем. Мероприятия по ликвидации народных коммун и воссозданию волостей проходили в течение 1982–1984 гг. Совместное постановление ЦКК ПК и Госсовета КНР от 07.11.1983 г. при образовании волостей разрешало в интересах повышения эффективности государственного управления выходить за территориальные рамки прежних ... коммун»². Поселки уездного уровня теперь закреплялись за волостным [там же], приближая некоторое влияние урбанизации к сельской местности.

По признанию Дэн Сяопина, начало реформ вообще не было простым, но «еще большую проблему составляли реформа на селе, переход в деревне к семейному подряду, отмена народных коммун»³. Рассмотрим поэтапное создание сельских комитетов, с помощью которых деревенские жители Китая стали осуществлять «самоуправление, самовоспитание, самообслуживание и самоконтроль», и предшествующую данному процессу деколлективизацию.

Ситуация в сельской местности под прессом маоистского режима была настолько суровой, что переход к единоличному хозяйству вызывал у крестьян смертный страх перед расправой властями. В провинции Аньхой зимой 1978 года жители маленькой, бедной и голодной деревушки «Сяоганцунь подписали *письмо кровью* (хранящееся сейчас в музее – авт.), в котором говорилось, что если их единоличные хозяйства будут обнаружены правительством, а их бригадира расстреляют, то члены других 17 домохозяйств возьмут на себя ответственность за воспитание его детей»⁴. Данный пример ярко иллюстрирует, что «*политика реформ в деревне начиналась снизу и была в значительной мере результатом самоорганизации крестьян, поддержанной властями не сразу, а спустя некоторое время*»⁵.

Дэн Сяопин вспоминает, что «вначале не все одобряли реформу. Две провинции показали пример в перестройке. Одна – это провинция Сычуань, моя родина. Другая – это провинция Аньхой... Курсы и установки на реформу мы разработали именно на основе опыта, накопленного этими двумя провинциями»⁶. В самом начале только треть провинций приступила к делу, на второй год – больше двух третей, а на третий подтянулись и все остальные [там же, с. 471]. Уже «в октябре 1983 года ЦК КПК и Госсовет в соответствии с указаниями Конституции КНР относительно учреждения волостных правительств издали “Циркуляр об отделении народных коммун от органов власти и создании волостных правительств”. К концу 1984 года эта работа во всей стране была в основном закончена. С тех пор система народных коммун в деревне прекратила свое существование» [там же, с. 505].

На 18 съезде КПК в ноябре 2012 года (ответственный секретарь съезда Си Цзиньпин) было заявлено, что «начиная с политики реформ и открытости мы обобщаем положительный и *отрицательный* опыт развития социалистической демократии» (курсив – наш)⁷. Достижения и успехи в совокупности с проблемами и неудачами образуют реальность реформ и процесса выборов сельских комитетов, которая была фундаментально отражена в обширном двухтомном докладе эксперта китайской академии социальных наук Ши Вэймина (Shi Weimin)⁸. К 60-летию КНР и 30-летию реформ китайское общественно-научное издательство выпустило данную монографию, опирающуюся на внутреннюю служебную отчетность министерства гражданской администрации (далее – МГА), которое было образовано в 1978 г. и курирует, в том числе, воспроизводство сельского МСУ (китайское ведомство – нечто среднее между управлением внутренней политики АП и ЦИК в РФ).

Дополнить представление о напряженности происходившего в начале реформ за внешне спокойным фасадом стабильности политической системы помогут цифры из вышеназванной монографии. Конкретно – расхождение в данных о числе сельских комитетов между НБС (Национального Бюро Статистики) КНР и МГА. Причина значительного несовпадения статистических данных двух ведомств на рис. 1 кроется в ведомственной специфике на фоне многозначности происходящего процесса: статистика оперирует «обезличенными» усредненными данными без поправок на особенности избирательного процесса, а МГА оперативно и целенаправленно учитывает все тонкости реформы, эксперименты и частные случаи (недо/перевыборы и т.п.) [там же, кн. 2, с. 24].

На рис. 1 показана *разница* между числом сельских комитетов по учету МГА⁹ – *уменьшаемое*, и аналогичными данными по учету госстатистики – *вычитаемое*, которые были взяты нами на соответствующих провинциальных

¹ «В отличие от своих предшественниц, наспех принимавшихся в 1975 и 1978 гг., проект ее прошел стадию всенародного обсуждения, длившегося более семи месяцев (апрель – ноябрь 1982 г.). 4 декабря 1982 года Конституция была утверждена ВСНП и на следующий день опубликована в печати» [1, с. 40].

² Зуенко И. Развитие системы административно-территориального устройства провинции Хэйлунцзян: 1982–2014 гг. // Россия и АТР. 2015. – № 3. – С. 191.

³ Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3 (1982–1992) / Пер. Бюро по переводу произведений Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПК. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. – С. 471.

⁴ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 392.

⁵ Бородич В.Ф. Система государственного управления КНР в годы испытаний: от «культурной революции» до административной реформы 1982 г. // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). – М.: ИДВ РАН, 2019. – С. 128.

⁶ Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3 (1982–1992) / Пер. Бюро по переводу произведений Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПК. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. – С. 303.

⁷ Ши Бицзю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 64.

⁸ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. В 2-х кн. – 978 с.

⁹ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 6–7.

страницах сайта НБС. По данным МГА, в большинстве провинций первоначальное число сельсоветов в 1983 г. было гораздо меньше числа бригад (рис. 2 в первой части цикла). С количеством вновь создаваемых сельсоветов начались провинциальные эксперименты, в т.ч. после ввода с 1 июня 1988 г. экспериментального закона; заметно выделился юг – Юньнань, Гуанси-Чжуан и Гуандун (рис. 1). Дольше всего экспериментировали в Юньнани, с 1984 года и до принятия постоянного закона. В Гуандуне резкий рост с поэтапным снижением наблюдался в 1983–1986 гг. и 1989–1998 гг. В Гуанси экспериментировали в 1988–1995 гг. Причина резкого роста заключается в том, что сельские комитеты образовывались вместо т.н. деревенских групп – рабочих подразделений бригад в более мелких «естественных» поселениях. Организационно и финансово затратный эксперимент прекратили с принятием обязательного закона, цифры ведомств почти уравнились.

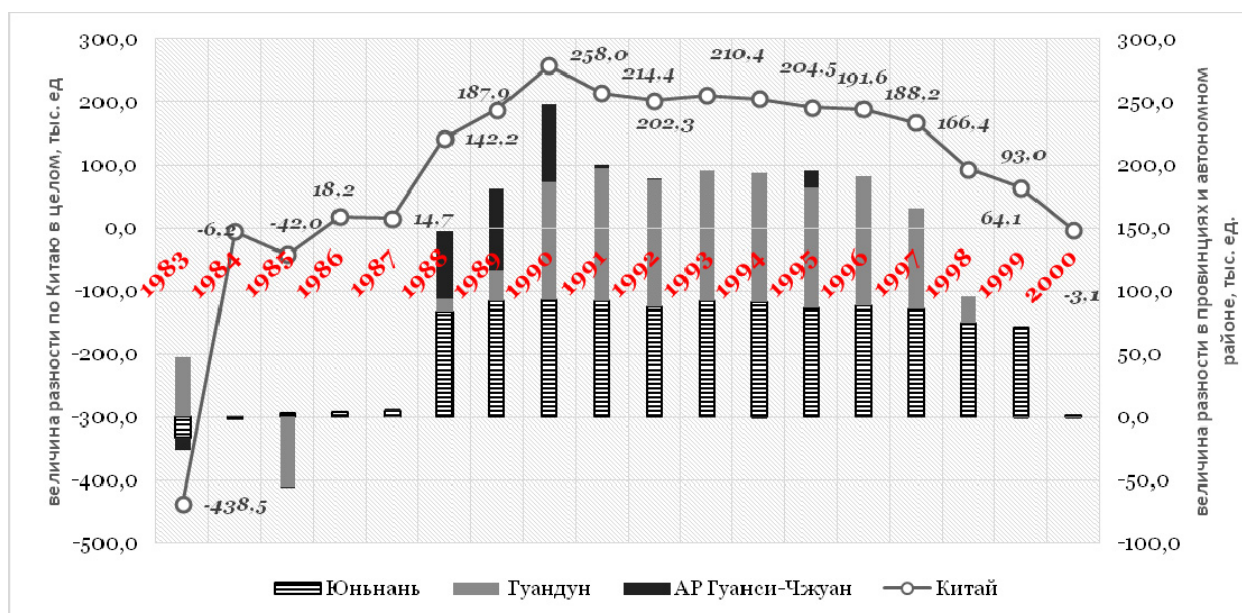

Рисунок 1.

Величина разности в числе сельских комитетов между информацией Министерства гражданской администрации КНР и данными госстатистики. 1983–2000 гг.¹

Совмещение количественных характеристик избирательного процесса в системе МСУ 1981, 1983–1984 гг. и 2018 годом показано на рис. 2. В течение 35 лет произошло уменьшение числа сельских комитетов на 385,3 тыс., или на 41,5%. Численность сельских комитетов 2018 года хорошо коррелирует с суммарным числом коммун и бригад в 1981/1983 годах ($r=0,93$), в то время как число сельских комитетов разных лет (1984 и 2018 годов) имеет значительно меньшую связь ($r=0,59$). Иными словами, *большинство провинций, оглядываясь на постоянное уменьшение численности сельского населения, постепенно вернулось к дореформенному масштабированию территориальной управленческой сети*. Ярким исключением является провинция Шаньдун с числом сельских комитетов в 2018 году примерно 70 тыс. и их малым средним размером (0,56 тыс. чел.), что для остального Китая совсем нехарактерно. Контраст со следующей за лидером тройкой провинций значителен: Хэбэй, Хэнань и Сычуань имеют 48,7; 45,6; 45,5 тыс. комитетов со средним размером 0,675; 1,016 и 0,874 чел. жителей соответственно (рис. 2).

«Вслед за социально-экономическим развитием постепенно началось расширение каналов упорядоченного участия граждан Китая в политической жизни страны»². Но несмотря на то, что сельские выборы проходили, опираясь на рекомендации ЦК КПК по созданию и деятельности сельских комитетов и аналогичные провинциальные правила, «опыт исторического развития Китая 1980-х гг. раннего периода реформ показал крайне высокий уровень административной неэффективности государства»³. Жизнь впроголодь отступила, но «из-за разделения полей на домохозяйства, фермеры, получившие поля и свободу, вскоре столкнулись с новыми проблемами, наиболее заметными из которых были резкое ухудшение общественной безопасности, воровство, азартные игры, борьба за воду, анархия»⁴. Стабильность политической системы в таких условиях «дорогого стоит». Крестьяне описывали жизнь того времени как «сытую и плохо спящую» [там же], что означает еду один раз в сутки – «на ночь глядя», а затем плохой сон на полный желудок.

¹ Источники: Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 6–7; <http://www.stats.gov.cn/>

² Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 100.

³ Воскресенский А. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. – № 1 (14). – С. 126.

⁴ Lei Zhengzhi. Cun min wei yuan hui zu zhi fa jie du (xiu gai): [Толкование «организационного статута комитета деревни»] // Ухань, 2018. – <https://wenku.baidu.com/view/b49438179a6648d7c1c708a1284ac850ad0204e6.html>

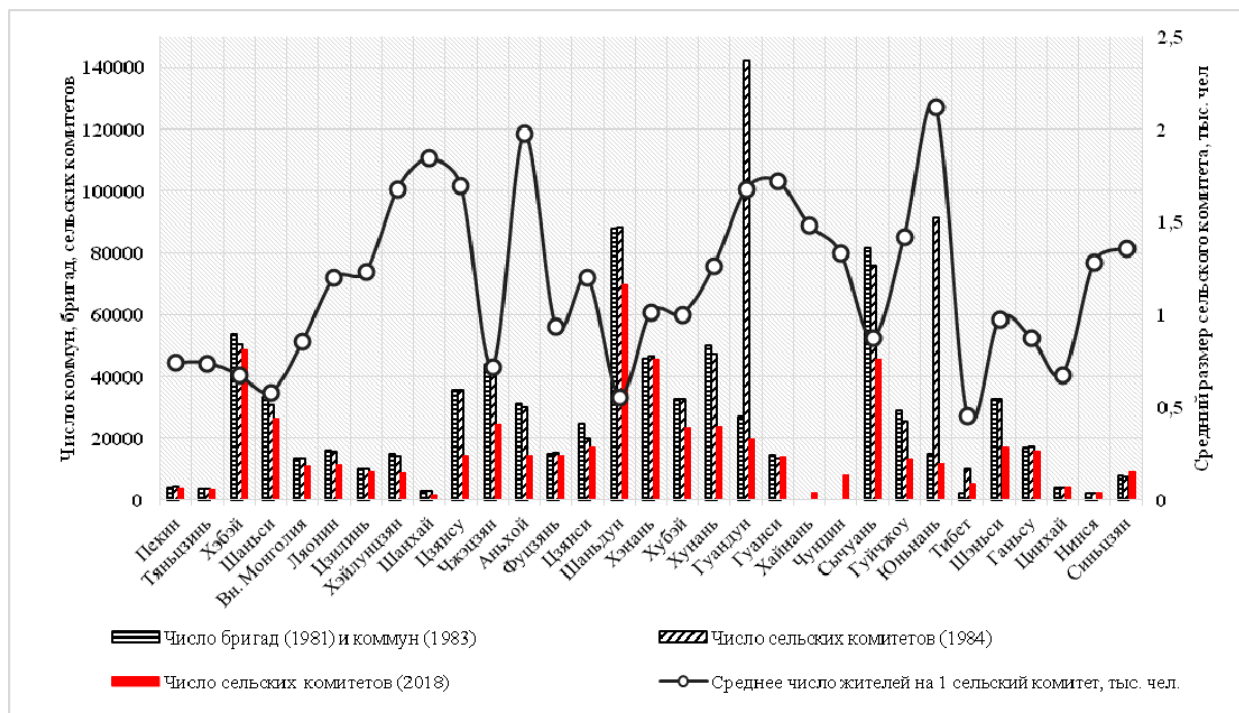

Рисунок 2.
Количественные характеристики провинций Китая в сфере сельского территориального управления между началом реформ (1981, 1983, 1984 гг.) и состоянием в 2018 году¹

С 1 июня 1988 года директивных источников для провинциального нормотворчества, касающегося выборов в сельской местности, стало два (плюс конституция). Это «технологический» закон о выборах в части, относящейся к низовому уровню, который действует с 1 января 1980 г.; «содержательный» закон о комитетах сельских жителей, «экспериментально» принятый 24 ноября 1987 г. для реализации «в опытный порядок» с 1 июня 1988 г. Последний был переработан и через 10 лет, 4 ноября 1998 г. принят уже как норматив для всех АТЕ первого уровня. На основе законов были приняты соответствующие провинциальные положения (регламенты) о выборах в сельские комитеты и регулярные поправки к ним.

Рассмотрим этапы создания комитетов сельских жителей (сельсоветов), начиная с предконституционного периода, когда возник первоначальный вакуум сельской власти вследствие/после ликвидации коммун и бригад. Китайские эксперты предложили периодизацию выборов согласно трехлетним избирательным циклам². Более логичными нам представляются отрезки, границы которых обусловлены событиями, относящимися к политическому и экономическому ходу реформ в Китае, нераздельному в целом.

Длительный и весьма насыщенный событиями этап создания и развития сельского комитета (совета) как института в 1980–1988 гг., включая ввод в действие первого экспериментального закона с 1 июня 1988 года, правомерно разделить на периоды: 1) создание образца, 2) пилотные проекты, 3) полное развертывание и начало оформления института главы сельсовета³.

Начальный этап реформирования с 1979 по 1984 год характеризуют как «первоначальный «хаос», наряду с которым вступила в действие демографическая политика «одна семья – один ребенок». Доконституционный период 1980–1982 гг. – «спонтанное» создание сельских комитетов (советов). «Первоначально они были созданы только в некоторых районах страны и носили разные названия, например “сельские комитеты”, “руководящие группы по охра-

¹ Источники: Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 6–7; кн. 2. – С. 2–3; <http://www.stats.gov.cn/>

² Huang Shu Xian. Guan Yu <Zhong hua ren min gong he guo cun min wei yuan hui zu zhi fa> <zhong hua ren min gong he guo ju min wei yuan hui zu zhi fa> [Пояснения к «Закону об организации Комитета сельских жителей Китайской Народной Республики» и «Поправке к Органическому закону Китайской Народной Республики о Комитете городских жителей (проект)»]. 2018. – <http://www.npc.gov.cn/npc/c10134/201812/538543a2895a4f66b2198d88a5e51ac9.shtml>; Lei Zhengzhi. Cun min wei yuan hui zu zhi fa jie du (xiu gai): [Толкование «организационного статута комитета деревни»] // Ухань, 2018. – <https://wenku.baidu.com/view/b49438179a6648d7c1c708a1284ac850ad0204e6.html>; Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. В 2-х кн. – 978 с.; Tang Jinsu. Cun min wei yuan hui zu zhi fa (shi xing) shi shi qing kuang: [Об осуществлении организационного (экспериментального) закона сельского комитета] // Ежегодник китайского права. 1992. – http://pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=4305856bff7fe4ebd445209120623f94bdfb

³ Lei Zhengzhi. Cun min wei yuan hui zu zhi fa jie du (xiu gai): [Толкование «организационного статута комитета деревни»] // Ухань, 2018. – <https://wenku.baidu.com/view/b49438179a6648d7c1c708a1284ac850ad0204e6.html>

не общественного порядка», «комитеты по управлению» и т.д.»¹. В Гуанси-Чжуане, Хэбэе и Сычуани возникла целая группа выбранных населением сельских комитетов, с неоднородным составом и ненадежной организацией; их деятельность ограничивалась какой-либо одной проблемой; правила сельской жизни не были направлены на достижение общего блага². Постоянно действующий сельский совет как сельская первичная общественная автономная организация соседних домохозяйств числом от 100 до 700, впервые был закреплён в Конституции 1982 г. и после того начался период «пилотных проектов».

Все провинции в соответствии с конституционными требованиями направили рабочие группы в сельскую глубинку для создания экспериментальных сельсоветов. Период 1983–1985 годов – это завершение работы по созданию института сельсовета: к февралю 1985 г. было создано более 940 тысяч пилотных сельских комитетов по всей стране, которые «явились новой структурой в системе управления Китая и положили начало реформам политической системы в сельской местности. Комитеты сельского населения должны были стать самыми массовыми организациями самоуправления, которые представляли собой важное связующее звено между крестьянством и партийно-государственным аппаратом»³.

Представляется, что *сельские комитеты действительно создавались как связующее звено и форма сотрудничества государства с «дойной коровой» китайской модернизации, которое осуществлялось (-ется) на двух уровнях: с конкретным фермерским домохозяйством и с коллективом домохозяйств как единым пользователем инфраструктуры, сформированным после внедрения системы совместных контрактов. И только затем сельский комитет выступает как организация самоуправления, обеспечивающая, главным образом, общественную безопасность в деревне.* «Официальная пропаганда поспешила провозгласить завершение процесса создания комитетов по всей стране» [там же], но огромное количество наспех созданных комитетов (советов) не перешло в качество управления. И «стало очевидно, что работа по упорядочению и совершенствованию органов низового самоуправления в деревне еще далеко не закончена» [там же].

В соответствии с Конституцией было установлено единое название «сельский комитет (совет)», за которым были закреплены функции народных представителей, безопасности и общественного здравоохранения. Были разработаны система работы и принципы деятельности сельсоветов. Период 1986–1988 гг. характеризуется повсеместным становлением сельсовета как института МСУ и началом формирования института главы сельсовета.

Второй этап 1989–1998 гг. – непростой путь от одного закона к другому. В течение данного периода в истории современного Китая произошли политические события разной значимости, одно из которых на площади Тяньаньмэнь стало известно всему миру. В 1989 году – году сорокалетия КНР, который завершил пятилетний период высокой инфляции, приведший к избыточной денежной массе и обесценению юаня, к экономическому кризису добавился острый политический кризис. Участники совещания в ЦК КПК 5 июля 1990 г., включая авторитетных китайских экономистов, пришли к мнению, что «инфляция 1988 г. и политические волнения лета 1989 г. были спровоцированы чрезмерным увлечением рынком»⁴, невидимая рука которого оказалась палкой о двух концах и больно ударила по всему Китаю.

«Во всех сферах общественной жизни усилился крен в сторону “порядка” и “стабилизации”, восстановления авторитета власти и проводимой социально-экономической политики» [там же]. Общенациональный тренд не миновал и процесса реализации закона о выборах сельских комитетов. Стали появляться мнения, что сельские комитеты «являются продуктом буржуазной либерализации» и «отклоняются от реальности сельского Китая»⁵. В самой крупной крестьянской провинции – Хэнань, где в пилотном режиме создавали сельские комитеты, процесс был приостановлен⁶ [там же]. Чтобы обсудить проблемы, стоящие на пути развития местного самоуправления, МГА, другие ведомства и профсоюзы подготовили и провели первую общекайтайскую конференцию на данную тему со времени основания КНР – конференцию в уезде Лайси провинции Шаньдун. «Когда состоялась “Лайси-конференция” (5–10 августа 1990 г.), первые общенациональные выборы в сельский комитет были в основном завершены. Важность встречи (конференции) состоит в определении перспективы развития самоуправления жителей и избрания их комитетов, чтобы “они не перевернулись с ног на голову в ответ на брошенный им вызов”» [там же, с. 52].

«Опыт Лайси (как уездной системы выборов, так и решений собственно конференции) по окончании мероприятия был распространен по всей стране. В Китае считают, что *конференция сыграла важную роль в демократизации и стандартизации выборов в сельские комитеты*» (курсив – наш) [там же], а самое главное – *свела до нуля риск возврата к коммуна и бригадам*. Представляется, что *результат “пути назад нет, только вперед” был предопределен двумя факторами: а) разумностью решения для сельского населения, и, что не менее, а может быть более важно, б) объективной потребностью всего Китая, поскольку село было (и по сей день еще остается) системным источником ресурсов модернизации и базой продовольственной безопасности страны.*

¹ Будегечиева Ю. Начальный этап развития самоуправления в сельском Китае // Известия Алтайского государственного университета. 2010. – № 4-1. – С. 49.

² Lei Zhengzhi. Cun min wei yuan hui zu zhi fa jie du (xiu gai): [Толкование «организационного статута комитета деревни»] // Ухань, 2018. – <https://wenku.baidu.com/view/b49438179a6648d7c1c708a1284ac850ad0204e6.html>

³ Воскресенский А. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. – № 1 (14). – С. 49.

⁴ Кондрашова Л. Китай: к новой модели общественного развития: монография. – М.: ИД «ФОРУМ», 2017. – С. 209.

⁵ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 49.

⁶ В провинции Хэнань коммуна существует до сих пор. Источник: Последние коммуны в Китае: напоминание о прошлом // BBC, 2009. – https://www.bbc.com/russian/international/2009/09/090929_china_last_communes

После успешного завершения «Лайси-конференции» и создания демонстрационных сельских комитетов¹ появилось расписание на 1991–1994 гг., согласно которому в провинциях, после согласований «наверху» были запланированы и стали проводиться выборы в сельской местности. В целом для Китая 1990–1996 годы были периодом экономической, ценовой и валютной турбулентности: сверхвысокий экономический рост, сверхвысокая инфляция (21,7% в 1994 г.), на фоне которого в 1991–1994 гг. состоялись выборы в сельские комитеты, хотя и не везде.

В таблице 1 приведены отрывки из специального расписания (табл. 3-1 в книге), дабы можно было представить, в условиях темпоральной и территориальной неравномерности процесса, насколько глубоко китайские товарищи прорабатывают вопрос, управляемость и способ получения нужных результатов. Как следует из таблиц 1 и 2, провинции (города и АР) находились на разных этапах избирательного марафона: в 1993 году в Тибете был избран первый созыв сельских комитетов, в провинции Ляонин в конце 1992 года избрали уже 4 созыв, в Фуцзяни в конце 1994 года – общерасположительно – пятый. В основном это были 2–3 созыва сельских комитетов, в центре и на западе страны – первые-вторые созывы².

Таблица 2

Электоральные характеристики административно-территориальных единиц КНР первого уровня по выборам сельских комитетов (органов местного самоуправления)³

	Наименование провинции, автономного района (АР), города центрального подчинения КНР	Расчетное (ориентировочное) число избирателей, тыс. чел.	График проведения выборов в 1991–1994 гг. / Созыв	Число зарегистрированных избирателей в 2004–2006 гг., тыс. чел.
	А	12-1		12-3
	Китай, всего	647 079,3		533 233,9
	Северный Китай	67 500,9	2–3 созывы	62 777,5
1	Пекин.	2603,1	1991–1992 / 2	2650,0
2	Тяньцзинь.	2710,2	1994–1995 / 2	2989,2
3	Пров. Хэбэй.	36 969,2	1993–1994 / 3	32 848,3
4	Пров. Шаньси.	16 055,7	1993–1994 / 3	14 745,5
5	Внутренняя Монголия.	9162,7	1993–1994 / 2	9544,5
	Северо-Восточный Китай	38 810,1	2–4 созывы	37 204,3
6	Пров. Ляонин	15 895,5	1991–1992 / 4	16 045,9
7	Пров. Цилинь (Гирин)	9842,5	1991–1992 / 2	9367,6
8	Пров. Хэйлунцзян.	13 072,2	1993–1994 / 3	11 790,8
	Восточный Китай	188 777,5	2–5 созывы	184 676,9
9	Шанхай.	2305,8	1993 / 4	2660,2
10	Провинция Цзянсу.	36 288,8	1993 / 3	37 042,5
11	Пров. Чжэцзян.	25 843,6	1992–1993 / 3	25 260,0
12	Пров. Аньхой.	35 735,9	1993 / 2	35 776,8
13	Пров. Фуцзянь.	18 183,6	1994 / 5	15 852,2
14	Пров. Цзянси.	22 489,2	1992–1993 / 2	22 551,1
15	*Пров. Шаньдун.	47 930,5	1992–1993 / 4	45534,0
	Центральный Китай	194 950,5	1–2 созывы	174 821,2
16	Пров. Хэнань.	54 548,8	1991–1993 / 1	54 867,0
17	Пров. Хубэй.	27 228,4	1992–1993 / 2	26 112,7
18	*Пров. Хунань.	37 334,0	1992–1993 / 2	29 653,4
19	Пров. Гуандун.	43 987,0	Н.д.	33 320,0
20	Гуанси-Чжуанский АР.	28 268,8	Н.д.	27 870,0
21	Пров. (о-в) Хайнань.	3583,5	Н.д.	2998,1
	Юго-Западный Китай	111 846,6	1–2 созывы	108 285,2
22	Чунцин.	16 573,9	-	13 474,7
23	Пров. Сычуань	47 071,5	1992–1993 / 2	47 718,3
24	Пров. Гуйчжоу	22 337,8	1992–1993 / 2	22 900,0
25	Пров. Юньнань.	24 327,3	1993/1	22 855,2
26	Тибетский АР.	1536,1	1993/1	1337,0
	Северо-Западный Китай	45 193,8	1–2 созывы	40 656,2

¹ «МГА решило назначить округ Лайси провинции Шаньдун национальным демонстрационным округом автономии сельских жителей. Целью подобных шагов, не только в провинции Шаньдун, является выбор кадров сельских комитетов в соответствии с законом, создание системы собраний сельских жителей или их представителей, создание и совершенствование мер безопасности, посредничества, общественного здравоохранения; сельских групп и других подчиненных учреждений и организаций, а также формулирование необходимых правил и положений» [Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 53].

² Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 55–56, 80–89.

³ Источники: <https://baike.baidu.com/item/>; Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 55–56, 80–89; Кн.2. – С. 122, 125, 136–137].

27	Пров. Шэньси.	19 035,2	1993–1994 / 2	18 982,0
28	Пров. Ганьсу.	14 146,0	1992–1993 / 1	12 590,8
29	Провинция Цинхай.	2436,1	1992–1993 / 2	2218,5
30	Нинся-Хуэйский АР.	2829,5	1992–1993 / 2	2181,0
31	Синцзян-Уйгурский АР.	6747,1	1993/2	4683,9

Одновременно начинается «шествие» по стране модели «морских выборов», которая подразумевает выдвижение кандидатов и их последующее избрание, то и другое – «массами», которое в Китае отличает конкуренция на стадии выдвижения в кандидаты (деревенский праймериз), имеющая разные формы («три взлета – три падения» и т.п.), а также различные модели организации избирательных кампаний с принятыми в Китае формулировками, состоящими из комбинации цифр и слов («публичная пятерка», 6 объединений и т.п. – см. табл. 1). Сельские выборы совмещали с избирательными кампаниями более высокого уровня. «В результате выборов в сельские комитеты 1991–1994 гг. были унифицированы полномочия деревенских комитетов в 12 провинциях: Пекин, Тяньцзинь (1994), Хэбэй, Ляонин, Фуцзянь, Шаньдун, Хубэй, Хунань, Сычуань, Гуйчжоу, Цинхай и Синьцзян»¹.

В работе Э. Ниу, посвященной избирательным методам (системам) на сельских выборах 90-х годов в Китае², выделено четыре формы действий для попадания кандидатов в финальный список для голосования: голосование по номинации, т.е. прямая корреляция числа предварительных голосов с рейтингом замещаемых должностей; первичный метод, когда после оглашения имен претендентов избирательной комиссией организуются первичные выборы; консультативный способ или «три взлета – три падения», а также сходный с последним способ, только вместо сельского избиркома предложения исходят от местной партиячейки; алгоритм согласования «три взлета – три падения» в любом случае считается основным.

С течением времени влияние модели «морских выборов», выбранной в качестве образца, распространялось все больше. В 1995–1997 гг. регулирование избирательных процедур было расширено до 9 способов выдвижения кандидатов³. К таковым отнесены: 1) обычные выборы без кандидатов; 2) кандидаты, прошедшие предварительный отбор; 3) кандидат от коалиции (избираемых или фермеров); 4) кандидат от деревенской группы; 5) кандидаты от собрания представителей деревни или представители жителей деревни; 6) кандидат сельского комитета, партийной ячейки или организации сельского кластера (предлагать можно вместе либо отдельно); 7) кандидат от парткома деревни; от правительства; 8) кандидат от избирательной комиссии; 9) самовыдвиженцы.

С 1997 года начался первый этап развития современной экономики Китая – этап «слабой дефляции»; 1 июля 1997 г. юридически и фактически произошло присоединение Гонконга; 1997–1998 годы – купирование Китаем азиатского финансового кризиса. В ноябре 1998 года был принят постоянный закон о сельских комитетах, который вступил в силу с 1 января 1999 года, года нижней точки экономического цикла в Китае. В тот период, как пишет демистификатор китайской экономики Линь Ифу, пристальное внимание китайских и зарубежных специалистов, а также властей Китая привлекли три «сельские» проблемы, под которыми понимают «бедность села, тяготы крестьянства и угрозу для сельского хозяйства», которые фактически исходят от одного источника: слишком медленный рост уровня доходов крестьян⁴.

Дефляция не лучшим образом «повлияла на производственные отрасли, ...городские инвестиционные возможности изменились очень мало, рабочая сила не могла более перемещаться из сельской местности в город, и большая ее часть оказалась заперта в деревне [там же, с. 299]; а «сельское население, которое к тому времени перебралось в город, оказалось под ударом» [там же, с. 299–300] городской безработицы. В таких условиях начался третий этап 1999–2003 годов – пятилетка всеобщих прямых выборов сельских комитетов после принятия обязательного закона, перерегулирование на его основе процедуры выборов в сельский комитет, которое означает видоизменение правил голосования⁵.

В провинции Дзилинь (Гири), например, внедрили двухтуровые способы замещения вакансий, которые назвали двойными выборами (两次终选制): если после первого тура не получали ожидаемого результата, либо избираемые получили одинаковые голоса, либо получили меньше требуемого количества голосов на должность, то через 5 дней проводили второй тур «по простому большинству». Другой способ, не дающий осечки – «позиционные выборы» (定位选举): на предварительно составленный список вакансий по их числу избирали людей, а затем избранные распределяли между собой должности. В провинции Чжэцзян проходили выборы по соглашению (协议选举法): кандидаты давали предвыборные обещания; в случае избрания подписывали соглашение на исполнение своих предвыборных обещаний. В более людных, как представляется, населенных пунктах аннулировали общие собрания избирателей, разделив их на группы по избирательным участкам. Некоторые провинции аннулировали прокси-голосование и мобильные урны, в

¹ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 56.

² Niou E.M.S. An Introduction to the Electoral Systems Used in Chinese Village Elections / Duke University. 2011 – 22 p. – <https://sites.duke.edu/niou/files/2011/06/35.pdf>

³ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 146.

⁴ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 213.

⁵ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 438.

других добавили механизм юридической помощи. В Фуцзяни и Цзянси были введены выборы с предвыборной телерекламой и пропагандой [там же].

Распространенными проблемами на выборах до начала нулевых годов были не прямое голосование, несоблюдение тайны голосования и «нерегулярный» подсчет голосов [там же, с. 550]. В начале нулевых китайское руководство поставило перед собой и народом перечень ключевых задач, которые нужно выполнить. Наряду с «беспрецедентно беспощадной задачей» борьбы с коррупцией, «кампанией по развитию западных регионов», расширением прозрачности политических процессов (по мере урбанизации Китая), в их число вошло также установление дополнительных связей между руководством и крестьянством, включая содействие проведению демократических выборов в деревне¹.

Следующий этап выборов сельских комитетов в 2004–2010 гг. начался в новой социальной ситуации на селе², которую характеризуют такие кардинальные меры господомощи, как отмена сельхозналога, увеличение инвестиций в сельское хозяйство и создание в сельской местности системы социального обеспечения; была введена также охрана пашни.

Вкупе с увеличением финансовой поддержки села сработал фактор урбанизации: деревни стали менее людными, т.к. отток жителей в города сыграл свою роль³.

Политический курс на строительство новой социалистической деревни официально был выдвинут только в октябре 2005 года («развитие производства, достижение зажиточного уровня жизни, культурное просвещение, опрятность деревни, демократическое управление»), а в марте 2006 года такое строительство было названо ключевой задачей очередной китайской пятилетки, в решение которой наконец вошли и «три сельские проблемы»⁴. Инновационные практики, которые появились на сельских выборах 2004–2006 гг. в основном сводятся к действиям⁵, перечисленным ниже.

На основе популяризации морских выборов (海选), были приняты «выборы выдвинутых кандидатов» (无提名候选人选举), «позиционные выборы» (定位选举) и «выборы кандидатов-самовыдвиженцев» (自荐海选). Создали «судебное учреждение» сельской избирательной комиссия, в более широком масштабе на выборах стала внедряться система наблюдения. Добавили «судебное/нотариальное заверение» и установили систему правовой помощи; посредством собрания села (схода жителей) или собрания представителей села стали решать непростые вопросы сельской жизни, непосредственно влияющие на благосостояние жителей.

Наконец, заработала модель «два комитета», означающая одновременное выдвижение кандидатов в сельский комитет и сельский партком, которая априори предполагает устранение ненужной конфликтности сельского руководства. Для больших «объединенных деревень» стали применять «разделение избирательных округов (на участки)» и «двойные выборы». Нововведения таковыми фактически не являются. Например, «обучение инновациям» означает, что существующие практики спустили на местный уровень, или, что называется, дали «толчок»; «широкие инновации» означают продвижение или популяризацию удачных случаев предыдущих выборов в сельские комитеты.

В Китае пришли к выводу, что после дальнейшего регулирования выборов, процедура которых достигла высокой степени заорганизованности, нельзя будет совершать крупные «прорывы» и не следует ожидать «взрывов». «Прорыв», «изучение (продвижение) инноваций» стали основными формами, роль которых заключается в быстром распространении существующего опыта и зарекомендовавших себя практик [там же, с. 545]. Например, в 2005 году как способ снятия социальной напряженности в межвыборный период в провинции Хэнань предложили метод оптимальной разработки демократических решений «4+2», подразумевающий тесное сотрудничество низовых парторганизаций и крестьян-фермеров и/или их представителей. «4+2» включает 4 совещания «по любому важному сельскому делу и вопросу, связанному с собственными интересами сельского населения», и 2 гласности, которые означают, что принятие решений и результат должны быть открытыми⁶. «Данный метод работы расширил каналы, по которым принимают участие в общественных делах члены партии, проживающие в деревне, расширил и укрепил демократию широких масс на этих территориях» и привел к тому, что «в работе наблюдается невиданный рост» [там же, с. 116].

Опыт проведения выборов в 2004–2006 годах был детально проанализирован⁷. В таблице 7-36 (с. 546–547) отдельно по каждой провинции (АР, городу) представлена краткая информация о проблемах, возникавших на сельских выборах в отдельных населенных пунктах, либо имевших более широкое распространение, но, тем не менее, не ставших непреодолимыми – тем ценнее проведение выборов. Наиболее значимые из них и многократно повторяющиеся сгруппированы далее:

¹ Киссинджер Г. О Китае / [пер. с англ. В.Н. Верченко]. – М.: АСТ, 2014. – С. 557–558.

² Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 430–446.

³ Применительно к данному анализу можно отметить, что, наряду с большим количеством выборов, с 2004 года стало значительно больше статистики о выборах.

⁴ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 298–299.

⁵ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 545.

⁶ Ши Бицзю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – С. 112–113.

⁷ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 545–550.

– препятствия выборам и влияние на них со стороны кланов (подкуп, саботаж) и религиозных сект, межклановые конфликты (Пекин, Тяньцзинь, Цзилинь, Хэйлунцзян, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, Хайнань, Чунцин, Гуйчжоу, Цинхай, Нинся, Синцзян);

– нарушения и/или несовершенство законодательства, в том числе подкуп и неправильное понимание подкупа и/или правил проведения выборов (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Шанхай, Аньхой, Цзянси, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Сычуань, Шэньси, Нинся, Синцзян);

– непрекращающийся административно-территориальный передел (укрупнение/слияние населенных пунктов, ликвидации деревенских групп, переселение деревень и снос построек/изъятие земельных участков под строительство транспортной инфраструктуры), а также миграция, в том числе экологическая (Внутр. Монголия, Ляонин, Шанхай, Чжэцзян, Хубэй, Гуандун, Цинхай, Аньхой, Синцзян).

Откровенно перечисленные проблемы первого плана дополняются другими, менее заметными, но не менее важными и острыми, которые, по мнению Ши Вэймина, нельзя игнорировать [там же, с. 550]. Например, вопросы об увеличении срока полномочий сельского комитета, о снятии с должности члена сельского комитета, о невыполнении сельской избирательной комиссией своих обязанностей и различные взгляды на выплату «заработной платы за потерянную работу». «Анализ проведения выборов свидетельствует о том, что демократический режим серьезно недостаточен, предвыборные условия «скудны», рабочие процедуры наивны по дизайну, игнорированы и неудобны при голосовании, фактическая ситуация так называемого «решения большинства» часто является «решением клана»» (курсив – наш) [там же]. Что касается последнего, то в Китае считают, что «в новое время ... требуется исключить такие неприемлемые ситуации, когда формально власть принадлежит народу, а на деле все обстоит прямо противоположным образом»¹.

Из провинциальных отчетов приведены разные принципиально-критичные мнения, наиболее фундаментальным считаем политически оценочное: *выборы в сельские комитеты направлены не на создание современной нормативной демократической системы, а всего лишь стали политическим шагом правительства, позволяющим снять с себя бремя ответственности* (курсив – наш)². О серьезности аргумента и отношения к нему лидера пятого поколения китайского руководства можно судить по тому, что с 2012 года «выражение «брать ответственность» стало частым в выступлениях Си Цзиньпина»³. В условиях «новой нормальности» «смелость брать на себя ответственность стала одним из важнейших критериев оценки чиновников» [там же], ведь «представительная демократия имеет своей целью сформировать механизм обнаружения и исправления ошибок и недочетов, эффективно бороться с такими пороками, как принятие решения при недостаточной осведомленности и излишней самоуверенности»⁴.

Как видно, наивысший уровень руководства Китая публично корректирует нюансы проводимой политики, и примеры издания монографии с анализом проблем в юбилейный год и книг⁵ – дополнительное свидетельство зрелости и дальновидности политического руководства, которое «не хочет стать собакой, стараясь стать тигром»⁶.

Далее приведем мнение китайского автора, обнародованное им на английском языке: «выборы в деревне, являющиеся политическим ответом на проблемы развития в сельских районах Китая в 1980-х годах, не были направлены на содействие демократии в Китае. Однако за последние десять лет (90-е годы XX века – авт.) процесс сельских выборов стал новой формой сотрудничества между государством и крестьянством»⁷, и данная форма постепенно развивается на пользу обеим сторонам.

«После того, как Дэн Сяопин творчески включил рыночную экономику в социалистическую систему, ограничения для рыночного социализма в Китае исчезли. Вследствие этого в Китай были привнесены демократические преобразования по принципу разделения властей как основной формы изменения системы» (курсив – наш)⁸. За годы реформ Китай прошел путь от рубикона «спустить права и передать власть крестьянам» Дэн Сяопина, уничтожившего ограничения для развития материального благосостояния народа, до статуса, когда народная демократия широких масс вознесена на уровень жизненной необходимости, и до глобальной конкуренции социализма с капитализмом, в которой первый (под руководством КПК – авт.) стремится возглавить новую человеческую цивилизацию»⁹.

¹ Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 47.

² Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 550.

³ Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / Пер. с кит. – М.: Весь Мир, 2019. – С. 141.

⁴ Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 78.

⁵ Линь Ифу. Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Ивлева Л.А. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – 455 с.; Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – 119 с.; Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. В 2-х кн. – 978 с.

⁶ Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 66.

⁷ Chen W. Village Elections in China: Cooperation between the State and the Peasantry // J. of chin. polit. sci. 1999. – N 5. – P. 63–81. – <https://doi.org/10.1007/BF02876892>

⁸ Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / Пер. с кит. – М.: Весь Мир, 2019. – С. 68.

⁹ Ши Бицю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 65–66.

В связи с тем, что академическое издание о выборах готовилось к 60-летию юбилею КНР, заключительный этап анализа¹ касается выборов 2007–2008 гг., в котором были подтверждены основные трудности, обусловленные процессом урбанизации (Ляонин, Чжецзян, Шаньдун, Нинся, Сычуань), несовершенством законодательства и требованием его улучшения (Ляонин, Юньнань), недостаточным в ряде случаев информированием о выборах и правовой системе, как организаторов, так и избирателей (Цзилинь, Цзянсу, Хайнань), подкупом и коррупцией (Цзилинь, Шаньдун). Однако список провинций с проблемами (в табл. 8–17 на с. 580–581) стал заметно короче – всего 11, и появились новые факторы влияния: возврат мигрантов и их активное участие в выборах, рост интереса к выборам в связи с повышением благосостояния (Сычуань). В отчете провинции Хайнань четко артикулирована причина имеющей место низкой явки на выборы, которая не встречалась ранее, и которая явно касается не только острова: *«поскольку в большинстве деревень нет коллективных хозяйствующих субъектов, а сельские жители мало зависят от организаций на уровне деревень, то большинство людей безразлично относятся к тому, кто служит в качестве деревенских кадров, и их политическое участие слабо»* [там же, с. 580].

В целом по итогам сельских выборов 2007–2008 годов китайские аналитики предложили ключевые задачи реформирования и развития сельского самоуправления на длительную перспективу: формирование избирательных комиссий, регистрация избирателей, определение окончательного списка кандидатов и их конкуренция, процедура выборов и передача полномочий новому составу, проведение аудита сельских комитетов и продвижение некоторых «инновационных» практик, включая трансформацию «морской» модели выборов [там же, с. 582].

Что касается аудита как весьма острой проблемы, отмеченной первым местом, то девять провинций (Ляонин, Цзянсу, Хунань, Хайнань, Чунцин, Сычуань, Ганьсу, Цинхай и Синцзян) в 2007–2008 годах уже провели всесторонние финансовые проверки села [там же, с. 583]. На втором месте оказалось регулирование конкурса кандидатов и привлечение в эту кампанию атмосферы единства, дружелюбия и сотрудничества. Далее отмечено регулирование избрания *руководителей деревенских групп и представителей* сельских жителей, что имеет очень важное значение, поскольку данные агенты избирательной кампании имеют полномочия и представляют соответствующие территориальные (производственные) части жителей деревни. На четвертом месте – изменение модели выборов и расширение, как поняли авторы, позиционных выборов и самовыдвижения кандидатов («кандидаты без выдвижения») и их публичной предвыборной конкуренции. Пятым пунктом программы идет совершенствование механизма наблюдения за выборами, затем объединение выборов «двух комитетов», партийного и сельского, которое уже произошло в Ляонине, Чжецзяне, Аньхое, Шаньдуне, Хунани, Хайнани и Гуйчжоу, с выработкой и установкой системных стандартов. Завершает перечень пункт о выборах в «трудных», «ключевых» и «объединенных» деревнях – т.е. таких, где выборы ранее не были удачными, и в которые необходимо, по предложению провинции Цзилинь, включить систему *доверенных* сельских комитетов [там же].

Фактически был проведен фундаментальный анализ, и на его основе создали долгосрочный прогноз развития, который стал сбываться в условиях «новой нормальности»: «с 2012 года государственное управление в Китае фокусируется на реализации народного управления государством»². Понятие “народного управления” в условиях “новой нормальности” включает четыре компонента, три из которых – институциональные столпы китайской демократии: институты собрания народных представителей, национальной районной автономии и *самоуправления широких масс*; и коммуникативная – многопартийное сотрудничество и политические консультации (естественно, под руководством КПК); при этом «возрастающее внимание уделяется совершенствованию демократии и обогащению ее форм» [там же].

Система самоуправления широких масс как одна из основ «народного управления» впервые была упомянута в 2007 г., в докладе на 17 съезде КПК, и, тем самым, «ранг системы поднялся на небывалую высоту»³. Здесь есть маленький нюанс: доклад распространил понятие «демократия широких масс» также на внутривнутрипартийную жизнь. Ранг системы поднялся, внутривнутрипартийная жизнь стала сближаться с общественной, а нерешенные вопросы к законодательству остались, и в конце октября 2010 года состоялось назревшее обновление органического закона о выборах сельских комитетов (на полгода ранее обновили закон о выборах депутатов разных уровней). Внесенные поправки уточнили условия регистрации избирателей (три ситуации «семья в деревне»), выдвинули единообразные требования к анкетам кандидатов, усовершенствовали процедуры выборов и увольнения членов сельских комитетов, добавили механизмы выхода членов сельских избирательных комиссий и обжалования возражений по спискам избирателей, правила делегирования голосов.

Этап 2011–2017 гг. – это время реализации обновленного закона в жизнь, когда все провинции (АР, города) активно стали принимать поправки в свои регламенты о выборах и на обновленной основе проводить избирательные кампании по истечении трехлетнего срока. На пять лет, как предлагалось, пока не перешли. В 2012 г. в докладе 18 партийного съезда впервые прозвучало словосочетание «режим здоровой социалистической представительной демократии» и была поставлена задача «усовершенствовать демократию широких масс», расширяя рамки народного самоуправления и активно развивая демократические консультации [там же, с. 25, 103]. В 2017 году состоялся 19 съезд КПК, на котором было принято решение а) о переходе на пятилетний срок работы низовых парторганизаций и сельских советов, и б) о синхронизации данных выборов.

¹ Shi Weimin. Zhong guo cun min wei yuan hui xuan ju: li shi fa zhan yu bi jiao yan jiu: [Выборы в сельский комитет Китая: историческое развитие и сравнительный анализ]. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2009. – Кн. 1. – С. 579–585.

² Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / Пер. с кит. – М.: Весь Мир, 2019. – С. 63.

³ Ши Бицзю. Демократия / Пер. с кит. Фоминовой Т.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская кампания «Шанс», 2017. – С. 103.

Тем самым, с 2018 года открылся этап перехода на 5-летний срок работы сельсоветов, провинции стали вносить поправки в свои регламенты (на момент написания статьи состоялись процедуры в небольшом числе провинций, выборы на пятилетку начались в конце 2020 г.), дабы следующие избирательные кампании проводить согласно новым правилам. Новая образцовая модель выборов в сельские комитеты взамен «морской» пока дискутируется, однако, во исполнение решений 19 съезда КПК, активно внедряется модель «два комитета». Процедура выборов по этой модели начинается с избрания секретаря сельской партийной организации, в котором принимают участие только деревенские члены партии (например, 32 чел. в деревне численностью 1600-1700 чел.). Затем начинаются выборы деревенского «старосты» и членов сельского комитета. Избиратели – это 32 члена КПК и 14 представителей групп населения, всего 46 чел. Из них на выборах присутствуют не все: кто-то может опоздать, кто-то не прийти по иной причине. Избиратели пишут на бумаге имена предварительно согласованных кандидатов, а затем счетная комиссия подсчитывает голоса. Проходят 5 кандидатур с наибольшим числом голосов. Через 3 недели назначается второй тур, поскольку нужно довыбрать недостающих членов комитета до полного комплекта в 7–11 человек. За всем процессом наблюдает специальная комиссия от поселка, вокруг которого расположены деревни (один поселок может объединять до двух десятков деревень). Все этапы избирательного процесса сопровождается симбиоз конкуренции и коррупции как неперенный атрибут выборов.

Подведем итоги. Политика реформ в китайской деревне, которая привела к созданию комитетов сельских жителей в 80-х годах XX века, и демократические преобразования по принципу разделения властей как основной формы изменения системы, были в значительной мере результатом самоорганизации крестьян, поддержанной властями отнюдь не сразу. Сельские комитеты стали возникать как связующее звено и форма сотрудничества государства с донором модернизации, которое осуществляется как с домохозяйством, так и с коллективом оных как единым пользователем инфраструктуры. Поначалу сельский комитет как организация самоуправления обеспечивал, главным образом, общественную безопасность в условиях «сытой, но плохо спящей жизни».

Поэтапно развиваясь, вслед за перипетиями социально-экономического развития, комитеты сельских жителей уже прожили девять трехлетних созывов и стали неотъемлемой частью жизни на селе. Тем не менее, в Китае обоснованно появилось суждение, что выборы в сельские комитеты не направлены на создание современной демократической системы, а всего лишь стали политическим шагом правительства, позволяющим снять с себя бремя ответственности. И действительно, с 2012 года, в формате «новой нормальности» смелость брать на себя ответственность стала одним из важнейших критериев оценки чиновников. При этом в большинстве провинций, с оглядкой на постоянное уменьшение численности сельского населения, постепенно вернулись к дореформенному делению территориальной организационной структуры.

Поскольку в большинстве деревень нет коллективных хозяйствующих субъектов, и сельские жители мало зависят от организаций данного уровня, то часть людей апатично относится к политическому участию. Западные институты народовластия наполняются восточным содержанием в случаях, когда де-факто «решение большинства» является «решением клана», а препятствия выборам и негативное влияние на них со стороны кланов и религиозных сект, межклановые конфликты вырастают, в том числе, на почве несовершенства законодательства, подкупа и его трактовки в сознании сельских жителей.

Воспроизводство системы местного самоуправления, как и сама система, стали активно развиваться с 2004 года, когда на селе применили комплекс мер государственной социально-экономической поддержки. Вместе с тем, сложному процессу пере/выборов, контролируемому властями, сопутствуют объективные трудности, вызванные урбанизацией страны. Речь идет о проблемах, вызываемых непрерывным административно-территориальным переделом (укрупнением населенных пунктов, ликвидацией деревенских групп, переселением деревень, изъятием земель под строительство) и миграцией.

Современный этап обновления жизни в деревне как политический курс официально был выдвинут только в октябре 2005 года, в марте следующего строительства *опрятной* деревни было названо ключевой задачей очередной китайской пятилетки, в решение которой включили сельские проблемы. Система самоуправления широких масс как одна из четырех основ «народного управления» впервые была прописана в докладе 17 съезда КПК в 2007 г., подняв, тем самым, ранг данной системы на необходимо-должную высоту. В 2010 г. состоялось назревшее обновление организационного закона о выборах сельских комитетов.

Китайское село было и остается системным источником ресурсов модернизации и базой продовольственной безопасности страны. С 2012 года государственное управление в Китае официально стало фокусироваться на реализации народного управления государством, которое в условиях «новой нормальности» включает институт самоуправления широких масс.

Поскольку обязательная для исполнения сверху донизу непоказная китайская реальность имеет целью сформировать механизм исправления ошибок, эффективно бороться с принятием решений в условиях недостатка осведомленности и излишка самоуверенности, то задача исключения ситуаций, когда формально власть принадлежит народу, а де-факто все наоборот, последовательно и настойчиво решается. Тому свидетельство – многолетний непрерывный процесс воспроизводства местного самоуправления в сельской местности Поднебесной.

Баранов Н.А.

д.полит.н., профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНГХиГС, Санкт-Петербург
nicbar@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСАХ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОГО ТОТАЛИТАРИЗМА»¹

Ключевые слова: социальная активность, социальный контроль, цифровизация, цифровые права, политическая онлайн-мобилизация, цифровой тоталитаризм.

Keywords: social activity, social control, digitalization, digital rights, political online mobilization, digital totalitarianism.

Современный мегаполис – это пространство, представляющее собой совокупность урбанизированной среды с развитой социально-экономической инфраструктурой, пестрым культурным разнообразием, в котором распространены разноплановые практики человеческой жизнедеятельности, удовлетворяющие потребностям широких слоев населения. Мегаполисы предоставляют людям больше возможностей для развития, но в то же время таят в себе риски, так как именно в этом пространстве «экстрим связан во многом не с пределом человеческих возможностей, а с теми шансами, которое дает современное городское пространство своим обитателям»².

Именно в мегаполисах в первую очередь получают широкое распространение информационно-коммуникационные технологии, кардинальным образом меняющие наши представления о жизни и возможностях достижения определенных результатов, в том числе в политической сфере. В данном контексте целесообразно обратиться к методологии социального конструирования, в соответствии с которым познавательная деятельность является конструированием представлений о социальном мире. Как пишут Питер Бергер и Томас Лукман, «человеку биологически предопределено строить мир и жить в нем вместе с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определенной реальностью. Его пределы установлены природой, но, однажды построенный, этот мир действует на природу. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В этой же диалектике человек производит реальность и тем самым производит себя»³.

Один из ведущих представителей конструктивистского методологического направления американский ученый Николас Онуф исходит из взаимодействия действующих политических субъектов, которые оказывают друг на друга влияние и тем самым меняют друг друга. В книге «Мир нашего творчества»⁴ он выделяет иерархические принципы в политике, базирующиеся на социальных взаимоотношениях, которые основаны на силе. А американский политолог Александр Вендт провозглашает основной принцип конструктивизма: люди как сознательно, так и неосознанно конструируют политическую реальность, а не застают ее такой, какая она есть⁵.

В соответствии с представлениями авторов теории социального конструктивизма, социальный порядок – это продукт человеческой деятельности. Как показывает политическая практика, в современном цифровом мире происходит переформатирование гражданской активности с офлайн на онлайн-пространство в ответ на ужесточение социального контроля со стороны властных институтов. Объективный процесс технологических перемен во всех сферах жизни общества решающим образом влияет на выстраивание взаимоотношений между человеком и государством.

Цифровые технологии кардинальным образом меняют представления человека о гипотетическом участии в политике и его возможностях влиять на политические решения. Цифровизация способствует оптимизации человеческих ресурсов в соответствии с меняющимися приоритетами, что находит выражение в новых формах цифрового политического участия.

Массовый характер политики является принципиально важным с точки зрения реализации интересов широких слоев населения и оказания влияния на государство в интересах общества. Для вовлечения людей в политическую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001; грант № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

² Маскаев А.И., Чикарова Г.И. Современный мегаполис и его влияние на адаптацию профессиональных акторов в России // Вестник АГУ. 2017. – Вып. 1 (194). – С. 110.

³ Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. – N.Y.: Anchor Books, 1966. – P. 204.

⁴ Onuf N.G. World of our making: Rules and rule in social theory and international relations / University of South Carolina Press. – Columbia (S.C.), 1989.

⁵ Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. – Vol. 46, N 2. – P. 391–425.

жизнь необходима мобилизация, под которой понимается обеспечение политического участия, определяемое мотивами субъектов мобилизации, их целями и ресурсами¹.

Традиционные формы мобилизации, связанные с деятельностью политических партий, профсоюзов, находятся в непростых отношениях с новыми формами мобилизации. Люди принимают участие в массовых мероприятиях, нередко, не по призыву политических организаций, а благодаря онлайн-коммуникации, о чем свидетельствуют, например, широко распространенные во многих странах мира антикоронавирусные акции в знак протеста против ограничительных мер, вводимых правительствами ряда стран в целях борьбы с распространением эпидемии за счет ограничения прав и свобод человека.

Политической мобилизации способствуют новые формы социального контроля, получившие название «цифровой паноптикум»: распознавание лиц, анализ походки, цифровые приложения, аффективные вычисления, микрочипирование, цифровое чтение по губам, датчики, считывающие отпечатки пальцев. «Благодаря распространению этих технологий, – констатируется в Докладе, подготовленном к началу работы Давосского экономического форума в 2019 г., – мы движемся в мир, в котором все данные о нас собраны, хранятся и подвергаются проверке через алгоритмы искусственного интеллекта»².

Таким образом контроль за обществом усиливается независимо от формы политического устройства и режима. Как утверждают специалисты, ни одно наше действие в Интернете не остается незамеченным. Российский Интернет-предприниматель, руководитель международной компании Reputation House Дмитрий Сидорин, размышляя о больших данных, пишет: «Растущее количество данных дает возможность прогнозировать развитие событий. На основе сведений из соцсетей строят модели эволюции потребительского спроса, поведения фондовых рынков, модели распространения эпидемий, прогнозы общественной активности по тому или иному поводу, включая митинги, и многое другое. Умение прогнозировать порождает желание менять ход событий и вмешиваться в Интернет-пространство. Поэтому анализ данных интересен крупным мировым компаниям и государственным структурам»³.

Опасности цифрового контроля, на которые акцентируют внимание ученые, эксперты и политики, уже реализуются в нашей жизни. В общественно-политической практике появился термин «цифровой тоталитаризм», под которым понимается тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе. Об опасности его распространения пишет в своей статье заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев: «Цифра», несомненно, станет важнейшим фактором экономического, социального и политического развития в постпандемийном мире. Но критически важно провести четкое разграничение между благами, которые дает цифровизация, и угрозой появления «цифрового Большого Брата», ограничения фундаментальных прав и свобод человека. Экономическая эффективность, которую несет цифровизация, не может быть куплена ценой «цифрового тоталитаризма»⁴.

Цифровое политическое участие можно рассматривать как технологичный ответ нового поколения на возникающие политические проблемы. Особенно это касается новых форм коммуникации в онлайн-среде, которые охватывают значительное количество людей. Например, по данным аналитической системы Brand Analytics в ноябре 2019 г. число участников в социальных медиа в Российской Федерации составило 49 млн. чел. или каждый третий житель нашей страны. Ими было написано 1,3 млрд. публичных сообщений (постов, репостов, комментариев)⁵.

Широкое распространение в современном коммуникационном пространстве получили виртуальные сообщества, которые американский социолог Говард Рейнгольд характеризует как социальные образования на основе компьютерной коммуникации, объединяющей значительное число людей продолжительное время, с присущими человеческими чувствами и эмоциями, необходимыми для формирования межличностных отношений⁶. Привлекательность виртуальных сообществ состоит в свободном выборе людьми своих приоритетов в форматах общения, участии в событиях, инициируемых группой, минимизации нормативных требований, необязательности подтверждения уровня своих знаний и возможностей виртуальной реальности.

Д.С. Мартянов в качестве базовых элементов виртуального сообщества выделяет: (1) объединяющий интерес, выступающий фактором, формирующим специфическое дискурсивное пространство, которое в дальнейшем может жить уже собственной жизнью; (2) компьютерно-опосредованную коммуникацию с акцентом на соучастие, предполагающую, что те, кто формируют дискурс сообщества, и являются в полной степени его участниками, а не просто аудиторией, потребляющей воспроизводимые сообществом идеи; (3) разделяемые ценности, выступающие в качестве

¹ Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 75.

² The Global Risks Report 2019. 14th Edition. – Geneva: World Economic Forum, 2019. – P. 70. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf

³ Кризис сломал границы приватности. Дмитрий Сидорин – о том, как анализ больших данных из инструмента продаж стал инструментом большой политики. 2020. – Июнь. – <http://plus-one.vedomosti.ru/blog/krizis-slomalgranicy-privatnosti>

⁴ Медведев Д.А. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса // Россия в глобальной политике. 17.06.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/>

⁵ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 // Brand Analytics. 26.12.2019. – <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/>

⁶ Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. – Reading (Mass.): Addison-Wesley 1993. – 325 p. – <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html>

объекта, который формируется и учредителем сообщества, и самим сообществом¹. Широкое распространение виртуальных сообществ создает возможности различных конфигураций в цифровой среде, имеющих политическую направленность, дополненную ценностными ориентациями.

В современной массовой коммуникации становится востребованным хэштег-активизм (hashtag activism), который может быть интерпретирован как быстрое перенесение в политическую сферу эмоций и чувств людей, неравнодушных к определенной ситуации. Термин «hashtag activism» введен средствами массовой информации и означает Интернет-активность (лайки, комментарии, репосты, публикации, подписки на политизированные Интернет-ресурсы и т.д.) путем использования хэштегов. Интернет-ресурсы обладают большим потенциалом для быстрого обмена мнениями, мгновенной реакцией на события, использование изображений и символов, подчеркивающих идеологическую значимость ситуации. По мнению бельгийского социолингвиста Яна Бломмерта, таких реакций может быть достаточно, чтобы вывести на улицу людей, объединенных чувством несправедливости².

Следует отметить, что происходит непрекращающаяся трансформация форм участия молодежи в политической жизни. Среди наиболее предпочтительных форм современного политического участия Яннис Теохарис называет социальные сети и микроблоги. Британский исследователь полагает, что цифровое участие не может быть интерпретировано как политическая деятельность, но так как политически мотивированный акт совершается добровольно и направленно в повышении осведомленности о политических событиях, то речь идет о политическом участии³.

Я. Теохарис и Дж. Ван Дет используют термин цифровое политическое участие для характеристики современных форм политической активности, к которым можно отнести подписание петиций на цифровых платформах, активность в социальных сетях, микроблогах, подкастинг – процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов в Интернете в стиле радио- и телепередач с определенной тематикой и периодичностью издания. За последний год резко вырос интерес именно к подкастам: в исследовании «Подкасты в России 2019» говорится о буме данного жанра в российском сегменте Интернета⁴.

Одной из форм цифрового политического участия является подача электронной петиции. Современные исследования (Н.К. Радина, Д.А. Крупная) позволяют говорить о том, что онлайн-петиции популярных негосударственных цифровых платформ оказывают эффект на принятие политических решений⁵.

К пассивным формам цифрового политического участия относят слактивизм (slacktivism) – практику поддержки политической или социальной цели с помощью средств цифровой активности и характеризующуюся тем, что она требует очень мало усилий или обязательств. Слактивизм рассматривается как новый цифровой инструмент, расширяющий возможности политического участия и выступающий в роли мотивационного компонента политической активности.

Таким образом, в условиях цифровизации возникают новые формы онлайн-мобилизации, адаптирующиеся к политической реальности.

¹ Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д.С. Мартыанова. – СПб.: ЭлекСис, 2019. – С. 65–71.

² Blommaert J. Ludic membership and orthopractic mobilization: On slacktivism and all that // Tilburg Papers in Culture Studies. Paper 193. 2017. – https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/TPCS_193_Blommaert_2.pdf

³ Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. – July-December. – P. 11.

⁴ Бескина О. Подкасты в России 2019 – на пороге бума? // Brand Analytics. 02.10.2019. – <https://br-analytics.ru/blog/podcasts-in-russia-2019/>

⁵ См.: Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале change.org) // Полис: Политические исследования. – М., 2019. – № 6. – С. 113–127.

Бирюков А.Л.

д.т.н., профессор, академик ВАНКБ

azchs@mail.ru

Савостова Т.Л.

к.э.н., доцент кафедры государственного управления МГИМО МИД России. t.savostova@inno.mgimo.ru.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПАРАДИГМЫ

Ключевые слова: ЕАЭС, межрегиональное сотрудничество, Арктический регион, Северный морской путь, инфраструктурное развитие.

Keywords: The EEU, inter-regional cooperation in the Arctic region, the Northern sea route, infrastructure development.

Одной из основных целей Евразийского экономического союза (ЕАЭС), признается согласованная политика в интересах устойчивого социально-экономического развития. За прошедшие 5 лет экономическая интеграция постепенно сменила отрицательную динамику ВВП в сторону роста, что является серьезным стимулом для продолжения развития рынков товаров, услуг и капитала Союза.

Так, объем взаимного товарооборота в странах ЕАЭС по итогам 2019 года составил 61 миллиард долларов; объем внешней торговли товарами с третьими странами – 733,1 миллиарда долларов (экспорт – 459,3 миллиарда долларов, импорт – 273,8 миллиарда долларов)¹. Подписаны торговые соглашения с Вьетнамом, Ираном, Китаем, Сингапуром и Сербией, меморандумы с 8 региональными интеграционными объединениями, с 14 правительствами третьих стран, с 11 министерствами и ведомствами третьих стран, 38 торговых соглашений – с международными организациями². Статус государства-наблюдателя ЕАЭС в 2018 году получила Молдавия. О своем желании сотрудничать с ЕАЭС заявили порядка 50 стран³. Подобные Соглашения укрепляют позиции ЕАЭС в региональной и мировой экономике, способствуют расширению рынков сбыта национальных экономик.

Однако динамика развития стран Союза в 2020 году характеризуется снижением экономического роста по разным оценкам от 3,2, до 7,2%, ослаблением национальных валют, сокращением экспорта из ЕАЭС. Эти процессы связаны, в том числе, с распространением коронавирусной инфекции в мире, которая привела к изменениям на глобальном финансовом рынке, замедлению экономик, ухудшению платежного баланса стран ЕАЭС. Для исключения подобных ситуаций в странах Содружества и организации устойчивого, опережающего развития ЕАЭС нужна новая стратегия, предусматривающая реальную модернизацию на основе нового технологического уклада. Формирование такой стратегии ЕАЭС должно быть ориентировано на долгосрочное социально-экономическое развитие⁴.

На этом экономическом фоне представляется целесообразным странам ЕАЭС принять активное участие в проектах по освоению колоссальных запасов углеводородов в Арктике, расширять сотрудничество в энергетических и других стратегических проектах, связанных с экологией, наукой, туризмом и т.д. Такой подход даст возможность странам ЕАЭС на основе интеграции банковских систем, формирования единого цифрового пространства, стать более независимыми от мировой политической и экономической конъюнктуры. Освоение Арктической зоны является важной задачей нашего государства, так как слишком сложные условия, отсутствие инфраструктуры, трудовых ресурсов, социально-экономические и другие проблемы невозможно решить только привлечением инвесторов. В то же время государство должно обеспечить создание благоприятного инвестиционного климата. Это, прежде всего, касается налоговых, регуляторных условий, обеспечения стабильности проектов на весь период их реализации.

Геополитика и экономика

В Арктике сталкиваются интересы многих стран. В регионе идет борьба за контроль над недрами. Вопросы, которые можно было бы урегулировать путем дипломатического сотрудничества, зачастую решаются с применением различных механизмов юридического и регуляторного воздействия. ЕАЭС занимает «срединное положение» между Европой и АТР, где проходят важнейшие железнодорожные, автомобильные, воздушные транспортные коридоры. Имеющийся международный транспортный потенциал стран Содружества с 2020 года дополняется северным мор-

¹ ЕЭК. Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза. – http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2019/Analytics_E_201912.pdf

² Мясникович М. Шесть лет Договору о ЕАЭС. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2020-1.aspx>

³ Новости ЕАЭС. ЕАЭС открыт для новых стран. – https://www.alt.ru/ts_news/72945/

⁴ Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. – № 1. – С. 11–30. – <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-1-11-30>

ским путем (СМП), который в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 в качестве эффективного евроазиатского транспортного коридора к 2030 году должен быть интегрирован в мировую транспортную систему¹.

Учитывая, что в настоящее время на Арктических территориях России ведется активная добыча углеводородов, угля, других полезных ископаемых, развивается нефтехимическая отрасль, транспортные системы ЕАЭС и СМП России, объединенные в единую логистическую структуру, могут обеспечить существенный рост международных связей стран ЕС и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Такая систематизация транспортных коридоров приведет к увеличению перевозок между странами ЕАЭС, росту международного транзита и торговли, развитию всех стран Содружества.

В соответствии с принятой Стратегией развития Арктической зоны РФ, объем перевозок по СМП к 2024 году должен составить около 80 млн. тонн грузов, к 2035 году – 160 млн. тонн. Такие планы могут быть реализованы только при условии обеспечения круглогодичной и ритмичной навигации по СМП за счет ввода в строй новых атомных ледоколов, судов обеспечения, необходимых для постоянной и безопасной ледокольной проводки судов различного предназначения.

В интересах развития СМП и инфраструктуры арктических территорий Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2019 года № 3120-р, утвержден **«План развития инфраструктуры Северного морского пути до 2035 года»**, который предусматривает меры по развитию судоходства в Арктике. В этот же период времени должны быть последовательно введены в строй три новейших атомных ледокола проекта 22220: «Арктика», «Сибирь» и «Урал». Срок сдачи ледоколов планируется в период с 2020 по 2022 годы соответственно. В Санкт-Петербурге на Балтийском заводе 26 мая 2020 года состоялась техническая закладка четвертого атомного ледокола «Якутия» проекта 22220. Ввод в эксплуатацию атомного ледокола «Якутия» запланирован на 2026 год².

3 ноября 2020 года спущен на воду самый мощный не атомный ледокол «Виктор Черномырдин», который способен двигаться через ледяной покров двухметровой толщины, проводить ледокольные работы во льдах до трех метров, освобождая маршрут для судов³. Наличие новейших ледоколов позволит обеспечить круглогодичную транспортировку СПГ в ЕАЭС, Европу, Китай, другие страны АТР.

В период январь-август текущего 2020 года, несмотря на пандемию, на Китай приходилось 20,1% внешнеторгового товарооборота ЕАЭС. Таким образом, КНР по-прежнему остается главным торговым партнером Содружества. Поэтому, одной из задач транспортной сети стран ЕАЭС является необходимость увеличить и обеспечить «точно в срок» транзитные грузопотоки ЕС-Китай сухопутным маршрутом через Транссиб и далее в страны АТР, а также морским транспортным коридором СМП и международными транспортными коридорами МТК «Приморье-1» и «Приморье-2».

Одним из важных направлений развития инфраструктуры СМП предусматривается транспортировка сжиженного природного газа (СПГ), газо- и нефтехимии проектов «Ямал СПГ», что может быть полезно для реализации совместных проектов стран ЕАЭС, ориентированных на развитие электроэнергетического рынка Союза, выстраивания взаимовыгодных отношений внутри Союза и исключения энергетических рисков.

Таким образом, дальнейшее развитие инфраструктуры СМП может быть связано, в том числе, с реализацией совместных проектов стран ЕАЭС, ориентированных на развитие энергетических проектов в Арктике, обеспечения трансграничного и трансконтинентального морского транзита, а также возможности инвестирования в разработку арктических месторождений и логистику. Что будет способствовать выстраиванию взаимовыгодных отношений внутри Союза и получения экономической выгоды.

Межрегиональные логистические коридоры

Через территории ЕАЭС проходит сеть важнейших трансконтинентальных международных транспортных коридоров в составе автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей и воздушных трасс. Однако существующие нестыковки, «разрывы» в транспортных коммуникациях Союза не позволяют всем странам-участникам использовать имеющийся потенциал для выстраивания оптимальных логистических цепочек и повышения эффективности, внутренних и международных грузовых и пассажирских перевозок (в некоторых случаях могут приводить к транспортной изолированности отдельных территорий).

Благоприятное географическое положение стран ЕАЭС, при логистически правильной организации транзитного регулирования движением между странами ЕС и АТР через территории стран Содружества позволяет создать новые экономические возможности для реализации важных транснациональных проектов, связанных с развитием инфраструктуры регионов, производством наукоемкой продукции и ее экспортом в страны ЕС и АТР. Благодаря своему географическому положению Россия, может замкнуть на себя доставку грузов с Арктических территорий, необходимых странам ЕАЭС через порты СМП: Мурманск, Архангельск Нарьян-Мар, Диксон, Певек. Для увеличения грузопотоков дополнительно ведется строительство железнодорожного Северного широтного хода. Этот маршрут существенно сокращает транспортные коммуникации от западносибирских месторождений до северных морских портов –

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>

² Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 3120-р «План развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 г.». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73261725/>

³ Ледокол «Виктор Черномырдин» передан Росморпорту. <https://portnews.ru/news/304208/>

Балтийского, Белого, Баренцева и Карского, решит проблему перегруженности южного маршрута, который выходит на Транссиб. Одним из факторов, положительно влияющих на транспортное обеспечение грузовых перевозок, может быть сопряжение транспортных маршрутов ЕАЭС, дополненных колоссальными возможностями транспортировки грузов СМП с элементами железнодорожного «Пояса и пути» Китая. Отметим, что для эффективного функционирования СМП необходима реализация вывоза растущих объемов грузов с портовых территорий на Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали для дальнейшей доставки в страны ЕАЭС, ЕС, АТР. Опорными портами могут быть, например, Ванино, Советская Гавань и другие.

Таким образом, устойчивое развитие ЕАЭС зависит от комплексного подхода, плотной интеграции и расширения областей межрегионального сотрудничества. Развитие Арктической зоны может стать одной из важнейших «точек экономического роста» стран ЕАЭС.

Кибалов Е.Б.

д.э.н., профессор, гл.н.с. ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Малов В.Ю.

д.э.н., профессор, гл.н.с. ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА: ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский регион, Национальный проект «Экология», экологическая безопасность.

Специфика нанесения ущерба водным объектам заключается в том, что они могут загрязнять сразу несколько регионов, не говоря уж о муниципальных округах. Это требует участия и контроля со стороны федерального центра.
Глава Минприроды РФ Д. Кобылкин¹.

Предварительные замечания. В общем виде смысл, вкладываемый авторами в термины, использованные в названии доклада, состоит в следующем. Под современным контекстом понимается политическая и геоэкономическая ситуация в мире и ее проекция на российские реалии. Ангаро-Енисейский регион (АЕР) трактуется не только и не столько как система для решения ресурсных проблем страны, т.е. утилитарно², но как один из четырех базовых природных кластеров Сибири и Дальнего Востока, фундирующих российскую цивилизацию как гуманитарный феномен Российской Азии³. Эти кластеры дислоцированы на территориях водосбора Оби, Енисея. Лены и Амура и в совокупности образуют фундамент эколого-ассимиляционного потенциала Зауралья. Его деградация стратегически опасна в долгосрочной перспективе, поскольку владение им является стратегическим преимуществом России в ситуации противостояния с коллективным Западом. Как сохранить указанное преимущество, показывается далее на примере экологически проблемного АЕР, что и составляет содержание настоящего доклада.

Историческая справка. В отличие от канонов традиционного системного анализа и сценарного подхода, разработанных в 50–60-х годах прошлого века в США, мы рассматриваем экологическую проблему АЕР не только как межотраслевую и межрегиональную внутрироссийскую, но и как межпарадигмальную, т.е. на более высоком уровне общности, следуя установкам системной парадигмы Я. Корнаи, предложенной этим выдающимся ученым в начале нынешнего века⁴. Суть парадигмы – в том, что крупномасштабные многоаспектные проблемы и проекты их решения должны рассматриваться в различных парадигмах в спектре «марксистская – неокласический мейнстрим», а выводы о предпочтительных способах решения проблем следует делать с максимальной осторожностью, принимая во внимание фактор неопределенности последствий, определяемых нередко ошибочно. В рамках указанной парадигмы традиционный системный анализ трансформируется в т.н. неосистемный подход⁵, который с точки зрения научного содержания не только отличается широтой охвата рассматриваемых явлений от своего предшественника, но и структурой исследовательского инструментария. А именно: главным инструментом анализа сложных проблем и синтеза вариантов их решения считаются логико-эвристические модели, информационно опирающиеся на суждения экспертов, а модели экономико-математические, использующие преимущественно статистическую информацию, остаются в арсенале ученых, но занимают более скромное место, чем это было в парадигме неокласического мейнстрима со времен Кейнса.

Опираясь на сказанное, предлагается обосновать, разработать и реализовать федеральную реконвалесцентную (лечебную) программу с условным названием «Экология АЕР», действуя при этом как опытный врач в соответствии с принципом «не навреди». Действительно, каким бы несовершенным не был действующий ныне механизм функционирования и развития АЕР, это работающий условно обособленный блок в составе РФ и его излечение от экологических недугов, должно происходить без потери эффективности сложившейся системы. Тем более в ситуации, когда коалицией западных стран ведется изощренная санкционная война против России, а США, лидером коалиции, информационная война нам объявлена на законодательном уровне. Вокруг России создается кольцо враждебных государств-лимитрофов и осуществляется их вооружение современными средствами уничтожения живой силы и техники. Приведенные факты – это описание верхнего слоя сценария развития внешней среды предлагаемой нами программы «Экология АЕР» и этот сценарий пессимистический.

¹ <https://нацпроектэкология.пф/v-gosdume-obsudili-v-kakoy-byudzhet-napravlyat-vyplaty-za-ushcherb-ekologii/>

² Бандман М.К. Избранные труды и продолжение начатого / Под ред. д.э.н. Малова В.Ю.; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2014. – 448 с. – http://lib.ieie.su/docs/2014/Bandman/Mark_Konstantinovich_Bandman.pdf

³ <https://www.poisknews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany/>

⁴ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 4. – С. 4–22.

⁵ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004. – С. 240.

Второй, внутрироссийский слой сценария развития внешней среды проекта Экология АЕР выглядит более обнадеживающим. Прежде всего по причине декларируемой Норникелем в конце 2019 г. на Дне инвестора в Лондоне беспрецедентной (для этого известного отравителя хрупкой арктической природы¹) стратегии развития горно-металлургической компания (ПАО) до 2030 г. В стратегии уделено особое внимание экологии и устойчивому развитию арктических территорий, где дислоцированы ключевые активы крупнейшего в мире производителя палладия и никеля. В частности, т.н. Серный проект в Норильске будет реализован поэтапно. И за десять лет на его осуществления намечается потратить около 3,5 млрд. долларов.

И все, казалось бы, хорошо, и за экологию в низовьях Енисея можно не беспокоиться. Экологически ответственные владельцы Норникеля сделают все, чтобы техногенные воздействия на природу арктической тундры были сведены к минимуму. Однако гладко было на презентации в столице «дружественной» нам Британии. Иное дело исполнять обещанное в экстремальных природно-климатических условиях Крайнего Севера России. Произошла авария на ТЭЦ: неожиданно просел фундамент под цистерной с соляровкой и 21 тыс. тонн дизтоплива попала в реки и озера окружающей Норильск тундры; есть угроза загрязнения Карского моря. Но в долгосрочном плане угроза гораздо серьезней: если просадка свайного поля под цистерной вызвана растеплением вечной мерзлоты под влиянием климатических изменений в условиях глобального потепления, то в опасной зоне весь Норильск, построенный на вечной мерзлоте.

А каков сценарий развития Нижнего Приангарья, совместно с озером Байкал и питающими его реками, образующего единую экономико-экологическую систему? Начнем с обращения участников конференции «Экология, политика и гражданское общество (Яблоковские чтения 2013)», состоявшейся 5 октября 2013 г. в Научно-методическом центре г. Москвы. В обращении общественность просила федеральное и региональное начальство «оптимизировать попуски через гидроузлы [Богучанской ГЭС] для снижения экологического воздействия на экосистемы» и «провести стратегическую оценку планов промышленного освоения Нижнего Приангарья (в частности, инвестиционных проектов «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» и «Ангара-Енисейский кластер») с позиций определения экологической емкости территорий и обеспечения экологически устойчивого развития региона»².

Через четыре года последовал Указ Президента Путина В.В. «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»³, в котором с беспощадной откровенностью фиксировалась катастрофическая экологическая ситуация в России по состоянию на 2017 г. Территории концентрации экологического неблагополучия в нем не назывались, но всем исполнительным органам государственной власти предписывалось экологическую безопасность понимать как часть национальной безопасности страны и принять участие в разработке стратегии, направленной на реализацию государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях⁴.

Правительственные чиновники и обслуживающие их научные структуры, как бы отвечая на указ Президента, опубликовали в 2018 г. Национальный проект Экология России (далее – НПЭР)⁵. Наш анализ показал, что НПЭР с точки зрения методической есть не что иное, как наследник Ангара-Енисейского проекта, с той разницей, что тот проект, будучи частью плана ГОЭЛРО, во всех его редакциях разрабатывали известные российские ученые и эксперты Госплана, названные пофамильно. А разработчики НПЭР, к сожалению, не персонифицированы, и как ими учитывался фактор неопределенности при оценке общественной эффективности мероприятий НПЭР, непонятно. Далее особенности этого проекта мы проанализируем подробно, сейчас же продолжим в хронологической последовательности структурировать проблему экологии России, вмещающую и экологию АЕР.

В июне 2019 г. на Петербургском международном экономическом форуме Президент поручил Правительству РФ вместе с Российской академией наук и Русским географическим обществом подготовить до середины сентября предложения о развитии научного и промышленного потенциала Сибири. Во исполнение этого поручения Президиум РАН на первом же осеннем заседании рассмотрел вопрос о научном обеспечении опережающего развития Ангара-Енисейского макрорегиона. Такие предложения были подготовлены и в предварительном порядке отправлены в правительство РФ. С добавлением от президента РАН А. Сергеева, что, если будут корректировки, то «пришлем дополнительно»⁶. Работа в этом направлении продолжается и, как сообщило в конце 2020 г. руководство СО РАН, состоялась Большая Норильская экспедиция, одним из последствий которой стало создание в рамках Сибирского отделения Научно-исследовательского центра «Экология» и Научного совета по проблемам экологии Сибири и Восточной Арктики. А в другом, давно действующем научном совете СО РАН по проблемам озера Байкал были зафиксированы два прорывных результата 2020 года. Первый: ученые выяснили причины и последствия повышения уровня воды в Байкале и обратились в федеральное правительство с предложением финансирования новых комплексных исследований влияния уровней озера на состояние экосистем Байкальской природной территории и выявления рисков водохозяйст-

¹ https://nsk.tsargrad.tv/articles/udar-po-potaniu-i-severnomu-olenju-chto-na-samom-dele-proizoshlo-v-norilske_258413

² <https://aakolotov.livejournal.com/24710.html>

³ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. – <http://government.ru/docs/all/111285/>

⁴ Когда настоящая статья готовилась к печати, появился Указ Президента РФ В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (с изменениями на 21 июля 2020 года)», развивающий и уточняющий некоторые положения Указа 2017 г. (см.: <http://government.ru/docs/all/111285/>). Однако методологическая и методическая основы в новом указе остались прежними, поэтому в дальнейшем мы ссылаемся только на Указ 2017 г.

⁵ <https://нацпроектэкология.рф/v-gosdume-obsudili-v-kakoy-byudzheth-napravlyat-vyplaty-za-ushcherb-ekologii/>

⁶ <https://www.poisknews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany/>

венной деятельности. Второй: особо важным событием в рамках байкальской проблематики ученые считают решение вопроса о научном сопровождении ликвидации накопленного ущерба Байкальского целлюлозно-бумажного комбината¹.

Действовали и надзорно-судебные органы. С оценкой Росприроднадзора экологического ущерба от аварии, допущенной Норникелем, в сумме 148 млрд. руб. компания не согласилась и оценила ущерб в 21,4 млрд. руб. Красноярский арбитражный суд, опираясь на оценку Росприроднадзора, сократил штраф до 146 млрд. руб. Норникель подал апелляцию, и предстоит длительная судебная тяжба. То есть «процесс пошел» и далее мы исходим из того, что предложения РАН и действия властей предержащих до сих пор открыты не только для корректировок «сверху», но и «снизу». Предлагаемое ниже относится к корректировкам последнего типа и затрагивает как методическую, так и инструментальную части стратегии опережающего развития Ангаро-Енисейского региона в аспекте обеспечения экологической безопасности этого Серединного региона России.

Постановка проблемы. Будем различать проектный и программный подходы к решению любых сложных и крупномасштабных проблем. Отечественная хозяйственная практика, а также, к сожалению, нередко и наука, эти подходы не различают, что приводит к неадекватному сложности проблемы выбору средств ее решения. Экология АЕР, на наш взгляд, является типичным примером такого рода. Действительно, действуя реактивно, Госдума РФ после экологических перипетий этого (2020) года в норильской тундре готовит решения, как более эффективно делить средства на компенсацию экологических ущербов, полученных государством от Норникеля и аффилированных с ним структур-разрушителей природного комплекса низовий Енисея². С точки зрения проектного подхода все правильно: нанес государству-собственнику водных ресурсов ущерб, локализованный по месту и времени, плати государству как пострадавшей стороне. Однако открытым остается вопрос: как государство распределит полученную компенсацию между многочисленными очагами техногенных травм, нанесенных природе в разных регионах страны? Все отдаст, например, на восстановление водных объектов Нижней Волги или Байкала вместе с Ангарой и питающими озеро реками? И как взвесит текущие выгоды от «правильной» распределительной политики с долгосрочными последствиями решений, принятых «здесь и сейчас»? Проектный подход ответов на такие вопросы не дает³, поскольку он по своей природе локален, даже если называть проект крупномасштабным (национальным как в НПЭР). Цели любых проектов по определению жестко фиксированы, также как и продолжительность их жизненных циклов. В то время как продолжительность жизненных циклов природных комплексов вроде АЕР, образовавшихся эволюционно вокруг рек, можно считать бесконечной. Для таких объектов, опять же по определению, адекватным средством решения экологических проблем является программа, цели которой могут ситуативно меняться, а продолжительность жизненного цикла, как правило, не оговаривается, она тоже может изменяться по обстоятельствам.

Рациональная логика подсказывает, что подходы следует согласованно сочетать, но как: под эгидой государства, как активного актора проведения социальной и природосберегающей политики, или государства – «ночного сторожа», поведение которого рыночно эффективно, но нередко антисоциально и антиэкологично? История показывает, что выбор точки компромисса зависит от эффективности хозяйственно-политического механизма функционирования и развития конкретного государства⁴. Чем мощнее этот механизм, построенный на конкуренции всех со всеми, тем проектный подход как инструмент решения социальных и экологических проблем децентрализованного государства более соответствует его интересам и возможностям. Если же речь (подчеркнем: при прочих равных) идет о слабой экономике централизованного государства, то лучшим выбором является программный подход, в рамках которого государство имеет возможность концентрировать ограниченные ресурсы на ситуационно приоритетных целях.

Под таким углом зрения нами был проанализирован упоминавшийся выше национальный проект «Экология России» в составе 11 федеральных проектов. Из самих названий экологических мероприятий следует, что они будут проводиться в рамках проектного подхода. Это означает (с точки зрения теории), что российские власти полагают экономику страны эффективно функционирующей и проектный подход адекватным такому ее качеству (по крайней мере на среднесрочном интервале). Примем для начала эту сильную предпосылку в качестве базовой и на ней построим дальнейший анализ.

Начнем анализ НПЭР, опираясь на его описание в паспорте проекта⁵. НПЭР разработан во исполнение указа президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁶ и таким образом является средством реализации стратегических идей президентского указа (см. рис. 1).

¹ Наука в Сибири. 2020. – 24 декабря, № 50 (3261).

² См.: Пресс-конференция председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по экологии и охране окружающей среды Владимира Бурматова (13 января 2021 г.). – <https://www.vedomosti.ru/>

³ См., например, Чаркина Е.С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы: научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2017. – 54 с. – https://inecon.org/docs/2017/Charkina_paper_2017.pdf

⁴ Без малого четверть века тому назад об этом писал М.В. Рац (Рац М. «Белые» и «красные» // Независимая газета. – М., 1996. – 8 октября. – С. 5), но, к сожалению, не был услышан ни «младореформаторами», ратовавшими в то время за «Россию регионов», ни современными авторами Нацпроекта Экология России. В этой пионерной для России публикации было указание на решающее различие проектного и программного подходов: первый в виду холистской своей природы в принципе не годится для оценки крупномасштабных комплексных программ, при оценке которых «слишком велик элемент неопределенности».

⁵ Паспорт национального проекта «Экология», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

⁶ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (с изменениями на 21 июля 2020 года)» (с изменениями, внесенными: Указом Президента Российской Федерации от 19 июля 2018 года № 444; Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474).

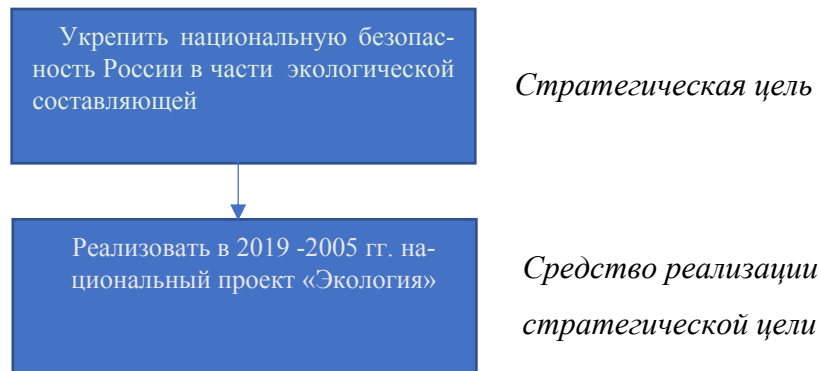

Рисунок 1.

НПЭР как средство обеспечения экологической безопасности России

Детализуем рис. 1, для чего, следуя работе¹, рассмотрим состав и структуру НПЭР (см. рис. 2).

Рисунок 2.

Структура НПЭР как иерархия по входимости

Трансформируем структуру проекта на рис. 2 в систему «цели – средства» НПЭР (см. рис. 3) и квантифицируем его дерево целей методом «снизу – вверх»². Для этого используем данные п. 5. «Финансовое обеспечение реализации национального проекта» из Паспорта национального проекта «Экология»³ и вербальную формулировку проблемы (как она понята нами) из указа Президента РФ Путина В.В. «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»⁴.

С использованием названных первоисточников нами с помощью рис. 1 и 2 осуществлена на рис. 3 первичная структуризации проблемы, когда цели и средства по возможности четко разделены и частично квантифицированы. Очевидно, что в 11 федеральных проектах НПЭР отсутствует представленный в явной форме проект, касающийся Енисея так, как это сделано в отношении Волги и оз. Байкал. Даже, если затраты на подобный проект для Енисея по умолчанию входят в сумму затрат по проектам 4 и 6 из кластера «Чистые воды» на рис. 3, то неясно какая доля суммы предназначена для Енисея и АЕР.

¹ Веницианов Е.В. (Институт водных проблем РАН). О национальном проекте «Экология». – http://eco-project.org/data/upload/Venicianov_lekciya_po_prektu_Ekologiya.-1720200512083929.pdf

² См., например, Кини Р.Л., Райфа Х. Принятия решений при многих критериях: предпочтения и замещения: пер. с англ. / Под ред. И.Ф. Шахнова. – М.: Радио и связь, 1981. – с. 55–57; 126–127.

³ Паспорт национального проекта «Экология», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. – <http://government.ru/docs/all/111285/>

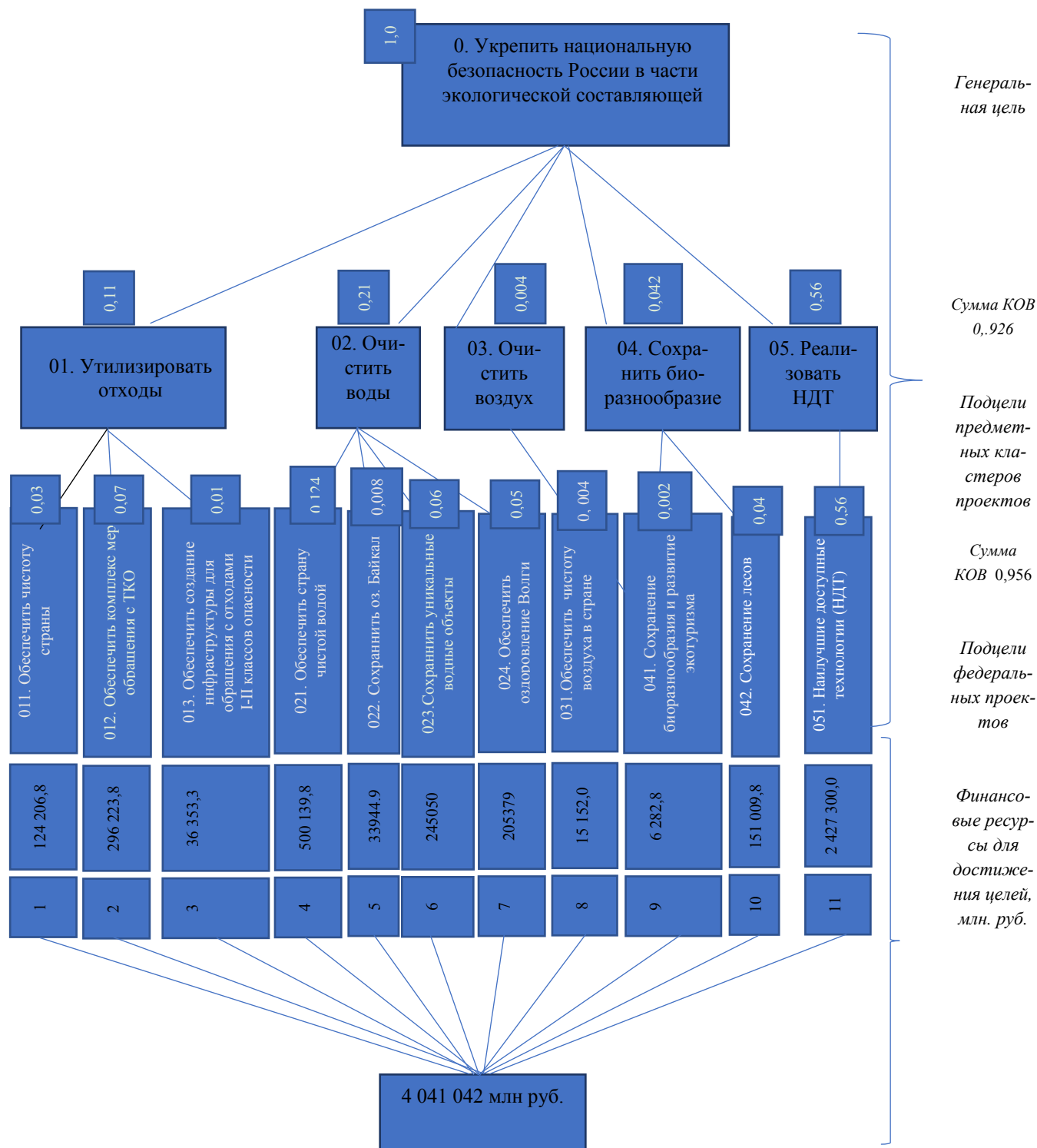

Рисунок 3.
Система «цели-средства» НПЭР

Более того, имеет место неопределенность результатов распределения во времени средств, выделяемых НПЭР как единой системе национального уровня. Покажем это.

В таблице 1 приведено распределение средств на НПЭР в годовом разрезе. Видно, что эпюра затрат средств сдвинута к концу жизненного цикла НПЭР и такая динамика вложений, естественно, минимизирует сумму дисконтированных затрат. Но как такая динамика скажется на надежности достижения экологических целей НПЭР к завершающему году жизненного цикла проекта? Оказывается негативно, если результаты (выгоды) проекта оценивать с помощью, например, понятия «антихрупкость», введенного в научный оборот Н. Талебом.

Действительно, если предположить, что функция выгод от годовых затрат средств (см. табл. 1) имеет простейшую квадратичную форму (т.е. она выпукла), то элементарные расчеты по Талебу дают следующий результат.

Таблица 1

Годы	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Млн. руб.	221 533,3	528 693,7	659 196,4	892 258,9	889 565,5	849 794,2

Квадрат от ожидаемой отдачи:

$$((221\,533,3 + 528\,693,7 + 659\,196,4 + 892\,258,9 + 889\,565,5 + 849\,794,2)/6)^2 = 453\,611\,679\,049,00.$$

Среднее значение функции:

$$(221\,533,3^2 + 528\,693,7^2 + 659\,196,4^2 + 892\,258,9^2 + 889\,565,5^2 + 849\,794,2^2)/6 = 512\,122\,805\,162,44.$$

Разность $512\,122\,805\,162,44 - 453\,611\,679\,049,00 = 58\,511\,126\,113,44$ является скрытой выгодой от антихрупкости эпюры финансирования НЭПР, показанной в табличной форме на рис. 3.

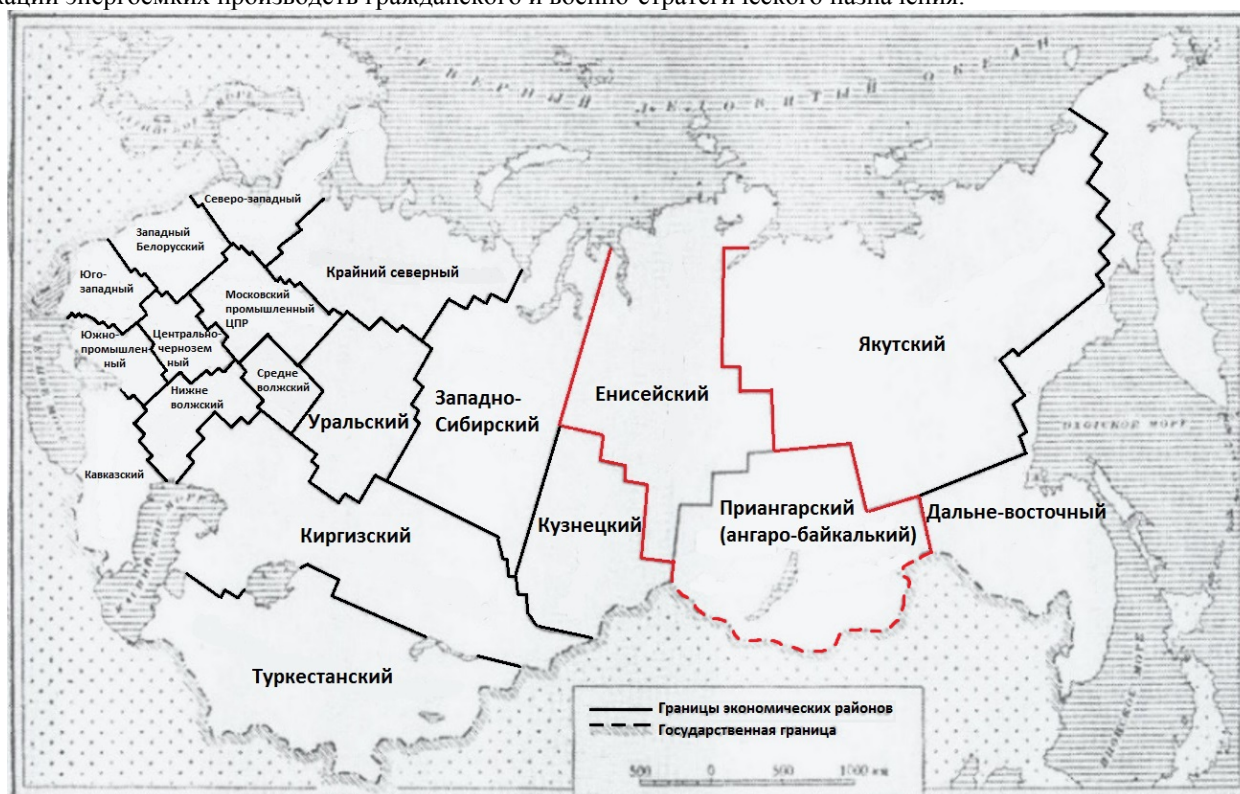
Введение дополнительного показателя «антихрупкость» позволяет получить числовую оценку аллокативной эффективности распределения средств НЭПР во времени при точечном, финансовом подходе. Но при всех достоинствах числовой оценки, качественный анализ пространственного аспекта проблемы показывает, что нерешенной проблемой национального проекта остается неопределенность его целевых установок, касающихся восстановления и сохранения природного комплекса Енисея как скелетной основы эколого-ассимиляционного потенциала АЕР.

Оставляя в стороне вопрос о скудности средств, выделяемых на решение острых экологических проблем страны вообще, тем не менее, важно прояснить, отчего проблема экологии Волги выделена в отдельный федеральный проект, а та же проблема Енисея – нет. Или: как можно в рамках федерального проекта по оз. Байкал конструктивно решить проблему его спасения вне решения экологической проблемы водосборной площади Енисея? Может быть проблема великой сибирской реки не актуальна и не требует проектного подхода для ее решения с помощью федеральных проектов? Коротко: что нужно делать немедленно, чтобы реально ответить на поставленные вопросы?

Для ответа нами была создана группа экспертов в составе специалистов ИЭОПП СО РАН, СГУПС Росжелдора, Красноярского Научного центра СО РАН и представителей зарубежной науки. Суждения экспертов выявлялись методами анкетирования и личных интервью (см. анкету во врезке), и обрабатывались с помощью компьютерных продуктов, разработанных в ИЭОПП и СГУПС.

Анкета эксперта

На карте-схеме, приводимой ниже, видно, что уже в первых набросках плана ГОЭЛРО (1920 г.) районы Енисейский и Приангарский (Ангаро-Енисейский) выделены как элементы экономико-географической таксономизации России. За прошедшие 100 лет Ангаро-Енисейский регион (АЕР) из малозаселенной и промышленно слабо развитой территории Восточной Сибири превратился в один из главных ресурсодобывчных центров страны и место дислокации энергоемких производств гражданского и военно-стратегического назначения.

Карта-схема Ангаро-Енисейского региона в исследованиях по плану ГОЭЛРО (1920 г.)

Одновременно, как следствие векового крупномасштабного промышленного освоения без должных экологических ограничений, первозданный природный комплекс АЕР к настоящему времени основательно разрушен во

всех его частях, начиная с верховий Енисея (Ангарск, Усолье- Сибирское), его срединной части (Нижнее Приангарье и оз. Байкал), низовий (Норильск) и ситуация находится на грани катастрофической.

В мире также имеет место обострение экологических проблем и императивом становится развитие с акцентом на сохранение природного комплекса как элемента национальной безопасности страны. В России такое понимание декларируется, но практически делается очень мало.

С учетом сказанного просим, обратившись к таблице, в порядковой шкале оценить возможные стратегии решения экологической проблемы АЕР в сценариях-контрастах развития России на временном интервале 2021–2040 гг.

Таблица

Экологические стратегии АЕР \ Сценарии развития России	1. Оптимистический	2. Пессимистический	3. Наиболее вероятный
1. Продолжать политику игнорирования экологической проблемы АЕР (A1)	3		
2. Реализовать крупномасштабную программу полного восстановления эколого-ассимиляционного потенциала АЕР (A2)	1		
3. Разработать и принять реконвалисцентную программу решения экологической проблемы АЕР (A3)	2		

Пример заполнения экспертом таблицы.

1. Если эксперт считает, что в оптимистическом сценарии 1 развития России стратегия 2 наиболее предпочтительна, то в клетке таблицы на пересечении столбца 1 и строки 2 он ставит цифру 1. Если в том же сценарии следующей по предпочтительности эксперт считает стратегию 3, то на пересечении столбца 1 и строки 3 он ставит цифру 2. Естественно, на пересечении 1-1 ставится цифра 3.

2. Процедура повторяется для всех остальных клеток таблицы.

3. Ранжируйте Сценарии развития России по возможности их актуализации, поставив цифру 1 под названием сценария в таблице, если этот сценарий, по вашему мнению, наиболее достоверен; цифру 2 – второму по достоверности и цифру 3 – третьему.

В результате обработки анкет указанными выше компьютерными продуктами была получена следующая Оценочная матрица.

Таблица 2

Оценочная матрица

Альтернативы	Сценарии		
	1	2	3
A1	0,01	0,56	0,21
A2	0,81	0,13	0,07
A3	0,19	0,32	0,71
<i>Вероятности сценариев</i>	0,11	0,38	0,52

В таблице 2 нет доминирующей программы, следовательно, имеет место неопределенность, которая вскрывается с помощью критериев Вальда, Сэвиджа, Гурвица и Лапласа (см. табл. 3).

Таблица 3

Альтернативы	Критерии					
	Вальда	Сэвиджа	Гурвица	Байеса	Лапласа	максимакса
A1						
A2						*
A3	*	*	*	*	*	

Из таблицы 3 видно, что предпочтительной по всем критериям, кроме максимакса, является альтернатива A3 – «Разработать и принять реконвалисцентную программу решения экологической проблемы АЕР» (отмечена символом *). Остается уточнить, что стоит за понятием реконвалисцентная программа применительно к интересующему нас случаю.

В мировой и отечественной науке методы решения экологических проблем на мега, макро, микро и даже нано-уровне проработаны достаточно глубоко, литература вопроса насчитывает тысячи публикаций. Перечень практически удачных решений экологических проблем значительно скромнее и самым эффективным из них нам представляется опыт госкорпорации TVA (Tennessee Valley Authority) по реализации реконвалисцентной программы природного комплекса бассейна р. Теннесси. Программа исходно задумывалась именно как *лечащая* застойный и *экологически* неблагоприятный регион США¹. Однако ее «внешние» эффекты – социальные, экономические и военно-стратегические –

¹ Территориально-производственные комплексы: Нижнее Приангарье / М.К. Бандман, В.Д. Ионова, В.Ю. Малов и др. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. – С. 288–289.

оказались шире первоначально предполагавшихся¹. Более того, в аспекте политическом программа, считавшаяся «островком социализма» в капиталистической Америке, выжила и за 90 лет своего существования стала опорным элементом электроэнергетики США.

Сказанное не означает, что модель TVA является неким лекалом для решения экологических проблем Енисея и АЕР. Отечественные проблемы специфичны и требуют как критического осмысления зарубежного опыта, так и творческого подхода к использованию собственного научного потенциала. Конкретно речь идет об оценке *общественной эффективности* крупномасштабных экологических мероприятий, результативные попытки получения которой с учетом фактора *радикальной* неопределенности в известных нам западных первоисточниках не описаны.

Для заполнения образовавшейся лакуны нами была использована ОМММ (Оптимизационная Межрегиональная Межотраслевая Модель), разработанная в ИЭОПП СОРАН под руководством академика РАН А.Г. Гранберга еще в годы плановой экономики СССР. На основе этой базовой модели позднее было создано семейство версий ОМММ и одна из версий, назовем ее версией М 9 (модифицированная²) послужила инструментом для экспериментальных расчетов, результаты которых приводятся ниже.

Цель расчетов состояла в проверке возможности получения числовой оценки зависимости общественной эффективности экономики России, (отображаемой целевой функцией ОММММ) от имплантации в нее вариантов финансирования программы НПЭР. Предполагалось, что целевая функция (ЦФ) ОММММ общественную эффективность отражает³. Задача решалась посредством варьирования объемов выделяемых финансовых ресурсов, с учетом степени «антихрупкости» вариантов (как это показано выше).

Приводимые на рис. 3 результаты расчетов получены в ходе вычислительных экспериментов с помощью ОММММ. Ее информационная база была по возможности максимально актуализирована, т.е. учитывала показатели СНС РФ в части используемых в ней МОБ регионов⁴.

График на рис. 3 показывает «отклик» ЦФ на инвестиции в экологические мероприятия АЕР в сумме от 1 до 4 трлн. руб. в течение 6 лет (округленно, в соответствии с данными, приведенными выше).

Вариант 1 «технологический», предполагающий вложения 1 трлн. руб., имитирует оценку вложений во внедрение экологически чистых (насколько это возможно по показателям ПДВ) технологий «вредных» объектов АЕР в целях сохранения возможностей продолжения наращивания мощностей этих объектов (отраслей) в АЕР ради использования эффекта дешевой энергетики.

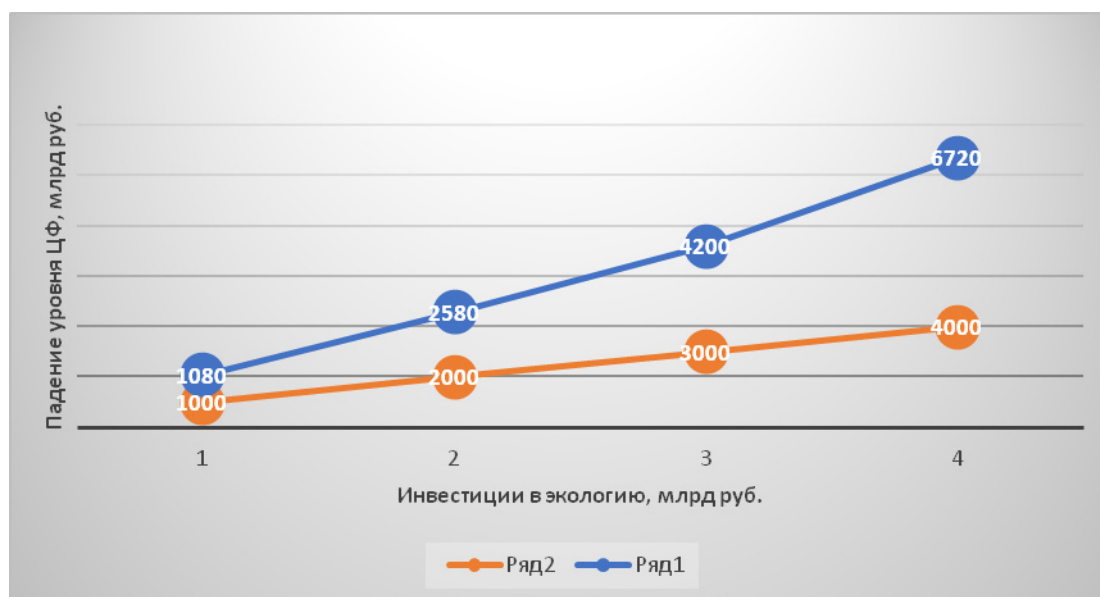

Рисунок 4.

График зависимости целевой функции ОММММ от уровня инвестиций в реконвалесцентную экологическую программу АЕР

¹ http://www.cawater-info.net/bk/water_law/5_3.htm

² См.: Гранберг А.Г. Математические модели социалистической экономики: учеб. пособие для экон. вузов и фак. – М.: Экономика, 1978. – 351 с.

³ Целевая функция ОММММ, значения которой фиксируются на оси ординат рис. 3, является конкретизацией упомянутой выше базовой модели и содержательно описывается как критерий оптимизации по показателю конечной продукции (КП) так: в составе конечной продукции выделяется постоянная и переменные части; постоянная часть включает минимально необходимые объемы продукции для непроизводственного потребления, накопления, возмещения выбытия основных фондов, внешнеторгового обмена; переменная часть конечной продукции максимизируется в заданном ассортименте при ограничениях, обеспечивающих плавность изменения структуры потребления [Гранберг А.Г. Математические модели социалистической экономики: учеб. пособие для экон. вузов и фак. – М.: Экономика, 1978. – С. 201, 238, 314].

⁴ Гранберг А., Зайцева Ю. Анализ структурных взаимосвязей добавленной стоимости и конечного продукта на основе межотраслевых балансов по схемам БНХ и СНС // Вопросы статистики. – М., 1997. – № 4; Комплексный подход к оценке общественной эффективности крупномасштабных железнодорожных проектов / Е.Б. Кибалов, И.А. Беспалов, В.Ф. Бузулуцков, К.П. Глущенко, В.И. Горяченко, Е.Е. Горяченко, М.В. Пятаев, Н.И. Суслов, А.Б. Хуторецкий. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2015. – 160 с.

Вариант, предполагающий вложения 2 трлн. руб. в отличие от предыдущего варианта сохраняет верхние границы допустимого роста объемов производства («вредных») отраслей, что имитирует ограниченные возможности новых видов оборудования.

Вариант, предполагающий вложения 3 трлн. руб. отличается от предыдущего только масштабом инвестиций.

И, наконец, вариант, предусматривающий вложения 4 трлн. руб., предполагает, что все вложения осуществляются в форме создания здесь нового оборудования для «вредных» производств различных отраслей. Но, как показывает расчет, машиностроительный комплекс всей РФ не способен удовлетворить данные потребности, а импорт оборудования для переоснащения ряда производства требует значительного увеличения экспорта того, что может быть произведено в РФ (в основном сырье: уголь, газ, нефть, металлы, лес). Поэтому столь значительные вложения в мероприятия по изменению экологических нагрузок должны сопровождаться обоснованием допустимости снятия ограничений на мощности производств без их увеличивающихся экологических нагрузок.

Видно, что прирост инвестиций в экологию АЕР при рассмотренных вариантах вызывает общественные потери тем большие, чем выше объемы вкладываемых средств. При этом линейная целевая функция ОММММ – математической модели экономики России – имеет слабую негативную выпуклость по Талебу и, следовательно, оптимальные варианты, выявляемые с ее помощью, недостаточно антихрупки.

Данный результат предлагается считать исходным для серии аналогичных вычислительных экспериментов в формате эскизного проектирования реконвалисцентной программы решения экологической проблемы АЕР. Дальнейшие вычислительные эксперименты, проведенные в рамках программы по классической схеме, предложенной в работе¹, помогут, если не решить, то по крайней мере четко поставить на модельном уровне проблему исчисления общественной эффективности крупномасштабных экологических программ. Понятно, что такая задача, во-первых, требует совершенствования использованной нами полудинамической детерминированной модели ОММММ по многим направлениям, и, во-вторых, по плечу только академической науке при комплексном задействовании в единой программе представителей общественных и естественных наук под эгидой государства. При условии, что частный бизнес должен включаться в программу после того, как государство за свой счет профинансирует все НИР, необходимые для создания научных основ будущих инвестиций в восстановление и сохранения природного комплекса регионов России вообще и АЕР в частности.

¹ Kydland F.E. Prescott E.C. The Computational Experiment: An Econometric Tool // Journal of Economic Perspectives. 1996. – Vol. 10, N 1. – P. 69–85.

Мамадалиева Э.Р.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: приграничные районы, социально-экономическое развитие, межрегиональное сотрудничество, экономическая интеграция, внешнеторговый оборот, экспорт, перспективы развития.

Keywords: border areas, socio-economic development, interregional cooperation, economic integration, foreign trade turnover, export, development prospects.

В условиях углубления глобализации и расширения международной интеграции приоритетными направлениями для дальнейшего социально-экономического развития Узбекистана являются развитие межрегионального и приграничного сотрудничества, предполагающее внедрение современных технологий, углубление переработки местного сырья и ресурсов, создание высокотехнологичных конкурентоспособных производств, имеющих спрос на внутреннем и внешнем рынках. При этом несбалансированность в наличии и использовании потенциала регионов и недостаточная конкурентоспособность обрабатывающих отраслей могут создать определенные трудности и риски при изменениях внешних и внутренних экономических условий.

В Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг.¹ существенное внимание уделяется вопросам регионального развития. К числу основных задач по обеспечению комплексного и сбалансированного социально-экономического развития регионов относятся эффективное использование ресурсов и потенциала территорий, в особенности приграничных районов (минерально-сырьевого, сельскохозяйственного, производственного, инфраструктурного, трудового и пр.), качественные структурные изменения в экономике и диверсификация производства.

В связи с этим в настоящее время возникает задача определения внутренних резервов и возможностей развития приграничных территорий, решение которой требует разработки новых подходов, методов и модельного инструментария анализа и прогнозирования развития регионов с учетом природно-экономического потенциала и факторов размещения.

Зарубежная практика развития приграничных территорий показала, что приграничное экономическое сотрудничество является одним из наиболее эффективных методов регионального взаимодействия, распространяющегося на все отрасли экономики. В Европе одной из форм международного приграничного экономического сотрудничества являются «еврорегионы», а страны, входящие в их состав, взаимодействуют в таких аспектах, как реальный сектор экономики, охрана окружающей среды, культура, энергетика, транспортные перевозки. В Северной Америке была создана зона свободной торговли НАФТА, организованная в целях укрепления торговых связей США, Канады и Мексики. Экономическая интеграция этих стран способствовала формированию благоприятного инвестиционного и налогового климата в приграничных районах.

В вопросах социально-экономического развития приграничных территорий и приграничной торговли «Китайская концепция развития приграничья» является одной из наиболее эффективных. В китайском законодательстве существуют большие преференции для приграничных районов: упрощенный порядок лицензирования и квотирования операций приграничной торговли, пониженная ставка подоходного налога для предприятий приграничных территорий, расширенные права местных органов власти в области регистрации компаний, занимающихся торговлей в приграничной полосе и т.д.²

Общими принципами развития приграничных районов являются:

- Соблюдение интересов государства в межрегиональном и приграничном сотрудничестве;
- эффективное использование природно-ресурсного, индустриального, сельскохозяйственного финансового, трудового потенциалов приграничных территорий, учитывая при этом особенности их развития и характер сложившихся внешнеэкономических отношений;
- активное развитие внешней торговли, повышение экспортного потенциала территорий;
- укрепление отношений в области образования и повышения квалификации и переквалификации кадров;

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан в 2017-2020 гг.» № УП-4947 от 7.02.2017 г.

² Михайленко А.Н., Арсеньева И.И. Факторы развития приграничья (на примере приграничных территорий России и Китая) // Россия и мир в XXI веке. – С. 91. – <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-razvitiya-prigranichya-na-primere-prigranichnyh-territoriy-rossii-i-kitaya>

– стимулирование развития предпринимательства, привлечение иностранных инвестиций, создание совместных предприятий.

Соблюдение данных принципов создает условия для эффективного использования производственной базы территорий, укрепления межрегиональных отношений, создания новых рабочих мест и конкуренции на рынке квалификационных кадров.

С геополитической точки зрения, стратегическими партнерами Узбекистана являются страны Центральной Азии, граничащие с Узбекистаном – Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан. Узбекистан имеет ряд соглашений со странами Центральной Азии, направленных на укрепление отношений в сферах торговли, инвестиций, сельского хозяйства, транспорта и логистики, инфраструктуры и коммуникаций, инноваций, туризма и культуры.

За последние годы Узбекистан добился конкретных результатов в развитии и укреплении дружественных отношений с зарубежными партнерами, прежде всего, с государствами – ближайшими соседями¹. В результате увеличился товарооборот между странами СНГ, налажено тесное межрегиональное и приграничное сотрудничество (таблица 1). Основными импортерами Узбекистана являются Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. При этом основными экспортируемыми товарными группами в эти страны являются энергоносители и нефтепродукты (Россия, Казахстан, Таджикистан), химические продукты и изделия из нее (Россия, Киргизия, Таджикистан), машины и оборудование (Казахстан), продовольственные товары (Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), услуги (Россия, Таджикистан).

Таблица 1

Основные показатели развития внешнеэкономических отношений Узбекистана со странами СНГ

Страны	Экспорт, млн. долл. США				Импорт, млн. долл. США			
	2017 г.		2019 г.		2017 г.		2019 г.	
	тыс. долл.	уд. вес	тыс. долл.	уд. вес	тыс. долл.	уд. вес	тыс. долл.	уд. вес
Азербайджан	27 574,4	0,5	52 166,3	0,8	4919,7	0,1	21 696,4	0,3
Армения	1376,9	0,0	2847,1	0,0	2234,8	0,0	2511,8	0,0
Беларусь	27 404,0	0,5	48 879,4	0,8	154 959,6	3,4	283 906,3	3,5
Казахстан	1 071 632,2	20,5	1 392 964,9	22,3	998 164,1	22,2	1 942 012,0	23,6
Киргизстан	179 557,0	3,4	669 643,1	10,7	75 402,2	1,7	150 683,5	1,8
Молдова	7737,7	0,1	8683,1	0,1	8023,4	0,2	2499,0	0,0
Россия	2 119 990,1	40,5	2 531 870,5	40,6	2 709 497,6	60,1	4 137 694,5	50,3
Таджикистан	186 065,2	3,6	327 557,3	5,3	51 813,3	1,2	152 940,8	1,9
Туркменистан	69 902,3	1,3	144 331,6	2,3	108 007,6	2,4	410 071,9	5,0
Украина	106 120,4	2,0	119 428,1	1,9	183 958,2	4,1	264 403,2	3,2

Источник: данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

В настоящее время в Узбекистане около 80 сельских административных районов являются приграничными. Значительная часть приграничных территорий Узбекистана относится к отсталым или депрессивным. Основным приоритетом их социально-экономического развития является развитие приграничной торговли, привлечение инвестиционных ресурсов, стимулирование развития предпринимательства, социальной и инженерной инфраструктуры, рост занятости населения и сокращение бедности. Так в 2019 г. по сравнению с 2015 г. во всех приграничных районах республики был зафиксирован рост производства сельскохозяйственной продукции (с 1,6 раз в Зангиатинском районе Ташкентской области до 7,0 раз в Термезском районе Сурхандарьинской области), где выращиваются хлопок, картофель, фрукты и овощи, а также зерновые. В Асакинском, Пахтабадском районах Андижанской области, Алатском районе Бухарской области, Касансайском и Учкурганском районе Наманганской области, г. Термез Сурхандарьинской области, Сырдарьинском районе Сырдарьинской области и г. Бекабад Ташкентской области ускоренными темпами растет производство промышленной продукции, а именно продуктов питания, фармацевтической продукции, продукции легкой и химической промышленности. В то же время растут капиталовложения в социально-экономическое развитие приграничных районов, развивается внешнеэкономическая деятельность. За последние 5 лет существенно возросло число совместных предприятий в Зангиатинском районе Ташкентской области (с 126 ед. в 2015 г. до 171 ед. в 2019 г.), г. Термез (29 ед. и 166 ед. соответственно), Термезском (с 2 ед. до 40 ед.) и Узунском (с 1 ед. до 31 ед.) районах Сурхандарьинской области, Касансайском районе Наманганской области (с 3 ед. до 21 ед.), Сырдарьинском районе Сырдарьинской области (с 27 ед. до 56 ед.), Алтыарыкском (с 1 ед. до 19 ед.) и Кувинском (с 2 ед. до 17 ед.) районах Ферганской области.

Положительные изменения в социально-экономическом развитии приграничных районов Узбекистана, привлечение отечественных и иностранных инвесторов, организация и развитие территориально-производственных кластеров, повышение экспортного потенциала территорий создают предпосылки для развития приграничной торговли и тесного межрегионального сотрудничества.

При этом реализация механизма приграничной торговли в Узбекистане должна осуществляться путем:

– заключения в установленном порядке международных договоров и соглашений о приграничной торговле между Республикой Узбекистан и сопредельными государствами;

¹ Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на совещании, посвященном деятельности Министерства иностранных дел и посольств нашей страны за рубежом. – <http://www.ddsmf.uz/ru/vystuplenie-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyoeva-na-soveshchanii-posvyashchennom-deyatelnosti>

- создания уполномоченными органами государственной власти совместных координирующих органов по приграничной торговле и рабочих групп при них;

- создания рабочих групп по развитию приграничной торговли в рамках межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Приоритетными направлениями эффективного размещения производств в приграничных районах на долгосрочный период могут стать:

- создание новых промышленных производств и вспомогательных объектов в отдаленных районах с учетом их трудового потенциала, природных и местных сырьевых ресурсов;

- формирование во всех регионах многоотраслевой промышленности, базирующейся на современных имитационно-инновационных производственных технике и оборудовании и, обеспечивающих переход к новым стандартам качества;

- формирование региональных инновационно-производственных нетрадиционных «точек роста» на основе высокотехнологичных предприятий с вовлечением в производственную кооперацию субъектов предпринимательства, университетов, научных институтов и центров.

При этом необходимо учитывать возможности возникновения определенных рисков:

- убыточность и прекращение деятельности предприятий, чья продукция неконкурентоспособна и имеет высокую себестоимость;

- повышение межрайонной дифференциации по производству и экспорту готовых промышленных товаров.

Таким образом, в целях организации мероприятий по взаимодействию приграничных регионов, а также расширению побратимских отношений между городами предлагается формирование и развитие двустороннего взаимодействия в таких сферах, как реконструкция связывающей регионы автомобильной дороги, взаимовыгодная поставка сельскохозяйственной, в первую очередь, плодоовощной продукции, организация курсов повышения квалификации специалистов приграничных районов в различных отраслях экономики и социальной сферы, развитие сотрудничества в сфере медицины и культуры. В то же время необходимо расширение побратимских отношений между городами путем подписания меморандумов о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном сотрудничестве, а также плана мероприятий на среднесрочный период по реализации соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве между городами-побратимами.

Набибуллаева Р.З.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан
raxshona0505@mail.ru

ИНВЕСТИЦИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РЕГИОНАХ УЗБЕКИСТАНА: НА ПРИМЕРЕ ФЕРГАНСКОЙ, ДЖИЗАКСКОЙ ОБЛАСТИ И ГОРОДА ТАШКЕНТА

Ключевые слова: иностранные инвестиции, инвестиции в здравоохранение, региональные инвестиционные проекты.

Keywords: foreign investment, investment in health care, regional investment projects.

Глобальный инвестиционный процесс испытывает спад в связи со вспышкой коронавирусной инфекции. Тренды глобальных прямых иностранных инвестиций (ГПИИ) и без того демонстрируют значительные снижения за последние несколько лет. Так, в 2019 году объем ГПИИ составил \$1,39 трлн., что на \$20 млрд. меньше по сравнению с предшествующим годом и на 27% меньше, чем в 2016 году. В 2019 году, потоки ГПИИ сократились в Европе и в развивающихся странах Азии, остались без изменений в Северной Америке и увеличились в Африке, Латинской Америке, в Карибах и в странах с переходной экономикой¹.

По оценкам ЮНКТАД, ситуация с пандемией может привести к дальнейшему падению ГПИИ от –30% до –40% в 2020–2021 годах. Такие ожидания схожи с оценками ОЭСР, которая прогнозирует сокращение потоков ГПИИ более чем на 30% в 2020 при самом оптимистичном сценарии.

Множество стран принимает меры, направленные на поддержку инвестиций и защиту важных отраслей экономики в условиях кризиса. К этим мерам относится ускорение процедур одобрения инвестиций, совершенствование онлайн-инструментов и различных электронных платформ, услуги по поощрению инвестиций со стороны специально созданных агентств, стимулирование НИОКР в сфере здравоохранения, приобретение государством доли в ключевых отечественных предприятиях, государственные займы и гарантии для внутренних поставщиков в производственно-сбытовых цепочках.

Правильно организованные меры инвестиционной политики могут внести огромный вклад в борьбу с разрушительными экономическими и социальными последствиями пандемии.

Недавнее видеоселекторное совещание под председательством президента Узбекистана Шавката Мирзиёева по вопросам инвестиций внесло ясность в процесс реализации Инвестиционной программы 2020 года в условиях пандемии COVID-19. Так, в 2020 году планируется реализация более 3 тыс. проектов в размере 235 трлн. сумов, где 7 млрд. долл. США составляют прямые иностранные инвестиции.

В результате проводимых реформ, активных инвестиций и социального развития объем инвестиций в основной капитал резко увеличился и по сравнению с 2018 годом, составил 133,9%.

В 2019 году, общий объем освоенных иностранных инвестиций и кредитов в республике составил 9,8 млрд. долл. США, из которых 4,2 млрд. прямые иностранные инвестиции (рис. 1). За первый квартал 2020 года ПИИ и кредиты составили 3648,9 млрд. сум, иностранные кредиты под гарантию РУз – 6006,1 млрд. сум. Рост иностранных инвестиций и кредитов, по сравнению с I кв. 2019 года составил 117,9%.

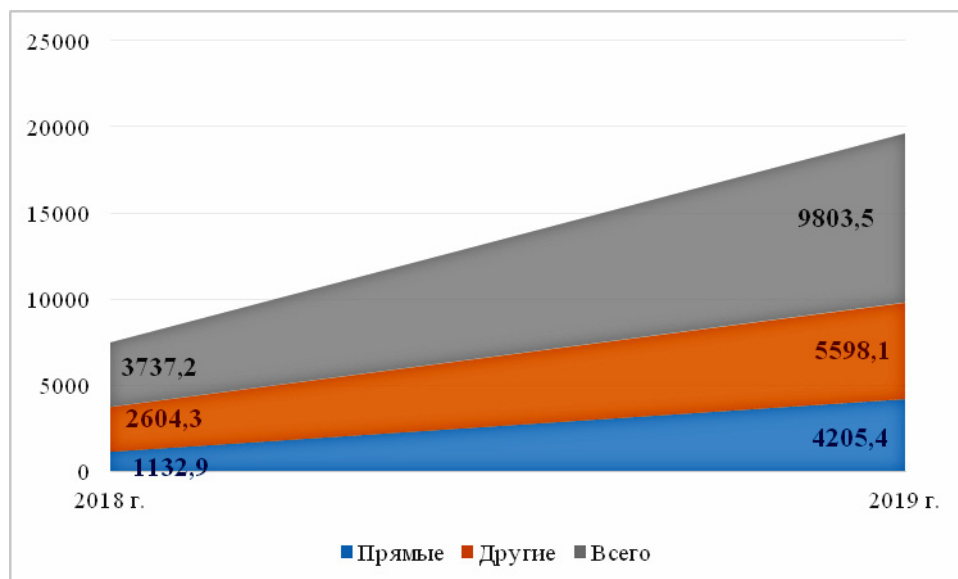
В отчетном периоде были введены в эксплуатацию порядка 2,8 тыс. объектов социального, инфраструктурного и производственного назначения: 145 крупных производственных объектов, 167 крупных региональных проектов, 2,5 тыс. социальных и инфраструктурных объектов.

Ферганская область. На сегодняшний день в Ферганской области эффективно обслуживают жителей, прикрепленных к 26 городским и 89 сельским семейным поликлиникам. В прошедшем году в целях дальнейшего укрепления материально-технической базы учреждений первичной медико-санитарной помощи осуществлен ряд мероприятий. В частности, города и районы были обеспечены 23 автомобилями скорой помощи марок «Nissan» и «Hyundai». Передача городским и районным медицинским объединениям автомашин «Cobalt» отечественного производства стала ярким свидетельством внимания, уделяемого данной сфере.

В Ферганской области в 2019–2020 годах реализовано 643 инвестиционных проекта на общую сумму 26,4 триллиона сумов.

Было построено по инвестиционному проекту 135 больниц на начало 2018 года, до этого в регионе существовало 776 больниц. На начало 2018 года капитально отремонтировано 575 поликлиник из 1000 поликлиник в регионе.

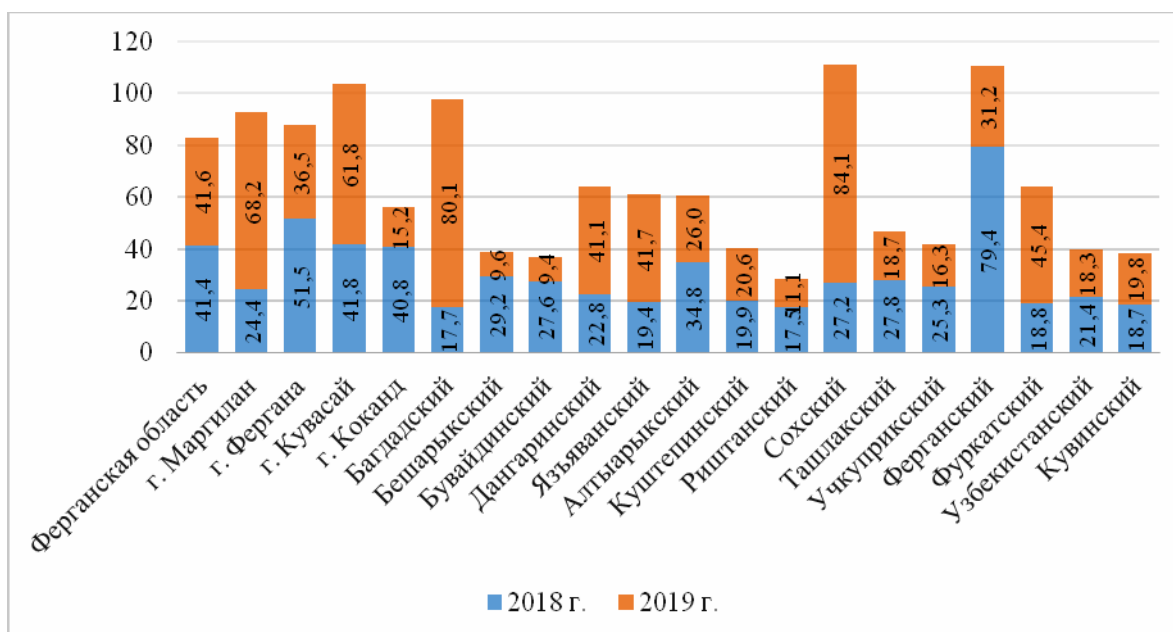
¹ <https://unctad.org/SearchCenter/Pages/results.aspx?k=investment%20projects>

Источник: Итоги инвестиционной деятельности Республики Узбекистан за 2019 г. – <https://mift.uz/ru/news/itogi-investitsionnoj-deyatelnosti-respubliki-uzbekistan-za-2019-g>

Рисунок 1.
Освоение иностранных инвестиций и кредитов в Республике Узбекистан (млн. долл. США)

В Ферганской области на начало 2018 года обеспеченность койками стационарных учреждений составила 41,4 а в 2019 году 41,6 (рис. 2) Самые низкие показатели в 2018 году отмечены в Риштанском (17,5) и Багдадском (17,7) районах.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

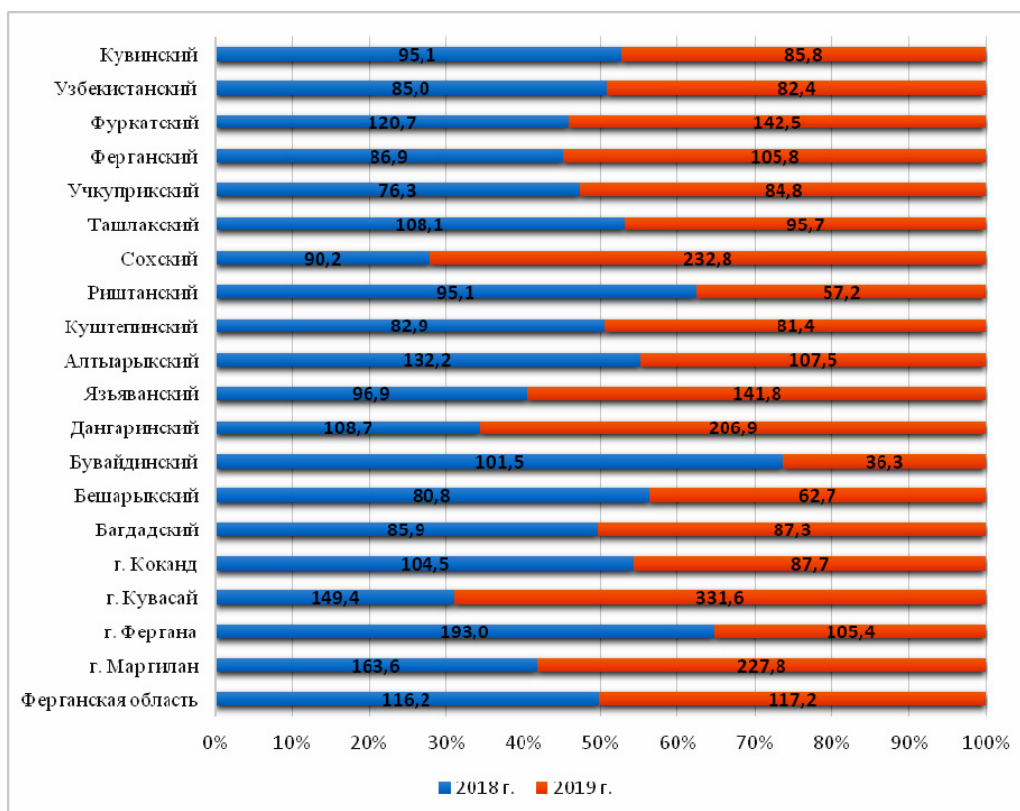
Рисунок 2.
Обеспеченность койками стационарных учреждений Ферганской области в разрезе районов (на 10 000 населения) за 2018–2019 гг.

В 2018 году по инвестиционным проектам 29 объектам в системе здравоохранения выделено 77,2 млрд. сумов (9 медицинских объединений, 15 сельских семейных поликлиник, 3 здания санэпидемстанций).

На реконструированных объектах выполнено строительно-монтажных работ на сумму 44,8 млрд. сумов. Из них 24 объекта были отремонтированы и введены в эксплуатацию.

Контрактная стоимость строительства и ремонта 17 объектов здравоохранения по инвестиционным проектам в 2019 году составила 69,4 млрд. сумов.

По состоянию на 1 января 2020 года строительные и ремонтные работы завершены и сданы в эксплуатацию на 14 объектах. Остальные 3 объекта планируется ввести в эксплуатацию в 2020 году.

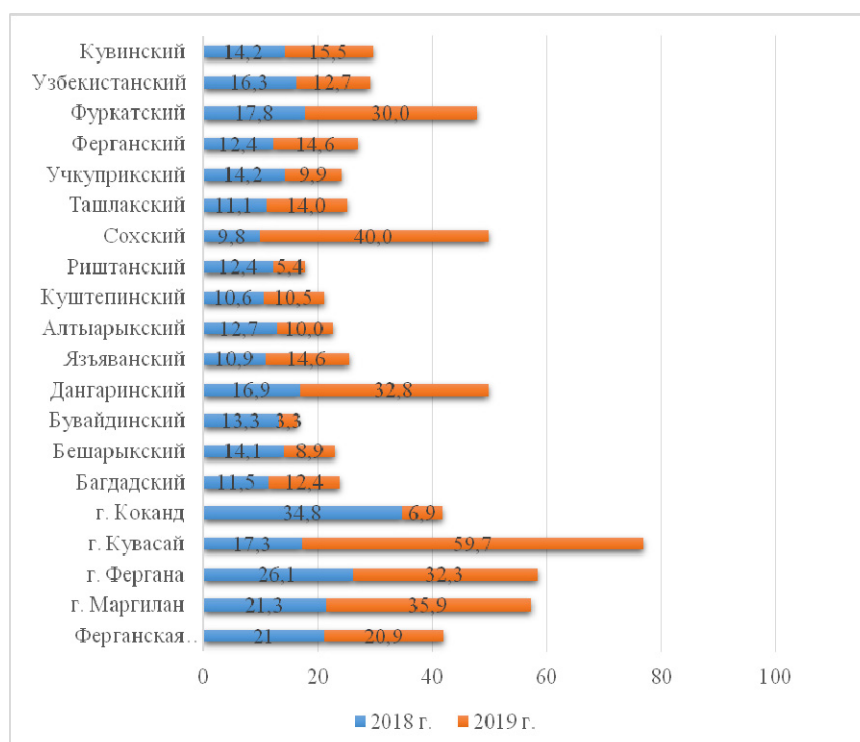

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 3.
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 населения за 2018–2019 гг. на 1 смену Ферганской области в разрезе районов

Джизакская область. В 2019–2020 в Джизакской области введется сотрудничество с известной немецкой компанией VAMs GmbH.

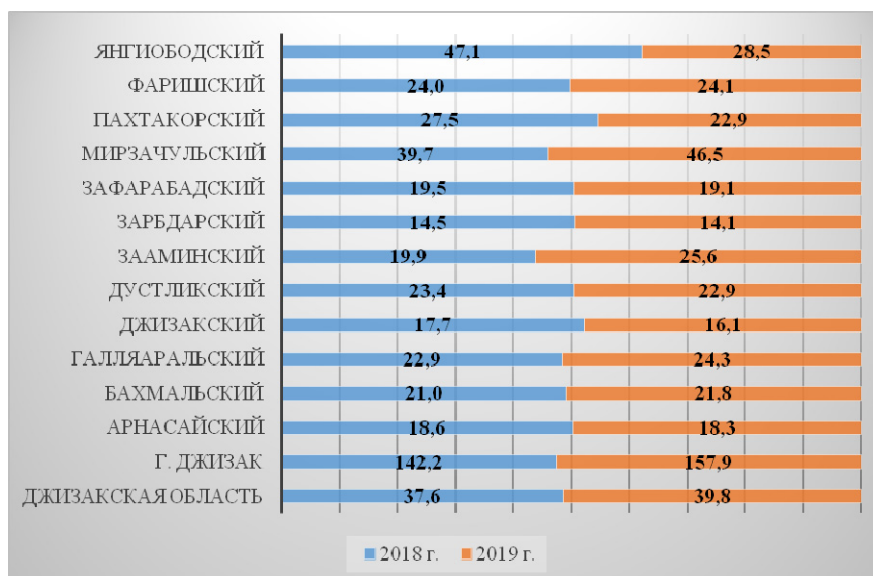
Первостепенной целью сотрудничества стала реализация инвестиционного проекта в области нефрологической и гемодиализной помощи населению нашей страны.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 4.
Обеспеченность врачами на 10 тыс. человек за 2018–2019 гг. Ферганской области в разрезе районов

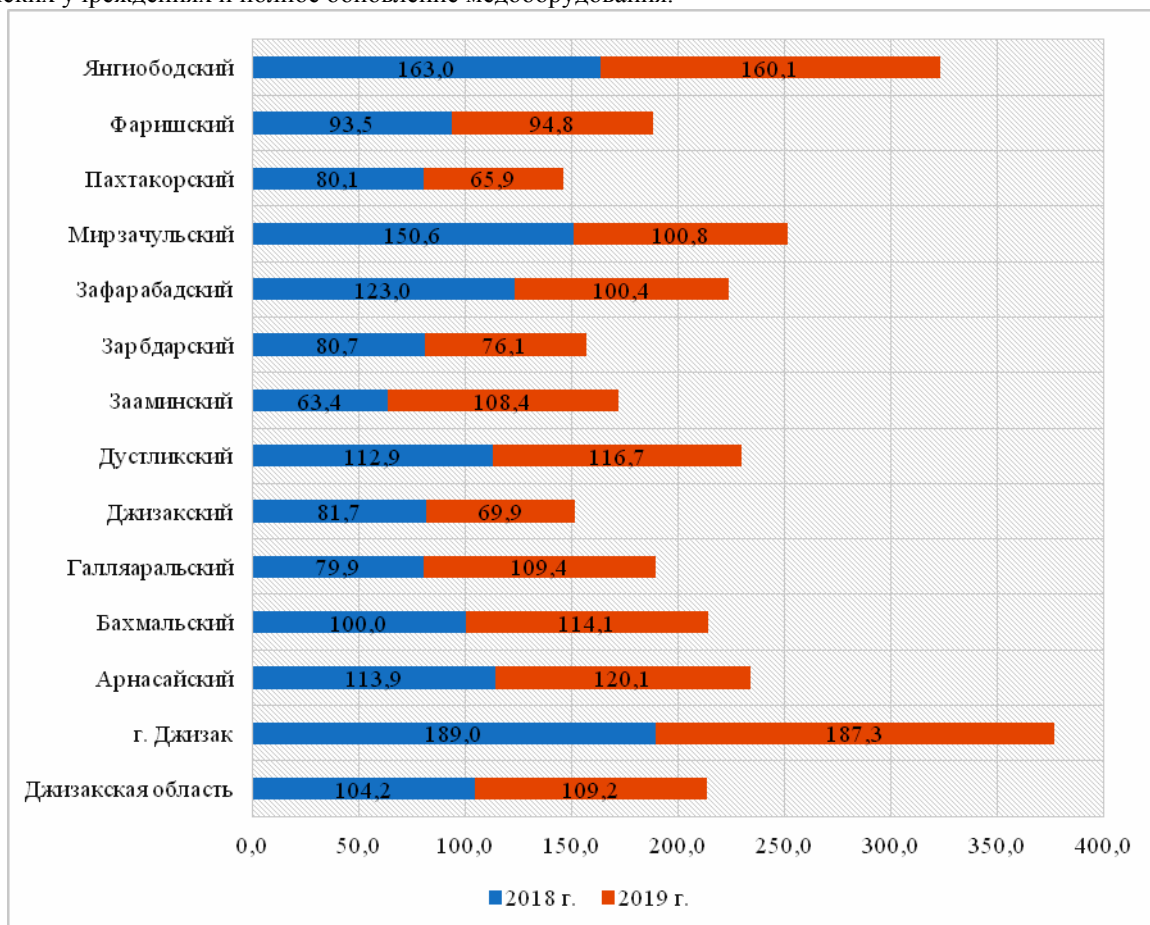
В Джизакской области на начало 2018 года обеспеченность койками стационарных учреждений составила 37,6, а в 2019 году 39,8 (рис. 5) Самые низкие показатели в 2019 году отмечены в Зарбдарском (14,1) и Джизакском (16,1) районах.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Рисунок 5.
Обеспеченность койками стационарных учреждений (на 10 000 населения) за 2018–2019 гг. Джизакской области в разрезе районов

Кроме того, по инвестиционному проекту привлечены частные инвестиции в систему здравоохранения области, направленные на создание производственного комплекса по выпуску изделий медицинского назначения и фармацевтической продукции в области нефрологии. Осуществлена модернизация существующих отделений гемодиализа в медицинских учреждениях и полное обновление медоборудования.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан

Рисунок 6.
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 населения за 2018-2019 гг. на 1 смену Джизакской области в разрезе районов

Среди районов и городов Джизакской области самые высокие показатели по мощности амбулаторно-поликлинических учреждений на 1 смену в городе Джизак в 2018 году 189, в 2019 году составляет 187,3 (рис. 6).

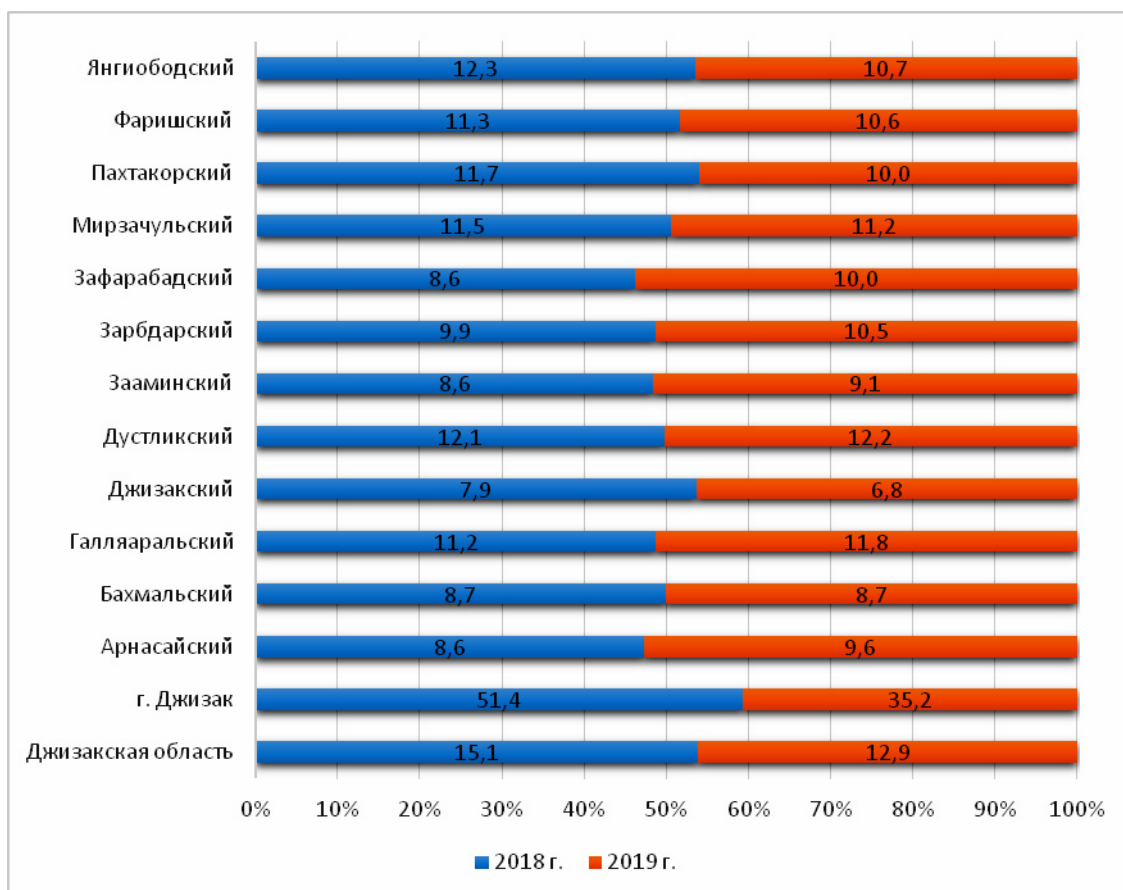
На принципах государственно-частного партнерства появится до 20 новых медицинских клиник гемодиализа. В 2019 году такой центр гемодиализа был открыт в городе Джизак. Также построен завод по выпуску медицинских материалов для гемодиализа.

Планируемый объем инвестиций в рамках данного соглашения составляет 27 миллионов долларов в период до 2022 года.

В области по инвестиционному проекту 2019 году капитально отремонтировано 110 больниц, 100 поликлиник.

За отчетный период Министерство здравоохранения выделило 11 947,5 млрд. сумов (1250,0 млн. долларов США) иностранных инвестиций и кредитов под гарантии правительства для улучшения и построении новых объектов в системе здравоохранения в Джизакской области.

По показателю обеспеченность врачами на 10 тыс. человек в 2018-2019 гг. самые низкие показатели у Джизакского района, в 2018 году 7,9, а в 2019 году – 6,8. Самые высокие показатели – в городе Джизак: в 2018 году – 51,4, в 2019 году – 35,2 (рис. 7).

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан

Рисунок 7.

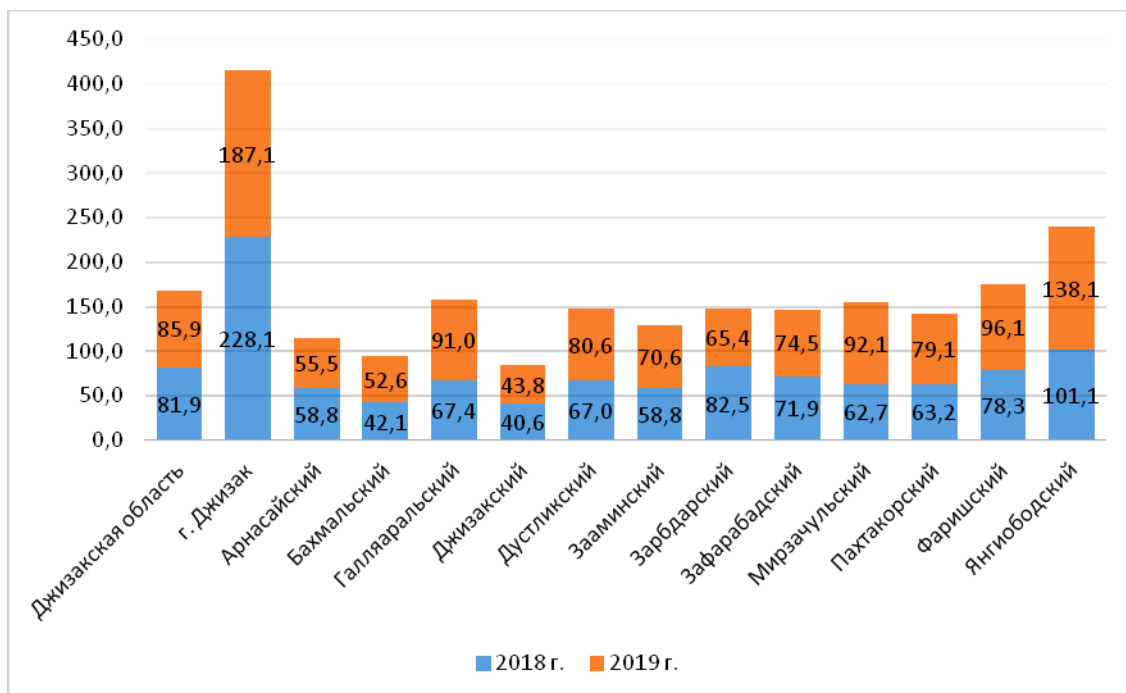
Обеспеченность врачами на 10 тыс. человек за 2018–2019 гг. Джизакской области в разрезе районов

По показателю обеспеченности средним медперсоналом на 10 000 населения в Джизакской области лидирует город Джизак с показателем 228,1 в 2018 году и 187,1 в 2019 году.

Город Ташкент. Совместно с инвесторами турецкой компании «Кани Мед Хелс» создается лабораторный центр, при участии индийской компании «Pratiksha Hospital Group» строится многопрофильный врачебный центр. Арабская компания «Khalifa Bin Zayed Al Nahyan Foundation» помогает в строительстве и оснащении клиники «Матери и ребенка». Немецкий банк KfW вкладывается в оснащение региональных многопрофильных медицинских центров современным медицинским оборудованием.

В настоящее время немало внимания уделяется развитию частного сектора здравоохранения. При участии иностранных инвесторов создано около 50 крупных частных медицинских учреждений, которые функционируют как в столице, так и во всех регионах республики.

Если в 2018 году, благодаря поддержке международных финансовых институтов в отрасли здравоохранения при реализации шести проектов было освоено 24 млн. долл., то в 2019 году эта цифра увеличилась в разы. По реализации восьми проектов до конца текущего года предусмотрено освоение 110 млн. долларов США.

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан

Рисунок 8.
Обеспеченность средним медицинским персоналом (на 10 000 населения) за 2018–2019 гг.
Джизакской области в разрезе районов

Особое внимание уделяется привлечению инвестиций в фармацевтическую отрасль. За 2018 год в фармацевтической отрасли реализованы 34 инвестиционных проекта на сумму 96 млн. долл., в том числе на территории семи свободных экономических зон реализовано 8 проектов на сумму 61 млн. долл. Работа продолжается по реализации 30 проектов на сумму 169 млн. долларов США. В 2019 году запланирована реализация 101 инвестиционного проекта на общую сумму 485 млн. долларов США

Следующая поставленная задача во время кризиса – это оптимизация расходов на инвестиционные проекты, которую можно продемонстрировать на примере перераспределения ресурсов в объеме 450 млрд. сумов из инвестиционной программы на другие цели в виде освоения 40 тысяч гектаров земель и последующего создания 80 тыс. постоянных рабочих мест, что в свою очередь является мерой, направленной на сокращение бедности во время пандемии.

Принято решение расширить поддержку отечественных инвесторов, то есть обеспечить распространение существующих преференций для иностранных инвесторов и на местных инвесторов. Например, при превышении стоимости проекта определенного порога некоторые потребности проекта будут удовлетворены за счет государственной казны.

Подобные изменения во время пандемии весьма актуальны. К примеру, в марте 2020 года КНР обязал свободные экономические зоны предпринять ускоренные действия, направленные на обеспечение китайским и иностранным компаниям равного доступа к режиму преференциальной политики.

Меры и механизмы для качественного формирования параметров Инвестиционной программы:

- Сокращение времени обработки заявок на инвестиции и упрощение процедур налогообложения.
- Предоставление своевременных и соответствующих административных консультаций; информирование заявителей о состоянии их заявок.
- Поощрение и развитие институционального сотрудничества, координация.
- Сведение к минимуму затрат инвесторов в процессе утверждения инвестиций.
- Облегчение, в рамках соответствующего законодательства, въезда и пребывания персонала инвестиционного проекта (облегчение выдачи виз, устранение бюрократических препятствий).
- Упрощение процесса подключения к необходимой инфраструктуре общественных услуг.
- Проведение периодических обзоров инвестиционных процедур, обеспечение их простоты и прозрачности.
- Создание механизмов для широкого распространения надлежащей административной практики, применяемой в особых экономических зонах.

Выводы. В условиях распространения COVID-19 правительства и международные организации принимают обширный пакет программ по предотвращению худшего исхода для мировой экономики. В аспекте инвестиционной политики это означает, прежде всего, поддержание приемлемого уровня ликвидности компаний, стимулирование инвестиций в наиболее пострадавших из-за коронавируса отраслей, предоставление бизнесу максимальной административной поддержки в повседневной деятельности, поддержание баланса в цепях поставок и обеспечение национальной безопасности в отношении ключевых отраслей.

В заключении стоит сказать, что пандемия может замедлить разработку и реализацию инвестиционной политики. Снижение административного бремени для фирм и устранение бюрократических препятствий способствует более эффективным производственным процессам и привлечению иностранных инвестиций.

Динамичная реализация инвестиционных проектов является одной из ключевых задач в стабилизации экономики в свете ожиданий падения потоков глобальных инвестиций в краткосрочной перспективе из-за ситуации с пандемией.

В этот период очень важно пересмотреть существующие проекты с точки зрения приумножения существующих мощностей, создания новых рабочих мест. Также, есть потребность в диверсификации притоков ПИИ в другие отрасли, в оптимизации расходов, направленных на борьбу с бедностью в период пандемии, в создании равных условий для местных и иностранных инвесторов и во внедрении электронных платформ для обеспечения непрерывности инвестиционных услуг.

В 2020 и последующих годах будет продолжена работа по активному привлечению прямых иностранных инвестиций, диверсификации их направлений для реализации проектов в приоритетных направлениях таких, как электроэнергетика, химическая отрасль, производство электротехнической продукции, IT-технологии, легкая промышленность, сельское хозяйство и производство строительных материалов. Акцент сохранится на увеличении количества производств по глубокой переработке сырьевых материалов с созданием цепочек высокой добавленной стоимости.

Согласно Инвестиционной программе, утвержденной постановлением Президента Республики Узбекистан от 9 января 2020 года № ПП-4563 в 2020 году за счет всех источников финансирования освоение инвестиций в основной капитал прогнозируется в объеме 233,2 трлн. сум, из них прямые иностранные – 7,1 млрд. долл., иностранные инвестиции и кредиты под государственную гарантию – 2,7 млрд. долл.

В 2020 году предусматривается сдача в эксплуатацию более 2 тыс. объектов социального, инфраструктурного и производственного назначения: 206 новых крупных производственных мощностей, 240 производственных объектов регионального назначения, 1,6 тыс. объектов социального и инфраструктурного назначения¹.

¹ <https://invest.gov.uz/ru/mediacenter/news/results-of-investment-activity-of-the-republic-of-uzbekistan-for-2019/>

Наркевич Л.В.

к.э.н., доцент, Белорусско-Российский университет, Могилев

Степанова В.В.

студент, Белорусско-Российский университет, Могилев, Беларусь

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: туристическая индустрия, туристическая организация, санаторно-курортная организация.

Keywords: tourism industry, tourist organization, health-resort organization.

Развитие туристической индустрии является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Индустрия международного туризма выступает в качестве сложной системы, которая характеризует уровень развития национальной экономики. Туристская индустрия и ее развитие обуславливают решение общеэкономических проблем, связанных с увеличением доходов и занятостью населения, обеспечивая динамичное развитие сопряженных секторов экономики¹.

Уровень развития туристической сферы в значительной мере определяется инфраструктурой туризма, включающей в себя гостиницы и другие средства размещения, санаторно-курортные и оздоровительные организации, различные объекты культуры, искусства и физкультурно-спортивного сооружения. Результатом принятых мер стало усиление роли в экономике Беларуси сектора туристической индустрии. Трансформация туристической индустрии в фактор устойчивого развития регионов требует комплексного подхода к разработке теоретико-методологических и практических аспектов данной тематики, среди которых особую значимость имеет построение объективной информационно-аналитической системы управления в секторе туристической индустрии регионального развития. В проведенном исследовании регламент аналитических процедур оценки уровня развития туристической индустрии Могилевского региона включил ряд количественных и качественных индикаторов, взаимосвязанных по аналитическим блокам: анализ динамики количественных параметров развития туристической индустрии Республики Беларусь, в том числе в региональном разрезе; анализ региональной и отраслевой структуры туристической индустрии Республики Беларусь; анализ динамики качественных параметров вклада туристической отрасли в устойчивое развитие экономики Могилевской области по критериям роста удельного веса в макроэкономических параметрах; управление изменениями в части установления взаимосвязи между изученными показателями. Статистический анализ макроуровневых параметров динамики туристической индустрии, эффективности деятельности туристических организаций ориентирован на оценку уровня развития туризма, тенденций, проблем и перспективы его развития. В данном блоке исследованы: количественные и качественные параметры развития туристической индустрии в Республике Беларусь; уровень инновационного развития и вклад туристической индустрии в макроэкономические показатели устойчивого развития республики, в том Могилевского региона.

По итоговой строке таблицы 1 отмечен среднегодовой прирост по всем количественным параметрам за исключением снижения количества мест (коек) санаторно-курортных и оздоровительных организаций – на 0,08% при одновременном росте количества данного типа организаций на 1,10% в среднем за 2013–2018 гг.

Таблица 1

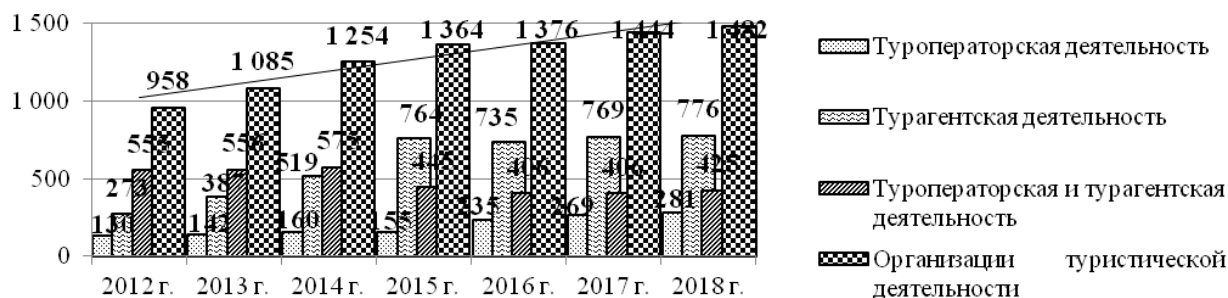
Динамика количественных параметров субъектов туристической индустрии Беларуси²

Дата	Санаторно-курортные, оздоровительные организации		Гостиницы и аналогичные средства размещения		Дома охотника, рыбака, охотничьи комплексы	Агроусадьбы (количество)
	количество ед.	вместимость, тыс. ед.	количество ед.	вместимость, тыс. ед.		
01.01.2014 г.	464	49	481	29908	103	1881
01.01.2015 г.	466	46,9	530	35424	114	2037
01.01.2016 г.	475	47	539	36951	119	2263
01.01.2017 г.	481	47,1	571	38613	126	2279
01.01.2018 г.	486	48,2	586	38632	130	2319
01.01.2019 г.	490	48,8	587	38444	132	2473
Среднегодовой темп изменения, %						
2014–2018 гг.	101,10	99,92	104,06	105,15	105,09	105,63

¹ Богомазова И.В. Рынок международного туризма: состояние и тенденции развития / И.В. Богомазова, О.В. Яковенко // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2016. – № 2 (8). – С. 7–14.

² Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_667

Рассматриваемый временной интервал характеризуется ростом количества: санаторно-курортных и оздоровительных организаций – на 1,10%; гостиниц и аналогичных средств размещения – на 4,06%; домов охотника – на 5,09%; агроусадб – на 5,63%. По итогам 2018 г. Беларусь победила в номинации «Агротуризм» рейтинга National Geographic Traveler Awards 2018; Беларусь вошла в ТОП-10 лучших стран для путешествий в 2019 г. по версии международного издательства Lonely Planet (8 место); Американский лайфстайл-журнал PureWow включил Брест в список малоизвестных мест, которые стоит посетить в 2019 г.; Минск вошел в ТОП-10 городов, рекомендованных британской газетой Independent для посещения в 2019 г.; Минск признан самым популярным в СНГ городом для путешествий на майские и осенние праздники, для отдыха на Новый год и на Международный женский день, и шопинга в 2018 году¹. По состоянию на 1 января 2019 г. количество организаций туристической индустрии составило 1 482 организации, что на 54,70% выше уровня 2012 г. и на 2,63% относительно уровня 2017 г. (рис. 1).

Количество организаций	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Организации туристической деятельности	958	1 085	1 254	1 364	1 376	1 444	1 482
Базовый тренд, %	100,00	113,26	130,90	142,38	143,63	150,73	154,70
Цепной тренд, %	—	113,26	115,58	108,77	100,88	104,94	102,63

Рисунок 1.

Количественные параметры динамики организаций, осуществлявших туристическую деятельность в Республике Беларусь²

Отмечена тенденция специализации деятельности субъектов на рынке туристических услуг, о чем свидетельствует рост специализированных компаний, осуществляющих туроператорскую или турагентскую деятельность при одновременном снижении комплексных операторов, работающих на платформе и туроператорской, и турагентской деятельности. Число организаций с турагентской деятельностью в 2018 г. составило 776 единиц и выросло за 7 лет в 2,84 раза; туроператорская деятельность также приросла за период в 2,16 раза. Для организаций в сегментах туроператорской и турагентской деятельности отмечена тенденция снижения: соответственно количество организаций составило в 2018 г. 425 единиц и снизилось на 2,42% относительно 2012 г., но и выросло относительно 2017 г. на 4,68%. Приведенные данные дополнены структурной диаграммой (рис. 2), где наглядно просматривается приоритетная доля организаций, специализирующихся на турагентской деятельности (удельный вес находится в диапазоне 28,50–52,36%).

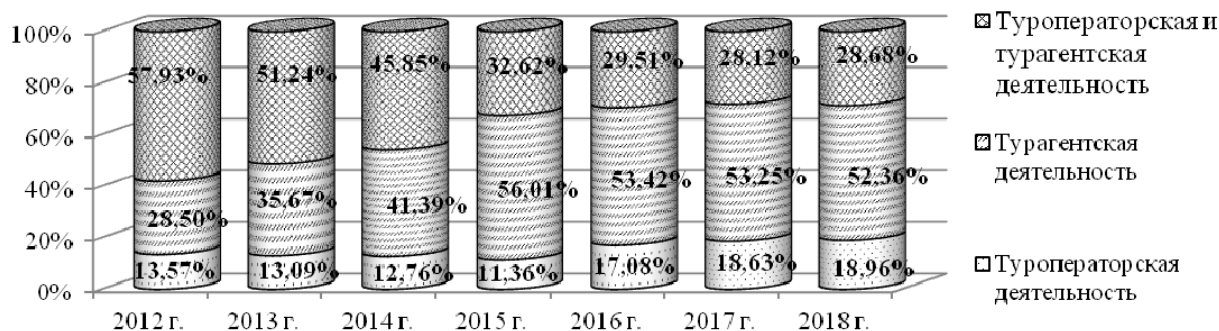

Рисунок 2.

Структурная динамика туристических организаций Республики Беларусь по видам деятельности³

Соответственно долевое участие туроператорских организаций и организаций, в комплексе осуществляющих туристические услуги, распределилось следующим образом: 13,57–18,96% и 57,93–28,68%. Структурная динамика характеризуется уменьшением удельного веса универсальных туристических организаций с 57,93% в 2012 г. до 28,68% в 2018 г. Распределение количества туристических организаций по областям за 2018 г. показывает наиболь-

¹ Беларусь названа лучшей страной в агротуризме. – <https://agronews.com/ru/ru/news/breaking-news/2018-10-08/belarus-luchsha-ja-strana-v-agroturizme>

² Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_667

³ Там же.

ший удельный вес по г. Минску и Витебской области: соответственно 49,7 и 10,6%; также по Гомельской области – 9,4% (рис. 3).

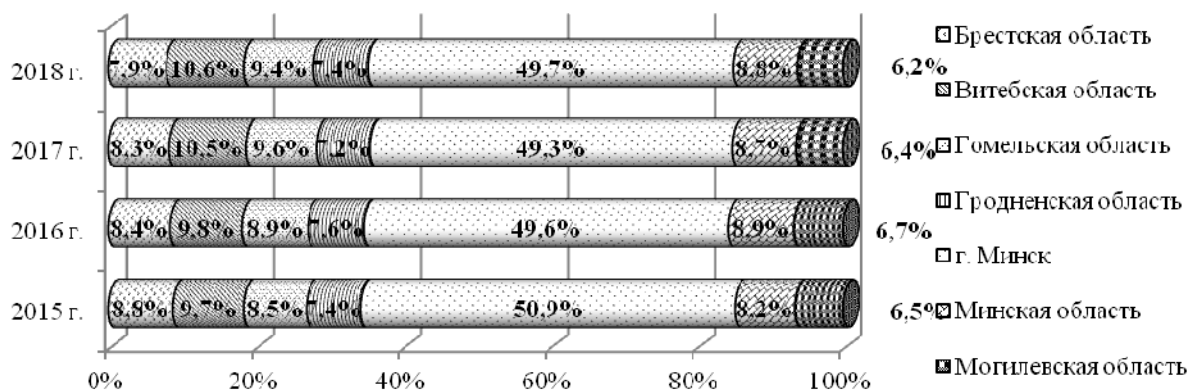

Рисунок 3.
Региональная структура распределения количества туристических организаций по областям и г. Минску за 2015–2018 гг.¹

Отмечено относительное постоянство региональной структуры присутствия туристических организаций по удельному весу: наибольший удельный вес в рассматриваемом временном интервале 2015–2018 гг. приходится на г. Минск (соответственно по годам 50,9%; 49,6; 49,3; 49,7%), также Витебскую область (9,7%; 9,8; 10,5; 10,6%). Удельный вес туристических организаций в Брестской, Минской, Гомельской и Гродненской областях отмечен в диапазоне 8–10%. Доля субъектов туристического рынка Могилевской области определена в 2018 г. в размере 8,2%, что на 0,3 п.п. ниже уровня 2012 г.

Менее равномерным является распределение туристической индустрии по видам деятельности в областях республики (рис. 4).

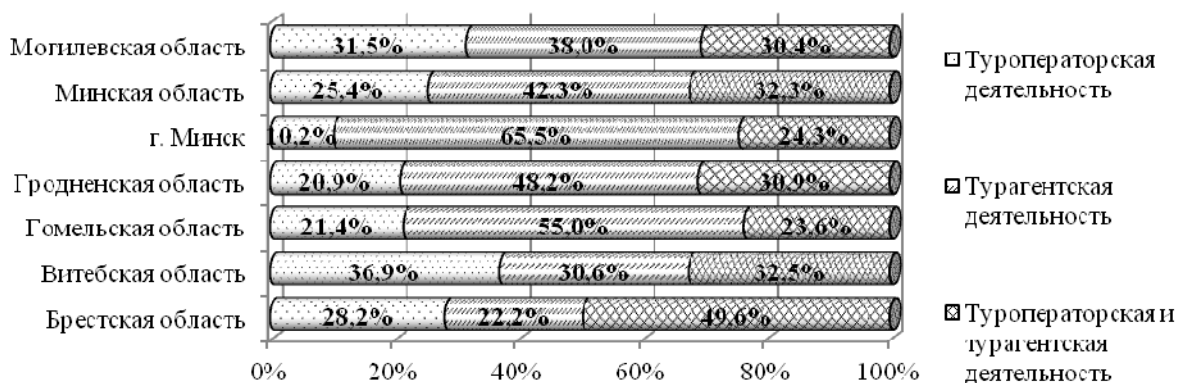

Рисунок 4.
Региональная структура распределения количества туристических организаций по видам деятельности в 2018 г.²

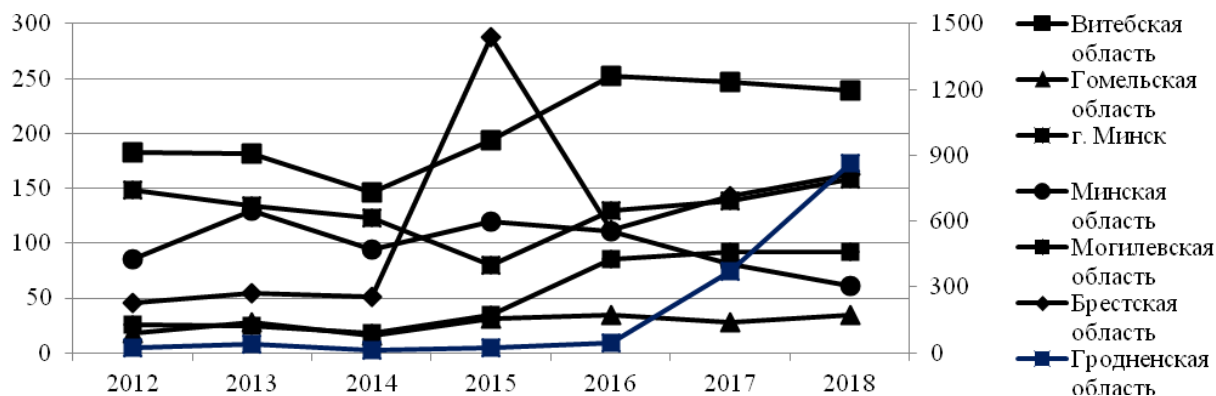
Наибольший удельный вес организаций с туроператорской деятельностью отмечен в Витебской и Могилевской областях: соответственно 36,9 и 31,5%. Наибольшая доля турагентств отмечена в г. Минске (65,5%); в Гомельской области (55,0%). Универсальные туристические организации имеют значительный удельный вес в туристической индустрии Брестской области (49,6%).

Уровень загрузки организаций, осуществлявших туристическую деятельность, в региональном разрезе представлен на рис. 5 (в соответствии с данными по организованному туризму).

Наиболее активными по численности туристов и экскурсантов, посетивших страну, в среднем на одну туристическую организацию являются Брестская и Гродненская области (данные правой оси графика, рис. 5): в 2018 г. соответственно по областям 815 и 862 чел./ед. При этом по Гродненской области в период 2012–2016 гг. годовой оборот на одну туристическую организацию варьировался на уровне 14–45 чел./ед., а в 2017 г. показатель увеличился в 8,3 раза относительно 2016 г. и составил 373 чел./ед., в 2018 г. – 862 чел./ед.

¹ Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_667

² Там же.

Регион	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Брестская область	229	269	254	1438	558	712	815
Витебская область	183	181	146	194	253	247	240
Гомельская область	18	28	16	32	34	28	34
Гродненская область	24	38	14	21	45	373	862
г. Минск	148	134	123	80	129	139	158
Минская область	85	130	95	120	110	81	61
Могилевская область	25	24	18	35	86	92	92
В среднем по РБ	124	126	110	203	158	196	247

Примечание: Брестская область, Гродненская область представлены на графике по второй оси (справа).

Рисунок 5.

Динамика численности туристов и экскурсантов, посетивших РБ, в среднем на одну туристическую организацию по областям, чел./ед.¹

По Брестской области наибольший приток туристов наблюдался в 2015 г. (1438 чел./ед.); в 2016 г. отмечен спад до уровня 558 чел./ед. к 2018 г. рост до 815 чел./ед. Среди остальных областей (данные по динамике численности туристов и экскурсантов, посетивших Беларусь, в среднем на одну туристическую организацию по левой оси графика, рис. 5) наиболее высокие показатели отмечены в Витебской области (в 2018 г. 240 чел./ед.); в г. Минске и Минской области (158 и 61 чел./ед.); в Могилевской области – 92 чел./ед. Существенные различия в развитии туристической отрасли, в том числе туристической индустрии наблюдаются по регионам. Выше было показано, что наибольшее количество коллективных средств размещения зарегистрировано в Минске и Минской области, Витебской, Гомельской, Брестской областях: данные регионы обеспечивают положительную динамику численности туристов и экскурсантов, посетивших республику, в среднем на одну туристическую организацию по областям (рис. 3, 5). В Гродненской и Могилевской областях удельный вес туристических организаций соответственно незначительно более 7% (2018 г. 7,4%) и 6% (2018 г. 6,2%). Но при этом количество туристов на одну организацию в Гродненской области в 2018 г. имеет наибольшее значение 862 чел./ед.; высоким является качественный параметр оборота туристов и для Брестской области.

Рассматриваемый временной интервал характеризуется практически пропорциональным соотношением темпов роста объема рынка гостиничных услуг: среднегодовой темп роста числа гостиниц за 2012–2018 гг. составил 102,97 % при среднегодовом увеличении количества гостиничных номеров на 2,97 % (табл. 2).

Таблица 2

Анализ динамики индикаторов деятельности гостиниц и аналогичных средств размещения Могилевской области²

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Среднегодовой темп изменения, %
Число гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	52	55	55	54	58	56	62	102,97
Число номеров (на конец года), ед.	1884	1942	2028	2071	2115	2102	2 164	102,34
Единовременная вместимость (на конец года), мест	3093	3322	3494	3708	3884	3820	4193	105,20
Численность размещенных лиц, тыс. чел.	188	182,3	160,5	143,2	136,6	142,0	159,8	97,33
Выручка, поступившая от размещения, млн. руб.	6,16	7,96	9,43	8,73	8,2	8,3	10,5	109,30
Коэффициент загрузки, %	45	39	33	27	22	22	24	90,05

Единовременная вместимость гостиничного комплекса Могилевской области на 31.12.2018 г. составила 4193 мест и выросла относительно базисного периода на 35,56%; относительно предыдущего периода – на 9,76%; среднегодовой прирост составил 5,20%.

¹ Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_667

² Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. – <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

Отмечена отрицательная динамика снижения численности размещенных лиц в гостиничном комплексе: в 2018 г. объем реализованного спроса составил 159,8 тыс. человек и снизился относительно 2012 г. на 15,0%; прирост параметра к 2017 г. составил 12,53%; среднегодовое снижение – 2,67%. Коэффициент загрузки гостиниц значительно снизился в 2012–2015 гг. (с 45% в 2012 г. до 27% в 2015 г.); в 2016–2017 гг. уровень загрузки составлял 22%; незначительный рост отмечен в 2018 г. – на 2 п.п. относительно предыдущего года. Приведенная отрицательная динамика объема спроса сопровождается ростом выручки от реализации гостиничных услуг. Одновременно установлен динамический рост оборота гостиничного комплекса в стоимостном выражении, что соответствует увеличению цен на гостиничные услуги. Выручка, поступившая от размещения туристов в гостиницах и аналогичных средствах размещения, в 2018 г. составила 10,5 млн. руб., что указывает на значительную динамику в рамках рассматриваемого временного интервала: базисный темп роста составил 70,45%; цепной темп роста – 26,51%; среднегодовой прирост за период – 9,30%. Произведен аналогичный анализ динамики количественных параметров санаторно-курортных, оздоровительных организаций и других специализированных средств размещения с эффектом влияния на устойчивое развитие Могилевской области (табл. 3).

Таблица 3

Анализ динамики показателей деятельности санаторно-курортных, оздоровительных организаций и других специализированных средств размещения¹

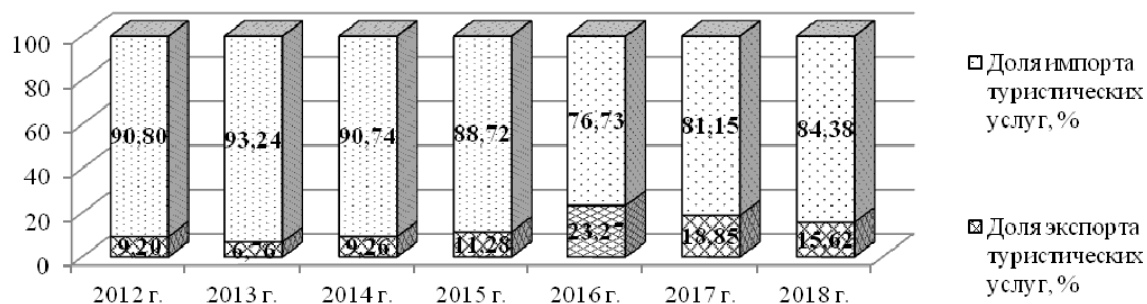
Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Среднегодовой темп изменения, %
Число санаторно-курортных организаций, ед.	47	50	46	49	52	49	50	101,04
Число мест (коек), тыс. ед.	3	3,1	2,9	2,9	2,9	2,9	2,8	98,86
Размещено лиц, тыс. чел.	38,4	39,9	38,8	43,3	39,7	39,2	41,3	101,22
в том числе (количество, ед.):								
санатории	8	8	7	9	9	9	9	101,98
базы, дома отдыха, пансионаты	18	19	17	17	18	17	17	99,05
дома охотника, рыбака, комплексы	13	14	13	13	15	15	17	104,57
другие специализированные средства	8	9	9	10	10	8	7	97,80
в том числе (количество мест, тыс. ед.):								
санатории	1,7	1,8	1,6	1,8	1,8	1,8	1,7	100,00
базы, дома отдыха, пансионаты	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	97,46
дома охотника, рыбака, комплексы	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	100,00
другие специализированные средства	0,5	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	96,35
в том числе (размещено лиц, тыс. чел.):								
санатории	25,1	26,7	24,6	29,1	28,2	28,6	30,0	103,02
базы, дома отдыха, пансионаты	8,4	8,4	8,8	6,2	5,2	5,2	5,6	93,47
дома охотника, рыбака, комплексы	1,4	1,6	1,9	1,9	2,2	2	2,1	106,99
другие специализированные средства	3,5	3,2	3,5	6,1	4,1	3,4	3,6	100,47
Выручка, поступившая от размещения, млн. руб.	7,7	10,6	11,5	14,7	15,8	17,1	18,0	115,33

Аналитическая информация показывает прирост количества обозначенных средств размещения туристов в целом: количественный уровень в 2018 г. составил 50 единиц, что соответствует среднегодовому приросту в размере 1,04%. В том числе тенденция роста определена по числу санаториев (среднегодовой темп роста 101,98%); охотничьих домов, домов рыбака, охотничьих комплексов (среднегодовой темп роста 104,57%). Незначительное снижение отмечено по базам, домам отдыха, пансионатам и другим специализированным средствам: среднегодовые темпы снижения соответственно 99,05; 97,8%. Аналогичный тренд выявлен по параметрам количества мест и числа размещенных лиц: объем предложения мест практически не изменился по санаториям, охотничьим комплексам (среднегодовой темп изменения 100,0%); снизился по строкам: баз отдыха (в среднем на 2,54%); других специализированных средств (в среднем на 3,65%). Выручка, поступившая от размещения, в целом по объектам в 2018 г. составила 18 млн. руб., что соответствует среднегодовому приросту за период 2012–2018 гг. в размере 15,33%. Положительное влияние определено ростом доходов от размещения лиц в санаториях, домах охотника, рыбака и других специализированных средствах.

Общий оборот по туристическим услугам в системе международного туризма составил в 2018 г. 54 335 человек, что соответствует положительному тренду роста в 2012–2018 гг.: среднегодовой темп роста составляет 114,90% (рис. 6).

Графическая интерпретация наглядно показывает преобладающий удельный вес импорта туристических услуг и одновременно положительный тренд роста доли туристов, отправленных за рубеж организациями, осуществлявшими туристическую деятельность. В 2018 г. удельный вес импорта туристических услуг составил 84,38% и вырос относительно 2016 г. на 7,65 п.п.; относительно 2012 г. – снизился на 6,42 п.п. В период 2012–2018 гг. установлено отрицательное сальдо международных туристических потоков по количеству туристов: наибольшее превышение импорта над экспортом определено в 2018 г. в размере – 37 363 человек. Таким образом, структурная динамика оборота по туристическим услугам отвечает установленному тренду сальдо экспорта-импорта туристических услуг: в 2012–2018 гг. превышение доли импорта туристических услуг относительно экспорта, что взаимосвязано с отрицательной величиной сальдо.

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. – <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность туристов, посетивших РБ, чел.	2173	2145	1670	3077	7895	8447	8486
Численность туристов, отправленных за рубеж из РБ, чел.	21 441	29 608	16 360	24 190	26 034	36 369	45 849
Общий оборот туристических услуг, чел.	23 614	31 753	18 030	27 267	33 929	44 816	54 335
Сальдо оборота туристических услуг, чел.	-19 268	-27 463	-14 690	-21 113	-18 139	-27 922	-37 363
Доля экспорта туристических услуг, %	9,20	6,76	9,26	11,28	23,27	18,85	15,62
Доля импорта туристических услуг, %	90,80	93,24	90,74	88,72	76,73	81,15	84,38

Рисунок 6.
Структурная динамика туристических услуг Могилевской области, %¹

Выводы. На основе вышеизложенного можно отметить следующие тенденции развития туристической индустрии Республики Беларусь:

- отмечается устойчивый тренд роста количества во всех секторах субъектов туристической индустрии: временной интервал 2012–2018 гг. характеризуется ростом количества санаторно-курортных и оздоровительных организаций; гостиниц и аналогичных средств размещения; домов охотника; агроусадеб (среднегодовой прирост соответственно составил 1,10%; 4,06; 5,09; 5,63%);

- установлена тенденция специализации деятельности субъектов на рынке туристических услуг, о чем свидетельствует рост специализированных компаний, осуществляющих туроператорскую или турагентскую деятельность при одновременном снижении комплексных операторов, работающих на платформе и туроператорской, и турагентской деятельности: приоритетная доля организаций, специализирующихся на турагентской деятельности, в 2012–2018 гг. соответствует удельному весу в диапазоне 28,50–52,36%; удельный вес универсальных туристических организаций уменьшился с 57,93% в 2012 г. до 28,68% в 2018 г.;

- отмечено относительное постоянство региональной структуры присутствия туристических организаций по удельному весу: наибольший удельный вес в 2015–2018 гг. приходится на г. Минск (соответственно по годам 50,9%; 49,6; 49,3; 49,7%), также Витебскую область (9,7%; 9,8; 10,5; 10,6%); доля субъектов туристического рынка Могилевской области составила в 2018 г. 8,2%, что на 0,3 п.п. ниже уровня 2012 г.;

- менее равномерным является распределение туристической индустрии по видам деятельности в областях республики: наибольший удельный вес организаций с туроператорской деятельностью отмечен в Витебской и Могилевской областях (36,9 и 31,5%); наибольшая доля турагентств отмечена в г. Минске (65,5%); в Гомельской области (55,0%); универсальные туристические организации имеют значительный удельный вес в туристической индустрии Брестской области (49,6%).

Анализ развития туристической отрасли в региональной экономике Могилевской области позволил выявить следующие тенденции:

- наиболее активными по численности туристов и экскурсантов, посетивших страну, в среднем на одну туристическую организацию являются Брестская и Гродненская области: в 2018 г. соответственно по областям 815 и 862 чел./ед. Среди остальных областей (данные по динамике численности туристов и экскурсантов, посетивших Беларусь, в среднем на одну туристическую организацию) наиболее высокие показатели отмечены в Витебской области (в 2018 г. 240 чел./ед.); в г. Минске и Минской области (158 и 61 чел./ед.); в Могилевской области – 92 чел./ед.;

- единовременная вместимость гостиничного комплекса Могилевской области на 31.12 2018 г. составила 4193 мест и выросла относительно базисного периода на 35,56%; относительно предыдущего периода – на 9,76%; среднегодовой прирост составил 5,20%. Отмечена отрицательная динамика снижения численности размещенных лиц в гостиничном комплексе: в 2018 г. объем реализованного спроса составил 159,8 тыс. человек и снизился относительно 2012 г. на 15,0%; прирост параметра к 2017 г. составил 12,53%; среднегодовое снижение – 2,67%;

- коэффициент загрузки гостиниц Могилевской области значительно снизился в 2012–2015 гг. (с 45% в 2012 г. до 27% в 2015 г.); в 2016–2017 г. уровень загрузки составил 22%; незначительный рост отмечен в 2018 г. – на 2 п.п. относительно предыдущего года.

- отрицательная динамика объема спроса сопровождается ростом выручки от реализации гостиничных услуг. Одновременно выявлен динамический рост оборота гостиничного комплекса в стоимостном выражении, что соответствует увеличению цен на гостиничные услуги. Выручка, поступившая от размещения туристов в гостиницах и аналогичных средствах размещения, в 2018 г. составила 10,5 млн. руб., что соответствует значительному росту динамики в

¹ Официальный сайт Главного статистического управления Могилевской области. – <http://mogilev.belstat.gov.by/o-belstate>

рамках рассматриваемого временного интервала: базисный темп роста составил 70,45%; цепной темп роста – 26,51%; среднегодовой прирост за период – 9,30%;

- анализ динамики количественных параметров санаторно-курортных, оздоровительных организаций и других специализированных средств размещения показывает прирост количества названных средств размещения туристов в целом: количественный уровень в 2018 г. составил 50 единиц, что соответствует среднегодовому приросту в размере 1,04%. В том числе тенденция роста определена по числу санаториев (среднегодовой темп роста 101,98%); охотничьих домов, домов рыбака, охотничьих комплексов (среднегодовой темп роста 104,57%). Незначительное снижение отмечено по базам, домам отдыха, пансионатам и другим специализированным средствам: среднегодовые темпы снижения соответственно 99,05; 97,80%;

- выручка, поступившая от размещения, в целом по объектам в 2018 г. составила 18 млн. руб., что соответствует среднегодовому приросту за период 2012–2018 гг. в размере 15,33%. Положительное влияние определено ростом доходов от размещения лиц в санаториях, домах охотника, рыбака и других специализированных средствах;

- оборот по туристическим услугам в системе международного туризма составил в 2018 г. 54 335 человек, что соответствует положительному тренду роста в 2012–2018 гг. (среднегодовой темп роста 114,90%. В 2018 г. удельный вес импорта туристических услуг составил 84,38% и вырос относительно 2016 г. на 7,65 п.п.; относительно 2012 г. – снизился на 6,42 п.п. В период 2012–2018 гг. установлено отрицательное сальдо международных туристических потоков по количеству туристов: наибольшее превышение импорта над экспортом отмечено в 2018 г. в размере – 37 363 человек;

- структурная динамика оборота по туристическим услугам отвечает установленному тренду сальдо экспорта-импорта туристических услуг: в 2012–2018 гг. превышение доли импорта туристических услуг относительно экспорта, что взаимосвязано с отрицательной величиной сальдо.

На основании информационно-аналитических данных выявлены стратегические приоритеты развития региональной экономики в сегменте туристической индустрии: развитие внутреннего и въездного туризма (по формату турпродукта: экологического, рекреационного, оздоровительного, водного, агроэкотуризма; культурно-познавательного и социального); создание современной развитой инфраструктуры, туристической среды, отвечающим по сервису услуг мировым стандартам; внедрение в туристическую деятельность передовых ИТ-технологий и инновационных маркетинговых инструментов; углубление интеграции туристической индустрии Беларуси в рамках Союзного государства, выход на новые международные рынки.

К перспективным направлениям инновационного развития туристической индустрии Могилевской области относятся: обеспечение достойного уровня широты и глубины туристического продукта за счет диверсификации, кооперации, сужения специализации, интернационализации, взаимосвязи мирового рынка с другими рынками; рост интенсивности развития туристического потенциала на базе цифровых возможностей ИТ-технологий; ориентация туристического спроса на региональные рынки Союзного государства, в первую очередь – Российской Федерации, развитие межрегионального туризма; повышение качества туристических и сопутствующих услуг, их реализация по конкурентным ценам, персонализации обслуживания.

Инновационное развитие туристической индустрии позволит обеспечить значительные поступления в бюджет, прежде всего за счет увеличения доходов от реализации туристических услуг и связанных с ними видов деятельности, в том числе валютных поступлений.

Петенко Т.А.

главный специалист Государственного комитета статистики ЛНР

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ – ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО И ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ АПК

Ключевые слова: кластер, сельские территории, агропромышленное производство, эффективность, предприятие, конкурентоспособность.

Keywords: cluster, rural territories, agro-industrial production, efficiency, enterprise, competitiveness.

Проблемы агропромышленного комплекса, сельского хозяйства находятся сегодня в центре внимания общества. Одним из основных аспектов социально–экономической политики является построение модели развития сельских территорий, которая бы соответствовала мировым стандартам. Нынешние условия требуют действенных механизмов создания благоприятных условий для комплексного развития сельских территорий, высокоэффективного конкурентоспособного как на внутреннем, так и внешнем рынка аграрного сектора, гарантирования продовольственной безопасности страны. Решение указанных проблем связано прежде всего с разработкой системы формирования и эффективного развития экономического потенциала сельских территорий.

Необходимость кластеризации аграрного сектора экономики, которая, по сути, является продолжением кооперации и корпоратизации, обосновывается отечественными и зарубежными учеными Г.К. Броншпаком, М.Ф. Кропивко, П.Т. Саблуком и другими исследователями¹. Классическим примером функционирования кластеров в экономике зарубежных стран является Силиконовая долина. Интересным также является опыт Польши в формировании структур кластерного типа. Так, в Подкарпатье успешно функционирует туристический кластер, а также создается мощный аэрокластер. Кластеры стали эффективным базисом для развития даже Индии. В частности, в г. Бангалор функционируют шесть технопарков, среди которых аэрокосмический, биотехнологический, аграрный флористический и другие (там же).

Кластер представляет собой межхозяйственное территориальное объединение взаимодополняющих предприятий, которые сотрудничают между собой, формируя замкнутый цикл крупнотоварного производства и реализации конкурентоспособной конечной продукции, а также инфраструктурных составляющих, среди которых органы государственной власти и научные учреждения². Определяющими в кластере являются прямые связи между участниками, эффективность которых основана на двух ключевых положениях: потребность сотрудничества с другими для налаживания эффективного производства конкурентоспособной продукции и наличие конкуренции между партнерами, что побуждает участников к созданию инноваций. Особенно актуально это для аграрного сектора экономики, где ощущается сдерживание инновационного развития.

Положительным признаком кластерной модели является именно системность, наличие единого управления сотрудничеством государственных структур и частного сектора, что позволяет разработать комплексный подход к формированию конкурентоспособного производственно-хозяйственного потенциала и эффективного развития сельских территорий. С целью эффективной организации кластерного объединения необходимо соблюдать ряд принципов, основными из которых являются:

- наличие единого бренда, которым для агропромышленного производства может быть вид продукции – зерно, овощи, молоко, мясо крупного рогатого скота. Технологии их производства различны, а следовательно, и набор и способы взаимодействия предприятий и организаций продуктовых цепей разнятся;
- наличие лидера (интегратора) – крупного предприятия, определяющего долговременную хозяйственную и инновационную стратегию всех участников кластера;
- добровольность и открытость членства в кластере самостоятельных предприятий, организационная форма – ассоциация или неформальное (договорное) партнерство. Экономические отношения в кластере строятся не на основе отношений собственности, а на основе взаимовыгодной совместной деятельности. Руководство развитием кластера осуществляет совет участников путем консенсусного принятия совместных решений;
- совместная дистрибутивная сеть вывода товара на рынки (включая международные), что особенно актуально, поскольку одна из главных задач повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных производителей – это уменьшение роли посредников;

¹ Горшнева О.В. Кластеры: сущность, виды, принципы организации и создания в регионах // Экон. вестник Ростов. гос. ун-та. 2006. – № 4. – Ч. 2.2.

² Горемыкин В.А. Экономическая стратегия предприятия / В.А. Горемыкин, О.А. Богомолов. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь»; Рилант, 2001. – 506 с.

- кооперация – взаимодополняемость и доверие, базирующееся на паритетном обмене между участниками продуктовой цепи. Как доходы, так и риски распределяются пропорционально вкладу участников в производство конечного продукта;
- независимость участников, хозяйственная и юридическая самостоятельность, защищенность прав собственника;
- сбалансирование интересов участников кластера – обеспечение равных экономических условий хозяйствования и равновыгодность производства для всех участников;
- эффективная демократическая система самоорганизации и самоуправления, которая базируется на аналитических, регулятивных и координационных функциях;
- объединение производства отдельного вида сельскохозяйственной продукции, ее переработки, хранения и реализации в единую технологическую цепь;
- высшие стандарты качества производимой продукции. В кластерном интеграционном механизме некачественный промежуточный продукт, производимый одним из участников продуктовой цепи, не будет восприниматься другими. Этот принцип особенно важен в контексте необходимости повышения качества сельскохозяйственной продукции, приведение ее в соответствие международным стандартам обеспечит ее конкурентоспособность на внешнем рынке;
- наличие третейского суда. Все споры, возникающие между участниками, должны решаться преимущественно внутри кластера. Это способствует налаживанию атмосферы взаимного доверия и ответственности, а также повышению динамичности процесса разрешения споров;
- тесное взаимодействие кластерного объединения с органами власти и местного самоуправления. Кластеры информируют экономический базис территориального развития, поэтому органы власти заинтересованы в их становлении, а формирование становится функцией органов регионального и государственного управления;
- социальные преобразования, развитие территорий¹.

Ключевым вопросом в организации кластера является определение инициатора такого формирования. Поскольку, согласно классической модели, ядром (интегратором) является само предприятие, целесообразно и в аграрном секторе экономики региона начать такую инициативу на уровне предприятий. Это позволит избежать сопротивления объединению в случае, если кластеризация будет происходить под давлением государственных органов. Кроме того, это будет способствовать повышению ответственности за результат среди предприятий и организаций-участников кластера. Органы власти при этом должны быть ассоциированными партнерами, организационно и финансово должны способствовать созданию кластера.

Кластерный подход является чрезвычайно перспективным с точки зрения внедрения его в аграрный сектор экономики. Реализация стратегии повышения конкурентоспособности отечественных сельскохозяйственных производителей должна основываться не только на росте эффективности агропромышленного производства, но и на развитии сельских территорий. Ведь конкурентоспособную экономику трудно представить без развитого человеческого капитала, создающего существенные долгосрочные конкурентные преимущества для предприятий. Рассматривая возможность формирования кластера в агропромышленном производстве, целесообразно выделить приоритетные направления его развития, что будет способствовать наиболее полному использованию реальных и потенциальных предпочтений региона. Учитывая имеющиеся преимущества, такими отраслями могут стать зернопроизводство, выращивание масличных культур, овощеводство. Большой производственный потенциал имеют животноводческие отрасли – мясное и молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство. Целесообразным и логичным является инициирование формирования кластера именно производителями зерна, поскольку они больше всего заинтересованы в улучшении своей позиции как на внутреннем, так и внешнем рынках. В состав кластерообразующего блока должны входить производители и поставщики техники, средств защиты растений, удобрений, перерабатывающие предприятия. Учитывая, что кластеризация должна охватывать ключевые отрасли хозяйства региона, создавая «точки опоры», ощущается потребность в продукции животного происхождения (в частности, качественной мясной и молочной продукции). Кроме того, существует объективная необходимость сбалансированного производства продукции растениеводства и животноводства, а именно товарной структуры ее экспорта².

В этом случае ядром кластера могут быть как предприятия, выращивающие скот, которые сейчас заинтересованы в повышении эффективности производства и реализации своей продукции, так и перерабатывающие предприятия, пищевые производства, испытывающие недостаток качественного сырья.

В кластерах, сформировавшихся на добровольных и взаимовыгодных началах, объединяющим началом является совет. Он сотрудничает с государственными, управленческими и другими структурами как региональными, так и внерегиональными. В его состав входят руководители фирм, организаций, предприятий, а также представители региональных управленческих структур. Совет кластера имеет только координационные, аналитические и подобные им функции.

Управление кластером осуществляется координационным советом, который возглавляет руководитель предприятия-участника кластера. Заместителями председателя являются главные профильные специалисты. Основной

¹ Конкурентоспособность продукции и предприятия / [Буркинский Б.В., Лазарева Е.В., Агеева И.Н. и др.]. – Одесса: ИПРЭИ НАН Украины, 2002. – 132 с.

² Смородинская Н.В. Территориальные инновационные кластеры: мировые ориентиры и российские реалии: сборник докладов XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Е.Г. Ясина. – М.: НИУ ВШЭ, 2013.

деятельностью кластера во главе с координационным советом и исполнительной администрацией является активное выполнение законченного цикла работ, разработка технологий эффективного производства той или иной продукции. Текущую деятельность кластера осуществляет исполнительная администрация.

Кластер не является юридическим лицом. Его участники взаимодействуют преимущественно на базе долгосрочных, устойчивых договорных отношений. Мировой опыт свидетельствует, что в кластер целесообразно объединяться всем тем, кто работает над созданием конечного продукта.

Совокупность преимуществ, которые может предоставить кластерная форма организации отраслей аграрного сектора экономики, способна существенно повысить конкурентоспособность предприятий сельских территорий как на внутреннем, так и внешней рынке. Кластерная организация развития агропромышленного производства предусматривает концентрацию и специализацию агропромышленного производства с формированием на территории замкнутых циклов «производство – хранение – переработка – реализация сельскохозяйственной продукции на основе интеграции с использованием механизмов корпоратизации и кооперации для получения участниками кластеров конкурентоспособной продукции и повышения доходности, а кластерная организация сельского развития – обустройство сельских территорий путем комплексного развития современных агропромышленной, агросервисной, жилой и культурной зон (с формированием агрогородка или другой характерной для территории группировки) на принципах экономической самодостаточности и устойчивого развития. Роль государства в формировании кластеров и повышении конкурентоспособности аграрных предприятий будет оставаться весомой.

Итак, стратегия формирования конкурентоспособности производственно-хозяйственного потенциала и предприятий сельских территорий должна основываться на создании кластерных структур, что будет способствовать возникновению новой формы конкуренции между его участниками, основанной на сотрудничестве и инновационном развитии. Синергетический эффект от деятельности таких объединений будет способствовать развитию эффективной экспортной деятельности, а также существенному повышению конкурентоспособности предприятий сельских территорий как на внутреннем, так и внешнем рынках.

Рахимова Д.Н.

д.э.н., профессор, Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Ташкент

Усманов М.С.

кандидат архитектуры, доцент, Ташкентский архитектурно-строительный институт

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: городская среда, социальный фактор, психологические исследования, урбанизация, горожане, проектное управление, общественная безопасность, махалла.

Keywords: urban environment, social factor, psychological research, urbanization, townspeople, project management, public safety, mahalla.

Введение. Улучшение условий жизни населения рассматривается в качестве важного ориентира в комплексном решении вопросов перехода экономики страны, а также регионов на путь устойчивого развития и повышения благосостояния населения. В настоящей статье сделан акцент на рассмотрение социокультурных факторов формирования городской среды и, в целом пространственной организации поселенческих структур. Сложность подобных исследований заключается в том, что несмотря на их общую цель – содействие формированию гармоничной городской среды – они имеют интегральный, междисциплинарный характер и формируются на стыке изучения качества городской среды, планирования и управления социально-экономическим развитием города, изучения городского образа жизни, социальной активности горожан, характера коммуникативных связей, культурологического содержания городского пространства и т.п., и поэтому должны учитывать множество организационных, финансовых, структурных, управленческих и других задач и ресурсов.

Сегодня в нашей стране особое внимание уделяется обеспечению ускоренного социально-экономического развития регионов, решению проблем в сфере жилищно-коммунального и дорожного хозяйства, энерго-, водо- и тепло-снабжения, транспортного сообщения, архитектуры, строительства доступного жилья, благоустройства и озеленения территории, формированию образцовых первичных жилых образований населенных мест, именуемых махала, и деятельности товариществ частных собственников жилья.

Методика. Исходя из системности модернизации экономики, при формировании адекватной системы управления экономическими процессами, необходимо опираться на принципы формирования комплексных территориальных программ. Это тесно связано с территориальным стратегическим планированием. Кроме того, долгосрочные меры по управлению процессом структурных реформ требуют также формирования регионального инновационного потенциала. Этот процесс представляется наиболее сложным и довольно длительным, он во многом зависит от имитационной способности экономики региона.

Процесс проектирования городской среды с точки зрения социально-психологического восприятия впервые был рассмотрен К. Линчем в его работе «Образ города»¹, в которой отмечается, что люди воспринимают свое окружение как устойчивую и предсказуемую «ощущаемую среду», формируя «ментальные карты», приобретающие статус коллективных представлений (mental maps), включающие пути, границы, районы, символические ориентиры. Понятие «вообразимость» (imageability) К. Линч вводит для обозначения нахождения ориентации людей в пространстве города, который трактуется им как системный объект, непрерывно изменяющийся и несущий в себе преемственность культурных традиций, идей социально-психологической и духовной жизни горожан, общность переживаемых эмоций, при восприятии предметно-пространственной среды «своего» городского района, города в целом, специфики коммуникаций, межличностных отношений, организации эмоциональной сферы взаимодействующих групп людей, психологическое благополучие которых связано с восприятием ими окружающей среды. В начале XX в. концепции психологических исследований города на начальном этапе планирования городской застройки предложил шотландский социолог, градостроитель П. Геддес в работе «Городское развитие»², видевший тесную связь между общественными процессами и урбанизацией, рассматривавший проблемы районной планировки и считавший, что городское планирование – это не только планирование пространства, но и сотрудничество с городским сообществом, которому американский историк, социолог, философ техники Л. Мамфорд уделял иницилирующую роль, отмечая важность субъективного фактора в истории и функционировании города³.

¹ Lynch K. The Image of the City. – Cambridge: MIT and Harvard University Press, 1960.

² Geddes P. City Development: a Study of Parks, Gardens and Culture-Institutes. – Bourneville; Birmingham: Saint George Press, 1904.

³ Mumford L. The Story of Utopias. – N.Y.: Boni and Liverright, 1922.

Градостроительное проектирование поселенческих структур представляет собой перманентный процесс формирования среды обитания людей для их полноценной жизнедеятельности. Историческая последовательность при принятии управленческих решений реорганизации городской среды – важнейший социально-психологический фактор, играющий существенную роль в психоэмоциональном равновесии городского сообщества и его духовного климата.

Нарушение этой последовательности влечет за собой неприятие проектных инициатив, исходящих от городской власти, недоверие к ним со стороны населения. Потребность оптимизации городского пространства, улучшения психологической комфортности пребывания в нем должна стимулировать поиск взаимодействия муниципальной власти и его жителей. Многие граждане хотели бы участвовать в диалоге с местным управлением в области принятия решений, касающихся реконструкции района их проживания, но сегодня такие диалоги либо не происходят, либо чиновники формально относятся к их проведению, считая население непрофессионалами.

Основная часть. Прикладные исследования в области макросоциальной психологии, рассматривающие городские сообщества, в частности, их адаптируемость к изменениям городской среды, связанным с разрушением сложившихся исторических районов городов, трудностями коммуникации и восприятия предметно-пространственной среды урбанизированных территорий, актуальны и позволяют сформировать системное представление о территории, в том числе и о проникновении элементов, чуждых гомогенной среде, и нарушении целостных композиционных и планировочных решений.

Геддес предложил идею проведения социально-психологических исследований городской жизни сообществ, проживающих и рассредоточенных на карте городского пространства на научной основе, которую воспринял С. Милгрэм¹, проводивший впоследствии исследования ментальной сферы психологической жизни города, которую он признавал условием выживания в сложной городской среде благодаря активности субъектов ее восприятия – горожан, конструирующих индивидуальный образ городского пространства.

Кроме нарушений исторической застройки, негативно влияющих на формирование особенностей поведения людей в пространстве города, имеются и другие факторы городской жизни, накладывающие отпечаток на психологию поведения горожан, такие как плотность заселения территории, несоблюдение комплексности застройки, слабая социальная инфраструктура, недостаточно способствующая раскрытию потенциала личности горожан, проблемы соотношения районирования города и психического здоровья его населения, окружающей предметно-пространственной, природной среды и реализации процессов жизнедеятельности (деловых, коммуникативных, бытовых, досуговых), проживание в «муравейниках-высотках», обезличивающих характер общения с утратой традиционных соседских отношений, имеющих твердые позиции в традиционной застройке махалли, потери ощущения «своего двора», проблемы ценностного отношения к жилой среде и изменение образа города, проблемы функционирования прилегающей к жилым застройкам инфраструктуры, психологические проблемы освоения района проживания и др.

В последние годы в исследованиях социально-психологических характеристик городского пространства² были получены «новые» представления об образах города, городских территориях, в разных статусных общностях. Данные представления отражали взаимосвязь предметно-пространственной среды и субъективных характеристик его жителей, проявляющихся во взаимодействии с городом; динамику и формы группового сознания горожан; территориальную личностную идентичность с местом и длительностью проживания, учитывая привязанность к району, в особенности, историческому; комплекс потенциальных возможностей городского района для реализации личностных качеств; сферу специфических коммуникативных возможностей города; факторы, влияющие на создание личностного благополучия и психологической комфортности проживания в городской среде.

Такие подходы к изучению поселенческих структур с позиции восприятия среды их населением, влияния населения на окружающее пространство либо, наоборот, с позиции формирования социальной идентичности проживающего в нем населения, влияния города на формирование поведения горожанина могут быть использованы в качестве научной базы для системного планирования городского пространства. А эта задача может решаться разработанными методами эффективного проектного управления пространственной организации поселенческих структур. На рис. 1 представлены факторы, препятствующие эффективному проектному управлению.

По данным ЮНИСЕФ, 70% людей во всем мире будут жить в городах к 2050 году. Эта тенденция к урбанизации потребует новых операционных моделей и создает проблемы с точки зрения обеспечения общественной безопасности.

Цифровые технологии представляют собой новый способ повышения общественной безопасности, укрепления связей между правоохранительными органами и сообществом, интеграции таких решений, как видео, данные и аналитика в эффективные решения и предоставления сотрудникам служб безопасности более эффективных инструментов для охвата и координации³.

¹ Milgram S. The experience of living in cities: a psychological analysis // Psychology and Problems of Society / Ed. by F.F. Korten, S.W. Cook, J.I. Lacey. – Washington (D.C.): American Psychological Association, 1970.

² <http://habitat3.org/wp-content/uploads/regional-report-europe-and-north-america-russian.pdf>

³ Rakhimova D.N., Ismailov S.I. Free economic zones contribute to sustainable innovative development of the regions of Uzbekistan // GLOBUS. 2020. – N 10 (56). – P. 43–45.

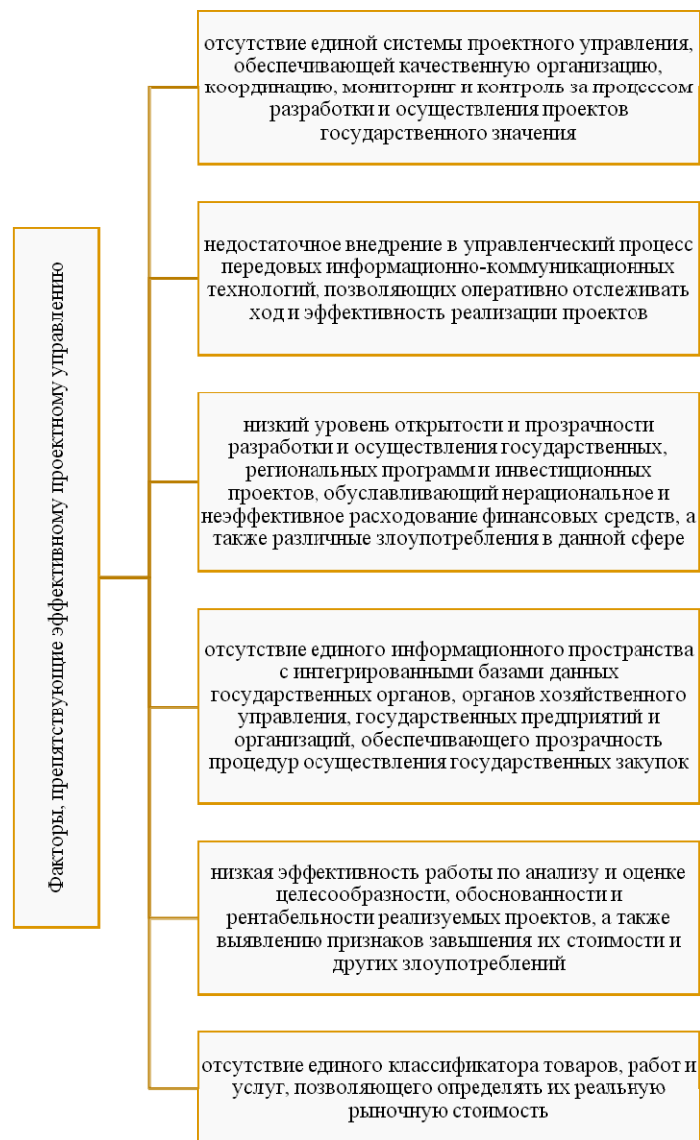

Рисунок 1.
Факторы, препятствующие эффективному проектному управлению¹

Таблица 1

Рейтинги общественной безопасности (БГ) крупных городов

Наименование города	Общий рейтинг	Наблюдение в метрополитене	Цифровая инфраструктура	Эффективность БГ	Принятие мер по БГ	Использование аналитических данных	Привлечение общества
Сингапур	120	20	20	20	20	20	20
Копенгаген	116	20	20	20	16	20	20
Лондон	114	20	20	14	20	20	20
Амстердам	112	16	20	16	20	20	20
Мадрид	112	20	20	12	20	20	20
Нью-Йорк	112	20	20	12	20	20	20
Париж	108	18	20	10	20	20	20
Вашингтон	106	18	20	8	20	20	20
Эр-Рияд	102	20	14	16	16	20	16
Бангкок	96	20	18	14	12	12	20
Богота	94	20	16	6	12	20	20
Куала-Лумпур	94	20	16	6	12	20	20
Джакарта	90	20	10	8	12	20	20
Астана	86	20	14	12	16	8	16
Кувейт	86	20	12	14	12	12	16
Каир	82	20	10	8	12	12	20
Абуджа	68	16	8	4	12	8	20

¹ Соловей Л.В., Ковалева М.И. Социально-психологические проблемы устройства городского пространства // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. – Т. 9, № 4. – Ч. 2.

В данном анализе оцениваются инновационные подходы в области общественной безопасности по 120-балльной шкале, основанной на 24 различных показателях. Например, колонка «Наблюдение в метрополитене» разработана на основе таких факторов, как успешное внедрение инноваций в области общественной безопасности, принятие управленческих обязательств, установление финансовых приоритетов и наличие совета по планированию общественной безопасности. «Цифровая инфраструктура» оценивается через наличие разумного доступа в Интернет, доступность мобильных технологий, наличие доступа Wi-Fi и наличие безопасной городской веб-платформы. В колонке «Эффективность БГ» представлено восприятие преступности, восприятие безопасности, количество убийств на 100 000 жителей и уровень преступности. Для функций «Принятие мер по БГ» исследуются такие события, как: были ли в городах приняты правоохранные инструменты, например, мобильная полиция, камеры для правоохранительных органов, видеонаблюдение и аварийные оповещения. «Использование аналитических данных» оценивается через наличие средств центра обработки данных (ЦОД), открытый доступ к данным, использование прогнозной аналитики и использование цифровой информации для социальной интеграции и экономического развития. «Привлечение общества» предполагает проведение консультаций с ключевыми заинтересованными сторонами, создание механизмов обратной связи (feedback) с гражданами, налаживание партнерских связей между государственным и частным секторами и составление бюджета на информационно-пропагандистскую деятельность.

В таблице 1 показано, как крупные города осуществляют инновации в области обеспечения общественной безопасности. Сингапур был самым инновационным городом, за ним следовали Копенгаген и Лондон. Места в рейтинге определяются показателями наблюдения, цифровой инфраструктуры, эффективности общественной безопасности и т.п.

Следует отметить некоторый прогресс, достигнутый в области инноваций в области общественной безопасности. К числу новых инициатив относятся такие разработки, как использование аналитики данных, камер наблюдения за телом, видеонаблюдения, датчиков выстрелов, считывателей номерных знаков и привлечения общественности. Эти функции помогают городам интегрировать данные и сотрудничать друг с другом.

Данные социологических обследований говорят о проявлениях состояний социально-психологической усталости проживания в условиях мегаполиса, указывают на проблемы скученности, пространственной стесненности, перегруженности пассажиропотока в городском транспорте, плотности застроек многоэтажными комплексами, соответственно, шум, необустроенность дворов, потерю культуры коммуникаций дворового пространства, отсутствие рекреационной инфраструктуры, а также развивающееся тотальное равнодушие и индивидуализм, ориентацию исключительно на деловое общение, фобии толпы, недовольство средой проживания, разрушающимися сложившимися условиями и стереотипами жизни.

Возникновение в последние годы элитных жилых комплексов носит единичный характер, и в целом, пока не решает вышеперечисленных проблем, а в ценовом сегменте эти комплексы характеризуются малой доступностью. Первичные жилые образования азиатских городов – махалла, зародившиеся в Средние века, не потеряли своей идентичности, пережив века, они доказали свою жизнеспособность как в структурном отношении, так и в формировании гуманной демократичной среды, а в середине XX века во многих азиатских странах селитебные территории сформировались как ковровая застройка, прообразом которой во многом явилась традиционная махалла. Махалла по своей сути – это прежде всего общность людей, формирующаяся на принципах демократии и самоуправления. И только после этого это градостроительная единица.

Выводы. Задачи модернизации экономики регионов носят системный характер, управление этими процессами должно рассматриваться в соответствии с системным подходом к реализации управленческих мер, с концентрацией внимания на пространственных характеристиках экономики территорий, качественном состоянии инфраструктуры, природно-экономическом потенциале, на наличии ресурсов для устойчивого роста. Обеспечение последовательной модернизации в большой степени зависит от качественных факторов образования, системы управления, инновационной и инвестиционной активности регионов, а также решения проблем урбанизации.

Савина Н.В.

к.ф.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет
nina.savina.2012@mail.ru

РЕТРО-МАРШРУТЫ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА ДЕСТИНАЦИИ

Ключевые слова: Беларусь, Россия, внутренний туризм, старинные пути сообщения, дестинация, Екатерина II, Екатерининские тракты, ретро-маршруты,

Keywords: Belarus, Russia, domestic tourism, old ways of communication, destination, Catherine II, Catherine paths, retro routes, international interaction.

Особую роль в международном взаимодействии и культурном сотрудничестве стран Большой Евразии играет туризм. Практически с начала 2020 года весь мировой туризм оказался совершенно в новых условиях, в условиях пандемии. По данным ЮНВТО, в 2020 году прогнозируется падение объемов туризма от 60 до 80% по отношению к 2019 году, а развитие туризма отброшено на 5–8 лет назад. Прогнозы по восстановлению туризма в мире пока выглядят очень осторожными.

Организационными формами туризма являются *международный* и *внутренний* туризм. О развитии международной формы туризма в условиях пандемии особо говорить не приходится. В связи с этим в настоящей статье мы акцентируем внимание на внутреннем туризме.

Внутренний туризм рассматривается как путешествия постоянно проживающего населения страны в пределах ее территории. «Внутренний туризм», согласно Закону «О туризме», в Республики Беларусь рассматривается как путешествие граждан Республики Беларусь, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, в пределах территории Республики Беларусь. Правительства и профессиональная туристическая индустрия стран Большой Евразии обращает особое внимание на развитии внутреннего вида туризма.

В ракурсе развития внутреннего туризма дестинации важным направлением становится обоснование рационального и эффективного использования культурного наследия страны. *Культурное наследие* – это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом и имеющие значение для сохранения и развития самобытности народа, его вклада в мировую цивилизацию. *Недвижимые объекты культурного наследия* – памятники истории и культуры, которые составляют его материальную основу и формируют историко-культурную национальную среду.

В Законе Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» термин «*историко-культурное наследие*» понимается как совокупность наиболее существенных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях. *Историко-культурные ценности*, трактуется как *материальные объекты* (материальные историко-культурные ценности) и *нематериальные проявления творчества человека* (нематериальные историко-культурные ценности), которые имеют значительную духовную, художественную и (или) документальную ценность и которым придан статус *историко-культурной ценности*.

В основе *внутреннего познавательного туризма* лежит историко-культурное наследие, в том числе следующие виды достопримечательностей: памятники археологии; памятники архитектуры; памятники садово-парковой и ландшафтной архитектуры; малые и большие исторические города, сельские поселения; музеи, театры, выставочные залы; объекты этнографии; народные промыслы и ремесла и др.

Как показали исследования, указанные достопримечательности, в основном, и представлены предприятиями туристической индустрии стран Большой Евразии, включая и Республику Беларусь. В предложениях туроператоров практически отсутствует *презентабельный пласт культурного наследия – старинные пути сообщения*, – источник обеспечения жизнедеятельности и формирования межкультурных и иных контактов как со странами-соседями, так и с отдаленными регионами. Выявлению данного туристического ресурса и разработке ретроспективных маршрутов (ретро-маршрутов) с целью развития внутреннего туризма дестинации (в условиях и в пост пандемии), и посвящены исследования, нашедшие отражение в настоящей статье.

Термин «туристическая дестинация» впервые был введен Лейпером (Новая Зеландия) в 1979 г. *Туристическая дестинация* – основной компонент индустрии туризма, который можно охарактеризовать как центр/территорию со всевозможными удобствами, средствами обслуживания и услугами для обеспечения интересов, запросов, потребностей и ожиданий туристов.

Сферу туризма, гостеприимства и досуга в XXI веке называют *экономикой впечатлений или креативной экономикой*. Экономист-футуролог Ролф Йенсен считает, что быстрее других отраслей в XXI веке будет развиваться *индустрия развлечений для ума и чувств*. Люди покидают свои дома и отправляются в путешествие, на экскурсию, в музей, на фестиваль, концерт или в национальный парк за яркими сильными впечатлениями, эмоциями, переживаниями, которые они не могут получить дома, несмотря на наличие телевизора, Интернет-ресурсов, интересных книг.

В мире есть, как минимум, миллиард людей, которые уже готовы платить за *мечту, эмоцию, воображение* – за все то, что включает в себя понятие «*впечатление*» («*experience*»). Чтобы впечатление стало востребованным и прибыльным продуктом, оно должно быть ярким, незабываемым и конкурентоспособным. *Потребители впечатлений* – потенциальные и реальные туристы, чаще всего интересуются прошлым.

Одним из первых этапов создания *ретро-маршрутов* является изучение письменных источников как продуктивного способа исторического знания. В качестве таких источников для исследования старинных путей сообщения и представлений, связанных с дорожным мировосприятием, будем рассматривать *литературные травелоги*. Термин «травелог» (от англ. слова «travelogue», образованный от глагола «travel» (от англ.) – путешествовать, и суффикса «logue» (от др.-греч. «λόγος») – слово, речь, рассказ, учение) вошел в русскую литературу не так давно.

Травелог – рассматривается как *литературный жанр*, в рамках которого автор описывает свое путешествие, исходя из личностных подходов к реалиям и персоналиям, объектам изображения, основываясь на индивидуальных знаниях, восприятии и впечатлениях. Композиция материала может носить произвольный характер, соответствуя субъективному восприятию увиденного, услышанного и воспринятого.

Литературный травелог («travel literature») – это одна из наиболее перспективных, культурологически ориентированных тем не только литературоведческого процесса, но и тем для разработки *ретро-маршрутов*, включая *эксперимент и туры*.

Самые первые пути наши предки торили по берегам Днепра и Двины, которые и есть самые ранние дороги в Беларуси – путь «*из варяг в греки*», путь цивилизации, путь христианства: из Византии, через Киев в Полоцк. В Беларуси и сегодня можно проехать по легендарным *Витовтовым, Ольгердовым и иным трактам*. Один из них, старейший из сохранившихся трактов в стране, носящий название «Радзивилловский», протекает от Новогрудка через Мир до Несвижа.

Дорога Полоцк – Витебск объединяет древнейшие центры княжеств, дороги между Новогрудком, Крево и Гродно помнят дружины первых князей Великого Княжества Литовского. С учреждением *почтовой службы* во второй половине XVII в., начинается формирование сети дорог. Одной из первых появилась почта на дороге Москва – Вильно (современный Вильнюс), через Смоленск и Минск, по которой почтовые отправления доставлялись из конца в конец за 21 день. «Царские» дороги проходят с севера на юг и с запада на восток Беларуси, объединяя все еще сохранившиеся почтовые станции XIX века.

Доктор архитектуры, А.С. Сардаров отмечает, что у дороги много ипостасей, и древние города нанизаны на тракты, будто бусины. Сама же *дорога и была первым средством массовой коммуникации*. Впервые именно А.С. Сардаров предложил взглянуть на дороги с точки зрения красоты и удобства, а термин «*дорожная архитектура*», был введен в его диссертации «Архитектура автомобильных дорог»¹.

Особую, неповторимую прелесть архитектор видит в аллеях, – символе белорусских путей, которыми обрамлены старинные тракты. «*Екатерининские березы*», так называют белорусы любую посадку вдоль дорог, и всякий старинный тракт норовят назвать *Екатерининским*. Доказано, что никакая конкретная дорога, никакие конкретные березы такого названия не удавались, все это собирательные образы, но именно от березы и пошла традиция чернобелых вертикальных ограничительных знаков.

Замысел Петра I организовать сеть благоустроенных дорог и регулярную почтовую связь был осуществлен лишь во времена Екатерины II. Сама императрица вела активную жизнь и много путешествовала. За 34 года правления она осуществила 7 больших путешествий по Российской империи, не считая поездок в Москву. При ее правлении *была создана система государственных почтовых трактов, построены почтовые станции, где можно было отдохнуть, сменить лошадей, отправить почту, была налажена регулярная почтовая связь*. В народе связывали такие дороги с именем императрицы, поэтому в разных уголках бывшей Российской империи, включая и Беларусь, существуют дороги под названием «*Екатерининский тракт*».

После присоединения Восточной Беларуси к России по первому разделу Речи Посполитой в 1772 году дорога приобрела новую жизнь. *Была проведена реконструкция, по обочинам дороги посажены березы и дубы, которые местами (по воспоминаниям старожилов) сохранились до Великой Отечественной войны*. Через каждые 20–30 верст были построены *почтовые станции* (в Соснице Полоцкого района, Островлянах, Дубовиках, Куриловщине и Старом Селе Витебского района), налажено регулярное движение конной почты.

«Екатерининским» этот путь стал в конце XVIII века. В 1780 году Екатерина II решила провести инспекцию новоприобретенных территорий – Полоцкого и Могилевского наместничеств. Императорская ревизия предусматривала посещение пяти губерний (наместничеств) – Псковской, Полоцкой, Могилевской, Смоленской и Новгородской. Сохранился дневник путешествия, аналог *литературного травелога* который вел камер-фурьер (эта должность при высочайшем дворе была престижной и соответствовала придворному чину VI класса в соответствии с Табелью о рангах) императрицы А.А. Безбородко. Путешествие готовилось очень тщательно примерно за год. В «Дневной записке путешествия Ее Императорского величества через Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда через Смоленск и Новгород», было сказано, что «от господ генерал-губернаторов и правящих тут должностей заблаговременно учинены были надлежащие приготовления»².

Во время этой поездки А.А. Безбородко не только успешно справился со всеми организационными делами, но и проявил немалые дипломатические способности. Эта поездка положила начало его возвышению, вскоре он был назначен в Государственную коллегию иностранных дел и в Государственный совет, оставшись статс-секретарем импе-

¹ Михайловская С. Дороги Армена Сардарова // *Беларуская думка*. 2014. – № 8. – С. 32–37.

² Катерина II на Бешенковиччине. - <http://beshankovichy.by/rus/новости/культура/669/>

патрицы. Екатерина II ввела в практику членов семьи Романовых регулярные поездки по стране, которые потом постоянно осуществляли российские монархи и члены их семей.

В сопровождении огромной свиты, иностранных послов, с военным эскортом императрица выехала из Царского Села 9 мая. Через Нарву и Гдов императрица прибыла в Псков, а 16 мая через Остров и Опочку выехали в Полоцк. 19 мая правительница прибыла в Полоцк, где провела два дня. 22 мая в 8 часов утра императрица отправилась дальше. Ее путь пролегал через почтовую станцию Сосница, станцию Островляны (ныне не существует), где остановились на завтрак. На станции Дубовик (ныне деревня Слобода) поменяли лошадей, на следующей почтовой станции – Куриловщине – состоялся обед. Тут же императрицу ожидали представители витебского дворянства и руководство Витебска. Далее путь лежал через Куляки (Кавляки) и Улазовичи к переправе через Западную Двину в Будилово. Императрица на шлюпке переправилась на левый берег, где ее ждали могилевский заместитель генерал П.Б. Пасека и руководители Сенненского уезда. После отдыха в Гнездиловском дворце (ныне деревня Гнездилово) царица отбыла в Сенно, далее через Коханово и Шклов – в Могилев¹.

В Могилеве Екатерине II предстояла встреча с императором Австрии Иосифом II по его инициативе. Визит императора Австрии носил секретный характер. Иосиф II приехал в Могилев под именем графа Фалькенштейна. Встреча двух монархов прошла успешно².

Они вместе отправились через Шклов, Оршу, Дубровно и Красное в Смоленск. Из Смоленска императрица вернулась в столицу через Новгород, а австрийский император продолжил путешествие в Москву и потом в Санкт-Петербург³.

В.Н. Лещиков вместе с «Репортажем из прошлого» публикует «Дневную записку путешествия Ея Императорского Величества через Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно через Смоленскъ и Новгородъ»⁴. Как видим, перед нами перед нами еще один аналог *литературного травелога* и уже «разработанный» *ретро-маршрут*, включающий знаменитые персоналии разных стран и глубокие по своему историзму реалии.

Представления, связанные с *дорожным мировосприятием*, находят свое отражение в дорожных приметах, в символических обрядовых действиях, обычаях и традициях, принятые образы тщательно охранялись и передавались от одного поколения к другому. Символ любой старой дороги – верстовой столб. Верстовые столбы – самый простой и элегантный памятник бегущему времени. Этот символ можно увидеть сегодня на месте сгоревшей Кутузовской избушки в Филях, здесь стоит верстовой столб со Смоленского шоссе, а на могиле у Чехова – верстовой голубец, природный знак с иконой и горящей лампадкой⁵.

Белорусские дороги, как и историческая застройка городов, отражают прошлое народа. *Разработка ретро-маршрутов* с включением участков старинных трактов с их «брукованкой», посещениями старинных усадеб, храмов, иных достопримечательных мест, связанных с историческими реалиями и персоналиями позволит объединить прошлое и настоящее, реализовать особенности обрядов, обычаев и традиций гостеприимства.

Изложенный путь следования Екатерины II – это и есть *ретро-маршрут путешествия* для туристов как минимум *трех стран*, – *Беларуси России, Австрии*. Наполнив его яркими и незабываемыми культурно-познавательными и анимационно-досуговыми мероприятиями, используя исторические факты, туроператоры получат востребованное впечатление и конкурентоспособный экскурсионный или туристический продукт. Реальные экскурсанты и туристы – жители дестинации, по которой проложен маршрут – это белорусы, потенциальные туристы – гости *России, Австрии и других стран* – *потребители впечатлений и романтики*.

Разработку *ретро-маршрутов* на основе *старинных путей сообщения*, по которым действительно ступала Екатерина II Алексеевна Романова Великая, мы рассматриваем как фактор устойчивого развития внутреннего туризма конкретных дестинаций Беларуси и России. Реализация *ретро-маршрутов*, вне всякого сомнения, окажет существенное влияние на развитие международного взаимодействия и сотрудничества в туристической отрасли.

¹ Катерина II на Бешенковиччине. – <http://beshankovichy.by/rus/новости/культура/669/>

² <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-imperatritsy-ekateriny-ii-1780-g/viewer>

³ Катерина II на Бешенковиччине. – <http://beshankovichy.by/rus/новости/культура/669/>

⁴ <https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-imperatritsy-ekateriny-ii-1780-g/viewer>

⁵ В поисках утраченного. – <https://www.sb.by/articles/v-poiskakh-utrachennogo-118.html>

Сайдахмедов Х.М.

к.э.н., доцент, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан

РАЗВИТИЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: приграничный регион, экспортный потенциал, внешнеторговый оборот, интеграционный процесс, валовой региональный продукт на душу населения, группировка регионов, минерально-сырьевой потенциал, туристический потенциал, производственная инфраструктура, приграничная торговля, приграничные логистические центры.

Keywords: border region, export potential, foreign trade turnover, integration process, gross regional product per capita, grouping of regions, mineral resource potential, tourism potential, industrial infrastructure, cross-border trade, cross-border logistics centers.

В настоящее время вопросы эффективного использования экономического потенциала, максимальное использование сравнительных преимуществ регионов для повышения конкурентоспособности экономики приобретают особую значимость.

Узбекистан граничит с республиками Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан. В Узбекистане к приграничным регионам относятся Андижанская, Бухарская, Джизакская, Кашкадарьинская, Наманганская, Навоийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Сурхандарьинская, Ташкентская, Ферганская, Хорезмская области и Республика Каракалпакстан.

С Республикой Казахстан граничат Ташкентский, Зангиатинский, Чиназский районы Ташкентской области, Сырдарьинский район Сырдарьинской области, а также Кунградский, Муйнакский, Тахтакупырский районы Республики Каракалпакстан.

С Кыргызстаном граничат Папский, Янгикурганский, Касансайский, Учкурганский районы Наманганской области, Ходжабадский, Мархаматский, Пахтабадский районы Андижанской области, Алтиарыкский, Риштанский, Кувинский, Сохский районы Андижанской области.

К приграничным районам Узбекистана с Республикой Таджикистан относятся Бекабадский район и г. Бекабад Ташкентской области, Хавастский район Сырдарьинской области, Бешарыкский район Ферганской области и Ургутский район Самаркандской области, а также Узунский, Термезский районы Сурхандарьинской области.

Приграничными районами республики с Туркменистаном являются Алатский район Бухарской области, Шаватский район Хорезмской области, Ходжейлийский район Республики Каракалпакстан.

С Афганистаном граничат Термезский район и г. Термез Сурхандарьинской области.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в Республике Узбекистан все регионы (14 регионов) кроме г. Ташкента и 28 районов из 162, а также 2 города относятся к приграничным территориям.

За последние годы основными целями развития приграничных регионов Узбекистана было повсеместное укрепление экспортного потенциала, расширение масштабов привлечения иностранных инвестиций и углубление процессов диверсификации экономики. За последние три года внешнеторговый оборот Узбекистана со странами Центральной Азии увеличился в 2,9 раза, что выше общего значения торгового оборота страны (1,5 раза). Вклад стран Центральной Азии во внешнеторговом обороте страны увеличился с 10,2% в 2017 г. до 19,1% в 2019 г., что свидетельствует об усилении межрегионального экономического сотрудничества с приграничными регионами.

Необходимо отметить, что Узбекистан занимает достойное место в экспорте товаров и услуг (доля стран Центральной Азии в экспорте товаров и услуг страны в 2019 г. составила 14,5%, что на 3,7 п.п. выше показателя 2017 г.).

При этом среди рассматриваемых стран основным импортером являются Казахстан (8,0% от общего объема экспорта) и Кыргызстан (3,8%). Таджикистан и Туркменистан отличаются сравнительно низкими показателями (1,9 и 0,8%, соответственно).

Анализ экспорта товаров и услуг в разрезе товарных групп выявил, что Узбекистан обладает конкурентными преимуществами в производстве и экспорте химической продукции (Навоийская, Ташкентская, Кашкадарьинская области и Республика Каракалпакстан) и изделий из нее, машин и оборудования (г. Ташкент и Андижанская, Хорезмская области), продовольственных товаров (в Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан), а также черных металлов (экспорта из Ташкентской области в Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан).

Основным интегральным показателем, определяющим экономическую развитость регионов, является производство валового регионального продукта на душу населения.

Сравнительная оценка производства валового регионального продукта (ВРП) территорий, проведенная на основе среднедушевых показателей регионов за период 2015–2019 гг., показывает различные значения. Индексные расче-

ты и группировка регионов по производству ВРП на душу населения показали, что группа с высоким уровнем ВРП на душу населения (индексы выше 1,000) включает г. Ташкент, Навоийскую и Ташкентскую области. Во вторую группу со средним уровнем развития (выше 0,500) вошли 11 регионов, т.е. все остальные регионы страны.

Повышение индекса по производству ВРП на душу населения в 2019 г. по сравнению с 2015 г. отмечены в 11 регионах, а именно в Наманганской, Сурхандарьинской, Самаркандской, Хорезмской, Андижанской, Джизакской, Сырдарьинской, Ташкентской, Навоийской областях, Республике Каракалпакстан и г. Ташкент. Это объясняется, прежде всего, высокой концентрацией ресурсов и производственного потенциала в нескольких промышленных центрах, при их незначительном масштабе в остальных регионах. Основным фактором региональной дифференциации в экономическом развитии является высокая концентрация производственного потенциала и ресурсов в отдельных регионах (например, г. Ташкент, Навоийская, Ташкентская области), что приводит к неравномерному росту промышленного производства по территориям.

Приграничные регионы Узбекистана богаты минерально-сырьевыми ресурсами. Крупные месторождения драгоценных и цветных металлов размещены в Ташкентской, Сурхандарьинской, Навоийской, Джизакской областях. Месторождения топливно-энергетических ресурсов имеются в Ташкентской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской областях и Республике Каракалпакстан. Необходимо отметить о том, что все регионы республики богаты ресурсами нерудного сырья.

Группировка регионов Узбекистана по обеспеченности минерально-сырьевыми ресурсами показывает, что к I группе (высокой обеспеченности) относятся Кашкадарьинская, Навоийская, Ташкентская, Бухарская области и Республика Каракалпакстан. Ко II группе (средней обеспеченности) относятся Джизакская, Сурхандарьинская, Самаркандская, Наманганская области. III группа (относительно малообеспеченные регионы) включает Сырдарьинскую, Ферганскую, Хорезмскую и Андижанскую области. Эффективное использование минерально-сырьевых ресурсов играет важную роль в развитии интеграционных связей с соседними приграничными территориями.

К основным факторам эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов относится туристический потенциал. Узбекистан является привлекательной туристической страной. Ежегодно республику посещают более 6,5 миллионов иностранных туристов. По туристической привлекательности регионы Узбекистана распределены следующим образом. К регионам с высоким туристическим потенциалом относятся г. Ташкент, г. Самарканд, г. Бухара, Хорезмская и Ташкентская области. Со средним потенциалом – Республика Каракалпакстан, Кашкадарьинская, Сурхандарьинская и Джизакская области. В Навоийской, Сырдарьинской, Андижанской, Наманганской, Ферганской областях имеется относительно менее развитый туристический потенциал.

Регионы республики имеют различный производственный потенциал, в том числе дорожно-коммуникационную инфраструктуру. По густоте транспортной инфраструктуры регионы Узбекистана распределены на четыре группы. К I группе с развитой транспортной инфраструктурой относятся Андижанская, Ферганская, Навоийская, Наманганская и Сырдарьинская области. Ко второй (относительно развитой) группе – г. Ташкент, Ташкентская, Хорезмская и Самаркандская области. Третью группу (среднеразвитую) составляют Кашкадарьинская, Сурхандарьинская и Джизакская области. Четвертую (не развитую) – Бухарская область и Республика Каракалпакстан. Анализ показал прямую зависимость густоты транспортной инфраструктуры от размера площади регионов Узбекистана. Самую низкую густоту транспортной инфраструктуры имеют Бухарская область и Республика Каракалпакстан, которые в нашей стране являются самыми большими регионами по своей площади.

Несмотря на высокий экономический потенциал в регионах сохраняются проблемы и диспропорции, связанные, прежде всего, с несбалансированным ростом производства валового регионального продукта, что является причиной асимметричности социально-экономического развития приграничных регионов.

По нашему мнению, для повышения экономического потенциала и эффективного использования имеющихся резервов приграничных регионов республики необходимо:

- дальнейшее формирование и развитие логистических центров во всех приграничных районах республики;
- эффективное использование имеющегося потенциала и сокращение диспропорций в уровне экономического развития регионов, необходимо проработать вопросы реализации межотраслевых и межрегиональных проектов, позволяющих эффективно использовать и задействовать потенциал соседних приграничных территорий;
- для насыщения местного и межрегионального рынков товарами стройиндустрии, на которые имеется высокий спрос в условиях экономической интеграции, имеются возможности реализации перспективных проектов по эффективному использованию месторождений полезных ископаемых и глубокой переработке сырья. С учетом наличия местного сырья и ресурсов совместные производства можно организовать в приграничных районах Ташкентской, Навоийской, Кашкадарьинской областей и Республике Каракалпакстан.
- усиление региональных конкурентных позиций за счет налаживания межрегиональных экономических связей с регионами соседних стран создаст возможности обеспечения рациональных межрегиональных поставок ресурсов и материала для конечного производства товаров, формирования научно-образовательного потенциала для ускорения инновационных процессов. Так, в расширении интеграционных связей регионов Узбекистана с приграничными регионами соседних стран имеются резервы повышения экспортного потенциала машиностроения, химической и нефтехимической, легкой промышленности, в том числе за счет реализации межрегиональных и межтерриториальных проектов на основе глубокой переработки сырья.
- усиление интеграционных связей регионов внутри республики и на внешнем рынке. Такая возможность заключается в рациональных межрегиональных поставках услуг (транспортных, финансовых, информационных, сервисных и др.), что в конечном итоге отразится на снижении издержек на различные виды услуг, повышении спроса и конкурентоспособности;

– развитие приграничных экономических отношений с Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, предполагающее реализацию совместных проектов в сфере услуг, а также развитие взаимовыгодной приграничной торговли и др., особенно в Андижанской, Наманганской, Ташкентской, Джизакской, Сырдарьинской, Сурхандарьинской, Хорезмской областях и Республике Каракалпакстан.

Сергунин А.А.

д.полит.н., профессор Санкт-Петербургский государственный университет; МГИМО (У) МИД РФ

СТРАТЕГИИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Ключевые слова: корпоративная социальная и экологическая ответственность, Арктическая зона Российской Федерации, устойчивое развитие. теория.

Keywords: corporate social and environmental responsibility, Arctic Zone of the Russian Federation, sustainable development.

Введение

Хозяйственная деятельность крупных государственных и частных добывающих, обрабатывающих и транспортных компаний в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), имеющая особенно чувствительные последствия для местного населения и хрупкой окружающей среды, привлекает все большее внимание со стороны государства, общества и научных кругов. Многие эксперты считают, что внедрение принципов корпоративной социальной и экологической ответственности (КСЭО) в практику работы крупного бизнеса в АЗРФ является решением многих проблем, связанных с указанной деятельностью компаний.

Несмотря на большое количество эмпирических исследований по КСЭО в АЗРФ, появившихся в последнее время в российской и зарубежной научной литературе, не проясненными остаются многие вопросы теоретического характера. Например, не до конца изучен вопрос о применимости самой концепции КСЭО, появившейся на Западе, к условиям АЗРФ. Неясно также, насколько адекватно это понятие трактуется и используется самим бизнесом, регулирующими органами и учеными применительно к реалиям АЗРФ. При чтении публикаций по КСЭО в России в целом и АЗРФ в частности складывается впечатление, что в современной научной литературе царят терминологические разнобой и путаница. Наконец, отсутствует единый теоретический подход и к объяснению самого феномена КСЭО – его природы, причин появления, особенностей функционирования в современных условиях, вектора дальнейшего развития, типологии и пр.

В данной статье предпринята попытка анализа двух важных теоретических проблем – природы КСЭО и мотивации самих компаний, действующих в АЗРФ, развивать стратегии КСЭО.

Что такое корпоративная социальная и экологическая ответственность?

Каждая из общественных наук предлагает «свои» теоретические подходы к объяснению сути КСЭО. Так, один из исследователей данной проблемы насчитал 37 определений этого понятия². Наиболее популярными являются следующие теории:

1. В рамках экономической социологии КСЭО понимается как форма социального партнерства, возникающего как ответ со стороны бизнеса на ожидания общества, которое считает, что компании, осуществляющие хозяйственную деятельность в АЗРФ и получающие от нее существенные выгоды, имеют определенные обязательства не только перед своими работниками, но и другими людьми, населяющими данную территорию (включая коренные народности), а также отвечают за сохранность окружающей среды, которая может пострадать от этой деятельности³. Если это партнерство не складывается, то возникает почва для конфликта между компаниями, с одной стороны, и местными властями и обществом – с другой. В свою очередь, такой конфликт по большому счету невыгоден ни бизнесу, ни мест-

¹ В статье использованы материалы, полученные в ходе работы по проектам по линии стипендиальной программы Фонда Коннектикута передовых исследований Университета Хельсинки (2020 г.); ERA.Net RUS Plus/Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-55-76003; РФФИ и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция) № 20-514-22001 и PIRE (грант № 1545913 Национального научного фонда США).

² Dahlsrud A. How Corporate Social Responsibility is Defined: An Analysis of 37 Definitions // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2006. – N 15. – P. 1–13.

³ Дохолян С.Б. Экологическая ответственность нефтегазовых компаний в Арктике // Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем. Материалы XII международной научной конференции. – М.: Издательство Московского университета им. С.Ю. Витте, 2016. – С. 107–115; Forbes B.C. Equity, Vulnerability and Resilience in Social–Ecological Systems: Contemporary Example from the Russian Arctic // Research in Social Problems and Public Policy. 2008. – N 15. – P. 203–236; Kumpula T., Pajunen A., Kaarlejärvi E.M., Forbes B.C., Stammli F. Land Use and Land Cover Change in Arctic Russia: Ecological and Social Implications of Industrial Development // Global Environmental Change. 2011. – Vol. 21, N 2. – P. 550–562.

ным акторам. Выгоды социального партнерства очевидны, и потому компании, действующие в АЗРФ, стараются развивать адекватные стратегии КСЭО в данном регионе.

Родственной является теория, рассматривающая КСЭО как способ совместного использования/распределения выгод (benefit-sharing)¹. Согласно этой теории, компании, извлекающие выгоду из своей хозяйственной деятельности на той или иной территории (в нашем случае – АЗРФ), не могут присваивать эту выгоду только себе. Если они хотят и дальше продолжать свою деятельность в этом регионе на стабильной основе, они должны делиться полученной выгодой с местным населением и заботиться о повышении комфортности его жизненной среды, включая благоприятную социальную и экологическую обстановку.

2. В социологии и политологии получила распространение также теория корпораций как «добропорядочных граждан» (good citizens) общества². В соответствии с этой теорией каждая социальная группа выполняет в обществе свою функцию. Для того, чтобы общество нормально развивалось, каждый социальный актор (включая бизнес) должен добросовестно выполнять свои функции. Соответственно, компании, действующие в АЗРФ, обязаны не только развивать экономику края, но и заботиться о благосостоянии местного населения и сохранении природного богатства российского Севера.

Современные разновидности этой теории считают, что КСЭО логично вытекает из корпоративной этики, роль которой возрастает в нынешних условиях. По мнению сторонников «этического подхода» к объяснению феномена КСЭО, для современного («цивилизованного») бизнеса характерна не только «погоня за чистоганом», но и понимание того, что он несет определенные моральные обязательства перед другими членами общества³.

Теория «добропорядочного гражданина» стала особенно популярной в общественных науках в связи с тем, что в условиях, когда наблюдается глобальный кризис государства как источника и гаранта социальных благ (концепция «государства всеобщего благоденствия»), кто-то должен взять на себя часть социальных функций государства и обеспечить поступательное развитие общества⁴. Сторонники указанной теории считают, что современный бизнес «дозрел» для выполнения этой ответственной роли. Адепты этой теории, конечно же, понимают, что она не совсем применима к нынешним российским реалиям, но считают, что отечественный бизнес должен стремиться к достижению высоких международных социальных, экологических и этических стандартов в данной области⁵.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей считает, что развитие российским бизнесом качественных и эффективных стратегий КСЭО является важным инструментом реформирования российских социально-экономической, политической и правовой систем на основе демократических и рыночных принципов⁶. Принятие компаниями на себя роли «добропорядочных граждан» способствует изживанию таких негативных явлений, как коррупция, фиктивные тендеры, «черная» и «серая» экономика, непрозрачность корпоративных и властных решений, неучастие институтов гражданского общества в выработке этих решений, игнорирование социальных и экологических аспектов промышленных и инфраструктурных проектов в АЗРФ и т.д.

3. В рамках ряда экономических наук (в частности, корпоративного менеджмента) получила распространение целая совокупность теорий, объясняющих КСЭО бизнес- или управленческой логикой. Так, некоторые исследователи предлагают считать непосредственным и важным участником (stakeholder) принятия корпоративных решений не только менеджмент, акционеров и работников той или иной компании, но и ту социальную среду, в которой она оперирует, т.е. местные и региональные власти, институты гражданского общества, особо уязвимые группы населения, СМИ и пр.⁷ Если компания будет принимать во внимание интересы этих неформальных «акционеров», то повысится качество принимаемых ею решений, снизится вероятность конфликтов с местным населением и властью, и в целом условия для продолжения ее бизнеса станут более благоприятными.

¹ Дохолян С.Б. Указ. соч.; Henry L.A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M. Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism // *Europe-Asia Studies*. 2016. – Vol. 68, N 8. – P. 1340–1368; Kelman I., Loe J., Rowe E.W., Wilson E., Poussenkova N., Nikitina E., Fjærtøft D.B. Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region // *Arctic Review on Law and Politics*. 2016. – Vol. 7, N 2. – P. 152–178; Tysiachniouk M., Henry L.A., Lamers M., van Tatenhove J. Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic // *Society & Natural Resources*. 2018. – Vol. 31, N 5. – P. 556–579.

² Henry L.A. et al. Op. cit.; Matten D., Crane A. Corporate Citizenship: Towards an Extended Theoretical Conceptualization. – Nottingham: International Center for Corporate Social Responsibility, 2003.

³ Freeman R.E. Stakeholder Theory of the Modern Corporation // *Ethical Issues in Business* / Ed. by T. Donaldson, P.H. Werhane, M. Cording. – Upper Saddle River (N.J.): Prentice Hall, 2004. – P. 38–49; Kumpula T. et al. Op. cit.

⁴ Henry L.A. et al. Op. cit.; Kumpula T. et al. Op. cit.

⁵ Дохолян С.Б. Указ. соч.; Henry L.A. et al. Op. cit.; Tynkkynen V.-P., Hitztaler S. What Do ISO Indicators Tell Us about Corporate Social Responsibility and Sustainability in Cities of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia? // *Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities* / Ed. by R. W. Orttung. – New York; Oxford: Berghahn Books, 2020; Tysiachniouk M. et al. Op. cit.

⁶ Дохолян С.Б. Указ. соч.; Шварц Е.А., Книжников А.Ю., Пахалов А.М., Шерешева М.Ю. Оценка экологической ответственности нефтегазовых компаний, действующих в России: рейтинговый подход // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2015. – № 5. – С. 46–67; Shvarts E., Pakhalov A., Knizhnikov A., Ametistova L. Environmental rating of oil and gas companies in Russia: How assessment affects environmental transparency and performance business // *Strategy and the Environment*. 2018. – November. – P. 1–16; Tynkkynen V.-P., Hitztaler S. Op. cit.; Tysiachniouk M. et al. Op. cit.

⁷ Шварц Е.А. Указ. соч.; Freeman R.E. Op. cit.; Stammler F., Peskov V. Building a «Culture of Dialogue» among Stakeholders in North-West Russian Oil Extraction // *Europe-Asia Studies*. 2008. – Vol. 60, N 5. – P. 831–849; Tynkkynen V.-P., Hitztaler S. Op. cit.

Родственной является теория, считающая КСЭО частью стратегии управления корпоративными рисками¹. Чем больше у компании каналов взаимодействия с местными властями и сообществами, тем меньше риски, связанные с неопределенностью социальной и институциональной среды, и тем больше бизнес чувствует себя безопасно в этом окружении.

Сходной является теория, которая рассматривает КСЭО как неотъемлемую часть корпоративной стратегии повышения конкурентоспособности². Согласно этой теории, компания, проявляющая заботу о местном населении и состоянии окружающей среды, более привлекательна как партнер для властей всех уровней и других компаний и потому имеет больше шансов на успех при получении выгодных контрактов или продвижении своих продукции и услуг на рынке АЗРФ.

4. Наконец, свое понимание КСЭО предлагает междисциплинарная по своей природе концепция устойчивого развития (sustainable development concept), одобренная на официальном уровне как международными организациями (прежде всего, ООН и ее специализированными учреждениями), так и национальными правительствами, включая Россию. Как известно, эта концепция предполагает гармонизацию экономического, социального и экологического компонентов развития, что, в свою очередь, подразумевает наличие у всех социальных акторов ответственности за свои действия в этих трех сферах. С точки зрения этой теории, КСЭО видится естественной обязанностью бизнеса по обеспечению устойчивого развития АЗРФ³. По аналогии с предпринимателями другие участники арктической деятельности (индивиды, социальные группы, институты, организации) также должны вносить свой вклад в достижение этой цели – разумеется, в меру своих способностей и возможностей.

Мотивация крупного бизнеса

Специалисты в области КСЭО выделяют три основные группы мотивов, которые подталкивают бизнес всерьез относиться к этой части своей корпоративной стратегии.

Во-первых, это соображения, продиктованные условиями современного рынка, когда от компаний – прежде всего, их инвесторы и партнеры – требуют большей прозрачности в их работе и взаимодействия с той средой, в которой эти компании работают. Чем больше та или иная компания демонстрирует свою открытость и внимание к социальным и экологическим аспектам своей деятельности, тем выше ее конкурентоспособность и меньше риски на местных и глобальных рынках.

Кроме того, на современных рынках достаточный уровень прозрачности компании и наличие у нее эффективных стратегий КСЭО являются основой доверия со стороны рынков капитала и условием доступа к более «длинным и дешевым» финансовым ресурсам⁴. Соответственно, раскрытие информации в сфере КСЭО выступает не в качестве дополнительной повинности, навязываемой бизнесу, а в качестве инструмента повышения конкурентоспособности и финансовой стабильности компаний.

В связи с этим многие компании, действующие на «экологически и социально чувствительных» рынках, к которым относятся и АЗРФ, часто используют в качестве конкурентного преимущества добровольные механизмы и стандарты КСЭО⁵.

Наиболее известным добровольным международным стандартом нефинансовой отчетности является «Руководство по отчетности в области устойчивого развития», разработанное еще в конце 1990-х гг. и регулярно обновляемое неправительственной организацией «Глобальная инициатива по отчетности» (Global Reporting Initiative, GRI) при участии представителей делового, экспертного и финансового сообществ. Руководство включает принципы, стандарты и рекомендации по внедрению отчетности в области устойчивого развития. Хотя и не сразу, российские компании начали добровольно публиковать отчеты по методике GRI. Например, государственная компания «Зарубежнефть» в 2013 г. впервые опубликовала отчет об устойчивом развитии, подготовленный с учетом требований GRI. С тех пор эта практика постепенно становится общепринятой.

Помощь компаниям, действующим в АЗРФ, в улучшении их положительного имиджа и, соответственно, повышении конкурентоспособности призваны оказывать многочисленные рейтинги КСЭО, составляемые различными негосударственными организациями. Первым таким опытом был экологический рейтинг нефтегазовых компаний, действующих в России, составленный в 2014 г. WWF (Всемирный фонд дикой природы) России и консультационной группой «Креон» при участии «Национального рейтингового агентства»⁶. Рейтинг разрабатывался в качестве инструмента оценки корпоративных рисков на основе объективного сравнения и анализа экологической ответственности компаний, а также качества и зрелости их менеджмента. Целью рейтинга было создание негосударственного механизма сравнительной оценки экологической ответственности компаний нефтегазового сектора для стимулирования повышения эффективности использования углеводородных ресурсов, защиты окружающей среды и ведения социально

¹ Henry L.A. et al. Op. cit.; Tynkkynen V.-P., Hitztaler S. Op. cit.

² Дохолян С.Б. Указ. соч.; Шварц Е.А. Указ. соч.; Shvarts E. et al. Op. cit.

³ Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Государственный приоритет – устойчивое развитие Российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2017. – № 3 (348). – С. 416–430; Forbes B.C. Op. cit.; Tynkkynen V.-P., Hitztaler S. Op. cit.

⁴ Шварц Е.А. Указ. соч.

⁵ Шварц Е.А. Указ. соч.; Shvarts E. et al. Op. cit.

⁶ Рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний России. – М.: WWF России, Креон, Национальное рейтинговое агентство, 2014.

ответственного бизнеса в России. Задачей рейтинга было получение объективной и сопоставимой информации об уровне экологической ответственности компаний нефтегазового сектора, действующих в России, и масштабе воздействий их деятельности на окружающую среду. Такая информация может представлять существенный интерес и для потребителей продукции нефтегазовых компаний, и для инвесторов и кредитных организаций.

Из последних рейтингов, отражающих КСЭО в АЗРФ, стоит упомянуть «Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в Российской Арктике», ведущийся с 2018 г. Проектным офисом развития Арктики (ПОРА) совместно с кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова¹. В рейтинге достаточно полно отражается деятельность крупнейших российских компаний различного профиля в области КСЭО в АЗРФ. С одной стороны, он демонстрирует стремление крупного бизнеса быть максимально прозрачным в своей работе в северных регионах, а с другой – использовать этот рейтинг для формирования своего позитивного имиджа и повышения конкурентоспособности на рынке АЗРФ.

Второй подход к объяснению мотивов, побуждающих компании развивать свои стратегии КСЭО в АЗРФ, основывается на теории легитимности (*legitimacy theory*), в рамках которой наличие у компании ясной политики в области КСЭО рассматривается как способ узаконить деятельность компании в той или иной сфере, получить своего рода «социальную лицензию» и устранить имеющиеся или потенциальные барьеры на ее пути². В принципе этот подход не отрицает и значимость рыночных факторов в мотивации бизнеса, т.к., в конечном счете, легитимация деятельности компании в том или ином регионе также работает на повышение ее конкурентоспособности и снижение рыночных рисков.

Наконец, третий подход опирается на так называемую теорию политических издержек (*political cost theory*), которая рассматривает принятие бизнесом на себя добровольных социальных и экологических обязательств как превентивную меру, позволяющую снизить вероятность введения государством некомфортных для компаний норм и правил³. Ряд исследователей считает, что в случае с деятельностью компаний в АЗРФ КСЭО – это наследие советских времен, когда государство возлагало на предприятия (многие из которых играли градообразующую роль) множество социальных функций. Ныне государство также неспособно в одиночку справиться с многочисленными социальными и экологическими проблемами Крайнего Севера и потому стремится переложить на плечи бизнеса часть этого бремени. По этой причине некоторые ученые предпочитают называть нынешнюю стратегию КСЭО в АЗРФ «неопатерналистской»: она по-прежнему направлена «сверху вниз», население воспринимается в качестве пассивного объекта, а не активного субъекта политики⁴.

* * *

Отметим в заключение, что в ходе исследования КСЭО в АЗРФ вряд ли стоит стремиться к поиску единой, всеобъясняющей теории. В зависимости от общественной дисциплины, в рамках которой выполняется подобное исследование, более полезной может оказаться какая-то одна теория, что не ставит под сомнение эвристическую ценность других теорий, используемых в других науках. Вместе с тем, при проведении этих исследований стоит всегда стремиться к четкости теоретико-методологических подходов, стройности понятийного аппарата и недопущению мировоззренческой эклектики.

¹ Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в Российской Арктике. – М.: Проектный офис развития Арктики, 2018.

² Шварц Е.А. Указ. соч.; Henry L.A. et al. Op. cit.; Tysiachniouk M. et al. Op. cit.

³ Дохолян С.Б. Указ. соч.; Шварц Е.А. Указ. соч.

⁴ Henry L.A. et al. Op. cit.; Tysiachniouk M. et al. Op. cit.

Скоробогачева Е.А.

доктор искусствоведения, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

***Ключевые слова:** культурное наследие Русского Севера, фактор устойчивого развития, региональная специфика, сохранение древних традиций, памятники культуры, статус объектов общемирового историко-культурного наследия, реалии периода пандемии, реставрация и консервация памятников культуры, практические меры сохранения северного культурного наследия, реализация программ внутреннего туризма.*

Русский Север является особой художественной, культурно-исторической, религиозно-философской общностью, таящей в себе истоки национальной духовности. Понятие «Русский Север»¹ включает в себя единое духовное пространство, которое составляют устои мировоззрения народа во всем разнообразии его проявлений. Обращение к исконным духовным традициям содействует укреплению самосознания нашего народа, сохранения национальных ценностей, значение чего сложно преувеличить в современном мире.

В настоящее время исключительно актуально обращение к культурному наследию северного края как к фактору его устойчивого регионального развития. Культуру Русского Севера со времен Древней Руси и в наши дни отличается особый самобытный характер, основанный на сохранении и интерпретации исконных традиций. В бревенчатых церквях, древних обителях, образцах иконописания и фресковых росписях, в многообразии промыслов, без произведений которых не полно убранство изб, выражена религиозно-философская, художественно-духовная суть края, его вневременное содержание.

Отметим, что в регионоведении исследование культуры и истории Русского Севера занимает достойное место. К традициям северных земель обращаются авторы самых разных сфер науки и творчества (В.И. Белов, В.Г. Брюсова, И.В. Власова, Т.А. Воронина, И.С. Глазунов, И.Э. Грабарь, В.Н. Лазарев, Т.А. Листова, Д.С. Лихачев, Н.А. Макаров, Л.А. Миловидов, М.А. Некрасова, А.В. и Е.А. Ополовниковы, И.С. Слепцова, Е.М. Юхименко, протоиерей А. Яковлев и др.), но они и в настоящее время исследованы недостаточно, при том, что научные труды в данной области, несомненно, перспективны. Северные, а по сути, общерусские художественные истоки, сохраненные на Русском Севере, в наши дни становятся одним из импульсов продолжения традиций отечественной культуры, духовной жизни, важной основой национального мировоззрения.

Русский Север нуждается в научной оценке роли его традиций в формировании самобытности и эволюции культуры России, поэтому важны исследования, связанные с выявлением, сохранением, возрождением культурного своеобразия окраинных земель. Актуально расширение контекста междисциплинарных исследований как профессионального, так и народного искусства Русского Севера, включая памятники храмового и монастырского зодчества Севера и пограничья; иконографию северных писем; медное литье и искусство скульптуры, весь спектр фольклорных обычаев. Исследование духовно-художественного звучания северных мотивов и образов пограничья Русского Севера важно на фоне осмысления специфики выражения национальной тематики в современной отечественной культуре. Также необходимо обоснование роли традиций окраинных земель в сложении и развитии неорусского стиля рубежа XIX–XX вв., художественных течений XX в. и внедрения их достижений в культуру начала XXI столетия.

Актуальность изучения традиций северного края также возрастает благодаря тому, что до сих пор за пределами исследований находятся и некоторые характерные северные промыслы и отдельные образцы искусства, созданные под доминирующим северным воздействием, недостаточно изучена и их роль в становлении самобытности русской культуры. Особенно значимо не терпящее отлагательств эмпирическое изучение произведений, поскольку остается все меньше частиц исконного творчества, уходят из жизни мастера, продолжающие старинные промыслы, под воздействием времени, а нередко недопустимого пренебрежения гибнут подлинные образцы культуры.

Значение Русского Севера, как сложно структурированного духовно-художественного пространства, в эволюции отечественной культуры заключается в сохранении, аккумулировании древнейших традиций Киевской и Новгородской Руси, Древнерусского государства в целом, в интерпретированном распространении этих традиций по территориям нашей страны в хронологических рамках с XVI столетия по начало XXI века. Северные образцы культуры, произведения изобразительного искусства следует определить как характерные компоненты отечественной культуры. Художественный язык памятников окраинных земель неизменно сопряжен с национальными традициями нашей страны. Характеристики произведений Севера, а также их специфика, восходящая к претворению древних духовно-художественных основ, образуют тот конструктивный потенциал, который и ныне интерпретируется как в профес-

¹ Понятия «Русский Север», «Север», «северный край», «окраинные земли», «земля северян» применяются в статье как синонимичные.

сиональном (индивидуальном), так и в народном (коллективном) творчестве, что в немалой степени способствует развитию самобытной культуры России, национального самосознания.

Отсюда делаем заключение об исключительной актуальности внедрения теоретических системных подходов к исследованию процессов сохранения, интерпретации традиций Русского Севера, их взаимодействия в культурной, духовной, социальной, экономической сферах, а также их практической реализации. Именно осуществление полученных заключений на практике вызывает наибольшие сложности и, вместе с тем, особенно значимо.

Президент Российской Федерации В.В. Путин регулярно подчеркивает экономическое значение Русского Севера и его пограничья. В частности, особенно важное значение придается Северному морскому пути, который должен стать в отношении арктических и дальневосточных просторов ключом к их развитию. При этом к 2025 году северный грузопоток предполагается увеличить в десять раз, до 80 миллионов тонн. В таком случае обозначенный морской путь может быть обоснованно назван «глобальной, конкурентной транспортной артерией»¹.

В.В. Путин уделяет особое внимание экологическим проблемам Севера. Так, в своем выступлении 9 апреля 2019 года на международном форуме «Арктика – территория диалога» Президент Российской Федерации, в частности, заявил: «Вот уже несколько лет мы ведем так называемую генеральную уборку арктических территорий. Начиная с 2012 года вывезено и утилизировано более 80 тысяч тонн отходов. В ближайшие годы в рамках федерального проекта “Чистая страна” будет ликвидировано шесть крупных объектов накопленного экологического вреда в Архангельской, Мурманской областях, Ненецком автономном округе, Карелии и Якутии»².

26 октября 2020 г. В.В. Путиным была утверждена Стратегия развития Арктической зоны России до 2035 года, в которой сделан акцент на политическом и экономическом аспектах. Констатируется, что «Арктическая зона обеспечивает добычу более 80 процентов горючего природного газа и 17 процентов нефти (включая газовый конденсат) в Российской Федерации.., континентальный шельф РФ в Арктике, по оценкам экспертов, содержит более 85,1 трлн. куб. метров горючего природного газа, 17,3 млрд. тонн нефти (включая газовый конденсат) и является стратегическим резервом развития минерально-сырьевой базы РФ»³. Также Президент подчеркнул политический аспект обозначенных вопросов, сказав, что в Арктической зоне расположены объекты стратегических сил сдерживания с целью недопущения агрессии против нашей страны и ее союзников⁴. В своем выступлении, что особенно важно в контексте настоящего доклада, Президент РФ отметил: «в Арктической зоне проживает 19 малочисленных народов, располагаются объекты их историко-культурного наследия, имеющие историческую и культурную ценность общемирового значения»⁵. Подчеркнем, что приведенное заключение приложимо ко всей территории Русского Севера и пограничья края. Объекты историко-культурного общемирового значения на северных землях по ряду причин в настоящее время требуют по отношению к себе самого пристального внимания со стороны государства и общественности. Одной из главных причин является необходимость сохранения, а часто и незамедлительного спасения наследия края.

Итак, значимые проблемы сопряжены именно со сферой культуры Севера, с сохранением памятников и произведений искусства, их реализацией в устойчивом региональном развитии в качестве музейных, туристических объектов. Остро стоит проблема реставрации памятников деревянного храмового зодчества, а также произведений живописного и декоративно-прикладного искусства, образующих внутреннее убранство церквей (произведения иконописи, монументальной стенописи, как например, подвесные «небеса», образцы росписи и резьбы по дереву, литья иковки металлов, деревянной скульптуры и др.). В настоящее время их консервация и реставрация проводится, как правило, только общественными организациями в недостаточных масштабах, что не позволяет спасти от гибели многие уникальные объекты северного края.

Примером может служить общественная деятельность в рамках проекта «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера» под руководством протоиерея Алексея Яковлева, в результате которой с 2006 года удалось восстановить десятки памятников зодчества в Архангельской, Вологодской областях, республиках Карелии и Коми. Уникальные храмовые постройки, возведенные несколько веков назад, и ныне остаются на окраинных землях. В XX веке сотни таких храмов были уничтожены: сожжены, раскаты по бревнам, использованы не по назначению, оставлены в запустении.

В настоящее время проект «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера» осуществляется по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. За 14 лет его участниками были достигнуты ощутимые результаты:

- предпринято 370 экспедиций,
- исследовано 360 храмов и часовен,
- в 153 объектах проведены восстановительные работы.

Среди памятников, отреставрированных в рамках обозначенного проекта, следует назвать церковь Серафима Саровского в деревне Кукшегоры Республики Карелия, часовню Покрова Пресвятой Богородицы в урочище Чеково Онежского района Архангельской области, храм Георгия Победоносца Вытегорского района Вологодской области и многие другие.

¹ Ежегодное Послание Федеральному Собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина 01.03.2018 г. – <http://www.minvtr.gov.ru/press-center/news/13141/>

² Путин В.В. Выступление на международном форуме «Арктика – территория диалога». – <http://www.lenta.ru/articles/2019/04/09/putinarctica/>

³ <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf>

⁴ <http://www.tass.ru/Политика/9821455>

⁵ Там же.

Однако, подобный впечатляющий опыт работы общественного объединения единичен, деятельность связана с частными инициативами, зависит от размеров пожертвований и потому не может приобрести широкомасштабного характера, по объективным причинам не позволяет достичь желаемых результатов по спасению уникального культурного наследия Русского Севера.

Деятельность проекта «Общее Дело» в последние годы неоднократно освещалась научной общественностью: с 2014 по 2018 год на научно-практических ежегодных конференциях «Возрождение деревянных храмов Русского Севера», в 2019 году на научной международной конференции Российской академии живописи, ваяния и зодчества и Государственного научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева «Духовные смыслы национальной культуры России: ретроспекция, современность, перспективы».

Сущность проблем, затрагиваемых в настоящем докладе, близка тематике ряда научных и научно-практических конференций, круглых столов, регулярно проводимых в организациях РФ, среди них – Российская Академия наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Академия художеств, Санкт-Петербургская академия художеств имени И.Е. Репина, Государственный научно-исследовательский институт природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева, Российский институт истории искусства, Союз художников России и др. Затронутая проблематика изучается в диссертационных исследованиях, раскрывается в издаваемых в настоящее время научных и научно-популярных монографиях, альманахах, журналах, телевизионных репортажах, но, как правило, не находит практических решений.

Реалии сегодняшнего дня, с новыми глобальными вызовами человечеству, прежде всего, связанными с пандемией коронавирусной инфекции 2019–2020 годов и ее социально-экономическими последствиями, не располагают к решению обозначенных проблем. Отчасти происходит некая вынужденная «переоценка ценностей», задачи развития культуры при этом, казалось бы, теряют актуальность, отступают на дальний план. Напротив, неизбежно акцентируются вопросы, связанные со здравоохранением, с преодолением негативных экономических, социальных, демографических тенденций.

Осознавая мировой масштаб и исключительную остроту продиктованных пандемией проблем, их общечеловеческий характер, все же нельзя не отметить необходимость обращения к сфере культуры в новых реалиях, в том числе в отношении проблем сохранения культурного наследия Русского Севера, также важен поиск новых путей их решений. В связи с вышеизложенным предлагаем ряд необходимых мер, которые позволят сохранить объекты историко-культурного наследия Севера (образцы архитектуры, а также произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, входящие в архитектурное пространство), придать им статус фактора устойчивого регионального развития северного края. Для этого необходимо:

1. Выделение государственного финансирования на программу «Спасение историко-культурного наследия Русского Севера».

2. Плановое и последовательное проведение работ по консервации и реставрации памятников компетентными специалистами с привлечением сил и учетом результатов деятельности в данном направлении общественных объединений.

3. Наделение отреставрированных памятников статусом объектов исторического либо культурного наследия.

4. Разработка и реализация мер по включению данных памятников в конкретные туристические, образовательные, научно-просветительские программы. При этом следует отметить, что период пандемии 2019–2020 гг. усилил востребованность внутреннего отечественного туризма, что получило государственную поддержку, повысило актуальность развития туризма в северном регионе.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что обращение к исконным традициям, к святыням Руси, к извечным основам ее духовной жизни было значимо для нашего народа всегда, и, быть может, особенно важно в «переломные» исторические периоды, один из которых Россия переживает в настоящее время.

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Ежегодник

Выпуск 4

Часть 1

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Подписано на выход в свет – 15/II – 2021 г.
Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 82,6